

ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ОБРАЗОВАНИЯ
ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. П. Г. ДЕМИДОВА

А. В. КАРПОВ
А. А. КАРПОВ

СТРУКТУРА
МЕТАКОГНИТИВНОЙ РЕГУЛЯЦИИ
ИНФОРМАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Ярославль
ЯрГУ
2022

Рецензенты:

В. Д. Шадриков – доктор психологических наук, профессор, академик РАО;
А. Н. Занковский – доктор психологических наук, профессор

Карпов, Анатолий Викторович, Карпов, Александр Анатольевич.

К26 Структура метакогнитивной регуляции информационной деятельности : монография / А. В. Карпов, А. А. Карпов. – Ярославль : Филлигрань, 2022. – 816 с. – ISBN 978-5-6048593-7-7.

Представлены методологические, теоретические и эмпирические материалы, направленные на раскрытие структуры и содержания метакогнитивной регуляции деятельности субъектно-информационного класса. Обоснована необходимость его дифференциации как особого и качественно специфического по отношению к двум традиционно выделяемым классам деятельности – субъект-объектному и субъект-субъектному. Сформулирован и реализован новый методологический подход к его исследованию – метасистемный. Представлен подробный психологический анализ наиболее репрезентативного представителя данного класса – деятельности специалистов ИТ-сферы.

Предложено новое решение ключевой проблемы структурной организации метакогнитивной регуляции информационной деятельности. Сформулировано и реализовано положение, согласно которому в основе этой регуляции лежит интегративное образование, построенное на основе структурно-уровневого принципа – метакогнитивная сфера личности. Установлен и раскрыт состав основных уровней ее организации; выявлены и проинтерпретированы базовые закономерности ее организации. Выявлен и раскрыт компонентный состав основных подсистем метакогнитивного плана, образующих содержание и структуру метакогнитивной сферы как интегрального регулятора деятельности.

Представлен методологический анализ базового общенаучного понятия структуры; сформулированы новые теоретические представления о специфике его гносеологической экспликации по отношению к психологической проблематике. Дана развернутая характеристика специального направления исследования информационной деятельности – феноменологического. Установлена и охарактеризована совокупность новых феноменов метакогнитивного плана, выступающих по отношению к этой деятельности в качестве важных регулятивных средств реализации.

На основе всей совокупности полученных в работе результатов теоретико-методологического, эмпирико-экспериментального и профессиографического плана предложена совокупность новых методик исследования информационной деятельности. Представлена процедура разработки комплексного опросника метакогнитивного потенциала (КОМП) как методического средства исследования информационной деятельности.

Книга адресована психологам, а также представителям смежных областей, в которых исследуется фундаментальная междисциплинарная проблема деятельности.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке
Российского научного фонда (РНФ), № проекта 21-18-00039*

УДК 159.9
ББК 88

© А. В. Карпов, А. А. Карпов, 2022
© Российской академии образования (РАО), 2022
© ЯрГУ, 2022

Введение

Замысел этой книги обусловлен комплексом обстоятельств принципиального плана. Все они, в конечном счете, сопряжены с общими тенденциями развития ряда значимых теоретических проблем психологии, а также с актуальными прикладными проблемами, порожденными эволюцией основных видов и классов профессиональной деятельности. Так, во-первых, одной из главных и в известной степени – определяющей среди них являются те кардинальные трансформации, которые разворачиваются именно в сфере эволюции «мира деятельности» – в собственно *профессиональной* сфере. Они связаны с бурной экспансией IT-технологий, с распространением видов и типов деятельности, которые базируются на них и реализуются посредством компьютерной техники. Речь при этом идет, по существу, о возникновении и развитии принципиально нового класса деятельности – *субъектно-информационного*, о приоритетной эволюции собственно информационной деятельности, а также о том, что многие иные типы и виды деятельности перестраиваются в направлении конвергенции и синтеза с ним. По существующим сегодня экспертным оценкам, уже сейчас более 60 % всех видов и типов профессиональной деятельности либо полностью базируются на IT-технологиях, либо включают их как основное средство своей реализации. Все это выступает проявлением одной из основных черт социо-экономического развития общества объективно разворачивающийся процесс эволюции и закономерной трансформации форм и видов, типов и классов профессиональной деятельности – то, что обычно обозначается понятием «филогенеза деятельности». Развертывание этой объективной по своей сути логики, собственно говоря, и привело к становлению субъектно-информационного класса деятельности. Важно и то, что именно ему принадлежит будущее; это ставит вопрос о его приоритетном изучении. Он с очевидностью находится на «острие» прогресса видов и типов профессиональной деятельности – прогресса, масштабы и темпы которого велики, а его дальнейшая эволюция составляет не только ближайшую, но и отдаленную перспективу развития профессиональной деятельности

Далее, во-вторых, это, конечно, и комплекс причин собственно *теоретического* плана, связанных, прежде всего, с тем состоянием, в котором находится в настоящее время психологическая теория де-

тельности, а также непосредственно связанные с ней области психологической проблематики. Как известно проблема деятельности имеет особый статус и так сказать привилегированное положение в психологической проблематике. Она, в отличие от целого ряда иных психологических проблем и направлений, никогда не находилась ни в опале, ни «под запретом», а наоборот – всегда выступала флагом отечественной психологии и даже ее «витриной». Кроме того, она образована широким и гетерогенным спектром исследований, включающим очень разные по направленности и ориентации разработки – методологические, теоретические, эмпирико-экспериментальные, профессиографические. Наконец, она характеризуется и очевидным своеобразием, придаваемым явной специфичностью базового конструкта данной проблемы – самой категории деятельности (ее междисциплинарным статусом, равнопринадлежностью и к целому ряду конкретных научных дисциплин, и к уровню философского исследования). Деятельность – и как категория, и как реальность нередко рассматривалась не просто как важнейшая, но и как базовая, исходная категория для построения психологии как науки. Обращаясь к не столь далекому ее прошлому, можно констатировать следующую – очень показательную ситуацию. На протяжении достаточно длительного времени и в силу, прежде всего, указанных выше ее особенностей, данная проблема занимала не просто лидирующие позиции в отечественной психологии, но и во многом олицетворяла ее. Причем, это касается ее различных аспектов и уровней – методологического, теоретического, эмпирического, экспериментального и т. д. Можно сказать и так: данная проблема выступала в качестве своего рода «локомотива» развития отечественной психологии. В силу этих причин сложилось устойчивое мнение, согласно которому она, в отличие от многих иных проблем, разработана хорошо и полно. В профессиональном сознании исследователей складывается мнение и даже своего рода «ощущение», согласно которому, что угодно, но только не психологию деятельности, можно упрекнуть в недостаточной степени развитости.

Другими словами, в силу целого ряда обстоятельств – и исторического, и методологического, и традиционного характера, по отношению к данной проблеме в научном сообществе (особенно в нашей стране) сформировалась своего рода «иллюзия благополучия». Согласно ей, не только крайне трудно, но уже и не нужно пытаться искать здесь что-то существенно новое. Более того, психологическая те-

ория деятельности (в ее традиционном варианте) обладает так сказать определенной невосприимчивостью ко многим новым и новейшим результатам (полученным, например, в русле когнитивной психологии в целом и метакогнитивизма, в частности), что уже само по себе отнюдь не свидетельствует о ее совершенстве. В действительности современная ситуация в психологии деятельности далека от благополучия; она требует не каких-либо локальных и частных – косметических доработок, а достаточно крупных корректировок и даже – трансформаций традиционной психологической теории деятельности. И лишь при этом условии она может служить адекватной основой для решения наиболее трудных и принципиальных проблем, – в особенности тех, которые связаны с раскрытием закономерностей организации наиболее сложных видов и типов деятельности – в частности, и тех, которые и составляют содержание субъектно-информационного класса.

Далее, к важным причинам собственно теоретического плана, обусловившим замысел данной книги, следует отнести и необходимость приоритетного решения задач, которые возникают при обращении к наиболее сложным и имплицитным сторонам психической регуляции деятельности – в особенности, к ее когнитивному обеспечению, взятому на высших уровнях его организации. Именно на них локализованы те процессы, которые составляют сегодня предмет исследования в современных вариантах когнитивной психологии – в особенности, в метакогнитивизме. Вместе с тем, именно в этом плане и эксплицируется еще одна весьма острая проблема, связанная с тем, что метакогнитивизм и психологическая теория деятельности разрабатываются практически автономно друг от друга. Между ними отсутствуют должные контакты, не говоря уже об их концептуальном синтезе. Имеет место достаточно явный (а часто – и намеренно культивируемый) «разрыв» когнитивной психологии в целом и метакогнитивизма, в частности, с психологической теорией деятельности, с изучением целостной деятельности, поведения. В результате такой несинтезированности двух фундаментальных направлений современной психологии страдают они оба. *Внедеятельностный* подход к метакогнитивным процессам приводит к априорно зауженным концептуальным основаниям их изучения, к обеднению и уплощению получаемых результатов. В свою очередь, недостаточный учет психологией деятельности наиболее сложных, то есть именно метакогнитивных процессов ее организации и регуляции существенно обедняет современную психологиче-

скую теорию деятельности. Часто он вообще блокирует исследование наиболее принципиальных проблем, особенно – проблемы раскрытия основных принципов структурно-функциональной организации и генетической динамики деятельности, а также проблемы выявления тех психологических механизмов, которые интегрируют структурные уровни деятельности в целостную и скоординированную иерархию. Данная ситуация, безусловно, должна быть преодолена, а обоснование необходимости и определение путей этого также обусловили одну из основных задач данной работы.

В-третьих, это и причины собственно *методологического* порядка, связанные с теми ограничениями, а нередко – и с недостаточностью эвристических возможностей, которые присущи существующим подходам к разработке психологической теории деятельности в целом и в особенности основного среди них – системного подхода. Он, как известно, на протяжении длительного времени рассматривался и реализовывался не только как основной и определяющий, но и, фактически, как императивной и «само собой разумеющийся». Вместе тем, явившись, действительно, важнейшим и очень общим средством разработки этой теории, позволившим перевести ее на новый уровень развития, он отнюдь не лишен ограничений, что, следовательно, не только позволяет, но и заставляет искать новые варианты методологии разработки теории деятельности. Причем, эти варианты должны отнюдь не «зачеркивать и отменять» его полностью, а, реализуя принцип преемственности, вступать как развивающие его – не как отрицающие, а как снимающие его, точнее его традиционные версии. При этом важно и то, что сам системный подход, явившись результатом реализации неклассической методологии, должен быть понят, соответственно, как соотносящийся с тем этапом развития научного познания, который и релевантен ей. Однако, переход к новым фазам познания – прежде всего, к постнеклассической методологии требует уже иных его вариантов, один из которых и был разработан нами ранее и получил оформление как принцип метасистемного подхода. Именно он положен в основу данной работы, а установка на его реализацию по отношению к ее основной проблематике – исследованию информационной деятельности опередила ее содержание и структуру.

Итак, можно видеть, что совокупность отмеченных выше обстоятельств – методологических, теоретических и прикладных, взятая именно в их комплексе, фактически, императивно предписывает необходи-

мость формулировки в качестве приоритетной основной *цели* данной работы. Она состоит в необходимости установления и объяснения основных закономерностей процессуальной регуляции информационной деятельности в ее реальной, системной организации – в полноте содержания и структуры. В силу этого, сама эта процессуальная регуляция должна быть раскрыта с учетом, прежде всего, наиболее сложных и комплексных видов и типов процессов – метакогнитивных и интегральных, локализованных на высших уровнях ее организации и составляющих содержание собственно произвольной, осознаваемой регуляции как таковой. Кроме того, необходимо попытаться рассмотреть ее не только дифференцированно – аспектно, но и по возможности комплексно, то есть в том целостном и не нарушенном аналитическими процедурами виде, в котором она представлена в естественных – экологически валидных условиях, в контексте целостной деятельности, то есть в ее обобщенной структуре. Иными словами, по отношению к ней должна быть реализована методология структурно-психологического исследования.

В связи с этим, эксплицируется необходимость реализации еще одного методологического требования, которое также выступило в качестве установочного положения по отношению к материалам данной работы. Это – приоритетное внимание, которое должно быть уделено по ходу всего рассмотрения понятию или даже категории *структуры*. Обычно, данное понятие, хотя, конечно, и осознается как основополагающее в гносеологическом отношении, но все же находится «в тени» другого связанного с ним понятия – системы. Вместе с тем, при ближайшем рассмотрении оказывается, что данное понятие является не только вполне «равномощным» ему, но и имеет ряд специфических, но не учитывающихся в должной мере характеристик. Так, оно занимает определяющее место в большинстве общих гносеологических подходов и конкретных познавательных процедур. Дело в том, что именно структурное исследование, а в более общем плане – и познание как таковое, согласно гносеологическим императивам, занимает срединное место в триаде базовых понятий системной методологии: компонент (часть) – структура – система (целое). Однако это же означает, что оно занимает также и *центральное* и, следовательно, определяющее место в ней. Благодаря ей система и становится целостностью.

Кроме того, это понятие должно рассматриваться как важнейшее связующее звено между двумя фундаментальными общегносеологическими подходами – *аналитическим* и *системным*. С одной сто-

роны, оно позволяет преодолеть атомистичность первого и перейти от суммативного знания, от агрегативной – аддитивной совокупности знаний к их организованной совокупности, к феномену организации как таковой. С другой стороны, оно является и столь же необходимым для того, чтобы эту организацию эксплицировать не «в целом» – абстрактно, а вполне конкретно – в аспекте как основных и наиболее мощных принципов – собственно системных, в аспекте системности как базового атрибута организации как таковой. Кроме того, понятие структуры обладает еще одной – важной особенностью. Она состоит в том, что структурное исследование – это в известном смысле вообще основной и исходный для любого познания шаг – в чем-то даже, так сказать, архетипический, связанный со стремлением познающего субъекта понять, прежде всего, «из чего состоит», «что собой представляет» – в аспекте его содержания объект познания.

В связи с этим возникает, однако, еще более имплицитный и сложный вопрос: почему, собственно говоря, это так? Почему именно структурное исследование является столь важным и критически значимым? Почему оно настолько необходимо и как оно возможно? Прочему процедура структурирования реальности и ее результат – понятие структуры так выражено и характерно для познания в целом и для раскрытия психической организации, в частности? Есть основания считать, что конечная причина этого состоит в том, что сам «орган познания» – психика также основывается на базовых механизмах и принципах структурного типа. Следовательно, она познает – отображает внешнюю, объективную реальность по своему «образу и подобию». Если бы психика не была организована на основе базовых принципов системно-структурного типа, если бы она не была структурно-организованным образованием, то, по-видимому, и способности отображения ей и в ней объективной реальности были бы не такими, какими они есть – структурными, а иными. Впрочем, это старая и традиционная проблема, суть которой можно сформулировать так. Либо психика в своей организации адекватно *отображает* совокупность качественных «измерений» объективной реальности? Либо она *порождает* эти «измерения» – именно потому, что они составляют суть и содержание ее собственных закономерностей?

В силу всего этого, именно данное понятие выступило как основополагающее для данной работы, что проявилось, прежде всего, в его конструктивности для решения одной из ее основных задач. Она

как раз и состоит в том, чтобы попытаться эксплицировать целостную – по возможности комплексную и полную, но одновременно – и структурно-организованную картину процессуально-психологической регуляции информационной деятельности, взятой в аспекте ее наиболее сложных «составляющих» – метакогнитивных и интегральных процессов психической регуляции. Это как раз и может быть достигнуто посредством обращения к понятию структуры – в данном случае структуры метакогнитивной регуляции деятельности. Именно структурная экспликация позволяет, с одной стороны, выявить полноту содержания исследуемого предмета, а с другой, – является необходимым шагом к его собственно системной, то есть концептуальной интерпретации. Именно такая установка также явилась исходной для представленного в данной работе исследования.

В связи с ней показательно и то, что именно она создала необходимые и во многом достаточные основания для обращения к решению еще одной значимой проблемы. Она, в свою очередь, является частным проявлением того, что обычно именуется как диалектика *предмета* и *метода* исследования, а ее сущность состоит в следующем. Все более полное раскрытие содержания и принципов организации – прежде всего, структурной предмета исследования, как известно, создает адекватные основания для разработки новых и все более совершенных методов его дальнейшего изучения. Эволюция взглядов о предмете – это стимул и основа для развития взглядов относительно метода его исследования. Однако именно это и выступило, с одной стороны, как еще одно положение установочного плана для данной работы, а с другой, – как ее результат. Смысл этого состоит в том, что лишь на основе достаточно полных представлений о предмете – в нашем случае о структуре метакогнитивной регуляции информационной деятельности, окажется возможной и разработка новых – существенно более обоснованных и действенных методов ее дальнейшего раскрытия. Именно это также составило одну из задач данной работы,

При характеристике общего замысла данной работы необходимо отметить еще одно обстоятельство. Дело в том, что в целом ряде наших предыдущих работ специально и достаточно развернутому изучению была подвергнута проблема, которое весьма близка к основной теме и этого исследования. В них рассматривались особенности и закономерности также метакогнитивной регуляции деятельности, но иной, нежели та, которая изучается в данной работе – *управленческой*, орга-

низационной. Данное обстоятельство представляется весьма принципиальным и потому – должно быть зафиксировано специально в силу, как минимум, следующих причин. Во-первых, даже простое – так сказать экстенсивное расширение сферы исследования дает дополнительный и важный материал для расширения эмпирико-теоретической базы изучаемой проблемы и, соответственно, позволяет повысить степень обоснованности осуществляемых выводов и получаемых результатов.

Во-вторых, поскольку в выполненных ранее исследованиях, с одной стороны, и в данной работе, с другой, предметом изучения являются различные классы деятельности, то открываются возможности и для «межклассового» анализа выявляемых закономерностей метакогнитивной регуляции деятельности. Однако это содействует развитию данной проблемы уже не «вширь» (экстенсивно), а «вглубь», то есть ее интенсификации, качественному развитию.

В-третьих, еще более имплицитным обстоятельством является то, что с позиций сравнения получаемых результатов открываются возможности и для решения одного из стратегических вопросов – обоснования правомерности самой дифференциации субъектно-информационного класса деятельности как такового, а также его сравнительной характеристики в плане соотношения с другим традиционным классом – субъект-субъектным. Причем, важно и то, что исследованию в работах [107, 109] был подвергнут не рядовой, а наиболее *репрезентативный* представитель субъект-субъектного класса – управленческая деятельность. В этой работе исследованию подлежали также наиболее репрезентативные виды, деятельности, но уже иного класса (субъектно-информационного), то есть деятельности, базирующиеся на компьютерной технике. Данное обстоятельство представляется принципиальным по той причине, что оно, по существу, содействует решению такой задачи, которая сопряжена с магистральной логикой развития самого «мира деятельностей», а также с основными тенденциями развития предмета психологии профессиональной деятельности – с вовлечением в него все новых видов и типов, а не исключено, и классов деятельности. Она же непосредственно связана и с решением аналогичного, то есть также главного вопроса, возникающего при раскрытии самого информационного класса деятельности. Это – выявление и осмысление основного в нем – его качественной определенности и качественной специфичности по отношению к уже известным вила деятельности.

В-четвертых, если учесть, что особенности метакогнитивной регуляции профессиональной деятельности были рассмотрены нами ранее также и в отношении еще одного класса деятельности – субъект-объектного, то появляются основания для вовлечения в сравнительный анализ всех основных классов деятельности, что позволяет считать саму его базу не только достаточно полной, но и, фактически, исчерпывающей.

Наконец, в-пятых, в силу указанных причин, необходимо быть готовым к тому, что по ходу исследования нам придется систематически обращаться к тем результатам, которые были получены ранее и которые, на первый взгляд, могут иметь характер дублирования по отношению к вновь получаемым данным. Речь, однако, должна идти не о такого рода «повторах», а о том, что само по себе возможное их воспроизведение может и должно рассматриваться как проявление их общности, верифицируемости, а значит – и свидетельством их правомерности и обоснованности. Одновременно выявление сходства и различий уже полученных и новых результатов выступает важным средством установления качественной специфичности метакогнитивной регуляции информационной деятельности по сравнению с деятельностями двух других классов. Поэтому по ходу всего дальнейшего изложения мы вовсе не будем стремиться к подчеркиванию различий рассматриваемых результатов по отношению к уже полученным ранее, не к доказательству их автономности и самодостаточности как признаку их оригинальности (а на самом деле – квазиоригинальности), а наоборот – к тому, чтобы показать их преемственность к уже полученным и сравнительному анализу с ними.

В качестве значимого и также – вводного положения необходимо отметить, что эта книга и тематически и методологически тесно связана с одной из наших предыдущих работ – с монографией «Методологические основы психологического анализа информационной деятельности». Она, фактически, является ее логическим продолжением и развитием тех базовых положений, которые были сформулированы в ней. Такая органичная связь обусловила необходимость по ходу всего изложения опоры на те данные, которые представлены в ней, с условием, разумеется, их развития и углубления.

В композиционном плане книга состоит из пяти глав. В первой главе рассматривается общая логика становления субъектно-информационного класса деятельности, а также анализируются его специ-

фические психологические особенности, которые конституируют его именно как особый – третий основной класс деятельности (наряду с субъект-объектным и субъект-субъектным). Во второй главе специально анализируется понятие структуры и в его философском плане, и в его конкретно-научном – психологическом отношении, а также то, каким образом оно может быть эксплицировано по отношению к разработке психологической теории деятельности. Здесь же формулируется методологический подход к его реализации по отношению к психологической проблематике в целом, базирующийся на сформулированном ранее принципе метсистемности. В третьей главе рассматриваются общие особенности и закономерности структурной организации той системы, в отношении которой и реализуется сама процессуально-психологическая регуляция в целом – системы деятельности в целом и информационной деятельности, в особенности. Кроме того, здесь же реализовано и исследование содержания и структурной организации самой метакогнитивной регуляции. В четвертой главе, являющейся основной во всей книге, формулируются представления о комплексном средстве процессуального обеспечения информационной деятельности, обозначенным понятием *метакогнитивной сферы личности* как ее интегральном регуляторе. В пятой главе рассматриваются собственно методические вопросы исследования этой деятельности; в ней представлена процедура разработки новой методики исследования метакогнитивной сферы личности в информационной деятельности – «Комплексного опросника метакогнитивного потенциала» (КОМП), а также некоторых иных методик этого плана.

В заключение необходимо отметить, что эта работа выполнена в рамках проекта «Структура и содержание метакогнитивной регуляции деятельности субъектно-информационного класса» Российского научного фонда, в адрес которого мы выражаем благодарность. С благодарностью следует отметить и членов рабочей группы, реализующих данный проект, – М. В. Башкина, А. В. Волченкову, А. И. Калачеву, А. А. Карпова, Т. А. Корнееву, Е. В. Маркову, Ю. В. Филиппову, А. В. Чемякину. Выражаю также благодарность А. И. Русакову за неизменную и действенную поддержку целого ряда наших исследовательских проектов, в том числе и этой монографии.

Глава 1

Информационная деятельность как предмет психологического исследования

1.1. Логика становления субъектно-информационного класса деятельности

Одна из основных черт социо-экономического развития общества состоит в объективно развертывающемся процессе эволюции форм и видов, типов и классов профессиональной деятельности. Эти закономерные трансформации мира профессий обозначается понятием «филогенеза деятельности»; они привели на современном этапе развития к становлению нового класса деятельности – субъектно-информационного. Именно ему принадлежит будущее, что ставит вопрос о его приоритетном изучении, а также о синтезе представлений о нем с психологической теорией деятельности. Он с очевидностью находится на «острие» прогресса видов и типов профессиональной деятельности – прогресса, масштабы и темпы которого не только велики, но и зачастую даже непредсказуемы. Его дальнейшая эволюция составляет не только ближайшую, но и отдаленную перспективу развития профессиональной деятельности, причем, выраженную настолько, что в ряде случаев представления о ней вообще сводятся к постепенному вытеснению всех иных разновидностей профессиональной деятельности этим классом.

Наряду с этим, его приоритетное изучение должно, на наш взгляд, осуществляться при учете основных тенденций – своего рода магистральной логики, которой характеризуется общая эволюция представлений в психологической теории деятельности, а также в психологии труда и организационной психологии в целом. В этом плане очень показательным является переход от доминирования в общественном разделении труда субъект-объектных видов деятельности к преобладанию субъект-субъектных видов, а также смена их роли и места. В состав второго класса входят такие виды профессиональной деятельности, как управленческая и организационная, образовательная, сервисная, врачебная, политическая и др. Эволюция двух традиционно дифференцируемых классов, а также постепенное и неуклонное изменение их приоритетов в структуре разделения труда – это и есть объективная по природе и магистральная по масштабу тен-

денция изменения мира профессий. Такая трансформация основных классов профессиональной деятельности вполне закономерна; она находит отражение и в логике изменения представлений о самом предмете исследований психологии труда.

Вместе с тем, разрывание этой объективной по своей сути логики нельзя считать завершенным: такая точка зрения является и недостаточно обоснованной, и не доказанной, и даже отчасти наивной. Придерживаться ее – означает приуменьшать реальную сложность эволюции форм трудовой деятельности, ограничивать диапазон их прогресса и, фактически, во многом закрывать возможность продуктивного и углубленного исследования все новых ее типов и разновидностей, а возможно, и классов. В связи с этим, встает вопрос о его приоритетном изучении, а также о синтезе представлений о нем с традиционно сложившимися представлениями и о разработке в итоге основе обобщающей психологической теории деятельности. Она должна синтезировать в себе представления как о субъект-объектном и субъект-субъектном классах, так и о субъектно-информационном классе.

Очень показательно, что именно это обстоятельство находит все более зримое и многоплановое подтверждение в ряде современных подходов к разработке профессионально-деятельностной проблематики и, в частности, в целом ряде выполненных нами исследований [118, 120, 126]. В них было обосновано положение, согласно которому эта – достаточно простая дифференциация огромного многообразия деятельностей («мира деятельностей») всего на два класса является упрощенной и недопустимо симплифицированной, не отражающей всего их реального многообразия. Она должна рассматриваться только как первая, но именно поэтому – лишь *исходная*, начальная ступень развития представлений об иных, также качественно своеобразных классах деятельности. Все это тем более актуально что «мир деятельностей» динамичен, а мера этой динамичности, постоянно возрастающая, в настоящее время достаточно велика. Она характеризуется перманентным возникновением принципиально новых видов деятельности и способов ее организации, не говоря уже о еще более быстром прогрессе их технологической составляющей. Специальный анализ всех этих вопросов как раз и привел к необходимости дифференциации еще одного качественно специфического и несводимого к двум уже выделенным классам деятельности – субъектно-информационного. Его важнейшей отличительной характеристикой является то, что в нем

имеет место та же самая в принципе трансформация (принципиальная по смыслу и радикальная по масштабу), которая привела в свое время к необходимости дифференциации субъект-объектного и субъект-субъектного классов. Это трансформация *основного* атрибута деятельности – ее *предмета*. В субъектно-информационных видах деятельности им выступает уже не объект, но и не субъект, а совершенно иная и предельно специфическая сущность – информация; поясним сказанное, используя при этом результаты анализа другого основного класса деятельности – управленческой, проведенного в работах [93, 95, 97].

Действительно, как показано в них, сама суть и психологическая природа управленческой деятельности (по определению) состоит в том, что она разворачивается как процесс взаимодействия субъекта – руководителя не с объектом в привычном понимании, а с аналогичной ему самому равномошной ему системой – с другими субъектами. Ими выступают подчиненные – члены организации, группы, а также их деятельность. Имеют место своеобразные и *радикальные* трансформации основного атрибута управленческой деятельности – предмета. Им становится столь специфическая во всех отношениях реальность, каковой выступает опять-таки деятельность, но деятельность других людей – подчиненных, управляемых, ведомых. Более того, эти трансформации являются не только максимально представленными, но фактически предельными. Налицо полная инверсия объекта, когда он, не переставая быть самим собой (то есть именно объектом), предстает и в качестве субъекта (точнее – множества субъектов, что в еще большей степени усложняет ситуацию). Таким образом, объектом управленческой деятельности руководителя является специфичнейшая во всех отношениях и внешнеположенная по отношению к нему реальность; ей выступает совокупность управляемых субъектов. Она одновременно является и реальностью объективной и реальностью субъективной. Тем самым возникают предпосылки для качественно иной организации деятельности в целом, при которой его и ее субъект и его объект оказываются и «равномощными» по своим возможностям, и идентичными по механизмам своего функционирования – односущностными.

Следовательно, сама управленческая деятельность разворачивается как своеобразная «деятельность с деятельностями», как деятельность по организации других деятельностей, как деятельность «второго порядка». По отношению к ней поэтому с наибольшей адекватностью и уже не метафорически, а строго и непосредственно может

быть использовано понятие *метадеятельности*. Она является таковой именно по интегративным механизмам ее содержания и структуры, объекта и основных функций. Столь явное и принципиальное своеобразие предмета управленческой деятельности не может не вести к аналогичным, то есть также принципиальным трансформациям организации этой деятельности. Наиболее важной среди этих трансформаций как раз и является возникновение нового *уровня* регуляции – метадеятельностного, а также обретение им статуса ведущего во всей структуре уровней организации.

Данное обстоятельство характерно психологической природе не только деятельности управленческого и организационного типа; оно проявляется, например, и по отношению к такому важному виду деятельности, как *педагогическая* деятельность [76, 114, 127, 208, 214]. Действительно, она – быть может, как никакая иная, столь органично и полно, непосредственным и даже необходимым образом воплощает в себе оба этих класса, причем, в их нерасторжимом синтезе и в их взаимопологаемости. Собственно говоря, именно такой синтез и является не только ее атрибутом, но лежит в самой ее основе. Ее субъект-субъектный характер обусловлен тем, что вся она как раз и строится на основе межличностных – интерсубъектных взаимодействий обучающего (педагога) и обучаемого (ученика) Однако, не менее очевидно и то, что в ней отчетливо представлена и деятельность, построенная по субъект-объектному типу. Со стороны учащегося – это, разумеется, его индивидуальная деятельность, связанная с самостоятельным освоением материала, знаний, данных, с выполнением уроков и пр. Со стороны педагога – это также та очень существенная часть его профессиональной деятельности в целом, которая развёртывается вне непосредственных контактов с обучаемыми, но служит в качестве так сказать подготовительной к ней (например, подготовка к урокам, деятельность по повышению квалификации и пр.). Педагогическая деятельность принципиально синтетична в плане представленности в ней двух основных классов деятельности – субъект-объектного и субъект-субъектного.

Очень показательны, что принципиально аналогичные трансформации – кардинальные изменения сути основного атрибута деятельности (предмета) имеют место и субъектно-информационном классе деятельностей. В этих видах деятельности, как уже отмечалось, им выступает не объект, но и не субъект, а совершенно иная и предельно

специфическая сущность – информация. Она сама по себе, то есть исходно, не является ни объектом и не субъектом, хотя может сигнифицировать и тот и другой – и по отдельности, и одновременно. Сама она «безразлична и равнодушна» к тому, что сигнифицирует: она – именно *ин*-формация, то есть нечто *ин*-вариантное и *ин*-дифферентное к своей наполненности – контенту. Сфера представленности этого класса предельно широка – от, скажем, деятельности экономиста до деятельности ученого [100]. В нем основной атрибут деятельности – ее предмет не только качественно трансформируется, но и еще более усложняется. Причем, такое усложнение происходит в наиболее непосредственном смысле данного понятия, поскольку деятельность данного класса становится еще более опосредствованной, а ее предмет – еще более имплицитным, вообще приобретаая в ряде случаев черты *виртуальной* реальности.

Такая эволюция закономерным образом проявляется и в трансформации базовых подходов к психологическому анализу деятельности как одному из важных направлений теории деятельности в целом. Очень показательным в данном отношении является то, что по отношению ко второму основному классу деятельности – субъект-субъектному существенно более релевантен не какой-либо из подходов, сложившихся при анализе деятельностей другого класса – субъект-объектного, а принципиально иной подход – *функционально-психологический*. Он, как известно, базируется на соответствующем – функциональном понимании самой управленческой деятельности, восходящем к школе административного управления [148, 179]. Данный подход предполагает использование в качестве основной единицы анализа основные управленческие функции. В связи с этим, а также со многими иными обстоятельствами, есть основания предполагать, что и по отношению к еще одному – также принципиально новому и качественно специфическому классу деятельностей (субъектно-информационному) наиболее релевантным подходом также должен выступить какой-либо *принципиально* иной, нежели все разработанные, подход к его психологическому анализу. Определение его контуров является одной из основных перспектив развития самого психологического анализа деятельности и, соответственно, одной из важных задач данной работы.

Аналогичная логика трансформаций представлений эксплицируется, однако, не только со «стороны» теории, но и со «стороны» практики. В этом плане очень показательной, собственно говоря, и яв-

ляется переход от *доминирования* в общественном разделении труда субъект-объектных видов деятельности к преобладанию субъект-субъектных видов, смена их роли и места в нем [95]. В состав второго класса входят определяющие для современного общества виды профессиональной деятельности: управленческая и организационная, образовательная деятельность во всех ее многочисленных разновидностях, врачебная деятельность сервисная и рекреационная деятельность. Смена двух традиционно дифференцируемых классов, а также постепенное и неуклонное изменение приоритетов между ними в структуре общественного разделения труда – это и есть объективная по природе и магистральная по масштабу тенденция изменения мира профессий. Вместе с тем, наиболее важно то, что развертывание этой объективной по своей сути логики нельзя считать завершенным. Ограничиваться ей – означает приуменьшать реальную сложность эволюции форм трудовой активности, ограничивать диапазон их прогресса. Как отмечалось выше, это закрывало бы возможность продуктивного и углубленного исследования все новых ее типов и разновидностей, а возможно, и классов – прежде всего, субъектно-информационного.

Все это, собственно говоря, и позволило сформулировать положение, согласно которому существующая – достаточно простая дифференциация огромного многообразия деятельностей («мира деятельностей») всего на два класса является упрощенной и недопустимо симплифицированной, не отражающей всего их реального многообразия. Наряду с ними, возникает необходимость дифференциации качественно специфического и несводимого к двум уже выделенным классам деятельности – субъектно-информационного [116, с. 20]¹. Сфера действия и область представленности этого третьего

---

¹ В связи с этим, необходимо, на наш взгляд, сделать пояснение терминологического плана. По отношению к данному классу, действительно, наиболее строгим и корректным является именно термин «субъектно-информационный класс деятельности». Вместе с тем, необходимо учитывать и то, что по ходу всего изложения нам придется многократно прибегать к нему – как к основному предмету данного исследования, в силу чего целесообразен некоторый более лаконичный аналог данного термина, не перегружающий стилистику предложений и формулировок. Учитывая атрибутивно информационный характер деятельностей данного класса, в качестве такого аналога – синонима допустимо использовать термин «информационная деятельность».

класса предельно широка (см. далее). В деятельности этого класса их основной атрибут – предмет не только качественно трансформируется, но и еще более усложняется [105, 107]. Таким образом, со всей очевидностью и, более того, с объективной необходимостью формулируется задача приоритетного исследования именно этого – пока не вполне традиционного, но крайне важного класса профессиональной деятельности.

В соответствии с вышеизложенным, в этой главе необходимо рассмотреть следующую – основную и, по существу, триединую задачу. С одной стороны, необходимо дать *содержательную экспликацию* того класса деятельностей, который был обозначен как субъектно-информационный, а также выявить его основные психологические атрибуты, равно как и его специфику по отношению к двум другим основам классов. С другой стороны, необходимо рассмотреть, каким образом *методологические основания* теории деятельности в целом и одного из ее направлений – психологического анализа деятельности, в особенности, могут и должны быть эксплицированы по отношению к этому классу? Какие возможности открывают представления, сложившиеся в деятельностной проблематике, для раскрытия закономерностей его организации? Однако, наряду с этим, необходимо реализовать и своего рода «встречное движение», то есть вывить, каким образом его исследование может содействовать *развитию представлений*, сложившихся в психологии деятельности – и на методологическом, и на теоретическом, и на процедурно-методическом уровнях. При этом понятно также, что решение данной задачи с необходимостью предполагает предварительное обоснование правомерности самой дифференциации данного класса, что, разумеется, также должно составить отдельную и достаточно сложную задачу, подлежащую рассмотрению в данной главе.

В свою очередь, такое обоснование должно быть реализовано посредством двух взаимосвязанных процедур. Во-первых, посредством выявления *специфических* особенностей данного класса по отношению к аналогичным особенностям иных традиционно дифференцированных классов (субъект-объектного и субъект-субъектного). Во-вторых, посредством определения *критерия* (точнее, критериев) дифференциации данного класса от них. Подчеркнем также, что априорно очевидной представляется такая логика и, соответственно, последовательность реализации двух этих аспектов, которая предписывает вначале рассмо-

треть специфические особенности данного класса, а затем на основе их выявления определить искомые критерии дифференциации. Однако, в действительности, ситуация является более сложной и противоречивой. Дело в том, что выявление все новых и новых специфических особенностей данного класса, действительно, создает основу и для все более полной экспликации самой дифференциации. Однако и сами вновь обнаруживаемые критерии также создают основу для поиска и обнаружения новых, дополнительных особенностей данного класса деятельности. Налицо, таким образом, своего рода спиралевидность – итеративность развертывания данной проблемы, которая весьма типична для многих недостаточно изученных проблем на первых этапах их разработки. Данное обстоятельство обуславливает необходимость в итеративности проводимого рассмотрения, требующей систематических возвратов от рассмотрения первого аспекта ко второму, и обратно. Каждая такая итерация является шагом в углублении анализа и средством взаимообогащения одного аспекта результатами другого. И лишь после этого, то есть после спецификации данного класса и его критериальной дифференциации, необходимо перейти к третьей основной задаче, состоящей в определении того, каким образом представления о нем должны быть ассимилированы деятельностной проблематикой.

При этом, конечно, следует принимать во внимание и то важнейшее обстоятельство, что речь идет именно о *классе* деятельностей, то есть о таком образовании, которое имеет огромный объем своего содержания и столь же беспрецедентный диапазон его качественных разновидностей и степени их сложности. Действительно, он включает в себя такие относительно простые виды деятельности, как, скажем, технические разновидности деятельности экономического профиля или многочисленные разновидности сервисных деятельностей, реализуемых на компьютерной базе. Однако он же включает, но на противоположном «полюсе» сложности, и такой предельно сложный вид деятельности как научная деятельность, поскольку она также объективно и неразрывно сопряжена с «производством» новой информации – новых знаний. Далее, по понятным и естественным причинам совершенно особое место в данном классе занимают те виды деятельности, которые базируются на основе компьютерной технике и образуют сферу ИТ-деятельностей. В этой связи можно дифференцировать два «вектора» качественной гетерогении данного класса деятельностей *вертикальный* и *горизонтальный*. Первая – вертикальная гетерогения вскрывает глубокие –

принципиальные, то есть именно качественные различия в степени *сложности* деятельности. В свою очередь, эта гетерогения может быть упорядочена посредством ее уровневого представления, которое включает пять основных значений. Первое из них фиксирует такие виды деятельности, в которых средства компьютерной техники практически не используются в их непосредственном предназначении – как средства труда. Второе значение фиксирует те виды деятельности, в которых эта техника используется именно как одно из средств ее осуществления, но не в специфицированном виде, а на уровне тех – общих возможностей, которыми она характеризуется. Третье значение фиксирует такие виды деятельности, в которых эта техника выступает уже не одним из рядовых средств ее реализации, а основным средством и, более того, составляет практически все ее операционное содержание. Это – виды деятельности, базирующиеся на компьютерной технике, например, подавляющее большинство современных разновидностей деятельности экономиста, эксперта, консультантов и пр. Четвертое значение включает те виды деятельности, которые уже не просто базируются на ней как на исключительном средстве труда, а полностью сводятся к работе только с ней и на ней. Это, например, тестировщик, специалист по юзабилити, IT-медик, IT-генетик, агроинформатик, биоинформатик, специалист в области нейролингвистического программирования. Наконец, пятое значение фиксирует те виды деятельности, в которых субъект выступает уже не только как пользователь, но и как создатель тех средств (прежде всего – программных), которые лежат в основе ее использования. Это, например, Web-программист, SEO-специалист, SMM-специалист, контент-менеджер, тимлид, Front-end и Back-end разработчик, Embedded-программист, QA-инженер, разработчик баз данных, системный аналитик, мобильный разработчик game-дизайнер, 3D-аниматор, flash-аниматор, продуктовый дизайнер, web-дизайнер, UX-дизайнер, системный программист и системный администратор, ERP-программист, архитектор баз данных, администратор сайта, специалист по кибербезопасности.

Вторая – это горизонтальная гетерогения, вскрывающая факт существования многих видов информационной деятельности, являющихся *паритетными* по сложности. Она также предполагает дифференциацию на многочисленные разновидности, но в пределах какого-либо уровня. Кроме того, два типа гетерогонии могут быть синтезированы и образовывать своего рода *матрицу* основных ви-

дов деятельности субъектно-информационного класса. Ее вертикаль образована пятью значениями – разными уровнями ее спецификации, а горизонталь – совокупностью отдельных разновидностей внутри каждого уровня. Точнее, она представляет собой пирамиду, поскольку иерархия количественно сокращается при переходе от нижерасположенных уровней к вышерасположенным уровням.

Вообще говоря, в этой связи, по-видимому, дифференцировать два основных значения самого понятия субъектно-информационного класса деятельности – широкое и узкое. В первом из них фиксируются все те виды деятельности, главным предметом которых как раз и выступает информация как таковая; не объект в его привычном смысле, а его сигнификация в самых разных алфавитах и средствах семантизации. Однако в этих видах деятельности не содержится таких средств и иных операционных возможностей, которые позволяли бы осуществить работу с ней. Последняя остается исключительной прерогативой субъекта. Понятно, что спектр таких деятельностей чрезвычайно велик и предельно разнообразен. Во втором значении фиксируются те виды деятельности данного класса, которые, наоборот, обладают только что зафиксированной особенностью. Следовательно, в них имеет место принципиально новый атрибут – своего рода *распределение* самой *деятельности* между субъектом и иными – внесубъектными составляющими деятельности, что имеет многочисленные последствия для психологической природы этой деятельности.

На основе этого возникает принципиальная проблема, являющаяся очень типичной и для исследования двух традиционных классов. Поскольку все множество конкретных разновидностей деятельности, образующих субъектно-информационный класс, невозможно изучить в одном, отдельно взятом исследовании, то необходимо избрать такую его экспликацию, которая была бы наиболее репрезентативной в плане его основных характеристик и особенностей, феноменов и закономерностей. Кроме того, она должна быть и наиболее репрезентативной в плане широты ее представленности в данном классе, а также той роли, которую она выполняет в практическом плане, то есть в плане ее значимости в общей структуре современного разделения труда, а также перспектив ее развития. По-видимому, в свете этих критериев нет необходимости подробно обосновывать положение, согласно которому такой экспликацией (точнее – целым семейством принципиально сходных экспликаций) являются все те виды деятельности, кото-

рые базируются на *компьютерных* технологиях, а базовым средством труда в них выступает именно компьютерная техника. Именно их, по нашему мнению, и необходимо сделать предметом приоритетного исследования в плане изучения субъектно-информационного класса деятельности.

Продолжая анализ проблемы дифференциации основных классов деятельности, необходимо подчеркнуть, что ряд обусловленных ей вопросов и трудностей уже в определенной степени подвергается в настоящее время попыткам осмысления и преодоления. Среди основных из такого рода вопросов и трудностей, равно как и попыток их минимизации, следует, в первую очередь, отметить следующие направления исследований. Прежде всего, как уже отмечалось, исходной в историческом плане является дифференциация деятельности на два класса – субъект-объектный и субъект-субъектный. По отношению к ней равно как, впрочем, и к классической «деятельностной триаде», в психологии также сложилась вполне явная и устойчивая традиция. Она и состоит в дифференциации двух основных классов (точнее – макроклассов) деятельности – субъект-объектного и субъект-субъектного. Вместе с тем, как показано выше, данная дифференциация, наряду с тем, что она, действительно, эксплицирует глубочайшие различия в организации деятельности в указанных классах, отнюдь не лишена дискуссионных моментов. Она не только *решает* целый ряд вопросов, но зачастую *порождает* новые – еще более сложные, а иногда и «головоломные» вопросы. Она же выступает не только основой для перманентных обсуждений, но и источником самых разнообразных вариантов методолого-теоретических подходов к психологическому исследованию деятельности. Эти трудности необходимо учитывать и при дифференциации еще одного – анализируемого в данной работе класса (субъектно-информационного).

Так, во-первых, следует зафиксировать положение, являющееся причиной постоянных и систематических ошибок в общем подходе к данной дифференциации, а также к ее использованию в психологических работах. С одной стороны, действительно, существует и вполне правомерна дифференциация деятельности на два класса – субъект-объектный и субъект-субъектный. Однако, с другой стороны, известна также и еще одна – очень близкая к ней, на первый взгляд, дифференциация (Е. А. Климов [134]). Она предполагает разделение деятельностей на те виды, которые принадлежат к классу «человек-че-

ловека», и на те, которые принадлежат к другим классам («человек-природа», «человек-техника» и др.). Их обобщенно можно обозначить как деятельности класса «человек – не-человек», поскольку во всех этих классах в качестве основных атрибутов деятельности – ее предмета и объекта выступают так сказать «неодушевленные сущности». Этой дифференциации, фактически, идентична и та, которую в свое время предложили Дж. фон Нейман и О. Моргенштерн – разделение всех поведенческих ситуаций на так называемые «игры с природой» и «рефлексивные игры» [184]. Ошибка, о которой здесь идет речь, как раз и состоит в том, что две отмеченные выше – *разные* дифференциации либо не различаются – смешиваются, либо вообще отождествляются друг с другом. При этом имеет место еще более глубинная ошибка, об опасности которой предупреждал в свое время С. Л. Рубинштейн [219]. Это – ошибка онтологизации понятий субъекта и объекта, состоящая в понимании субъекта как личности, а объекта – как всего не-личностного, «неодушевленного», именно объективного, а значит онтологически данного, материального. В действительности же принцип дифференциации субъекта и объекта является деятельностно-относительным; такая дифференциация вообще имеет смысл лишь в пределах деятельности, фиксируя ее своеобразные «полюса», различающиеся, прежде всего, по мере их активности. И именно такой релятивистский, а не абсолютный принцип их дифференциации порождает многочисленные сложности содержательного наполнения понятия объекта – в частности, возможность его экспликации и в форме неодушевленных сущностей, и в форме других людей.

Во-вторых, следует иметь в виду еще одну опасность, таящуюся в неправильной трактовке способа дифференциации двух указанных классов. Она как раз и связана с тем, что понятие субъект-субъектных видов деятельности не тождественно тем видам деятельности, которые относятся, согласно классификации Е. А. Климова, к профессиям типа «человек-человек», хотя, на первый взгляд, их подобие достаточно очевидно [134]. Специфика субъект-субъектных видов деятельности состоит в том, что их предметом является не просто «человек», а именно «человек действующий», то есть субъект какой-либо своей собственной деятельности. Им является личность, сама осуществляющая какую-либо деятельность, причем – под непосредственным руководством, управлением со стороны другого субъекта. В ряде профессий типа «человек-человек» этой атрибутивной

характеристики деятельностей субъект-субъектного типа не наблюдается (например, в деятельности врача, которая относится к типу профессий «человек-человек», но в большинстве своем не относится к субъект-субъектному типу деятельностей). Практически аналогичная ситуация складывается и в отношении субъектно-информационного класса деятельности.

Действительно, в адрес правомерности его дифференциации как такового часто высказываются возражения, связанные с тем, что очень многие или даже практически – большинство всех существующих видов деятельности не только обязательно включают в качестве важнейшего компонента переработку информации, но и вообще – во многом базируются на собственно информационном взаимодействии с объектом. Дело, однако, заключается не в этом – непреложном факте, а в другом – гораздо более имплицитном обстоятельстве. Оно состоит в том, что в целом ряде деятельностей (которые и образуют субъектно-информационный класс) имеет место не только и не просто информационное взаимодействие или переработка субъектом информации», а качественно иная ее организация. Главной особенностью этой организации является то, что информация выступает не только в качестве основы деятельности. Дело еще и в том, что сама деятельность в целом и средства ее реализации («орудия труда»), в особенности, таковы, что они эту информацию *активно преобразуют* – они сами ее *перерабатывают*, беря тем самым на себя часть функций, которые в иных классах деятельности являются исключительной прерогативой субъекта. Происходит отчуждение ряда исходно субъектных задач и функций от самого субъекта, их перенос на реализацию средствами труда (если использовать традиционную терминологию), а сами эти средства выступают не только как пассивные орудия, полностью регулируемые субъектом, но и как в известном смысле активные ее реализаторы. Налицо, таким образом, полная аналогия (которая является, по нашему мнению, более чем просто аналогией) данной – ключевой особенностью с той, которая является важнейшей и для дифференциации субъект-объектного класса деятельности.

В-третьих, при решении вопроса о дифференциации основных классов деятельности необходимо учитывать и так сказать «общее отношение», которое сложилось в исследовательской практике по отношению к традиционному и исходному выделению двух основных классов.

Оно характеризуется двумя особенностями. С одной стороны, эти два класса полагаются не только в качестве основных, но и исчерпывающих все их множество. Иными словами, по отношению к ним можно констатировать очень характерную для целого ряда психологических проблем «презумпцию несуществования»². С другой стороны, нельзя не видеть и того, что сама эта дифференциация является принципиально дихотомической и, более того, дизъюнктивной, а потому – и простейшей с логической точки зрения среди всех возможных. И уже одно это наводит на предположение о том, что, возможно, она отнюдь не является «вершиной совершенства» а, напротив, – должна быть понята лишь как переходный этап (или даже – как отправной момент) в построении действительно полной таксономии базовых классов деятельности. В силу этого, она не только допускает, но и *требует* дальнейшего развития. Эта дифференциация может и должна углубляться, охватывая новые важные, но не представленные пока в ней основания. В существующей дифференциации таким основанием, как отмечалось, является критерий качественных различий предмета деятельности. При этом следует подчеркнуть, что именно это основание и, соответственно, – критерий является важнейшим, в силу чего, собственно говоря, сама эта дифференциация и является исходной, возникла раньше иных. Именно оно – при условии его углубления и приводит к необходимости в дифференциации еще одного класса – субъектно-информационного. Кроме того, в работах [124, 220] показано, что, по-видимому, существуют и такие классы профессиональной деятельности, по отношению к которым в принципе нельзя определить, к какому – так сказать «чистому» классу они относятся, поскольку характеризуются атрибутивной синтезированнойностью всех трех классов. Эти виды деятельности были отнесены к четвертому классу – к классу *интегративных* видов деятельности. При этом происходит закономерный переход от относительно менее сложной и богатой содержанием экспликации предмета исследования (от класса субъект-объектных видов деятельности) к более сложной

---

² Так, традиционно полагается, что существует только три основных вида деятельности (игровая, учебная, трудовая), а не больше; что существуют только два основных класса деятельности (субъект-объектный и субъект-субъектный), а не больше; что существует только три основных уровня организации деятельности (операционный, действенной и уровень автономной деятельности), а не больше. Все указанные «незыблемые» положения постепенно демонстрируют их ограниченность и требуют пересмотра.

и богатой его экспликации – к субъект-субъектному классу и, далее, к субъектно-информационному и, возможно, к интегративному классу деятельности.

Констатируя это, следует зафиксировать и еще одно – также существенное, по нашему мнению, обстоятельство. С такой же отчетливостью и комплексностью, с какой проявляются качественные различия в содержании предмета психология труда, выявляются и ее *собственные* трансформации, носящие также достаточно радикальный – по существу, «революционный» характер. Первая из этих трансформаций предмета состоит в переходе от приоритетного исследования субъект-объектного класса деятельности к приоритетному изучению субъект-субъектного класса. Данное обстоятельство в настоящее время уже настолько очевидно, что, по-видимому, не нуждается в дополнительном обосновании, а те многочисленные и самые разноплановые ее следствия, которые обусловлены им, очень хорошо известны и составляют значительную часть современных представлений в области психологии труда. В связи с этим, можно, а на наш взгляд, – необходимо констатировать первую *парадигмальную трансформацию* взглядов относительно предмета психологии труда – смену приоритетов изучения в ней с субъектно-объектного класса на субъект-субъектный. Это – своего рода первая «предметная революция» в области психологии труда.

Вторая трансформация, которая носит еще не столь явный, но все же также вполне очевидный и не менее многоплановый характер – это развертывающаяся на наших глазах трансформация представлений о предмете изучения, происходящая вследствие объективного изменения самого мира профессий и включения в него третьего основного класса – субъектно-информационного. В связи с этим, можно говорить о второй «предметной революции» – о трансформации предмета психологии труда в соответствии с той реальностью, которая и характерна для самого «мира труда» – для приоритетной представленности в нем именно субъектно-информационных видов деятельности. Те взгляды, которые существуют в тот или иной период времени относительно содержания предмета психологии труда, складываются и трансформируются на основе самого мира труда – тех его видов, которые доминируют в нем. Предмет как гносеологическое отображение этого мира «повторяет» и отражает саму онтологию этого мира, изменяясь вслед за ее собственными трансформациями. И, хотя процесс такого рода трансформации находится, по существу, еще на относительно ранних

стадиях, он, тем не менее, уже сейчас столь же очевиден, как и первая из произошедших трансформации. Более того, она может иметь не меньшие, а не исключено, – и бóльшие последствия, чем первая – последствия, которые могут носить неожиданный, непрогнозируемый и отнюдь не обязательно только позитивный характер.

С позиций этих представлений открываются дополнительные возможности для экспликации значимых тенденций в эволюции видов и типов, классов и форм организации профессиональной деятельности, что также необходимо в плане обоснования логики дифференциации субъектно-информационного класса деятельности. В свою очередь, такая экспликация предполагает методологическую рефлексию закономерностей трансформации предмета психологии труда, обусловленных переходом от доминирования субъект-объектных видов деятельности к субъект-субъектным, а для этого выявление базовых атрибуты второго. Далее, она предполагает и аналогичную рефлексию в отношении и субъектно-информационный деятельности, поскольку именно он, как можно видеть из представленных выше материалов, начинает занимать (или уже занимает) доминирующее место в современном разделении труда, определяя собой существо и специфику современного содержания предмета психологии труда. Наконец, необходимо также выявление и объяснение общих закономерностей трансформации всех трех классов, а также тех следствий, которые эта трансформация обуславливает на гносеологическом уровне, то есть в плане общей трактовки предмета психологии труда и специфики его содержания.

Итак, в трех основных классах деятельности специфическим образом эксплицируется то главное, что составляет содержание психологии труда – ее предмет. Каждая из таких экспликаций предмета психологии труда доминировала в ней на протяжении определенного временного отрезка, в связи с чем можно говорить и о трех основных *периодах* развития ее самой. Первый период являлся наиболее длительным и продолжался в течение приблизительно столетия. Второй период несколько короче – его можно условного ограничить рамками второй половины прошлого столетия. Наконец, третий период, оформление которого сопряжено уже с нынешним столетием и становление которого происходит в настоящее время, находится лишь на самых начальных фазах своего развития. Он, следовательно, характеризуется пока наименьшим временем существования. Кроме того, синтезируя структурный аспект экспликации предмета

психологии труда (состоящей в дифференциации основных классов деятельности как таковой) с временным аспектом, можно говорить не только о трех этапах, но и о трех основных парадигмах ее развития. На первой из них доминировало исследование субъект-объектного класса, на второй – исследование субъект-субъектного класса, на третьей – исследование субъектно-информационного класса. Их можно условно обозначить как *объектная*, *субъектная* и *информационная* парадигмы. Развитие психологии труда именно в русле последней – информационной, точнее, субъектно-информационной и составляет, по нашему мнению, основную макрозадачу, на реализацию которой направлена, в том числе, и данная работа.

В связи со сформулированными выше представлениями, необходимо, на наш взгляд, отметить также следующие – значимые с методологической точки зрения обстоятельства. Так, представленная выше дифференциация очень полно и точно – естественным образом сопряжена с базовой «формулой» отражающей саму суть онтологии деятельности. В ней зафиксирована триада базовых «составляющих» любой деятельности: ее *субъект*, *объект* и *процесс* их взаимодействия, то есть собственно деятельности, взятой в ее временной развертке. В данной связи очень показательным (и доказательным) является следующее обстоятельство. Каждый из этих трех компонентов выступает в качестве базовой метасистемы, оказывающей наибольшее специфицирующее влияние и на психическую регуляцию деятельности в целом, и на ее метакогнитивную регуляцию, в особенности, по отношению к трем разным классам деятельности; поясним сказанное. Так, по отношению к субъект-объектным деятельности ее собственно психологическое содержание обретает главные специфические особенности под влиянием тех особенностей и закономерностей, которыми характеризуется более общая по отношению к ней метасистема – индивидуальная психика самого *субъекта* деятельности. По отношению ко второму классу в качестве такой специфицирующей метасистемы выступает уже не субъектный, а *объектный* член этой формулы, поскольку для него главную роль играют особенности и закономерности, обусловленные тем, что в его качестве выступают также субъекты, «другие люди» – социальные объекты. Соответственно, и организация деятельности обретает ярко выраженную социо-ориентацию. Данное обстоятельство подробно обосновано нами на материале исследования управленческой и педагогической деятельности.

Однако, как можно видеть из представленных выше материалов, есть основания полагать, что именно такой же – общей и, по-видимому, фундаментальной, особенности подчиняется и тот класс деятельности, который пока не был исследован в этом плане – субъектно-информационный. В нем специфика психологического содержания деятельности и ее метакогнитивной регуляции, по всей вероятности, в наибольшей мере специфицируется еще одним – третьим (средним) членом этой «формулы», то есть самим *процессом* деятельности. Он, однако, должен быть взят также в специфическом и вполне конкретном проявлении – в аспекте тех средств и операционных механизмов, которыми реализуется этот процесс. В их качестве как раз и выступает все то, что составляет содержание компьютерных технологий как таковых. При этом показательно (и доказательно), что ключевое из этих средств не только по существу, но даже этимологически иллюстрирует именно это обстоятельство: специфику *процессу* деятельности субъектно-информационного класса придает, в основном, именно *процессор* как ключевой компонент всей компьютерной техники.

Таким образом, представленная выше дифференциация классов деятельности носит отнюдь не гносеологический – условный и потому внешний характер, сопряженный с собственно познавательными процедурами, а является внутренне обусловленной самой *сутью* этой деятельности. Другими словами, она имеет вовсе не внешний, а внутренний характер, являясь обусловленной не столько аргументами гносеологического плана, сколько обстоятельствами онтологического, а потому – глубинного и *принципиального* характера. Поэтому о ней не совсем правильно было бы говорить как только о какой-либо классификации или даже систематизации (хотя и это было бы также правильно). Речь идет, скорее всего, о более принципиальной дифференциации – дифференциации именно онтологического плана, которая, однако, может проявляться (и реально проявляется) и на гносеологическом уровне – как классификация, систематизация и пр.

Поскольку такая дифференциация базируется не на том или ином основании (выбор которого может быть и не вполне обоснованным, допуская поэтому возможность ошибки), а на целостной и полной экспликации категории деятельности как таковой – на ее *макроструктуре*, отраженной в ее «формуле», то опасность такой ошибки практически устраняется. Полная экспликация онтологии деятельности, отраженная в ее формуле, фактически, гарантирует столь же полную –

завершенную и, не исключено, исчерпывающую гносеологическую дифференциацию на ее основные классы. Возникающая экспликация предстает не только как обоснованная, но и, не исключено, как завершенная, в полной мере включающая все основные классы деятельности.

Продолжая анализ закономерностей, обуславливающих эволюцию основных классов деятельности, равно как и трансформации взглядов на содержание предмета психологии труда, необходимо со всей определенностью подчеркнуть недопустимость упрощенных подходов к этим вопросам. В действительности, все трансформации такого рода являются чрезвычайно сложными и многоаспектными, а зачастую – и внутренне противоречивыми, не допускающими одномерного осмысления процессов, которые, к тому же, с большим трудом поддаются (более того, обычно – не поддаются) какой-либо систематизации и схематизации. Как отмечал в этой связи В. П. Зинченко, «деятельность – это такая беспредельность, которая вряд ли допускает какую-либо схематизацию» [78]. Это проявляется в различных планах – начиная от рассмотренного выше хронологического и заканчивая многими иными. Сами классы дифференцируются отнюдь не как дизъюнктивно отчлененные друг от друга. Кстати говоря, именно это является наиболее частой причиной для дискуссий относительно того, правомерно ли вообще говорить о тех или иных классах деятельности, поскольку многие частные критерии их дифференциации не являются абсолютными, допуская исключения и приводя к невозможности строгого разделения классов как таковых.

Вообще говоря, в данном контексте необходимо подчеркнуть еще одно обстоятельство методологического плана. Как известно, любая процедура, направленная на обоснование и дифференциацию какого-либо нового предмета исследования провоцирует – вольно или невольно излишнюю категоричность суждений, подчеркивание «особости» дифференцируемого предмета, стремление к акцентированию его специфических черт. Будучи вполне понятной и даже естественной, эта тенденция не должна абсолютизироваться; как раз напротив, любой новый предмет – в данном случае класс субъектно-информационных деятельностей будет тем более обоснован и корректен в плане его дифференциации, чем в большей степени он будет эксплицитно выражать свою преемственность с уже дифференцированными предметами. Дело в том, что только с этих позиций любой вновь дифференцируе-

мый предмет предстает как единство общего и специфического, а тем самым может быть вплетен в контекст самих – общих и потому наиболее важных в теоретическом плане закономерностей.

В связи со сказанным, возникает настоятельная необходимость обращения и к еще одному – весьма важному, но одновременно, пожалуй, наиболее трудному и даже болезненному вопросу, точнее – аспекту сравнительного анализа основных классов деятельности. Он является, источником наиболее часто встречающихся возражений против самого их выделения как таковых (или, по крайней мере, против их строгой, то есть дизъюнктивной дифференциации). В конечном итоге, все эти возражения сводятся к тому, что не только очень трудно, но и практически невозможно установить какой-либо критерий, признак, по которому дифференцируются эти классы – прежде всего, субъект-объектный и субъект-субъектный. Длительная история обсуждения этого вопроса свидетельствует о том, что какой бы критерий ни использовался, он практически никогда не является *абсолютным*, поскольку не приводит к четкому их разделению. Например, даже такой – казалось бы, вполне очевидный критерий дифференциации этих классов, как совместный характер всех субъект-субъектные видов деятельности не является абсолютным, поскольку практически любая деятельность субъект-объектного класса, будучи представленной феноменологически как индивидуальная, все же имеет многочисленные и важнейшие опосредствования ее включенностью в более общий контекст совместной деятельности той группы индивидов, в которую реально входит субъект.

Мы полагаем, что решение этого вопроса должно заключаться не в поиске какого-либо одного – унитарного и общего, то есть абсолютного критерия, а в установлении *системы* таких критериев, которая и позволяет дифференцировать эти два класса. Каждый из критериев в отдельности является не абсолютным, а относительным, поскольку имеет те или иные ограничения сферы действия. Различия же классов могут быть установлены лишь посредством нескольких критериев, то есть сама их дифференциация является не *монокритериальной*, а *поликритериальной*, что наилучшим образом соответствует сложности самих дифференцируемых сущностей. Аналогичным образом, по-видимому, обстоит дело и с дифференциацией третьего класса – субъектно-информационного от двух других. Она также должна носить поликритериальный характер, а система

критериев такого рода, являясь частично уже установленной, все же нуждается в дополнительном обосновании, что и должно оставить ближайшую перспективу исследований в данной области (она в частности, обсуждается нами в [94, 102]). В связи с этой проблемой можно высказать, однако, и соображение более общего плана. Хорошо известно, что и в научных исследованиях, и в практической деятельности существуют такие вопросы и проблемы, которые не только не могут, но и не должны иметь какого-либо простого и однозначного рашения. Более того, чем глубже они изучаются, тем в большей степени раскрывается их реальная сложность. И наоборот, если какая-либо проблема все же допускает то или иное – однозначное и четкое («простое») решение, то это само по себе является аргументом в пользу ее непринадлежности к наиболее сложным проблемам, свидетельствуя об определенной узости и одномерности ее самой³.

В данной связи, важно и то, что решение этой – действительно сложнейшей проблемы, связанной с принципиальной поликритериальностью дифференциации основных классов, должно предполагать необходимость обращения к еще одному аспекту, который одновременно является и своеобразной «подсказкой» в плане ее разрешения. Действительно, данная дифференциация, приводя к корректной структурной экспликации базовых классов, одновременно учитывает и своего рода *временной* – темпоральный аспект эволюции мира профессий. В самом деле, дифференцируемые на ее основе классы различаются не только содержательно, образуя в своей совокупности, их определенную структуру, но и соотносятся с тремя различными и большими временными периодами развития психологии труда. С позиций именно такого понимания становится очевидным также, что на структуру и трансформации основных классов деятельности должна быть распространена и еще одна общая закономерность. Согласно ей, в ходе развития сложных и суперсложных систем (впрочем, как и любых иных) его основные этапы, фазы выступают в уже сформировавшейся целостности в качестве ее основных уровней. Имеет место эволюционная трансформация этапов развития в структурные

---

³ Как известно, существует правило, согласно которому, если для какой-либо сложной проблемы предлагается простой вариант ее решения, то, скорее всего, он неверен.

уровни организации систем⁴. Хронологически более ранние и, как правило, относительно более простые, а в этом смысле «низшие» формы отнюдь не редуцируются в более поздних и сложных формах; напротив, они в них сохраняются, хотя, конечно, и в качественно трансформированном виде, в снятой форме. Это и проявляется в ходе эволюции основных классов деятельности. Относительно более поздние и сложные классы деятельности не только сохраняют предшествующие им классы, но в значительной степени и базируются на них как на своих операционных средствах.

Констатированная выше своеобразная темпоральная недизъюнктивность трех основных классов деятельности является одним из главных факторов (наряду, естественно, со многими иными) тех принципиальных трудностей и даже возражений, которые систематически фиксируются в отношении нее. Действительно, как мы отмечали выше, очень трудно или даже практически невозможно эксплицировать какой-либо однозначный и так сказать абсолютный критерий, позволяющий дифференцировать два традиционно выделяемых класса субъект-объектный и субъект-субъектный. Какой бы из них ни предлагался, он практически всегда обнаруживает не свой абсолютный и не предполагающий исключений характер, а является относительным. Более того, эти два класса могут совмещаться в одной и той же деятельности, что еще более усугубляет трудности их дифференциации. Однако, несмотря на все такого рода сложности, она продолжает упорно сопротивляться попыткам ее отрицания, а сами классы выступают как неоспоримая эмпирическая реальность, как феноменологическая данность; как то, что непреложно верифицируется практикой реальной организации деятельности. Складывается ситуация, демонстрирующая правило, являющееся, по-видимому, очень значимым для дифференциации предельно сложных сущностей. Оно состоит в том, что, чем больше возражений высказывается относительно нее, то есть чем большее черт общности (а не различий) констатируется, тем на более глубоком уровне,

---

⁴ Одной из экспликаций этой закономерности является известный «принцип ЭУС», предложенный Я. А. Пономаревым, а также сопряженная с ним теория «предельных состояний» [203]. Согласно данному принципу, отдельные этапы (Э) развития как раз и трансформируются в основные уровни (У), а они в свою очередь, реализуются в качестве ступеней (С) функционирования целостности.

в действительности, существуют те дифференцирующие признаки, которые и лежат в основе самой дифференциации⁵.

Данное правило, точнее – закономерность справедливо и по отношению к дифференциации двух традиционных классов, с одной стороны, и субъектно-информационного класса, с другой. Попытки ее осуществления систематически приводят к обнаружению аргументов противоположного плана – демонстрирующих не различия, а сходство этих классов. Однако все более глубокие черты сходства вовсе не отменяют и не должны отменять несомненную практическую реальность, которая опять-таки упорно сопротивляется попыткам ее игнорирования и заставляет вновь и вновь искать те критерии, которые лежат в основе его дифференциации. Иными словами, и здесь проявляется то, что чем большая общность существует между ними и чем труднее и относительное становится эта дифференциация, тем принципиальнее и глубже, хотя и имплицитнее, являются истинные критерии самой дифференциации. Иными словами, чем труднее задача, тем продуктивнее ее решение. Вообще говоря, в данной связи можно высказать мнение, частично противоречащее сложившимся исследовательским стереотипам. Оно состоит в том, что трудности или кажущаяся невозможность теоретического обоснования чего-либо эмпирически сложившегося и, главное, практически закрепившегося в реальной жизни социума обычно рассматривается как индикатор их «необоснованности». Дело обстоит, скорее, совершенно иначе: сама эта практическая верифицированность должна рассматриваться как аргумент на «против», а «за» их правомерность, а невозможность строго и четкого теоретического основания *сегодня*, не должна пониматься как его невозможность *вообще* – на иных этапах познания.

Вся совокупность представленных выше материалов может быть обобщена следующим образом. Прежде всего, в этих целях целесообразно вновь обратиться к той «деятельностной триаде», о которой уже говорилось выше (субъект деятельности – процесс деятельности – объект деятельности). Она фиксирует реальную онтологию деятельности. В ней отражена наиболее общая и инвариантная –

---

⁵ В связи с этим, уместно вспомнить известное выражение Н. Винера: «Информация – это информация, а не материя и не энергия» [42]. Перефразируя его, по отношению к спецификации субъектно-информационного класса деятельности можно сказать: информация – это информация, а не объект и не субъект.

по существу, базовая макроструктура деятельности как таковой, ее сущность, равно как и детерминанты для ее основных атрибутов, в том числе, и для тех, которые специфицируют ее главные дифференциации – не только на типы и виды, но, по-видимому, и на классы. С этих позиций, как отмечалось, достаточно отчетливо выявляется следующее наиболее принципиальное обстоятельство. Основные атрибуты и главные специфические особенности первого из дифференцированного класса деятельности – субъект-объектного практически полностью (или, как минимум, в решающей степени) обусловлены первым членом этой триады – субъектом деятельности, его основными психологическими и иными характеристиками. По существу, вся традиционная психология труда, в которой приоритетному исследованию подвергался именно данный тип – это, фактически, выявление и объяснение того, как особенности субъекта – характеристики его индивидуальной психики организуют процесс деятельности и вообще – детерминируют его содержательные характеристики. Далее, столь же очевидно, что второй основной класс деятельности – субъект-субъектный в целом и его базовые атрибуты и основные особенности в столь же явной и максимальной рельефной форме детерминирован вторым членом этой триады – объектом деятельности, в качестве которого, как показано выше, выступает также субъект (точнее – субъекты).

Кроме того, этим обстоятельством обусловлены не только главные особенности данного класса, но они же лежат и в основе его дифференциации от первого класса по ним проходит их демаркационная линия – столь же явная, сколь и носящая комплексный характер. Наконец, не менее очевидно, что и третий основной класс деятельности, который, правда, пока не приобрел еще статуса традиционно дифференцируемого – субъектно-информационный также очень явно соотносится с еще одним членом этой триады – сами ее процессом. Это означает также, что данная спецификация обусловлена не только и не столько процессом как таковым – его темпоральной организацией, но в первую очередь теми средствами, за счет которых он реализуется. Они, несмотря на всю их специфичность, должны быть все же проинтерпретированы с позиций еще одного классического понятия психологии труда – средств его организации (к данному обстоятельству мы возвратимся ниже).

Столь явное и комплексное соответствие трех основных классов деятельности с тремя компонентами деятельности триады – соответствие, носящее очень глубокий и комплексный, принципи-

альный и многоаспектный – по существу, атрибутивный характер, не могло, разумеется, не проявиться и в собственном гносеологическом плане – в плане того, каким образом в разное время эксплицировался сам предмет психологии труда. Так, мы уже отмечали, что содержанием ее предмета на очень длительном этапе развития – начиная от возникновения и приблизительно до второй трети прошлого столетия были исследования, направленные на первый из основных классов – субъект-объектный. Это и есть, собственно говоря, традиционная, классическая психология труда.

Вместе с тем, в дальнейшем в ее сферу во все большей мере начинают включаться и те виды деятельности, принципиально отличающиеся по многим параметрам от тех которые исследовались ранее. Иными словами, это те виды, относятся уже ко второму классу – субъект-субъектному. Следовательно, и содержание предмета психологии труда также существенно трансформируется, что не только вполне закономерно, но и необходимо, а предмет исследования обретает здесь уже существенно иную экспликацию. Он, в частности, значительно расширяет свои границы, в результате чего возникают многочисленные «зоны перекрытия» с предметными сферами других психологических дисциплин – в особенности, с социальной и организационной психологией. Такая экспликация предмета характерна для того, этапа развития психологии труда, который, оформившись в последней трети прошлого столетия, продолжается поныне. Наконец, как показано выше, а также в ряде наших работ [102, 120], в настоящее время в сферу психологических исследований в целом и в сферу психологии труда, в особенности, во все большей степени включается (и должен включаться!) третий основной класс. Это – субъектно-информационный класс; он во все большей степени входит в содержание ее предмета и тем самым специфицирует его. Важно и то, что такая экспансия – это не только уже оформившаяся реальность, но и главная перспектива дальнейшего развития как самого мира профессий, так и эволюции содержания предмета психологии труда.

Необходимо отметить и то, что каждая из трех этих экспликаций предмета психологии доминировала в ней на протяжении определенного временного отрезка, в связи с чем можно говорить и о трех основных периодах развития ее самой. Первый период являлся наиболее длительным и продолжался в течение приблизительно столетия. Второй период несколько короче – его можно условного ограничить

рамками второй половины прошлого столетия. Наконец, третий период, оформление которого сопряжено уже с нынешним столетием и становление которого происходит в настоящее время, находится лишь на самых начальных фазах своего развития. Он, следовательно, характеризуется пока наименьшим временем существования. Кроме того, синтезируя структурный аспект экспликации предмета психологии труда (состоящей в дифференциации основных классов деятельности как таковой) с временным аспектом, можно говорить, как отмечалось выше, и о трех *основных парадигмах* ее развития. На первой из них доминировало исследование субъект-объектного класса, на второй – исследование субъект-субъектного класса, на третьей – исследование субъектно-информационного класса. Их можно условно обозначить как *объектная*, *субъектная* и *информационная* парадигма.

На основе вышеизложенного можно сделать следующее заключение. С одной стороны, дополнение теории деятельности изучением субъект-субъектных видов, а также введение в ее концептуальный состав самой дифференциации деятельности на объектно-ориентированные и субъектно-ориентированные является очень логичным и естественным, объективно необходимым и понятным со всех точек зрения. Однако, с другой стороны, уже сама эта дифференциация, означающая введение в нее еще одного класса изучаемой реальности, создает своеобразный прецедент, смысл которого заключается в том что, если, действительно, существует еще один класс, то возможно существование и других, также дополнительных, новых и качественно различных классов, каковым и является субъектно-информационный класс.

Наконец, в данной связи необходимо учитывать и еще одно – очень значимое и носящее совершенно объективный характер обстоятельство. Оно состоит в том, что наиболее общей, своего рода магистральной тенденцией развития типов и форм организации профессиональной деятельности как раз и является все более широкое распространение деятельностей именно субъектно-информационного характера. Решающим шагом в этом направлении является, как мы уже отмечали, крупнейший технологический «прорыв», приведший к беспрецедентному распространению компьютерных технологий и к переходу общества в IT-эпоху [1, 44, 128, 129, 283]. Однако именно субъектно-информационные виды деятельности со всей остротой и очевидностью обнаруживают явную недостаточность традиционных подходов к разработке психологической теории деятельности

и, соответственно, требуют разработки новых подходов. В этой связи очень показательным (и доказательным), что именно на основе осуществленной конкретизации основного предмета исследования субъектно-информационного класса очень непосредственно и естественным образом выявляется обстоятельство принципиального плана и фундаментального значения⁶.

Оно, однако, становится еще более зримым с позиций того методологического подхода, который был разработан нами ранее и предложен как базовый для решения вопроса о дифференциации основных классов деятельности – в том числе, и субъектно-информационного [126]. Это подход, базирующийся на синтезе психологической теории деятельности и современного *метакогнитивизма*. В своем общем виде данное обстоятельство заключается в *удивительном* подобии – в принципиальном сходстве и, так сказать, в максимальной конгруэнтности основных особенностей деятельностей информационного характера, реализуемых на базе компьютерной техники, и самой сути метакогнитивизма (его сферы, предмета, специфики, задач, разделов и пр.) – вообще его «духа» и основного пафоса; поясним сказанное. Известно, что в структуре метакогнитивизма исторически сложились и являются в настоящее время основными две его «составляющие», два главных направления [289, 292, 314, 325, 351, 375]. Первое имеет своим предметом исследование метакогнитивных процессов: это *операционное* направление, которое и закреплено в термине «метакогнитивизм». Второе направление имеет своим предметом знания, но особого типа – «знания о знаниях», то есть метазнания: это *операндное* направление, которое закреплено в понятии «психология метапознания».

Однако тем самым складывается ситуация, при которой обе эти основные «составляющие» метакогнитивизма не только органично и полно – причем, взятые в их единстве, воплощаются в сути информационной деятельности, реализуемой посредством компьютерной техники, но и сам компьютер выступает при этом в функции практически полного аналога и даже носителя и «первичных» процессов, и «первичных» знаний. Субъект же деятельности с необходимостью

---

⁶ Напомним, что, согласно такой конкретизации, его главной экспликацией (точнее – целым семейством принципиально сходных экспликаций) являются все те виды деятельности, которые базируются на компьютерных технологиях, а базовым средством труда в них выступает именно компьютерная техника.

выступает при этом и как реализатор процессов по управлению этими «первичными» процессами», и как носитель, а также преобразователь знаний об этих «первичных» знаниях. Следовательно, такого рода субъектно-информационная деятельность не только *может быть* рассмотрена с позиций метакогнитивизма или даже не только может быть понята как метакогнитивная по своей сути. Дело еще и в том, что она *не может* быть понята никак иначе. Между информацией (как предметом деятельности) и субъектом деятельности находится такое средство труда (компьютер), которое по своей сути, фактически, выступает носителем целой системы процессов и системы знаний (баз данных). Они, однако, несут специфически информационный и в этом смысле когнитивный характер, причем, взятые в их единстве. То метакогнитивное содержание, которое представлено в индивидуальной психике во *внутреннем* плане (в частности, в интрапсихической плоскости), в субъектно-информационных деятельности оказывается представленным уже во *внешнем* плане – в том числе, и в распределенном виде между самим субъектом и средством его труда. Можно видеть, что имеет место принципиально *новая* деятельностная реальность, которая никак не присуща двум традиционным классам и которая определяет качественное своеобразие третьего класса и его несводимость к первым двум. Эту реальность во всей ее полноте и сложности, а отчасти – и необычности еще предстоит понять и осознать.

Итак, можно видеть, что развертывание объективной логики развития «мира деятельностей», приведя на современном этапе к необходимости дифференциации субъектно-информационного класса, ставит фундаментальную по своей теоретической и практической значимости проблему. В наиболее общем плане она состоит в необходимости психологического анализа качественно специфического класса профессиональной деятельности – субъектно-информационного. В специализированном плане она эксплицируется как более конкретная, но также очень обширная и сложная проблема, которую можно обозначить как проблема «метакогнитивизм и компьютеризация», «метакогнитивизм и IT-технологии». Она включает в себя очень широкий спектр вопросов и проблем – как тех, которые уже отмечены выше, так и многих других, которые также должны выступить в качестве основных задач данной работы. Подтверждением этого является и то, что исследования в данной области уже сейчас являются весьма актуальными и проводятся, в частности, и в метакогнитивизме, а так-

же в смежных с ним областях (см. обзор в [126]). Однако именно их же развертывание одновременно позволяет наметить и пути дальнейшего развития этой теории, одним из основных среди которых является необходимость ее синтеза с теми данными, которыми располагает современный метакогнитивизм. На основе именно этого синтеза окажется возможным становление нового направления психологических исследований – *метакогнитивной психологии деятельности*.

1.2. Психологическая характеристика информационной деятельности

Исходным и одним из наиболее принципиальных вопросов, возникающих при обращении к исследованию субъектно-информационного класса деятельности, является вопрос о его качественном своеобразии, которое, собственно говоря, во многом вообще определяет правомерность его дифференциации как такового, очерчивает его границы как предмета психологического изучения в целом. В общем – гносеологическом плане это связано с тем, что, как известно, именно качество является наиболее важной и определяющей – сущностной, атрибутивной характеристикой любого объекта. Если такая качественная определенность существует, то существует и сам предмет исследования, а его исследование становится и в прямом и в переносном смысле – *предметным*, то есть объективно обоснованным и имеющим под собой реальную почву. Именно качество – это то, благодаря чему «нечто является тем, чем оно является» [50]; качество – это тождественная со своим бытием сущность [223] и пр. Известно также, что решение этого – ключевого и наиболее принципиального вопроса предполагает экспликацию двух основных сторон – базовых модусов изучаемого предмета. Во-первых, выявление его общих особенностей с некоторой *родовой* сущностью. Во-вторых, выявление его специфических по отношению к ним черт, эксплицирующих его как *видовое* образование в пределах самой родовой сущности. Именно они с высокой степенью очевидности проявляются и в связи с исследованием субъектно-информационного класса деятельности.

В самом деле, нетрудно видеть, что первый из них предполагает выявление *общих* черт данного класса с иными классами деятельности, а также решение вопроса о том, каким образом в нем представлены базовые атрибуты деятельности как таковой, ее наиболее общие

и принципиальные особенности и закономерности структурно-функциональной организации и генетической динамики. Второй из них требует определения тех – *специфических* черт, которые и составляют совокупность его дифференцирующих признаков по отношению к общей категории деятельности. И если решение первого вопроса в целом представляется принципиально понятным, поскольку данный класс с очевидностью эксплицирует все базовые атрибуты деятельности в целом и профессиональной деятельности, в частности, то решение второго вопроса сопряжено с существенно большими сложностями и требует специального рассмотрения.

Действительно, уже выполненные исследования данного класса, равно как и многочисленные эмпирико-феноменологические его проявления, с очевидностью выявляют существование у него базовых деятельностных атрибутов – целенаправленности, предметности, системности, осознаваемости, структурно-уровневой организации, специфически-деятельностных функциональных закономерностей⁷. Однако решение второй задачи – определение специфических особенностей данного класса в целом и его наиболее репрезентативных разновидностей – ИТ-деятельностей, в частности, сопряжено с существенными сложностями. При этом мы вполне сознаем, что данное утверждение может показаться, на первый взгляд, не совсем обоснованным и правомерным, поскольку специфичность этих деятельностей и вообще своеобразие «работы человека с компьютером», напротив, весьма очевидно и отчетливо представлено. Более того, это своеобразие нашло богатое и многоплановое отражение на самых разных уровнях и в самых разных формах – начиная от бытового и заканчивая конкретно-научным и даже философским.

Вместе с тем, именно в этом и заключается основная трудность решения данной задачи: в ней в неразрывном единстве представлены две стороны. Первая связана с влиянием этой техники как таковой на психику и личность в целом – во всех сферах бытия смой личности, в том числе и в ее повседневном поведении. Именно это влияние, в основном, и раскрывается в существующих данных и многочисленных литературных источниках – в частности, в популярной ныне

---

⁷ Вместе с тем, как было показано в предыдущем параграфе и будет дополнено в дальнейшем изложении, даже они подвергаются в данном классе деятельности определенным спецификациям.

проблемной области, именуемой как «психология и Интернет», а также в киберпсихологии в целом. Вторая – более узкая, но и существенно более специфицированная стороны заключается в исследовании информационной деятельности как особого класса именно профессиональной деятельности. Другими словами, это – исследование уже не информационного *поведения*, а информационной *деятельности*. Причем, истинная сложность данной задачи состоит не только в том, что в ней представлены эти две стороны одновременно, и даже не столько в том, что их следует дифференцировать, сколько в том, что их вообще *не следует* дифференцировать по строго дизъюнктивному принципу; поясним сказанное. Действительно, те последствия – эффекты и феномены, которые обуславливает взаимодействие человека с компьютерной техникой во внепрофессиональной, внедеятельностной сфере, во многом принципиально подобны тем, которые возникают в самой этой сфере. Они обусловлены именно спецификой самой этой техники, а не сферой ее применения. Поэтому они во многом инварианты по отношению к различиям в сферах активности человека и транспонируемы, вследствие этого, из одной сферы в другую – в частности, из поведенческой, бытовой в деятельностьную, профессиональную. Вместе с тем, такая транспонируемость все же вовсе не означает полного тождества их проявления в этих сферах. Поэтому те – повторяем, многочисленные данные, которые существуют относительно влияния компьютерной техники на психику и личность обязательно должны быть учтены и вовлечены в проводимый здесь анализ. Однако они должны быть именно учтены, а не механически и автоматически перенесены с поведенческой сферы на собственно деятельностьную.

Далее, очень важно учитывать и то, что влияние профессиональной деятельности, базирующейся на компьютерной технике, на психику и личность и, соответственно, их спецификации под влиянием этой техники, разворачивается *после* того, как это влияние уже произошло во внепрофессиональной сфере. Компьютерные деятельности оказывают поэтому не столько формирующие воздействия на психику и личность, сколько уже базируются на сформированных до этого digital-skills (цифровых навыках). Поэтому и анализировать информационную деятельность без учета всего этого – «уже сформированного» некорректно и контрпродуктивно, а строго говоря, и практически невозможно. Наоборот, учет данного обстоятельства может и должен высту-

пить как одно из важнейших условий адекватного и полного раскрытия специфики самой информационной деятельности. В целом, следует исходить из того, что компьютерная техника практически полностью трансформировала не только профессиональную, но и внепрофессиональную – бытовую, повседневную сферу, а особенности взаимодействия с ней и последствия ее влияния на психику и личность в этих сферах являются принципиально сходными. Поэтому и «разрывать» эти сферы и их влияние на психику также недопустимо; напротив, следует учитывать их взаимодействия и взаимоопосредствования. Более того, никогда ранее средства взаимодействия человека со средой в профессиональной сфере не были столь подобными и, фактически, идентичными средствам его активности во внепрофессиональной сфере. И там, и здесь они, фактически, одинаковы – это все та же компьютерная техника и технологии, базирующиеся на ней. Причем, важно, что освоение последних не только происходит еще до того, как личность вступит в фазу своего собственно профессионального развития. Существенно и то, что многогранные и всепроникающие взаимодействия с ней продолжаются и на этой фазе – они запараллеливаются с профессиональной деятельностью, продолжая оказывать на нее столь же существенное влияние. Тот «компьютерный опыт», который личность продолжает получать во внепрофессиональной сфере, накладывается на развивающийся профессиональный опыт, а само их взаимодействие может протекать как по синергетическому, так и по интерферирующему сценарию. Это также обязывает учитывать те многочисленные данные, которые получены к настоящему времени относительно общего влияния компьютерной техники в целом и Интернета, в частности, на психику и личность. Вместе с тем, и в этом плане со всей остротой предстает сложность этого учета, связанная с поистине безграничным объемом такого материала и его неспецифицированностью по отношению к задачам анализа профессиональной деятельности.

Далее, еще одна особенность осложняющего плана связана с тем, что такого рода материал не только огромен в количественном отношении, но и весьма гетерогенен – разнороден и разнопланов в содержательном плане. Он получен не только и даже не столько в результате специальных исследований в целом и психологических исследований, в особенности, а существенно иными путями. Это – и данные других конкретных научных дисциплин (математики, информатики, кибернетики), и данные обобщения практического опыта

самых IT-специалистов, и так называемый «компьютерный фольклор» и пр. Причем, совсем неочевидно, что именно является более ценным и богатым – данные собственно научного плана или же эти – внеаучные и потому, казалось бы, «ненаучные» представления. Фактически, в этом плане имеет место ситуация, которая была давно распознана в психологии и констатирована для психологического познания в целом: синтез в нем двух источников – научной и «житейской», народной психологии (folk-psychology). При этом совершенно ясно, что данными второй недопустимо пренебрегать и относится к ним как к второстепенным и недостоверным. Напротив, их необходимо всемерно учитывать и использовать. Вместе с тем, даже несмотря на это, их все же недопустимо механически копировать и автоматически переносить на уровень собственно психологического изучения; они также нуждаются в специальной методологической рефлексии и корректировке.

Наряду с этим, следует учитывать и еще одну особенность сложившейся к настоящему времени ситуации. Она состоит в том, что сформировалась определенная традиция (или даже – мода, тенденция) делать акцент при анализе влияния компьютерной техники в целом и Интернета, в особенности, на *негативных* сторонах, на отрицательных эффектах. Безусловно, в этом есть немалая доля истины, а негативные последствия как таковые – это несомненная реальность. Однако не менее несомненными и многоплановыми являются и те позитивные последствия и эффекты, которые сопряжены с этой же техникой. В силу этого, объективная оценка требует учета и негативных, и позитивных последствий одновременно, а перекос как в ту, так и в другую сторону, их абсолютизация недопустим. Как и любое иное крупнейшее технологическое достижение, компьютерная техника потенциально сопряжена как с огромными преимуществами, так и с негативными эффектами. Дело поэтому не только и даже не столько в ней самой, сколько в том, как ее использовать.

Наконец, нельзя не отметить и еще одну трудность принципиального плана, тесно связанную с уже отмеченными выше особенностями и обусловленную ими – прежде всего, предельной разноплановостью и большим объемом существующих данных относительно влиянии компьютерной техники на психику и личность [16, 25, 32, 57, 63, 81, 131, 132, 144, 145, 166, 169, 175, 183, 185, 186, 196, 212, 231]. Она состоит в том, что очень трудно, если вообще возможно, определить какой-либо единый и единственный – унитарный и инвариантный

критерий систематизации этого материала, позволяющий непротиворечиво упорядочить и затем рассмотреть эти данные. По-видимому, таких критериев существует несколько, и данный материал может быть адекватно структурирован лишь на основе определенной совокупности критериев одновременно. Вместе с тем, при решении данного вопроса, по нашему мнению, следует руководствоваться известным методологическим положением о необходимости *целевого* характера анализа. В соответствии с ним, анализ должен быть ориентирован на содействие главной цели того или иного исследования. Ей в данной работе является исследование особого, качественно специфического класса деятельностей – субъектно-информационного. В свою очередь, по понятным причинам своеобразие данной деятельности определяется, прежде всего, именно ее информационным характером и, следовательно, главной ролью в ней собственно *когнитивных* средств – процессов и механизмов, феноменов и закономерностей и пр. Следовательно, основную нагрузку в ее реализации несет именно *когнитивная подсистема* психики, синтезированная из базовых когнитивных процессов. Поэтому и главным предметом рассмотрения в данном параграфе также должны выступить именно они – основные «составляющие» когнитивной подсистемы, то есть основные когнитивные процессы, взятые в плане влияния на них компьютерных технологий, а в более общем плане – цифровизации в целом [16, 49, 53, 132, 144, 280, 283, 321]. Непосредственное отношение к этому вопросу имеет проблема влияния компьютерных дидактических технологий на личность [11, 59, 154, 166, 173, 176, 188, 198].

Учитывая все сформулированные выше соображения установочного плана, перейдем теперь к конкретизированному рассмотрению тех основных и наиболее репрезентативных особенностей – последствий для когнитивной подсистемы психики и личности, которые обусловлены компьютерной техникой и компьютерными технологиями.

Действительно, динамика развития цифровых технологий ставит принципиально новые задачи, связанные с исследованием их влияния на основные когнитивные процессы, требующие не только осмысления, но и поиска путей реагирования на них. По данным, приведенным в прогнозе развития психологической науки, к 2030 г. принципиально новыми направлениями исследований большинство экспертов признают проблемы, связанные с развитием IT-технологий:

психологию социальных сетей, психологию виртуальной реальности, психологию представителей поколения Z – «цифровых детей» [25, 44, 53, 63, 194]. Психологические последствия цифровизации и компьютеризации чрезвычайно широки, в силу чего мы остановимся лишь на наиболее репрезентативных из них. Как известно, в настоящее время для обозначения всего их множества используется термин «*снижение когнитивности*». Он объединяет в себе все эффекты негативного плана, имеющие место по отношению к совокупности основных когнитивных процессов. В связи с этим, целесообразно дифференцировано рассмотреть эти эффекты для каждого из когнитивных процессов в отдельности, начав с фундаментального и базового процесса – *ощущения*. Очевидно, что «экранная культура» и экран компьютера, с которым работает человек в информационной цифровой среде, полностью изменяют сенсорную информацию. Искусственная стимуляция весьма далека от тех носителей, на основе которых и благодаря которым сформировался зрительный анализатор в филогенезе. По существу, речь идет о том, что чувственные, сенсорные основы психики, на основе которых базируются все остальные процессы, приобретают совершенно иной характер – возможно, даже в чем-то чуждый естественной стимуляции. Принимая во внимание известную метафору, согласно которой глаз представляет собой «область мозга, вынесенную на периферию», становятся понятными далеко идущие последствия всего этого и для формирования психики в целом. Фактически, «плазма» вытесняет естественную, природную стимуляцию. Это происходит в связи с тем, что психика имеет способность избирательного взаимодействия: она может выбирать какая реальность – естественная или цифровая более привлекательна для нее.

В данном плане показательны качественные характеристики естественной и цифровой реальности. Первой из них может выступать цветовая и звуковая насыщенность, второй – контрастность стимулов, третьей – динамичность и темпо-ритмические характеристики. По всем выделенным критериям цифровая среда выигрывает у естественной. Для объективной реальности менее характерна цветовая насыщенность, контрастность изображения, динамика движения объектов, для нее в меньшей степени выражен темп и ритм. Реальный окружающий мир оказывается для психики ребенка не таким привлекательным; в связи с этим, первичный мотивационный комплекс, основанный на интересе, реализуется по направлению к цифровой

среде. Сегодня не до конца понятны и осознаны последствия реализации первичной мотивации ребенка по отношению к цифровой среде. Адаптация к цифровой реальности у детей происходит быстрее, чем к реальности объективной. Ее качественные характеристики не выдерживают конкуренции по сравнению с цифровой средой.

Наряду с этим, существуют и иные – также значимые последствия, возникающие на уровне сенсорики. Прежде всего, это синдром компьютерных глаз, синтезирующий отрицательные последствия, которые вызывает частая и длительная работа с компьютером [21, 121, 242, 321]. Термин «синдром компьютерных глаз» обозначает весь спектр нарушений, включая сухость, боль и пр. Согласно существующей статистике, от 50 % до 90 % людей, которым приходится подолгу работать с компьютером, испытывают те или иные проявления синдрома компьютерных глаз. Обычно это состояние рассматривают как профессиональную болезнь офисных работников [321, 387]. Но данный синдром в настоящее время встречается довольно часто и среди детей, которые увлечены играми на компьютере или мобильных устройствах. Нагрузки на глаза повышаются при плохом освещении и неправильном расположении монитора. Зрение должно постоянно фокусироваться на экране, поэтому движения глазных яблок ограничены, что является неестественным состоянием. Все картинки на экране постоянно находятся в одной плоскости, поэтому мышцы, ответственные за изменение кривизны хрусталика и фокусировку зрения, постоянно находятся в напряжении. Экран компьютера сам испускает свет, хотя глаз человека привык воспринимать окружающие предметы в отраженном свете. Особенно большие нагрузки на орган зрения приходятся в случае, если на мониторе настроена слишком высокая яркость. Во время напряженной работы на компьютере, когда нужно сосредоточиться, человек «забывает» моргать [317]. Это приводит к повышенной сухости глазных яблок. В норме человек моргает 15–25 раз в минуту, при этом каждый раз глаз увлажняется слезной жидкостью.

В настоящее время установленным фактом являются расстройства зрения у пользователей ВДТ. Они проявляются вначале повышенным зрительным утомлением, а затем рядом функциональных нарушений, объединенных термином «астенопия» [321, 334]. В них входят неприятные ощущения в области глаз и временное ухудшение зрения вдаль и вблизи. При этом настоящие заболевания глаз

(катаракта, глаукома и другие) не возникают. Не ясной остается лишь возможность возникновения или прогрессирования близорукости на фоне длительной работы с компьютером.

Помимо этого, на зрительное утомление влияет необходимость постоянного перемещения взгляда с экрана на клавиатуру и бумажный текст, а также возможные погрешности в организации рабочего места – неправильное расстояние от глаз до экрана, блики на экране от внешних источников света, чересчур большая яркость экрана и неудачный выбор цветов. Все это приводит к повышенному утомлению зрения и общему утомлению. Кроме того, статичная поза во время работы, повторяющиеся движения и нерациональная организация рабочего места могут приводить к возникновению расстройств скелетно-мышечной системы пользователя ВДТ, которые сопровождаются многочисленными офтальмологическими симптомами. При шейном остеохондрозе возникают головные боли, чувство выпирания глазного яблока, пульсирующие боли в глазах, затуманивание зрения, «летающие мушки» и радужные круги. Основные симптомы синдрома «компьютерного глаза» – зуд, жжение, раздражение и покраснение глаз; иногда возникает ощущение наличия инородного тела. Неприятные ощущения усиливаются во время чтения, просмотра телевизора и работы на компьютере, а также под действием табачного дыма, кондиционированного и холодного воздуха, низкой влажности, ветра. С течением времени этот синдром сухого глаза, помимо физического дискомфорта, может привести к повреждению роговичной ткани, вследствие чего снижается острота зрения, возникают и развиваются другие заболевания, в частности роговично-конъюнктивальный ксероз.

Далее, установлены и негативные влияния на следующий когнитивный процесс – *восприятие*. Так, очевидно, что экранная стимуляция – информация, представляемая с экрана, является двумерной, тогда как психика эволюционно сформировалась на основе восприятия трехмерной реальности. Исследования показывают, что эта несформированность трехмерной метрики и работа в основном с плоскостными изображениями не стимулирует развитие пространственного восприятия. Оно, в свою очередь, тесно связано с наглядно-образным мышлением, а также с креативностью. Эта связь была прослежена уже в классических исследованиях Р. Шепарда по «вращению трехмерных фигур», а имеющиеся в настоящее время данные подтверждают ее [270].

В частности, выявлена корреляционная связь между сформированностью операционного состава пространственного восприятия и креативностью [126]. Существуют указания и на результаты, согласно которым современные школьники дают примерно на 20 % меньшие оценки тестов на креативность, чем школьники двадцатилетней давности [381].

Однако в настоящее время представлены и альтернативные точки зрения на влияние «экранной культуры» в целом (телевидения, компьютерной техники) на когнитивное и личностное развитие. Согласно одной из них, эта культура дает много информации, которую затем можно использовать в творческой деятельности. Согласно второй точке зрения, данное влияние, в основном, отрицательно, в связи с чем сформулировано пять гипотез, которые объясняют это [387].

1) Гипотеза смещения, утверждающая, что отрицательное влияние экранной культуры вызвано ее популярностью. Из того, что значительная часть свободного времени посвящается ей, следует, что меньше времени остается на другие виды деятельности, лучше развивающие креативность, например, на чтение.

2) Гипотеза визуализации приписывает отрицательное влияние экранной культуры в целом и телевидения, в частности, характерной для него манере подачи визуального материала. В отличие от радио или печати, она предлагает готовые к использованию образы, оставляя тем самым мало места для работы воображения. При столкновении с творческой задачей человеку труднее отрешиться от ее образов.

3) Гипотеза пассивности рассматривает экранную стимуляцию как легкодоступное средство массовой информации, не требующее заметных интеллектуальных усилий. Согласно этой гипотезе, низкий уровень интеллектуальных усилий может зафиксироваться в качестве референтного уровня, на который человек будет ориентироваться и в других сферах. Следовательно, творческая деятельность будет тормозиться, так как она требует больших усилий.

4) Гипотеза ускоренного ритма предполагает, что отрицательное влияние экранной стимуляции на креативность вызывается быстрой сменой образов на экране. У человека остается мало времени на переработку информации в своем темпе и на размышление о содержании информации. Ее просмотр, таким образом, отрицательно сказывается на глубине мышления, важной для творческой деятельности.

5) Гипотеза возбуждения основывается, скорее, на содержании экранной информации, а не на ее структуре. Эта гипотеза предполагает

ет, что программы с насилием и активным действием толкают зрителя к предпочтению активного и импульсивного поведения, противоречащего спокойствию, необходимому для творчества [419].

Влияние компьютера на еще один базовый когнитивный процесс – *внимание* связывается обычно с феноменом прерывания [387, 412]. Взятое во внепсихологическом плане, прерывание (*interrupt*) – событие, требующее немедленной реакции со стороны процессора. Реакция состоит в том, что процессор прерывает обработку текущей программы (прерываемой программы) и переходит к выполнению некоторой другой – прерывающей программы, специально предназначенной для данного события. По завершении этой программы процессор возвращается к выполнению прерванной программы. В связи с исследованием данного феномена, основываясь на анализе 10 000 сеансов программирования, записанных от 86 программистов, использующих Eclipse и Visual Studio, и опросе 414 IT-специалистов было обнаружено следующее:

- IT-специалистам требуется в среднем 10–15 минут, чтобы возобновить работу после прерывания и начать редактирование.
- При прерывании во время редактирования только в 10 % случаев программист возобновлял работу менее чем за 1 минуту.
- Программисты в среднем получают только один непрерывный 2-часовой сеанс в день (M. Czerwinski, J. Fogarty) [326].

Эксперименты J. Fogarty показали, в каком состоянии IT-специалист менее всего желает смены деятельности [326]:

- во время редактирования, особенно при одновременном редактировании в нескольких местах;
- в ходе навигационной и поисковой деятельности;
- при понимании потока данных и потока управления в коде;
- тогда, когда окно IDE не в фокусе.

В этой работе зафиксированы и некоторые способы, которыми IT-специалисты справляются с прерыванием; например, в большинстве своем они меняют местоположение перед возобновлением своей деятельности.

Кроме того, установлено, что в деятельности IT-специалистов худшим временем для прерывания и переключения внимания с одной деятельности на другую является тот момент, когда у них наблюдается самая высокая загрузка внимания, памяти и других когнитивных процессов. Установлено, что прерывания во время пиковых нагрузок вызывают самые большие нарушения в текущей деятельности [343].

Далее, установлено, что утомление приводит в деятельности, базирующихся на компьютерной технике, к известному феномену сужения зоны поиска [354]. Он проявляется здесь в том, что «с небольшой усталостью появляется возможность работать (например, кодировать) часами, даже не думая о проверке мессенджеров: как будто Интернет перестает существовать» [381].

Отмечается, что некоторые задачи программирования требуют, чтобы IT-специалисты вносили изменения в кодовую базу. Например, если разработчику необходимо провести рефакторинг кода, чтобы переместить компонент из одного местоположения в другое или обновить код для использования новой версии API, то разработчик должен систематически и тщательно редактировать все эти местоположения, затронутые желаемым изменением. К сожалению, даже простое изменение может привести ко многим осложнениям, требуя от разработчика отслеживать состояние многих мест в коде. Что еще хуже, после прерывания такой задачи удерживаемые во внимании статусы быстро теряются, а многочисленные посещенные и отредактированные местоположения затрудняют концентрацию внимания при поиске [387].

Обращаясь к процессу *внимания*, следует отметить, что наличие множественных модальностей в стимуле увеличивает нагрузку на него [299, 321, 337, 354]. В этом смысле модальность относится к определенному типу восприятий, которые обрабатываются различными областями мозга, такими как слуховые или зрительные пути. Примеры различных модальностей включают лексическую, пространственную, операциональную и структурную. Когда в одном и том же стимуле присутствует несколько модальностей, активируется больше путей, что увеличивает нагрузку на внимание [334].

Далее, следует отметить, что контент, с которым работает современный человек, построен таким образом, чтобы привлекать и удерживать его внимание. В результате этого субъективные возможности управления своим вниманием понижаются. Итог – резкое снижение произвольности как важнейшего атрибута сознания, осознанной регуляции и, как следствие, ухудшение произвольной регуляции в целом, особенно на относительно ранних этапах онтогенеза. Усвоение и переработка сложной информации требует не только концентрации внимания, но и волевых усилий. Конкуренция цифровой среды за внимание аудитории приводит к упрощению контента; при этом контент начинает руководить вниманием, оно приобретает непроизвольный

характер. Следует учитывать, что внимание обеспечивает и энергетическую сторону когниции [334]. В ситуации цифрового познания непроизвольное поддержание внимания, наоборот, оттягивает энергию с других значимых когнитивных процессов – мышления, воображения, памяти, обедняя сферу познания, формируя так называемую интеллектуальную «слепоту».

Исследования Н. Карра показывают, что человек в среднем проводит не более 10 секунд на веб-странице, вне зависимости от ее содержания. Этот факт говорит о том, что внимание стало более рассеянным – «мы не хотим читать длинные статьи, нам нужно схватить главную мысль и бежать дальше. Многие не видят в этом ничего плохого, однако исследования указывают на обратное» [128]. Состояние, в которое под влиянием компьютерной техники ежедневно оказывается погруженным человек, можно описать как непрерывное частичное внимание [128]. Отмечается также, что слишком долгая концентрация внимания на сложной проблеме часто заводит в тупик, приводя к безуспешному поиску решения поставленной задачи. В подобных ситуациях рекомендуется оставить текущую проблему без решения на какое-то время. За время «отдыха» от проблемной ситуации включаются когнитивные процессы, которые были недоступны в состоянии осознанного обдумывания [128].

В связи с развитием технологий и огромных массивов информации, современный человек зачастую вынужден уметь решать несколько задач одновременно. Выполнение нескольких действий параллельно обозначается термином *многозадачности*, или «мультизадакинга». Многозадачность заставляет внимание переключаться с одной мини-задачи на другую с целью повышения эффективности работы. Однако большинство исследований свидетельствуют о том, что подобная практика рассеивания внимания способствует не повышению производительности, а ее снижению [284, 285, 359]. Концентрируясь на нескольких задачах одновременно, человек хуже запоминает информацию, сталкивается со спутанностью своих мыслей и не может отличить главную задачу от второстепенных.

Основная причина данной проблемы кроется в том, что попытки выполнения одновременно нескольких задач, которые плохо сочетаются друг с другом, в целом не являются эффективными. Несколько разноплановых задач плохо синхронизируются в основном либо из-за ограничений моторики, либо по причине того, что эффективно

воспринимается информация только из одного источника. Несмотря на плюсы и минусы многозадачности, главное, что в такой ситуации отвлечение внимания является всегда временным и имеет конкретную цель. Это совсем не характерно для состояния непрерывного частичного внимания, которое, по мнению многих исследователей, наиболее присуще человеку современной эпохи [379]. В состоянии непрерывного частичного внимания к конкретным задачам снижается уровень произвольности. В частности, установлено, что даже краткосрочное взаимодействие с онлайн-средой с большим числом гиперссылок (например, онлайн-покупки в течение 15 минут) снижает объем внимания на длительное время даже после выхода из сети, что не наблюдалось, например, при непрерывном чтении [392].

Как отмечают Г. Смолл и Г. Ворган, «с каждым разом фронтальным долям нашего мозга становится все труднее сконцентрировать внимание на текущей задаче. Исходя из свойств нейропластичности мозга, чем больше мы пользуемся цифровыми устройствами, тем сильнее приучаем мозг к состоянию постоянной отвлеченности» [236]. В ходе проведенных ими исследований были проанализированы снимки мозга 4 500 тысяч детей девяти-десяти лет, их успеваемость и количество времени, которое они проводят в Интернете или за видеоиграми. У тех, кто проводил перед монитором компьютера, с планшетом или смартфоном не менее семи часов в день, размеры префронтальной коры оказались меньше ожидаемой. Кроме того, у них были хуже результаты в тестах на сообразительность и развитие речи. В этой связи Н. Карр отмечает, что, пластичность мозга не есть эластичность: «Наши нейронные связи не возвращаются в прежнее состояние подобно натянутой резине. Они сохраняют свое измененное состояние. И нет никаких оснований считать, что новое состояние окажется для нас желательным. Плохие привычки могут закрепляться в нашем мозге точно так же, как хорошие» [128]. Продолжительная нагрузка на мозг со стороны цифровых источников информации приводит к перенапряжению, усталости, рассеянности и раздражительности. Происходят изменения в конкретных областях мозга – гиппокампе и префронтальной коре, контролирующих наше настроение и мысли. «Эта новая форма психического стресса – ... «техно-мозговое выгорание», грозит перерасти в эпидемию» [236].

При подобной стрессовой нагрузке на организм выделяются адреналин и кортизол, в краткосрочном периоде повышающие общий уровень энергии и положительно влияющие на память, но в более продолжитель-

ной перспективе приводящие к ряду психических нарушений, таких как депрессия, нарушение когнитивных функций, в частности синдром дефицита внимания и гиперактивности – СДВГ (Attention Deficit Trait).

Этот синдром является наиболее распространенной формой расстройства внимания. Его обычно ставят в детском возрасте при наличии следующих симптомов: ребенок легко отвлекается, ему трудно сосредоточиться на заданиях или на игре, он плохо организован, не может довести начатое дело до конца, часто теряет вещи, выкрикивает ответ, не дослушав вопрос до конца. Если ко всему прочему добавляются такие состояния, как гиперактивность и импульсивность, речь уже идет о СДВГ комбинированного типа. В последние годы число детей с таким диагнозом растет. Дело в том, что еще до конца несформировавшийся детский мозг наиболее чувствителен к зрительной и слуховой стимуляции, а постоянное воздействие цифровых технологий способствует увеличению риска заболевания, особенно в первые годы жизни [309, 321, 425].

Подростки, которые играют в видеоигры более одного часа в день, имеют более выраженные синдромы СДВГ, чем те, кто этого не делает [21, 263]. Большую часть перечисленных симптомов отмечают у себя и взрослые люди. В основном гиперактивность их не беспокоит, но плохая память, неспособность подолгу сохранять фокус внимания на конкретной задаче, трудности в изучении нового материала заставляют встревожиться многих. Людям с СДВГ важно научиться структурировать и организовывать свою работу, начиная с малого, например, разобрать рабочий стол от ненужных вещей, которые служат мощным отвлекающим фактором для последующей деятельности.

Интересна альтернативная точка зрения, согласно которой СДВГ – это не диагностическое расстройство, а, скорее, результат адаптации мозга к постоянному воздействию современных цифровых технологий [263]. Огромный поток информации полностью лишает человека возможности сохранять концентрацию на чем-то одном в течение долгого времени. Автор многих работ по исследованию СДВГ Р. Баркли предположил, что описанный синдром расстройства внимания объясняется дефектами преимущественно рабочей памяти (по [235]).

Интернет отнимает значительную часть внимания человека. Подавляющее большинство взрослых, подростков и даже детей в развитых странах выходят в Интернет ежедневно, и значительная часть из них сообщает, что находится в сети «почти постоянно». При этом спо-

способность Интернета привлекать и удерживать внимание обусловлена не только качеством контента, оперативностью и удобством доступа к нему. Скорее, Интернет приковывает к себе внимание самим своим исходным устройством – базовым дизайном. Примером является саморазвивающийся «механизм притяжения» – Интернет выстраивается так, что то, что не привлекает внимания, быстро исчезает в море входящей информации, в то время как успешные аспекты рекламы, статей, приложений или всего, чему действительно удастся привлечь внимание (даже поверхностно) – регистрируются и впоследствии массово тиражируются. Ведущие технологические компании преднамеренно стараются максимизировать пользу от вызывающего зависимость потенциала Интернета путем изучения, тестирования и уточнения привлекающих внимание аспектов своих веб-сайтов и приложений [168, 231].

Отмечается также, что даже когда Интернет не используется для каких-либо конкретных целей (даже развлекательных), он стимулирует так называемое проверочное поведение [283]. Это – краткое, но частое обращение к компьютеру или смартфону для проверки наличия входящей информации с новостных сайтов, социальных сетей или от личных контактов [303]. Данное поведение сопровождается поведенческим подкреплением через «информационное вознаграждение», которое человек получает сразу после проверки устройства. В этом поведении задействуется кортико-стриатальная дофамиnergическая система мозга. Более того, схема подкрепления с переменным успехом, присущая проверке устройств, еще больше закрепляет компульсивное поведение. В результате такого давления на внимание человек привыкает постоянно отвлекаться. Гиперссылки, уведомления и подсказки формируют непрерывный поток цифровых медиа всех возможных форм, тем самым человек побуждается к взаимодействию с несколькими информационными входами одновременно, но только на поверхностном уровне. Укореняется поведенческий шаблон многозадачности [364, 386]. В одном из экспериментов рассматривался способ чтения различных онлайн-медиа при использовании одного устройства (ноутбука). Было обнаружено, что переключение между различным контентом в среднем происходит каждые 19 секунд; причем 75 % всего экранного контента просматривалось менее минуты. Это было подтверждено и более поздними исследованиями. В частности, установлено, что даже краткосрочное взаимодействие с онлайн-средой с большим числом гиперссылок (например, онлайн-по-

купки в течение 15 минут) снижает объем внимания на длительное время даже после выхода из сети, что не наблюдалось, например, при непрерывном чтении [386]. У зумеров внимание уменьшено в разы по сравнению с предыдущими поколениями. Зато отлично развиты переключение и распределение внимания, то есть представители цифрового поколения не могут сосредоточиться на чем либо дольше 15 минут, но они многозадачны и могут быстро переключаться. Далее, непрерывный поток подсказок и уведомлений из Интернета побуждает постоянно удерживать разделенное внимание, что, в свою очередь, может снизить способность сохранять концентрацию на одной задаче и способности запоминать информацию.

Таким образом, можно констатировать два основных направления негативного влияния компьютерных технологий на внимание. Одно из них связано с непосредственным дефицитарным развитием самого этого когнитивного процесса, в результате чего, как было выяснено канадскими исследователями, за первые 15 лет нового века время концентрации людей, активно использующих смартфоны, упало в среднем с 12 до 8 секунд. Другое направление связано с более глубинными – «вторичными» трансформациями базового атрибута произвольности и дефицитами в формировании осознаваемой регуляции, а также с их влиянием и на феномен сознания как максимально интегративное проявление всей организации психики. Особо негативен антагонизм многозадачности как атрибута цифровой среды и принципа монофокусности – «одноканальности» как базового атрибута функциональной организации сознания.

По отношению к следующему основному процессу, входящему в когнитивную подсистему психики, – *воображению*, к сожалению, в настоящее время существуют лишь отдельные, разрозненные данные [21, 30, 43, 81, 132, 139, 143, 173, 205, 231]. Кроме того, эта проблема разрабатывается, в основном, лишь в аспекте изучения влияния компьютерных игр на психику человека и в особенности – ребенка. Тем не менее, и эти данные также позволяют установить некоторые важные трансформации воображения под влиянием цифровизации. Наиболее значимым, по нашему мнению, является то, что она также отнюдь не стимулирует развитие данного процесса, а наоборот, зачастую провоцирует дефицитарность его развития. Причина этого состоит в том, что цифровая среда, специфически интернетовский контент, а в целом – возможности инфографики таковы, что они обеспечива-

ют беспрецедентные средства генерации таких новых, оригинальных, необычных и пр. образов, которые выходят далеко за пределы самого развитого воображения. Интернет-среда предоставляет бесчисленное множество уже готовых образов воображения – его продуктов, причем, очень богатых, легко актуализируемых, привлекательных и пр. Разумеется, это просто избавляет пользователя от «труда воображения», подменяет активность поиском и фильтрацией готового. Если учесть, что воображение является фактором наглядно-образного мышления, а оно, в свою очередь, стимулирует и процесс мышления в целом (многие ученые отмечали, что они мыслят именно образами), то «по цепочке» это негативное влияние транспонируется и на когнитивную подсистему в целом.

Далее, переходя к рассмотрению влияния цифровизации на еще один базовый когнитивный процесс – *память*, необходимо зафиксировать следующие основные положения. Современные компьютерные технологии предоставляют такое качество информации, которое отнюдь не способствует развитию высших видов памяти. Цифровая информация носит, как правило, достаточно поверхностный характер и не нуждается в семантической обработке. Кроме того, информация извлекается по запросу, и у субъекта нет необходимости в ее долгосрочном сохранении и целевой установке на длительное запоминание, так как по запросу ее всегда можно актуализировать. В результате из всех видов памяти наиболее активно формируются, в основном, эпизодическая, фрагментарная, кратковременная, механическая и произвольная память [174, 207, 279, 309, 317, 318, 340, 357, 409]. Однако более сложные – высшие формы и уровни памяти – семантическая, произвольная, долговременная и др. зачастую складываются в относительно более дефицитарном виде. В итоге наиболее развитой у молодых людей оказывается кратковременная память, что закономерно, учитывая клиповость мышления (см. далее). В кратковременной памяти информация хранится как раз небольшими «порциями». Загрузка информации в кратковременную память не вызывает у зумеров никаких сложностей. Но дальше, в долговременную память информация не передается, поскольку вместо долговременной памяти есть компьютер или телефон. В результате, даже употребляется такой термин, как «синдромом амнезии», отражающий негативное развитие памяти как таковой, а эксперты ВОЗ отмечают, что человечеству угрожает «цифровой Альцгеймер». В России психиатры обозначают

этот термин «информационная псевдодебилность». Она не связана с патологиями головного мозга. Заболевшие проявляют признаки слабоумия из-за чрезмерного потребления информации. Любовь к гаджетам угнетает высшие психические функции и когнитивные способности [45, 53]. Среди симптомов – расстройство внимания (рассеянность), ухудшение памяти, низкий уровень самоконтроля, подавленность, депрессия, возможная агрессия. Болезнь проявляется в трудности анализировать сложные интеллектуальные объекты. В связи с этим, крайне важно то, чтобы формирующаяся личность воспринимала реальность физически, а не виртуально. Многие известные личности (С. Джобс, К. Андерсон, Э. Уильямс) строго ограничивают время, которое их дети проводят в гаджетах

В связи с этим возник и термин «цифровое слабоумие», который ввел М. Шпицер [272]. Он указывал, что новое поколение, «выросшее с гаджетами в руках, во многом дезориентированы, они часто путаются и имеют нарушения памяти – симптомы, которые наблюдаются при болезни Альцгеймера. Совсем молодые люди и даже подростки могут демонстрировать симптоматику этой болезни. В общем, в группе риска – все. Например, решить задачку, которую давали в школе сверстникам детей 50 лет назад, становится для них непосильной задачей. Поколение с гаджетами не могут ответить на самые простые вопросы, вроде: «назовите номера телефонов ваших близких», у них возникают сложности с запоминанием имен новых знакомых. Возникает главная проблема: чем раньше ребенок получает гаджет, тем быстрее развивается у него цифровой Альцгеймер. Отмечается, что в эру цифровых технологий, в условиях огромных информационных потоков мы должны, казалось, становиться умнее, однако, этого не происходит. Гаджеты гиперстимулируют зоны мозга, отвечающие за расшифровку визуальных образов. В этот момент мозг включается в режим потребления информации, он не тренируется, выходит эффект «в одно ухо влетело, в другое – вылетело». Остальные зоны мозга недостимулируются и постепенно деградируют». Это приводит к возникновению симптоматики Альцгеймера. Цифровое слабоумие становится главной проблемой всех стран с быстрым Интернетом, где смартфоны есть у большей части населения [129]. Как указывает Н. Карр, «компьютер убивает ваш мозг» [128]. В целом, проведенные исследования доказали, что Интернет изменил память современного человека. Повседневное использование сети влияет на процессы

запоминания, обработки и хранения информации. Для того, чтобы не перегружать память, человеку приходится справляться с главной задачей – фильтрацией.

Существует и альтернативная точка зрения, состоящая в следующем: Интернет – инструмент, помогающий памяти [16, 81, 422, 424]. Благодаря ему, человек не засоряет и не перегружает свою память, зная, что многие данные он может найти в сети. Так, показано, что с использованием мировой сети, лучше организуется поток входящей информации, срабатывает такая функция мозга, как фильтрация. Это происходит потому, что в потоке информации требуется понять, что лишнее [128, 174, 207]. Функция фильтрации очень важна, а Интернет активизирует ее, и в этом есть плюс. В результате тем, чья память уже «перешла на новый тип работы», требуются большие объемы информации для фильтрации. Следовательно, в целом производительность памяти не возрастает. Несмотря на то, что теперь можно найти все, сделав несколько щелчков мышкой, для того чтобы найти нужное, надо быстро перебрать гораздо больше «мусора». Информационные потоки, предъявляют все новые и новые требования к рабочей памяти, которая уже и так функционирует на пределе возможностей. Все большее время в Интернете, приводит к потере концентрации и способности удерживать глубину чтения.

Наиболее частый ответ на вопрос «Как Интернет изменил вашу жизнь?» – это указание на изменение доступа к информации. Впервые в истории человечества большинство людей, живущих в развитых странах, и значительная часть людей из развивающихся стран имеет практически мгновенный доступ фактически ко всей накопленной человечеством информации. Вместе с тем, наряду с очевидными преимуществами эта уникальная ситуация означает возможность того, что Интернет в конечном итоге замещает потребность в определенных системах памяти. Уже первые исследования продемонстрировали, что возможность доступа к информации в Интернете заставляет людей с большей вероятностью запоминать, где эти факты могут быть получены, а не сами факты [168]. В связи с данным феноменом возник термин «внешней памяти». Эффективней просто помнить источник знаний, вместо того, чтобы пытаться хранить всю информацию самостоятельно. Использование систем транзактивной памяти снижает способность вспоминать особенности хранимой ввне информации [357]. Интернет же рассматривается как «сверхвнешняя» память [392].

Однако Интернет усугубляет ситуацию даже в сравнении с «традиционной» внешней памятью. Во-первых, Интернет не возлагает на пользователя ответственность за сохранение уникальной информации, которую могут использовать другие (как это обычно требовалось в доинтернетовских обществах). Во-вторых, в отличие от других хранилищ памяти, Интернет действует как единое целое, которое отвечает за хранение и извлечение практически всей информации человечества, и, следовательно, не требует от людей обязательного запоминания ни того, какая именно информация хранится во внешних хранилищах, ни даже, где она находится (в том числе, знание источника информации).

Таким образом, Интернет становится «сверхъестественным стимулом» для трансактивной памяти, делая все другие варианты когнитивной разгрузки (включая книги, друзей, сообщества) излишними, поскольку они явно уступают открывающимся новым возможностям внешнего хранения и поиска информации.

При этом показано, что доступность информации, скорее, приводит к худшему использованию самой этой информации. Например, экспериментальное исследование показало, что люди, которым было поручено искать конкретную информацию в Интернете, выполняли задачу по сбору информации гораздо быстрее, чем те, кто пользовался печатными энциклопедиями, но впоследствии показали худшую способность вспомнить найденную информацию [302]. В другом исследовании было выявлено, что всего лишь шестидневные упражнения по поиску в Интернете снижают региональную однородность и функциональную связанность областей мозга, участвующих в формировании и извлечении долговременной памяти. Это указывает на то, почему использование онлайн-поиска затрудняет извлечение информации из долговременной памяти самого человека [309]. Более того, когда после шести дней перед испытуемыми были поставлены новые вопросы, у них усилилась потребность в использовании Интернета для поиска ответа на эти новые вопросы, что отразилось в привлечении префронтальных областей мозга, связанных с поведенческим и импульсным контролем [311]. Эта повышенная склонность полагаться на поиски в Интернете для сбора новой информации была воспроизведена в последующих исследованиях и соответствует природе Интернета как «сверхнормальной внешней памяти» [357]. Таким образом, сбор информации в Интернете быстро обуславливает зависимость от него при столкновении с любыми неизвестными ранее

проблемами. Человеку сложнее запомнить ту или иную информацию, если он знает, где при возможности её можно найти, то есть частое использование Интернета и компьютера приводит к ухудшению памяти, снижению ее объема.

В экспериментах по программе «Эффект Google» приняли участие несколько десятков человек [392]. Участникам эксперимента предлагалось запоминать различную информацию. Результаты исследования показали, что в случае оповещения заранее, что некие данные из запоминаемой информации сохранены на электронном носителе, испытуемый запоминал их хуже того участника, который был уверен, что информация полностью удалена. Далее, у современных людей лучше развита трансактивная память. Исследования показывают, что при необходимости найти ответ на сложный вопрос тестируемые сразу обращались к компьютеру, даже не пытаясь поискать в памяти что-нибудь по данному вопросу. Эта особенность подтвердилась результатами еще одного эксперимента: большинство участников лучше запоминали не абстрактные данные, а ту папку из памяти в компьютере, куда эти данные были помещены. Одной из причин ухудшения памяти в целом является информационная перегрузка, которую человек испытывает в том числе при длительном взаимодействии с ПК, телефоном или телевизором [392]. Принцип многозадачности уже признан неэффективным, поскольку приводит к ухудшению возможностей памяти, внимательности, нервным расстройствам. Исследователи из Йельского университета провели следующий эксперимент. Они задавали его участникам вопросы по эрудиции, но у некоторых испытуемых был доступ к Интернету, а другие рассчитывали только на свою память и знания. Те, кто имел возможность «гуглить», часто принимали свое умение найти информацию в Интернете за реальное знание, то есть путали легкодоступную во «всемирной памяти» информацию со своей собственной. Часть функций памяти просто выносятся вовне «и мы перестаем различать нас самих от другого источника» [128]. В субъективном представлении стирается граница между «вспомнить» и «распознать». Распознать («знать, что гуглить») довольно легко, а вспомнить – куда более сложно. Именно поэтому многим студентам стало так трудно заучивать информацию. Они читают текст несколько раз, их мозг «распознает» факты как знакомые – но не «складывает» их в память.

Вместе с тем, выявлено, что, несмотря на неблагоприятное воздействие на обычную «автономную» память, шестидневное обучение

действительно сделало людей более эффективными в использовании Интернета для поиска информации [242]. В исследованиях было обнаружено, что когнитивная разгрузка с помощью цифровых устройств улучшает способность людей сосредотачиваться на аспектах, которые не могут быть воспроизведены или зафиксированы немедленно, и, таким образом, лучше их запоминать [277]. Считается, что эффект «когнитивной разгрузки» уже приносит и принесет еще большую пользу в процессе различных коллективно решаемых задач, распределяя память между людьми и позволяя отдельным индивидам сосредоточиться на очень узких, но прорывных направлениях [279, 283].

В данной связи интересно раскрывается понятие трансактивной памяти, обозначающей объединенную память нескольких или более людей. В цифровую эпоху люди все больше предпочитают запоминать не саму информацию, а только место в Сети, где ее можно впоследствии отыскать, путь к ней [408].

Обработка гипертекста предъявляет повышенные требования к рабочей памяти [304]. При чтении гипертекста префронтальная кора мозга помимо обработки множества сенсорных стимулов, доходя до какой-либо ссылки, останавливает внимание и принимает решение – перейти по ней или нет, причем зачастую такой выбор нами не осознается [304]. Это заставляет каждый раз отвлекаться от информации, на интерпретации которой мы сосредоточены в данный момент. При частых повторях оценивания ссылок для дальнейшей навигации нам становится все сложнее удерживать свое внимание на текущей цели и запоминать прочитанное; рабочая память перегружается. При чтении линейного текста выбор дальнейших действий невелик: мы можем либо приступить к чтению следующего параграфа, вернуться к предыдущему, либо совсем остановить чтение. Для читателя гипертекста количество таких действий возрастает в разы, ему предоставляется полная свобода в выборе действий. Интернет стал первичной формой внешней или трансактивной памяти, где информация хранится коллективно вне нас», и наш мозг стал полагаться на доступность информации. Это приводит к тому, что, хотя «мы не можем помнить все, со временем мы стали лучше искать информации. Похоже, что умственные способности, которые раньше использовались для запоминания фактов и информации, теперь используются для запоминания, как их искать» [304]. Как сообщает портал Onlinecollege.org мы запоминаем меньше, зная саму информацию, чем зная, где ее

можно найти. Но это не обязательно плохо, и даже может быть «отчасти удивительно», поскольку мы адаптируемся к новым технологиям и становимся высококвалифицированными в запоминании того, где найти ту или иную информацию.

Как следствие этого возникли два термина. Первый – цифровая память (digital memory); это явление, характеризующее феномен сохранения связанной с человеком информации в условиях цифровой среды. Основная часть исследований цифровой памяти направлена на выявление последствий влияния Интернета на пользователя. Изучением цифровой памяти занимается направление Digital Memory Studies. Второй – цифровая амнезия (эффект Google [408]); это результат зависимости пользователей от Интернета. Появление поисковых систем значительно сказалось на работе памяти. Возможность легко найти любую интересующую информацию привела к тому, что люди просто перестали запоминать все то, что можно найти щелчком мышки. Тем не менее, многие исследователи утверждают, что цифровая амнезия никак не повлияла на умственные способности человека.

Современные молодые люди запомнят не саму информацию, а место, где ее можно найти. И это не плохо и не ведет к слабоумию. Отмечается, что в свое время такую же реакцию вызвали книги [321]. Если человек знает, что информация доступна по такому-то «адресу», то он запомнит адрес, а не информацию. Еще одной особенностью этого поколения является снижение силы эмоциональной памяти: это запахи, звуки, тактильные ощущения – все то, чего лишен молодой человек, сидящий у компьютера. Происходит «когнитивная разгрузка» индивида. Этот феномен был продемонстрирован во многих контекстах, включая командную работу и другие интернет-технологии – например, сделанная фотография ухудшает память о сфотографированных объектах.

Все вышеизложенное ставит принципиальные вопросы перед психологией памяти. Отмечается, что «практически все, что мы знаем о человеческой памяти, было открыто и сформулировано много лет назад. Но сейчас ученые перепроверяют данные заново. Психика переходит на новый информационный режим функционирования. В связи со сказанным «может случиться так, что старые законы уже не работают, и тогда придется открывать механизмы работы памяти нового поколения заново» [334].

По вполне естественным причинам наиболее существенные и многочисленные трансформации когнитивного плана, провоциру-

емые компьютерными технологиями, имеют место по отношению к наиболее сложному когнитивному процессу – *мышлению*. В этом плане также сложился ряд понятий, в которых зафиксированы основные из этих трансформаций [150, 168, 194, 233, 298, 331, 394, 395, 424]. Это – клиповое мышление, цифровое мышление, 5-g мышление и др. [49, 84, 133, 150, 240, 241, 298, 331]. Все они, в свою очередь, обусловлены базовыми характеристиками самой цифровой информации – многозадачностью, гиперконтекстностью, распределенностью и др. Цифровое мышление (Digital mindset) – это совокупность hard и soft skills, значительно упрощающих жизнь в современном технологичном мире. Основными чертам цифрового мышления являются проактивная позиция; готовность меняться вместе с меняющимся миром; установка на использование цифровых технологий при создании продуктов, услуг, процессов; мышление от задачи пользователя, клиента; следование этическим стандартам цифровой эпохи.

Клиповое мышление порождено цифровизацией всех сфер социума; в особенности оно характерно для представителей поколения Z. Так, автор этого термина – Э. Тоффлер указывал: «временное медиaproстранство представляет собой мозаику нарезанных на фрагменты и лишенных всякой причинно-следственной связи аудиовизуальных образов. Вместо получения пространных, соотносящихся друг с другом «полос» идей, собранных и систематизированных, нас все больше пичкают короткими модульными вспышками информации – рекламой, командами, теориями, обрывками новостей, какими-то обрезанными, усеченными кусочками, не укладывающимися в наши прежние ментальные ячейки» [253]. Далее, указывается, что «Клиповая культура порождает клиповое мышление. Действительно, мессенджеры заставляют нас жертвовать деталями и точностью, а push-уведомления – мгновенно реагировать. Все это приводит к тому, что глубине и точности своего мышления люди начинают предпочитать оперирование поверхностными фактами, которые долго не задерживаются в сознании, поскольку любая информация в ситуации клиповой культуры практически мгновенно сменяется новой. Человек перестает воспринимать мир целостно, вместо этого – последовательность слабо связанных друг с другом событий» [253]. Отмечается, далее, что «Клиповое мышление – это мышление сиюминутного восприятия и реакции, что ослабляет присущие человеческому виду чувствительность и эмпатию» [25]. Приведем некоторые характерные

суждения по поводу самого клипового мышления, базируясь на ряде исследований [354, 406].

– Объем сообщения сокращается. Максимально допускается одна мысль на единицу контента. Если речь идет о видеоконтенте, то это может быть только короткая история.

– Время в клипе фрагментарно, разорвано. Как известно, все важное можно вырезать и склеить при помощи монтажа. Благодаря такому монтажу у людей с клиповым мышлением теряются причинно-следственные связи.

– С этим же связано отсутствие длительности действия. Короткие истории должны быть максимально красочными и образными.

В литературе отмечаются как позитивные, так и негативные стороны клипового мышления. К плюсам клипового мышления относятся следующие обстоятельства.

– Защищает от перегрузки, фильтруя интенсивный поток информации и разбивая ее на небольшие фрагменты.

– Развивает многозадачность: человек может одновременно читать, слушать музыку и вести переписку. Такие люди успешно работают официантами, SMM-менеджерами, администраторами, офис-менеджерами и личными ассистентами.

– Ускоряет реакцию: люди с клиповым мышлением быстрее реагируют на любые внешние стимулы.

К минусам клипового мышления относятся:

– Низкая концентрация: сложно сосредоточиться на чем-то одном, дочитать длинный текст или дослушать длинное интервью, ни на что не отвлекаясь. Людям с клиповым мышлением очень тяжело справляться с работой, которая требует усидчивости и выполнения рутинных операций.

– Поверхностное восприятие, которое приводит к тому, что человек не способен анализировать полученную информацию и делать из нее глубокие выводы.

– Трудности в обучении и усвоении новой информации. Это особенно актуально для студентов и школьников, чья учебная программа построена на более консервативных методах и предполагает пассивное восприятие информации: чтение, слушание, заучивание.

– Подверженность манипуляциям. «Мы не успеваем проанализировать информацию и принять взвешенное решение, а значит не способны воспринимать информацию критически» [253]. Этим

активно пользуются рекламщики и маркетологи, которые воздействуют на эмоции и побуждают людей к импульсивным покупкам.

– Ослабление эмпатии. Постоянное воздействие на эмоции вырабатывает высокий порог чувствительности, и нам становится все труднее сопереживать другим.

В итоге делается общее заключение, согласно которому клиповое мышление – не деградация, а адаптация [253]. Мозг очень пластичен и быстро реагирует на меняющиеся условия, вырабатывая новые свойства. К примеру, вместо заучивания огромного объема информации сегодня гораздо важнее уметь быстро ее находить, обрабатывать и использовать для своих задач. Вполне возможно, что в дальнейшем произойдет новая когнитивная трансформация в целом.

Клиповое мышление рассматривается также и в аспекте его сравнения с традиционным – системным мышлением, в связи с чем у первого констатируются определенные преимущества, которые могут быть резюмированы следующим образом. Оно защищает психику от информационных перегрузок, позволяет легко включаться в работу, осваивать новый материал, подстраиваться под любые изменения, развивает многозадачность. Новые поколения быстрее прежних обрабатывают информацию, легко ориентируются в новых цифровых продуктах, оперативнее реагируют на любые стимулы. Человек с клиповым мышлением обычно не испытывает сложностей с тем, чтобы во время разговора с коллегой одновременно отвечать на письмо клиента, вносить изменения в документ и попутно просматривать ленту в Instagram – качество, которое оценят многие работодатели, любящие «многоруких» сотрудников.

К положительным аспектам влияния компьютера на мышление и когнитивную подсистему в целом относят фасилитацию следующих функций [279, 282]:

– Способность концентрировать внимание на выполнении конкретной задачи. Для этого разрабатываются специальные программы и игры, которые тренируют навык концентрации как детям, так и взрослым.

– Когнитивное укрепление. Человек становится способен быстрее воспринимать данные и раздражители, оперативно на них реагировать.

– Улучшается кратковременная память и ее влияние на мышление. При работе в различных программах или прохождении игр приходится быстро запоминать, а затем применять информацию.

– Снижается время отклика. Человек, регулярно играющий в игры определенных жанров, учится быстрее реагировать на внешние раздражители.

– Повышается концентрация внимания. Человек становится способен дольше удерживать внимание на конкретном объекте; лучше замечаются детали и произошедшие в ситуации изменения.

– Улучшается зрительно-моторная координация.

По отношению к клиповому мышлению существуют две точки зрения. Одна означает, что, так как информация становится проще и в какой-то степени примитивнее, то и мышление упрощается. Согласно другой, культура, наоборот, с каждым годом все усложняется, поскольку окружающая действительность с каждым днем требует от нас все большего интеллектуального напряжения [135].

Систематически отмечается, что у клипового мышления много недостатков. «Люди с перекосом в его сторону плохо работают самостоятельно, не справляются с большими объемами информации. Привыкнув к лаконичным подписям, ярким иллюстрациям и коротким видео, они зачастую не способны осилить многостраничный текст и начинают отвлекаться уже на пятой минуте лекции. У них низкая концентрация внимания, плохая долгосрочная память, отсутствует способность делать аналитические построения и выстраивать логические цепочки. Представителям «клипового» поколения сложно увидеть картину целиком и учесть все факторы, чтобы сделать верные выводы. Психика перестает фиксировать подробности и упрощает ситуацию, а это естественным образом влияет на успеваемость в школе, результаты экзаменов и карьерные успехи» [278]. Кроме того, такие люди легко поддаются манипуляциям и внушению, поскольку у них плохо развито критическое мышление с его неотъемлемым элементом – умением тщательно анализировать контекст. И хотя человек с клиповым мышлением сможет лучше справиться с большим объемом несложных срочных задач, но в дальнейшей карьере, как правило, их опережают коллеги с развитой способностью мыслить системно: делать правильные выводы, замечать противоречия, учитывать контекст, строить прогнозы с учетом множества факторов [298].

Трансформации мышления приводят к достаточно глубинным изменениям, локализованным на уровне психофизиологического обеспечения психики [48, 53, 309, 311, 354, 382, 425, 426]. Мозг изначально обладает нейропластичностью – важнейшим качеством, которое позво-

ляет ему изменять собственную организацию в процессе обучения, решения новых задач, освоения новой среды человеком [307, 354, 380]. Широкое использование интернета во всем мире привело людей к необходимости обрести множество новых навыков и способов взаимодействия с миром и друг с другом, что, соответственно, должно вызывать нейронные изменения в мозге. Например, было продемонстрировано, что даже простое взаимодействие с Интернетом через сенсорный экран смартфона вызывает устойчивые нейрокогнитивные изменения в областях коры, связанных с сенсорной и моторной обработкой движения пальцев рук [354,361]. Некоторые же данные указывают на то, что отказ от «реального мира» в пользу виртуального может вызывать и неблагоприятные нейрокогнитивные изменения. Так, в ходе рандомизированного контролируемого исследования было обнаружено, что шесть недель участия в ролевой онлайн-игре привело к значимому сокращению серого вещества в орбитофронтальной коре – области мозга, участвующей в управлении импульсами и принятии решений [321].

Одним из плюсов клипового мышления является встроенный «файерволл», который работает по принципу «8 секунд»: если за этот временной период информация не «зацепила», то человек ее пропустит и, скорее всего, забудет. Также к восьми секундам прибавляется характеристика «нужное и интересное»: для качественной работы важно, чтобы контент был полезным, а не просто привлекательным.

Неспособность к длительным размышлениям на неочевидные темы – еще один недостаток клипового мышления. Все, что лежит на поверхности, найдется быстро. Но если требуется более глубокая эмоциональная реакция или длительное размышление с аналитикой причинно-следственных связей, то это вызовет серьезные затруднения и большие временные затраты [153]. Необходимость быстро принимать решение серьезно снизила рефлексию на происходящее – будь то эмоциональные факторы или необходимость принять решение. Все вопросы, на которые не может ответить Google, вызывают массу проблем. Как отмечается в литературе, «поисковые системы не дают ответ на вопрос: «Как жить дальше?» [387].

Подобный формат мышления также сильно повлиял на смысловое восприятие. Уже не улавливаются подробности и детали, а формируется общая картина, которая дает лишь представление об основных пунктах или действиях. С точки зрения работы с большими массивами информации – это может быть очень полезно, но не более. По этой же

причине уменьшился объем «оперативной памяти»: зачем все держать в голове, если есть Google.

В целом главные тенденции в современном мире контента, которые способствуют развитию клипового мышления, включают в себя:

- сокращение объема сообщения;
- сокращение числа мыслей в единице контента до одной с дополнением сообщения эмоциональным переживанием;
- многократное повторение одной и той же мысли в рамках одной единицы контента;
- сухой новостной контент больше не работает: аудитория хочет, чтобы в него заранее было заложено какое-то отношение автора;
- разбивка одного сообщения на несколько однотипных;
- на место приглашения к разговору приходит контент как аксиома, который не предполагает рефлексии и анализа со стороны аудитории.

В настоящее время сложился и термин компьютерное или вычислительное мышление – это мышление, участвующие в постановке проблем и представлении их решения в форме, которая может быть эффективно реализована с помощью человека или компьютера. Оно тесно связано с проблемами искусственного интеллекта, которые очень сложны «Для компьютерного мышления характерны следующие четыре принципа или шага:

- Декомпозиция – это разбиение сложной задачи на отдельные, более простые, задачи.
- Выделение паттернов – это поиски определения схожих элементов в простых задачах. Они помогают более эффективно решить общую задачу.
- Абстрагирование – это фокусирование на главных деталях и важной информации и игнорирование второстепенных.
- Запись алгоритма – это запись пошаговых инструкций, для решения задачи, которые могут быть прочитаны и поняты компьютером. Они пишутся на основе информации, полученной в ходе выполнения первых трех шагов. После создания алгоритма выполняется поиск ошибок и их исправление».

Одним из факторов клипового мышления является многозадачность, характерная для распространенного в настоящее время механизма поиска информации в Сети – ведения так называемых «параллельных сессий». Это – достаточно хаотичный поиск нужного материала среди множества открытых интернет-вкладок. Большинство цифровых

текстов созданы по принципу гипертекста – многоуровневой структуры, состоящей из множества отдельных небольших текстов, интегрированных в общий текстовый массив с помощью электронных ссылок, позволяющих читателю переходить от одного фрагмента текста к другому. На первый взгляд плюсы гипертекста очевидны. Например, подобный формат текста используется в обучении, позволяя сделать чтение интерактивным, снабдить информацию дополнительным аудио- и видеоконтентом. Изображения и дополнительные сведения, инструкции способствуют лучшему усвоению прочитанного. Подобный эффект оказывают и тщательно спроектированные презентации, материал которых подкреплен иллюстративным пояснением. Казалось бы, Интернет устроен по такому же принципу, однако главная проблема заключается в том, что информация здесь не сбалансирована, а является «концентрацией фрагментированной мешанины» [128]. Интернет изначально устроен так, чтобы максимизировать количество переходов по ссылкам, тем самым попутно прерывая и рассеивая внимание. Интерактивность и содержательность гипертекста, отмеченная в качестве преимуществ, приводит к созданию сложного продукта, который увеличивает когнитивную нагрузку на мозг в отличие от чтения обычного линейного текста, не снабженного дополнительными ссылками.

Исследования показывают, что чем больше гипертекст содержит ссылок, тем бóльшая когнитивная нагрузка создается. Кроме того, важна сама структура ссылок: больше мешают пониманию ссылки на семантически удаленную информацию, чем ссылки на тесно связанную с главной темой.

Постоянная многозадачность также существенно ухудшает когнитивную производительность субъекта. При этом индивиды которые находятся в состоянии «тяжелой многозадачности» (вынуждены часто и многократно обращать внимание на разные источники информации), показывают худшие результаты в том числе в реальных наборах задач, которые требовали быстрого переключения между их выполнением [369, 380].

Многозадачность не тренируется, а скорее, наоборот, приводит к дисфункции. Как показал анализ результатов исследований, это связано с повышенной восприимчивостью к отвлечению на нерелевантные раздражители окружающей среды [412].

Нейровизуализации работы мозга показали, что те, кто потребляет информацию в режиме «многозадачности», гораздо больше

прилагают усилия на поддержание концентрации при столкновении с раздражителями/ отвлекающими элементами [412]. Структурно высокий уровень использования Интернета и многозадачность в работе с интернет-медиа коррелировали с уменьшением серого вещества в префронтальных областях, которые могут быть связаны с удержанием целей при отвлечении. Особенно сильно поведенческий шаблон многозадачности сказывается на новых поколениях – 85 % учителей согласны с тем, что «современные цифровые технологии создают легко отвлекаемое поколение» [238, 240].

Многолетнее исследование «многозадачного» потребления информации подростками и молодыми людьми показало, что частое «многозадачное поведение» коррелирует с развитием в дальнейшем дефицита внимания именно у подростков, но не у более старших возрастов [238].

Кроме того, постоянное пребывание в состоянии многозадачности в Интернете в детстве и подростковом возрасте вызывает сокращение возможности творческого мышления [64], а также негативно влияет на когнитивное развитие косвенными способами, уменьшая участие в школьной/студенческой жизни и ухудшая сон.

Г. Смолл провел сравнение мозговой активности двух групп – digital native, или коренных жителей цифрового мира (поколение Z), и цифровых иммигрантов (более ранние поколения), неадаптированных к новым цифровым технологиям, так как большая часть их жизни прошла в «доцифровой» среде. Подключив активных пользователей Интернета и тех, кто вообще не использует в своей повседневной жизни компьютер, к магнитно-резонансному томографу, Г. Смолл поставил перед испытуемыми задачу по поиску информации в Сети для решения конкретных, в основном бытовых, задач. Эксперимент показал, что в процессе поиска информации, у активных пользователей Интернета активировалась часть мозга, отвечающая за принятие решений, краткосрочное хранение информации – дорсолатеральная часть префронтальной коры головного мозга. Спустя пять дней эксперимента такая же мозговая активность начала проявляться и у группы людей, которые до этого не пользовались Интернетом [407]. Таким образом, формируется специфический и совершенно новый когнитивный стиль поколения Z. Постоянное нахождение в виртуальной среде с раннего возраста вырабатывает навык нелинейного восприятия: вместо того чтобы обращать внимания на детали, моментально схватывается весь образ целиком.

Итак, по отношению к мышлению обнаруживается существенное, в том числе, и негативное влияние цифровизации. Данный факт связан с кардинальной сменой материала мышления. Несколько упрощая ситуацию, можно заключить, что знания уступают место информации, содержание уступает место контенту [121]. Переработка информации подменяется ее поиском, фильтрацией и использованием, следствием чего является резкое снижение интеллектуальной активности, связанной с переработкой сложной и объемной информации, с восприятием семантически наполненных текстов. В результате, доступность больших массивов информации оборачивается несформированностью механизмов, на основе которых происходит переработка и усвоение информации [121]. Наблюдается диссонанс, между расширением информационной ёмкости среды и несфорсированностью механизмов для ее качественной обработки. Представляется, что это наиболее фундаментальный вызов, с которым сталкивается и психология, и психика формирующейся личности. Обилие информации не только не является непосредственным стимулом этого формирования, но в какой-то степени ингибирует его, а также находящийся в его основании механизмов. Таким образом, можно говорить о том, что объем информации растет экспоненциально, а затраты на ее получение падают, снижаются требования к активности психики в процессе познавательной деятельности, вызывая синдром снижения когнитивности. Отрицательную корреляцию между когнитивными способностями и использованием Интернета показало и исследование, в котором было подтверждено, что люди, которые отличаются повышенными аналитическими способностями, меньше используют Интернет в своих смартфонах для узнавания/припоминания чего-либо в повседневных ситуациях по сравнению с людьми с неаналитическим стилем мышления. Как пишет Н. Карр, «сканирование информации, прежде носившее вспомогательную функцию и использовавшееся лишь для того, чтобы понять, какие источники заслуживают более пристального изучения, в наши дни приобретает большее значение – именно таким образом мы начинаем собирать и оценивать разнообразную информации. Мы переживаем то, что можно назвать обратной траекторией развития цивилизации: из людей, занимающихся культивированием личного знания, мы превращаемся в охотников и собирателей в лесу электронных знаний» [128]. По отношению к трансформациям мышления необходимо также отметить концепцию компьютерного мышления С. Пайперта [195].

Анализ данных наблюдений за поведением пользователей интернета показывает, что частота и форма обращений к Интернету коррелирует с «когнитивной ограниченностью» пользователей [126]. Констатируется негативное влияние гаджетов на память, мышление и креативность. Нейропсихологическими исследованиями показано, что реакции мозга на гаджет идентичны реакции на наркотическое вещество. Введенный в международную классификацию DSM-6 термин «цифровое слабоумие» (digital dementia) у детей, свидетельствует о признании медицинской негативного влияния цифровизации на психику, формировании зависимых форм поведения. Сеть переформирует человека по своему образу и подобию. «Мы становимся адептами быстрого и поверхностного сканирования, но теряем способность к концентрации, размышлению и рефлексии» [128]. Интернет ослабляет интеллект, «но мозгу это нравится». Отмечается и то, что, хотя «Интернет многие ощущают настоящим подарком небес, он постепенно приводит к атрофии памяти и извращает сам процесс мышления, запоминания, ментального конструирования смыслов и логических схем. Мышление становится принципиально другим – более поверхностным, фрагментарным, клиповым и примитивным. Причем, дети даже не подозревают, что раньше мышление было каким-то другим» [153]. Печатная книга помогла сфокусировать внимание, развивая более глубокое и творческое мышление. Интернет же, напротив, поощряет к потреблению быстрых несвязанных кусочков информации из множества источников. Использование Интернета как сверхлегкого способа получения информации приводит к тому, что люди стирают границы между своими собственными возможностями и возможностями своих устройств. Интернет вызывает иллюзию обладания повышенными возможностями. В серии экспериментов было показано, как Интернет влияет на самооценку человека. Оказалось, что использование онлайн-поиска увеличивает оценку человеком того, как много он знает. Эксперименты продемонстрировали, что люди крайне быстро начинают считать «внешние знания» Интернета, о которых они имеют лишь очень приблизительное представление, за свои собственные. Даже непосредственно сразу после использования Интернета, участники экспериментов объясняли то, как им удалось правильно ответить на вопросы – собственной «повышенной мозговой активностью» [283].

Существуют и эмпирически зафиксированные факты в отношении последствий этого. В частности, это данные относительно дина-

мики индекс Флинна. И хотя они не являются вполне однозначными, все же основная тенденция выявляется достаточно четко. Так, согласно одной группе данных, отмечается, что до 2000 года, IQ у представителей развитых стран возрастал в среднем на 1,5 балла каждые 10 лет. После 2000 года динамика инвертировалась и каждые 10 лет в развитых странах IQ на столько же снижается. Иными словами, за 20 лет он снизился примерно на 3 балла. Согласно другой группе данных, этот индекс все же продолжает возрастать, но темпы его возрастания существенно замедлились (по [126]). Приводятся также данные, которые показывают, что современные школьники средних классов обладают примерно в два раза меньшим активным словарным запасом, чем школьники двадцатилетней давности. Многие учителя отмечают, что у детей есть трудности формулировки высказываний и мыслей в девятом классе массовой школы. Дети испытывают трудности и дискомфорт при чтении длинных текстов и книг. Клиповое мышление у детей – это реальность сегодняшнего дня. Снижение когнитивности представляет собой оборотную сторону преимуществ и возможностей, которую содержит в себе Интернет и цифровые технологии.

Специальное направление исследований связано с особенностями мышления программистов. В этом направлении выделены ведущие когнитивные качества, свойственные данной профессии. К ним относятся следующие качества.

Гиперконцентрация. По отношению к деятельности программиста известно, что хорошая и качественная работа над кодом требует очень высокой степени погруженности в код. В этих целях кто-то старается себя изолировать от внешнего мира наушниками, кто-то ставит таймеры, выключает все внешние раздражители и т. п. Соответственно, все это порождает повышенную раздраженность при прерывании данного процесса, что внешне воспринимается непосвященными людьми как «замороженность на работе» и т. п. Не стоит от программиста «требовать внешнего внимания», когда он погружен в код или какую-то задачу [302].

Погруженность во внутренние образы и конструкции. Работа программиста имеет свою специфику, которая в аналогичном виде более всего присуща профессии инженера-изобретателя. Так, в частности, Н. Тесла писал, что мог мысленно построить механизм, запустить его и даже «прокрутить во времени» его работу, чтобы понять какие детали будут изнашиваться и где могут возникнуть проблемы

в будущем. Не менее сложные конструкции возникают и в процессе профессиональной работы программиста. Данный эффект называется образно-чувственным конструированием [302]. Именно поэтому программисты «чувствуют» код; знают, когда он «красив», когда «грязен»; будет он работать или нет и т. д. Отмечается, что хороший программист сопоставим с писателем художественных произведений.

Низкий уровень социального взаимодействия и его разнообразия в повседневной работе. Данное качество не является обязательным, однако все же периодически встречается и может играть свою определенную роль в деформации психики. Так как большую часть рабочего времени программист проводит в мире кода и единственными «собеседниками» в нем являются «методы, функции, объекты, модули, пакеты и т. п.», соответственно и уровень социального взаимодействия у программистов, как правило, ниже, чем в большинстве профессий. Это связано еще не столько с тем, сколько людей вовлечено в работу, сколько с тем, думает ли о других людях в данный момент сам человек. Программистам иногда сложно работать рядом с людьми других профессий.

Обостренное восприятие причинно-следственных связей. Данный способ мышления еще принято называть «техническим складом ума», когда человек старается найти всему рациональное объяснение и понять причинно-следственную связь [206]. Со стороны это часто может восприниматься как «замороченность над мелочами».

Привыкание к формализованной постановке задач. Так как программист должен создавать код, который должен работать ровно так, как это требуется для задачи, то привычка делать то, что было сказано, постепенно перетекает и в другие области жизни.

Согласно другой классификации, выделяются следующие специфические качества:

- аналитическое мышление, тесно связанное с логикой;
- алгоритмическое мышление;
- умение мыслить абстракцией;
- знание синтаксиса и языков программирования.

В исследованиях дифференцируется также следующий набор навыков, необходимых для развития мышления программиста [62, 200].

– Для того, чтобы научиться мыслить как программист, необходимо уметь проводить аналогии между знакомым и новым. Имея базовые знания в программировании, специалист должен разбираться

в технической документации и осваивать новые технологии на базе предыдущего опыта.

– Программист должен уметь сосредоточиться на выполнении поставленной задачи на протяжении длительного времени. Если внимание не будет сфокусировано полностью на решении проблемы, то может быть упущена большая часть работы. Также необходимо концентрироваться на связанных друг с другом элементах и понимать принципы их взаимодействия.

– Способность грамотно пользоваться наработками. Программисту нужно учитывать при решении задачи, что ранее ее мог решить другой специалист. Допустимо разбирать готовые наработки, вникая в код. Таким образом, можно сэкономить большое количество времени, а также дополнить ранее написанный код.

– Прогнозирование различных сценариев развития событий. Нужно предусмотреть несколько вариантов, в том числе и нестандартных. Необходимо продумать, к чему приведет каждый из сценариев. Мышление программиста отличается именно этими особенностями, что позволяет избежать сбой программы в разных случаях ее использования.

– Способность к непрерывному обучению. Постоянное развитие информационных технологий сопровождается тем, что программисту нужно уметь быстро реагировать на изменения.

– Стремление к совершенствованию навыков. Рефакторинг постоянно сопровождает программиста в работе. Идеальный код еще не придуман, его всегда можно переписать эффективно, увеличив его производительность.

Систематически подчеркивается необходимость для программистов таких качеств, как способность к абстрагированию и пониманию отношений между элементами, гибкость мышления, критичность, склонность к планированию, анализу и систематической работе, готовность пополнять знания и переучиваться; признаются существенными и вербальные, и невербальные компоненты мышления. На качественно различных этапах работы программиста (анализ задачи, составление блок-схемы, разбиение на модули, кодирование, отладка, стыковка модулей, документирование, сопровождение и т. п.) перечисленные свойства представлены в разных соотношениях.

Согласно другому подходу, дифференцируются несколько иные отличительные качества личности программиста [62, 210]:

Концентрация. Работа над кодом требует максимальной концентрации. Сформировать обстановку, располагающую к наибольшей погруженности в процесс, помогает полная изоляция от внешних раздражителей.

Интроверсия. Нередко программистов винят в своеобразной отрешенности, называя интровертами. Во многом их работу можно сравнить с деятельностью инженеров-изобретателей. В реальной жизни программисты чрезвычайно погружены в свои мысли, так что у окружающих может возникнуть ощущение формирования у них легкой формы аутизма [210]. В действительности гики могут быть довольно общительными, ведь часто это эрудированные люди с высоким уровнем интеллекта.

Рациональность. Излишняя рациональность и попытка во всем найти причинно-следственную связь характеризует большинство программистов. Даже привычные, казалось бы, простые вещи, которые не вызывают интереса у простых людей, могут провоцировать бурю мыслительных процессов у гика. Часто их умозаключения кажутся более чем странными и вызывают удивление. Опыт программиста обостряет восприятие причинно-следственных связей. Когнитивные процессы, которые кажутся обычному человеку сложными и «замороженными», для программистов привычны: просто они так мыслят.

Перфекционизм – еще одна форма профессиональной деформации программиста. Стремлением к детализации и четкости выполнения поставленных задач был известен С. Джобс. Он всегда стремился к идеалу, не упускал даже наименьшей детали. Он был уверен, что все гениальное строится на мелочах, поэтому уделял им пристальное внимание.

Гаджетомания. Программисты, в большинстве своем, истинные «инженерные модники», то есть, они тратятся не столько на одежду, обувь или аксессуары. Их мысли и желания обращены в сторону инновационных гаджетов. Они с нетерпением ждут появления новинок и даже незначительный апгрейд привлекательных моделей гаджетов вызывает у них бурю эмоций.

В целом исследование личностных черт программиста является частным случаем проблемы влияния компьютерных технологий на личность [16, 21, 63, 69, 132, 143, 152, 168, 173, 185, 187, 194, 195, 231, 235, 254, 271]. В особенности данная проблема представлена по отношению к исследованию так называемой личности компьютерных аддиктов. В этом плане выделяются следующие присущие им качества [44, 206]:

- сложности в принятии своего физического «Я» (своего тела);
- сложности в непосредственном общении (замкнутость);
- склонность к интеллектуализации;
- чувство одиночества и недостатка взаимопонимания (возможно, связанное со сложностями в общении с противоположным полом);
- низкая агрессивность;
- эмоциональная напряженность и некоторая склонность к негативизму;
- наличие хотя бы одной фрустрированной потребности;
- независимость выступает как особая ценность;
- представления об идеальном «Я» не дифференцированы, завышены или даже нереалистичны;
- самооценка занижена;
- склонность к избеганию проблем и ответственности.

Как можно видеть из проведенного выше анализа, в его процессе систематически возникал вопрос о соединении позитивных и негативных тенденциях во влиянии цифровых детерминант на когнитивные процессы и на когнитивную подсистему в целом. Это, в свою очередь, вполне закономерно и согласуется с тем, что одной из основных проблем, систематически возникающих и постоянно обсуждающийся в связи с вопросом о влиянии компьютеризации на психику, как раз и является проблема соотношения позитивных и негативных аспектов этого влияния. Она может формулироваться в разных терминах и в разных аспектах, обозначаясь, в частности, как проблема соотношения продуктивных и контрпродуктивных тенденций в развитии психики под влияние компьютерной техники, как проблема соотношения формирующих и деформирующих трансформаций личности, как вопрос о конструктивных и деструктивных функциях компьютерной техники и пр. Причем, как уже отмечалось выше, при ее рассмотрении сложилась вполне явная тенденция и даже – своего рода мода акцентировать внимание, прежде всего, на тенденциях негативного плана, на отрицательных последствиях влияния компьютерной техники. В этом конечно есть немалая доля истины, а широкий спектр таких – именно негативных последствий как раз и рассмотрен в ходе предшествующего изложения. Однако нельзя не видеть и тенденций противоположного рода – позитивных, связанных с продуктивными, генеративными тенденциями и формами влияния этой техники. Собственно говоря, именно поэтому сама проблема формулируется как проблема *соотношения* тех

и других, а не как проблема выявления только отрицательных последствий. Вместе с тем, в действительности, данная проблема является еще более сложной и комплексной, поскольку в ее составе представлен дополнительный – эмпирически выявленный, но пока явно недостаточно осмысленный аспект. Его смысл состоит в следующем.

С одной стороны, последствия отрицательного плана, действительно, представлены достаточно широко и комплексно. Более того, они, как правило, становятся все более явными при увеличении меры контактов с компьютерной техникой – так называемого компьютерного времени. Особенно подробно данный вопрос рассмотрен, как известно, в плане негативных влияний этой техники на формирование психики в детском и подростковом возрасте. В связи с этим, возникает вполне логичное предположение, согласно которому, если такого рода тенденция сохраняется и в дальнейшем – на последующих возрастных этапах, то она будет приводить к еще более негативным последствиям, к снижению когнитивного и любого иного потенциала психики. С другой стороны, несомненные факты именно это и не подтверждают, свидетельствуя, скорее, об обратном – о позитивном влиянии работы с компьютерной техникой на более отсроченных возрастных этапах. Действительно, существует немало исследований, в которых показано, что IT-специалисты, как правило, характеризуются относительно более высоким уровнем развития большинства когнитивных качеств и способностей, а уровень их интеллектуального развития значимо превосходит аналогичный уровень специалистов во многих иных профессиональных сферах. Тем самым складывается внутренне противоречивая картина, состоящая в нестыковке двух – вполне очевидных тенденций. Первая состоит в прямой связи компьютерного времени и, соответственно, степени интенсивности контактов с компьютерной техникой и степени выраженности негативных тенденций. Вторая состоит в такой же – весьма выраженной, но противоположной по направленности, то есть позитивной тенденции ее влияния, которая проявляется по отношению к профессиональным специалистам IT-профиля.

Мы полагаем, однако что, в действительности, здесь нет никакого противоречия, а данная ситуация может быть объяснена следующим образом. Те последствия негативного плана, которые, действительно, имеют место и систематически фиксируются, в основном, выявляются по отношению к внепрофессиональной сфере (точнее – к допрофессиональным стадиям развития личности), то есть по отношению

не к информационной *деятельности*, а к информационному *поведению*. Однако, по отношению к первой – к информационной деятельности обнаруживается другая – противоположная тенденция. Следовательно, сами эти негативные влияния имеют место, прежде всего, там и тогда, где и когда эта техника выступает не в ее основном назначении – как инструментальное средство решения иных и более общих, собственно деятельностьных задач, а в других также важных, но внепрофессиональных функциях – рекреационных, бытовых, сервисных, игровых, информационных, коммуникативных и пр. Причем, сами эти функции недопустимо трактовать как менее значимые, чем профессиональные, поскольку они для очень многих являются еще более лично значимыми, нежели профессиональные функции (нередко – несопоставимо более значимыми). И наоборот, чем в большей степени данная техника используется в ее инструментальной – деятельностьной функции, тем более выраженным становится ее позитивное влияние на когнитивные и иные возможности личности.

Таким образом, можно констатировать следующую ситуацию. Негативное влияние этой техники, действительно, имеет место и весьма выражено, прежде всего, во внепрофессиональной (внедеятельностной) сфере и, соответственно, на допрофессиональных стадиях онтогенеза (в детском и подростковом возрасте). Однако, по отношению к собственно профессиональной сфере, то есть по отношению к работе с этой техникой в рамках той или иной деятельности, на этапах профессионального развития данная тенденция инвертируется и представлена как позитивное влияние, стимулирующее когнитивные функции и иные ресурсные возможности. Конечно, нельзя не учитывать и того, что, в действительности, картина является еще более сложной, поскольку и на этапе профессионализации также имеют место некоторые негативные тенденции, связанные с феноменом профессиональных деформаций специалистов профиля. Речь идет лишь о доминирующем векторе влияний. Иными словами, можно констатировать ситуацию, при которой профессиональная информационная деятельность, реализуемая на компьютерной базе, «исправляет» те дефекты и негативные последствия, которые оформились на допрофессиональных стадиях, в информационном поведении личности.

В связи с этим, можно констатировать и специфическую функцию самой информационной деятельности – *компенсаторную*, корректирующую эти последствия. Она приводит к важному следствию,

которое можно обозначить как феномен *деятельностной компенсации*. Его сущность состоит в том, что информационная деятельность (деятельность, реализуемая на основе компьютерной техники) корректирует – компенсирует, «исправляет» те негативные последствия, которые вызваны этой же техникой, но на додеятельностных этапах онтогенетического развития, то есть во внепрофессиональной сфере. Безусловно, этот феномен является очень сложным и нуждается в специальном анализе – прежде всего, в плане выявления тех механизмов, которые лежат в его основе. Он зафиксирован в настоящее время не только на эмпирическом уровне и не только в плане профессиографических фактов и феноменологических наблюдений, но и в собственно исследовательском плане. Так, он был подвергнут нами специальному исследованию в работе [118], в которой показано, хотя и диверсифицированное, но в целом позитивное влияние профессиональной информационной деятельности на когнитивные и регулятивные функции. В ней изучалось влияние компьютерных средств обучения, применяемых в процессе образовательной деятельности, на динамику развития метакогнитивных и метарегулятивных детерминант ее реализации. В результате было обнаружено, что данное влияние является не только значимым, но и комплексным, поскольку оно существует как в отношении факторов собственно метакогнитивного плана, так и в отношении факторов метарегулятивного плана. Кроме того, выявлено, что оно является также и принципиально диверсифицированным, так как его характер – мера и направленность является существенно различным в отношении двух указанных категорий факторов – метакогнитивных и метарегулятивных. Действительно, с одной стороны, происходит значимое снижение степени выраженности ряда базовых компонентов метакогнитивного плана, что свидетельствует о тенденции достаточно общего плана – о снижении функциональной роли метакогнитивной регуляции под влиянием включения в деятельность этих средств. С другой стороны, по отношению к основным компонентам не метакогнитивного, а метарегулятивного плана выявляются существенно иная и во многом – противоположная тенденция. Она состоит в том, что использование в деятельности компьютерных средств обучения не только не приводит к значимому снижению функциональной роли в ней этих факторов, но имеет место даже ее определенное возрастание. Это фасилитирующее влияние компьютерной техники на меру и характер представленности факторов метарегулятивного

плана существует не только по отношению к каждому из них в отдельности (то есть на аналитическом уровне детерминации), но и в плане их интегративного влияния – на структурном уровне детерминации. Таким образом, под влиянием деятельностной детерминации происходит значимое развития именно метарегулятивных факторов, что выполняет компенсаторную функцию по отношению к факторам метакогнитивного плана. Именно это и является конкретным средством той деятельностной компенсации, которая была зафиксирована выше.

Кроме того, в связи с этим можно дифференцировать и еще одно явление, которое также обнаруживается в ходе исследования информационной деятельности [126]. Оно состоит в том, что она оказывает уже не собственно компенсаторное, а непосредственное – *стимулирующее* воздействие на когнитивные и иные функции; она не «исправляет» и корректирует, а стимулирует – фасилитирует их. Данное явление можно обозначить как феномен *деятельностной фасилитации*. Так, в работе [113] было установлено, что между двумя основными метакогнитивными процессами – метапамятью и метамышлением существуют множественные взаимосвязи и взаимодействия. Они носят не только комплексный, но и вполне закономерный характер. На результативном уровне данные взаимосвязи проявляются в том, что индивидуальная мера выраженности этих процессов коррелирует при $r < 0,20$, то есть представлена как тенденция, что, в свою очередь, указывает на ее сложно-опосредствованный характер. Он проявляется, во-первых, в существовании взаимных влияний обоих этих процессов друг на друга, а не в каком-либо однонаправленном влиянии. Во-вторых, она проявляется в асимметрии детерминационных влияний этих процессов друг на друга: влияние метамышления на метапамять выражено в более явном виде, нежели обратное влияние метапамяти на метамышление. В-третьих, между этими метакогнитивными процессами существует и непосредственное взаимодействие, эксплицируемое посредством факторного эксперимента, которое носит характер расходящегося, а его смысл состоит в взаимоусиливающем – фасилитирующем (каталитическом) взаимодействии факторов по отношению друг к другу в плане детерминации ими тех или иных результативных эффектов.

Однако, в плане основных задач данного изложения наиболее значимо то, что все эти особенности и закономерности не только сохраняются в условиях реальной деятельности, то есть в естественных и значит экологически валидных условиях, но и становятся в них более

выраженными – рельефными и отчетливыми. Их включение в систему деятельности приводит к фасилитации меры их представленности, что является следствием усиления их функциональной роли в ее организации. Имеет место фасилитирующее влияние деятельностного контекста на установленные во внедеятельностных, то есть экспериментальных условиях, закономерности. Это и эксплицирует явление деятельностной фасилитации. Его установление содействует разработке важной проблемы метакогнитивизма – проблемы экологической валидности полученных в нем экспериментальных результатов. Оно выступает частным случаем и конкретным проявлением общего принципа «единства психики и деятельности», согласно которому первая не только проявляется во второй, но и формируется в ней. Безусловно, что апелляция к данному принципу вовсе не направлена на объяснение данного явления и даже не претендует на это; напротив, она с еще большей остротой ставит задачу объяснения тех механизмов, которые лежат в его основе. Однако нельзя не видеть и другого: сама логика исследования информационной деятельности как нового – третьего основного класса привела к той же фундаментальной проблеме, к которой намного раньше привела логика исследования двух других классов. Она привела к тому же основному методологическому принципу – принципу единства психики и деятельности и к необходимости экспликации базовых механизмов, которые зафиксированы в нем как в результате обобщения данных феноменологически несомненной реальности.

Кроме того, следует отметить, что анализ содержания информационной деятельности, равно как и особенностей, сопряженных с использованием компьютерной техники в целом, своей собственной логикой приводит и к еще одному важному обстоятельству. Как можно видеть из только что рассмотренной особенности, она обусловила необходимость фиксации особых – специфических феноменов, порождаемых этой техникой – в частности, феноменов деятельностной компенсации и деятельностной фасилитации. Тем самым, однако, эта логика привела к еще одному и очень значимому аспекту рассмотрения – собственно *феноменологическому*. Он в общем плане связан с выявлением и объяснением тех явлений, которые сопровождают бытие изучаемого предмета и эксплицируют его содержание. Обращение к данному аспекту также может содействовать расширению представлений об информационной деятельности в целом и о ее влиянии на психику и личность. В связи с этим, необходимо специально остано-

виться на этом – также определяющем аспекте, раскрывающим специфику информационной деятельности в целом и тех ее многочисленных видов, которые базируются на компьютерной технике, в частности.

Действительно, в исследованиях этой деятельности постоянно отмечается конструктивность реализации по отношению к ней двух важных понятий – *hard-skills* и *soft-skills* (жестких и мягких навыков). В свою очередь, они, разумеется, имеют самое непосредственное отношение к одному из наиболее общих подходов к разработке деятельностной проблематики и созданию дидактических программ – *компетентностному*. Он, как известно, является логическим продолжением и развитием одного из важнейших положений психологии профессиональной деятельности, согласно которому основными факторами, определяющими ее результативные параметры, выступают детерминанты субъектного плана. Оно не только стало своего рода «классикой жанра», но и, фактически, единодушно разделяется исследователями в данной области. Разночтения начинаются уже после его признания в качестве основополагающего и касаются, в основном, детализирующих и конкретизирующих вопросов, связанных, в частности, с систематикой и классификацией такого рода детерминант, с их типологизацией и кластеризацией, с разработкой вариантов обобщающих представлений об их совокупности и пр.

Кроме того, как и любая классика, это положение, сохраняя свою актуальность и значимость в целом – в его принципиальном содержании, в то же время, весьма чувствительно к тем изменениям, которые объективно присущи развитию научных представлений, равно как и к изменяющимся требованиям со стороны практики. В силу этого, оно предстает в новом свете в каждый конкретный исторический период. Одно из показательных проявлений этого заключается в следующей особенности современной трактовки данного положения, которая заслуживает, по нашему мнению, специального анализа.

Дело в том, что логика развития представлений в этой области привела к тому, что в сферу субъектных детерминант профессиональной деятельности, наряду с их традиционно дифференцируемыми категориями (например, с категорией профессионально-важных качеств, дифференцирующейся, в свою очередь, на различные типы), стала включаться и принципиально новая категория, обозначаемая обобщающим понятием *компетенций*. Это, и привело к становлению компетентностного подхода как такового, получившего весьма широкое рас-

пространение и ставшего, по существу, парадигмальным основанием для разработки данной проблемы в целом на современном этапе ее развития. Важную роль в обретении им такого статуса сыграло и то, что понятие компетенции является комплексным – синтетическим. Оно позволяет интегрировать в себе не только факторы собственно субъектного плана, но и те детерминанты, которые сопряжены с факторами, имеющими исходно внесубъектную локализацию – в особенности, с социальным опытом и с системами знаний, интернализуемых субъектом и определяющих регуляцию деятельности. Не вдаваясь, разумеется, здесь во все перипетии развития данного подхода, в его достоинства и ограничения (поскольку это не только особая, ни и, фактически, безбрежная тема, требующая специального рассмотрения), отметим лишь одну, но крайне значимую особенность такого развития, которая обычно не становится предметом методологической рефлексии.

Так, в работе [126] нами была предпринята попытка реализации компетентностной парадигмы по отношению к исследованию информационной деятельности. Одним из главных результатов ее реализации явилось то, что именно с этих позиций оказалось возможным дать достаточно полное раскрытие ее структурно-уровневой организации, которая как раз и образована организованной системой различных по уровню обобщенности категорий деятельностных компетенций. Более подробно данная организация в целом, а также каждая из основных категорий компетенций будет рассмотрена в главе 3. Пока же отметим лишь те их стороны, которые содействуют решению рассматриваемой здесь задачи – экспликации содержания и своеобразия информационной деятельности, базирующейся на компьютерных технологиях.

Общеизвестно, что широкое распространения компетентностного подхода, который, в свою очередь, непосредственно сопряжен с еще более общим – деятельностным подходом к обучению и образованию, к профессиональной подготовке в целом, выдвигает целый ряд достаточно острых теоретических и прикладных проблем, в том числе – и перед психологией деятельности. Одной из ключевых среди них является задача адекватной и корректной интерпретации самого понятия компетенции, а также его соотношения с понятием компетентности. По ходу дальнейшего изложения мы неоднократно будем обращаться к этой проблеме; пока же зафиксируем лишь наиболее принципиальное в данном контексте обстоятельство. Оно заключается в том, что, по-видимому, наиболее адекватной и психологически корректной трактов-

кой компетенции является ее понимание в качестве основной, базовой «единицы» структурно-функциональной организации деятельности, а также ее генетической динамики. Вообще говоря, представляется достаточно странным и даже парадоксальным, что компетентностный подход, базирующийся на деятельностной парадигме, до сих пор обходит вниманием наиболее фундаментальную теоретическую проблему самой этой парадигмы – проблему основных структурных единиц деятельности⁸. Действительно, компетенции по определению являются *интегративными* образованиями, в которых синтезированы три основных компонента так называемой «ЗУНовской триады» (знания, умения, навыки). Следовательно, в них возникают собственно системные эффекты, порождающие качественную определенность всей целостности – деятельности как таковой. Компетенции поэтому и являются истинными носителями этой качественной определенности; они релевантны содержанию деятельности в целом и выступают наиболее обоснованными средствами ее экспликации – в том числе, и ее психологического анализа.

Одновременно, они являются все же и достаточно *локальными* образованиями деятельности, дифференциация которых обеспечивает должный уровень детализированности и глубины ее декомпозиции, а следовательно, – глубины и эффективности самого анализа. Причем, они соотносятся не с какими-либо частными, второстепенными, условно выделенными в гносеологическим целях и т. п. аспектами деятельности, а с ее объективно главными аспектами – с теми *функциональными задачами*, на решение которых она направлена и совокупность которых составляет ее содержание как таковое. Кроме того, крайне важно, что при таком подходе эксплицируется очень четкий и определенный критерий самой дифференциации этих «единиц», поскольку в их качестве как раз и выступает совокупность этих основ-

---

⁸ Данное обстоятельство может быть объяснено, на наш взгляд, именно тем, что в настоящее время наметилась достаточно выраженная тенденция к снижению интенсивности разработки собственно теоретических вопросов психологии деятельности – в особенности, с позиций системной методологии. И напротив, попытка интерпретации базового понятия всего компетентностного подхода – понятия компетенции именно с этих позиций, предполагающая его трактовку в качестве основной (достаточно дифференцированной, но одновременно – и интегративной по своей природе) «единицы» деятельности, показывает конструктивность и перспективность реализации этой методологии по отношению к разработке теории деятельности.

ных функциональных задач деятельности. Далее, очень существенно, что в компетенциях, как уже отмечалось, представлены в неразрывном – интегрированном виде все три основных плана деятельности, отраженные в еще одной триаде – деятельностной (субъект, объект, процесс деятельности). Действительно, компетенции – это неразрывный синтез *субъектных* характеристик (поскольку они являются системными качествами, формирующимися в результате интеграции трех – субъектных по своей сути компонентов «ЗУНовской триады») [126]. В то же время, в них репрезентировано *объективное* содержание деятельности (ее функциональных задач и «материализованных» средств, на основе которых возможно их решение), а также важнейшие характеристики собственно *процесса* деятельности. Именно эти характеристики как раз и закреплены в нормативно-одобренном способе деятельности (НОСД), который во многом образован необходимыми для его реализации компетенциями.

Далее, важно подчеркнуть, что именно в русле данного подхода как под влиянием собственной логики его развития, так и под воздействием факторов внетеоретического – прикладного плана оформились и стали весьма популярными, широко применяемыми два тесно связанных понятия, обозначающих две группы профессиональных компетенций. Это, как отмечалось, понятия так называемых «жестких» и «мягких» навыков (*hard-skills* и *soft-skills*) [147, 233, 246, 261]. Характерно и то, что эти понятия стали настолько распространенными и популярными, что вышли за границы их специального употребления, войдя даже в повседневную жизнь и в естественный язык. Кроме того, важно подчеркнуть, что они возникли отнюдь не в самой психологии и даже не в исследованиях иных научных дисциплин, а имея, в основном, сугубо практические основания, однако, очень хорошо прижились, продемонстрировав свою конструктивность и операциональность.

Другими словами, они возникли не как следствие эволюции теоретических представлений в области профессиональной деятельности, а также сопряженных с ней направлений, а в силу логики развития самой этой деятельности – практики ее осуществления и эволюции ее видов и типов, форм и классов. Они имеют потому, скорее, практически «корни». Однако это обстоятельство не только не делает их менее обоснованными и корректными, но напротив, может рассматриваться как важнейший аргумент в пользу их обоснованности. Это – убедительное свидетельство их жизненности, верифицированности практикой и оцен-

ки этой практики со стороны социума. В дальнейшем данные понятия постепенно стали подвергаться осмыслению с собственно методологических позиций, постепенно ассимилироваться и психологической проблематикой. Однако такую методологическую рефлексию пока нельзя считать достаточной – в полной мере раскрывающей их истинную природу и действительную многоплановость, равно как и сложность той реальности, которая ими обозначается. Более того, пока, фактически, отсутствуют и сколько-нибудь оформленные и развитые специальные методологические подходы, направленные на это. Как следствие этого, до настоящего времени практически отсутствует какая-либо специальная и тем более – психологическая теория в этой области; кроме того, задача разработки такого рода теории также не сформулирована в явном виде и не осознана как первоочередная необходимость.

Действительно, практика убедительно свидетельствует о том, что наиболее распространенным средством экспликации содержания и организации деятельности, а также требований к субъекту при ее осуществлении, является ее описание в виде известной *матрицы* компетенций – в основном, принадлежащих к категории *hard-skills*. Более того, эта матрица является и средством экспликации требований к освоению тех или иных учебных курсов в вузе, в профессиональной подготовке, а не только при реализации сформированной деятельности. И хотя такого рода матрицы иногда подвергаются критическим оценкам за их якобы «недостаточную теоретичность», а в ряде моментов и за их эклектичность, тем не менее, они многократно показали свою практичность и релевантность именно прикладным задачам. Поэтому их надо не столько критиковать, сколько понимать их истинный статус: они являются вовсе не объяснительным средством раскрытия закономерностей деятельности, а *описательным* средством, которым эксплицируется истинное содержание деятельности и которое должно рассматриваться не как конечный, а как исходный пункт на пути ее изучения и объяснения закономерностей ее организации. Далее, весьма значимо – прежде всего, в плане практической реализуемости и то, что именно эта категория компетенций является наиболее эксплицированной – как субъективно, так и объективно.

В первом из этих аспектов – субъективном данное обстоятельство обусловлено высокой степенью развернутости – сукцессированности такого рода компетенций, которая, в свою очередь, является следствием их достаточно высокой сложности и, соответственно, необходимо-

стью активного субъектного контроля как за их формированием, так и за ситуационной реализацией. Во втором – объективном плане это обстоятельство связано с тем, что, как отмечалось выше, именно на «языке» компетенций в целом и данной их категории, в особенности, представлены нормативные описания и экспликации деятельности в целом. Деятельность вообще получает свою нормативную экспликацию через содержание компетенций данной категории. Категория *hard-skills* соотносится, как отмечалось, с основными функциональными задачами, которые, в свою очередь, составляют содержание деятельности и решение которых необходимо для ее реализации. Общая цель деятельности может быть достигнута посредством реализации тех подцелей, которые соотносятся с основным функциональными задачами, возникающими по ходу ее выполнения. Для каждой из них та или иная подцель также будет выступать в качестве системообразующего фактора активности субъекта. При этом в плане обсуждаемых здесь вопросов важно то, что каждая функциональная задача может быть решена с существенно разной степенью эффективности, а она, в свою очередь, непосредственно определяется тем потенциалом субъекта, который и зафиксирован в понятии компетенции. Более того, сами компетенции как своего рода оценочный конструкт являются производными от меры эффективности решения субъектом основных функциональных задач. В этом плане сами понятия функциональных задач и компетенций являются атрибутивно взаимологаемыми и взаимопроизвольными; они, фактически, вообще могут существовать только в связанном друг с другом виде, обретая смысл лишь в соотношении друг с другом. Существенно и то, что любая реальная деятельностная задача, зафиксированная в понятии функциональных задач, является столь же атрибутивно комплексной и сложной, требующей опоры на целый ряд детерминант и средств. Однако именно такая сложность компетенций как раз и является основным специфическим свойством.

Понятие функциональных задач и, соответственно, то содержание, которое в нем зафиксировано, является конструктивным средством анализа, обеспечивающим его реализуемость, еще по одной важной причине. Она состоит в том, что нормативное содержание деятельности, как правило, эксплицируется в них и через них: для того, чтобы охарактеризовать содержание деятельности, требования к ней и пр., необходимо, прежде всего, определить совокупность того, что должен делать субъект и как он это должен делать. В силу этого, нор-

мативные описания деятельности очень часто представлены именно как система функциональных задач – как *функционал* субъекта. Сам же функционал – это и есть во многом реальная экспликация содержания деятельности в целом и субъектно-информационной деятельности, в частности.

Вместе с тем, реальная и достаточно обширная практика анализа тех видов деятельности, которые базируются на компьютерной технике, весь опыт исследования этой деятельности в целом – причем, не только и даже не столько собственно психологический, а также требования к ее субъекту, с очевидностью вскрывают дополнительное – очень важное обстоятельство. Компетентность профессионала не может быть сведена только к тем «составляющим», которые обозначаются понятием *hard-skills* и которые локализованы на собственно деятельностных уровнях. Очень важной «составляющей» компетентности выступает также и то, что – в обобщенном виде обозначается понятием «мягких» навыков (*soft-skills*) и включает в себя такие компетенции, которые имеют наддеятельностный характер, не выводятся из содержания самой деятельности и не сводятся к нему. Высказывается даже мнение, согласно которому общая результативность деятельностей данного типа более чем на половину определяется именно. И даже если в этом утверждении есть некоторое преувеличение, то в любом случае оно отражает несомненную реальность важной роли такого рода образований в ее осуществлении. Они выступают реально действующими и весьма сильными детерминантами, обуславливающими деятельность. Причем, они не просто включаются в нее и тем самым – выступают как «составляющие» ее организации, но в значительной степени влияют на все иные компетенции – на их содержание меру выраженности и в особенности на их организацию. При осмыслении данной категории компетенций необходимо учитывать следующие обстоятельства.

Во-первых, само понятие *soft-skills* сложилось отнюдь не как собственно психологическое и закрепилось не только и даже не столько в психологической литературе. В результате этого, его собственно психологическое содержание остается во многом неопределенным, не эксплицированным с точки зрения традиционной понятийной системы психологии, недостаточно соотношенным с ее базовой проблематикой. Во-вторых, приходится учитывать и крайне выраженный эмпиризм в данной области, проявляющийся, прежде всего, в большом количестве и разноплановости дифференцируемых *soft-skills*,

а также их перечней, классификаций. Данная область исследований и практических разработок находится сегодня на претеоретической стадии, характеризующейся чертами эмпиричности, эклектичности, мозаичности, прагматизма и пр. Само по себе это неплохо; важно лишь помнить о том, что данная стадия должна быть с необходимостью дополнена и преодолена посредством перехода к собственно теоретической стадии, на которой осуществляется осмысление и интерпретация того богатейшего эмпирического материала, который накоплен на предыдущей стадии разработки.

Следует отметить, что даже несмотря на такую «пестроту» и несистематизированность, все же дифференцируется относительно постоянный их набор, который чаще всего включает в себя следующие «составляющие»: коммуникативные навыки, социальный интеллект, умение работать в команде, критическое мышление, клиентоориентированность, саморегуляция, принятие решений, тайм-менеджмент, эмоциональный интеллект, работа в режиме неопределенности, самоанализ и саморефлексия. В силу этого, он и должен быть рассмотрен в качестве ориентира для определения содержания и специфики информационной деятельности. Это означает, что ее психологический анализ должен включать экспликацию и интерпретацию указанных компетенций, а также их роли в организации деятельности в целом. Причем, он должен обязательно учитывать и те спецификации, которым они подвергаются в соответствии со своеобразием анализируемой деятельности. Следует подчеркнуть также, что необходимость их анализа отчетливо проявляется, конечно, не только по отношению к деятельности, базирующихся на компьютерной технике, но и в отношении многих иных видов деятельности, в особенности, наиболее сложных, то есть имеет общий характер. Однако важно отметить и то, что именно в отношении этой деятельности данная необходимость предстает с наибольшей очевидностью. Тем самым, ее исследование выступает своего рода стимулом для развития методологии психологического анализа деятельности, а также для самого компетентного подхода.

Итак, дифференциация субъектных детерминант на *hard-skills* и *soft-skills* имеет преимущественно практические «корни», поскольку она сложилась, прежде всего, как результат обобщения реальной практики организации деятельности, базирующихся на компьютерной технике. Кроме того, важно подчеркнуть, что она имеет внепсихологический характер и, более того, изначально оформилось не как

следствие каких-либо теоретических результатов вообще, а именно как практически обусловленное. Вместе с тем, она по своему «духу» – смыслу и принципиальному содержанию она в значительной степени содействует раскрытию содержания информационной деятельности. Это – частный случай достаточно общей закономерности, согласно которой при изучении данной деятельности выявляется своеобразный феномен «сходимости» психологических подходов к ее исследованию и практических – эмпирически складывающихся представлений о ней и о требованиях к ее реализации. Данное обстоятельство является и проявлением весьма типичной для деятельностей субъектно-информационного класса особенности. Она заключается в том, что весьма богатый материал, который может быть использован для психологического анализа деятельности, уже получен иных – внепсихологических способах экспликации ее содержания.

Далее, при рассмотрении понятий *hard-skills* и *soft-skills* необходимо зафиксировать еще одно обстоятельство принципиального плана. Оно состоит в том, что собственная логика развития представлений относительно сущности этих понятий, а также их роли в организации профессиональной деятельности привела к необходимости введения еще одного важного понятия – понятия *метакомпетенций* [126]. Посредством него была осуществлена дифференциация всей совокупности компетенций на две основные группы. Первая включает те компетенции, которые непосредственно обусловлены самой деятельностью – ее содержанием и условиями, предметом и средствами ее реализации. Вторая группа включает принципиально иные по генезу компетенции, а их сущность заключается в их наддеятельностном характере. Поэтому общая совокупность компетенций не может быть сведена только к тем «составляющим», которые обозначаются понятием *hard-skills* и которые локализованы на собственно деятельностных уровнях – заложены «внутри» самой деятельности. Очень важной «составляющей» всей совокупности компетенций выступает также и то, что – в обобщенном виде обозначается понятием «мягких» навыков (*soft-skills*) и включает в себя такие компетенции, которые имеют внедеятельностный характер. Они имеют не *интра*деятельностную, а *экстра*деятельностную локализацию и образуют класс *soft-skills*. Именно он и обозначается понятием метакомпетенций.

При их осмыслении, однако, возникает целый ряд трудностей, обусловленных двумя основными причинами. Во-первых, как мы от-

мечали выше, само понятие soft-skills сложилось отнюдь не как собственно психологическое; вследствие его собственно психологическое содержание данного понятия остается во многом неопределенным, не эксплицированным с точки зрения традиционной понятийной системы психологии. Во-вторых, приходится учитывать и крайне выраженный эмпиризм в данной области, проявляющийся, прежде всего, в большом количестве и разноплановости – фактически, в эклектичности дифференцируемых soft-skills, а также их перечней, классификаций.

В связи с этим, представляется необходимым ограничить сферу анализа, а для этого – определить состав и содержание самой категории soft-skills. Данная задача, с одной стороны, является относительно несложной, поскольку в настоящее время представлено множество конкретных вариантов их состава. Однако, с другой стороны, эта задача осложняется тем, что существующие перечни носят в значительной степени эклектический, не систематизированный и неструктурированный характер; они являются результатами обобщения практического опыта, а не итогом каких-либо теоретически обоснованных обобщений. Такого рода затруднения связаны и с тем, что, как правило, эти перечни предлагаются не профессиональными психологами, а потому носят и не вполне корректный с точки зрения психологической терминологии характер (а часто и выражено некорректный). В них представлены сущности совершенно разного уровня обобщенности и уж, тем более, отсутствует критерий их дифференциации. Вместе с тем, несмотря на это, нельзя не отметить и того, что предлагаемые варианты наборов все же весьма сходны друг с другом; это является важным свидетельством обоснованности и значимости включенных в них «составляющих» и, что еще более существенно, принципиальной инвариантности их состава как для отдельных видов деятельности, так и для целых их классов. Конкретные варианты их дифференциации уже приводились выше; в дополнение к ним можно указать, скажем, на такой вариант их состава: самоорганизация и самообразование, критическое мышление и логика, грамотность и язык, психологическая устойчивость,

Анализ этих и многих иных вариантов перечней позволяет выявить ряд значимых с точки зрения основных задач данной работы особенностей. Они, в свою очередь, могут составить основу для их собственно теоретического осмысления – в том числе, и для экспликации дополнительных особенностей феноменологической картины деятельности информационного класса. Так, практически во всех

перечнях совершенно очевидным образом эксплицируется представленность трех базовых *подсистем психики* в целом – когнитивной, регулятивной и коммуникативной. Действительно, такие *soft-skills*, как, скажем, память, внимание, креативность, навык решения проблем непосредственным образом конкретизируют когнитивную подсистему. Другие *soft-skills* – такие, как, целенаправленность и умение доводить дело до конца, тайм-менеджмент и др., столь же непосредственно сопряжены с регулятивной подсистемой. Наконец, такие *soft-skills*, как навыки коммуникации, умение вести переговоры конкретизируют важнейшие черты и средства коммуникативной подсистемы.

Во-вторых, при несколько ином способе видения в этих перечнях эксплицируется их явная соотносимость и с «составляющими» психики, дифференцированными еще по одному основанию – на ее основные *сферы*. В частности, представленность в них такого компонента, как эмоциональный интеллект отчетливо указывает на представительство в них собственно эмоциональной сферы. Другой *soft-skills* – саморазвитие, хотя и более опосредствовано, но явно соотносится с мотивационной сферой личности. *Soft-skills* психологическая устойчивость столь же явно базируется на детерминантах волевой сферы.

В-третьих, не менее явно в этих наборах представлены и такие факторы, которые соотносятся уже не особенностями индивидуальной психикой, с факторами *интериндивидуального* плана – с тем, что обозначается как навыки межличностного взаимодействия, умение работать в команде, навыки установления контактов, а в целом – социальный интеллект.

В-четвертых, при более детализированном анализе выявляется и сопряженность этой категории с еще одним фундаментальным «пластом» психической организации – с *состояниями* и с возможностью их регуляции. Это, скажем, все то же умение управлять эмоциями (и, следовательно, состояниями), самоконтроль и пр.

В-пятых, такой *soft-skills*, как саморазвитие имеет тесную связь не только с профессионализацией как таковой, но и с возможностью влияния на еще один базовый «пласт» организации психики – индивидуальные, личностные *качества*. Кроме того, с ним же связано и еще – самообучение, что зафиксировано и в понятии *life-long-learning* как абсолютном императиве профессионала.

В-шестых, в значимой части всех *soft-skills* или даже в их большинстве прямо или косвенно, но в очень существенной степени их де-

терминационного влияния представлены и те факторы, которые имеют уже надличностную – *социальную* и даже экологическую, «средовую» детерминацию.

Итак, можно видеть, что, фактически, не остается ни одного сколько-нибудь значимого аспекта, ни одной существенной сферы организации психического, ни одной его базовой «составляющей», которая не была бы отражена в перечнях *soft-skills*. Более того, в них представлены факторы не только собственно психологического, но и внешнего – социального средового плана. И именно это обстоятельство, являясь очень общим и демонстративным, а потому – очень показательным заслуживает особого внимания и интерпретации. На наш взгляд, именно оно как раз и свидетельствует наилучшим образом о том, что вся совокупность собственно профессиональных компетенций (*hard-skills*), равно как и сопряженных с ними феноменов, представлена в реальности отнюдь не в автономном виде – не в «чистой» форме, а в структуре более общих и, пожалуй, еще более существенных детерминант – в структуре другой категории (*soft-skills*).

Отсюда, в свою очередь, вытекают два значимых, на наш взгляд, следствия. Во-первых, все основные разновидности *soft-skills* не только могут, но и должны быть проинтерпретированы в качестве факторов метакогнитивного плана, поскольку все они, в конечном итоге, направлены на оптимизацию другой категории компетенций – *hard-skills*, которые, в свою очередь, носят принципиально когнитивный характер, имеют атрибутивно когнитивную природу. Причем, здесь происходит своеобразное и очень важное расширение самого понятия «метакогнитивные факторы», возможность которого, однако, уже прогнозировалась выше. В их качестве выступают, фактически, все основные «составляющие» более общих метасистем (личности, социума, процесса деятельности), поскольку они выполняют специфически метакогнитивные функции – они так или иначе, прямо или косвенно, но существенно детерминируют реализацию деятельностных функций, которые, однако, имеют выраженное когнитивное содержание. Поэтому и все *soft-skills* также должны быть с необходимостью поняты и как метакогнитивные. Именно это обстоятельство, как отмечалось, эмпирически закрепились в самом термине, применяемом по отношению к ним – метакомпетенции. Причем, речь, конечно, идет не только об их влиянии на профессиональные компетенции так сказать «в принципе», но о совершенно конкретных формах и средствах

такого влияния. Так, например, навык саморегуляции, то есть умение контролировать свое состояние, является мощнейшей внекогнитивной, то есть метакогнитивной детерминантной, позволяющей оптимизировать реализацию самих когнитивных функций, составляющих основное содержание информационной деятельности.

Во-вторых, не менее значимой, но существенно более имплицитной является еще одна особенность, состоящая в следующем. Как известно, своего рода аксиомой системной методологии в целом является положение о существовании фундаментального феномена «удвоения качеств», согласно которому в составе целостной системы то или иное явление – та или иная часть, наряду с сохранением ее качественной определенности, обретает еще и качественную специфичность. Однако именно это и имеет место по отношению к анализируемым здесь вопросам. Действительно, включаясь в более общий контекст – в обобщенные метасистемы, в которых локализованы их детерминанты, *hard-skills* подвергаются воздействию с их стороны. В результате этого они, наряду с сохранением своей качественно определенности, обретают еще качественную специфичность – имеет место фундаментальный феномен (и механизм) «удвоения качеств». И именно в этом, на наш взгляд, заключается основной принцип взаимодействия двух категорий компетенций – *hard-skills* и *soft-skills*, равно как и представленных в них деятельностных структур и образований, процессов и феноменов. *Soft-skills* оказывают свое влияние на деятельность не только и даже по большей части – не столько непосредственно, сколько опосредствованно. Это происходит за счет того, что они трансформируют и специфицируют детерминационное влияние на нее основных деятельностных компетенций – *hard-skills*.

Вследствие этого возникает наиболее принципиальная с точки зрения традиционных представлений трудность. Оказывается, что в качестве субъектных детерминант деятельности выступают и такие факторы, которые лежат вне нее самой, имеют так сказать экстрасистемную локализацию. Они, не принадлежа ей исходно, тем не менее, оказывают на нее очень существенное влияние и, более того, включаются в общий состав ее собственных субъектных детерминант. Они, равно как и ее собственные детерминанты – *hard-skills*, обозначаются *одним* и тем же базовым понятием – понятием *skills*, что как раз и подчеркивает их функциональную общность. Это указывает на включенность и тех и других в содержание самой деятельности,

что и символизирует их принадлежность к одной и той же категории субъектных детерминант, а не к их разным категориям.

Иными словами, логика развития представлений в этой области привела к необходимости их рассмотрения именно как двух разновидностей одной и той же сущности, а не двух разных категорий. Складывается ситуация, при которой soft-skills обретают очень специфический и даже отчасти парадоксальный уровневый статус. Они одновременно локализованы и внутри деятельности, и вне нее, поскольку исходно локализованы в более общих по отношению к ней метасистемах, то есть выступают как своего рода метауровень по отношению к ней. Именно это, собственно говоря, и зафиксировано в использовании понятия метакомпетенций для обозначения soft-skills. Дело в том, что они – даже с чисто формальной и просто этимологической точки зрения являются образованиями, в известной степени выходящими за пределы той системы, которую они, в действительности, «обслуживают» – деятельности. Они не связаны напрямую с ее содержанием и организацией, с ее технологией и операционным содержанием, хотя и необходимы для них. Тем самым, они, являясь наддеятельностными и потому – надсистемными образованиями, выступают как проявления именно метасистемной организации деятельности. Как следствие этого, по отношению к организации деятельности и ее субъектных детерминант складывается принципиально новая и существенно более сложная психологическая реальность. Несколько схематизируя складывающуюся ситуацию, можно сказать и так: в действительности, деятельность включает в себя и то, что ей исходно вовсе не принадлежит и что отнюдь не вытекает непосредственно из ее содержания. Она ассимилирует в себе – в своем собственном составе и такие сущности, которые имеют по отношению к ней как к системе внешнюю, то есть экстрасистемную локализацию. И именно они, функционально включаясь – так сказать «встраиваясь» в нее, образует один из уровней ее субъектных детерминант – уровень метакомпетенций, который и образован классом soft-skills. Они при этом оказывают отнюдь не только так сказать внешнее и потому – относительно менее существенно влияние на деятельность, а нередко играют вообще ведущую и определяющую роль в ее организации. Поэтому они не только не должны, но и объективно не могут быть проинтерпретированы как факторы только внешнего плана; как, хотя и сильные, но все же внешние детерминанты деятельности. Они обретают все атрибуты, прису-

щие ее собственным, то есть внутренним детерминантам, обретая тем самым статус именно таковых – аутохтонных факторов деятельности. Понятно, что такая – повторяем, существенно более сложная, нежели это полагается традиционно, деятельностная реальность ставит перед психологической теорией деятельности новые и весьма трудные задачи; она должна стать предметом осмысления и объяснения. При этом не только не исключено, но напротив – весьма вероятно, что, в силу новизны и «необычности» – противоречивости и отчасти парадоксальности констатированной выше ситуации, в этих целях необходимо использовать не только традиционно сложившиеся теоретические представления, но и новые методологические подходы. Один из них будет представлен в параграфе 3.3.2.

Продолжая анализ специфики тех видов информационной деятельности, которые базируются на компьютерной технике, необходимо учитывать, что по отношению к ним сложилось и еще одно важное и емкое, хотя не вполне четкое понятие – понятие *цифровых навыков* (digital-skills). Оно систематически представлено в нормативных документах, регламентирующих содержание и организацию деятельности, а также ее материальную часть – саму технику и ее характеристику, а также требования к пользователю. За счет этого понятия оказывается возможным в очень существенной степени расширить ту информацию, которая может быть получена в результате психологического анализа деятельности. Вскрывается большой пласт содержания этой деятельности, а также требований к ее субъектным детерминантам. Именно через них – опосредствованно открываются возможности и для выявления особенностей самой деятельности⁹. Причем, в особой интерпретации нуждается употребление в данном контексте самого понятия навыков. С одной стороны, в этом заключен прямой – весьма глубокий смысл, состоящий в том, что через него предпринимается попытка экспликации некоторых – именно базовых, исходных «составляющих» регуляции этой деятельности; того, на чем с необходи-

---

⁹ Они вообще рассматриваются сегодня как «новый английский», то есть как необходимое средство деятельности и социальных взаимодействий. К ним относятся, в частности, знание основ кибербезопасности, Интернет вещей, работа с данными, цифровой этикет, смобучаемость и адаптивность, понимание цифровых трендов, владение мессенжерами, умение пользоваться таск-трекерами, знание статистики, умение пользоваться Excel, владение BI-инструментами, [56, 147, 175, 233, 247, 281].

мостью основываются все иные ее – более комплексные регуляторы. С другой стороны, следует учитывать, что само это понятие возникло отнюдь не как психологическое. Поэтому оно вовсе не претендует на то, чтобы соответствовать тем атрибутам, которые дифференцированы в психологии по отношению к навыкам в их строгом, то есть собственно психологическом смысле – как к *автоматизированным*, неосознаваемым «составляющим» действий. Оно имеет своим содержанием, фактически, всю совокупность ее базовых регуляторов, которые выступают специфическими средствами именно этой деятельности. Они воплощают в себе основные – необходимые для ее осуществления субъектные средства. Тем самым, оно синтезирует в себе широкий спектр такого рода требований, включая и те образования, которые на языке психологии не только не являются ими, но и категорически им не соответствуют – умения и даже знания.

Вследствие этого возникает принципиальный вопрос – можно ли вообще в психологических исследованиях использовать данное понятие, поскольку оно очевидным образом не согласуется с важными психологическими обстоятельствами? Острота констатированной выше ситуации состоит и в том, что, строго говоря, с собственно психологических позиций в целом и с точки зрения классических представлений теории деятельности, в частности, эти понятия вообще не выдерживают никакой критики уже только потому, что в них используется термин «навык». Действительно, в психологии им принято обозначать совершенно иную сущность – автоматизированные, неосознаваемые и потому относительно наименее сложные ее структурные «составляющие» – ее элементы. Однако в сложившихся понятиях зафиксированы совершенно иные – несопоставимо более сложные и уж во всяком случае отнюдь не неосознаваемые компоненты деятельности, а напротив, ее сложнейшие составляющие. Кроме того, понятия *digital-skills*, *hard-skills* и *soft-skills* вообще внутренне противоречивы, поскольку они могут использоваться как средство обозначения и навыков, то есть относительно наименее сложных с психологической точки зрения составляющих деятельности, и компетенций как наоборот одних из наиболее сложных – интегративных ее субъектных детерминант. Наряду с этим, они используются и как средство обозначения еще одной разновидности субъектных детерминант – умений. Причем, как правило, вопрос о недопустимости смешения в терминах таких принципиально разных с психологической точки зрения сущностей даже не ставится

и не обсуждается. В результате эти понятия являются в значительной степени лишь собирательными и имеющими лишь операциональный, а не субстанциональный, то есть объяснительный характер. Они фиксируют в себе некоторые подчеркнута функциональные сущности, формирующиеся и реализующиеся как средства обеспечения деятельности, и синтезирующие для этого в себе отмеченные выше – гетерогенные образования.

Вместе с тем, данное обстоятельство, по нашему мнению, вовсе не должно рассматриваться как причина для отказа психологией в использовании этих понятий. Оно должно быть не аргументом для их неприятия и непринятия, а основанием для необходимости концептуального осмысления сложившейся ситуации, для выявления рационального зерна этих представлений. Другими словами, необходимо определить, как же все-таки реальная практика эволюции «мира деятельности», зафиксированная в данных понятиях, может и должна быть осмыслена теоретическими представлениями в целом и психологическими представлениями, в частности, а также ассимилирована понятийной системой психологии деятельности. Это означает, что более конструктивным является не подчеркнута критический взгляд на терминологическую некорректность – недостаточную строгость понятий *hard-skills*, *soft-skills* и *digital-skills*, а попытка выявления их истинного содержания и смысла, а также включения в психологические представления о деятельности.

Далее, нельзя не отметить еще одно – важное, но обычно не эксплицирующееся обстоятельство, имеющее, правда, более общий и теоретический характер. Дело в том, что по отношению к деятельности, базирующимся на компьютерной технике, складывается весьма специфическая и не вполне характерная для многих иных видов деятельности ситуация. То, что обозначается понятием *digital-skills* и что составляет основу – базис ее реализации, формируется у субъекта этой деятельности не в результате ее освоения, не как его продукт, а наоборот, во многом *предшествует* ей. Однако, как полагается аксиоматичным в психологии, навыки, вообще – операции являются продуктом освоения деятельности; субъект *приходит* к ним в результате освоения деятельности.

Вместе с тем, освоение компьютерных деятельностей, напротив, не только базируется на уже сформированных *digital-skills*, но и вообще становится возможным лишь при условии их сформир-

рованности. Более того, одна из характерных особенностей «цифрового поколения» в том и состоит, что эти навыки формируются очень рано и в достаточно выраженном виде еще задолго до профессиональной деятельности – в рамках иных типов деятельности, причем, не только учебной, но и игровой. При освоении профессиональной деятельности они не столько формируются, сколько подвергаются трансформации и спецификации в соответствии с содержанием осваиваемой деятельности, а также совокупности требований к ней. Одна из ключевых проблем при этом, как известно, заключается в том, что формирующиеся на допрофессиональной стадии digital-skills далеко не всегда и не обязательно складываются в их оптимальном виде – особенно в том, который конгруэнтен требованиям профессиональной деятельности. Это вообще является одной из главных проблем и трудностей профессиональной подготовки к ней. Тем не менее, это составляет неотъемлемый атрибут самих digital-skills и их роли в организации профессиональной деятельности. Кроме того, следует учитывать, что по самому своему существу digital-skills соотносятся не с какой-либо одной конкретной деятельностью, а со многими из них, то есть имеют наддеятельностный характер. Это в очередной раз демонстрирует важное обстоятельство, согласно которому так называемый «низший» уровень, на котором локализованы элементы какой-либо целостности (в данном случае – компетенции), вовсе не является наиболее простыми, а напротив, может являться весьма сложными. Такими и являются и digital-skills, поскольку они, фактически, обеспечивают возможность переноса средств и способов реализации деятельности с одного вида на другой, обеспечивают компьютерную мобильности личности.

Учитывая рассмотренную выше дифференциацию трех базовых понятий (digital-skills, hard-skills, soft-skills) и той реальности, которая в них зафиксирована, необходимо перейти к следующему аспекту анализа информационной деятельности – *феноменологическому*, необходимость в котором, напомним, была зафиксирована выше. При этом подчеркнем также, что сам феноменологический аспект рассмотрения – феноменологический уровень (и метод) анализа в целом заслуживает несколько иной оценки, нежели та, которая сложилась традиционно и которая не вполне соответствует его истинному смыслу. Дело в том, что на феноменологическом уровне представлена субъективная репрезентация деятельности в целом – в ее несомненной данности и полно-

те, в ее субъективной отнесенности – как саморепрезентация деятельности. Вообще говоря, необходимо отметить и то, на первый взгляд, очевидное, но именно поэтому – обоснованное и требующее специального анализа положение, согласно которому такая саморепрезентация не просто пропорциональна сложности репрезентируемого, но в высокой степени изоморфна ему, выступает его точным репрезентантом. В ней полно и точно, в дифференцированном, но одновременно и интегрированном виде представлена важнейшая часть всей информации, характеризующей специфически психологическое содержание деятельности. Следовательно, ее раскрытие должно быть понято как важнейшее и, по существу, труднозаменимое средство самого психологического анализа. Вместе с тем, по понятным и естественным причинам такой анализ является существенно более сложным, нежели рассмотрение практически всех иных компонентов деятельности. Это связано с тем, что он, в отличие от их анализа, сопряжен с раскрытием *имплицитных* – объективно не представленных компонентов деятельности. Они являются принципиально не объективированными, тогда как первые – характеризующие внешнюю, предметно-действенную сторону деятельности столь же очевидно объективированы. Однако они все же принципиально *субъективируемы* и, более того, составляют самую суть этой субъективности, точнее субъектности как таковой. Следовательно, они могут быть использованы как средство проникновения в состав и содержание психической регуляции деятельности – но не посредством объективно-ориентированных процедур ее анализа, а посредством субъективно-ориентированных процедур.

Все сказанное означает, что содержание деятельности, особенно – взятое на обобщенном уровне ее репрезентации субъектом не только феноменологически представлено в достаточно полном и развернутом виде, но и, фактически, составляет суть самой этой феноменологической данности. Деятельность принципиально репрезентируется субъекту именно как ее феноменология; она дана ему вовсе не в ее закономерностях и механизмах, а именно в том, что и обозначается как деятельностная феноменология. Она представлена первично и исходно именно как феномен – разумеется, в широком значении данного понятия. Следовательно, именно ее анализ как таковой, то есть, фактически, анализ на феноменологическом уровне, или феноменологический анализ должен выступать не только важнейшим, но и основополагающим звеном всего ее психологического анализа. Однако, данный

вывод столь же важен и необходим для его реализации, сколь и труден в плане осуществления, а потому нередко упускается в ходе исследования деятельности. Дело в том, что он требует обращения к наиболее сложно исследуемым сущностям, которые носят имплицитный, необъективированный характер. Вместе с тем, степень такой необходимости и, фактически, незаменимости, является наибольшей именно по отношению к тем деталям, которые практически полностью реализуются именно в этом – *внутреннем* плане. В них внешняя предметно-действенная сторона не только редуцирована, но и просто не релевантна задачам раскрытия ее истинного содержания; она не является их репрезентантом. По отношению к ним вообще, фактически, невозможно проникнуть через внешнее к внутреннему.

В связи с этим, однако, возникают три принципиальных вопроса, точнее, три проблемы достаточно общего характера. Первая из них состоит в том, что, как известно, по отношению к понятию *феноменологии* в целом и к феноменологическому анализу, в частности, традиционно сложилось не вполне позитивное отношение именно по причине их «феноменологичности». Полагается, что они сопряжены именно с уровнем явлений, феноменов – то есть с относительно поверхностными аспектами исследуемого объекта, которые отнюдь не обеспечивают проникновения в их сущность и не могут выступать как конструктивные гносеологические средства. Особенно явно эта традиция представлена именно в деятельностной проблематике – в разработке процедур психологического анализа деятельности. Сам термин «феноменологический анализ» имеет преимущественно негативную коннотацию. Вместе с тем, хорошо известно, что по отношению к целому ряду иных очень важных психологических проблем и предметов изучения он не только очень традиционен и, по существу, незаменим. Он имеет обратную – выраженно позитивную оценку и зарекомендовал себя как действенное средство их исследования. Опыт, сложившейся при этом, должен быть учтен, а существующие техники его реализации также должны ассимилироваться психологическим анализом деятельности.

Второй из возникающих при этом вопросов и атрибутивно сопряженный с только что рассмотренным, состоит в следующем. Действительно, как только что констатировано, по отношению к понятию феномена сложилось мнение, которое не только имеет преимущественно негативную в плане его гносеологических возможностей

коннотацию, но и в значительной мере граничит с еще одной его трактовкой. Она означает его понимание в качестве своего рода *эпифеномена* – как того, что только сопровождает нечто иное, более существенное и достойное изучения, локализованное на уровне сущности. Это, впрочем, давняя гносеологическая проблема, которая имеет длительную историю своего развития и множество вариантов ее решения. Однако, по отношению к деятельностной проблематике (равное как и по отношению ко многим иным предметам психологического исследования) возникает следующий вполне естественный вопрос. Если деятельностная феноменология столь содержательна и развернута, если деятельность, действительно, очень полно и точно отображается на уровне ее субъектной репрезентации, то, по-видимому, это не только не случайно, но вполне закономерно и, более того, выступает как важнейшее операционное средство ее реализации.

Иными словами, деятельностная феноменология – это отнюдь не совокупность эпифеноменов, лишь сопровождающих ее, а закономерный и необходимый арсенал реально действующих детерминант и, возможно, средств и даже базовых механизмов ее осуществления. Сами феномены, фиксируемые в ходе анализа деятельности, не исключено, могут выступать и реально вступают как *операционные* средства ее реализации, как средства организации и регуляции деятельности. На первый взгляд, такое предположение представляется чересчур смелым, однако, не будем торопиться с выводами и обратимся к его верификации ниже. Пока же отметим еще одно обстоятельство, препятствующее трактовке деятельностных феноменов в этой функции. Оно, как известно состоит в принципиальном возращении против возможности выполнения феноменами как таковыми каких-либо функций по отношению к сущностным основам того или иного образования, структуры, процесса, качества. Данное возражение может быть сформулировано в следующем виде. Как проявление, понятое как принципиально *вторичное* (феномен), может управлять явлением, выступающим *первичным* по отношению к нему и обуславливающим его, то есть к его сущностным основам? Как следствие может управлять причиной?¹⁰

---

¹⁰ Мы сознательно представили эту трудность в предельно заостренной формулировке, в связи с чем далее возвратимся к тому, каким образом она может быть преодолена.

Третья и наиболее общая трудность, имеющая, фактически, уже не только психологическое, но и философское содержание, состоит в следующем. В собственно философском плане она, как известно, зафиксирована в общей проблеме соотношения феноменального и ноуменального в гносеологии. Однако она имеет и столь же важное психологическое содержание, поскольку сопряжена с одной из наиболее «жгучих» проблем всей психологии – с проблемой *самосензитивности* психики, самоданности ее себе посредством механизмов сознания. Сама суть сознания, его атрибутивная природа такова, что в нем и через него психика репрезентирована себе именно как феномен, но не как ноумен. Это означает, что она дана именно как некоторая совокупность, точнее, система итоговых, результативных проявлений и эффектов, но не как совокупность тех механизмов, в которые лежат в их основе. В самом деле, как мы неоднократно отмечали в предыдущих работах [76, 86, 95], важнейшая и, по существу, атрибутивная особенность психики состоит в принципиальной неданности субъекту – неосознаваемости тех механизмов и вообще сущностных детерминант, по которым она функционирует. Однако именно это же проявляется и в организации деятельности, а не только психики, вернее – постольку *и* в деятельности, поскольку в самой психике (так как последняя выступает как ее регулятор). Несмотря на это, все же каким-то образом оказывается возможным очень эффективное управление, регуляция, точнее саморегуляция психикой самой себя в целом и деятельности, в частности.

Иначе говоря, каким-то образом феноменальная данность оказывается достаточной для реализации операционных функций. Однако это возможно только в том случае, если сами феномены могут выступать в качестве собственно *операционных средств*, преодолевать свой статус как феноменов и эпифеноменов, а поэтому локализуются уже не только на уровне явлений, но и на уровне сущности, выступают как элементы ее сущностных основ. Естественно, что при том возникает еще более сложный вопрос – как это возможно и как такая функция реализуется? Пока на него отсутствует развернутый ответ, но уже сама его постановка может являться стимулом для дальнейших исследований. Понятно также, что данная проблема сопряжена и еще одной важной проблемой – соотношения декларативных и процедуральных знаний, а в еще более общем плане – с проблемой соотношения познания и действия.

Обобщая вышеизложенное, можно заключить, что сама деятельность феноменология, составляющая основное содержание ментальной репрезентации деятельности и образующая внутренний план деятельности, не только может, но и должна быть понята как носитель собственно операционных средств и механизмов деятельности, как система реально действующих и сильных детерминант ее реализации. Следовательно, она также должна с необходимостью составить один из аспектов психологического анализа деятельности как средства раскрытия ее содержания. Выявление и интерпретация феноменологии деятельности выступает как одна из важных, но традиционно не вовлекаемых в ее анализ процедур. Данный пробел, разумеется, должен быть минимизирован, а в перспективе и ликвидирован. Без этого трудно рассчитывать на должную глубину проникновения в истинное – имплицитное содержание деятельности, в базовые субъектные детерминанты ее осуществления – во все, что составляет данность деятельности самому субъекту, ее внутреннюю картину, зафиксированную в понятии ментальной репрезентации деятельности.

Наконец, необходимо подчеркнуть еще одно обстоятельство, имеющее столь же общий характер. Нетрудно видеть, что все изложенные выше аргументы и соображения приводят, в итоге, к очень общей и традиционной проблеме адекватности интроспективных техник и метода самонаблюдения в целом. В этом плане следует зафиксировать двойственную ситуацию. С одной стороны, в настоящее время существует целый ряд приемов и методов, которые в той или иной мере базируются на интроспективных техниках (см. обзор в [126]). С другой стороны, не менее характерно, что понятие интроспекции, в основном, связывается с совершенно иными сферами психологического исследования, чем деятельностьная проблематика, особенно в ее прикладном проявлении. До настоящего времени, фактически, отсутствует своего рода *интроспективная психология деятельности*, хотя все необходимые и естественные предпосылки для этого имеются (и они были отчасти эксплицированы выше). Есть основания полагать, что она может оказаться не менее конструктивной, чем сама интроспективная психология, сыгравшая, как известно, определяющую роль в развитии психологии в целом. В свете изложенного выявляется настоятельная необходимость включения деятельностьной феноменологии в качестве обязатель-

ной «составляющей» психологического анализа информационной деятельности и тех последствий, которые влечет использование компьютерной техники.

Специальный анализ данного вопроса, проведенный нами в [126], позволил установить достаточно развернутую – комплексную и многоплановую картину феноменологических проявлений, имеющих место в информационной деятельности, реализуемой на основе компьютерной техники. Она структурируется в несколько основных уровней, на каждом из которых эксплицируется определенная группа таких проявлений; это – феномен метакогнитивных *чувств*, так называемые *процессуальные* феномены, феномен метакогнитивных *эвристик*, *компетентностные* феномены, *метакомпетентностные* феномены. Прежде чем перейти к их характеристике, необходимо сделать следующее пояснение. В параграфе 1.1. показано, что одной из наиболее специфических особенностей деятельности субъектно-информационного класса, базирующейся на компьютерной технике, является то, что она выступает атрибутивно метакогнитивной. В силу этого, важным методологическим средством ее исследования должна выступить реализация тех базовых положений, которые сформулированы в самом метакогнитивизме. И именно в этом плане очень показательно, что в нем оформилось и приобрело статус одного из важнейших то направление, которое сопряжено именно с выявлением и объяснением феноменов метакогнитивного плана – феноменологическое направление. Метакогнитивные феномены – это один из наиболее известных в нем предметов изучения, а некоторые из них стали практически элементами общей культуры, вошли в естественный язык (например, это феномен «на кончике языка»). В целом оно является достаточно разработанным и его результаты, безусловно, также должны быть учтены при экспликации феноменологии информационной деятельности.

Общая палитра выявленных к настоящему времени метакогнитивных феноменов достаточно широка. Наиболее известными среди них являются, в частности, следующие феномены [64, 251, 271, 301, 302, 318, 319, 328, 338, 366, 377, 379, 403]: Feeling of Knowing – FOK (чувство знания); основной метакогнитивный парадокс – эффект Данинга-Крюгера; Ease-of-learning – EOL (стратегии дифференциации усваиваемого материала по параметру «легкости-трудности» и их выстраивание от первых ко вторым); феноменологические характеристики двух базовых метакогнитивных процессов – метамышления

и метапамяти (metatinking и metamemory); Metacognitive reasoning – установление и приписывание причинности усваиваемым явлениям; Judgments of Learning – JOL (стратегии личностной репрезентации усваиваемого материала); Region of Proximal Learning – основная метакогнитивная стратегия, предполагающая максимизацию уже известных знаний в усваиваемом материале; Study Time Allocation – стратегии распределения времени в процессе обучения в ходе освоения того или иного материала; феномены «метакогнитивной петли» (Metacognitive Loop) и гиперкоррекции (Hypercorrection effect); показатели уровня субъектности (level of agency); предикторы метакогнитивного мониторинга – «планирование действий» и «самопроверка эффективности»; Action monitoring – выявление различий между получившимися в итоге показателями деятельности и ожидаемыми результатами; Metacognition in Computation – феномен, состоящий в использовании различных приемов и стратегий, в частности, мнемотехник, в процессе решения задач; Metalanguage – понятия, характеризующего выработку и реализацию различных стратегий построения высказываний; self-system – самооценочное представление субъекта, представляющее интегрированную подсистему личности, поддерживающую ее метакогнитивные функции; метакогнитивные чувства (МКЧ), а также феномены метакогнитивной блокады (metacognitive block) и моратория рефлексивности (moratorium reflexivities).

В метакогнитивизме и в ряде смежных с ним областей уже достаточно давно оформилась специфическая группа явлений, которые весьма полно и точно удовлетворяют критериям, сформулированным по отношению к феноменам как таковым. Кроме того, они должны рассматриваться как исходные, то есть относительно наименее сложные и потому – базовые. Это, разумеется, группа феноменов, обозначаемых чаще всего понятием метакогнитивных чувств – МКЧ ([288, 338, 403], а также см. обзор в [251]). Они могут по-разному определяться, но имеют очевидную общность своей атрибутивной природы, которая состоит в том, что ими являются именно чувствами, ощущениями. Наиболее известными среди них являются следующие феномены: феномена «на кончике языка» (tip of the tongue; TOT); чувство знакомости (feeling of familiarity); чувство знания (feeling of knowing); чувство незнания/чувство сомнения (feeling of not knowing/feeling of uncertainty); чувство на кончике носа (tip of the nose; olfactory metacognition); ощущение пробела в памяти (blank-in-the-mind experience); суждения

о легкости изучения (ease of learning judgements); суждения о выученном (judgments of learning); суждения второго порядка о суждениях о выученном (second-order judgments about judgments of learning); чувство компетентности (feelings of competence); оценка решаемости (judgment of solvability); чувство сложности (feeling of difficulty); чувство близости к решению / чувство теплоты (feeling of warmth); инсайт, «Ага!»-переживание (insight, Ahaexperience); субъективное переживание тупика (subjective impasse); чувство уверенности (feeling of confidence); чувство контроля (sense of agency); чувство удовлетворенности (feeling of satisfaction); отслеживание источника мониторинг реальности (source monitoring / reality monitoring); суждения «помню»/«знаю» (remember/know judgments); чувство правильности (feelings of rightness); чувство ошибочности (feeling of error); ложное озарение/чувство «я знал это заранее!» (hindsight bias / the knew-it-all-along effect); дежавю (déjà vu); дежавекю (déjà vécu) жамевю (jamais vu); дежареве (déjà rêvé) [301, 302, 318, 319, 328, 338, 366, 377, 379, 403].

По отношению к этой группе феноменов можно дифференцировать два основных подхода к их общей трактовке и, соответственно, два способа их определения. Первый – это «жесткий» подход, подразумевающий их строгое определение и, соответственно, эксплицирующий их узкое значение. Он состоит в том, что в данную группу включаются лишь те феномены, которые обладают ярко выраженной специфичностью и автономностью – своего рода самодостаточностью, а также широкой сферой действия. Второй – «мягкий» подход состоит в том, что в данную группу включаются, фактически, все феномены, которые так или иначе сопровождают многие иные процессы и явления и которые выступают как феноменологические репрезентанты последних. Это – все то, что составляет феноменологический фасад, точнее – обеспечивает чувственную данность многих иных (а не исключено и всех) психических процессов и структур, качеств и свойств, состояний и явлений. Складывается ситуация, когда очень трудно, если вообще возможно, дифференцировать какое-либо значимое из них, которое не сопровождалось бы их ощущением и, соответственно, не составляло бы «чувство о них» как метакогнитивное. К этому важному, по нашему мнению, обстоятельству мы также возвратимся ниже. Можно видеть, что здесь в очередной раз проявляется очень характерная для метакогнитивизма особенность, состоящая в наличии двух значений у целого ряда его базовых понятий – узкого и широкого. Такая ситуация, в свою

очередь, провоцирует вопрос: какое из них более корректно? В дальнейшем мы также возвратимся к данному вопросу, поскольку он имеет непосредственное отношение к тем общим понятиям, в которых зафиксированы основные экспликации предмета метакогнитивизма. Общий же ответ на его состоит в том, что второе – расширительное значение, несколько проигрывая в точности, дает несопоставимо больший выигрыш в его конструктивности – в тех возможностях, которое оно открывает для решения задач не только интерпретационного, но и поискового плана. В силу этого, именно его мы и будем придерживаться в дальнейшем.

Перспективность такой трактовки как раз и заключается в том, что именно с ее позиций эксплицируются не только проявления традиционно установленных МКЧ в рассматриваемом классе деятельностей, но и дополнительные по отношению к ним феномены данной группы. Кроме того, выявляются и те тенденции, которым они подвергаются под влиянием специфически деятельностной детерминации. Так, в частности в результате специального проведенного нами психологического анализа ряда разновидностей деятельности, базирующейся на компьютерной технике, были дифференцированы следующие феномены данной группы.

Во-первых, это феномен, который можно обозначить как *чувство компетенции*. Он состоит в субъективной уверенности в том, что та или иная компетенция может быть реализована в данной ситуации; что она не просто и не только есть у самого субъекта (и это наличие ощущается – чувствуется им), но и то, что она достаточна для реализации деятельности. Причем, такое ощущение (чувство) представлено обычно как некоторое фоновое состояние; реализуется без развернутой осознанной оценки и фиксации, что также очень специфичной именно для метакогнитивных чувств, в отличие от более сложных и комплексных феноменов. Это – свидетельство их локализации на иерархически относительно низших уровнях организации деятельности и ее психического обеспечения, в том числе – и неосознаваемых. Данный феномен очень важен, прежде всего, именно в практическом плане – в плане организации и конкретной реализации деятельности в целом и в плане ее процессуальной, темпоральной организации, в особенности. Он позволяет без специальных затрат, достаточно естественным и относительно несложным путем переходить от решения одних функциональных задач к другим, поскольку инициирует субъективную уверенность в их осуществимости, реализуемости и, соот-

ветственно, – к возможности их не только постановки, но и непосредственного выполнения. Иными словами, он обеспечивает то, что в свое время было удачно обозначено А. Р. Лурией понятием «кинетической мелодии» [165] (правда, в данном случае речь должна идти, скорее, не о кинетической, а о деятельностной мелодии). Причем, поскольку речь идет именно о чувстве, то данный процесс может реализовываться вне специального осознаваемого, произвольного контроля и, соответственно, не загружает высшие уровни регуляции деятельности, что чрезвычайно выгодно во многих отношениях.

Далее, следует отметить, что этот феномен, казалось бы, во многом подобен уже зафиксированному в теории феномену «чувства компетентности». Данное обстоятельство не только нельзя замалчивать, но напротив, его необходимо подвернуть специальной оценке, поскольку оно выступает аргументом не «против» дифференциации еще одной разновидности метакогнитивных чувств, а аргументом «за» это и, более того, является очень показательным в плане общего решения рассматриваемой проблемы. Дело в том, что в феномене чувства компетентности речь идет не об общем – глобальном и потому недифференцированном ощущении субъекта своей компетентности в какой-либо обширной области – в том числе и какой-либо деятельности, не о том, что он ощущает себя «в состоянии что-либо реализовывать с должной эффективностью», а о существенно ином феномене. Он носит гораздо более дифференцированный характер, соотносится не с уровнем компетентности в целом, а с уровнем, на котором локализованы отдельные, специальные компетенции, соответствующие, в свою очередь, основным функциональным задачам деятельности. Отсюда вытекают два важных следствия. Первое: именно потому, что данный феномен локализуется на качественно ином уровне организации деятельности и, соответственно, системы компетенций – не общесистемном, а субсистемном, то и сам он должен трактоваться как качественно специфический, несводимый к феномену «чувства компетентности». Второе: он имеет очень выраженную собственно деятельностную детерминацию, поскольку определяющим фактором его генезиса выступает специфически совокупность функциональных задач деятельности, которая, собственно говоря, и составляет ее саму. Выявляется еще одна важная грань его качественного своеобразия – он выступает уже не только как метакогнитивный, но и как метарегулятивный. В этом плане проявляется и еще одна общая закономерность специфически

деятельностной феноменологии метакогнитивных явлений. Они, включаясь в структуру деятельности, в значительной степени сохраняют свой исходный смысл, но, в то же время, и качественно трансформируются – специфицируются под влиянием собственно деятельностной детерминации. Данная закономерность весьма значима в том плане, что она эксплицирует сосуществование в общей феноменологической картине двух рядов закономерностей – общих и специфических, точнее – деятельностно-специфических; заставляет не противопоставлять их, а рассматривать как взаимодополнительные.

Во-вторых, дифференцируется и еще один специфически деятельностный феномен, который можно обозначить как *чувство реализуемости*. Данный феномен не следует смешивать с известным свойством реализуемости как базовым свойством так называемого практического мышления. Он носит еще более дифференцированный и деятельностно-специфицированный характер, чем предыдущий феномен, хотя, в то же время, операционально схож с ним. Действительно, если предыдущий феномен соотносится с достаточно крупными деятельностными фрагментами – основными функциональными задачами по ее осуществлению, то данный феномен является существенно более локальным, но – именно поэтому и более распространенным, чаще инициирующимся в деятельности. Дело в том, что он состоит в субъективном ощущении того, что любая из возникающих задач, проблем, вопросов, трудностей и пр., а не только функциональных, принципиально решается в данных конкретных условиях – причем, без развернутой аргументации и даже без сколько-нибудь отчетливого осознания этого факта. По отношению к данному феномену следует констатировать ситуацию, подобную той, которая зафиксирована и для предыдущего феномена. Действительно, данный феномен, казалось бы, весьма сходен с описанным в теории феноменом «чувства решаемости». Однако последний имеет гораздо более общее значение и даже иной смысл. Он заключается не в чувстве подвластности какой-либо конкретной задачи решения – причем, именно «здесь и теперь», а в принципиальной оценке того, что какая-либо задача вообще может быть решена – причем, не обязательно самим субъектом.

В соответствии с этим – вторым феноменом, субъект вначале делает заключение относительно ее принципиальной решаемости, причем, без осознаваемой экспликации конкретных аргументов в пользу этого, и лишь затем находит способы такого решения. По отношению

к данному феномену очень важным представляется то, что он является весьма адекватным и, более того, очень точным средством самооценки субъективных возможностей как таковых. Он, несмотря на свой симультанный и не вполне осознаваемый, а часто – вообще неосознаваемый характер, весьма эффективен (и именно это является причиной его существования вообще).

Далее, был дифференцирован и еще один феномен, принадлежащий к данной группе и выраженный достаточно очевидным образом, но одновременно связанный с трудностями его терминологического обрамления. В силу этого, при его характеристике мы сконцентрируем внимание на его собственно содержательной стороне и не претендуем на точность и строгость того термина, которым он обозначается. Он состоит в том, что в процессе решения тех или иных задач переход от одних его этапов к другим может происходить и реально, как правило, происходит без наличия сколько-нибудь представленных, оформленных и осознанных условий, посылок. По отношению к нему может быть применен термин «неконтролируемых умозаключений» (точнее – не полностью контролируемых). Он осуществляется не по типу вывода, а по типу *квазивывода*; носит отнюдь не детерминистский, а вероятностный, точнее – эвристико-вероятностный характер. Иными словами, он базируется не столько на когнитивных детерминантах и тем более рационалистических аргументах, сколько именно на чувствах. Это – своего рода «ощущение возможности перехода» как такового от одного этапа решения к другому, от одной фазы преодоления ситуации к другой; ощущение так сказать возможности «двигаться дальше» в направлении решения. Понятно, что некоторые аналоги данного феномен также были зафиксированы в исследованиях, в основном, мышления, особенно – творческого, в психологии интуиции. Однако данный феномен, базируясь, безусловно, на тех механизмах, которые описаны в этих исследованиях, носит гораздо более «приземленный», то есть деятельностно-специфицированный характер. Это так сказать «интуиция в действии», практическая интуиция. В его результате сам процесс решения, равно как и его когнитивные основы, обретают главные свойства – беглость, флексибельность, оперативность, а его общая производительность существенно возрастает. Естественно, за это приходится платить ценой снижения надежности результатов когнитивной переработки при таком способе ее осуществления. Подчеркнем особо, что за счет такого чувства достигается возможность

так сказать безболезненной, легкой и естественной «склейки» разных этапов когнитивной переработки в случае выхода из тех или иных ситуаций, а в результат и его реализуемости. В силу указанных особенностей, механизм, лежащий в основе данного феномена, может быть обозначен как *симультанизация* мышления, а сам он – как «чувство перехода», которое и обуславливает возможность ускорения – симультанизации мышления посредством фасилитации смены его этапов¹¹.

В плане характеристики данного феномена следует констатировать и ту его особенность, которая имеет общий характер и даже смысл по отношению ко всем спецификациям МКЧ в деятельности именно информационного класса. Дело в том, что он очевидным образом связан с одной из атрибутивных ее особенностей – с резким повышением информационной емкости, с качественным возрастанием объема информации, требующей переработки, а также со столь же качественными, принципиальными изменениями ее динамических характеристик. Все это требует несколько иного (или даже существенно иного) способа и типа организации мышления, нежели в других видах деятельности. Оно «должно успевать» за скоростью, темпом деятельности, и соответствовать объему информации, требующей переработки. Причем, такое соответствие, естественно, не должно нарушать объективные ограничения, присущие когнитивной сфере в целом и мышлению, в особенности. Один из способов обеспечения этого как раз и состоит в придании мышлению свойства *оперативности* – разумеется, с некоторым ущербом по отношению к его строгости и корректности, логической обоснованности и пр. При этом, конечно, возникает закономерный вопрос – правильно ли это? Насколько это опасно для деятельности? Насколько это соответствует постулату рациональности как базовому в организации когнитивных процессов, в том числе, и в деятельности? Предельно упрощая, можно сформулировать этот вопрос и так: хорошо это или плохо? Для того, чтобы дать, по возможности, обоснованный ответ на него, целесообразно прибегнуть к следующей аналогии, взятой, кстати, также из «компьютерной области», которая, впрочем, является более, чем просто аналогия. Общеизвестно, что в ходе гаджет-опосредствованного общения сложился и продолжает

---

¹¹ Прибегая вновь к метафоре А. Р. Лурии – к выражению «кинетическая мелодия», по отношению к рассматриваемому феномену можно говорить о «процессуальной мелодии».

развиваться весьма специфический язык, способ формулировки передаваемой информации. Он характеризуется сокращенностью, лаконичностью, неполным написанием слов и фраз, их заменой на суррогаты и мн. др. Строго говоря, это, конечно, искажение правильного языка и потому означает некую «неправильность». Однако с другой точки зрения он вполне объясним и оправдан – он эффективно работает в тех условиях, для которых предназначен и которые предполагают приоритетную реализацию самого факта передачи информации – хотя бы в принципе, с минимальной степенью понятности. В этом плане гораздо «правильнее» исказить корректные и грамотные формулировки, но за счет такого искажения придать самому сообщению реализуемость и даже саму возможность, нежели пытаться соблюсти все лингвистические нормативы, но сделать само сообщение невозможным или чрезмерно трудным.

Таким образом, можно заключить, что в составе и содержании, структуре и организации деятельности, базирующейся на компьютерной технике, действительно, возникают новые, качественно специфические феномены метакогнитивного плана, которые, в то же время, обладают атрибутивной общностью с категорией метакогнитивных чувств. Причем, как можно заключить из представленных выше материалов, они выходят за свои исходные рамки – феноменов как таковых, поскольку эксплицируются и в качестве значимых детерминант деятельности. Все это заставляет предположить, что и сама категория МКЧ как первой группы метакогнитивных феноменов, представленных в деятельности, также не только воспроизводится, но и усиливает свое значение и роль в ее организации.

Вторая основная группа метакогнитивных феноменов в наиболее общем и принципиальном плане сопряжена с основными метакогнитивными *процессами* и выступает как производная от их содержания и динамики. В свою очередь, это означает – опять-таки в самом общем плане, что ее основное содержание как раз и образовано теми феноменами, которые эксплицированы в метакогнитивизме и которые составляют одно из наиболее традиционных направлений в нем – феноменологическое. Разумеется, данное обстоятельство заслуживает особого внимания, поскольку оно создает возможности для использования всего того богатого материала, который уже накоплен в этом направлении, для опоры на весь – также обширный опыт исследований и полученные в них данные. Фактически, в своей основной части весь феноменологический и даже – эмпирический базис метакогнитивизма

образован теми результатами, которые получены именно при исследовании метакогнитивных процессов.

Как было показано нами ранее, одним из основных механизмов, лежащих в основе метакогнитивных процессов, является механизм *операндно-операторной обратимости*. Он состоит не только в том, что первичные когнитивные процессы могут реализовываться в отношении их же самих. Дело заключается еще и в том, что они при этом трансформируются из активных *операторов* в относительно пассивные *операнды*. Однако то же самое имеет место не только к процессам в целом, но и к тем «составляющим», их которых они образованы – операциям. Тем самым, возникает важнейший по своей значимости и последствиям феномен «удвоения» операций: их комплексирования и возникновения качественно новых операционных образований – «вторичных», производных, то есть, по существу, метаопераций¹².

Вместе с тем, именно за счет этого порождается и новое качество, возникает новая качественная определенность: если первичные операции или операции «первого порядка» образуют качественную определенность «первичного» процесса мышления, то метаоперации лежат в основе порождения иной качественной определенности – содержания «вторичного» процесса (метамышления). Причем, порождение этой новой качественной определенности происходит без привлечения каких-либо дополнительных процессуальных и операционных средств, а осуществляется за счет его собственных ресурсов – на основе указанного выше механизма.

Вследствие этого, появляются новые – уникальные и практически неограниченные возможности процессуальной организации переработки информации, образованные различными вариантами синтезирования «первичных» операций. Сам же состав метаопераций выступает как значительно более обширный, чем состав «первичных» операций. Более того, он является принципиально *открытым*, поскольку предполагает возможность возникновения все новых паттернов, образуемых синтезами «первичных» компонентов (в данном случае – операций).

Следует учитывать, что новые операционные образования могут генерироваться не только на основе принципа комплексирования уже существующих – известных в теории мышления базовых опера-

---

¹² Данный вопрос подробнее рассматривается в главе 4.

ций, но и на основе порождения новых операционных образований. При этом, однако, следует учитывать факт недостаточной разработанности самой проблемы дифференциации базовых мыслительных операций, а также нерешенность вопроса о полноте их традиционного набора, равно как и об отсутствии критерия определения такой полноты. Далее, в данной связи возникает и еще один важный вопрос: следует ли дифференцировать эти – базовые операции от иных, более вариативных и производных от них и формируемых на их основе? Наряду с этим, такого рода операции, усложняясь и специфицируясь, могут все более сближаться с теми, которые известны в психологии мышления и обозначаются понятием эвристик. И здесь можно провести аналогию между рассмотренными генеративно-порождающими эффектами мыслительного плана и аналогичными процессами в мнемической сфере. Не исключено, что в перспективе возможна разработка представлений о своеобразном «мыслительном аналоге» понятия мнемотехники, которое можно обозначить как *когнитотехника*.

Наконец, генеративно-порождающие процессы могут разворачиваться и в еще более специфицированном виде, приводя к формированию уже не только эвристик, но и тех или иных обобщенных способов, стратегий когнитивного и метакогнитивного плана. По-видимому, мышление, обращенное на себя, реализуют продуктивные функции уже не только в отношении переработки информации, но и в отношении преобразования самого себя. С этой точки зрения метамышление – это и есть своеобразный «функциональный орган», порождаемый самим мышлением как средство его же собственного усиления, расширения потенциала. Оно выступает как продукт «оборачивания» его же операционно-процессуального содержания на самого себя и продуцирования на этой основе новых возможностей.

Более того, по нашему мнению, на основе этого можно высказать и еще одно предположение. По-видимому, в силу принципиальной общности рассмотренных механизмов генеративно-порождающего плана по отношению ко всем когнитивным процессам, направленным на их «самостроительство», в структуре каждого из них формируется специфический и дополнительный по отношению к набору их базовых операций операционный фонд. Как уже отмечалось, наиболее явно он представлен по отношению к мнемическим процессам и зафиксирован в понятии мнемотехники. Однако, он не менее очевиден и для мышления, выступая в форме когнитотехники в целом и эвристик,

в частности. Общей чертой всех этих операционных образований является то, что они выступают продуктом операционной обратимости – направленности базовых когнитивных операций на их самих и формировании на основе этого новых продуктивных операций. В силу этого, они могут быть объединены общим понятием *метатехники*.

Итак, с очевидностью выявляется факт наиболее принципиального плана, состоящий в том, что и вторая группа метакогнитивных феноменов, соотносящаяся с уровнем метакогнитивных процессов, реализует важнейшую и, фактически, основополагающую функцию. Она состоит в обеспечении атрибута самосензитивности, саморепрезентированности, то есть самоданности психического. *Через* эти феномены, в них и посредством них обеспечивается существование еще одного важного канала репрезентации субъекту его внутреннего мира, содержания психического. Однако, это уже значительно более сложные средств и формы репрезентации, нежели метакогнитивные чувства, – причем, нередко утонченные и даже изошренные. Собственно говоря, они и составляют то, что обычно именуется рефлексивной данностью психики самой себе, составляет сущность рефлексии, а также ее богатейшую феноменологию.

В генезисе феноменов данной группы активное участие принимает не только собственно субъектная детерминация, но и детерминация специфически деятельностная. Действительно, конкретные средства мнемотехнического плана, равно как и более общие средства, обозначенные понятием метатехники, а в еще большей степени – их содержание в решающей степени обусловлены именно содержанием деятельности и ее условиями. По своему смыслу и функциональному предназначению все средства метатехнического плана являются общими, а по конкретному содержанию – глубоко специфичными, прежде всего, по отношению к той деятельности, в отношении которой они формируются. Кроме того, эти средства являются и предельно индивидуализированными; они не *задаются* извне, а *создаются* самим субъектом, отражая и воплощая тем самым его индивидуальные возможности и ограничения, на усиление первых и на преодоление вторых они и направлены.

По отношению к этой группе, как показывают исследования [126], можно констатировать закономерность, согласно которой в деятельности – прежде всего, относительно наиболее сложной, в том числе – и базирующейся на компьютерной технике, имеет место множествен-

ная трансформация тех феноменов, которые были исходно установлены на внедеятельностных, не вполне экологически валидных условиях. Эта трансформация осуществляется по пяти основным направлениям. Первое из них состоит в том, что ряд феноменов метакогнитивного плана подвергается *фасилитации* – они становятся более выраженными и обретают большую функциональную роль в деятельности. Так, скажем, сама по себе необходимость и, соответственно, степень выраженности средств мнемотехнического плана существенно возрастает именно под влиянием жестких требований профессиональной деятельности. Она возрастает и под влиянием фактора информационной загруженности и, следовательно, повышенной нагрузки именно на мнемические процессы. Второе направление состоит в том, что феномены данной группы могут, напротив, *ингибироваться*, ослабевать, снижая свою функциональную роль в деятельности. Так, в частности, резко снижается выраженность так называемого управляющего контроля, особенно представленного в произвольной форме, а на его смену приходит иная форма мониторинга процесса деятельности, зафиксированная в теории как «состояние агенсу». Третье направление состоит в том, что в структуре деятельности – в противовес внедеятельностным условиям, возникают качественно *новые* – специфически деятельностные феномены, которые принципиально не могут быть обнаружены во внедеятельностных условиях. Наиболее характерным представителем такого рода феноменов выступают все те феноменологические проявления, которые сопровождают реализацию уже не метакогнитивных, а метарегулятивных процессов. Четвертое направление состоит в том, что метакогнитивные феномены – в том числе, и очень известные, типичные могут, фактически, полностью *редуцироваться* – исключаться из регуляции деятельности. Причем, речь идет и о таких феноменах, которые сами по себе являются – хотя и в иных контекстах – очень важными и продуктивными. В данном отношении очень показателен, например, широко известный феномен созерцания. Он, являясь исходно метакогнитивным и сопряженным именно с уровнем процессуальной, рефлексивной регуляции психики, а также выступая как очень значимый для саморазвития личности, в конкретно-деятельностных условиях, фактически, полностью редуцируется – причем, по вполне понятным и не нуждающимся в дополнительных объяснениях причинам. Пятое направление – это радикальное изменение исходного характера метакогнитивных феноменов, когда они подвергаются *инверсии*. В этом плане очень по-

казательны практически все феномены рефлексивного контроля за деятельностью, которые могут выступать не только в своей прямой, но и в обратной форме. Данное обстоятельство уже подчеркивалось нами по ходу предшествующего изложения, поскольку оно имеет столь же принципиальный, сколько и общий характер, пронизывая многие виды деятельности, особенно сложные. Так, по отношению к управленческой деятельности оно зафиксировано в понятии антирефлексии и представлено как «РР-феномен» (то есть феномен редукции рефлексивности) [118]. По отношению к правоохранительной деятельности оно же отражено в термине «моратория рефлексивности» (по [113]). Однако оно – причем, с еще большей степенью выраженности представлено и в деятельности, базирующихся на основе компьютерной технике. Ниже мы более подробно остановимся на этом важном моменте; пока же отметим, что данная деятельность зачастую предполагает не столько опору на собственно рефлексивные средства, сколько на их элиминацию.

Можно сказать и более категорично: данная деятельность во многом принципиально *арефлексивна* или даже антирефлексивна, что связано со следующими обстоятельствами. Первое: взаимодействие с компьютером не только не тождественно взаимодействию с другими субъектами, но и противоположно им по параметру именно рефлексивности. Используя терминологию Дж. Фон Неймана и О. Моргенштерна, можно считать что это – не рефлексивная игра, а игра с природой [184]. Второе: поскольку данная деятельность характеризуется высокой когнитивной нагрузкой, многозадачностью, высокой информационной емкостью, то в ней остается мало места для реализации рефлексивных функций. Ресурсный потенциал субъекта – прежде всего, когнитивный практически полностью расходуется на реализацию именно базовых – когнитивных функций, а не на реализацию функций вторичного, метакогнитивного плана. Третье: приходится учитывать и очень типичный для компьютерных деятельностей феномен так сказать отраженного, возвратного типа (он станет предметом рассмотрения в дальнейшем). Деятельность с компьютером стимулирует формирование таких средств ее осуществления, которые присущи работе самого компьютера (что и зафиксировано в понятии возвратных феноменов). Однако эта работа практически полностью лишена рефлексивной окрашенности, что обычно обозначается как ее «машинообразность». Следовательно, возвращаясь к субъекту, такая антирефлексивная ор-

ганизация деятельности провоцирует и соответствующую редукцию рефлексивных средств самой деятельности субъекта.

Продолжая рассмотрение феноменологии информационной деятельности и обращаясь к следующей группе феноменов, необходимо сделать предварительное замечание. Анализ проблематики метакогнитивизма, реализуемый не по отношению к абстрактным – внедеятельностным условиям, то есть не вполне экологически валидным условиям, а по отношению к профессиональной деятельности, реализуемой в естественных условиях, показывает, что общая феноменологическая картина этих явлений существенно расширяется и обогащается. Действительно, как мы неоднократно подчеркивали по ходу предшествующего изложения и как это подробно охарактеризовано в наших работах, наряду с процессами собственно метакогнитивного плана, необходима дифференциация и однопорядковых с ними по принципам организации, но иных по функциональной направленности процессов – метарегулятивных [113]. Именно они играют не просто важную, но во многом определяющую роль в организации деятельности – особенно профессиональной и, прежде всего, тех ее видов, которые характеризуются наибольшей сложностью. К ним и относятся деятельности, синтезированные в субъектно-информационный класс в целом, а также реализуемые на основе компьютерной техники, в особенности. В связи со сказанным возникает предположение, согласно которому могут иметь место и качественно специфические феномены, сопряженные не собственно когнитивными, а *регулятивными* функциями.

Показательно и доказательно, что данное предположение с высокой степенью очевидности и наглядности проявляется именно по отношению к рассматриваемому классу деятельностей. Важно и то, что сам характер такого подтверждения выходит за рамки так сказать только теоретической аргументации; он является и подчеркнуто практическим, коренящимся в многообразной практике компьютерных деятельностей. Более того, именно прикладная верифицированность высказанных соображений представлена даже в еще большей мере, нежели аргументация теоретического плана; она составляет существенную часть всей так называемой «компьютерной субкультуры». Она образует и важную часть профессионального опыта IT-специалистов, «зоологий фонд» этого опыта и вообще во многом определяет их профессионализм как таковой. Речь при этом идет, разумеется, о том что, хотя и обозначается по-разному, но имеет принципиально

сходный и даже единый смысл – о тех *наднормативных операционных средствах*, которые генерируются в процессе профессионализации, в основном, самим субъектом и которые позволяют оптимизировать организацию и реализацию деятельности. Эти средства обозначаются разными терминами – понятиями эвристик, неформальных правил, профессиональных приемов, «техник», топ-навыков, профессиональных хитростей и пр. Очень показательно, что все они порождаются самими профессионалами – теми, кто осуществляет эту деятельность. Более того, они практически всегда и описываются самими профессионалами, составляя многочисленные перечни которыми «пестрит» Интернет, равно как и соответствующая литература, в том числе, и дидактическая. В этом плане, конечно, можно было бы высказать претензии, связанные с их недостаточной научностью, эмпиричностью, прагматичностью, с их эклектизмом, а иногда и с поверхностным характером. Их смысл, однако, заключается совсем в другом – в том, что они как нельзя лучше отражают «то, как все обстоит на самом деле» – реальную действительность, повседневную практику деятельности. Более того, поскольку весь опыт дифференциации такого рода приемов связан с мнениями специалистов высокой квалификации – высококомпетентных специалистов, то он носит весьма верифицированный характер, является вполне обоснованным.

В этом плане субъектно-информационный класс деятельности, взятый в его наиболее репрезентативной экспликации – в деятельности, базирующихся на IT-технологиях, раскрывается еще одной очень специфической гранью. Дело в том, что являясь объективно наиболее сложным и, что также очень существенно, максимально когнитивно-насыщенным, он предполагает обязательное наличие соответствующих ему компетенций у его субъектов. Не приходится доказывать, что именно сообщество IT-специалистов – это одна из наиболее высококвалифицированных профессиональных групп, характеризующаяся высоким уровнем интеллектуального потенциала. Но именно потому, что они выступают столь очевидными носителями профессиональных компетенций, являясь высококомпетентными в профессиональном и когнитивном плане, они же могут, а на наш взгляд, – должны с высокой степенью эффективности реализовывать и еще одну миссию. Они могут выступать не только экспертами по отношению к этой деятельности в целом и к ее собственно психологическому исследованию, в частности, но и фактически самими ее исследователями – по крайне

мере в звене создания эмпирического базиса такого исследования. Они сами вполне могут реализовывать функции психолога – пусть и «житейского», практического по отношению к ней. Решающим условием этого как раз и являются сочетание у них высокой компетентности в отношении своей деятельности (несопоставимой с компетентностью любого «внешнего наблюдателя») – в том числе, и профессионального психолога) и столь же очевидных эвристических возможностей обусловленных высоким уровнем интеллектуального и общекультурного развития. Именно это, кстати говоря, и проявляется в существовании большого числа попыток рефлексии собственной деятельности со стороны таких специалистов, зафиксированных, в том числе, в литературных источниках и в «компьютерном фольклоре», и в цифровой субкультуре [17, 18, 21, 57, 69, 75, 139, 282, 302, 331, 340].

Кроме того, важно учитывать, что сами профессиональные психологи, практически вся деятельность которых в настоящее время фактически неразрывно связана с IT-технологиями, также могут рефлексировать свой опыт работы с ними. По отношению к ним они реализуют тем самым известный трудовой метод, но взятый в его современной экспликации – по отношению к деятельности субъектно-информационного класса. За счет этого возникает еще один – весьма важный и конструктивный канал формирования эмпирического базиса исследования данного класса. Можно видеть, что с одной стороны, IT-специалисты, как никто другой, способны к реализации функций практического психолога-исследователя по отношению к своей деятельности. Однако, с другой стороны, и сами профессиональные психологи, в известной степени выступают и как IT-специалисты, как *IT-психологи*. Тем самым, они также оказываются в состоянии выступать как эффективные реализаторы трудового метода, который, как известно, дает очень богатую и содержательную информацию о профессиональной деятельности.

В результате всего этого, создается своего рода наднормативный операционный фонд тех средств, которые позволяют оптимизировать ее психологическое обеспечение. Подчеркнем также, что он, хотя и весьма гетерогенен по составу и конкретному содержанию самих операционных средств, но включает в себя принципиально сходные по функциональной направленности средства. В целях удобства дальнейшего изложения из всех использующихся для их обозначения терминов мы остановимся на понятии *эвристик*, тем более, что оно попользуется чаще всего.

Как известно, эвристики – это правила, которые позволяют быстро и эффективно принимать решения, справляться с проблемами и оценивать актуальное положение дел. Эти правила определяют однозначные стратегии поведения в неоднозначных ситуациях. Существование таких правил сокращает время принятия решений и позволяет действовать быстро, без постоянных размышлений о том, как следовало бы поступить. Эвристики полезны во многих ситуациях, но их применение может приводить к когнитивным искажениям и неверным выводам. Еще в 50-х годах XX века Г. Саймон установил, что при осуществлении задач рационального выбора способности правильно оценивать ситуацию заметно ограничены [405]. Рациональные решения предполагают взвешивание таких факторов, как потенциальные издержки и возможные выгоды, но человек, как правило, не имеет достаточно времени и информации, чтобы взвесить все «за» и «против». В свою очередь, эти и многие иные – принципиально сходные с ними проявления ограничивающего плана, а также осмысление того, каким образом они влияют на процессы переработки информации, послужили основой для сформулированной им теории ограниченной рациональности (ТОР). Эти исследования получили развитие в работах А. Тверски и Д. Канемана, которые были посвящены когнитивным искажениям, влияющих на оценки и суждения [249]. Когнитивные искажения и ограничения вынуждают полагаться на такие ментальные стратегии, которые упрощают объективные ситуации и помогают выходить из них.

Эвристики позволяют достичь нескольких эффектов. Так, они позволяют минимизировать усилия. Согласно этой точке зрения, люди используют эвристики в результате проявления своего рода когнитивной лени. Применение эвристики уменьшает когнитивные усилия, необходимые для выбора и принятия решений. Далее, это и эффект «подмены понятий»: люди склонны заменять сложные и многозначные вопросы аналогичными, но более простыми. Эвристики фасилитируют процессы принятия решения, так и поиск выхода из проблемных ситуаций. Они позволяют минимизировать противоречие между большим объемом поступающей извне и ограниченностью возможностей самого субъекта. Чтобы справиться с огромным информационным потоком, субъект полагается на такие ментальные стратегии, которые позволяют упростить ситуацию. Наиболее известными являются эвристика доступности и эвристика репрезентативности.

Эвристика доступности базируется на том, что легче актуализируется из памяти.

Эвристика репрезентативности предполагает сравнение актуальной ситуации с наиболее типичным ментальным образом. Процесс использования эвристик подвержен влиянию эмоций, которые испытывает человек в момент оценки сложной ситуации. Исследования показали, что люди с большей вероятностью воспринимают выгодные решения и оценивают его риски как низкие, когда находятся в хорошем настроении. С другой стороны, отрицательные эмоции заставляют людей сосредоточиться на потенциальных недостатках решения, а не на возможных преимуществах.

Хотя эвристики ускоряют процесс решения проблем и принятия решений, они могут стать причиной ошибок. Эвристики также могут способствовать возникновению стереотипов и предрассудков. Поскольку человек использует эвристики для оценки и классификации людей, он часто игнорирует более релевантную информацию и создает стереотипные категоризации, которые не соответствуют действительности. Зная, как работают эвристики, и осознавая, что они могут приводить к искажениям восприятия, субъект может использовать их более эффективно. Наряду с отмеченными, выделяют и иные эвристики.

Эвристика редукции сложности. Это – один из способов достижения ожидаемого результата состоит в решении более простой проблемы, являющейся частью исходной проблемы.

Эвристика схематизации. В случае возникновения трудностей с пониманием проблемы, полезно дать ей схематическое представление – «картинку».

Эвристика квазирешения. Она гласит следующее: «Если вы не можете найти решение, попробуйте предположить, что у вас есть решение, и посмотрите, что вы можете из него извлечь (работать в обратном направлении)».

Эвристикам конкретизации. Если проблема абстрактная, ее целесообразно конкретизировать до частного случая.

Эвристика обобщения («парадокс изобретателя») предписывает следующее. «Попробуйте сначала решить более общую проблему, поскольку это поможет в решении более частной».

Эвристика «микрочанов» гласит следующее: «Записывайте результаты, которых вы хотите достичь в ближайшие полчаса или час,

а в конце этого отрезка времени подведите итоги. В дальнейшем такие «микропланы» можно будет составлять мысленно».

Эвристика ускорения. Состоит в произвольном преднамеренном повышении темпа переработки информации с тем расчетом, что симультанизация этого процесса будет активизировать неосознаваемые средства его реализации. Данная эвристика нуждается в дополнительном комментарии. Дело в том, что умение быстро работать за компьютером – это, прежде всего, привычка. Человек, не имеющий такой привычки, регулярно будет отвлекаться от своего занятия, поддаваться лени и апатии, а скорость его работы зачастую будет зависеть от настроения. Ниже приведено несколько рекомендаций, которые помогут выработать привычку к быстрой и продуктивной работе:

1. Постоянно прикладывайте сознательные усилия к тому, чтобы «ускориться». Возможно, что в самом начале это будет не очень приятно, но именно так часто и бывает с новыми привычками.

2. Скорость должна быть высокой, но не настолько высокой, чтобы страдало качество. В первую очередь следует научиться быстро выполнять те операции, которые не требуют размышлений и особого внимания: перемещение файлов, запуск программ и т. д.

3. Боритесь с отвлечениями. Старайтесь убирать или отключать все, что отвлекает от работы: телевизор, радио, почту, социальные сети, мессенджеры, всплывающие сообщения. Избегайте во время работы ярких впечатлений и сильных эмоций, иначе ваши мысли будут постоянно к ним возвращаться.

4. Ориентируйтесь на результат, а не на процесс – это дисциплинирует и не дает отвлекаться. Для этого составьте список результатов и целей, которых вы хотите достичь в течение рабочего дня, и периодически в него заглядывайте.

5. Если вы вдруг задумались, отвлеклись, увязли в ненужных деталях или «поймали себя» на неоправданно медленной работе, спокойно вернитесь к быстрому темпу. При этом не следует себя за это как-то ругать или осуждать.

Наряду с этим, представлен и еще один набор эвристик подобного рода, которые, с одной стороны, имеют достаточно общую сферу, а с другой, очень характерны и для информационной деятельности.

Эвристика сокращения усилий (Effort reduction heuristic), означающая использование методов минимизации усилий по принятию решений.

Эвристика воздействия используется при оценке рисков и преимуществ чего-либо в зависимости от положительных или отрицательных чувств, которые люди связывают со стимулом. Также может считаться интуитивным решением, поскольку, если интуитивное ощущение правильное, то польза высока, а риски низкие.

Эвристика якорения (anchoring and adjustment heuristic) заключается в склонности больше полагаться на первую часть информации, предлагаемая («якорь») при принятии решений.

Эвристика усилия (Effort heuristic). заключается в том, то ценность объекта определяется количеством усилий, затраченных на создание объекта. Объекты, на создание которых ушло больше времени, более ценны, в то время как объекты, на создание которых ушло меньше времени, считаются менее ценными. Также относится к тому, сколько усилий прилагается для достижения продукта. Это можно рассматривать как разницу между работой и получением объекта и поиском объекта на обочине улицы.

Эвристика знакомства (Familiarity heuristic). Ментальное средство, применяемое к различным ситуациям, в которых люди предполагают, что обстоятельства, лежащие в основе их поведения в прошлом, все еще сохраняются в настоящей ситуации и что прошлое поведение, таким образом, можно правильно применить к новой ситуации.

Эвристика наивной диверсификации (Naive diversification). заключается в том, что при просьбе сформулировать несколько вариантов одновременно, люди склонны к большему разнообразию, чем при последовательном принятии однотипных решений.

Эвристика пика (End rule). Состоит в том, что опыт события оценивается по ощущениям пика события и не более того. Обычно не каждое событие рассматривается как завершенное, а то, что ощущалось в кульминации, было ли событие приятным или неприятным для наблюдателя. Все остальные чувства не теряются, но не используются. Это также может включать, как долго произошло событие.

Эвристики дефицита (Scarcity heuristic). Состоит в том, что чем сложнее получить предмет или информацию, тем большую ценность они имеют. Это может привести к системным ошибкам или когнитивной предвзятости.

Эвристика моделирования (Simulation heuristic). Представляет собой упрощенную ментальную стратегию, в которой люди определяют

ют вероятность того, что событие произойдет, исходя из того, насколько легко мысленно представить происходящее событие.

Эвристика контроля – систематическое включение контрольных операций в текущий процесс как средство выявления не только отклонений от его нормативной реализации, но и постановки новых задач, решение которых может оказаться полезным в дальнейшем

Эвристика беглости (Fluency heuristic). Если один объект обрабатывается плавнее или быстрее другого, то этот объект имеет более высокое значение в отношении рассматриваемого вопроса. Другими словами, чем более умело или изящно идея передается, тем вероятней, что её следует рассматривать серьезно, независимо от того, логична она или нет.

Эвристика взгляда (Gaze heuristic). Эвристика, согласно которой эффективность переработки информации может быть повышена при максимальной концентрации внимания («взгляда») на либо одной переменной с полным игнорированием всех иных.

Эвристика «горячего заблуждения» («Ошибка игрока»). Состоит в мнении, что для случайных независимых событий, чем ниже частота исхода в недавнем прошлом, тем выше вероятность такого исхода в будущем.

Эвристика распознавания (Recognition heuristic). Если один из двух объектов один распознан, а другой нет, то следует сделать вывод, что распознанный объект имеет более высокое значение по отношению к деятельности.

Эвристика подобия (Similarity heuristic). Заключается в вынесении суждений на основе сходства между текущими ситуациями и другими ситуациями или прототипами этих ситуаций. В общем случае эвристика подобия представляет собой адаптивную стратегию. Цель эвристики подобия – максимизировать продуктивность за счет благоприятного опыта, не повторяя неблагоприятный опыт. Решения, основанные на том, насколько благоприятным или неблагоприятным кажется настоящее, основываются на том, насколько прошлое было похоже на текущую ситуацию.

Эвристика подстановки атрибутов (Attribute substitution). Эвристика, известная также как предвзятость замещения, – это процесс, который, как считается, лежит в основе ряда когнитивных предубеждений и иллюзий восприятия. Это происходит, когда человек должен сделать суждение (о целевом атрибуте), которое является вычислительно сложным, и вместо этого заменяет более легко вычисляемый

эвристический атрибут. Полагается, что эта замена имеет место в автоматической интуитивной системе суждения, а не в рефлексивной системе. В частности, когда кто-то пытается ответить на сложный вопрос, он может фактически ответить на связанный, но другой вопрос, не осознавая, что произошла замена. Это объясняет, почему люди могут не осознавать свои собственные предубеждения и почему предубеждения сохраняются, даже когда субъект осведомлен о них.

Далее, возможен и еще один способ дифференциации эвристик. Так, в процессе бесед были выявлены своего рода «мысленные ярлыки», которые способствуют быстрому и с минимальным приложением умственных усилий принятию решений, вынесению суждений, быстрому решению проблемы, совладанию со стрессовыми ситуациями и др.

Эвристика ментального упрощения, с помощью которой IT-специалисты быстрее и эффективнее классифицируют объекты в соответствии с тем, насколько эти объекты подобны какому-то типичному примеру из их практики. Отмечается, что эвристика репрезентативности часто приводит к ошибкам в оценке вероятности события или последовательности событий. Например, при написании простого кода даже опытный программист может допустить ошибку, забыв о том, что надо следить за начальными значениями переменных. В большинстве языков до того, как вы что-то поместите в выделенную область памяти, там будет храниться остаточный «мусор», то есть любой двоичный код, который остался в ячейках до начала работы программы.

Прайминг-эффект, эффект предшествования или фокусирование установки является механизмом имплицитной памяти, обеспечивающим неосознанное и непреднамеренное влияние однократного воздействия стимула, какого-либо вида на реакцию на последующий стимул. Выделяют перцептивный, семантический и концептуальный прайминг. Если сотрудник недавно столкнулся с определенной ошибкой, например, в работе программы, разобрался в ее причине, то при последующем возникновении ошибки в этой программе у него возникнет установка на ту же самую причину, то есть он пойдет привычным алгоритмом устранять ошибку. На практике такое работает не всегда. Например, бухгалтер, работая в программе СБИС, не мог сформировать отчет. Ошибка была в работе программы, и ее смогли устранить программисты. На следующий раз при неудавшейся попытке составления отчета оказалось, что ошибка заключалась в неверной работе самого специалиста с программой.

Наибольший интерес в деятельности IT специалистов представляет перцептивный прайминг. Основная сфера действия перцептивного прайминга – задачи зрительного поиска, в которых человеку необходимо отыскать определенный целевой объект среди множества сходных зрительных объектов. Если целевой объект отличается от остальных уникальным физическим признаком (например, при участии воображения и узнавания, когда по нескольким ключевым штрихам IT-специалист понимает, какой код программы перед нами представлен), то время его поиска не зависит от общего количества стимулов. Феноменально такой стимул «выскакивает» из стимульного поля, и человек мгновенно обнаруживает его. Если же он отличается от остальных несколькими признаками, то поиск требует участия механизмов внимания и осуществляется последовательно и тем медленнее, чем больше зрительных объектов находится перед человеком.

Эвристика привязки и приспособления – ментальный прием, который уже встречался в предыдущих классификациях как эффект якоря. Он заключается в том, что любое число, на которое мы обратили внимание перед тем, как провели оценку неизвестной величины, влияет на величину нашей оценки. Примером такой установки может служить программирование на старом языке для уже новой системы. Когда сотрудник по причине отвлечения или забывания, возвращаясь к работе, использует старый и привычный код, который и служит тем самым якорем. Зачастую эвристика привязки может привести к ошибкам в деятельности.

Эвристика распознавания – эта ментальная модель, которая также отмечалась выше и опирается только на распознавание знакомых объектов в не знакомом (непривычном) массиве данных. Это приводит к проверяемому предсказанию, что люди, которые полагаются на него, будут игнорировать сильные, противоречивые сигналы (т. е. не делать компромиссов; так называемые не компенсирующие выводы). Данная эвристика проявляется в тех областях, где существует корреляция между критерием и распознаванием. Например, прогнозирование географических свойств, спортивных событий, маркетинг. В случае IT-деятельности и конкретно работы программиста это может быть прогнозирование успешности конкретного кода для данной программы, для копирайтера – это выбор правильного тона письма или статьи в зависимости от читающей аудитории, для тестировщика – определение ошибки в системе, сайте, программе.

Кроме того, в деятельности IT-специалистов обнаружены метаэвристики – стратегии, которые «управляют» процессом поиска решения. Цель метаэвристики состоит в эффективном исследовании пространства поиска для нахождения оптимальных решений. Метаэвристические алгоритмы варьируют от простых процедур локального поиска до сложных процессов обучения; алгоритмы являются приближенными и, как правило, недетерминированными; могут включать механизмы избегания попадания в ловушку в ограниченной области пространства поиска. Метаэвристики могут быть описаны на абстрактном уровне (то есть они не предназначены для решения конкретных задач), а также могут использовать предметно-ориентированные знания в виде эвристики, которые находятся под контролем стратегии верхнего уровня.

Современные метаэвристики используют сохраненный в памяти опыт поиска решения для управления поиском. Метаэвристики предполагают методы локального поиска (МЛП), который обычно позволяет найти локальный оптимум. К основным методам МЛП относятся метод имитации отжига, табу-поиск, процедура жадного рандомизированного адаптивного поиска (GRASP – Greedy Randomized Adaptive Search Procedure) метод поиска чередующихся окрестностей (VNS – Variable Neighborhood Search).

Наиболее частые эвристики:

Жадный алгоритм – алгоритм, заключающийся в принятии локально оптимальных решений на каждом этапе, допуская, что конечное решение также окажется оптимальным.

Ограниченный перебор только перспективных вариантов – существует класс задач, в которых из некоторого количества вариантов необходимо выбрать наиболее оптимальный. Для таких задач далеко не всегда удастся найти алгоритм, который позволил бы получить решение без анализа всех или большого количества комбинаций исходных данных, то есть без осуществления перебора. Осуществление полного перебора требует много времени. Потому на практике используется ограниченный перебор наиболее перспективных заведомо вариантов.

Последовательное улучшение («локальный поиск») в том числе в сочетании с вероятностным выбором – специалист не пытается решить задачу сразу и наскоком. Он выбирает одну небольшую подзадачу, находит оптимальное для неё решение, после переходит к следующей. Так происходит постепенное улучшение конечного продукта путем локального поиска.

Для исследования феноменов метакогнитивного плана, имеющих место в деятельности информационного класса, определение значение имеет и подход Дж. Миллера к дифференциации стратегий преодоления информационной перегрузки, которые также следует рассматривать как эвристические средства ее оптимизации.

Бездействие – произвольная временная остановка обработки информации.

Ошибочная обработка информации.

Выбор очередности – откладывание обработки некоторых видов информации в надежде вернуться к ним позднее.

Фильтрация – пренебрежение некоторыми видами информации во время обработки других, более приоритетных.

Приблизительная точность – за счет снижения точности обработки информации увеличивается скорость.

Множественная обработка – распределение процессов обработки информации, если это представляется возможным.

Далее, обращаясь к попытке осмысления феномена эвристик в деятельности данного класса, мы с необходимостью сталкиваемся с самим – весьма сложным и глубоким, но одновременно не вполне четко определенным понятием эвристики как таковым. Оно имеет непростую судьбу в психологии, сложную историю становления и развития, характеризуется полемичностью и составляет особую специальную тему. Не вдаваясь во все тонкости данного вопроса, остановимся лишь на тех сторонах данного феномена, которые непосредственно сопряжены с рассматриваемыми здесь вопросами.

Во-первых, пожалуй, главной особенностью эвристик, особенно важной в плане раскрытия содержания и феноменологии метапроцессуальной регуляции, является то, что они носят принципиально *вторичный* характер. Они практически никогда не являются самостоятельными образованиями – самодостаточными, терминальными операционными средствами, но выступают как то, что «накладывается» на иные операционные образования процессы, действия, операции и оптимизирует – фасилитирует их. По отношению к ним – правда, с известной долей условности, но фактически обоснованно может быть применен и широко используемый сейчас термин надпредметных действий. Следовательно, они по самой своей сути выступают не как операционные, а как метаоперационные образования; они локализованы не на уровне непосредственного исполнения, а на метауровне

по отношению к нему. Однако если учесть, что в данной деятельности само это исполнение является собственно когнитивным, то и эвристики обретают статус метакогнитивных образований, порождающих сопряженную с ним феноменологию – также метакогнитивную.

Во-вторых, важной особенностью эвристиков является и то, что они сами по себе не гарантируют получение необходимого результата, но облегчают его достижение, в чем проявляется их не строго детерминистский, а *вероятностный* характер. Причем, они облегчают его не только в смысле фасилитации самого поиска – в качестве «подсказок» того, как его достичь, но и в прямом смысле – в смысле снижения психофизиологических затрат на его получение. Именно поэтому опытный профессионал, который как раз и характеризуется наиболее полной реализацией эвристического арсенала, работает с относительно меньшими затратами, чем неопытный работник.

В-третьих, еще одной особенностью эвристиков является то, что они часто являются результатом *собственной* активности субъекта по освоению и оптимизации своей деятельности – они «плод» его активности. Другими словами, они зачастую не задаются извне, а создаются сами субъектом. Отсюда вытекает, как минимум, два следствия. Первое – они носят предельно индивидуализированный и потому удобный для самого субъекта характер, позволяя ему максимизировать опору на свои сильные стороны и минимизировать свои слабые места. Иначе говоря, они выступают и мощным средством обеспечения одного из важнейших свойств деятельности – *оперативности*. Второе – на них в полной мере распространяется фундаментальный феномен асимметрии оценки «своего и чужого». Он, как известно, состоит в субъективно завышенной оценке своих собственных результатов по сравнению с объективной и в недооценке результатов, полученных другими. Сказанное не означает, конечно, что эвристики не могут задаваться извне и не быть предметом специального формирования. Как раз напротив, ряд из них может и должен выступать в этом качестве, что, кстати говоря, и происходит в действительности, а их усвоение составляет существенную часть ряда дидактических программ.

В-четвертых, как было показано уже в самых первых работах по проблеме эвристиков, они обладают принципиальной *двойственностью* – они одновременно являются и правильными и неправильными. Они могут быть неправильными в том смысле, что нередко не соответствуют постулату строгой рациональности, корректности

выводов и пр. В этом плане, например, эвристика доступности вовсе не является рациональной по своей сути, а скорее, наоборот, выступает явным когнитивным искажением. Однако они все же правильны в том смысле, что в тех или иных конкретных условиях часто являются фактически ее единственно возможными – принципиально реализуемыми средствами организации действий, способами переработки информации. Так, в теории принятия решения еще со времен Г. Саймона сформулирован парадоксальный, на первый взгляд, но верный по сути тезис, согласно которому человек вообще может принимать решения только постольку, поскольку он ошибается, что и проявляется в использовании эвристик [405]. Он отмечал в этой связи, что «человек не настолько иррационален, чтобы всегда поступать рационально».

В-пятых, эвристики обладают и еще одной особенностью, к рассмотрению которой мы возвратимся ниже, но которую целесообразно зафиксировать уже сейчас. Они выступают именно как *наднормативные* образования – как то, что исходно не представлено в нормативном содержании деятельности, а является продуктом его обогащения субъектом деятельности.

Все эти наиболее характерные особенности эвристик, равно как и иные – более локальные их свойства, весьма отчетливо и полно эксплицируются как в ходе психологического анализа деятельностей информационного класса, так и при специальном реферировании соответствующей литературы, в которой, как мы отмечали, представлены разнообразными их перечни и списки.

Продолжая анализ феноменологии информационной деятельности и обращаясь к следующей группе явлений, следует учитывать одну из основных и наиболее специфических ее особенностей. Она состоит в том, что эта деятельность носит не только принципиально метакогнитивный, но и столь же метарегулятивный характер. Действительно, трудно не видеть того очевидного и, фактически, определяющего для понимания ее психологической природы обстоятельства, что она во многом заключается в «организации работы» иной сущности, нежели сам субъект труда – компьютера, в регуляции и управлении его функционированием. Тем самым, она обретает принципиально метарегулятивные атрибуты. Субъект регулирует не только, а зачастую – не столько свою деятельность, сколько деятельность (строго говоря, конечно, функционирование), реализуемую иной сущностью – компьютером. Она тем самым обретает описанные в теории

черты метадеятельностной организации, поскольку становится «деятельностью с деятельностью», точнее – деятельностью по организации деятельности. В этом плане можно, по нашему мнению, констатировать очень глубинное сходство данной деятельности с организацией и природой очень важного представителя иного класса деятельностей (субъект-субъектного) – управленческой. Как известно, сама суть этой деятельности носит принципиально опосредствованный характер: сам руководитель не только обычно не связан непосредственно с реализацией исполнительских терминальных функций деятельности, но и не должен быть с ними связан. Он регулирует не исполнение, а то, как его осуществляют другие – исполнители. В этой связи уместно напомнить об одном из определений данной деятельности, сформулированное М. П. Фоллет: «управление – это выполнение работы руками других людей» (по [95]). Конечно, эта аналогия, как, впрочем, и любая иная, является неполной и по необходимости условной. Вместе с тем, она все же вскрывает общие глубинные особенности организации деятельностей этих двух классов.

Продолжая эту аналогию, можно видеть также, что деятельность, базирующаяся на основе компьютерной техники, обретает и ряд существенных черт, свойственных совместной деятельности как таковой, причем, отнюдь не паритетной, а организованной на основе иерархического принципа. В ней, как и в любой совместной деятельности, наличествуют, как минимум два ее реализатора, причем, один из них является ведущим, а другой ведомым, что аналогично отношениям «руководства-подчинения». Конечно, мы вполне отдаем себе отчет в известной метафоричности и условности такой аналогии; однако все же она отнюдь не лишена смысла в плане раскрытия специфики данной деятельности.

С этих позиций, раскрывающих метарегулятивную и совместно-построенную природу данной деятельности, с достаточной очевидностью вскрывается факт, носящий уже более конкретный характер и непосредственно способствующий решению задачи выявления искомых феноменологических проявлений метакогнитивного плана. Будучи «совместной», данная деятельность выступает и как своего рода *распределенная* между ее субъектам и ее средством. Истинная специфичность этой деятельности состоит в том, что само средство» выступает в качестве аналога субъекта, становясь своего рода квази-субъектом. В еще более конкретной и прозаической формулировке это

означает, что в данной деятельности мы сталкиваемся с очень общим и в принципе давно и традиционно изучающимся феноменом, который обычно обозначается как распределение функций между человеком и машиной. Данный феномен и вообще – сопряженная с ним проблематика оформились, как известно, в связи с началом исследований в области инженерной психологии, с исследованиями деятельности оператора. Однако можно видеть, что обращение к исследованию деятельности субъектно-информационного класса требует этого же, знаменуя своего рода ренессанс данной проблематики, но на совершенно ином уровне сложности и качественного своеобразия.

Именно такое распределение в целом и передача многих функций и задач от субъекта труда к средству труда (которое само становится квазисубъектом) и является наиболее характерным и специфичным для данной деятельности. Причем, важно и то, что такое распределение имеет множественный, но одновременно – и вполне упорядоченный характер; поясним сказанное. Дело в том, что в данном случае речь идет не только о так сказать переносе тех или иных деятельностных функций «вообще» – в целом и недифференцировано, неупорядоченно, а о переносе совершенно структурированном. Эта структурированность обеспечивается тем, что переносу подлежат те основные группы функций, которые и составляют главное содержание каждого из базовых функциональных блоков психологической системы деятельности. Напомним, что в их качестве выступают блоки целеобразования, мотивации, информационной основы, принятия решения, профессионально-важных качеств, планирования программирования, исполнительской части, контроля и коррекции. Однако, именно те функции, которые реализуются каждым из них, равно как и их общая совокупность, как раз и передаются от субъекта туда к его квазисубъекту. Это, прежде всего, функции информационного обеспечения, включающие как поиск информации, так и ее обработку; выработки и принятия решений; программирования; планирования; исполнения решений; контроля; коррекции и др. По нашему мнению, фундаментальным по своей значимости является обстоятельство (которое само по себе не только хорошо известно, но и составляет одну из основ всей компьютерной техники, ее общую идеологию), согласно которому в ней происходит своего рода «удвоение функций». Так, например, ее эффективность в аспекте информационного обеспечения зависит не столько от того, насколько субъект владеет той или иной

информацией, сколько от его способности находить нужную информацию. Однако для этого – что является наиболее существенным – он должен владеть информацией о том, где и как можно найти необходимую информацию. Фактически, складывается ситуация, при которой субъект работает не только с информацией непосредственно, а с *метаинформацией*. Эффективность его деятельности в решающей степени зависит не от функции информационного обеспечения, а от функции ее метаинформационного обеспечения. Причем, первая реализуется компьютером, тогда как вторая – субъектом.

Не менее показательна в этом плане и еще одна важнейшая функция по обеспечению деятельности – программирование. Сама суть компьютерной деятельности в том и состоит, что субъект вовсе не должен составлять и тем более реализовывать ту или иную программу (что, напротив, составляет важнейшую сторону всех иных типов деятельности). Он должен знать уже существующие программы, уметь выбирать оптимальные из них и в дальнейшем – контролировать их реализацию. Вновь имеет место «удвоение функций», а со стороны субъекта исходная функция программирования трансформируется в функцию *метапрограммирования*, тогда как сама исходная функция, точнее, ее реализации остается за компьютером. Программирование «удваивается», трансформируясь в метапрограммирование.

Столь же показательна, а в известном смысле – и максимально демонстративна трансформация еще одной базовой деятельностной функции – контрольной. Она, как может быть, никакая иная, не подвержена чисто технически возможностям ее передачи компьютеру. Наиболее простым и одновременно распространенным средством этого является встроенная практически в каждый персональный компьютер система коррекции грамматических и иных текстовых ошибок. Ей, однако, тоже надо уметь пользоваться – контролировать осуществление ей контрольных функций. Следовательно, субъект реализует не контроль как таковой непосредственно, а контроль контроля – то каким образом квази-субъект (компьютер) реализует непосредственные контрольные функции. Данная функция также «удваивается», трансформируясь со стороны субъекта в функцию *метаконтроля*, но оставаясь со стороны квазисубъекта функцией контроля.

Аналогичная в принципе ситуация складывается и в отношении еще одной, быть может, определяющей деятельностной функции – вырабатки и принятия решений. Хорошо известно, что многие современные

системы управления, базирующиеся на компьютерных технологиях, как раз и предполагают, в первую очередь, возможность оптимизации данной функции, в том числе, и за счет в значительной мере автономных от субъекта процедур приятия решения. Конечно, в связи с этим, возникает важная и дискуссионная проблема относительно допустимых границ передачи функций по принятию решений от субъекта к квазисубъекту; о том, насколько это можно и нужно делать – даже в том случае, если технически это возможно? Понятно, что данная проблема имеет множество иных аспектов – не только, повторяем, технических, но и иных – моральных, гуманитарных, социальных и даже философских. Однако суть дела от этого не меняется и состоит в том, что с высокой степенью отчетливостью констатируется все та же принципиальная картина – возникновение феномена «удвоения» функций. С одной стороны, она, разумеется, сохраняется в своем исходно первичном виде – как функция выработки и приятия решений. С другой стороны, она сама начинает регулироваться и управляться, контролироваться и корректироваться, трансформируясь в функцию реализации *метарешений*. Первая реализуется квазисубъектом, а вторая субъектом. Смысл метарешенческой функции состоит в том, какую процедуру собственно решений выбрать и в том, чтобы решить, возможно ли окончательное принятие уже выработанного – предложенного программой решения? Возникает фундаментальный феномен метарешений, который, впрочем, имеет аналоги в выполненных ранее исследованиях, например, управленческой деятельности, а также иных – в основном, сложных типов профессиональной деятельности [92, 96].

Можно, разумеется, и дальше продолжать рассмотрение феноменов подобного рода, имеющих общий смысл и важное значение для понимания специфичности содержания компьютерной деятельности. Однако, уже представленных материалов, по-видимому, вполне достаточно для того, чтобы этот общий смысл был выявлен. В связи с этим, ограничимся лишь одной также типичной иллюстрацией сказанного. Известно, что очень многие или даже подавляющее большинство программ и процедур функционирования приложений, вообще – всех компьютерных технологий обладает встроенными в них системами корректирующего типа. Их предназначение в том и состоит, чтобы реализовывать коррекционные функции в значительной мере автономно от субъекта – автоматически. Они предполагают процедуры детекции ошибок или ее неоптимальностей, их типизацию, алгоритмы поиска

вариантов корректировки, выбор и реализацию ситуативно лучшего из них. Самому же субъекту, в связи с этим отводится иная роль – реализация функции по обеспечению указанной – первично-корректировочной функции, контроль за ней и при необходимости – ее корректировка. Тем самым вновь имеет место феномен «удвоения» фуркаций – но здесь корректировочной. Она, сохраняясь в первичном виде, реализуется компьютером. Однако, она же, но во вторичном виде – как функция *метакооррекции* реализуется самим субъектом деятельности. Наконец, отметим еще одно обстоятельство, также имеющее непосредственное отношение к сути рассматриваемой закономерности. Дело в том, что каждая из основных деятельностных функций является очень общей – по существу, стратегической задачей. Она с необходимостью подвергается конкретизации в зависимости от актуально складывающейся ситуации, трансформируясь в совокупность тактических вариантов ее осуществления. Однако и при их реализации суть дела остается прежней, поскольку каждый из них также предполагает распределение общей функции на ту часть, которая транспонируется квазисубъекту, и ту, которая остается обязанностью самого субъекта.

По нашему мнению, именно эта – охарактеризованная выше распределенная организация (и даже природа) компьютерной деятельности в целом, а также порождаемое ей «удвоение» фикций, в результате которого возникают метафункциональные образования, как раз и является главной детерминантной генезиса целого ряда феноменов метакогнитивного плана. Основными и наиболее специфичными по отношению к этой группе являются следующие феномены, а также сопряженные с ними деятельностные явления более общего плана.

Прежде всего, с высокой степенью отчетливости эксплицируется явление, которое можно обозначить как феномен *гиперделегирования* функций. Он состоит в том, что, в силу принципиальной возможности реализации деятельностных функций за счет технических средств и, главное, – знания субъекте об этом, имеет место тенденция к избыточному и часто неоправданному переносу их реализации на эти средства. Оно сопровождается уверенностью субъекта не только в возможности, но и в необходимости этого, поскольку он полагает, что «техника делает это лучше». Безусловно, границы допустимого переноса функций всегда условны и подвижны, однако, они все же объективно заданы возможностями самой техники. Нарушение этих пределов ведет к очевидным дефектам и в реализации деятельности. Данный феномен имеет

важную метакогнитивную «составляющую», поскольку он базируется, в конечном счете, на знании о том, что функция может и даже должна быть распределена, а мера осознания этого знания, то есть метакогнитивная оценка и выступает источником данного феномена.

С этим феноменом сопряжено и еще одно явление, которое можно обозначить как феномен *гипердоверия*. Он состоит в неоправданном и зачастую даже некритическом отношении к тем результатам, которые предоставляет субъекту функционирование компьютера. Они не только рассматриваются как верные, но и не нуждающиеся ни в проверке, ни просто в понимании их смысла. Данный феномен также подчеркнута метакогнитивен, однако, так сказать, «с обратным знаком»: здесь он представлен как «знание о том, что не следует подвергать сомнению некоторый – предоставленный компьютером результата».

Показательно и то, что оба этих феномена могут представлять и в инверсионном виде – в своей противоположности. Так, феномен гиперделегирования может быть представлен в негативной форме – как феномен *гиподелегирования*, что по понятным причинам приводит к неоправданной перегрузке субъекта выполнением и таких функций, которые вполне могли бы быть реализованы техническими средствами. В свою очередь, феномен гипердоверия также может оборачиваться и представлять в инверсионной форме – как феномен *гиподоверия*, что также приводит к необоснованным дополнительным и зачастую навязчивым попыткам коррекции тех или иных аспектов функционирования компьютера. В связи с этим, необходимо отметить, что уже по отношению к этим феноменам выявляется важная особенность всей метакогнитивной феноменологии данной группы – их двойственность, существеннее как в прямой, так и в инверсионной форме – *биполярность*, амбивалентность. Данная особенность, как будет показано в дальнейшем, характерна и иным феноменам этой группы.

При углубленном рассмотрении феномена гиперделегирования вскрывается обстоятельство еще более принципиального плана. Оно эксплицирует его общий характер, а также тесную связь с рядом иных – уже известных и важных феноменов организации профессиональной деятельности. Дело в том, что по своему смыслу и психологической природе он, представленный, однако, в его максимизированном проявлении, близок и функционально подобен известному и имеющему фундаментальные значения для организации сложных видов деятельности феномену *уходов*. В силу значимости данного положения,

на нем представляется целесообразным остановиться несколько более подробно. Действительно, сначала в психологической теории принятия решения, а затем и в иных психологических направлениях был установлен очень общий и значимый феномен, получивший обозначение феномена *элиминативного* поведения, или феномена элиминации, а его содержание может быть описано следующим образом.

Как показал проведенный в [99, 101] анализ специфически регулятивных – интегральных процессов, они составляют достаточно специфическую группу, включающую процессы целеобразования, антиципации, принятия решения, прогнозирования, планирования, программирования, контроля и самоконтроля. Нами было показано, что интегральные процессы могут выступать и реально выступают операционными средствами соорганизации самих себя [111, 120]. Наиболее демонстративным примером этого могут служить, в частности, процессы метарешения, то есть процессы принятия субъектом решения о том, идти ему на решение как таковое, или же попытаться уйти от него, от самой необходимости его принятия.

В плане их исследования установлен ряд важных психологических закономерностей, фактов и феноменов; сложились некоторые новые понятия и термины. Действительно, как показано в [91, 94, 97, 102, 104, 109, 82, 211], при психологическом изучении практически всех видов профессиональной управленческой деятельности изначально и с достаточной высокой степенью очевидности и эксплицированности обнаруживаются процессы (и другие средства), направленные на то, чтобы избежать самой необходимости в принятии решений. Иначе говоря, в различных по содержанию видах деятельности первоначально наблюдается мощная, достаточно стабильная и, как оказалось, нарастающая со стажем [98, 111] тенденция к исключению, к элиминации из структуры деятельности процессов принятия решения и к их замене другими средствами организации деятельности. Уже феноменологически можно видеть, что субъект обычно рассматривает принятие решения как одно из наиболее нежелательных средств организации деятельности (скорее всего, из-за интимно связанного с ним риска) и использует его, когда другие средства либо невозможны (например, из-за дефицита времени), либо не срабатывают (многокритериальность задачи, несопоставимость критериев и др.). Подробная характеристика данного феномена представлена в [104]. Наиболее значимо то, что вся охарактеризованная выше и очень богатая, развернутая феноменология, связанная

с процессами метарешений, безусловно, не может быть игнорирована при раскрытии процессуально-психологического содержания деятельности. Она очень органично входит в него.

Однако, в свете представленных выше материалов, а также обширного литературного материала, есть веские основания для предположения, согласно которому данный феномен отнюдь не исчерпывается лишь двумя деятельностными функциями – подготовки и принятия решения и планирования, но распространяется и на другие базовые функции, то есть имеет общий характер. Это особо оправданно и обоснованно именно по отношению к компьютерной деятельности, поскольку именно она как никакая иная создает объективными возможностями реализации существенной части этих функций автономно от субъекта. Следовательно, в ней «есть на что переносить» реализацию функций. Более того, такой перенос просто необходим, а без него деятельность вообще невозможна. Однако, и у него есть границы допустимости, превышение которых как раз и означает действие феномена ухода. Ниже мы возвратимся к этому феномену, поскольку, как будет показано в дальнейшем, он имеет еще одно важное следствие феноменологического плана. Действительно, в отношении всех иных метарегулятивных процессов, входящих в данную группу, дело обстоит аналогичным образом. Так, еще одним процессом, выявляемым при анализе общего процессуального содержания деятельности и сходным по своему статусу с только что рассмотренным, является процесс метапланирования. Он связан с выбором и (или) формулировкой, а также с последующей реализацией той или иной стратегии планирования как такового. Определение стратегии и вообще внесение стратегической упорядоченности, а значит и планомерности в действия планирования – это и есть специфическое «процессуальное ядро» метапланирования. В качестве еще одного метапроцесса данного типа можно отметить процессы метаконтроля; их суть заключается в следующем. Во-первых, еще до начала реализации какого-либо «деятельностного цикла», до решения той или иной поведенческой задачи разворачиваются определенные процессы, направленные на определение степени, меры – так сказать интенсивности контрольных функций, которые потребует их реализация и которые необходимы (или целесообразны) с субъективной точки зрения. Во-вторых, уже по ходу такой реализации имеют место операции сличения осуществляемого контроля с теми установками, которые были определены

в отношении него до ее начала и, при необходимости, в него вносятся соответствующие коррективы.

Далее, специальное и очень пристальное внимание должно быть уделено еще одной подгруппе феноменов (именно подгруппе, поскольку она включает целый ряд сходных феноменов), также обусловленных констатированными выше особенностями анализируемой деятельности – прежде всего, ее распределенным характером. Причем, показательно и доказательно то, что не только их аналоги, но и прямые указания на существование этих феноменов систематически встречаются в исследованиях данной деятельности, а в еще большей степени – в ее реальной практике. В наиболее общем виде они могут быть обозначены как явления *антропоморфизма*, а их сущность состоит в следующем. И в ментальной репрезентации деятельности, формирующейся у субъекта, и в разнообразных языковых формах и выражениях, и в его общем отношении к средству своего труда у него складывается вполне определенная установка. Это установка на отношение к нему «как к человеку», точнее – как к некоторой одушевленной сущности, как «к другому», который наделен многими особенностями, которыми обладает он сам. Это – своего рода очеловечивание, одушевление средства своего труда. Примеры иллюстрации этого феномена, точнее, повторяем, целой группы феноменов повсеместны и широко представлены, известны и весьма красочно описаны в литературе. Очень характерно и то, что они, как отмечалось, закреплены в профессиональных терминах, языковых формах. Уже само по себе выражение «компьютер работает» выступает наиболее простым и доказательным примером антропоморфизма. Конечно, никакой компьютер не может работать в том смысле, что под работой понимается деятельность. Однако именно в этой коннотации данное выражение чаще всего и употребляется. Причем, доказательно и то, что по отношению к этой «работе» используются те эпитеты и оценки, которым обычно подвергается реальная деятельность и ее субъект: бабахлит, халтурит, ошибается, зависает и др. В его адрес возникают обвинения, порождаются чувства, рождается агрессия, а также зависимость от него. В еще более общем плане этот феномен проявляется и в том, что на предоставления о возможностях компьютера переносятся собственные представления субъекта относительно того, как он сам работает. Транспонируется то, каким образом субъект представляет свое собственное мышление, решение им проблем, переработку инфор-

мации, принятие решения и пр. Ментальная репрезентация деятельности в целом и роли компьютера в ней в значительной мере повторяет те особенности, которые характерны и для ментальной самопрезентации. Субъект антропоморфирует компьютер таким образом и в таком содержании, которое свойственно представлению субъекта о своем внутреннем мире. Складывающееся отношение к нему во многом является калькой самоотношения субъекта к самому себе.

Представляет интерес и еще один феномен подобного рода, который сходен с предыдущим, но в известном смысле противоположен ему. Его можно обозначить как явление *отчуждения*, состоящее в следующем. В процессе взаимодействия с компьютером действительно, формируется определенная установка к нему как «к другому». Однако он может наделяться и такими чертами, которые не только отсутствуют у самого субъекта, но наоборот противоположны ему, чужды ему. То, как «работает» компьютер и как он оценивается, согласно данному феномену, подвергается либо нейтральной, либо критической оценке и выносится за «пределы ответственности» самого субъекта.

Необходимым следствием всех отмеченных феноменов выступает еще одно – более комплексное явление. С одной стороны, все они эксплицируют наделение техники субъектными характеристиками и установку на нее как на «другого». Однако, в силу того, что в результате этого возникают определенные отношения между субъектом и квазисубъектом, порождается и аналог системы межличностных взаимодействий, а вследствие этого – и обширная палитра социально-психологических феноменов (точнее – *квазисоциальных*). В связи с этим, можно говорить о своего рода социальной психологии компьютерной деятельности – конечно с большой долей условности и даже метафоричности.

Можно констатировать и еще одну подгруппу феноменов, которая в известном смысле является «зеркальной» по отношению к предыдущей и состоит в следующем. Психологический анализ деятельности информационного класса и, что еще более показательно, анализ специфических особенностей личности ее субъекта убедительно свидетельствует о том, что имеет место не только наделение компьютера «человеческими качествами», но и противоположное явление – трансформация личностных качеств в направлении их сближения с особенностями самого компьютера. Можно говорить не только о феномене антропоморфизации компьютера, но и о явлении *компьютеризации личности*. Данный феномен, впрочем, достаточно давно зафиксиро-

ван и в литературе, и на уровне житейской психологии; существуют многочисленные варианты дифференциации личностных особенностей субъектов компьютерной деятельности – их портреты. Кроме того, сложился и ряд терминов для обозначения данного явления и его последствий, а также тех феноменов, которые возникают вследствие него [62, 129, 131, 133, 156, 205]. Это, например, явление «машинообразности» поведения, феномена «заалгоримизованности мышления», понятие компьютерного мышления, 5g-мышления. Представлены и те личностные характеристики, которые возникают вследствие этого и обозначатся в своей совокупности как *цифровая личность*. В еще более общем плане данный феномен является частным случаем общепсихологического явления профессиональных деформаций личности. Правда, на наш взгляд, этот термин не вполне удачен, поскольку само понятие деформаций несет преимущественно негативный смысл, тогда как, в действительности, многие трансформации личности под влиянием деятельности имеют позитивный смысл и являются важным адаптивным средством приспособления личности к деятельности, личностной оперативностью. Подчеркнем также, что по отношению к двум рассмотренным выше подгруппам вновь проявляется важная обобщающая особенность – биполярность феноменологии данной группы, то есть представленность как в прямой, так и обратной форме.

Продолжая анализ феноменологической картины явлений данной группы, необходимо возвратиться к уже рассмотренному выше – общему и важному феномену уходов и эксплицировать те дополнительные последствия, к которым он приводит. Анализу и эмпирическому исследованию этих последствий была посвящена одна из выполненных нами работ [126], материалы которой будут использованы в ходе проводимого здесь анализа. Систематические – так сказать «хронические» уходы, причем, как правило, не вполне оправданные, становясь привычкой и формируя определенную личностно-профессиональную установку, закрепляются и фиксируются как своего рода «норма деятельности». Причем, эта тенденция провоцируется тем сильнее, чем более совершенна сама компьютерная база – как такая, которая предоставляет все большие возможности для уходов – для переложения все большей части деятельностных функций на нее. В результате этого возникает обобщенный феномен отчуждения средств труда от его субъекта. Причем, «хитрость» заключается в том, что такое отчуждение не только негативно, но напротив – позитивно в известных пределах и даже объективно

необходимо; оно вообще во многом и является конечной целью компьютеризации как таковой – разгрузки субъекта. Однако оно же, становясь хроническим – привычным и само собой разумеющимся, приводит к своего рода автономизации работы компьютера от субъекта, работающего с ним. Причем, такая утрата «легка и приятна» самому субъекту – она освобождает его от многих усилий по реализации деятельности. Однако вследствие этого возникает еще одно достаточно общее, но уже, в основном негативное явление. На основе этого, можно, по-видимому, говорить о специфическом для информационного типа деятельности явлении – о феномене редукции состояния agency (*reduction of agency* – ROA [118]). Он является, фактически, одним из индикаторов (а одновременно – и детерминантой) более общего феномена, который может быть обозначен как феномен *редукции субъектности*.

Отметим также, что в другой работе [89] были установлены два новых факта относительно основного метакогнитивного парадокса (эффекта Даннинга-Крюгера). Во-первых, он подтвердился и по отношению к изученным условиям – по отношению к деятельности субъектно-информационного класса. Во-вторых, степень выраженности данного эффекта оказалась пропорциональной стажу: чем он больше, точнее, чем большее различие в стаже сравниваемых групп, тем он выраженнее. Следовательно, можно говорить и о том, что данный эффект обладает свойством *генетической относительности*, а не является абсолютным.

В целях продолжения экспликации феноменологической картины информационной деятельности, реализуемой на основе компьютерной техники, необходимо вновь обратиться к важной дифференциации ее компетенций, которая широко распространена в настоящее время. Это – разделение всех компетенций на две группы – *hard-skills* и *soft-skills*. Действительно, логика развития представлений в области профессиональной деятельности привела к тому, что, наряду с традиционно дифференцируемыми категориями субъектных детерминант (например, с категорией профессионально-важных качеств, дифференцирующейся, в свою очередь, на различные типы), стала включаться и принципиально новая категория, обозначаемая обобщающим понятием компетенций. В русле данного подхода – как под влиянием собственной логики его развития, так и под воздействием фатеров внетеоретического – прикладного плана оформились и стали весьма популярными, широко применяемыми два этих поня-

тия. Они были рассмотрены в ходе предшествующего изложения, одним из результатов которого явилась констатация следующей принципиальной трудности. Она, напомним, состоит в том, что в качестве субъектных детерминант деятельности выступает и такие факторы, которые лежат вне нее самой, имеют так сказать экстрасистемную локализацию. Они, не принадлежа ей исходно, тем не менее, оказывают на нее очень существенное влияние и, более того, включаются в общий состав ее собственных субъектных детерминант. Они, равно как и ее собственные детерминанты – *hard-skills*, обозначаются одним и тем же базовым понятием – понятием *skills*, что как раз и подчеркивает их функциональную общность, включенность и тех и других в содержание самой деятельности. Особо важно и показательно то, что оба этих класса детерминант обозначаются одним и тем же понятием – понятием *skills*, что как раз и символизирует их принадлежность к одной и той же категории субъектных детерминант, а не к их разным категориям. Иными словами, логика развития представлений в этой области привела к необходимости их рассмотрения именно как двух разновидностей одной и той же сущности, а не двух разных категорий. Складывается ситуация, при которой *soft-skills* обретают очень специфический и даже отчасти парадоксальный уровневый статус. Они одновременно локализованы и внутри деятельности, и вне нее, поскольку исходно локализованы в более общих по отношению к ней метасистемах, то есть выступают как своего рода метауровень по отношению к ней. Именно это, собственно говоря, и зафиксировано в использовании понятия метакомпетенций для обозначения *soft-skills*. Дело в том, что сами метакомпетенции – даже с чисто формальной и просто этимологической точки зрения являются образованиями, в известной степени выходящими за пределы той системы, которую они, в действительности, и «обслуживают» – деятельности.

Как следствие этого, по отношению к организации деятельности и ее субъектных детерминант складывается принципиально новая и существенно более сложная психологическая реальность. Несколько схематизируя складывающуюся ситуацию, можно сказать и так: в реальности деятельность включает в себя и то, что ей исходно вовсе не принадлежит и что отнюдь не вытекает непосредственно из ее содержания. Она ассимилирует в себе – в своем собственном составе и такие сущности, которые имеют по отношению к ней как к системе внешнюю, то есть экстрасистемную локализацию. И именно они,

функционально включаясь – так сказать «встраиваясь» в нее, образует один из уровней ее субъектных детерминант – уровень метакомпетенций, который и образован классом soft-skills. Они при этом оказывают отнюдь не только так сказать внешнее и потому – относительно менее существенно влияние на деятельность, а нередко играют вообще ведущую и определяющую роль в ее организации. Поэтому они не только не должны, но и объективно не могут быть проинтерпретированы как факторы только внешнего плана, как, хотя и сильные, но все же внешние детерминанты деятельности. Они обретают все атрибуты, присущие ее собственным, то есть внутренним детерминантам, обретая тем самым статус именно таковых – аутохтонных факторов деятельности.

В результате этого, возникает необходимость констатации важной закономерности, состоящей в следующем. Включаясь в более общий контекст – в более обобщенные метасистемы, hard-skills подвергаются воздействию с их стороны. В результате этого они, наряду с сохранением своей качественно определенной, обретают еще качественную специфичность – имеет место фундаментный феномен и механизм «удвоения качеств». И именно в этом, на наш взгляд, заключается основной принцип взаимодействия двух категорий компетенций – hard-skills и soft-skills, равно как и представленных в них деятельностных структур и образований, процессов и феноменов. Soft-skills оказывают свое влияние на деятельность не только и даже по большей части – не столько непосредственно, сколько опосредствованно. Это происходит за счет того, что они трансформируют и специфицируют детерминационное влияние на нее основных деятельностных компетенций – hard-skills. Специфика феноменов, обусловленных существованием soft-skills, заключается в том, что они также не столько прямо, сколько опосредствованно представлены в деятельности. Причем, это представительство как раз и состоит в том, что они трансформируют все иные – уже описанные группы феноменов; могут менять степень и даже направленность их влияния на деятельность. Поэтому и саму данную группу корректнее всего обозначить как *hs-феномены*: они порождаются не «внутри» soft-skills и не «внутри» hard-skills, а на их стыке, выступая синергетическими эффектами их интеграции, их синтетическим проявлением. Это означает, что по отношению к ним действует механизм *системных качеств*, который и порождает принципиально новое содержание. Оно отсутствует у отдельных частей (soft-skills и hard-skills) и у их аддитивной совокупности,

но присуще только их интеграции. В связи с этим, конечно, возникает вполне закономерный вопрос – как именно это происходит? В чем конкретно состоят те синергетические эффекты, которые прогнозируются априорно на основе теоретических аргументов? Какова так сказать «чувственная ткань» и конкретная эмпирика *hs*-феноменов?

Предпринимая попытку ответа на эти вопросы, мы считаем необходимым подчеркнуть, что, в силу практически полной неразработанности данной проблемы, на современном уровне ее состояния очень трудно рассчитывать на ее сколько-нибудь развернутое решение. Иными словами, представленный выше подход является именно подходом, который задает направление поиска такого рода феноменов, но, конечно, не претендует на их исчерпывающую экспликацию. Кроме того, есть основания полагать, что конструктивным средством – методическим приемом для их экспликации может выступить определение тех функций, которые реализует их совокупность по отношению ко всем иным категориям компетенций и компетентности как их интегративному эффекту. Именно в результате их реализации и порождаются те феномены, которые составляют содержание данной группы. Основными среди них являются следующие функции [126].

Первую функцию – в самом общем виде можно обозначить как *регулятивную*, а ее смысл уже отмечался выше. Он состоит в том очень общем факте, согласно которому детерминационное влияние *soft-skills* может проявляться и, как правило, проявляется не только и даже не столько в их непосредственном виде, сколько опосредствованно – через их воздействие на компетенции иных типов, а также на феномены, которые с ними сопряжены. Это влияние может состоять как в изменении меры выраженности, так и характера – направленности влияния последних. Иными словами, возникает своеобразное удвоение качества самих феноменов: они, сохраняя свою качественную определенность, в то же время, специфицируются под влиянием *soft-skills*, а в результате обретают еще и качественную специфичность, что и приводит в итоге к расширению и обогащению общей феноменологической картины деятельности информационного класса. В плане иллюстрации этой – очень общей закономерности можно привести большое число конкретных примеров. Так, скажем, она проявляется в широко известном феномене регуляции когнитивных функций со стороны факторов эмоционального плана (и вообще – в классической проблематике соотношения эмоционального и рационального). Конкретной экспликацией этого влияния

в деятельности информационного типа как раз и выступает обусловленность, регуляция когниции со стороны одного из soft-skiills – эмоционального интеллекта в целом и его компонентов, в частности. Другая, столь же общая иллюстрация сказанного – это очень существенная регулятивная обусловленность всех деятельностных функций и когнитивных, в особенности, составляющих содержание данной деятельности, со стороны еще одного базового soft-skiills – навыков саморегуляции (самоуправления). Она состоит, в частности, в очень важной и общей способности опосредствованного влияния на оптимизацию или стабилизацию когнитивных функций за счет управления собственным состоянием. Именно на это, как известно, направлены разнообразные тренинги регуляции состояний. Еще более очевидно детерминационное влияние практически на все аспекты деятельности такого soft-skills, каковым выступает тайм-менеджмент, поскольку он сопряжен с организацией деятельности в соответствии с таким базовым и всепронизывающим «измерением» реальности, как время, лежащим в основе темпоральной организации деятельности.

Вторая основная функция может быть обозначена как *генеративно-порождающая*, в более общем плане – как генетическая. Она состоит в том, что вся совокупность soft-skills оказывается мощнейшее детерминационное влияние не только на актуальное проявление тех или иных компетенций, а также практически всех иных сторон организации деятельности, но выступает и столь же сильным стимулом и, более того, конкретными средствами их развития, генезиса. Иными словами, их детерминационное влияние не сводится к уровню ситуационной обусловленности, а имеет надситуативный характер и распространяется на сферу генезиса, развития всех иных групп компетенций и основных компонентов структуры деятельности. Так, очень показательным в этом плане является один из важнейших soft-skills, который занимает в их структуре очень специфическое и во многом определяющее место. Он может по-разному обозначаться, но имеет общий смысл – мотивационную направленность, а одновременно – и способность к постоянному саморазвитию и совершенствованию посредством систематического обучения и переобучения. Этот soft-skiills особо важен и специфичен именно деятельности информационного класса, поскольку именно они наиболее динамичны, что требует постоянного соответствия субъекта их быстрым и радикальным трансформациям. Обычно этот soft-skiills связывают и с понятием life-

long-learning («обучение через всю жизнь»), а в более широком плане и с одной из общих способностей личности – обучаемостью. И именно в этом отношении очень характерно, что в метакогнитивизме эта связь также представлена и получила воплощение в исследованиях в целом и в тех метакогнитивных феноменах, которые сопряжены с обучением и обучаемостью, в частности. Действительно, в метакогнитивизме установлен ряд феноменов, которые специфичны именно процессу обучения: Ease-of-learning – EOL (стратегии дифференциации усваиваемого материала по параметру «легкости-трудности» и их выстраивание от первых ко вторым); Metacognitive reasoning – установление и приписывание причинности усваиваемым явлениям; Study Time Allocation – распределение времени в процессе обучения в ходе освоения того или иного материала и др.; Region of Proximal Learning – базовая метакогнитивная стратегия, которая заключается в том, что при ассимиляции нового материала базируется на максимальном числе уже знакомых элементов. В еще более общем плане показательно то, что в структуре метакогнитивизма одно из определяющих мест принадлежит дидактическому направлению.

Третья и, по нашему мнению, основная функция может быть обозначена как *компенсаторная*, а ее содержание состоит в следующем. В психологии в целом и в тех ее направлениях, которые сопряжены с исследованиями профессиональной деятельности, в особенности, давно и хорошо известен факт, являющийся столь же общим, сколь и фундаментальным по своей значимости. Он состоит в том, что недостаточный уровень развития собственно деятельностных способностей может быть нивелирован или даже полностью компенсирован со стороны так сказать внедеятельностных факторов, которые, в свою очередь, могут являться крайне разнообразными. В еще более общем плане данный феномен представляет собой деятельностное воплощение фундаментального явления компенсации в целом. Однако трудно не видеть того – вполне очевидного обстоятельства, что именно он и составляет очень существенную часть всего соотношения soft-skills и hard-skills. Первые могут оказывать и, как правило, оказывают на вторые не только регулятивное или развивающее воздействие, но и воздействие именно компенсаторного типа. Более того, сама эта компенсация состоит и во встречающейся нередко замене регуляции деятельности со стороны hard-skills на ее регуляцию со стороны soft-skills. В результате этого базовыми детерминантами деятельности начинают выступать именно

soft-skills, а не hard-skills. Конечно, в связи с этим возникает вопрос – хорошо это или нет? Мы пока оставляем его без ответа и констатируем как, хотя и не вполне желательную, но все же реальность.

Отметим также, что данное явление имеет и целый ряд иных – также описанных в общей и прикладной психологии экспликаций. Так, оно тесным образом сопряжено с проблемой соотношения общего и социального интеллекта в управленческой деятельности (впрочем, конечно, не только управленческой). Она состоит в том, что социальный интеллект оказывает позитивное влияние на управленческую деятельность, фасилитируя реализацию основных деятельностных функций. Однако, при недостаточной способности реализации последних, что, в свою очередь, как правило, обусловлено низкой квалификацией субъекта и его способностей, он выступает на первый план и начинает оказывать решающее влияние на ее организацию. Более того, он выступает и основным фактором карьеровой динамики субъекта, равно как и его адаптационных способностей по отношению к организационному функционированию. Причем, степень выраженности этого обратно пропорциональна степени эффективности самого организационного функционирования – так сказать его нормативности и нормальности состояния дел в ней. Она же распространяется и на социум в целом: чем в большей мере среди руководителей представлены лица с высоким общим интеллектом, тем эффективнее и социальная организация, и наоборот. Социальный интеллект – это, конечно, очень важное качество руководителя, но оно не может выступать заменой иных аспектов интеллекта, равно как и сопряженного с ним высокого профессионализма субъекта.

Данная закономерность распространяется и на иные – в особенности, наиболее сложные типы деятельности, а также на иные, то есть имеет общий характер. Она, в конечном счете, состоит в том, что первые могут реализовывать и, как правило, реализует компенсаторные функции по отношению ко вторым в том случае. Если они представлены в недостаточной степени, такая компенсация может осуществляться за счет стимулирующего влияния первых на развитие вторых (это своего рода продуктивная компенсация). Однако она же может осуществляться и за счет подмены первыми вторых, что проявляется в выборе и селекции специфических стратегий и способов поведения (это своего рода контрпродуктивная компенсация – по отношению именно к деятельности, но не к самой личности). Подчеркнем также, что различные варианты такой контрпродуктивной компенса-

ции, состоящей в подмене базовых деятельностных и, соответственно, наиболее адекватных детерминант (*hard-skills*) другими – внедеятельностными (*soft-skills*) детерминантами весьма полно и красочно описаны и на уровне художественного осмысления действительности – в частности, в литературе, кинематографе¹³. При этом, даже несмотря на свою явную контрпродуктивность, данный феномен является таким – негативным только для деятельности, но не для личности. Для нее он, напротив, выступает важным, а иногда – и единственно возможным средством адаптации и вообще «выживания». При этом, – что также значимо в плане основных задач данной работы, он столь же подчеркнуто метакогнитивен, поскольку сама личность, прибегающая к нему, как правило, вполне отчетливо сознает свои слабые стороны и столь же осознанно стремится к реализации таких поведенческих сценариев, которые могли бы их компенсировать.

Четвертая функция, которая – и это следует отметить специально, тесно сопряженная с предыдущей, может быть обозначена как *адаптационная*. Она проявляется в двух основных планах, существенно отличающихся друг от друга, но в равной степени предполагающих необходимость опоры на *soft-skills*. Первый из них связан с профессионалкой и социальной адаптацией как таковой – с эффективностью приспособления к новым деятельностным и социальным условиям, с процессом вхождения в коллектив и приспособления к нему. По вполне понятным причинам именно *soft-skills* являются важными и нередко определяющими факторами такой адаптации – прежде всего, на ее начальных этапах. Второй аспект адаптационной функции состоит в том, что она лежит также и в основе важнейшей для многих наиболее сложных видов деятельности способности приспособления – адаптации по отношению к перманентным и достаточно быстрым изменениям ее самой. Это своего рода способность «успевать за деятельностью», адаптироваться к ее трансформациям. В этом плане не приходится подробно аргументировать то – явное и предельно характерное обстоятельство, что мера динамичности деятельности и, соответственно, степень необходимости в этой способности осо-

---

¹³ В этом плане можно вспомнить главного персонажа известного фильма «Прохиндида или бег на месте». В этом же ряду находится и не менее известный феномен «хорошего человека» – носителя многих *soft-skills*, но не обладающего в должной мере *hard-skills*.

бенно велика именно по ношению к рассматриваемому здесь классу деятельности – информационному, компьютерному. Очень доказательно и то, что прямые аналоги и даже, фактически, конкретные средства такой адаптируемости представлены в составе самих soft-skills.

Пятая и также весьма специфичная для деятельностей рассматриваемого класса функция, приводящая к столь же специфическим феноменологическим проявлениям, может быть обозначена как *позиционная*, а ее смысл состоит в следующем. Как известно, в организационной психологии, а также в смежных с ней направлениях описан очень общий феномен, который также по-разному обозначается, но имеет сходный смысл. Он состоит в формировании и преднамеренном культивировании таких средств, которые направлены на становление и поддержание профессиональной идентичности, «особости» и уникальности своей профессии со стороны ее представителей. Они нередко носят гипертрофированный, но понятный и объяснимый характер, в силу многих причин, в том числе, не только профессиональных, но и социальных, экономических, демографических и пр. Как было принято говорить в не столь отдаленном прошлом, это «чувство гордости за профессию». В результате формируются, в частности, своеобразные профессиональные сообщества, отличающиеся от остальных по ряду критериев и, что еще более важно, представители которых намеренно культивируют и поддерживают эту свою особость. Именно эта ситуация как раз и является очень показательной для рассматриваемого класса деятельностей. И в собственной среде IT-специалистов, и в социуме в целом складывается определенная система представлений об особости этого класса; о наличии у его представителей специфического набора личностных качеств; о важности или даже исключительности их миссии в современном обществе. Все это, в частности, отражено в известном слогане «мы делаем будущее». Однако, эта «особость» как раз во многом и обусловлена тем специфическим набором soft-skills, который дифференцируется по отношению к данному классу деятельностей. Следовательно, сам этот набор – фактически, личностный портрет IT-специалиста выполняет очень важную роль или даже миссию: он является средством указания на социальный статус и место данной деятельности в современном разделении труда, средством позиционирования работников этой сферы по отношению к представителям иных профессий. Наконец, она является средством обеспечения их профессионалкой идентичности –

их «братства». При этом данная функция очень важна и в собственно мотивационном плане, что особо значимо в связи с тем, что именно мотивация выступает определяющим фактором любой деятельности.

Итак, выше были охарактеризованы те основные функции, которые реализует в деятельности информационного типа совокупность soft-skills – как в плане их непосредственного воздействия на нее, так и в плане их опосредствованного влияния – через трансформацию с их стороны иных групп компетенций и сопряженных с ними феноменологических проявлений. В связи с этой дифференциацией возникает, однако, вполне закономерный вопрос – насколько она является полной? Исчерпывает ли она всю совокупность детерминационных воздействий, реализуемых совокупностью soft-skills? По-видимому, в настоящее время пока нельзя говорить о том, что какая-либо дифференциация такого рода функций – в том числе, и та, которая представлена выше, является полной. Скорее всего, возможна дифференциация и иных функций. Однако, и те, которые уже выделены и описаны выше, все же, должны быть рассмотрены как значимые и показательные.

Таким образом, выше были рассмотрены основные группы феноменологических проявлений, в которых достаточно полно эксплицируется содержание информационной деятельности, реализуемой на основе компьютерных технологий. Резюмируя представленные материалы и выделяя их главный смысл, можно отметить следующее. Прежде всего, необходимо достаточно радикальное переосмысление общего статуса и, соответственно, принципиального отношения к самому понятию феноменологии деятельности в целом и ее феноменологического анализа, в частности. Дело в том, что содержание деятельности, особенно – взятое на обобщенном уровне его репрезентации субъектом не только феноменологически представлено в достаточно полном и развернутом виде, но и, фактически, составляет суть самой этой феноменологической данности. Деятельность принципиально репрезентируется субъекту именно как ее феноменология; она дана ему вовсе не в закономерностях и механизмах, а именно в том, что и обозначается как деятельность феноменология. Она представлена первично и исходно именно как феномен – разумеется, в широком значении данного понятия. Следовательно, именно ее анализ как такового, то есть, фактически, анализ на феноменологическом уровне, или феноменологический анализ должен выступать не только важнейшим, но и основополагающим звеном всего ее психологического анализа.

Далее, одним из достаточно продуктивных подходов к экспликации феноменологической картины информационной деятельности является реализация тех положений, которые сформулированы в метакогнитивизме. Это закономерно, поскольку данная деятельность носит во многом именно метакогнитивный характер. Именно на основе данного подхода удалось выявить и проинтерпретировать развернутую совокупность феноменов метакогнитивного плана в деятельности информационного типа. Показательно и то, что она является существенно более обширной, нежели та совокупность феноменов, которая выявлена и описана в настоящее время, поскольку включает в свой состав и не эксплицированные пока, но весьма значимые и показательные метакогнитивные феномены. Другими словами, оказалось возможным осуществить не только концептуальное расширение представлений о метакогнитивной регуляции деятельности, но и расширение эмпирического базиса всей этой проблемы

В качестве еще одного также значимого результата следует отметить, что в реальной деятельности, осуществляемой в естественных условиях, то есть в экологически валидном виде, имеет место множественная, но при этом также упорядоченная картина трансформаций тех метакогнитивных явлений, которые были установлены на преимущественно внедеятельностных, абстрактных и искусственных условиях. Закономерный характер этих трансформаций заключается в том, что они – независимо от той группы, к которой они принадлежат, осуществляется по пяти невариантным направлениям, по пяти основным типам. Конкретные иллюстрации этих трансформации также проанализированы выше. Следовательно, в наиболее общем и принципиальном плане данный результат должен быть понят и как определенное – причем, весьма существенное приближение к решению одной из основных, критически значимых проблем всего современного метакогнитивизма – проблемы экологической валидности его эмпирического базиса, а также осуществляемых на его основе концептуальных обобщений.

Наконец, следует особо подчеркнуть и то, что эксплицированная картина, характеризует высокую значимость феноменов метакогнитивного плана еще в одном важном аспекте. Дело в том, что именно эта – высокая значимость и столь же широкая и разветвленная совокупность такого рода феноменов с необходимостью приводит к постановке вопроса о ее общем смысле и назначении. Является ли она лишь совокупностью эпифеноменов – явлений, сопровождающие деятель-

ность, или же она имеет иной, более глубокий смысл и реализует какие-либо значимые собственно организационные, активные функции по отношению к обеспечению деятельности? Это тем более обосновано, что в процессе осуществленного рассмотрения систематически обнаруживалось значимое, на наш взгляд, обстоятельство. Это – своеобразное удвоение статусов самих метакогнитивных феноменов, при котором они выступают не только в своей исходной форме – как феномены, но и во вторичной форме – как операционные средства ее реализации. В связи с этим, формулируются еще один значимый и во многом определяющий вопрос: в чем состоит истинное предназначение – смысл и функциональная роль всех феноменов метакогнитивного плана? Как они должны быть поняты не только в их исходном – именно феноменологическом статусе, но и, возможно, в иных – деятельностно-специфических модусах? Данный вопрос, следовательно, должен подлежать специальному рассмотрению, что и составит предмет исследования в процессе дальнейшего изложения.

Наконец, отметим еще два обстоятельства, которые также являются значимыми в плане общей логики проводимого здесь анализа. Во-первых, как можно видеть из представленных материалов, весьма существенное место в общей феноменологии информационной деятельности занимают те явления, в которых большой удельный вес имеет метакогнитивная «составляющая». Это вполне закономерно, поскольку в очередной раз эксплицирует одну из основных черт данной деятельности, которая также еще станет в дальнейшем предметом специального рассмотрения – ее атрибутивно метакогнитивный характер. В феноменологии, то есть на уровне явления, действительно, отражается то, что составляет сущность предмета изучения. Во-вторых, по ходу проведенного анализа систематически возникала необходимость обращения к понятию компетенций и компетентностному подходу в целом. Это также вполне закономерно, поскольку данный подход является конструктивным, хотя пока явно недостаточно реализованным по отношению к информационной деятельности, средством изучения, равно как к ее практической оптимизации и рационализации процедур профессиональной подготовки. Одновременно это обстоятельство составляет основу для продолжения анализа данной деятельности, позволяя зафиксировать и ряд ее дополнительных – также значимых особенностей как психологического, так и организационного планов.

Кроме того, в целях раскрытия специфики информационной деятельности, как уже отмечалось, необходимо указать и на исследования метакогнитивных детерминант деятельности, связанных с IT-технологиями, проводящиеся в рамках анализа деятельности высококвалифицированных специалистов в естественнонаучных, инженерных и технических сферах в STEM-области [299, 332]. Наряду с этим, необходимо обращение и к тем исследованиям, которые выполнены к настоящему времени на «стыке» когнитивной психологии (а также когнитивной науки в целом) и разработок в области компьютерных технологий. В целом, это, конечно, очень обширная область исследований и разработок, которая чаще всего обозначается как Human–computer interaction, HCI (исследования взаимодействия человека и компьютера). В целом, они направлены на изучение дизайна и использования компьютерных технологий, ориентированных на взаимодействие между людьми (пользователями) и компьютерами. Исследования в области HCI направлены и на изучение взаимодействия людей с компьютерами, на разработку технологий, которые позволяют людям взаимодействовать с компьютерами новыми способами. Область исследований находится на стыке психологии, информатики, дизайна, медиа-исследований и ряда других областей. Термин был популяризирован С. Кардом, Т. Мораном и А. Ньюэллом в работе «Психология взаимодействия человека с компьютером». Термин означает, что, в отличие от других инструментов с ограниченным набором функций, компьютер имеет много применений, а взаимодействие строится в форме открытого диалога между пользователем и компьютером.

Ранние методологии создания систем взаимодействия человека и компьютера рассматривали когнитивные процессы пользователей как предсказуемые и поддающиеся количественному измерению и побуждали практиков при разработке пользовательских интерфейсов ориентироваться на результаты когнитивной психологии в области психологии памяти и внимания. Современные модели, как правило, ориентированы на постоянную обратную связь и общение между пользователями, дизайнерами и инженерами и стремятся к тому, чтобы технические системы строились на основе того опыта, который пользователи хотят получить, вместо того, чтобы строить их на имеющемся у пользователя опыте. Основные современные направления разработки проблематики HCI могут быть структурированы следующим образом.

Теория деятельности, в первую очередь, скандинавская теория деятельности (Activity theory) используется в HCI для изучения контекстов, в которых происходит взаимодействие людей с компьютерами. Теория деятельности обеспечивает основу для рассуждений об осуществляемых действиях в этих контекстах, дает аналитические инструменты в формате чек-листов с элементами, которые должны учитывать дизайнеры, и создает дизайн взаимодействий с точки зрения деятельности.

Ориентированный на пользователя дизайн (user-centered design, UCD) – это современная, широко распространенная философия дизайна, основанная на идее, что пользователи должны занимать центральное место в дизайне любой компьютерной системы. Пользователи, дизайнеры и технические специалисты работают вместе, чтобы сформулировать потребности и ограничения пользователя и создать систему, которая обращается к этим элементам. Зачастую ориентированные на пользователя дизайнерские проекты основываются на этнографических исследованиях сред, в которых пользователи будут взаимодействовать с системой. Эта практика похожа на совместное проектирование, которое подчеркивает возможность для конечных пользователей вносить активный вклад посредством общих сессий и семинаров.

Принципы проектирования пользовательского интерфейса (Principles of user interface design): эти принципы могут учитываться в любое время при разработке пользовательского интерфейса в любом порядке: терпимость, простота, наглядность, аффорданс, согласованность, структура и обратная связь.

Ценностно-чувствительный дизайн (Value sensitive design, VSD): метод построения технологии, учитывающий ценности людей, которые используют технологию напрямую, а также тех, на кого влияет технология, прямо или косвенно. VSD использует итеративный процесс проектирования, который включает три типа исследований: концептуальные, эмпирические и технические. Концептуальные исследования направлены на понимание и формулирование различных заинтересованных в технологии сторон, а также их ценностей и любых конфликтов ценностей, которые могут возникнуть для этих заинтересованных сторон в результате использования технологии. Эмпирические исследования – это качественные или количественные исследования дизайна, используемые для информирования проектировщиков о ценностях, потребностях и практике пользователей. Технические

исследования могут включать либо анализ того, как люди используют соответствующие технологии, либо разработку систем для поддержки ценностей, определенных в концептуальных и эмпирических.

Контекстуальный подход к разработке проблематики HCI ориентирован на решение всего комплекса проблем, входящих в данную область с учетом по возможности, наибольшего количества факторов, детерминирующих процессуальные особенности взаимодействия человека и компьютера, а также разработку диалоговых режимов их взаимодействия.

Все исследования подобного рода допускают и несколько иной способ структурирования. В соответствии с ним дифференцируются следующие основные направления исследований: 1) интерфейс человек-компьютер (то есть уже отмеченное выше направление Human computer interaction – HCI); 2) создание компьютерных агентов, симулирующих реальное поведение людей; 3) адаптивная автоматизация деятельности; 4) организация эффективного обучения; 5) сотворчество человека и компьютера. Так, в частности, исследования в области интерфейса человек-компьютер сосредоточены на проектировании и использовании компьютера для создания более эффективных способов взаимодействия. Для создания интерфейсов используют технологии отслеживания взгляда, движений и жестов, мозговой активности и т. д. Данный подход является междисциплинарным и находится на пересечении компьютерных наук, эргономики, психологии. Кроме активного так же существует пассивный интерфейс, который занимается мониторингом активности деятельности человека, для обеспечения его полезной информацией, которая способствует лучшей организации деятельности. При разработке проблемы адаптивной автоматизации системы взаимодействия с компьютером акцент делается на обнаружение ведущих сложностей, которые испытывает человек. При обнаружении таких затруднений система берет на себя часть обязанностей. Подход позволяет снизить нагрузку на когнитивную систему человека и уменьшить количество ошибок при управлении сложными, многокомпонентными системами.

Особое и очень обширное направление исследований в данной области – это, далее и то, которое обозначается понятием юзабилити (человеко-ориентированное проектирование). Это способ разработки интерактивных систем, направленный на создание пригодных в использовании и полезных систем с учетом особенностей пользо-

вателей, их потребностей на основе эргономических принципов. Оно включает. В частности, такие направления и исследовательские модели, как модель ABC (affective behavioral, cognitive); теория аттитюдов и MODE (motivation and opportunity as determinants of the attitude – behavior relation); модель эксплицитной (осознаваемой) и имплицитной (неосознаваемой) оценки аттитюдов и т. п. Разрабатываемая в рамках данного подхода концепция эмоционального дизайна базируется на включение в создаваемые продукты «четырёх видов удовольствия» (pleasure): физио-удовольствия (Physio-pleasure); 2. социального удовольствия (Socio-pleasure); 3. психо-удовольствия (Psycho-pleasure); 4. идео-удовольствия (Ideo-pleasure).

1.3. Методологические основы исследования информационной деятельности

Одним из основных итогов проведенного выше анализа явилось обоснование того, что традиционная – достаточно простая дифференциация огромного многообразия деятельностей («мира деятельностей») всего на два класса является упрощенной и недопустимо симплифицированной, не отражающей всего их реального многообразия. Наряду с ними, возникает необходимость дифференциации качественно специфического и несводимого к двум уже выделенным классам деятельности – субъектно-информационного. Сфера действия и область представленности этого третьего класса предельно широка; в деятельности этого класса их основной атрибут – предмет не только качественно трансформируется, но и еще более усложняется. Таким образом, со всей очевидностью и, более того, с объективной необходимостью формулируется задача не только приоритетного исследования именно этого – пока не вполне традиционного, но крайне важного класса профессиональной деятельности, но и методологического осмысления получаемых при этом результатов.

Естественно, что в связи с этим, на первый план выходит важная теоретическая задача формулировки такого *методологического подхода*, который был бы адекватным психологической природе данного класса и конструктивным в плане его исследования. Прежде всего, он должен учитывать реальную – более сложную, нежели это считается традиционно, структурно-уровневую экспликацию деятельности. Она, в действительности, представлена не в ее симплифицированном

виде, включающем три основных уровня, а *пять* уровней такого рода (метадеятельностный уровень, уровень автономной деятельности, инфрадеятельностный уровень, уровень действий, уровень операций). Эта структура подробно раскрыта и проинтерпретирована с позиций разработанного нами метасистемного подхода. В силу этого именно он, хотя и подвергнутый, разумеется, соответствующей конкретизации и детализации в соответствии со спецификой данного класса деятельности, должен быть использован в качестве методологической основы его исследования. Эта конкретизация, а в ряде случаев – и дальнейшее развитие данного подхода должна производиться таким образом, чтобы содействовать минимизации тех трудностей и ограничений традиционного характера, которыми характеризуется современное состояние психологической теории деятельности. Кроме того, поскольку, как показано выше, деятельность данного класса имеет принципиально метакогнитивный характер, то необходим также учет новых и новейших результатов, которые получены в метакогнитивизме. Именно такой подход был разработан нами на основе обобщения результатов достаточно большого цикла исследований, а его содержание может быть эксплицировано следующим образом.

Действительно, как уже было показано в параграфе 1.1., сама суть и психологическая природа такого наиболее репрезентативного представителя другого класса – *субъект-субъектного* (управленческой) состоит в ее принципиально *метадеятельностном* характере. Это означает, что деятельность руководителя разворачивается как процесс взаимодействия не с объектом в привычном понимании, а с аналогичной самому субъекту и равномошной ему системой – с другими субъектами (членами организации, группы, а также с их деятельностями). Имеют место своеобразные и радикальные трансформации основного атрибута управленческой деятельности – предмета. Им становится столь специфическая во всех отношениях реальность, каковой выступает опять-таки деятельность, но деятельность других людей – подчиненных, управляемых, ведомых. Более того, эти трансформации являются не только максимально представленными, но фактически предельными. Имеет место полная инверсия объекта, когда он, не переставая быть самим собой (то есть именно объектом), предстает и в качестве субъекта (точнее – множества субъектов, что в еще большей степени усложняет ситуацию). Таким образом, объектом управленческой деятельности руководителя является специфичнейшая

во всех отношениях и внешнеположенная по отношению к нему реальность; ей выступает совокупность управляемых субъектов. Она одновременно является и реальностью объективной и реальностью субъективной. Наиболее важной среди этих трансформаций является возникновение нового уровня регуляции – метадеятельностного. а также обретение им статуса ведущего во всей структуре уровней организации. Следовательно, сама управленческая деятельность разворачивается как своеобразная «деятельность с деятельностями», как деятельность по организации других деятельностей, как деятельность «второго порядка». По отношению к ней поэтому с наибольшей адекватностью и уже не метафорически, а строго и непосредственно может быть использовано понятие метадеятельности.

В силу этого, все атрибуты и специфические особенности управленческой деятельности как наиболее репрезентативного представителя субъект-субъектного класса обусловлены именно радикальными трансформациями ее объекта. В этой связи необходимо обратиться к представлениям о максимально обобщенной экспликации структуры трудовой деятельности как таковой (и любой иной деятельности), которые отражены в так называемой «формуле деятельности». Согласно ей, реальная онтология деятельности – ее действительное и полное бытие эксплицируется через триаду базовых «составляющих». Это ее *субъект*, *объект* и *процесс* их взаимодействия, то есть собственно деятельность, взятая в ее временной развертке. Можно видеть, что все спецификации управленческой деятельности сопряжены с одним из основных членов этой триады – с *объектом* деятельности. Далее, очень показательное, что принципиально аналогичные трансформации – кардинальные изменения сути основного атрибута деятельности – предмета имеют место и субъектно-информационном классе деятельностей. В этих видах деятельности им выступает уже не объект, но и не субъект, а совершенно иная и предельно специфическая сущность – *информация*. Она сама по себе, то есть исходно, не является ни объектом и не субъектом, хотя может сигнифицировать и тот и другой – и по отдельности, и одновременно. Имеющее место в связи с этим усложнение деятельности происходит в наиболее непосредственном смысле данного понятия, поскольку деятельность данного класса становится еще более опосредствованной, а ее предмет – еще более имплицитным, вообще приобретая в ряде случаев черты *виртуальной* реальности.

Кроме того, выше было показано также, что при такой конкретизации предмета исследования (деятельностей субъектно-информационного класса) сразу же – очень непосредственно и вполне естественным, даже необходимым образом выявляется обстоятельство наиболее принципиального плана и фундаментального значения. Напомним, что в своем общем виде оно заключается в *удивительном подобии* – в принципиальном сходстве и, так сказать, в максимальной конгруэнтности основных особенностей деятельности информационного характера, реализуемых на базе компьютерной техники, и самой сути метакогнитивизма (его сферы, предмета, специфики, задач, разделов и пр.). Напомним в этой связи, что в структуре метакогнитивизма исторически сложились и являются в настоящее время основными две его «составляющие», два главных направления [140, 284]. Первое имеет своим предметом исследование метакогнитивных *процессов*: это операционное направление, которое и закреплено в термине «метакогнитивизм». Второе направление имеет своим предметом *знания*, но особого типа – «знания о знаниях», то есть метазнания: это операндное направление, которое закреплено в понятии «психология метапознания». Однако тем самым складывается ситуация, при которой обе эти основные «составляющие» метакогнитивизма не только органично и полно – причем, взятые в их единстве воплощаются в сути информационной деятельности, реализуемой посредством компьютерной техники, но и сам компьютер выступает при этом в функции практически полного аналога и «первичных» процессов, и «первичных» знаний. Субъект же деятельности с необходимостью выступает при этом и как реализатор процессов по управлению этими «первичными» процессами», и как носитель, а также преобразователь знаний об этих «первичных» знаниях. Следовательно, такого рода субъектно-информационная деятельность не только *может* быть рассмотрена с позиций метакогнитивизма или даже не только может быть понята как метакогнитивная по своей сути. Дело еще и в том, что она *не может* быть понята никак иначе. Между информацией (как предметом деятельности) и субъектом деятельности находится такое средство труда (компьютер), которое по своей сути, фактически, выступает носителем целой системы процессов и системы знаний (баз данных). Они, однако, носят специфически информационный и в этом смысле когнитивный характер, причем, взятые в их единстве. То метакогнитивное содержание, которое представлено в инди-

видуальной психике во *внутреннем* плане (в частности, в интрапсихической плоскости), в субъектно-информационных деятельности оказывается представленным уже во *внешнем* плане – в том числе, и в распределенном виде между самим субъектом и средством его труда.

Итак, сама суть подавляющего большинства видов деятельности, базирующихся на компьютерной технике, состоит в ее очень своеобразном именно с психологической точки зрения характере – метакогнитивном. В связи с этим, лишь небольшое преувеличение требуется для того, чтобы охарактеризовать всю эту деятельность – и по сути, и по содержанию, и по организации, равно как и по иным важным атрибутам, как метакогнитивную. Фактически, все ее содержание обретает именно этот статус. В результате этого те собственно операционные средства, которые наиболее релевантны природе деятельности как таковой, трансформируются из статуса операторов в статус операндов, то есть выступают уже не столько как средства ее организации, сколько как то, на что направлена сама организация. Однако тем самым в структуре деятельности порождается новый уровень, связанный с этой организацией – метаяровень, статус которого определяется его именно метадеятельностным характером. В силу этого, практически все содержание деятельности субъекта также обретает метакогнитивный характер, а в широком смысле данная деятельность также должна быть охарактеризована как метакогнитивная. Имеет место фундаментальный феномен, точнее механизм, описанный в системной методологии – удвоение качеств. Любой ее компонент, сохраняя свой исходный модус – в качестве первичной «составляющей» ее операционного содержания, обретает, однако, новую спецификацию, новое качество – становится и носителем метакогнитивных средств и закономерностей. Данное – очень значимое, по нашему мнению, обстоятельство должно выступить как одно из основных объяснительных средств психологического анализа этой деятельности и мы более подробно возвратимся к нему ниже.

Более комплексная – «вторичная» природа данной деятельности эксплицируется также и плане ее *регулятивной* природы. Дело в том, что огромное количество конкретных разновидностей данной деятельности имеет своим главным предназначением именно оптимизацию управления – регуляции тех или иных «первичных» технологических и шире – производственных процессов. Более того, сама эта техника в значительной степени и была порождена – генетически оформилась именно как продолжение «логики автоматизации» технологических

процессов. Тем самым субъект этой деятельности не просто осуществляет регуляцию какого-либо процесса, а реализует именно «регуляцию регуляции», то есть вторичную регуляцию. Тем самым она со всей очевидностью эксплицируется не только как метакогнитивная, но и как *метарегулятивная*. Наконец, аналогичные – очень специфические трансформации подавляющего большинства деятельностей ИТ-сферы, причем, с еще большей степенью очевидности и эмпирической наглядности обнаруживаются и по отношению к еще одному важнейшему модусу деятельности и ее собственно психологической организации – *коммуникативному*. Он, как известно, соотносится с еще одной важнейшей подсистемой психики – коммуникативной, в то время как первые два соотносятся с когнитивной и регулятивной подсистемой. Даже такое показательное в этом плане понятие, как термин «инфокоммуникационная отрасль», а также одно из главных предназначений всей этой техники как раз и состоят в расширении возможностей коммуникативного плана, в придании ей новых возможностей, несопоставимых с прежними.

Обобщая сказанное, можно заключить, что «вторичная» природа данной деятельности не только проявляется во всех трех важнейших планах организации, соотносимых с тремя базовыми подсистемами психики – когнитивной, регулятивной и коммуникативной, но и, фактически, составляет их сущность. Тем самым она раскрывается уже не только как метакогнитивная, метарегулятивная и метакоммуникативная так сказать «по отдельности», а как и та, и другая, и третья одновременно и предстает именно как *метадеятельность* в непосредственном смысле данного понятия.

Кроме того, ее метадеятельностная природа эксплицируется и в еще одном – не менее значимом и, к тому же, очевидном плане. Действительно, хорошо известно, что и в генетическом – эволюционном отношении, связанном с причинами возникновения данной техники, и в сущностном плане основное предназначение компьютерных технологий состоит в передаче целого ряда трудовых функций от человека к ней – как к средствам труда субъекта. В этом нет ничего нового и необычного, поскольку по тому же пути прошла и оптимизация деятельности на прежних этапах, связанных с физическим трудом. Она также означала передачу физических, «мышечных» компонентов деятельности технике. Однако принципиально тот же процесс имеет место и по отношению к компьютерной технике: он также означает

передачу функций, ранее осуществлявшихся субъектом, для реализации ей. Разница состоит лишь в том, что эти функции имеют уже принципиально иную природу и являются не «физическими», а «умственными» – когнитивными, интеллектуальными. Тем самым, эта деятельность распределяется между субъектом и иными – внесубъектными «составляющими», а ее часть транспонируется на них и обретает тем самым экстрасубъектный характер. Эта часть, являющаяся именно деятельностной, также должна быть, однако, организована. Тем самым она опять-таки обретает двойственность своего статуса: не переставая быть операционным средством (оператором), она становится ее предметом организации и регуляции, то есть обретает статус операнда. Общая структура деятельности дифференцируется, а одна ее часть выступает как регулятор другой ее части. В связи с этим, она становится «деятельностью по организации деятельности», то есть опять-таки в прямом смысле обретает «вторичный» характер и становится метадеятельностью. Точнее, в ней возникает новый уровень организации – метадеятельностный, который был охарактеризован выше, а также в других наших работах [97, 103].

В плане раскрытия психологической природы данной деятельности очень важно, однако, что ее метадеятельностная природа порождается весьма неожиданным образом – таким, который *противоположен* детерминантам ее возникновения в субъект-субъектном классе. В нем причиной ее порождения явилась качественная трансформация объекта – им стал «социальный объект», то есть, фактически, также субъект. Однако в рассматриваемом здесь классе деятельности имеет место иная и в известном смысле противоположный процесс. Ее трансформация в метадеятельность осуществляется при сохранении принципиальной – так сказать, «неодушевленной» природы ее объекта, но при его беспрецедентном усложнении. Объект, сохраняя свой принципиальный статус, то есть свое качество, обретает такую степень сложности, которая, характеризуясь, как и любая степень, количественной природой, тем не менее, порождает качественные трансформации деятельности – возникновение у нее нового уровня (метадеятельностного).

Подчеркнем также, что в этом пункте анализа мы в первый, но далеко не в последний раз встречаемся с тем обстоятельством, которое было спрогнозировано выше – уже во Введении к данной работе. Оно заключается в общности принципиальных и наиболее имплицитных черт психологической природы деятельностей различных классов –

субъект-субъектного и субъектно-информационного. Именно это и проявляется в констатированном выше результате. Он, с одной стороны, эксплицирует их принципиальную общность, состоящую в их метадеятельностной природе. Однако, с другой стороны, эта общность не отменяет, а наоборот, подчеркивает их принципиальные различия, поскольку в основе метадеятельностного статуса в этих классах лежат кардинально разные и даже противоположные детерминанты. Одновременно эксплицируется и еще одно обстоятельство. Оно состоит в том, что, чем более масштабными являются черты сходства между рассматриваемыми сущностями (в данном случае – классами деятельности), тем более существенными, но одновременно – и более имплицитными являются черты различия между ними,

Очень значимо и то, что, становясь метадеятельностью, то есть такой активностью, которая направлена на организацию иных, но также деятельностных средств, в том числе – когнитивных и регулятивных, она обретает и новые черты, нередко противоположные тем, которые атрибутивно присущи организации психики. Так, наиболее существенно, что она не только не сохраняет характерные для любой метадеятельности рефлексивные компоненты (которые, в свою очередь, объективно необходимы для учета особенностей «другого», точнее – «других» субъектов), но они в ней во многом *редуцируются*. Скалывается любопытная и отличная от субъект-субъектных видов ситуация, когда метадеятельностная природа не усиливает, а ослабляет рефлексивную наполненность деятельности. Основная причина этого состоит в том, что сама когнитивная активность субъекта, транспонированная на технику, практически лишена этих рефлексивных компонентов. Техника не рефлектирует, она не «заинтересована» ни в симуляции, ни в фальсификации, ни в обмане и, следовательно, в рефлексивных аберрациях. Она столь же не нуждается в сложных и опосредствованных рефлексивных взаимодействиях, составляющих основу межличностных контактов и пр. Тем самым возникает причудливая ситуация, при которой метакогнитивное насыщение деятельности происходит не только без ее рефлексивного обогащения, но даже при его существенной редукции. Перед субъектом возникают новые вызовы – он ставится в ситуацию, прямо противоположную той, на материале которой естественным образом в процессе онтогенеза формируются рефлексивные механизмы как таковые, а в итоге – и сознание в целом. Интересно и то, что выход из такого положения – свое-

образная «борьба» с ним может протекать по известному и в принципе описанному в литературе и зафиксированному на уровне житейских представлений сценарию. Его суть состоит в наделении неодушевленного объекта (самого компьютера) субъектными характеристиками – в том, что обозначено как *феномен антропоморфизма*. Он имеет множественные экспликации, а также закреплён в целом ряде понятий, терминов, выражений, в компьютерном фольклоре [22, 49, 57, 59, 84, 135, 145, 233]. Он является удобной ошибкой, которая выполняет адаптационные функции, поскольку, как и в каждой ошибке, в нём есть и немалая доля не-ошибки.

Сказанное может рассматриваться и как частное, хотя, конечно, весьма значимое проявление ещё более общей особенности, точнее своеобразной и многоплановой оппозиции «человеческого» и «машинного». Она многократно описана в литературе, имеет целый ряд проявлений и экспликаций. Обратим внимание на одну из них, имеющую непосредственное отношение к рассматриваемым вопросам. Компьютерная техника по своим базовым характеристикам и наиболее важным возможностям такова, что она во многом *противоположна* тем особенностям психики, которые обычно обозначаются понятием «предельных характеристик» (ПХ). Это – объективно присущие психике ограничения самого различного плана – объёмные, точностные, надёжностные, скоростные и др. В известном смысле можно сказать, что психика «соткана из ограничений». Причем, их нельзя рассматривать как исключительно недостатки, поскольку, они, точнее – необходимость их минимизации выступает мощным стимулом для инициации механизмов компенсаторного типа и, следовательно, стимулом для развития общего потенциала психики. Более того, развитие и совершенствование субъекта – в том числе, и в деятельности как раз и направлено на их минимизацию. Наконец, сама суть метакогнитивизма также состоит в его *ресурсной* трактовке – как исследование средств, позволяющих расширить функциональные возможности «первичных» процессов. Вместе с тем, складывается ситуация, при которой, чем в большей степени удастся их минимизировать, тем в меньшей степени функционирование системы становится похожим на то, каким образом оно осуществляется на уровне психического. «Человек неограниченный» – это уже не вполне человек, а такая сущность, которая во все большей степени обретают машиноподобные черты. В этом состоит одна из коренных противоположностей орга-

низации психического и не-психического; она проявляется в контактах субъекта и самой компьютерной техники, порождая трудности и противоречия такого взаимодействия.

К числу таких противоречий следует отнести и своеобразный антагонизм основного принципа организации произвольной регуляции деятельности и сознания как такового – принципа *одноканальности* (однофокусности, монопроцессорности) с многоканальностью – полипроцессорностью функционирования компьютеров. И хотя первый из них нередко подвергается сомнению, он, однако, все же неоспорим, по крайней мере, для уровня осознаваемой регуляции.

В отношении специфики содержания и организации психологического обеспечения деятельности, базирующейся на компьютерной технике, следует зафиксировать и еще одну – достаточно имплицитную особенность, которая, однако, уже не дифференцирует ее от принципов организации психического, а сближает с ними. Так, по отношению к организации психики в целом и к произвольной регуляции деятельности и поведения, в особенности, существует следующая фундаментальная закономерность. Те наиболее глубинные механизмы и средства, процессы и детерминанты, на основе которых осуществляется функционирование психического, в значительной мере или даже практически полностью не осознаются; они закрыты для интроспекции и, соответственно, для доступа к ним субъекта. Организация функционирования психического реализуется не по *ноуменальному* контуру, а по контуру *феноменальному*: осознаваемое, которое само по себе не является носителем механизмов и средств, а наоборот, их следствием, все же оказывается в состоянии – хотя бы частично – управлять ими.

Более того, на уровне осознания они – именно в их истинном содержании могут быть и не представлены вообще. Это, впрочем, общая закономерность, которая характерна для соотношения декларативных и процедуральных знаний при организации систем и управлении ими. Для того, чтобы управлять психикой, вовсе не обязательно (а иногда даже вредно) знать, как она устроена. Однако, именно эта же ситуация типична для деятельности, базирующейся на компьютерной технике. В подавляющем большинстве случаев работа с ней строится таким образом, что вовсе не предполагает сколько-нибудь глубокое знание о том, как она устроена. В массовом случае это является и ненужным и практически невозможным. Работа на компьютере – это процесс, практиче-

ски полностью построенный на *процедуральных* знаниях, на принципах процедурального управления, но не на декларативных знаниях (хотя, конечно, и они небесполезны). Данная особенность – нечастый случай того, когда принципы организации психического и компьютерной техники не различаются – вплоть до их антагонизма, а сближаются.

С этих позиций эксплицируется и еще одна грань принципиальных различий этого класса от предыдущего – субъект-субъектного. Если он предполагает, как показано выше, включение в деятельность нового уровня – метадеятельностного, а сама деятельность предстает поэтому как преимущественно *метарегулятивная*, то по отношению к деятельности субъектно-информационного класса имеет место иная картина. Она состоит в том, что наиболее репрезентативные из них – особенно те, которые реализуются на основе компьютерной техники, являются принципиально *метакогнитивными*. Это означает, что, если переход от субъект-объектного класса к субъект-субъектному означает, прежде всего, «удвоение деятельности» и возникновение ее метадеятельностной организации, то здесь имеет место еще один качественный переход. Сама эта «вторичная» деятельность получает также вторичную репрезентацию: ее предмет представлен не в его исходной – «первичной» форме, а в форме «вторичной», то есть в виде информационных моделей, в виде информации как таковой. Огромное количество современных видов профессиональной деятельности характеризуется тем, что субъект работает не только с так называемым неодушевленным объектом и даже не с одушевленным субъектом, а практически исключительно с информацией и о том, и о другом. Причем, наиболее важной и специфичной для всех этих видов деятельности является следующая их атрибутивная черта. Субъект, как правило, оперирует с такой информацией, в которой сначала необходимо идентифицировать, что именно она означает, сигнифицирует – объекта или субъекта, (или же и того, и другого одновременно). Все это, повторяем, не может не приводить к ряду кардинальных следствий, прежде всего, психологического порядка.

Далее, важно и то, что, как отмечалось выше, реальная, а не симплифицированная структурно-уровневая организация профессиональной деятельности существенно более сложна, нежели это полагается традиционно [111]. Особенно ярко это проявляется именно в классе субъектно-субъектных видов (в частности, управленческой, педагогической); она образована не тремя, как это считается аксиоматичным,

а пятью основными уровнями. Она, наряду с известными, включает в себя еще и уровни, обозначенные понятиями метадеятельностного и инфрадеятельностного. Так, и собственно эмпирические материалы, и методологические аргументы позволяют дифференцировать в общей структуре деятельности своеобразный – качественно специфический уровень ее организации. Он локализуется между уровнем «автономной деятельности» и уровнем действий, заполняя собой огромный диапазон вариаций степени сложности ее организации между ними. Он характерен (и даже – объективно необходим) для любой системы, поскольку раскрывает специфику функционирования ее основных подсистем (субсистем) и может быть обозначен – в общем виде как *субсистемный*. По отношению же к деятельности как к одному из сложнейших типов систем он адекватнее всего описывается понятием *инфрадеятельностного* уровня. Он находится под уровнем автономной деятельности (отсюда и название – *инфрадеятельностный*), но над уровнем отдельных действий. Он заполняет собой тот огромный диапазон качественно различных форм организации деятельности, которые располагаются между этими – по существу, крайними полюсами ее сложности. Данный уровень соответствует не системе деятельности в целом и не ее компонентам (действиям). Следовательно, он соотносится не с мотивацией и целям как таковыми, а должен выделяться на основе иного критерия дифференциации уровней.

Действительно, он наиболее полно, точно и строго соответствует не мотивации деятельности в целом (как уровень автономной деятельности), но и не критерию наличия осознаваемой цели (как уровень действий). Он соотносится с иным, но также важнейшим понятием – с понятием *ситуации*. Именно оно, как известно, является не только одним из ключевых теоретических понятий, необходимых для экспликации содержания деятельностей субъектно-информационного класса, но и вообще составляет суть и основной источник проблем и затруднений в ее практической реализации. Содержание деятельности и процесс преодоления проблемных ситуаций по отношению к деятельностям данного класса – это вообще во многом синонимические сущности. Он характеризует деятельность не на системном и не на компонентном уровне ее реализации, а на субсистемном уровне.

Не менее очевидно, что сама суть многих видов деятельности, принадлежащих к субъектно-субъектному классу – прежде всего, управленческой состоит в том, что деятельность руководителя раз-

вертывается как процесс взаимодействия не с объектом в привычном понимании, а с аналогичной ему самому системой – с другими субъектами (членами организации, группы, а также с их деятельностями). Следовательно, управленческая деятельность разворачивается как своеобразная «деятельность с деятельностями», как «деятельность по организации других деятельностей», как деятельность «второго порядка». По отношению к ней поэтому с наибольшей адекватностью и уже не метафорически, а строго и непосредственно может быть использовано понятие метадеятельности. Важно то, что оба этих уровня – инфрадеятельностный и метадеятельностный складываются и функционируют не только под решающим детерминационным влиянием собственно метакогнитивных детерминант, но во многом вообще образованы этими детерминантами. Отсюда следует вывод наиболее принципиального плана: факторы метакогнитивного типа обуславливают трансформации того *основного*, что есть в деятельности – ее структурно-уровневой организации. Основные классы профессиональной деятельности качественно отличаются друг от друга в аспекте тех приоритетов и даже той совокупности уровней, которые характерны для каждого из них.

В связи с этим, однако, возникает вполне логичное предположение, согласно которому и при переходе от этих двух классов к третьему (субъектно-информационному) также будут иметь место качественные трансформации структурно-уровневой организации деятельности. Однако то, какие именно трансформации будут возникать и каким закономерностям они будут подчиняться, пока остается неизвестным. Следовательно, возникает важная в теоретическом плане проблема выявления и интерпретации тех закономерностей, которые лежат в основе этих трансформаций. Другими словами, формулируется конкретная по содержанию, но общая и принципиальная по смыслу задача выявления того, каким образом в деятельности субъектно-информационного класса трансформируется их общая структурно-уровневая организация? Какую роль в этом играют факторы собственно метакогнитивного плана? То, что такие трансформации, действительно, имеют место, можно предположить с достаточно высокой степенью вероятности. Дело в том, что сама суть и главное предназначение компьютерных технологий в том и состоит, чтобы разгрузить субъекта от относительно более простых (а в перспективе и все более сложных) когнитивных функций. Однако, столь же известно, что именно эти

функции локализуются в структуре деятельности на ее относительно низших уровнях – операционном и частично действенном.

Следовательно, на основе этого и возникает предположение, согласно которому в данном классе два указанных уровня могут существенно редуцироваться и, фактически, исключаться из ее общей структуры (либо же качественно трансформироваться и приобретать неизвестные пока формы). В этом плане можно констатировать и еще одну достаточно интересную закономерность. Если при переходе от субъект-объектного класса к субъект-субъектному классу в структуре деятельности дополнительные приоритеты и качественно новые функции обретали два отмеченных весьма специфических уровня (метадеятельностный и инфрадеятельностный), то при переходе к субъектно-информационному классу из нее, фактически, исключаются также два уровня, но уже не относительно *высшие*, а относительно *низшие*.

Существует и еще один – очень важный, но более скрытый, имплицитный аспект исследования деятельностей субъектно-информационного класса, обращение к которому становится возможным именно с позиций исследования метакогнитивных детерминант ее организации. Выше мы уже подчеркивали удивительное подобие и фактически полную конгруэнтность данного класса и содержания самого метакогнитивизма. Однако такое подобие, доходящее до степени тождества, прослеживается и в еще одном плане. Так, хорошо известно, что важнейшим принципом всех компьютерных технологий является дифференциация оперативной памяти от всех иных типов и средств долговременной фиксации информации в компьютере (как аналога долговременной памяти).

В связи с этим, важнейшей компетенцией субъекта данного класса деятельностей выступает способность организовать обмен между ними, то есть, фактически, взаимодействие *актуальной* и *виртуальной* информации; грамотно и продуктивно специфицировать актуальную информацию и обеспечивать максимальную адресацию к «информации по запросу». Опытный профессионал «чувствует», что именно достаточно принять к рассмотрению, а что можно «оставить за кадром», поскольку это в любой момент может быть актуализировано информацией по запросу. Все это – неоспоримая и обыденная реальность информационных видов деятельностей. Однако, столь же очевидно, что в основе всего этого лежат именно специфически метакогнитивные умения и средства, поскольку все они направлены именно на базы

данных (на знания) и на процессы работы с ними (также информационные по своему содержанию). Вместе с тем, трудно не видеть и того, что вся охарактеризованная – «специфически компьютерная» ситуация, связанная с информационными переходами из актуальной формы презентации в потенциальную (и наоборот), с соотношением актуальных и виртуальных данных и пр., не просто *удивительно похожа* на ту, которая составляет суть основных информационных взаимодействий в самой психике – взаимодействий между осознаваемым и неосознаваемым уровнями ее репрезентации и переработки, но и, фактически, эквивалентна ей. Компьютер вновь «повторяет психику», но уже не в плане подобия *структурной* организации, а в плане базового принципа *функциональной* организации. Это – подобие его функциональной организации с организацией межуровневых взаимодействия двух основных форм презентации информации – актуальной и виртуальной, «фигуровой» и «фоновой», *осознаваемой* и *неосознаваемой*. Все это приводит к формулировке еще более сложных задач, имеющих, однако, очевидную метакогнитивную составляющую. Более того, эти задачи с объективной необходимостью заставляют обратиться к одному из важных направлений метакогнитивизма – направления, исследующего неосознаваемые средства и механизмы метакогнитивного плана [293, 397].

В продолжение характеристики психологической специфика субъектно-информационного класса деятельности подчеркнем, что, как отмечалось выше, в наиболее общем плане реальная онтология деятельности – ее действительное и полное бытие эксплицируется через отмеченную выше «деятельностную формулу». Это – триада базовых «составляющих» любой деятельности: ее субъект, объект и процесс их взаимодействия, то есть собственно деятельности, взятой в ее временной развертке. В данной связи очень показательным (и доказательным) является следующее обстоятельство. Каждый из этих трех компонентов выступает в качестве базовой метасистемы, оказывающей наибольшее специфицирующее влияние на метакогнитивную сферу по отношению, соответственно, к трем разным классам деятельности; поясним сказанное. Так, по отношению к субъект-объектным деятельности ее собственно психологическое содержание обретает главные специфические особенности под влиянием тех особенностей и закономерностей, которыми характеризуется более общая по отношению к ней метасистема – индивидуальная психи-

ка самого *субъекта* деятельности. По отношению ко второму классу в качестве такой специфицирующей метасистемы выступает уже не субъектный, а *объектный* член этой формулы, поскольку для него главную роль играют особенности и закономерности, обусловленные тем, что в его качестве выступают также субъекты, «другие люди» – социальные объекты. Соответственно, и организация деятельности обретает ярко выраженную социо-ориентацию. Данное обстоятельство подробно обосновано нами на материале исследования управленческой и педагогической деятельности [126].

Как можно видеть из представленных выше материалов, именно такой же – общей и, по-видимому, фундаментальной, особенности подчиняется и тот класс деятельности, который пока не был исследован в этом плане – субъектно-информационный. В нем специфика психологического содержания деятельности, по всей вероятности, в наибольшей мере специфицируется еще одним – третьим (средним) членом этой «формулы», то есть самим *процессом* деятельности. Он, однако, должен быть взят также в специфическом и вполне конкретном проявлении – в аспекте тех средств и операционных механизмов, которыми реализуется этот процесс. В их качестве как раз и выступает все то, что составляет содержание компьютерных технологий как таковых. При этом показательно (и доказательно), что ключевое из этих средств не только по существу, но даже этимологически иллюстрирует именно это обстоятельство: специфику *процессу* деятельности субъектно-информационного класса придает, в основном, именно *процессор* как ключевой компонент всей компьютерной техники.

Кроме того, при рассмотрении методологических оснований дифференциации данного класса необходимо учитывать еще одно важное обстоятельство, заключающееся в следующем. В адрес правомерности его дифференциации как такового часто высказываются возражения, связанные с тем, что очень многие или даже практически – большинство всех существующих видов деятельности не только обязательно включают в качестве важнейшего компонента переработку информации, но и вообще – во многом базируются на собственно информационном взаимодействии с объектом. Дело, однако, заключается не в этом – непреложном факте, а несколько в другом гораздо более имплицитном обстоятельстве. Оно состоит в том, что в целом ряде деятельностей (которые и образуют субъектно-информационный класс) имеет место не только и не просто информационное взаимо-

действие или переработка субъектом информации, а качественно иная ее организация. Главной особенностью этой организации является то, что информация выступает не только в качестве основы деятельности. Дело еще и в том, что сама деятельность в целом и средства ее реализации («орудия труда»), в особенности, таковы, что они эту информацию *активно преобразуют* – они сами ее перерабатывают, беря тем самым на себя часть функций, которые в иных классах деятельности являются исключительной прерогативой субъекта. Происходит отчуждение ряда исходно субъектных задач и функций, их перенос на реализацию средствами труда (если использовать традиционную терминологию), а сами эти средства выступают не только как пассивные орудия, полностью регулируемые субъектом, но и как в известном смысле активные ее реализаторы. Налицо, таким образом, полная аналогия (которая является, по нашему мнению, более чем просто аналогией) данной – ключевой особенностью с той, которая является важнейшей и для дифференциации субъект-объектного класса деятельности.

Наряду с этим, существует еще один важный аспект информационной деятельности, базирующейся на компьютерной технике, также выявляющий ее метакогнитивный характер, хотя и в значительно более имплицитном плане. Дело в том, что, на первый взгляд, она, напротив, носит подчеркнуто арефлексивный характер что, в действительности, во многом справедливо (некоторые причины этого уже рассмотрены выше, а их более подробный анализ представлен также в главе 4). Вместе с тем, при более глубоком взгляде оказывается, что специфика, а в чем-то – и уникальность самой рефлексивной регуляции состоит в ее двуедином характере. С одной стороны, функционально она является подчеркнуто «антирефлексивной» – направленной на минимизацию рефлексивного контроля за деятельностью в целом и за реализацией ее основных задач, в частности. Но с другой стороны, по своей природе и механизмам, средствам и процессам она также является подчеркнуто рефлексивной, поскольку предполагает рефлексивную ингибицию самой рефлексивности, осознанную блокаду самого осознаваемого контроля, то есть рефлексии над самой рефлексией. Она, в свою очередь, базируется на всей совокупности средств метапроцессуального плана. Тем самым раскрывается и дополнительная грань самого сознания, взятого в плане его процессуального обеспечения – в аспекте всей совокупности рефлексивных и метакогнитивных процессов. Оно включает и такие средства, которые направлены

на осознанную минимизацию представленности сознания в деятельности и поведении. Данное обстоятельство требует дифференцировать качественно глубоко своеобразное проявление рефлексии (и рефлексивности) а, следовательно, и сознания как их резульативного эффекта. Рефлексия может не только усиливать (фасилитировать) себя, но и минимизировать (ингибировать) себя. Причем, очень важно, что такая ингибция – фактически, контролируемая и целенаправленная ее редукция осуществляется теми средствами и механизмами, которые также являются подчеркнута рефлексивными.

Складывается ситуация, которую с определенной долей схематизации можно охарактеризовать так. Рефлексия, направленная на саму себя, может не только усиливаться, но и приводить к ее минимизации и даже блокаде, к «отключению». Рефлексия, выступая как средство по отношению к самой же себе – но уже как к предмету самой рефлексивной регуляции, может не только самофасилитироваться, но и самоингибироваться. Поэтому она принципиально отличается от ее традиционного смысла – она не усиливает, а редуцирует сама себя, а в ряде случаев и блокирует, так сказать «аннигилирует» сама себя. Имеет место своего рода метарефлексия, причем, представленная в двух планах. Во-первых, в традиционном смысле – как «рефлексия над рефлексией» (метарефлексия). Во-вторых, в новом аспекте – в аспекте саморедуцирования исходного качества, то есть рефлексивности как таковой: здесь префикс «мета» означает уже указание на преодоление, на отрицание исходного качества осознания. В связи с этим, становится очевидной необходимость внесения терминологических корректив в использованное ранее словосочетание «антирефлексивные средства». Их, точнее обозначить термином *ингибиторных* средств, поскольку та главная функция, на основе которой она вообще дифференцируется и которая составляет их качественную определенность, состоит именно в ингибции процессов и механизмов рефлексивного, а шире – и метакогнитивного плана.

Метакогнитивный контроль деятельностных функций, являясь атрибутивно осознаваемым и выступая в целом «безусловным благом» на достаточно большом интервале его меры, может, однако, трансформироваться в свою противоположность. Фактически, имеет место ситуация, аналогичная той, которая была обозначена в свое время понятием «режима работы с двойной функцией». Реализация деятельностных функций «запараллеливается» с метакогнитивными функци-

ями за их же собственной реализацией, а в ряде случаев и выходит на первый план. Такая ситуация приводит к необходимости перераспределения общего когнитивного ресурса и на реализацию метакогнитивного контроля, что оказывает негативное влияние на реализацию деятельностных функций и задач. Именно поэтому о рефлексивности как о личностном качестве и следует говорить как о метакачестве, поскольку оно может регулировать меру своего проявления, меру своей представленности именно как качественной определенности – причем, не только повышать ее (что в принципе было известно давно), но и, как следует из представленных выше материалов, уменьшать ее. Следовательно, разработка проблемы метакогнитивного обеспечения информационной деятельности в ее собственно регулятивном «измерении», то есть в аспекте тех базовых функций, которые оно реализует по отношению к организации деятельности, действительно, может действовать раскрытию новых, не эксплицированных пока особенностей и закономерностей, носящих общий характер.

* * *

Итак, в данной главе была предпринята попытка характеристики информационной деятельности, реализуемой на основе компьютерной техники, как наиболее репрезентативного представителя особого качественно специфического класса профессиональной деятельности – субъектно-информационного. При ее осуществлении акцент был сделан на том, чтобы обеспечить ей, по возможности, комплексный и многоплановый характер, вовлечь в нее данные самого разного плана и различных источников – начиная от сугубо житейских, вненаучных и заканчивая теоретико-методологическими и даже философскими. В итоге ее содержание и организация было эксплицировано в нескольких основных планах, аспектах, на нескольких уровнях «проникновения» в ее сущность – фенологическом, эмпирическом, операционном, теоретическом и методологическом.

Так, на первом из них – *феноменологическом* она раскрывается посредством целого семейства специфических деятельностных явлений, в которых и через которых, собственно говоря, и эксплицируется ее содержание, равно как и организация. Данный уровень специфичен и уникален еще тем, что он, фактически, синтезирует два важнейших источника информации об изучаемом предмете – внешний (объек-

тивный) и внутренний (субъективный) – интроспективный. Как мы отмечаем выше, уникальность феноменологического анализа, базирующегося на интроспективных техниках, состоит в том, что он позволяет получить такую информацию о деятельности, которую никакими иными путями получить в принципе невозможно, поскольку она носит принципиально необъективируемый, а лишь субъективируемый характер. На втором из этих уровней – *эмпирическом* синтезирована вся беспрецедентная по объему и гетерогенная по содержанию информация, полученная при осмыслении сути и специфики данной деятельности посредством фиксации опыта ее реализации. Причем, она также дифференцируется на два плана – на внепсихологический и собственно психологический, профессиографический. На следующем уровне – *операционном* первый из этих источников реализуется в более детализированном и специфическом виде – как обобщение ее собственно технологического описания. На четвертом уровне – *теоретическом* данная деятельность раскрывается как представитель собственно профессиональной деятельности – в аспекте тех взглядов, которые сложились в психологической теории деятельности относительно ее структурно-функциональной организации. На пятом уровне – *методологическом* она эксплицируется в единстве двух базовых категорий закономерностей – общедеятельностных и конкретно-деятельностных, родовых и видовых, как представитель качественно специфического класса деятельности – информационного. Этот уровень, в свою очередь, предполагает и опору на синтез данных о ней, эксплицируемых посредством обращения к психологической теории деятельности, и данных, раскрывающих ее атрибутивные черты, обусловленные ее метакогнитивным и метарегулятивным характером.

Проводя характеристику данной деятельности в комплексе этих планов, мы стремились не столько к систематичности проводимого анализа, сколько к полноте охвата существующих данных о ней. Более того, мы допускали и возможность известной эклектичности рассмотрения, взятой, однако, в ее позитивной коннотации¹⁴. И лишь после того, как эта полнота будет обеспечена, возможен и необходим

---

¹⁴ Известно, что в настоящее время само понятие эклектичности подвергается определенному пересмотру и раскрывается уже не только как разноплановость и неупорядоченность анализа, а как его многоплановость и многогранность, то есть не как недостаток, а как преимущество.

переход к иным планам и способам ее психологического анализа. Они направлены на выявление и интерпретацию ее *глубинных* и имплицитных закономерностей, главными из которых являются, разумеется, закономерности *структурного* плана, то есть те, которые раскрывают *базовые* особенности ее содержания и организации. Они, однако, могут быть раскрыты лишь на основе иных – более строгих, то есть собственно аналитических (точнее деятельностно-аналитических) процедур. Одна из них как раз и была разработана нами в [126], что позволило эксплицировать общую структурно-уровневую организацию данной деятельности – но уже не по отношению к совокупности уровней ее описания, а по отношению к уровню ее собственной структурной организации. Более того, она позволяет эксплицировать и содержание каждого из уровней этой организации. Эта процедура, а также результаты ее реализации по отношению к данной деятельности станут предметом специального рассмотрения в главе 3, что позволит углубить и конкретизировать представленные в данной главе материалы относительно содержания и организации рассматриваемой деятельности. Вместе с тем, для того, чтобы придать ей по возможности наиболее обоснованный и теоретически корректный характер, необходимо предварительно остановиться на общих методологических вопросах, связанных с важнейшим и во многом определяющим понятием *структуры* и производным от него понятием *структурной организации*, а также их спецификой по отношению к психологической и деятельностной проблематике. Это, следовательно, должно составить предмет рассмотрения в следующей главе.

Глава 2. Методологические и теоретические основы структурного исследования

2.1. Постановка проблемы

Одним из основных итогов анализа, проведенного в предыдущей главе, явилось обоснование того, что выявление специфики – качественного своеобразия информационной деятельности в целом и тех ее разновидностей, которые базируются на компьютерной технике, в особенности, должно базироваться на приоритетном раскрытии ее *структурных* закономерностей. Это вполне закономерно, поскольку, как известно, именно понятие структуры, а также структурной организации является ключевым и определяющим гносеологическим средством познания как такового. Оно занимает центральное место в большинстве общих гносеологических подходов и конкретных познавательных процедур. Кроме того, оно должно рассматриваться как важнейшее связующее звено между двумя фундаментальными гносеологическими подходами – *аналитическим* и *системным*. С одной стороны, оно позволяет преодолеть атомистичность первого и перейти от суммативного знания, от агрегативной – аддитивной совокупности знаний к их организованной совокупности, к определению организации как таковой. С другой стороны, оно является и столь же необходимым для того, чтобы эту организацию эксплицировать не в целом – абстрактно, а вполне конкретно, то есть в плане основных и наиболее мощных принципов – собственно системных, в аспекте системности как базового атрибута организации.

Кроме того, это фундаментальное, но одновременно и подчеркнуто *методологическое* положение органично связано с еще одним атрибутом структурного исследования. Дело в том, что именно структурное исследование, а в более общем плане – и познание как таковое, согласно гносеологическим императивам, занимает срединное место в триаде базовых понятий системной методологии: компонент (часть) – структура – система (целое). Однако это же означает, что оно занимает также и *центральное* и, следовательно, определяющее место в ней. Благодаря ей, система и становится целостностью. Наконец, несколько предвзяв дальнейшее изложение, отметим, что понятие структуры обладает еще одной важной особенностью. Она состоит

в том, что структурное исследование – это в известном смысле вообще основной и исходный для любого познания шаг. Он носит в чем-то даже, так сказать, «архетипический» характер, связанный со стремлением познающего субъекта вначале понять, прежде всего, «из чего состоит», что собой представляет – в аспекте его содержания объект познания. Поэтому для того, чтобы реализовать данное понятие как объяснительное средство в его истинном – конкретном и полном объеме, а не только в его симплифицированных вариантах, необходим предварительный специальный анализ его собственно методологического потенциала.

Исходя из этого, основная цель данной главы состоит в том, чтобы рассмотреть некоторые ключевые и определяющие аспекты общенаучного понятия структуры и выделить те из них, которые наиболее релевантны общим задачам данной работы. Они, в свою очередь, заключаются в раскрытии особенностей и закономерностей организации метакогнитивной сферы личности как регулятора деятельности информационного класса – прежде всего, структурных. При обращении к ним, однако, следует учитывать, что их совокупность характеризуется целым рядом особенностей, затрудняющих ее рассмотрение и придающих ей очевидную специфичность. В наиболее общем плане все эти трудности могут быть охарактеризованы посредством апелляции к известному выражению о «чемодане без ручки» – и нести неудобно, и бросить жалко. Действительно, эту проблему и «нести неудобно», то есть чрезвычайно сложно рассматривать ее не только в целом, но и даже в ее базовых аспектах и составляющих. Дело в том, что при обращении к понятию структуры, взятому в философском и общенаучном аспекте, возникает целый ряд трудностей принципиального плана. Они связаны не только с содержательной сложностью и многоплановостью данного понятия, но и с огромным объемом представлений, сформулированных относительно него. Понятие структуры обладает чрезвычайно высоким уровнем обобщенности и имеет, по существу, статус, близкий к категориальному. Он, в свою очередь обуславливает и столь же широкую – фактически, беспрецедентную область применения данного понятия – так сказать, сферу действия. В связи с этим, объем материалов, который содержится в философской и конкретно-научной литературе относительно него поистине огромен, что также создает большие трудности аналитического порядка. Однако, и «бросить жалко», то есть не рассматривать этот аспект дан-

ной проблемы вообще также нельзя, поскольку без выявления и учета основных положений, связанных с ним, любой конкретно-научный анализ той или иной проблемы (в том числе, и проблемы структурной организации метакогнитивной сферы) не может рассматриваться как методологически обоснованный и корректный.

Учитывая сказанное, мы будем руководствоваться известным принципом *целевого* назначения анализа. Он, как известно, состоит в том, что анализ должен быть специфицирован в отношении тех главных целей, которым посвящено само основанное на нем исследование. Поскольку главная цель данной работы состоит в изучении метакогнитивной сферы личности как регулятора профессиональной деятельности, то и последующее рассмотрение философских и общенаучных аспектов понятия структуры будет осуществлено в плане того, каким образом существующие сегодня представления о нем могут способствовать именно этому. Иными словами, целевое назначение проводимого анализа состоит в том, чтобы выявить, каким образом философские и общенаучные представления о понятии структуры могут содействовать разработке конкретно-психологической проблематики; определить роль, которую оно играет в исследованиях собственно психологического плана в целом. Вместе с тем, это вовсе не означает, что анализ должен быть полностью специфицированным – так сказать, исключительно сфокусированным. Скорее, наоборот – для того, чтобы обрести необходимую степень конструктивности, он по необходимости должен предполагать и обращение к вопросам достаточно общего характера, составляющим суть представлений о понятии структуры.

В связи с этим, дальнейшее рассмотрение целесообразно, по нашему мнению, сконцентрировать на двух основных направлениях. Во-первых, следует охарактеризовать наиболее значимые, то есть основополагающие – классические и фундаментальные представления в данной области, составляющие ее, так сказать, «золотой фонд». Несмотря на их очень высокую степень обобщенности и, казалось бы, неспецифицированность по отношению к психологической проблематике, обращение к ним, все же, совершенно необходимо. Дело в том, что без них как именно наиболее общих объективно невозможно эксплицировать важнейшие и основополагающие – атрибутивные особенности данного понятия (и той реальности, которая в ней зафиксирована) – его качественную *определенность*. Во-вторых, – но уже по причинам более очевидного характера, анализ должен быть

направлен, прежде всего, на определение того, как представления философского плана могут содействовать разработке *специфически* психологической проблематики в целом и проблемы структурой организации предметов психологического исследования, в особенности. Тем самым анализ реализует важный методологический принцип единства двух базовых «измерений» предмета познания – его раскрытие как в аспекте качественной определенности, так и в аспекте качественной специфичности.

Для реализации этих положений методологического плана и в особенности – требования целевого назначения проводимого анализа необходимо также учитывать следующее обстоятельство. В общем плане и отбор материала для него, и акценты в его проведения должны определяться общими задачами исследования, а также его предметной сферой. По отношению к данной работе это означает, что проводимый анализ должен базироваться на следующих императивах установочного плана. Во-первых, он, охватывая, разумеется, наиболее общие положения философского плана, должен все же иметь отчетливую психологическую ориентацию и предполагать экспликацию тех из них, которые имеют наибольшее значение для разработки собственно психологической проблематики. Во-вторых, он должен быть ориентирован также не только на рассмотрение традиционных – классических и своего рода канонических типов и классов структур, равно как и аналогичных – также устоявшихся представлений в этой области, но и нетрадиционных – неклассических их разновидностей. Он должен учитывать новые и новейшие представления относительно них, которые, однако, нередко носят не вполне обычный и привычный характер. Вместе с тем, это совершенно необходимо, поскольку предмет проводимого анализа (метакогнитивная сфера личности) является образованием, которое базируется на беспрецедентно сложном и остающимся во многом загадочным феномене – *сознании*. Дело в том, что, согласно современной трактовке, метакогнитивные процессы как важнейшие компоненты данной сферы, рассматриваются в качестве его основных парциальных процессуальных компонентов. Наконец, в-третьих, при проведении анализа необходимо учитывать, что он должен основываться на уже существующих представлениях о метакогнитивной сфере личности и ее специфических особенностях как регуляторе профессиональной деятельности, а также на учете тех проблем, которые сформулированы по отношению к ней. Одной из главных

среди них является то, что, как показано нами в работах [89], данная сфера обладает очень явной специфичностью и требует существенной корректировки сложившихся в системной методологии представлений о принципах структурно-функциональной организации как таковой.

2.2. Гносеологические и общенаучные аспекты понятия структуры

Переходя к рассмотрению содержания данного понятия, его основных особенностей и его специфики как концептуального средства, следует учитывать, что оно обладает известной двойственностью. С одной стороны, оно – по крайней мере, на первый взгляд, представляется достаточно определенным, что, в частности, отражено в принципиальном сходстве и даже тождестве многих его дефиниций. Практически все они фиксируют то, что в нем представлена та или иная организация объекта, эксплицированная через совокупность *устойчивых связей* между его основными частями. С другой стороны, понятие структуры обладает и такой особенностью, согласно которой, чем более глубоким является его анализ, тем в меньшей степени оно представляется как четкое и определенное, тем в большей степени выявляется его истинная сложность и неоднозначность, а также его принципиальная диверсифицированность. В связи с этим, отмечается, что «понятие структуры никогда не отличалось определенностью» [35]. В силу этого, и возникает необходимость экспликации основных особенностей, характерных для данного понятия.

Двойственность отличает данное понятия и в *историческом* аспекте – в плане его оформления как концептуального средства. С одной стороны, в широком, нестрогом смысле понятие структуры употреблялось в научном и философском обиходе достаточно давно (по крайней мере, со средних веков) и выступало в качестве одного из способов определения понятия формы (форма как структура, организация содержания). В строгом смысле понятие структуры впервые оформляется в химии в связи с возникновением в девятнадцатом веке теории химического строения вещества. В 1890 К. Эрнфельс открыл гештальткачества – перцептивные структуры, которые относятся к воспринимаемому объекту в целом и не могут быть объяснены из свойств элементов (например, свойства аккорда в музыке; свойства мелодии, сохраняемые при транспозиции, то есть при изменении тональности). Это открытие послужило толчком к изучению самостоя-

тельной роли психических структур. В двадцатом веке анализ структурных отношений и связей занимает важное место в исследованиях языка, этнических общностей, произведений литературы и искусства, культуры в целом, в результате чего складываются специфические методы изучения разных типов. В современной науке понятие структуры обычно соотносится с понятиями системы и организации. Хотя единой точки зрения на соотношение этих понятий нет, в большинстве случаев в качестве наиболее широкого из них рассматривают понятие системы, характеризующее все множество проявлений некоторого сложного объекта (его элементы, строение, связи, функции и т. д.).

Сходная черта – двойственность присуща данному понятию и в *сематическом* плане. Она состоит в том, что к настоящему времени сложилось двойное понимание структуры. В холистическом понимании структура, фактически, приравнивается к системе; система при этом понимается как элементы плюс связи между ними. Второе определение дифференцирует понятия структуры и системы. Структура при этом понимается как внутренняя организация и упорядоченность объекта, его внутреннее устройство, строение, обусловленная характером взаимоотношений между элементами. И в том, и в другом случае понятие структуры предполагает динамическое и статическое измерения: статическая парадигма обозначает статику и синхронию структуры, что следует из самой этимологии латинского термина «*structura*», который обозначает упорядоченное строение.

Далее, в содержательном плане понятие структуры характеризуется несколькими основными особенностями. Первая его особенность состоит в чрезвычайно высоком уровне *обобщенности*, который нередко является причиной дискуссий относительно возможности и необходимости придания ему категориального статуса. Это же является и причиной имеющих место в ряде случаев попыток абсолютизации данного понятия, состоящих в выведении иных категорий из него и рассмотрения его в качестве основной гносеологической категории. Кроме того, это же характерно и для некоторых конкретно-научных направлений – в частности, для гештальтпсихологии, понятийный аппарат которой как раз и базируется, в основном, именно на этом понятии.

Вторая особенность данного понятия состоит в существовании очень явного – устойчивого и выраженного семантического инварианта, зафиксированного в нем: несмотря на различия в его определениях, все они содержат указание на два базовых атрибута – наличие

отношений между компонентами объекта и их *организацию*. Структура, взятая в ее семантическом ядре, – это и есть, собственно говоря, организованная совокупность отношений между «составляющими» объекта. Эти атрибуты устойчиво воспроизводятся в различных определениях данного понятия. Так, например, структура (от лат. *structūra* «строение, устройство; связь или расположение составных частей») определяется как совокупность устойчивых связей частей объекта, обеспечивающих его целостность и тождественность самому себе, то есть сохранение основных свойств при различных внешних и внутренних изменениях. В другом определении структура – это расположение и связь частей, составляющих целое и внутреннее строение чего-либо. Структура определяется как объективно существующее образование, представленное элементами и их взаимосвязи друг с другом и с целым. Структура – это организационная характеристика системы, представляющая собой совокупность устойчивых системообразующих связей и отношений, обеспечивающих стабильность и равновесие системы, взаимодействие, соподчиненность и пропорциональность между составляющими ее элементами. Структура находится в тесной взаимосвязи с составом системы, определяется им и сама, в свою очередь, в значительной степени его определяет.

Столь же инвариантными являются и представления относительно основных характеристикам структуры, в качестве которых обычно дифференцируются следующие параметры [4]:

- общее число связей, характеризующих сложность системы;
- число внутренних связей, определяющих внутреннюю структуру;
- число внешних связей, характеризующих взаимодействие системы со средой, ее открытость.
- общее число взаимодействий, характеризующих устойчивость системы;
- интенсивность взаимодействия элементов, то есть число связей, приходящихся на один элемент.

В отличие от состава, который включает в себе декомпозицию системы, расчленение единого целого на составляющие элементы, структура, напротив, обеспечивает композицию системы, соединение отдельных составляющих в единое целое. Она эксплицирует роль, место и назначение элементов в системе, их расположение и взаимоотношение между собой, характер, формы и степень влияния на другие элементы.

Вместе с тем, на фоне этой инвариантности, следует констатировать и еще одну также характерную особенность данного понятия – его *полисемичность*, выражающуюся в наличии целого ряда, хотя и близких по содержанию, но все же несколько отличающихся друг от друга значений. В наиболее явном виде это представлено в различиях использования данного понятия в разных научных дисциплинах. Так, в общем – философском плане структура может, фактически, отождествляться со строением [217]. Термином структуры обозначается, далее, разделение экономики, экономического объекта на составные части по определенным признакам, установление взаимосвязей между этими составными частями; состав, строение экономического объекта. Он может обозначать также взаимное расположение и связь составных элементов чего-либо; строение чего-либо. Он используется и при исследовании движений как устойчивый порядок объединения отдельных элементов, их связей в составе двигательного акта. В этой связи выделяют кинематическую, динамическую и ритмическую структуру движений. В математике структура – родовое название, объединяющее понятия, общей чертой которых является то, что они применимы к множествам, природа элементов которых не определена. В лингвистике структура – это лексико-грамматическое единство, имеющее специфическую схему построения. Это также способы сочетания слов, порядок их следования и расположения и сам факт выбора данных слов для построения высказывания.

Еще более дифференцированным является следующий набор модусов понятия структуры и, соответственно, его значений:

1. способ организации системы;
2. способ, закон связи элементов целого;
3. система отношений в рамках данного целого;
4. форма представления системы в виде составных частей;
5. устройство (строение) системы, отражающее взаимосвязи элементов и подсистем, взаиморасположения составных частей;
6. множество элементов системы, между которыми имеются связи (взаимоотношения);
7. множество возможных отношений между подсистемами и элементами внутри системы;
8. упорядоченные отношения, связывающие элементы системы и обеспечивающие ее равновесие;

9. совокупность элементов и связей между ними, которые определяются исходя из функций и целей, поставленных перед системой;

10. устойчивое множество отношений, сохраняющееся неизменным в течение интервала наблюдения;

11. совокупность устойчивых отношений, связей и взаимодействий между уровнями и компонентами системы, обеспечивающих сохранение ее целостности в условиях внутренних и внешних возмущений;

12. то, что остается неизменным в системе при перемене ее состояния (режима), реализации различных форм ее поведения;

13. совокупность свойств системы, которые являются существенными с точки зрения проводимого исследования;

14. наиболее консервативная характеристика системы;

15. устойчивая упорядоченность отношений элементов и связей между ними в пространстве и времени, определяющая функциональную компоновку системы и ее взаимодействие с внешней средой.

Следующая – тесно связанная с предыдущей и в известной степени обусловленная ей особенность данного понятия состоит в его *диверсифицированности*, то есть в наличии очень многих видов и типов структур. Причем, речь должна идти не только об их собственной множественности, но также и о большом разнообразии самих оснований, которые могут быть использованы для их дифференциации. Одним из них является дисциплинарное основание, то есть выделение различных видов структур, дифференцируемых в тех или иных научных дисциплинах. Так, скажем, в химии в качестве разновидностей структур выделяется упорядочение ионов, атомов или молекул в конденсированном состоянии, а также кристаллическая структура и структура жидкостей. В физике дифференцируется тонкая структура – группа близких уровней энергии и спектральных линий, различающихся из-за спин-орбитального взаимодействия и сверхтонкая структура – группа близких уровней энергии и спектральных линий, различающихся из-за взаимодействия магнитных моментов электронов и ядер. В математике структура – какой-либо новый объект, вводимый на некотором множестве, свойство элементов множества. Это, в частности, алгебраическая структура, топологическая структура, дифференциальная геометрия. В информатике структура – это тип данных: запись, состоящая из нескольких переменных (или констант) разного типа. Структура данных – программная единица, позволяющая хранить и обрабаты-

вать множество однотипных и/или логически связанных данных в вычислительной технике. В материаловедении структура – материал или предмет, обладающий структурой в основном значении, то есть состоящий из областей или слоёв разных веществ, расположенных специальным образом. В науках о Земле структура в петрографии – набор признаков горной породы, включающий в себя степень кристалличности, размеры и формы кристаллов, их взаимоотношения с другими кристаллами и вулканическим стеклом, а также внешние особенности отдельных минеральных зёрен и их агрегатов. Структура в геологии и тектонике – пространственная форма залегания горных пород.

Констатируя принципиальную множественность видов и типов структур, обуславливающую диверсифицированность данного понятия, следует подчеркнуть следующее принципиальное обстоятельство. Дифференциация общего понятия структуры на них и их последующая систематизация – упорядочивание и классификация это отнюдь не только «технический», то есть собственно систематизаторский вопрос, не решение вопроса так сказать «коллекционистского» плана. Дело в том, что в нем находит свое отражение принципиальная проблема, составляющая суть любого *предмета* исследования, предмета познания – проблема определения его границ и, следовательно, самого его *содержания*, его качественной определенности – того объема, который его образует. Данное обстоятельство иллюстрируется, например, и тем фактом, что В. Н. Садовский, определяя основные задачи методологии системного исследования, первой из них считает «выделение и классификацию типов структур системных объектов» [223]. К сожалению, пока решение такой задачи не было получено, хотя опыты создания типологии систем предпринимались неоднократно. В силу этого, ниже данный вопрос будет подвергнут специальному рассмотрению. Предварительно, однако, необходимо отметить еще ряд основных особенностей понятия структуры и сопряженных с ними вопросов теоретического плана.

Действительно, отмеченные выше особенности данного понятия и, прежде всего, его высочайший уровень обобщенности обусловили то, что на его основе были разработаны целые философские системы и направления – в частности, структурализм, включая его многочисленные варианты, а также конструктивизм. Так, сама суть структурализма состоит в положении, согласно которому объекты изучения в социальных и гуманитарных науках имеют относительную, а не субстанциональную природу. Социальный мир объясняется не в терминах

индивидуального действия, а через отношения и отношения между отношениями; целое образуется как их синтез. В свою очередь, в основе конструктивизма (и его противопоставления объективизму) также, хотя и в более имплицитном виде, лежат представления о структурной организации объектов познания и о соотношении их объективно представленной структурной организации со структурированием как субъектной – гносеологической процедурой. Как известно, в гносеологическом плане конструктивизм представляет собой подход, согласно которому всякая познавательная деятельность является конструированием; это альтернатива эпистемологическому реализму, базирующемуся на постулате объективности и самодостаточности познаваемого. Базовым тезисом конструктивизма является положение, согласно которому реальность не *отражается* и не репрезентируется языком и сознанием, а *создается* в процессе наблюдения или познания. В нем была сформулирована острая проблема, смысл которой состоит в следующей альтернативе. Либо понятие структуры и, соответственно, та реальность, которая в нем зафиксирована, является следствием познания и результатом отражения этой реальности. Либо оно выступает продуктом конструирования – порождения самим субъектом познания некоторой гносеологической реальности и, следовательно, носит во многом априорный характер, организуя саму процедуру его познания, и в этом плане во многом сближается с понятием априорных категорий И. Канта [85]. Ниже мы возвратимся к этому обстоятельству, поскольку оно имеет существенное значение именно для психологической проблематики.

В свете данной особенности необходимо отметить и то, что данное понятие является основой не только для разработки тех или иных направлений, но и для становления целого ряда общенаучных гносеологических подходов – в частности, структурно-функционального, структурно-системного структурно-психологического (данный вопрос также будет рассмотрен ниже).

Еще одна особенность данного понятия, также обусловленная предыдущей, – это чрезвычайно *широкая сфера* его применимости, его повсеместность, то есть то, что иногда обозначается как «вездесущность». При этом, это касается не только его представленности практически во всех научных дисциплинах, но и во всех иных сферах – в социальной сфере, в сфере политики, в искусстве, в профессионально-деятельности и пр.

Далее, очень важной особенностью понятия структуры является его атрибутивная сопряженность со многими важнейшими *философскими* категориями и *общенаучными* понятиями. Так, прежде всего, необходимо учитывать то – очень общее положение, согласно которому понятие структуры, фактически, неотделимо от понятия *системы* – они взаимополагаемы друг другу, хотя сам вопрос об этой взаимополагаемости – ее содержании и механизмах, принципах и феноменологии все еще во многом продолжает оставаться открытым. Соответственно этому, существуют многочисленные и очень глубокие параллели и даже инварианты рассмотрения понятий структуры и системы. Мы будем по ходу дальнейшего изложения не раз встречаться с ними. При этом необходимо не столько пытаться их «развести», сколько, наоборот, привлекать полученные по отношению к первому из них материалы для рассмотрения второго. Наиболее общим проявлением этого является, например, существование общей теории структуры – подобно тому, как существует общая теория систем. Вместе с тем, как это ни непривычно, но понятие структуры вовсе не обязательно сопряжено с понятием системы, поскольку структурой обладают не только до-системные образования (что естественно и понятно), но и пост-системные образования, что уже значительно менее очевидно. В частности, это относится к такой форме организации, каковой выступает организация по принципу *системного комплекса*. Она является более сложной уже потому, что синтезирует в себе два базовых принципа – интегративный, то есть собственно системный, и агрегативный, то есть внесистемный. В силу этого, она выступает как более сложная и мощная.

В связи с соотношением понятий структуры и системы формулируется и классическая проблема определения тех критериев, по которым должна осуществляться их *дифференциация*. Она не имеет однозначного решения, хотя большинства исследователей придерживается позиции, согласно которой в его качестве выступает следующий дифференцирующий признак. Понятие структуры фиксирует, прежде всего, *статический* – синхронический аспект организации объектов, а понятие системы – его же, но в дополнении с *динамическим*, диахроническим аспектом организации. Система – это и есть структура в ее временной развертке, то есть в процессе функционирования. В системе синтезируются два типа структурной организации – субстанциональная и темпоральная, взятые в их взаимопосредствовании.

Структура тогда трансформируется в систему, когда она представлена в соотношении с процессом реализации на ее основе некоторой целевой функции – цели как системообразующего фактора.

Далее, понятие структуры атрибутивно сопряжено и с оппозицией двух важнейших категорий – *формы и содержания*, а иногда вообще рассматривается как синоним первой. Определенную параллель можно провести между понятиями элемента и структуры, с одной стороны, и философскими категориями «содержание» и «форма», с другой. Философские категории «форма» и «содержание», используемые в рамках материалистической диалектики, служат для выявления внутренних источников единства, целостности и развития материальных объектов. Под содержанием понимается совокупность тех элементов и процессов, которые составляют основу объектов и обуславливают существование, развитие и смену их форм. Категория формы выражает внутреннюю связь и способ организации, взаимодействия элементов и процессов явления как между собой, так и с внешней средой. Несмотря на очевидную аналогию между рассматриваемыми понятиями и философскими категориями, их отождествление представляется некорректным с точки зрения научной методологии. Оно столь же атрибутивно связано и с категорией *качества*, поскольку именно структурная организация объекта во многом и детерминирует его качественную определенность. Такая тесная связь данного понятия с важнейшими философскими категориями порождает дискуссию относительно возможности отнесения ее также к их разряду *категориальных*, что, впрочем, разделяется далеко не всеми исследователями.

Фундаментальный характер соотношения понятий структуры и *содержания* проявляется, однако, и в еще одном важном аспекте – в их принципиальной относительности точнее – соотносительности. В несколько схематизированном виде данное положение можно эксплицировать следующим образом. То или иное содержание, составляющее исходную базу объекта – некоторое множество, подвергается организации – прежде всего, структурной. В ее результате – вследствие самих механизмов структурообразования и значит интеграции, порождаются новые особенности и закономерности, возникает новое содержание, отсутствующее в исходном множестве. Тем самым, оно как таковое расширяется, а содержание обогащается. То, что выступало исходно как итог структурирования, само становится содержанием. Эту же мысль можно сформулировать и несколько иначе: то, что

на одном уровне выступало как содержание, на другом – более высоко выступает как структура. Она, однако, также трансформируется в содержание, но уже более высокого по отношению к ней самой уровня. Это – в принципе известный случай, когда структура «погружается» в основание, когда форма (как атрибут структуры) становится содержанием, а оно, в свою очередь, выступает как база для возникновения новых уровней собственно структурной организации. Можно видеть, таким образом, что анализ данной закономерности собственной логикой приводит к еще одной важнейшей особенности понятия структуры и структурной организации – к его теснейшей связи и, фактически, к атрибутивной взаимополагаемости с понятием *уровня* и *уровневой* организации. Данное обстоятельство необходимо учитывать при разработке проблемы структурной организации объектов в целом и метакогнитивной сферы личности, в частности.

Далее, в связи с этим возникает необходимость обращения к еще одному – пожалуй, наиболее сложному и имплицитному, но одновременно и определяющему аспекту взаимосвязи понятия структуры с другими базовыми общенаучными понятиями. Как отмечалось выше, оно, согласно гносеологическим императивам, занимает *промежуточное* место в триаде базовых понятий системной методологии: компонент (часть) – структура – система (целое). Однако это же означает, что оно занимает также и центральное и, следовательно, определяющее место в ней. Благодаря ей система и становится тем, чем она становится – «большим, чем сумма компонентов», возникают *системные качества* как то, что и генерирует новое содержание, специфичное системе и отсутствующее у множества компонентов. Тем самым, переход от компонентов к структуре означает активацию так сказать «святая святых» всей системной формы организации – механизма *системных качеств* как такового, генеративное-порождающих интенций и потенций, интеграции как специфически генеративного механизма. Причем, данный механизм наиболее очевиден именно по отношению к психологическим системам, поскольку он используется ими как операционное средство собственного функционирования. Действительно, как было показано нами в работах [103, 125], именно этот механизм лежит в основе генерации в процессе мышления принципиально нового – того, что отсутствует в отдельных посылках и в их простой сумме, но возникает при их структурировании. Тем самым структура выступает уже не только как объект познания и его *средство*, но и как базовый *механизм* этого познания.

Важной особенностью данного понятия является его тесная и, фактически, атрибутивная связь с еще одним общенаучным понятием – понятием *функции*. Эти два понятия, фактически, конкретизируют по отношению к гносеологическим процедурам два базовых онтологических модуса объектов внешнего и внутреннего мира – статический (синхронический) и динамический (диахронический). Взаимосвязи между ними составляют суть и основу бытия объектов и представлены различных планах – в частности, в ситуационном и генетическом. Второй из них порождает фундаментальную проблему первичности-вторичности этих модусов, а также и детерминационных отношений между ними. Если классическая гносеология базировалась на приоритете первичности структуры по отношению к функции, то в дальнейшем полнее стало осознаваться более сложное положение вещей, а приоритеты в их детерминационных отношениях стали перемещаться в сторону функциональной организации объектов. Это, в частности, нашло отражение и на уровне многих научных дисциплин. В общем плане необходимо подчеркнуть, что не только структура является «носителем» – детерминантой всей совокупности функций какой-либо системы, но и наоборот, что зафиксировано в известном тезисе теории управления: «функция определяет структуру» (по [179]). Данное обстоятельство зафиксировано и в положении «функция создает орган» [27]. Кроме того, это же выступило основой для формулировки положения, вошедшего в «золотой фонд» системной методологии, согласно которому система как органическое целое создает в процессе своего функционирования необходимые ей для обеспечения этого функционирования органы [172]. В более конкретном плане оно закрепилось также в понятии функционального органа.

Еще одна особенность понятия структуры – по-видимому, наиболее традиционная с точки зрения его связи с понятием системы заключается в том, что в нем имплицитно представлен вопрос о соотношении двух модусов систем – *элементного* и *интегративного*, о соотношении части и целого. Данная проблема формулируется, как известно, как проблема диалектики частей и целого. Показательно, что эта – ключевая проблема системной методологии опять-таки концентрируется вокруг понятия структуры. Кроме того, определенную параллель, как уже отмечалось, можно провести между понятиями элементы и структура, с одной стороны, и философскими категориями «содержание» и «форма» – с другой. Под содержанием понимается

совокупность тех элементов и процессов, которые составляют основу объектов и обуславливают существование, развитие и смену их форм. Категория формы выражает внутреннюю связь и способ организации, взаимодействия элементов и процессов явления как между собой, так и с внешней средой. Несмотря на очевидную аналогию между рассматриваемыми системными понятиями и философскими категориями, их отождествление представляется некорректным с точки зрения научной методологии. Отличительной чертой философских категорий является возможность формулирования с их помощью той или иной универсальной закономерности. С помощью категорий содержания и формы формулируется известная диалектическая закономерность, согласно которой содержание определяет форму. Через понятия «элементы» и «структура» какую-либо закономерность сформулировать нельзя, однозначная зависимость между структурой и элементами в рамках системного подхода не постулируется.

Обращаясь, далее, к следующему важнейшему аспекту понятия структуры, который был отмечен выше, – его принципиальной диверсифицированности, следует подчеркнуть, что она представлена в целом ряде дисциплин. Одной из наиболее показательных в этом плане является теория организации в целом и представления в области организационных структур управления, в частности. Они внесли важный вклад в развитие представлений о содержании этого понятия, в связи с чем на данном вопросе целесообразно остановиться подробнее [34, 74, 148, 155, 179]. Так, самыми распространенными *организационными* структурами являются линейная, функциональная, линейно-функциональная, линейно-штабная, матричная, программно-целевая (проектная), дивизиональная. Все они являются иерархическими и у каждой есть свои преимущества и недостатки. У линейной структуры слабое звено – высокие требования к руководителю, от которого зависит успех компании. При линейной структуре отсутствуют центры планирования и подготовки решений, существует проблема перегрузки информацией большого количества контактов каждого руководителя с подчиненными, а также проблема концентрации власти в верхушке пирамиды. Функциональная структура содержит риск отклонения функциональных отделов от общей цели компании, есть проблемы конфликтов между отделами и слишком длинных цепей коммуникаций от руководителя до конечного исполнителя. Самая большая проблема функциональной структуры – отсутствие у каждого

отдела ответственности за результаты всей компании. К минусам линейно-функциональной структуры можно отнести отсутствие центров планирования, трудности в согласовании ответственности за задачи, в которых участвует несколько отделов, а также недостаточную гибкость. Такая структура эффективна только при отказе от жесткой регламентации любого взаимодействия. Дивизионная структура имеет большое количество «этажей» по вертикали, и ее основные связи – вертикальные. Это делает компанию с дивизионной структурой уязвимой за счет дублирования функций и недостатка взаимодействия при решении различных вопросов, что лишает ее гибкости. Еще совсем недавно это был самый эффективный тип структуры, который активно использовался в крупных западных корпорациях.

Линейная (последовательная) структура характеризуется тем, что каждый элемент связан с двумя соседними. Особенность ее в том, что при отказе хотя бы одного элемента (или связи) вся структура разрушается.

Распространенными в области организационного управления являются матричные структуры. Матричная структура может быть эквивалентом ее табличной формы. Достоинством здесь является органичное сочетание двух основных типов управления: линейного и функционального (проектного), что с одной стороны, обеспечивает гибкое реагирование на любые изменения, а с другой – позволяет вести глубокие научно-технические проработки перспективных проектов и программ

Проектная структура представляет собой сетевую структуру, построенную на принципе двойного подчинения исполнителей: с одной стороны – непосредственному руководителю функциональной службы, которая предоставляет персонал и техническую помощь руководителю проекта, с другой – руководителю проекта или целевой программы, который наделен необходимыми полномочиями для осуществления процесса управления

Дивизиональной называется такая организационная структура, в рамках которой создаются автономные подразделения, или дивизионы. Их руководство самостоятельно планирует свою работу, решает текущие вопросы и отвечает за результаты своей деятельности и за получение прибыли. При этом все дивизионы подчинены общему руководству компании, хоть это и не умаляет их производственной самостоятельности, ответственности.

Кроме того, существует разделение на многоуровневые и смешанные иерархические структуры, а также структуры с произвольными связями, которые могут иметь любую форму, создавать и нарушать различные структурные принципы построения системы. Эти структуры характеризуются различными принципами взаимоотношений элементов в пределах уровня и правом вмешательства вышестоящего уровня в организацию взаимоотношений между элементами нижележащего уровня (вертикальные, горизонтальные, координационные и информационные связи).

Наряду с этим, можно отметить и типологию структур по такому параметру, как их конфигурационная представленность:

1. Цепная (линейная) – разомкнутая децентрализованная структура без обратных связей, может иметь вертикальную или горизонтальную ориентацию. Применяется как элемент сложных структур, но может использоваться самостоятельно.

2. Кольцевая – замкнутая, децентрализованная структура, построенная на последовательной связи. Отсутствие управляющего и центрального управления.

3. Звездная – централизованная разомкнутая структура без периферийных связей. Используется в малых компаниях, где руководитель получает информацию от подчиненных, обобщает ее, принимает решение и отдает его на исполнение. Однако чаще всего такая конфигурация используется как элемент сложных структур.

4. Колесо – централизованная, замкнутая структура, которая является результатом синтеза кольцевой и звездной. Например: система коммуникаций в линейно-функциональной структуре, где сильные горизонтальные связи между функциональными подразделениями.

5. Веерная – централизованная, разомкнутая конфигурация, которая может иметь горизонтальную или вертикальную ориентацию. Например: производственная структура с постепенным снижением или увеличением количества производственных участков по ходу технологического процесса.

6. Всеканальная – замкнутая структура, в которой все элементы непосредственно связаны между собой. Например: работа подразделения с полной взаимозаменяемостью.

7. Сотовая (соты) – замкнутая, децентрализованная структура. Например, система коммуникаций в организации, построенной на использовании команд.

Можно констатировать и типологию структур по пространственной ориентации:

1. Высокая – предпочтительно вертикально ориентирована и построена на межуровневых связях.

2. Плоская – преимущественно горизонтальная ориентация и развитая система горизонтальных связей.

3. Квадратная – не имеет предпочтительной ориентации.

Кроме того, необходимо отметить различие субструктур, структур и суперструктур, введенное С. С. Смитом и используемое в работах В. И. Кремянского [142]; подразделение структур А. А. Малиновским на «жесткие» и «корпускулярные», или «дискретные» [170]; выделение А. Л. Тахтаджяном «скелетных» или «каркасных», и «оболочных» или «эктоскелетных», структур (по [35]); разделение В. В. Дружининым и А. С. Конторовым структур на иерархические, не иерархические и смешанные [67]; выделение В. И. Свидерским и Р. А. Зобовым «экстенсивных» и «интенсивных» структур, главных и неглавных, основных и производных, «структур-законов» и «результатирующих структур», а также постановку вопроса о существовании «глобальных структур», охватывающих различные аспекты строения сложных систем [225].

Далее, представлена и типологизация, согласно которой дифференцируются структуры *материальных* и *идеальных* систем. Первые развертываются в пространстве и во времени, что придает их структурам пространственный, или временной, или пространственно-временной характер. У вторых отсутствует вещественный субстрат, а подчас и процессуальная динамика, и поэтому они носят внепространственный, а часто и вневременной характер.

Можно, разумеется, привести и иные способы использования данного понятия, эксплицирующие дополнительные разновидности структур. Так, скажем, дифференцируются и адхократические структуры (термин был введен У. Беннисом [26]): это гибкая, адаптируемая и неформальная форма организации, которая определяется отсутствием формальной структуры, в которой работают специализированные междисциплинарные команды, сгруппированные по функциям.

Необходимо также обратить внимание на дифференциацию понятий внутренней и внешней структуры объекта. Внутренняя структура включает в себя элементы и их отношения, а внешняя структура предполагает целостные свойства объекта, которые становятся эле-

ментными свойствами по отношению к внешней структуры. Конечно, и внутренняя структура предполагает целостные свойства, но для нее они являются результатом, тогда как для внешней структуры эти же целостные свойства выступают в качестве исходных в познании структуры. Познание начинается с внешней структуры, а затем переходит к внутренней структуре и от нее возвращается к более глубокому пониманию внешней структуры. Понятие внешней и внутренней структуры приводит к идее различных типов структур и к представлению о системе структурных уровней (понятия системы и структуры становятся здесь взаимоопределяемыми). Идея структурных уровней материи является одной из важнейших в современном естествознании, особенно в биологии. Эти классификации, хотя и имеют частный характер и не могут считаться основополагающими, но содействуют разработке общей теории структур.

Наряду с этим, представлено разделение не только основных типов структур, но и их *макроклассов*, дифференцируемых по максимально общему основанию на *субстанциональные* (материальные), временные, пространственные, сетевые, информационные и *идеальные* структуры. Данное обстоятельство является весьма принципиальным, в связи с чем необходимо остановиться на нем более подробно. Действительно, классическая наука рассматривала в качестве «субстрата структуры», в основном некоторые материализованные – субстанциональные сущности. Сущности иных порядков, равно как и специфика их организации – в том числе и временная, оставались на втором плане. Вместе с тем, на определенном этапе развития представлений в данной области происходит осознание того, что, наряду с системами субстанционального типа, существуют системы временного, темпорального, диахронического типа. Они, равно как и системы субстанционального плана, также имеют структурную организацию, то есть в их основе также лежит некоторая структура, но не субстанциональная, а *временная*. В связи с этим были введены понятия временной организации, временной структуры, временной формы, диахронической структуры, темпоральной структуры. Представляется очевидным, что у временной организации, а не только у организации субстанциональной также существуют определенные – достаточно сложные и множественные закономерности [111]. В связи с этим, нами были сформулированы представления, согласно которым в ней воплощаются черты собственно системной организации. Само же функци-

онирование обретает черты временной системности, выступает как специфически системное образование [99]. На этой основе было сформулировано и положение о существовании специфического класса систем – системах *темпорального* (а не субстанционального) типа.

В этой связи напомним также об одном – необходимом в плане рассматриваемых вопросов обстоятельстве гносеологического плана, связанным с общей логикой развития не только конкретно-научных, но и философских представлений относительно принципов системной организации. Представления о временной системности и, соответственно, о существовании особого класса системных образований – темпоральных систем были первоначально сформулированы нами уже достаточно давно (см., например, работы [92, 99]). Причем, эти представления явились необходимым следствием конкретных, в том числе – и экспериментальных исследований таких важных предметов психологического изучения, как процессы принятия решения [92], интегральные процессы психической регуляции деятельности [99], а впоследствии – и деятельность в целом [111], а также сознание [103]. Вместе с тем, хотя и несколько позже, но именно к аналогичным заключениям привели и исследования собственно философского характера, выполненные, в частности, с позиций направления «философского релятивизма» [31].

Совершенно естественно, что это положение приводит к постановке целого ряда новых и очень сложных теоретических проблем общего и принципиального плана, основные из которых заключаются в следующем. Может ли быть вообще распространен сам «феномен системности», системная форма организации как таковая на столь кардинально отличающуюся от традиционных – материальных, субстанциональных систем сущность, каковой выступает время? Если нет, то почему, а, если да, то как именно? В чем заключается природа и, возможно, очень выраженная специфичность систем временного, темпорального типов? Существуют ли, и, если да, то какие именно общие и специфические особенности систем двух принципиально разных типов – субстанциональных и темпоральных? Как специфицируются по отношению ко вторым наиболее важные категории закономерностей системной организации – структурные, функциональные и генетические? Каким образом, в частности, реализуются во временных системах базовые принципы структурной организации систем в целом – иерархический и гетерархический принципы? Как эксплицируется по отношению к временным системам еще одна базовая «пара»

специфически системных категорий – категории целого и части? Как представлен феномен целостности по отношению к ним и что следует рассматривать в качестве эквивалента понятию «часть» для этих систем?

Спектр этих и подобных им по смыслу и значимости вопросов очень широк, а их анализ в целом, разумеется, выходит далеко за пределы данной работы. Вместе с тем, среди них представлен и такой, который характеризуется объективно наибольшей значимостью. Кроме того, он является и исходным, «первичным» в гносеологическом плане, поскольку многие иные вопросы, связанные с природой и организацией временных в целом и деятельности, в частности, в значительной мере производны от него. Это, разумеется, вопрос, так сказать, об «организации самой временной организации», то есть о том, как она сама построена и может ли быть по отношению к ней реализовано понятие структуры как таковое?

Действительно, согласно традиционным представлениям, вопрос о структуре чего-либо – это, в конечном счете и в наиболее простом виде всегда вопрос о том, как целое структурируется из частей, как компоненты системы организованы в ней. Само по себе это утверждение, хотя и носит предельно общий характер, является, безусловно, верным. Негативным является лишь то, что и само оно в целом, а также понятия системы и компонентов, в частности, автоматически ассоциируются с анализом, проводимом лишь так сказать в «морфологической» – материализованной плоскости, то есть по отношению к тем или иным именно субстанциональным сущностям.

Вместе с тем, не подлежит сомнению, что любая сущность (а не только субстанциональная и – тем более, морфологическая) в принципе также допускает свою декомпозицию – расчленение ее на отдельные «составляющие». Это проявляется, в частности, и в отношении принципиальной декомпозиции – квантификации временного континуума, то есть в возможности декомпозиции на компоненты также и систем временного, темпорального типа. Более того, не только в научном, но и в обыденном познании и в повседневной жизни сложился, а в естественном языке – закрепился целый ряд слов и понятий, в которых происходит такое квантование, то есть закономерное структурирование временного континуума. Это, разумеется, все так называемые «единицы измерения времени». Тем самым, казалось бы, исходная задача поиска «структурной единицы» (или – даже нескольких «единиц») временных систем решается. Однако, это, к сожалению, –

иллюзия, поскольку данное решение носит максимально возможный по степени обобщенности характер и, главное, оно неспецифично содержанию тех или иных конкретных временных систем.

В связи с этим, возникает необходимость поиска и установления своего рода «промежуточного» понятия. Оно, с одной стороны, должно обладать достаточно высокой степенью обобщенности и быть применимым по отношению к широкому классу временных систем. Однако, с другой стороны, оно должно допускать возможность его конкретизации – его так сказать свою «предметную наполняемость»: оно должно допускать его насыщение специфическим для каждой конкретной системы предметным содержанием. И, безусловно, такое понятие, точнее – целый комплекс такого рода понятий, включающий ряд сходных в функциональном отношении терминов, не только дифференцируется с достаточно высокой степенью отчетливости, но и является общепризнанным для характеристики временного «измерения» систем. Главными из них являются, как известно, понятия этапов, стадий, фаз, интервалов и т. д. развертывания того или иного процесса. Это и есть временные «единицы», средства «квантования» временного континуума в целом и временного развертывания процессов, в частности.

Вместе с тем, все эти понятия также, будучи, разумеется, необходимыми для характеристики временной организации систем, все же являются еще недостаточными для этого. Дело в том, что сама по себе временная организация, эксплицируемая через совокупность тех или иных этапов (через этапность их развертывания), фиксирует лишь конечный эффект, результативное проявление той или иной организации, в данном случае – временной. Сама же эта организация в ее собственно процессуальном выражении и в плане реализующих ее средств остается, однако, скрытой от феноменологически данной этапности. Однако именно эта организация и лежит в основе эксплицированной феноменологически этапности и проявляется в ней. Вместе с тем, она ей не является – не тождественна ей, а напротив, должна быть через нее обнаружена. Тем самым, все эти понятия, а также временная организация, эксплицируемая ими, соотносится с уровнем явления – с феноменологическим уровнем, но не с уровнем сущности, то есть не с уровнем, на котором находятся причины – детерминанты временной организации как таковой.

Следовательно, опора только на эти понятия не приводит к решению исходной задачи, хотя и способствуют ему. На уровне и в форме

последовательности этапов представлена лишь феноменологическая картина временной организации того или иного процесса, его, фактически, агрегативная характеристика. Действительно, отдельные этапы сами по себе (по определению) рядоположены друг другу во времени, а все их временное множество дает лишь агрегативное объединение – сумму их содержаний, но не выявляет эффекты их организации. В силу этого, отдельные этапы (фазы, стадии) сами по себе не могут выступать в качестве «искомых единиц», позволяющих установить качественно различные уровни и формы временной организации, хотя, повторяем, и необходимы для этого. По нашему мнению, качественные – то есть глубокие и принципиальные различия в формах, а соответственно, и в закономерностях и механизмах временной организации (и, в конечном итоге, в структуре временной системности в целом) могут быть установлены лишь принципиально иным путем. Их надо искать не внутри той или иной «единицы», а именно в их соотношениях; в тех – возможно, принципиально различных вариантах этих отношений, которые и характеризуют временную организацию, ее структуру и различия в ней. Истинная специфика временных единиц заключается в том, что они не могут быть соотнесены не только с морфологическими образованиями, но и вообще – ни с какими-либо явлениями, аспектами и пр., взятыми в отдельности друг от друга, вне соотношений между ними. Причем, реальная сложность этих «единиц» заключается еще и в том, что результативно они могут принимать форму такого рода явлений – выступать как этапы, фазы. Однако, как мы уже неоднократно отмечали, только этого недостаточно для экспликации истинного смысла и содержания каждой из них. Оно определяется не только, а зачастую даже и не столько самим их содержанием непосредственно, сколько тем, как именно они соотносятся со всеми иными этапами, как они вплетены в общую «временную сеть» (организацию) того или иного процесса.

Исходя из сказанного, нами были сформулированы представления о структурной организации темпоральных систем. Качественно различные уровни этой организации, то есть, фактически, принципиально различные формы и способы временной организации, определяются не специфичностью самих итоговых «единиц» такой организации – этапов, стадии и пр., а различиями тех отношений, которые складываются между ними. В конечном счете, сама временная организация и вообще – развертывание явления во времени (то есть процесс в строгом и непосредственном смысле данного понятия) представляет

собой совокупность, точнее – систему отношений между всеми распределенными во времени его частными проявлениями, так сказать – «парциальными актами его бытия». Сами же уровни временной организации являются производными от качественных различий в отношениях, которые в принципе могут устанавливаться и существовать между «временными частями» того или иного процесса. Исходя из этих обстоятельств методологического порядка, в работе [111] нами были сформулированы представления об инварианте структурной организации систем темпорального типа, включающего пять основных значений и, соответственно, дифференцирующих эти структуры на пять основных уровней. Их подробная характеристика, равно как и описание архитектоники временной структурности также представлена в данной работе. Важной и определяющей – атрибутивной освоенностью темпоральных структур является очень выраженная специфичность структурной организации как таковой – связей и отношении между компонентами. Они принимают здесь совершенно иной вид; это вообще заставляет поставить вопрос о том, что, возможно, наши представления о сути понятия «отношения» являются неполными и не отражающими всего разнообразия их типов.

С дополнительной остротой недостаточность традиционных представлений о сути связей и отношений проявляется в психологическом познании, поскольку такие структуры, как структура знаний, структуры опыта – вообще *ментальные* структуры не могут быть адекватно описаны и раскрыты только на их основе. Эти структуры организованы на основе таких принципов и закономерностей, которые выходят за рамки классических представлений и должны быть подвергнуты дополнительному исследованию. При этом надо быть готовым к тому, что они могут очень существенно отличаться от тех закономерностей структурной организации, которые установлены к настоящему времени. Возможно и существование таких их типов, которые являются весьма непривычными и даже непонятными и парадоксальными (см. об этом ниже). В более общем плане это же обстоятельство приводит к предположению и о возможном существовании столь же необычных и отчасти парадоксальных типов структур вообще и их свойств, в особенности. Так, например, в современной картине фундаментальных частиц материи содержится стремление представить каждую частицу как составленную из ряда других или даже из всех других частиц. Структурная картина замыкается здесь на самое себя.

В силу непривычности этой картины возникает представление о противоречии ее с классическим принципом соотношения части и целого.

Особого внимания, по нашему мнению, заслуживают структуры, объединяемые в класс *сетевых* структур. Сетевая парадигма – это философская концепция, разработанная Г. Бейтсоном [22]. Основу концепции составляет подход к миру как к открытой и децентрализованной системе взаимодействий, обладающей сетью обратных связей. Акцент ставится не на вещах, а на отношениях между ними. Идея сетевой парадигмы легла в основу теории сетевого общества, нашла отражение в диалогической философии и применяется в широком спектре наук и междисциплинарных исследований.

По нашему мнению, специального внимания заслуживает обстоятельство, согласно которому понятие сетевых структур оказалось весьма конструктивным именно по отношению к психологической проблематике в целом и к когнитивным, знаниевым структурам, в особенности. Это вполне закономерно, поскольку именно последние характеризуются существенно большей сложностью, нежели многие иные структуры и предполагают необходимость в целях их раскрытия обращение к нетрадиционным типам и классам структур. Так, в частности, данное обстоятельство нашло конструктивную реализацию в работе [71], где оно было применено по отношению к проблеме организации психологических понятий. Было показано, что «сеть современных понятий – новый этап развития методологии понятийных полей, характеризующийся сетевым принципом их организации, иным типом построения понятий, нарастающей сложностью, динамичностью, латентностью, антиномичностью. Развито положение, согласно которому «современные понятия суть аккумулярованные понятийные структуры психологической науки, которые в разной степени становятся латентными, обобщенными, создавая сложные конгломераты в виде интегративных понятий и междисциплинарных комплексов» [71].

Наибольшее влияние в настоящее время приобрела модель сетевой организации Дж. Чью на основе теории «бутстрапа» (англ. bootstrap – самонастройка, самосогласование) [263]. Основная идея состоит в том, что существует «динамическая паутина взаимосвязанных событий, где свойства любой части вытекают из свойства других частей, а общая согласованность их взаимосвязей определяет структуру всей сети» [71]. Сетевая структура должна обладать децентрализованностью и связностью. В отличие от сетевой структуры, иерархические имеют не только

горизонтальные, но и вертикальные связи. Однако и сети могут быть как плоскими (горизонтальными), так и объемными (сети с вертикальным измерением). Основное свойство сети – самосохранение и самовосстановление. Оба типа структур – иерархические и сетевые – имеют и позитивные, и негативные стороны. Так, сетевая организация отличается худшей управляемостью, медленным принятием решений (по пути консенсуса), недостаточной планомерностью развития. Иерархия отличается меньшей чувствительностью к воздействиям, недостаточной гибкостью. Иерархии более уязвимы при утрате центрального управляющего звена, их функциональность в отличие от функциональности сетей разрушается. Сетевым структурам свойственна гибкость (адаптивность), широта охвата тем и проблем, способность преодолевать границы. Наряду с отмеченными характеристиками многие сети отличаются автомодельными (фрактальными) свойствами; это «означает, что часть сети также является сетью. Иначе говоря, сеть представляет собой многоуровневую структуру: она состоит из более мелких сетей и, в свою очередь, может быть частью еще более крупной сети» [71]. Сетевой принцип проявляется в одновременном выполнении многих функций несколькими структурами мозга, объединенными в сети, и несколькими сетями. В качестве примера можно привести ретикулярную формацию, регулирующую уровень эрраузала, сон, бодрствование, тонус всей нервной системы, включая активность коры полушарий большого мозга. Как отмечается в [71], «Мозгу чужда авторитарность, и нижестоящие уровни не нуждаются в разрешении вышестоящих для осуществления самых разнообразных процессов. Так, немало внутримозговых путей передачи информации пролегают в обход лобных долей [9]. Все сказанное выше означает сочетание и сопряжение иерархической организации с сетевой, которое можно обозначить как объемная сетевая структура [71]. Важнейшим компонентом, выполняющим структурную, интегративную, защитную, коммуникативную и синхронизирующую функции, является матрикс сетевой структуры. Матрикс имеет материальную (структуры, принадлежащие не отдельным элементам, а целой системе) и нематериальную (социальные нормы, правила поведения элементов) составляющие. Понятие матрикса использовалось также в интегративной психологии, где в базовую сеть (master matrix) были включены сто психологических теорий сознания [255].

В анализе, проведенном в [71], метапонятиями, или гиперсетями, выступают индивидуальный и коллективный субъект, с которыми все

понятия (узлы) образуют эксплицированные авторами взаимосвязи. Сами узлы, как мы уже отмечали, включают встроенные сети. Например, понятие самоутверждение включает встроенные сети самопредъявления, самораскрытия, самовыражения, самоопределения, самореализации, самоактуализации, эго-идентичности, самопонимания, самооценки; включает также модель психического, интеллект, креативность, мотивацию, регуляцию, когнитивные контроли, ментальный опыт и др., необходимые для самоутверждения, но имеющие разную «силу» связей с данным понятийным узлом.

Отметим также, что в ряде случаев имеет место противопоставление сетевой парадигмы системному подходу. Так, иногда утверждается, что системная парадигма уходит в прошлое, тогда как будущее науки связана с сетевым подходом. Автор считает, что «системный подход сыграл интегрирующую роль и был эффективен продолжительное время, когда представление об иерархии уровней организации знаний имело консолидирующее значение. Однако при интерпретации «равновеликих» феноменов требовалось иное представление о типе связи», что обусловило смену системной парадигмы на сетевую. М. С. Гусельцева приводит суждение о преимуществах сетевой парадигмы над системной: «В отличие от однородной, правильно организованной системы для сетевого образования характерны, напротив, неоднородность, неправильность, асимметрия, сложность, динамическая картина сгущений и разряжений, что свойственно живым явлениям и процессам» (по [71]). Однако, как подчеркивается там же, «Хотелось бы возразить авторам подобных представлений. Во-первых, провозглашение сетевого принципа означает интеркоммуникацию и межпарадигмальность понятий из разных подходов. Во-вторых, никакой симметрии в системной организации не существует, она состоит из неоднородных элементов, а ее составляющие обладают постоянной динамикой, изменяя свои относительные «веса» и характер связей. Кроме того, принцип иерархии дополнен принципом гетерархии. Это означает дополнение принципа иерархической вертикали и признание возможности сосуществования феноменов разной сложности по горизонтали. Рассмотрим подробнее соотношение между системным и сетевым принципами. Сетевой подход в определении Т. В. Зеленовой фокусируется в большей степени на отношениях между компонентами сложных систем, где не выделяются фундаментальные элементы, центр тяжести переносится на их взаимодействие и взаимо-

зависимость. Автор пишет: «Концепция сети не исключает существования различных системных уровней, однако ни один из этих уровней не может быть первичным или вторичным – каждый из них имеет самостоятельное значение и роль в общей организации сети» [71].

Далее, особого внимания, по нашему мнению, заслуживает дифференциация всех типов структур на два макрокласса – субстанциональные (материализованные) и *информационные*, к числу которых относятся, в частности, и многие структуры психологического плана в целом и когнитивного, в особенности. Их яркой и даже уникальной особенностью является то, что по отношению к ним могут и не выполняться известные законы сохранения, предписывающие, что «целое всегда больше своих частей», что целое состоит из частей, что сумма частей – это и есть целое, что часть всегда проще, нежели целое и пр. Все это справедливо лишь для одного, хотя и очень важного типа структурирования – для отношений типа *включения* (частей в целое). Однако, по отношению к структурам информационного типа в целом и к идеальным структурам, в особенности (составляющими основную часть всех психических структур) эти отношения могут становиться принципиально другими и даже во многом инверсионными. Часть может быть не только не проще целого, но и сложнее него. Наиболее очевидной иллюстрацией этого является, например, соотношение личности как члена группы (части целого) и самой этой группы (всего целого). Совершенно очевидно, что первая практически по всем основным атрибутам и во всех планах выступает существенно более сложно-организованной сущностью, нежели вторая. С этих позиций выявляется и то обстоятельство, что часть может включать целое в себя, хотя, конечно, не морфологически, субстанционально, а функционально. Конкретным по содержанию, хотя и достаточно общим по смыслу и области действия средством такого включения является, как известно, фундаментальный феномен (точнее, по-видимому, механизм) *мультиплицирования*. В результате этого, складывается особый, качественно специфический класс систем и, соответственно, лежащих в их основе структур – системы со «встроенным» метасистемным уровнем. Психика в целом, равно как ее основные «составляющие» является наиболее демонстративным представителем данного класса систем. Однако, реальное содержание данного класса существенно шире, поскольку в него включается подавляющее большинство разновидностей всего макрокласса систем информационного, знаниевого

типа. Уникальной особенностью этих систем является то, что они об-ладают безграничными возможностями рекурсивного вложения своих более обобщенных компонентов в свои же локальные составляющие, в результате чего вторые «окрашиваются» содержанием первых; начи-нают выступать носителями их содержания, а не только содержания, атрибутивно присущего им самим. Любая часть целого по отношению к ним может выступать носителем содержания всего целого. Следу-ет иметь ввиду, что по отношению к этим структурам с наибольшей полнотой проявляется и фундаментальный принцип голографичности, который пока явно не в полной степени ассимилирован психологиче-ским познанием [327].

Кроме того, с этих позиций существенно по-новому раскрывает-ся понятие системы как таковое – в особенности, то, из чего именно она состоит. Действительно, общесистемный уровень организации, на котором представлена не какая-либо гносеологическая декомпози-ция целостности, а сама она в ее онтологическом статусе – в реальном и ненарушенным познавательными процедурами виде, включает в себя не только ее *внутреннее* содержание, но и эффекты ее взаимодействия с более общими целостностями – с метасистемами¹⁵. Поэтому сложные системы не могут быть поняты лишь как продукты так сказать интегра-ции «внутреннего»; они выступают как продукты интеграции и «внеш-него». Причиной этого является то, что само «внешнее» функционально представлено в составе той интеграции, которая и лежит в основе фор-мирования систем. Понятно, что данный вывод и такая – существен-но скорректированная трактовка категории системы в целом несколько нетрадиционна. Вместе с тем, она непосредственно – естественным образом вытекает из представленных выше материалов и существен-но расширяет представления об интегративных механизмах, лежащих в основе системообразования. Система – продукт интеграции не только «внутреннего», но и «внешнего». Складывается ситуация, при которой само «внешнее» оказывается функционально представленным в соста-ве «внутреннего»; оно включается в функционирование систем как его собственная «составляющая». Повторяем, что это – казалось бы, сугу-бо методологическое положение находят яркое и очевидное проявление

---

¹⁵ Такого рода эффекты уже были констатированы выше по отношению к де-ятельности: это – метакомпетенции (soft-skills), которые органично включаются в состав и содержание функционирования самой системы компетенций.

именно в анализе деятельности. Оно заключается в несомненном факте включенности в общий состав компетенций и, следовательно, в структуру компетентности как системного образования и как важнейшей «составляющей» деятельности в целом. Ниже – в главе 3 мы возвратимся к рассмотрению данного вопроса, поскольку он непосредственно сопряжен с разработанными нами ранее представлениями о качественно специфическом классе систем со «встроенным» метасистемным уровнем, которые, в свою очередь, составят методологическую основу для исследования метакогнитивной сферы личности как регулятора деятельности информационного типа.

Далее, в этом же ряду – в совокупности структур нетрадиционных типов должны быть отмечены и иные их разновидности. Это, прежде всего, следующие типы систем и, соответственно, лежащих в их основе структур: структуры диссипативного, наложенного, производного (вторичного) типа; структуры с переменным составом; структуры частичного членства; структуры, лежащие в основе популяционных и распределенных систем и др.

Так, *диссипативная* система (или диссипативная структура, от лат. *dissipatio* – «рассеиваю, разрушаю», термин введен И. Пригожиным) в строгом смысле – это открытая система, которая функционирует вдали от термодинамического равновесия. Иными словами, это устойчивое состояние, возникающее в неравновесной среде при условии диссипации (рассеивания) энергии, которая поступает извне. Диссипативная система иногда называется еще стационарной открытой системой или неравновесной открытой системой. Термин диссипативной системы имеет и нестрогий – скорее, метафорический, но весьма конструктивный смысл, состоящий в том, что в нем зафиксирована способность систем к спонтанным появлениям сложной, зачастую хаотичной структуры, что обуславливает их генеративные потенции. Последние исследования в области диссипативных структур позволяют делать вывод о том, что процесс самоорганизации происходит гораздо быстрее при наличии в системе внешних и внутренних шумов. Таким образом, шумовые эффекты приводят к ускорению процесса самоорганизации.

Распределенная система – система, для которой отношения местоположений элементов (или групп элементов) играют существенную роль с точки зрения функционирования системы, а следовательно, и с точки зрения анализа и синтеза системы. Для них характерно

распределение функций и ресурсов между множеством элементов (узлов) и отсутствие единого управляющего центра, поэтому выход из строя одного из узлов не приводит к полной остановке всей системы. Типичной распределённой системой является Интернет.

Важной разновидностью представляется и системы с *переменной* структурой (СПС) – нелинейные системы автоматического управления, состоящие из совокупности подсистем (называемых структурами) с определенным правилом перехода в процессе функционирования от одной структуры данной совокупности к другой. В СПС устройство управления содержит ключевые элементы, которые разрывают или восстанавливают связи между функциональными элементами системы, изменяя тем самым каналы передачи воздействий и обеспечивая переход от одной структуры системы к другой.

Обратим внимание на то, что проводимый здесь анализ логически привел к необходимости обращения к таким типам структур, которые составляют основной предмет рассмотрения в синергетике [258]. Это вполне естественно, поскольку именно в ней данная проблема повергнута наиболее глубокому исследованию, а в итоге этого не только были установлены принципиально новые типы структур, но и выявлены дополнительные, неизвестные ранее механизмы структурообразования как такового. Не имея, разумеется, возможности останавливаться на этих представлениях в целом, подчеркнем лишь некоторые – важные с точки зрения основных задач данной работы обстоятельства, связанные с синергетическим подходом к понятию структуры. Во-первых, это, естественно, то, что в ее рамках, как отмечалось, удалось установить новые типы структур и дать им интерпретацию с позиций постнеклассической науки. Во-вторых, были выявлены и новые механизмы самого структурообразования как частного случая организации в целом (но не как результата, а именно как процесса и даже механизма). Главным из них является то, что с известной долей метафоричности обозначается как «возникновение порядка из хаоса». Это – процесс самоорганизации, под которым понимается возникновение макроскопически упорядоченных пространственно-временных структур в сложных нелинейных системах, находящихся в далеких от равновесия состояниях, вблизи особых критических точек – точек бифуркации, в окрестности которых поведение системы становится неустойчивым. Последнее означает, что в этих точках система под воздействием самых незначительных воздействий, или флуктуаций, может резко изменить свое состояние. Этот переход

и представляет возникновение порядка из хаоса. Одновременно происходит переосмысление концепции хаоса, вводится понятие динамического (или детерминированного) хаоса как некой сверхсложной упорядоченности, существующей неявно, потенциально, и могущей проявиться в огромном многообразии упорядоченных структур.

Вместе с тем, подчеркнем еще раз: даже эта – существенно более богатая совокупность типов структур также не может и не должна рассматриваться как окончательная; напротив, она принципиально открыта для экспликации новых их типов. Причем, очень показательно, что в свете сказанного появляются основания для того, чтобы определить своего рода «подсказку» относительно направления их поиска. По-видимому, этот поиск должен осуществляться в направлении углубления представлений о *постсистемных* формах организации – в том числе, и структурной. Именно постсистемные объекты в целом и их собственно психологические разновидности могут выступать носителями таких новых – неклассических типов структур. Не исключено также, что именно к какому-либо из них как раз и будет относиться структурная организация метакогнитивной сферы личности.

Важной и, по существу, определяющей, хотя и достаточно имплицитной и обычно не подвергающейся должной методологической рефлексии, особенностью понятия структуры является, как отмечалось, его соотношение с фундаментальным понятием содержания. Для того, чтобы эксплицировать суть данной связи и, соответственно, – проблемы, которая формулируется в связи с этим, целесообразно прибегнуть к следующей аналогии. Известно, что в методологии системности разработан целый ряд вариантов представленных в различных подходах – системно-структурный, системно-функциональный, системно-субъектный. Вместе с тем, существует закономерность, согласно которой конструктивность этих вариантов в очень существенной степени зависит от того, насколько они учитывают не только формально-системные закономерности и системные инварианты организации, а собственно *содержательные* особенности систем. В связи с этим, нами был сформулирован и развит тезис, согласно которому наиболее конструктивным вариантом принципа системности является именно *системно-содержательный* подход. Однако, аналогичная ситуация прослеживается не только в отношении понятия системы (и подходов к ее изучению), но и в отношении понятия структуры. Действительно, чем более глубоким является структурное исследование, тем

в большей степени оно ассимилирует не только собственно структурные инварианты организации, но и содержательные особенности и закономерности исследуемых объектов. Более того, еще существеннее так сказать «обратное движение», состоящее в том, что чем более глубоким и полным является содержательное раскрытие исследуемых объектов, тем более богатыми и диверсифицированными становятся и представления о видах и типах, классах и формах структурной организации. Можно видеть, что представления о структуре развиваются вслед за развитием представлением о содержании самих исследуемых объектов, вслед за развитием знаний о них как таковыми. Поэтому не только не исключено, но, напротив, весьма вероятно, что дальнейшее развитие представлений о базовых закономерностях объектов будет приводить к установлению все новых и все более сложных и необычных типов структур.

Напомним, что к аналогичному предположению уже привел проведенный нами анализ в той его части, в которой, наряду с системами и структурами субстанционального типа, были зафиксированы структуры темпорального типа, а также информационные – знаниевые и идеальные структуры. Принципиальность данного положения состоит в двух основных обстоятельствах. Во-первых, в связи с ним со всей остротой встает проблема соотношения *инвариантного-вариативного* в понятии структуры, проблема приоритетов между ними. Она может быть сформулирована следующим образом: являются ли структурные инварианты доминирующими в организации объектов, или же эта организация сама детерминирована в каждом случае объектно-специфическими и потому – принципиально вариативными закономерностями? Если справедлива второй вариант ответа, то возникает вопрос о конструктивности и вообще о необходимости понятия структуры как носителя инвариантов организации как таковой. По-видимому, данный вопрос, как и любой иной вопрос столь огромной степени сложности не допускает упрощенного рашения оп типу «или-или», а может быть решен лишь на основе принципа дополнительности, то есть по тип «и-и». Во-вторых, со всей очевидностью эксплицируется и еще более значимое обстоятельство, состоящее в следующем. Поскольку представления о «мире структур» развиваются вслед за развитием представлений о «мире объектов» познания (практически во всех дисциплинах), то и понятие структуры, равно как и его дифференциация на типы и виды, также будет под-

вергаться дальнейшему *углублению* и расширению. В связи с этим не только не следует, но и недопустимо накладывать какие-то априорные ограничения на содержание понятия структуры представления об их типах. Напротив, следует принять установку на то, что уже имеющиеся представления не только не полны, но и не должны быть полными на каждом конкретном этапе познания. Они должны быть принципиально открытыми, что, свою очередь, вновь приводит к предположению о существовании новых и, возможно, достаточно нетрадиционных типах структур. Подчеркнем также, что с наибольшей вероятностью они могут быть обнаружены при исследовании таких объектов и в таких сферах познания, которые характеризуются наибольшей сложностью. К ним как раз и относится, в первую очередь, сфера психологической проблематики, предметы психологического исследования в целом и проблематика сознания, в особенности. В этой связи можно предположить, что не только привлечение данных о понятии структуры может способствовать разработке психологической проблематики, но и наоборот – сама эта проблематика, развиваясь и приводя ко все новым данным содержательного плана, также может способствовать развитию представлений о понятии структуры и ее типах. Психологическое познание выступает уже не только как сфера исследований структурной организации, но и как *метод* раскрытия понятия структуры, как «локомотив» развития представлений в данной области.

В связи с этим, вполне закономерно, что именно разработка психологической проблематики либо непосредственно привела к установлению новых, причем – весьма необычных проявлений структурной организации, либо значимо содействовала этому. Данное обстоятельство весьма отчетливо проявляется, например, в необходимости обращения исследователей, работающих в ее русле, к понятию гетерархических структур, к понятию гетерархии. Оно используется для обозначения систем, образованных пересекающимися, разнообразными и одновременно сосуществующими структурами управления. Это – системы, управляемые из нескольких паритетных центров одновременно. Термин введен в работе У. Маккаллока «Гетерархия ценностей, обусловленная топологией нервных сетей» [373]. Он показал, что мозг, будучи достаточно упорядоченным, все же не организован иерархически. Примером гетерархической концептуализации являются и взгляды Ж. Делеза о детерриторизации и теле без органов [61].

В связи с понятием гетерархических структур возникает острое противоречие, даже – антагонизм между двумя несовместимыми (по крайней мере, с точки зрения формальной логики) принципами – иерархическим и гетерархическим. Традиционные варианты системного подхода оставляют необъясненным и непонятным то, как конкретно два взаимоисключающих даже с логической точки зрения принципа могут быть объединены в рамках одной и той же системы? Как они вообще могут «уживаться» друг с другом? Как одна и та же система предполагает в своей организации существование (и, более того, достаточно эффективное сосуществование) таких «организационных средств», которые, фактически, взаимоотрицают друг друга? Это – реальное и фундаментальное противоречие, а одновременно и одна из наиболее принципиальных трудностей теоретико-методологического плана, к которым привела логика развития системного подхода в целом и его реализации в психологических исследованиях, в особенности. Оно в дальнейшем также должно составить поэтому предмет специального рассмотрения.

Итак, можно видеть, что анализ рассмотренной особенности, равно как и других – также проанализированных основных атрибутов понятия структуры собственной логикой непосредственно приводит к еще одной – также гносеологической по сути проблеме, связанной с этим понятием, но имеющей и выраженное психологическое содержание. Она в общем виде была сформулирована в уже отмеченном выше направлении конструктивизма (равно, как и в некоторых иных гносеологических подходах) и состоит в следующем. Либо то или иное понятие является следствием – результатом объективного положения вещей, то есть содержания объекта познания и адекватно отображает его сущность, содержание. Либо же сам этот объект порождается как таковой – как нечто, выступающее следствием познания и самой его процедуры и, соответственно, обусловлен и ее субъектом – самим познающим и спецификой «органа познания» – психики. Либо объект *отображается*, либо он *порождается*. Либо представления о структурной организации являются следствием познавательных процедур, раскрывающих и объясняющих объективное содержание познаваемого. Либо сама психика «проецирует» на объективную реальность свои собственные базовые закономерности – прежде всего, структурные и конструирует – порождает реальность в соответствии с тем, как она сама организована (а организована она именно в соответствии с принципами и максима-

ми системно-структурного типа). Другими словами, собственно философское осмысление данного понятия, углубление этих представлений в целом на уровне философского рассмотрения с необходимостью ставит вопросы уже не онтологического и даже не гносеологического, а скорее эпистемологического характера, которые, в свою очередь, тесно сопряжены с закономерностями и атрибутами – с механизмами, локализованными на уровне собственно психологической проблематики. Понятие структуры гносеологизируется и эпистемологизируется, приводя к необходимости его рассмотрения в собственно психологическом плане. В наиболее принципиальном виде основной из возникающих при этом вопросов, повторяем, заключается в уже отмеченной альтернативе. Либо понятие структуры является результатом познания и следствием отражения психикой объективной реальности, представленной в ее организационном – структурном измерении. Либо эта реальность так организуется самой психикой – структурируется и потому в значительной степени конструируется ей, как это обусловлено ее собственными базовыми механизмами и принципами организации в целом, ее собственной структурной организацией. Во втором варианте структурирование реальности выступает уже не только и не столько как результат познания и его завершающая фаза, а как принцип отображения психикой реальности, как та «когнитивная рамка», которая накладывается на ее познание и моделирует саму отображаемую реальность. В этом, повторяем, заложено глубокое подобие данного понятия с известными априорными категориями И. Канта.

В связи с этим возникает, однако, еще более имплицитный и головоломно сложный вопрос: почему, собственно говоря, это возможно и необходимо? Прочему процедура структурирования реальности и ее результат – понятие структуры так выражено и характерно для познания и психической организации в целом? Есть основания считать, что конечная причина этого состоит в том, что сам «орган познания» – психика также основывается на базовых механизмах и принципах структурного типа. Следовательно, она познает – отображает внешнюю, объективную реальность по своему «образу и подобию». Если бы психика не была организована на основе базовых принципов системно-структурного типа, если бы она не была структурно-организованным образованием, то, по-видимому, и способы отображения ей и в ней объективной реальности были не такими, какими они есть – не структурными, а иными. Впрочем, это старая и традиционная про-

блема, суть которой можно сформулировать так. Либо психика в своей организации адекватно *отражает* совокупность качественных «измерений» объективной реальности? Либо она *порождает* эти «измерения» – именно потому, что они составляют суть и содержание ее собственных закономерностей?

В наиболее общем и принципиальном плане данная проблема органично сопряжена с известной гносеологической дихотомией на две основные парадигмы понимания природы и генезиса психического. Их условно можно обозначить как парадигму *отражения* и парадигму *порождения*. К первой относятся все подходы, признающие, так сказать, вторичность и производность психического по отношению к не-психическому, а также воспроизведение второго в первом в возможно более адекватном виде. Ко второй относятся подходы, ставящие во главу угла генеративные, конструктивные средства конституирования субъективной реальности. Кроме того, если первая парадигма, признавая, разумеется, важную роль активности субъекта в порождении психического, все же отдает приоритет внешним воздействиям (как объективным), то вторая отдает приоритет внутренним источникам порождения психического, факторам субъективного плана. Наиболее полное воплощение она получила в экологическом подходе Дж. Гибсона, базирующемся на ключевом понятии аффордансов [52]¹⁶.

В еще более общем – гносеологическом плане данная парадигма основывается на одном из важных философских направлений – кон-

---

¹⁶ Неологизм *affordance* (аффорданс) происходит от глагола *afford* – предоставлять, разрешать. Аффордансы – это то, что окружающий мир предоставляет, разрешает совершить индивиду. Индивид соотносится не с миром, описываемым в физических терминах, а с экологическим миром. Он трактуется как набор аффордансов, являющийся видо-специфическим. В этом плане данный подход восходит к известной и более общей парадигме активности; один из основных ее тезисов состоит в том, из среды активно «отбирается» индивидом то, что может быть использовано для достижения цели. Как полагал в свое время J. von Uexkull (по [130]), число объектов, которые может различить индивид, равно числу функций, которые он может реализовать. Анализ среды как обеспечивающей активность индивида в ней, дан в теории аффордансов. Описание экологического мира определяется тем, какие акты в нем может совершить индивид. Понятие аффордансов подразумевает взаимодополнительность мира и индивида. Дж. Гибсон отмечает, что понимает под ним «нечто, относящееся одновременно и к окружающему миру, и к животному таким образом, который не передается ни одним из существующих терминов» [52].

структивизме¹⁷. В своем относительно наиболее простом и одно- временно – показательном виде она представлена уже на сенсорном уровне, а ее сущность состоит в кардинальном несовпадении субъективного содержания ощущений и объективного содержания того, что в них репрезентировано. Аналогичным образом, однако, дело обстоит и по отношению к концептуальному уровню – в том числе, и по отношению к основным познавательным категориям в целом и к понятию, структуры, а также к структурированию как когнитивной операции, в частности. В какой мере они, действительно, отображают реальное содержание объективной реальности, а не порождают эту реальность – в том виде, в каком она и дана субъекту познания, то есть образует саму субъектную реальность? Насколько структурирование мира как таковое содействует его объективной сути и действительному содержанию? Не попадает ли субъект вследствие этой операции в плен когнитивным абберациям, приводящим к тому, что он уже исходно не вполне адекватно отображает внешний мир? Насколько дифференцируемые вследствие структурирования «единицы» презентации внешнего мира и сама эта дифференциация соответствуют реальности? Вообще – насколько необходима и действенна такая дифференциация и структурирование среды как таковое? Не приходится ли платить за это утратой целостности восприятия внешнего мира? Какова обратная сторона этой способности и, возможно, заложенные в ней принципиальные ограничения? И здесь вновь можно прибегнуть к аналогии сказанного с отмеченным выше кардинальным несовпадением субъективного содержания ощущений и объективного содержания того, что в них репрезентировано. В более общем плане это же имеет место и в плане «трудной проблемы сознания» – соотношения «квалиа» и содержания того, что лежит в основе его порождения – объективной реальности [297].

Другими словами, принципиально сходным образом обстоит дело и на концептуальном, а не только на сенсорном уровне – по отношению к понятиям как когнитивным средствам. Действительно, с одной

---

¹⁷ Как отмечалось выше, конструктивизм представляет собой подход, согласно которому всякая познавательная деятельность является конструированием; это альтернатива эпистемологическому реализму, базирующемуся на постулате объективности и самодостаточности познаваемого. Базовым тезисом конструктивизма является положение, что реальность не отражается и не репрезентуется языком и сознанием, а создается в процессе наблюдения или познания (по [125]).

стороны, существует *понятие* структуры как то, что репрезентирует в субъективной реальности некоторую объективно представленную реальность. С другой стороны, существует сама эта *реальность*. Но насколько они идентичны по своему качеству – содержанию и насколько второе отображает первое? Не находятся ли они в таких же отношениях, как субъективное содержание ощущений и объективное содержание физических раздражителей, как отношение «квалиа» и содержания объективной реальности, то есть не в отношениях тождества, а в отношениях *сигнальности*.

В этих отношениях сенсорная модальность вовсе не воспроизводит внешний стимул, а кодирует его, трансформируя в совершенно иное качество по сравнению с его объективом содержанием. Аналогично сказанному, создаваемые в результате познавательной процедуры структурирования *представления* о структуре, закрепляемые и обобщаемые затем в понятии структуры, и само структурируемое – это разные вещи, а вопрос, в каких отношениях они находятся, представляет собой острую гносеологическую проблему. Ее сложность связана и с еще одним обстоятельством принципиального плана и психологического содержания. Действительно, любое структурирование – это с необходимостью упрощение, а лежащая в его основе операция структурирования – это операция аналитического типа. Она объективно приводит к схематизации отображаемых целостностей, к выделению ее аспектов и поэтому к потере части содержания самого отображаемого. Однако, это – необходимая плата за реализуемость самого познания. Без этого – структурирования, а значит упрощения познание невозможно (не случайно поэтому анализ как когнитивная операция является и основной и исходной когнитивной операцией), а с ним оно по необходимости обретает упрощенный и вообще – не вполне адекватный объективной реальности характер. В действительности, любой отображаемый объект имеет собственное содержание, включающее определенную организацию. Но вот то, каким образом вся полнота этой организации будет отображаться субъектом, зависит, в основном, уже от него самого. Зависимость же эта, как показано выше, носит характер упрощения и схематизации и значит таит в себе возможность аберраций и ошибок. Любое структурирование – это потери содержания и организации истинной качественной определенности и всей многогранности отображаемого объекта. Но в таком случае возникает вопрос – насколько они велики и принципиальны?

Не попадает ли субъект за счет самой этой операции в плен когнитивных аберраций? Является ли вообще структурирование адекватным средством отображения объектов в их целостности и «ненарушенности»? В этом плане очень глубокой является, по нашему мнению, известная мысль У. Джемса относительно сути аналитических процедур в целом и попыток дифференциации тех или иных единиц как аналитических средств. «Традиционные психологи рассуждают подобно тому, кто стал бы утверждать, что река состоит из бочек, ведер, кварт, ложек и других определенных мерок воды» [65]. В данной связи уместно привлечь известное в гносеологии правило, согласно которому вопросы такой степени сложности и такого общего характера не могут и не должны решаться по принципу «или–или». Они допускает свое решение лишь на основе принципа «и–и», то есть с позиций принципа дополнительности.

Кроме того, следует отметить и то, что само понятие структуры раскрывается и как следствие базовой способности психики к структурированию реальности, в основе которой лежит еще более имплицитный механизм. Действительно, «единицей» структуры, как известно, является отношение между объектами. Однако именно установление отношений как таковых и лежащая в его основе операция *сравнения* как наиболее фундаментальная из всех когнитивных операций как раз и находится в ее собственном основании. Выделяя отношения посредством сравнения, познающий субъект конституирует и конструирует сами объекты познания, а затем и их структуру посредством синтезов ряда отношений. Уже способность человека представлять и/или выделять из окружающей среды несколько объектов в виде одной совокупности предполагает наличие между объектами связей (взаимодействий), которые он способен заметить (при помощи органов чувств или приборов). Эта когнитивная активность по объединению объектов на основе обнаружения у них неких общих характеристик порождает новый мыслительный объект, который обозначается понятием множества, включающего несколько объектов, объединенных, во-первых, хронологически, а, во-вторых, хотя бы одним общим признаком.

В связи с этим, можно сформулировать следующее предположение, объясняющее, почему именно эта операция является основной и фундаментальной когнитивной операцией. Дело в том, что лишь на основе выделения в среде, как минимум, двух единиц, двух сущностей и постановки их в соотношение друг с другом (то есть установ-

ления отношения между ними) становится принципиально возможным конституирование содержания каждого из них – его репрезентация и оценка. Последнее объясняется тем, что сама оценка возможна лишь как принципиально *относительная*, релятивная (что в наиболее общем плане отражено в известном тезисе, согласно которому любое познание, любая истина относительна). Они, однако, относительны не только по результату, но и по *процессу*, который и состоит в установлении отношений и их последующей репрезентации. Следовательно, именно построение отношений является базовым механизмом не только структурирования, но и когниции, а шире – и отображения объективной реальности. Чем более представлена эта способность, то есть чем в более дифференцированной и расчлененной форме психика репрезентирует реальность, чем большее количество отношений она генерирует и порождает, тем выше ее возможности. Однако то же самое относится и к репрезентации собственного содержания – к самопрезентации. Чем большее количество отношений между компонентами «внутреннего мира» репрезентируются психикой в самой себе, тем выше ее сложность – ее собственное внутреннее разнообразие как предпосылка для ее эффективности.

Тем самым, операция построения отношений выступает не только как базовый механизм структурирования реальности, но и как основной механизм репрезентации психикой внешней среды, а также аналогичный важнейший механизм конституирования внутренней среды и ее репрезентации на уровне сознания. Данное обстоятельство вновь демонстрирует доминирующий вектор развития представлений о структуре – от философии к психологии. Вторая же вновь эксплицирует свою эвристическую функцию по отношению к развитию представлений о структуре в самой философии.

Далее, в связи со сказанным следует констатировать и определенную *противоположность* логики и последовательности развертывания процедуры структурирования целостных объектов, имеющей место в индивидуальном познании, с одной стороны, и в научном познании, с другой. Так, трудно не видеть того обстоятельства, что в научном познании эта логика развертывается, прежде всего, от *частей к целому*, в направлении конструирования структуры, ее распознавания. Это – создание некоторой гносеологической конструкции на основе уже выделенных на предыдущих этапах познания единиц целого, что, в свою очередь, является итогом аналитической фазы

исследования. Это – путь восхождения к целостности. В индивидуальном познании имеет место противоположная направленность его развертывания. Субъект контактирует исходно отнюдь не с расчлененным, а с целостным объектом. Его структура, хотя уже и представлена в нем, точнее, в его содержании, но отнюдь не представлена как то, что надо реконструировать на основе элементов этой структуры. Наоборот, целое не конструируется из них, а само вначале подлежит дифференциации – причем, отнюдь не до уровня отдельных единиц этого целого, а принципиально иначе. Объект дифференцируется лишь в той степени и на единицы такой дробности, которые *достаточны* для субъекта познания. Эта дифференциация развертывается по направлению выделения все более дробных единиц, а начинается с разделения целого на относительно крупные фрагменты. Индивидуальное познание исходно *синкретично*, тогда как научное столь же *аналитично* и по своей сути и по логике развертывания. Данное обстоятельство необходимо учитывать при раскрытии психологической природы и конкретных механизмов операции структурирования и понятия структуры как концептуального средства.

При анализе понятия структуры в его психологическом аспекте следует дифференцировать два очень разных методологических подхода к анализу сложноорганизованных целостностей. Это необходимо и потому, что само их существование, как правило, просто не рефлексировано, а вопрос о них и об их правомерности не ставится. С одной стороны, это, конечно, наиболее традиционный подход, лежащий в основе методологии структурного анализа сложных объектов и, прежде всего, образований собственно системного типа, который можно обозначить как *морфологический*. Он направлен на выявление, обоснование и последующую характеристику именно онтологически представленных – субстанционально оформленных «единиц» целого. К сходным выводам привела логика развития представлений такой – казалось бы, далекой от психологии области исследований, как физика элементарных частиц. Действительно, как отмечалось, в современной структурной картине фундаментальных частиц материи содержится стремление представить каждую частицу как составленную из ряда других или даже из всех др. частиц. Структурная картина замыкается здесь на самое себя. В силу непривычности этой картины возникает представление о противоречии ее с классическим принципом соотношения части и целого (системы, объекта). Он, собственно говоря,

во многом вообще отражает и воплощает наиболее фундаментальный и в чем-то даже архетипический способ познания целого – стремление понять «из чего оно состоит». Дифференцируемые в его результате части трактуются при этом как то, из чего он состоит. Их суперпозиция – организация, интеграция и пр. как раз и дает в итоге самое целое.

С другой стороны, это так называемый *параметрический* подход, согласно которому в основе анализа сложного целого лежит установка уже не на выявление его онтологических, субстанциональных «единиц», а на экспликацию его основных свойств, проявлений, качеств (см. обзор в [260]). Это те параметры, которыми оно обладает – характеризуется и, соответственно, может быть описано, а затем изучено и объяснено. Понятно, что в наиболее общем и принципиальном плане данный способ во многом просто эквивалентен идеологии *качественного* анализа как такового, выступает его важнейшей формой. Он играет очень большую и даже – определяющую роль в научном познании в целом и в психологическом познании, в особенности. Подчеркнем, однако, что по своему «духу» и по своему смыслу данный подход не только не тождественен первому, но и во многом противоположен ему. Он носит уже не онтологический – субстанциональный и потому «морфологический», а исходно феноменологический и, в силу этого, гносеологический, оценочный характер. Устанавливаемые в его результате параметры «целого» – иначе говоря, его качественные проявления, «измерения» вовсе не являются онтологически представленными сущностями. Исходное анализируемое целое отнюдь не состоит из них, а описывается ими; оно эксплицируется в них, а затем *через* них познается и объясняется. Качества целого – это вовсе не его структурные единицы, а именно его параметры – проявления, индикаторы. Разумеется, данный подход также не только возможен как средство анализа, но и составляет один из базовых методологических макроподходов. Именно он, как уже отмечалось, лежит в основе методологии качественного анализа, являющейся основой и для самого системного подхода.

Таким образом, можно видеть, что существуют, как минимум, два основных методологических подхода к анализу сложного целого. Причем, оба они совершенно оправданы и очень конструктивны, являясь мощными гносеологическими средствами. Вместе с тем, необходимо помнить и о том, что оба они, во-первых, имеют свою сферу действия и свой круг вопросов, которые они в состоянии адекватно

решить. Во-вторых, их недопустимо смешивать в одном исследовании, и тем более реализовывать к таким проблемам и объектам, которые неадекватны тому или другому из них. Однако именно это смешение и именно такая подмена как раз и имеют место по отношению к такой типичной для психологии проблеме, как проблема индивидуальных и личностных качеств. Те трудности, которые возникают при ее разработке, являются репрезентативными и по отношению к иным психологическим проблемам, в связи с чем они должны быть учтены и при разработке проблемы структурной организации метакогнитивной сферы личности; поясним сказанное.

С одной стороны, совершенно очевидно, что индивидуальные и личностные качества – это именно качества, то есть свойства, проявления, характеристики и пр. того или иного анализируемого целого – в данном случае личности, индивида. Иными словами, это не просто классическая единица второго – параметрического способа анализа, но и его максимально полное, так сказать кристально ясное воплощение. Именно на ее основе сам параметрический подход, равно как и методология качественного анализа вообще возникли как таковые, причем, в их прямом смысле и даже в этимологическом отношении. В связи с этим, подчеркнем еще раз, что до сих пор парадоксальным образом не осознается глубинная – атрибутивная и очень естественная связь этой методологии с проблемой индивидуальных качеств как таковых, а также с дифференциальной психологией и психологией личности. В свою очередь, это имеет весьма негативные последствия для развития данных психологических дисциплин. Целое (личность) вовсе не состоит из своих качеств – параметров, а ими характеризуется и в них проявляется. Она тем самым – эксплицируясь в них и через них, затем может быть описана и объяснена именно через их установление и интерпретацию.

Однако, с другой стороны, – в резком противоречии со всем этим, после того, как сами качества устанавливаются, к ним по каким-то не вполне обоснованным причинам нередко начинает реализовываться первый из отмеченных выше подходов (онтологический, морфологический). Это означает, что они начинают – вольно или невольно, но вполне очевидно и объективно трактоваться именно как «части целого» – как то, из чего оно состоит, то есть с собственно структурных позиций. В наиболее явном и очевидном виде все это как раз и проявляется в бесчисленных попытках выявить структуру личности

посредством определения ее качеств и их организации. Это же проявляется и в известных подходах, направленных на то, чтобы раскрыть закономерности структурной организации самих качеств, равно как и в попытках выявления собственной структуры этих качеств, – в стремлении понять, из чего они сами состоят.

Наконец, это же проявляется и в известной проблеме поиска «первичных» – базовых качеств, к которым может быть сведено все множество индивидуальных качеств. Наиболее негативным является то, что на проблему структурной организации качеств (как параметров целого) транспонируются те представления и, соответственно, – те методы экспликации и интерпретации, которые сложились по отношению к задачам выявления структурной организации морфологически представленных «единиц» целого (как его истинных – онтологически представленных структурных частей). Однако при этом совершенно неправомерно упускается из виду то – принципиальное обстоятельство, согласно которому организация качеств (параметров) целого вовсе не тождественна организации его онтологически представленных частей, то есть морфологически представленных единиц. Целое, как мы уже неоднократно подчеркивали, вовсе не состоит из качеств – так же как оно, напротив, состоит из своих морфологических единиц. Сумма и даже организация качеств не дает в итоге целого (как она дает это в случае морфологических частей). Отношения между качествами и целым, которое они и эксплицируют, – вовсе не отношения их аддитивного объединения в нем. Тем не менее, на практике по отношению к ним – к качествам принимается и реализуется именно такое некорректное их понимание. Примечательно и то, что в общем плане многие из отмеченных обстоятельств, конечно, осознаются исследователями; однако, реально в исследовательской практике реализуется все же иной – во многом противоположный подход. При этом иногда полагается, что он, хотя и не вполне адекватен природе исследуемой проблемы, но все же – с определенными допущениями и условностями может быть реализован по отношению к ней.

Таким образом, исходя из сказанного, можно дифференцировать еще одну особенность понятия структуры. Она состоит в том, что чем более глубокими становится представления о сути данного понятия как гносеологического средства, тем в большей степени они психологизируются, то есть требуют опоры на собственно психологические данные относительно особенностей и закономерностей. Это же оз-

начает, что в более общем плане все более необходимым становится дополнение философского уровня анализа конкретно-научным – психологическим. Вместе с тем, имеет место и «встречное движение»: все более полное раскрытие данного понятия на уровне конкретных наук в целом и дифференциация новых типов и видов структур – подчас весьма необычных, в особенности, психических со все большей остротой выдвигает проблему обобщения представлений о них, равно как ассимиляции этих представлений философским знанием. Однако это означает, что наблюдается последовательная *конвергенция* общефилософских и конкретно-научных (в том числе, и психологических) представлений о данном понятии, направленная, в конечном итоге, на их *синтез*. Таим образом, можно видеть, что имеет место взаимная направленность в развитии философских и конкретно-научных представлений о понятии структуры и даже, фактически, их конвергенция, которая, в свою очередь, в перспективе, по-видимому, должна привести к их синтезу. Именно это и должно, следовательно, рассматриваться как наиболее общая – стратегическая перспектива развития представлений по данной проблеме.

Говоря о психологических экспликациях понятия структуры, нельзя не отметить еще один важный аспект. Он состоит в том, что именно при разработке психологической проблематики с особой отчетливостью проявилась логика трансформации двух принципиальных способов и уровней – фактически, парадигм исследования – аналитического и структурного. Действительно, очень многие проблемы психологических исследований характеризуются тем, что они в своем становлении прошли две фазы. На первой из них разрываются и объясняются закономерности частного, локального плана, то есть аналитические по своей сути. На второй акцент делается уже на выявлении и объяснении закономерностей структурного типа, возникающих вследствие интеграции «составляющих» объекта в целостность и эксплицируемых посредством структурного типа исследования. Второй тип и уровень получил развитие, как известно, в методологии *структурно-психологического* исследования, представленного в свою очередь, в нескольких основных вариантах.

Итак, на основе проведенного рассмотрения можно сделать заключение о том, что для адекватного раскрытия структурной организации наиболее сложных объектов познания, к каковым и принадлежат объекты психологического исследования, необходимо привлечение

не только классических, но и иных – более современных представлений о понятии структуры. Они, в свою очередь, включают представления и о таких типах структур, которые еще не получили сколько-нибудь полного раскрытия и осмысления. В этом проявляется один из наиболее важных аспектов сложности понятия структуры как такового, которому, к сожалению, обычно не уделяется должного внимания. Дело в том, что оно не только нерасторжимо – объективно и атрибутивно связано с понятием содержания, но и производно от него. То же самое можно констатировать и по отношению к понятию организации. В свою очередь, это означает, что представления об организации и ее типах эволюционируют во многом вслед за развитием представлений о содержании и организации исследуемых объектов, осуществляемых в самых различных научных дисциплинах. По этой причине, понятие структуры и особенно его дифференциация на типы и классы становится все более детализированной, а сами устанавливаемые типы структур обогащаются все новыми и более сложными, а иногда и не вполне обычными с традиционной точки зрения разновидностями. Точно также, как материальный мир (и добавим, мир идеального) неисчерпаем в своем содержании, он неисчерпаем и в его организации, в том числе и структурной. Тем самым общая логика научного познания в целом является основой для экспликации все новых и новых типов структур и эти – расширяющиеся представления об их гетерогении должны быть учтены в любом структурно-ориентированном исследовании – в частности, в том, которое представлено в данной работе. Более того, само множество дифференцируемых научным познанием типов структур является принципиально *открытым*. Об этом свидетельствует сама логика научного познания, приводящая к установлению все новых типов структуры.

Наряду с этим, следует учитывать, что сложность структурной организации объектов прямо связана со сложностью самого их содержания и, фактически, обусловлена ей. В особой мере данное обстоятельство проявляется по отношению к связи степени сложности структурной организации и качественной определенности тех или иных объектов – к тому, что обозначается понятием уровня организации объектов. Она возрастает при переходе от объектов физической реальности к уровню биологических объектов и затем – к уровню объектов физиологического исследования и, наконец, к сущностям, составляющим предмет собственно психологического изучения. Поскольку пси-

хика принадлежит к наиболее сложным объектам научного познания, то и степень сложности релевантных ее содержанию структур также является наибольшей. В связи с этим, не только возможно, но и очень вероятно, что именно при ее исследовании могут быть установлены и такие типы структур, которые пока не дифференцированы и не эксплицированы с должной полнотой. В этом плане психология может выступить в функции своего рода активного начала развития представлений о структурной организации в целом.

Кроме того, можно сформулировать предположение, согласно которому метакогнитивная сфера личности также принадлежит к одному из таких – неклассических типов. Более того, она атрибутивно сопряжена с теми механизмами и закономерностями, которые лежат в основе, пожалуй, наиболее сложного процесса научного познания в целом – *сознания*. Дело в том, что сами метакогнитивные процессы, как отмечалось выше, рассматриваются в качестве основных парциальных «составляющих» именно сознания. Тем самым, фактически, складывается ситуация при которой исследование метакогнитивной сферы личности – в том числе, и в аспекте его собственно структурной организации – это в значительной степени исследование структурной организации самого сознания. Оно, однако, представляет собой наиболее сложную задачу: как отмечал в этой связи В. П. Зинченко, оно «упорно сопротивляется любому структурированию – оно легко преодолевает любые структурные рамки» [78]. При этом необходимо со всей определенностью подчеркнуть еще одно обстоятельство. Говоря об этой возможности и вообще – о дополнительных типах структур, мы вовсе не стремимся противопоставить их уже известным и не отрицаем сохранение у них наиболее общих черт структурности. Речь идет только о том, что эти общие закономерности, возможно, будут специфицироваться в них, а также дополняться новыми – присущими им закономерностями. Они, собственно говоря, и составляют предмет дальнейшего поиска. Причем, он может осуществляться в направлении выявления таких структур, которые релевантны пост-системным формам организации – в том числе, и указанным выше системам со «встроенным» метасистемным уровнем.

Наконец, отметим еще одно обстоятельство принципиального плана, являющееся одним из итогов проведенного анализа. Он с высокой степенью очевидности эксплицирует так сказать «встречное движение» развития представлений в философии и многих конкретных

науках, с одной стороны, и в самой психологии, с другой, по направлению друг к другу. Это проявляется двояко. Развитие внепсихологических представлений о структуре со все большей настоятельностью требует обращения к вопросам собственно гносеологического плана, которые, в свою очередь, могут быть решены только на основе собственно психологических представлений. В их качестве выступают, например, базовые в гносеологическом плане вопросы об адекватности самой процедуры структурирования, о релевантности понятия структуры гносеологическим целям, о его возможностях и ограничениях как концептуального средства, о тех «потерях» в содержании познаваемых объектов, которые сопряжены с принципиальным упрощением этих объектов процедурами структурирования и пр. Все эти вопросы рассмотрены в ходе осуществленного анализа. Тем самым, логика развития внепсихологических представлений со все большей очевидностью требует их дополнения и обогащения собственно психологическими представлениями.

Однако и в самой психологии по мере развертывания структурно-ориентированных исследований создастся все более благоприятные условия для решения указанных вопросов. Развитие представлений в современной когнитивной психологии и шире – в когитологии в целом предоставляет все более обширный материал, содействующий решению вопросов о том, каким образом и на основе каких закономерностей реализуются базовые процедуры и операции структурирования психикой объективной и субъективной реальности. Появляются все новые данные относительно преимуществ и ограничений этих операционных средств, о возможностях и пределах структурирования психикой реальности как глубинного механизма репрезентации этой реальности в ней. Такая конвергенция требует, однако, при ее последовательном развертывании синтеза представлений внепсихологического и собственно психологического плана, что и должно рассматриваться как *магистральная* перспектива эволюции представлений в данной области.

2.3. Специфика структурного исследования деятельности

В свете материалов, представленных в предыдущем параграфе, с высокой степенью очевидности выявляется обстоятельство наиболее принципиального плана, которое состоит в том, что понятие структуры обладает чрезвычайно высоким уровнем обобщенности и имеет

статус, очень близкий к категориальному. Он, в свою очередь обуславливает и столь же широкую – фактически, беспрецедентную область его применения – так сказать, сферу действия. Это в полной мере относится не только к научному познанию в целом, но и к психологической проблематике, в частности. В связи с этим, крайне затруднителен анализ использования данного понятия в психологических исследованиях в целом – тем более, что это и не является основной задачей данной работы в целом и этой главы, в особенности. Она – эта задача состоит, скорее, в том, чтобы проанализировать сущность и специфику реализации данного понятия по отношению, в основном, к одной, но крайне важной сфере психологической проблематики – к проблеме *деятельности*, то есть осуществить методологическую рефлексию данного понятия как гносеологического средства разработки психологической теории деятельности. Причем, даже столь конкретизированная задача также является весьма сложной как в плане ее комплексности и многоплановости, так и в плане необходимости учета очень большого объема существующих по ней материалов.

Вместе с тем, как показано в [111], подавляющее большинство существующих в настоящее время методологических подходов к разработке данной теории достаточно отчетливо группируются в две основные парадигмы – *структурно-уровневую* и *структурно-морфологическую*. Основной идеей первой является трактовка деятельности как иерархической, полиструктурной системы, включающей ряд соподчиненных и качественно специфических уровней, а наиболее полную и последовательную реализацию она нашла в теории деятельности А. Н. Леонтьева [160]. Сущность второй состоит в том, что психологическая архитектоника деятельности раскрывается через понятие инвариантной структуры основных компонентов деятельности – через ее *психологическую систему* [162, 266, 269]. В качестве таких компонентов, образующих в своей совокупности своего рода «морфологию» деятельности, выступают качественно гетерогенные единицы, по-разному обозначаемые, но в принципе сходные у разных авторов: функциональные блоки деятельности, основные «составляющие» деятельности и т. д. Ими являются, прежде всего, мотивация, цель, информационная основа, программа, профессионально-важные качества, принятие решений, исполнительская часть деятельности, контроль, коррекция и др. В русле обоих указанных макроподходов накоплен огромный материал о психологических закономерностях

организации деятельности; каждый из них приводит к той или иной достаточно аппроксимированной к реальности – объяснительной концепции деятельности.

Вместе с тем, в настоящее время все более очевидным становится и еще одно обстоятельство. Те возможности, которые содержатся в обоих указанных макроподходах, отнюдь не всегда оказываются достаточными для раскрытия тех или иных – в особенности наиболее сложных компонентов и процессов деятельности (в частности, – мышления) и деятельности в целом. Можно сказать и более категорично: современные парадигмальные основания психологического анализа деятельности уже, по-видимому, недостаточны и не вполне адекватны решению многих теоретических задач. Подавляющее большинство всех сколько-нибудь конструктивных попыток разработки психологической теории деятельности, а также иные – более конкретных по своей направленности и задачам исследования, были выполнены либо непосредственно в рамках какого-либо из двух указанных подходов, либо явно тяготели к ним по своей методологической ориентации. Кроме того, они являются и наиболее обобщенными, показательными в плане воплощенности в них основных тенденций и традиций, которые сформировались к тому времени в плане разработки психологической теории деятельности. Наконец, следует иметь в виду, что именно поэтому они явились и наиболее демонстративными, и наиболее репрезентативными в плане развития теории деятельности, а также ее основных результатов.

Обе эти парадигмы не только могут, но и обязательно должны быть поняты и как два различных варианта развития основных положений психологической теории деятельности. Они характеризуются и чертами принципиальной общности, и достаточно существенными специфическими особенностями. Так, в частности, они направлены на раскрытие объективно главных закономерностей организации деятельности – *структурных*, которые и составляют основу ее организации. Далее, они обладают принципиальной общностью в плане того, что выступают, фактически, двумя различными вариантами реализации по отношению к разработке психологической теории деятельности общей методологии *системности*. Их общность, далее, проявляется и в том, что они направлены на теоретическую экспликацию психологической архитектоники деятельности *в целом*, то есть они носят именно общий по своей ориентации характер.

Однако, они специфичны по отношению друг к другу в плане того, что степень и характер реализации этого в них достаточно существенно различается (см. далее). Они, далее, различаются также и мерой непосредственности связи с принципом системности, уровнем методологической реализованности данного принципа в них. Если во второй из них (структурно-морфологической) данный принцип является отправным и базовым, то есть эксплицируется в явном виде в качестве именно исходного методологического основания для разработки психологической теории деятельности, то в первой (структурно-уровневой) он реализован в более имплицитном, менее явном и очевидном виде.

Эти парадигмы достаточно подробно освещены в соответствующей литературе, в силу чего нет необходимости дублировать уже имеющуюся их характеристику (см., например, обзор в [90]). Отметим поэтому лишь наиболее важные и типичные их черты. Как отмечалось выше, сущность первой из них – структурно-уровневой заключается в трактовке деятельности как иерархической, полиструктурной системы, включающей ряд соподчиненных и качественно специфических уровней организации, а наиболее полную и последовательную реализацию она дана в теории деятельности А. Н. Леонтьева. Данный – структурно-уровневый подход является наиболее традиционным в современных теоретических представлениях, сложившихся в психологии деятельности. Подчеркнем также, что рассмотрение структурно-уровневого подхода очень важно не только в плане основных задач данной книги, но и с общеметодологической точки зрения. Дело в том, что он направлен на объяснение, фактически, главной особенности строения деятельности – закономерностей ее *иерархического*, то есть «вертикального» (уровневого) строения, лежащих, в основе принципов ее собственно системной организации как таковой.

Более того, благодаря именно этому подходу и его наибольшей представленности в психологии деятельности, а также в силу иных причин исторического, методологического и традиционного характера, по отношению к данной проблеме в научном сообществе (особенно в нашей стране), как уже отмечалось выше, сформировалась своего рода «иллюзия благополучия». Он состоит в представлении, согласно которому многие иные (или даже практически все) психологические проблемы можно упрекнуть в недостаточной изученности, но только не проблему деятельности; что она разработана хорошо

и полно; что не только крайне трудно, но уже и не нужно пытаться искать здесь что-то существенно новое. Кроме того, психологическая теория деятельности (в ее традиционном варианте) обладает определенной невосприимчивостью ко многим новым и новейшим результатам – например, к тем, которые получены в русле метакогнитивизма [185, 196, 289, 292, 299, 305, 314, 322, 337, 340, 351, 374], то уже само по себе отнюдь не свидетельствует о ее совершенстве. Последнее достаточно отчетливо проявилось и в ходе специально проведенного нами в [111] анализа. Его основным результатом явился вывод о том, что в действительности современная ситуация в психологии деятельности далека от благополучия; она требует не каких-либо локальных и частных – «косметических» доработок, а крупных корректировок и даже трансформаций традиционной психологической теории деятельности.

Тем не менее, данный подход был и остается одним из основных и наиболее общих теоретических подходов в психологии деятельности; он продолжает сохранять во многом определяющее значение для нее. Разумеется, такая ситуация не могла бы сложиться в том случае, если бы сама структурно-уровневая концепция деятельности, действительно, не обладала, фундаментальными достоинствами, не раскрывала бы какие-либо основополагающие закономерности организации деятельности. В действительности, как раз именно это и характерно для данного подхода. Она, как отмечалось выше, претендует (и, подчеркнем, отнюдь не безосновательно) на раскрытие не просто *одного из*, то есть рядового, а *главного* – атрибутивно основного принципа структурной организации деятельности. Это – иерархический, структурно-уровневый, «вертикальный» принцип. Именно он, как известно, является базовым и основным в организации, фактически, любой системы; образует основу и «каркас» их структурной организации. Все иные – также важные принципы организации систем и категории закономерностей, которым они подчиняются (например, функциональные, генетические) являются во многом производными от особенностей структурной организации в целом и от особенностей иерархического типа, в частности.

Согласно данному подходу, в общей структуре деятельности дифференцируются три основных уровня ее организации – уровень автономной деятельности, уровень действий и уровень операций. Такая дифференциация осуществляется на основе вполне четкого и определенного (по крайней мере, на первый взгляд) критерия – их соотносительности с качественно различными образованиями и факторами. Так,

автономная деятельность дифференцируется на основе соотносительности с тем или иным самостоятельным мотивом личности. Действия дифференцируются на основе критерия соответствия с той или иной самостоятельной, осознаваемой, но в то же время – и соподчиненной общей мотивации целью; операции дифференцируются по критерию наличия условий, необходимых для их реализации как таковых, то есть как осуществляющихся в автоматизированной форме и презентированных на неосознаваемых уровнях регуляции. «В общем потоке деятельности, – пишет А. Н. Леонтьев, – который образует человеческую жизнь в как высших, опосредованных психическим отражением проявлениях, анализ выделяет, во-первых, отдельные (особенные) деятельности – по критерию побуждающих их мотивов. Далее выделяются действия – процессы, подчиняющиеся сознательным целям. Наконец, операции, которые непосредственно зависят от условий достижения конкретной цели. Эти «единицы» человеческой деятельности образуют ее макроструктуру» [160].

Между указанными уровнями, далее, согласно этому подходу, существуют закономерные взаимодействия и взаимопереходы, представленные в трех базовых аспектах – структурном, функциональном и генетическом. Как отмечает А. Н. Леонтьев, одной из особенностей его подхода к выделению структурных «единиц» деятельности является то, что «он не пользуется расчленением живой деятельности на элементы, а раскрывает характеризующие ее внутренние отношения» [160]. Так, в структурном отношении каждый вышележащий уровень может и должен быть рассмотрен как синтетическое образование по отношению к компонентам «нижележащего» уровня. При определенной схематизации данное положение заключается в том, что «деятельность состоит из действий»; они, в свою очередь, также состоят из операций. В функциональном отношении между уровнями также существуют закономерные взаимосвязи и взаимопереходы. Так, например, операции при изменении условий деятельности могут менять свой статус – статус ее автоматизированных компонентов и трансформироваться в действия, то есть при этом имеет место, фактически, межуровневый переход как таковой. Аналогичным образом, существуют и межуровневые переходы генетического типа, когда, скажем, действие, автоматизируясь, обретает в итоге статус операции. Содержание каждого из этих уровней, их психологическая специфика, своеобразие их психологической феноменологии и закономерностей организации, а также осо-

бенности их личностной детерминации получили в данной концепции достаточно полное раскрытие, что, собственно говоря, во многом и составляет конкретное содержание психологической теории деятельности А. Н. Леонтьева. Именно на них делается основной акцент при характеристике данной концепции, что, разумеется, совершенно справедливо.

Не менее важно обратить внимание на еще одно – также чрезвычайно значимое обстоятельство и специально зафиксировать его как важное с точки зрения задач проводимого здесь анализа. Оно, однако, к сожалению, гораздо реже подвергается специальной методологической рефлексии, хотя само по себе не вызывает возражений. Дело в том, что структурно-уровневую парадигму теории деятельности и тот ее вариант, который подставлен в концепции А. Н. Леонтьева, не только можно, но и необходимо рассматривать в качестве логического следствия общей тенденции развития теоретических представлений по направлению именно к системной экспликации общего предмета исследования – деятельности. Действительно, основным и исходным в ней является положение об иерархической, структурно-уровневой организации деятельности. Это положение, однако, полностью аналогично и даже тождественно тому, которое выступает основным и определяющим в системной методологии в целом и служит для раскрытия базовой структуры любого системного образования – положению об иерархичности организации. Тем самым, объективно, хотя и достаточно имплицитно, без излишних деклараций данная концепция оказывается нацеленной на раскрытие ведущей и определяющей собственно системной закономерности организации деятельности – ее иерархического, структурно-уровневого принципа. Доминирующей направленностью в логике развития этой теории является так сказать движение от психологии к системной методологии, а не наоборот (то есть не от системной методологии к психологии). Последнее, как будет показано ниже, напротив, характерно для второй из основных парадигм психологической теории деятельности – структурно-морфологической. Необходимость обращения к идеям системности «вызрела» внутри этой теории, а не была привнесена в нее извне, то есть искусственным образом. Это в очередной раз демонстрирует закономерный и объективный характер тех тенденций развития психологической теории деятельности, которые были рассмотрены выше.

Сказанным, собственно говоря, и объясняется необходимость отнесения психологической теории деятельности А. Н. Леонтьева

к одному из основных вариантов реализации принципа системности, а также тот факт, что она составляет базовую концепцию всей структурно-уровневой парадигмы. Фиксация данного обстоятельства, на наш взгляд, тем более необходима, что в работах самого А. Н. Леонтьева специально и в развернутом виде не формулируются положения системного подхода как методологической основы разработанной им теории деятельности. Сама же эта теория получила интенсивное развитие существенно раньше, нежели системный подход обрел широкое распространение в психологических исследованиях. В действительности, однако, наиболее показательно и характерно то, что именно эти две причины являются аргументами не *против* отнесения данной концепции к разряду системно-ориентированных, а аргументами *в пользу* такого отнесения. Дело в том, что независимо от априорных принципов и декларируемых методологических оснований, сама логика развития представлений о предмете (деятельности) привела к необходимости ее трактовки именно как системно-организованного образования, что связано, прежде всего, с определением и изучением ее базовой, «стержневой» особенности – структурно-уровневого принципа организации. Как отмечалось выше, именно этот принцип является основным для всей организации систем, а формирующаяся на его основе иерархия уровней выступает «каркасом» такой организации. Более того, в данной концепции рассматриваются и основные закономерности межуровневых взаимодействий, что также составляет один из необходимых и характерных аспектов системного исследования. Таким образом, именно по своему «духу», сути и смыслу данная концепция не только может, но и должна быть отнесена к концепциям системной ориентации. Однако повторяем, логика – «движение» ее разработки развертывалась не *от* системного подхода, а *к* нему. Вместе с тем, именно это еще раз подчеркивает необходимость трактовки деятельности как системно-организованного образования.

Последовательная и все более глубокая реализация идей структурно-уровневого подхода, с одной стороны, явилась фундаментальным источником знаний и концептуальных обобщений (и объяснений) для раскрытия психологической природы психики и деятельности. Она выступила одним из наиболее конструктивных направлений развития теории психологии в целом. В силу этого, она, разумеется, должна быть обязательно использована при любых – вновь проводимых исследованиях по важнейшим психологическим проблемам. Однако,

с другой стороны, важно иметь в виду и то, что это развитие привело к постановке ряда столь же фундаментальных вопросов, к экспликации принципиальных теоретических трудностей и, соответственно, к необходимости их осмысления и преодоления. Так, в частности (или даже – прежде всего) постепенно становилась все более зримой следующая трудность. Положение о структурно-уровневой организации и, следовательно, о существовании высшего – главного и определяющего, высшего уровня с необходимостью ставит следующий «неудобный» вопрос. Будучи главным и определяющим по отношению к одной системе, в одной системе координат и выступая регулятором по отношению к ней, он сам обязательно и объективно должен быть чем-то организован – детерминирован, направляем и управляем. Другими словами, возникает извечная проблема определения того, что же именно «управляет управляемым», что «регулирует регулятор». Нуждается ли регулятор во «внешнем управлении», или же для этого достаточно средств его самоорганизации? При этом подчеркнем, что часто используемая апелляция к понятию самоорганизации не только не решает исходную задачу, но и «задвигает» ее вглубь; она не снимает ее, а переносит основную тяжесть ее решения на выяснение сути самого феномена самоорганизации. Острота этого вопроса связана еще и с тем, что высший уровень отнюдь не должен носить, так сказать, автономного характера по отношению к тому окружению, к той «среде» – метасистеме, в которую включена сама управляемая им система. Напротив, он должен постоянно учитывать ее характеристики, взаимодействия с ней. Высший уровень – это всегда такой уровень, который опосредствует связь системы со средой – метасистемой по отношению к любой системе. Как указывал в свое время Л. фон Берталанфи, «высший уровень является принципиально открытым; через него система взаимодействует с метасистемой» [28]. Но в итоге всего этого и возникает вопрос – является ли он, действительно, высшим? Или же, поскольку система обязательно и объективно детерминирована извне, то и высшая «управляющая инстанция» также локализуется вовне – в метасистеме? Где локализованы ведущие детерминанты организации и динамики системы – «внутри» них самих, в их высшем уровне, или же вне их – в метасистемах по отношению к ним. Традиционные варианты системного подхода не дают приемлемого ответа на этот принципиальный и, повторяем, «неудобный» вопрос. Соответственно, возникает объективная необ-

ходимость разработки новых вариантов методологии системности, способных дать его решения – хотя бы частичное.

Другая – столь же принципиальная трудность, к которой привела логика развития идей структурно-уровневого подхода, состоит в следующем. Постепенно и все более явно стало обнаруживаться противоречие между двумя основными принципами структурной организации – собственно уровнем, иерархическим и гетерархическим. Становилось все более явным, что сложные и суперсложные системы не могут быть (в общем случае) организованы по типу жесткой иерархии, а предполагают организацию на основе иного, более совершенного и «мощного» принципа – гетерархического. Его суть, как известно, состоит в наличии в системе двух (или более) паритетных управляющих центров одновременно. Однако в таком случае возникает острое противоречие, даже – антагонизм между двумя несовместимыми (по крайней мере, с точки зрения формальной логики) принципами – иерархическим и гетерархическим. Причем, это противоречие носит не только, действительно, острый и, повторяем, антагонистический характер, но и, главное, вообще «не видно», как оно в принципе может быть устранено посредством традиционных вариантов системного подхода. В связи с этим, опять-таки можно констатировать все то же фундаментальное обстоятельство, к которому уже не раз приводил осуществляемый здесь анализ. С одной стороны, логика развития идей структурно-уровневого подхода привела к необходимости всемерной реализации по отношению к разработке проблемы деятельности системного подхода. Однако, с другой стороны, она же выявила и его принципиальные ограничения, обусловив, в свою очередь необходимость его развития.

Продолжая анализ основных особенностей структурно-уровневой парадигмы разработки теории деятельности, следует, конечно, отметить, что ее развитие привело к постановке (и одному из вариантов решения) классической и наиболее традиционной для задач психологического анализа деятельности проблемы определения «единицы анализа». Ее смысл, как известно, состоит в том, что именно следует рассматривать в качестве базовой «единицы» анализа деятельности? Существует ли и, если да, то какой именно, компонент (или компоненты), являющиеся «материалом», подлежащим соорганизации в общей структуре деятельности? Далее – по ходу последующего изложения мы не раз будем обращаться к различным сторонам этой, действительно, определяющей проблемы психологической теории деятельности.

В плане общей характеристики структурно-уровневой парадигмы разработки психологической теории деятельности следует учитывать, что она была исходно сформулирована и длительное время развивалась, в основном, на базе изучения, в основном, субъект-объектных видов деятельности. И в этом плане – даже при ее очевидной концептуальной неполноте – она все же достаточно адекватна и конструктивна. Трех описанных в ней уровней часто бывает вполне достаточно и для теоретических и для прикладных исследований указанных видов деятельности. Однако, начав с более простого (субъект-объектных типов), психологическая теория деятельности не может и не должна останавливаться на них. Она должна развиваться и дальше – по направлению включения в свой концептуальный состав иных, более сложных типов деятельности и, прежде всего, – деятельностей субъект-субъектного типа. Смысл и важность такого концептуального расширения состоят еще и в том, что именно субъект-субъектные виды деятельности являются и одними из наиболее значимых, сложных и не перспективных с точки зрения современных тенденций развития и дифференциации форм трудовой деятельности. Кроме того, в них, как показывают исследования последнего времени, многие – достаточно важные особенности и закономерности психической регуляции могут подвергаться качественным трансформациям. Более того, в них могут возникать и новые, не описанные до настоящего времени особенности и закономерности.

Второй основной подход к разработке психологической теории деятельности, оформившийся относительно позже, но получивший не менее широкую распространенность, может быть обозначен как *структурно-морфологическая* парадигма. Ее сущность состоит в том, что психологическая архитектура деятельности раскрывается через понятие инвариантной структуры основных компонентов деятельности – через ее психологическую систему [266]. В качестве таких компонентов, образующих в своей совокупности своего рода морфологию деятельности, выступают качественно гетерогенные единицы, по-разному обозначаемые, но в принципе сходные у разных авторов: «функциональные блоки» деятельности, основные «составляющие» деятельности и т. д. Так, в работах Б. Ф. Ломова для их обозначения этих компонентов используется термин «психологическая составляющая» («образующая») деятельности [162, 163]. В работах В. Д. Шадрикова используется иной термин – термин «функциональных блоков» деятельности [266, 269]. В. П. Зинченко использовал

в этих же целях термин «функциональные единицы» [77], а О. А. Конопкин – термин «компоненты регуляции» [140]. Кроме того, следует подчеркнуть в данной связи, то в работах В. П. Зинченко, равно как и Д. А. Ошанина [192], главным объектом раскрытия закономерностей структурной организации является не столько сама деятельность в целом, сколько действие как ее базовая «составляющая». В этих работах также дифференцируется принципиально сходная совокупность «составляющих». Ими выступают мотивация, цель, информационная основа, программа, профессионально-важные качества, принятие решений, исполнительская часть, контроль, коррекция.

Одной из первых и наиболее развернутых концепций в рамках рассматриваемой здесь парадигмы плана явились теоретические представления, разработанные Б. Ф. Ломовым [162, 163]. Развитые им взгляды относительно психологического содержания деятельности не только очень полно отражают ту ситуацию, в которой происходила разработка проблемы деятельности, но и сами в значительной мере оказали определяющее влияние на формирование этой ситуации. Имея своим истоком инженерно-психологическую проблематику, сформулированные Б. Ф. Ломовым представления в дальнейшем внесли большой вклад и в общепсихологические взгляды на природу деятельности, явились одной из наиболее развернутых системно-психологических концепций деятельности. Не имея возможности остановиться на всем содержании этой концепции, отметим лишь те положения, которые непосредственно относятся к анализируемым здесь проблемам.

Так, исходным для Б. Ф. Ломова является положение о деятельности как общественно-исторической категории, что вообще характерно для советской психологии в целом и прикладной психологии, в частности. Именно такой статус категории деятельности позволяет обнаружить, согласно автору, в ней системные детерминанты для психологического изучения индивидуальной деятельности, которая и должна стать, по мнению автора, основным предметом психологического изучения. Само это изучение должно осуществляться на базе основных методологических принципов психологии. Важную роль среди них играет принцип системного подхода, в развитие которого также очень большой вклад внес Б. Ф. Ломов. Одним из основных требований принципа системности является необходимость разработки проблем психологии деятельности на базе системы категорий (а не одной из них, пусть даже очень значимой; и в данном вопросе автор вступает в прямую полемику

с точкой зрения, которая обозначается как монокатегориальная). К таким базовым категориям относятся категории отражения, деятельности, общения, личности, отношения, социального и биологического. Общая задача и психологии в целом, и психологии деятельности, в частности, состоит в том, чтобы «с одной стороны, ...рассмотреть деятельность как детерминанту системы психических процессов, состояний, свойств субъекта», с другой стороны, «... выявить влияние этой системы на эффективность и качество деятельности» [127], то есть рассмотреть психическое как фактор деятельности. Решая эту общую задачу, Б. Ф. Ломов на основе собственных исследований, а также на базе обобщения работ других авторов выделяет ряд основных «образующих» деятельности. Именно они должны «рассматриваться в качестве основных объектов психологического изучения деятельности. Это – мотив, цель, планирование деятельности, переработка текущей информации, оперативный образ (и концептуальная модель), принятие решения, действия, проверка результатов и коррекция действия» [162].

Важнейшей среди этих «образующих» является формирующийся на основе мотивов ее целей так называемый вектор «мотив-цель». Он, по мнению автора, является высшим регулятором деятельности; определенным образом и в решающей степени организует включенные в нее психические процессы. Именно этот вектор выступает в роли ведущей детерминанты избирательности восприятия, особенностей внимания, оперативного извлечения информации из памяти и способов ее преобразования в мышлении. Так, Б. Ф. Ломов отмечает в этой связи: Вектор «мотив-цель» является высшим регулятором деятельности; определяющим образом организует и включенные в нее психические процессы. Именно этот «вектор» выступает в роли детерминанты избирательности восприятия, особенностей внимания, оперативного извлечения информации из памяти и способов ее преобразования в мышлении. Он определяет, в конце концов, и динамику психических состояний» [162]. Наряду с подробным психологическим анализом деятельности в аспекте ее основных «образующих» Б. Ф. Ломов дает и более дифференцированное рассмотрение деятельности в иных аспектах.

Выступая методологической основой разработок в области психологического анализа деятельности и в то же время давая конкретный материал практически по каждой из основных «образующих» деятельности, подход Б. Ф. Ломова обнаруживает, в то же время, чрезвычайную

сложность этой задачи. Так, в плане анализируемых здесь проблем необходимо специально подчеркнуть следующую – очень показательную особенность логики развития данного подхода. Сосредотачивая свое главное внимание на «основных образующих» деятельности, то есть на структурном, морфологическом аспекте, Б. Ф. Ломов в то же время формулирует в качестве важнейшей и неотложной задачи следующий вопрос. «Важнейшей задачей в психологии является ... изучение тех специфических способов *интеграции* психических процессов (выделено нами – *А. К.*), которые свойственны разным видам человеческой деятельности» [162]. К этому – принципиальному, на наш взгляд обстоятельству мы еще возвратимся в ходе дальнейшего анализа. Дело в том, что в нем, по существу, уже просматривается ограниченность самой структурно-морфологической парадигмы – ее преимущественный акцент только, в основном на статическом аспекте деятельности. Соответственно, со всей остротой возникает задача ее дополнения иным – динамическим, *процессуальным* аспектом исследования. Другой важной задачей, по мнению Б. Ф. Ломова, является необходимость представить основные образующие деятельности как единую целостную структуру. Эта – крайне важная в теоретическом отношении задача в значительной мере решается в следующей концепции, являющейся, на наш взгляд, наиболее разработанной и конструктивной – особенно в плане действенной реализации в ней принципов системности.

Речь, разумеется, идет о концепции системогенеза деятельности развитой в трудах В. Д. Шадрикова [266, 267]. Данная концепция, обобщая итоги многолетних теоретических, экспериментальных и прикладных исследований автора, является в настоящее время не только наиболее полной и развернутой, но и прошедшей многократную, всестороннюю верификацию целым комплексом прикладных психологических исследований, подтвердивших ее продуктивность. Действительно, являясь глубоко и всесторонне обоснованной в научном плане и опираясь на основные достижения психологической теории деятельности, она, в то же время, весьма конструктивна и в собственно практическом плане, что доказывают выполненные на ее основе прикладные исследования и разработки.

Концепция системогенеза выступает как единство системного, генетического и собственно психологического изучения деятельности. В ней формируются представления об «идеальном объекте» психологического анализа деятельности как системе – представление о пси-

хологической системе деятельности, выступающей целостной структурой основных образующих деятельности с их многообразными координационными и субординационными зависимостями.

Концептуальный и прикладной смысл понятия психологической системы деятельности (ПСД) заключается в том, что в нем не только раскрываются основные образующие деятельности, но и эксплицируется их именно целостная структура. Тезис о деятельности как системе получает свое конкретное содержательное воплощение. Причем, те связи, которыми объединены функциональные блоки ПСД, – это не просто «дань» традиции блочно-схематического представления, характерного для данной парадигмы в целом. Эти связи несут не меньший смысл, чем сами выделенные блоки. Так, скажем, продуктом связей и взаимоотношений блока мотивации и блока цели выступает, как известно, такая важнейшая образующая деятельности, как ее личностный смысл для субъекта. Через взаимосвязь мотивационного блока с блоком информационной основы деятельности раскрывается еще одно важнейшее деятельностное явление – избирательность и «пристрастность» в процессах восприятия профессионально-важной информации. Наконец, очень важно эксплицировать и содержание связи между блоками цели и оценки результатов деятельности. Дело в том, что благодаря наличию данной связи, общая архитектура системы деятельности, ее общая конструкция обретает черты замкнутости, «кольцеобразности». В свою очередь, на основе этого становится возможны учет принципа и закономерностей саморегуляции, феноменов и механизмов обратной связи, коррекции и компенсации как важнейших средств организации деятельности. Сама деятельность, а также ее отдельные «составляющие» (действия) обретают свойство итеративности – повторяемости, но с учетом внесения в них необходимых корректив. Тем самым свойство целенаправленности деятельности (и действий) трансформируется в свойство целедостигаемости, что является одним из важнейших атрибутов деятельности.

Наряду с этими двумя наиболее полными вариантами структурно-морфологической парадигмы, существуют и иные ее варианты, предложенные в работах Д. А. Ошанина, О. А. Конопкина, В. П. Зинченко, Г. М. Зараковского, Р. Х. Шакурова, Г. В. Суходольского [75, 77, 140, 192, 266, 269]. Все они характеризуются достаточно выраженной общностью, которая состоит в следующих основных их особенностях:

– Стремление к *целостному* и завершенному – «замкнутому» представлению системы деятельности (в ряде случаев – действия), охватывающему все их основные психологические «образующие».

– Абстрагирование от второстепенных, ситуативных особенностей регуляции деятельности и, следовательно, стремление к представлению ее *основных* «образующих» в форме идеального объекта психологического анализа деятельности.

– Экспликация этого идеального объекта в виде *структурно-функциональных* моделей, их «блочно-схематическое» представление.

– Ориентация на установление основных функциональных *взаимосвязей* и зависимостей между отдельными блоками, составляющими деятельности.

– Синтетический характер предлагаемых модельных описаний, то есть их наполненность как *внутренним*, психологическим («интрасубъектным») содержанием, так и включение *внешнего*, объективного, технологически обусловленного содержания деятельности.

– Существенное совпадение в номенклатуре – *составе* выделяемых разными авторами основных образующих деятельности, обусловленное единством объекта изучения.

– Структурное (и даже формальное) сходство архитектуры предлагаемых моделей с разработанными ранее структурно-функциональными представлениями в физиологии (в теории функциональных физиологических систем, в «физиологии активности») при постоянном подчеркивании принципиальных содержательных различий между психологическими и физиологическими подходами.

– Явно недостаточная представленность в указанных подходах процессуально-психологического аспекта, то есть тех реальных психических средств, процессов и механизмов, которые обеспечивают организацию и синтез отдельных функциональных блоков деятельности в целостность.

Итак, сущность данной парадигмы заключается в том, что для раскрытия главных, базовых закономерностей организации деятельности – закономерностей ее собственно структурной организации используется понятие инвариантной структуры деятельности. Она, в свою очередь, образована организованной совокупностью основных «функциональных единиц», которые, повторяем, по-разному обозначаются различными авторами, но которые имеют общий смысл, содержание и роль в организации деятельности. Данная структура является

именно инвариантной по двум основным причинам. Во-первых, она лежит в основе реализации любой деятельности – независимо от различий в ее видах, типах, классах, формах и пр. Естественно, что мера полноты, степень развернутости, характер представленности и конкретное содержание этих компонентов может варьировать в очень широком диапазоне – в зависимости от изменения очень многих факторов (целей, задач, требований, условий, детерминант различного типа и т. д.). Во-вторых, включенность в структуру деятельности каждого из этих компонентов носит объективный характер. Это означает, что деструкция и невозможность осуществления по тем или иным причинам хотя бы одного из них объективно – как бы «автоматически» ведет и к деструкции самой деятельности, к невозможности ее реализации. И именно критерий объективной необходимости является основанием для определения номенклатуры самих «составляющих», которые образуют инвариантную структуру деятельности.

Следует подчеркнуть, что в данном подходе речь идет не о простой – аддитивной совокупности, рядоположенном множестве, то есть сумме компонентов деятельности, а именно об их структуре. Это означает, что все они организованы друг с другом посредством достаточно развернутой совокупности связей различного типа. Отсюда также вытекают два очень существенных обстоятельства. Во-первых, это означает, что для адекватного, корректного и возможно более полного раскрытия содержания и принципов организации деятельности совершенно недостаточен традиционный и наиболее распространенный уровень изучения – аналитический, связанный с рассмотрением отдельных «составляющих» деятельности, а также их «суммы», комплекса. Такое – полное раскрытие возможно лишь при условии перехода на иной, более приближенный к реальной сложности организации деятельности уровень – структурный, а впоследствии – и системный. Во-вторых, с позиций данного подхода становится очевидным, что общее содержание деятельности не сводится к сумме содержаний ее отдельных «составляющих». Дело в том, что, как уже отмечалось выше, очень существенная часть данного содержания соотносится именно с теми структурными связями, которые объединяют те или иные блоки общей структуры деятельности.

Рассмотренные подходы внесли существенный вклад как в общепсихологическую теорию деятельности, так и в прикладные психологические разработки. Вместе с тем, не преуменьшая важность

указанных задач, необходимо, конечно, зафиксировать наиболее принципиальную проблему, поставленную развитием всех указанных представлений, образующих в своей совокупности структурно-морфологическую парадигму развития психологической теории деятельности. Дело в том, что во всех них явно преобладают попытки именно анализа, расчленения деятельности, а также установка на выяснение ее основных образующих, компонентов, то есть ее состава, морфологии, точнее – архитектоники. Однако, как мы уже отмечали выше, задача исследования процессуально-психологических средств синтеза, интеграции выделяемых образующих в систему деятельности и, главное, – тех психических процессов, которые обеспечивают этот синтез, в лучшем случае только ставится (а в некоторых концепциях, наоборот, даже сознательно исключается из сферы изучения). За всем этим стоит вполне объяснимое с точки зрения развития науки стремление сначала понять, из чего *состоит* объект изучения, «разбить» его на составляющие, проанализировать. Это и проявляется в морфологическом подходе к изучению деятельности.

По мере своего развития данный подход своей собственной логикой создает объективные предпосылки для того, чтобы дополнить его уже иным – преимущественно, *процессуальным* планом изучения. Он направлен, прежде всего, на исследование тех реальных психических процессов, которые обеспечивают синтез и интеграцию выявленных на предшествующем этапе «образующих» деятельности; его главная задача – исследование общесистемных процессов регуляции деятельности. На наш взгляд, существенный вклад всех рассмотренных подходов в психологическое изучение деятельности заключается не только в том, что они позволили выявить основные образующие деятельности, но и установили в общих чертах функциональные взаимосвязи между ними. Тем самым деятельность со всей очевидностью и достаточной степенью полноты была эксплицирована именно как целостная и развивающаяся, полиструктурная иерархически организованная система. Их роль состоит также и в том, что они позволили вплотную подойти к постановке важнейшего теоретического и практического вопроса о тех процессах психики, которые лежат в основе организации всей системы деятельности и которые соотносимы именно с деятельностью в целом, а не с ее отдельными «образующими». На первый взгляд, такими процессами следует считать традиционно изучающиеся в психологии познавательные, эмоциональные, волевые

процессы, взятые в их регулятивном проявлении. Однако, как будет показано ниже, этот ответ будет хотя и правильным, но неполным, не отражающим в достаточной степени реальную сложность деятельности и тех средств, которые ее обеспечивают.

Итак, основное содержание и главный смысл данной парадигмы состоит в том, что, согласно ей, в основе психологической структуры деятельности лежит организованная совокупность определенных базовых компонентов – функциональных «блоков», «составляющих», «образующих». Как отмечалось выше, различными авторами в качестве этих «блоков», «составляющих» рассматривается весьма сходный набор компонентов. Это – цели деятельности, представления о совокупности ее результатов, информационная основа, программирование действий и деятельности, отражение ее нормативных условий, принятие решения, индивидуальных качеств субъекта, коррекция, сличения, контроль, самоконтроль, исполнительские компоненты. Такая общность закономерна, поскольку в ней отражена наиболее общая особенность организации деятельности: для ее реализации объективно необходим определенный и достаточно инвариантный набор некоторых, основных, деятельностных *функций*. Это – функции формирования цели и ее дифференциации на подцели; функции редукции неопределенности и выработки решения; функции построения плана и программы; функции контроля и самоконтроля и т. д. Все эти деятельностные функции, составляя в совокупности «каркас» психологической регуляции деятельности, достаточно инвариантны как по составу, так и по отношению к различиям в предметном содержании деятельности, ее типам, видам, условиям реализации. В то же время, все эти деятельностные функции объективно предполагают необходимость своего собственно процессуального обеспечения.

В связи с этим, необходимо сделать достаточно значимый в плане логики развития данной парадигмы вывод: само установление этих функций с необходимостью ставит так сказать следующий – логически и гносеологически связанный с ним, то есть вполне закономерный вопрос. Это вопрос о тех собственно процессуальных средствах, которыми обеспечивается функционирование основных морфологических «составляющих» системы деятельности и которые, возможно, образуют определенную группу специфических процессов – столь же инвариантную по составу, сколь инвариантной является и сама совокупность базовых регулятивных, деятельностных функций.

Обе рассмотренные выше парадигмы – структурно-уровневая и структурно-морфологическая выступают основными вариантами разработки психологической теории деятельности в целом. Поэтому они являются наиболее репрезентативными в плане анализа общей логики ее развития, а также определения перспектив ее дальнейшей разработки. В связи с этим, дальнейший анализ целесообразно сконцентрировать именно на них – как в плане их сопоставления, так и в плане выявления тех трудностей, к которым привело их развитие и, соответственно, возможных путей их преодоления.

Действительно, обе парадигмы характеризуются чертами фундаментальной общности, с одной стороны, и не менее значимыми чертами различий, с другой. Так, черты их общности проявляются, прежде всего, разумеется, не в плане сходства их содержания и основных положений, а в плане их направленности, конечных целей, а частично – и методологических оснований.

Во-первых, они базируются на общей для них методологии, в качестве которой (хотя, конечно, и с разной степенью эксплицированности) выступает методология системности.

Во-вторых, по своим конечным целям они также имеют существенное сходство, поскольку и та, и другая претендуют на раскрытие не какого-либо частного, специального аспекта деятельности, а именно «главного в ней» – ее общей организации, целостной структуры.

В-третьих, именно в силу этого, и та, и другая имеют не только так сказать локально-теоретическое, а общетеоретическое значение, то есть претендуют на разработку психологической теории деятельности в целом, а не в отдельных, хотя и важных, аспектах.

В-четвертых, и та, и другая направлены, прежде всего, на приоритетное и первостепенное раскрытие принципов, содержания и механизмов деятельности в объективно главном точки зрения методологии научного познания аспекте – структурном, а не в каком-либо ином – также важном, но все же производным от структурного аспекта. Данное обстоятельство, к сожалению, обычно не подвергается фиксации при сравнении указанных парадигм и, соответственно, не подвергается методологической рефлексии. Вместе с тем, на наш взгляд, оно является очень важным и показательным с точки зрения общей логики развития психологической теории деятельности. Оно показывает, что два ее основных варианта характеризуются принципиальной общностью того базового аспекта, в котором проблема деятельности разра-

бывается в них. Этим аспектом, повторяем, является не просто один из (то есть рядовой), а именно определяющий, решающий в гносеологическом плане аспект – структурный. И именно это во многом обуславливает конструктивность указанных подходов, их главенствующую роль в разработке психологической теории деятельности в целом.

В-пятых, объективным следствием сказанного является и приоритетное для обеих указанных парадигм внимание, прежде всего, к раскрытию морфологии деятельности, а не к тому, как эта морфология представлена уже не так сказать в статическом срезе, а в ее динамике – функционировании и процессуальной «развертке».

В-шестых, в целях раскрытия закономерностей организации деятельности в обеих указанных парадигмах берется главный не только так сказать в содержательно-деятельностном плане аспект (структурный), но и сама системная методология также реализуется в аналогичных, то есть также главных аспектах. Действительно, в структурно-уровневом подходе она реализуется, прежде всего, через такое важнейшее и определяющее для всего системного подхода понятие, каковым выступает понятие иерархии, иерархической организации. В структурно-морфологической парадигме эта методология реализуется через не менее фундаментальный механизм, также составляющий «ядро» системного подхода – механизм самоорганизации, саморегуляции.

В-седьмых, обе парадигмы были разработаны на материале приоритетного изучения одного из двух базовых классов деятельности – субъект-объектного, а не субъект-субъектного, что также имеет достаточно существенные теоретические последствия.

Вместе с тем, на фоне рассмотренной общности две анализируемые парадигмы характеризуются и не менее явными и значимыми в плане их сопоставления чертами различий, специфичности по отношению дугу к другу.

Во-первых, они сложились и тем более получили свой относительно развитый, завершенный вид в существенно разное время (и, добавим, в существенной разной концептуальной атмосфере, в разном социокультурном и даже – идеологическом контексте). Это не могло не отразиться и на их разработке, и на характере их восприятия со стороны научного сообщества.

Во-вторых, хотя обе они и характеризуются общностью своей базовой, исходной методологии – методологии системности, но все

же реализуют ее в достаточно разных аспектах. Первая (структурно-уровневая) воплощает в себе, прежде всего, содержащуюся в этой методологии идею иерархии, иерархической организации систем как их базового принципа структурирования. В результате этого, и сама деятельность эксплицируется как уровневое образование, характеризующееся соподчиненностью организации ряда иерархических уровней, а также закономерностями их межуровневых взаимодействий. Тем самым, акцент делается на «вертикальном» срезе организации деятельности, на механизмах ее субординационной организации. Вторая (структурно-морфологическая) придает приоритетное значение иному – но также фундаментальному принципу структурной, как, впрочем, и любой иной организации, – принципу самоорганизации, саморегуляции. Акцент при этом делается на выявлении принципов и механизмов, координации, самоорганизации базовых «составляющих» структуры деятельности, благодаря которым она и обретает черты системности. Тем самым организация деятельности раскрывается, преимущественно, не в ее «вертикальном», а в так сказать «горизонтальном», координационном (а не субординационном) аспекте.

В-третьих, хотя обе указанные парадигмы и направлены, в конечном итоге, на решение сходных или даже – практически идентичных задач, связанных с раскрытием закономерностей структурной организации деятельности, но предлагают для этого различные пути решения. Причем, эти различия носят не частный, а достаточно общий, то есть принципиальный характер. Именно этим, собственно говоря, и обусловлено то обстоятельство, что о данных подходах можно и нужно говорить именно как о качественно разных парадигмах разработки психологической теории деятельности. Действительно, раскрытие закономерностей структурной организации любой системы предполагает обязательное решение еще одной важной задачи – задачи поиска, и определения того, что именно подлежит организации; выявления тех компонентов – «единиц», которые и составляют так сказать «онтологическую базу» организации. По отношению к проблеме деятельности она имеет, как отмечалось выше, вид классической и наиболее традиционной для психологического анализа деятельности проблемы определения «единицы» анализа. Ее смысл как раз и состоит в том, что именно следует рассматривать в качестве базовой «единицы» анализа деятельности? Существует ли и, если да, то какой именно, компонент (или компоненты), являющи-

еся «материалом» соорганизации в общей структуре деятельности? Не менее известно и то, что эта – повторяем, классическая задача решалась на всем протяжении развития теории деятельности очень разными способами, а соответственно, – предлагались различные варианты дифференциации базовой «единицы».

В-четвертых, сравнительный анализ основных различий двух основных парадигм психологической теории деятельности показывает, что между ними имеется и еще один дифференцирующий признак, состоящий в следующем. Они, безусловно, характеризуются достаточно существенными различиями в степени операционализированности тех результатов и следствий, к которым приводит разработка проблемы деятельности в рамках каждой из них. Это, в свою очередь, непосредственно отражается и на том потенциале, которым они характеризуются в плане решения собственно прикладных психологических задач. Вторая парадигма (структурно-морфологическая) в этом отношении обладает существенно бóльшим потенциалом, а также бóльшим уровнем операционализированности, что, кстати говоря, очень явно отразилось на масштабе и эффективности тех прикладных разработок, которые выполнены именно в ее русле.

Наконец, в-пятых, две рассматриваемые здесь парадигмы существенно различаются и по степени полноты, а также и так сказать по степени «преднамеренности» реализации в них методологии системности. Действительно, вторая из них (структурно-морфологическая) в этом плане явно доминирует над первой, поскольку она характеризуется развернутой реализацией в ней очень многих и притом – важнейших положений системного подхода в целом. Первая же из них (структурно-уровневая), в основном, базируется на одном из такого рода положений – на положении об иерархическом принципе организации систем. Кроме того, как мы уже отмечали выше, сама необходимость обращения к идеям системности по отношению к первой из них «вызрела» внутри ее собственной – так сказать «внутренней» логики развития. Имело место движение от психологии деятельности к системному подходу. По отношению же ко второй парадигме (структурно-морфологической) следует констатировать противоположную картину. Ее разработка, напротив, осуществлялась от системного подхода к проблеме деятельности; первый при этом выступал как исходная методологическая снова для исследования второй. Данное обстоятельство необходимо подчеркнуть специально, поскольку оно связано

с общим смыслом рассматриваемой здесь основной задачи – с определением наиболее обоснованных и перспективных методологических оснований разработки психологической теории деятельности.

Итак, выше были рассмотрены основные парадигмы психологической теории деятельности – как в аспекте их общего смысла и содержания, так и в аспекте тех черт сходства и различия, которыми они характеризуются. Возникновение и становление, развитие и концептуальная эволюция именно этих парадигм во многом определяли общий облик психологической теории деятельности и основным вектор ее развития на достаточно длительном временном интервале. Во многом именно в них и через них данная теория и получила свое развитие. В этой связи особенно значимым, показательным и необходимым представляется выявление и анализ тех трудностей и собственно теоретических вопросов, к которым привело развитие теории деятельности в рамках каждой из них. Кроме того, фиксацию этих трудностей можно рассматривать и в качестве первого – причем, совершенно необходимого шага для попытки их преодоления и, соответственно, – для определения перспектив и возможных направлений дальнейшего развития данной теории.

Одной из них является, как известно, отсутствие обобщенного решения такой фундаментальной проблемы, каковой выступает проблема основных *структурных «единиц»* деятельности. Действительно, раскрытие закономерностей структурной организации любой системы предполагает обязательное решение критически важной задачи – задачи поиска, и определения того, что именно подлежит организации; выявления тех компонентов – единиц, которые и составляют так сказать онтологическую базу организации. По отношению к проблеме деятельности она имеет вид классической и наиболее традиционной для психологического анализа деятельности проблемы определения «единицы» анализа. Ее смысл как раз и состоит в том, что именно следует рассматривать в качестве базовой единицы анализа деятельности? Существует ли и, если да, то какой именно компонент (или компоненты), являющийся материалом организации в общей структуре деятельности? Не менее известно и то, что эта – повторяем, классическая задача решалась на всем протяжении развития теории деятельности очень разными способами, а соответственно, – предлагались различные варианты дифференциации базовой «единицы» деятельности (см. далее). Вместе с тем, при всем

разнообразии существующих подходов к ее решению они достаточно отчетливо группируются в два основных – обобщенных и отмеченных выше варианта (моноструктурный и полиструктурный).

Еще одна принципиальная трудность развития теории деятельности сопряжена с логикой развития второй основной парадигмы – структурно-морфологической. Ее сущность, как уже отмечалось выше, заключается в том, что психологическая архитектоника деятельности раскрывается через понятие инвариантной структуры основных компонентов деятельности. В качестве таких компонентов, образующих в своей совокупности своего рода «морфологию» деятельности, выступают, как уже отмечалось выше, качественно гетерогенные «единицы». Они по-разному обозначаются в работах разных авторов, но являются принципиально сходными по смыслу: «функциональные блоки» деятельности, основные «составляющие» деятельности, «образующие» системы деятельности и т. д.

Вместе с тем, и у нее существуют вполне очевидные возможности для дальнейшего совершенствования и развития, поскольку она не только решает многие теоретические вопросы, но и ставит новые, как правило, еще более сложные проблемы, требующие своего исследования. Основным из них является вопрос о том, каким образом *функционируют* дифференцированные в данном подходе блоки? Какими процессуальными средствами обеспечивается это функционирование?

В плане возможного решения этого вопроса нами была обоснована необходимость, а также доказана перспективность трансформации структурно-морфологической парадигмы психологического анализа деятельности в иную, более совершенную и адекватную парадигму – *функционально-динамическую*. Суть такой трансформации связана с выяснением вопроса уже не о том, из чего *состоит* деятельность, а с вопросом как она функционирует; более конкретно – какие *процессы* лежат в основе организации и динамики деятельности как целостной системы.

Этот вариант как раз и был предложен в разработанной нами концепции *интегральных процессов* психической регуляции деятельности, основное содержание которой рассмотрено в предыдущей главе. Согласно данной концепции, в качестве этих процессов выступает класс специфически регулятивных процессуальных средств деятельности, которые и обеспечивают собой реализацию базовой, инвариантную совокупность основных функций по ее организации

– класс интегральных процессов психической регуляции деятельности. В него входят процессы целеобразования, антиципации, принятия решения, прогнозирования, планирования, программирования, контроля, самоконтроля [111].

Констатируя необходимость углубления представлений по отмеченным выше наиболее известным проблемам теории деятельности, следует обратить внимание на еще одно обстоятельство. Дело в том, что не меньшие трудности и проблемы возникают уже не только так сказать «снизу» – в плане определения базовых и исходных единиц анализа, лежащих в самом ее «фундаменте», а также не только в плане определения базовых механизмов процессуального обеспечения деятельности. Они возникают и «сверху» – в плане адекватного понимания того, что именно подлежит декомпозиции на эти единицы? Что представляет собой та исходная целостность, которая и выступает предметом анализа? На первый взгляд, данный вопрос представляется уже решенным и ясным: в качестве такого предмета выступает сама деятельность «как система». Причем, по отношению к этому словосочетанию и вообще – к трактовке деятельности именно как системного образования сложилось редкое единодушие, а само оно стало чуть ли не понятийным стереотипом. Так, в этом плане очень показательны, что важнейшей общей особенностью обеих основных парадигм теории деятельности является то, что они базируются на методологии системности, хотя реализуют ее в достаточно разных аспектах. Первая (структурно-уровневая) воплощает в себе, прежде всего, содержащуюся в этой методологии идею иерархии, иерархической организации систем как их базового принципа структурирования. В результате этого, и сама деятельность эксплицируется как уровневое образование, характеризующееся соподчиненностью организации ряда иерархических уровней, а также закономерностями их межуровневых взаимодействий. Тем самым, акцент делается на «вертикальном» срезе организации деятельности, на механизмах ее субординационной организации. Вторая (структурно-морфологическая) отдает приоритет иному – но также фундаментальному принципу структурной организации, – принципу самоорганизации, саморегуляции. Акцент при этом делается на выявлении принципов и механизмов, координации, самоорганизации базовых «составляющих» структуры деятельности, благодаря которым она и обретает черты системности. Тем самым организа-

ция деятельности раскрывается, преимущественно, не в ее «вертикальном», а в так сказать «горизонтальном», координационном (а не субординационном) аспекте.

Вместе с тем, при более детализированном рассмотрении данного положения выявляется существенное обстоятельство, состоящее в следующем. Как показано в наших работах [111, 120], сама сущность и атрибутивная природа деятельности заключаются в том, что она не может быть раскрыта и проинтерпретирована с достаточной полнотой лишь в качестве системы, как только системное образование. Дело в том, что в ней кооперируются, как минимум, три качественно различные системы (субъект, объект и процесс деятельности). Она поэтому, безусловно, является не только не до-системным образованием, что естественно и очевидно. Дело еще и в том, что она не является и чисто системным образованием – тем, что обозначается понятием «истинной системы» [146]. Она выступает образованием постсистемного типа; обретает этот статус в силу того, что выступает именно как *системный комплекс*, а тем самым также выходит за пределы так сказать единичной системности.

Очень значимой особенностью деятельности как системного комплекса является то, что в его составе представлены не просто разные, а именно диаметрально противоположные по атрибутивным характеристикам и даже по своему типу системы. Более того, степень их различий такова, что она является, по-видимому, вообще предельной из всех возможных. Действительно, как мы уже отмечали, в составе деятельности (как системном комплексе) представлены две максимально различные по своей природе системы. С одной стороны, это ее субъект – как носитель психического, идеального, то есть нематериального. С другой стороны – это ее объект, но уже как носитель противоположного начала (собственно материального). Далее, в ней представлены и два основных, но также диаметрально противоположных класса систем – субстанциональные и темпоральные (временные). Первые образованы субъектом и объектом, а вторая – собственно процессом деятельности как их взаимодействием. Естественно, что возникающие в связи с такими принципиальными различиями сложности синтезирования – системной организации являются также очень большими. В силу этого, очень трудно или даже – практически невозможно рассчитывать на их полное и исчерпывающее преодоление, на достижение деятельностью в целом степени

системной организованности. Эта организованность может реализовываться в общем случае лишь по типу *системного комплекса*.

Наряду с этим, необходимо учитывать и еще одну особенность системных комплексов, проявляющуюся в деятельности в максимально отчетливом виде. В деятельности представлены не просто предельно разнокачественные, но и очень хорошо организованные сами по себе системы. Причем, одна из них обладает не только высокой, но и, по-видимому, высочайшей из всех возможных степенью организованности. Действительно, в состав данного комплекса входит такая – максимально сложная по степени организации из всех известных систем, каковым является субъект и его психика. Вследствие этого, и возникают принципиальные сложности синтеза в составе системного комплекса, связанные с высокой, но разной собственной организацией комплекслируемых систем.

Итак, можно видеть, что еще одна принципиальная трудность психологического анализа деятельности в целом и определения базовых единиц этого анализа, в частности, коренится в особом статусе самого предмета анализа. Он не является «истинной» системой, а принадлежит к одному из основных типов постсистемных образований – системному комплексу. Следовательно, на его анализ не могут быть непосредственно перенесены те способы, которые разработаны по отношению к системным образованиям как таковым и к их основным разновидностям. Действительно, деятельность, не являясь системой так сказать «чисто» идеального плана, то есть не сводясь к ее собственной психической регуляции, не может быть адекватно декомпозирована на базе тех подходов, которые сложились по отношению к этому типу систем (то есть собственно психологических). В еще меньшей степени она допускает свою декомпозицию и на основе тех подходов, которые разработаны по отношению к материальным системам, хотя она с несомненностью включает в себя и эту составляющую, представленную в виде объективных, материализованных аспектов деятельности. Наконец, она не может быть декомпозирована и на основе только тех подходов, которые сложились по отношению к анализу темпоральных систем (на этапы, стадии и пр.), хотя, вместе с тем, также предполагает этот аспект как необходимый. Следовательно, сложность состоит том, что общая методология анализа должна позволять учитывать эту качественную гетерогенность деятельности как системного комплекса. Сам подход к ее декомпозиции должен быть по необходимости

синтетическим, комплексным. Он, с одной стороны, должен включать принципы анализа и материальных, и идеальных и временных систем. С другой стороны, он не должен сводиться к ним по отдельности. Понятно, что данная задача также является весьма сложной; однако без ее решения конструктивное развитие методологии психологического анализа деятельности вряд ли возможно.

Итак, выше были рассмотрены некоторые ключевые вопросы, связанные с разработкой методологических и теоретических основ психологического анализа деятельности. В завершении этого рассмотрения представляется целесообразным сделать ряд заключений обобщающего плана. Во-первых, с достаточной степенью отчетливостью выявилось обстоятельство наиболее общего и одновременно – исходного плана, состоящее в том, что в русле данного направления, равно, впрочем, как и в самой психологической теории деятельности, к настоящему времени оформился целый ряд проблем и трудностей принципиального плана. Все они свидетельствуют об определенной стагнации в этих важнейших психологических областях и, соответственно, данная ситуация должна быть преодолена. В этих целях следует обязательно учитывать два принципиальных обстоятельства. Первое: оба этих направления являются не только тесно взаимосвязанными, но и, по существу, атрибутивно взаимопроизводными. Следовательно, с одной стороны, психологический анализ деятельности как комплексное теоретико-прикладное направление должен базироваться на тех данных, которыми располагает сама психологическая теория деятельности; развиваться вслед за ее собственным развитием. Это, однако, означает, что такое развитие может быть успешным только тогда, когда со стороны данной теории будет обеспечена соответствующая «подпитка», то есть при условии конструктивного развития самой этой теории. Второе: конструктивное развитие обоих этих направлений должно учитывать постоянное и достаточно быстрое изменение «мира профессий». Особо важно, что в результате его трансформаций возникают не только новые виды трудовой деятельности, но и новые их классы. При этом наиболее значимо то, что таковым как раз и является субъектно-информационный класс, а его психологическое исследование, в том числе и с позиций теории деятельности, а также в рамках ее психологического анализа выступает в качестве первоочередной задачи.

Во-вторых, проведенное рассмотрение показало также, что реализация этой, а также иных принципиальных задач развития психологи-

ческого анализа деятельности, равно как и психологической теории деятельности в целом, предполагает преодоление ряда принципиальных трудностей, приобретших, к сожалению, хронический характер. Более того, они часто приобретают и характер так сказать теоретических стереотипов, понятийных штампов и уже практически не подвергаются критической оценке и методологической рефлексии. Так, уже базовое и исходное положение о деятельности как системе, которая и выступает предметом психологического анализа, в действительности, является не вполне корректным (или даже некорректным в существенной степени). Дело в том, что она в наиболее общем случае представляет собой образование значительно более сложного типа, относящееся к категории постсистемных образований. Она эксплицируется в качестве одного из его основных разновидностей – в качестве системного комплекса.

Особо значимо это по отношению именно к деятельности субъектно-информационного класса; поясним сказанное. Как показано нами в работе [111], реальная онтология деятельности – ее действительное и полное бытие эксплицируется, как известно, через так называемую «деятельностную формулу». Это триада базовых «составляющих» любой деятельности: ее субъект, объект и процесс их взаимодействия, то есть собственно деятельности, взятой в ее временной развертке¹⁸. Каждая из них оказывает наибольшее специфицирующее влияние на психическую регуляцию, соответственно, трех разных классов деятельности. Так, по отношению к субъектно-объектным деятельности эта регуляция обретает главные специфические особенности под влиянием тех особенностей и закономерностей, которыми характеризуется индивидуальная психика субъекта деятельности. По отношению ко второму классу в качестве такого специфицирующего фактора выступает уже не субъектная, а объектная «составляющая» этой формулы. Дело в том, что в нем главную роль играют особенности и закономерности, обусловленные радикальной трансформацией его предмета. В его качестве выступают также субъекты, «другие люди» – социальные объекты. Данное обстоятельство подробно обосновано нами на материале исследования управленческой и педагогической деятельности. Однако есть основания полагать, что именно этой же, общей и, по-видимому, фундаментальной, особенности подчиняется и тот класс деятельности, который пока не был исследован в данном пла-

---

¹⁸ Данный вопрос частично уже обсуждался в параграфе 1.1.

не – субъектно-информационный. В нем психическая регуляция, по всей вероятности, в наибольшей мере специфицируется еще одним – третьим (средним) членом этой «формулы» – самим процессом деятельности. Он, однако, должен быть взят также в специфическом и вполне конкретном проявлении, в аспекте тех средств и операционных механизмов, которыми и реализуется этот процесс. В их качестве как раз и выступает все то, что составляет содержание компьютерных технологий как таковых. При этом показательно (и доказательно), что ключевое из этих средств – процессор не только по существу, но даже этимологически иллюстрирует именно это обстоятельство: специфику процессу деятельности субъектно-информационного класса придает, в основном, именно процессор как ключевой компонент всех компьютерных средств.

Более того, именно на процессор транспонируется целый ряд функций и задач – вообще всего содержания деятельности, которое в других классах деятельности являлось прерогативой субъекта. Возникает определенное отчуждение психологического содержания деятельности от самого субъекта. Это порождает ряд новых феноменов, которые также усложняют содержание деятельности. Одновременно процессор воспроизводит существенную часть содержания тех реальностей, которые сопряжены со всеми тремя базовыми системами, входящими в деятельность. Так, он реализует существенную часть функций субъекта; он же моделирует или даже создает реальность, соотносимую с объектом деятельности; наконец, он же реализует практически полностью техническую составляющую взаимодействия между ними. В результате этого степень комплексности деятельности субъектно-информационного класса не просто увеличивается, но и, фактически, удваивается. Она из системного комплекса трансформируется в системный комплекс «второго порядка». Это приводит к новой психологической реальности, которую следует зафиксировать и осознать, а также эксплицировать в теоретических представлениях.

В-третьих, существенной корректировке и дальнейшему углублению должны быть подвергнуты также теоретические представления, сложившиеся к настоящему времени относительно основной – ключевой и определяющей проблемы психологического анализа деятельности – проблемы определения ее основных «составляющих», базовых единиц анализа. Эта проблема является столь же традиционной, сколь и важной, а также остро дискуссионной на протяжении всего разви-

тия представлений в данной области. В результате проведенного рассмотрения было показано, что ни один из предложенных вариантов дифференциации базовых единиц деятельности не релевантен психологической природе и специфике содержания деятельности субъектно-информационного класса. Данная проблема допускает, по нашему мнению, свое теоретически обоснованное решение при условии опоры на базовое в концептуальном отношении понятие компонента.

Наконец, подчеркнем, что проведенное рассмотрение некоторых основных трудностей современного состояния как психологической теории деятельности, так и производного от нее направления – психологического анализ деятельности показало их отнюдь не тупиковый характер. Напротив, все они не только вполне допускают свое преодоление, но возможные – сформулированные выше варианты выхода из них могут рассматриваться реальными и вполне конструктивными направлениями собственного развития теории деятельности. Все это свидетельствует также о больших и пока реализованных не в полной степени перспективах развития психологической теории деятельности, а также о том, что она отнюдь не утратила лидирующего положения в структуре психологического знания. Эти же варианты могут составить и более адекватную теоретико-методологическую основу для разработки общих подходов и конкретных процедур самого психологического анализа деятельности. Значимо и то, что эти подходы и процедуры в существенно большей степени релевантны не только традиционным классам деятельности (субъект-объектному и субъект-субъектному), но и еще одному, новому классу деятельности – субъектно-информационному.

Итак, выше была предпринята попытка рассмотрения содержания двух основных парадигм психологической теории деятельности – как в аспекте их общего смысла и содержания, так и в аспекте тех черт сходства и различия, которыми они характеризуются. Возникновение и становление, развитие и концептуальная эволюция именно этих парадигм во многом определяли общий облик психологической теории деятельности и «основной вектор» ее развития на достаточно длительном временном интервале. Во многом именно «в них» и «через них» данная теория и получила свое развитие. В этой связи особенно значимым, показательным и необходимым представляется выявление и анализ тех трудностей и собственно теоретических вопросов, к которым привело развитие теории деятельности в рамках каждой из них. Кро-

ме того, фиксацию этих трудностей можно рассматривать и в качестве первого – причем, совершенно необходимого шага для попытки их преодоления и, соответственно, – для определения на этой основе перспектив и возможных направлений дальнейшего развития данной теории.

Все трудности и проблемы, которые постепенно выявились в ходе развития указанных парадигм, носят, на наш взгляд, двоякий характер. Первая категория такого рода трудностей и, соответственно, первый комплекс нерешенных вопросов обусловлен собственными пределами объяснительных возможностей, которые характерны обоим рассмотренным парадигмам. В этом плане по отношению к каждой из них можно констатировать следующую ситуацию.

Так, одной из главных проблем, порожденной общей логикой развития структурно-уровневой парадигмы, явилась следующая трудность. Очень настойчивое и даже – «упорное», а нередко – и просто привычное, но недостаточно критическое использование только традиционно закрепившихся в указанном подходе уровней организации деятельности, фактически, закрывает даже саму возможность – блокирует путь к поиску и обнаружению иных, качественно своеобразных ее уровней. Более того, строго говоря, само выделение только уровней деятельности и действий, а также операций (не являющихся в полном объеме и строгом смысле предметом собственно психологического исследования) не столько раскрывает структуру деятельности, то есть наличие ряда иерархически соподчиненных уровней, сколько фиксирует лишь ее крайние полюса – наиболее сложный (деятельность) и наиболее простой (действие). Их соотношение при этом выступает не как экспликация, действительно, уровневого строения, а фактически лишь как отношение целого (системы) и части (компонента). Вопрос же о самих переходных уровнях иерархии между этими двумя полюсами остается не только открытым, но и не сформулированным в явном виде.

Согласно традиционным представлениям, сложившимся в данной парадигме, между уровнем автономной деятельности и уровнем действий нет никаких иных уровней организации; они являются не только основными, но и исчерпывающими в этом плане. Однако если учитывать исходный и основной смысл соотношения указанных понятий – соответственно, понятий деятельности и действия, то нельзя не видеть того, что в них фиксируются не столько уровни (хотя, конечно, и они тоже), сколько отношения системы и ее компонента, целого и части. Фактически, деятельность и действие это «крайние

полноса» сложности единой системы – относительно наиболее и наименее сложные. Эти понятия раскрывают поэтому не столько общую структуру деятельности, сколько направлены на решение иных вопросов – в частности, на решение уже рассмотренного вопроса о «клеточке» деятельности, о структурировании деятельности на основе ее «психологических единиц».

Подчеркнем, что суть рассматриваемой здесь проблемы состоит не в том, что эти представления являются неправильными. Наоборот, они правильны и корректны. Проблема, однако, заключается в том, что, как мы уже отмечали выше, они «слишком правильны»; они обладают такой степенью обобщенности и абстрактности, которая не допускает не только возражений, но часто – и конструктивного использования. Наиболее принципиальные теоретические трудности, препятствующие конструктивному использованию данных представлений, связаны с необходимостью решения ряда дополнительных и очень важных теоретических вопросов, то есть, фактически, с развитием самой теории деятельности.

Наряду с этим, необходимо, на наш взгляд, отметить еще некоторые особенности данного подхода. К сожалению, они обычно не становятся предметом самостоятельного анализа и оценки, хотя также важны для понимания рассматриваемого подхода и свидетельствуют о необходимости его дальнейшего концептуального развития и совершенствования.

Так, прежде всего, возникает ключевой по отношению к любым иерархическим, структурно-уровневым схемам вопрос – о том *критерии* (точнее – критериях), который положен в основу дифференциации самих уровней и, соответственно, в основу развернутой на его основе иерархии. Известно также, что структурно-уровневая организация любой достаточно сложной системы базируется, как правило, не на одном, а на целом ряде критериев (на их системе). Кроме того, важно помнить, что сами критерии дифференциации уровней подразделяются на два их типа – *критерий-дискриминатор* («различитель») и критерии-верификаторы [99]. Действительно, с одной стороны, следует разделять критерии (признаки), репрезентирующие качественную разнородность уровней. Их использование может и должно служить средством проверки наличия качественных отличий между выделяемыми уровнями. Их необходимо обозначить поэтому как *критерии-верификаторы*. С другой стороны, наряду с ними, как правило,

существует обобщенный и унитарный критерий дифференциации, являющийся средством не только верификации, но и поиска, обнаружения (различения – дискриминации) уровней в рамках интегрированного и изначально недифференцированного целого. Он был обозначен нами как критерий-дискриминатор. Условие сочетания обоих типов критериев является обязательным для уровневой организации объектов.

По отношению к рассматриваемому подходу все эти положения не подвергаются специальному и самостоятельному рассмотрению и, соответственно, не реализованы в нем. Так, отсутствует уже сама по себе дифференциация критериев на критерии-верификаторы и критерий-дискриминатор. Еще более негативно то, что в основе дифференциации трех главных уровней вообще отсутствует какой-либо единый, общий, то есть именно унитарный критерий. Каждый из трех уровней, хотя и выделяется по тому или иному – вполне определенному признаку, но сами эти признаки качественно различаются. Так, уровень автономной деятельности соотносится с мотивацией, уровень действий – с наличием осознаваемой цели, уровень операций – со вполне определенными условиями, при которых они являются реализуемыми. Негативно, конечно, и то, что эти – дифференцированные уровни не рассматриваются и не эксплицируются по системе критериев-верификаторов; понятие о них также вообще отсутствует в данной парадигме.

Итак, можно видеть, что положенные в ее основу средства уровневой дифференциации, фактически, априорно блокируют даже самую возможность раскрытия всей – реально представленной многомерности и многоуровневости предмета изучения, то есть структуры деятельности. На наш взгляд, более конструктивно отказаться от такой априорной «презумпции несуществования» иных уровней и допустить возможность их существования, то есть наличие иных, переходных уровней интеграции в общей структуре деятельности. В пользу такого допущения свидетельствует, по существу, вся – очень длительная история развития идей структурно-уровневого подхода в психологии.

Далее, дифференциация высшего уровня рассматриваемой иерархии – уровня автономной деятельности на основе его соотношения с наличием самостоятельного мотива также порождает вполне естественные вопросы. Главный из них состоит в том, что она не вполне согласуется с одним из базовых положений психологии мотивации, согласно которому в основе практически любой деятельности лежит

не какой-либо один мотив, а целый ряд, точнее – система мотивов и, следовательно, практически любая деятельность обладает свойством полимотивированности.

Следует учитывать и то, что данная теория была исходно разработана и длительное время разрабатывалась, в основном, на базе изучения субъект-объектных видов деятельности. И в этом плане – даже при ее очевидной концептуальной неполноте она все же достаточно адекватна и конструктивна. Трех описанных в ней уровней часто бывает вполне достаточно и для теоретических и для прикладных исследований указанных видов деятельности.

Однако, как мы уже отмечали, «начав с более простого» (субъект-объектных видов), психологическая теория деятельности не может и не должна останавливаться на них. Она должна развиваться и дальше – по направлению включения в свой концептуальный состав иных, более сложных видов и типов деятельности – прежде всего, деятельностей субъект-субъектного типа. Смысл и важность такого концептуального расширения состоят еще и в том, что именно субъект-субъектные виды деятельности являются и наиболее значимыми, и наиболее сложными, и наиболее перспективными с точки зрения современных тенденций развития и дифференциации форм трудовой деятельности. Аналогичные соображения должны быть высказаны и в связи с третьим основным классом деятельностей – субъектно-информационным.

Вообще говоря, сама себе дифференциация двух базовых классов деятельности – субъект-объектного и субъект-субъектного при условии ее последовательной методологической рефлексии порождает целый ряд достаточно трудных и принципиальных теоретических вопросов, а также приводит к ряду следствий, являющихся очень показательными в плане рассматриваемых здесь задач. Прежде всего, нельзя не видеть того обстоятельства, что степень разработанности представлений о психологическом содержании субъект-субъектных видов деятельности, вообще – мера концептуальной зрелости психологической теории деятельности по отношению к ним является существенно меньшей, нежели по отношению к субъект-объектным видам. И дело здесь не только в том, что последние имеют более давнюю историю изучения, а в причинах более принципиального характера. На наш взгляд, все эти причины коренятся в следующем – принципиальном обстоятельстве, которое обычно не осознается с достаточной полнотой и до сих пор учитывается в должной мере. Дело в том, что

в субъект-субъектных видах деятельности коренной, принципиальной – не только кардинальной, но и наибольшей» среди всех возможных трансформации подвергается важнейший атрибут деятельности – ее *предмет*. Им становится столь специфическая и даже уникальная во всех отношениях сущность, каковой выступает сам субъект – личность «другого» (точнее – «других»). Объект и субъект деятельности становятся не только «равномощными», но и как бы «односущностными», однопорядковыми. Поэтому и предметом деятельности становится опять-таки деятельность, но – деятельность других. Сама она обретает принципиально новую форму – выступает как «деятельность с деятельностями», как своего рода метадеятельность. В ней взаимодействуют два деятельностных контура – активный (организующий) и пассивный (организуемый). Фактически, возникает «феномен транспонируемости» (и обратимости) деятельности на самоё себя.

Таким образом, можно видеть, что в субъект-субъектных видах деятельности имеют место две принципиальные трансформации. Во-первых, трансформация важнейшего атрибута деятельности – ее *предмета*, которая не может, по всей вероятности, не приводить к аналогичным по масштабу, то есть так же принципиальным изменениям практически во всех иных ее аспектах. Во-вторых, возникает и принципиально новый «феномен транспонируемости» деятельности на самоё себя. Одна система деятельности реализуется в отношении другой (других) системы деятельности. Тем самым, субъект-субъектная деятельность обретает характер так сказать деятельности «второго порядка» – «деятельности с деятельностями», то есть метадеятельности. В результате этого в них сама деятельностная организация как бы выходит за пределы своего исходного – системного статуса и выступает уже как метасистемное образование. Здесь мы вновь сталкиваемся с уже констатированной выше фактом постсистемной организации деятельности, а шире – с явлением постсистемного бытия объектов. Его смысл состоит в существовании таких форм организации, в которых «преодолевается» их исходный статус (статус системно-организованных) и они подвергаются новой, дополнительной – метасистемной организации. Два этих – очень радикальных и самих по себе, а тем более в сочетании друг с другом, направления трансформации как раз и обуславливают то, что у субъект-субъектных видов деятельности возникают принципиально новые особенности и закономерности, механизмы и принципы

организации, отсутствующие у субъект-объектных видов. Они – и это очень важно подчеркнуть – обладают именно метасистемной природой и, соответственно, не могут быть обнаружены и объяснены средствами собственно системного (а не метасистемного) подхода.

Можно видеть, таким образом, что и в плане общей логики развития теории деятельности – ее перехода от преимущественного изучения субъект-объектных видов деятельности к изучению субъект-субъектных прослеживается все та же магистральная закономерность. Она имеет двоякий характер. С одной стороны, она приводит к необходимости все более полной разработки психологической теории деятельности на основе системной методологии. Однако, с другой стороны, она заключается и в дальнейшем – постепенном и все более явном осознании недостаточности традиционных вариантов системного подхода; в необходимости разработки новых, более мощных его версий, которые были бы более адекватны истинной сложности и многомерности организации деятельности.

Подчеркнем также, что с особой остротой все сказанное проявляется по отношению к развитию такого очень важного направления психологии деятельности, как разработка представлений о психологическом содержании и структуре управленческой деятельности, то есть в области психологии управления. Дело в том, что в управленческой деятельности синтезируются сразу два модуса постсистемной организации деятельности. Во-первых, управленческая деятельность (по определению) – это всегда некоторая часть, (причем, важнейшая) совместной деятельности. Однако последняя, как было показано выше, уже сама по себе является не «истинной системой», а системным комплексом, эксплицируя тем самым один из постсистемных модусов. Во-вторых, она является и наиболее ярким представителем субъект-субъектных видов деятельности как таковых; она в прямом и непосредственном смысле выступает именно как «деятельностью с деятельностью», то есть метадеятельностью, эксплицируя тем самым и второй постсистемный модус. В ней опять-таки возникает своеобразный «феномен автовзаимодействия» – взаимодействия деятельности с самой собой, но в двойной ипостаси – управленческой и исполнительской. Сама она, фактически, трансформируется из системы «первого порядка» в систему «второго порядка», то есть становится именно метасистемной по своей организации. При этом не только не исключено, но напротив, очень вероятно, что такая радикальная

трансформация будет обуславливать возникновение аналогичных, то есть также глубинных, качественных изменений в самой деятельности. Они, однако, могут быть обнаружены и объяснены с позиций иной – более совершенной методологии, то есть методологии, требующий (и, что еще более важно, – реально позволяющей) учитывать действительную – метасистемную организацию деятельности.

Кроме того, анализ проблемы деятельности с позиций ее дифференциации на два основных класса (субъект-объектный и субъект-субъектный) имеет, на наш взгляд, еще один, достаточно значимый – прежде всего, в теоретическом плане аспект. С одной стороны, дополнение теории деятельности изучением субъект-субъектных видов, а также введение в ее концептуальный состав самой дифференциации деятельности на объектно-ориентированные и субъектно-ориентированные является очень логичным и естественным, объективно необходимым и «понятным» со всех точек зрения. Однако, с другой стороны, уже сама эта дифференциация, означающая введение в нее еще одного класса изучаемой реальности, создает своеобразный прецедент, смысл которого заключается в следующем. Если, действительно, существует еще один класс, то возможно ли существование и других – также дополнительных, новых и качественно отличных классов? Вообще, не является ли сама эта – достаточно простая дифференциация огромного многообразия деятельностей («мира деятельностей») на два (точнее – всего на два) класса упрощенной и недопустимо симплифицированной, не отражающей всего их реального многообразия? Быть может, она – только первая, но именно поэтому – лишь исходная, начальная ступень развития представлений об иных, также принципиально, качественно своеобразных классах деятельности? Данное предположение находит убедительное подтверждение в становлении третьего основного класса – субъектно-информационного.

Действительно, специальный анализ всех этих вопросов, который был осуществлен в 1 главе, а также в работах [120, 121, 122, 126] выявил необходимость дифференциации еще одного, качественно специфического и несводимого к двум уже выделенным, класса деятельности – субъектно-информационного. Его важнейшей отличительной характеристикой является то, что в нем имеет место та же самая в принципе трансформация (то есть трансформация принципиальная по смыслу и радикальная по масштабу), которая привела в свое время к необходимости дифференциации субъект-объектно-

го и субъект-субъектного классов. Это трансформация основного атрибута деятельности – ее предмета. В субъектно-информационных видах деятельности им выступает уже не объект, но и не субъект, а совершенно иная и предельно специфическая сущность – информация. Она сама по себе, то есть исходно не является ни объектом и не субъектом, хотя может сигнифицировать и тот и другой – и по отдельности, и одновременно.

Сфера действия и область представленности этого третьего класса предельно широка – от, скажем, деятельности экономиста до деятельности ученого. Как показано в 1 главе, если переход от субъект-объектного к субъект-субъектному классу означает, прежде всего, «удвоение деятельности» и возникновение ее метадеятельностной (и значит – метасистемной) организации, то здесь имеет место еще один качественный переход. Сама эта «вторичная» деятельность получает также «вторичную репрезентацию»: ее предмет представлен не в его исходной, «первичной» форме, а в форме «вторичной» – в виде информационных моделей, информации как таковой. Огромное количество современных видов профессиональной деятельности характеризуется тем, что субъект работает не только с так называемым «неодушевленным объектом» и даже не с «одушевленным субъектом», а практически исключительно с информацией. Причем, наиболее важной и специфичной для всех этих видов деятельности является следующая их атрибутивная черта. Субъект, как правило, оперирует с такой информацией, в которой сначала необходимо идентифицировать, что именно она означает, сигнифицирует – объекта или субъекта, (или же и того, и другого одновременно). Все это, повторяем, не может не приводить к ряду кардинальных следствий, прежде всего, психологического порядка. Во-первых, объективная необходимость в дифференциации еще одного класса деятельности (субъектно-информационного) с еще большей настоятельностью требует развития и совершенствования методологии системного изучения деятельности. Все более настоятельной становится и задача дополнения традиционных вариантов системного подхода новыми вариантами и, прежде всего, такими, которые учитывали бы метасистемную организацию наиболее сложных, новых видов и классов профессиональной деятельности. Во-вторых, возникает необходимость и в углубленном рассмотрении закономерностей организации этого – третьего типа профессиональной деятельности,

которое, не исключено, может способствовать развитию и углублению представлений о психологической природе деятельности, взятой во всей полноте ее реально существующих типов и классов.

Подчеркнем также, что, строго говоря, традиционная дихотомия – дифференциация только двух классов деятельности (субъект-объектного и субъект-субъектного) с формально-логической точки зрения является наиболее простой, первичной и исходной. Пора, наконец, осознать, что – именно в силу своей «исходности» – она не только допускает, но и требует дальнейшего развития. Дифференциация может и должна углубляться; охватывать новые важные, хотя и не представленные пока в ней основания. В существующей дифференциации таким основанием является критерий предмета деятельности, его качественных различий. При этом следует подчеркнуть, что именно это основание и, соответственно, – критерий является важнейшим, в силу чего, собственно говоря, сама эта дифференциация и является исходной, возникла раньше иных. Кроме того, в работе [98] показано, что, по-видимому, существуют и такие классы профессиональной деятельности, по отношению к которым в принципе нельзя определить, к какому – так сказать «чистому» классу они относятся, поскольку характеризуются атрибутивной синтезированнойностью всех трех классов. Эти виды деятельности были отнесены к четвертому классу – к классу *интегративных* видов деятельности [124, 220]. Раскрытие их психологической природы с еще большей настоятельностью – именно в силу их интегративного характера также требует разработки новых, более мощных вариантов системного подхода.

Далее, принципиальные ограничения накладываются на данную концепцию и в плане того, что она, как было показано выше, базируется на моноструктурном подходе к решению проблемы выделения «единиц» анализа деятельности. Данный подход, являясь в целом менее конструктивным и обоснованным, чем полиструктурный, соответственно, представляет меньше возможностей для раскрытия реальной гетерогенности и качественной многомерности деятельности.

Наконец, следует отметить, и то, что в данном подходе достаточно мало внимания уделяется рассмотрению диахронического, временного, то есть темпорального аспекта организации деятельности, а основное место отводится так сказать синхронической – структурной организации. Деятельность раскрывается, в основном, в плане ее статики, а не в плане динамики – функционирования.

Переходя к рассмотрению основных ограничений (и, соответственно, – возможных направлений дальнейшего развития как средств их преодоления) второй парадигмы разработки психологической теории деятельности – структурно-морфологической, необходимо, в первую очередь, подчеркнуть следующее. Ее сущность, как уже отмечалось выше, заключается в том, что психологическая архитектоника деятельности раскрывается через понятие инвариантной структуры основных компонентов деятельности. В качестве таких компонентов, образующих в своей совокупности «морфологию» деятельности, выступают, как уже отмечалось выше, качественно гетерогенные «единицы». Они по-разному обозначаются в работах разных авторов, но являются принципиально сходными по смыслу: «функциональные блоки» деятельности, основные «составляющие» деятельности, «образующие» системы деятельности и т. д. Собственно говоря, основные положения такой теоретической экспликации структурно-функциональной организации деятельности уже были рассмотрены при характеристике полиструктурного подхода к решению проблемы выделения «единиц» ее психологического анализа. Она обладает целым рядом несомненных достоинств, позволяя глубже и полнее выявить освоенности и закономерности организации деятельности, является достаточно полным и конструктивным воплощением системного подхода к разработке психологии деятельности в целом.

Вместе с тем, и у нее существуют вполне очевидные возможности для дальнейшего совершенствования и развития, поскольку она не только решает многие теоретические вопросы, но и ставит новые, как правило, еще более сложные проблемы, требующие своего исследования. Те возможности, которые содержатся в ней, равно как и проанализированной ранее структурно-уровневой парадигме, отнюдь не всегда оказываются достаточными для раскрытия тех или иных – в особенности наиболее сложных компонентов и процессов организации деятельности. В связи с этим, можно сделать заключение и более общего плана: по-видимому, ее парадигмальные основания уже недостаточны и не вполне адекватны решению целого ряда теоретических задач. Они – эти основания сами нуждаются поэтому в их дальнейшем развитии.

В плане реализации данного положения в ряде предыдущих работ [111, 126] нами была обоснована необходимость, а также доказана перспективность трансформации структурно-морфологической

парадигмы психологического анализа деятельности в иную, более совершенную и адекватную парадигму – функционально-динамическую. Суть такой трансформации (что также отмечалось выше) определяется следующим важнейшим обстоятельством. Как известно, структурно-морфологический подход связан с выделением и последующим изучением ее основных психологических «составляющих» (компонентов). Этот подход, как мы уже отмечали выше, и получил наиболее завершенное выражение в разработанных в 1970-80-е гг. структурно-функциональных представлениях, моделях деятельности, которые были рассмотрены выше. Вместе с тем, возникает необходимость раскрытия, как конкретно, то есть в форме каких функций и процессов реализуются, «работают» выявленные ранее составляющие деятельности? Другими словами, возникает необходимость дополнения структурно-морфологического исследования иным – процессуально-динамическим изучением. Это связано с выяснением вопроса уже не о том, «из чего состоит» деятельность, а с вопросом, как она функционирует; более конкретно – какие процессы лежат в основе организации и динамики деятельности как целостной системы.

Один из вариантов решения данного – ключевого в теоретическом отношении вопроса (то есть вопроса о том, что именно представляют собой эти процессы) был предложен в разработанной нами концепции *интегральных процессов* психической регуляции деятельности. Ее подробное рассмотрение представлено в [111]; поэтому отметим лишь ее наиболее принципиальное положение. Согласно ей, в качестве этих процессов выступает класс специфически регулятивных процессуальных средств деятельности, которые и обеспечивают собой реализацию базовой, инвариантную совокупность основных функций по ее организации – класс интегральных процессов психической регуляции деятельности. В него входят процессы целеобразования, антиципации, принятия решения, прогнозирования, планирования, программирования, контроля, самоконтроля. Это – своего рода процессы «второго порядка», второго уровня интеграции, в которых осуществляется синтез всех иных – «первичных» психических процессов (когнитивных, эмоциональных, мотивационных, волевых) при реализации ими регулятивных функций. В деятельности основные психические процессы соорганизуются в такие интегративные процессуальные образования, каждое из которых направлено на обеспечение той или иной базовой регулятивной функции.

Данные образования хотя и реализуются на основе всех известных психических процессов, но несводимы к их совокупности. Дело в том, что интеграция последних (как и любая иная интеграция) объективно приводит к формированию новых – системных по своей природе качеств. Эти новые качества не позволяют редуцировать содержание интегративных процессуальных образований к совокупности включенных в них основных психических процессов.

Кроме того, структурно-морфологическая парадигма разработки теории деятельности характеризуется и рядом других особенностей, свидетельствующих о наличии у нее возможностей дальнейшего развития и концептуального углубления. Некоторые из них близки к тем, которые были констатированы выше по отношению к структурно-уровневой парадигме, а некоторые специфичны только для нее. Так, в структурно-морфологической парадигме не сформулирован в явном виде *критерий* дифференциации самих базовых «составляющих» системы деятельности. Нерешенность данного вопроса порождает, в свою очередь, другой вопрос – о достаточности выделенных «составляющих» для полной, а еще лучше – исчерпывающей экспликации всех реально существующих базовых компонентов структуры деятельности. Все выделяемые в настоящее время психологические «составляющие» дифференцированы, главным образом, на основе либо эмпирико-феноменологических, либо деятельностно-аналитических и феноменологических данных, а не на основе какого-либо теоретически обоснованного критерия. Они не являются поэтому продуктами научной дедукции, а получены, в основном, индуктивным путем.

Кроме того, в структурно-морфологической парадигме, в отличие от предыдущей, явно недостаточное внимание уделяется и закономерностям иерархической, структурно-уровневой организации деятельности. Положение об иерархичности ее организации и тем более – об уровнях такой организации, хотя и присутствует в ней, но как бы в «фоновом» виде, как нечто подразумеваемое. Вместе с тем, ни критерии уровневой дифференциации, ни сами уровни организации деятельности в данном подходе не представлены в явном виде. Основной акцент делается не на уровневой – иерархической («вертикальной») организации деятельности, а не на ее «горизонтальной» организации, образованной системой связей координационного типа между основными «составляющими» деятельности.

Все отмеченные выше особенности, присущие обеим анализируемым здесь парадигмам разработки психологической теории деятельности и свидетельствующие о наличии у них еще нереализованных возможностей развития, обладают одной общей особенностью. Она заключается в том, что все они, как минимум, осознаются и формулируются в качестве проблем и трудностей дальнейшей разработки указанных подходов. Соответственно, предпринимаются и попытки (часто – безуспешные) их преодоления. Тем самым, все эти особенности образуют своего рода «зону ближайшего развития» для разработки психологической теории деятельности. Вместе с тем, общая ситуация, сложившаяся в плане перспектив и направлений развития психологической теории деятельности в настоящее время, значительно сложнее, поскольку существует еще одна группа причин, сдерживающих ее. Она имеет более имплицитный, латентный характер, но одновременно является и более существенной; ее суть может быть резюмирована следующим образом.

Действительно, рассмотренные выше, а также иные – аналогичные им по смыслу и масштабу проблемы и трудности разработки психологической теории деятельности были поставлены логикой ее развития с позиций системного подхода. Однако, они не только не получили с его позиций в дальнейшем своего конструктивного решения, но и не были подвергнуты сколько-нибудь интенсивному, развернутому изучению. Подведя к ним и поставив их, системный подход, тем не менее, не выступил достаточным и уже тем более – так сказать «автоматическим» средством их решения. Он, позволив перевести всю психологическую теорию деятельности на более совершенный и теоретически существенно более зрелый уровень и явившись поэтому крупным шагом в ее развитии, выступил именно «шагом» в этом направлении, а не панацеей от всех ее проблем. Он сам привел к постановке новых и, как правило, еще более сложных вопросов и проблем – в частности тех, которые были отмечены выше. И в этом плане можно констатировать еще одну, очень характерную особенность развития психологической теории деятельности с позиций системного подхода. Поставив совокупность ряда ключевых вопросов и проблем, вообще – резко интенсифицировав на определенном историческом интервале разработку психологической теории деятельности, системный подход в дальнейшем резко сбавил темпы своей экспансии в сферу данной теории. Это в достаточно существенной степени повлияло и на развитие

психологической теории деятельности в целом (а не только тех ее вариантов, которые прямо или опосредствованно базировались не принципе системности). Сама ее разработка существенно затормозилась на последующем – причем, достаточно длительном временном интервале, приведя в итоге к тому, что, как справедливо отмечает В. Д. Шадриков, «В настоящее время можно встретиться с пессимистическими оценками отечественных работ в области теории деятельности» [269].

Вместе с тем, объективно возникшие кризисные моменты в развитии психологической теории деятельности необходимо, на наш взгляд, рассматривать не как кризис самой психологии деятельности, а как свидетельство определенной ограниченности прежних методологических оснований ее разработки. Следовательно, столь же объективной является и необходимость корректировки последних и, возможно, – разработки новых методологических подходов к решению данной задачи. В этом плане уместно еще раз привести уже отмечавшуюся мысль В. А. Лекторского, указывавшего на то, что «При определенном переосмыслении деятельностный подход может быть понят не как прошлое, а скорее как настоящее и, может быть, ближайшее будущее философии и когнитивных исследований в мире» [157]. В связи с этим, вполне логично возникает вопрос о причинах данной ситуации, о детерминантах такого развития психологической теории деятельности с позиций системного подхода. На наш взгляд, их смысл состоит в следующем.

Все отмеченные выше проблемы и трудности разработки психологической теории деятельности с позиций системного подхода должны быть поняты в качестве своеобразных «индикаторов» и следствий действия факторов более глубинного порядка. Суть последних состоит в том, что они обусловлены не трудностями применения и не сложностями использования методологии системности по отношению к разработке данной теории, а тем, что сама эта методология также обладает собственными ограничениями – несовершенствами и недостатками. Другими словами, возникает вполне обоснованное предположение, согласно которому развитие психологической теории деятельности с позиций системного подхода существенно и надолго затормозилось не недостатками применения методологии, а недостатками самой этой методологии.

В связи с этим, возникает еще один вопрос и, соответственно, еще одно направление анализа. Действительно, если эта методология, возможно, обладает существенными, а не исключено, – и принципи-

альными ограничениями и поэтому в целом уже недостаточна для конструктивной разработки психологической теории деятельности, то возможны два пути выхода из такой ситуации. Первый – отказ от нее как таковой в целом и попытка разработки новой методологии. Второй – возможное качественное совершенствование данной методологии с целью приведения ее к виду, более конструктивному в плане продуктивной разработки психологической теории деятельности. Первый из этих вариантов, хотя, быть может, в принципе и возможен, но пока совершенно неясно, в чем он конкретно заключается, каковы его «контуры» и мера преемственности по отношению к уже существующей психологической теории деятельности. В связи с этим, он представляется достаточно труднореализуемым в настоящее время. Второй вариант является существенно более выигрышным в данном отношении, поскольку позволяет сохранить преемственность в разработке психологической теории деятельности. Однако он ставит достаточно сложные вопросы и приводит к формулировке принципиальных по своему характеру проблем, связанных с определением возможностей и направлений дальнейшего развития методологии системности. Вместе с тем, без попыток такого развития дальнейший ощутимый прогресс в разработке психологической теории деятельности вряд ли возможен.

2.4. Метасистемный подход к реализации структурного исследования

Одна из таких попыток была реализована нами в рамках сформулированного в работах [99, 101, 103] нового варианта общенаучного принципа системности – метасистемного подхода. Поскольку его общая характеристика представлена в этих, а также в целом ряде других наших работ [104, 110, 111, 116], то здесь мы остановимся лишь на тех его аспектах, которые имеют непосредственное отношение к профессиональной деятельности в целом и информационной деятельности, в частности, а также ее метакогнитивной регуляции.

Прежде всего, отметим, что в рамках данного подхода сформулированы представления об общей *стратегии* реализации исследований, базирующихся на методологии системности – об *алгоритме системного исследования* (АСИ). Он, в свою очередь, позволяет обоснованно определить место и роль структурного плана изучения того или иного предмета в рамках общей стратегии его системного исследования. Дан-

ный алгоритм базируется на представлениях об инварианте основных «призм» видения предмета, синтез которых необходим для его полной, то есть собственно системной характеристики. Другими словами, одним из основных ее императивов является необходимость раскрытия предмета во взаимодополняющей последовательности ряда основных планов (которые и составляют основу «алгоритма системного исследования»). Ими являются следующие гносеологические планы:

1. Определение *метасистемы* по отношению к изучаемому предмету. Она является более широкой – онтологически представленной целостностью, в которой содержатся основания и детерминанты для его «внутрисистемного», то есть истинного бытия. В ней также заложены необходимые гносеологические средства для его изучения.

2. Раскрытие предмета в плане выявления его качественной *определенности*, в относительной автономности от более общей системы, то есть в аспекте его собственного содержания.

3. Установление закономерностей соотношения предмета с более общей целостностью и выявление тех качественных *спецификаций*, которые он обретает в ней.

4. Раскрытие закономерностей *структурной* организации предмета исследования.

Данный – во многом определяющий этап дифференцируется, как правило, на ряд подэтапов, каждый из которых также имеет важное методологическое значение. В своей совокупности они образуют второй – структурный план исследования, а основными при этом выступают следующие подэтапы.

4.1. Определение наличия или отсутствия у системы самостоятельной цели как критерия ее дифференциации от среды.

4.2. Выделение системы из среды в качестве относительно самостоятельной на основе определенного критерия.

4.3. Установление компонентного состава системы на основе «критерия взаимосодейственности» (П.К. Анохин [10]), согласно которому компонентами системы считается все то, что, так или иначе, содействует достижению ее цели.

4.4. Собственно структурное изучение системы, то есть определение совокупности связей между компонентами, установленными на предыдущем этапе.

5. Раскрытие закономерностей *функциональной* организации предмета исследования.

6. Установление и интерпретация особенностей и закономерностей *генезиса*, развития предмета исследования;

7. Определение и интерпретация интегративных свойств предмета исследования – его *системных качеств*.

Основные этапы алгоритма системного исследования органично и непосредственно сопряжены, соответственно, с основными категориями *закономерностей*, которые дифференцируются в гносеологии. К ним, как известно, относятся следующие категории закономерностей [146, 157, 245].

– Закономерности, являющиеся производными от включенности изучаемого предмета в контекст более *общей* целостности, в состав той или иной – онтологически представленной системы, в которой сам он приобретает свое «конкретное, внутрисистемное бытие» [146];

– Закономерности *структурной* организации предмета;

– Закономерности *функциональной* организации предмета;

– *Генетические* закономерности;

– Закономерности, связанные с формированием и функционированием наиболее обобщенных, *интегративных* свойств предмета – его системных качеств.

Рассмотренные выше этапы реализации алгоритма системного исследования, являясь одновременно основными аспектами исследования объекта, в совокупности – через синтез получаемых при их реализации результатов позволяют дать достаточно полное представление о нем, преодолеть односторонность аспектного его исследования. Одновременно через них предмет получает и необходимые основания для причинного объяснения обнаруживаемых в нем закономерностей в аспекте структурной, функциональной, генетической причинности. Такое – системно-организованное знание о предмете является необходимым условием для его перевода с уровня эмпирико-феноменологических представлений на уровень собственно *теоретического* знания; условием придания развиваемым теоретическим представлениям свойства концептуальной полноты и завершенности.

Далее, ключевым – определяющим положением данного подхода является обоснование существования особого класса систем, которые не были дифференцированы ранее, но которые в наибольшей мере адекватны специфике объектов собственно психологического исследования. Они были обозначены понятием систем со «встроенным» метасистемным уровнем. Эти системы характеризуются двумя наиболее

важными и, в то же время, наиболее специфическими особенностями. Во-первых, они обладают уникальной особенностью, заключающейся в том, что метасистема, которая является более общей по отношению к ним и в которую они сами онтологически входят, в то же время, *функционально* включается в них – она встраивается в их собственное содержание. Наиболее общей и репрезентативной иллюстрацией данной особенности выступает организация психики в целом, поскольку ее важнейшей – атрибутивной чертой как раз и является функциональная представленность в ней – как в субъективной реальности – той метасистемы, в которую она сама включена – объективной реальности. Следовательно, можно констатировать, что та метасистема, с которой исходно взаимодействует психика, в которую она объективно включена, оказывается функционально представленной в структуре и содержании самой психики. Она транспонируется в психику, хотя и в очень специфической форме – в форме реальности субъективной. Во-вторых, эти системы характеризуются способностью к саморепрезентации своего содержания в целом и тем самым – к порождению нового уровня собственной организации – метасистемного. Наиболее яркой иллюстрацией этой особенности опять-таки является организация психики, поскольку именно данный атрибут и составляет ее важнейший и наиболее специфический атрибут – феномен сознания. Эти системы обладают целым рядом не описанных в традиционных вариантах принципа системности особенностей и свойств; они подробно охарактеризованы в сформулированном нами подходе. Экспликация систем данного класса позволяет ввести в концептуальный аппарат психологических исследований категорию особых и еще более сложных образований – постсистемных. Их основные особенности составляют адекватную методологическую основу для разработки многих собственно психологических проблем. Роль и значимость всех этих особенностей особенно выражена при исследовании собственно метакогнитивных процессов и механизмов организации деятельности в целом и деятельности субъектно-информационного класса в особенности. Дело в том, что именно они являются основными – конкретными по содержанию, но одновременно общими по смыслу и функциональному назначению операционными средствами, позволяющими реализовать принцип метасистемной организации.

С позиций этих представлений открываются дополнительные возможности для решения главного вопроса всего структурного этапа

системного исследования – выявления и объяснения закономерностей структурного типа. Вместе с тем (и это опять-таки предписывается методологией системности) данный этап, в силу его сложности и комплексности, является достаточно дифференцированным и предполагает реализацию целого ряда исследовательских подэтапов. И, безусловно, главным из них является тот аспект изучения системы (и, соответственно, – подэтап), который направлен на установление компонентного состава изучаемой системы. Как мы отмечали выше, это вообще основной и исходный для любого познания шаг, связанный со стремлением понять, прежде всего, «из чего состоит» объект познания.

Известно также, что в методологии системности представлен такой вариант решения данного вопроса, который явно доминирует по отношению ко всем остальным. Мы имеем в виду подход, который был предложен П. К. Анохиным и получил широкое распространение и признание в системных исследованиях [10]. В нем сформулирован определенный и достаточно строгий критерий для определения компонентного состава той или иной системы; это – так называемый «критерий взаимосодейственности». Его смысл состоит в том, что в качестве компонентов системы рассматривается любая сущность (предмет, явление, процесс, феномен, механизм и пр.), которая так или иначе, прямо или косвенно содействует достижению общей цели системы, по отношению к которой стоит задача определения ее компонентного состава. Все, что «работает» на достижение цели и функционально способствует этому, рассматривается как совокупность компонентов системы. Цель, подобно магниту, «вытягивает» из среды и «притягивает» к себе лишь то, что способствует ее осуществлению и тем самым является универсальным критерием для определения компонентного состава системы. Далее – на последующих этапах становления и развития системы цель выполняете также и функцию перевода компонентов в специфический режим – режим их взаимосодействия ее достижению, при котором каждый компонент проявляет себя лишь в том аспекте и в той мере, которые помогают достижению цели.

Естественно, что эти представления, сформулированные на достаточно ранних этапах развития принципа системности, наряду с их четкостью и определенностью (точнее – именно благодаря им), характеризуются некоторой упрощенностью и схематизированностью. Так, например, многие или даже – подавляющее большинство систем имеют не одну, а ряд, точнее – множество целей и являются поэтому

полицелевыми. В связи с этим, их компонентный состав формируется по более сложным схемам, а сами они выступают как полисистемные образования. Далее, отнюдь не всегда цель как критерий определяет системы по так сказать «морфологическому» принципу – по принципу структурирования в ней тех или иных онтологически представленных образований. Существует и иной принцип – функциональный, а соответственно, и иные типы систем – функциональные, а также популяционные (включая их частные случаи – распределенные, наложенные и др. системы). Они в целом и их компонентный состав, в частности, формируется по типу временного и частичного включения, ситуационного синтеза компонентов иных систем в рамках необходимости достижения какой-либо цели [99].

Вместе с тем, в любом из указанных вариантов именно признак наличия цели является обязательным и ключевым: Цель как критерий селекции компонентного состава и как системообразующий фактор является определяющей для становления главного в системе – ее содержания (а также для его определения при исследовании системы). Это положение, повторяем, является одним из своеобразных постулатов системного подхода в его классическом варианте. Каким же образом оно может и должно быть осмыслено с позиций развитых выше представлений о системах со «встроенным» метасистемным уровне, вообще – с позиций метасистемного подхода? Понятно, что при современном уровне развития данной проблемы этот вопрос вряд ли допускает окончательное решение; вместе с тем, ряд соображений, содействующих его решению, все же могут быть сформулированы уже сейчас.

Исходным и методологически основным для его решения должно стать, на наш взгляд, следующее положение. Известно, что в филогенетическом аспекте существуют две принципиально разные, даже в известном смысле противоположные линии эволюции форм организации психики – инстинктивная и рефлекторная. В самом общем виде суть их различий состоит в следующем. Инстинктивная психика базируется на совокупности врожденных паттернов целесообразного реагирования на вполне определенные раздражители и фиксированные ситуации. Иначе говоря, такая психика может быть представлена как совокупность готовых систем целенаправленного реагирования и приспособления к ограниченному набору видо-специфических средовых стимулов. Эти системы, действительно, формируются так сказать «под цель», а она, в свою очередь, является для них системообразующим фактором.

Совершенно иной принцип лежит в основе второй – рефлекторной линии, «ветви» филогенеза психики. Это – по существу ситуационный принцип, поскольку системы реагирования не «предзадаются», а формируются и, добавим (что не менее важно), – переформируются, трансформируются в ходе онтогенеза. У психики, построенной на рефлекторно-ситуационном принципе, нет, и не может быть жестких, предзаданных форм реагирования на ограниченный набор раздражителей – целей. Следовательно, по своему содержанию, по набору своих компонентов они не могут детерминироваться совокупностью такого рода целей. У психики, сформировавшейся в итоге эволюции по «рефлекторной линии», существует не цель (или – цели), а метачель: адаптироваться, выжить, а для этого строить свое функционирование, повторяем, по подчеркнuto ситуационному принципу.

Данный принцип сопряжен, в свою очередь, с двумя важнейшими особенностями. Во-первых, множество ситуаций, которые могут возникать и реально возникают, является принципиально неограниченным и практически необозримым. Во-вторых, преодоление любой их такого рода ситуаций должно носить все же целенаправленный характер, поскольку лишь при этом условии оно может быть эффективным, адаптивным. Оба этих условия, будучи синтезированными друг с другом, означают следующее. В каждом отдельно взятом, конкретном случае поведенческой и деятельностной активности цель, действительно, выполняет роль системообразующего фактора, а формирующиеся и функционирующие под ее детерминационным влиянием системы такой активности, действительно, складываются на основе критерия взаимосодейственности, о котором речь шла выше. Однако на более обобщенном уровне – уровне механизмов регуляции этой активности, уровне психики в целом дело обстоит существенно иначе. Для него характерно не наличие какой-либо конкретной цели (как системообразующего фактора этой системы), а принципиальное отсутствие такой цели, но при соблюдении одного – важнейшего условия. Оно состоит в том, что априорная непредзаданность какой-либо цели (или, точнее, – совокупности целей) не только не означает нецеленаправленности функционирования, но наоборот, – содержит предпосылки для придания данному свойству новых – более совершенных форм. В психику как систему заложен не набор целей, а метачель, которая в наиболее общем виде состоит в организации адаптивного поведения, а для этого в формировании конкретных целей, соответствующих

той или иной ситуации. Иными словами, это означает, что обратной стороной и объективным следствием такой организации является возникновение способности к целеобразованию как таковой. Именно эта способность является, как известно, одной из наиболее характерных и специфических особенностей психики.

Итак, принципиальная неопределенность и огромная сложность внешней среды приводит к необходимости ситуационного принципа как единственно возможного и эффективного адаптационного средства. Он, в свою очередь, характеризуется столь же принципиальной множественностью форм и способов «реагирования» на практически необозримое множество ситуаций. Единственно возможным средством обеспечения этого является не кумулятивное увеличение поведенческих систем с заданной целью, а формирование нового свойства – способности к целеобразованию как таковому и далее – к ситуационному генезису систем «под конкретную», но всякий раз отличную цель, под сформированную цель.

Все это поводит к тому, что на уровне психики в целом наиболее эффективным средством ее организации в аспекте компонентного состава является обеспечение заведомой избыточности этих компонентов, избыточность ее содержания в целом. Неопределенность среды и неопределенность возникающих ситуаций объективно требует для эффективной адаптации к ним избыточности содержания самой психики и, соответственно, – «репертуара» возможных способов преодоления ситуаций. Отсюда следует, что собственное содержание – компонентный состав психики как относительно самостоятельной системы должен складываться не по принципу ограничения (он состоит в том, что цель как системообразующий фактор селектирует и организует компоненты), а по иному принципу. Это – так сказать принцип «безграничения» или – принцип потенциальной неограниченности: чем более содержательным, богатым, гетерогенным будет являться компонентный состав психики, тем в большей степени она будет соответствовать единственно возможному для принципиальной неопределенности среды принципу – ситуационному. Более того, лишь на основе этого становится возможной не просто целенаправленность поведения, а сама способность, обеспечивающая это свойство – способность к формированию целей, способность к целеобразованию.

На основе проведенного выше анализа можно, по-видимому, сделать и ряд заключений более общего порядка относительно орга-

низации систем со «встроенным» метасистемным уровнем в целом и психики как одной из них (а также ее базовых «составляющих», также принадлежащих к данному классу). Эти заключения представляются, на наш взгляд, достаточно показательными в плане общей проблемы соотношения системного и метасистемного подходов: они «не отменяя» ключевых положений системного подхода, в то же время, развивают и углубляют их, а в некоторых случаях – и являются их своеобразным диалектическим снятием».

Действительно, как было показано выше, системы со «встроенным» метасистемным уровнем в целом и психика как одна из наиболее характерных среди них, не только не обладает какой-либо конкретной, «предзаданной» целью, но и в принципе не должна обладать ей. Лишь при этом условии обеспечивается возможность для возникновения все новых и каждый раз отличных от других целей, специфичных той или иной актуальной ситуации взаимодействия со средой. Следовательно, по отношению к структурной и функциональной организации психики (и каждой из ее основных «составляющих») любая конкретная цель в принципе не может выступать в качестве системообразующего фактора. В этом смысле она не может являться причиной, детерминантой структурирования той или иной психологической системы (как это полагается аксиоматичным в традиционном системном подходе). При этом имеет место совершенно иная и гораздо более сложная картина, суть которой заключается в следующем. С одной стороны, системы со «встроенным» метасистемным уровнем не имеют «предзаданных», фиксированных целей, но обладают способностью к целеобразованию; следовательно, они не могут формироваться под их детерминирующим воздействием как системообразующего фактора. Их актуальное формирование и функционирование наоборот, вначале предполагает поэтому своего рода «обратный» процесс – формирование цели как таковой. Генерация целей – это не исходный момент формирования и функционирования такого рода систем, а определенный – промежуточный этап и результат, эффект их функционирования. С другой стороны, уже после этого, после генерации цели (целей) последние начинают выступать в том статусе, который подробно и детально охарактеризован в традиционном системном подходе – в качестве системообразующего фактора по отношению ко всему функционированию систем. Проще говоря, системы со «встроенным» метасистемным уровнем (и, повторяем, – психика как наиболее характерный их представитель) синтезируют

в себе две базовые функции: реализацию целями функции системообразующего фактора и функцию генерации самих этих целей. Система, продуцируя некоторые цели, затем сама начинает «подчиняться» тому, что она же сама и сгенерировала. Это – один из важнейших аспектов общей проблемы самоорганизации систем.

Другим и также значимым аспектом рассматриваемой проблемы является, на наш взгляд, следующая закономерность. Как было только что показано, системы со «встроенным» метасистемным уровнем, обладая способностью к целеобразованию, порождают, генерируют некоторые цели. Не они «формируются под цель», а наоборот, сама цель является продуктом и результативным эффектом их функционирования (и уже поэтому цель никак не может реализовывать по отношению к ним функцию их системообразующего фактора). Однако затем сгенерированная системой цель все же начинает выступать в этой функции и определенным, закономерным образом влиять на ту систему, которая ее и спродуцировала. В результате этого сама система трансформируется, меняет свое состояние, режим своего функционирования. Конкретно, это означает, в частности, что из всего – практически неограниченного компонентного состава системы некоторые компоненты, в наибольшей степени содействующие достижению цели, переводятся как бы в актуальное состояние, выходят на первый план, становятся «фигурой», тогда как все иные образования определяют «фон», оказываясь представленными в «латентном» состоянии. Общее «пространство психического» дифференцируется на актуальную составляющую – то его содержание, которое непосредственно содействует реализации цели, и на латентную, потенциальную составляющую – на то содержание, которое не отвечает непосредственно требованиям достижения цели.

Таким образом, можно видеть, что указанная дифференциация, проведенная выше в максимально обобщенном плане, имеет непосредственное отношение к одной из основных проблем психологии – к проблеме сознания. Она фактически, лежит в основе существования двух форм репрезентации информации в психике – осознаваемой и неосознаваемой и, более того, является, по-видимому, объективным фактором дифференциации этих форм репрезентации в целом, а в определенном смысле и ее механизмом. Установление данного механизма делает более понятным и даже естественным многократно зафиксированный эмпирически фундаментальный факт атрибутивной связи

цели и сознания, точнее – осознанности всего того, что прямо или косвенно связано с целью, «работает» на нее, лежит в ее русле. Эту связь в свете сказанного можно проинтерпретировать следующим образом. Психика как система со «встроенным» метасистемным уровнем, обладая практически неограниченным компонентным составом и отсутствием какого-либо исходного, предзаданного набора целей, но в то же время – способностью к целеобразованию, генерирует цель (цели). Те, в свою очередь, оказывают на компонентный состав активное обратное влияние посредством селекции той их части, которая содействует ее реализации. Тем самым общий компонентный состав дифференцируется на латентную и эксплицитную формы репрезентации; на актуальную и потенциальную составляющие. Первая из них (латентная, потенциальная) соотносится с информацией бессознательного. Вторая (эксплицитная, актуальная) соотносится с осознаваемой репрезентацией, точнее – является ей. Кроме того, если цель оказывается неудачной или же таковым, то есть неудачным является произошедший процесс селекции актуальной, эксплицированной информации из всего компонентного состава, она может переформулироваться, то есть трансформироваться. Соответственно этому, изменяется состав и структура актуализированной (то есть, фактически, осознаваемой) информации, изменяется «фокус сознания». И такого рода трансформации состава и структуры репрезентации продолжают до тех пор, пока цель не окажется достигнутой. В этом, собственно говоря, и лежит, по нашему мнению, источник имманентно присущей сознанию динамичности, «текучести», а в более общем плане – и атрибут его трансцендентальности.

Таким образом, очень важным признаком психики как системы является то, что она не подчиняется правилу, согласно которому цель как системообразующий фактор селектирует, а тем самым – ограничивает компонентный состав и затем организует его. Доминирующей здесь является не тенденция к ограничению, а противоположная тенденция – к принципиальной открытости компонентного состава, к обеспечению его возможно большего расширения, к его неограниченности, незамкнутости, перманентной обогащаемости. Лишь это обеспечивает должный «запас информационной прочности», на основе которого становится возможным формирование адекватных целей и конструирование действенных способов преодоления принципиально неограниченного и непредсказуемо изменяющегося множества внешних ситуаций.

Возвращаясь вновь к метафоре о том, что цель вытягивает, подобно магниту, из среды все то, что необходимо для ее достижения, мы могли бы сделать уточнение: это справедливо в каждом конкретном случае организации поведенческой активности. Однако на уровне психики в целом и ее базовых, важнейших подсистем действует иной принцип. Для них существует не цель, а метачель, состоящая в обеспечении самого свойства целенаправленности и требующая принципиально открытого, заведомо избыточного компонентного состава. Цель поэтому не «вытягивает» из среды те или иные компоненты, а наоборот, – «втягивает» в систему психического возможно бóльшую часть самой внешней среды – в форме информационных моделей, репрезентаций, образов, концептов и пр. Чем более полной – богатой и адекватной будет их совокупность, каковая и образует, в конечном итоге, субъективную реальность, тем выше адаптивные и все иные способности психики по отношению к взаимодействию с объективной реальностью.

Отсюда, далее, следует, что в качестве компонентов самого содержания психического начинают выступать, а затем занимают доминирующее положение такие образования, которые атрибутивно соответствуют не ее «внутреннему» содержанию, а содержанию той метасистемы, в которую она сама включена – объективной реальности. Это внешнее содержание (правда, в превращенной – идеальной форме, в форме информационных дубликатов) становится внутренним содержанием психики, образуя ее компонентный состав. Другими словами, и по своему происхождению, и по своему содержанию компонентами психики становятся такие сущности, которые исходно выступали по отношению к ней как метаконпоненты – как части метасистемы, в которую она сама исходно включена. Лишь тот компонентный состав, который «вберет» в себя содержание метасистемы (объективно реальности), может обеспечить самой системе психического необходимый адаптивный и любой иной потенциал.

Таким образом, можно заключить, что для систем со «встроенным» метасистемным уровнем, установленные и считающиеся каноническими в системном подходе правила не вполне достаточны. Более того, можно констатировать даже противоположные им закономерности детерминации компонентного состава такого рода систем. Лишь в том случае, когда компонентный состав определяется не какой-либо конкретной целью, а ее принципиальным отсутствием при одновременной способности к выработке – генерации различных целей (в за-

висимости от ситуации) сама система переходит на качественно иной уровень своего развития. Данный вывод непосредственно вытекает из общих представлений о системах со «встроенным» метасистемным уровнем в целом, а также из представлений о специфике детерминации их компонентного состава, в частности. Он в определенной степени содействует решению острой и критически значимой для конструктивной реализации системного подхода в психологии проблемы – проблемы механизмов целеобразования как важнейшего процесса (и свойства) психики, проблемы соотношения каузальности и телеологичности в детерминации поведения.

Проведенный анализ показал, что лишь системы со «встроенным» метасистемным уровнем способны к целеобразованию как таковому: не только к реализации, но и к генерации целей, поскольку их компонентный состав формируется не по критерию «ограничения», а по противоположному критерию («потенциальной неограниченности»). В роли их компонентов выступают превращенные формы компонентов самой метасистемы, то есть метакомпоненты. Данный вывод, содействуя решению одной важной проблемы – проблемы механизмов целеобразования, ставит другую, не менее важную и сложную проблему. Это вопрос о том, посредством каких механизмов системам со «встроенным» метасистемным уровнем (и психике как одной из них) удастся «справляться» с огромным и, более того, принципиально неограниченным, открытым объемом компонентного состава? Что позволяет этим системам преодолеть противоречие между, фактически, неограниченностью и заведомой избыточностью компонентного состава и необходимостью ограничения этого состава в каждом конкретном случае организации поведенческих актов? К этому вопросу мы специально обратимся ниже. Пока же продолжим рассмотрение структурного плана исследования, предписываемого содержанием метасистемного подхода.

Как известно, в методологии системного подхода в целом и в психологических исследованиях, базирующихся на данном принципе, в частности, именно этот аспект является наиболее традиционным и разработанным. Он рассматривается как базовый, основной. Это – своего рода «ядро» системного подхода как такового. Причем, в ряде случаев имеет место даже терминологическая недифференцированность системного и структурного подходов; возникают затруднения в определении границ понятий системы и структуры. Действительно, сами понятия структуры и структурности являются очень общими,

многоаспектными, полисемичными. Это отражает действительную сложность той реальности, которая ими отображается на понятийном и концептуальном уровнях. Вместе с тем, если попытаться выделить то главное и наиболее специфическое именно системному видению содержания понятия структурности, то им, по всей вероятности, будет положение об *уровневом* принципе структурирования систем. В самом деле, именно этот тезис – тезис о структурно-уровневом принципе организации систем является базовым и фундаментальным и в теории систем в целом, и в психологии, в частности. В связи с этим, именно его и целесообразно рассмотреть в контексте анализируемой здесь проблемы возможной специфики метасистемного подхода.

Итак, проблема формулируется следующим образом: как представлен базовый принцип организации систем (структурно-уровневый) по отношению к системам со «встроенным» метасистемным уровнем? Общий ответ на данный вопрос аналогичен тем, которые характеризуют соотношения системного и метасистемного подходов в целом. Соотношения же это заключаются в том, что базовые положения системного подхода в значительной степени сохраняют свою правомерность и по отношению к системам со «встроенным» метасистемным уровнем. Они необходимы для их изучения; однако – именно необходимы, но еще *недостаточны*. Дело в том, что системы со «встроенным» метасистемным уровнем характеризуются некоторыми новыми особенностями и закономерностями, учет которых необходим при разработке методологических средств их изучения (то есть при разработке метасистемного подхода). Рассмотрим данное положение более подробно.

Действительно, и данные теоретического анализа, проведенного в наших работах, и результаты большого числа экспериментальных исследований не только подтверждают, но и развивают общее положение системного подхода, согласно которому психика в целом и ее отдельные подсистемы организованы на основе структурно-уровневого принципа [99]. В этом плане классический системный подход необходим для раскрытия структурно-уровневых закономерностей объектов психологического изучения. Однако, для того, чтобы стать не только необходимым, но и достаточным, обязателен учет тех специфических особенностей и закономерностей, которые характерны для систем со «встроенным» метасистемным уровнем. Основные из них, взятые в отношении задач именно структурного анализа, можно суммировать следующим образом.

Во-первых, наиболее явная и даже в какой-то степени формальная особенность заключается в том очевидном, но одновременно и основополагающем факте, что эти системы включают в свой состав новый уровень – метасистемный. Отсюда, в свою очередь, вытекает два важных методологических следствия. Одно из них состоит в том, что в сферу изучения и, соответственно, в арсенал его методологических оснований должен быть включен новый предмет (метасистемный уровень) и новые процедуры исследования (метасистемный подход). Другое важное следствие заключается в том, что появление в системе какого-либо нового уровня ведет либо к ее переструктурированию, либо к качественным спецификациям всех иных уровней, либо к тому и другому [218]¹⁹. Следовательно, есть все основания допустить, что возникновение метасистемного уровня трансформирует все иные – нижележащие уровни. Он начинает оказывать не только значимое, но и, не исключено, определяющее воздействие на них (к этому предположению мы возвратимся ниже).

Во-вторых, можно констатировать еще одну значимую и достаточно любопытную особенность. Возникновение в структуре психике нового – метасистемного уровня означает, что сама эта структура как бы «перерастает себя», выходит за свои собственные границы и становится тем самым метаструктурой. Она, сохраняя, естественно, свою онтологическую целостность и свои объективные границы, все же в определенном смысле выходит за них – «открывается» объективной реальности как своей метасистеме и включает ее в себя через ее превращенные формы (в виде субъективной реальности). Но это означает, что структура посредством включения в нее метасистемного уровня, может становиться компонентом для самой себя. Различия компонента и структуры во многом приобретают относительный характер. При этом, как уже отмечалось выше, целое и части также могут становиться во многом однопорядковыми и так сказать «равномощными». Данная закономерность с особой отчетливостью находит свое воплощение по отношению к такой – очень важной и, по существу, фундаментальной проблеме, каковой выступает проблема сознания. Она объясняет тот известный факт, что сознание «упорно сопротивляется»

---

¹⁹ В этой связи уместно обратиться к известному положению С. Л. Рубинштейна, указывавшего, что «...с возникновением нового уровня сущего во всех нижележащих уровнях выявляются новые свойства» [218].

любому структурированию – оно легко преодолевает любые структурные рамки [78], изменяет и трансформирует структуру, «выходит за пределы» какой-либо фиксированной структурной формы. Мы специально акцентируем внимание именно на этой иллюстрации, поскольку именно механизмы и процессы осознаваемой, произвольной регуляции (и саморегуляции) выступают объективно важнейшими, неотъемлемыми средствами организации и самой деятельности. Без них и «вне» их раскрытия, выявление ее собственных психологических закономерностей не представляется возможным в принципе. Более того, эти процессы и механизмы, разумеется, взаимосвязаны с организацией отнюдь не внешним образом, то есть не только и не просто влияют на нее. Они входят в самую ее суть, в само ее содержание и, более того, собственно говоря, и являются ими. Следовательно, их раскрытие, базирующееся, в свою очередь, на раскрытии их общих принципов и атрибутивных особенностей, является органической составляющей самих представлений по проблеме деятельности.

В-третьих, несмотря на значимость и очевидное своеобразие двух предыдущих особенностей, все же относительно более важной представляется наиболее общее из анализируемых здесь положений – о самом существовании систем со «встроенным» метасистемным уровнем, а также о принадлежности психики в целом и ее основных, базовых «составляющих» к этому классу систем. Из него, в свою очередь, вытекают также два, но уже новые следствия. С одной стороны, психика в целом и ее отдельные – основные «составляющие» построены (структурированы) на базе общего и инвариантного – метасистемного принципа организации. В свою очередь, общность принципов организации целого и его частей позволяет переносить – транспонировать механизмы и закономерности функционирования первого на вторые. Именно это и лежит в основе очень важного, на наш взгляд, феномена мультиплицирования, при котором потенциал психики в целом может многократно воспроизводиться в ее частных, хотя и важных аспектах, проявлениях, функциях. Целое может повторять себя в частях, перенося на их организацию – в том числе и, прежде всего, на их структуру основные особенности своего функционирования. Тем самым резко расширяется собственный потенциал частей, что является чрезвычайно ценным с общеадаптационной точки зрения. При этом складывается иная, нежели в традиционных системных представлениях, картина соотношений целого и частей, системы и компонентов. Целое (систе-

ма) уже не состоит из частей (компонентов), а реализуется в некоторой совокупности основных функций (которые, впрочем, сами порождены этой системой). Это означает, что на каждую из функций может переноситься (транспонироваться) потенциал системы в целом. Такой перенос позволяет ей резко расширять – по существу, умножать, то есть именно *мультиплицировать* (в прямом и непосредственном значении данного понятия) свои функциональные возможности.

Далее, необходимо учитывать и существование еще одной – не исключено, важнейшей в структурном отношении закономерности организации систем со «встроенным» метасистемным уровнем. Явившись исходно результатом теоретического анализа, эта закономерность затем была многократно подтверждена на материале исследований, в том числе – эмпирических и экспериментальных очень разных и достаточно общих предметов психологического исследования (см. обзор в [92]). В силу особой значимости данной закономерности остановимся на ней более детально. Действительно, сформулированные выше представления позволяют более полно, точно и адекватно учесть и объяснить важнейшую – фундаментальную и основополагающую категорию особенностей систем (прежде всего, собственно психических) – особенности их структурной организации. Эти представления показывают, что метасистемный уровень не только может, но для определенного класса систем и должен быть включен в их состав, точнее – в их общую структурно-уровневую организацию. Тем самым создаются необходимые и достаточные предпосылки для того, чтобы предложить обобщенное решение проблемы структурно-уровневой организации систем в весьма широком диапазоне различий их собственных характеристик. Как известно, основной трудностью на пути решения данной проблемы является сохраняющаяся до сих пор несформулированность четких и обоснованных представлений о критерии-дискриминаторе уровней организации систем. Им является, как отмечалось выше, такой критерий, который позволяет дифференцировать (выделить и различить, то есть именно распознать) в исходной целостности базовые уровни ее структурной организации.

Наряду с ним, существуют и критерии иного типа, которые обозначаются как критерии-*верификаторы*. Они направлены на то, чтобы обосновать, то есть именно верифицировать существование качественных различий между уровнями, устанавливаемыми посредством критерия-дискриминатора. При этом следует обязательно иметь в виду, что

общая система критериев уровневой дифференциации принципиально множественна, то есть предполагает существование глубоких различий между уровнями одновременно по нескольким основным параметрам. Дифференцируемые уровни должны иметь глубокие качественные различия по своему содержанию; выступать различными по характеру интегративных средств и механизмов, лежащих в их основе; обеспечивать качественно различные типы взаимодействия системы со средой; иметь глубоко различные феноменологические проявления; включать специфические и разнородные по отношению друг к другу компоненты и др.

Кроме того, они должны также воспроизводить и еще одну группу закономерностей – закономерности *межуровневых* взаимодействий, обеспечивающих их целостность в рамках дифференцируемой системы. Главной из них является иерархический принцип организации уровней. Вместе с тем, множественность критериев межуровневой дифференциации не исключает, а наоборот предполагает наличие некоторого наиболее общего, базового параметра, выступающего главным основанием для их определения. Более того, все важные, но частные критерии дифференциации уровней выступают как следствия этого обобщенного параметра. Он должен быть унитарным (универсальным) в отношении дифференциации всех уровней. В связи с этим, собственно говоря, и возникает необходимость в осуществленном выше разделении всех критериев уровневой дифференциации на два их типа. С одной стороны как отмечалось, это критерии (признаки), репрезентирующие качественную разнородность уровней. Их использование может и должно служить средством проверки наличия качественных отличий между выделяемыми уровнями. Они обозначены как критерии-верификаторы. С другой стороны, это обобщенный и унитарный критерий дифференциации, являющийся средством не только верификации, но и поиска, обнаружения (различения) уровней в рамках интегрированного и изначально недифференцированного целого. Он обозначен нами как критерий-дискриминатор [99]. Условие сочетания обоих типов критериев является обязательным для уровневой организации объектов.

Опираясь на результаты проведенного выше теоретического анализа, мы считаем возможным предложить следующее решение данной проблемы²⁰. Любая достаточно сложная целостность представляет собой организацию ряда подсистем различного ранга (и, соответственно,

---

²⁰ Напомним, что этот вопрос уже обсуждался в параграфе 2.2.

различной сложности), обладающих собственными качественными характеристиками. Эти подсистемы и выступают интегративными уровнями ее организации. Согласно общему решению данной проблемы, в структуре сложного целого (явления, процесса) необходимо дифференцировать, как минимум, следующие интегративные уровни. Во-первых, уровень целостности, на котором явление, процесс представлены во всей полноте состава, структуры и качественных характеристик. Это – собственно системный, или *общесистемный* уровень. Во-вторых, уровень отдельных подсистем, включенных в сложное целое, формирующихся для обеспечения различных ее функциональных проявлений («функциональные органы» системы) и имеющих собственное достаточно сложное строение. Это – *субсистемный* уровень. Он принципиально гетерогенен, поскольку предполагает множество различных по сложности частных декомпозиций системы. В-третьих, уровень структурных компонентов как базовых единиц целого. Наряду с этим, следует учитывать, что в психологии (в силу предельной сложности предмета изучения) он специфичен и дифференцируется на два качественно специфических по своим характеристикам уровня – собственно *компонентный* и *элементный*. Под компонентом понимается такое простейшее образование, которое еще обладает качественной специфичностью целого. Под элементами понимаются те структурные составляющие, из которых образованы компоненты, но которые уже утрачивают качественную определенность целого (хотя и являются его онтологически необходимыми составляющими). Наконец, с позиций общего решения проблемы иерархии уровней необходимо учитывать и то, что любая сложная целостность сама выступает как составляющая еще более широкой и общей метасистемы. В составе последней то или иное явление (процесс) вообще только и может существовать не как абстракция, а как онтологическое образование; приобретает свое конкретное – «внутрисистемное» бытие [120]. Во взаимодействии с метасистемой явление, процесс приобретают новые качественные характеристики, измерения и параметры, которые образуют в совокупности высший (*метасистемный*) уровень организации.

Более того, – и это главное для систем, являющихся предметом собственно психологического познания метасистемный уровень, как было показано выше, может быть функционально включен – «встроен» в их структурно-уровневую организацию, включен в их состав и содержание. Следовательно, собственная структура этих систем,

иерархия их основных уровней обязательно предполагает необходимость дифференциации этого уровня как самостоятельного, качественно специфического, несводимого к иным уровням и тем более – лишь к эффектам взаимодействия системы с метасистемами, в которые она онтологически включена.

Пять указанных уровней (элементный, компонентный, субсистемный, системный, метасистемный) носят, таким образом, общий характер и именно на них целостность обладает наиболее различающимися качественными «измерениями». Кроме того, эти же пять уровней исчерпывают собой весь диапазон качественных проявлений системы, охватывают все многообразие качественных характеристик целого в его реальной многомерности. Так, на низшем (элементном) уровне происходит как бы «отрицание» общего качества системы, поскольку в самих элементах система проявляется не в своих атрибутивных свойствах, а в аспекте свойств тех микросистем, из которых она, в конечном счете, складывается. Но аналогичный эффект – эффект «исчерпанности качеств» системы имеет место и на высшем уровне – метасистемном, поскольку на нем целое приобретает особенности систем высших по отношению к ней порядков, сама выступает как их составляющая и также во многом утрачивает статус автономной. Тем самым диапазон выделенных уровней – это не только исчерпывающий континуум всех их возможных, качественно различных уровней организации, но одновременно – полный диапазон возможных форм бытия системы как автономной целостности. Все это позволяет рассматривать совокупность пяти указанных уровней в качестве общего основания для дифференциации уровней в структурной организации систем. Та мера, с которой предполагаемые в ходе исследования уровни удовлетворяют этим представлениям, является показателем правомерности самого их выделения. На основе этого можно предположить, что данный инвариант из пяти основных макроуровней характеризует, в частности, структурную организацию и деятельности в целом, и метакогнитивной сферы как одной из ее важных «составляющих» – как ее интегрального регулятора, в частности.

Действительно, с этих позиций становится понятным, что эта общность структурной организации не может считаться случайной, поскольку она проявляется не только во многих, но и в наиболее существенных, важных подсистемах психики. Маловероятно также и то, что эти подсистемы развиваются, складываются относительно

автономно, приобретая в итоге сходную – пятиуровневую структуру. Гораздо более вероятным является другое предположение: само формирование этих пятиуровневых структур по отношению к каждой из основных подсистем является вторичным. Оно является следствием того, что именно этот – пятиуровневый инвариант выступает как общая закономерность структурной организации психики и ее основных подсистем; как своего рода «латентный фактор» для развертывания частных подструктур психики.

Кроме того, очень важной является непосредственная воплощенность в нем базовой структуры общесистемных уровней организации: ими, как неоднократно отмечалось выше, являются метасистемный, системный, субсистемный, компонентный и элементный уровни. Отсюда следует, что в своем основном – структурном аспекте психика базируется на аналогичной, то есть также базовой системной закономерности. Структура психики и ее основных подсистем реализует в себе базовый инвариант общесистемных уровней организации. Следовательно, в их организации системность выступает именно как принцип, как механизм этой организации, причем, повторяем, – в основном, то есть структурном аспекте. Поэтому системность как принцип и как совокупность механизмов лежит в основе самой онтологии психического, а не только в основе гносеологических подходов к ее изучению.

Далее, необходимо отметить еще одно – также значимое, на наш взгляд, следствие из развитых выше представлений и полученных затем на их основе результатов. Оно показывает, что для таких важнейших «составляющих» психики, как системы психических процессов, способностей, деятельности, процессов принятия решения, мотивационной сферы личности и др. существуют инвариантные по сути, но очень специфические по содержанию уровневые структуры [95, 99, 103, 104, 106, 107, 108, 116, 123, 127]. В связи с этим, нельзя обойти вниманием вопрос о том, присуща ли эта пятиуровневая структура не только отдельным подсистемам, но и системе в целом? Вообще – может ли быть структурирована психика каким-либо унитарным способом? На наш взгляд, можно дать следующий ответ на этот – действительно, принципиальный вопрос.

С одной стороны, разумеется, в исследовательских, познавательных целях не только можно, но и необходимо предпринимать попытки структурного представления психики именно как целого. Построение такого рода обобщающих структур и возможно и полезно, даже –

необходимо. С другой стороны, вся история развития психологии убедительно свидетельствует о том, что попытки выявления некоей унитарной, «всеобщей» структуры психики вряд ли конструктивны. И дело здесь не в том, что они – эти попытки сами по себе неудачны или неадекватны. Причины этого, по-видимому, носят более глубокий характер. Они связаны с тем, что психика – именно в силу своей предельной сложности – является принципиально полиструктурным образованием: она включает в себя множество структур, суперпозиция которых и образует то «полифоническое», многокачественное целое, которым она является. Однако – и это мы считаем главным – в основе каждой из частных, локальных структур лежит идентичный инвариант базовых структурных уровней организации.

Эту же мысль можно сформулировать и по-другому: определенная – унитарная и инвариантная структура психики, действительно, существует, но не в том смысле, что эта структура жестко организует ее в целом. Эта структура является инвариантной для организации каждой из ее базовых подсистем – она воплощена в их множестве (мультиплицирована в нем). Здесь приходится говорить о структуре не как о «каркасе целого», а как об определенном принципе организации – принципе, повторяем, общем для всех базовых подсистем психики. Это – структура как принцип организации; точнее – структура, настолько обобщенная и принявшая столь генерализованную форму, что ее следует понимать не в «морфологическом» плане, а в плане общеорганизационного принципа. Причем, этот принцип по самой своей сути является не только специфически системным, но и соответствует важнейшему аспекту системности как таковому, то есть структурно-уровневому.

И здесь, на наш взгляд, необходимо еще раз обратиться к одной из основных задач данного раздела – к задаче раскрытия того, что нового могут дать представления о специфике систем со «встроенным» метасистемным уровнем для развития методологии системного подхода в целом? С точки зрения классического системного подхода само понятие структуры неразрывно связано со вполне определенным – осязаемым, конкретным «материалом», который, собственно, и подлежит структурированию. Структура и «материал» – вообще своего рода взаимополагаемые сущности, взаимовыводимые понятия. Не приуроченная непосредственно к «материалу» (субстрату) структура, с точки зрения этих представлений невозможна.

Естественно, что в первом и наиболее общем приближении эта точка зрения верна. Она, однако, не всегда способствует раскрытию реальной сложности данной проблемы и поэтому должна быть уточнена. Действительно, как было показано выше, для систем со «встроенным» метасистемным уровнем (и в целом и для их основных подсистем) их наиболее общая структура становится таковой – именно общей – благодаря тому, что она обретает статус инвариантного принципа организации всех (или большинства) ее частных подсистем. И как таковая – как принцип организации, эта общая структура, естественно, утрачивает непосредственную связь с каким-либо конкретным субстратом, тем более – морфологическим. Несколько заостряя данное положение, можно сказать, что это – структура, не приуроченная (по крайней мере, непосредственно) к содержанию; и именно поэтому она обретает статус общей; более того – становится общим принципом организации основных подсистем психики. Подчеркнем, что при этом форма (структура) отнюдь не отрывается от содержания (субстрата), а как бы экстрагируется из него и, обобщаясь, закрепляется в определенных инвариантных уровнях. Иначе говоря, здесь можно констатировать то известное и достаточно раскрытое в методологии научного познания положение, при котором форма сама становится содержанием. Представленные выше материалы, далее, содействуют и решению тех ключевых вопросов и проблем, к которым привела логика развития системного подхода и которые были сформулированы в ходе предшествующего анализа, но остаются в нем без должного ответа. Это, в частности вопрос, связанный с необходимостью преодоления явного противоречия между двумя базовыми принципами организации сложных и сверхсложных систем – принципа иерархии и принципа гетерархии; столь же острый вопрос, связанный с необходимостью выявления и обоснования объективного критерия достаточности дифференцируемых в системах уровней их организации; вопрос о возможном существовании, а также о конкретной соотнесенности и взаимодействии принципов организации системы в целом и принципов организации ее основных «составляющих». При этом оказывается, что попытки решения указанных выше вопросов с привлечением рассмотренных выше материалов позволяют установить ряд новых, не описанных до сих пор закономерностей структурной организации систем.

Так, выше был зафиксирован и проинтерпретирован «эффект исчерпаемости качеств». Он является непосредственным и объективным

следствием охарактеризованного общесистемного инварианта уровней организации систем. В то же время он является и общим, объективным критерием, демонстрирующим достаточность указанных пяти уровней для дифференциации наиболее важных и существенных уровней организации систем в целом. Дело в том, что, согласно данному эффекту, «крайние», полярные уровни иерархии, основанные на данном критерии, включаясь в ее состав, одновременно определяют и ее границы, поскольку на них основные качества самой системы подлежат своего рода «отрицанию», а сама система исчерпывает свою качественную определенность.

Далее, достаточно значимым представляется и положение, являющееся, с одной стороны, следствием теоретического анализа, а другой, уже многократно подтвержденное эмпирически (см. обзор в [99]). Согласно ему, как мы уже не раз отмечали выше, не только психика в целом, но и ее базовые «составляющие» также представляют собой системы со «встроенным» метасистемным уровнем. Данное положение имеет двуединый смысл.

Во-первых, оно означает, что определенный класс систем, придя в ходе своей эволюции к метасистемному принципу организации как базовому и наиболее общему для них в целом, в то же время, обретает и способность воспроизводить, повторять его по отношению к организации своих основных «составляющих». Тем самым общий принцип расширяет сферу своего действия и соотносится не только с системой в целом, но и с ее основными «составляющими». Он как бы воспроизводится, многократно «повторяется», то есть именно мультиплицируется в их организации. Тем самым и система в целом обретает очень важную особенность – подобие, доходящее до степени изоморфизма, основного принципа своей организации и принципов организации своих основных «составляющих». И именно это является важным, а не исключено, и определяющим фактором обеспечения ее онтологического единства и целостности. Данная закономерность имеет ряд дополнительных следствий, которые будут специально рассмотрены ниже.

Во-вторых, воспроизводится, мультиплицируется не только данный принцип в целом, в его общем виде, но и тот базовый инвариант уровней организации, который непосредственно вытекает из данного принципа (принципа метасистемной организации). Другими словами, структурная организация базовых «составляющих» систем со «встроенным» метасистемным уровнем также базируется на общесистемном

инварианте, включающем пять основных иерархических уровней. В результате этого появляются основания для дифференциации еще одного принципа организации рассматриваемого класса систем – своего рода принципа «матрешечности», согласно которому основные их «составляющие» рекурсивно «вкладываются» в нее, мультиплицируя при этом ее базовые структурные закономерности. Структура целого изоморфно воспроизводит себя в структуре его частей. Само целое повторяет себя в своих частях именно в главном, то есть в структурном, точнее – в структурно-уровневом отношении, транспонируя на них свое пятиуровневое строение.

Сформулированные выше положения позволяют, далее, несколько иначе, нежели это принято традиционно, проинтерпретировать соотношения двух базовых механизмов организации систем – принципов иерархичности и гетерархичности в целом, а также содействуют решению конкретной проблемы их внутренней противоречивости, доходящей до степени антагонистичности. В самом деле, если целое, действительно, обладает способностью мультиплицировать себя (точнее – свои базовые характеристики) в своих основных «составляющих», то последние становятся в определенном отношении и в известном смысле «равномощными» самому целому. Само целое (метасистема) уже не столько состоит из своих частей (отдельных систем), сколько вся реализуется в каждой из них. Потенциал целого, как уже отмечалось выше, при этом как бы умножается, а сама метасистема резко расширяет свои функциональные иные возможности. Однако еще более значимым является то, что все основные части, «составляющие» целого становятся однопорядковыми, подобными по своим характеристикам, то есть, фактически, паритетными и одинаково значимыми для его организации.

Другими словами, складывается ситуация, при которой целое начинает координироваться и организовываться – по существу, управляться не одним, а несколькими паритетными центрами, что равнозначно принципу гетерархичности как таковому. Данная особенность очень отчетливо проявляется, например, в структурной организации особого класса специфически регулятивных процессов – интегральных процессов психической регуляции деятельности и поведения – процессов целеобразования, антиципации, принятия решения, прогнозирования, программирования, планирования, самоконтроля. Она проявляется именно в плане их целостной структуры (но не характер-

на для каждого из них в отдельности) и состоит в следующем. Среди них нельзя выделить какой-либо один процесс, устойчиво находящийся на вершине иерархии регулятивной подсистемы. Любой из интегральных процессов в зависимости от конкретной ситуации может становиться ведущим и организовывать в целях своей реализации все иные интегральные процессы, соподчинять их себе. Показательно и то, что смена интегральных процессов на ведущем уровне происходит достаточно естественно, зависит от складывающейся ситуации, от содержания и условий конкретной деятельностной и поведенческой задачи. Все это, как можно считать, как раз и свидетельствует о том, что организация интегральных процессов подчиняется не иерархическому, а иному – гетерархическому принципу.

Еще одной иллюстрацией правомерности сформулированного положения является организация управленческой деятельности. Как известно, ее базовыми «составляющими», определяющими ее специфичность, являются основные управленческие функции [34, 95 и др.]. Однако, как показано в теории управления, сама суть и главное содержание всех этих функций состоит в том, что среди них, также фактически, невозможно (и даже некорректно) пытаться выделить какую-либо основную – иерархически главную, поскольку это автоматически означает преуменьшение роли других. Вместе с тем, хорошо известно, что дисфункция хотя бы в одной «составляющей» управленческой деятельности и уж тем более «выпадение» хотя бы одной из них означает деструкцию всей этой деятельности. Наиболее важная и, в то же время, сложная задача при осуществлении этой деятельности как раз и состоит в необходимости обеспечении всех этих функций одновременно и, по возможности, так сказать «равноэффективно». Поэтому их общая организация, лежащая в основе всей управленческой деятельности, также не может строиться на базе принципа иерархичности; это может быть достигнуто лишь на основе принципа гетерархичности.

Наконец, следует указать, что решению основной задачи (задачи преодоления противоречия между двумя основными принципами структурной организации) принципами иерархичности и гетерархичности в значимой степени содействует и еще один теоретический вывод проведенного выше анализа, состоящий в следующем. Для определенного класса систем, то есть для систем со «встроенным» метасистемным уровнем, в аспекте их структурной организации

складывается достаточно своеобразная, если не сказать уникальная, картина. С одной стороны, – объективно (онтологически) все они выступают «составляющими» каких-либо более общих целостностей и по необходимости подчиняются их закономерностям и детерминантам. Они локализуются именно на метасистемном уровне. Поэтому именно метасистемный уровень организации данного класса систем является «иерархически высшим», ведущим, определяющим и пр.

Однако, с другой стороны, – функционально данные закономерности и детерминанты (и это является наиболее важным и специфическим для данного класса систем) оказываются представленными в собственной структурной организации и содержании самих этих систем. Они тем самым «встраиваются» в содержание другого – общесистемного уровня их организации. В силу этого, именно последний (общесистемный) уровень также с необходимостью должен быть проинтерпретирован как «иерархически высший», ведущий, определяющий. Причем, оба сформулированных вывода являются не альтернативными, а взаимодополнительными, то есть они справедливы одновременно. В силу этого, указанный класс систем характеризуется тем, что они организуются, координируются – управляются не одним, а двумя паритетными уровнями – метасистемным и общесистемным. Это и означает, что в основе их организации лежит именно принцип гетерархичности. Однако, еще более значимо то, что очень острый и трудный вопрос о механизмах согласования двух принципов (иерархичности и гетерархичности) обретает при этом совершенно конкретную и уже гораздо более операционализированную и доступную решению формулировку. Он предстает как частный случай общей и достаточно хорошо разработанной проблемы межуровневых взаимодействий и согласования базовых уровней организации систем.

Наконец, отметим, что, как можно видеть из представленных выше материалов, по отношению к системам со «встроенным» метасистемным уровнем (в аспекте их структурной организации) можно констатировать ту же самую картину, которая уже была отмечена нами выше в иных планах анализа. А именно: по отношению к ним могут изменяться и даже – принимать инверсионный вид базовые положения самого системного подхода, а также возникать новые характеристики и особенности. Выше мы продемонстрировали это, в частности, на примере того, как в них структура может стать, действительно, общей лишь при условии утраты непосредственной связи с конкретным,

«единичным» субстратом, «материалом» и приобретения ей статуса принципа организации. Этот принцип означает, что в основе структурной организации всех систем данного класса лежит общий структурный инвариант, образованный пятью основными макроуровнями, характеристика которых была представлена выше.

Наряду с этим, в русле метасистемного подхода были сформулированы положения, содействующие решению еще одной важной проблемы, объективно сопряженной со структурным исследованием как таковым, – проблемы базовых единиц (компонентов) декомпозиции исходного целого. По отношению к исследованию структурной организации деятельности она формулируется как классическая проблема единиц анализа деятельности. Ее смысл, как известно, состоит в том, что именно следует рассматривать в качестве базовой «единицы» анализа деятельности? Существует ли и, если да, то какой именно, компонент (или компоненты), являющиеся «материалом», подлежащим соорганизации в общей структуре деятельности? Как известно, при всем разнообразии существующих подходов к ее решению все они достаточно отчетливо группируются в два основных – обобщенных варианта. Первый из них предполагает (причем, «по определению», то есть в качестве своего рода аксиомы) существование базовой и универсальной – унитарной «единицы», на основе которой строится, структурируется вся деятельность. Чаще всего в качестве такой «единицы» рассматривается, разумеется, действие. Именно такой подход получил свое наиболее развернутое воплощение в теории деятельности А. Н. Леонтьева, поскольку «срединный», то есть, фактически, во многом базовый и определяющий уровень общей иерархии деятельности – уровень действий как раз и соотносится с этой «единицей». Далее – по ходу всего последующего изложения мы не раз будем обращаться к различным сторонам этой, действительно, определяющей проблемы психологической теории деятельности. Пока же зафиксируем лишь некоторые ее аспекты.

Прежде всего, следует подчеркнуть, что суть данной проблемы состоит в выборе и обосновании того, что же именно следует рассматривать в качестве основной структурной «единицы» деятельности – ее базового компонента («ячейки», «подлинной единицы» – С. Л. Рубинштейн [218]; «составляющей» – Б. Ф. Ломов [162] и пр.). Но именно это и предполагает необходимость решения еще более «глубинной» задачи. Она состоит в определении того уровня «дробности» анализа, который был бы оптимальным и в плане воспроизве-

денности в такой «единице» психологических атрибутов деятельности и, в то же время, – в плане обеспечения необходимой детализированности и глубины анализа. Тем самым можно констатировать важное, на наш взгляд, обстоятельство, которое, однако, пока не эксплицировано с должной степенью полноты. Оно заключается в том, что фундаментальная по своей значимости проблема структурно-уровневой организации деятельности, с одной стороны, и не менее значимая (и даже более известная, традиционная – классическая) проблема «единиц» анализа не только тесно взаимосвязаны, но и, фактически, являются двумя сторонами одного и того же вопроса. Они, следовательно, должны рассматриваться и решаться также во взаимосвязи друг с другом. Само понятие «единицы» анализа является не абсолютным, а относительным, точнее – уровнево-относительным. Отсюда, в частности, вытекает принципиальная множественность способов дифференциации такого рода «единиц», а также становится понятной и даже естественной эмпирически представленная множественность существующих подходов к решению этой проблемы.

В психологической теории деятельности существует важная и принципе давно и хорошо известная закономерность. Она уже затрагивалась нами выше и состоит в следующем. Чем более крупными и обобщенными являются «единицы», на которые она разделяется для анализа, тем в большей степени они сохраняют специфику деятельности, но в меньшей мере позволяют раскрыть ее глубинные механизмы и закономерности. И наоборот, чем более дробными являются эти «единицы», тем глубже они позволяют проникнуть в строение деятельности и ее закономерности. Однако при этом они становятся все более и более неспецифичными содержанию деятельности. В связи с этим в психологическом анализе деятельности, собственно говоря, и формулируется его основная проблема: какой же должны быть по степени обобщенности «единицы» анализа? Каков оптимальный компромисс между их содержательной, обобщенностью и аналитической дробностью? Каким должен быть масштаб «единиц», чтобы он одновременно был и достаточно мелким для обнаружения психологических закономерностей деятельности, и достаточно крупным, чтобы сохранить в них специфику ее содержания?

Согласно данному подходу, эта проблема решается следующим образом. В качестве основной единицы анализа рассматривается такое наименьшее образование, которое еще характеризуется всеми ос-

новными специфическими особенностями исходного анализируемого целого. В связи с этим единицы анализа должны удовлетворять двум главным требованиям деятельности. Во-первых, они должны сохранять все основные характеристики анализируемой целостности – деятельности. Во-вторых, они должны быть мельчайшими из возможных единиц, которые еще несут на себе эту специфику целого: достаточно сделать еще один шаг «вглубь» при их анализе, как эта специфика утрачивается. Поскольку, согласно структурно-уровневой парадигме, двумя главными структурными единицами деятельности являются действие и операция; там же описаны и основные психологические характеристики деятельности (свойства) в целом, то выбор «искомой» единицы необходимо осуществить именно между ними. Обоим указанным требованиям удовлетворяет, разумеется, лишь действие, рассмотренное в качестве единицы анализа. Оно характеризуется, как и деятельность в целом, свойствами целенаправленности, произвольности, предметности, активности, осознаваемости и др. Стоит, однако, сделать всего лишь один шаг «вглубь» и перейти к более дробной единице – неосознаваемым операциям, как оказывается, что выделяемые единицы уже не будут адекватно воспроизводить указанные основные атрибуты деятельности. В плане иллюстрации данного положения, можно сослаться на предложенное Л. С. Выготским вслед за Ф. де Соссюром [244] разделение способов анализа деятельности на компонентный и элементный [47]. Компонент – это та мельчайшая часть целого, которая еще имеет свойства целого; элемент же – это такая часть, из которой состоят компоненты, а следовательно, в конечном итоге, – и само целое, но у которого отсутствуют свойства самого этого целого. Поэтому, заключает Л.С. Выготский, психологический анализ деятельности должен быть именно компонентным (а не элементным) – лишь тогда он будет и достаточно детализированным, и одновременно содержательно наполненным, воспроизводящим в своих результатах все богатство свойств исходного анализируемого целого [47].

Принципиально сходная, но получившая несколько иную теоретическую интерпретацию позиция была сформулирована и С. Л. Рубинштейном. Он считал именно действие подлинной единицей – «ячейкой», «клеточкой» человеческой деятельности, в которой наиболее явно и ярко проявляются все основные психологические характеристики не только деятельности, но и личности в целом [218]. Так, он указывал в этой связи, что именно действие является «под-

линейной единицей» («клеточкой», основной «ячейкой» деятельности), в которой анализ обнаруживает все основные психические процессы и в которой преломляется, по существу, все содержание психического. Наконец, в психологической теории деятельности, предложенной А. Н. Леонтьевым [160] действие («уровень действия») также является центральным во всей структуре деятельности.

Итак, раскрытие закономерностей структурной организации любой системы предполагает обязательное решение важной задачи – задачи поиска, и определения того, что именно подлежит организации; выявления тех компонентов – «единиц», которые и составляют так сказать «онтологическую базу» организации. По отношению к проблеме деятельности она имеет, как отмечалось выше, вид классической и наиболее традиционной для психологического анализа деятельности проблемы определения «единицы анализа». Ее смысл как раз и состоит в том, что именно следует рассматривать в качестве базовой «единицы» анализа деятельности? Существует ли и, если да, то какой именно, компонент (или компоненты), являющиеся «материалом» соорганизации в общей структуре деятельности? Не менее известно и то, что эта – повторяем, классическая задача решалась на всем протяжении развития теории деятельности очень разными способами, а соответственно, – предлагались различные варианты дифференциации базовой «единицы» деятельности (см. о них выше).

Вместе с тем, при всем разнообразии существующих подходов к ее решению они достаточно отчетливо группируются в два основных – обобщенных варианта. Первый из них предполагает что, действительно, можно говорить о существовании базовой и универсальной – унитарной «единицы», на основе которой строится, структурируется вся деятельность. Чаще всего в качестве такой «единицы» рассматривается, разумеется, действие. Именно такой подход и получил свое наиболее развернутое воплощение в теории деятельности А. Н. Леонтьева. В ней «срединный», то есть, фактически, во многом базовый и определяющий уровень общей иерархии деятельности – уровень действий как раз и соотносится с этой «единицей». Не менее показательна в этом плане и известная точка зрения С. Л. Рубинштейна, отмечавшего, что именно действие выступает подлинной «единицей» деятельности, в которой преломляются все основные аспекты психического. Другими словами, общий смысл такого подхода заключается в том, что он имеет моноструктурный

характер, поскольку базируется на признании существования одной – базовой и универсальной «единицы» структурной организации деятельности (как правило, повторяем, действия).

Второй возможный подход к решению общей задачи поиска «единиц» анализа деятельности характеризуется принципиально иным смыслом. Согласно ему, деятельность является настолько сложным и принципиально гетерогенным, внутренне разнородным и многокачественным образованием, что она в принципе не может быть раскрыта и описана с опорой на какую-либо одну – качественно гомогенную, то есть универсальную и унитарную «единицу». Таких «единиц» – причем, качественно различных должно быть обязательно несколько, а мера их гетерогенности должна быть сравнимой или даже тождественной с гетерогенностью феноменологических проявлений деятельности, а также принципов и механизмов ее организации. Соответственно, общая структура деятельности также является производной от синтеза целого ряда, многих качественно различных «единиц». Анализ же деятельности, направленный на раскрытие ее содержания и принципов организации, должен базироваться поэтому именно на признании факта множественности базовых «единиц», из которых она синтезирована. Такой подход, в отличие от первого (моноструктурного), можно обозначить как полиструктурный. Нетрудно видеть, однако, что первый из этих подходов – моноструктурный полностью соответствует структурно-уровневой парадигме разработки психологической теории деятельности, поскольку в ее основе как раз и лежит признание факта существования базовой и унитарной «единицы» ее строения – действия. Столь же очевидно, однако, совпадение «идеологии» полиструктурного подхода с другой парадигмой – структурно-морфологической, поскольку она базируется на признании множественности основных «составляющих» деятельности и их качественной гетерогенности. Таким образом, можно видеть, что две рассмотренные выше парадигмы (структурно-уровневая и структурно-морфологическая) принципиально отличаются друг от друга еще и тем, что они базируются на двух – совершенно разных способах решения одной из наиболее фундаментальных и традиционных для психологии деятельности задач – задачи определения «единиц» анализа деятельности.

Итак, можно видеть, что сравнительный анализ двух основных парадигм разработки теории деятельности вплотную подводит к необходимости обращения к одной из наиболее общих и традиционных

проблем всей психологической теории деятельности в целом и методологии ее психологического анализа, в особенности, – к проблеме основных единиц анализа деятельности. Она уже была констатирована нами выше именно в качестве одной из ключевых и «сквозных» для всей психологии деятельности. Вместе с тем, именно этим же обстоятельством (ее определяющим для разработки психологической теории деятельности характером) обусловлена необходимость в том, что по ходу всего последующего изложения нам не раз еще придется обращаться к различным ее аспектам. Однако уже сейчас необходимо зафиксировать два ее ключевых аспекта. Первый: сама суть данной проблемы состоит в выборе и обосновании того, что же именно следует рассматривать в качестве основной структурной «единицы» деятельности – ее базового компонента («ячейки», «подлинной единицы» – С. Л. Рубинштейн; «составляющей» – Б. Ф. Ломов и пр.). Какой уровень «дробности» является оптимальным и в плане воспроизведенности – воплощенности в такой «единице» психологических атрибутов деятельности и, в то же время, в плане обеспечения необходимой детализированности и глубины анализа? Второй: очень показательно и то, что наибольшим разнообразием эти подходы характеризуются по отношению к исследованию относительно наиболее сложного типа профессиональной деятельности – управленческой (они были рассмотрены выше и могут являться достаточно демонстративной иллюстрацией самой сути данной проблемы).

Действительно, раскрытие закономерностей структурной организации любой системы предполагает обязательное решение критически важной задачи – задачи поиска, и определения того, что именно подлежит организации; выявления тех компонентов – единиц, которые и составляют так сказать «онтологическую базу» организации. По отношению к проблеме деятельности она имеет вид классической и наиболее традиционной для психологического анализа деятельности проблемы определения единицы анализа. Ее смысл как раз и состоит в том, что именно следует рассматривать в качестве базовой единицы анализа деятельности? Существует ли и, если да, то какой именно компонент (или компоненты), являющийся материалом соорганизации в общей структуре деятельности? Как отмечалось выше, она решалась на протяжении развития теории деятельности очень разными способами, а соответственно, – предлагались различные варианты дифференциации базовой «единицы» деятельности. Вместе с тем, при всем

разнообразии существующих подходов к ее решению они достаточно отчетливо группируются в два основных – обобщенных и отмеченных выше варианта (моноструктурный и полиструктурный).

Продолжая рассмотрение методологических проблем, связанных со структурной организацией деятельности, подчеркнем особо, что, как мы уже подчеркивали выше, определяющую роль в их разработке играет решение вопроса об определении базовых единиц анализа. Подходы к ее решению весьма разнообразны, некоторые из них также были охарактеризованы выше. Будучи глубоко различными, они, в то же время, имеют одну общую черту, которая, однако, носит не вполне позитивный характер. Большинство из них имеет, так сказать, «эмпирические корни» и не содержит решения вопроса о том, каким критериям должна удовлетворять искомая единица? Что она представляет собой с точки зрения императивов системного анализа? Чем она отличается от всех иных «составляющих» системы (или иной декомпозируемой целостности)? Каковы ее атрибутивные черты? В плане решения этой – также ключевой проблемы, на наш взгляд, должны быть привлечены те результаты, которые получены в работах [99, 103] и которые имеют само непосредственное отношение к определению статуса «единицы» анализа деятельности, равно как и ее основных атрибутов и закономерностей организации. Их смысл может быть резюмирован следующим образом.

Прежде всего, в этих целях необходима дифференциация понятий компонента и элемента, а также определение критически значимых характеристик первого, являющихся одновременно и его отличительными признаками по отношению ко второму. Традиционно под компонентом понимается такое простейшее образование, которое еще обладает качественной специфичностью целого. Под элементами понимаются те структурные составляющие, из которых образованы компоненты, но которые уже утрачивают качественную определенность целого (хотя и являются его онтологически необходимыми составляющими). Далее, по нашему мнению, не менее важно и то, что, наряду с выявлением этого критически атрибута, адекватная трактовка понятия компонента требует преодоления целого ряда понятийных стереотипов и не вполне позитивных традиций, которые сложились по отношению к нему.

1. Компоненты, как правило, рассматриваются не в аспекте их *собственной* организации, а в плане того, как из них самих складывается некоторая более общая целостность. Акцент делается на том,

что компоненты – это, прежде всего, так сказать «строительный материал», необходимая основа для формирования чего-либо более обобщенного и сложного по отношению к ним самим. И это, разумеется, в целом справедливо; важно лишь помнить, что, наряду с отмеченной, есть и другая сторона дела. Компоненты – это не только «строительный материал» для интеграции систем более высокого порядка, но и они сами по себе также выступают как продукты и результаты организации, интеграции. Вместе с тем, для удобства анализа они обычно берутся как данность, как нечто, не требующее дополнительного, самостоятельного анализа, то есть как своего рода «точка отсчета» для исследования интеграционных феноменов и процессов на их множестве. Это не вполне адекватно отражает природу компонентов как таковых, которая закреплена даже в самой этимологии данного понятия. Действительно, *компонент* – это нечто именно *комплексное*, то есть составное, предполагающее наличие в своем составе иных образований и, следовательно, их организацию. Следовательно, и анализ системы на компонентном уровне, в отличие от элементного, предполагает необходимость выделения и последующего изучения достаточно сложных, внутренне дифференцированных и составных образований. Подход к трактовке компонентов с этой точки зрения должен быть именно композиционным, а не элементаристским.

2. Другая понятийная традиция, сложившаяся в использовании данного термина и особенно явственно представленная в психологических исследованиях, заключается в следующем. Как правило (хотя и не всегда) при выделении компонентов принимается гносеологическая установка, согласно которой они представляют собой относительно гомогенные «единицы» анализируемого целого, принципиально сходные друг с другом. Идеалом такого подхода является случай, когда удастся определить некоторую «унитарную единицу» анализируемого целого и, далее, использовать ее в качестве компонента при изучении этого целого. И это совершенно понятно с точки зрения логики исследования. Дело в том, что изучать интеграцию, организацию – вообще структурированность относительно похожих друг на друга образований гораздо проще, нежели аналогичные организационные процессы, развертывающиеся на множестве существенно различных между собой образований. Вместе с тем, нельзя упускать из виду, что, для подавляющего большинства сложноорганизованных объектов психологического исследования наиболее характерен второй вариант. Они – эти

психологические системы представляют собой единство качественно разнообразного, *гетерогенного*, а не единство гомогенного. И здесь вновь можно привести пример, взятый из психологической теории деятельности. Согласно одному из подходов к ее разработке, с собственной психологической стороны она может и должна быть представлена как психологическая система деятельности, состоящая из основных функциональных блоков – ее компонентов [266]. Однако сами эти компоненты являются глубоко различными, качественно специфическими и не могут быть рассмотрены как унитарные единицы анализа сложного целого. Как раз наоборот, лишь использование для изучения деятельности совокупности качественно различных «единиц» анализа является необходимым средством перехода к наиболее адекватной природе самой деятельности методологии полиструктурного анализа (то есть анализа, базирующегося на множестве качественно гетерогенных «единиц»).

3. Еще одна традиция, сложившаяся при использовании данного понятия, заключается в том, что (вольно или невольно, явно или неявно) доминирующей является установка на принципиальную *множественность* компонентов. Эта установка проявляется тем в большей степени, чем более сложной является сама анализируемая система. При этом, однако, необходимо учитывать следующее – существенное, на наш взгляд, обстоятельство. Действительно, с одной стороны, любая система должна обладать множественностью своего компонентного состава, быть внутренне дифференцированной, гетерогенной; лишь в этом случае может быть достигнута реальная сложность самой системы. Однако, с другой стороны, множество компонентов любой системы должно быть конечным, «счетным» и – добавим отнюдь не всегда имеющим большую размерность. Это, кстати говоря, также отражено в этимологии понятия «компонент», одним из смысловых оттенков которого является именно счетность, конечность – ограниченность компонентного состава какой-либо системы. Корень «комп» означает, в том числе, именно счетность – конечность, предельность, обозримость, то есть *компактность*. И в этом заключен достаточно глубокий смысл: система должна обладать не только принципиальной множественностью состава (то есть быть внутренне дифференцированной), но и множеством именно такой «размерности», при которой интегративные средства самой этой системы, выражаясь метафорически, «справлялись бы» с ее внутренним разнообразием. Лишь в этом

случае может быть достигнут баланс интеграционных и дифференцирующих механизмов, средств и процессов, обеспечивающих целостность системы. Очень показательна в этой связи, что анализ многих, причем, – достаточно сложных психологических образований, имеющих системную природу, приводит к выделению весьма ограниченного набора их базовых компонентов (см. обзор в [90]).

4. Традиционной является также установка на рассмотрение компонентов как относительно стабильных, статичных образований, из которых складывается система. Ее динамичность, разнообразие, изменчивость соотносится, как правило, не с изменениями самих компонентов, а с тем, как, какими действительно, принципиально вариативными, различными способами и средствами они организуются в рамках системы. Вместе с тем, как показывает опыт исследования многих психологических систем, их компоненты могут быть представлены в существенно разных формах, с различной степенью выраженности; они сами по себе также принципиально *динамичны* – изменчивы в плане своих содержательных и иных характеристик. И здесь можно вновь обратиться к психологической теории деятельности: действия как компоненты деятельности могут быть представлены в ее структуре в очень разных формах, с очень разной степенью развернутости, сложности. Положение о принципиальной вариативности характеристик компонентов имеет, на наш взгляд, очень существенное значение для раскрытия истинной природы компонентов любой системы.

5. Еще одной характерной особенностью традиционного использования понятия компонента является то, что при определении компонентного состава доминирует установка на их выделение и последующее изучение как относительно паритетных (а еще желательнее – рядоположенных друг другу, то есть имеющих принципиально сходный статус, «ранг» в составе той или иной системы). Другое дело, что эти – принципиально однопорядковые компоненты могут впоследствии подвергаться организации и интеграции. Между ними могут складываться те или иные отношения соподчинения, в результате чего может формироваться, например, их иерархическая структура. Иначе говоря, при использовании понятия компонента доминирующим является горизонтальный (паритетный), а не вертикальный (субординационный) подход. Вместе с тем, как опять-таки показывает опыт изучения многих психологических систем, сами компоненты уже исходно могут быть также принципиально гетерогенными.

Множество компонентов – это не совокупность одностатусных образований, а совокупность образований, могущих иметь качественно *различные* степени и «порядки» сложности.

6. При установлении компонентного состава системы обычно принимается и еще одна – имплицитная гносеологическая установка. Она заключается в том, что исходно компонентами системы могут выступать любые, в том числе – и очень отличные друг от друга образования. Вместе с тем, важно иметь в виду и то, что все выделяемые компоненты на фоне их, действительно, глубоких и реально имеющих место различий – должны обладать и чертами фундаментального *сходства*, подобия. Они должны быть сопоставимыми в каком-либо существенном аспекте, смысле, соотносимыми друг с другом. И здесь опять-таки целесообразно обратиться к этимологии понятия *компонента*. Одним из его смысловых оттенков как раз и является сравнимость, сопоставимость компонентов как таковых (*comparable* – сравнимый, сопоставимый). Компонент трактуется в общем виде как сравнимый и сопоставимый с другими – аналогичными ему образованиями. Однако сложность данного вопроса заключается в том, что это сходство – сравнимость может быть прослежено не столько в плане содержания и феноменологических характеристик компонентов, а в иных – более имплицитных и глубинных их свойствах. Сравнимость и сопоставимость компонентов может лежать не «на поверхности», а в плане их имплицитных характеристик.

7. Очень характерным и продолжающим доминировать при интерпретации понятия компонента является своего рода дизъюнктивный подход к нему. Компоненты, согласно ему, потому и являются таковыми (то есть частями целого), что они отчленены друг от друга, выступают различными аспектами целого. Конечно, они при этом находятся в теснейших взаимосвязях и взаимодействиях. Однако все эти взаимосвязи обычно трактуются как связи между исходно отдельными образованиями, то есть носят по отношению к содержанию компонентов так сказать внешний характер. Вместе с тем, нельзя не учитывать, что многие, в особенности – сложноорганизованные системы могут предполагать и иной тип взаимосвязей между компонентами – взаимосвязи по типу *включения* компонентов друг в друга. Наиболее характерен этот тип взаимосвязей именно объектам психологического исследования. В результате его развертывания могут складываться очень сложные, необычные, а отчасти – и парадоксальные отношения между

компонентами. Например, будучи дизъюнктивными в каком-либо одном отношении, компоненты системы в другом (или – других) аспектах могут быть включены в состав друг друга; они могут использовать друг друга и в качестве своих собственных средств.

8. Наконец, еще одной – достаточно прочной и устойчивой традицией в трактовке понятия компонента является то, что он (по определению) рассматривается как обязательно более *простое* образование, нежели та целостность, частью которой он выступает. В целом и в самом общем виде такая точка зрения является, разумеется, правильной; она выступает именно правилом. Вместе с тем, из него, как и из любого иного правила, существуют исключения. Причем, эти исключения становятся тем более представленными, чем сложнее анализируемая система. Их суть заключается в том, что, по-видимому, не всегда и не для всех систем правило, согласно которому компонент проще системы, является общим и универсальным. На первый взгляд, данное утверждение представляется не вполне обоснованным и даже – неправдоподобным. Вместе с тем, реальность, которую очень трудно оспаривать, именно такова. Наряду с принципом супераддитивности, существует, как известно, и принцип субаддитивности (инфрааддитивности), согласно которому в некотором смысле и в некоторых случаях целое оказывается «меньше, чем его часть» [27]. Приведем лишь одну иллюстрацию данной закономерности. Так, аксиоматичным положением социальной психологии в целом и психологии малых групп, в частности, является тезис, согласно которому группа (как целое) состоит из своих компонентов (как частей). Последними выступают отдельные члены группы; они и являются ее компонентами. Вместе с тем, если поставить вопрос о том, какая из этих двух сущностей – группа или личность каждого ее члена является более сложной, то ответ будет совершенно неочевидным. Более того, по-видимому, вторая из них, то есть личность характеризуется не большей простотой по отношению к первой, то есть к группе, а наоборот – большей сложностью своей собственной организации.

На основе проведенного выше анализа можно, по всей вероятности, сделать вывод, согласно которому исторически сложившиеся и ставшие традиционными представления о содержании понятия компонента, о связях и отношениях между компонентами и системой в целом не вполне отвечают реальной ни его реальной сложности, ни сложности его отношений с системой.

В плане вышеизложенного вполне обоснованной представляется необходимость дифференцировки двух основных этим значений понятия компонента. Первое – строгое как раз и состоит в том, что им является такое простейшее образование, которое еще обладает качественной специфичностью целого. Второе – более расширительное состоит в том, что под компонентом понимается, фактически, любая «составляющая» системы, любое структурное образование, локализуемое на разных уровнях ее организации. Такая трактовка, хотя и является менее строгой, но все же может быть использована как средство осуществления анализа; она особенно значима в плане реализации задач прикладного характера, поскольку позволяет установить более комплексный и полный состав анализируемого целого. Все эти положения необходимо учитывать при ответе на основной из обсуждаемых здесь вопросов – о том, что же именно должно рассматриваться в качестве компонентов деятельности.

Между этими значениями, однако, не только нет какой-либо принципиальной границы – так сказать, организационной «пропасти», но, наоборот, компоненты все более высоких порядков сложности порождаются посредством качественных трансформаций и комплексирования – синтеза компонентов более низких порядков. В результате такого саморазвития в составе систем – в том числе, и деятельности складывается особый уровень ее структурной организации – субсистемный. Он состоит из закономерных синтезов компонентов в определенные целостности – в компоненты более высоких порядков сложности, то есть в определенные подсистемы (субсистемы). Лишь на основе такого понимания оказывается возможным преодолеть два принципиальных недостатка традиционных представлений о базовых единицах анализа деятельности. Один из них заключается в явном и неоправданном крене в элементаризм – в ущерб, разумеется, холизму. Единица трактуется как, по возможности, относительно наиболее простая, а в понимании и в выделении компонентов доминирует установка на поиск и исследование чего-либо, по возможности, более простого. Проведенное рассмотрение показало, что понятие компонента, равно как и его сущность, состоят совершенно в ином. Это такое образование, которое само по себе обладает весьма высокой степенью сложности. Второй негативный момент существующих представлений состоит в том, что они слабо учитывают еще одно важное свойство компонентов. Все они

обладают достаточно мощным генеративным – порождающим потенциалом. Они являются не только «составляющими» сформированной деятельности, но и основой и «зачатком» ее генезиса и развития.

Необходимо учитывать, что сущность компонента состоит еще и в том, что он не сводится только к его гносеологическому модусу – как результату процедуры декомпозиции целого. С иной – онтологической точки зрения компонент выступает уже не как конечный результат процедуры декомпозиции, а наоборот, как исходный – прежде всего, в генетическом плане для формирования и развития системы, для ее генезиса. В компоненте заложены многие интенции и потенции, необходимые для генезиса всего целого. Более того, в нем заложены и потенции для развертывания того главного, что составляет суть структурной организации любой сложной системы – ее уровневого строения. Дело в том, что *компоненты* обладают способностью к *комплексированию*, синтезу (что отражено в еще одной его коннотации). В результате этого на их базе складывается образования, обладающие переходным уровнем статусом – ансамбли, паттерны компонентов, являющиеся, фактически, подсистемами всего целого. Они, как отмечалось, образуют особый уровень их организации – субсистемный. В гносеологическом плане компонент – это конечный пункт, итог самого познания, а в онтологическом плане компонент – это генетически исходный пункт развертывания процесса формирования систем. Оппозиция анализа как гносеологической процедуры и синтеза – интеграции как онтологического средства генезиса систем – это реальное и очень острое противоречие всех процедур аналитического типа, в том числе и психологического анализа деятельности. К сожалению, как правило, оно разрешается в пользу приоритета аналитичности и трактовки компонента только в функции части целого, но не в плане его трактовки как имеющего существенные генетические потенции, как «зачатка целого». Так, очень показательным в этом плане, является опять-таки действие как компонент деятельности. В процессе его собственной дифференциации, обогащения все новыми детерминантами оно, выступая исходно как нерасчлененное целое, может трансформироваться в образования большей степени развернутости и именно такое сукцессирование лежит в основе складывания собственно деятельности паттернов. Из этого следует, в частности, что искомая единица деятельности – ее компонент также должна быть гетерогенной, причем, в плане представленности в ней аспектов всех трех систем, входящих в состав деятельности.

С позиций сформулированных представлений появляются необходимые и достаточные предпосылки для того, чтобы предложить еще один вариант решения проблемы основных единиц деятельности и, соответственно, ее основных структурных компонентов. Он непосредственно обусловлен как логикой развития самой теории деятельности, так и теми запросами и социальными заказами, которые диктуются практикой, прежде всего, – образовательной, связанной с профессиональной подготовкой. Общеизвестно, что в настоящее время широкое распространение получил *компетентностный* подход, который, в свою очередь, непосредственно сопряжен с еще более общим – деятельностным подходом к обучению и образованию, к профессиональной подготовке в целом. Он выдвигает целый ряд достаточно острых теоретических и прикладных проблем, в том числе – и перед психологией деятельности. Одной из ключевых среди них и является задача адекватной и корректной интерпретации самого понятия компетенции, а также его соотношения с понятием компетентности. По ходу дальнейшего изложения мы еще неоднократно будем обращаться к этой проблеме; пока же зафиксируем лишь одно – наиболее принципиальное в данном контексте обстоятельство. Оно заключается в том, что, по-видимому, наиболее адекватной и психологически корректной трактовкой компетенции как раз и является ее понимание в качестве основной, базовой «единицы» структурно-функциональной организации деятельности, а также ее генетической динамики. Компетенции по определению являются именно *интегративными* образованиями, поскольку в них синтезированы три основных компонента так называемой «ЗУНовской триады» («знания – умения – навыки»). Следовательно, в них возникают собственно системные эффекты, порождающие качественную определенность всей целостности – деятельности как таковой. Компетенции поэтому и являются «истинными носителями» этой качественной определенности; они релевантны содержанию деятельности в целом и выступают наиболее обоснованными средствами ее экспликации – в том числе и в ходе ее психологического анализа.

Одновременно, они являются все же и достаточно *локальными* образованиями деятельности, дифференциация которых обеспечивает должный уровень детализированности и глубины ее декомпозиции, а следовательно, – глубины и эффективности самого анализа. Причем, они соотносятся не с какими-либо частными, второстепенными,

условно выделенными в гносеологическим целях аспектами деятельности, а с ее объективно главными аспектами – с теми функциональными задачами, на решение которых она направлена и совокупность которых и составляет ее содержание как таковое. Кроме того, крайне важно, что при таком подходе эксплицируется очень четкий и определенный критерий самой дифференциации этих «единиц», поскольку в их качестве как раз и выступает совокупность этих основных функциональных задач деятельности. Далее, очень существенно, что в компетенциях представлены в неразрывном – интегрированном виде все три основных плана деятельности, отраженные в известной «деятельностной триаде» (субъект, объект, процесс деятельности). Действительно, компетенции – это неразрывный синтез субъектных характеристик (поскольку они являются системными качествами, формирующимися в результате интеграции трех – субъектных по своей сути компонентов «ЗУНовской триады») [208]. В то же время, как отмечалась выше, в них репрезентировано объективное содержание деятельности (ее функциональных задач и «материализованных» средств, на основе которых возможно их решение), а также важнейшие характеристики собственно процесса деятельности. Дело в том, что именно эти характеристики как раз и закреплены в «нормативно-одобренном способе деятельности – НОСД, который, собственно говоря, во многом и образован необходимыми для его реализации компетенциями.

Вообще говоря, в связи с вышеизложенным можно констатировать не вполне естественную ситуацию. Она состоит в том, что, компетентностный подход, базирующийся на деятельностной парадигме, до сих пор «обходит вниманием» наиболее фундаментальную теоретическую проблему самой этой парадигмы – проблему структурных «единиц» деятельности. Данное обстоятельство может быть объяснено, на наш взгляд, именно тем, что в настоящее время наметилась достаточно выраженная тенденция к снижению интенсивности разработки собственно теоретических вопросов психологии деятельности – в особенности, с позиций системной методологии. И напротив, попытка интерпретации базового понятия всего компетентностного подхода – понятия компетенции именно с этих позиций, предполагающая его трактовку в качестве основной (достаточно дифференцированной, но одновременно – и интегративной по своей природе) «единицы» деятельности, показывает конструктивность и перспективность реализации этой методологии по отношению к разработке теории деятельности.

Далее, другим – не просто важным в методологическом плане, но и, по существу, определяющим вопросом, возникающим при реализации структурного исследования, является еще одна проблема, решение которой также возможно предложить с позиций сформулированных представлений. Ее суть состоит в определении уже не того, из чего она состоит, а того, что означает само понятие «состоит»? Как соотносится само целое и его части, каковы принципы организации вторых в первом и пр. На первый взгляд, данный вопрос представляется достаточно простым и даже не вполне заслуживающим самостоятельного рассмотрения. Более того, и в научном познании, и в повседневной практике сложился очень устойчивый и отвечающий здравому смыслу стереотип, согласно которому само понятие «состоит» имеет вполне ясное содержание. Более того, познание как таковое в целом и анализ как его базовая разновидность, в частности, в качестве главного и исходного из всех этапов включает именно тот аспект изучения системы (и, соответственно, – подэтап), который направлен на установление ее компонентного состава. В известном смысле это вообще основной и исходный для любого познания шаг – в чем-то даже, так сказать, «архетипический», связанный со стремлением познающего субъекта понять, прежде всего, «из чего состоит», что собой представляет» – в аспекте его содержания объект познания. При этом аксиоматично полагается, что целое именно состоит из частей, то есть оно является заведомо и всегда более сложным, чем они. Сами же части выступают в качестве сущностей относительно меньшего уровня сложности, синтез которых и приводит к образованиям больших порядков сложности. Отношения целого и частей с этой точки зрения это отношения множества и его компонентов (в лучшем случае – подмножеств), отношения *включения*.

Однако многие сложные системы характеризуются тем, что зачастую эксплицируют не вполне обычные и привычные отношения между целым и его частями, то есть системой и ее компонентами. Суть этих отношений состоит в том, что на них не могут быть перенесены традиционно доминирующие представления об отношениях включения, об отношениях аддитивности. Согласно последним, целое состоит из своих частей, а они, в свою очередь, являются заведомо более простыми, чем все целое; они образуют само целое посредством своей интеграции и пр. Напротив, по отношению к ряду систем они – как целостность – вовсе не «состоят» из своих частей, а *реализуется* в них

и чрез них, мультиплицируя при этом на каждую из них существенную часть всего собственного содержания – повторяя и воспроизводя себя в них [15, 126]. В результате нередко часть может не уступать целому по степени своей сложности и организованности; может являться равномошной ему, отражая в себе тем самым его собственные атрибутивные особенности – воплощая в себе его системные качества. Все эти и многие иные – повторяем, достаточно необычные отношения целого и частей являются, как известно, предметом специального анализа при исследовании систем неклассических типов. Это, в частности, популяционные, распределенные, диссипативные системы. Это, далее, и системы «наложенного» типа, а также производные системы и др. По отношению к ним такие отношения, однако, выступают не как необычные и непонятные, но, напротив, – как вполне естественные и даже необходимые. Все это объясняется тем, что они являются производными от общего принципа их организации – не структурно-морфологического, а подчеркнуто функционального. При этом соотношения целого и частей базируется уже не на принципах включения и интеграции частей в целое, а на принципах мультипликации и координации. Это означает, что деятельность в целом – в плане своих базовых структурных компонентов мультиплицируется в своих «составляющих» – компонентах, окрашивая их в специфические для нее тона. На содержание и организацию компонентов (и, следовательно, на меру их сложности) транспонируется реальная сложность всей организации деятельности, что и придает истинную сложность им самим²¹.

В более общем плане в основе этого лежит фундаментальный механизм *мультиплицирования*, при котором потенциал системы в целом может многократно воспроизводиться в ее частных, хотя и важных аспектах, проявлениях, функциях. Целое может повторять себя в ча-

---

²¹ Показательным примером этого является организация управленческой деятельности. Она, являясь, определенной системой и «состояя» из ее компонентов – основных управленческих функций, как раз и характеризуется тем, что между первой и вторыми складываются не отношения включения, аддитивности, а отношению мультипликации. Любая из функций, объективно выступая частью целого, в то же время, не уступает ему по сложности, а напротив, транспонирует на свою организацию основные ее особенности и атрибуты всего целого. Так, в этом плане очень показательна, функция выработки и принятия управленческих решений, которая, как известно, по степени своей склонности, фактически, тождественна сложности всей деятельности и вообще во многом репрезентирует ее в целом [34, 95].

стях, перенося на их организацию – в том числе и, прежде всего, на их структуру основные особенности своего функционирования. Тем самым резко расширяется собственный потенциал частей, что является чрезвычайно ценным с обще адаптационной точки зрения. При этом складывается иная, нежели в традиционных системных представлениях, картина соотношений целого и частей, системы и компонентов. Целое (система) уже не состоит из частей (компонентов), а реализуется в некоторой совокупности основных функций (которые, впрочем, сами порождены этой системой). Это означает, что на каждую из функций может переноситься потенциал системы в целом. Такой перенос позволяет ей резко расширять – по существу, умножать, то есть именно мультиплицировать (в прямом и непосредственном значении данного понятия) свои функциональные возможности.

Все эти заключения, разумеется, ставят новые – еще более сложные и принципиальные вопросы, главный из которых состоит в том, как все это оказывается возможным? Каким образом и на основе каких конкретных по содержанию, но в то же время – достаточно общих по смыслу, широких по сфере действия и инвариантных по базовым принципам организации средств и механизмов обеспечиваются эти – действительно, сложные отношения? Однако, и этот – повторяем, наиболее принципиальный вопрос также допускает свое решение, сущность которого состоит в следующем.

Как известно из методологии системного подхода, двумя важнейшими типами системных качеств являются интегративные и дифференциальные системные качества. Их глубинные – принципиальные различия обусловлены тем, что в их основе лежат не просто разные, но и во многом противоположные по своему содержанию средства и механизмы. Констатация этих механизмов, а также их описание и интерпретация – это, разумеется, «основа основ» всей методологии системности, ее золотой фонд. Вместе с тем, негативным моментом является то, что нередко только этими типами и, соответственно, только соотносимыми с ними закономерностями дело и ограничивается. Другим негативным моментом является то, что при разработке проблемы системных качеств обычно упускается из виду еще одно положение принципиального плана, высказывавшееся уже представителями гештальтпсихологии. Оно состоит в том, что системные качества – это такие свойства системы, которые, являясь присущими ей именно в целом, в то же время могут быть воплощены и в ее частях. Другими сло-

вами, та или иная часть целого – тот или иной компонент системы, та или иная ее «составляющая» может выступать носителем системных качеств, а они, в свою очередь, обладают способностью воплощаться в их содержании. В связи с этим сама категория системных качеств эксплицирует свои новые – дополнительные и очень существенные грани. Оказывается, что некоторое качество может быть присуще той или иной части целого, тому или иному компоненту системы (и поэтому являться его собственной характеристикой, образовывать его собственную качественную определенность и вообще – эксплицировать эту часть как нечто качественно определенное, «отдельное»). Однако оно же не утрачивает при этом и своего исходного – базового и определяющего статуса, то есть не перестает быть «первично» системным, то есть не перестает эксплицировать и наиболее обобщенные – интегративные свойства всей системы, ее качества именно как целостности. Тем самым, именно все целое, репрезентированное в его наиболее обобщенных – системных качествах, оказывается представленным в его же частях. Сами части могут становиться и реально становятся носителями атрибутивных особенностей всего целого – его системных качеств. Система (целое) воплощается – мультиплицируется в своих компонентах (частях).

Констатируя все эти особенности, трудно, однако, не видеть, что следует сделать всего лишь один логический шаг и для другого – наиболее принципиального заключения. На основе действия именно указанных средств и механизмов складывается не вполне обычная и привычная, а отчасти – даже парадоксальная картина, при которой часть (компонент) системы, обладая, разумеется, своим собственными качествами (присущими ей как части), в то же время, начинает обладать и качествами всей системы. Системные качества целого распределяются по его отдельным частям. В силу этого, системные качества начинают выступать уже не только как свойства самого целого, но и как свойства его частей. Однако это же означает, что те свойства (и скрытые за ними и в них сущностные механизмы организации), которые присущи всей системе, становятся одновременно и свойствами ее отдельных «составляющих». Наконец, подчеркнем, что с этих позиций само понятие системных качеств также обретает новый – дополнительный и очень существенный смысл. Они раскрываются как такие качества, которые, будучи интегративным по своему генезису и характеризую систему в целом, в то же время функционально мо-

гут транспонироваться и на ее «составляющие» – на части, компоненты и пр. Наиболее принципиально то, что они при этом, фактически, не подвергается никакой редукции и трансформации; напротив, они сохраняются во всех своих основных особенностях – во всей полноте своего содержания и сложности. С этой точки зрения вовсе не обязательно, чтобы носителем системных качеств выступала бы система в целом; их носителем может выступать и та или иная ее относительно локальная «составляющая».

В связи с этим, можно заключить, что одной из важнейших граней самих системных качеств является присущая им способность воплощаться – мультиплицироваться в отдельных «составляющих» системы. При этом еще более тонкий аспект данной проблемы – ее наиболее имплицитный нюанс состоит в следующем. Одно и то же качество, будучи присуще какой-либо части системы и выступая при этом ее парциальным проявлением, в то же время выступает и ее интегральным проявлением – ее качеством в целом, то есть ее системным качеством.

Таким образом, на основе сказанного можно сделать вывод о том, что само понятие «состоит», которое играет столь важную и в принципе понятую (или считающуюся понятной) роль в психологическом анализе деятельности, также нуждается в существенной корректировке. То понимание, которое доминирует в настоящее время, не отражает реальной сложности организации систем – особенно психологического плана. Оно должно быть не только скорректировано, но и расширено посредством иного, нежели традиционно описанный, типа организации, базирующегося на принципе мультиплицирования. Особо значимо то, что данный принцип играет все большую роль при усложнении организации самих систем – его роль пропорциональна их сложности. Поэтому данное заключение также необходимо учитывать при разработке методологических основ психологического анализа наиболее сложных видов профессиональной деятельности – в особенности субъектно-информационного.

Глава 3. Методологические основы исследования метакогнитивной регуляции информационной деятельности

3.1. Постановка проблемы исследования

Вся совокупность материалов, представленных в предыдущих главах, создает необходимые условия для того, чтобы вновь обратиться к основной проблеме данной работы – раскрытию особенностей и закономерностей метакогнитивной регуляции информационной деятельности, но уже не в плане ее постановки, а в плане ее возможного решения. Действительно, они, с одной стороны, позволяют раскрыть основные содержательные характеристики самой *информационной деятельности*, взятой в ее наиболее репрезентативной разновидности – в деятельности IT-специалистов. С другой стороны, они дают и достаточно многоплановое раскрытие как самого общенаучного *понятия структуры*, так и специфики его использования в собственно психологических исследованиях в целом и в разработке проблемы деятельности, в особенности. Наконец, в них дана и общая характеристика того *методологического подхода*, который, по нашему мнению, целесообразно положить в основу дальнейшего исследования данной проблемы.

Вместе с тем, представленные материалы являются именно необходимыми, но пока еще не вполне достаточными для формулировки возможного решения основной проблемы данной работы. Достаточными они станут при соблюдении трех дополнительных и весьма важных условий. Во-первых, рассмотренные представления об информационной деятельности и о структурной организации необходимо *синтезировать* друг с другом, то есть подвергнуть специальному анализу еще одну проблему – проблему *структурной организации этой деятельности*, а не только взглядов о деятельности отдельно и о структуре отдельно. Поэтому и одна из основных задач данной главы состоит в том, чтобы попытаться раскрыть и проинтерпретировать основные особенности и закономерности структурной организации информационной деятельности и, по возможности, сформулировать концептуально непротиворечивые представления о структурной организации данной деятельности в целом.

Во-вторых, специальному анализу необходимо подвергнуть и еще одну значимую проблему, связанную с определением содержания и специфики самой *метакогнитивной регуляции* деятельности, а также закономерностей ее сопряжения с общей структурной организацией деятельности. Данная задача является не только важной и даже – необходимой с гносеологической точки зрения, но и вполне традиционной в плане императивов системной методологии. Дело в том, что раскрытие какой-либо «составляющей» той или иной системы без и вне раскрытия особенностей самой этой системы методологически некорректно и фактически неконструктивно. В данном случае такой системой – базовой и онтологически представленной целостностью по отношению к рассматриваемому предмету исследования и выступает сама деятельность как таковая во всей полноте своих характеристик – прежде всего, содержательных и структурных.

В-третьих, необходимо, конечно, и специальное рассмотрение еще одной задачи, смысл которой заключается в следующем. Сформулированные в предыдущих главах представления показывают, *куда* и *как* включена метакогнитивная регуляция, поскольку раскрывают структурную организацию самой деятельности и принципы соорганизации с ней метакогнитивных средств ее регуляции. Однако они еще не позволяют ответить на другой важный вопрос – *что* именно подлежит такому включению, то есть что представляет собой *метакогнитивная регуляция*, как организована она сама. Это – вопрос уже не о том, куда и как она включается, а что именно включается.

Далее, при решении этих задачи необходимо учитывать и то, что структурный план исследования в целом и его реализация по отношению к деятельности, в частности, объективно и нерасторжимо сопряжен с реализацией подчеркнута аналитических процедур исследования. Дело в том, что, как показано в главе 2, сама структура в ее наиболее традиционном и общем смысле – это совокупность отношений между частями системы. Однако, для того, чтобы эти отношения и, соответственно, их совокупность были установлены, объективно необходима дифференциация – декомпозиция системы на ее «составляющие» (части). Понято, что эта задача атрибутивно связана с реализацией процедур именно дифференциального, декомпозиционного – аналитического плана. В силу этого, собственно говоря, и возникает необходимость дополнения собственно структурного плана исследования попыткой решения задач подчеркнута

аналитического плана, связанных с выбором и (или) формулировкой методологии анализа общего предмета исследования. Переводя это общеметодологическое положение на конкретно-психологический язык, можно заключить, что возникает комплекс задач, смысл которых состоит в разработке методологии и конкретных процедур психологического анализа деятельности. Наконец, необходимо зафиксировать еще одно методологическое положение установочного плана, производное от сформулированных выше и логически вытекающее из них, точнее – из их синтеза. Оно состоит в том, что решение практически всех задач как теоретического, так и прикладного плана, связанных с деятельностной проблематикой, является методологически корректным только в том случае, если оно базируется на предварительном психологическом анализе самой деятельности.

В этом плане необходимо иметь в виду, что в целом психологический анализ деятельности и как предметная сфера исследований, и как практико-ориентированное направление не только играет важнейшую роль в общей и прикладной психологии, но и является очень традиционным именно для отечественной психологии. В силу его неразрывной – по существу, атрибутивной связи с этой теорией, а в значительной мере и производности от нее, он переносит на себя как ее основные достижения, так и трудности, проблемы и вопросы, возникающие при ее разработке. Степень их взаимополагаемости такова, что эволюция психологического анализа вообще неотрывна от логики развития теории деятельности, а его достижения равно, как, впрочем, и проблемы – в существенной степени являются продолжением и проявлением трансформаций самой теории деятельности.

В связи с этим, базовым принципом «анализа самого анализа» должна быть всемерная опора на те закономерности и особенности, которыми характеризуется развитие психологической теории деятельности. Именно так и обстоит дело и по отношению к основной задаче данной работы: для того, чтобы методологически корректно осуществить рассмотрение метакогнитивной регуляции информационной деятельности, необходим психологический анализ самой этой деятельности. Требование реализации предварительного психологического анализа деятельности при рассмотрении той или иной теоретической или прикладной задачи – это вообще один из основных методологических императивов, который должен быть реализован и в данной работе. Однако, для того, чтобы этот анализ был также методологически

корректным и обоснованным, он должен ассимилировать как общие положения психологической теории деятельности, так и основные содержательные характеристики и специфические особенности изучаемой деятельности. В свою очередь, это требует реализации какой-либо процедуры анализа деятельности или ее разработки (в случае отсутствия таковой). Поэтому еще одной задачей дальнейшего рассмотрения является определение такого рода аналитической процедуры и ее реализация по отношению к раскрытию закономерностей метакогнитивной регуляции самой информационной деятельности. Подчеркнем также, что эта задача уже являлась ранее предметом нашего специально исследования в работе [126], в связи с чем в ходе дальнейшего изложения мы будем опираться на полученные в ней результаты.

3.2. Структурная организация информационной деятельности

3.2.1. Парадигмальные основания исследования структурной организации информационной деятельности

Переходя к последовательному рассмотрению сформулированных выше задач в целом и исходной из них, связанной с разработкой представлений о структурной организации деятельности и реализации по отношению к ней методологии психологического анализа, напомним, что сложившиеся к настоящему времени взгляды в данной области достаточно отчетливо группируются в две основные парадигмы – структурно-уровневую и структурно-морфологическую. Они были достаточно подробно рассмотрены в главе 2, а также в работах [101, 103]. Одним из основных итогов такого рассмотрения явилась констатация следующего обстоятельства наиболее общего и одновременно исходного плана. В русле данного направления, равно как и в самом психологическом анализе деятельности, к настоящему времени оформился целый ряд проблем и трудностей принципиального плана. Все они свидетельствуют об определенной стагнации в этих важнейших психологических областях и, соответственно, данная ситуация должна быть преодолена.

Обобщая главные результаты их рассмотрения, проведенного в параграфе 2.2, и выделяя так сказать «главное из главного», необходимо зафиксировать наиболее общее положение, а также ряд следствий из него, которые также должны составить базу для последующе-

го рассмотрения. Оно состоит в том, что практически все трудности развития и современного состояния психологического анализа деятельности сопряжены с одной – базовой и фундаментальной проблемой, являющейся, к тому же, и наиболее традиционной для него; более того, она лежит в его основе как такового. Это, разумеется, классическая проблема *единиц анализа*, которая может по-разному формулироваться, обретать различные экспликации и контуры ее методологической рефлексии, но которая остается инвариантной по сути и содержанию, равно как и по статусу. Более того, ее методологическое осмысление вплотную приводит к постановке вопросов еще более общего и, по существу, гносеологического, даже – философского характера. В ее контексте они вовсе не являются теоретически избыточными, а необходимы в плане ее разрешения. Так, прежде всего, встает один из наиболее общих вопросов, смысл которого состоит в следующем. Действительно ли анализ как таковой – как базовая гносеологическая процедура всегда должен предполагать опору на декомпозицию целого именно на его «единицы». Тожественен ли сам анализ именно декомпозиции, или же он не сводится к ней и предполагает возможность процедур иного типа – в частности синтетической направленности? Очевидность позитивного варианта ответа на данный вопрос «подсказывается» и традиционно сложившейся как в науке, так и на практике синонимией терминов «анализ» и «разделение» (то есть именно декомпозиция – расчленение, движение от целого к его частям). Далее, возникает и вопрос о том, что должно пониматься под самими частями? На что, следовательно, должны быть ориентированы аналитические процедуры как таковые? Либо это реальная – онтологически представленная составляющая целого – то, из чего оно в действительности состоит. Либо же это гносеологически конструируемая сущность – конструкт, являющийся средством познания и реализации его результатов на практике.

Наконец, подчеркнем и обстоятельство, которое, с одной стороны, явилось результатом проведенного в [126] рассмотрения, а с другой, – должно быть понято и как принципиальная трудность дальнейшего развития представлений в области психологического анализа деятельности. Она, соответственно, должна быть проинтерпретирована и как проблема, требующая своего приоритетного рассмотрения. Действительно, как показано в [77, 160, 162, 218], все предпринимавшиеся ранее попытки установления базовой – уни-

тарной единицы деятельности и, соответственно, ее анализа имели и продолжают иметь принципиально ограниченный характер; они не являются так сказать универсальными и «всеохватывающими» – релевантными всем видам деятельности.

Более того, мера адекватности существующих вариантов выделения таких единиц существенно и очень явно снижается при усложнении самих видов анализируемой деятельности. Традиционные варианты становятся все менее «работающими» и вообще пригодными при усложнении самих видов деятельности. Причем речь идет вовсе не об их неправильности – они вполне могут быть использованы в этих целях, а именно об их неконструктивности, несензитивности к экспликации через них истинного содержания деятельности, ее психологического богатства. Так, конечно, можно описать управленческую деятельность в наиболее традиционных единицах – действиях [160]. Однако это практически ничего не дает для экспликации ее истинного содержания и реальной сложности. Подчеркнем также, что в этой связи должен быть сформулирован и еще более имплицитный вопрос – о том, что именно представляет собой сама «сложность»? Является ли движение деятельности в сторону усложнения одновекторным или же сами направления усложнения также множественно? Например, усложнение может быть обусловлено повышением ответственности, экстремальностью условий, возрастанием информационной нагрузки и пр. В связи с этим, и возникает вопрос: какой тип усложнения характерен для субъектно-информационного класса? Ответ на него – хотя бы в первом приближении может быть дан уже сейчас и он вполне очевиден. В данном классе усложнение деятельности обусловлено не каким-то одним фактором, а их комплексом – совокупностью взаимосвязанных факторов. Это и резкое возрастание информационной составляющей, приводящее к высокой когнитивной нагрузке на субъекта. Это и имплицитный характер презентации предмета деятельности, обретающего зачастую характер виртуальной реальности. Это и транспонирование целого ряда деятельностных функций, являющихся для других классов деятельности исключительно прерогативой субъекта, на ее средств, то есть на процессор и др.

Необходимо учитывать и еще более принципиальное обстоятельство, к которому приводят указанные факторы. Оно состоит в том, что по всем своим атрибутам и вообще – по содержательным и структурным характеристикам эта деятельность не только вплотную прибли-

жается к тому, что обычно обозначается как ее внутренний план, как структура и содержание *психической регуляции*, но и вообще практически к ней сводится. Деятельность в целом во многом или даже – практически во всех ее основных моментах переходит во внутренний план, а ее структура и содержание становятся принципиально подобными структуре психической регуляции как таковой. То, что выступало по отношению ко всем иным видам и типам деятельности как ее *регулятор*, а соответственно, лишь ее часть, по отношению к субъектно-информационному классу становится *регулируемым* – всей деятельностью – по крайней мере, в ее атрибутивных чертах и основных механизмах реализации.

Отсюда вытекает важный, по нашему мнению, вывод методологического плана. Структура деятельности субъектно-информационного класса и, соответственно, система ее базовых единиц во многом повторяет или даже воспроизводит – *мультиплицирует* структуру психической регуляции как таковой. Поэтому анализ данной деятельности не только может, но и обязательно должен базироваться на структурной экспликации этой регуляции. Понятно, что данное заключение, с одной стороны, вскрывает еще большую сложность психологического анализа деятельности данного класса, поскольку сам его предмет и вообще – практически вся его сфера переносятся в этот внутренний план, становятся представленными именно в интрапсихической плоскости. Они, следовательно, становятся значительно менее эксплицированными и доступными любым исследовательским процедурам. Анализ «внутреннего» – имплицитного существенно сложнее, нежели анализ «внешнего» – эксплицитного, что, кстати говоря, составляет и одну из основных трудностей всего психологического познания. Однако, с другой стороны, именно это же обстоятельство в определенной и, более того, весьма существенной степени облегчает анализ (хотя это может показаться, на первый взгляд, неправдоподобным). Дело в том, что констатированная выше конгруэнтность – практически изоморфизм, доходящий до степени тождества, между структурой и содержанием психической регуляции деятельности и всей деятельностью может рассматриваться как ориентир для экспликации структуры деятельности субъектно-информационного класса в целом и, следовательно, как основа для ее анализа, равно как и для определения сути ее единиц. В этом случае проведение анализа деятельности, фактически, равнозначно анализу

структуры и содержания ее собственно психологического обеспечения. Оно, в свою очередь, представлено в ее закономерной организации и установлено в целом ряде подходов к ее экспликации, которые и должны быть привлечены к решению данной проблемы.

Как было показано выше, а также в целом ряде других работ (например, в [111, 116]), все подходы к такой экспликации структуры деятельности группируются в две основные парадигмы – *структурно-уровневую* и *структурно-морфологическую*. Имея свои несомненные достоинства, равно как и определенные ограничения, они могут быть поняты и как две стадии разработки общей проблемы структурной организации деятельности. Дело в том, что вторая из них оформилась существенно позже первой и в значительной степени явилась своеобразной реакцией на ее ограничения, позволив дать более полную и комплексную экспликацию структурной организации деятельности. Вместе с тем, и она сама также не лишена определенных ограничений, что вполне естественно и отражает реальную сложность самого предмета исследования. Следовательно, она также предполагает необходимость дальнейшего развития и совершенствования. Очень характерно и то, что существенные предпосылки и условия для возможного, а по нашему мнению, – и наиболее перспективного способа решения этих проблем сложились – «вызрели» в русле самих этих парадигм, то есть явились органичными следствиями и результатами их собственного развития. Они, следовательно, носят не внешний и потому искусственный характер, а являются внутренними, сопряженными с аутохтонной логикой развития самой психологической теории деятельности и, следовательно, в существенно большей степени обоснованными. В результате этого она была существенно модифицирована и, фактически, трансформирована в новую парадигму, обозначенную как *функционально-динамическая* парадигма разработки проблемы деятельности [111].

Суть такой трансформации определяется следующим важнейшим обстоятельством. Как отмечалось выше, структурно-морфологический подход связан с выделением и последующим изучением ее основных психологических «составляющих» (компонентов). Этот подход получил наиболее завершенное выражение в разработанных в 1970-80-е гг. структурно-функциональных представлениях, моделях деятельности [75, 77, 162, 192, 266, 268, 269]. Их общий смысл состоит в установлении того, что в основе психологической структуры

деятельности лежит организованная совокупность определенных базовых компонентов (функциональных блоков, психологических «составляющих», образующих деятельности и т. п.). Причем, различными авторами в их качестве рассматривается весьма сходный набор компонентов. Такая общность закономерна и в ней отражена наиболее общая закономерность: для реализации деятельности объективно необходим определенный и достаточно инвариантный набор некоторых, основных, деятельностных функций. Это – функция формирования цели и ее дифференциации на подцели; функция редукции неопределенности и выработки решения; функция построения плана и программы; функция контроля и самоконтроля и др. Все эти деятельностные функции, составляя в совокупности «каркас» психологической регуляции деятельности, достаточно инвариантны как по составу, так и по отношению к различиям в предметном содержании деятельности, а также к ее типам, видам и условиям реализации. Все они, однако, объективно предполагают необходимость своего собственно процессуального обеспечения. Поэтому само установление этих функций ставит закономерный вопрос – вопрос об определенной группе специфических *процессов*, которая, по-видимому, должна являться столь же инвариантной, как и сама совокупность базовых регулятивных, деятельностных функций. Другими словами, возникает необходимость раскрытия того, как же конкретно, то есть в форме каких *процессов* реализуются, «работают» выявленные ранее составляющие деятельности? Возникает необходимость дополнения структурно-морфологического исследования иным – процессуально-динамическим изучением. Последнее связано с выяснением вопроса уже не о том, из чего *состоит* деятельность, а с вопросом как она *функционирует*; более конкретно – какие процессы лежат в основе организации и динамики деятельности как целостной системы.

Один из вариантов решения этого – ключевого в теоретическом отношении вопроса был предложен в разработанной нами концепции *интегральных процессов* психической регуляции деятельности [92, 99, 111]. Согласно ей, в качестве этих процессов выступает класс специфически регулятивных процессуальных средств деятельности, которые и обеспечивают реализацию базовой, инвариантной совокупности основных функций по ее организации. Он и был обозначен как класс интегральных процессов психической регуляции деятельности. В него входят процессы целеобразования, антиципации, принятия решения,

прогнозирования, планирования, программирования, контроля, самоконтроля. Это – своего рода процессы «второго порядка», второго уровня интеграции. В них осуществляется синтез всех иных – «первичных» психических процессов (когнитивных, эмоциональных, мотивационных, волевых) при реализации ими регулятивных функций.

Кроме того, поскольку каждый из интегральных процессов образован, как показано в [86], синтезом иных – онтологически представленных психических процессов, то и сами интегральные процессы также выступают в качестве реально представленных – онтологических образований. Через них и в них основные «составляющие» деятельности обретают свой онтологический статус. Поэтому они должны быть проинтерпретированы как одна из важнейших «составляющих» реальной онтологии деятельности в аспекте ее процессуально-психологического, собственно регулятивного обеспечения. Важно и то, что те «первичные» психические процессы, которые подвергаются синтезу в рамках каждого из интегральных процессов, базируются, в свою очередь, на тех или иных конкретных и вполне определенных психофизиологических функциях. Главной же отличительной чертой психофизиологических функций как раз и является то, что они образуют онтологическую основу психического, являются этой онтологией.

Таким образом, через соответствие с тем или иным интегральным процессом каждая из главных психологических «составляющих» деятельности, каждый из ее функциональных блоков, действительно, обретает онтологические основания для своего существования и, соответственно – дифференциации. Данное положение представляется наиболее принципиальным и должно быть зафиксировано специально. Его смысл, повторяем, состоит в том, что именно интегральные процессы выступают объективным – онтологически представленным критерием для самой дифференциации основных психологических «составляющих» регуляции деятельности. Причем, они являются критерием, носящим именно объективный характер, поскольку непосредственно сопряжены с реальной онтологией процессуально-психологического обеспечения деятельности и, более того, – фактически, образуют саму эту онтологию.

Далее, можно констатировать, что существует достаточно явное и очень закономерное подобие, доходящее до степени *изоморфизма*, между совокупностью функциональных блоков общей системы деятельности и совокупностью интегральных процессов психической

регуляции деятельности. Вместе с тем, в данной связи необходимо учитывать еще одно – существенное обстоятельство, состоящее в следующем. Вся совокупность функциональных блоков дифференцируется на две группы. В первую входят такие из них, которые непосредственно и очень естественным образом соответствуют тому или иному интегральному процессу и, фактически, выступают как их прямое результативное проявление (например, блоки целеобразования или принятия решения). Однако действительная сложность организации деятельности состоит в том, что она включает еще одну – вторую группу. Их природа такова, что и они тоже, хотя и более опосредствовано, связаны с собственно процессуальным аспектом ее организации. Так, в основе мотивационного обеспечения деятельности (то есть в основе блока мотивации) лежат, в том числе, и качественно специфические, именно процессуальные образования – мотивационные процессы (которые, к сожалению, значительно хуже раскрыты в настоящее время, нежели иные типы процессов). В основе многих и притом, – наиболее значимых, базовых профессионально-важных качеств, в роли которых, как известно, выступают общие и специальные способности личности, также лежат основные психические функции и формирующиеся на их основе психические процессы. Поэтому целый ряд этих качеств также выступает результативным аспектом и итоговым проявлением определенного процессуального содержания психики.

В силу этого, раскрытие особенностей функциональных блоков, фактически, невозможно изолировать от рассмотрения интегральных процессов, лежащих в основе самих функциональных блоков. Это – практически «две стороны одной медали»; два аспекта общего содержания регулятивной подсистемы психики и ее генезиса. Первый фиксирует, преимущественно, его результативный аспект – его «кристаллизацию» в определенных функциональных новообразованиях, в качестве которых и выступают функциональные блоки системы деятельности. Второй фиксирует его собственно процессуальный аспект, связанный с функционированием, а также со становлением и развитием собственно операционных средств регуляции деятельности.

Существенно и то, что с этих позиций не только каждая из основных «составляющих» системы деятельности (функциональный блок) так сказать «по отдельности» обретает объективный критерий своей дифференциации. Дело еще и в том, что и вся их совокупность (точнее – система) также получает комплексный и вполне объективный кри-

терий ее дифференциации в целом. Действительно, можно видеть, что имеет место не только и не просто так сказать «поточечное» – взаимно-однозначное соответствие каждого из интегральных процессов с той или иной «составляющей» деятельности. Существует также и *комплексное* соответствие всей совокупности базовых регулятивных функций, с одной стороны, и всей системы интегральных процессов, с другой. Иначе говоря, вся совокупность функциональных блоков системы деятельности соответствует всей системе интегральных процессов ее психической регуляции. Более того, как показано выше, их система как раз и выступает не только комплексным, но и реально представленным их онтологическим основанием, их онтологией как таковой.

Следовательно, и сама дифференциация основных психологических «составляющих» деятельности, представленная, в частности, как совокупность ее основных функциональных блоков и являющаяся, фактически, главным положением всей структурно-морфологической парадигмы разработки теории деятельности, обретает свой комплексный и объективный критерий. В свете данного критерия эта дифференциация раскрывается уже не только как гносеологическое средство описания и изучения деятельности, а как естественная и онтологически представленная психическая реальность. Функциональные блоки, явившиеся исходно дифференцированными на базе, преимущественно, эмпирико-феноменологических критериев и оснований обнаруживают – именно через соответствие с совокупностью интегральных процессов свой истинный, то есть онтологический статус. Одновременно и совокупность интегральных процессов эксплицирует свой очень важный модус: она является комплексным и, повторяем, онтологически представленным – объективным критерием для дифференциации самих этих «составляющих», функциональных блоков деятельности. Становится понятным, как и почему именно они синтезируются в целостность – в психологическую систему деятельности. Фактически, все вышеизложенное означает, что через совокупность интегральных процессов, вообще – с позиций концепции интегральных процессов психической регуляции деятельности осуществляется концептуальное расширение и представлений по проблеме деятельности в целом.

В плане констатации основных следствий, к которым привело развитие представлений об интегральных процессах регуляции деятельности, особо подчеркнем еще некоторые – дополнительные по отношению к уже охарактеризованным положения. Так, во-первых, если

представления о функциональных блоках системы деятельности, равно как и сами эти понятия, несут, в основном, характер гносеологических конструктов, то в понятиях интегральных процессов фиксируется уже иной – существенно более приближенный к онтологии психического пласт его содержания. Являясь собственно процессуальными образованиями, они, собственно говоря, и представляют собой то, в чем, через что и за счет чего осуществляется реальное функционирование психического в целом и его регулятивные функции по отношению к деятельности. Процессуальность есть онтология самого функционирования, которое и составляет содержание психического в целом [125, 218]. Поэтому переход от структурно-функциональной парадигмы к функционально-динамической во многом тождественен переходу от гносеологических способов экспликации психического к онтологическим. Следовательно, анализ интегральных процессов – это в значительной степени и есть анализ самой онтологии деятельности, ее собственно психологического содержания.

Во-вторых, постановка в центр исследования структурно-функциональной организации деятельности понятия интегральных процессов является решающим условием и принципиальным средством перехода от статических схем ее анализа к *динамическим* схемам. Как известно, явно недостаточный учет традиционными подходами динамического аспекта вообще является одним из основных их недостатков. Организация деятельности рассматривается именно как относительно статическая структура, но не как структурно-функциональное образование, то есть такое, в организацию которого органично и совершенно объективно, атрибутивно включено *временная* координата. Деятельность рассматривалась и продолжает рассматриваться в них с позиций представлений о системах синхронического, а не диахронического типа. Сама же категория системности реализуется при этом лишь в одном ее, хотя и важнейшем, но все же не единственном, модуле – как синхроническая системность. Понятие же временной – темпоральной системности, равно как и сопряженные с ней закономерности временной организации, остаются слабо реализованными. С позиций представлений об интегральных процессах эти существенные ограничения в значительной степени оказывается возможным преодолеть, постольку они как раз и являются подчеркнуто процессуальными образованиями (по определению) и, следовательно, системами темпорального типа. Сама же деятельности – уже не декларативно, а ре-

ально эксплицируется как аналогичное – процессуальное образование и, следовательно, как система темпорального типа. Через интегральные процессы и посредством их анализа в теорию деятельности органично включается важнейшая категория реальности, важнейшее ее измерение – временное. Сам же ее анализ получает реальные возможности для экспликации тех – возможно, очень значимых закономерностей, которые обусловлены этой координатой.

В-третьих, все интегральные процессы обладают объективно присущей процессуальности как таковой сукцессированностью, развернутостью и, следовательно, существенно большей степенью их *доступности* для экспликации, нежели практически полностью симультанные и имплицитно представленные структурные блоки деятельности. Следовательно, они открывают более благоприятные возможности для экспликации содержания регуляции деятельности, то есть для реализации ее психологического анализа.

Наконец, в-четвертых, подчеркнем и то, что, являясь существенно более синтетическими – комплексными по составу и интегративными по организации, они тем самым характеризуются и меньшей степенью аналитичности, нежели все иные – традиционно выделяемые классы процессов. Вместе с тем, следует учитывать и то, что, выступая интегративными на одном уровне, они в то же время, сохраняют и свою известную аналогичность на другом – более обобщенном уровне психической организации. Это означает что, строго говоря, все они также являются продуктами декомпозиции исходно представленного целого – системы деятельности и ее психической регуляции, а не самостоятельными, отчлененными друг от друга образованиями, которые, синтезируясь, это целое и порождают. В этой связи можно сказать и так: будучи продуктами декомпозиции, они, тем не менее, так сказать «стремятся к возврату» в свое исходное бытие – в качестве частей целого. Им, следовательно, атрибутивно присущ своего рода потенциал синтетичности, тенденция к интеграции друг с другом; их суть состоит в том, чтобы эту синтетичность актуализировать, а тем самым – вступать друг с другом во взаимодействия. Ниже мы возвратимся к этому – весьма существенному обстоятельству; пока же зафиксируем его как таковое.

3.2.2. Проблема единиц анализа информационной деятельности

Все рассмотренные выше представления создают адекватную основу для того, чтобы непосредственно обратиться к проблеме единиц анализа деятельности в целом и информационной деятельности, в частности, а также предложить возможный вариант ее решения. Действительно, как можно видеть из представленного выше рассмотрения, развитие представлений, сложившихся как в структурно-морфологической, так и в функционально-динамической парадигме привело к значимому в теоретическом плане результату. Он, однако, приобретает еще большую значимость и более глубокий смысл при условии его включения в контекст такого важного направления, как исследование в области *компетентностного* подхода; поясним сказанное.

Во-первых, как показано выше, психологическая система деятельности характеризуется очень явной инвариантностью – общностью состава и содержания ее основных «составляющих» и их архитектоники по отношению к различиям в видах, типах и даже классах профессиональной деятельности. Эта инвариантность, в свою очередь, обуславливает, что по отношению к очень разным видам, типам и классам деятельности существует столь же инвариантный, воспроизводящийся набор определенных базовых компетенций, объективно необходимых для их реализации. Ими являются компетенции в области целеобразования, мотивирования, информационного содержания деятельности, принятия решения, планирования и программирования деятельности, в области профессионально-важных качеств, контроля, самоконтроля и др. Они (и это наиболее важно в данном контексте) не носят характера непосредственной связи с какой-либо конкретной деятельностью, а имеют деятельностно-неспецифический характер. Это – *общие* компетенции, выходящие за пределы какой-либо конкретной деятельности. Поэтому они выступают и как своего рода метадеятельностные образования [126, 208]. Исходя из этого, можно, по-видимому, говорить о существовании некоторой совокупности компетенций, носящих наддеятельностный и надпредметный характер. Они являются общедеятельностными и формируются как продукты и результаты генезиса общей архитектоники психологической системы деятельности.

Во-вторых, отсюда следует вывод наиболее принципиального плана: комплексным и, главное, – объективным критерием для диф-

ференциации общего состава базовых деятельностных компетенций выступает общая архитектоника психологической системы деятельности [111, 114, 115, 269]. Это вытекает из того принципиального факта, что уже сам по себе состав и содержание, а также общая организация профессиональных компетенций в каждой конкретной деятельности, фактически, полностью изоморфна ее психологической структуре.

В-третьих, особо следует подчеркнуть еще одно обстоятельство, которое носит более имплицитный, но не менее важный характер и которое обычно явно недооценивается по сравнению с другими – в том числе, и отмеченными выше. Тезис о том, что психологическая система деятельности является объективным – онтологически представленным основанием и даже комплексным критерием для дифференциации и упорядочивания совокупности базовых деятельностных компетенций, недопустимо трактовать в упрощенном и потому некорректном виде. Речь, в действительности, должна идти о том, что такого рода основанием является именно система деятельности, то есть общая организация ее блоков, а не их аддитивная совокупность, не их сумма. Это означает, что экспликация и дифференциация компетенций должна осуществляться не только на основе их соотношения с суммой этих блоков и уж тем более не поточено (по принципу «один блок – одна компетенция»), а существенно иначе – по более сложному принципу, который адекватен действительности. Дело в том, что базовые деятельностные компетенции могут выступать и реально выступают не только как производные от того или иного блока в отдельности (хотя это является очень важным и, не исключено, наиболее значимым случаем). Они могут выступать производными и от эффектов их взаимодействия, соорганизации, порождаясь возникающими вследствие этого синергетическими эффектами. При этом напомним, что сама суть блоков (равно как и интегральных процессов) состоит в том, что с онтологической точки зрения они выступают аспектами, сторонами единого целого. В силу этого, они так сказать «постоянно стремятся» к возврату к этой целостности; им присущ достаточно мощный потенциал синтетичности, проявляющийся в множественных взаимодействиях интегративного типа. Следовательно, в реальности они «работают» именно как части целого, как компоненты системы, а объективно присущие их совокупности эффекты системности не могут не проявляться в их функционировании в целом – в том числе, и в аспекте генерирования образований различного типа – в част-

ности, базовых компетенций. Поэтому общим и комплексным основанием для дифференциации и организации базовых компетенций деятельности является именно система блоков, а не их сумма.

Следовательно, и общая совокупность компетенций является производной как от блоков по отдельности, так и от эффектов их *организации*. Несколько предвосхищая дальнейшее изложение, отметим в этой связи, что отсюда следует важное предположение. По всей вероятности, совокупность базовых компетенций деятельности дифференцируется в соответствии с констатированной выше закономерностью на две группы. Первая – это те, которые соотносятся с каждым блоком в отдельности, а вторая – те, которые соотносятся с эффектами их взаимодействия, являясь синтетичными по своей сути и, следовательно, более комплексными, а в известной мере – и вторичными по отношению к предыдущей группе.

В данном контексте нельзя, разумеется, оставить без внимания и еще один аспект данной проблемы. Хорошо известно, что сам компетентностный подход, являясь очень крупным и многоаспектным междисциплинарным направлением, характеризуется выраженной неоднородностью, а нередко и противоречивостью его базовых положений, а также определенным отставанием теоретического осмысления рассматриваемых в нем вопросов от их собственно прикладных аспектов [18, 75, 208, 213]. В целом ему присущи те черты (эмпиризм, эклектизм, прагматизм, аналитичность), которые, как известно из методологии науки, являются индикаторами недостаточной теоретической зрелости. Одним из проявлений этого как раз и являются те недостатки, которые эксплицируются в плане решения основного вопроса – о критериях дифференциации и последующей систематизации базовых компетенций деятельности. В плане его решения доминирует явный эмпиризм и опора на те критерии (если они вообще формулируются), которые носят подчеркнуто практический – точнее деятельностно-специфицированный характер и которые коренятся именно в содержании той или иной исследуемой в каждом конкретном случае деятельности. Это тот путь, который обычно обозначается как эмпирический (движение «снизу – вверх»). Однако, другой – существенно более обоснованный и корректный способ, обозначаемый как теоретический (движение «сверху – вниз»), предполагающий вначале формулировку критерия определения компетенций и лишь затем их основанную на нем дифференциацию, представлен в несопоставимо меньшей степени. В связи

с этим, в адрес компетентностного подхода, а в еще большей степени – в адрес дифференцируемых при исследовании конкретных видов деятельности наборов компетенций высказываются многочисленные упреки. Указывается, в частности, на их излишнюю прагматичность, на эклектичность, на неполноту или, напротив, избыточность и др.

Соглашаясь с некоторыми из этих упреков, мы считаем необходимым подчеркнуть иное обстоятельство. Дело в том, что сама – трудно преодолеваемая прагматичность общего «духа» компетентностного подхода и, соответственно, трудно изживаемая эклектичность и прагматичность способов определения компетенций должна рассматриваться и как свидетельство реальности – жизненности, значимости именно тех «единиц», которые сложились в нем для изучения деятельности и особенно – для ее оптимизации. Это, разумеется сами компетенции как базовые «составляющие» такого рода исследования. Их существенное преимущество состоит, к тому же, еще и в том, что они являются достаточно операционализируемыми и конструктивными в плане реального изучения деятельности. Они, как уже отмечалось выше, в значительно большей степени объективируемы и доступны аналитическим процедурам. Наконец, то, что они, несмотря на постоянную критику за их «нетеоретичность», упорно воспроизводятся именно как конструктивное средство исследования деятельности, должно пониматься как свидетельство успешного прохождения ими проверки практикой – они оказались верифицированными ей. И наоборот, если бы они не были дифференцированы в практике анализа деятельности и ее оптимизации и не закрепились бы как их средства, то это являлось бы лучшим свидетельством их необоснованности и искусственности. Поэтому сама прагматичность как доминирующая черта современного состояния компетентностного подхода (рассматриваемая обычно как антитеза теоретичности и, следовательно, недостаток), в действительности, должна быть понята и как его существенная положительная черта.

Итак, можно видеть, что в ходе проведенного анализа было выявлено и проинтерпретировано глубинное подобие, доходящее до степени изоморфизма – практически конгруэнтность трех базовых психологических конструктов. С одной стороны, – это изоморфизм системы *функциональных блоков* деятельности и системы *интегральных процессов* ее психической регуляции. С другой стороны, это изоморфизм системы *функциональных блоков и базовых компетенций*

деятельности. Напомним также, что сами интегральные процессы – это, как показано выше, и есть реальная онтология деятельности, ее содержание в главном – функциональном (и потому временном, процессуальном) модусе. Следовательно, это и есть предмет психологического анализа как таковой в его максимально репрезентативном виде. В силу этого, простой синтез двух констатированных изоморфизмов – даже посредством чисто логической операции транзитивности – с необходимостью приводит к следующему заключению. Система базовых компетенций – это и есть то, в чем и через что представлена и проявляется реальная онтология деятельности. Сами же компетенции не только могут, но и с необходимостью должны быть проинтерпретированы как действительные части этого содержания. Другими словами, есть все основания считать, что именно они и являются подлинными единицами самого целого, то есть наиболее репрезентативными единицами структурно-функциональной организации деятельности.

Тем самым, новое и достаточно обоснованное решение получает наиболее общая и классическая проблема теории деятельности в целом и ее психологического анализа, в особенности, – проблема единиц анализа. Такими единицами, по-видимому, и являются базовые компетенции деятельности. Компетенции, как отмечалось выше, по определению являются именно интегративными образованиями, в которых синтезированы три основных компонента так называемой «ЗУНовской триады» («знания – умения – навыки»). Следовательно, в них возникают собственно системные эффекты, порождающие качественную определенность всей целостности – деятельности как таковой. Компетенции поэтому и являются «истинными носителями» этой качественной определенности; они релевантны содержанию деятельности в целом и выступают наиболее обоснованными средствами ее экспликации – в том числе и в ходе ее психологического анализа.

Одновременно, они являются все же и достаточно локальными образованиями деятельности, дифференциация которых обеспечивает должный уровень детализированности и глубины ее декомпозиции, а следовательно, – глубины и эффективности самого анализа. Причем, они соотносятся не с какими-либо частными, второстепенным, условно выделенными в гносеологическом целях и т. п. аспектами деятельности, а с ее объективно главными аспектами – с теми функциональными задачами, на решение которых она направлена и совокупность которых составляет ее содержание как таковое. Кроме того, крайне

важно, что при таком подходе эксплицируется очень четкий и определенный критерий самой дифференциации этих «единиц», поскольку в их качестве как раз и выступает совокупность этих основных функциональных задач деятельности.

В связи с этим, что также отмечалась выше, представляется странным, что компетентностный подход до сих пор «обходит вниманием» наиболее фундаментальную теоретическую проблему самой этой парадигмы – проблему структурных «единиц» деятельности, проблему основных вариантов ее декомпозиции на отдельные «составляющие». Однако, именно интерпретации базового понятия всего компетентностного подхода – понятия компетенции именно с этих позиций, предполагающая его трактовку в качестве основной (достаточно дифференцированной, но одновременно – и интегративной по своей природе) «единицы» деятельности, показывает конструктивность и перспективность реализации этой методологии по отношению к разработке теории деятельности.

С этих позиций, далее, эксплицируется еще одно – достаточно принципиальное положение, имеющее, к тому же и очевидную прикладную, точнее процедурную направленность. Проблема единиц анализа деятельности в целом в ее общем виде характеризуется множественностью – поливариативностью способов ее решения. Более того, она, по-видимому, она не только не имеет, но и не должна иметь какого-либо одного – так называемого «единственного правильного» решения. Дело в том, что, наряду с атрибутивной поливариативностью, ее решение обязательно должно учитывать принцип целевого назначения: в данном случае – его направленность на реализацию самого психологического анализа деятельности. Он должен быть не только направлен на какую-либо конкретную цель, но и сам, должен быть практически реализуем. Следовательно, наряду с необходимой теоретической обоснованностью, единица анализа должна быть и достаточно операционализируемой – допускающей на ее основе разработку и осуществление процедур психологического анализа. Другими словами, она должна быть доступна работе с ней как средством декомпозиции деятельности и ее последующего рассмотрения в самых разных прикладных целях.

В свою очередь, это означает, что она должна быть достаточно эксплицированной, то есть представленной во внешних – объективированных проявлениях, доступных последующей фиксации. Одновременно она должна быть и достаточно субъективируемой, то есть допускать

осознание и последующую фиксацию информации «внутреннего» плана. Как известно, наиболее традиционным и «подходящим кандидатом» на эту роль является действие; однако, как показано выше, а также в целом ряде исследований, ее использование в аналитических целях практически ничего не дает для раскрытия реального содержания большинства видов деятельности, в особенности – сложных, интеллектуально-насыщенных. В противоположность этому использование в качестве такой единицы анализа компетенций во многом преодолевает данный недостаток, позволяя в большей степени, базируясь на «внешнем», проникнуть во «внутреннее». Дело в том, что она, основываясь на понятии функциональных блоков деятельности и интегральных процессов ее психической регуляции (и, разумеется, на той реальности, которая в них зафиксирована), в гораздо более полной и доступной форме реализует известный путь от явления к сущности, от феноменального к ноуменальному; поясним сказанное. Действительно, носителями наиболее важных, глубинных механизмов и иных операционных средств деятельности являются те структурно-функциональные образования, которые соотносятся с базовыми блоками системы деятельности. Именно в них представлены, так сказать, терминальные предметы и конечные задачи психологического анализа деятельности, связанные с выявлением и объяснением ее наиболее глубины закономерностей и механизмов. Однако именно они же и именно по этим же причинам являются и наиболее имплицитными, практически никак не представленными ни объективно, ни даже субъективно.

Как следует из представленных выше материалов, в силу изоморфизма их совокупности и системы интегральных процессов, они непосредственно проявляются в организации последних, в их содержании, равно как и в иных важных атрибутах. Однако, по понятным и вполне естественным причинам они – именно как процессуальные образования характеризуются существенно большей степенью развернутости, сукцессированности, а потому в большей степени объективируемы и субъективируемы. Они в большей степени являются реальными предметами анализа, а не гносеологическими конструктами (как сами функциональные блоки). Далее, не менее важно и то, что аналогичный изоморфизм, как показано выше, существует и между ними самими и системой базовых компетенций. Подчеркнем при этом также обстоятельство весьма принципиального плана, которое, однако, по не совсем ясным причинам обычно вообще никак не учитывается в теории деятельности, а также

в ее психологическом анализе. Дело в том, что между интегральными процессами и компетенциями существуют те же самые принципиальные отношения, которые характерны между образованиями процессуального и результативного типа. Данное положение зафиксировано в одном из важных методологических принципов – в принципе единства процессуального и результативного. Согласно ему, раскрытие самой процессуальности не только возможно, но и необходимо по опосредствованному типу – через анализ итоговых, то есть результативных феноменов. В силу этого та реальная онтология деятельности, которая представлена в интегральных процессах и которая, в свою очередь, является столь же реальным воплощением и проявлением функционирования блоков деятельности как ее наиболее глубинных и важных механизмов, эксплицируется на результативном уровне именно в компетенциях – через них и в них. Они, следовательно, в наиболее принципиальных чертах, действительно, отражают и воплощают реальное содержание деятельности, взятой как на уровне ее онтологии, так и на уровне тех механизмов, которые образуют эту онтологию.

Наконец, не менее значимо, что этот – третий член «триады» (совокупности трех ключевых понятий: функциональные блоки – интегральные процессы – базовые компетенции) в очень существенной степени доступен экспликации, а тем самым в значительно большей степени выступает в качестве реального – операционализируемого и процедурно осуществимого средства анализа деятельности. Причем, такая операционализация происходит без существенной потери содержания анализируемого целого – самой деятельности и ее основных «составляющих». Это, в свою очередь, обеспечивается описанным выше взаимным изоморфизмом всех членов данной «триады». Тем самым, как можно видеть, предложенный вариант решения проблемы единиц анализа позволяет дать общее по смыслу (и, к тому же, теоретически обоснованное), но вполне конкретное по содержанию решение и проблемы реализуемости самих этих единиц как практически пригодных – операциональных средств его проведения. В этом состоит один из значимых – собственно прикладных аспектов предложенного варианта решения данной проблемы.

3.2.3. Компетентностный подход к экспликации структурно-уровневой организации информационной деятельности

Данный вариант, наряду с его прикладным звучанием, имеет еще и ряд следствий собственно теоретического характера, а главное из них состоит, по нашему мнению, в следующем. На первый взгляд, может сложиться впечатление о том, что он не вполне обоснован по достаточно простой причине: реальное многообразие компетенций большинства видов деятельности особенно – сложных как по количеству, так особенно по содержанию существенно богаче того, которое раскрывается с позиций сформулированных выше представлений. К числу последних, как можно видеть из проведенного рассмотрения, относятся компетенции по реализации таких – критически важных для организации и реализации деятельности функций, как целеобразование, мотивирование и самомотивирование, принятие решений, планирование, прогнозирование, программирование, контроль, коррекция. Именно они и являются с его позиций базовыми – наиболее значимыми для организации деятельности. В связи с этим, собственно говоря, и возникает реальное и достаточно острое противоречие, которое не только нельзя замалчивать и делать вид, что его нет, но, напротив, на нем надо акцентировать особое внимание и сделать его предметом приоритетного рассмотрения. Дело в том, что, в действительности, оно является вовсе не аргументом «против» сформулированных выше представлений, а важным обстоятельством «за» них, позволяя выявить некоторые новые и существенные особенности организации деятельности.

В самом деле, выше мы показали, что реальной – онтологически представленной основой для дифференциации состава и содержания базовых компетенций деятельности выступает именно система ее психической регуляции, образованная, в свою очередь, целостной организацией основных функциональных блоков. Именно она и является поэтому реальной – онтологически представленной основой как для дифференциации базовых компетенций деятельности, так и для их структурирования, организации. Однако следует учитывать, что такая обусловленность состава компетенций со стороны психологической системы деятельности, проявляющаяся, в частности, в изоморфизме интегральных процессов ее регуляции деятельности (и, соответственно, лежащих в основе их функционирования структурных «со-

ставляющих» деятельности – ее основных блоков), с одной стороны, и компетенций, с другой, носит весьма сложный и опосредствованный характер. Она, как отмечалось, не сводится только к попарному, точечному их соответствию. Наряду с этим, она существует и в более сложном плане – в плане детерминации компетенций со стороны синергетических эффектов – «эффектов системности», возникающих вследствие их соорганизации в системе. Мы уже отмечали выше, что, поскольку блоки деятельности – это именно «части целого» и они онтологически представлены в ней в их целостности и во взаимодействии друг с другом, то между ними складываются множественные и очень сильные взаимодействия именно системного типа. Эти взаимодействия, в свою очередь, столь же естественно приводят к генерации и реализации синергетических эффектов, к порождению новых качеств – системных по своей природе. Они, в свою очередь, позволяют резко расширить общий потенциал системы, поскольку позволяют обеспечить известный «выход за наличное», то есть приводят к расширению потенциала системы за счет ее организации, а не за счет привнесения каких-либо ресурсов извне. Все это – по существу, аксиомы системной методологии. Однако, именно поэтому – в силу их очень высокой степени обобщенности и инвариантности, они воплощены и в организации основных блоков системы деятельности.

Отсюда вытекает весьма значимое следствие: сама организация, которая так характерна для этих блоков, приводит к порождению эффектов системности; синергетические механизмы генерируют совокупность дополнительных детерминант для формирования все новых и все более сложных компетенций. *Базовые* компетенции, которые, действительно, соотносятся с каждым из блоков, тем самым обогащаются за счет возникновения новых образований – новых, более *синтетичных* компетенций. Они формируются не на основе отдельных блоков, а на основе тех эффектов, которые возникают в результате их синтеза, организации. Эти – более комплексные и составные по своей сути компетенции можно обозначить разными терминами – производные, вторичные, терминальные и пр. Дело, однако, не в их терминологическом оформлении, а в сути. Все они также производны от системы интегральных процессов и функциональных блоков, но не в плане их попарного – «точечного» соответствия с ними. Они производны в том смысле, что с несомненностью также выступают эффектами и результативными проявлениями их функционирования, но уже

в целом. Иными словами, они являются продуктами детерминации со стороны их системной организации. Они имеют поэтому собственно системную, а не аналитическую (как базовые компетенции) детерминацию. Понятно, что совокупность этих вторичных, производных компетенций существенно шире и разнообразнее; она и существенно большей степени отражает конкретное содержание той или иной деятельности в каждом отдельном случае, ее специфику в целом. Более того, она вообще формируется под влиянием преимущественно деятельностной детерминации.

Констатируя это, необходимо учитывать и еще одно обстоятельство. Дело в том, что все эти *вторичные*, производные компетенции, в конечном итоге, базируются на первичных – базовых компетенциях, точнее, на их синтезе. В онтологическом плане – в аспекте реализующих их механизмов и средств они не выходят за пределы того, что уже представлено в общей структуре психической регуляции – в психологической системе деятельности и ее блоках. «Прибавка» же в содержании и составе компетенции осуществляется за счет организации первичных, базовых компетенций – за счет их комплексирования, организации и возникающих вследствие этого эффектов синергетического типа, за счет механизмов порождения системных качеств. Как принято выражаться в подобных случаях, «природа не могла позволить себе роскоши» предусмотреть в организации психики существования большого числа компетенций, каждый из которых соответствовал бы какой-либо конкретной деятельности. Она пошла по совершенно иному пути, обеспечив базовый и универсальный набор таких средств (компетенций), на основе которого, однако, могут складываться их практически необозримые варианты – комбинации, паттерны; они и являются релевантными каждой конкретной деятельности. Базовые – первичные компетенции – это своего рода «алфавит», на основе которого формируются очень разные и весьма многочисленные составы вторичных компетенций и которые носят уже деятельностно-специфический характер.

В связи с этим, возникает вполне естественный вопрос: что же, собственно говоря, выступает в качестве причины – источника, детерминанты такой соорганизации, комплексирования базовых компетенций? Ответ на него, однако, достаточно очевиден и полностью соответствует как методологии системности, так и деятельностной реальности в ее истинном, а не симплифицированном виде. Дело в том, что любая деятельность, в особенности, сложная, обладает атрибутом целенаправ-

ленности, который, в свою очередь, предполагает объективную необходимость дифференциации общей цели деятельности на совокупность, точнее – на организованное множество подцелей разного уровня общности. При этом такая дифференциация осуществляется в соответствии с функциональным принципом: каждая подцель конституируется на основе ее соотнесения с той или иной деятельностной ситуацией, задачей. Они, в свою очередь, являются, как правило, достаточно инвариантными – повторяющимися, деятельностно-специфическими и составляют содержание деятельности как таковое, а также обуславливают ее трудности и соответственно – набор требований к осуществляющему их субъекту (то есть компетенций).

Другими словами, именно они, точнее – необходимость их преодоления и выступают как детерминанты для комплексирования базовых компетенций. *Функциональные задачи* по организации и реализации деятельности, выступают детерминантами для определения состав необходимых компетенций и способов их соорганизации. Используя системную терминологию, можно сказать и так: цель – решение тех или иных функциональных задач выступает как системообразующий фактор для селекции и соорганизации базовых компетенций. При этом они будут включаться в решение этих задач лишь в том аспекте и в той мере, в какой этой необходимо в каждом конкретном случае, то есть по отношению к каждой из основных деятельностно-специфических функциональных задач. В результате этого и на основе этого, собственно говоря, и складываются более сложные паттерны базовых компетенций; они образуют совокупность вторичных, производных, вторичных компетенций. Их многообразие, в свою очередь, очень характерно для различных видов и типов деятельности, проявляясь феноменологически весьма полно и демонстративно. Вместе с тем, за этим многообразием (которое, кстати говоря, является наиболее важной причиной эклектизма в определении перечня компетенций) необходимо видеть его истинную причину. Оно, в конечном итоге, сохраняет свою детерминированность со стороны системой базовых – первичных компетенций. Сами же вторичные компетенции выступают не «онтологически новыми» по отношению к ней, а являются продуктами их организации – синергетическими эффектами такой организации. Поэтому с онтологической точки зрения в психической регуляции деятельности нет и не может быть ничего иного, кроме системы ее базовых компетенций. Однако, в операционном – функци-

ональном смысле это «новое», конечно, не только возникает, но и составляет бóльшую часть всех компетенций. Повторяем, однако, что оно является следствием системных эффектов, генерируется организацией и интеграцией все тех же базовых компетенций. Подчеркнем также, что с этих позиций раскрывается глубинная связь и естественное взаимодействие двух очень общих и важных методологических подходов – *компетентностного* и *ситуационного*. Сама же компетентностная проблематика органично синтезируется с парадигмой ситуационизма. В свою очередь, именно такой синтез является обязательным условием и важным средством решения основной проблемы психологического анализа деятельности – проблемы определения его единиц.

В этом плане нельзя, конечно, не напомнить и о том, что именно такой способ – точнее, критерий определения системы деятельностных компетенций уже был успешно реализован по отношению одной из самых сложных деятельностей – *педагогической*. Действительно, например, в работах [94, 106, 109, 112, 114, 117, 124] их дифференциация была осуществлена именно на его основе, а затем эксплицированные компетенции были конкретизированы до следующего уровня – до уровня, на котором представлены именно функциональные задачи. Не менее показательно и доказательно и то, что аналогичный в принципе подход, хотя и представленный в существенной иной терминологии, созвучен и наиболее значимому и традиционному способу анализа еще одной очень важной деятельности – управленческой. Он обычно обозначается как классический, административный, функциональный. Его сущность состоит в том, что деятельность дифференцируется на основные «составляющие» – базовые управленческие функции [148, 155]. Соответственно этому, и основные управленческие компетенции обычно соотносятся с этими функциями, а каждая из компетенций, фактически, равнозначна, способности конструктивной реализации той или иной из этих функций. Однако, они, как показано нами в [95], именно по своему «функционалу» – по тем целям, на которые направлена их реализация, практически изоморфны процессуальным образованиям, зафиксированными в понятии интегральных процессов. В свою очередь, каждая из базовых управленческих функций представляет собой именно определенную – качественно специфическую по содержанию группу функциональных задач, состав и содержание которых непосредственно вытекает из самой деятельности. Тем самым, вновь можно видеть, что основные управленческие компетенции, ко-

торые как раз и соотносятся с базовыми управленческими функциями, опять-таки конкретизируются до уровня функциональных задач. Они, в свою очередь, в высокой степени являются эксплицированными и в столь же явной степени могут выступать в качестве конструктивных и, главное, – несложно реализуемых средств анализа деятельности.

С этих позиций становится очевидным также, что соотношение базовых (первичных) и производных (вторичных) компетенций не только может, но обязательно должно быть проинтерпретировано и как соотношение компонентов и их комплексов, точнее некоторых формирующихся целостностей. Фактически, речь при этом может идти о том, что они – эти паттерны» эксплицируются как определенные подсистемы, образующие в совокупности общий состав всех компетенций деятельности. Правомерность и конструктивность такого подхода обосновывается еще и тем, что он очень полно и точно соответствует сформулированным в системной методологии и многократно продемонстрировавшим свою корректность представлениям об основных принципах и критериях уровневой дифференциации систем в целом.

Показательно (и доказательно), что именно они в очень явной форме эксплицируются на основе развитых представлений относительно общей организации компетенций. Действительно, легко видеть, что базовые – первичные компетенции эксплицируются в качестве именно исходных компонентов, которые уже несут на себе все основные характеристики компетенций как таковых, но, в то же время являются унитарными, а не составными, не комплексными. Они поэтому удовлетворяют всем параметрам, которыми атрибутивно характеризуются компоненты системы. Поэтому они составляют один из уровней в организации их общей совокупности – *компонентный*. Далее, вторичные, производные компетенции, являющиеся продуктами комплексирования первичных, эксплицируются как определенные паттерны – подсистемы, складывающиеся для решения основных функциональных задач деятельности под системообразующей детерминацией основных деятельностных подцелей. Они поэтому образуют еще один качественно специфический уровень общей организации компетенций – *субсистемный*. В свою очередь, они также подлежат самоорганизации и интеграции, образуя в итоге общую совокупность компетенций – как первичных, так и вторичных. В результате они синтезируются в наиболее обобщенное образование, которое обычно

обозначается понятием компетентности. Оно – именно потому, что является наиболее целостным и обобщенным, соотносится уже с иным, качественно специфическим уровнем – собственно *системным*.

Кроме того, следует учитывать, что одной из своеобразных аксиом компетентностного подхода, даже – его «изюминкой» является тезис о несводимости компетенций к аддитивной совокупности их частей – того, что в них входит и из чего они состоят. Обычно такими частями рассматриваются составляющие так называемой «ЗУНовской триады» (знания, умения, навыки), а также специальные способности. Однако вся суть дела состоит в том, что они, будучи абсолютно необходимы для деятельности, сами по себе – так сказать по отдельности (или даже – суммативно) еще недостаточны для ее эффективной реализации. Это, собственно говоря, и зафиксировано в тезисе об интегративной природе компетенций как таковых. Иными словами, есть все основания дифференцировать еще один уровень общей организации компетенций, на котором локализованы их основные элементы; это – собственное *элементный* уровень. Наконец, как показывают исследования, выполненные в последнее время, наряду со всеми отмеченными типами компетенций, существует, по всей вероятности, и еще одна – достаточно имплицитная, но важная компетенция. Ее суть заключается в возможности субъекта воздействовать на свои же собственные компетенции – как в плане произвольной регуляции их ситуативного проявления, так и в плане целенаправленного влияния на их развитие. Это – своего рода компетенция по формированию и развитию собственных компетенций, а также регуляции меры их актуального проявления, то есть метакомпетенция. Поэтому нетрудно видеть, что ее сущность и функциональное предназначение эксплицирует ее естественное соотношение с еще одним уровнем общей структурной организации компетенций – *метасистемным*.

Итак, на основе вышеизложенного можно сделать следующее заключение обобщающего плана. К настоящему времени сложились все необходимые и достаточные предпосылки для того, чтобы предложить новый вариант решения основной проблемы психологического анализа деятельности – проблемы определения его основных единиц. Он непосредственно обусловлен как логикой развития самой теории деятельности, так и теми запросами и социальными заказами, которые диктуются практикой, прежде всего, – практикой профессиональной деятельности, связанной с возникновением ка-

чественно новых видов и классов деятельности в целом и с широким распространением одного из наиболее важных и перспективных среди них субъектно-информационного. В этих целях должны быть привлечены те данные, которыми располагает получивший широкое распространение как в теории, так и на практике компетентностный подход. Синтез его базовых положений с основными положениями психологической теории деятельности позволяет констатировать обстоятельство наиболее общего и принципиального плана. По-видимому, наиболее адекватной и психологически корректной трактовкой компетенции как раз и является ее понимание в качестве основной, базовой единицы структурно-функциональной организации деятельности, а также ее генетической динамики, обоснование чего и было осуществлено выше.

С этих позиций в значительной мере объясняется парадоксальная ситуация, заключающаяся в том, что компетентностный подход, базирующийся на деятельностной парадигме, до сих пор практически не ассимилировал ее наиболее фундаментальную проблему – проблему структурных единиц деятельности. В противоположность этому интерпретации базового понятия всего компетентностного подхода – понятия компетенции именно с этих позиций, предполагающая его трактовку в качестве основной единицы деятельности, вскрывает конструктивность и перспективность такого подхода по отношению к разработке теории деятельности.

Наряду с этим, сформулированный выше подход является достаточно конструктивным, поскольку на его основе возможна минимизация ряда трудностей как теоретического, так и прикладного плана. Особо значимо в этом отношении, что с его позиций оказалось возможным предложить новое – более комплексное, нежели все иные подходы, решение проблемы структурной организации деятельностных компетенций, выявить представленную выше их обобщенную деятельностную структуру – точнее, *макроструктуру*. С позиций данного решения она представляет собой иерархическую организацию пяти основных уровней. Поэтому оказывается возможным дать естественную и достаточно полную экспликацию всей совокупности деятельностных компетенций, реализовав при этом один из важнейших принципов организации психических структур – уровневый. Согласно этому решению, общая система компетенций раскрывается как построенная по структурно-уровневому принципу и включаю-

щая совокупность соорганизованных в целостную иерархию пяти основных уровней. Такое решение позволяет, следовательно, установить и проинтерпретировать наиболее обобщенную структуру компетенций, то есть их макроструктуру.

Весьма значимым, по нашему мнению, следствием сформулированных представлений, носящим, правда, более имплицитный и скрытый от обнаружения характер, является следующее положение. Более того, оно является, пожалуй, самым принципиальным в плане выявления закономерностей структурной организации информационной деятельности. Действительно, базируясь на сформулированных выше заключениях, а также на данных, представленных в целом ряде других наших работ [98, 99], можно сделать вывод о том, что существуют глубинное, очень органичное подобие, доходящее до степени изоморфизма, между макроструктурной организацией системы компетенций деятельности и структурно-уровневым строением самой *деятельности*. Это соответствие проявляется уже в том, что количество уровней в обеих структурах одинаково, а относительно высшие уровни одной структуры (компетенций) конгруэнтны аналогичным, то есть также высшим уровням другой структуры (деятельностной). Так, в частности, очевидно прямое и очень явное соответствие навыков как составляющих элементного уровня организации компетенций и аналогичного – низшего уровня в структуре деятельности – уровня операций. Точно так же и высший уровень общей структуры компетенций, на котором локализованы метакомпетенции релевантен высшему уровню организации деятельности – метадеятельностному. Аналогичные – «парные» соответствия существуют и между всеми другими уровнями компетенций, с одной стороны, и деятельности, с другой. Так, очень показательным в этом плане является соответствие вторичных компетенций и инфрадеятельностного уровня организации деятельности. Действительно, сама суть этих компетенций состоит в том, что они являются продуктами комплексирования и синтеза «первичных» базовых компетенций под системообразующим фактором тех или иных функциональных задач деятельности. Поэтому они выступают как их определенные подсистемы. Однако и психологическая природа инфрадеятельностного уровня состоит принципиально в том же самом: на нем локализованы определенные комплексы – паттерны действий, складывающиеся для преодоления тех или иных ситуаций, то есть также подсистемы действий.

Отсюда, однако, с необходимостью следует вывод еще более общего и принципиального плана. Он состоит в том, что, поскольку структурно-уровневая организация компетенций, фактически, *изоморфна* уровневой организации самой деятельности, то ее установление и раскрытие в значительной степени тождественно раскрытию психологического содержания самой деятельности. Причем, важно и то, что за счет этого устанавливается не какая-либо – пусть и очень важная, но все же частная закономерность организации и содержания деятельности, а ее объективно главный аспект – структурно-уровневый, иерархический. Вскрывается та объективно главная и онтологически представленная закономерность, которая лежит в самом основании деятельности – ее иерархическое, вертикальное строение, которое, в свою очередь, является важнейшим атрибутом системной организации как таковой. Тем самым можно видеть, что через анализ структурной организации компетенций открывается реальный путь к экспликации объективно главного атрибута организации деятельности как таковой – системности этой организации. Понятие анализа деятельности как системы не только наполняется дополнительным и вполне определенным содержанием, но и эксплицируется конкретный – практически реализуемый способ осуществления такого анализа, который можно обозначить как компетентностно-опосредствованный анализ.

Наконец, отметим еще одно обстоятельство итогового характера, также имеющее, по нашему мнению, принципиальное значение. Сформулированные выше представления о структурной организации деятельности не только не являются альтернативными по отношению к двум основным парадигмам психологической теории деятельности (структурно-уровневой и структурно-морфологической), но, напротив органичным образом согласуются и той и с другой. Более того, они в известной мере и развивают их и даже содействуют их синтезу, что необходимо с точки зрения разработки обобщающей теории деятельности. Действительно, развитые выше представления, базирующиеся на структурно-уровневой экспликации деятельности, соответствуют структурно-уровневой парадигме теории деятельности, но с условием экспликации и включения в нее новых, не описанных ранее уровней организации деятельности – метадеятельностного и инфрадеятельностного. Именно это и было осуществлено выше. Однако эти представления столь же органично соответствуют и второй основной парадигме теории деятельности – структурно-морфо-

логической, поскольку они реализуют ее основной принцип – принцип экспликации структуры деятельности через гетерархическую организацию базовых структурных единиц – функциональных блоков, то есть через психологическую систему деятельности. Вместе с тем, сформулированные представления позволяют углубить и эти взгляды, поскольку они указывают конкретные перспективы ее развития. Это может и должно быть осуществлено за счет включения в теорию деятельности представлений о процессуальном – диахроническом аспекте организации деятельности. Такое включение достигается посредством сформулированных представлений о качественно специфическом классе регулятивных процессов деятельности – интегральных процессах. Они, как показано выше, точнее – их совокупность изоморфна системе основных функциональных блоков, а каждый из них является их собственно процессуальным содержанием, то есть лежит в основании их функционирования. В силу этого, открываются общие по смыслу и конкретные по содержанию перспективы дополнения и в перспективе трансформации структурно-морфологической парадигмы в новый – функционально-динамический подход к разработке теории деятельности.

Таким образом, с позиций сформулированных представлений оказывается возможным дать естественную и достаточно полную экспликацию всей совокупности деятельностных компетенций, реализовав при этом один из важнейших принципов организации психических структур – уровневый. Такое решение позволяет, следовательно, установить и проинтерпретировать наиболее обобщенную структуру компетенций, то есть их макроструктуру. Вместе с тем, как известно из методологии психологического исследования, выявление макроструктурной организации предмета исследования с необходимостью ставит и следующий вопрос – об определении его *микроструктурной* организации. Главная задача такого исследования состоит в том, чтобы выявить особенности и закономерности собственной – так сказать «внутренней» организации предмета исследования. Иначе говоря, возникает еще одна – также важная задача, состоящая в том, чтобы попытаться выявить и объяснить закономерности организации компетенций как таковых, их собственную структуру.

3.2.4. Микроструктурная организация компетенций информационной деятельности

Показательно, а в плане обоснования конструктивности развиваемых здесь представлений – и доказательно, что эта задача также получает свое вполне естественное решение с их позиций; а его сущность состоит в следующем. Так, прежде всего, отметим, что при решении данного вопроса необходимо учитывать принцип преемственности основных подходов, которые были сформулированы по отношению к нему. В этом плане очень явно дифференцируются, как известно, два основных подхода – традиционный («ЗУНовский») и относительно более новый – компетентностный [76, 208, 213]. Вместе с тем, логика их развертывания приводят к необходимости осознания того, что они должны быть проинтерпретированы как *частные* и переходные в рамках иного, более *обобщенного* подхода. Он, в свою очередь, должен строиться не на основе принципов оценочности и альтернативности, а на основе принципов дополнительности и интегративности.

Следует учитывать и еще одну важную закономерность гносеологического плана, впервые охарактеризованную Л. М. Веккером и заключающуюся в следующем. «Полюса» континуума некоторой исследуемой качественной определенности (его «крайние точки») распознаются, как правило, и легче, и раньше, чем его середина, то есть промежуточные значения континуума [39]. Так и психологическое познание вначале «распознает» некоторые локальные – парциальные проявления, то есть некоторые «точки» (явления) в рамках какого-либо класса качественной определенности. Затем, однако, оно приходит к постановке вопроса о возможном существовании самого континуума изменений внутри границ этой качественной определенности. В свете этой закономерности вырисовывается следующая логика развития теоретических представлений по данной проблеме. Сама дифференциация трех базовых частей «ЗУНовской триады» (знаний, умений и навыков) очень отчетливо соотносится с зафиксированным выше – так сказать «точечным» подходом к изучаемому явлению. Согласно ему, в общем предмете выделяются – распознаются те или иные его частные, парциальные проявления. Они дают ему аналогичную – исходную и первичную, но неразвернутую, то есть именно парциальную экспликацию. Вместе с тем, дальнейшая логика осмысления и экспликации истинного содержания предмета требует трактовки

этих – «точечных», парциальных проявлений уже не как единственно существующих, а как локальных частей некоторого континуума иных форм существования и проявлений предмета. Возникает необходимость перехода от парциального и, следовательно, аналитического по духу и смыслу подхода к нему к иной, более совершенной его экспликации – континуальной. Здесь происходит осознание того, что на данном континууме, возможно, локализованы и иные, неизвестные пока, но реально существующие – промежуточные, переходные формы изучаемого предмета. Сам же он, следовательно, не сводится к изначально дифференцированным его проявлениям. Важнейшим и наиболее очевидным индикатором данной закономерности как раз и является вопрос о том, каким образом соотносятся компетенции и компетентность в целом с теми – уже дифференцированными ранее парциальными составляющими, то есть со знаниями, умениями, навыками; где – в каких интервалах континуума они локализуются?

Очень показательно, однако, что решение этих и аналогичных им по смыслу вопросов требует, далее, и перехода к принципиально иной форме (и стадии) экспликации теоретических представлений о предмете исследования – от континуальной к иерархической; поясним сказанное. Как показывает опыт разработки большого числа важных теоретических проблем психологии (впрочем, не только психологии), отдельные «составляющие» предмета, отдельные – парциальные его проявления, зафиксированные в континуальном подходе, как правило, в дальнейшем, то есть при более углубленном исследовании, обнаруживают свой собственно уровневый статус [96, 99]. Они раскрываются как основные уровни в его общей структурной организации. Следовательно, и вопрос об их взаимосвязях и согласовании должен решаться по типу выявления межуровневых взаимодействий между ними, а для этого – их выявления и, следовательно, экспликации всего предмета как структурно-уровневого образования. Тем самым, на данной стадии познания континуальная экспликация предмета исследования трансформируется в иерархическую, структурно-уровневую. Сам континуум как горизонтальная – одномерная, «плоская», а потому уплощенная и, соответственно, упрощенная экспликация предмета трансформируется в иную форму. Это – *иерархическая*, то есть многоуровневая, и, следовательно, многомерная, а потому существенно более сложная его экспликацию, в большей мере отражающую его реальную сложность.

Данный подход должен обязательно учитывать, что решающую и даже – конституирующую роль в организации эффективной психической регуляции деятельности играют закономерности и механизмы собственно *осознаваемого*, произвольного плана и, следовательно, те – специфические для нее детерминанты, на основе которых она реализуется. В их качестве вступает, прежде всего, вся совокупность (точнее – система) профессиональных знаний, профессионального опыта в целом. Вместе с тем, формы и средства репрезентации самих знаний в профессиональной деятельности характеризуются принципиальной гетерогенностью, а их генезис и развитие в процессе освоения деятельности приводит к становлению принципиально различных форм репрезентации профессионального опыта. Эти формы, в свою очередь, дифференцируются по базовому критерию – критерию характера и полноты включенности в них механизмов осознаваемого контроля, произвольной регуляции их использования как таковой. С этих позиций становится достаточно очевидной следующая очень важная, на наш взгляд, особенность, которая, однако, не учитывается пока в должной степени.

Как известно, в ходе освоения профессиональной деятельности имеют место две основные тенденции, точнее – два основных направления становления и формирования профессионального опыта субъекта. Первый предполагает опору на традиционно изучающийся и считающийся основным механизмом *автоматизации*, выработки навыков, перевода регуляции на неосознаваемый уровень. Тем самым, уже этот процесс (и, соответственно, механизм, реализующий его действие) вскрывает важнейшее обстоятельство. Оно состоит в том, что в основе соотношения форм репрезентации профессионального опыта лежит, по-видимому, механизм межуровневых взаимодействий, то есть собственно иерархический принцип. Действительно, произвольно контролируемые на основе тех или иных профессиональных знаний акты их применения, выступают изначально именно как осознаваемо, произвольно контролируемые, то есть именно как умения. Они затем, однако, могут трансформироваться и, как правило, трансформируются в структуры иного уровня. Они становятся автоматизированными, неосознаваемыми «составляющими» регуляции деятельности – навыками.

Наряду с этим, как показано в работах [103,111], существует и второе, также важное и несводимое к первому направление формирования профессионального опыта. Это – генезис особой и качественно специфической формы репрезентации, обозначенной нами как

метасознательная форма. Она качественно – принципиально отличается от автоматизированной, то есть неосознаваемой формы. Суть этих различий состоит в том, что в ней информация, знания *сохраняются* в том же самом виде и во всей специфичности их содержания, в каком они были представлены в момент их актуального использования, то есть в момент их осознания. *Метасознательная* форма репрезентации – это не память на ситуации, события, информацию, а *память на их осознание*²². В этой форме предусмотрены также и специальные средства, блокирующие перевод знаний в автоматизированную, неосознаваемую форму их использования, которая была бы – по понятным причинам – равносильна ее деструкции. Вместе с тем, она актуально может и не быть репрезентированной, то есть не представленной на осознаваемом уровне. Поэтому, сохраняя все основные атрибуты объективах знаний, то есть воспроизводя в себе все их содержание, она фиксирует и хранит их в такой форме, которая не «загружает» уровень осознаваемой регуляции. В силу этого, она должна быть проинтерпретирована как форма иного уровневого статуса, нежели осознаваемая, произвольно применяемая информации.

Тем самым, можно видеть, что складывается следующая ситуация. С одной стороны, процессы осознаваемого, произвольно контролируемого применения тех или иных знаний эквивалентны феномену умений как таковых. Умения – это и есть осуществление действий или иных деятельностных актов со-знанием дела; умения – это и есть «действия с умом», то есть базирующиеся на знаниях. С другой стороны, будучи интегрированными в *метасознательную* форму, огромные массивы информации, профессиональных знаний также могут оказывать очень сильное влияние на организацию деятельности, но не быть при этом актуально репрезентированными в сознании. Они выступают в форме, близкой к той, которая зафиксирована в понятиях «тихих операторов» [257, 398], имплицитных знаний, «подразумеваемых данных» [40, 137, 256, 297, 397, 406, 413, 414]. В этой форме знания также подвергаются глубочайшей, качественной трансформации, но не по типу редукции их качественной определенности (свойства осознаваемости), а по типу ее сохранения

---

²² В этом плане чрезвычайно показательным является, например, определение памяти, которое дается в словаре В. И. Даля: «Свойство души хранить, помнить *сознание* о быломъ» (выделено нами – А. К.) [60].

и даже усиления. Кроме того, уже сам факт этих глубоких, то есть именно качественных трансформации означает, что они обретают при этом иной уровневый статус.

Таким образом, все три «составляющие» классической «ЗУНовской триады» – знания, умения и навыки раскрываются с этих позиций в новом качестве, с новой точки зрения. Они эксплицируются как уровни организации, точнее – как уровни осознаваемого, произвольного *мониторинга* за использованием в процессе регуляции информации, на основе которой и строится сама регуляция. Так, умения образуют своего рода «срединный» уровень, на котором активно и актуально используются механизмы и собственно осознаваемого и неосознаваемого использования знаний, а также иных средств регуляции. Умения, как известно, это и есть то, что сочетает в себе оба уровня регуляции – осознаваемый и неосознаваемый. Далее, столь же очевидно, что навыки, как вторая составляющая «триады», непосредственно и естественным образом соотносятся с низшим уровнем регуляции, на котором представлены исключительно неосознаваемые ее механизмы. Наконец, собственно знания – знания в истинном, развернутом и «не испытывавшем» автоматизацию виде, сохраняющие все содержательные характеристики, локализуются на высшем уровне – уровне метасознательной формы.

Вместе с тем, уровневая экспликация компонентов «ЗУНовской триады», являющаяся достаточно значимой сама по себе (поскольку она вскрывает факт наличия у них не только глубоких эмпирико-феноменологических различий, но и различий в их качественном модусе, то есть в их уровне статусе), приводит к постановке и новых вопросов. Наиболее важными из них являются следующие вопросы. Во-первых, вопрос о том критерии, который лежит в основе дифференциации уровней и на котором основывается вся их структурно-уровневая, иерархическая организация. Во-вторых, вопрос о возможности существования в пределах этой иерархии *новых*, не описанных пока уровней.

При их решении нельзя, конечно, пройти мимо наиболее очевидного факта, который, однако, обычно не учитывается должным образом ни при теоретическом осмыслении проблемы структуры компетенций, ни при изучении организации знаний, умений и навыков. Он заключается в том, что, как бы сложны и комплексны ни были отдельные «составляющие» этой триады, они (по определению) являются все же именно отдельными, частными компонентами некоторого более обобщенного образования. В реальных – естественных условиях

деятельности все они представлены не как аналитически выделенные и условно дифференцируемые сущности, то есть не в их отчлененности друг от друга, а всегда целостно, синтетически – системно. Другими словами, исходной формой их существования является именно форма целостности, в которой они представлены в неразрывно взаимосвязанном виде, в их онтологическом единстве.

В связи с этим, возникает объективная необходимость дифференциации не просто еще одного уровня в их общей структурной организации, а уровня, являющегося и онтологически исходным, и гносеологически наиболее содержательным, богатым, а потому наиболее важным в плане раскрытия общих закономерностей организации профессионального опыта. Это – общесистемный уровень, на котором представлена вся совокупность традиционно дифференцируемых регуляторов деятельности, взятая в полноте и естественности их организации, в их целостном – не нарушенном аналитическими процедурами виде. На нем в результате именно интеграции, а не агрегации компонентов всех нижележащих уровней (на которых, соответственно, локализованы три базовых компонента этой триады – знания, умения, навыков), формируется и сам феномен компетентности как таковой. Вполне закономерно поэтому, что именно такой его – собственно интегративный статус является вполне очевидной эмпирико-феноменологической характеристикой. Сама же его трактовка как интегративного образования получает все большее признание.

В свете предложенной выше трактовки эта эмпирико-феноменологическая картина получает свое естественное и даже необходимое объяснение. Дело том, что с ее позиций данное образование раскрывается как высший уровень в организации профессионального опыта, который не может не быть интегративным по самой своей сути. Тем самым, и общая иерархия уровней организации профессионального опыта расширятся до четырехуровневой структуры. Четвертым – дополнительным по отношению к трем уже охарактеризованным в ней как раз и выступает общесистемный уровень.

Являясь, действительно, существенно большей степенью приближения к реальной сложности организации компетенций, эта – четырехуровневая структура все же еще не в полной мере раскрывает ее содержание в целом. Дело в том, что, одной стороны, компетентность, будучи сложнейшим и, как показано выше, многоуровневым образованием, действительно, выступает как относительно самостоятельная система.

Однако, с другой стороны, она все же (как, впрочем, и любая иная система) онтологически включена в состав и содержание еще более общей целостности, более общей системы. Последняя выступает по отношению к ней как метасистема. Во взаимодействии с метасистемой, однако, любая система новые грани, свойства, особенности и закономерности – новые качественные спецификации, невыводимые из самой системы [245]. Однако, для целого ряда систем (а в особенности – для психологических) складывается еще более сложная картина взаимодействий системы и метасистемы. Дело в том, что некоторые и, повторяем, прежде всего, психологические системы принадлежат к специфическому классу систем; он был обозначен нами как класс систем со «встроенным» метасистемным уровнем. В связи с этим, можно предположить, что компетентность как системное образование, принадлежит к данному классу и воплощает в себе все его основные особенности.

Предпринимая попытку верификации этого предположения, необходимо отметить следующие – достаточно важные и, в то же время, вполне очевидные обстоятельства как эмпирико-феноменологического, так и теоретического планов. Во-первых, компетентность по своей природе является, как известно, инструментальным, функциональным образованием. Она выступает комплексом средств для обеспечения эффективности деятельности, а посредством этого и для решения целого ряда иных личностных задач. Кроме того, вне определенного – более общего контекста, более широкой целостности, она не просто утрачивает смысл, но и, фактически, деструктурируется. Другими словами, она всегда (онтологически) представлена как объективно необходимая составляющая некоторого метасистемного образования. Во-вторых, одна из специфических особенностей компетентности как системы состоит в том, что она входит, причем, не только с гносеологической точки зрения, а реально, то есть онтологически одновременно, как минимум, в две метасистемы – в деятельность и в личность субъекта этой деятельности.

Таким образом, компетенции, выступая системными образованиями, в то же время, объективно включены в состав двух указанных выше метасистем [99, 101]. Они обретают во взаимодействии с ними свои основные качественные характеристики, свою качественную определенность в целом. Во взаимодействии с метасистемами конституируется еще один – достаточно специфический и качественно самостоятельный уровень организации любой системы, в том числе, разумеется,

и компетентности, обозначаемый как метасистемный уровень. Вместе с тем, по отношению к компетентности как системному образованию можно констатировать и дополнительные – также специфические закономерности ее соотношений с более общими по отношению к ней метасистемами. Дело в том, что целый ряд важнейших «составляющих» самих этих метасистем оказывается функционально представленными в ней самой. Они, фактически, оказываются органично *включенными* в состав и содержание самой компетентности (как системы, которая объективно сама входит в них). Более того, эти «составляющие» метасистем, включаясь – «встраиваясь» в систему компетентности, играют в ней ведущую и определяющую роль. Они выступают одними из их важнейших конституирующих «составляющих».

Так, если рассматривать соотношение системы компетентности с одной из указанных метасистем – личностью субъекта, то, безусловно, в качестве наиболее демонстративных из таких «составляющих» являются *способности* личности. Они не только оказываются функционально представленными в системе компетентности, но и играют в ней определяющую роль. Вместе с тем, «встраиваясь» в систему компетентности, они выступают не столько, так сказать, самостоятельно (как ее отдельные «составляющие»), сколько в ином качестве. Они определяют и регулируют качество реализации всех иных ее «составляющие», всех иных рассмотренных выше уровней. Другими словами, они существенным и, более того, именно определяющим образом влияют на них: на их состав, на содержание профессиональных знаний, на характер и меру сформированности профессиональных умений, на становление «репертуара» профессиональных навыков. Особенно сильное влияние в последнем случае оказывает такая общая способность, как обучаемость.

Кроме того, по всей вероятности, функцией от меры развития способностей в целом и профессиональных способностей, в особенности, является и степень интегрированности всех трех традиционных «составляющих» компетентности – знаний, умений, навыков. Иначе говоря, от них зависит степень их соорганизованности в рамках общей структурно-уровневой организации системы компетентности. При этом следует учитывать также, что в функции способностей могут выступать не только собственно способности (так сказать, в узком смысле данного понятия), но и ряд иных личностных образований. Так, в частности, в их качестве могут вступать и реально вы-

ступают когнитивные стили, которые, как показано в исследованиях М. А. Холодной, влияют не только на процессуальные характеристики, но и на результативные параметры деятельности и поведения [259].

В результате складывается следующая картина. Метасистема (личность) функционально «встраивается» в саму систему компетентности и, более того, во многом ее и конституирует. Тем самым, эта система демонстрирует свой статус как принадлежащая к специфическому классу систем со «встроенным» метасистемным уровнем. Этот уровень оказывается локализованным внутри самой системы компетентности и, более того, локализуется на «вершине» общей иерархии ее уровней. Он выступает еще одним – пятым уровнем, наряду с четырьмя уже рассмотренными. Посредством этого, достаточно естественным образом решается весьма дискуссионная проблема соотношения компетентности и способностей. Последние оказываются локализованными на особом, качественно специфическом и при этом – высшем и определяющем иерархическом уровне системы компетентности. Способности «находят» на метасистемном уровне иерархической организации компетентности свое естественное место. Однако и сам этот уровень обретает «в лице» способностей главные детерминанты для своей функциональной роли в общей организации системы компетентности.

Сходные в принципе закономерности обнаруживаются и при рассмотрении системы компетентности в плане ее взаимодействия с другой основной метасистемой – с самой деятельностью. Их общий смысл заключается в том, что компетенции (и система компетентности в целом), с одной стороны, являются инструментальными средствами деятельности. С другой стороны, обслуживая ее, они одновременно и сами оказываются в состоянии использовать – мультиплицировать в себе средства и механизмы деятельности, ее потенциал в целях обеспечения своего собственного функционирования. И именно этот очень важный механизм – механизм мультиплицирования [14] проявляется в нескольких основных планах.

Во-первых, уже сам по себе состав и содержание, а также общая организация профессиональных компетенций в каждой конкретной деятельности, фактически, полностью определяется психологической структурой последней [208]. Действительно, выше мы показали, что комплексным и, что также очень важно, – объективным критерием для дифференциации общего состава компетенций, образующих систе-

му компетентности, выступает общая архитектура психологической системы деятельности. Но это и означает, что вся метасистема (деятельности) функционально не только *влияет* на содержание и состав компетенций, но и как бы *повторяет* – мультиплицирует себя в их общей структуре. Содержание и состав, структура и функциональная организация всей совокупности компетенции, образующих систему компетентности, решающим образом – причем, повторяем, совершенно объективно обусловлены именно психологической системой деятельности в целом. Метасистема (деятельность), фактически, не просто «встраивается» в систему (компетентность), но и *конституирует* ее.

Во-вторых, как уже отмечалось, в концепции системогенеза профессиональной деятельности показано, что психологическая система деятельности характеризуется очень явкой инвариантностью – общностью состава и содержания ее основных «составляющих» и их архитектуры по отношению к различиям в видах и даже типах профессиональной деятельности [269]. Эта инвариантность, в свою очередь, обуславливает, что по отношению к очень разным видам и типам деятельности существует столь же инвариантный, воспроизводящийся набор определенных базовых компетенций, объективно необходимых для их реализации. Напомним также, что ими являются компетенции в области целеобразования, информационного содержания деятельности, принятия решения, планирования и программирования деятельности, в области профессионально-важных качеств, контроля, самоконтроля и др. Они (и это наиболее важно в данном контексте) не носят характера непосредственной связи с какой-либо конкретной деятельностью, а имеют деятельностно-неспецифический характер. Это – общие компетенции, выходящие за пределы какой-либо конкретной деятельности. Поэтому они выступают и как своего рода метадеятельностные образования [126]. Исходя из этого, был сделан вывод о существовании некоторой совокупности компетенций, носящих наддеятельностный и надпредметный характер. Они являются общедеятельностными, или метадеятельностными (в смысле – выходящими за пределы отдельно взятой деятельности – отсюда и префикс «мета»). Они формируются как продукты и результаты генезиса общей архитектуры психологической системы деятельности. Тем самым они опять-таки выступают итоговым эффектом функционального включения, «встраивания» в систему компетентности самой метасистемы – деятельности.

В-третьих, можно констатировать и еще одну важную закономерность, которая наиболее явно представлена при достаточно высоком уровне сформированности компетентности по отношению, в основном, к сложным видам деятельности. Она заключается в том, что процесс формирования отдельных компетенций и компетентности в целом может разворачиваться не только, так сказать, стихийно. Данный процесс может быть и предметом специально организованных, целенаправленных воздействий. Кроме того, он может выступать и предметом самоформирования – специальной активности субъекта, направленной на это формирование. В этом случае активность субъекта, направленная на формирование компетентности, может принимать и, как правило, принимает достаточно сложный и развернутый характер. Она воплощает в себе все основные черты и атрибуты деятельности как таковой; выступает, по существу, как «деятельность по формированию компетентности». Вместе с тем, очевидно, что индивидуальная мера выраженности такой способности – к построению, к специальному целенаправленному формированию системы собственно деятельностных компетенций, может достаточно существенно различаться. В связи с этим, можно, по-видимому, сделать следующее заключение. Наряду с компетентностью так сказать «первого порядка», существует, по всей вероятности, и некоторая – достаточно имплицитная, но важная компетентность «второго порядка». Ее суть заключается в том, что субъект обладает возможностями – своеобразной компетентностью в плане *воздействия* на свою же собственную компетентность по отношению к той или иной конкретной деятельности, по отношению к ее целенаправленному развитию. Аналогичный по смыслу феномен уже достаточно давно был дифференцирован по отношению к процессу обучения: известно, что необходимо не только и не просто учить, но и учить учиться. В плане феномена компетентности это означает, что недостаточно формировать только «первичную» компетентность. По-видимому, необходимо также и формирование своего рода метакомпетентности – компетентности по формированию и развитию собственных компетентностей. Такая метакомпетентность строится на основе архитектоники психологической системы деятельности, то есть разворачивается как весьма сложная по своей организации.

Итак, можно видеть, что в плане соотношения с еще одной метасистемой – с деятельностью обнаруживается тот же статус компетентности как системного образования. Она выступает как представитель

качественно специфического класса систем со «встроенным» метасистемным уровнем. Этот уровень оказывается, действительно, локализованным внутри самой системы компетентности, расположен на ее вершине. Тем самым, в еще большей степени подтверждается сформулированное выше предположение о структурно-уровневом строении, об иерархичности организации общего феномена компетентности. Эта организация обретает достаточно стройный и завершенный вид, включающий пять основных уровней, охарактеризованных выше.

На его высшем – метасистемном уровне локализованы специфические образования, принадлежащие к более общим целостностям (то есть к метасистемам – к личности и деятельности). Они, однако, функционально включены, «встроены» и в содержание самой компетентности. Прежде всего, это способности личности и основные функциональные блоки психологической системы деятельности. На втором уровне – общесистемном локализованы феномены общей координации всех основных и традиционно дифференцируемых «составляющих», входящих в состав компетентности – знаний, умений, навыков. Такая интеграция приводит к специфически системным феноменам, то есть к синергетическим эффектам. Она поэтому дает определенную «функциональную прибавку», которая не позволяет редуцировать этот уровень до аддитивной совокупности, то есть до агрегативного множества указанных «составляющих». Механизмы их интеграции дают на выходе аналогичный – также интегративный по своей сути феномен компетентности как таковой. Три других уровня образованы, соответственно, каждой из традиционно дифференцированных «составляющих»; это уровни знаний, умений и навыков.

На основе проведенного анализа можно сделать заключение обобщающего плана, согласно которому феномен компетентности построен на основе *структурно-уровневого* принципа. С этих позиций оказывается возможной экспликация общего состава и конкретного содержания его основных уровней, а также закономерности их координации. Существенно и то, что частные, парциальные, хотя, конечно, и очень важные, «составляющие» общего феномена компетентности, предстают уже не только как отдельные его *части*, а как воедино связанные компоненты целого и, более того, как его *уровни*. В такой форме, то есть при достижении уровня целостной организации, сама компетентность обретает полноту своего содержания и свой истинный потенциал.

В связи с представленной выше уровневой экспликацией микро-структурной организации компетенций необходимо, по нашему мнению, специально остановиться и на еще одном – достаточно существенном вопросе, смысл которого состоит в следующем. С одной стороны, все представленные выше материалы вскрывают, действительно, очень сложную и внутренне гетерогенную структурную организацию компетенций. Однако, с другой стороны, даже несмотря на всю их сложность, они не перестают быть и частями – составляющими еще более общей и сложной целостности – самой деятельности, не утрачивают статус ее базовых единиц, то есть компонентов. В силу этого, необходимо детализировать само положение о них именно как основных единицах деятельности – ее компонентах, но уже с учетом тех представлений, которые раскрывают их микроструктурную организацию.

На наш взгляд, такая необходимость имеет принципиальное значение. Дело в том, что само это понятие нередко используется не в его строгом значении, а достаточно размыто, аморфно и концептуально неопределенно; ему, а также определению его границ не уделяется обычно специального внимания. В результате этого очень часто под компонентом понимается, фактически, любая часть той или иной анализируемой целостности. Например, очень типичным и показательным в этом отношении является синонимическое использование понятий компонента и элемента, хотя это – совершенно разные качественно специфические по отношению друг к другу образования. В наиболее строгом и непосредственном смысле под компонентом следует понимать такую относительно простейшую «составляющую» системы, которая еще обладает всеми основными характеристиками самой системы, «несет в себе» все основные атрибуты ее качественной определенности. Отсюда следует, в частности, что *компоненты* (по определению) уже сами по себе являются достаточно сложными, именно *комплексными* образованиями. Они, в свою очередь, также состоят из определенных образований, но уже иного уровня, иного порядка сложности. Последними как раз и являются отдельные элементы. В отличие от компонентов, они уже утрачивают атрибуты качественной определенности той системы, в которую они включены. Вместе с тем, истинная сложность соотношений компонентов и элементов состоит в том, что вторые объективно необходимы для конституирования первых; однако сами по себе (то есть как некоторая агрегативная сумма) еще недостаточны для этого. Они обязательно

должны быть подвергнуты определенной, дополнительной организации и лишь при этом условии, то есть синтезируясь друг с другом, приводят к формированию компонентов.

Другой типичной ошибкой является применение понятия компонента для обозначения таких частей системы, которые выступают уже не относительно более простыми по отношению к ним (как элементы), а более сложными образованиями. Дело в том, что в составе любой системы обнаруживаются, наряду с компонентами и элементами, также и их достаточно сложноорганизованные синтезы, паттерны. Чаще всего для их характеристики наиболее адекватным оказывается термин «подсистема» (субсистема). Тем не менее, нередко и они – эти уже заведомо более сложноорганизованные образования также обозначаются понятием компонента.

Еще одним фактором, также негативно сказывающимся на разработке проблемы структурной организации систем, является целый ряд традиционно сложившихся и закрепившихся понятийных стереотипов в отношении использования данного термина, в его доминирующей трактовке. Эти стереотипы нередко сопровождаются и зауженной, неточной или неполной трактовкой данного понятия, что также ведет к ошибкам или неточностям в его использовании. Все они были достаточно подробно проанализированы выше, на основе чего сформулированы те требования, которым должны удовлетворять компоненты системы как таковые. Эти требования задают необходимые методологические ориентиры для использования понятия компонента в психологических исследованиях в целом и при разработке проблемы деятельности. Их учет содействует более точному и корректному пониманию компонентов как базовых единиц системы.

Кроме того, с их позиций становится очевидным, что исторически сложившиеся, ставшие традиционными и прочно укоренившиеся в научном обиходе представления о содержании понятия компонента, а также о связях и отношениях между компонентами (как частями) и системой (как целым) не вполне отвечают реальной сложности этого понятия и его отношений с системой. В самом деле, образования, которые, действительно, выступают в статусе структурных компонентов, прежде всего, должны удовлетворять основному – формальному признаку компонента, предписываемому содержанием общесистемного критерия-дискриминатора уровневой дифференциации систем. Согласно ему, как отмечалось выше, под компонентами целого пони-

маются такие входящие в него образования, которые еще обладают основными качественными характеристиками, ведущими атрибутами самого целого; «несут в себе» его качественную определенность, в отличие от элементов, которые уже утрачивают эту качественную определенность. Уровень компонентов – это уровень, по одну сторону от которого еще сохраняется качественная определенность, а по другую – она уже утрачивается; следовательно, это своего рода «пограничный» уровень сохранения качественной определенности системы. Вместе с тем, это определение является, хотя и необходимым, но еще недостаточным для полного раскрытия содержательной специфики компонентов в целом и компонентов сознания, в частности; оно должно быть дополнено теми параметрами, которые были выявлены в ходе проведенного выше анализа.

Все сказанное весьма рельефно проявляется именно по отношению к компетенциям как основным единицам структурной организации деятельности, а одновременно, содействует более полному и точному раскрытию их психологической природы. Действительно, это очень демонстративно эксплицируется уже по отношению к первому из охарактеризованных выше основных признаков компонентов. Любая компетенция с высокой степенью отчетливости разрывается с позиций сформулированных представлений отнюдь не только как исходная «единица» целого, но и сама является продуктом организации и интеграции – комплексным, сложноорганизованным образованием. Далее, компетенции столь же рельефно эксплицируются не как качественно однородные образования, а образования, принципиально *гетерогенные*. Тем самым обеспечивается внутреннее разнообразие системы деятельности как необходимое условие ее реальной сложности²³. Вся совокупность компетенций является, хотя и достаточно обширной, но все же принципиально ограниченной – *компактной* и вполне обозримой. За счет такой компактности обеспечивается баланс между интеграционными и дифференцирующими механизмами внутри системы деятельности. Кроме того, на компетенции как базовые единицы деятельности распространяется и еще одна важная и также эксплицированная выше особенность. Они выступают как принципиально динамические образования, могущие менять режимы своего функционирования в зависимости от условий, в которых

---

²³ Очевидна аналогия с принципом «необходимого разнообразия» У. Р. Эшби [281].

находится сама система. Это достигается за счет представленности в структуре компетенций соответствующих регулятивных механизмов, главным из которых как раз и является наличие в этой структуре особого метауровня, на котором локализована специфическая их группа – метакомпетенции. Наряду с этим, компетенции как базовые структурные компоненты деятельности отнюдь не паритетны и по своему статусу, поскольку воплощают в своей организации уровневый и, соответственно, – иерархический принцип. Отметим также, что в свете проведенного рассмотрения с очевидностью эксплицируется и то, что между компетенциями как базовыми компонентами устанавливаются множественные связи особого типа – не только так сказать внешние связи, но и связи по типу включения. Это, в свою очередь, является прямым следствием одного из наиболее общих принципов организации сложноорганизованных систем – их неаддитивности, недизъюнктивности.

Необходимо подчеркнуть еще одно обстоятельство, отражающее существенную, по нашему мнению, особенность сформулированных выше представлений и состоящее в следующем. С одной стороны, все они, базируясь на представлениях о психологической структуре деятельности как таковой, с необходимостью имеют достаточно общий характер, то есть релевантны широкому кругу видов и типов деятельности. С другой стороны, степень их релевантности, точнее – полноты, с которой они реализуются в отношении различных видов и типов деятельности, все же различна; она возрастает по мере их усложнения. Поскольку деятельности именно субъектно-информационного класса являются одними из наиболее сложных, мера полноты их проявления в них также является наибольшей. Данное заключение, являясь обоснованным в гносеологическом плане, требует его реализации по отношению к исследованию деятельности субъектно-информационного класса.

Совокупность представленных материалов позволяет определить общие по смыслу и конкретные по содержанию направления решения трех важных задач. Во-первых, они позволяют несколько по-новому раскрыть и проинтерпретировать общую структурную организацию системы деятельности. Во-вторых, они позволяют реализовать по отношению к ней и такой методологический подход, который эксплицирует ее принадлежность к особому, качественно специфическому классу систем со «встроенным» метасистемным уровнем. В-третьих,

с этих же позиций открывается возможность для достаточно существенной корректировки собственно аналитических процедур исследования деятельности, что содействует углублению уже не только теоретико-метрологических представлений о ней, но и методических основ ее изучения. Вместе с тем, по ходу формулировки и развития этих представлений постепенно и со все большей очевидностью вырисовывалось и еще одно – также существенное, по нашему мнению обстоятельство. Оно состоит в том, что параллельно их разработке и в значительной степени вследствие собственной логики их развития появлялись все бóльшие основания для еще двух заключений. Первое из них состоит в том, что, наряду с уже известными – классическими типами систем, возможно, существует и иные, не выявленные пока их типы, которые весьма существенно отличаются от известных. В качестве одного из таких – неклассических типов и выступают системы со «встроенным» метасистемным уровнем в целом и деятельность как одна из них, в частности. Тем самым, однако, создается своеобразный прецедент, позволяющий предположить, что и система метакогнитивной регуляции самой деятельности также, возможно, может быть построена на иных, нежели традиционные, принципах организации. Второе заключение, также вытекающее из проведенного рассмотрения, состоит в том, что не только существующая типология форм системной организации в целом, возможно, является неполной, но и аналогичной неполнотой характеризуются также и представления о принципах самой структурной организации – формах и механизмах структурообразования, о сути и закономерностях самой композиции целостностей. В частности, выявляется обстоятельство, согласно которому целое может не «состоять» из своих компонентов, то есть быть поостренным не на основе принципа включения, а на основе принципа мультиплицирования. Согласно ему, целое не состоит из частей, а реализуется посредством совокупности «составляющих», то есть мультиплицируется в них, что радикальным образом повышает эффективность и ресурсные возможности самого целого.

Другими словами, параллельно решению двух основных задач – задачи раскрытия закономерностей структурной организации деятельности и задачи разработки принципов и процедур ее анализа – декомпозиции, осуществлялось и решение двух так сказать «сверхзадач». Первая – это уточнение и расширение представлений о *предмете* психологической теории деятельности посредством экспликации

системных образований новых типов и выявления ее принадлежности к одному из них. Вторая – это задача расширения представлений о *методе* (в широком смысле) ее разработке посредством корректировки и трансформации представлений о сути аналитических процедур ее изучения, о смысле и способах ее декомпозиции на базовые единицы. Подчеркнем также, что именно такая корректировка позволила предложить новый вариант процедуры психологического анализа профессиональной деятельности, базирующийся на компетентностном подходе и рассматривающий в качестве основной структурной единицы деятельностные компетенции [126]. Он наиболее релевантен информационной деятельности, хотя, конечно, является достаточно конструктивным средством анализа и иных ее типов и видов – прежде всего, когнитивно насыщенных. Значимо и то, что обоснованное раскрытие закономерностей какого-либо деятельностного образования или процесса – в том числе, и ее метакогнитивной регуляции должно базироваться именно на основе деятельностно-аналитических процедур, на основе психологического анализа той системы, в которую они реально включены. Кроме того, эти процедуры должны включать и необходимые средства для аналитического исследования их самих.

Наряду с этим, в процессе рассмотрения с достаточно высокой степенью очевидности выявлялись и еще два обстоятельства более эксплицитного, но также значимого характера. Во-первых, именно деятельность информационного типа по всем своим характеристикам подчеркнута когнитивна. Во-вторых, не менее важно, что она в еще большей степени метакогнитивна, поскольку ее собственно информационное содержание, обуславливающее саму когнитивную сущность, требует организации, регуляции. Она, однако, не может быть никакой иной, кроме метакогнитивной по ее смыслу. Это, в свою очередь, уже не только позволяет реализовать по отношению к ней данные, полученные в метакогнитивизме, но и требует этого.

Далее, все эти представления создают достаточные основания и для того, чтобы непосредственно обратиться к решению еще одной – но уже основной задачи данной работы – к раскрытию и интерпретации метакогнитивной регуляции информационной деятельности. Они показывают и даже «указывают», что именно выступает ее объектом: это и есть, собственно говоря, та структура, которая лежит в основе реальной, а не симплифицированной организации деятельности. Другими словами, они позволяют опреде-

лить, куда именно – в структуру и, соответственно, систему какого типа включена сама метакогнитивная регуляция. Вместе с тем, они предсказывают также и то, как именно она может быть представлена в этой организации, прогнозирую в качестве наиболее вероятного не принцип включения, а принцип мультипликативности. Другими словами, эти представления показывают, куда и как включена сама метакогнитивная регуляция. Однако они еще не позволяют ответить на другой важный вопрос – что именно подлежит такому включению, то есть что представляет собой сама метакогнитивная регуляция, как организована она сама. Это – вопрос уже не о том, куда и как она включается, а что именно включается. В известной мере, этот вопрос еще более значим для основных целей данной работы, поскольку он направлен на раскрытие того главного, что есть в любой изучаемой сущности – вопроса о самом предмете изучения, его содержании.

Кроме того, сформулированные выше представления позволяют наметить и ориентиры для возможного варианта решения – для формулировки гипотез относительно вариантов его рашения. Дело в том, что одним из основных выводов проведенного выше анализа является положение, согласно которому между системой и ее компонентами (целым и частями) существуют отношения мультипликативности, подробно охарактеризованные выше. Их смысл состоит в том, что принципы и закономерности самой системы воспроизводятся в ее «составляющих». Отсюда следует, что и метакогнитивная регуляция деятельности может быть построена на основе тех же принципов, что и вся деятельность; более того, она может принадлежать к тому же типу систем, что и деятельность – к системам со «встроенным» метасистемным уровнем. Далее, и ее собственная – внутренняя структурная организация также, возможно, воплощает в себе не классические принципы включения, а иные – более сложные и также рассмотренные принципы, в силу чего также является структурой неклассического типа. Разумеется, эти предположения требуют самостоятельного и достаточно развернутого рассмотрения, направленного на выявление и интерпретацию содержания и структуры самой метакогнитивной регуляции деятельности. Именно это должно составить основную задачу дальнейшего анализа. Вместе с тем, предварительно целесообразно остановится на еще одном значимом аспекте исследования, который также необходим для раскрытия особенностей метакогнитивной регуляции информационной деятельности.

3.2.5. Характеристика процедуры психологического анализа информационной деятельности

Действительно, сформулированные выше представления создают необходимые и во многом достаточные условия для перехода к рассмотрению еще одной значимой как в теоретическом, так и особенно в практическом отношении задачи. Ее сущность состоит в том, чтобы осуществить попытку разработки и обоснования уже не общего теоретико-методологического подхода к проблеме психологического анализа деятельности субъектно-информационного класса, а конкретной – практико-ориентированной процедуры его осуществления. Как известно, данная задача вообще является одной из основных и наиболее специфичных в рамках всего комплексного междисциплинарного направления, обозначаемого понятием психологического анализа деятельности. Известно также, что при ее решении в общем плане – по отношению ко многим иным, нежели данный класс деятельностей, оформился целый ряд подходов и вариантов создания такого рода процедур; сложились также и определенные традиции и опыт их реализации. Это, например, алгоритмический анализ деятельности [75], ее структурно-психологический анализ [77], системогенетический анализ [269] и др. Вместе с тем, по отношению к этому классу – даже несмотря на очевидную и подробно рассмотренную выше его значимость, данная задача не только не решена, но и практически даже не сформулирована как самостоятельная. Подчеркнем также, что при современном уровне представлений относительно данного класса, пожалуй, преждевременно говорить о создании какой-либо завершенной и так сказать «отшлифованной» процедуры анализа, подвергшейся полной алгоритмизации и принявший «жесткий» – нормативный, процедурный характер. Это – скорее, хотя и не совсем далекая, но все же перспектива исследований и разработок в данной области; пока же уместнее говорить лишь о той или иной степени приближения к ее решению – хочется надеяться, достаточно существенному.

В плане такой реализации целесообразно напомнить и о тех ключевых положениях собственно методологического плана, которые были сформулированы выше. Разумеется, это следует осуществить в отношении не всех, а лишь так сказать о «главнейших среди главных», то есть именно ключевых, без которых сама процедура была бы невозможной. Во-первых, в качестве основной единицы анализа деятельностей

субъектно-информационного класса должна выступать такая структурно-функциональная ее составляющая, которая ранее не фигурировала в этом статусе, но которая явным образом эксплицировала именно его по ходу всего проведенного выше рассмотрения. В качестве таких единиц должны выступать базовые компетенции данной деятельности. Во-вторых, общая совокупность деятельностных компетенций синтезирована в целостную структуру, организованную на основе уровневого принципа и образует систему, включающую пять основных уровней. В-третьих, данная структура изоморфна базовой структурно-уровневой организации деятельности в целом; основные уровни первой конгруэнтны базовым уровням второй. Следовательно, через анализ структуры компетенций открывается благоприятные возможности для раскрытия содержания уровней самой деятельности в ее объективно главном – структурно-уровневом, иерархическом аспекте. Фактически, компетенции раскрываются как ключ к раскрытию содержания деятельности в целом, а их структура – к раскрытию ее организации. В-четвертых, не только система компетенций в целом образует определенную макроструктуру, но они и сами также имеют сложную закономерным образом организованную структурную организацию – микроструктуру, включающую пять основных уровней. В-пятых, это и положение, согласно которому должен быть реализован новый подход к пониманию самой сути анализа как такового и к решению его базовой проблемы – проблемы декомпозиции целого на части. Напомним, что суть состоит в том, что между ними могут существовать не только отношения включения – аддитивности, но и отношения мультиплицирования – неаддитивности. В-шестых, это положение, согласно которому существует принципиальный изоморфизм базовых, первичных компетенций и основных функциональных блоков психологической системы деятельности. Более того, первые выступают как производные от вторых. Следовательно, через раскрытие базовых компетенций в ходе анализа деятельности открывается принципиальная возможность и раскрытия самой структурно-функциональной организации деятельности, взятой, однако, уже не в ее уровневом, «вертикальном» плане, а ее «горизонтальном» плане – в качестве системы организованных паритетных функциональных блоков. В-седьмых, это положение, согласно которому по отношению к деятельности субъектно-информационного класса складывается картина, при которой практически все ее содержание, взятое именно в принципиальном виде, отождествля-

ется с тем, что иногда обозначается как «внутренний план» деятельности, а в более общем виде – как подсистема ее психической регуляции. Она, однако, фактически, изоморфна, как показано выше, общей структуре компетенций. Следовательно, ее раскрытие – это и есть реальное средство для экспликации содержания деятельности в целом.

Итак, основная идея, на которой базируется предлагаемая аналитическая процедура, состоит в следующем. Главными структурными единицами деятельностей субъектно-информационного класса и, соответственно, основными единицами ее анализа являются основные деятельностные компетенции. Они выступают ее реальными – онтологически представленными компонентами, базовыми носителями ее качественной определенности, то есть того главного, что есть в любом предмете исследования²⁴. Кроме того, эти единицы адекватно отражают истинную специфичность деятельности как системного образования – принадлежность к категории системных комплексов. Следовательно, и ее базовая единица также должна быть по необходимости комплексной, что и представлено в понятии компетенции; она также характеризуется собственной сложной организацией. Причем, те «составляющие», которые ее образуют, соотносятся с основными «составляющими» самой деятельности как системокомплексного образования. В ней, следовательно, деятельность эксплицируется во всех основных планах – предметом, действенном, субъектном, процессуальном. Показательно, что на «языке» компетенций, точнее – матрицы компетенций разработаны практически все экспликации нормативного содержания деятельностей информационного класса [62, 149, 154, 156, 246, 247, 262].

Вместе с тем, только к ним, эта качественная определенность не сводится и ими не исчерпывается. Дело в том, что они образуют в своей совокупности определенную организацию, вследствие чего порождаются новые качественные особенности и характеристик, новые атрибутивные черты данной деятельности. В свою очередь, сама эта организация базируется на структурно-уровневом, иерархичном принципе, а общая система компетенций включает пять основных уровней. Поскольку, однако, она принципиально изоморфна структуре основных уровней самой деятельности, то через нее открывается доступ к экспликации структуры деятельности в целом. Макроструктура ком-

---

²⁴ Как известно, качество – это то, благодаря чему нечто является тем, чем оно является [50].

петенций – это ключ к раскрытию структуры самой деятельности в ее объективно главном – структурно-уровневом строении, что равнозначно возможности экспликации содержания и организации деятельности в целом. Следовательно, общий поход к анализу данной деятельности должен базироваться на базовом конструкте – на понятии компетенции и той многоплановой реальности, которая в нем зафиксирована.

Кроме того, анализ должен быть и столь же принципиально *уровневым*, поскольку он требует дифференцированного рассмотрения всех пяти уровней макроструктурной организации компетенций как средства раскрытия особенностей соответствующих им уровней деятельности. Все сказанное, собственно говоря, и предписывает ту логику, на основе которой должна быть реализована разработка данной процедуры, а также дана ее характеристика.

Итак, резюмируя сформулированные выше – исходные положения, можно заключить, что сущность разрабатываемой аналитической процедуры должна состоять в раскрытии содержания и организации всей совокупности деятельностных компетенций. В них и через них воплощается и, соответственно, эксплицируется – причем, не только самому ее субъекту, но и «внешнему наблюдателю» основное и наиболее специфическое содержание. Тем самым, их анализ – это, собственно говоря, во многом и есть анализ всей деятельности. Они, выступая базовыми носителями качественной определенности деятельности, являются не только ее основами компонентами, но и основными «единицами» ее декомпозиции, а также и ее интеграции в целостность. В то же время, они и сами – но уже на ином, более глубоком уровне рассмотрения являются подчеркнута синтетическими, то есть интегративными образованиями, поскольку, как показано выше, имеют достаточно сложную собственную микроструктуру. Важно и то, что она включает себя те «составляющие», которые также традиционно используются в содержании аналитических процедур изучения деятельности, поскольку они соотносятся с основными «составляющими» самой деятельности. Это, как отмечалось выше, цель деятельности, мотивация к ней, ее информационная основа, принятие решений, профессионально-важные качества, ее исполнительская часть, контроль, коррекция.

Вся совокупность рассмотренных положений методологического плана была положена в основу разработанной нами процедуры психологического анализа информационной деятель-

ности [126]. Она построена на основе принципа структурно-уровневого анализа и включает в себя пять основных уровней (одновременно – этапов) реализации.

На первом из них основным предметом анализа выступают рассмотренные выше «вторичные» компетенции, соотносящиеся с понятием *hard-skills*. Дело в том, что основным носителем содержания и организации анализируемой деятельности, ее наиболее полной и рельефно представленной экспликацией является тот уровень макроструктурной организации компетенций (и самой деятельности), который соотносится с субсистемным значением критерия-дискриминатора их дифференциации. На нем локализованы «вторичные», производные (синтетические, интегральные) компетенции. Их специфика состоит в максимально полном соответствии с основными функциональными задачами деятельности, совокупность которых во многом репрезентирует ее содержание и организацию в целом и, более того, вообще образована ими. В еще более общем плане они могут быть проинтерпретированы как частный случай общедетальностной (и общесистемной) закономерности, согласно которой именно субсистемный уровень организации является наиболее полным и богатым содержанием уровнем во всей организации систем. Существенно и то, что любая реальная деятельностная задача, зафиксированная в понятии функциональных задач, является столь же атрибутивно комплексной и сложной, требующей опоры на целый ряд детерминант и средств. Однако, именно такая сложность, компетенций как раз и является основным специфическим свойством не только исходных – базовых компетенций, но в еще большей степени – комплексных, «вторичных», интегральных. Понятие функциональных задач и, соответственно, то содержание, которое в нем зафиксировано, является конструктивным средством анализа, обеспечивающим его реализуемость, еще по одной важной причине. Она состоит в том, что нормативное содержание деятельности, как правило, эксплицируется в них и через них: для того, чтобы охарактеризовать содержание деятельности, требования к ней и пр., необходимо, прежде всего, определить совокупность того, что должен делать субъект и как он это должен делать.

В силу этого, нормативные описания деятельности очень часто представлены именно как система функциональных задач – как функционал субъекта. Сам же функционал – это и есть во многом реальная экспликация содержания деятельности в целом и субъектно-информа-

ционной деятельности, в частности. Можно видеть, что учет этих – принципиальных особенностей позволяет реально синтезировать два крупных подхода к анализу деятельности (и не только) – компетентностный и ситуационный [217]. Основной «единицей» экспликации содержания деятельности – но уже не внутреннего, а внешнего в этом плане выступает фундаментальное понятие ситуации. Представляется не вполне понятным, почему теория деятельности длительное время, фактически, не ассимилировала данное понятие, хотя во многих иных направлениях психологии оно давно и прочно вошло в них как объяснительное средств. Следовательно, терминальным пунктом дифференциации «вторичных» компетенций должна выступать не их дифференциация на основе критерия соответствия с функциональными задачами, а на основе критерия соответствия с деятельностными ситуациями, которые, однако, сами производны от основных функциональных задач. Другими словами, функциональный анализ должен быть дополнен и углублен также и анализом ситуационным.

На втором уровне психологического анализа информационной деятельности его предметом выступает экспликация и раскрытие другой категории компетенций – *базовых*, «первичных» компетенций, характеристика которых также была дана выше. Его основанная идея состоит в том, чтобы осуществить обобщение всех тех спецификаций, которые претерпевает каждая из «первичных» посредством их вхождения во «вторичные» компетенции. В результате этого, собственно говоря, и определяется общее содержание каждой из базовых компетенций. Можно видеть, что при такой логике анализа они вовсе не постулируются априорно – искусственно и умозрительно, носят не спекулятивный характер, а, напротив, являются продуктами декомпозиции некоторых более общих целостностей, в которых они обретают полноту своего содержания. В частности, процессы и средства программирования своих действий субъектом, объективно включены, фактически, в любую из «вторичных» компетенций. Однако, то, каким образом – как конкретно, в каком аспекте, в каком специфическом содержании это будет происходить, в решающей степени зависит от содержания самой «вторичной» компетенции – специфицируется им. И таких спецификаций будет столько же, сколько самих «вторичных» компетенций дифференцируется в деятельности.

Вместе с тем, синтез этих спецификаций позволяет установить содержание самой базовой компетенции, связанной с реализацией функ-

ций программирования в деятельности. Такая экспликация полностью соответствует современным представлениям об организации деятельности как таковой, зафиксированным в наиболее разработанных подходах к ее изучению. Кроме того, следует помнить и об основном императиве анализа деятельности – его главной задаче, состоящей в том, что он должен обеспечивать раскрытие деятельности в аспекте ее содержания и состава, организации и динамики именно как специфически системного образования. Другими словами, проанализировать деятельность, то есть реализовать ее психологический анализ, – это практически то же самое, что произвести ее раскрытие через собственно системную экспликацию. Конкретно это означает, что анализ деятельности может считаться реализованным тогда, когда она будет выявлена и охарактеризована как психологическая система, образованная инвариантной совокупностью ее основных «составляющих» – функциональных блоков в их специфическом содержании. В связи с этим, необходимо зафиксировать и еще одно обстоятельство. Если предыдущий уровень анализа, направленный на выявление «вторичных» компетенций, приводил в итоге через обнаружение их специфического операционно-технологического содержания деятельности, то данный уровень – но уже через экспликацию «первичных» компетенций приводит к выявлению собственно психологического содержания. В силу этого, предыдущий уровень может быть условно обозначен как *нормативно-технологический*, а данный уровень – как *дескриптивно-психологический*. Итак, реализация данного уровня психологического анализа деятельности позволяет решить его объективно главную задачу – выявить и проинтерпретировать содержание и организацию той онтологически представленной основы, на базе которой он и реализуется – психологическую систему этой деятельности, представленную как совокупности воедино организованных «составляющих». Вместе с тем, эта задача, являясь, безусловно, главной, выступает все же не единственной, поскольку существует ряд также значимых задач, позволяющих углубить представления об анализируемой деятельности.

На следующем уровне психологического анализа информационной деятельности его основным предметом являются сами «первичные» компетенции, но в существенно ином их аспекте – в аспект их микроструктурной организации. Они – именно как компоненты являются, в то же время, с необходимости комплексными – составными по содержанию и интегративными по организации образованиями.

В сформулированном выше подходе данное обстоятельство отражено в том, что, наряду с макроструктурной организацией, компетенции как раз и характеризуется указанной – сложной «внутренней» организацией, которая зафиксирована в понятии их микроструктурной организации. Она детально охарактеризована в предыдущем параграфе. Однако это означает, что дальнейшая логика и последовательность анализа должна осуществиться именно в его углублении (в непосредственном смысле), то есть в переходе от рассмотрения макроструктурной организации компетенций к выявлению их микроструктурной организации, к определению тех закономерностей, которые лежат в ее основе. Необходимые средства такого углубления также содержатся в развитых выше представлениях, поскольку они эксплицируют комплексное строение самих компетенций и раскрывают, какие именно «составляющие» образуют их структуру и содержание. В их качестве выступают «составляющие» того, что обычно обозначается как «ЗУНовская триада», то есть знания, умения и навыки. Следовательно, на их экспликацию и описание и должен быть направлен анализ на данном уровне его реализации. Не менее важно, что именно по отношению к деятельности, базирующихся на компьютерной технике, сложилось и еще одно важное и достаточно емкое, хотя не вполне четкое понятие – понятие цифровых навыков (*digital-skills*).

Итак, можно заключить, что, с одной стороны, действительно, главным предметом анализа на данном уровне должны выступать основные «составляющие» микроструктурной организации компетенций – прежде всего, части «ЗУНовской триады». С другой стороны, в качестве наиболее конструктивного и, к тому же, максимально реализуемого конкретного средства их экспликации необходимо использовать понятие *digital-skills* и то содержание, которое в него вкладывается в широком смысле. Оно систематически представлено и в нормативных документах, регламентирующих содержание и организацию деятельности, а также ее материальную часть – саму технику и ее характеристику, а также требования к пользователю. За счет этого оказывается возможным в очень существенной степени расширить ту информацию, которая может быть получена в результате психологического анализа деятельности. Вскрывается большой пласт содержания этой деятельности, а также требований к ее субъектным детерминантам. Причем, именно через них – опосредствованно открываются возможности и для выявления особенностей самой деятельности.

Далее, на следующем уровне психологического анализа основным предметом является еще одна категория компетенций, которая обозначается понятием метакомпетенций и соотносится с понятием *soft-skills*. Их специфика состоит в том, что они отнюдь не выводятся из нижележащих уровней – не выступают продуктами их интеграции и не сводятся к итоговым эффектам этой интеграции, не являются производными от их синтеза. Напротив, они сами оказывают организующее – детерминирующее влияние на них, выступают как системообразующие для всех ниже локализованных уровней их организации. В теоретическом плане важно, что по отношению к метакомпетенциям выявляется дополнительная значимая закономерность, состоящая в следующем. Их традиционно дифференцируемый состав является не только множественным, но также и принципиально гетерогенным. Именно в силу этого он включает в себя такие «составляющие», которые соотносятся практически со всеми основными подсистемами самой психики, с ее базовыми процессами и структурами.

На завершающем уровне психологического анализа основным предметом является собственно системный уровень организации компетенций, который соотносится с наиболее обобщенным по статусу и максимально интегративным образованием, которое обозначается понятием *компетентности*. В силу этого, содержанием общей процедуры анализа деятельности на нем должно выступить раскрытие содержания и организации, а также общих и специфических особенностей данного феномена. Реализация данного уровня не только не является исходной, но напротив, – она выступает как завершающий этап общей процедуры. Следовательно, ее реализация уже подготовлена всеми иными уровнями (этапами); она уже предполагает возможность опоры на всю выявленную в них систему компетенций, а через них – и на содержание анализируемой деятельности, которое уже раскрыто в весьма полной степени. Сама совокупность компетенций представит здесь уже не как исходное, а потому – синкретическое множество, не как нерасчлененная целостность, а наоборот, как целостность, уже дифференцированная – аналитически-расчлененная и поэтому наполненная конкретным содержанием. Следовательно, общая направленность исследования должна быть – именно для того, чтобы привести к получению качественно новой информации о ней – прямо противоположной той, которая уже реализована на иных – подчеркнуто аналитических уровнях и этапах. Она должна быть не собственно деком-

позиционной, а композиционной; не аналитической, а синтетической, а сам анализ деятельности должен быть дополнен синтезом деятельности. При этом сам синтез также должен быть понят как анализ, но в широком смысле – не как синоним декомпозиции, а как синоним исследования в целом. Общая задача формулируется, следовательно, не по аналитическому, а по синтетическому типу: необходимо осуществить не декомпозицию деятельности и на основе нее получить информацию о деятельности, а напротив, выявить, каким образом и как конкретно интегративные – синтетические средства приводят к генерации ее нового содержания, а их раскрытие – к новым знаниям о ней.

Далее, по своей сути – атрибутивно данный уровень сопряжен с такими деятельностными образованиями, которые является принципиально интегративным, синтетическим, а их качественная определенность может быть установлена и изучена поэтому только адекватными этой природе средствами – также интегративными, то есть не аналитическими, а синтетическими. Тем самым с очевидностью вскрывается их противоположность самой идеологии анализа в его строгом смысле. Данный термин, тем не менее, может быть сохранен, но лишь в его расширенном смысле – как синоним исследования в целом. Он здесь расформируется не в противоположность в психологический синтез деятельности. Он сопряжен с раскрытием таких принципиально интегративных образований, которые играют очень важную роль в организации деятельности, но не выявляются процедурами собственно аналитического типа, например, с ментальной репрезентацией деятельности. В этом отношении возникает принципиальный вопрос: каковы должны быть контуры нового подхода к исследованию профессиональной деятельности – ее уже не психологического анализа, а психологического синтеза? Как должен быть осуществлен «обратный» ход исследования – реконструкция на основе декомпонованных компонентов деятельности самой исходной целостности – деятельности в ее собственно системном измерении? Каково содержание собственно системного уровня микроструктурной организации компетенций и, соответственно, деятельности, несводимое к содержанию всех иных ее уровней, а также их аддитивной совокупности? Какова та «системная прибавка», которая генерируется интегративными механизмами? Вообще, каково специфическое содержание той организации, которую обретают компетенции на уровне их целостной – системной организации и предстают как феномен компетентности?

Иными словами, что есть в компетентности такое, чего бы не было в компетенциях по отдельности и в их аддитивной совокупности? На решение всех этих вопросов как раз и направлен анализ деятельности на данном уровне.

Завершая общую характеристику основных уровней (этапов) психологического анализа деятельности, ориентированного на те ее виды, которые базируются на компьютерной технике, представляется целесообразным дифференцировать в его общем содержании собственно процедурный, «технический» аспект и резюмировать его в алгоритме реализации базовых шагов такого анализа.

1. Функциональный анализ деятельности, направленный на выявление и характеристику «вторичных» компетенций соотносящихся с данной деятельностью (hard-анализ).

1.1. Характеристика основных целей деятельности.

1.2. Дифференциация этих целей на подцели.

1.3. Определение функциональных задач, сопряженных с реализацией каждой подцели.

1.4. Определение спецификаций решения функциональных задач в соответствии с основными режимными факторами деятельности (базовыми ситуациями).

1.5. Установление набора «вторичных» компетенций по отношению к каждой из базовых деятельностных ситуаций.

1.6. Реализация метода «частотно-значимостной селекции» по отношению к совокупности выявленных «вторичных» компетенций.

2. Структурный анализ деятельности, направленный на выявление и характеристику базовых – «первичных» деятельностных компетенций.

2.1. Установление и характеристика базовых деятельностных компетенций целеобразования.

2.2. Установление и характеристика базовых деятельностных компетенций самомотивирования.

2.3. Установление и характеристика базовых деятельностных компетенций по отношению к информационной основе деятельности.

2.4. Установление и характеристика базовых деятельностных компетенций в области принятия решения.

2.5. Установление и характеристика базовых деятельностных компетенций по отношению к планированию и программированию.

2.6. Установление и характеристика базовых деятельностных компетенций в совокупности индивидуальных качеств.

2.7. Установление и характеристика базовых деятельностных компетенций в плане ее исполнительской части.

2.8. Установление и характеристика базовых деятельностных компетенций в области самоконтроля.

2.9. Установление и характеристика базовых деятельностных компетенций в области коррекционных действий.

3. Микроструктурный анализ базовых деятельностных компетенций (digital-анализ).

4. Установление и характеристика совокупности метакомпетенций деятельности (soft-анализ).

5. Компетентностный анализ деятельности.

Кроме того, данную процедуру можно представить в виде следующей схемы.

Таблица 1

Основные уровни процедуры психологического анализа информационной деятельности

<i>Значение критерия-дискриминатора</i>	<i>Предмет анализа</i>	<i>Уровень анализа</i>
Метасистемное	Метакомпетенции – «мягкие» навыки (soft-skills)	soft-анализ
Общесистемное	Феноменология компетентности	Компетентностный анализ
Субсистемное	Функциональные компетенции – «жесткие» навыки (hard-skills)	Функциональный анализ (hard-анализ)
Компонентное	Базовые компетенции	Структурный анализ
Элементное	ЗУНовская триада	digital-анализ

3.3. Общепсихологические аспекты метакогнитивной регуляции деятельности

3.3.1. Метакогнитивная сфера личности как общепсихологический концепт

Одной из основных черт психологической теории деятельности – в особенности, в тех ее вариантах, которые представлены в отечественной психологии, является теснейшая и, по существу, неразделимая ее связь с общепсихологической проблематикой. Фактически, они образуют собой органичное единство, а их базовые положения во многом просто перекрываются друг с другом. Непосредственным проявлением этого выступает и то, что разработка большинства частных, хотя и важных проблем психологической теории деятельности также осуществляется с комплексной опорой на данные общепсихологического плана, что, несомненно, содействуют такой разработке. Именно это обстоятельство должно быть не только эксплицировано, но и реализовано в ходе дальнейшего рассмотрения. Конкретно это означает, что раскрытие содержания и организации метакогнитивной регуляции деятельности в целом и информационной деятельности, в частности, должно проводиться с обязательной опорой на те данные собственно общепсихологического плана, которые существуют в настоящее время. Кроме того, следует учитывать, что эти данные аккумулированы, в основном, в соответствующем направлении самой общей психологии – в метакогнитивизме.

Следовательно, для того, чтобы корректно поставить и рассмотреть вопрос о метакогнитивной регуляции деятельности, необходим учет именно данных, представленных в нем. При обращении к этой теме, необходимо отметить следующие основные обстоятельства. Современное состояние метакогнитивизма характеризуется не только несомненными достижениями, но и целым рядом проблем и трудностей принципиального характера, сдерживающих его дальнейшее развитие и носящих множественный, характер, поскольку они связаны с нерешенностью ключевых в гносеологическом отношении вопросов. Все они достаточно подробно рассмотрены в целом ряде наших работ [88, 89, 104, 105, 110, 124], результаты которых и будут использованы как основа для последующего изложения. В частности, к этим трудностям и проблемам относится нерешенность вопросов о принципах

и особенностях структурной организации метакогнитивных процессов и качеств, об их основных функциональных закономерностях, о специфике их генезиса и др. Вместе с тем, на этом фоне выделяется и такой вопрос, который имеет и наиболее очевидный, и наиболее принципиальный характер. Он вообще выступает своего рода отправным и исходным при анализе этого направления. Его сущность состоит в том, что вся совокупность данных, полученных в метакогнитивизме, характеризуется очень высокой степенью разнородности – гетерогенности и несистематизированности. В нем исследуются и метакогнитивные *процессы*, и сопряженные с ними *качества*, и «*знаниевые*» образования, и стратегии, и структуры *опыта* и мн. др. Причем, эти представления постоянно обогащаются, а их область расширяется и становится все более разнообразной.

В связи со всем этим, однако, возникает очень типичная для многих относительно молодых и быстро развивающихся направлений проблема определения «главного в них» – содержания и границ их *предмета*. Известно также, что существуют достаточно четкие критерии определения, каким должен быть предмет того или иного – действительно, самостоятельного научного направления. Во-первых, он должен обладать качественной специфичностью по отношению к предметам иных направлений. Во-вторых, все его частные проявления должны обладать каким-либо объективно представленным общим признаком – общей особенностью, позволяющей рассматривать их как частные проявления, то есть как разновидности некоторого родового явления. В-третьих, он должен обладать свойством несводимости его содержания к предметным областям иных направлений – свойством нередуцируемости к ним.

Исходя из этого, представляется необходимым попытаться упорядочить и систематизировать взгляды по данному вопросу, поскольку без его решения как наиболее общего очень затруднительно пытаться исследовать многие иные – в том числе и рассматриваемые в данной работе более конкретные, хотя также важные вопросы. Подчеркнем, что основная трудность его решения обусловлена уже отмечавшейся широтой и гетерогенностью существующих представлений в данной области. Поэтому анализ, направленный на ее преодоление, также должен носить по необходимости достаточно общий характер и включать не только те или иные частные феномены метакогнитивного плана, а охватывать как можно более

широкий их круг, а в идеале – всю совокупность этих феноменов. Вполне закономерно, что именно этот вопрос порождает наибольшие дискуссии в метакогнитивизме.

Переходя к анализу данного вопроса, отметим, прежде всего, что определенная «подсказка» для его рассмотрения содержится в специфике исторического развития представлений в данной области – в логике их последовательного расширения и обогащения. Поэтому в целях его решения и адекватного раскрытия содержания предмета метакогнитивного направления, целесообразно использовать прием логико-исторической реконструкции. Он заключается в анализе развития этих представлений именно в той логике, в которой они формировались и развивались хронологически (исторически). Это – анализ того, каким образом обогащалась понятийная «сетка» метакогнитивизма, как складывался его тезаурус. Именно такой способ анализа постепенно выводит его на тот уровень, которого достиг метакогнитивизм сегодня.

Первыми понятиями – первыми теоретическими конструктами, которые возникли в метакогнитивизме и знаменовали его становление в качестве самостоятельной дисциплины, явились, как мы уже отмечали, понятия метапамяти и метамышления [289, 292, 296, 300, 306, 314, 324, 325, 337, 376]. Так, например, метапамять – это память относительно своей памяти; память об ограничениях, возможностях, стилевых особенностях и др. своей памяти. Это – так называемые «рудиментарные» определения, введенные в метакогнитивизме. В связи с этим происходит фундаментальная дифференциация – разделение «первичных» процессов (то есть традиционно изучающихся когнитивных процессов) и «вторичных» процессов (метакогнитивных). Тем самым был создан прецедент, который заставил обратить внимание на то, что, возможно, и другие первичные процессы имеют свое *alter ego* – «свой» вторичный процесс. Он направлен на него же самого и обеспечивает его психическую репрезентацию (точнее – саморепрезентацию). В свою очередь, эта саморепрезентация реализуется через совокупность «вторичных», то есть метакогнитивных, рефлексивных по своей сути процессов и механизмов, лежащих в их основе. Таким образом, логика развития метакогнитивизма уже на достаточно ранних этапах его развития привела к проблеме рефлексии, к исследованию процессуального обеспечения сознания.

При анализе рефлексивных феноменов и процессов, хотя и принято отмечать, что они являются разнородными, но, тем не менее,

сама эта разнородность не становится предметом самостоятельного и специального анализа, не ставится вопрос о ее причинах и смысле. Вместе с тем, мера этой гетерогенности настолько велика, а проявления ее настолько очевидны и феноменологически бесспорны, что возникает вопрос о наличии некоторых существенных причин, лежащих в ее основе. По-видимому, именно в высокой гетерогенности рефлексии как раз и заключается разгадка ее природы, ключ к решению проблемы ее процессуального статуса. Представляется достаточно странным и даже парадоксальным, что до сих пор в этом многообразии процессуальных проявлений рефлексии не распознана и не зафиксирована одна важнейшая закономерность. Как известно, в терминологическом аппарате психологии, а также в естественном языке сложился целый ряд понятий и выражений, фиксирующих различные процессуальные проявления рефлексии. Это, прежде всего, следующие понятия: самоощущение, самовосприятие, аутопредставления, самонаправленное внимание, память о памяти – метаямь, мышление о мышлении – метамышление. Обратим специально внимание на то, что все эти процессы, согласно современной трактовке, как раз и относятся к категории метакогнитивных, а в своей совокупности составляют ее важнейшую часть. Нетрудно видеть, что в этих (а также и иных – более дифференцированных) понятиях зафиксированы не просто различные процессуальные проявления рефлексии, а ее различные уровни, соотносящиеся с различными видами основных когнитивных процессов. Последние, как известно, организованы на основе уровневого принципа и поэтому выступают не просто отдельными видами, а именно уровнями. Другими словами, отсюда следует достаточно значимый, на наш взгляд, вывод: рефлексия как процесс выступая одним из макроуровней в общей организации психики, сама построена по уровневому принципу. Она тем самым воспроизводит в своем уровне строении основные уровни когнитивной иерархии в целом. Каждый подуровень рефлексии полно, точно, непосредственно и естественным образом соотносится с тем или иным базовым уровнем когнитивной иерархии.

Очень важно и то, что среди всех процессов, входящих в состав рефлексии (начиная от самоощущения и кончая метамышлением) в принципе нельзя выделить какой-либо «наиболее важный» и потому – находящийся «на вершине» ее иерархии процесс. Для рефлексии как процессуального средства сознания (и для сознания в целом)

самоощущение психикой самой себя не менее, а быть может, – и более значимо, нежели, например, способность «помыслить о себе» (то есть метамышление) [103]. Суть рефлексии состоит в том, что, благодаря ей, достигается ощущение полноты и как бы исчерпанности репрезентации внутреннего мира – во всем многообразии его проявлений, в том числе – и процессуальных. Поэтому рефлексия, действительно, выступает важнейшим интегратором системы психических процессов. Вместе с тем, эта интеграция разворачивается не на основе принципа иерархии, а на основе принципа гетерархии. Таким образом, гетерархическая организация метакогнитивных процессов, лежащих в основе рефлексии, включает совокупность разнородных процессуальных средств, обеспечивающих фундаментальное свойство психики – ее сензитивности к самой себе, к своему содержанию, то есть свойство самосензитивности.

Вместе с тем, даже такая – действительно, сложнейшая и внутренне дифференцированная картина организации рефлексивных процессов еще не исчерпывает всей ее реальной сложности. Дело в том, что в ней зафиксировано пока лишь «когнитивное измерение» рефлексивных процессов. Однако данное «измерение» – это, хотя, безусловно, важнейшая, но не единственная сфера действия рефлексивных процессов. Другой очевидной и важной формой представленности рефлексивных процессов является собственно *регулятивная* форма их существования. Именно те процессы, которые составляют ее содержание, обеспечивают осознаваемый, произвольно контролируемый характер целостной процессуально-психологической регуляции деятельности и поведения. Причем, следует особо подчеркнуть, что данное свойство – осознаваемости, произвольности, то есть «субъектной управляемости» составляет саму суть процессуально-психологического обеспечения деятельности, поведения и общения.

В данной связи очень показательным, что в настоящее время в понятийном аппарате метакогнитивизма сложился ряд конструктов, фиксирующих различные аспекты этого – регулятивного «измерения» рефлексивного контроля за деятельностью и поведенческой активностью. Это понятия метакогнитивного контроля (*metacognitive control*), *metacognitive reasoning* (понятие, описывающее связь метакогниций с атрибутированием причин поведения в конкретной ситуации), метакогнитивной включенности в деятельность (*metacognitive awareness*), метакогнитивного слежения (*metacognitive monitoring*); труднопере-

водимый термин «agency» (неполный аналог понятия самоконтроля). Быть в состоянии «agent» – значит полностью контролировать свои действия, превосходить желаемый результат и добиваться его [295, 310, 347].

Обращение к регулятивному «измерению» рефлексивных процессов, равно как и само понятие регулятивной рефлексии, в значительной мере содействует преодолению зауженного и потому – не вполне адекватного и полного понимания рефлексии в целом. Дело в том, что последняя обычно понимается лишь как обращенность психики на саму себя, на свое собственное содержание, а не на внешнюю активность (деятельность, поведение, общение). В действительности же, рефлексия не может быть сведена лишь к ее «внутреннему» плану – к «смотрению на себя», к самосозерцанию [218]. Более того, это, по-видимому, не только не единственная, но даже и не главная, а потому и генетически не первичная ее функция. В конечном счете, сама эта функция сформировалась в филогенезе (а потом многократно воспроизводится в онтогенезе) как подчиненная, а значит и вторичная по отношению к другой функции – к функции обеспечения процессуально-психологической регуляции внешней активности (повторяем, любого типа – деятельности, поведения, общения и др.). Данное обстоятельство объясняется тем, что процессуально-психологическая регуляция внешней активности, представленная в ее реальной, естественной полноте и многомерности, обязательно предполагает «внутренний мониторинг», рефлексивный контроль за этой активностью и за собой как ее реализатором. В этом плане и возникает необходимость дифференциации двух типов рефлексии – когнитивной и регулятивной. Лишь вторая, базируясь на потенциале когнитивной рефлексии, может обеспечить осознаваемый, рефлексивный мониторинг внешней активности субъекта.

Таким образом, в когнитивном измерении предмет метакогнитивизма включает «вторичные» процессы (это было первым этапом развития метакогнитивизма). Они соотносятся с первой базовой подсистемой психики (когнитивной). Однако, как можно видеть из проведенного анализа, еще один класс «вторичных» процессов (регулятивной направленности) сопряжен со второй базовой подсистемой – с регулятивной.

Наконец, следует иметь в виду, что даже и эта – еще более сложная, нежели полагается традиционно, картина и рефлексивных процессов, раскрывающая их в совокупности двух базовых «измерений» –

когнитивном и регулятивном, пока также не исчерпывает всей их реальной сложности и многомерности. Дело в том, что в метакогнитивизме имеет место дифференциация рефлексии на ауто- и социо-рефлексию. Первая синтезирует в себе когнитивную и регулятивную рефлексию, а вторая соотносится с еще одной базовой подсистемой психики – *коммуникативной*.

Итак, можно констатировать следующее обстоятельство принципиального характера. Основные известные в настоящее время «вторичные» процессы очень органично – естественным образом дифференцируются, а одновременно и организуются на основе наиболее обобщенной дифференциации самой психики на три ее основные подсистемы – когнитивную, регулятивную и коммуникативную. Сама объективно представленная структура психики является поэтому комплексной детерминантой дифференциации классов «вторичных» процессов и их классификации. Предмет психологии повторяет себя в предмете метакогнитивизма, но в своем «удвоенном» виде. В этом же плане очень показательны, что по отношению к рефлексивным процессам (как операторам) в качестве их «материала», то есть в качестве их операнда, как было показано в [103], могут выступать и реально выступают не только собственно когнитивные и регулятивные процессы и функции. В этом же качестве могут выступать и процессы иных классов – прежде всего, *мотивационные* и *эмоциональные*. В связи со сказанным, появляются основания для дифференциации дополнительных, качественно специфических классов процессуальных проявлений рефлексии – для дифференциации так называемой эмоциональной рефлексии и мотивационной рефлексии. Первая составляет, как известно, одну из проблем, сформулированных и изучаемых в контексте относительно нового направления психологических исследований, – в психологии эмоционального интеллекта [55, 108]. Вторая составляет один из аспектов проблемы метамотивационной регуляции деятельности и поведения.

В связи с этим обстоятельством предмет метакогнитивизма был подвергнут дальнейшей дифференциации, в результате которой в него были включены и иные классы «вторичных» процессов – *метамотивационные* и *метаэмоциональные*. Так, очень показательным в этом плане является одно из основных понятий теории мотивации, а также причины его возникновения – понятие метамотивов (и, соответственно, метамотивации). Его высокий объяснительный потенциал обна-

ружился в очень разных по своей методологической ориентации психологических направлениях и школах. Среди них следует отметить, например, введенное А. Маслоу понятие «Б-ценностей» (бытийных ценностей), выступающих в функции метамотивов [171]; сформулированные Дж. Аткинсоном и Дж. МакКлелландом понятия мотивации достижения и мотивации избегания неуспеха (по [127]); классические исследования Е. Деси и Р. Райана, предложивших понятия интринсивной и экстринсивной мотивации (они соотносятся с подсистемами внутренней и внешней мотивации) [349]. Все эти комплексные (а, значит, предполагающие необходимость их структурирования) мотивационные образования имеют, как, впрочем, и любые иные структурные образования, собственное специфическое содержание. Оно несводимо к аддитивному множеству отдельных, входящих в них мотивов. Например, мотивация достижения, равно как и мотивация избегания неуспеха, также в принципе не имеют и не должны иметь четко локализованного и определенного предмета. Их суть состоит в другом: они определяют степень интенсивности и направленности всех иных мотивационных установок личности, то есть выступают в функции метамотивационных образований, а также в значительной мере – и направленность личности.

Таким образом, можно видеть, что указанные конструкты обладают двумя важнейшими особенностями. Во-первых, они фиксируют такие мотивационные образования, которые не имеют и не должны иметь четкой, однозначной предметной отнесенности. Во-вторых, именно поэтому они оказываются в состоянии регулировать, опосредствовать меру, характер и формы действия иных (уже имеющих непосредственную предметную отнесенность) мотивов. Эти две черты обуславливают их принадлежность к мотивам «второго порядка», к «вторичным» мотивам, к метамотивам.

Аналогичную в принципе ситуацию можно констатировать и по отношению к еще одному базовому классу психических процессов – эмоциональных. При этом вновь необходимо учитывать одну из наиболее общих закономерностей организации психики: любой результативный эмоциональный феномен, любой итоговый его эффект объективно предполагает определенный процесс, обеспечивающий его и к нему приводящий. Наиболее показательными в этом являются, разумеется, те – очень многочисленные данные как феноменологического, так и эмпирико-экспериментального характера, которые получе-

ны при разработке еще одной «классической» проблемы психологии – проблемы соотношения когнитивных и эмоциональных процессов, влияния вторых на первые. Их суть является достаточно очевидной и состоит в следующем. Каким бы образом ни трактовать взаимосвязь и взаимодействие когнитивных и эмоциональных процессов, это взаимодействие означает их синтез, который в принципе не сводим ни к одному из них «по отдельности», ни к их аддитивной (агрегативной) совокупности. Этот синтез – интеграция двух классов психических процессов обуславливает, в силу присущих любой интеграции генеративно-порождающих механизмов, новые качества, новую качественную определенность. Вместе с тем, очевидно и то, что такой синтез не может быть осуществлен «сам по себе» – автоматически и непосредственно. Напротив, он требует, определенных и, по всей вероятности, достаточно сложных процессов. В этом же плане, нельзя, конечно, оставить без внимания и широко представленные в настоящее время исследования по проблеме эмоционального интеллекта (см. обзор в [108]). В его структуру (по определению) органично включены собственно когнитивные механизмы и операционно-процессуальные средства. Тем самым, он выступает и в целом, и парциально (то есть в аспекте своих «составляющих» – подпроцессов) как интегративное эмоционально-когнитивное образование. В связи с этим, он (и любой из его подпроцессов) как бы «перерастает» лишь эмоциональную сферу; выходит за ее границы, является поэтому не только собственно эмоциональным, но и метаэмоциональным образованием.

Итак, анализ вновь приводит к тому же наиболее принципиальному выводу, который сделан выше – к выводу о конгруэнтности предмета метакогнитивизма одной из наиболее фундаментальных дифференциаций самой психики (и соответственно, – того, как она «отображается» на уровне предмета психологии). В данном случае речь, однако, идет уже не о дифференциации психики на три базовые подсистемы (когнитивную, регулятивную и коммуникативную), а о дифференциации основных *классов* психических процессов – когнитивных, эмоциональных и мотивационных. Вместе с тем, очень показательным и доказательно еще одно принципиальное обстоятельство. Дело в том, что, наряду с уже рассмотренными, дифференциациями, в психологии существует и другая – пожалуй, наиболее крупная дифференциация содержания психического в целом. Это, разумеется, ее дифференциация на классическую «триаду составля-

ющих» – на *процессы, свойства, состояния*. Обращение к ней позволяет эксплицировать еще одну грань общего содержания предмета метакогнитивизма.

Действительно, в нем очень широко дискутируется вопрос о так называемых метакогнитивных *качествах* личности. При этом, гласно или нет, но, фактически, императивно принимается установка на поиск тех или иных «особых» метакогнитивных качеств. Складывается впечатление, что такого рода качества – это нечто особое, автономизированное как от всех других качеств, так и от процессов. Подобный поиск, однако, оказывается, как правило, малопродуктивным и не приводит к дифференциации каких-либо метакогнитивных качеств, ортогональных по отношению к уже известным. Более того, он обычно демонстрирует явную – причем, неразрывную, атрибутивную их связь с теми или иными метакогнитивными процессами. По нашему мнению, в основу решения данной проблемы должен быть положен один из фундаментальных методологических принципов – принцип единства процессуального и результативного уровней анализа. Согласно ему, любой психический процесс имеет свои результативные проявления, в силу чего не существует каких-либо отдельных качеств (отдельных от процессов). Доминирующая сегодня в области исследования психических процессов, свойств и способностей функционально-генетическая парадигма означает, что любой процесс является основанием для того или иного качества [113]. Качества – это те же процессы, но взятые в их результативном проявлении. Если с этой точки зрения подойти к пониманию метакогнитивных качеств, то складывается та же самая ситуация, которая является аксиоматичной для других отраслей психологии. Согласно ей, метакогнитивные качества есть не что иное, как индивидуальная мера развития того или иного когнитивного процесса. Метакогнитивные процессы имеют – так же, как и когнитивные процессы, индивидуальную меру выраженности; она, в свою очередь, и индицирует то или иное метакогнитивное качество; точнее, она и является им.

Аналогичная связь процессов и свойств, функций и результатов позволяет эксплицировать еще одну грань общего содержания предмета метакогнитивизма. Выше уже отмечалась функционально-генетическая парадигма, сложившаяся в русле проблемы *способностей*. Согласно ей, способности определяются индивидуальной меры развития – сформированности тех или иных функциональных систем,

которые и проявляются в продуктивности деятельности [265, 267]. Способности выступают результативным проявлением определенного процессуального обеспечения – лежащих в их основе функциональных систем. Тем самым, способности как качества (но в данном случае уже метакогнитивного плана) также могут и должны быть дифференцированы на основе их соответствия с тем или иным метакогнитивным процессом. Метакогнитивные способности есть не что иное, как индивидуальный уровень сформированности отдельных метакогнитивных процессов и структур. В этой связи очень показательными являются те исследования, в которых обоснована необходимость и доказана конструктивность дифференциации особой категории способностей, обозначенных нами как метакогнитивные способности [103]. Таким образом, не только категория процессов, но и категория *свойств* как второй член классической «психологической триады», оказывается включенной в общее содержание предмета метакогнитивизма.

Констатируя это, нельзя, однако, забывать, что существует еще один компонент данной «триады» – *состояния*. На первый взгляд представляется, что здесь имеют место наиболее принципиальные трудности его ассимиляции предметом метакогнитивизма. В действительности же, напротив, именно по отношению она является самой естественной и очевидной. Дело в том, что наиболее фундаментальное метакогнитивное состояние не просто очень хорошо известно, но оно, собственно говоря, и составляет субъектность как таковую; образует ощущение личностью своей самости – своего «Я»; саморепрезентацию внутреннего мира. Более того, оно во многом просто и конституирует этот мир, а соответственно – и личность; это, разумеется, состояние сознания. Если подойти к его трактовке с позиции категории состояния, то сама этимология слова «со-знание» как раз и будет означать *состояние знания*. Оно может быть представлено на разных уровнях, быть представлено в различных формах (саморефлексия, медитация, самопогружение и пр.). Ярким примером в этом плане могут служить известные взгляды С. Л. Рубинштейна по проблеме самосозерцания [218]. Таким образом, можно видеть, что еще одна базовая дифференциация психики на триаду компонентов «процессы, свойства, состояния» – вполне однозначно и совершенно естественным образом также эксплицируется в содержании предмета метакогнитивизма. Однако и сам он обретает через данную триаду комплексное столь же естественное основание для его дифференциации и интерпретации.

Продолжая анализ, необходимо, далее, особо подчеркнуть еще одно важное обстоятельство: вклад метакогнитивизма в представления, зафиксированные в данной триаде, не исчерпывается только сформулированными выше заключениями. Наряду с ними, в его рамках может быть не только по-новому поставлен, но и в определенной мере решен вопрос о недостаточности этой триады для полной экспликации всего содержания психического. Как известно, в этом направлении как практически синонимичные используются два понятия – метакогниция и метапознание. Поэтому метакогнитивизм – это в известной мере и есть направление, предметом которого выступает именно метапознание. Вполне закономерно, что в нем очень рано не только были предложены понятия и конструкты, в которых закрепились те или иные формы знаний, но и возникло целое направление, во многом определяющее его современный облик. Оно связано с раскрытием закономерностей формирования и функционирования ментальных репрезентаций как таковых. Другими словами, сами знания выступают в общей функциональной организации сознания и психики в целом не только в своем исходном статусе – в качестве содержания, информации, то есть в качестве операндов. Они, реализуясь в отношении их же самих, эксплицируют и собственно операциональные возможности, то есть выступают и в качестве активных операторов. В свете этого необходимо несколько по-новому отнестись к фундаментальной дифференциации знаний на два типа – на декларативные и процедуральные. Декларативные знания – это знания по типу «что?», а процедуральные – знания по типу «как?». Когда знания – когниции «оборачиваются» на себя и становятся метакогнициями, они трансформируются из статуса относительно пассивного операнда в статус активного оператора. Но именно это и означает, что они обретают статус не только декларативных знаний, но и процедуральных; обретают действенный потенциал.

Далее, необходимо принять во внимание еще один – пожалуй, наиболее общий способ дифференциации психики и, соответственно, – структурирования предмета психологии. Это, разумеется, дифференциация на *осознаваемое* и *неосознаваемое*, сознательное и бессознательное. Очень показательно, что и она непосредственно эксплицируется в современных представлениях о предмете метакогнитивизма/ Действительно, проблема соотношения метапознания (метакогниции) и бессознательного, хотя и была сформулирована

относительно недавно, но составляет сегодня одну из важнейших в метакогнитивизме. Согласно доминирующим в настоящее время представлениям, важную – структурообразующую и организующую функцию по отношению к «вторичным» процессам выполняют и механизмы, локализованные в сфере бессознательного. Они не просто включаются в реализацию метакогнитивных процессов (равно как и иных «вторичных» процессов), но и играют значимую роль в их структурировании из иных – «первичных» процессов. В этом плане понятие метапроцессов означает, прежде всего, существование процессов иных порядков и уровней интеграции. Вместе с тем, сама интеграция как их основа реализуется на базе неосознаваемых – объективно присущих психическому закономерностей и средств ее реализации. В этом плане вполне очевидно, что «вторичные» процессы не только могут, но и должны быть частично и бессознательными. Они, однако, являются таковыми именно по механизмам их реализации, то есть именно в аспекте их собственно процессуального обеспечения. Вместе с тем, они же являются принципиально осознаваемыми в плане их результативного содержания – того, к чему приводит действие бессознательных, объективных механизмов, лежащих в основе их интеграции.

Наряду с этим, необходимо, на наш взгляд, обратить специальное внимание и на еще один важный аспект общей проблемы предмета метакогнитивизма. Так, общепринятым в нем является положение, согласно которому при определении метакогнитивных процессов, равно как и при их исследовании, акцент делается на их именно процессуальной стороне (что, конечно, вполне естественно и даже необходимо). Метакогнитивные процессы – это, прежде всего, именно процессы, процессуальные образования. Вместе с тем, их истинное содержание выходит за пределы только такого понимания, а сами они являются существенно более сложными. Дело в том, что в них, фактически, каждый из основных «первичных» процессов удваивает свой исходный статус. Он становится не только процессом как таковым, но и тем, на что он сам же и направляется, в отношении чего реализует свой процессуальный потенциал. Как указывал в свое время С. Л. Рубинштейн, любой процесс – это не только то, «*чем познается*», но и то, «*что познается*» (выделено нами – А. К.). [218]. Аналогичная мысль сформулирована и Л. М. Веккером, который подчеркивал, что любой психический процесс может быть представлен не только как активный

оператор, но и как относительно пассивный *операнд* [39]. Тем самым, однако, кардинально меняется и существенно усложняется общее понимание метакогнитивных процессов как основного объекта изучения в метакогнитивизме. Выше уже отмечалось, что при этом происходит трансформация самих этих «объектов», на которую, однако, обращается недостаточное внимание. Как правило, акцент делается только на том, что психические процессы могут выступать и начинают реально выступать как операторы по отношению к самим себе, что и зафиксировано в понятии метакогнитивных процессов. Однако, не менее, а быть может, и более важно то, что, становясь операторами по отношению к самим себе, «первичные» процессы (в основном когнитивные) качественно меняют свой исходный статус. Они становятся уже не операторами (как тем, чем познается), а операндами (как тем, что познается, репрезентируется). Понимание природы и смысла синтеза этих двух статусов в одних и тех же когнитивных процессах является, по-видимому, одним из перспективных путей разработки проблемы сознания в целом и понимания его важнейшего свойства – самопрезентированности, в особенности.

Вместе с тем, следует особо подчеркнуть, что когнитивные процессы, обретая статус «вторичных», могут быть направлены не только на самих себя, но и на психические процессы иных классов. Так, скажем, можно помнить об эмоциях, вспоминать о мотивах и обдумывать их, представлять величину волевого усилия и т. д. Благодаря этому, не только когнитивные процессы, но и процессы всех иных классов (эмоциональные, волевые и др.) репрезентируются в сознании как его «составляющие».

Итак, можно видеть, что благодаря именно «двуединой» природе когнитивных процессов (их представленности и как объективной и как субъективной реальности; их бытия как в онтологической, так и в инструментальной функциях; их статуса и как операторов и как операндов одновременно), они раскрываются не только более полно, но и обретают качественно новое свойство – свойство самопрезентированности. Они выступают уже не только тем, что реально протекает в психике и не только тем, *чем познается*, но и тем, *что познается* – субъективно репрезентируются, то есть осознаются. Очень важно при этом, что все указанные статусы психических процессов не рядоположены друг другу, а именно взаимобратимы, представлены в единстве.

Таким образом, на основе проведенного анализа можно сделать следующее обобщающее заключение. Оно дает конкретный по содержанию, хотя и достаточно общий по смыслу вариант ответа на его основной вопрос – о путях и способах экспликации содержания предмета современного метакогнитивизма. Наиболее значимое положение, вытекающее из проведенного анализа, состоит в том, что какую бы дифференциацию психики в целом на ее «составляющие» ни избрать, она обязательно воспроизводится – так сказать «повторяется» и в метакогнитивизме. Предмет метакогнитивизма включает в себя, по существу, все основные «составляющие» предмета психологии в целом, но с одним очень существенным условием. Он включает их в себя (и, более того, выступает как производный от них), конечно, не в полном объеме, а лишь в определенном и вполне конкретном аспекте. Практически все основные «составляющие» психики, равно как и она в целом, обладают фундаментальным свойством (фактически, атрибутом) – самосензитивностью, саморепрезентируемостью. Его суть состоит в том, что все они могут «оборачиваться» на самоё себя. Тем самым они «удваиваются» и выступают не только в своем «первичном» статусе, но и во «вторичном» статусе. Наиболее общим итогом – эффектом этого выступает формирование определенной метаплоскости, а точнее, – по-видимому, метауровня организации каждой из «составляющих», равно как и психики в целом. Наиболее очевидным и феноменологически бесспорным проявлением этого – именно по отношению к психике в целом является, разумеется, то «удвоение реальности», которое столь характерно для сознания – синтез в нем двух реальностей (объективной и субъективной).

В результате этого, предмет метакогнитивизма эксплицируется как *распределенный* по содержанию всей психики в целом; он предстает, по существу, как вся она, но взятая лишь в определенном аспекте и в определенном функциональном предназначении. Оно состоит в том, что все метакогнитивные процессы и механизмы, структуры и закономерности направлены на репрезентацию не внешней, а «внутренней» реальности, используя, однако, те же самые средства, которые сформировались для репрезентации реальности объективной – внешней. Метакогниции лежат в основе того, что в свое время было обозначено как эндопсихика – как все то, благодаря чему психика репрезентирует себя и управляет собой [153]. Предмет метакогнитивизма распределен по всей системе психологических явлений в целом. Напомним, что распределенные и наложенные системы – это такие, которые воспроиз-

дят в себе компонентный состав других систем, но лишь в каком-либо вполне определенном функциональном проявлении и, следовательно, в его «удвоенном» и специфицированном статусе [3, 178]. В силу этого, предмет психологии метакогнитивизма может быть проинтерпретирован именно с позиций представлений о таких системах – наложенных. Предмет метакогнитивизма повторяет в себе предмет психологии и в целом, но в обращенном на себя и потому – «удвоенном» виде. В связи с этим, становится понятным, что не нужно никаких искусственных критериев для классификации основных структурных частей предмета метакогнитивизма. Он просто повторяет в себе – мультиплицирует предмет психологии в целом, но в его вторичном – «самонаправленном» статусе.

Итак, можно видеть, что предложенная выше трактовка предмета метакогнитивизма характеризуется следующими основными особенностями. Во-первых, она является наиболее полной среди всех существующих в настоящее время и включает их в себя как частные случаи.

Во-вторых, она позволяет осуществить не только достаточно полную экспликацию общего содержания предмета данного направления, но и сделать это дифференцированно, а тем самым в определенной мере решить проблему выявления не только состава – содержания предмета, но и его структурной организации.

В-третьих, две эти особенности означают, что предмет метакогнитивизма, фактически, получает свою системную экспликацию, поскольку предстает именно в качестве организованной целостности. Залогом этого является то, что в основе такой целостности лежит не просто комплексная, а именно системная детерминанта – сама онтологически представленная структура психики. Другими словами, это означает, что в содержании предмета – на уровне его гносеологического отображения воспроизводится реальная, то есть онтологически представленная структура психики как в плане ее состава, так и в плане базовых механизмов и закономерностей организации.

В-четвертых, это оказывается возможным в силу того, что, в основу экспликации состава и содержания, структуры и организации базовых компонентов предмета положен не какой-либо внешний и тем более – умозрительный критерий, а объективно основная и даже – критически значимая, атрибутивная особенность всех процессов и образований метакогнитивного плана. Она состоит в том, что они должны быть проинтерпретированы в качестве частных (видовых) проявлений наиболее общего (родового) и, более того, – фундаментального и максимально

специфичного именно организации психики в целом свойства – самосензитивности, самопрезентированности. Предмет потому и получает свою не только полную, но и дифференцированную экспликацию, что в его основе лежит аналогичная по степени обобщенности и значимости статуса закономерность организации самого объекта исследования.

В-пятых, с позиций предложенной трактовки выявляется основной и объективно наиболее значимый признак, точнее – атрибут всех известных в настоящее время метакогнитивных феноменов: все они являются частными – парциальными формами и проявлениями общего механизма самосензитивности психики, а также тех процессов и структур, в которых и через которые он реализуется. Тем самым, все они должны быть поняты как локальные – парциальные операционные средства и механизмы, обеспечивающие в совокупности этот наиболее общий и специфический атрибут психики. Кроме того, если учесть также, что именно он лежит в основе организации сознания, то все эти парциальные проявления метакогнитивного плана должны быть поняты и в качестве его собственных операционных механизмов и средств. Именно они и обеспечивают базовые особенности сознания в целом и, прежде всего, его атрибутивные черты – самопрезентированность, трансцендентность, идеальность и др.

Наконец, в-шестых, важно и то, что развитые выше представления позволяют синтезировать с единых теоретических позиций практически всю совокупность известных в настоящее время метакогнитивных феноменов в целом, то есть дать им многомерную и полную экспликацию.

Такой результат важен еще и в том плане, что он вплотную подводит к постановке, быть может, наиболее важного в теоретическом плане вопроса – вопроса о том, каким образом и на основе каких принципов и закономерностей организована эта совокупность именно в целом? Что она представляет собой именно как целостность: либо она является агрегативным (суммативным) образованием, либо же в ее основе воплощены принципы интегративности, а следовательно, и системности? Эти вопросы в дальнейшем станут предметом нашего рассмотрения; пока же представляется целесообразным ввести для фиксации выявленной выше совокупности метакогнитивных феноменов рабочее понятие, способствующее этому. Оно должно быть по необходимости собирательным – синтетическим и позволять охватить всю совокупность гетерогенных феноменов метакогнитивного плана. Оно, далее, должно быть не только общим, но и – именно поэтому подчеркнуто нейтральным

в плане указания на конкретный вид включаемых в него феноменов. Это, в свою очередь, означает, что оно должно носить функциональный характер и объединять в себе все феномены, реализующие вполне определенную функцию – функцию самопрезентации. Следовательно, и определение данного понятия должно являться подчеркнуто операциональным. По нашему мнению, в качестве рабочего варианта такого понятия наиболее целесообразно остановиться на понятии *метакогнитивной сферы личности*. Именно оно является и достаточно общим, и подчеркнуто нейтральным, и «ненагруженным» объяснительными и иными семантическими оттенками, и столь же операциональным. Немаловажно и то, что аналогичные по смыслу понятия традиционно и широко применяются во многих других направлениях психологических исследований – по отношению к иным, также важным предметам психологического познания. Это, например, понятия мотивационной сферы личности, понятие ее волевой сферы, понятие сферы бессознательного и пр.

В связи с этим, можно полагать, что именно понятие метакогнитивной сферы личности является тем общепсихологическим теоретическим концептом, который должен стать базовым гносеологическим средством для дальнейших исследований в этой области. Подчеркнем также, что, конечно, данное понятие является лишь первым шагом к раскрытию специфики организации всей совокупности метакогнитивных феноменов, за которым должны последовать дальнейшие шаги, направленные на ее детализированное раскрытие. Вместе с тем, он объективно необходим, поскольку лишь на основе целостного и, следовательно, – полного, а значит методологически корректного представления, возможны и все дальнейшие шаги и этапы исследования.

3.3.2. Метасистемный подход как основа исследования метакогнитивной сферы личности в информационной деятельности

Обоснование понятия метакогнитивной сферы личности, позволяя решить некоторые задачи (в частности, рассмотренные выше), является лишь первым шагом в направлении реализации общей цели, связанной с раскрытием особенностей и закономерностей метакогнитивной детерминации деятельности в целом и информационной деятельности, в частности. Дело в том, что оно само ставит новые и не менее сложные и важные проблемы, которые также необходимо

подвергнуть рассмотрению, поскольку без их решения установление этих особенностей и закономерностей практически невозможно. И, безусловно, главной среди них является дальнейшее углубление и развитие представлений о самой этой сфере – переход от установления ее состава и содержания к выявлению закономерностей ее организации в целом и структурной, в особенности. Это означает, что представления о ней должны быть не только широкими (и, следовательно, в полной мере отражающими всю совокупность метакогнитивных детерминант), но и дифференцированными – позволяющими раскрыть предмет исследования в реальной сложности ее организации. Следовательно, приоритетной задачей в свете сказанного становится раскрытие и объяснение закономерностей организации этой сферы. Лишь при условии выявления этих закономерностей можно рассчитывать и на установление того, каким же образом она обуславливает собой результативные параметры и процессуальные характеристики профессиональной деятельности в целом и информационной деятельности, в частности. Важно и то, что определенные предпосылки для постановки этой задачи, а также для ее решения содержатся в уже проведенном выше анализе. Дело в том, что по его ходу систематически обнаруживались именно те особенности, которые являются общими для нее и через которые, следовательно, проявляются закономерности ее организации в целом. Кроме того, эти – обобщенные особенности также систематически обнаруживали взаимосвязь друг с другом, что свидетельствует об их соорганизации и, следовательно, о наличии значимых средств и механизмов интеграции, которые – именно в силу этого, скорее всего, также присущи данной сфере.

Итак, на основании всего сказанного, главная задача дальнейшего анализа должна быть сформулирована следующим образом. Каковы основные особенности и закономерности организации метакогнитивной сферы личности и что она, следовательно, представляет собой именно в целом, то есть каков ее психологический статус и, соответственно, место в общей структуре психической регуляции деятельности? При ее рассмотрении представляется целесообразным вначале выявить основные особенности – своего рода главные свойства данной сферы, а затем на основе их обобщения попытаться определить, что она представляет собой в целом, то есть каков ее общий статус как определенной – широкой по составу и внутренне дифференцированной, но одновременно и организованной целостности.

Во-первых, наиболее простой и очевидной, а при этом и обнаружившейся раньше всех иных особенностью является то, что состав этой сферы вовсе не сводится к тем исходным представлениям, которые были характерны для ранних этапов развития метакогнитивизма. Как известно, они базировались на очень узких представлениях о предмете исследования и, фактически, исчерпывались так называемыми «рудиментарными» представлениями (метапамять – «память о памяти»; метамышление – «мышление о мышлении»). Причем, как мы уже отмечали, очень показательно в этом плане, что столь же рано в метакогнитивизме произошла и очень важная дифференциация (и, следовательно, отказ от узких представлений о предмете – его расширение) на исследование метакогнитивных процессов и метакогнитивных знаний. Термин метакогнитивизм приобрел «двойника» в виде термина метапознания. Тем самым, очень явно обнаружилась первая и предельно явная особенность – неединичность, а точнее – разнородность факторов метакогнитивного плана и, следовательно, необходимость в их организации как принципиально неединичных.

Во-вторых, по существу все дальнейшее развертывание исследований в данной области, подтверждая такую неединичность, привело к тому, что еще одной – также явной особенностью существующих представлений является принципиальная множественность, характеризующая всю совокупность факторов метакогнитивного плана.

В-третьих, неразрывно связанной с такой множественностью является и то, что метакогнитивной сфере присуща очень высокая степень гетерогенности ее состава, то есть качественное разнообразие входящих в нее компонентов. Более того, как мы отмечали выше, мера такой гетерогенности столь велика, что она ставит под вопрос правомерность применения самого термина «метакогнитивный» по отношению к ней. Дело в том, что, согласно современным представлениям, в состав метапроцессуальной регуляции входят не только метакогнитивные процессы и средства, но и иные аналогичные средства, – например, метарегулятивного плана.

В-четвертых, по ходу проведенного выше анализа постоянно обнаруживались факты и проявления того, что метакогнитивная регуляция деятельности и вообще – все функционирование метакогнитивной сферы личности обладает достаточно высокой эффективностью и действенностью; однако это может быть достигнуто лишь при условии того, то она сама является также высокоорганизованным образовани-

ем. Другими словами, это означает, что вся совокупность факторов метакогнитивного плана – это не просто множество, пусть даже и гетерогенное, но множество, прежде всего, организованное. И именно эта организация – ее принципы и закономерности как раз и являются основным в плане ее раскрытия и, следовательно, объяснения.

В-пятых, еще одной и также очень явной особенностью данной сферы является то, что мера ее широты и гетерогенности настолько выражена, что входящие в не компоненты оказываются, фактически, распределенными по всем основным «составляющим», которые и образуют в своей совокупности содержание предмета психологии в целом. В результате этого, имеет место особенность, которая обозначена выше как свойство распределенности предмета метакогнитивизма по предмету психологии в целом. Данная особенность порождает очень существенные трудности теоретического плана, приводя, например, к известной ситуации «исчезновения» предмета исследования, к необходимости формулировки критериев дифференциации предмета метакогнитивизма от иных предметов [132].

В-шестых, с этой особенностью связана и также в значительной степени обусловлена ей и еще одна особенность. Он заключается в том, что очень многие образования и процессы метакогнитивного плана являются производными – «вторичными» по отношению к большинству «составляющих» психики в целом. Именно эта особенность была, как известно, установлена уже по отношению к самым первым предметам исследования в метакогнитивизме – к «вторичным» процессам [322, 323, 324, 376]. Однако, как мы показали в предыдущем параграфе, она является общей для всех такого рода образований и даже входит в их определение. В силу того, что все образования метакогнитивного плана являются «вторичными», то есть производными от подавляющего большинства «составляющих» психики, сам состав и содержание всей метакогнитивной сферы являются такими широким и гетерогенным, то есть, фактически, во многом «повторяющимися» содержание психик в целом.

В-седьмых, в основе отмеченной выше производности, «вторичности» лежит более глубинная причина и, соответственно, особенность всех образований метакогнитивного плана. Она состоит в том – и это было предметом специального и достаточно детализированного анализа в предыдущем параграфе, что все они обладают общим свойством функциональной обратимости. Его сущность состоит в том, что они могут выступать либо как средства репрезентации содержания

психики, либо как само это содержание; либо как то, что направлено на самоотражение, либо как то, что и является его «предметом». Другими словами, они могут выступать либо в функции относительно активных операционных образований – как операторы; либо в функции относительно пассивных операндов. Есть основания считать, что именно эта особенность, присущая практически всем «составляющим» метакогнитивной сферы, вообще является наиболее важной: она вскрывает уже не феноменологические проявления их функционирования, а их базовые механизмы и связана с самой их сущностью.

В-восьмых, именно свойство функциональной обратимости позволяет обнаружить, пожалуй, основной принцип, точнее – критерий, лежащий в основе организации самой метакогнитивной сферы и ее дифференциации как относительно самостоятельного образования. Им является подчеркнуто функциональный критерий: многие или даже большинство (а не исключено, и все) основные «составляющие» психики могут выступать и реально выступают в двух основных формах – в «первичной» и «вторичной». В последней они реализуют свой исходный потенциал по отношению к самим себе; они «оборачиваются» на себя («удваиваются») и, не переставая быть собой, обретают статус «вторичных», то есть выступают в функции метакогнитивных средств. Следовательно, в состав метакогнитивной сферы могут включаться практически все основные «составляющие» психики, поскольку они могут одновременно выступать и в этой – указанной выше функции. Однако, выступая в ней и соорганизуясь друг с другом, они образуют и саму метакогнитивную сферу как построенную на подчеркнуто функциональном принципе. В силу этого, ее определение также должно носить столь же функциональный (а не субстанциональный) характер. Эта сфера является операциональным образованием и выступает следствием того, что большинство всех основных «составляющих» психики может выступать в функции метакогнитивных.

В-девятых, необходимым следствием этой особенности является и то, что на метакогнитивную сферу личности переносится не только содержание и состав психики в целом, но и те принципы и закономерности, а не исключено, – и механизмы, которые ей присущи. Другими словами, в метакогнитивной сфере воспроизводятся не только особенности содержания и состава, но и принципы организации, которые свойственны психике. Например, на взаимосвязи и взаимодействия метамышления и метапамяти (как компонентов этой сферы) перенос-

сятся те принципы и закономерности, которые присущи самим «первичным» процессам – памяти и мышлению.

В-десятых, обобщая отмеченные выше особенности, можно заключить, что вся их совокупность отчетливо свидетельствует о наличии у метакогнитивной сферы основные черт собственно системной организации (целостности, синтетичности, организованности, структурированности, «полносвязности» и др.). Именно этим, кстати говоря, и объясняется отмеченный выше факт, состоящий в очень высокой эффективности ее функционирования. Она, однако, не может быть достигнута без существования достаточно мощных организационных средств. По-видимому, наилучшими из них как раз и являются средства собственно системного типа.

В-одиннадцатых, в связи с предыдущей особенностью выявляется целый ряд трудностей представления метакогнитивной сферы со сформулированных выше – на первый взгляд, очень явных и убедительных взглядов о ней как «о системе». Их суть состоит в следующем. Прежде всего, оказывается, что, если даже принять допущение о метакогнитивной сфере личности как о системном образовании, то она предстает как очень специфическое образование. Дело в том, что ее в принципе нельзя представить в качестве какой-либо локальной «составляющей» психики – ее подсистемы. Она, напротив, как показано выше (и что является ее одной из наиболее принципиальных и явных особенностей) носит своего рода «распределенный» по всей психике характер; она включена во все ее основные «составляющие» и уровни организации, приниживает всю ее, обладая известным свойством «вездесущести» [179]. Следовательно, между ней, с одной стороны, и психикой в целом, с другой, не могут быть уставлены традиционные отношения «части и целого». Метакогнитивная сфера не входит в психику в целом на правах ее подсистемы; отношения между ними носят принципиально иной – более сложный характер и должны быть подвернуты специальному изучению и раскрытию их смысла. В этом плане можно высказать предположение, согласно которому метакогнитивная сфера не принадлежит к системам традиционных – классических типов, а характеризуется теми особенностями, которые присущи более сложным типам систем – распределенным, наложенным и пр.

Наконец, в-двенадцатых, в свете предыдущей особенности выявляется и еще одна – по-видимому, основная и наиболее сложная в плане ее теоретического осмысления и объяснения особенность

метакогнитивной сферы, состоящая в следующем. С одной стороны, действительно, она должна быть понята как часть, как «составляющая» психики в целом, Она, конечно, не исчерпывает ее содержания и входит в нее именно на правах так сказать «подмножества». Однако еще очевиднее то, что это такая «часть», которая в известном смысле становится более субъективно значимой, чем все целое; поясним сказанное. Так, в настоящее время общепринятым является положение, согласно которому все метакогнитивные процессы являются парциальными компонентами рефлексии, а сама она – процессуальным содержанием сознания в целом. Но тогда складывается очень сложная и противоречивая – трудная не только для объяснения, но даже и для представления ситуация, характерная для специфики соотношений многих наиболее сложных «составляющих» психики (как ее частей) с ней как с целым. Эту специфику можно проиллюстрировать на материале тех данных, которые получены, например, в психологии мотивации [135, 166].

Действительно, современный подход к пониманию мотивации личности, согласно которому подавляющее большинство всех ее «составляющих» может выступать в функции мотивов поведения и деятельности, приводит к тому, что сама метасистема (личность) оказывается своеобразным образом включенной – встроенной в одну из входящих в нее систем, то есть в саму мотивационную сферу. В силу этого, между метасистемой (личностью) и системой (мотивацией) складываются не совсем обычные и не вполне традиционные с точки зрения классического системного подхода отношения: не система включается в метасистему, а, наоборот, метасистема – в систему. Мотивационная сфера личности, объективно выступая лишь определенным аспектом, «частью» личности в целом, а потому – некоторой системой, включенной в более общую и мощную метасистему (то есть в личность), является поэтому лишь одним из соподчиненных уровней ее организации; однако в то же время она оказывается в состоянии управлять всей этой метасистемой. На основе этого складывается ситуация, при которой «часть управляет целым»; она становится в определенном смысле «важнее», чем целое. Не метасистема определяет функционирование и организацию системы, а, наоборот, система регулирует и детерминирует структурно-функциональную организацию и процессуальные проявления метасистемы. Все это позволяет допустить, что и для определения закономерностей взаимосвязи метакогнитивной сферы личности как системы с лично-

стью как метасистемой по отношению к ней, также, по-видимому, недостаточно тех средств, которые сложились в традиционных вариантах системного подхода. По-видимому, такого рода отношения не могут быть ни объяснены, ни просто – адекватно представлены с точки зрения обычных, то есть «классических» представлений о соотношении системы и входящих в нее подсистем. Аналогичные данные были получены и в результате исследования самой метакогнитивной сферы как интегрального регулятора деятельности, но по отношению к иному ее типу (и даже классу) – управленческой.

Таким образом, на основе обобщения рассмотренных особенностей метакогнитивной сферы личности можно сделать следующее итоговое заключение, которое одновременно позволяет сформулировать и задачи дальнейшего рассмотрения. Все они свидетельствуют о том, что данная сфера, скорее всего, воплощает в себе основные принципы и закономерности, присущие собственно системной форме организации. Иными словами, это означает, что она, по-видимому, является системной по своей организации. Однако наиболее принципиальная трудность заключается в том, что она, хотя и выступает в таком качестве, но обнаруживает и очень существенные специфические особенности, достаточно радикально отличающие ее от систем «классических» типов. С одной стороны, это ее распределенность и «вездесущность», производность и вторичность, диссипативность и наложенность. С другой стороны, это и ее подчеркнута функциональный (операциональный) характер и, следовательно, принадлежность не к системам субстанционального, а именно операционального типа. Наконец, это и наиболее важная и трудная для понимания и объяснения особенность. Она состоит в том, что по отношению к ней и к ее связям с психикой в целом практически «не работают» – не выполняются в полном виде классические представления о соотношении целого и части, о связях системы и подсистемы, о приоритетах в их иерархической значимости, которые сформулированы в традиционных вариантах системного подхода. Другими словами, хотя, скорее всего, метакогнитивная сфера личности и является системой, но выступает все же системой какого-либо особого, не исключено, принципиально отличного от традиционных типа. Наиболее общим аргументом в пользу этого как раз и является то, что, с одной стороны, по отношению к ней черты такой «особости» обнаруживаются очень явно, а с другой, именно они и обуславливают ее явную специфичность.

В связи с этим, выход из создавшейся ситуации может быть, по-видимому, лишь одним. Наиболее вероятно допустить, что при обращении к метакогнитивной сфере личности исследование сталкивается, хотя и собственно системным образованием, но все же с таким, которое не может быть раскрыто с позиций традиционных вариантов самого системного подхода, поскольку принадлежит к специфическому – особому их классу. Другими словами, реализация системного подхода к проблеме изучения метакогнитивной сферы личности, позволив дать ее собственно системную экспликацию, одновременно вскрывает недостаточность традиционных вариантов системного подхода. Она выявляет ситуацию, когда эти варианты уже не всегда оказываются достаточными для раскрытия реальной организации наиболее сложных образований психики. Следовательно, возникает известная в методологии системности необходимость ее собственного развития и совершенствования; обращения к тем вариантам самого системного подхода, которые являются и более современными, и более конструктивными. Один из таких вариантов, как известно, предложен в рамках метасистемного подхода. Тот потенциал, который содержится в нем, на наш взгляд, может быть реализован по отношению к исследованию метакогнитивной сферы личности в целом и к преодолению трудностей, которые были охарактеризованы выше и осложняют дальнейшие исследования в данной области, в частности. В связи с этим, представляется целесообразным дать общую характеристику основных положений данного подхода, которые могут содействовать решению сформулированных выше задач, а тем самым и способствовать необходимой операционализации представлений о метакогнитивной сфере личности. Именно такая операционализация является необходимым средством перехода от положений теоретико-методологического характера к исследованиям эмпирического и экспериментального плана.

Действительно, обоснованность обращения к данному подходу, равно как и его главных положений определяется тем, что именно в нем сформулированы представления о таком специфическом классе систем, которые по своей организации принципиально подобны организации самой метакогнитивной сферы личности. По существу, вся совокупность эмпирически установленных и охарактеризованных выше особенностей этой сферы практически полностью совпадает с теми особенностями и закономерностями, которые присущи системам данного класса. Кроме того, в нем содержатся и такие средства

методологического плана, которые также весьма полно соответствуют содержанию основных вопросов, возникающих при исследовании метакогнитивной сферы личности и которые также были сформулированы в итоге проведенного выше анализа. Наконец, следует учитывать, что этот подход уже реализован в настоящее время по отношению ко многим достаточно общим и значимым предметам психологического исследования и дал позитивные результаты. Так, в частности, представления о существовании систем со «встроенным» метасистемным уровнем были успешно реализованы по отношению к исследованию системы психических процессов [105], к разработке проблемы деятельности [111], к исследованию феномена психического выгорания [211], к исследованию процессов принятия решения [96], к проблеме сознания [322], к проблеме идентичности [107], феномену состоятельности [09], психическому здоровью [211], исследованию организационной культуры [158], мотивации учебной и профессиональной деятельности [127], исследованию системы индивидуальных качеств личности [123], к проблеме структурой организации метакогнитивной регуляции управленческой деятельности, исследованию рефлексивных процессов и закономерностей [89] и др. Поэтому есть достаточные основания полагать, что они будут конструктивными и в плане решения основных задач данной работы – раскрытия и объяснения закономерностей метакогнитивной сферы личности. В связи с этим, представляется необходимым остановиться на его основных положениях, а также на том, каким образом они могут быть привлечены к решению этих задач.

Напомним, что в основе этого подхода лежат два базовых положения. Во-первых, это положение, согласно которому, наряду с традиционными – «классическими» типами систем, существует особый, качественно специфический тип систем; они и обозначаются понятием систем со встроенным метасистемным уровнем. Во-вторых, это положение, согласно которому адекватным методологическим средством изучения такого рода «неклассических» систем может быть подход, адекватный их природе, то есть метасистемный подход. Наиболее общая и важная их особенность состоит в том, что они обладают способностью к функциональному включению в свой состав и содержание той метасистемы, онтологической, то есть структурной «составляющей» они сами являются. Во избежание недоразумений со всей определенностью подчеркнем, что речь идет, конечно,

не о непосредственном – не о «морфологическом» включении, а лишь о том, что метасистема получает в составе той или иной системы определенную форму репрезентации. Она выступает в особом аспекте и в специфическом качестве – подчеркнуто функциональном. Наиболее показательным случаем этого является общий принцип организации психики в целом, поскольку, как известно, атрибутивная природа психики, а одновременно – ее уникальность такова, что в ней объективная реальность получает свое «удвоенное бытие» в форме реальности субъективной. Более того, чем полнее, адекватнее и точнее будет совпадать последняя с объективной реальностью, тем большие предпосылки обеспечиваются и для решения общеадаптационных задач.

Следовательно, та метасистема, с которой исходно взаимодействует психика, в которую она объективно включена и которая внешнеположена ей, оказывается представленной в структуре и содержании ее самой. Она транспонируется в психику, хотя и в очень специфической форме – в форме реальности субъективной (которая, однако, по своей сути и назначению должна быть максимально подобной в аспекте своих информационных и содержательных характеристик объективной реальности). Следовательно, сама сущность психического такова, что в его собственном содержании оказывается представленной и получает свое «удвоенное» существование та метасистема, которая является по отношению к нему исходно внешнеположенной и в которую оно объективно включено.

«Встроенность» метасистемы в систему (пусть и лишь в определенном аспекте, в определенной форме – функциональной) приводит к тому, что сама она начинает выступать в некотором смысле как ее локальная «составляющая», точнее – как один из ее уровней (метасистемный). Он обладает принципиальной двойственностью, двойной локализацией: находится и вне системы (поскольку характеризует саму метасистему), и внутри нее (поскольку функционально транспонируется в содержание системы). В результате этого складываются не вполне обычные и отчасти – и парадоксальные отношения между системой и метасистемой. Метасистема, оставаясь таковой, одновременно выступает и как система; система же также оставаясь таковой, одновременно выступает и как метасистема.

Наиболее принципиально то, что и данный подход в целом, и его базовое понятие специфического класса систем со «встроенным» метасистемным уровнем обладают множественными чертами сходства

с теми – установленными эмпирически и представленными феноменологически особенностями, которыми характеризуется сама метакогнитивная сфера личности. С позиций данного подхода многие охарактеризованные выше особенности и закономерности метакогнитивной сферы личности становятся и более понятными, и более объяснимыми. В связи с этим, собственно говоря, и появляются достаточные основания для того, чтобы избрать именно этот подход в качестве не только возможного, но и, фактически, необходимого и наиболее общего методологического средства для ее изучения.

Наконец, появляются основания и для того, чтобы использовать базовое понятие данного подхода (систем со «встроенным» метасистемным) в качестве главного объяснительного средства раскрытия организации метакогнитивной сферы личности в информационной деятельности. Очень показательно, на наш взгляд, и то, что между понятиями метасистемного подхода и понятием метакогнитивной сферы существует не только семантическое, но и даже *этимологическое* родство. Оно, по-видимому, является следствием достаточно глубинных причин, и выявляет, по существу, принципиальное соответствие предмета исследования (метакогнитивной сферы) и его метода (понятого в широком смысле, то есть самого метасистемного подхода). В связи с этим, есть основания полагать также, что реализация именно этого подхода по отношению к ее изучению является не только правомерной в той же степени, как это уже было продемонстрировано его применением к целому ряду иных предметов, но и наиболее обоснованной, а по существу – и необходимой.

Таким образом, на основе сказанного можно сформулировать общее предположение, которое, на наш взгляд, необходимо подвергнуть приоритетному рассмотрению и которое носит двуединый характер. По-видимому, метакогнитивная сфера личности представляет собой систему со «встроенным» метасистемным уровнем и, более того, выступает одной из наиболее типичных разновидностей этого класса систем. Это означает, в свою очередь, что все основные и наиболее общие особенности и закономерности организации такого рода систем должны быть присущи и организации самой метакогнитивной сферы личности.

Именно это предположение должно составить предмет специального рассмотрения в ходе последующего анализа, что и будет осуществлено в главе 4. Однако прежде чем непосредственно обра-

тяться к его реализации, представляются целесообразным резюмировать основные итоги уже проведенного рассмотрения содержания и организации метакогнитивной сферы как регулятора профессиональной деятельности.

Так, прежде всего, он показал, что в качестве одной из наиболее общих и актуальных проблем современного метакогнитивизма, нерешенность которой в значительной степени сдерживает развитие представлений в данной области, является несистематизированность существующих взглядов относительно содержания и структуры его предмета. Они характеризуются ярко выраженной гетерогенностью и множественностью, неупорядоченностью и нередко противоречивостью; представляют собой в настоящее время не столько упорядоченную систему взглядов, сколько выступают как несистематизированная совокупность данных как более общего, так и более частного характера. В связи с этим, возникает объективно главная задача – задача систематизации представлений в данной области, их концептуального синтеза и, соответственно, выработки понятийных средств, позволяющих реализовать это.

Однако в настоящее время сложились необходимые и достаточные предпосылки для того, чтобы предложить такое понятийное средство, которое позволяет обобщить, упорядочить и систематизировать всю совокупность существующих представлений о предмете метакогнитивизма – понятие метакогнитивной сферы личности. Оно является наиболее обобщенным, поскольку включает в себя практически все известные сегодня проявления метакогнитивного плана, равно как и лежащие в их основе процессы и механизмы, а также структурные образования. Тем самым оно выступает и средством перехода от накопления данных, то есть от экстенсивного пути развития данного направления, к их систематизации и упорядочиванию, к осмыслению как «частей целого». Следовательно, оно является родовым понятием, по отношению к которому все иные понятия, содержащиеся в метакогнитивизме и составляющие в своей совокупности его тезаурус, выступают как видовые, то есть как его частные проявления, как его спецификации.

Важнейшей особенностью понятия метакогнитивной сферы личности является то, что оно носит подчеркнуто функциональный характер, и выступает поэтому столь же подчеркнуто операциональным (а не субстанциональным) по своей сути. Его содержание обра-

зовано многими важнейшими «составляющими» психики, взятыми, однако, в одной из их функций – в функции самопрезентации. Все эти образования, следовательно, включаются в него по специфически функциональному критерию, а сама метакогнитивная сфера поэтому и является, прежде всего, именно функциональным образованием. В свою очередь, определение предмета метакогнитивизма должно быть аналогичным по своему характеру – являться столь же операциональным (а не субстанциональным) по своей сути.

Наиболее глубинной причиной того, что большинство основных «составляющих» психики одновременно выступают и в качестве компонентов метакогнитивной сферы личности, является двойственность их собственного содержания, возможность их существования в двух формах, в двух статусах. Это означает, что они могут быть представлены и в форме активных операторов, и в форме относительно пассивных операндов. Следовательно, на основе всех указанных особенностей и закономерностей появляются необходимые аргументы для того, чтобы рассматривать понятие метакогнитивной сферы личности в качестве достаточно общего по смыслу и содержанию общепсихологического концепта.

Понятие метакогнитивной сферы личности является одновременно и очень значимым в плане раскрытия особенностей и закономерностей организации деятельности, прежде всего, – информационной. В наиболее общем и принципиальном плане это обстоятельство обусловлено тем, что данная сфера выполняет, прежде всего, собственно регулятивные функции и лежит в основе процессуального обеспечения высшего уровня организации деятельности – уровня ее произвольной, осознаваемой регуляции. В более конкретном, но одновременно и специфицированном для информационной деятельности плане это же обстоятельство обусловлено тем, что она является не просто когнитивно-насыщенной по содержанию, но и метакогнитивно-ориентированной по организации. В ней, следовательно, на первый план выходят средства и механизмы, обеспечивающие организацию самой когниции – переработки информации. Именно такими средствами как раз и являются средства метакогнитивного плана. В силу этого, понятие метакогнитивной сферы личности должно быть рассмотрено не только в качестве общепсихологического концепта, но и в качестве базового конструкта психологии информационной деятельности.

По своему содержанию и принципам организации метакогнитивная сфера личности обладает принципиальной двойственностью. С одной стороны, она обладает рядом основных особенностей и характеристик, присущих системным образованиям и, следовательно, может быть отнесена к их разряду. С другой стороны, она обладает и целым рядом новых – дополнительных и более сложных особенностей, не позволяющих рассматривать ее в качестве системы «классических», традиционных типов.

Большинство из существующих в настоящее время трудностей теоретического плана, равно как и несистематизированность взглядов о предмете метакогнитивизма, минимизируется в том случае, если проинтерпретировать метакогнитивную сферу личности с позиций метасистемного подхода. В этом плане может быть сформулирована общая гипотеза, которую необходимо положить в основу всего дальнейшего исследования, согласно которой метакогнитивная сфера личности представляет собой систему со «встроенным» метасистемным уровнем. Она, следовательно, должна быть раскрыта с позиций представлений, сложившихся при изучении таких систем.

Глава 4. Структурная организация метакогнитивной регуляции информационной деятельности

4.1. Постановка проблемы исследования

Как можно видеть из итогов предыдущей главы, в качестве первоочередной задачи дальнейшего рассмотрения должно выступить выявление закономерностей *структурной* организации метакогнитивной сферы личности в целом, а также тех ее специфических характеристик, которые она приобретает в условиях реализации информационной деятельности, в особенности. Представленные материалы необходимо использовать в качестве теоретико-методологической основы для решения этой основной задачи. Причем, ее решение должно осуществляться с обязательной ориентацией на то общетеоретическое предположение, которое и явилось одним из главных итогов проведенного анализа. Оно состоит в том, что, возможно, метакогнитивная сфера личности как регулятор деятельности принадлежит к качественно специфическому классу систем со «встроенным» метасистемным уровнем. Вместе с тем, все сформулированные в главе 3 положения с необходимостью носят достаточно *общий* – теоретико-методологический характер и поэтому нуждаются в их дальнейшей конкретизации и операционализации. Реализуя их, необходимо учитывать два основных обстоятельства. Во-первых, следует исходить из того, что их конкретизация должна основываться на принципе *целевого* назначения, то есть содействовать основным целям и задачам данной работы. Это означает, что спецификация сформулированных выше представлений о метакогнитивной сфере личности должна производиться с обязательным учетом ее деятельностного «измерения», то есть той роли и того своеобразия, которые она приобретает под воздействием особенностей самой информационной деятельности. Она должна быть подвергнута рассмотрению уже не в качестве общепсихологического понятия, а в качестве концепта психологии профессиональной деятельности. Во-вторых, такая конкретизация должна содействовать и тому, чтобы сделать эти представления более операционализированными, то есть позволяющими перейти от теоретического уровня к уровню реализации конкретных исследований.

При этом очень показательным, что переход от общепсихологических аспектов анализа данного понятия к его деятельностному аспекту с еще большей степенью очевидности подтверждает необходимость как в самом структурном плане исследования, так и в его дифференцированной трактовке. При этом, однако, необходимо учитывать два важных обстоятельства. Одно из них связано со спецификой структурного плана исследования как такового, а другое – со спецификой того предмета, на который он направлен в данном конкретном случае, то есть со своеобразием самой этой сферы. Так, с одной стороны, специфика структурного плана состоит, прежде всего, в том, что он, в силу своей сложности и комплексности, является достаточно дифференцированным и предполагает реализацию целого ряда исследовательских этапов²⁵. Кроме того, необходимо подчеркнуть, что главным из них является тот аспект изучения системы (и, соответственно, этап), который направлен на установление ее компонентного состава. В то же время, именно его реализация по отношению к исследованию метакогнитивной сферы сопряжена, пожалуй, с наибольшими трудностями, носящими принципиальный характер. В свою очередь, они обусловлены двумя основными группами причин.

Первая группа включает причины, обусловленные особенностями самой этой сферы, ее спецификой – как в аспекте содержания и состава, так и в аспекте ее организации, в том числе, и структурной (напомним, что все они уже были предметом анализа в параграфе 3.3.). Вторая группа причин связана с теми отношениями, которые существуют между ней и более общей целостностью (метасистемой), в которую она включена и онтологической «составляющей» которой она является – с самой психикой. Они также являются подчеркнутыми специфическими и носят очень сложный, а нередко и не вполне обычный с точки зрения традиционных представлений характер [99,

---

²⁵ Напомним, что основными из них выступают следующие этапы: 1. Определение наличия или отсутствия у системы самостоятельной цели как критерия ее дифференциации от среды. 2. Выделение системы из среды в качестве относительно самостоятельной на основе определенного критерия. 3. Установление компонентного состава системы на основе «критерия взаимосодейственности» (П. К. Анохин [10]), согласно которому компонентами системы считается все то, что, так или иначе, содействует достижению ее цели. 4. Собственно структурное изучение системы, то есть определение множества связей между компонентами, установленными на предыдущем этапе

112]. Напомним, что их главная особенность состоит в том, что отношения между системой и метасистемой носят во многом иной, а в ряде случаев – принципиально иной характер, нежели те, которые присущи отношениям между компонентами системы и самой системой и которые достаточно подробно раскрыты в традиционных вариантах методологии системного подхода. В частности, система, входящая в состав какой-либо более общей целостности (то есть метасистемы), в отличие от компонента, отнюдь не обязательно имеет соподчиненный ей характер; она не всегда выступает как ее локальная и более простая, чем она, «составляющая». В ряде случаев отношения между ними не только качественно трансформируются, но и могут даже инвертироваться: сама метасистема может функционально включаться в состав той или иной системы. Именно это и составляет суть механизма метасистемной *обратимости* [99].

В силу этого, прежде чем и для того, чтобы непосредственно перейти к рассмотрению комплекса вопросов, связанных с раскрытием особенностей и закономерностей структурной организации метакогнитивной сферы, необходимо попытаться определить и, по возможности, объяснить, что именно она представляет собой в целом. Необходимо понять, какова ее психологическая специфика, ее статус и общие принципы, лежащие в основе ее формирования и функционирования. Наконец, следует попытаться понять и объяснить также, какова специфика ее места и роли в общей организации психики, а также тех функциональных отношений, которые существуют между ними.

Подчеркнем также, что две эти задачи не только не являются независимыми, но, напротив, тесно взаимосвязаны и взаимопологают друг друга. Это обусловлено тем, что специфика содержания и организации данной сферы во многом как раз и определяется своеобразием ее отношений с той метасистемой, в которую она включена, то есть с психикой в целом. Кроме того, напомним также, что с решением именно этих задач связаны те – наиболее общие теоретические предположения, которые сформулированы в предыдущем параграфе и которые должны выступить в качестве основы дальнейшего рассмотрения. Во-первых, это наиболее общее положение, согласно которому метакогнитивная сфера личности не может быть адекватно и достаточно полно раскрыта с позиций традиционных вариантов системного подхода, поскольку принадлежит к особому, качественно специфическому классу систем со «встроенным» метасистемным

уровнем. Во-вторых, это положение, носящее, однако, пока в значительно большей степени характер предположения, согласно которому ее структурная организация базируется на уровневом принципе и, по-видимому, образована совокупностью ряда соподчиненных уровней, синтезированных в целостную иерархию, на вершине которой как раз и локализован метасистемный уровень.

Итак, на основе всего вышесказанного, главная и наиболее обшая задача дальнейшего анализа должна быть сформулирована следующим образом. Какова специфика содержания, состава и организации метакогнитивной сферы личности, а также ее отношений с более общей метасистемой, в которую она объективно включена, то есть с психикой в целом? Подчеркнем также, что она является чрезвычайно сложной и объемной, а в задачи дальнейшего анализа не входит, естественно, ее рассмотрение и тем более решение в целом. Он направлен лишь на то, чтобы, по возможности, приблизить такое решение, содействовать ему, а также способствовать операционализации представлений в данной области, что в дальнейшем позволит перейти от ее теоретического исследования к эмпирическому и натурному (деятельностному) исследованию.

4.2. Метасистемный уровень организации метакогнитивной сферы личности

При решении этой задачи необходимо, по нашему мнению, опираться на те результаты, которые были рассмотрены в главе 3 и которые раскрывают содержание наиболее обобщенного концепта, обоснованного в ней и служащего для фиксации предмета исследования – понятия метакогнитивной сферы личности. Одним из главных среди них явилось установление очень общей по содержанию и смыслу закономерности, точнее – тенденции. Она состоит в последовательном и все более выраженном расширении предметной области исследований в области метакогнитивизма, то есть, фактически, в тенденции к расширению границ его предмета. Начав развитие с очень узкого круга так называемых «рудиментарных» определений (метапамяти, метамышления и метапознания), он впоследствии стал включать все новые и новые образования метакогнитивного плана, а в своих современных вариантах – уже не только метакогнитивного, но и метарегулятивного, метакоммуникативного и т. п. планов.

Вместе с тем за этой – феноменологически представленной в очень явном виде тенденцией стоят причины более глубокого и принципиального порядка. Они связаны, в конечном счете, с тем, что очень многие, а не исключено, – и подавляющее большинство основных «составляющих» психики обладают одной очень общей и, по существу, фундаментальной особенностью. Она может по-разному обозначаться, в ней могут выделяться и фиксироваться в исследовательских целях те или иные ее стороны, но смысл ее остается неизменным. Данная особенность заключается в том, что подавляющее большинство основных «составляющих» психики может выступать в двух основных формах, в двух основных проявлениях и, соответственно, обретать два разных статуса. Причем, впервые это было установлено как раз на материале наиболее ранних предметов исследования – процессов метапамяти и метамышления. С одной стороны, это их исходная, «первичная» форма, заключающаяся в том, что каждая основная «составляющая» психики реализует ту функцию, на которую она, собственно говоря, направлена и для которой она предназначена. Однако, с другой стороны, это своего рода производная – «вторичная» форма, суть которой состоит в том, что основные «составляющие» психики могут реализовывать специфические для них «первичные» функции в отношении самих же себя. Тот потенциал и те функциональные (и иные возможности) которые заложены в них, могут «оборачиваться» на них же самих. Подчеркнем еще раз, что впервые и с наибольшей степенью очевидности это было установлено по отношению к когнитивным процессам, в результате чего, собственно говоря, и возник сам термин «метакогнитивные процессы». Затем, однако, эта же фундаментальная особенность была выявлена и по отношению ко многим иным также основным «составляющим» психики.

Действительно, одной из наиболее важных современных тенденций развития метакогнитивизма является переход от «узкой» трактовки процессов и иных образований, составляющих его предмет, к ее «широкой» трактовке. В его основе лежит осознание того фундаментального факта, что в качестве метакогнитивных образований могут выступать не только установленные на самых ранних этапах его развития метакогнитивные процессы, но и многие иные психические структуры и личностные образования и качества. Более того, фактически любой компонент, входящий в структуру психи-

ки, любая «составляющая» личности реально выступают в функции метакогнитивных детерминант поведения и деятельности. Но тогда и возникает принципиальный вопрос: в чем заключаются различия объемов и содержания понятий «психика» и «метакогнитивная сфера личности»? Как развести эти понятия и соответственно реальности, обозначаемые ими, если по своему составу они оказываются фактически эквивалентными или даже тождественными?

Другим очень важным в контексте рассматриваемых вопросов является общепризнанное положение о том, что многие психические явления и структуры, образования синтезируют в себе обе отмеченных выше формы, оба статуса. Они одновременно выступают и в своей исходной форме (то есть в статусе основных собственно психических образований) и в форме, точнее – в функции метакогнитивных факторов. Примеров этому очень много: так, скажем, метамыслительные процессы, реализуя свои специфические функции, вовсе «не отменяют» и не заменяют реализацию собственно мыслительных процессов (как «первичных») по отношению к ним самим. Напротив, они реализуются совместно с ними и, более того, могут вступать с ними, как показано в работах [97, 99, 101], в синергетические отношения. Вместе с тем очень существенно и то, что никакое из отмеченных образований не является чем-то одним – либо «просто» когнитивным, либо метакогнитивным образованием. Наоборот, подавляющее большинство психических структур и образований, явлений и процессов, качеств и свойств одновременно принадлежат и к тем, и другим, то есть к двум уровням психической организации одновременно.

В свою очередь, это означает, что практически все они обладают свойством, которое обычно обозначается понятием *функциональной обратимости* [113] и которое также исходно было уставлено опять-таки по отношению к когнитивным процессам, а затем было обнаружено и по отношению к иным «составляющим». Так, по отношению к психическим процессам в целом и к когнитивным процессам, в частности, он уже рассматривался выше. Один и тот же процесс (в частности, мышление) может выступать в двух основных модусах: не только в исходном (операторном), но и во вторичном (операндном). В последнем, фактически, каждый из основных «первичных» процессов удваивает свой исходный статус: он становится не только процессом как таковым, но и тем, на что он сам же и направляется,

в отношении чего реализует свой процессуальный потенциал²⁶. Однако, становясь операторами по отношению к самим себе, «первичные» процессы (в основном, когнитивные), качественно меняют свой исходный статус. Они выступают уже не операторами (как тем, чем познается), а становятся операндами (как тем, что познается, репрезентируется). Аналогичная картина имеет место, однако, и по отношению, например, к основным качествам личности, равно как и к ее базовым способностям (см. подробнее об этом в наших работах [115, 123]).

Далее, продолжая анализ соотношений метакогнитивной сферы личности, необходимо, на наш взгляд, обязательно обратить внимание на еще один важный момент. Дело в том, что в метакогнитивизме содержатся данные, позволяющие обнаружить не только сам факт встроенности психики (как метасистемы) в эту сферу (как систему), но и прояснить его некоторые механизмы. Как уже отмечалось выше, очень многие из личностных образований и структур, синтезированные в рамках метакогнитивной сферы и образующие ее состав, обладают общей фундаментальной особенностью. Она как раз и состоит в том, что все они имеют своего рода «двухкомпонентную структуру»: в них имеет место синтез собственно операционального и операндного их начал. Благодаря такой двойственности психологической природы, многие психические процессы, образования, структуры и пр. могут *одновременно* выступать и как принадлежащие метасистеме – психике, и как принадлежащие к метакогнитивной сфере. За счет этого механизма не только достигается возможность встраивания метасистемы (личности) в систему (метакогнитивную сферу), но и обеспечивается еще один, более глубокий и важный механизм – механизм взаимобратимого перевода этих структур, образований, качеств и пр. с одного уровня на другой (с метасистемного на системный, и наоборот).

Наряду с этим, важно иметь в виду, что обе эти формы – исходная и производная («первичная» и «вторичная») могут не только функционально чередоваться, но и *синхронизироваться*. Такой их синтез в гораздо большей степени раскрывает их действительное – более богатое,

---

²⁶ Как мы уже отмечали, на это важное обстоятельство указывал С. Л. Рубинштейн, отмечавший, что любой процесс – это не только то, *чем познается*, но и то, *что познается* [218]. Аналогичная мысль сформулирована и Л. М. Веккером, который подчеркивал, что любой психический процесс может быть представлен не только как активный оператор, но и как относительно пассивный операнд [39].

чем это полагалось прежде, содержание, а также реальную сложность и многомерность их организации. Эта сложность, в частности, как раз и состоит в том, что все основные «составляющие» психики характеризуются принципиальным двуединством их содержания и имеют, соответственно, своего рода «двухчленную» структуру. Они выступают и в качестве так сказать «просто» тех или иных компонентов психики, и в качестве ее метакомпонентов, то есть в форме различных по содержанию и направленности метаобразований. Природа последних состоит в том, что все они являются продуктами и результатами их «оборачивания» на самих же себя. Тем самым складывается следующая ситуация. С одной стороны, они сохраняют свой статус как основных «составляющих» психики и свой статус как базовых компонентов ее общего содержания. Однако, с другой стороны, они же выступают и в качестве компонентов собственно метакогнитивной сферы личности. Вместе с тем, сама она является, как было показано выше и как это полагается аксиоматичным, пусть и очень специфической, но все же «составляющей» психики в целом. Это же положение можно представить и в несколько иной формулировке. Практически все основные «составляющие» психики в целом как исходной и наиболее общей целостности (то есть метасистемы) одновременно являются и базовыми компонентами самой метакогнитивной сферы личности. Причем, наиболее важно то, что сама эта сфера как раз и формируется, а затем и функционирует не в качестве какого-то особого и отдельного – рядоположенного всем иным образованиям психики. Она складывается на основе того, что все уже представленные в ней «составляющие» могут проявлять себя в определенной функции – в функции средств самопрезентации и саморегуляции, то есть в «самонаправленной» форме. Тем самым, все основные «составляющие» психики обнаруживают свою одновременную принадлежность и к метасистеме, и к одной из входящих в нее систем – к метакогнитивной сфере личности.

Однако, не менее важно, что состав и содержание самой метакогнитивной сферы – именно по той причине, которая была констатирована выше, как раз и формируется за счет способности многих или даже все основных «составляющих» психики выступать в двух охарактеризованных выше формах. Следовательно, метакогнитивная сфера, вообще конституируется на основе этой двойственности их форм, а также механизма их функциональной обратимости. Тем самым, однако, складывается ситуация, при которой основные «состав-

ляющие» психики, будучи онтологически представлены первично и существуя «сами по себе», одновременно функционально включаются и в состав самой метакогнитивной сферы личности. Она, в свою очередь, выступает продуктом и результатом такого функционального включения, то есть своеобразного «встраивания» метасистемы психики в нее как в систему. Кроме того, это означает, что все они синтезируются в нее как в некоторую качественно определенную целостность именно по функциональному критерию – на основании того, что все они обладают общей и очень важной функцией саморепрезентации, самонаправленности. Реализуя ее, они тем самым и входят в состав метакогнитивной сферы; фактически образуют этот состав. Итак, можно видеть, что имеет место та же самая ситуация и действуют те же самые механизмы, которые присущи всем системам со «встроенным» метасистемным уровнем и которые описаны в предыдущей главе.

Следовательно, метакогнитивная сфера личности с высокой степенью отчетливости и очевидности демонстрирует свою принадлежность к этому классу, то есть, действительно, является системой со «встроенным» метасистемным уровнем. Это означает, что та – онтологически существующая и объективно представленная целостность, то есть психика в целом (как метасистема по отношению к ней), функционально включается в ее состав (как в одну из ее «составляющих» – в одну из входящих в нее систем). Она «встраивается» в него и тем самым, фактически, его же и конституирует. Констатируя эту – наиболее общую особенность, необходимо подчеркнуть, что она, в свою очередь, становится возможной на основе аналогичного по значимости, то есть также очень важного и, по существу, фундаментального атрибута, присущего многим основным «составляющим» психики. Это, как уже отмечалось выше, свойство их функциональной обратимости – их способности к транспонированию на самих себя, то есть, фактически, к саморепрезентации.

Все сказанное означает, что по отношению к исследованию метакогнитивной сферы, действительно, должен быть реализован подход, согласно которому она трактуется в качестве системы со «встроенным» метасистемным уровнем. Таким методологическим подходом является, как же отмечалось выше, метасистемный подход, а его реализация позволяет естественным образом преодолеть ряд теоретических трудностей, сформулированных в настоящее время. Кроме того, с этих позиций многие особенности и закономерности этой сферы, кажущихся с точ-

ки зрения традиционных представлений непонятыми и даже «странными», предстают как вполне естественные. На данном положении необходимо становится более подробно, поскольку оно демонстрирует, каким образом и как конкретно вывод о принадлежности данной сферы к такого рода системам, действительно, может выступать в качестве реального объяснительного средства. Основными в этом плане, по нашему мнению, являются следующие положения теоретического плана.

Возникновение «встроенного» метасистемного уровня означает не только появление в структуре целого (психики) «еще одного» – пусть даже и высшего, важнейшего уровня. Дело еще и в том, что данный уровень атрибутивно связан с новым принципом функциональной организации психики (и даже базируется на нем). Он состоит в том, что именно благодаря метасистемному уровню – как уровню, одновременно локализованному и внутри системы, и вне ее, – система обретает принципиально новую способность. Ее сущность заключается в том, что становится возможным делать саму себя в целом объектом своего же собственного воздействия. Становится возможным управление своей собственной организацией (посредством своеобразного выхода на этот – внешний по отношению к ней уровень). Все эти особенности позволили сформулировать представления о метасистемном принципе функциональной организации психики [99, 111]. Он сопряжен с включением в ее структуру метасистемного уровня и, более того, является его основой. Следует иметь в виду, что сам статус понятия «принцип» предполагает очень общий характер его действия и множественность сфер существования. Следовательно, есть основания считать, что он характеризует собой не только отношения метасистемного уровня с иными уровнями организации психики в целом, но и пронизывает собой многие другие – также важные, хотя и более частные аспекты ее организации. Одним из них, по нашему мнению, является организация метакогнитивной сферы личности, которая выступает типичной разновидностью систем со встроенным метасистемным уровнем. Очень важно и то, что именно такая ее трактовка позволяет не только преодолеть сформулированные выше теоретические трудности, но и решить вопрос о психологическом статусе и своеобразии метакогнитивной сферы личности как системы.

Так, она создает адекватные предпосылки для выявления и интерпретации базовой категории закономерностей ее организации – структурных. В этом плане необходимо основываться на том, что

метасистемный уровень не только может, но для определенного класса систем и должен быть включен в их состав, точнее в их общую структурно-уровневую организацию. Тем самым создаются необходимые и достаточные возможности для обобщенного решения проблемы структурно-уровневой организации систем в широком диапазоне различий их собственных характеристик.

Как известно, основной трудностью на пути решения данной проблемы является несформулированность четких и обоснованных представлений о критерии-дискриминаторе уровней организации систем. Им является такой критерий, который позволяет дифференцировать (выделить и различить, то есть именно распознать) в исходной целостности базовые уровни ее структурной организации. Наряду с ним, существуют и критерии иного типа, которые обозначаются как критерии-верификаторы [99, 101]. Они направлены на то, чтобы обосновать, то есть именно верифицировать существование качественных различий между уровнями, устанавливаемыми посредством критерия-дискриминатора. При этом следует обязательно иметь в виду, что общая система критериев уровневой дифференциации принципиально множественна, то есть предполагает существование глубоких различий между уровнями одновременно по нескольким основным параметрам [146, 245]. Вместе с тем, такая множественность критериев, конечно, не исключает, а наоборот предполагает наличие наиболее общего, базового параметра, выступающего главным основанием для их определения (критерия-дискриминатора), а его сущность была раскрыта в параграфе 2.4²⁷.

---

²⁷ Напомним, что согласно данному критерию ему, в структуре сложного целого необходимо дифференцировать следующие уровни. Во-первых, уровень целостности, на котором явление, процесс представлены во всей полноте состава, структуры и качественных характеристик. Это – общесистемный уровень. Во-вторых, уровень отдельных подсистем, включенных в сложное целое, формирующихся для обеспечения различных ее функциональных проявлений («функциональные органы» системы) и имеющих собственное достаточно сложное строение. Это – субсистемный уровень. Он принципиально гетерогенен, поскольку предполагает множество различных по сложности частных декомпозиций системы. В-третьих, уровень структурных компонентов как базовых единиц целого. Наряду с этим, следует учитывать, что в психологии (в силу предельной сложности предмета изучения) он специфичен и дифференцируется на два качественно специфических по своим характеристикам уровня – собственно компонентный и элементный. Под компонентом понимается такое простейшее образование, которое еще обладает качественной

На основе этого становится понятной тесная взаимосвязь и взаимоопосредствованность двух аспектов исследования метакогнитивной сферы – метасистемного и структурного, а также то, что они представляют, по существу, единое целое. Эта связь с особой рельефностью выявляется именно с позиций сформулированных выше представлений, а ее сущность состоит в следующем. Как следует из содержания метасистемного подхода, существует такой качественно специфический класс систем, высший уровень организации которых образован функциональным включением в них той метасистемы, в которую они сами реально, то есть онтологически входят. Он и обозначается понятием систем со «встроенным» метасистемным уровнем, а иерархически высший уровень их организации образован итоговыми эффектами такого функционального включения, «встраивания». Согласно развитым выше представлениям, метакогнитивная сфера личности как раз и является одной из такого рода систем. В силу этого, для выявления и объяснения ее организации – прежде всего, структурной, необходимо, в первую очередь, более детально и глубоко проанализировать особенности и закономерности, обусловленные именно ее метасистемной природой. Следовательно, для ее раскрытия, необходимо реализовать, прежде всего, структурный план исследования. Таким образом, структурный анализ является одновременно и аспектом реализации метасистемного плана исследования.

Конструктивность сформулированных положений проявляется в ряде взаимосвязанных аспектов. Так, становится совершенно понятным и естественным то – исходное и наиболее общее положение, которое многократно зафиксировано эмпирически и отражает суть

специфичностью целого. Под элементами понимаются те структурные составляющие, из которых образованы компоненты, но которые уже утрачивают качественную определенность целого (хотя и являются его онтологически необходимыми составляющими). Наконец, необходимо учитывать и то, что любая сложная целостность сама выступает как составляющая еще более широкой и общей метасистемы. В составе последней то или иное явление (процесс) вообще только и может существовать не как абстракция, а как онтологическое образование; приобретает свое конкретное – «внутрисистемное» бытие» [146]. Пять указанных уровней (элементный, компонентный, подсистемный, системный, метасистемный) носят, таким образом, общий характер и именно на них целостность обладает наиболее различающимися качественными «измерениями». Все это позволяет рассматривать совокупность пяти указанных уровней в качестве общего основания для дифференциации уровней в структурной организации систем.

современных представлений, сложившихся в метакогнитивизме. Это положение, согласно которому метакогнитивная сфера личности характеризуется очень высокой степенью *гетерогенности* ее компонентов, а также их большой множественностью. С позиций сформулированных выше представлений становится очевидным, что иначе дело просто не может обстоять, поскольку сам этот состав – как в аспекте его широты, так и в плане его разнообразия как раз и формируется посредством функционального включения в него столь же многочисленных и столь же гетерогенных «составляющих» психики в целом. Собственно говоря, именно поэтому и возникает необходимость в самом базовом конструкте – в понятии метакогнитивной сферы личности. Это такое концептуальное средство, которое являясь в известном смысле собирательным и позволяющим синтезировать в себе крайне разнородные и столь же множественные «составляющие», фиксирует, однако, их важнейший общий признак. Таким признаком является их «вторичный» характер по отношению к самим основным «составляющим» психики, на базе которых они и формируются посредством механизма функциональной обратимости.

Далее – причем, в значительной мере на основе учета предыдущей черты становится понятным и естественным сходство и даже подобие многих определяющих особенностей метакогнитивной сферы личности с основными характеристиками так называемых *неклассических* типов систем, которое также было констатировано выше. Речь идет, прежде всего, о сходстве данной сферы с распределенными, производными, вторичными, наложенными, популяционными системами. Все они обладают рядом специфических характеристик, принципиально отличающих их от тех, которые традиционно изучаются в теории систем и которые объединяются одним общим признаком – последние, как правило, носят субстанциональный, морфологический характер. Кроме того, они характеризуются относительно инвариантным составом своих базовых компонентов, то есть являются так называемыми «системами с постоянным составом [178]. Однако системы неклассических типов в целом и метакогнитивная сфера личности как одна из них имеют принципиально иную и даже в чем-то противоположную особенность. Причем, она является настолько важной для самой их сути, что должна рассматриваться в качестве их атрибута. Данная особенность состоит в том, что они носят принципиально «вторичный», производный характер и, следовательно-

но, определяются как в аспекте состава, так и в плане организации иными – «первичными» системами, а также входящими в них «составляющими».

Следовательно, они принадлежат к системам с переменным составом, который изменяется – трансформируется и развивается вслед за развитием тех «первичных» систем, на основе которых они реализуются. Сама же метакогнитивная сфера личности предстает с этих позиций уже не как морфологическая структура, а как закономерный функциональный синтез всех психических образований, которые выполняют функцию самопрезентации и саморегуляции. Двумя важнейшими следствиями из такой трактовки, к анализу которых мы также возвратимся далее, являются следующие положения. Во-первых, метакогнитивную сферу личности целесообразно рассматривать не как парциальную (хотя и обширную по составу) структуру, а как *интегральную* структуру, в состав которой входят образования, локализованные во многих иных, очень разных структурах и уровнях психической организации. Во-вторых, метакогнитивная сфера личности – это система с принципиально *вариативным* содержанием. Функциональный принцип объединения допускает попеременное и временное представительство в ней различных когнитивных и личностных образований и структур.

Столь же очевидным образом объясняются и другие черты – «вездесущность», распределенность и наложенность как важнейшие особенности метакогнитивной сферы. Их сущность состоит в том, что она в принципе не может быть понята в качестве какой-либо локальной и подчеркнута ограниченной по своему объему «составляющей» – подсистемы психики. Она, напротив, именно распределена практически по всему ее содержанию и сопряжена со всеми ее основными «составляющими». К этим – важнейшим особенностям метакогнитивной сферы мы возвратимся в ходе последующего анализа. Дело в том, что именно они заставляют переосмыслить традиционные представления, сложившиеся в системном подходе относительно специфики соотношения целого и его частей (в данном случае психики и одной из ее составляющих – метакогнитивной сферы). Они негласно, но автоматически предполагают, что «целое всегда сложнее своих частей»; что оно «состоит из них» и поэтому выступает более совершенным и сложным, нежели они.

Далее, благодаря такой организации, система (метакогнитивная сфера) обретает возможность использовать метасистему (психику) в качестве средства собственного функционирования. Очевидно, что

при этом резко расширяются практически все возможности самой метакогнитивной сферы, повышается ее общеадаптационный потенциал; она, кроме того, приобретает и характер личностной опосредованности. Как мы уже отмечали выше, она начинает включать в себя все те «составляющие» психики, которые функционально могут выступать побудителями и регуляторами поведения и деятельности. Благодаря существованию отношений встраивания оказывается возможным базовый механизм возникновения и формирования все новых метакогнитивных образований. Это происходит как раз за счет того, что исходно не-метакогнитивные структуры и качества имеют тенденцию к перманентному переходу в их «вторичный», то есть метакогнитивный статус. Тем самым они начинают проявлять себя именно в функции «составляющих» метакогнитивной сферы.

Благодаря тому, что эта сфера является системой со встроенным метасистемным уровнем, в ее содержании оказывается представленной сама эта метасистема (хотя еще раз подчеркнем, лишь в определенном аспекте, в определенной форме и функции). Поэтому и метакогнитивная сфера начинает структурироваться подобно тому, как организована психика в целом – как многомерное, уровневое, иерархическое образование. Фактически, метакогнитивная сфера повторяет в своем строении особенности ее структурно-уровневой организации. Она выступает с этих позиций как однопорядковая с ней и по сложности, и по принципам структурно-уровневой организации, и по закономерностям функциональной динамики.

Все эти следствия вытекают из того, что метакогнитивная сфера как качественно специфическая система обладает способностью ассимилировать потенциал метасистемы (психики в целом), в которую она онтологически включена. Она в значительной мере и есть результат и продукт такой ассимиляции. Чем в большей степени реализована такая ассимиляция, то есть чем в большей степени метакогнитивная сфера «вбирает» в себя потенциал психики, тем богаче и она сама. Другими словами, чем в большей степени метасистема встраивается в систему, тем обе они становятся более эффективными, тем в большей степени они оказываются в состоянии использовать потенциал друг друга при реализации своих функций. С этих позиций становится очевидной ограниченность сферы действия одной из «аксиом» классического системного подхода. Согласно ей, полагается, что, чем более та или иная система является *самостоятельной* по отношению

к иным системам и метасистемам, самодостаточной, тем она эффективнее, совершеннее и развитей. В свете изложенного можно считать, что для определенного класса систем все обстоит как раз наоборот. Чем в большей степени какая-либо система воплощает в себе черты метасистемы и чем в большей степени она детерминируется ею (и содержательно, и структурно, и динамически), тем бóльшим потенциалом она обладает, тем более развитой и эффективной она является.

Далее, как было показано выше, специфика собственно информационной деятельности, реализуемой на основе компьютерной техники, состоит в том, что она, фактически, трансформируется в систему собственно когнитивной активности. В связи с этим, специфическую роль приобретает особая категория ее детерминант, которая широко исследуется в настоящее время и которая подробно рассмотрена выше. Это – категория так называемых метакомпетенций. Напомним, что в их качестве выступают такие личностные и субъектные свойства, которые не связаны непосредственно с содержанием деятельности, но которые оказывают сильное влияние на ее процессуальные характеристики и результативные параметры. В свете изложенного можно видеть, что они, фактически, трансформируются в статус регуляторов самой деятельности как подчеркнуто когнитивной, а тем самым начинают выступать в качестве ее метакогнитивных регуляторов. Метакомпетенции начинают выступать в функции собственно метакогнитивных регуляторов, поскольку они направлены на такую деятельность (информационную), которая атрибутивно когнитивна. В силу этого, вся совокупность метакомпетенций, должна быть рассмотрена в функции метакогнитивных регуляторов данной деятельности, то есть в качестве важной категории «составляющих» всей метакогнитивной сферы как регулятора информационной деятельности. То, что обозначается понятием метакомпетенций, трансформируется в метакогницию. Причем, по совершенно очевидным причинам, связанным с их метакомпетентностным статусом и природой, все они локализируются именно на метасистемном уровне организации этой сферы. Поэтому содержание и специфика метасистемного уровня ее организации во многом состоит в том, что он образован именно этими деятельностными метакомпетенциями, точнее – их организацией.

Наконец, следует обязательно учитывать, что метасистемный уровень организации является не только иерархически высшим, но и принципиально *открытым* [28, 178]. Это означает, что именно

через него та или иная система взаимодействует с иными системами и развивается в таком взаимодействии. Метасистемный уровень с этих позиций представляет собой своеобразное активное начало в плане механизмов генезиса новых, образований и структур метакогнитивного плана. Следовательно, именно синтез двух механизмов – механизма открытости метасистемного уровня и механизма его встраивания в метакогнитивную сферу позволяет обеспечить возникновение и формирование все новых и новых образований метакогнитивного плана.

Таким образом, проведенный анализ свидетельствует о наличии отчетливо выраженной и пока раскрытой далеко не в полной мере специфики организации метакогнитивной сферы как системы, а также о специфике ее отношений с метасистемой – психикой. По нашему мнению, установлению этой специфики как раз и могут способствовать те представления о своеобразии систем со встроенным метасистемным уровнем, которые сложились к настоящему времени в методологии системного подхода и которые были рассмотрены выше. Мы считаем, что метакогнитивную сферу необходимо рассматривать не как систему классического типа, а как систему со встроенным метасистемным уровнем. Это означает, что в нее встроены, по сути, все основные «составляющие» психики: последняя как метасистема функционально воспроизводится в метакогнитивной сфере, а она тем самым ассимилирует потенциал психики в целом. Не переставая быть частью метасистемы в онтологическом смысле, метакогнитивная сфера очень специфична по своему статусу в ней: функционально она является однопорядковой со всем целым (то есть с самой психикой), а в известном смысле и подчиняет ее себе, поскольку оказывает на нее определяющие регулятивные воздействия. Вся совокупность этих воздействий составляет содержание произвольной регуляции деятельности.

4.3. Общесистемный уровень организации метакогнитивной сферы личности

Проведенный в предыдущем параграфе анализ, наряду с тем, что он позволил дифференцировать особый – качественное специфический уровень организации метакогнитивной сферы, привел и к формулировке еще одного значимого вопроса и, более того, предоставил определенные основания для ответа на него. Его сущность состоит в следующем. Если, действительно, метакогнитивная сфера

личности представляет собой столь сложное и многокомпонентное образование, характеризующееся множественностью и гетерогенностью состава и содержания, то как оно должно быть осмыслено именно в целом? Либо это агрегативная совокупность функционально сходных структур и процессов? Либо же это образование, характеризующееся чертами *интегативности* и, следовательно, системности организации, то есть принадлежащее к классу собственно системных объектов? Другими словами, может ли быть вообще на нее распространена категория системы?

Данный вопрос, в силу его наибольшей сложности, требует в целом – в его полном объеме также многоаспектного рассмотрения и обоснования, попытка чего будет осуществлена ниже. Прежде, однако, отметим такой его аспект, который является определяющим и, вообще, нередко рассматривается в качестве объективного основания для дифференциации тех или иных систем и правомерности их отнесения к классу собственно системных образований. Речь идет, естественно, о понятии *системообразующего* фактора. Как известно из методологии системного подхода, в его качестве рассматривается *цель* функционирования той или иной системы. В свою очередь, она может реализовывать эту важнейшую для формирования и функционирования системы роль посредством вполне определенного механизма. Он состоит в том, что все компоненты и иные «составляющие» формирующейся целостности переводятся в специфический режим – в режим *взаимодействия* ее достижению [10]. Вместе с тем, именно такой – очень общий и вполне очевидный системообразующий фактор как раз и обнаруживается по отношению к метакогнитивной сфере. Действительно, как показано выше, основным признаком всех образований метакогнитивного плана и, следовательно, *критерием* их отнесения к ней является общность их функциональной направленности. Она состоит в том, что все они направлены на организацию и регуляцию не внешне-ориентированной активности, а на организацию и регуляцию тех процессов и структур, которые сами ее, но уже непосредственно, и обеспечивают. Они имеют противоположный ко всем «первичным» составляющим психики характер – не внешне-, а внутренне-ориентированный. Они обеспечивают не организацию и регуляцию активности, а «организацию самой этой организации». Все они, следовательно, объединяясь по специфически функциональному критерию, образуют в итоге аналогичную по природе систему –

систему именно функционального (а не субстанционального) типа. Причем, очень показательны, а в плане обоснования системного статуса метакогнитивной сферы – и доказательно, что такое функциональное объединение происходит на основе вполне определенного и четкого критерия, – системообразующего фактора, также носящего функциональный характер.

Действительно, одним из основных положений метакогнитивизма в целом и наиболее современного подхода, сложившегося в его рамках, – *ресурсного* является следующий тезис. Метакогнитивные процессы, равно как и все иные функционально сходные с ними образования, трактуются в качестве важных операционных средств, направленных на расширение функциональных возможностей личности и на повышение общего потенциала – субъектного ресурса личности в целом, а также ее ментальных характеристик, в особенности [113, 260, 301, 316]. Следовательно, все они направлены на достижение одной и той же цели, состоящей в максимизации ресурсных возможностей субъекта и его когнитивного потенциала, в увеличении его ментальных ресурсов. Такой прирост возможностей как раз и выступает следствием тех – основных и наиболее специфических для всех метакогнитивных образований эффектов, которые составляют самую их суть – эффектов и механизмов интегративного, синергетического типа. Они и приводят к «выходу» за пределы наличного когнитивного потенциала, позволяя расширить ресурсные возможности субъекта. Однако именно наличие общей цели, как отмечалось, и рассматривается в системном подходе в качестве главного и объективного системообразующего фактора. Он не только определяет компонентный состав системы – ее содержание, но и придает всем частям системы организованность посредством перевода их функционирования в режим взаимодействия в плане достижения цели. Именно так, по-видимому, и обстоит дело в плане организации метакогнитивной сферы личности: в нее включается все то, что так или иначе, прямо или косвенно может содействовать обеспечению именно этой цели, состоящей в максимизации когнитивного и иного потенциала субъекта.

Кроме того, важно учитывать, что функциональное объединение компонентов под системообразующим влиянием общей цели имеет и еще одно необходимое следствие, приводит к еще одному – также известному эффекту. Он состоит в том, что между компонентами устанавливаются закономерные отношения, причем, вполне опреде-

ленного смысла и функционального предназначения. Это – известные в теории систем отношения *синергетического* типа, которые являются наиболее характерными для интегративных целостностей (в отличие от агрегативных) [178]. Следовательно, на основании этого, появляются веские аргументы рассматривать метакогнитивную сферу личности в качестве такого образования, в котором, действительно, воплощены базовые атрибуты системной формы организации. Они и позволяют считать ее системой в непосредственном смысле данного понятия.

Вместе с тем, именно с этим выводом связано еще одно положение, учет которого, пожалуй, наиболее важен в плане раскрытия действительных отношений между психикой в целом (как метасистемой по отношению к данной сфере) и самой этой сферой. Действительно, вскрывая не только очень сложный, но именно системно-организованный ее характер, оно показывает некорректность и даже недопустимость переноса на эти отношения тех – традиционно сложившихся представлений, которые используются для понимания и объяснения соотношений «целого и его частей» и которые сводят их к отношениям системы и ее компонентов. В самом деле, как было показано выше, метакогнитивную сферу – именно в силу ее базовых атрибутов (с одной стороны, ее распределенности, «производности», а с другой, – и не менее характерной для нее организованности и целостности) неправомерно трактовать в качестве *локального* компонента той или иной целостности. Напротив, она допускает свое достаточно полное выявление и представление, а затем и объяснение только с позиций ее понимания в качестве достаточно сложного, собственно системного образования. Однако именно отсюда и следует вывод, имеющий наиболее принципиальное значение для адекватной интерпретации этой сферы. Отношения между ней и психикой в целом в принципе не могут быть описаны и объяснены как отношения системы и ее компонента, поскольку представляют собой отношения принципиально иного типа – отношения метасистемы и системы. В связи с этим, подчеркнем, что, как уже отмечалось, в методологии метасистемного подхода раскрыты многочисленные и очень глубокие – именно качественные отличия отношений такого рода от тех, которые характерны для отношений системы и ее компонентов.

Одним из главных отличий такого плана и, соответственно, принципиально новой особенностью организации самих систем как раз и является возникновение особого их класса, охарактеризованного

выше. Это – класс систем со «встроенным» метасистемным уровнем. Действительно, те образования, которые характеризуются очень сложным собственным содержанием и организацией, то есть являющиеся не компонентами, а именно системами, характеризуются и несопоставимо большими, чем они, возможностями и ресурсами. Такая их сложность создает основу для того, чтобы они могли вступать в совершенно новые и иногда не совсем обычные отношения с теми системами более общего плана, в которые они сами реально включены и онтологическими частями которых они выступают (то есть с метасистемами). Сущность этих отношений, как раз и состоит в том, что не только система встраивается в метасистему, но и наоборот: метасистема включается в систему. Правда, происходит это лишь в функциональном плане, но, конечно, не морфологически.

Далее, еще одной – также очень важной и крайне специфической особенностью данного класса систем, которая, впрочем, во многом обусловлена предыдущей особенностью и отмечалась выше, является и следующая закономерность их организации. Они обладают уникальной способностью использовать в целях организации собственного функционирования потенциал той метасистемы, в состав которой они сами объективно, то есть онтологически включены. Это – возможность так сказать «эксплуатировать» потенциал самой метасистемы, который является несопоставимо большим, нежели собственный потенциал любой из ее подсистем [111, 114]. Очевидно, однако, что при этом резко расширяются практически все возможности самой системы, повышается ее общеадапционный потенциал. Однако именно это и имеет место по отношению к организации метакогнитивной сферы личности, рельефно и систематически обнаруживается эмпирически и даже дано феноменологически. Самой сутью всех метакогнитивных образований является именно то, что они основываются практически на всем когнитивном и ином (прежде всего, регулятивном) потенциале психики. В их качестве может выступать любая сущность, первично входящая в состав психики в целом, но могущая при определенных условиях реализовывать и метакогнитивные функции. Более того, по отношению к их реализации может быть применен и потенциал всех не-метакогнитивных образований. Так, в этой функции выступают и собственно регулятивные процессы психики (например, планирование, принятие решения, контроль и др.), поскольку заложенный в них мощный

«организационный потенциал» также может использоваться в качестве действенного операционного средства собственно метакогнитивного плана. Являясь, действительно, эффективной и выигрышной во многих отношениях, эта особенность, однако, выступает очень существенным фактором, затрудняющим определение границ метакогнитивной сферы. Соответственно, она является и трудностью ее «отграничения» от всех иных предметов психологического изучения, а в конечном итоге – и наиболее принципиальной трудностью определения самого предмета метакогнитивизма.

Вместе с тем, нельзя не отметить, что, наряду с отмеченной выше, имеет место и своего рода противоположная по генезису, но принципиально сходная по функциональному смыслу особенность их соотношений. Метасистема (в данном случае – психика), с одной стороны, порождает внутри себя вполне определенную в функциональном отношении систему (в данном случае – метакогнитивную сферу). За счет того и на основе этого возникают качественно новые свойства, возникают принципиально новые средства и механизмы ее функционирования. По отношению ко всем образованиям метакогнитивного плана и по отношению к этой сфере в целом в их качестве как раз и выступает, прежде всего, сам атрибут самопрезентированности, а в более общем плане – и свойства осознаваемости, произвольности, возможности субъектного контроля и пр. Однако именно они затем активно «эксплуатируются» самой метасистемой – они транспонируются на нее и, более того, составляют содержание высшего уровня ее организации – осознаваемого, произвольного (а во многом – и образуют, порождают его). Складывается ситуация, при которой посредством формирования внутри себя определенной системы (метакогнитивной сферы) психика порождает качественно новые особенности и закономерности. Она, однако, затем и использует их же в плане своей организации в целом; сами они, следовательно, становятся уже не только особенностями какой-либо локальной ее системы, но и особенностями, присущими ей в целом. Другими словами, не только система «эксплуатирует» метасистему, но и последняя также в известном смысле «эксплуатирует» первую – точнее, использует достигаемые посредством ее функционирования результаты.

Констатируя это, важно отметить, что одним из главных и наиболее специфических атрибутов всех образований метакогнитивного плана и, следовательно, всей метакогнитивной сферы является

ся принципиально осознаваемый характер. Это означает, что в них и *через* них вообще возникает и само свойство осознаваемости, и сам феномен сознания. Однако, столь же известно, что важнейшей гранью данного свойства является неразрывно связанный с ним атрибут трансцендентности. Он, наряду с иными его чертами, характеризуется еще и тем, что означает постоянный «выход за наличное»; преодоление того содержания, которое было представлено в функционировании исходно, постоянное порождение нового. Однако, сам этот атрибут – причем, со столь же объективной необходимостью приводит к постоянному внесению неопределенности и неупорядоченности в функционировании систем. Точно так же и все метакогнитивные образования, наряду с тем, что они содействуют организации функционирования, имеют и обратную сторону. Они постоянно приводят к тому, что обычно обозначается как «выход за наличное», то есть к преодолению уже имеющегося содержания. Данное положение многократно зафиксировано и подробно изучено в целом ряде психологических исследований. Оно имеет такие важные проявления, как, скажем, феномен надситуативной активности [199], механизм «психического гетеростаза» [117] и др. Тем самым, функционирование метакогнитивной сферы атрибутивно сопряжено и с внесением постоянной дезорганизации, элементов неупорядоченности – хаотичности в сам процесс функционирования, а в итоге – с порождением своего рода асистемности. Данное явление также достаточно полно раскрыто в методологии метасистемного подхода и составляет важную грань функционирования систем. В частности, показано, что это – особый вид асистемности, обозначаемый как *продуктивная* асистемность [112, 120]. Он состоит в том, что наиболее сложноорганизованные системы и, в частности, системы со «встроенным» метасистемным уровнем обладают механизмом продуцирования противоречий, возникающих в ходе развития и их последующего преодоления в качестве средства своего развития.

Таким образом, можно видеть, что все эти, а также ряд иных особенностей и закономерностей, свойственных отношениям именно метасистемы и системы (а не системы и компонентов), действительно, являются очень характерными для соотношения метакогнитивной сферы личности и психики в целом. И именно их наличие, равно как и те – также важные следствия, которые вытекают из них в плане объяснения ее природы, одновременно должны быть поня-

ты и как аргументы в пользу обоснования сформулированного выше положения о принадлежности данной сферы к классу систем со «встроенным» метасистемным уровнем.

Наряду с этим, развитая выше трактовка метакогнитивной сферы личности позволяет сделать еще ряд дополнительных следствий, также содействующих ее более полному раскрытию и лучшему пониманию. Действительно, как было показано в ходе проведенного анализа, наиболее адекватный подход к пониманию метакогнитивных образований состоит в том, что подавляющее большинство всех основных «составляющих» психики в целом может выступать именно в функции такого рода образований. Следовательно, в результате этого сама метасистема (то есть психика) оказывается специфическим образом включенной, как бы встроенной в одну из входящих в нее систем (в метакогнитивную сферу). Тем самым между метасистемой (психикой) и системой (этой сферой) складываются не совсем обычные и не вполне традиционные с точки зрения классического системного подхода отношения: не система включается в метасистему, а, наоборот, метасистема – в систему. Еще сложнее эта ситуация предстает в том случае, если учесть, что при этом сохраняются и «нормальные», классические отношения между ними (то есть метакогнитивная сфера не перестает быть частью личности).

Другая особенность, связанная с предыдущей и также вскрывающая определенные ограничения объяснительных средств классического системного подхода, состоит в следующем. Метакогнитивная сфера личности, объективно выступая лишь определенным аспектом, частью психики в целом, а потому – некоторой системой, включенной в более общую и мощную метасистему, является поэтому лишь одним из соподчиненных уровней ее организации; однако в то же время она оказывается в состоянии управлять всей этой метасистемой. Несколько схематизируя ситуацию, можно заключить, что часть управляет целым; она становится в определенном смысле «важнее», чем целое. Не метасистема определяет функционирование и организацию системы, а, наоборот, система регулирует и детерминирует структурно-функциональную организацию и процессуальные проявления метасистемы. Несомненным и очень общим, а потому – и крайне важным феноменологическим референтом этого выступает то, что высшим уровнем организации функционирования психики является тот уровень, содержание которого во многом

образовано именно метакогнитивными процессами и структурами. Это – уровень осознаваемой регуляции, уровень сознания как такового, отдельными – парциальными компонентами которого как раз и выступают основные метакогнитивные процессы и структуры.

Сказанное свидетельствует о том, что для определения закономерностей взаимосвязи метакогнитивной сферы личности как системы с самой психикой как метасистемой по отношению к ней, по-видимому, недостаточно тех средств, которые сложились в традиционных вариантах системного подхода. В связи с этим, следует обратить внимание и на то, что в целом общую ситуацию, связанную с применением системной методологии по отношению к изучению метакогнитивной сферы нельзя считать удовлетворительной – причем, не только в плане слабого внимания к ней с позиций данной методологии. Дело в том, что даже тогда, когда предпринимаются попытки ее реализации, возникают трудности принципиального плана, связанные со следующей основной причиной. С одной стороны, не вызывает возражение то, что метакогнитивная сфера личности является чрезвычайно сложной и закономерно организованной системой. Однако, с другой стороны, по отношению к ней явно недостаточно представлена содержательная реализация принципов системного подхода, то есть раскрытие того, что именно она представляет собой «как система», что конструктивного может дать системный подход для ее содержательного раскрытия. Таким образом, можно видеть, что объективные ограничения, присущие современным вариантам системного подхода, усугубляются и недостаточно интенсивным его применением по отношению к метакогнитивной сфере, а нередко и ошибками его использования.

Итак, весь проведенный анализ приводит к формулировке следующих итоговых положений. Во-первых, с высокой степенью эксплицируется факт системности организации метакогнитивной сферы личности. Во-вторых, с достаточной очевидностью предстает и факт явной специфичности метакогнитивной сферы личности как системы, а также ее взаимодействий с более общей онтологически представленной целостностью – с метасистемой психики. Эта ее специфичность и своеобразие ее связей с метасистемой (психикой) заставляет считать, что она, хотя и является системой, но принадлежит к такому классу систем, который пока недостаточно раскрыт в методологии системности. В-третьих, анализ приводит и к тому, что базовые положения

традиционного классического системного подхода также нередко оказываются недостаточными для того, чтобы полно раскрыть и тем более объяснить специфику метакогнитивной сферы личности как системы (в особенности специфику ее связей с метасистемой – с самой психикой в целом). Показателем этого являются те теоретические трудности, а иногда – и парадоксы, которые были описаны выше.

Все эти заключения свидетельствуют о том, что содержащиеся в современном метакогнитивизме данные, равно как и попытка их развития, не только позволяют, но и объективно требуют существенно иной трактовки метакогнитивной сферы личности, а также ее отношений с психикой (как метасистемой по отношению к ней), чем та, которая принята сегодня. Такой трактовкой должна быть, на наш взгляд, интерпретация метакогнитивной сферы личности как системы со встроенным метасистемным уровнем. Психика в целом и ее основные компоненты (образования, структуры, процессы, качества) воспроизводят себя в метакогнитивной сфере и синтезируются в ней по функциональному признаку (критерию). Чем более полной и содержательной является мера такого воспроизведения, тем более развитой, психологически насыщенной и содержательной выступает сама метакогнитивная сфера личности. Те теоретические трудности, к которым привело в настоящее время развитие метакогнитивизма и которые возникают при попытках интерпретации метакогнитивной сферы с позиций системной методологии, могут быть адекватно преодолены, если к их разработке подойти не с позиций классических вариантов системного подхода, а с точки зрения метасистемного подхода. С этих позиций метакогнитивная сфера раскрывается как принадлежащая к особому, качественно специфическому типу систем – к системам со встроенным метасистемным уровнем, что позволяет предложить решение трех групп проблем. Во-первых, дать достаточно непротиворечивое решение ряда принципиальных вопросов, к которым привело в настоящее время развитие метакогнитивизма и которые рассмотрены выше (см. также [126]). Во-вторых, уточнить некоторые традиционно сложившиеся представления о метакогнитивной сфере как системе и о «психике как о метасистеме» по отношению к ней, а также об их взаимосвязях. В-третьих, сформулировать те теоретические следствия, которые релевантны проблеме метакогнитивной регуляции деятельности и которые в наибольшей степени могут способствовать ее дальнейшему

развитию. И если первая и вторая из этих проблем уже были рассмотрены выше, то теперь необходимо обратиться к третьей из них.

В этом плане, прежде всего, необходимо специально подчеркнуть, что трактовку метакогнитивной сферы личности как системы со встроенным метасистемным уровнем недопустимо рассматривать в упрощенном варианте. Это означает, что речь должна идти вовсе не о том, что некоторая метасистема (в данном случае – психика), встраиваясь в систему (в метакогнитивную сферу) и функционально транспонируясь в нее, оказывается представленной в ней в своем полном объеме. Ситуация гораздо сложнее: метасистема – психика оказывается в результате такого встраивания представленной в системе (в метакогнитивной сфере) лишь в определенном аспекте и в определенной форме. Все (или большинство) собственно психические образования, структуры, качества и процессы, обладая свойствами самопрезентации и самоорганизации, объединяются, как уже было отмечено выше, по функциональному критерию – их направленности на регуляцию самих же себя. Две целостности – онтологически представленная (психика) и функционально складывающаяся (метакогнитивная сфера) сохраняют свой статус как различные, как имеющие свое собственное содержание, хотя и тесно взаимосвязанные и взаимообуславливающие друг друга.

В связи с изложенным, вполне очевидным является еще одно положение, значимое не только в содержательном, но и в композиционном плане. Оно состоит в том, что, в силу атрибутивной взаимополагаемости и, фактически, взаимопроизводности двух уровней организации метакогнитивной сферы – метасистемного и общесистемного, их раскрытие также должно проводиться в тесной связи друг с другом. Любые попытки их дифференциации и тем более – дизъюнктивного разделения являются не только гносеологически контрпродуктивными, но и онтологически не обоснованными, противоречащими их истинной природе и функциональным закономерностям. Напротив, их совместное рассмотрение является существенной предпосылкой для адекватного раскрытия содержания этих уровней. Именно такая установка, собственно говоря, и была реализована выше, но в общем плане. Теперь же ее необходимо реализовать и в более конкретизированном варианте – по отношению к специфике данной сферы в информационной деятельности. Это означает, что весь дальнейший анализ будет направлен на раскрытие

содержания и специфики обоих этих уровней *одновременно*, причем, во взаимообусловленности и взаимопроизводности друг от друга.

Показательно (и доказательно), что именно при такой конкретизации предмета исследования сразу же – очень непосредственно и вполне естественным, даже необходимым образом выявляется обстоятельство наиболее принципиального плана и фундаментального значения. Оно, однако, становится еще более зримым именно с позиций того методологического подхода, который был разработан нами и предложен как базовый для решения вопроса о дифференциации основных классов деятельности – в том числе, и субъектно-информационного. Это, напомним, подход, базирующийся на синтезе психологической теории деятельности и метакогнитивизма²⁸. Как мы уже отмечало выше, данное обстоятельство заключается в *удивительном подобии* – в принципиальном сходстве основных особенностей деятельности информационного характера, реализуемой на базе компьютерной техники, и самой сути метакогнитивизма (его сферы, предмета, специфики, задач, разделов) – вообще его «духа» и основного пафоса; поясним сказанное. Напомним, что в структуре метакогнитивизма исторически сложились и являются в настоящее время основными две его «составляющие», два главных направления [110, 385]. Первое имеет своим предметом исследование метакогнитивных процессов: это *операционное* направление, которое и закреплено в термине «метакогнитивизм». Второе направление имеет своим предметом знания, но особого типа – «знания о знаниях», то есть метазнания: это *операндное* направление, которое закреплено в понятии «психология метапознания».

Однако тем самым складывается ситуация, при которой обе эти основные «составляющие» метакогнитивизма не только органично и полно – причем, взятые в их единстве воплощаются в сути информационной деятельности, реализуемой посредством компьютерной техники, но и сам компьютер выступает при этом в функции практически полного аналога и «первичных» процессов, и «первичных» знаний. Субъект же деятельности с необходимостью выступает при этом и как реализатор процессов по управлению этими «первичными» процессами, и как носитель, а также преобразователь знаний об этих «первичных» знаниях. Следовательно, такого рода субъек-

---

²⁸ Данный вопрос анализировался в параграфе 1.3., в связи с чем здесь будут использованы представленные в нем материалы.

тно-информационная деятельность не только может быть рассмотрена с позиций метакогнитивизма или даже не только может быть понята как метакогнитивная по своей сути. Дело еще и в том, что она не может быть понята никак иначе. Между информацией (как предметом деятельности) и субъектом деятельности находится такое средство труда (компьютер), которое по своей сути, фактически, выступает носителем целой системы процессов и системы знаний (баз данных). Они, однако, носят специфически информационный и в этом смысле когнитивный характер, причем, взятые в их единстве. То метакогнитивное содержание, которое представлено в индивидуальной психике во внутреннем плане (в частности, в интрапсихической плоскости), в субъектно-информационных деятельности оказывается представленным уже во внешнем плане – в том числе, и в распределенном виде между самим субъектом и средством его труда. Можно видеть, что имеет место принципиально новая деятельностьная реальность, которая никак не присуща двум традиционным классам и которая определяет качественное своеобразие третьего класса и его несводимость к первым двум.

Поэтому сама суть подавляющего большинства видов деятельности, базирующихся на компьютерной технике, состоит в ее очень своеобразном именно с психологической точки зрения характере – метакогнитивном. В связи с этим, лишь небольшое преувеличение требуется для того, чтобы охарактеризовать всю эту деятельность – и по сути, и по содержанию, и по организации, равно как и по иным важным атрибутам, как метакогнитивную. Фактически, все ее содержание обретает именно этот статус. В результате этого те собственно операционные средства, которые наиболее релевантны природе деятельности как таковой, трансформируются из статуса операторов в статус операндов, то есть выступают уже не только как средства ее организации, сколько как то, на что направлена сама организация. Однако тем самым в структуре самой деятельности порождается новый уровень, связанный с этой организацией – метауровень, статус которого определяется его именно метадеятельностным характером. В силу этого, практически все содержание деятельности субъекта также обретает метакогнитивный характер, а в широком смысле данная деятельность также должна быть охарактеризована как метакогнитивная. Имеет место фундаментальный феномен, точнее механизм, описанный в системной методологии – удвоение качеств.

Любой ее компонент, сохраняя свой исходный модус – в качестве первичной «составляющей» ее операционного содержания, обретает, однако, новую спецификацию, новое качество – становится и носителем метакогнитивных средств и закономерностей.

Кроме того, следует учитывать, что и по своему содержанию, и по своей структуре, фактически, вся деятельность данного типа становится практически изоморфной функционированию важнейшей подсистемы психики – *когнитивной*. Структурно-функциональная организация всей деятельности строится и реализуется как процессуальное развертывание функционирования именно данной подсистемы. Однако, как известно, само ее функционирование реализуется под детерминационным воздействием многих иных – внекогнитивных, то есть именно метакогнитивных «составляющих» психики. Поэтому все они и выступают в качестве собственно метакогнитивных регуляторов как таковых. Поскольку эта деятельность атрибутивно исходно когнитивна – непосредственно направлена на реализацию функций переработки информации, то есть собственно когнитивных функций, то практически все, что ее обеспечивает и регулирует – управляет ей, носит метакогнитивный характер. Данное – очень значимое, по нашему мнению, обстоятельство должно выступить как одно из основных объяснительных средств психологического анализа данной деятельности.

Итак, в свете сказанного по отношению к данной деятельности в целом эксплицируется следующее принципиальное обстоятельство. Оно состоит в том, что в качестве реальных детерминант, оказывающих организующее влияние на эту деятельность, выступают отнюдь не только факторы собственно когнитивного плана, но и многие иные факторы в частности, – мотивационные, волевые, эмоциональные. Причем, они выполняют ту же самую функциональную роль, что и факторы собственно когнитивного плана – функцию организации деятельности. Сама она – как подчеркнута когнитивная, то есть атрибутивно связанная с переработкой информации, организуется обширной совокупностью факторов, которые имеют не только когнитивное содержание, но соотносятся с иными базовыми «составляющими» психики. Они поэтому также должны быть с необходимостью включены в состав собственно метакогнитивных ее регуляторов. Само понятие метакогнитивной регуляции при этом существенно расширяется, но именно через такое расширение обретает свой более приближенный к реальности вид и более действенный характер.

С другой стороны, он должен быть направлен на тот уровень, на котором локализованы наддеятельностные, точнее – метадеятельностные образования компетентного типа, локализованные, соответственно, на метасистемном уровне их структурной организации. Разумеется, в этом плане сразу же возникает закономерный вопрос – *что* именно представляют собой такого рода метакомпетенции в целом и по отношению к деятельности этого типа, в особенности? Каковы не только эмпирические референты этих компетенций, но и та реальность, которая зафиксирована в них? Ниже мы предпримем попытку ответа на него.

Показательно, что именно в этом плане особую значимость и особую – правда, недостаточно пока эксплицированную роль обретает следующее важное положение, оформившееся при исследовании информационной деятельности, равно как и некоторых иных когнитивно-насыщенных типов деятельности. Действительно, достаточно обширная практика анализа тех видов деятельности, которые базируются на компьютерной технике, весь опыт исследования этой деятельности в целом – причем, не только и даже не столько собственно психологический, свидетельствует о важном обстоятельстве, сущность которого состоит в следующем (напомним, что оно уже частично было предметом нашего рассмотрения в параграфе 3.2.3). Компетентность профессионала не может быть сведена только к тем «составляющим», которые обозначаются понятием *hard-skills* и которые локализованы на собственно деятельностных уровнях. Очень важной «составляющей» компетентности выступает также и то, что – в обобщенном виде обозначается понятием «мягких навыков» (*soft-skills*) и включает в себя такие компетенции, которые имеют *наддеятельностный* характер, не выводятся из содержания самой деятельности и не сводятся к нему. Очень показательно, а в контексте нашего похода – и доказательно, что синонимом понятия *soft-skills* является именно понятие метакомпетенций, то есть тех их разновидностей, которые составляют содержание метасистемного уровня их макроструктурной организации. Они выступают реально действующими и весьма сильными ее детерминантами, то есть включаются в общую систему компетенций, детерминирующих деятельность. Причем, они не просто включаются в нее и тем самым – выступают как «составляющие» самого системного уровня их организации, но в значительной степени влияют на все иные компетенции – на их содержание меру выраженности и в особенности на их организацию.

Это положение со всей убедительностью вскрывает отмеченное выше обстоятельство наиболее принципиального плана, согласно которому компетентность не может быть сведена к тем компетенциям, которые имеют непосредственно деятельностный характер и обозначаются понятием *hard-skills*. В ее собственный состав – содержание и организацию входят и наддеятельностные компетенции – то, что обозначается как *метакомпетенции*. Они составляют поэтому неотъемлемую часть компетентности как таковой и без их рассмотрения корректная и сколько-нибудь полная ее экспликация практически невозможна. Отсюда, однако, с необходимостью следует вывод, согласно которому для раскрытия содержания самого общесистемного уровня необходимо установить и содержание метасистемного уровня. На нем локализованы *soft-skills*, конституирующие его содержание. Более того, именно для того, чтобы анализ самого системного уровня был достаточно полным, он должен базироваться на результатах анализа метасистемного уровня, поскольку сами метакомпетенции органично входят в состав первого.

Несколько схематизируя сказанное, как мы уже отмечали, можно констатировать следующую ситуацию. По отношению к рассматриваемому типу деятельности сама она, фактически, трансформируется в систему *когнитивной активности*, а то, что обозначается понятием метакомпетенций, также трансформируется, но уже в *метакогницию*. Метакомпетенции начинают выступать в функции собственно метакогнитивных регуляторов, поскольку они направлены на такую деятельность (информационную), которая атрибутивно когнитивна. В силу этого, вся совокупность метакомпетенций должна быть рассмотрена в функции метакогнитивных регуляторов данной деятельности, то есть в качестве важной категории «составляющих» всей метакогнитивной сферы как регулятора информационной деятельности. Причем, все они локализуются именно на метасистемном уровне организации этой сферы. Поэтому содержание и специфика метасистемного уровня ее организации во многом состоит в том, что он образован именно этими деятельностными метакомпетенциями, точнее – их организацией. И здесь мы должны возвратиться к тому тезису, который был сформулирован выше и который состоит в том, что метасистемный и общесистемный уровни организации метакогнитивной сферы следует рассматривать в органичной взаимосвязи и взаимной обусловленности, а не автономно.

Действительно, сама категория метакомпетенций, локализованная на метасистемном уровне организации, не только органично входит в общесистемный уровень организации метакогнитивной сферы, но и во многом образует его. Вместе с тем, она не перестает быть и качественно специфичной, а потому – локализованной на метасистемном уровне ее организации. Тем самым, и категория метакомпетенций обнаруживает свой двуединый статус. С одной стороны, они выступают важнейшими носителями содержания метасистемного уровня метакогнитивной сферы, поскольку реализуют по отношению к ней – как к подчеркнуто когнитивной – регулятивные функции. С другой стороны, они функционально включаются в состав компетентности как общедеятельностного образования, который локализован на соответствующем его статусу уровне организации – общесистемном.

В связи со сказанным следует обратить особое внимание на то, что на этом – метасистемном уровне локализованы те «составляющие» деятельности, которые обозначаются понятием *soft-skills*. Однако именно это и порождает ряд трудностей, обусловленных двумя основными причинами. Во-первых, само это понятие сложилось отнюдь не как собственно психологическое и закрепилось не только и даже не столько в психологической литературе. В результате этого, его собственно психологическое содержание остается во многом неопределенным, не эксплицированным с точки зрения традиционной понятийной системы психологии, недостаточно соотношенным с ее базовой проблематикой. Во-вторых, приходится учитывать и крайне выраженный эмпиризм в данной области, проявляющийся, прежде всего, в большом количестве и разноплановости дифференцируемых *soft-skills*, а также их перечней, классификаций. Данная область исследований и практических разработок находится сегодня на претеоретической стадии, характеризующейся чертами эмпиричности, эклектичности, мозаичности, прагматизма и пр. Само по себе это неплохо; важно лишь помнить о том, что данная стадия должна быть с необходимостью дополнена и преодолена посредством перехода к собственно теоретической стадии, на которой осуществляется осмысление и интерпретация того богатейшего эмпирического материала, который накоплен на предыдущей стадии.

Следует отметить, что даже несмотря на такую «пестроту» и несистематизированность, все же дифференцируется относитель-

но постоянный их набор²⁹. Это означает, что раскрытие содержания метакогнитивной сферы на данном уровне должно базироваться на экспликации и интерпретации указанных метакомпетенций, а также их роли в организации деятельности в целом. Возникающая при этом задача определения состава и содержания категории soft-skills, с одной стороны, является относительно несложной, поскольку в настоящее время представлено множество конкретных вариантов их состава. Однако, с другой стороны, данная задача осложняется тем, что существующие перечни носят в значительной степени эклектический, не систематизированный и неструктурированный характер; они являются результатами обобщения практического опыта, но не итогом каких-либо теоретически обоснованных обобщений. Такого рода затруднения связаны и с тем, что, как правило, эти перечни предлагаются не профессиональными психологами, а потому носят и не вполне корректный с точки зрения психологической терминологии характер (а часто и выражено некорректный). В них представлены сущности совершенно разного уровня обобщенности и уж, тем более, отсутствует критерий их дифференциации. Вместе с тем, несмотря на это, нельзя не отметить и того, что предлагаемые варианты наборов все же весьма сходны друг с другом; это является южным свидетельством обоснованности и важности включенных в них «составляющих» и, что еще более значимо, принципиальной инвариантности их состава как для отдельных видов деятельности, так и для целых их классов. Следует подчеркнуть также, что необходимость их выявления отчетливо проявляется, конечно, не только по отношению к информационной деятельности, но и в отношении многих иных видов деятельности, в особенности, наиболее сложных, то есть имеет общий характер. Однако важно отметить и то, что именно в отношении этой деятельности данная необходи-

---

²⁹ В параграфе 1.2. мы уже рассматривали этот вопрос; чаще всего данный набор включает в себя следующие «составляющие»: коммуникативные навыки, социальный интеллект, умение работать в команде, критическое мышление, клиентоориентированность, саморегуляция, принятие решений, тайм-менеджмент, эмоциональный интеллект, работа в режиме неопределенности, самоанализа и саморефлексии. В силу этого, он и должен быть рассмотрен в качестве ориентира для определения состава метакогнитивной сферы на данном уровне. Кроме того, возможен и такой вариант их набора: самоорганизация и самообразование, критическое мышление и логика, грамотность и язык, психологическая устойчивость, креативность и вдохновение.

мость предстает с наибольшей очевидностью. Тем самым, ее исследование выступает своего рода стимулом для развития методологии психологического анализа деятельности, а также для самого компетентного подхода.

Итак, анализ деятельности на данном уровне позволяет в итоге выявить и проинтерпретировать одну из основных категорий общего состава компетенций – *soft-skills*, то есть метакомпетенции. Их специфика, подчеркиваем еще раз, состоит в том, что они не выводятся из нижележащих уровней – не выступают продуктами их интеграции и не сводятся к итоговым эффектам этой интеграции, не являются производными от их синтеза. Напротив, они сами оказывают организующее – детерминирующее влияние на них, выступают как системообразующие для всех ниже локализованных уровней их организации, оказывают на них организующее воздействие.

В теоретическом плане важно, что по отношению к метакомпетенциям, которые, как показано выше, сами выступают в функции метакогнитивных регуляторов информационной деятельности, эксплицируется дополнительная значимая закономерность, состоящая в следующем. С одной стороны, их традиционно дифференцируемый состав является не только множественным, но также и принципиально гетерогенным. Именно в силу этого он, как отмечалось выше, включает в себя такие «составляющие», которые соотносятся практически со всем основными подсистемами самой *психики*, с ее базовыми процессами и структурами, а не только с ее когнитивно-операционными средствами. Так, в него с несомненностью входят базовые компоненты самой *когнитивной* подсистемы – в особенности, знания. Однако в него входят и базовые «составляющие» второй основной подсистемы – *регулятивной*: это, скажем, навыки саморегуляции, тайм-менеджмент и др. Не менее очевидна и представленность компонентов третьей базовой подсистемы – *коммуникативной*, что отражено, в частности, во включении в их состав социального интеллекта, умения работать в команде. Наряду с этим, и иные – важнейшие «составляющие» психологического плана также эксплицируются в них; это и компоненты *эмоционального* плана (эмоциональный интеллект), и собственного *мотивационные* компоненты, в первую очередь, категория метамотивов – например, мотивация достижения; и волевые компоненты и др. Вся их совокупность выступает тем самым в качестве регуляторов деятельности.

Далее, следует учитывать, что в общем составе метакомпетенций представлены, точнее – воплощены в нем и такие «оставляющие», которые атрибутивно локализованы не в самой системе деятельности, а в тех более общих целостностях, в которые она сама включена, то есть в метасистемах по отношению к ней. Это, прежде всего, метасистема *личности* субъекта деятельности, представленная в составе метакомпетенций, например, такими ее качествами, как коммуникативные навыки, эмоциональный интеллект и др. Такое представительство может быть конкретизировано и далее. Как отмечалось выше, во всех перечнях совершенно очевидным образом эксплицируется представленность трех базовых подсистем психики в целом – когнитивной, регулятивной и коммуникативной. Действительно, такие soft-skills, как, скажем, «память», «внимание», «креативность», «навык решения проблем» непосредственным образом конкретизируют когнитивную подсистему. Другие soft-skills – такие, как, целенаправленность и умение доводить дело до конца, тайм-менеджмент и др., столь же непосредственно сопряжены с регулятивной подсистемой. Наконец, такие soft-skills, как навыки коммуникации, умение вести переговоры конкретизируют важнейшие черты и средства коммуникативной подсистемы.

При несколько ином способе видения в этих перечнях эксплицируется их явная соотносимость и с «составляющими» психики, дифференцированными еще по одному основанию – на ее основные сферы. Данный вопрос уже обсуждался в главе 1, где было показано, что представленность в них такого компонента, как эмоциональный интеллект отчетливо указывает на представительство в них собственно эмоциональной сферы. Другой soft-skills – саморазвитие, хотя и более опосредствовано, но явно соотносится с мотивационной сферой личности. Soft-skills психологическая устойчивость столь же явно базируется на детерминантах волевой сферы. Выявляется и сопряженность этой категории с еще одним фундаментальным «платом» психической организации – с состояниями и с возможностью их регуляции. Это, скажем, все то же умение управлять эмоциями (и, следовательно, состояниями), самоконтроль и пр. Далее, такой soft-skills, как «саморазвитие» имеет тесную связь не только с профессионализацией как таковой, но и с возможностью влияния на еще один базовый «пласт» организации психики – индивидуальные, личностные качества. Кроме того, с ним же связано и soft-skills –

самообучение, что зафиксировано и в понятии *life-long-learning* («обучение через всю жизнь») как важном императиве профессионала.

В составе данной категории представлена и метасистема *социума* в целом, поскольку в их наборы включаются и такие факторы, которые соотносятся уже не особенностями индивидуальной психики, с факторами интериндивидуального плана – с тем, что обозначается как навыки межличностного взаимодействия, умение работать в команде, навыки установления контактов, а в целом как социальный интеллект.

Наконец, представлена и еще одна метасистема, в которую объективно включена индивидуальная деятельность, – *совместная* деятельность. Она эксплицируется, например, в такой метакомпетенции, как умение работать в команде. Вообще говоря, существенная часть всех *soft-skills* или даже их большинство прямо или косвенно, но в очень значимой степени испытывают влияние со стороны факторов, которые имеют надличностную – социальную и даже экологическую, средовую детерминацию.

Таким образом, те метасистемы, которые выступают более общими по отношению к самой системе деятельности и к структурной организации компетенций, сами начинают включаться – функционально входить в нее как органичные «составляющие». Они имеют так сказать двойную локализацию: принадлежат и самим метасистемам, и включены в состав системы деятельности в целом и ее компетенций, в особенности.

Итак, можно вдеть, что, фактически, не остается ни одного сколько-нибудь значимого аспекта, ни одной существенной сферы организации психического, ни одной его базовой «составляющей», которая не была бы отражена в перечнях *soft-skills*. Более того, в них представлены факторы не только собственно психологического, но и внешнего – социального средового плана. И именно это обстоятельство, являясь очень общим и демонстративным, а потому – очень показательным заслуживает особого, специального внимания и интерпретации. На наш взгляд, именно оно как раз и свидетельствует наилучшим образом о том, что вся совокупность собственно профессиональных компетенций (*hard-skills*), равно как и сопряженных с ними феноменов, представлена в реальности отнюдь не в автономном виде – не в «чистой» форме, а в структуре более общих и, пожалуй, еще более существенных детерминант – в структуре дру-

гой категории – soft-skills. Однако, именно она, как это следует из только что сделанного заключения, фактически и является конкретным воплощением всех основных «составляющих» психики и личности (а также социума в целом), Следовательно, именно через взаимодействие hard-skills и soft-skills первые обретают свое истинное – конкретное, внутрисистемное бытие; они включаются в объективно представленный онтологический контекст, в котором заложены истинные детерминанты для их генезиса и существования в контекст более общих метасистем – психики в целом, личности, социума. Однако именно это же означает, что посредством включения в исследование категории soft-skills достигается возможность радикального – по существу, парадигмального изменения общего понимания первых – переход от их *аналитического* способа видения и от предметоцентрической парадигмы их изучения к *системному* способу их видения и, соответственно, к *системоцентрической* парадигме изучения.

Не менее значимой, но существенно более имплицитной является еще одна особенность, состоящая в следующем. Как известно, одной из аксиом системной методологии в целом является положение о существовании фундаментального феномена «удвоения качеств», согласно которому в составе целостной системы то или иное явление – та или иная часть, наряду с сохранением ее качественной определенности, обретает еще и качественную специфичность. Однако именно это и имеет место по отношению к анализируемым здесь вопросам. Действительно, включаясь в более общий контекст – в обобщенные метасистемы, в которых локализованы их детерминанты, hard-skills подвергаются воздействию с их стороны. В результате этого они, наряду с сохранением своей качественно определенности, обретают еще качественную специфичность – имеет место фундаментальный феномен «удвоения качеств». И именно в этом, на наш взгляд, заключается основной принцип взаимодействия двух категорий компетенций – hard-skills и soft-skills, равно как и представленных в них деятельностных структур и образований, процессов и феноменов. Soft-skills оказывают свое влияние на деятельность не только и даже по большей части – не столько непосредственно, сколько опосредствованно. Это происходит за счет того, что они трансформируют и специфицируют детерминационное влияние на нее основных деятельностных компетенций – hard-skills. В параграфе 1.2. мы показали также, что принципиально сходным образом

обстоит дело не только в отношении организации деятельности в целом, но и в отношении одного из основных ее аспектов – *феноменологического*. Специфика феноменов, обусловленных существованием soft-skills, заключается в том, что они также не столько прямо, сколько опосредствованно представлены в деятельности. Причем, это представительство как раз и состоит в том, что они трансформируют все иные – уже описанные группы феноменов; могут менять степень и даже направленность их влияния на деятельность. Поэтому и саму данную группу корректнее всего обозначить как *hs-феномены*: они порождаются не «внутри» soft-skills и не «внутри» hard-skills, а на их стыке, выступая синергетическими эффектами их интеграции, их синтетическим проявлением. Это означает, что по отношению к ним действует механизм системных качеств, который и порождает принципиально новое содержание. Оно отсутствует у отдельных частей (soft-skills и hard-skills) и у их аддитивной совокупности, но которое присуще только их интеграции.

Констатируя это, необходимо обратить, однако, особое внимание на еще одно положение, также непосредственно вытекающее из сути сформулированного выше методологического подхода к анализу деятельности – метасистемного. Оно состоит в том, что в данном подходе сформулированы и развиты представления, согласно которым для определенного класса систем южную роль в их организации играют не только традиционно выделяемые категории качеств (материальные, функциональные, системные), но и иные – более сложные и недостаточно изученные пока их категории. Одной из них выступают категория *метасистемных* качеств. Как свидетельствуют представленные выше материалы, общесистемный уровень организации – это не обязательно высший уровень организации систем. Существуют и такие системы, в которых роль высшего уровня принадлежит качественно иному уровню – метасистемному. Но тогда со всей остротой и возникает вопрос о специфических именно для него качествах. Если системные качества специфичны общесистемному уровню и обнаруживаются на нем, то существуют и такие качества, которые являются специфическими метасистемному уровню.

Действительно, если существуют системы со «встроенным» метасистемным уровнем, а психика в целом и ее основные «составляющие» принадлежат именно к ним, то в само их содержание включен новый, качественно специфический уровень – метасистемный. Этот

уровень, естественно, должен иметь свою собственную качественную определенность, а значит – и свои качества, отличные от качеств всех иных уровней, в том числе и от общесистемного (иначе он не может характеризоваться уровневый статусом). Однако для общесистемного уровня атрибутивными, то есть раскрывающими его качественную определенность, являются системные качества. Следовательно, для метасистемного уровня характерны такие качества, которые «выходят за пределы» системных качеств как таковых и являются метасистемными качествами. Другими словами, даже просто в силу формальных, чисто дедуктивных аргументов необходим вывод о существовании дополнительной категории качеств – метасистемных. Факт их существования столь же обоснован, сколь обосновано существования и самих систем со «встроенным» метасистемным уровнем. Специфика метасистемных качеств состоит в том, что они являются результатом транспонирования в содержание какой-либо системы тех качественных характеристик, которые исходно присущи не ей самой, а тем метасистемам, в которые она онтологически включена и которые имеют более общий по отношению к ней характер. Иными словами, это – качества самой метасистемы, обретшие, однако, своего рода «превращенную форму» – транспонированные в иную систему и обретшие в ней свое удвоенное бытие, «вторичную» форму существования.

Обращаясь к категории метасистемных качеств в целом и предпринимая попытку реализации заложенного в них объяснительного потенциала по отношению к анализу информационной деятельности, необходимо, по нашему мнению, обратить особое внимание на следующее очень показательное обстоятельство. Выше мы достаточно подробно охарактеризовали весьма своеобразные отношения, которые складываются в ней между двумя категориями компетенций – *hard-skills* и *soft-skills*. Было констатировано также, что сама суть первых состоит в их *интрасистемной* представленности, то есть в их локализации внутри системы деятельности. Сущность же вторых состоит в их *экстрасистемной*, то есть метасистемной локализации, поскольку они соотносятся с более общими целостностями, в которые объективно включена система деятельности. Однако, специфика организации того класса систем, к которым принадлежит деятельность в том и состоит, что они обладают способностью к функциональному включению в свой состав – «встраиванию» метасистем. За счет этого качества последней становятся собствен-

ными качествами первой. Этот механизм подробно описан в наших работах, а его смысл состоит в том, что, благодаря ему, система оказывается в состоянии использовать в своих собственных целях и тот несопоставимо больший потенциал, присущий самим метасистемам, в которые они объективно включены.

В связи с этим, необходимо, однако, остановиться на некоторых положениях более общего – теоретико-методологического плана, поскольку они могут в существенной мере содействовать и решению самой задачи определения содержания метасистемного уровня организации метакогнитивной сферы в информационной деятельности. Действительно, как уже неоднократно подчеркивалось выше, само понятие *soft-skills*, а также его дифференциация по отношению к понятию *hard-skills* (а также к понятию *digital-skills*) имеет, в основном, так сказать, внетеоретическое и, более того, внепсихологическое происхождение. Оно возникло не как следствие эволюции теоретических представлений в области профессиональной деятельности, а также сопряженных с ней направлений, а в силу логики развития самой этой деятельности – практики ее осуществления и эволюции ее видов и типов, форм и классов. Однако все эти обстоятельства не только не делают его менее обоснованным, менее корректным в научном плане, но напротив, могут рассматриваться как важнейшие аргументы в пользу его обоснованности – жизненности, верифицированности практикой и оценкой этой практики со стороны социума. В дальнейшем данное понятие постепенно стало подвергаться осмыслению и с собственно методологических позиций, постепенно ассимилироваться и психологической проблематикой. Однако такую методологическую рефлексию пока нельзя считать достаточной – в полной мере разрывающей истинную природу и действительную многоплановость данного понятия, равно как и той реальности, которая им обозначается.

На наш взгляд, в целях компенсации этого концептуального провала можно использовать ряд ключевых положений, которые содержатся в принципе метасистемного подхода. Более того, отметим, что само по себе понятие *soft-skills* служит и важным аргументом в пользу обоснованности этих положений. Напомним, что основная идея данного подхода состоит в том, что в собственный состав и содержание систем могут функционально включаться – «встраиваться» в нее те более общие и онтологически представленные целостности, корыте

являются по отношению к ним метасистемами. Последние мультиплицируются в составе и содержание систем, резко расширяя их потенциал. Одним из наиболее репрезентативных представителей такого рода систем как раз и выступает профессиональная деятельность, что подробно обосновано в параграфе 1.3. Существенно также, что данное положение, являясь важным итогом теоретического анализа, способствующим раскрытию сущности и деятельности, одновременно ставит и новые – не менее сложные вопросы, связанные, прежде всего с тем как конкретно – за счет каких именно средств и механизмов, на основе каких закономерностей и феноменов реализуется такое «встраивание»? Что именно выступает его эмпирико-феноменологическими референтами и деятельностьюными индикаторами? Какова так сказать «чувственная ткань» и реальное содержание, в том числе, и феноменологическое такого «встраивания» – фактически, мультиплицирования более общих метасистем в системе самой деятельности?

Показательно, что ответ именно на эти – ключевые для всего метасистемного подхода как раз и «подсказываются» посредством понятия *soft-skills*, а также его связями с понятием *hard-skills*. Действительно, первое из них обладает принципиальной двойственностью, двуединством своего статуса. С одной стороны, оно фиксирует в себе такие сущности, которые локализованы вне самой деятельности (по определению), точнее – над ней и выступают как аспекты более общих целостностей – метасистем. Собственно говоря, именно на основе этого они вообще и дифференцируются. Однако, с другой стороны, не менее характерно и то, что все они – также по определению и, соответственно, по содержанию выступают и как собственно деятельностьные образования. Причем, это отнюдь не рядовые компоненты деятельности, а во многом важнейшие и определяющие. Так, существуют данные, согласно которым эффективность информационной деятельности в большей степени определяется именно этой категорией факторов, а не категорией *hard-skills*.

Можно видеть, что тем самым возникает типичная очень показательная для принципа метасистемности ситуация. Нечто – в данном случае *soft-skills* имеет двойную локализацию. Они одновременно принадлежат и определенной метасистеме, и какой-либо из включенных в нее систем (в данном случае – деятельности). Однако именно это и означает, что в данном случае эксплицируется базовое для всего метасистемного подхода явление. Это – «встраивание» метасистемы

в систему, мультиплицирование первой во второй, которая за счет этого и обретает статус системы со «встроенным» метасистемным уровнем. Наряду с этим, в плане проблематики проводимого здесь анализа не менее важно и показательно именно то, что уже полученные на его основе результаты как раз и эксплицируют конкретные по содержанию, но общие по смыслу средства такого «встраивания», такой мультипликации. В их качестве, как можно видеть из представленных материалов, выступает вся совокупность soft-skills. Тем самым, однако, и их дифференциация как таковая, а также их несомненная представленность во многих видах деятельности, их «жизненность и правдивость», а также их верифицированность практикой многих видов деятельности, выступает важнейшим доказательством обоснованности и корректности самих базовых положений метасистемного подхода. Фактически, имеет место конвергенция развития представлений в двух исходно совершенно не связанных друг с другом направлений. С одной стороны, это подчеркнуто *методологические* представления, сложившиеся в русле метасистемного подхода, равно как и в теоретических исследованиях, прежде всего, – психологических, выполнены на его основе. С другой стороны, это столь же подчеркнуто *практико-ориентированные* разработки, направленные на оптимизацию профессиональной деятельности, носящие, тому же, преимущественно не психологический, а организационный характер. Причем, такая конвергенция, как можно видеть из представленных материалов, настолько органична и глубока, а одновременно – и рельефна и доказательна в плане своих результатов, что можно говорить и о синтезе этих двух направлений. Этот синтез как раз и достигается через понятие soft-skills, точнее – посредством данного понятия и, разумеется, заслуживает его должной методологической рефлексии.

Итак, выше был предпринят достаточно развернутый экскурс в область теоретико-методологических представлений, сформулированных в метасистемном подходе. Несмотря на высокую степень обобщенности и, казалось бы, абстрактности этих положений, обращение к ним вовсе не является теоретически избыточным. Напротив, лишь при условии их учета могут быть с достаточной степенью полноты и корректности поняты многие значимые аспекты организации профессиональной деятельности, в том числе – и те, которые сопряжены с содержанием метакогнитивной сферы личности как ее регулятора и которые составляют основной предмет проводимого

в данной главе анализа. Вместе с тем, именно их учет и даже – необходимость основываться, прежде всего, на них создает предпосылки для того, чтобы перейти к рассмотрению другого основного уровня ее организации – общесистемного; осуществить психологический анализ данного уровня в аспекте его содержания и основных закономерностей структурной организации. При этом, однако, необходимо учитывать и его явную специфичность, которая, однако, не вполне экспонируется и принимается во внимание в ходе его психологического анализа. Дело в том, что он – общесистемный уровень в существенной степени, причем даже атрибутивно противоречит самой методологии и даже идеологии анализа как такового.

Все рассмотренные явления не только принципиально подобны тем сложнейшим процессам, которые развертывается в плане взаимодействия двух категорий компетенций, но выступают их объяснительным средством, поскольку вскрывают конкретные по содержанию механизмы того, почему и как они реализуются. Это означает также, что и сам метасистемный подход в целом, а также одно из его базовых понятий – понятие метасистемных качеств с высокой степенью очевидности эксплицирует и их правомерность и их объяснений потенциал. Следовательно, данная категория качеств и обуславливающие ее механизма также должны составить одно из средств реализации психологического анализа компьютерных деятельностей.

Далее, как следует из развитого выше компетентностного подхода к исследованию информационной деятельности в целом, а также из представлений о макроструктурной организации компетенций, в частности, общесистемный уровень ее соотносится с наиболее обобщенным по статусу и максимально интегративным образованием, которое обозначается понятием *компетентности*. Данный феномен по своей сути является принципиально интегративным, целостным образованием и вообще обретает свою качественную определенность именно вследствие механизмов интегративного типа – в результате развертывания средств и иных средств синтетического (а не аналитического) плана. Отсюда вытекают трудности его аналитического изучения, поскольку он по самой своей природе не только не соответствует идеологии анализа как такового, но, напротив, противоположен этой идеологии. Он не только «сопротивляется» анализу, но последний вообще противопоказан ему, поскольку он по определению приводит к деструкции самого предмета.

В связи с этим, возникает принципиальный вопрос: что должно выступить таким предметом, взятом именно в общесистемном – интегративном модуле?

По нашему мнению, именно такая постановка данной проблемы содержит в себе и определенные предпосылки для ее решения. Действительно, как следует из представленных выше материалов, общесистемный уровень организации метакогнитивной сферы обладает принципиальной двойственностью, а лучше сказать – двуединством своей психологической природы. С одной стороны, он выступает продуктом и эффектом мультиплицирования основных «составляющих» той метасистемы, которая является более общей и онтологически представленной целостности по отношению к самой метакогнитивной сфере. Причем, даже не одной, а, как минимум, двух – психики и самой деятельности. Однако с другой стороны он выступает и продуктом интеграции – причем полной, всех основных «составляющих» этой сферы, локализованных на нижележащих ее уровнях. При этом мы пока оставляем открытым вопрос как о количестве таких уровней, так и об их содержании. Речь идет именно о принципиальном включении в этот уровень всех локализованных под ним уровней, а также о том, что такое включение является необходимым просто «по определению». Все эти категории «составляющих» метакогнитивной сферы оказываются представленными на нем не только в полноте их состава, но и в соорганизованном виде, эксплицируясь как важная грань максимально интегративного личностно-деятельностного образования – компетентности. Сама совокупность компетенций предстает здесь отнюдь не как синкретическое множество, не как нерасчлененная целостность, а наоборот, – как целостность и дифференцированная – а поэтому наполненная конкретным содержанием, и как соорганизованная. Следовательно, общая направленность его исследования должна быть не подчеркнута аналитический – декомпозиционной, а композиционной; не аналитической, а синтетической, а сам анализ деятельности и метакогнитивной сферы как ее регулятора должен быть дополнен их *синтезом*. При этом сам синтез также должен быть понят как анализ, но в широком смысле – не как синоним декомпозиции, а как синоним исследования в целом³⁰. Общая задача формулируется, следовательно, не по аналитическому, а по синтетическому типу.

---

³⁰ Данный вопрос частично рассматривался в параграфе 3.2.5.

Необходимо осуществить не декомпозицию метакогнитивной сферы как регулятора деятельности, а напротив, выявить, каким образом и как конкретно интегративные – синтетические средства приводят к генерации ее нового содержания, а их раскрытие – к новым знаниям о ней. Каково содержание собственно системного уровня организации метакогнитивной сферы как регулятора деятельности, несводимое к содержанию всех иных ее уровней, а также их аддитивной совокупности? Какова та «системная прибавка», которая генерируется интегративными механизмами? Вообще, каково специфическое содержание той организации, которую обретают основные «составляющие» метакогнитивной сферы на уровне их целостной – системной организации и предстают как одна из граней феномена компетентности?

В данной связи показательно, что постановка этих вопросов, а также попытка их решения достаточно непосредственным образом приводит, к необходимости корректировки базового конструкта исследования – понятия системы. Действительно, и в самом системном подходе, и в теории систем, и в системном анализе сложилась очень общая, прочная и устойчивая традиция рассматривать систему именно как продукт интеграции некоторых частей в целостность, как продукт синтеза и объединения, соорганизации и структурирования. В результате этого, как полагается с точки зрения данной традиции, и формируются все те атрибуты, которые специфичны системной форме организации. Ими являются целостность, неаддитивность состава – супераддитивность, интегративность организации, синергичность функционирования и др. Подчеркнем, что сама интеграция разворачивается, согласно этим представлениям, именно в пространстве тех внутренне локализованных «составляющих», которые и образуют содержание системы, имеют интрасистемную локализацию. Разумеется, такая точка зрения не только в целом верна, но и максимально согласуется со здравым смыслом; она проста и понятна, а потому – приятна и удобна. Более того, она достаточна для решения очень многих исследовательских и прикладных задач, а потому – и закрепились традиционно.

Вместе с тем, вся совокупность материалов, представленных в главе 3 и раскрывающих макроструктурную организацию информационной деятельности в целом и аналогичную организацию ее основных структурных «единиц» – компетенций, в частности, достаточно непосредственно свидетельствует о том, что она не может считаться

абсолютной, полным и исчерпывающим образом соответствующей сложной реальности организации систем. Действительно, эти материалы с высокой степенью отчетливости свидетельствуют о том, что общая совокупность компетенций, синтезированная в целостность и предстающая как системное образование – как феномен компетентности, отнюдь не сводится только к их аддитивной совокупности. Поэтому она не может быть эксплицирована исключительно как продукт их собственной интеграции. Очень существенная часть содержания и потенциала компетентности определяется не теми компетенциями, которые локализованы не внутри системы деятельности (hard-skills), а вне ее – в тех метасистемах, в которые реально включена сама система деятельности. Это максимально отчетливо представлено именно по отношению к деятельности, базирующимся на компьютерной технике (впрочем, и для целого ряда других сложных деятельностей информационного плана), и эксплицировано в понятии soft-skills. Более того, само это понятие является очень веским аргументом и даже доказательством того, что компетентность как система вовсе не сводится только к результирующим эффектам интеграции ее внутренних компонентов (первичных и вторичных компетенций), но обязательно предполагает также синтез, интеграцию экстрасистемных компонентов – частей тех метасистем, в которые включена сама система. Пора, на наш взгляд, не только со всей отчетливостью осознать, но и реализовать следующее важнейшее обстоятельство, согласно которому общесистемный уровень может предполагать и интеграцию факторов внешнего плана.

Однако трудно не видеть и того, что принципиально аналогичным образом организована не только система компетенций как базовых «составляющих» деятельности в целом, но и сама метакогнитивная сфера как такое деятельностное образование, которое также воплощает в себе принципы системой организации. Поэтому общесистемный уровень организации, на котором представлена не та или иная гносеологическая декомпозиция целостности, а сама она в ее онтологическом статусе, в реальном и ненарушенным познавательными процедурами виде, включает в себя не только ее внутреннее содержание, но и эффекты ее взаимодействия с более общими целостностями – с метасистемами. Такого рода эффекты и, следовательно, – обуславливающие и порождающие их «составляющие» этих метасистем органично и объективно включаются в состав и содержание функци-

онирования систем на максимально интегративном уровне их организации – то есть на общесистемном уровне. Следовательно, специфика и даже уникальность общесистемного уровня и в целом и метакогнитивной сферы, в частности, состоит в том, что он не сводится к интеграции только нижележащих уровней, составляющих собственное содержание системы. Он предполагает и интегрированность в себе принципиально иного, выше локализованного уровня – метасистемного, включенность в него того содержания, которое присуще этому уровню как исходно внешнему по отношению к нему самому, но подвергнутому мультиплицированию – «встраиванию» в него. Поэтому и все содержание общесистемного уровня складывается из двух источников – внутреннего и внешнего. Первый включает в себя все «составляющие» метакогнитивной сферы, локализованные в ней самой на ее нижележащих уровнях. Второй включает те ее «составляющие», которые имеют внешнюю локализацию и исходно представлены как компоненты тех метасистем, в которые объективно включена сама эта сфера. Напомним также, что важнейшую их часть как раз и составляют так называемые внедеятельностные образования – soft-skills, которые рассмотрены выше. Вполне закономерно, что они и обозначаются соответственно этому – понятием метакомпетенций, то есть таких сущностей, которые, с одной стороны, имеют внешнюю локализацию по отношению и к деятельности и к метакогнитивной сфере как ее части (отсюда и префикс «мета»). Однако, с другой стороны, вся их совокупность выступает и как собственно метакогнитивные регуляторы этой деятельности, поскольку сама эта деятельность имеет подчеркнуто когнитивный статус, производный от ее информационного характера.

Продолжая анализ общесистемного уровня организации метакогнитивной сферы, обратим внимание на то, что он логически приводит к необходимости обращения к такому важнейшему образованию, как компетентность. В свою очередь, обращение к нему создает дополнительные возможности для раскрытия содержания самой метакогнитивной сферы личности. Действительно, компетентность, являясь сложнейшим и, как показано в параграфе 3.2.3., многоуровневым образованием, может быть рассмотрена как относительно самостоятельная система. Однако, с другой стороны, она все же (как, впрочем, и любая иная система) онтологически включена в состав и содержание еще более общей целостности, более общей системы. Последняя выступает по отношению к ней как метасистема. Во взаимодействии с мета-

системой, однако, любая система новые грани, свойства, особенности и закономерности – новые качественные спецификации, невыводимые из самой системы [123]. Однако, для целого ряда систем (а в особенности – для психологических) складывается еще более сложная картина взаимодействий системы и метасистемы. Дело в том, что некоторые и, повторяем, прежде всего, психологические системы принадлежат к специфическому классу систем; он был обозначен нами как класс систем со «встроенным» метасистемным уровнем. В связи с этим, можно формулировать некоторые положения, содействующие раскрытию содержания метакогнитивной сферы личности. Компетентность по самой своей природе является, как известно, инструментальным, функциональным образованием. Она выступает комплексом средств для обеспечения эффективности деятельности, а посредством этого и для решения целого ряда иных личностных задач. Кроме того, вне определенного – более общего контекста, более широкой целостности, она не просто утрачивает смысл, но и, фактически, деструктурируется. Другими словами, она всегда (онтологически) представлена как объективно необходимая составляющая других – метасистемных образований, в частности, метасистемы личности. Система обретает во взаимодействии с ними свои основные качественные характеристики, свою качественную определенность в целом. По отношению к компетентности как системному образованию можно констатировать специфические закономерности ее соотношений с более общими по отношению к ней метасистемами. Дело в том, что целый ряд важнейших «составляющих» самих этих метасистем оказываются функционально представленными в ней самой. Они, фактически, оказываются органично включенными в состав и содержание самой компетентности (как системы, которая объективно сама входит в них). Более того, эти «составляющие» метасистем, включаясь – «встраиваясь» в систему компетентности, играют в ней ведущую и определяющую роль. Они выступают одними из их важнейших конституирующих «составляющих».

Мы уже отмечали в параграфе 3.2.4., что, если рассматривать соотношение системы компетентности с одной из указанных метасистем – личностью, то в качестве наиболее демонстративных из таких «составляющих» являются *способности* личности. Они не только оказываются функционально представленными в системе компетентности, но и играют в ней определяющую роль. Вместе с тем, «встра-

иваясь» в систему компетентности, они выступают не столько, так сказать, самостоятельно (как ее отдельные «составляющие»), сколько в ином модусе. Они определяют и регулируют качество реализации всех иных ее «составляющие», всех иных рассмотренных выше уровней. Другими словами, они существенным и, более того, именно определяющим образом влияют на них: на их состав, на содержание профессиональных знаний, на характер и меру сформированности профессиональных умений, на становление «репертуара» профессиональных навыков. Особенно сильное влияние в последнем случае оказывает такая общая способность, как обучаемость.

В результате складывается следующая картина. Метасистема (личность) функционально «встраивается» в саму систему компетентности и, более того, во многом ее и конституирует. Тем самым, эта система демонстрирует свой статус как принадлежащая к специфическому классу систем со «встроенным» метасистемным уровнем. Этот уровень оказывается локализованным внутри самой системы компетентности и, более того, локализуется на «вершине» общей иерархии ее уровней.

Далее, можно констатировать и еще одну важную закономерность, которая наиболее явно представлена при достаточно высоком уровне сформированности компетентности по отношению, в основном, к сложным видам деятельности. Она заключается в том, что процесс формирования отдельных компетенций и компетентности в целом может развертываться не только, так сказать, стихийно. Данный процесс может быть и предметом специально организованных, целенаправленных воздействий. Кроме того, он может выступать и предметом самоформирования – специальной активности субъекта, направленной на это формирование. В этом случае активность субъекта, направленная на формирование компетентности, может принимать и, как правило, принимает достаточно сложный и развернутый характер. Она воплощает в себе все основные черты и атрибуты деятельности как таковой; выступает, по существу, как «деятельность по формированию компетентности».

Вместе с тем, очевидно, что индивидуальная мера выраженности такой способности – к построению, к специальному целенаправленному формированию системы собственно деятельностных компетенций, может достаточно существенно различаться. В связи с этим, можно, по-видимому, сделать следующее заключение. Наряду с компетентно-

стью так сказать «первого порядка», существует, по всей вероятности, и некоторая – достаточно имплицитная, но важная компетентность «второго порядка». Ее суть заключается в том, что субъект обладает возможностями – своеобразной компетентностью в плане воздействия на свою же собственную компетентность по отношению к той или иной конкретной деятельности, по отношению к ее целенаправленному развитию. Аналогичный по смыслу феномен уже достаточно давно был дифференцирован по отношению к процессу обучения: известно, что необходимо не только и не просто учить, но и учить учиться. В плане феномена компетентности это означает, что недостаточно формировать только «первичную» компетентность. По-видимому, необходимо также и формирование своего рода метакомпетентности – компетентности по формированию и развитию собственных компетентностей. Понятно также, что она атрибутивно включает в себя весь арсенал средств и способов произвольного и потому – осознаваемого контроля и регуляции, а ее функционирование также носит подчеркнуто осознаваемый, произвольно контролируемый характер. Следовательно, она имеет столь же выраженную собственно метакогнитивную окраску и аналогичное функциональное предназначение, выступая не только как метакомпетентность, но и как специфически метакогнитивное образование. Тем самым она объективно входит в общий состав метакогнитивной сферы как ее органичная «составляющая». Именно она, по нашему мнению, является наиболее специфической для общесистемного уровня организации метакогнитивной сферы.

4.4. Субсистемный уровень организации метакогнитивной сферы личности

4.4.1. Психологический анализ информационной деятельности как основа определения состава и содержания субсистемного уровня организации метакогнитивной сферы личности

Основными выводами проведенного в предыдущем параграфе анализа явились два следующих положения. Во-первых, положение о принадлежности метакогнитивной сферы личности к качественно специфическому классу систем со «встроенным» метасистемным уровнем. Во-вторых, необходимость дифференциации в ее структуре

двух уровней организации – общесистемного и метасистемного. Подчеркнем также, что данные заключения имеют так сказать двуединое обоснование. С одной стороны, они являются следствием общепсихологического анализа, то есть рассмотрения особенностей и закономерностей этой сферы в относительной автономности от специфически деятельностной проблематики, то есть в отношении данного понятия как общепсихологического конструкта. С другой стороны, в целом ряде выполненных нами ранее исследований данное понятие было реализовано и как конструкт собственно деятельностной проблематики; в частности, по отношению к такому важнейшему типу деятельностей, как управленческая [86, 88, 89]. Следует учитывать также, что она является наиболее репрезентативной в плане исследования одного из основных классов профессиональной деятельности – *субъект-субъектного*. В этих работах была верифицирована наиболее общая теоретическая гипотеза относительно принадлежности метакогнитивной сферы к системам со «встроенным» метасистемным уровне, которая получила многоплановое подтверждение. В силу этого, есть все основания предполагать, что она может быть справедлива и по отношению к еще одному – также базовому классу профессиональной деятельности – *субъектно-информационному*. Обоснованность данного предположение состоит в том, что все основные классы деятельности и тем более – их частные видовые проявления должны обладать принципиальной общностью их наиболее глубинных и значимых особенностей и закономерностей, к числу которых принадлежит механизмы ее осознаваемой, произвольной, метакогнитивной регуляции. Тем самым находит свое подтверждение и одно из основных положений реализуемого в данной работе общего методологического подхода, согласно которому структурная организация этого класса систем в целом и метакогнитивной сферы, в частности, базируется на уровневом принципе. Однако именно это и означает, что в ней должен быть воплощен определенный инвариант структурных уровней организации, описанный в главе 2. Он включает в себя совокупность пяти базовых уровней организации, а их сущность также уже была охарактеризована выше.

Вместе с тем, если это так, то появляются веские основания полагать, что не только уже рассмотренные уровни (метасистемный и общесистемный), но и другие «предсказываемые» им уровни, также представлены в структурной организации метакогнитивной сферы личности. Одним из основных среди них и при этом непосредствен-

но локализованным «под» общесистемным уровнем, является особый и очень своеобразный в качественном отношении уровень, обозначаемый понятием *субсистемного* уровня. На неоспоримость его существования указывает целый ряд важных положений, которые содержатся в методологии системности. Так, известно, что важнейшим для его общей характеристики является следующее положение, принявшее характер своеобразной аксиомы. Любая сложная система состоит не из своих компонентов непосредственно, а из некоторых закономерных их комплексов, то есть *подсистем* [5, 10, 99, 103, 142]. Система в целом – это организация многих ее подсистем, которые, в свою очередь, структурируются на основе компонентов. Эти подсистемы формируются в составе общей системы для обеспечения ее основных функций и обозначаются понятием «функциональных органов». Субсистемный уровень как раз и характеризует процесс функционирования отдельных подсистем. Естественно, что он принципиально своеобразен – качественно специфичен по отношению и к собственно системному, и к компонентному уровню. С одной стороны, он не возвышается до системного уровня, так как – по определению – соотносится лишь с частью системы – ее подсистемами. Однако, с другой стороны, он не сводится и к компонентному уровню, так как реализуется на основе закономерной интеграции многих компонентов. Вместе с тем, по отношению к метакогнитивной сфере личности данное положение пока не учитывается должным образом, хотя в общетеоретическом плане является фундаментальным и общепризнанным.

Данный уровень обладает целым рядом специфических особенностей, которые в наибольшей степени – естественным и органичным образом соответствуют самой сути метакогнитивной сферы как подчеркнуто функциональной по направленности и операциональной в аспекте своих конкретных средств и механизмов. Среди них, в первую очередь, выделяются следующие отличительные черты [111]. Прежде всего, он принципиально *гетерогенен*, поскольку включает множество различных по сложности частных декомпозиций системы. Соответственно этому – в зависимости от сложности – он может быть более близок либо к общесистемному уровню, либо к «нижележащему» по отношению к нему уровню – компонентному. Далее, он предельно *динамичен*, поскольку строится и переструктурируется в зависимости от требований и специфики объективных ситуаций (для преодоления которых он и предназначен). Любая сложнооргани-

зованная система как органическая целостность, постоянно порождает некоторые функциональные органы, направленные на обеспечение ее основных функций [27]. Порождение таких «органов», а также их реализация – это и есть, собственно говоря, сам процесс ее функционирования. Наконец, и в значительной степени именно по только что констатированной причине, данный уровень является принципиально *функциональным*: его состав и закономерности определяются совокупностью основных функций той или иной системы в целом.

Кроме того, необходимо учитывать и еще одно – также важное положение сформулированного в параграфе 3.3.2. подхода: метакогнитивная сфера личности включена в состав не одной, а нескольких более общих по отношению к ней целостностей – метасистем. Так, очень важной – объективно существующей, онтологически представленной целостностью, в которую включена метакогнитивная сфера, выступает сама деятельность. Она, следовательно, также должна быть понята и проинтерпретирована в качестве еще одной метасистемы по отношению к ней. Соответственно этому, вся логика анализа, проведенного выше в отношении первой из метасистем (психики), должна быть воспроизведена и по отношению к ней. Из психологии профессиональной деятельности известно, что именно в условиях реальной деятельности, осуществляющейся в естественных условиях и, следовательно, под влиянием всех факторов осложняющего плана, необходимость в высокой организации многих психических образований и процессов в целом и в их структурированности, в особенности, существенно возрастает. Условия деятельности, а также атрибутивно присущая ей практичность вообще предъявляют более жесткие требования к функционированию психики и, соответственно, к степени структурированности тех образований, которые его обеспечивают. Следовательно, есть все основания полагать, что данной закономерности подчиняется и организация метакогнитивной сферы. Поэтому ее изучение именно в контексте реальной деятельности (как еще одной метасистемы по отношению к ней) выступает необходимым с исследовательской точки зрения.

Итак, по-видимому, в составе и содержании, равно как и в общей структурной организации метакогнитивной сферы личности, существует еще один качественно специфический уровень. Он соответствует субсистемному значению критерия-дискриминатора и образован не отдельными метакогнитивными факторами и детерминантами,

но и не охватывает всю ее в целом, а включает в свой состав их функциональные синтезы – *подсистемы*. Следовательно, весь дальнейший анализ должен быть направлен на их экспликацию и последующее раскрытие. Переходя к непосредственному рассмотрению этого вопроса, равно как и к попытке решения более общего вопроса о возможном существовании ряда основных подсистем метакогнитивного плана, необходимо, прежде всего, отметить следующее важное обстоятельство. Оно в определенной степени может рассматриваться в качестве своеобразной «подсказки» для его решения, а в более общем плане выступает необходимым основанием для всего последующего анализа. Дело в том, что одной из основных и, по существу, атрибутивных особенностей всех образований метакогнитивного плана является их производность от тех или иных основных «составляющих» психики в целом, их «вторичность» по отношению к ним. Причем, она выявляется уже по отношению к каждому из образований такого плана; она исходно заложена в каждом из них. Однако она же выявляется и на уровне их целостной совокупности – на уровне всей метакогнитивной сферы личности, что было подробно аргументировано в предыдущем параграфе. Главным при этом как раз и является то, что вся эта сфера выступает итогом и эффектом функционального включения, «встраивания» в нее исходной метасистемы – содержания психики в целом, а сама она является поэтому системой со «встроенным» метасистемным уровнем. Отсюда, однако, с логической необходимостью вытекает важное следствие: основания и критерии для дифференциации подсистем метакогнитивного плана заложены в содержании и организации самой психики в целом и в способах ее дифференциации на отдельные «составляющие» (разного уровня обобщенности). Другими словами, то, как именно дифференцируется субсистемный уровень метакогнитивной сферы личности, и, соответственно, какие именно подсистемы и на каком именно основании входят в его состав, не только зависит, но и определяется тем, каким образом дифференцируется сама психика.

Так, одним из наиболее обобщенных и одновременно – широко распространенных является, как известно, дифференциация, построенная по функциональному критерию. Она предполагает выделение определенных *подсистем* психических процессов – *когнитивной*, *регулятивной* и *коммуникативной*, которые интегрируют в себе качественно специфические процессы, принципиально сходные по их функциональной направленности, но и столь же существенно –

качественно отличающиеся процессов, входящих в другие подсистемы. Следовательно, исходя из этого, появляются необходимые и во многом достаточные основания для того, чтобы дифференцировать в составе метакогнитивной сферы личности три базовые подсистемы. Каждая из них непосредственно соотносится с той или иной «первичной» подсистемой процессов (когнитивной, регулятивной, коммуникативной). Поэтому их по совершенно естественным причинам можно обозначить понятиями *метакогнитивной*, *метарегулятивной* и *метакоммуникативной* подсистем³¹.

Далее, с высокой степенью очевидности предстает необходимость в дифференциации и других – также качественно глубоко специфических и крайне важных подсистем. Они, однако, связаны уже не с операциональными механизмами и средствами метапознания (то есть не с когнитивными процессами), а с их итоговыми эффектами, с их результатами – со *знаниями* как таковыми. Вместе с тем, это особые знания – «знания о знаниях», «вторичные» знания, то есть метазнания. На данном обстоятельстве необходимо остановится несколько подробнее, так как оно создает необходимые условия для дифференциации иных – менее очевидных, но также важных подсистем, входящих в состав метакогнитивной сферы личности. Действительно, то, что обозначается как «феномен знаний», является одним из наиболее сложных предметов научного познания в целом и психологического, в частности³². Вполне закономерно поэтому, что он не мог быть обойден вниманием и в самом метакогнитивизме как в направлении,

---

³¹ В связи с этим, возникает и еще более общий вопрос – о правомерности сохранения самого термина «метакогнитивный» для обозначения всего содержания метакогнитивной сферы личности. Действительно, если она включает в себя процессы и средства не только собственно метакогнитивного плана, но и иных по функциональной направленности и своему содержанию планов – в частности, метарегулятивные, метамотивационные и пр., то не суживается ли в таком случае ее реальное содержание? Является ли она вообще адекватным термином для ее характеристики? По нашему мнению, данное понятие все же необходимо сохранить – прежде всего, по причине того, что оно является наиболее традиционным и устоявшимся; следует лишь помнить, что оно все более становится условным, а в перспективе, не исключено, может уступить место и какому-либо более общему и, следовательно, в более полном виде охватывающим все содержание данной сферы понятию (например, понятию *метапроцессуальной* сферы личности или понятию метасферы психического).

³² Перефразируя известное шекспировское выражение, можно сказать: «Что значит знать – вот в чем вопрос».

которое атрибутивно сопряжено с ним. Это проявлялось в наиболее общей и важной дифференциации метакогнитивизма в целом на два основных направления. Как мы отмечали выше, первое из них направлено на исследование метакогнитивных процессов и составляет содержание *операционного* направления. Второе из них направлено на исследование метазнаний и составляет *операндное* направление. Подчеркнем, что данная дифференциация сопряжена с главным аспектом всего метакогнитивизма – содержанием его предмета. Следовательно, она также должна быть адекватно учтена и при дифференциации метакогнитивной сферы как того, что и конституирует его.

Все это, в свою очередь, означает, что одной из важнейших особенностей образований, обозначаемых понятием метапознания, является еще и та, которая фиксирует их в качестве результативных эффектов основных категорий процессов, которые, в свою очередь, входят в состав трех уже дифференцированных подсистем. Поэтому все образования метапознавательного плана имеют очень важную общую черту, которая, к сожалению, обычно упускается из вида при анализе метакогнитивной проблематики. Она состоит в том, что все они являются не только и не просто результатами и следствиями тех или иных собственно процессуальных образований, но и своего рода «постпроцессуальными» и, следовательно, метапроцессуальными образованиями.

В данной связи, особо следует подчеркнуть также ряд дополнительных обстоятельств. Аналогично тому, как феномен знаний является предельно многомерным, сложным и многоаспектным, метапознания также характеризуются выраженной гетерогенностью [315, 319, 325, 329, 348, 366, 374]. В силу этой – предельной гетерогенности данного феномена, представления о нем не характеризуются пока должной степенью систематизированности, в результате чего они находятся пока на претеоретическом уровне разработанности и, соответственно, требуют их концептуализации – в частности, их ассимиляции со стороны общих взглядов относительно организации всей метакогнитивной сферы личности. Далее, следует отметить, что эта гетерогенность достаточно давно была распознана в метакогнитивизме, в связи с чем в нем выделяются две основные категории метазнаний – «знания *информации*» и «знания *стратегий*», что также требует учета при дифференциации метакогнитивной сферы на ее основные подсистемы. Наконец, нельзя не видеть и того, что эта дифференциация принципиально близка с еще одной, но уже максимально общей и, по существу,

общенаучной дифференциацией основных типов знаний – на *декларативные* и *процедуральные*. Как отмечалось выше, декларативные знания – это знания по типу «что?», а процедуральные знания – это знания по типу «как?».

Наконец, необходимо учитывать, что данная дифференциация особо значима и показательна именно для информационной деятельности в целом и той, которая базируется на компьютерной технике, в особенности. Дело в том, что именно в ней степень так сказать автономности, разделенности этих типов является очень существенной, максимальной. С одной стороны, безусловно, IT-специалист должен владеть очень существенным объемом общих и специальных знаний по своему предмету – знаний, которые составляют базу его профессионализма, но которые не носят непосредственного конкретно-операционного характера. С другой стороны, он должен владеть и столь же большим объемом знаний о конкретных процедурах, алгоритмах и способах работы, а особенно о программном обеспечении в целом. Причем, наиболее характерно то, что очень часто итоговая эффективность деятельности и вообще – возможность работы определяется не столько первой категорией знаний, сколько второй. Для нормативной деятельности вовсе не требуется очень глубоких знаний о том, как устроена ее техническая «составляющая». В этом плане можно привести аналогию с известным выражением: «Для того, чтобы управлять автомобилем, не обязательно знать, как он устроен». Более того, в массовом случае этого не требуется и это, строго говоря, не представляется возможным вообще, поскольку уровень ее сложности таков, что он выходит за пределы возможности освоения рядовыми пользователями. Существование и выраженная автономность этих двух типов знаний также обуславливает специфику формирования и итогового содержания метакогнитивной сферы личности в данной деятельности. Потому данное обстоятельство также должно быть учтено при ее дифференциации на ее «составляющие» – подсистемы. В силу всех этих аргументов, отражающих основные тенденции развития метакогнитивизма, а также структуру того главного, что в нем есть – предмета, становится очевидной необходимость дифференциации еще двух базовых подсистем метакогнитивной сферы. Первая включает в себя интегрированную совокупность метазнаний декларативного типа, а вторая – столь же интегрированную совокупность метазнаний процедурального типа. Вообще говоря, только определенной инерцион-

ностью научных представлений в данной области можно объяснить тот факт, что эта дифференциация до сих пор никак не была ассимилирована метакогнитивизмом.

Итак, дифференциация этих подсистем объективно необходима именно точки зрения их роли в организации деятельности. В то же время, она полностью соответствует общей логике развития всего метакогнитивизма, а также содействует решению ряда сформулированных в нем задач. В наиболее обобщенном виде их можно условно обозначить рабочими терминами *метадекларативной* и *метапроцедуральной* подсистем.

Подчеркнем также, что в данном пункте анализа мы вплотную сталкиваемся с таким фундаментальным понятием (и, соответственно, феноменом), каковым выступает феномен *опыта*, в том числе – профессионального. Следует учитывать также, что он особо важен именно для профессиональной деятельности, для личности профессионала в целом. В этой связи, например, совершенно не случайно, что в качестве синонима понятия «эффективный профессионал» используется понятие «опытный профессионал». Кроме того, необходимо обязательно принимать во внимание, что само понятие метазнаний (и во многом производное от него понятие опыта) очень тесно связано с еще одним и также крайней важным для профессиональной деятельности в целом понятием, даже – с принципом ее организации. Речь идет о принципе *репродуктивности*, то есть о таких стратегиях организации и реализации деятельности, которые базируются на приоритете использования уже имевших место ранее и проверенных способов и приемов ее организации, которые, в свою очередь, как раз и фиксируются в форме знаний о них. При этом, однако, приходится учитывать, что к данному принципу сложилось не вполне адекватное отношение. Он рассматривается нередко как «старый» – рутинный и неинтересный, в чем-то даже и второсортный, а потому и не заслуживающий особого внимания. Принцип же продуктивности, наоборот, трактуется как «инновационный» – интересный и эффективный и поэтому важный в исследовательском плане. В действительности, однако, ситуация является совершенно не такой и даже в известном отношении противоположной. Принцип репродуктивности не только играет огромную и во многом определяющую роль в организации подавляющего большинства видов деятельности, но нередко вообще регламентируется как единственно возможный –

нормативно задаваемый и императивно навязываемый. Иные же принципы – в том числе и принцип продуктивности не только не приветствуются, но и запрещаются.

Продолжая анализ содержания субсистемного уровня организации метакогнитивной сферы личности, необходимо особо подчеркнуть и то, что произведенная дифференциация метапроцедуральной и метадекларативной подсистем, являющаяся важной сама по себе, создает необходимые условия для экспликации еще двух столь же значимых подсистем. В свою очередь, это является, с одной стороны, своеобразным верификатором правомерности уже проведенной дифференциации, а с другой – проявлением ее эвристичности и предсказательных возможностей. В этом плане можно, по нашему мнению, высказать следующее предположение. По-видимому, существует принципиальная аналогия (которая является, скорее, более чем просто аналогия), отражающая глубинное подобие базовых принципов функционирования этой техники и организации психики. Как известно, на уровне сознания, на уровне произвольной регуляции субъекту вовсе не даны все те механизмы и средства, принципы и способы, которые лежат в основе объективного функционирования психики. Более того, эта принципиально неполная их репрезентация составляет одну из основных характеристик психики – ее неполную интроспективную данность; ее не только не объективированность, но и не полную субъективированность. Собственно говоря, это и отражено в наиболее общем принципе ее организации – в дифференциации на осознаваемое и неосознаваемое, а также на присущие им механизмы и процессы взаимообратимых трансформаций. Тем не менее, несмотря на эту неполную (точнее – весьма парциальную) данность, то есть, фактически, неполные знания о том, как она функционирует, субъект все же оказывается в состоянии достаточно эффективно управлять самим функционированием. Развивая приведенное выше метафорическое выражение, можно сказать: для того, чтобы управлять своей психикой, вовсе не требуется знать, как она устроена. Более того, складывается ощущение, что это не только излишне и не только *невозможно*, но и *контрпродуктивно*³³. Ины-

---

³³ В этом плане можно привести множество выражений, эмпирических наблюдений и фактов: это и притча о сороконожке (когда она стала «задумываться», с какой ноги пойти, то остановилась); это и грибоедовское «Горе от ума»; это и «кривая

ми словами, в связи с этим, возникает не только возможность, но и необходимость распространения общенаучной и очень значимой дифференциации двух основных типов знаний – декларативных и процедуральных на сами метазнания. Они также могут быть как метадекларативными, так и метапроцедуральными. Собственно говоря, эта дифференциация, правда, на претеоретическом уровне, и была осуществлена в приведенном выше разделении метазнаний на знания об информации и знания о стратегиях. Однако, она вообще не учитывается в должной мере по отношению не к внешним знаниям – объектным, а к внутренним знаниям – субъектным. Совершенно понятно, что этот концептуальный пробел должен быть преодолен, что и осуществляется за счет дифференциации двух указанных подсистем метазнаний.

Иными словами, сами метадекларативные и метапроцедуральные знания могут быть не только так сказать внешними, но и внутренними – не только знаниями об объективном мире, но и о мире субъективном. Более того, они составляют огромную часть всего содержания тех репрезентаций, которые лежат в основе опыта как интегрированной системы всех знаний. Вместе с тем, как можно видеть, эта «часть» также является принципиально гетерогенной и включает в себя те же категории, которые составляют содержание объектно-ориентированных репрезентаций – декларативную и процедуральную. Первая часть интегрирует в себе всю «внутреннюю» информацию, все знания, генерируемые субъектом посредством своего рода внутреннего канала – посредством саморепрезентаций, базирующегося, в свою очередь, на фундаментальном механизме самосензитивности. В итоге формируется все то, что может по-раз-

---

Гизелли», демонстрирующая снижение эффективности управленческой деятельности при интеллекте, значимо выше среднего [330], и эффект «метакогнитивной петли» [374], и феномен «аналитического паралича» [202], и феномен «метакогнитивного перфекционизма» [377], и эффект «гиперконтроля» [374]. Это и столь же известная притча о двух мышках, попавших в ведро с молоком и не умеющих плавать: одна из них «правильно осознала» безвыходность ситуации и утонула, а вторая «ни о чем не стала думать» и просто начала действовать – барахтаться, в результате чего молоко свернулось и превратилось в сметану, оперевшись на которую, мышка выбралась из ведра. Это и известная ситуация, описанная А. де Сент-Экзюпери о пилотах, попавших в аварию в пустыне и не могущих найти выход из нее: «Самое трудное в этой ситуации было не думать о безвыходности ситуации» и мн. др.

ному обозначаться, но имеет общий смысл именно в плане категории метазнаний – декларативных. В этом плане уместно вспомнить и достаточно давно введенные в терминологический аппарат психологии понятия *экзопсихики* и *эндопсихики*, экзопсихического и эндопсихического [153]. Первое аккумулирует ту ее сторону, которая сопряжена с внешним контуром – со взаимодействием с внешней средой и ее репрезентацией а ней в системе знаний. Вторая сопряжена с такими же по функциональной направленности, но противоположными по «адресату» сущностями – не внешними, а внутренними, с субъектной средой. В силу этого, переводя данные термины на язык метакогнитивизма, можно сказать, что второй из них обозначает уже не столько метакогницию, сколько *эндокогницию*. Он фиксирует в себе синтезированную информацию – фактически, знания субъекта о самом себе – своих возможностях и ограничениях, о своих знаниях и не-знаниях, особенностях и свойствах, о сильных и слабых сторонах. В связи с этим, по-видимому, не приходится доказывать то, что такого рода репрезентации и их адекватность – систематичность и адекватность особо необходимы именно в профессионалов деятельности. Дело в том, что эта внутренняя информация является, фактически, залогом эффективности реализации большинства собственно деятельностных функций. И напротив, недостаточный учет этих информационных факторов является важной причиной ее неэффективности. Важно и то, что эта совокупность знаний включает в себя репрезентации разного уровня обобщенности, разного уровня осознанности. На одном – максимально обобщенном уровне она включает в себя общие представления субъекта не только о «деятельности в себе», то есть систему знаний о ней как об объективной реальности, но и представления «о себе в деятельности» – то, что целесообразно обозначить как *«Я-профессиональное»*. На другом – базовом уровне представлена и такая внутренняя информация, которая характеризуется минимальными степенями осознания или вообще носит неосознаваемый характер. Такого рода информация – эти знания также зафиксированы в эмпирическом плане в понятии метакогнитивных чувств (МКЧ) и составляют очень важную часть всех метакогнитивных феноменов. Одновременно это же обстоятельство позволяет органично включить в состав метакогнитивной сферы и широко изучающиеся в настоящее время в метакогнитивизме так называемые *бессознательные* компоненты метакогниции.

Действительно, в данном плане очень доказательными являются те исследования, которые проводятся в последнее время в метакогнитивизме, составляя достаточно крупное направление, которое как раз и сопряжено с проблемой возможности *неосознаваемые* метакогнитивных феноменов и иных их проявлений – в частности, процессов. Проблема соотношения метапознания (метакогниции) и бессознательного была сформулирована относительно недавно – прежде всего, в работах L. M. Reder и C. D. Schunn [307]. Ими был обоснован тезис, согласно которому значительная часть метакогнитивного контроля поведения осуществляется косвенным образом или автоматически, без сознательного контроля, а выбор стратегии является скорее бессознательным метакогнитивным процессом. Вместе с тем, G. Graham и K. Neisser определяя метапознание как убеждения второго порядка («Я знаю, что я знаю»), также допускали возможность существования бессознательного метапознания (по [121]). Для понимания связи метапознания и сознания целесообразно также рассмотреть определение метапознания в терминах рефлексии, убеждений и установок второго порядка. С одной стороны, накоплено уже достаточно оснований для того, чтобы утверждать, что люди могут бессознательно иметь убеждения и установки даже первого порядка. Вследствие этого, вполне логично предположить, что убеждения и установки второго порядка также могут быть бессознательными. С другой стороны, мысль о бессознательных рефлексивных убеждениях можно рассматривать и как сомнительную; так, G. Graham и K. Neisser показали, что наиболее характерным для человека является осознанное убеждение второго порядка об осознанном убеждении первого порядка.

Вместе с тем, в работах M. K. Spohn и L. M. Reder было получено множество фактов, подтверждающих, что метакогнитивный мониторинг и контроль могут «проходить и по ту сторону» сознания (по [98]). В целом, их исследования показали, что активное изучение различных сторон вопроса может усилить мнение субъекта относительно своего «чувства знания» (как суждения о вероятности полной актуализации определенной информации, хранящейся в памяти), предположительно посредством углубления сигнальных знаний. Кроме того, подобное активное изучение может также затрагивать и выбор стратегии. Эти авторы считают, что «выбор стратегии это скорее бессознательный метакогнитивный процесс; или, если метапознание предполагает осознание, – тогда это имплицитный процесс». Еще один подход,

предложенный В. W. Kobes, состоит в том, чтобы заменить понятие бессознательного чувства знания на понятие бессознательного мониторинга. Последнее связано с тем, что стали возникать споры относительно того, могут ли чувства быть бессознательными. Хотя чувства и могут быть результатом бессознательных процессов, сами они являются сознательными, феноменальными состояниями (по [121]).

Наиболее общий смысл, объединяющий практически все предлагаемые варианты, состоит в следующем. Бессознательные факторы (процессы, механизмы, процессы и пр.) играют определенную функциональную роль в организации и осуществлении метакогнитивных процессов и метапознание в целом. Они, однако, представлены в них вместе с иными – осознаваемыми средствами и, более того, соподчинены им. В целом – в полном объеме метапознание, согласно большинству теоретических подходов, не допускает свою реализацию на уровне бессознательного. Констатируя это, все же не следует упрощать ситуацию, поскольку в последнее время все чаще высказываются и иные мнения по этому вопросу, а на данную проблему переносится вся сложность, которой характеризуются соотношения сознательного и бессознательного. Остановимся на данной проблеме более подробно.

Проблема соотношения метапознания (метакогниции) и бессознательного составляет сегодня одну из важнейших в метакогнитивизме. Наиболее общим и принципиальным – традиционным и широко обсуждаемым в литературе, а в то же время – и наиболее острым в теоретическом отношении является, как отмечалось, вопрос о том, могут ли быть в принципе метакогнитивные процессы бессознательными? Может ли метапознание осуществляться без участия сознания и реализовываться на неосознаваемом уровне организации психики? Или же метапознание – это целиком и полностью прерогатива сознательного а, потому субъективно регулируемого и контролируемого уровня ее организации? Во всех этих вопросах как «в капле воды» проявляется недостаточная теоретическая зрелость, а нередко – противоречивость и неопределенность концептуального содержания и понятийного аппарата метакогнитивного направления в целом. Это проявляется не только в недостаточной обоснованности предлагаемых способов решения отмеченного, но и даже в неполной корректности его постановки. Обычно данный вопрос формулируется в следующем виде: могут ли метакогнитивные процессы (а шире – и метапознание как таковое) осуществляться на бессознательном уровне? Другая –

более «мягкая», но уже существенно отличающаяся от первой, хотя и столь же традиционная его постановка выглядит следующим образом. Включены ли в метакогнитивные процессы механизмы и иные средства, имеющие характер неосознаваемых? Играют ли бессознательные средства и иные операционные составляющие какую-либо роль в метакогнитивных процессах (и повторяем, метапознании в целом)? Выполняют ли они какую-либо контролирующую и организующую функцию по отношению к нему? При попытке решения этих вопросов, на наш взгляд, необходимо руководствоваться следующим. Метакогнитивные процессы, как уже отмечалось выше, являются принципиально гетерогенными не только по своему составу и содержанию, но, не исключено, – и по принципам своей организации. Так, они не только допускают, но и требуют своей интерпретации в двух существенно различных, но взаимодополняющих друг друга планах.

С одной стороны, они должны быть, разумеется, проинтерпретированы с тех позиций, сложились исходно и отражают уже отмечавшиеся выше так называемые «рудиментарные» определения метакогнитивных процессов («мышление о мышлении» – метамышление, «память о памяти» – метапамять и пр.). Их неотъемлемой чертой является то, что в них фиксируется не только факт «вторичности» и производности метакогнитивных процессов от «первичных» процессов, но и их атрибутивная субъектность – понимание их именно в качестве специфических средств, осознаваемо и целенаправленно реализуемых субъектом в отношении своих же собственных когнитивных функций. Понятно, что при таком понимании уровень осознаваемой регуляции включается в содержание метакогнитивных процессов, фактически, по определению, является атрибутивно присущим им. Естественно поэтому, что при таком определении ни метапознание в целом, ни каждый из составляющих его метакогнитивных процессов (и иных структур и образований) не могут реализовываться на неосознаваемом уровне организации психического. Однако, с другой стороны, метакогнитивные процессы – как, действительно, вторичные, а значит – интегративные и синтетические характеризуются большей степенью их сложности и мерой достигаемой в них системности строения. Причем, те интегративные – системообразующие средства и механизмы, которые обеспечивают их более высокую сложность и комплексность организации, могут носить (и, как правило, носят) совершенно объективный характер – они реализуются на основе присущих психике

общих – именно объективных закономерностей функционального и процессуального плана. Вполне закономерно, что последние являются именно объективными, они существуют и реализуются «сами по себе», не требуя субъектного, а значит – и субъективного вмешательства в них (и уж тем более – их субъектного и, следовательно, осознаваемо контролируемого осуществления). В силу этого, следует заключить, что механизмы и средства организации и структурирования многих вторичных процессов не только могут, но и обязательно должны реализовываться на неосознаваемом уровне – за счет именно бессознательных и, следовательно, объективных средств и закономерностей. Тем самым последние совершенно органично включаются в общий состав и содержание вторичных, в том числе – и метакогнитивных процессов; более того, они соотносятся именно с собственно процессуальными средствами их реализации.

При такой их интерпретации становится очевидным (и, добавим, вполне закономерным), что важную – структурообразующую и организующую функцию по отношению к вторичным процессам должны выполнять и реально выполняют именно механизмы объективного, не предполагающего субъектный и, следовательно, осознаваемый контроль характера. В силу этого, бессознательные средства и механизмы, носящие объективный характер, не просто включаются в реализацию метакогнитивных процессов (равно как и иных вторичных процессов), но и играют ведущую роль в их структурировании из иных – первичных процессов. В этом плане само понятие метапроцессов означает, прежде всего, существование процессов иных порядков и уровней интеграции; вместе с тем, сама интеграция как их основа реализуется на основе неосознаваемых – объективно присущих психическому закономерностей и средств ее реализации. Очевидно также, что вторичные процессы не только могут, но и должны быть частично бессознательными. Они, однако, являются таковыми по механизмам их реализации, то есть именно в аспекте их собственно процессуального обеспечения, так сказать – по «технологии». Однако они же являются атрибутивно сознаваемыми в плане их результативного содержания – того, к чему приводит действие бессознательных, объективных механизмов, лежащих в основе их интеграции. И в этом своем результативном модусе они доступны репрезентации на уровне сознания и, следовательно, столь же доступны для произвольного, то есть субъектно контролируемого осуществления.

С этих позиций становится очевидной необходимость и в достаточной существенной корректировке понятия бессознательного. Его само точнее было бы обозначить более нейтральным (но одновременно – и более общим) термином «неосознаваемое». Дело в том, что неосознаваемая сфера психики включает, по-видимому, и такие процессы, которые не только не проще, чем те процессы, которые осознаются, но и сложнее, чем они. С этих позиций достаточно хорошо интерпретируются и те представления, которые зафиксированы в еще одной – известной и широко обсуждаемой дифференциации психического – на бессознательное, сознательное и сверхсознательное. В этой же связи необходимо отметить и термин, предложенный В. М. Аллахвердовым, – протосознательные процессы (то есть те, которые в значительной мере и регулируют осознаваемые процессы, но сами по себе не осознаются) [6]. На наш взгляд, их было бы точнее обозначить как метасознательные процессы, поскольку они по степени своей сложности являются заведомо более, а не менее сложными, нежели процессы осознаваемого контура. Поэтому метасознательные процессы выступают по отношению к ним не как *прото*процессы, а именно как *мета*процессы. Эти процессы, по-видимому, в принципе не допускают своего перевода в осознаваемую форму. Весь драматизм и даже трагизм исследовательской ситуации, связанной с их пониманием и объяснением, заключается в том, что они не только не объективируемы (в этом они ничем не отличаются от всех иных компонентов психического)³⁴. Дело еще и в том, что они столь же принципиально не субъективируемы. Однако в таком случае и возникает принципиальнейший вопрос: как же их изучать? Как они могут быть доступны познанию, если в отношении них «не работает» даже интроспекция? И вообще – как они могут быть эксплицированы и раскрыты в плане их содержания? Пока это практически полностью не ясно; не ясно даже то, как их вообще можно представить – как «помыслить» о них? Однако то, что нельзя понять *сейчас*, не означает, что этого нельзя будет понять *никогда*. И здесь необходимо вспомнить известное выражение Л. Д. Ландау: «Мощь современной науки заключается в том, что мы можем *понять* то, что не можем *представить*» [151]. Если метакогнитивизм в целом представляет собой, по существу, ренессанс пси-

---

³⁴ Как указывали Дж. Миллер, Е. Галантер и К. Прибрам: «Психическое трагически невидимо» [180].

хологии сознания, то одно из его направлений – исследование метакогнитивных чувств представляет собой в известной степени ренессанс психологии бессознательного, а также знаменует новую постановку острейшей проблемы соотношения первого со вторым. Наконец, важно, что учет эндокогниции особенно важен в плане деятельностной проблематики, поскольку именно в профессиональной деятельности требования к самим процедурам переработки информации наиболее высоки и, соответственно, они предполагают необходимость подключения всех ресурсов субъекта – в том числе, и тех, которые локализованы на несознаваемых уровнях.

Итак, завершая достаточно обширный экскурс в проблему соотношения осознаваемых и неосознаваемых компонентов метакогниции, можно заключить, что именно она предоставляет важные данные относительно механизмов саморепрезентации субъектом своих характеристик – того, что, собственно говоря, и лежит в основе понятия эндокогниции. Это тем более необходимо, что именно в профессиональной деятельности они наиболее представлены, поскольку одним из важнейших механизмов деятельности выступает механизм *автоматизации*, содержанием которого как раз и выступает все более полный перевод ее регуляции на неосознаваемые уровни и подключение неосознаваемого уровня эндокогниции. Все сказанное позволяет дифференцировать еще одну подсистему метакогнитивной сферы, которую условно можно обозначить термином *эндокогнитивной* подсистемы.

Вместе с тем, как следует из проведенной характеристики данной подсистемы, она сопряжена, в основном, не со всей совокупностью «внутренней» информации, а преимущественно с той, которая базируется на репрезентациях субъекта о себе, носящих *содержательный*, собственно информационный характер. Иными словами, ее специфика состоит в том, что она является производной от знаний о себе именно декларативного типа. Однако, очень познавательно (и доказательно) и то, что принципиально аналогичная картина имеет место и по отношению к субъектным знаниям второго – процедурального типа. В состав профессионального опыта (хотя, конечно, не только профессионального, но и вообще – поведенческого, личностного) входят и знания по типу «как?» – знания о способах и стратегиях, средствах и механизмах воздействия на самого себе – процедуральные знания в отношении управления собой, регуляции себя, то есть *саморегуляции*. Можно видеть, что тем самым обширное

направление психологии саморегуляции обретает свое естественное место в развиваемых здесь представлениях о содержании метакогнитивной сферы. Сами же эти представления также существенно обогащаются, поскольку они органично включают в себя еще одну, новую для них категорию метазнаний – метапроцедуральные. Данную подсистему можно обозначить именно этим рабочим термином – понятием *саморегулятивной* подсистемы. В результате этого общий состав метакогнитивной сферы еще более обогащается, что свидетельствует о ее действительной сложности и комплексности.

Вместе с тем, даже несмотря на это, он еще не может считаться раскрытым в полной мере. Дело в том, что не учтенной пока остается очень важная группа фактов и закономерностей, которая свидетельствует о существовании еще одной качественно глубоко специфической подсистемы, входящей в состав метакогнитивной сферы личности. Действительно, психологический анализ профессиональной деятельности в целом и информационной деятельности, в частности, в аспекте ее метакогнитивной детерминации позволяет выявить очень специфическую и важную подсистему. Она обладает достаточно очевидным своеобразием по отношению к рассмотренным подсистемам и в плане ее содержания, и в плане ее функциональной роли, в силу чего представляется целесообразным остановиться на ней более подробно. В этих целях нам придется обратиться и к несколько более общим данным и традициям, которые существуют в метакогнитивизме. Так, с одной стороны, в нем оформилась достаточно устойчивая традиция, которая, правда, в последнее время все чаще подвергается обсуждению, согласно которой факторы метакогнитивного плана реализуют, в основном, *ресурсную* функцию. Это означает, что они и сформировались эволюционно и реализуются функционально как средства, направленные на повышение субъектных ресурсов, на расширение функционального потенциала. В этом плане, понятно, что, чем более они развиты и функционально представлены в поведении, тем оно (равно как и деятельность) эффективнее. Вместе с тем, в метакогнитивизме, а также в исследованиях рефлексивной регуляции деятельности к настоящему времени установлен ряд принципиально сходных по смыслу закономерностей и явлений. Все они свидетельствуют о существовании достаточно важной и очень общей закономерности, согласно которой эффективность реализации подавляющего большинства деятельностных задач является максимальной на некото-

ром среднем, то есть оптимальном уровне развития рефлексивности (но не на минимальном, что вполне понятно, но и не максимальном, что уже требует объяснения). Исследования, в том числе и проведенные нами [88, 89], показывают также, что субъект деятельности, как правило, распознает эту особенность, а затем использует ее в качестве средства оптимизации своей деятельности. Для этого он прибегает к специфическим средствам, позволяющим минимизировать степень рефлексивного контроля за деятельностью и ее частными функциями.

Констатируя это, нельзя оставить без внимания еще один, казалось бы, очень «неудобный» вопрос. Его, однако, не только нельзя замалчивать, но наоборот, на нем следует акцентировать специальное внимание, поскольку он, в действительности, является аргументом не «против» развиваемых здесь представлений, а «за» них. Его суть состоит в том, что даже на уровне житейски представлений (в *folk-psychology*), а также в «профессиональном фольклоре» – и в управленческом, и в компьютерном существует целый ряд выражений и правил, в которых отражены рассмотренные выше закономерности. Кроме того, принципиально сходные закономерности и феномены зафиксированы и в более общем плане, а не только по отношению к управленческой деятельности. Это уже отмечавшиеся выше феномены гиперконтроля, метакогнитивной петли, «аналитического паралича» и др. (см. обзор в [121]).

Вместе с тем, суть дела в том и состоит, что речь должна идти не об этих особенностях и феноменах самих по себе – не об их факте (в действительности, несомненном, очень общем и важном), а о том, чтобы выявить и объяснить те психологические механизмы и детерминанты, которые лежат в их основе. Другими словами, речь идет том, чтобы перейти от уровня явления (феноменологического) на уровень сущности (объяснения). Это означает, что необходимо заглянуть за их «феноменологический фасад» и выявить лежащие в их основе детерминанты и механизмы реализации; наиболее важно это именно для деятельности информационного класса. На наш взгляд, основными из них выступают следующие факторы, являющиеся, к тому же, и наиболее специфическими именно для информационной деятельности.

Во-первых, это, конечно, причина наиболее общего и принципиального характера, состоящая в том, что именно в информационной деятельности *объем* данных, которые необходимо переработать (учесть, принять во внимание и пр.), является очень большим.

Он является гораздо большим и, к тому же, значительно более разнородным и противоречивым, чем во многих иных видах деятельности. Это, кстати говоря, в немалой степени связано именно с ее общим характером – с ее принадлежностью к субъектно-информационному классу. В связи с этим, для того, чтобы сделать деятельность в целом и особенно ее ключевые процессы – когнитивные реализуемыми в принципе, необходимы мощные средства *ограничения* информационных потоков – приведения их к виду и объему, доступному для субъекта деятельности и соответствующему его психофизиологическим ограничениям. Фактически – в наиболее общем плане речь идет о том, что необходимая в этих случаях минимизация рефлексивного контроля и приведения его к оптимальной (а не максимальной) степени позволяет обеспечить не просто одно из условий организации деятельности, а ее важнейшее условие – реализуемость.

Далее, при экспликации средств «антирефлексивной» направленности необходимо, конечно, учитывать факторы специфически деятельностного плана, связанные с ее очень выраженным своеобразием в целом ряде планов. Это своеобразие уже частично было предметом нашего рассмотрения в параграфе 1.3; продолжая и детализируя его по отношению к рассматриваемым здесь задачам, отметим следующие обстоятельства. В своей совокупности и своем общем смысле все они свидетельствуют о достаточно явной и своего рода *арефлексивности* этой деятельности – причем, настолько выраженной, что она является и одним из демаркационных критериев ее различения от субъект-субъектного класса. Причем, такая арефлексивность проявляется в нескольких аспектах, планах организации. Во-первых, следует учитывать то, что в известном смысле данная деятельность (особенно те ее разновидности, которые базируются на компьютерной технике) в значимо большей степени близка не к субъект-субъектному, классу, а к субъект-объектному. Дело в том, что непосредственное взаимодействие самого субъекта в процессе осуществляется непосредственно именно с «неодушевленной» сущностью – с компьютером (хотя оно может осуществляться и субъектами, но опять же – опосредствованно им). Такого рода «объектно-ориентированные» взаимодействия порождают ряд следствий.

Первое из них состоит в том, что сама деятельность в целом разворачивается по типу «игры с природой» [184], а вовсе не по типу «рефлексивных игр». Субъект деятельности по определению не ставит перед собой задачу выявить и учесть субъектность кого-то *другого*

(как в случае субъект-субъектных деятельностей) – его планы и намерения, цели и задачи и пр. Естественно, что такая ситуация не только не требует подключения рефлексивных, а значит и метакогнитивных средств, но, напротив, такое подключение выступает как контрпродуктивное – излишне загружающее и усложняющее. Второе следствие заключается в том, что в этих случаях полностью исключается возможность какой-либо преднамеренной *фальсификации* или искажения информации со стороны ее объекта (что характерно для субъект-субъектного класса деятельности)³⁵. Следовательно, и этот фактор делает не только излишним, но и контрпродуктивным включением процессов рефлексивного и метакогнитивного плана. Более того, он провоцирует объективную необходимость его минимизации. Третье следствие состоит в том, что субъект полностью избавлен от необходимости «учитывать *интересы* другого», поскольку этого «другого» просто нет. В его качестве выступает сам компьютер, который, кстати говоря, нередко наделяется некоторыми специфическими чертами и приводит к известному феномену антропоморфизма.

Во-вторых, специфика этой деятельности состоит еще и в том, что она носит выраженно *алгоритмизированный* характер, который в значительной мере противоположен по самому своему духу вариативности и неопределенности организации деятельности и поведению в ней субъекта. Все это порождает известную «машинообразность» и формализованность данной деятельности, антагонистичную рефлексивности как «чисто человеческого» качества (а не «машинного»). Впрочем, это – традиционная тема противоположности «человеческого и машинного». Тем самым возникает еще один фактор аретивного плана.

В-третьих, специфической особенностью данной деятельности является не только большой объем информации, но и ее высокие динамические характеристики, что требует высокой *скорости* ее переработки, интенсивной смены ее содержания, а в целом – быстрого темпа реализации. В свою очередь, он приводит к тому, что объективно устраняется возможность для рефлексивных пауз, для сукцессирован-

---

³⁵ Объективная ситуация может характеризоваться очень высокой степенью сложности; однако, она ни в коем случае «не заинтересована» в том, чтобы «обмануть» действующего в ней субъекта. И напротив, если ситуация включает других субъектов, то такая возможность в принципе уже не только не исключена, но весьма вероятна. Как отмечал в этой связи А. Эйнштейн, «Господь бог изощрен, но не злонамерен» [273].

ного метакогнитивного мониторинга. Причем, он начинает выступать здесь даже в негативном плане, поскольку ингибирует реализацию основных деятельностных функций. В этом отношении существует даже эмпирически установленное и апробированное правило работы – «ускоряйтесь сознательно», что равносильно требованию столь же произвольной минимизации рефлексивного контроля и явления арефлексивности. Необходимость быстро принимать решение серьезно снижает рефлексию на происходящее – будь то эмоциональные факторы или необходимость принять решение. В связи с этим, необходимо отметить и одно из важных средств его организации, установленных и проинтерпретированных в современной когнитивной психологии; им является так называемая «эвристика блокады когнитивного контроля» [40, 147, 276]. Однако, такого рода «блокада» может реализовываться не только в отношении «первичных» когнитивных процессов, но в еще более выраженном и субъективно отчетливом виде также и по отношению к «вторичным» когнитивным процессам – к метакогнитивным процессам. Суть такой «вторичной», то есть именно метакогнитивной «блокады» состоит в том, что сами же метакогнитивные процессы выступают как средства ингибиции – торможения или даже «отключения» собственно рефлексивных средств. При этом субъект осознанно минимизирует (или блокирует) роль сознания в регуляции деятельности и поведения; в «столкновении» двух процессов метакогнитивного плана происходит своеобразная аннигиляция самого рефлексивного контроля. В результате этих явлений порождается своего рода «вторичный» феномен – метакогнитивной блокады; сама же рефлексивная регуляция либо редуцируется, либо полностью блокируется. Это имеет многочисленные эмпирические проявления и феноменологические референты, а также соответствующие репрезентации в опыте индивида.

Далее, совершенно иной по характеру и содержанию, но идентичной по функциональной направленности, является совокупность «антирефлексивных» средств, формирующаяся на основе другой группы метапроцессов – метарегулятивных. Эти средства носят уже не столько собственно процессуальный характер, сколько характер тех поведенческих, точнее деятельностных предпочтений, которые они обуславливают. Это означает, что на основе подсистемы метарегулятивных процессов могут складываться определенные субъективно предпочитаемые стратегии реализации деятельности и ее основных функций. Так, очень показательной в этом плане является известный

феномен гиперделегирования функций, особенно характерный именно для компьютерной деятельности. Понятно, что он, по существу, также во многом просто равнозначен минимизации функциональной роли собственно рефлексивных средств организации деятельности.

В значительной степени аналогичными по своей природе – преимущественно поведенческими являются средства «антирефлексивного» плана, складывающиеся в связи с реализацией еще одной функции – метакоммуникативной и сопряженной с ней социорефлексией. Она обеспечивает межличностные взаимодействия, а ее выраженность во многом и обеспечивает их эффективность. В силу этого, не только вполне понятно, но и совершенно естественно, что именно в деятельности, развертывающейся как процесс взаимодействия не с субъектом, а с объектом, имеет место минимизация социорефлексии. В этом плане известно, что одной из наиболее характерных профессиональных деформаций, возникающих в этой деятельности, является замкнутость и интравретированность ИТ-специалистов, стимулирующаяся сокращением коммуникативных контактов. В связи с этим, констатируется, например, что «Отстраненная метапозиция по отношению к чему угодно у программистов встроена» [206]. Тем самым и процессы социорефлексии, составляющие содержание метакоммуникативной подсистемы, также должны быть минимизированы в плане их функциональной роли. Показательно, что проявления, а тем самым – и подтверждения этого не только очень многочисленны и весьма разнообразны, но и также – весьма просты и даже незамысловаты.

Далее, очень естественной и многогранной является взаимосвязь «антирефлексивных» средств с еще одной группой «вторичных» процессов – метаэмоциональных. В частности, они, как известно, имеют одним из своих результативных эффектов минимизацию или даже – блокаду рефлексивных взаимодействий (как важнейшего источника самих эмоций, в том числе – и негативных). В свою очередь, это проявляется в столь же известных чертах личности ИТ-специалистов – в их технократическом складе.

Кроме того, следует иметь в виду и то обстоятельство, которое рассматривалось в параграфе 3.2.4. в связи с анализом общих проблем влияния компьютерной техники на формирование психики на допрофессиональных этапах ее развития. Как известно, одной из отличительных особенностей складывающейся при этом ситуации

является то, что формирование так называемых digital-skills, равно как и многих иных способов и приемов работы на компьютере, а также вытекающих из них следствий, происходит задолго до начала профессиональной деятельности. Более того, и затем – когда субъект начинает реализовывать эту деятельность их эволюция не прекращается, а запараллеливается с реализацией деятельности. Все это, как известно, имеет существенные последствия для формирующейся психики в целом и для функциональной роли рефлексивных, а следовательно, метакогнитивных процессов в ней, в особенности. Одним из наиболее общих итогов этого выступает синдром, обозначаемый как «снижение когнитивности», подробно рассмотренный выше. Однако, объективным следствием данного синдрома – просто по определению – выступает и производный от него синдром, который можно обозначить как «снижение метакогнитивности». Дело в том, что сами метакогнитивные процессы атрибутивно производны от собственно когнитивных процессов, а их потенциал также прямо определяется ими. Следовательно, степень сформированности метакогнитивных процессов, равно как и их организация, также подвергаются редуцированию в этом случае. В результате их потенциал и, по-видимому, функциональная роль в организации основных форм активности также снижается, что феноменологически проявляется в нарастании арефлексивных тенденций в деятельности.

Наряду с этим, следует учитывать и существенные изменения самих принципов – стратегий и способов, стиля поиска и нахождения необходимой для решения деятельностных задач информации. Хорошо известно, что одной из отличительных особенностей компьютеризации является резкая смена стратегий по типу активного «добывания» стратегиями по типу «запроса». Внутренний поиск заменяется внешним сканированием и фильтрацией, вследствие чего существенно редуцируется сама активность, направленная на информационное обеспечение деятельности. В результате этого частично ингибируются и те собственно когнитивные механизмы, на основе которых базируется переработка информации в целом и ее рефлексивные компоненты, в частности. Это также имеет следствием нарастание арефлексивных тенденций. Причем, нельзя однозначно сказать, является ли это только негативным, или же выступает как необходимое адаптационное средство по отношению к специфике самой деятельности. Однако, как бы то ни было, данное явление также имеет место.

Кроме того, в этом плане необходимо учитывать еще два обстоятельства – одно предельно общего, даже своего рода философского плана, а второе – весьма конкретное, вытекающее из операционной природы информационной деятельности. Так, первое из них состоит в том – традиционном положении, что нигде так явно не выражено противопоставление «человеческого и машинного», как в демаркации процессов и любых иных сущностей, «окрашенных сознанием» и не сопровождающихся им. Именно оно – его наличие и ведущая роль в тех или иных процессах, а следовательно, и включенность в них рефлексивных механизмов и средств, наличие рефлексивной позиции как таковой как раз и выступает решающим признаком такой демаркации. Следовательно, чем более в деятельности и доминирует само «машинное» начало, то есть чем более совокупность основных деятельностных функций транспонируется от субъекта к объекту и средствам деятельности (а именно это и имеет место в компьютерных деятельности, выступая их специфической характеристикой), тем меньше места в ней объективно остается для рефлексивных средств. В силу этого, собственно говоря, и происходит отображение данной особенности на уровне субъективной репрезентации информационной деятельности, выражающееся в минимизации средств рефлексивного контроля, в нарастании ее арефлексивности. Второе положение также вытекает из сути данной деятельности и состоит в следующем. Как мы уже отмечали выше, в настоящее время в когнитивной психологии преобладает так называемый ресурсный подход, согласно которому факторы метакогнитивного трактуются в качестве средств, направленных на расширение ресурсных возможностей субъекта за счет формирования особого уровня переработки информации. Вместе с тем, все чаще высказывается и иная точка зрения, которая подчеркивает обстоятельство не менее важного характера. Дело в том, что максимизация этих механизмов означает реципрокную ингибицию механизмов противоположной природы – неосознаваемых. Максимизация осознаваемого контура переработки информации (составляющего суть метакогнитивных процессов) объективно ведет к минимизации неосознаваемого контура. Однако специфика информационной деятельности состоит в том, что объем информации, требующей обработки, резко возрастает. Следовательно, необходима именно максимизация и таких средств, которые локализованы не на осознаваемых уровнях, а на уровнях неосозна-

ваемых. Следовательно, сама по себе минимизация осознаваемого контура, которая и сопряжена с арефлексивными феноменами, является следствием, а быть может – и средством максимизация неосознаваемого контура переработки информации. Вообще, в этом плане следует обратить внимание на то, что за метакогнитивные механизмы и достигаемый их посредством выигрыш «приходится платить» – в частности, минимизацией роли и утратой части возможностей, локализованных на неосознаваемых уровнях переработки информации.

Наконец, следует учитывать, что, как отмечалось, по отношению именно к организации информационной деятельности очень важную и явно недооцененную пока роль играет принцип репродуктивности. Он является не только зачастую более важным, нежели принцип продуктивности, но и, фактически, императивным. Для подавляющего большинства экологически валидных случаев, то есть для «мира деятельности» в целом именно репродуктивность – это безусловное благо; чрезвычайно позитивный момент и фактор в ее организации, носящий, повторяем, фактически, обязательный характер. И напротив, для столь же подавляющего большинства реальных случаев продуктивность, мягко говоря, не приветствуется, а нередко – просто запрещается и, соответственно, наказывается.

Вместе с тем, совершенно понятно, что именно принцип репродуктивности является мощным источником и сильнейшей детерминантой для того, чтобы сводить к минимуму или даже полностью блокировать собственно рефлексивные средства в организации подведения деятельности. Репродукция не только не предполагает рефлексии, но напротив, фактически, исключает ее, точнее – необходимость в ней. Следовательно, все более полная представленность принципа репродуктивности, равно как и сам он в целом, выступает комплексным – конкретным по содержанию, но общим по смыслу и сфере действия средством антирефлексивной направленности. При этом следует особо подчеркнуть, что все это, будучи очень характерно для профессиональной деятельности в целом, очень типично именно для компьютерной деятельности в силу того, что она в значительной части реализуется как программно-детерминированная.

Итак, можно видеть, что общая совокупность средств «антирефлексивного» плана предстает как вполне определенная – синтезированная на основе функционального критерия и качественно гетерогенная целостность, то есть, фактически, как еще одна – причем,

очень значимая подсистема психической регуляции деятельности. Ее специфика, а в чем-то – и уникальность состоит в ее двуедином характере. С одной стороны, по своей природе и механизмам, средствам и процессам она является подчеркнута рефлексивной, поскольку базируется на всей совокупности средств метапроцессуального плана. Однако, с другой стороны, функционально она является столь же подчеркнута «антирефлексивной» – направленной на минимизацию рефлексивного контроля за деятельностью в целом и за реализацией ее основных задач, в частности. Тем самым раскрывается и дополнительная грань самого сознания, взятого в плане его процессуального обеспечения – в аспекте всей совокупности рефлексивных и метакогнитивных процессов. Оно включает и такие средства, которые направлены на осознанную минимизацию представленности сознания в деятельности и поведении.

Итак, представленные данные не только позволяют, но и требуют дифференцировать качественно глубоко своеобразное проявление рефлексии (и рефлексивности) а, следовательно, и сознания как их результативного эффекта. Рефлексия может не только усиливать (фасилитировать) себя, но и минимизировать (ингибировать) себя. Причем, очень важно, что такая ингибиция – фактически, контролируемая и целенаправленная ее редукция осуществляется теми средствами и механизмами, которые также являются подчеркнута рефлексивными. Складывается ситуация, которую с определенной долей схематизации можно охарактеризовать так. Рефлексия, направленная на саму себя, может не только усиливаться, но и приводить к ее минимизации и даже блокаде, к «отключению». Рефлексия, выступая как средство по отношению к самой же себе – но уже как к предмету самой рефлексивной регуляции, может не только самофасилитироваться, но и самоингибироваться. Поэтому она принципиально отличается от ее традиционного смысла – она не усиливает, а редуцирует сама себя, а в ряде случаев и блокирует, так сказать «аннигилирует» сама себя. Имеет место своего рода метарефлексия, причем, представленная в двух планах. Во-первых, в традиционном смысле – как «рефлексия над рефлексией» (метарефлексия). Во-вторых, в новом аспекте – в аспекте саморедуцирования исходного качества, то есть рефлексивности как таковой: здесь префикс «мета» означает уже указание на преодоление, на отрицание исходного качества осознания. В связи с этим, становится очевидной необходимость внесения тер-

минологических корректив в использованное ранее словосочетание «антирефлексивные средства». Рассматриваемую систему средств корректнее обозначить термином «метарефлексивная подсистема» регуляции деятельности (поведения, общения). Однако еще точнее обозначить ее термином *ингибиторной* подсистемы, поскольку та главная функция, на основе которой она вообще дифференцируется и которая составляет ее качественную определенность, состоит именно в ингибции средств, процессов и механизмов рефлексивного, а шире – и метакогнитивного плана.

Таким образом, метакогнитивный контроль деятельностных функций, выступая атрибутивно осознаваемым и являясь в целом «безусловным благом» на достаточно большом интервале его меры, может, однако, трансформироваться в свою противоположность. Фактически, имеет место ситуация, аналогичная той, которая была обозначена в свое время понятием «режима работы с двойной функцией» [211]. Реализация деятельностных функций «запараллеливается» с метакогнитивными функциями за этой реализацией, а в ряде случаев и выходит на первый план. Такая ситуация приводит к необходимости перераспределения общего когнитивного ресурса и на реализацию метакогнитивного контроля, что оказывает негативное влияние на реализацию деятельностных функций и задач. Именно поэтому о рефлексивности как о личностном качестве и следует говорить как о метакачестве, поскольку оно может регулировать меру своего проявления, меру своей представленности именно как качественной определенности – причем, не только повышать ее (что в принципе было известно давно), но и, как следует из представленных выше материалов, уменьшать ее. Следовательно, разработка проблемы метакогнитивного обеспечения профессиональной деятельности в ее собственно регулятивном «измерении», то есть в аспекте тех базовых функций, которые оно реализует по отношению к организации деятельности, действительно, может содействовать раскрытию новых, не эксплицированных пока особенностей и закономерностей, носящих общий характер.

Итак, проведенный анализ позволил дифференцировать восемь основных подсистем, которые составляют содержание субсистемного уровня организации метакогнитивной сферы личности в информационной деятельности. Они объединяются на основе ключевого для системных образований фактора – наличия общей цели, которая, как известно, рассматривается в теории именно как важнейший си-

стемообразующий фактор. Следовательно, основная задача данного параграфа – определение состава и содержания основных подсистем, входящих в метакогнитивную сферу, получила свое решение. Вместе с тем данное решение ставит новые, не менее принципиальные вопросы. Во-первых, это вопрос, связанный с обоснованием *достаточности* восьми дифференцированных подсистем для полной характеристики субсистемного уровня. Во-вторых, это вопрос о том, каковы закономерности *организации*, структурирования основных подсистем в пределах рассматриваемого уровня.

4.4.2. Структурная организация субсистемного уровня метакогнитивной сферы личности в информационной деятельности

Предпринимая попытку решения первого из этих вопросов – о достаточности выделения восьми метакогнитивных подсистем для характеристики полного состава субсистемного уровня, необходимо, на наш взгляд, руководствоваться следующими основными положениями методологического характера. Во-первых, проводя дифференциацию любого сложного целого, а тем более образования собственно психологического плана, следует учитывать ее определенную относительность и условность самих дифференцируемых образований. Они, как правило, в большей мере являются гносеологическими конструктами, а не онтологически разделенными сущностями. В этом плане следует учитывать и известную дифференциацию двух основных подходов – конструктивизма и объективизма³⁶. По нашему мнению их следует, однако, не столько противопоставлять друг другу, сколько рассматривать как взаимодополнительные и реализовывать в гносеологических целях в комплексе друг с другом. В действительности – онтологически дифференцируемые посредством аналитических процедур подсистемы характеризуются заметными перекрытиями содержания, многочисленными взаимосвязями и взаимовлияниями, что как раз и отражает их онтологическое единство, а также общность наиболее глубинных средств и механизмов их реализации. Они во многом вообще, по-видимому, реализуются едиными механизмами и процес-

---

³⁶ Их сущность была рассмотрена в главе 2.

сами, которые, однако, могут проявлять себя в качественно различных формах и аспектах, в зависимости от реализуемых ими функций.

Во-вторых, следует учитывать также и конечную цель, на которую направлена задача поиска и интерпретации состава и особенно организации основных подсистем. Она, с одной стороны, заключается в возможно более детальном и содержательном раскрытии самой метакогнитивной сферы, а также в конкретизации сформулированных выше представлений о содержании субсистемного уровня ее организации. Однако, с другой стороны, она имеет и несколько иной – более глубокий смысл. Дело в том, что, если, действительно, такая организация будет обнаружена, то это должно рассматриваться в качестве очень важного аргумента в пользу существования самих организуемых сущностей, то есть подсистем. В самом деле, если они, действительно, существуют в качестве некоторой реальности, то это не может не проявляться в существовании у них закономерной, то есть также – реальной организации. И наоборот, если они не являются таковыми, а их дифференциация ошибочна, то такая организация в принципе – по определению не может существовать и, соответственно, обнаруживаться. Тем самым, решение задач, связанных с поиском организации такого рода подсистем, фактически, равнозначно верификации их существования.

В-третьих, необходимо учитывать, что в наиболее общем смысле именно задача определения состава и структуры основных метакогнитивных подсистем является одной из наиболее значимых не только в общетеоретическом отношении, но и в плане основных задач данной работы. Дело в том, что раскрытие особенностей и закономерностей метакогнитивной регуляции информационной деятельности возможно лишь при условии достаточно дифференцированного и специфицированного по отношению к ней раскрытия содержания тех средств и процессов, образований и структур, которые лежат в ее основе. В свою очередь, это предполагает необходимость определения того, каким образом именно данная деятельность влияет на состав и структурную организацию основных групп метакогнитивных факторов. Необходимо установить, каким образом специфицируется вся метакогнитивная сфера личности под влиянием собственно деятельности детерминации и, соответственно, какую структуру она приобретает не «в целом» и не «вообще», а именно по отношению к задачам организации этой деятельности. Кроме того, без этого практически

невозможно проведение дальнейших – эмпирических и экспериментальных исследований, направленных на установление закономерностей метакогнитивной регуляции информационной деятельности.

В-четвертых, еще одним и во многом определяющим обстоятельством методологического плана, учет и реализация которого необходим при решении любых задач, связанных с поиском закономерностей структурирования систем, является следующее положение. В этих целях, как известно, необходимо определить тот *критерий*, точнее, – критерии, с помощью или которых это можно сделать. Содержание критериев не должно, естественно, носить произвольного характера, а быть обусловленным совокупностью основных эмпирических и экспериментальных данных, сложившихся на современном уровне развития представлений в соответствующей области. При этом следует руководствоваться следующими первоочередными аргументами.

Так, прежде всего, следует учитывать, что вся метакогнитивная сфера личности в целом и ее субсистемный уровень, в частности, – это очень сложные и многомерные образования. Следовательно, они в принципе не могут быть дифференцированы по какому-либо одному критерию, а предполагают ряд взаимосвязанных критериев. Причем, как было показано выше, именно субсистемный уровень организации обладает наибольшим разнообразием, гетерогенностью состава. Поэтому данное требование особенно актуально именно по отношению к нему.

Далее, тот или иной вариант решения вопроса о достаточности состава дифференцируемых подсистем будет обоснованным лишь тогда, когда сами критерии, на основе которых он устанавливается, также будут носить общий характер и, соответственно, будут определяться *основными* особенностями данной деятельности. Исходя из этого требования, задача дифференциации подсистем и определения степени их достаточности выступает уже не только как задача обобщения и систематизации имеющихся эмпирических и теоретических данных об особенностях метакогнитивной регуляции, то есть не только как задача индуктивного типа. Дело в том, что их состав и структура должны определяться теми критериями, которые будут положены в основу самой этой дифференциации, то есть вытекать из их собственного содержания. Отдельные подсистемы должны являться частными – специфическими проявлениями данной сферы при тех или иных значениях критериев, положенных в основу такой дифференциации,

а также их сочетаний. Они должны выступать ее частными случаями, совокупность которых и должна в итоге образовывать ее состав в целом. Следовательно, сама эта задача имеет также и дедуктивный характер. Известно, однако, что именно такой – дедуктивный характер постановки и решения таксономических задач является определяющим условием корректности и полноты их решения.

Далее, следует обязательно учитывать, что проблема определения критериев дифференциации метакогнитивной сферы личности рассматривается и решается в данной работе не только в целом, сколько по отношению именно к организации *информационной* деятельности. То, как структурируются и организуются основные категории и группы метакогнитивных факторов в общем плане, то есть безотносительно к задачам регуляции этой деятельности, определяется аналогичными – общими закономерностями структурной организации психики в целом. Основной среди них, как мы уже отмечали выше, является то, что структура этих групп, фактически, воспроизводит общие структурные особенности и закономерности психики в целом. В отличие от этого, рассматриваемая здесь задача состоит в том, чтобы выявить, каким образом эта структура модифицируется под влиянием детерминации со стороны именно информационной деятельности и, соответственно, какой вид она приобретает в процессе ее регуляции. Следовательно, отсюда вытекает, что и критерии, на основе которых она должна решаться, также должны быть непосредственно связаны именно с содержанием и характером собственно деятельностной детерминации, с влиянием на нее общих и специфических факторов деятельностного плана. Необходимо выяснить, каким образом она влияет на ту дифференциацию, которая уже была рассмотрена выше и носит общий, деятельностно-неспецифический характер. Вместе с тем, следует учитывать, что эта задача является весьма сложной, поскольку имеет два существенно разных аспекта, которые взаимодополняют друг друга. Первый – это аспект, связанный с *общедеятельностной* детерминацией генезиса основных подсистем метакогнитивной сферы личности. Он состоит в том, каким образом общая и инвариантная психологическая структура деятельности в целом оказывает детерминанционное влияние на формирование и дифференциацию подсистем метакогнитивной сферы – пока безотносительно к конкретному типу и даже классу самой деятельности. Речь здесь идет о деятельности как специфической формы организации активности субъекта в целом.

Второй – это аспект, связанный уже с *конкретно*-деятельностной детерминацией генезиса подсистем метакогнитивной сферы личности. Он состоит в том, каким образом именно конкретный тип деятельности – информационный оказывает детерминационное воздействие на спецификацию состава и содержания этих подсистем.

На наш взгляд, учет именно этого – ключевого положения позволяет уже непосредственно определить главные критерии, на основе которых должна решаться задача установления состава и структуры основных подсистем метакогнитивного плана. Наряду с этим, важным и очень показательным является то, что оно полностью согласуется с главными выводами развитого выше теоретического подхода к разработке проблемы метакогнитивной регуляции деятельности и его основными положениями. В самом деле, одно из них состоит в том, что исходным моментом изучения метакогнитивной сферы личности в целом и ее регулятивной роли по отношению к информационной деятельности, в частности, должен выступать метасистемный (онтологический) аспект. Он требует определения и учета в целях выявления критериев дифференциации метакогнитивной сферы тех онтологически представленных метасистем, посредством включения в которые она приобретает всю полноту своего состава и своих основных психологических характеристик. С этих позиций, как показано выше, достаточно отчетливо дифференцируются две метасистемы – психика в целом и сама деятельность информационного типа. Следовательно, первый критерий должен учитывать детерминацию формирования и функционирования подсистем, их содержания и состава двумя этими основными метасистемами как в относительной автономности их детерминирующего влияния, так и в плане их одновременного влияния. Данное требование представляется особо значимым, поскольку оно ориентирует на необходимость учета объективного факта взаимодействия указанных метасистем, а также того, что и самим подсистемам присуща двойная детерминация – одновременно и структурой личности, и содержанием деятельности. Они формируются как продукт и результат взаимодействия личности с деятельностью (в данном случае – информационной).

Наряду с этим, следует подчеркнуть, что этот – основной критерий очень тесно связан с обстоятельством уже наиболее общего и определяющего плана. Как известно, в обобщенном виде деятельность в целом включает в себя три основные «составляющие» –

субъекта деятельности, ее *объект*, а также сам *процесс* их взаимодействия. Несмотря на предельно общий характер (точнее – благодаря ему), данная дифференциация означает, что в составе и в структурной организации метакогнитивной сферы, взятой именно в ее деятельностном «измерении», представлены две группы подсистем. Первая обусловлена собственно психической организацией субъекта; вторая – обусловлена, в основном, специфически объектной, то есть собственно внешней детерминацией. Кроме того, поскольку эти группы носят взаимосвязанный характер, то именно их взаимосвязи и должны лежать в основе структурирования всей метакогнитивной сферы при реализации деятельности. Все это и определяет содержание первого критерия, которое состоит в следующем. С одной стороны, он предполагает установление тех подсистем, которые формируются в информационной деятельности под влиянием ее специфической детерминации. С другой стороны, данный критерий обязан учитывать и факт сохранения в ней субъектно-обусловленных подсистем, а также их взаимодействия с ними. Следовательно, данный критерий требует дифференциации состава субсистемного уровня на две категории: на подсистемы, соотносящиеся преимущественно с субъектной (личностной), и преимущественно с деятельностной детерминацией. Его можно обозначить как *субъектно-деятельностный* критерий. Он является своего рода первым «вектором», который лежит в основе искомой дифференциации.

Далее, наряду с этим, следует дифференцировать и еще один базовый критерий дифференциации подсистем метакогнитивной сферы, который также непосредственно и очень явно обусловлен их *общедетельностной* детерминацией. Кроме того, он столь же непосредственно и полно отражает главные тенденции развития представлений, сложившихся в метакогнитивизме относительно того главного, что в нем есть – его предмета. Как мы уже неоднократно отмечали, одна из ведущих линий эволюции этих представлений состоит в постепенном дополнении исходно возникших представлений о метакогнитивных процессах представлениями об иных классах процессуальных образований – в особенности, метарегулятивных. Кроме того, и сами метакогнитивные процессы все более рельефно эксплицировали свою регулятивную направленность. В итоге этого в значительной мере стал преодолеваться один из основных недостатков метакогнитивизма – его внедеятельностный характер, выступающий следствием начальной – экспери-

ментально-аналитической парадигмы его разработки. Конструктивное исследование метакогнитивной сферы, взятой не в ее абстрагированном от активности субъекта виде, не в изолированных и потому – экологически не валидных условиях, а в условиях естественной и реальной действительности, невозможно вне и помимо раскрытия собственно регулятивных функций этой сферы. Тем более это значимо и необходимо тогда, когда основным предметом исследования является именно реальная – профессиональная деятельность в целом и информационная деятельность, в частности. Следовательно, возникает настоятельная необходимость учета этой – магистральной логики развития всего метакогнитивизма – дополнения собственно когнитивного измерения метапроцессуальной организации психики ее регулятивным измерением, включения в состав метапроцессуальных образований не только метакогнитивных процессов и иных структур, но и собственно метарегулятивных процессов. Поэтому еще один критерий дифференциации должен базироваться на взаимосвязи и взаимодополнении этих двух базовых измерений и дифференцировать общий состав метарегуляторов деятельности на собственно метакогнитивные и метарегулятивные процессы и структуры. Это – своего рода *когнитивно-регулятивный* критерий дифференциации состава ее подсистем.

Наряду с этим, необходимо, по нашему мнению, дифференцировать и еще одно – также базовое основание для определения состава подсистем метакогнитивной сферы личности. Оно также непосредственно связано с основополагающими представлениями, сложившимися в метакогнитивизме. Более того, оно не только связано с ними, но и непосредственно реализует их по отношению к рассматриваемой здесь задаче определения данного состава. Действительно, одной из аксиом метакогнитивизма является его разделение на операционное и операндное направление. Вполне очевидно, что все это также необходимо не только учесть, но и реализовать в качестве основного момента при определении состава и содержания основных подсистем метакогнитивной сферы личности. Данное обстоятельство должно воплощать в ней дифференциацию подсистем на два типа – собственно процессуальные, операционные и результативные, «знаниевые», операндные. Это своего рода критерий *процессуальности-результативности*, операторно-операндный критерий.

Итак, можно видеть, что три обоснованных выше критерия объективно связаны с тремя главными формами и этапами специ-

фикации, которым подвергается метакогнитивная сфера личности в профессиональной деятельности в целом и в информационной, в частности. Первая форма – это общедетельностная детерминация, приводящая к формированию таких подсистем, которые исходно не присущи метакогнитивной сфере и которые складываются под влиянием именно деятельностных факторов. Она носит предельно общий характер, поскольку сопряжена именно с самим фактом включенности метакогнитивной сферы в деятельность как таковую. Вторая форма – это спецификация, возникающая вследствие дополнения собственно метакогнитивных функций иными – преимущественно регулятивными функциями, которые, в свою очередь, также детерминированы преимущественно деятельностными факторами, задачами деятельностного плана. Эта форма, хотя также является достаточно общей по смыслу, уже несколько более конкретна по содержанию, поскольку сопряжена с дифференциацией двух разных категорий деятельностных функций – собственно когнитивных и подчеркнута регулятивных. Третья форма – это спецификация, обусловленная базовой дифференциацией всех метакогнитивных детерминант на процессуальные и результативные. Дело в том, что она, имея общее значение, особо важна именно при реализации профессиональной деятельности, поскольку непосредственно воплощает в ней важнейшую категорию ее детерминант – знания, а шире – опыт как ее основу. Кроме того, именно по отношению к информационной деятельности данное обстоятельство обретает критически значимый характер, поскольку ее главной атрибут как раз и состоит в информационном, то есть знанием характере. Она наиболее специфична именно в плане своего предмета – информации, которая, в свою очередь, столь же непосредственно требует опоры на категорию знаний и, соответственно, на включение ее в состав метакогнитивной сферы личности. Можно видеть, что данная форма носит уже существенно более деятельностно-специфированный характер, в решающей мере отражая атрибутивное своеобразие именно информационной деятельности – ее когнитивный, «знаниевый» характер. Следовательно, в совокупности этих трех критериев находит свое непосредственное и полное воплощение очень общая и фундаментальная по своей значимости триада базовых закономерностей, зафиксированная, как известно, в гносеологическом положении о «единстве общих, особенных (специфических) и единичных закономерностей». Особо следует подчеркнуть, что ее сущность состоит

в том, что в ней фиксируются *вся система* закономерностей, которым подчиняется объект исследования. Следовательно, она – по определению является, если не исчерпывающей, то, во всяком случае, очень полной. Она фиксирует все базовые закономерности, причем, в их взаимосвязях и взаимоотношениях, равно как и в их целостности. В связи с этим, данное обстоятельство также позволяет рассматривать совокупность трех охарактеризованных выше критериев в качестве аналогичной по степени полноты и охвата ими всех основных особенностей дифференцируемого целого – метакогнитивной сферы личности в информационной деятельности.

Кроме того, все дифференцированные критерии являются также *ортогональными* по отношению друг к другу, поскольку они соотносятся с *различными* базовыми и наиболее крупными «составляющими» общей структуры деятельности – с различными компонентами основной «формулы» деятельности. Так, первый из них непосредственно сопряжен с первым из них – с самим *субъектом* деятельности и его включенностью в реализацию деятельности. Второй – столь же непосредственно и даже атрибутивно связан со спецификой другого ее компонента – *объекта* деятельности (информации). Наконец, третий критерий является, по существу, конкретизацией по отношению к организации метакогнитивной сферы личности в информационной деятельности базовых особенностей третьего компонента данной «формулы» – самого *процесса* ее осуществления, базовым средством которого является специфическое для нее средство – процессор. Таким образом, они имеют столь же основополагающий и самостоятельный характер, насколько определяющими и общими являются сами основные «составляющие» общей структуры деятельности, синтезированные в ее «формуле».

Далее, необходимо подчеркнуть, что все они являются не только основными, но и весьма обобщенными, то есть интегрирующими в себе ряд иных и также значимых особенностей как профессионалкой деятельности в целом и информационной, в частности, так и метакогнитивной сферы личности. Так, первый критерий (субъектно-деятельностный) атрибутивно связан с очень важным собственно деятельностным аспектом, каковым выступает *генетический*, точнее – профессионалогенетический план. Дело в том, что подсистемы, соотносящиеся с воздействием деятельностной детерминации (ингибиторная, эндокогнитивная, саморегулятивная), имеют существенно разную

выраженность на различных этапах профессионализации. Они вообще во многом складываются, а затем – развиваются именно под влиянием этой детерминации и выступают в качестве обобщенных операционных средств ее регуляции. Поэтому степень их сформированности является функцией от уровня профессионализации субъекта.

Другой основной критерий – процессуальности-результативности по отношению именно к информационной деятельности также неразрывно сопряжен с ее важнейшими атрибутами – ее предметом и средствами реализации. В качестве первого в ней выступает такая специфическая сущность – информация, которая атрибутивно является именно когнитивной, «знаниевой» и определяет все ее содержание. Знания же в целом и метазнания, в особенности, как раз и выступают результативным аспектом функционирования когнитивной и метакогнитивной сферы личности. В качестве второго выступает также очень специфичное «орудие труда» – компьютер, который также объективно предполагает формирование специфической категории знаний и метазнаний – процедуральных и опору именно на них в реализации деятельности.

Наконец критерий когнитивности – регулятивности также очень специфичен базовым особенностям информационной деятельности. Дело в том, что она предельно своеобразна не только в аспекте ее предмета и средств, но и самого процесса. Как отмечалось выше, этот процесс обретает в ней распределенный между субъектом и средством труда – компьютером характер. Существенная часть всех деятельностных функций транспонируется на него, а процесс реализуется именно процессором. В результате сама деятельность не только обретает регулятивность как свой атрибут, но он существенно трансформируется и становится, фактически, метарегулятивным. В связи с этим, ограничивать регуляцию этой деятельности только метакогнитивными факторами было бы недопустимо. Напротив, в нее должны быть включены и факторы метарегулятивного плана, что требует подключения к дифференциации подсистем и критерия регулятивности.

Наконец, необходимо учитывать и то что, наряду с тремя этими критериями, определение состава и особенно – содержания основных подсистем метакогнитивной сферы как регулятора информационной деятельности должно производиться и на основе обязательного учета специфических особенностей самой этой деятельности. Другими словами, наряду с учетом *общедеятельностной* и *общепсихологиче-*

ской детерминации (то есть обусловленности со стороны базовых атрибутов деятельности и основных закономерностей структурной организации самой психики), необходим и учет *конкретно*-деятельностной детерминации со стороны специфических особенностей информационной деятельности. Причем, можно прогнозировать, что эта спецификация, в основном, затронет не столько состав дифференцируемых подсистем (который более инвариантен к видовым различиям в деятельности), сколько то содержание, которое они будут приобретать в данном конкретном типе деятельности. Более того, то, насколько обоснованным будет в итоге решение первой задачи – определения состава подсистем, в значительной мере будет зависеть от того, с какой степенью полноты оно будет содействовать решению второй задачи – учету специфике данной деятельности. Если выявленный состав, действительно, адекватно и корректно позволит охарактеризовать специфику метакогнитивной регуляции деятельности, взятой и в ее конкретном типе – в информационной деятельности, то появляются веские аргументы для того, чтобы считать произведенную дифференциацию состава также адекватной. К этому важному обстоятельству, выполняющему верифицирующую функцию по отношению к развиваемым здесь представлениям, мы вернемся в последующем изложении.

Таким образом, на основе проведенного анализа можно заключить, что не только возможно, но и необходимо выделение трех основных критериев дифференциации состава и содержания метакогнитивной сферы личности в информационной деятельности. Это субъектно-деятельностный, когнитивно-регулятивный и процессуально-результативный критерии. Кроме того, важно подчеркнуть, что и в психологии деятельности, и в метакогнитивизме содержатся многочисленные теоретические, экспериментальные и эмпирические обоснования и свидетельства в пользу правомерности дифференциации такого рода критериев. Причем, главное состоит в том, что те критерии, которые сформулированы на основе предложенного подхода, полностью совпадают с главными положениями, составляющими сущность современных данных в психологии деятельности и метакогнитивизме.

Следовательно, на основе представленных аргументов можно заключить, что решение вопроса о том, являются ли восемь дифференцированных выше подсистем, входящими в состав метакогнитив-

ной сферы личности в информационной деятельности, достаточными для ее характеристики, зависит от того, насколько их совокупность удовлетворяет всем сформулированным критериям одновременно. Предпринимая попытку ответа на него, обратим внимание на очень важный, по нашему мнению, факт. Три сформулированных выше критерия должны быть рассмотрены в качестве своеобразных оснований – «векторов» для структурирования содержания субсистемного уровня организации метакогнитивной сферы личности. Они, как уже отмечалось выше, являясь достаточно независимыми, в то же время, взаимодополняют друг друга. В связи с этим, их необходимо рассматривать как три *координаты* для структурирования метакогнитивной сферы личности в информационной деятельности. В графической форме ее структура может быть представлена с этих позиций в виде, изображенном на рис. 1.

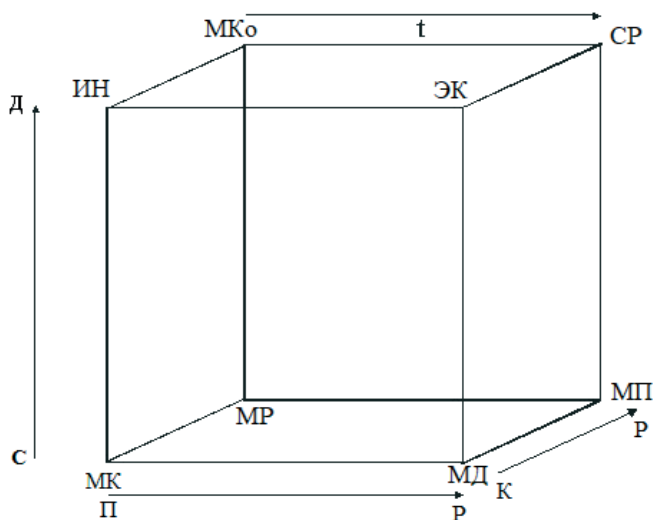

Рис. 1. Структура основных подсистем метакогнитивной сферы личности в информационной деятельности. *Обозначения:* на вершинах куба отображены основные подсистемы этой сферы: МК – метакогнитивная, МР – метарегулятивная, МКо – метакоммуникативная, ИН – ингибиторная, МД – метадекларативная, МП – метапроцедуральная, ЭК – эндокогнитивная, СР – саморегулятивная; С→Д – 1-й критерий: «субъектно-деятельностный»; К→Р – 2-й критерий: «когнитивно-регулятивный»; П→Р – 3-й критерий: «процессуально-результативный»; t – временная координата

Такое представление является, на наш взгляд, не просто удобным способом их систематизации и средством их схематического представления³⁷. С его позиций оказывается возможным дать ответы на ряд принципиальных вопросов, сформулированных выше и, прежде всего, на вопрос о закономерностях структурной организации субсистемного уровня. Кроме того, оказывается возможным сформулировать ряд дополнительных следствий относительно строения субсистемного уровня метакогнитивной организации информационной деятельности в целом. Вместе с тем прежде, чем непосредственно обратиться к этому, необходимо зафиксировать следующее – достаточно показательное обстоятельство. Оно состоит в том, что осуществленная выше структурная экспликация состава основных подсистем метакогнитивной сферы в информационной деятельности – и по своей архитектонике, и частично по содержанию весьма подобна той, которая была произведена нами ранее по отношению к иной деятельности, причем, принадлежащей даже к иному основному классу деятельности – к управленческой деятельности [89]. Данное обстоятельство не только нельзя замалчивать как «неудобное», поскольку оно провоцирует вопрос о неоправданном повторе уже полученного результата. Как раз наоборот, – на нем следует акцентировать внимание как на очень показательном, доказательном и демонстративном в плане основных задач этой работы. Дело в том, что в такой общности следует видеть не «повторение» уже полученного ранее результата и его механический перенос на новый предмет исследования. В действительности, в нем заключен гораздо более важный смысл, состоящий в *инвариантности* базовых закономерностей структурной организации ме-

---

³⁷ В данной связи необходимо подчеркнуть, что такого рода представления являются в настоящее время достаточно распространенными. Они, в частности, реализованы по отношению к характеристике структуры основных параметров среды, детерминирующих реализацию процессов принятия решения – неопределенности, сложности и динамичности (так называемый «куб Говарда» [138]); по отношению к структурной организации мотивационной сферы личности [127]; по отношению к выявлению основных классов субъективного выбора [106] и др. Такая популярность представляется вполне обоснованной и оправданной, поскольку данный способ представления адекватно отражает реальную многомерность, присущую большинству предметов психологического исследования. Он позволяет перейти от плоскостного (и значит «уплощенного»), а потому – упрощенного) представления к его пространственному (трехмерному) и, следовательно, более сложному и комплексному представлению.

такогнитивной сферы личности в целом и ее субсистемного уровня, в частности, в разных видах и даже классах деятельности. В свою очередь, такая инвариантность является важным индикатором достаточно высокой степени *обобщенности* и, следовательно, концептуального характера развиваемых представлений о принципах и общей архитектонике этой организации. Более того, если бы ее не обнаруживалось, а структурная организация данного уровня была бы принципиально отличной в разных классах деятельности, то это как раз и свидетельствовало бы об отсутствии закономерностей общего плана.

Здесь мы вновь встречаемся с необходимостью обращения к тому – принципиальному обстоятельству, которое было спрогнозировано в самом начале работы – во Введении и которое уже не раз проявлялось по ходу изложения. Это – априорно возможная и, более того, весьма вероятная инвариантность наиболее имплицитных и общих закономерностей структурной организации разных классов деятельности – субъект-субъектного и субъектно-информационного. Действительно, она, по существу, не только возможна, но и атрибутивно необходима для них. Если они, действительно, представляют собой классы, то есть проявления некоторой базовой – родовой сущности, то между ними на фоне их множественных различий должны существовать и черты фундаментальной *общности* – общности самой этой сущности. Именно это проявляется, в том числе, и в представленном выше результате – в изоморфизме архитектоники субсистемного уровня организации метакогнитивной сферы в двух классах деятельности. Однако такой изоморфизм проявляется и существует на фоне выраженных различий в *конкретном* наборе, точнее в организованном множестве основных подсистем метакогнитивного плана. Наконец, отметим, что такого рода общность проявляется не только в *принципиальном* подобии выявленной архитектоники, но и в тех *следствиях*, которые вытекают из осуществленного модельного представления и к которым теперь необходимо перейти.

Во-первых, как можно видеть, *все* подсистемы метакогнитивного плана оказываются учтенными в осуществленном представлении. Кроме того, ни одно из сочетаний, образованных «полюсами» базовых критериев, не оказалось неучтенным – незаполненным. Следовательно, факт *полного* соответствия системы этих критериев с составом метакогнитивных подсистем является доказательством полноты самого этого состава. Это, в свою очередь, следует рассматривать как достаточное основание для позитивного ответа на ключевой вопрос –

о полноте состава и содержания субсистемного уровня организации метакогнитивной сферы в информационной деятельности.

Во-вторых, предложенное решение вопроса о полноте состава субсистемного уровня дано посредством реализации не одного, а *нескольких* критериев. Поэтому оно преодолевает недостатки одномерного видения системных образований.

В-третьих, использованная система критериев дает объемное, то есть *пространственное* представление совокупности подсистем метакогнитивного плана; позволяет вплотную подойти к пониманию метакогнитивной *сферы* личности как объемного – пространственного образования, синтезированного тремя координатами. Их синтез как раз и дает такое «метакогнитивное пространство». Следовательно, рассмотренное нами ранее положение, характеризующее один из основных признаков субсистемного уровня (его гетерогенность), также находит свое подтверждение. Кроме того, и сам предложенный и обоснованный в главе 3 базовый концепт – метакогнитивная сфера личности обретает уже не переносный и метафорический смысл, а раскрывается в своем прямом этимологическом значении – именно как образование, принципиально трехмерное – пространственное, сферическое.

В-четвертых, выявленное с помощью системы трех критериев «метакогнитивное пространство» субсистемного уровня синтезирует в себе и такие подсистемы, аналоги которых уже известны в настоящее время (например, метакогнитивную и метарегулятивную), и такие, которые были *впервые* обнаружены в ходе проведенного нами специального психологического анализа информационной деятельности. Это является еще одним свидетельством правомерности развитого выше подхода. С его позиций все подсистемы метакогнитивного плана предстают уже не столько как *эмпирически* зафиксированная реальность, сколько как *теоретически* обоснованные варианты всех основных сочетаний трех наиболее обобщенных «измерений» метакогнитивной сферы.

В-пятых, можно видеть, что общее метакогнитивное пространство субсистемного уровня образовано не вершинами куба и не его гранями непосредственно, а его сторонами. При этом любая из них также несет достаточно важный психологический смысл; она наполнена своим специфическим содержанием и приводит к дифференциации той или иной *группы* качественно однородных в каком-либо отношении метакогнитивных подсистем. Так, нижняя сторона куба включает в себя те подсистемы, которые имеют выраженную субъектную, личностную

детерминацию (метакогнитивная, метарегулятивная и две «знаниевые» подсистемы – метадекларативная и метапроцедуральная). Наоборот, верхняя сторона включает подсистемы, которые формируются под определяющей детерминацией собственно деятельностных факторов (ингибиторная, метакоммуникативная, саморегулятивная и эндокогнитивная). Левая сторона куба объединяет в качественно однородную группу подсистемы, имеющие преимущественно процессуальное содержание (метакогнитивная, метарегулятивная, метакоммуникативная, ингибиторная). Правая же сторона фиксирует в себе качественно иную группу подсистем. Они имеют уже преимущественно результативное содержание (метадекларативную, метапроцедуральную, эндокогнитивную, саморегулятивную). Наконец, ближняя сторона синтезирует в себе группу подсистем преимущественно подчеркнуто когнитивного плана (метакогнитивную, метадекларативную, ингибиторную, эндокогнитивную), а дальняя его сторона объединяет группу подсистем уже качественно иного характера – преимущественно, регулятивного (метарегулятивную, метапроцедуральную, метакоммуникативную, саморегулятивную).

Таким образом, можно сделать обоснованный вывод, согласно которому комплекс трех главных критериев позволяет дать непротиворечивое решение вопроса о выявлении базовых групп метакогнитивных подсистем, а тем самым вскрывает и в значительной степени обосновывает полноту выявленного состава подсистем, синтезирует их в многомерное пространство. В итоге дифференцируются шесть указанных выше групп подсистем. Все эти группы и их классификация являются не только и даже не столько следствием обобщения эмпирических данных (что, как известно, всегда связано с вопросом о том, насколько обоснованным является эмпирический критерий группировки), а результатом *теоретической дифференциации* исходного целого. При таком способе дифференциации основных групп подсистем заслуживает специального внимания еще одно обстоятельство. Можно видеть, что одни и те же подсистемы входят (при использовании различных классификационных оснований) в разные группы. Это свидетельствует, однако, не только об определенной условности любой классификации сложных систем, но – что более значимо, указывает на взаимосвязь и «взаимопроникновение» подсистем друг в друга.

Подчеркнем также, что совершенно неслучайно субъектная – «личностная сторона», синтезирующая в себе подсистемы, формирующиеся под доминирующим влиянием именно субъектной детерми-

нации, расположена внизу, то есть в *основании* всего метакогнитивного пространства. И, наоборот, те подсистемы, которые складываются в основном под влиянием деятельностной детерминации, образуют верхнюю сторону куба, то есть надстраиваются над нижней стороной и тем самым символизируют производность, «вторичность» от нее. Таким образом, в представленной модели реализуется еще одно основное положение нашего общего подхода – первичность субъектной детерминации. Аналогично этому, левая сторона синтезирует в себе метакогнитивные подсистемы, которые, согласно нашей терминологии, имеют процессуальную организацию и, соответственно, первичный характер. Напротив, правая сторона включает подсистемы, имеющие преимущественно результативный характер, и являющиеся поэтому «вторичными» по отношению к первой. Направленность данного «вектора» слева направо вновь символизирует первичность субъектно-процессуально-го начала в структуре подсистем метакогнитивного плана.

В-шестых, исходя из данного представления, очевидна явная структурированность метакогнитивных подсистем, то есть наличие закономерных связей и зависимостей между ними. Так, вся совокупность этих связей определяется тремя качественно различными критериями, положенными в основу упорядочивания метакогнитивных подсистем. Эти связи вытекают и из принадлежности соответствующих подсистем к тем или иным их группам. При этом следует особо обратить внимание именно на множественность типов связей, существующих внутри субсистемного уровня и наглядно представленных на рис. 1. Именно эта множественность и является объективным свидетельством высокой степени структурированности данного уровня. Кроме того, структура метакогнитивных подсистем является не двух-, а трехмерной. Известно, однако, что даже просто с точки зрения элементарных топологических представлений, вторая, в отличие от первой, обретает новое и очень важное качество: становится «жесткой», а значит, устойчивой и стабильной. В свою очередь, это придает ей черты инвариантности и резистентности по отношению к воздействию различных, в том числе – и неблагоприятных внешних условий. Это опять-таки наиболее важно именно для профессиональной деятельности, в особенности информационной, которая, как известно, часто реализуется в экстремальных и параэкстремальных условиях, связанных с ее высокой информационной перегрузкой, высоким темпом, неопределенностью, многозадачностью, гиперконтекстностью.

В-седьмых, представленная модель фиксирует не только статический аспект структурной организации метакогнитивных подсистем. Дело в том, что метакогнитивная сфера не является, конечно, «стационарной» ни в аспекте ее собственной функциональной динамики, ни в аспекте ее формирования и развития, то есть в генетическом плане. Следовательно, необходимо дополнить систему из трех критериев еще одной координатой – временной. Ее введение в характеристику субсистемного уровня меняет статус его интерпретации: он предстает не только как структура, но и как собственно системное образование, реализующее определенные функции. Кроме того, ее введение задает и новое направление ее изучения – собственно генетическое.

В-восьмых, необходимо отметить и еще одну особенность субсистемного уровня, которую можно обозначить как *феномен парности* основных групп метакогнитивных подсистем. Действительно, те метакогнитивные подсистемы, которые локализуются на какой-либо одной стороне куба, являются в значительной степени противоположным по своей сути и содержанию тем, которые локализуются на парной им стороне; они обладают своего рода симметрией по отношению к ним. Так, на левой и правой стороне куба, соответственно, расположены такие противоположные по своему психологическому смыслу подсистемы как подсистемы процессуального и результативного плана. Нижняя и верхняя стороны куба также включают в себя группы подсистем, характеризующиеся во многом противоположным смыслом и содержанием, равно как и детерминантами генезиса (соответственно, субъектно-детерминированные и деятельностно-детерминированные подсистемы). Ближняя и дальняя грани включают также противоположные группы подсистем – преимущественно когнитивные и регулятивные. По нашему мнению, в данном феномене находят свое проявление (а частично – и объяснение) две закономерности достаточно общего плана. Первая из них состоит в том, что содержание взаимодействий, развертывающихся внутри каждой из отмеченных пар, непосредственно связано с той или иной – очень важной и традиционной *проблемой*, с направлением исследований, которое, в свою очередь, является специфическим именно для информационной деятельности. Так, взаимосвязи внутри первой пары (между группой подсистем процессуальной и результативной направленности) непосредственно связаны с проблемой соотношения двух базовых принципов организации деятельности в аспекте ее когнитивного обеспе-

чения – продуктивного и репродуктивного [103]. Взаимосвязи внутри второй пары (между группой подсистем субъектного и деятельностного плана) столь же непосредственно связаны с проблематикой профессиогенеза и с проблемой оперативности как его аспекта [123, 192, 267]. Наконец, взаимодействия внутри третьей пары (между группами когнитивно-ориентированных и регулятивно-ориентированных подсистем) столь же прямо соотносятся с фундаментальной проблемой соотношения теоретического и практического мышления [73, 250].

Вторая закономерность, обусловленная феноменом парности, состоит в том, что он обеспечивает возможности взаимной *компенсации* одними группами подсистем других групп (в случае их недостаточного развития). Так, в частности, известны и подробно исследованы те – именно компенсаторные отношения, которые может выполнять практическое мышление по отношению к дефицитарной представленности теоретического мышления (что опять-таки наиболее характерно именно для информационной деятельности и для личности IT-специалиста). Известны также и компенсаторные отношения между продуктивными и репродуктивными стратегиями деятельности. На наш взгляд, этот феномен не случаен, и за ним стоит важная психологическая причина: метакогнитивная сфера личности, по всей вероятности, структурируется таким образом, чтобы обеспечить возможности компенсации одних подсистем со стороны других, что очень целесообразно с общеадаптационной точки зрения. Если недостаточно развита одна из «парных» групп подсистем, то гипертрофированно развивается другая, сопряженная с ней подсистема, а общий метакогнитивный потенциал сохраняется на приемлемом уровне.

В-девятых, основные подсистемы «взаимопроникают» друг в друга, что проявляется, в частности, в том, что одни и те же подсистемы входят во все три различные группы. Например, уже самая первая и во многом исходная, базовая для всей этой сферы подсистема – метакогнитивная входит одновременно и в группу субъектно-детерминированных, и в группу процессуальных, и в группу когнитивных подсистем. Однако это же означает, что и любой компонент, из которых образованы эти подсистемы, также одновременно входит в состав и всех иных групп. Так, например, метамышление как базовый и основной компонент метакогнитивной подсистемы одновременно является и компонентом тех подсистем, которые входят во все иные подгруппы. Это, кстати говоря, является несомненной

реальностью, очень важным условием как самой реализуемости всех иных подсистем, так и объективно необходимым условием их онтологического единства и целостности. Следовательно, синтез подсистем и, соответственно, их неаддитивность обеспечиваются и посредством представительства одних и тех же компонентов в разных подсистемах.

Наконец, в-десятых, представленная выше трехмерная модель структурной организации метакогнитивной сферы личности – именно потому, что она является трехмерной, позволяет с высокой степенью очевидности выявить и естественным образом учесть еще одну важную ее особенность. Как уже отмечалось, один из критериев, положенный в ее основу (причем, в известном смысле основной – субъектно-деятельностный), предполагает своим содержанием еще и генетический, точнее – профессиогенетический аспект. Это означает, что все четыре подсистемы, образующие группу деятельностно-специфических и локализованных на верхней стороне куба, формируются на основе группы подсистем субъектной группы. Они являются в значительной степени результатом и продуктом их генезиса и их деятельностной спецификации, которая как раз и выступает важной гранью профессиогенеза. Так, можно видеть, что в этом процессе на основе метакогнитивной подсистемы складывается, а затем совершенствуется ингибиторная подсистема, которая, с одной стороны, феноменологически выступает как ее противоположность, но с другой – сущностно является ее развитием. На основе метадекларативной подсистемы генетически формируется эндокогнитивная подсистема как совокупность представлений, то есть также знаний, но о своих собственных параметрах. Кроме того, этот критерий, но уже не в плане профессиогенетической динамики, а в плане функциональной производности позволяет очень органично и естественным образом включить в общий состав метакогнитивной сферы и две такие подсистемы, которые составляют суть двух основных направлений всего метакогнитивизма (метапроцессуального и метапознавательного). Более того, это оказывается возможным сделать на основе раскрытия и учета их не просто объективной взаимосвязи, но и столь же объективной функционально-генетической преемственности (поскольку вторая является результатом деятельностной спецификации первой, итогом насыщения метакогнитивной подсистемы ее итоговыми результативными эффектами – знаниями).

Наряду с этим, можно видеть, что на основе другой подсистемы, входящей в группу субъектно-детерминированных – метапроце-

дуральной в ходе профессиогенеза складывается, а затем развивается и совершенствуется еще одна, но уже специфически деятельностная подсистема – саморегулятивная. Однако, как было показано выше, ее важнейшей отличительной чертой является то, что она также в значительной степени является уже не только процессуальным образованием, а предполагает, прежде всего, поддержание определенного состояния, необходимого для обеспечения метакогнитивного контроля за деятельностью. Другими словами, она выявляется, с одной стороны, как некоторый итоговый эффект функционирования самой метапроцедуральной подсистемы, а с другой стороны, предстает уже как определенное функциональное *состояние*. Тем самым, однако, данная модель столь же органично и естественно позволяет учесть и еще одну важнейшую особенность современного метакогнитивизма – включение в его предмет не только образований процессуального и «знаниевого» плана, но и качественно специфических состояний. В данном случае – это известное специфически метакогнитивное состояние, обозначаемое как «агенсу».

Наконец, можно видеть, что на основе, например, метарегулятивной подсистемы (как входящей в группу субъектно-детерминированных подсистем) в процессе профессиогенеза развиваются и совершенствуются необходимые для ее эффективной реализации коммуникативные *качества*. Они, в свою очередь, являются важнейшей «составляющей» и даже условием для еще более общих и важных индивидуальных качеств, обеспечивающих эффективность социальных взаимодействий в целом и образующих, как известно, в своей совокупности метакоммуникативную подсистему и социальный интеллект как таковой. Следовательно, предложенная модель позволяет адекватно учесть и воплотить в общей структуре метакогнитивной сферы личности еще одну очень важную тенденцию развития метакогнитивизма. Она заключается в том, что в содержание его предмета во все большей мере включаются уже не только процессуальные и «знаниевые» образования, но и те качества личности, которые формируются на их основе и выступают с одной стороны, их итоговыми, результативными эффектами, а с другой – предпосылками и условиями для их действенного функционирования.

На основе всего этого можно сделать и более общее заключение. Оно состоит в том, что рассмотрение состава и содержания, а также структурной организации метакогнитивной сферы личности именно

в контексте деятельностной детерминации (причем, многомерной – включающей три основных «измерения») позволяет раскрыть и учесть ее во всей реальной полноте. Это означает, что она эксплицируется и в плане ее процессуального содержания, и в плане ее «знаниевого» содержания, и в плане метакогнитивных состояний, и в плане ее качественных характеристик – как совокупность метакогнитивных качеств личности. Другими словами, можно видеть, что, действительно, анализ этой сферы как «составляющей» метасистемы деятельности и, соответственно, реальное включение проблематики метакогнитивизма в контекст психологической теории деятельности является необходимым и достаточно конструктивным средством ее дальнейшего развития. Более того, лишь на основе этого возможен тот синтез теории деятельности и метакогнитивизма, о необходимости которого уже говорилось выше и отсутствие которого очень характерно в настоящее время, выступая одной из главных причин, сдерживающих развитие и самого метакогнитивизма, и теории деятельности.

Таким образом, на основе проведенного анализа структурной организации всей совокупности подсистем метакогнитивного плана можно сделать следующее основное заключение общего порядка. Сформулированный и реализованный выше подход, а также предложенная на его базе система критериев позволяют дать обоснованное решение вопроса о полноте и достаточности состава, а также о закономерностях структурирования субсистемного уровня организации метакогнитивной сферы личности в информационной деятельности. Концептуальный характер этого решения заключается в том, что оно не только позволяет решить исходный вопрос, но и сформулировать ряд следствий, вскрывающих новые особенности, закономерности и феномены организации метакогнитивной сферы личности в информационной деятельности.

4.5. Компонентный уровень организации метакогнитивной сферы личности

В параграфах 4.2. и 4.3. была дана характеристика трех основных уровней, которые предположительно входят в общий состав метакогнитивной сферы личности в информационной деятельности – метасистемного, общесистемного и субсистемного. При этом каждый из них явным образом соответствует какому-либо

основному значению критерия-дискриминатора, который положен в основу дифференциации уровней структурной организации и который обусловлен реализуемым в данной работе общим методологическим подходом. Вместе с тем, как показано в главе 2, данный критерий включает в себя пять основных значений и, соответственно, предполагает необходимость дифференциации именно пяти основных уровней. В силу этого, пока остается открытым вопрос о том, существуют ли и, если да, то какие именно уровни, соответствующие двум не учтенным пока его значениям? В качестве таковых, как показано там же, выступают компонентное и элементное значения данного критерия. Напомним, что, согласно, данному критерию, их сущность состоит в следующем. Под компонентом понимается такая относительно простейшая единица целого, которая, являясь ее составляющей, в то же время, еще несет в себе атрибутивные особенности самого целого. Элементы же это необходимые, но недостаточные образования для формирования компонентов; они могут обрести статус компонентов лишь в сочетании либо друг с другом, либо с иными психическими образованиями. Еще одна особенность элементов заключается в своеобразной двойственности их роли и значения в формировании системы. С одной стороны, они, безусловно, являются относительно простейшими образованиями. Однако, с другой стороны, любая система формируется на основе элементов, путем их организации; поэтому множество элементов находится в основании системы, является необходимым условием для ее существования и составляет базис системы. И в этом смысле они являются наиболее значимыми для создания системы. Причем, для систем функционального типа, к которым относится метакогнитивная сфера, сами элементы могут иметь не функциональную природу, а быть именно онтологически представленными образованиями и структурами. Следовательно, можно видеть, что эти два значения и, соответственно, сами дифференцируемые на их основные уровни не только теснейшим образом взаимосвязаны, но и, фактически, взаимообусловлены друг другом. Они взаимополагают друг друга и, следовательно, их рассмотрение также должно осуществляться с учетом этой их неразрывной связи.

Переходя к их рассмотрению, отметим, что вопрос о содержании компонентов и элементов метакогнитивной сферы решается с существенно разной степенью сложности по отношению к ка-

ждому из них. Так, в отношении первого из них – компонентного он решается относительно более простым и очевидным образом. В отношении же второго он, напротив, несмотря на более простой (по определению) характер самого понятия элемента, связан с относительно большими сложностями. В целях выявления этих двух уровней целесообразно опираться и на те общие представления о содержании и специфике этих уровней, которые сформулированы в методологии метасистемного подхода [99, 111]. Так, согласно, этим представлениям в качестве основных метакогнитивных компонентов психики необходимо рассматривать все те ее «составляющие» которые обладают одним – общим и основным признаком: в них имеет место феномен (и механизм) функциональной обратимости и, соответственно, все они имеют принципиально «вторичный» характер. Поэтому все они имеют и принципиально общую направленность – ориентацию не на внешнюю, а на внутреннюю среду, то есть на содержание и организацию самих «первичных» психических процессов, образований, структур и пр. В силу этого, их общая особенность заключается в том, что все они являются частными средствами, лежащими в основе важнейшего свойства психики в целом и одной из наиболее специфических ее особенностей. Это – свойство саморепрезентированности, самоданности, то есть ее сензитивности к самой себе. В силу этого, как показано в том же подходе, их общая совокупность является чрезвычайно широкой и предельно гетерогенной. Она не может быть сведена только к тем образованиям, которые выступили предметом исследования на ранних этапах развития метакогнитивизма (то есть к основным «вторичным» – метакогнитивным процессам), а включает в свой состав и многие иные, качественно отличные от них, но также «вторичные» образования.

Предпринимая попытку систематизации компонентного состава метакогнитивной сферы в аспекте входящих в нее «вторичных» процессов, необходимо, прежде всего, обратить внимание на следующее фундаментальное обстоятельство. Все их разновидности совершенно естественным образом соотносятся с основными – традиционно выделяемыми классами психических процессов в целом, то есть с основными классами «первичных» процессов (когнитивных, эмоциональных, мотивационных). В этом проявляется органичная преемственность категорий «первичных» и «вторичных»

процессов и, более того, производность «вторичных» процессов по отношению к «первичным». Сами же «вторичные» процессы отнюдь не добавляются или же – дополнительно включаются внешним образом в процессуальный состав психики. Напротив, они выступают естественными продуктами синтеза самих «первичных» процессов, результатом их организации и интеграции. Следовательно, наиболее общим и, в то же время, – обоснованным критерием для систематизации «вторичных» процессов должно выступать их комплексное соответствие с основными компонентами базового по отношению к ним уровня – уровня «первичных» процессов. С позиций данного критерия общий состав должен быть систематизирован (а все входящие в него классы процессов – проинтерпретированы) следующим образом.

Во-первых, достаточно отчетливо дифференцируется наиболее традиционный их класс – класс метакогнитивных процессов в их исходной трактовке (восходящей к так называемым «рудиментарным» определениям метакогнитивных процессов – см. в параграфе 3.3.). Каждый из них соотносится с тем или иным «первичным» когнитивным процессом и представляет собой синтез двух основных модусов этих процессов – как операторов и как операндов, а в более общем плане единство двух их функций – инструментальной и онтологической. Тем самым каждый из когнитивных процессов, выступает в «удвоенной форме». Он предстает как единство субъективной и объективной реальности, как единство операционального и субстанционального. Именно данный феномен, а также обеспечивающие его механизмы и лежат, по-видимому, в основе одного из основных свойств и психических процессов, а также сознания в целом – свойства саморепрезентированности. Конечно, при этом пока во многом нераскрытыми остаются конкретные «механизмы этого механизма» – то, что и обеспечивает данное свойство. Однако сам факт определяющей роли «феномена удвоения» посредством трансформации «первичных» когнитивных процессов во «вторичные», по-видимому, можно считать доказанным. С его позиций процессуальное содержание высшего уровня регуляции деятельности – осознаваемого (точнее – не все оно в целом, а лишь его процессуальное «ядро»), а также и сознания в целом, может быть эксплицировано и объяснено, как было показано нами в работе [64], в качестве гетерархии метакогнитивных процессов.

Вместе с тем, к сожалению, приходится констатировать не вполне корректную традицию соотнесения всех «вторичных» процессов только с метакогнитивными процессами, и даже ее исчерпанность ими. Дело в том (и это также было обосновано в ходе проведенного выше анализа), что в понятии «вторичных», метакогнитивных процессов зафиксирован лишь один, хотя и очень важный их модус – операторный. Его суть состоит в том, что они – в их процессуальном содержании рассматриваются как комплекс специфических операционных средств, направленных на организацию самих же когнитивных процессов. Однако, другой – также определяющий их модус (операндный) при этом не включается в содержание метакогнитивных процессов. Благодаря обретению этого статуса, метакогнитивные процессы становятся, как показано выше, главными средствами обеспечения важнейшего свойства психики – свойства саморепрезентированности. Необходимо особо подчеркнуть, что общей особенностью всех этих образований является именно то, что они порождаются за счет «удвоения» первичных образований, то есть за счет применения средств, заложенных в них, по отношению к ним же самим. В силу этого, например, входящие в эту группу «вторичные» процессы обозначаются еще и понятием *автопроцессов*.

Кроме того, показано также, что, наряду с ними, существуют и метакогнитивные образования иного плана, составляющие содержание еще одной основной группы [103, 119]. Их основным и общим признаком является то, что в них содержание и функциональные возможности какого-либо одного «первичного» образования (прежде всего, конечно, процесса) реализуются в отношении организации и регуляции не его самого, как это имело в случае первой группы, а в отношении какого-либо другого «первичного» образования. Так, в частности, потенциал мышления может быть реализован по отношению к организации и регуляции другого базового «первичного» когнитивного процесса – памяти (*thinking about memory*). В результате этого, собственно говоря, и возникает та богатая по своей феноменологии и очень показательная в плане рассматриваемых здесь вопросов палитра психических явлений, составляющих несомненную реальность и зафиксированная понятием мнемотехники. На основе данной особенности все процессуальные образования данной группы обозначаются понятием метакогнитивных *гетеропроцессов* [103]. Во-вторых, столь же отчетливо дифференцируются еще один класс метапроцес-

сов. Он соотносится уже не с базовыми когнитивными процессами, то есть не с когнитивной функцией (и подсистемой) психики в целом, а с ее регулятивной функцией. Кроме того, данный класс столь же отчетливо дифференцируется на две основные группы процессов. Первая из них образована классом *интегральных процессов* психической регуляции деятельности и поведения, подробная характеристика которых была представлена выше. Особо следует подчеркнуть, что во всем многообразии качественных особенностей этих процессов доминирующую роль играют две их черты, особенно значимые в плане рассматриваемых здесь вопросов. Так, все эти процессы по определению являются комплексными, синтетическими (именно интегральными), выступающими как продукты и результаты синтеза ряда иных – «первичных» процессов. Тем самым они являются именно атрибутивно «вторичными» процессами. Кроме того, в состав любого из них объективно входят, хотя и с разной степенью полноты, все классы «первичных» психических процессов, в том числе, разумеется, и «первичные» когнитивные процессы. Они, однако, представлены в интегральных процессах также в синтезированном виде, в том числе и в виде «вторичных» когнитивных процессов. Поэтому интегральные процессы, в силу их синтетической природы, обязательно включают в свой состав и «вторичные» когнитивные процессы в целом, а также когнитивные автопроцессы, в частности. Именно это обстоятельство и обеспечивает их феноменологически бесспорную осознаваемость, то есть их самопрезентивность.

Наряду с этим, еще одна – вторая группа «вторичных» регулятивных процессов, формирующаяся, впрочем, на основе первой группы как продукт дальнейшего усложнения и организации входящих в нее процессов, обозначена выше как *метарегулятивные* процессы. Их атрибутивный признак состоит в том, что все они выступают продуктом «удвоения» самих интегральных процессов, то есть результатом реализации по отношению к каждому из них операционных средств самих этих процессов. В качестве примеров процессов такого рода «удвоения» интегральных процессов (то есть метарегулятивных процессов) выше были рассмотрены известные процессы метарешений, метапланирования, метаконтроля и др. Все они – причем, даже в еще более явной и эксплицированной форме воспроизводят в себе две отмеченные выше главные особенности интегральных процессов – их синтетиче-

ский, интегративный характер (то есть статус «вторичных») и включенность в них метакогнитивных процессов, а следовательно, и их самопрезентированность.

В-третьих, аналогичная в принципиальных чертах картина может быть констатирована и по отношению к еще одному базовому классу «первичных» психических процессов – мотивационных. Здесь также на базе «первичных» процессуальных мотивационных образований могут складываться и реально складываются более комплексные, синтетические процессуальные образования, которые зафиксированы в понятии метамотивационных процессов. Следовательно, по этому признаку они также должны быть включены в состав «вторичных» психических процессов.

Наконец, в-четвертых, как показал проведенный анализ, общий принцип «интерпроцессуальной организации, заключающийся в синтезе «первичных» процессов и формировании на его основе «вторичных» процессов, действует и по отношению к эмоциональным процессам. В связи с этим, появляются основания для дифференциации еще одного класса «вторичных» процессов – метаэмоциональных.

Таким образом, проведенный выше анализ позволяет зафиксировать три основных особенности метапроцессов как таковых, независимо от их видовой специфики. Во-первых, они носят принципиально неединичный характер, то есть предполагают синтез, как минимум, двух «первичных» процессов. Причем, в ряде случаев такой синтез может носить характер «удвоения» самого «первичного» процесса (память о памяти – метапамять, мышление о мышлении – метамышление). Во-вторых, все метапроцессы предполагают ту или иную организацию «первичных» процессов. Для этого, однако, используются операционные средства, заложенные в системе самих психических процессов. Такая организация возможна в том случае, если часть процессов выступит в своей инструментальной функции, а другая – в онтологической функции. Другими словами, одни процессы должны быть направлены на организацию как таковую, а другие должны предоставлять материал для этого. Вместе с тем, этот материал должен быть адекватно воспринят, «отражен», что предполагает своеобразную чувствительность метапроцессов к «первичным» процессам – встроенность в них механизмов самосензитивности. В-третьих, общая совокупность метапроцессов оказывается чрезвычайно

гетерогенной не только по составу, но и по степени их сложности и по мере комплексности. Собственно говоря, эти три – ключевые особенности всех метапроцессов и придают им очевидное своеобразие по отношению к «первичным» процессам; они обуславливают недопустимость их редуцирования до класса «первичных» процессов, а также их существование именно как специфического класса и уровня интеграции в общей системе психических процессов.

Далее, следует обратить внимание и на еще одну – достаточно значимую, на наш взгляд, закономерность организации «вторичных» психических процессов. Она обнаруживается, однако, не в плане анализа каждого из их классов по отдельности, а в плане взаимодействия этих классов и состоит в следующем. Интегративные, синтетические эффекты, приводящие в итоге к формированию «вторичных» процессов, реально действуют и феноменологически проявляются не только так сказать во «внутриклассовой» плоскости, то есть в плане самоорганизации процессов одного и того же класса, но и в «межклассовой» плоскости. Другими словами, «вторичные» психические процессы могут выступать и реально выступают как эффекты комплексирования и интеграции «первичных» процессов разных классов. Данное обстоятельство в общем плане достаточно давно осознано в психологии. Более того, оно составляет одну из ее «аксиом» и многократно зафиксировано в понятийном и концептуальном аппарате психологии. Это, например, известный тезис о единстве познания и аффекта, то есть, фактически, – о вхождении когнитивных компонентов в само содержание эмоциональных процессов (и наоборот). Это – и аналогичное вхождение когнитивных процессов и механизмов в само содержание мотивов и мотивационных процессов и мн. др. Тем самым «вторичные» процессы двух классов – мотивационные и эмоциональные также обретают свойство самопрезентированности, но уже не за счет «внутриклассовой», а за счет «межклассовой» интеграции. Входя в процессуальное содержание метамотивационных и метаэмоциональных процессов, метакогнитивные процессы придают им свойство самопрезентированности.

Таким образом, на основе проведенного выше анализа проблема систематизации, структурной организации всего множества «вторичных» процессов решается достаточно естественным образом. Это решение может быть представлено в виде следующей матрицы «вторичных» психических процессов (см. табл. 2).

Матрица «вторичных» психических процессов

Основные классы «первичных» психи- ческих процессов	Основные классы «первичных» психических процессов				
		Когни- тивные	Регуля- тивные	Эмоцио- нальные	Мотива- ционные
	Когнитивные	1	2	3	4
	Регулятивные		5	6	7
	Эмоциональные			8	9
Мотивационные				10	

Можно видеть, что общее множество «вторичных» процессов является производным от эффектов взаимодействия «первичных» психических процессов всех традиционно дифференцированных классов. Оно при этом включает два подмножества.

Одно из них локализовано в соответствующих ячейках матрицы, образующих ее диагональ (№№ 1, 5, 8, 10). Это такие «вторичные» процессы, которые являются эффектом самоорганизации «внутриклассового» типа и включают в свой состав метакогнитивные процессы, метарегулятивные и интегральные процессы, метамотивационные и метаэмоциональные процессы.

Другое подмножество включает в свой состав такие «вторичные» процессы, которые, напротив, являются эффектом «межклассовой» организации и интеграции «первичных» психических процессов. Они локализованы в ячейках матрицы, расположенных над ее диагональю. Так, например, ячейка № 3 включает широко изучающиеся процессы синтетического (то есть именно метапроцессуального) плана, для обозначения которых используется обобщающий термин когнитивного мониторинга за эмоциями и эмоциональными процессами. Они, как мы отмечали выше, наиболее интенсивно изучаются в настоящее время в исследованиях эмоционального интеллекта (см. обзор в [62]). Еще одной, очень показательной в плане рассматриваемой схемы является содержание ячейки №4: в ней локализованы процессы организации мотивационной сферы личности. Вся их совокупность приводит к двум фундаментальным эффектам, к двум закономерностям. Во-первых, вся мотивационная сфера личности обретает целостность организации и основные черты системности строения, что отражено

в базовых принципах ее организации (иерархичности, смысловой интеграции, динамичности и др. [12]). Во-вторых, благодаря, прежде всего, когнитивным механизмам и, соответственно, когнитивным процессам достигается синтез и взаимообратимость двух важнейших типов детерминации поведения и деятельности – собственно мотивационной и стимульной, а в более широком плане – синтез мотивации влечения и мотивации долженствования.

В плане иллюстрации положения о «межклассовой» интеграции как источника порождения метапроцессов показательно, далее, содержание ячейки № 9. Дело в том, что очень часто однажды пережитая положительная эмоция, закрепленная затем в эмоциональной памяти, может становиться и реально становится очень сильным мотивом для того, чтобы ее вновь испытать. Тем самым «на стыке» мотивационных и эмоциональных процессов формируется качественно новое процессуальное образование, несводимое ни к одному из двух его «составляющих» и имеющее поэтому метапроцессуальную природу.

Итак, можно видеть, что картина метапроцессов является достаточно дифференцированной и включает целый ряд их основных классов. Вместе с тем, на наш взгляд, было бы преждевременным полагать, что даже такая – повторяем, существенно более дифференцированная картина, нежели это полагается традиционно, является окончательной и завершенной. Тому есть, как минимум, две главные причины. Во-первых, в основу предложенной классификации, отображающей структуру метапроцессов, положена базовая дифференциация всех «первичных» процессов на когнитивные, регулятивные, мотивационные, эмоциональные. И хотя именно эти классы «первичных» процессов, действительно, являются основными, все же нет достаточных оснований полагать, что они (то есть – известные в настоящее время) исчерпывают собой все процессуальное содержание психики. Во-вторых, мы вполне отдаем отчет и в том, что предложенная систематика, базирующаяся на комбинации четырех базовых классов «первичных» процессов, хотя и возможна (а исходя из современного состояния данной проблемы – и наиболее естественна), но не единственно возможна. Допустимы и иные варианты построения такого рода систематики, которые, не исключено, приведут к выявлению дополнительных классов метапроцессов.

Учитывая принципиальную гетерогенность данного уровня, нельзя не видеть и еще одного очевидного факта. Он состоит в том, что различные входящие в него классы метапроцессов отнюдь не являются

идентичными по их уровневому статусу. Например, метарегулятивные процессы, как отмечалось выше, обладают большей степенью комплексности, нежели метакогнитивные, синтезируя их в себе, а потому – локализуются на более высоких подуровнях данного уровня в целом. Вообще говоря, данный уровень точнее и корректнее трактовать, в силу этого, как *уровень-диапазон*, включающий целый ряд подуровней (находящихся в отношениях иерархической соподчиненности). Это объясняется, по-видимому, двумя основными причинами. Первая: диапазон между общесистемным и компонентным уровнем любой системы очень велик и он, в силу этого, не может включать лишь гомогенные по степени сложности образования. Вторая: уже сама по себе – охарактеризованная выше принципиальная гетерогенность данного уровня создает необходимые условия для этого.

Констатируя это, обратим также внимание и на еще одно – очень значимое с нашей точки зрения обстоятельство. Оно также способствует раскрытию реальной сложности и истинной гетерогенности процессов субсистемного уровня организации. Вместе с тем, на нее до сих пор практически не обращается внимания. Дело в том, что в этих процессах происходит их любопытная трансформация. Как правило, обычно акцент делается только на том, что психические процессы могут выступать и начинают реально выступать как операторы по отношению к самим себе, что и зафиксировано в понятии метакогнитивных процессов. Однако, не менее, а быть может, – более важно, что, становясь операторами по отношению к самим себе, «первичные» процессы (в основном когнитивные) качественно меняют свой исходный статус. Они становятся уже не операторами (как тем, *чем* познается), а операндам» (как тем, *что* познается, репрезентируется).

При этом следует особо подчеркнуть, что понимание природы и смысла синтеза этих двух модусов в одних и тех же когнитивных процессах является, по-видимому, одним из путей к разгадке природы наиболее сложного предмета психологического исследования – сознания. В связи с этим, отметим еще раз то обстоятельство, которое также уже обсуждалось выше и состоит в следующем. Действительное значение метакогнитивизма заключается не столько в том, что в нем был выявлен качественно новый класс процессов (метакогнитивные), хотя и это, безусловно, крайне значимо. Дело еще и в том, что, благодаря им, сами «первичные» процессы стали доступными исследованию (по крайней мере, в принципе) в совершенно ином качестве – уже

не как операторы, а как операнды. Реальная сложность психического в целом, а особенно – психических процессов такова, что они принципиально двуедины по своей природе. Они выступают и как операторы и как операнды; и как отражающее и как отражаемое (точнее – и как порождающее и как порождаемое). Причем, эти модусы являются принципиально динамическим, что означает возможность перманентной и субъективно достаточно легко реализуемой их смены. Именно это лежит в основе уже описанного выше механизма операндно-операторной обратимости указанных модусов.

Подчеркнем также, что все метапроцессы характеризуются значительно меньшей степенью аналитичности и большей степенью интегративности, целостности, нежели «первичные» психические процессы традиционно выделяемых классов. Вместе с тем, нельзя упускать из виду и то значимое обстоятельство, что любой способ декомпозиции единого по сути процессуального содержания психического (в том числе – и дифференциация более интегративных процессов – метапроцессов) несвободен от элементов аналитичности. В связи с этим, следует отдавать полный отчет в том, что и эти процессы отнюдь не являются так сказать автономными и самодостаточными, дизъюнктивно отделенными друг от друга; напротив, все они неразрывно взаимосвязаны друг с другом.

Аналогичная в принципе картина и, соответственно, общий механизм «удвоения» имеет место не только по отношению к процессуальному содержанию психики, но и к иным ее основным «составляющим» – в частности, к психическим *свойствам* и *состояниям*. Иными словами, синтез двух разных «первичных» образований может иметь место не только по отношению к собственно процессуальной сфере, то есть носить не только «внутриклассовый» характер. Он может иметь и иной – «межклассовый» характер, то есть осуществляться между представителями различных классов «первичных» психических образований. В частности, такой синтез составляет сущность образований, которые являются основным предметом изучения в психологии эмоционального интеллекта – образований, связанных с когнитивным контролем за эмоциональными образованиями. То же самое относится и к столь же важной и общей сфере психического – к состояниям, поскольку высшим уровнем их регуляции как раз и выступает контроль за ними со стороны опять-таки когнитивных процессов. В результате этого формируются специфические – также «вторичные» образо-

вания, которые обозначаются соответствующими понятиями. К ним, в частности, относятся понятия метакачеств, метаспособностей, «вторичных» состояний и др.

Наконец, отметим, что все эти явления и лежащие в их основе механизмы имеют место не только по отношению к собственно операционным образованиям (то есть к «первичным» психическим процессам) и не только к иным – также основным «составляющим» психики (свойствам и состояниям). Они имеют отношение и к их результативным эффектам, в качестве которых выступают, прежде всего, *знания*, равно как и иные компоненты индивидуального опыта. Показано, что и по отношению к ним также имеет место отмеченный выше механизм функциональной обратимости, в результате чего возникает феномен «знаний о знаниях» (метазнаний), а сами «первичные» знания, носящие исходно характер декларативных, могут трансформироваться во «вторичные» знания, имеющие уже характер процедуральных [113, 125]. Это, как известно, составляет основной предмет исследования во втором из двух основных направлений всего метакогнитивизма – в психологии метапознания.

В данной связи необходимо подчеркнуть, что второй основной категорией входящей в общий состав компонентного уровня организации метакогнитивной сферы личности, являются, согласно базовым императивам психологии метакогнитивизма, образования именно результативного – знаниевого типа, знания как таковые. Однако, это не «первичные» знания, а знания о знаниях – «вторичные» знания, метазнания. Вполне естественно также, что с самых первых этапов развития метакогнитивизма столь сложный феномен, каковым они выступают, явился предметом исследования в целом и попыток его дифференциации, в частности. На протяжении всей истории развития метакогнитивизма предпринимались попытки новых классификационных схем знаний, а основными среди них являются следующие подходы. Так, уже в одной из первых работ Дж. Флейвелла была предложена модель метапознания, включающая этот компонент. Согласно его модели, способность человека управлять «широким разнообразием познавательных инициатив происходит через действия и взаимодействия между четырьмя классами явлений: метакогнитивным знанием, метакогнитивным ощущением, целями (или задачами), действиями (или стратегиями)» [325]. Модель включает знание трех общих факторов:

1. знание особенностей функционирования «когнитивного процессора»;

2. знание задачи, ее требований и того, как эти требования могут быть выполнены при изменении условий;

3. знание стратегий для выполнения этой задачи, (познавательные стратегии, призванные достигать целей и метапознавательные стратегии, призванные контролировать продвижение (прогресс) познавательных стратегий).

Метакогнитивное знание может влиять на направление познавательных инициатив через преднамеренный и сознательный поиск в памяти или через несознательные и автоматические когнитивные процессы. Следует отметить разницу между собственно познавательными и метапознавательными стратегиями. Первые помогают индивиду достичь специфической познавательной цели (например, понять текст), а вторые используются для контроля достижения этой цели (например, самоопрос на предмет понимания этого текста). Метакогнитивные компоненты, как правило, активизируются, когда познание терпит неудачу (в данном случае это может быть непонимание текста с первого прочтения). Такая неудача активизирует метакогнитивные процессы, позволяющие индивиду исправить ситуацию. Позднее Дж. Флейвелл предлагает обобщенное определение конструкта «метакогнитивный опыт». Это – сложный аффективно-когнитивный комплекс, обеспечивающий включенность в различные виды деятельности. Он обеспечивает общую метакогнитивную оценку осуществляемых действий: понимания или непонимания информации, субъективную легкость – сложность актуализации материала, успешности или неуспешности в достижении цели. Это метакогнитивный опыт второго порядка – субъективные реакции человека на свои метакогнитивные процессы, отслеживание своих метакогнитивных знаний, процессов целеполагания, построения стратегии».

Вместе с тем, согласно Дж. Флейвеллу, метакогнитивный опыт может субъективно восприниматься как особый «поток сознания», актуализирующий информацию, воспоминания, прошлый опыт как ресурсы в процессе для осуществления той или иной деятельности. Этот поток включает в себя аффективный компонент, окрашивающий метапознание. Согласно Дж. Флейвеллу, метапознание может сопровождаться переживанием фрустрации, успеха, удовлетворения,

мотивированности, неуспеха и т. п. Дж. Флейвелл подчеркивает тесную взаимосвязь метапознания и сложных аффективных реакций.

В своих более поздних работах [323, 314] Дж. Флейвелл представляет структуру метакогнитивного опыта как состоящую из трех уровней. Первый уровень составляют метакогнитивные знания человека о себе, о своих жизненных задачах и стратегиях их реализации. Второй уровень представлен метакогнитивным опытом, выполняющим функции структурирования прошлого опыта и отслеживания событий непосредственной данности. Наконец, на третьем уровне имеет место метакогнитивная регуляция деятельности, основная задача которой – поиск ресурсов, релевантных цели

В настоящее время весьма распространенным определением метапознания является определение, данное Paris and Winograd [368], в котором метапознание раскрывается через два основных своих аспекта – метакогнитивного знания и метакогнитивного контроля. Позднее эти два аспекта были раскрыты и переформулированы Marzano с соавторами [по 121], согласно которым метапознание формируют знание и контроль познавательных особенностей субъекта, и знание и контроль познавательных процессов. Marzano с соавторами описывает три типа метакогнитивного знания, являющихся ключевыми для эффективного контроля над познавательным поведением: декларативное знание, процедурное знание и знание условий. Декларативное знание содержит фактическую информацию, например, концептуальное знание об особенностях конкретной задачи или типа задач. Процедурное знание содержит информацию о том, в каких случаях и как именно следует применять когнитивные стратегии, в каких ситуациях та или иная стратегия имеет преимущества.

Метапознавательный контроль включает в себя планирование, оценку и регуляцию познавательной деятельности. Большинство определений метапознания акцентируют именно эти его аспекты. Метакогнитивное оценивание предполагает исследование имеющихся знаний, особенностей понимания, целей, задач и имеющихся личностных ресурсов. Планирование включает в себя целенаправленный выбор когнитивных стратегий с учетом специфики задачи и в значительной степени зависит от декларативного знания и знания условий. Регуляция, в свою очередь, включает в себя мониторинг текущей деятельности и сопоставление текущего результата с целью. Оценка, планирование и регуляция познавательной деятельности должна предварять, сопровождать и завершать каждый этап деятельности.

Метапознание, согласно О'Neil, может рассматриваться как психическое свойство (черта) и как психическое состояние, которое является ситуативным, сопровождает интеллектуальную деятельность и может быть различным по интенсивности (например, количество контролируемых действий в рамках осуществления той или иной деятельности). Как психическое свойство метапознание определяется как относительно устойчивый, индивидуальный способ интеллектуального ответа на проблемную ситуацию.

Отдельной и важной методической и методологической проблемой в исследованиях метапознания является проблема перехода метакогнитивных знаний в неосознаваемые. Можно ли относить к категории метакогнитивных процессы, которые изначально были метапознавательными, а впоследствии стали неосознаваемыми и автоматизированными? Эта проблема в настоящее время активно обсуждается исследователями. С одной стороны, безусловно, неосознаваемая природа этих процессов резко контрастирует с основной характеристикой метапознания – высоким уровнем активности эго. Большинство исследователей (Borkowski & Muthukrishna; Bracewell; Carr, Alexander, & Folds-Bennett; Davidson, Deuser, & Sternberg; Paris & Winograd [289, 388, 394]) в настоящее время считают, что термин «метакогнитивный» должен относиться только к сознательным суждениям, объектом которых выступают другие мысли и суждения. Таким образом, признавая существование механизмов перехода метакогнитивных процессов в неосознаваемые, американские исследователи условно относят к метакогнитивным только те процессы, которые подлежат сознательному контролю субъекта и, следовательно, могут быть актуализированы и изучены в эксперименте.

Данное направление поставило вопрос о том, каким образом могут быть включены в исследование метакогнитивной проблематики традиционно изучающиеся типы знаний, образующие их оппозиционные пары – такие, как имплицитные и эксплицитные знания, явные и неявные знания, формулируемые и «подразумеваемые» знания, «горячие» и «холодные» знания, поверхностные и глубинные, понятийные и конструктивные. Вторые из каждой этих пар типы знаний иногда группируются в категорию виртуальных знаний

Заметный вклад в развитие представлений о предмете исследований в русле метакогнитивизма внесли работы Р. Клюве [350]. Он, опираясь на работы Дж. Флейвелла, выделил два признака метакогнитив-

ных действий: знание относительно функционирования мышления; умение (и возможность) контролировать и регулировать направление процесса мышления. Кроме того, используя различие, сделанное ранее Г. Райлом, Р. Клюве связал первый признак с декларативным знанием («сохраненные данные в долговременной памяти»), а второй признак с процедурным знанием («сохраненные системные процессы») [350].

Р. Клюве принадлежит критерий различения между тем, что является, а что не является метапознавательным. Сохраненные данные в долговременной памяти и сохраненные системные процессы, по Р. Клюве, могут быть выявлены на метапознавательном и познавательном уровнях. Согласно Р. Клюве, сохраненные на познавательном уровне данные состоят из области знания, которое соответствует тому, что человек знает относительно какой-либо области действительности (например, знание о математике, социальных взаимодействиях). Кроме того, сохраненные системные процессы – процессы, направленные на решение определенной проблемы [350].

Общее различие между процедурным и декларативным знанием, а также определение того, что является, и что не является метапознавательным в пределах каждого вида знания, дают возможность дифференцировать понятия метапознания и познавательного контроля. Возможность человека контролировать и регулировать свое мышление зависит от условий и требований задачи, субъективной ментальной модели задачи о задаче и видов познавательных стратегий, используемых для ее решения. Наряду с этим, важна самооценка эмоционального состояния, которая часто служит основой для дальнейшей оценки целей и требований задачи, знаний необходимых для ее решения, и стратегий решения. Эмоционально-мотивационные состояния часто определяют направление новых стратегий приобретения знаний и, что более важно, вероятность переноса известных стратегий решения на другие задачи.

Отметим также, что эти работы, равно как некоторые другие, привели к необходимости обращения метакогнитивизма к фундаментальной дифференциации на два типа знаний – декларативные и процедуральные. К ним относится и разделение знаний на знания *фактов* и знания *правил*. В дальнейшем эта дифференциация стала одной из наиболее распространенных и явилась важным свидетельством принципиальной гетерогенности знаний не только во внешнем, но и внутреннем модуле.

Г. Уэллмен предложил разделение четырех групп явлений, подпадающих под определение «метамышление», в которых ключевое место также принадлежит званиям.

А. Постоянные знания человека о мыслительных задачах, процессах, стратегиях и др., которые Дж. Флейвелл называет метакогнитивными знаниями, а Г. Уэллмен — теорией человека о душе [418].

Б. Знания о состоянии, содержании, пределах собственного мышления в определенный момент времени, который Дж. Флейвелл называет метакогнитивным опытом, а Г. Уэллмен – когнитивным слежением [418].

В. Регуляция и контроль за процессами и стратегиями мышления.

Г. Сознательные эмоции, сопровождающие процесс познания.

Можно видеть, что и в том плане представлена дифференциация знаний, но по иному, чем указанные выше, основанию.

М. А. Холодная предлагает более полное описание структуры метапознания, в котором важное место метакогнитивную осведомленность – «уровень и тип интроспективных представлений человека о своих индивидуальных интеллектуальных ресурсах, то есть также особый тип знаний, специфическая категория информации» [295]. В целом в работах метакогнитивного направления дифференцируются и иные типы знаний, что также подчеркивает факт их принципиальной гетерогенности.

Таким образом, можно видеть, что и вторая основная «составляющая» общего предмета метакогнитивизма – знания, точнее – метазнания также характеризуется принципиальной множественностью состава, гетерогенностью содержания и сложностью организации. Мера этого разнообразия не только сопоставима с мерой гетерогенности процессуального состава метакогнитивной организации, но и, по-видимому, превосходит ее. Следовательно, состав и содержание компонентного уровня организации метакогнитивной сферы эксплицирует свой аналогичный – большой объем и высокую степень разнообразия. Широчайшая палитра гетерогенности, присущая одному из наиболее богатых содержанию феноменов – феномену знаний переносится и на компонентный состав метакогнитивной сферы личности.

Вместе с тем, анализ этой сферы в плане категории знаний не только позволяет установить новые «составляющие» ее собственного содержания и содействует решению целого ряда проблем метакогнитивизма, но и приводит к постановке новых весьма сложных проблем.

Так, к основным среди них, по нашему мнению, необходимо отнести следующие. Во-первых, насколько правомерен перенос традиционно сложившихся типов знаний на категорию метазнаний – насколько вторые изоморфны первым и, следовательно, воспроизводят в себе их особенности? Каким образом могут быть систематизированы метазнания – какова их собственная организация и вообще существует ли она как нечто инвариантное?

Во-вторых, следует ли включать в категорию метазнаний лишь то, что является принципиально осознаваемым и тем самым попадает под традиционное определение знаний как таковых, или же необходимо учитывать и метазнания иных – в том числе и неосознаваемых форм и уровней? В таком случае, следует ли дифференцировать понятия метазнаний (осознаваемых репрезентаций внутреннего мира) и внутренней информации? Последняя учитывается в регуляции, но не достигает уровня и статуса знаний в строгом смысле. Это, как отмечалось, приводит к важной проблеме, смысл которой состоит в том, может ли быть метапознание бессознательным.

В-третьих, к каким специфическим и, возможно, уникальным особенностям приводит выраженное своеобразие самого предмета репрезентации метазнаний, каковыми выступают сами «первичные» знания? Здесь мы встречаемся, по-видимому, с одной из наиболее принципиальных трудностей теоретического плана, состоящей в следующем. Фактически, этим предметом выступают такие сущности – знания, которые уже по определению являются подчеркнuto *идеальными* образованиями. Они, следовательно, столь же принципиально не даны и не могут быть даны в «чувственном познании». Однако, они, несмотря на свою принципиальную неданность, все же каким-то образом даны субъекту, причем, в наиболее непосредственной и очевидной форме. Более того, они и *составляют* эту субъективную данность. Тем самым формулируется головоломная по сложности проблема сензитивности к идеальному. Это – проблема чувствительности к тому, что не является чувственно данным. Ниже мы предпримем попытку формулировки возможного решения данной проблемы.

В-четвертых, категория метазнаний включает в себя и очень важный имплицитный аспект, который обычно не становится предметом самостоятельного рассмотрения. Дело в том, что «знание о знаниях» невозможно без своеобразной *инверсии* исходного статуса

самих знаний; поясним сказанное. Традиционно исходный и основной статус знаний состоит в том, что они выступают как некоторые *операнды* – как некоторое содержание, информация, материал, контент – то над *чем* приводится оперирование, *что* перерабатывается, *что* выступает материалом субъектной активности. Однако, для того, чтобы быть репрезентированными и, следовательно, осознанными – «узанными», необходима сама процедура репрезентации: конституированные метазнаний невозможно без процедуры из репрезентации. Вместе с тем сама эта процедура также представлена как некоторый процесс знаниевого типа – как процедура формирования «вторичных» знаний, близкая к осознанию. Однако можно видеть, что в этой процедуре проявляется иной модус знаний – уже не операндный, а *операторный*; знания выступают уже не тем *что репрезентируется*, а тем, *что репрезентирует*; не тем что отражается, а тем, что отражает. Тем самым, по-видимому, сформулированные нами ранее представления о механизме операндно-операторной обратимости как ключевом механизме конституирования метакогнитивных процессов, должны быть распространены и на вторую основную «составляющую» предмета метакогнитивизма – на метазнания. Они также обладают свойством обратимости, в основе которого лежит их транспонирование из первичного статуса – операндного во вторичный – в операторный. За счет сказанного они эксплицируют в этом механизме «обратное движение» по отношению к тому, которое было констатировано для метакогнитивных процессов. Они, согласно данному механизму, могут менять свой исходный – операторный статус во вторичный – операндный. Знания же, наоборот, согласно этому механизму транспонируют свой исходный, но уже операндный статус во вторичный – операторный. Ниже мы возвратимся к этому очень важному, по нашему мнению, обстоятельству. Его осмысление может содействовать решению одной из наиболее острых и сложных проблем – проблемы самоданности психики, ее самосензитивности, поскольку формирование «знаний о знаниях», то есть метазнаний – во многом и есть сам феномен осознания, переход неосознаваемое в осознаваемое. Этот полный таинственности акт, который обозначается как «механизм осознания». По-видимому, он как раз и состоит в конструировании метазнаний, которое, в свою очередь, имеет в основе механизм операндно-операторной обратимости, но уже не только по отношению к когнитивным процессам, но и к самим знаниям.

Таким образом, общая совокупность компонентов, входящих в состав метакогнитивного содержания психики, является, действительно, и очень большой по объему, и весьма гетерогенной по содержанию. Всем им, однако, присуща триада общих и наиболее важных особенностей – их принципиально «вторичный», производный и внутренне-ориентированный характер. Эти особенности и образуют в своей совокупности качественную определенность всех метакогнитивных образований. Она, будучи общей для всех них, воспроизводится в каждом из них и составляет поэтому сущность самого компонентного уровня их организации. На нем представлены основные и наиболее специфические, а главное – сохраняющие качественную определенность всей метакогнитивной сферы образования, то есть именно ее компоненты.

Далее, исходя из вышеизложенного, вполне обоснованной представляется необходимость дифференцировки двух основных значений понятия компонента. Первое – строгое как раз и состоит в том, что им является такое простейшее образование, которое еще обладает качественной специфичностью целого. Второе – более расширительное состоит в том, что под компонентом понимается, фактически, любая «составляющая» системы, любое структурное образование, локализуемое на разных уровнях ее организации. Такая трактовка, хотя и является менее строгой, но все же может быть использована как средство осуществления анализа; она особенно значима в плане реализации задач прикладного характера, поскольку позволяет установить более комплексный и полный состав анализируемого целого.

Вообще говоря, по отношению к понятию компонентов существует ряд критериев, которые выступают как их дифференцирующие признаки. Необходимо учитывать также, что сущность компонента несводима только к его гносеологическому модусу – как результату процедуры декомпозиции целого. С иной – онтологической точки зрения компонент выступает уже не как конечный результат процедуры декомпозиции, а наоборот, как исходный – прежде всего, в генетическом плане для формирования и развития системы, для ее генезиса. В компоненте заложены многие интенции и потенции, необходимые для генезиса всего целого. Более того, в нем заложены и потенции для развертывания того главного, что составляет суть структурной организации любой сложной системы – ее уровневого строения.

Дело в том, что компоненты обладают способностью к комплексированию, синтезу (что отражено в еще одной его коннотации – в *композиционности*). В результате этого на их базе складывается образования, обладающие переходным уровневый статусом – ансамбли, паттерны компонентов, являющиеся, фактически, подсистемами всего целого. Они, как показано выше, а также в работе [111], образуют особый уровень их организации – *субсистемный*. Так, очень показательным в этом плане, является действие как компонент деятельности. В процессе его собственной дифференциации, обогащения все новыми детерминантами оно, выступая исходно как нерасчлененное целое, может трансформироваться в образования большей степени развернутости и именно такое сукцессирование лежит в основе складывания собственно деятельностных паттернов. Из этого следует, в частности, что основная единица деятельности – ее компонент также должна быть гетерогенной, причем, в плане представленности в ней аспектов всех трех систем, входящих в состав деятельности. Оппозиция анализа как гносеологической процедуры и синтеза – интеграции как онтологического средства генезиса систем – это реальное и очень острое противоречие всех процедур аналитического типа, в том числе и психологического анализа деятельности. К сожалению, как правило, оно разрешается в пользу приоритета аналитичности и трактовки компонента только в функции части целого, но не в плане его трактовки как имеющего существенные генетические потенции, как «зачатка целого».

4.6. Элементный уровень организации метакогнитивной сферы личности

4.6.1. Сущность элементного уровня организации

Предложенное в предыдущем параграфе решение вопроса о сущности основных компонентов метакогнитивной сферы личности содержит в себе необходимые предпосылки и для решения вопроса о сущности тех «составляющих», из которых и на основе которых формируются они сами, то есть о сущности элементов и, соответственно, элементного уровня. Поскольку в качестве элементов той или иной системы выступают образования, из которых формируются компоненты, но которые уже не «несут на себе» ее качественной определенности, то становится

совершенно очевидным, каким образом данное понятие должно быть применено по отношению к метакогнитивной сфере. Действительно, суть всех «вторичных» образований в целом и «вторичных» процессов, в частности, в том и состоит, что они являются именно *вторичными*, то есть производными от синтеза двух иных, но уже «первичных» образований (процессов), а значит выступают как составные. Следовательно, в качестве их элементов, то есть «составляющих», из которых они складываются, должны быть поняты именно эти «первичные» образования. Другими словами, в качестве основных элементов метакогнитивной сферы личности должны быть поняты практически все основные «первичные» психические процессы, а также иные образования – составляющие» психики, рассмотренные именно в своем базовом – «первичном» статусе, в их собственной качественной определенности. Такое решение может показаться, на первый взгляд, не совсем оправданным, поскольку оно обязывает рассматривать в качестве элемента (то есть в качестве именно элементарного образования) такие сложнейшие процессуальные образования, как, например, мышление. Вместе с тем, необходимо отдавать отчет в относительности самого понятия элемента – в том, что оно фиксирует лишь его соподчиненность еще более сложному уровню, на котором локализованы компоненты. Иначе говоря, под элементом понимается отнюдь не простое («элементарное») образование, а напротив, – образование чрезвычайно сложное, сохраняющее всю сложность, которая присуща ему в его «первичном» статусе. Речь идет лишь о том, что оно может еще более усложняться посредством механизма функциональной обратимости, в результате которого и формируются сами метакогнитивные образования – как «вторичные» и составляющие содержание компонентного уровня общей организации метакогнитивной сферы личности.

Наряду с этим, следует подчеркнуть, что отмеченный выше вопрос – о сравнительной степени сложности компонентов и элементов метакогнитивной сферы, равно как и о корректности использования самого термина элемента (как чего-либо именно элементарного) по отношению к таким сложнейшим образованиям, каковыми выступают все «первичные» составляющие психики, имеет еще один важный аспект. Он связан с тем, что по отношению к понятию элемента, к сожалению, сложилась не вполне позитивная традиция его трактовки, прежде всего, именно в оценочном плане – как чего-либо «наиболее простого» и в этом смысле элементарного. В действи-

тельности, это далеко не всегда так³⁸. В связи с этим имеет место и другая точка зрения, состоящая в следующем. Именно элементы той или иной системы (и, соответственно, уровень, который образован в ней элементами) могут рассматриваться как относительно наиболее сложные сущности, поскольку они *виртуально* содержат в себе необходимый потенциал, для последующего формирования на их основе иных – вышележащих уровней ее организации. Кроме того, именно этот уровень является базовым, исходным, то есть лежит в *основе* всей иерархии уровней. Следовательно, в этом отношении он является аналогичным по значимости – также *основным* (причем, что очень характерно, даже просто в прямом, то есть этимологическом отношении). Далее, дифференциация понятия элемента должна производиться не по критерию «простоты-сложности», а по иному – так сказать *композиционному* критерию. Согласно ему, в качестве элементов необходимо рассматривать то, из чего формируются компоненты как основные единицы качественной определенности системы. Это означает, что искомый критерий должен быть не абсолютным, а относительным. В этом случае не только снимается противоречие между теоретически ожидаемой простотой элементов и систематически выявляемой огромной их сложностью, но такое противоречие даже не возникает. В качестве элементов с этих позиций может выступать любое, в том числе, и очень сложное образование.

Итак, можно констатировать, что при рассмотрении именно данного уровня со всей остротой предстает один из наиболее устойчивых и широко представленных научных стереотипов, который, в действительности, не только является не вполне обоснованным, но и выступает источником многих трудностей теоретического плана. Его сущность, как раз и состоит в мнении, согласно которому элемент любой системы является ее наиболее простой структурной «составляющей» (по определению). Вместе с тем, согласно многочисленным данным, которыми располагает целый ряд научных дисциплин (как естествен-

---

³⁸ Так, например, весьма показательной в этом отношении является соотношение степени сложности группы (как целого) и ее «составляющих» – элементов, в качестве которых выступают ее члены – отдельные индивиды. Совершенно очевидно, что степень сложности последних, то есть сложность их личностной организации несопоставимо больше, нежели сложность самой групповой формы организации

нонаучного, так и гуманитарного профиля), такая точка зрения во все большей степени приходит в противоречие с теми данными, которые в них получены. Например, как отмечалось выше, социальная группа, проинтерпретированная с позиций системных представлений, является заведомо менее сложным по своей организации образованием, нежели ее «отдельные составляющие» – члены группы. В связи с этим, получает все более широкое распространение и обоснование иная – причем, даже противоположная точка зрения, согласно которой, напротив, часть может быть не только не менее, но и более сложноорганизованным образованием, нежели целое.

Однако, в любом случае это такое образование, которое, будучи необходимым для порождения компонентов системы, еще недостаточно для этого. Оно должно быть дополнено иными элементами, и лишь в результате синтеза с ними может приводить к порождению самих компонентов. С этих позиций, кстати говоря, естественным образом объясняется то, почему и даже зачем в качестве «составляющих» – элементов компетенций могут выступать такие предельно сложные сущности как знания и уж тем более – несколько менее сложные, но все же также дифференцированные образования – умения, а не только навыки. Более того, с этих позиций эксплицируется и объясняется ключевая особенность компетенций, которая постоянно упоминается – фиксируется на практике и в теории и которая выступает их критическим специфицирующим признаком (*differencia specifica*). Знания – как бы они ни были сложны и развернуты – сами по себе еще недостаточны для возникновения компетенций. *Знать и быть в состоянии*, то есть быть компетентным – это, как известно, не одно и то же. Аналогичным образом, и обладание навыками также не тождественно компетенции, поскольку последняя предполагает возможность адаптации деятельности к изменяющимся условиям и, соответственно, – изменения самих навыков, их приспособления под них, а это требует уже иных средств, чем те, которые соотносятся с понятием навыков.

На наш взгляд, эта точка зрения как нельзя более адекватно раскрывает истинную сущность и действительное содержание понятия элемента по отношению именно к метакогнитивной сфере личности. Ее элементы – это такие образования, которые вовсе не являются ни простыми, ни элементарными, а напротив, – выступают в качестве крайне сложных. Однако, именно в силу своей сложности, они

и содержат в себе достаточные возможности формирования за счет их собственных возможностей и ресурсов – так сказать за счет «внутренних средств» всех иных образований, в частности, «вторичных», то есть метакогнитивных. Сама суть «первичных» психических процессов – в особенности, когнитивных, состоит в том, что в них заложены все необходимые и достаточные условия для их собственного развития – для их качественных трансформаций, в том числе и для формирования на их основе «вторичных» – метакогнитивных процессов. Для этого вовсе не обязательно привлечение дополнительных организационных – ресурсных средств извне; достаточно реализации потенциала, заложенного в них самих. В результате этого оказывается, что еще одна – очень важная и, по существу, определяющая особенность всей метакогнитивной сферы личности заключается в том, что ее базовый уровень (элементный) характеризуется очень явной специфичностью. С одной стороны – формально, он сохраняет все основные атрибуты собственно элементного уровня организации систем [121, 132]. Однако, с другой стороны – содержательно он образован такими сущностями (элементами), которые обладают необходимым потенциалом для формирования на их основе всех иных ее уровней. И в этом – именно содержательном плане они, конечно, не могут и не должны пониматься в качестве относительно наиболее простых образований. В известном смысле они вступают как относительно *наиболее* сложные образования, поскольку в них, хотя и в потенциальной форме, содержатся все необходимые и достаточные условия для порождения всех иных ее «составляющих» и уровней организации.

Вместе с тем, именно при такой интерпретации данного уровня возникает, пожалуй, наиболее острая и, в то же время, наиболее важная, даже – определяющая для всего метакогнитивизма проблема. Ее сущность как отмечалось выше, вытекает из главного и наиболее трудного теоретического вопроса и даже – своеобразного парадокса. В самом деле, можно ли вообще рассматривать в качестве элемента, то есть образования относительно наиболее простого – именно элементарного такие сложнейшие сущности, каковыми выступают основные когнитивные процессы в целом, а также мышление и память, в особенности? Однако именно таковая трактовка и заключена в известной – основополагающей для всего метакогнитивизма дихотомии психических процессов на «первичные» (не метакогнитивные) и «вторичные» (метакогнитивные). В результате этого и дифференцируются

два указанных класса процессов, а сами метакогнитивные процессы обретают специфичность своего статуса и качественное своеобразие содержания. Кроме того, именно такая трактовка очень хорошо – полно и явно отвечает самой сути критерия-дискриминатора в целом и тех соотношений, который предписываются им для определения характера связей компонентного и элементного уровней. Действительно, предельно понятно, что любой «вторичный» процесс не может состоять не из чего иного кроме именно своих «составляющих» – частей, то есть из «первичных» процессов. И наоборот, «первичные» процессы составляют, согласно данной трактовке, основу – элементную базу для формирования на их основе «вторичных», то есть метакогнитивных процессов. Попытаться опровергнуть такую трактовку – значит ставить под сомнение, фактически, все основное содержание самого метакогнитивизма. Речь поэтому должна идти вовсе не о таком «опровержении», а о том, чтобы попытаться углубить и конкретизировать эти представления, содействовать тем самым преодолению этой – действительно, существенной и острой теоретической трудности. По нашему мнению, в этом плане можно сформулировать следующие положения, способствующие решению данного вопроса.

Выход из этой, действительно, сложной ситуации может быть найден при учете следующего обстоятельства принципиального плана. Дело в том, что одной из наиболее характерных и явных особенностей любого психического процесса (прежде всего, именно когнитивного) является то, что он может быть представлен в очень разных формах – с разной степенью сукцессированности и, соответственно, сложности. Он, как известно, может реализовываться и как практически симультанный паттерн *операций*, и как *действие*, и как *комплекс* действий, и как относительно самостоятельная *деятельность*. Причем, очень важно, что во всех иных формах и на всех иных уровнях, кроме операционного, он объективно представлен в синтезе с «составляющими» других когнитивных процессов, а не только в своей качественной определенности. В силу этого, есть основания считать, что в качестве подлинных элементов метакогнитивных процессов (как «вторичных»), действительно, выступают основные «первичные» процессы, но взятые именно в их относительно элементарном проявлении – в аспекте их собственно *операционного состава*. При этом необходимо учитывать и одно из наиболее общих и фундаментальных положений теории психических процессов, принявших статус своеобразной аксиомы.

Оно состоит в том, что качественная определенность любого психического процесса, а одновременно – и его специфичность по отношению ко всем иным, обусловлена именно наличием у него собственного операционного состава. Для каждого из них существует своя особая совокупность такого рода операций. Она, с одной стороны, придает им качественную определенность и вообще конституирует их. С другой стороны, она обуславливает их качественную специфичность по отношению ко всем иным процессам. Понятия операций и операционного состава, с одной стороны, и понятие психических процессов (особенно – когнитивных), с другой, практически взаимопологаемы друг с другом [8, 218]. Раскрытие сущности того или иного психического процесса во многом означает раскрытие и объяснение его операционного состава (как в аспекте его содержания, так и в аспекте его временной организации, то есть в плане его именно временного, собственно процессуального развертывания).

Итак, одним из наиболее общих положений, сформулированных при изучении психических процессов, является положение, согласно которому сущность любого процессуально-психологического образования, а также его содержание, связано именно с его операционным составом и, фактически, детерминировано им. Известно также, что особенно явно это представлено по отношению к когнитивным процессам. О психических процессах как таковых вообще можно говорить лишь в том случае, если в предмете того или иного психологического исследования феноменологически зафиксирован операционный состав как таковой. И наоборот, наличие операционного состава является критически значимым» – атрибутивным признаком для отнесения того или иного предмета психологического исследования именно к категории психических процессов. Именно наличие операционного состава составляет сущность любого психического процесса. Операционный состав вообще в решающей мере конституирует качественную определенность содержания психических процессов. Он же обуславливает и их качественную специфичность по отношению ко всем иным процессам. И наоборот, отсутствие этого атрибута является наилучшим и наиболее надежным индикатором не-принадлежности того или иного предмета исследования к категории психических процессов.

Следовательно, операционный состав, составляющий основное содержание любого процесса, выступает и таким его аспектом, который является не только объективно основным, но и во многом кон-

ституирует его. Данное положение, наряду с целым рядом его аспектов, подчеркивает ведущую и определяющую роль именно операций (и как понятия, и как реальности) для раскрытия содержанию любого процесса, равно как и для определения специфики их связей и отношений друг с другом.

Кроме того, следует учитывать, что операционный состав «первичных» процессов характеризуется принципиальной гетерогенностью. Так, например, в мышлении дифференцируются базовые – основные операции, в качестве которых выступают хорошо известные операции анализа, синтеза, абстрагирования, обобщения, конкретизации, сравнения и др. Однако столь же несомненен и факт того, что в его составе объективно представлены и более сложные, причем, также очень широко распространенные операции. Они также имеют подчеркнута абстрагированный от конкретного содержания мышления, то есть своего рода «надпредметный» характер; это, скажем, классификация, сериация, аналогизирование, перенос и др.

Наряду с этим, не менее существенно, что операции второго типа формируются на основе синтеза – комплексирования основных, то есть своего рода «первичных» операций и, следовательно, выступают как «вторичные». С этих позиций достаточно неожиданной, но очень доказательной для развиваемых здесь представлений сторонней раскрывается один из наиболее важных механизмов функциональной организации мышления, охарактеризованный в свое время С. Л. Рубинштейном. Это механизм, который сам автор обозначал как «анализ через синтез» и который он рассматривал не просто как важный, а как «основной нерв мышления» [218]³⁹. Однако, совершенно очевидно, что этот механизм выступает очень важным, но все же частным случаем общего механизма синтезирования операций и формирования в результате «вторичных» операций. Данный факт позволяет выявить обстоятельство еще более общего и принципиального характера. Оно состоит в том, что, наряду с отмеченным –

---

³⁹ Его суть, напомним, состоит в следующем. «Поставленная проблема во всем многообразии своих объективных свойств и принципов включается во все новые связи и в силу этого выступает во все новых свойствах и качествах, которые фиксируются в новых понятиях; из проблемы, таким образом, как бы «вычерпывается» все новое содержание, она как бы поворачивается каждый раз своей новой стороной, в ней выявляются все новые свойства» [218].

уже известным метаоперационным образованием, в психологии мышления достаточно давно дифференцированы и иные – подобные ему образования. Это, в частности, такие составные, то есть метаоперационные образования, как, скажем, конкретизирующая абстракция или описанный в [113] «синтез через анализ». Все это показывает, что операции могут реализовываться в отношении самих же себя; имеет место «удвоение» операционного состава и формирование на основе «первичных» операции «вторичных» операций, то есть своего рода метаопераций. Другими словами, можно констатировать тот же самый принципиальный механизм, который лежит в основе формирования любого метакогнитивного процесса. Не менее важно в свете всех этих явлений зафиксировать и то, что сам механизм функциональной обратимости, на основе которого базируются все метакогнитивные процессы, представлен и на более элементарном уровне – собственно операционном. В этом случае он выступает как механизм *операционной обратимости*. Именно он, по-видимому, лежит в основе всех иных форм и уровней функциональной обратимости – прежде всего процессуальной. За счет него и на его основе – именно как наиболее элементарного разворачиваются все иные генеративно-порождающие средства, приводящие в итоге к формированию всех иных метакогнитивных процессов. Очень важно и то, что именно он, выступая относительно наиболее простым – и в этом плане элементарным, локализуется на соответствующем его природе уровне – элементарном. По-видимому, практически любой «первичный» когнитивный процесс, обращенный сам на себя, выполняет продуктивные функции уже не только в отношении переработки информации, но и в отношении преобразования и даже – «строительства» самого себя. С этой точки зрения, например, метамышление выступает как своеобразный «функциональный орган», порождаемый мышлением как средство его же собственного усиления и расширения потенциала, а в целом развития и совершенствования.

В этом плане необходимо учитывать и еще одну важную закономерность процессуальной организации, которая состоит в том, что базовые психические процессы могут не только менять, но и, фактически, *инвертировать* свой исходный статус активных операционных образований, становясь относительно пассивными образованиями. Это составляет суть феномена операндно-операторной обратимости,

закключающегося, как отмечалось выше, в том, что исходный статус процессов – операционный трансформируется во вторичный статус – операндный. В результате процессы обретают новую и, по существу, уникальную способность быть направленными и реализованными в отношении самих же себя. Вместе с тем, как показано в наших работах, не только мышление или память в целом, но и любая их локальная (а одновременно – и базовая) «составляющая», то есть операция, обладает способностью к «удвоению» [113]. На основе этого могут складываться и реально складываются операции «второго» порядка – метаоперации, а также, по-видимому, и операции еще более высоких порядков интегративности.

Кроме того, не менее очевидно, что комплексированию могут подлежать и операции, входящие в состав *разных* «первичных» когнитивных процессов. В параграфе 1.2. мы уже отмечали, что наиболее явно это представлено по отношению к взаимосвязям мнемических и мыслительных операций и зафиксировано в понятии *мнемотехники*. Наряду с этим, необходимо учитывать, что одним из основных атрибутов операций является, как известно, их преимущественно автоматизированный, *неосознаваемый* характер. Поэтому они обладают максимальной степенью *оппозиционности* – «отличности» от ведущего атрибута всех метакогнитивных образований, то есть от их осознаваемого характера. Однако именно он и является основным для предыдущего уровня организации метакогнитивной сферы – компонентного. Именно данное обстоятельство является решающим аргументом в пользу качественных различий этих двух уровней ее организации. Наконец, важной особенностью операций выступает и то, что они являются не только основными носителями качественной определенности того или иного психического процесса, но еще и такими носителями, которые имеют наименьший из всех возможных уровень обобщенности. Тем самым, они раскрываются не как «пограничные» образования между тем, что составляет содержание того или иного процесса, но что уже не принадлежит ему, а локализовано на ином уровне организации психики и деятельности – на уровне их психофизиологического обеспечения.

Таким образом, на основе проведенного анализа можно сделать заключение, согласно которому подлинной элементной базой метакогнитивной сферы личности являются не столько сами «первичные» процессы в целом, сколько их относительно наименее сложные формы

и уровни. В этом качестве выступают их, хотя и относительно элементарные проявления, но такие, которые сохраняют *главное* в них – их операционный состав и, следовательно, репрезентируют их специфическое содержание. В силу этого, основными носителями качественной определенности и, соответственно, основным предметом исследования данного уровня, позволяющим одновременно «уловить» и его специфику в целом, и обеспечить ему достаточно высокую степень дифференцированности, а значит и «чувствительности», являются именно операции. Они являются основными и наиболее репрезентативными «единицами» исследования на данном уровне организации метакогнитивной сферы.

4.6.2. Механизм операционной обратимости

На основе сформулированных положений о сущности и специфичности базовых элементов метакогнитивной сферы личности открываются возможности для того, чтобы объяснить, каким образом и на основе каких общих по смыслу, но конкретных по содержанию средств и механизмов один «первичный» когнитивный процесс (мышления) порождает другой, но уже «вторичный», метакогнитивный процесс (метамышление). Сложность этого вопроса обусловлена тем, что он связан с другим – одним из наиболее трудных и острых вопросов, сформулированных в метакогнитивизме (и, соответственно, с принципиальной теоретической трудностью). Точнее было бы сказать – не *в* метакогнитивизме, а *против* метакогнитивизма. Это – отмечавшийся выше вопрос о том, является ли тот или иной «вторичный» процесс (метакогнитивный) каким-то «особым» процессом? В более мягкой формулировке этот же вопрос формулируется следующим образом: является ли он отличным и качественно специфическим по отношению к «первичному» процессу (когнитивному)? Например, является ли таковым метамышление (как «вторичный» процесс) по отношению к просто мышлению (как «первичному»)? Целесообразно ли вообще дифференцировать его от «просто» мышления – даже в условном плане? Или же оно входит на правах аспекта и компонента, подпроцесса и уровня в состав все того же мышления? Являются ли отношения между ними отношениями относительно паритетных сущностей или же эти отношения носят характер связи целого (мышления) и части (метамышления)? Будучи очень сложным, но в то же

время и критически значимым для всего метакогнитивизма, данный вопрос, в действительности, как будет показано ниже, еще более сложен, а ответ на него носит не вполне традиционный с точки зрения сложившихся представлений характер.

Предпринимая попытку его решения, необходимо, прежде всего, акцентировать внимание на следующих важных в теоретическом плане положениях, являющихся, на наш взгляд, исходными и обязательными для нее. Первое из них состоит в том, что «первичные» когнитивные процессы могут не только менять, но и, фактически, инвертировать – статус операционных образований: они могут выступать не активными образованиями, а тем, на что направлены сами операционные воздействия, то есть относительно пассивными операндами [113, 121]. Второе свойство заключается в том, что, вследствие предыдущей особенности, они обретают новую и, по существу, уникальную способность быть направленными и реализованными в отношении самих же себя. В свете данной особенности очень важно подчеркнуть, что эти свойства присущи, разумеется, тому или иному «первичному» процессу (например, мышлению) не только в целом, но и тем основным компонентам, из которых он состоит – операциям. В силу этого, не только мышление в целом, но и любая его локальная, но одновременно – базовая «составляющая», то есть операция, обретает способность к удвоению. На основе этого складываются операции «второго» порядка – метаоперации, а также, по-видимому, и операции еще более высоких порядков.

Далее, как показано выше, именно операционный состав вообще в определяющей мере конституирует качественную определенность содержания любого психического процесса. Он же обуславливает и качественную специфичность любого психического процесса по отношению ко всем иным процессам. И наоборот, отсутствие этого атрибута является наилучшим и наиболее надежным индикатором не-принадлежности того или иного предмета исследования к категории психических процессов. В плане анализируемого здесь вопроса это означает, что он должен, по-видимому, решаться на основе выявления операционного состава двух анализируемых процессов (мышления и метамышления) и определения отношений именно между его компонентами, то есть операциями. Именно это понятие, наряду со многими иными его гранями, является, по нашему мнению, тем «ключом», который позволяет раскрыть действительное содержание

процесса метамышления, взятое, в структурированном и иерархически организованном виде. С этих позиций содержание процессов мышления и метамышления, равно как и отношения между ними, могут быть определены следующим образом [113].

Базовыми «единицами» этих процессов их основными структурными компонентами, как это и предписывается сложившимися в психологии мышления, равно как и в когнитивной психологии в целом теоретическими представлениями, выступают отдельные мыслительные операции. Точнее, в этом качестве выступают не все из них, а те, которые дифференцированы как исходные, «первичные» и которые составляют именно основу традиционных представлений об операционном составе мышления (как известно, это операции анализа, синтеза, конкретизации, абстрагирования, обобщения, сравнения и др.).

Далее, необходимо учитывать, что именно операции являются основными и наиболее специфическими носителями качественной определенности всего целого, то есть процесса мышления как такового. Тем самым, именно они и обнаруживают свой, действительно, важнейший психологический статус: они предстают в качестве «подлинных единиц» (пользуясь выражением С. Л. Рубинштейна) процесса мышления. Как таковые они являются основными и для развертывания на их базе всей организации, в том числе, и иерархической. Любая организация, особенно иерархическая базируется на основе определенных «строительных единиц» различных степеней сложности, то есть тех базовых компонентов, которые подвергаются в ней синтезированию. В результате образуются ее основные качества, возникает новая – уровневая организация. Однако за счет этого же порождается и новая качественная определенность: если просто операции – «первичные», или операции «первого порядка», образуют качественную определенность «просто мышления», то метаоперации лежат в основе порождения иной качественной определенности – содержания метамышления. Причем, порождение этой новой качественной определенности происходит без привлечения каких-либо дополнительных процессуальных и операционных средств, а осуществляется за счет своих собственных ресурсов.

Следовательно, наряду с собственно операционным уровнем организации, существует еще один уровень – метаоперационный. В связи с существованием этого уровня и его закономерными, причем, генеративно-порождающим межуровневыми связями с операционным

уровнем, отношения «просто» мышления и метамышления как раз и раскрываются как сами эти межуровневые взаимодействия. Другими словами, соотношения мышления и метамышления в их относительно простейшем виде – это соотношения компонентного и элементного уровней организации. По-видимому, мышление, обращенное самое на себя, то есть операции, реализуемые в отношении их же самих, выполняют при этом продуктивные функции уже не только в отношении переработки информации, но и в отношении «строительства» самого мышления. С этой точки зрения метамышление выступает как своеобразный «функциональный орган», порождаемый мышлением как средство его же собственного «усиления» и расширения потенциала, а в целом развития и совершенствования. Оно выступает как продукт «оборачивания» операционно-процессуального содержания мышления (как «первичного» когнитивного процесса) на самое себя и продуцирования на этой основе новых возможностей.

Таким образом, можно видеть, что именно операции выступают базовыми компонентами организации процессуально-психологических образований. В связи с этим, следует обязательно учитывать, что одним из важнейших свойств самих компонентов систем – в том числе, процессуальных, являются имманентно присущие им генеративно-порождающие интенции – своего рода способность к саморазвитию, к самотрансформации и порождению на этой основе новых структурных образующих. Особо важно при этом, что необходимые и достаточные условия для этого содержатся в самой совокупности компонентов: новые структурные уровни формируются не за счет «привнесения» нового содержания извне, а именно за счет новой организации совокупности компонентов. Однако, трудно не видеть того очевидного обстоятельства, что именно это не только имеет место в организации процесса метамышления, но и составляет самую его суть; поясним сказанное. Мы уже отмечали один из основных механизмов, выявленных и охарактеризованных в исследованиях метакогнитивных процессов и обозначаемый как механизм операндно-операторной обратимости. Он состоит в том, что первичные когнитивные процессы могут реализовываться в отношении их же самих; они при этом трансформируются из активных операторов в относительно пассивные операнды. Однако то же самое имеет место не только к процессам в целом, но и к тем «составляющим», их которых они образованы. Тем самым, возникает важнейший по своей значимости

и последствиям феномен «удвоения» операций: их комплексирования и возникновения качественно новых процессуальных образований – «вторичных», производных, то есть, по существу, метаопераций.

Вместе с тем, именно за счет этого порождается и новое качество, возникает новая качественная определенность: если первичные операции или операции «первого порядка» образуют качественную определенность мышления, то метаоперации лежат в основе порождения иной качественной определенности – содержания метамышления. Вследствие этого, появляются новые – уникальные и практически неограниченные возможности процедуральной организации переработки информации, образованные различными вариантами синтеза «первичных» операций. Сам же состав метаопераций выступает как значительно более обширный, чем состав «первичных» операций. Более того, он, как подчеркивалось выше, является принципиально открытым, поскольку предполагает возможность возникновения все новых паттернов, образуемых синтезами «первичных» компонентов (в данном случае – операций).

Следует учитывать, что новые операционные образования могут генерироваться не только на основе принципа комплексирования уже существующих – известных в теории мышления базовых операций, но и на основе порождения новых операционных образований. При этом, однако, следует учитывать факт недостаточной разработанности самой проблемы дифференциации базовых мыслительных операций, а также нерешенность вопроса о полноте их традиционного набора, равно как и об отсутствии критерия определения такой достаточности. Далее, в данной связи возникает и еще один важный вопрос: следует ли дифференцировать эти – базовые операции от иных, более вариативных и производных от них и формируемых на их основе? Наряду с этим, такого рода операции, усложняясь и специфицируясь, могут все более сближаться с теми, которые известны в психологии мышления и обозначаются понятием эвристик. И здесь можно провести аналогию между рассмотренными генеративно-порождающими эффектами мыслительного плана и аналогичными процессами в мнемической сфере. Как мы уже отмечали, в перспективе возможна разработка представлений о своеобразном «мыслительном аналоге» понятия мнемотехники, которое можно обозначить как *когнитотехника*.

Наконец, генеративно-порождающие процессы могут развертываться и в еще более специфицированном виде, приводя к формирова-

нию уже не только эвристик, но и тех или иных обобщенных способов, *стратегий* когнитивного и метакогнитивного плана. Мышление реализуют продуктивные функции уже не только в отношении переработки информации, но и в отношении преобразования самого себя.

Более того, по нашему мнению, на основе этого можно высказать и еще одно предположение. По-видимому, в силу принципиальной общности рассмотренных механизмов генеративно-порождающего плана по отношению ко всем когнитивным процессам, направленным на их «самостроительство», в структуре каждого из них формируется специфический операционный фонд – дополнительный по отношению к набору их базовых операций. Как уже отмечалось, наиболее явно он представлен по отношению к мнемическим процессам и зафиксирован в понятии мнемотехники. Однако, он не менее очевиден и для мышления, выступая в форме когнитотехники в целом и эвристик, в частности. Общей чертой всех этих операционных образований является то, что они являются продуктом операционной обратимости – направленности базовых когнитивных операций на их самих и формировании за счет этого новых продуктивных операций; поэтому они могут быть объединены общим понятием *метатехники*.

С позиций развитых выше представлений, как мы отмечали выше, достаточно неожиданной, на первый взгляд, стороной раскрывается один из наиболее важных механизмов функциональной организации мышления, охарактеризованный в свое время С. Л. Рубинштейном. Это механизм, который сам автор обозначал как «анализ через синтез» и который он рассматривал не просто как важный, а как «основной нерв мышления». Обратим, однако, внимание на то, что сутью и специфическим содержанием самого этого «нерва», то есть, фактически, «механизмом самого этого механизма», а следовательно, – и его объяснением являются не что иное как описанные выше закономерности метаоперационного плана. Действительно, трудно не видеть того очевидного факта, что содержанием и сутью «анализа через синтез» как раз и является комплексирование двух базовых мыслительных операций – анализа и синтеза. Со всей очевидностью вскрывается то – важнейшее обстоятельство, что сам этот «нерв», фактически, является метаоперационным образованием.

В свою очередь, данный факт позволяет выявить обстоятельство еще более общего и принципиального характера. Оно состоит в том, что, наряду с указанным – и уже известным метаоперационным

образованием, в психологии мышления достаточно давно дифференцированы и иные – подобные ему образования. Это, в частности такие составные, то есть метаоперационные образования, как, скажем, конкретизирующая абстракция или описанный в [113] «синтез через анализ». Таким образом, эти – установленные независимо от развиваемых здесь представлений результаты являются важными аргументами в пользу обоснованности самих этих представлений. С их позиций становится очевидным, что в психологии мышления уже давно складывались эмпирические предпосылки, а одновременно – и доказательства существования качественно специфического уровня его организации – метаоперационного.

Констатируя это, необходимо, однако, сделать следующее – принципиально важное, на наш взгляд, уточнение. Дело в том, что все рассмотренные случаи связаны с комплексированием лишь тех операций, которые входят в процессуальное содержание только самого процесса мышления. Однако сама суть метакогнитивных процессов состоит еще и в том, что в их форме какой-либо первичный когнитивный процесс может реализовываться не только в отношении самого себя, в результате чего и возникают наиболее известные из них – метапамять, метамышление. Дело еще и в том, что тот или иной когнитивный процесс может реализовываться в отношении других когнитивных процессов [86]. Поэтому, наряду с метакогнитивными автопроцессами, существуют еще и метакогнитивные гетеропрцессы [103]. Так, наиболее явной иллюстрацией этого является уже неоднократно отмечавшаяся мнемотехника. По самой своей сути она представляет собой синтез операционного состава двух разных «первичных» когнитивных процессов – памяти и мышления.

В результате этого формирующиеся метакогнитивные операционные паттерны еще более усложняются, а их общий состав существенно расширяется. Однако, истинная суть имеющих место трансформаций и процессуального обогащения состоит даже не в этом (хотя такое расширение также очень важно и само по себе). Дело еще и в том, что возникает совершенно новая разновидность самих метакогнитивных процессов – гетеропрцессы. В них, точнее – в их совокупности каждый первичный когнитивный процесс оказывается (потенциально или реально) направленным в отношении всех иных. Причем, это, разумеется, в первую очередь относится именно к процессу мышления. Оно также может направляться не только на само себя (в результате чего

и возникает метамышление), но и на все иные когнитивные процессы. Более того, такая переориентация может происходить не только в отношении когнитивных процессов, но и в отношении процессов всех иных классов – мотивационных, эмоциональных, волевых, регулятивных, коммуникативных и пр.

Необходимо обратить внимание и на еще одно достаточно значимое положение. Дело в том, что детерминационное влияние одних операций на другие (точнее – операций принадлежащих к разным когнитивным процессам) может быть принципиально разным – противоположным по направленности. С одной стороны, операции – например, мнемические могут «привлекать и эксплуатировать» в целях своей оптимизации операции, соотносящиеся с другими процессами – скажем, с мышлением и тем самым оказывать на них детерминационное влияние. В результате этого, собственно говоря, и возникает феномен мнемотехники как таковой. Аналогичным образом, по отношению к перцептивным операциям и к перцепции в целом также могут привлекаться операционные средства мышления, что в итоге приводит к известным феноменам когнитивной схематизации самой перцепции. Мыслительные операции могут «накладываться» и на операционный состав воображения, что в итоге также приводит к хорошо известным феноменам имагинативного плана – агглютинации, гиперболизации и пр. Подчеркнем, что такого рода наложение носит, в основном, произвольный – метакогнитивно-контролируемый характер. Оно является субъектно управляемым, а потому – субъективным и, следовательно, принципиально подверженным аберрациям.

Однако, с другой стороны, такое межоперационное взаимодействие может носить и противоположный характер по своей направленности – не снизу-вверх, а сверху-вниз. Причем, оно является еще более характерным и представленным – настолько обычным, что перестает замечаться и учитываться. Действительно, мышление и его операционный состав как процессуальное образование, локализованное на высшем уровне когнитивной иерархии и объективно базирующееся на всех нижележащих уровнях, столь же объективно и обязательно вовлекает в процесс своей реализации все операции, присущие процессам, локализованным на них. Имеет место все то же заимствование, но представленное уже не в виде *субъектно*-контролируемого метакогнитивного процесса, а в виде *объективно* разворачивающегося синтеза операций практически всех ниже-локализованных

когнитивные процессов. Более того, мышление во многом вообще и состоит в таком синтезе, что, впрочем, не только не меняет сути дела, но наоборот подчеркивает общность данного принципа.

Вся совокупность такого рода переориентаций, фактически, означает саморепрезентацию психикой своего же собственно содержания в целом – то, что в более традиционной терминологии обозначается понятием рефлексии. Необходимо учитывать также, что именно этот макропроцесс является таким средством, благодаря которому обеспечивает именно целостное самовосприятие (саморепрезентация) психикой самой себя. В составе рефлексии метакогнитивные процессы, синтезируясь в целостность, обретают новую качественную определенность; они выступают целостно, то есть в форме самого этого макропроцесса.

С позиций сформулированных выше представлений открываются дополнительные возможности для решения одного из самых трудных и запутанных вопросов всей теории психических процессов. Это вопрос о принципиальной невозможности четкого и строгого – так сказать дизъюнктивного разделения психических процессов друг от друга, невозможность их дифференциации «в чистом виде», в автономной друг от друга форме и пр. В еще более общем плане эта же трудность заключается в принципиальной «полносвязности» всей системы психических процессов, в их организации по типу «абсолютного целого». Вместе с тем, с позиций представлений о сути и специфичности тех метаопераций, которые формируются не в пределах одного и того же когнитивного процесса, а во взаимодействии с ними, данный вопрос становится несколько более понятным. Более того, выявляются и конкретные средства, а в определенном смысле – и механизмы такой взаимовключенности и принципиальной неразделимости. Дело в том, что каждая из метаопераций такого рода – это и есть относительно простейший синтез двух каких-либо когнитивных процессов. Причем, такого рода синтезы могут реализовываться в отношении каждой возможной пары когнитивных процессов. Кроме того, с этих позиций наполняется неожиданно глубоким смыслом одно – высказывающееся рядом авторов положение [269]. Согласно ему, понятие метакогнитивных процессов выступает своеобразным «клеем», синтезирующим отдельные направления их исследований. Действительно, одна из наиболее характерных черт метакогнитивизма заключается в том, что оно стало связующим звеном и своеобразным «мостом» между

многими современными направлениями психологических исследований. Так, в частности, оно вступает связующим звеном между психологией памяти и психологией принятия решений; между исследованиями обучаемости и проблемой мотивации; между проблемой научения и когнитивной психологией и др. Дело, однако, заключается еще и в том, что о такого рода «клее» необходимо говорить не только так сказать в гносеологическом смысле – как средстве синтеза тех или иных исследовательских направлений, но и в онтологическом смысле. Метакогнитивные процессы выступают в качестве средств *синтеза* основных когнитивных процессов друг с другом, равно как и их интеграции в целостную систему. Именно метакогнитивные гетеропроцессы как раз и являются базовыми средствами такой интеграции.

Итак, выше мы остановились на вопросах достаточно общего плана, обращение к которым, однако, совершенно необходимо, поскольку без этого практически невозможно уяснить истинный смысл наиболее значимых феноменов и закономерностей метакогнитивных процессов в целом и процессов метамышления и метапамяти, в частности. В результате проведенного анализа, действительно, эксплицируются те базовые средства и частично – механизмы, которые обеспечивают генезис и функционирование этих процессов, равно как и их конкретные операционные средства, фенологическими проявлениями которых выступают, в том числе, известные средства мнемотехнического типа.

4.6.3. Механизм операндной обратимости

Проведенный анализ позволил выявить важную роль понятия когнитивных операций (и, соответственно, той реальности, которая им обозначается) для раскрытия сущности и содержания элементного уровня организации метакогнитивной сферы личности.

Однако, эта роль, по нашему мнению, не исчерпывается только теми ее аспектами, которые были рассмотрены выше, а имеет и иные, также весьма значимые грани. Они, хотя и носят существенно более имплицитный и трудный для раскрытия содержания и организации данной сферы характер, также должны быть выявлены, поскольку выявляют значимые ее стороны. В этих целях обратим внимание, прежде всего, на то, что практически весь проведенный анализ соотносился с одним из двух основных модусов метакогнитивной сферы – собственно *процессуальным*. Он, собственно говоря, иногда вообще обо-

значается в метакогнитивизме именно понятием операционного, а сам метакогнитивизм в целом в значительной степени «вырос» именно из него, что подчеркивает его значимость. Однако, другим и также основным направлением в нем, а также еще одним важнейшим модусом этой сферы является операндное направление (и модус), связанное с понятием *знаний* и той предельно многообразной и сложной реальности, которая в нем зафиксирована. Это также воплощено в существовании не только понятия метакогнитивизма, но и понятия метапознания. Его предметом выступают уже не метапроцессы, а метазнания, а само оно именно поэтому обозначается понятием психологии метапознания. Кроме того, эти два направления, хотя и тесно взаимосвязаны, все же являются достаточно самостоятельными как раз по причине существенных различий того предмета, на основе которого они дифференцируются – процессов и знаний.

Вместе с тем, с позиций развиваемых здесь представлений оба этих модуса должны обладать и существенной общностью, поскольку они раскрываются как два частных проявления некоторой общей сущности – их вхождения на одинаковых правах (в качестве элементов) в состав метакогнитивной сферы личности. Они обладают в ней одним и тем же уровневым статусом – статусом основных составляющих этого уровня. В связи со сказанным, однако, возникает вопрос – каким образом может быть содержательно эксплицирована эта общность и в чем состоят именно общие особенности этих двух – существенно различных в психологическом плане образований при реализации ими метакогнитивных функций, то есть при включении в состав метакогнитивной сферы? Причем, данная задача даже в плане постановки представляется как достаточно трудная, поскольку речь идет о необходимости обнаружения общности между такими сущностями, которые обладают не просто различиями, но и в значительной степени – и противоположными чертами. Они фиксируют в себе принципиально разные стороны организации психического – процессуальный и результативный, операционный и содержательный, функциональный и структурный, динамический и статический, темпоральный и синхронический. По всей вероятности, именно этой противоположностью и обусловлено то обстоятельство, что *глубинная связь* между ними до сих пор эксплицирована явно недостаточно и, более того, вопрос о ней не сформулирован как самостоятельный и весьма значимый. Его нерешенность как раз и приводит к тому, что они до сих

пор разрабатываются именно как два разных направления, а не одно – единое, базирующееся на синтезе этих двух модусов метакогниции. Сознвая высокую сложность данного вопроса, попытаемся, однако, сформулировать положения, содействующие его решению.

Так, известно, что одной из важнейших и, по существу атрибутивных особенностей операций выступает их неосознаваемый, автоматизированный характер, возможность их реализации на иных, нежели осознаваемый, уровнях организации деятельности и поведения. Эту же особенность можно представить, однако, и в несколько иной формулировке. Операции – это то, что уже не требует никакой дополнительной переработки информации для того, чтобы перейти от ориентировки в среде к действию; между ними и исполнением уже нет никаких промежуточных звеньев, в силу чего они нередко вообще рассматривается как их *терминальные* «составляющие». Переработка информации, когниция, дошедшая до стадии и уровня операций, раскрывается как *достаточная* для непосредственного исполнения, для перехода от «знания к действиям». Формирующиеся и затем закрепляющиеся в опыте операции, аккумулируют в себе такие формы и способы исполнения, которые *достаточны* для решения тех или иных поведенческих и деятельностных задач, для выхода из тех или иных ситуаций. Собственно говоря, они потому закрепляются и сохраняются в опыте, что проходят «верификацию» их обоснованности и достаточности для этого. В этом плане, однако, они – но уже не структурно, не морфологически (как «составляющие» деятельности), а *функционально* выполняют ту же самую роль, что и знания как таковые – на их основе и благодаря им, становится возможным *непосредственная* реализация исполнения. Несколько упрощая можно заключить в этой связи, что операции выступают в *функции знаний*, раскрываются как, хотя и очень специфические, но знания. «Кристаллизуя» исполнительский опыт, они и фиксируются как таковой – как опыт, который, однако, во многом равнозначен специфическим и основным функциям знаний. Имеет место феномен, который можно обозначить как явление или даже механизм операционно-знаниевой или *операционно-когнитивной обратимости*: операции трансформируются в знания, точнее – в их функциональный аналог. Причем, обратим внимание и на то, что это такие знания, которые представлены на вполне определенном уровне организации – *неосознаваемом*. Это своего рода

«неосознаваемые знания», которые, как известно, составляют важнейшую и очень специфическую категорию знаний (имплицитных, подразумеваемых, «тихих», неявных).

В самом деле, не подлежит сомнению, что любая регуляция, любое исполнение как таковое содержит в качестве своего так сказать «конечного пункта» некоторую совокупность организованных процессов и механизмов внепсихологического плана, связанных с реализацией психофизиологических, физиологических и биомеханических (если речь идет о моторных компонентах деятельности) функций. В свою очередь, переход к ним, а затем – и их осуществление опосредствуется операциями как таковыми; они выступают своего рода терминальным звеном общего контура исполнительской регуляции. В них «заканчивается» произвольная регуляция, осознаваемый контроль за ней и начинается неосознаваемая, автоматизированная реализация регуляции. Она, однако, не менее важна, нужна и эффективна, чем осознаваемая, произвольная. Более того, она просто объективно необходима, поскольку любое, даже относительно элементарное исполнение требует скоординированного ансамбля целого ряда компонентов и синтеза целого ряда процессов низших уровней регуляции. Подчеркнем, что этот переход в значительной мере эквивалентен трансформации собственно психического в непсихическое (психофизиологическое, а затем и в физиологическое). Он является одним из проявлений (быть может, основным) фундаментального явления, аналогичного по смыслу, но *противоположного* по направленности, с известным феноменом «психофизиологического сечения» (Л. М. Веккер) – трансформации физического стимула в субъективное ощущение [39]. Этот феномен знаменует инициацию психического в форме его относительно элементарного процесса – процесса ощущения.

В операциях психическое (идеальное, осознаваемо), напротив, *объективируется*, «материализуется», а нередко и «кристаллизуется» в морфофизиологических структурах, связанных с формированием и развитием тех или иных навыков. Причем, речь должна идти не только о наиболее известном и изученном типе операций (моторных), но и об операциях иных основных типов – сенсорно-перцептивных, мнемических и интеллектуальных. Они вступают тем «последним» – терминальным звеном, которое еще доступно осознанию и контролю за ним (правда, уже лишь в качестве *факта* их существования и включенности в деятельность, но не их содержания). Они поэтому «еще

ощущаемы», что и обуславливает чувство подвластности деятельности и поведения, переживаемое субъектом по ходу их реализации и сопровождающее их. Однако они выступают и своего рода «точкой соприкосновения» с объективной реальностью. Поэтому субъект «ощущает» не столько ее – реальность непосредственно, сколько именно операции, связанные с ее восприятием и воздействием на нее. «Материал» психического в значительной мере образован именно совокупностью операций (моторных, сенсорно-перцептивных, мнемических и интеллектуальных). Они составляют поэтому очень важную грань его подлинной онтологии.

Однако, хотя и в более имплицитном виде, но принципиально аналогичная картина представлена и по отношению к самим знаниям как таковым – знаниям, представленным не как итог формирования операционного арсенала, а взятыми в их исходной форме – форме содержательного аспекта психического в целом. Для того, чтобы эксплицитировать эту картину, необходимо, учитывать, во-первых, принципиальную гетерогенность и предельную сложность самого «феномена знаний», что уже было предметом нашего рассмотрения в параграфе 4.4. Во-вторых, особо значима и необходимость его дифференциации на два основных типа – декларативные и процедуральные. Напомним, что декларативные знания – это знания по типу «что?», а процедуральные знания – это знания по типу «как?». Можно видеть, что одним из определяющих атрибутов процедуральных знаний, причем, представленным в очень явном виде, выступает именно то, что они *не требуют* никаких дополнительных средств и звеньев переработки информации, никакого оперирования с ней для того, чтобы непосредственно перейти к исполнению, реализовать его в поведенческой и деятельности активности. Они в этом плане сами по себе выступают терминальными званиями когнитивной активности, необходимыми и, что еще важнее, достаточными для реализации исполнения. Конечно, речь при этом идет о подобии операций и знаний не в целом, а лишь в одном вполне определенном аспекте – *функциональном*. Они реализуют идентичную функцию в общем процессе переработки информации и переходе от нее к исполнению (в широком смысле – как итоговому звену целенаправленной активности).

В других и также определяющих аспектах, в частности, в генетическом, они, наоборот, характеризуются выраженной противоположностью. Так, операции являются *следствием* процесса – подчас весьма

развернутого и длительного выработки и закрепления тех способов, которые в итоге оказались результативными, эффективными и прошли проверку самим исполнением. Они не только так сказать «выстраданы практикой», но и являются ее итогом – результативным эффектом многократного повторения тех или иных деятельностных или поведенческих актов. В противоположность этому знания характеризуются тем, что, наоборот, вовсе не требуют для их реализации в исполнительской активности такой делительной верификации и закрепления практикой. Их суть в том и состоит, что они уже сами по себе не только необходимы, но и достаточны для организации на их основе этого исполнения: они уже содержат в себе все необходимые основания и средства для его организации. Если в результате выработки операций субъект *приходит* к возможности реализации на их основе каких-либо исполнительских функций, то на основе получения процедуральных знаний он просто *получает* возможность этого, но без предварительной выработки, а извне. Они уже содержат выработанные ранее средства организации исполнения и, следовательно, не требуют такой выработки. Они, являясь исходно продуктивными, то есть когда-то сформировавшимися, в то же время, могут использоваться в дальнейшем по типу репродуктивности: они рецепируются субъектом как данность и затем реализуются в качестве основы для исполнительских актов. Тем самым эксплицируется их *удивительное подобие* с тем, что и обозначается, собственно говоря, как операции, с тем – именно терминальным статусом, который имеют последние в структуре активности субъекта. Они также выступают как ее терминальные звенья, не требующие уже никаких дополненных процедур для перехода к исполнению или осознанию чего-либо, которое выступает аналогом исполнения – результативным аспектом переработки информации. Знания функционально реализуют ту же самую роль, что и операции; более того, они и эксплицируются в том же самом статусе, что и операции. Если в предыдущем случае операции эксплицировались как знания, то в этом случае сами знания эксплицируются как операции, точнее – в функции операций. Имеет место тот же самый феномен, который также был констатирован выше – обратимость, точнее операционно-знаниевая обратимость, но «с противоположным знаком»: не операции трансформируются в знания, а знания трансформируются в операции. Тем самым, однако, достигается эффект фундаментального значения: они транспонируются на тот уровень, который и специфичен самим

операциям – уровень неосознаваемой переработки информации и организации деятельности (и поведения). Знания начинают функционировать в операционном, то есть неосознаваемом модусе, входят в состав бессознательного, точнее – составляют его существенную часть. В этой связи, можно предположить также, что данный феномен, а скорее – механизм может и должен рассматриваться как общее по смыслу, но конкретное по содержанию средство формирования бессознательного в целом. Другими словами, они раскрываются не только в их традиционно принятом модусе – как автоматизированные компоненты психики в ее регулятивной функции, то есть как «составляющие» своего рода регулятивного бессознательного, но и как носители содержания собственно *когнитивного бессознательного*.

В этом плане, по-видимому, необходимо дифференцировать само бессознательное, как минимум, на две качественно различные «подсферы». В самом деле, традиционно по отношению к бессознательному сложились представления как о некоторой, хотя и неосознаваемой, но все же, преимущественно *содержательной*, информационной сущности. Согласно этой точке зрения, бессознательное – это, прежде всего, именно информация (точнее – содержание психического), транспонированное из сознания. Иными словами, понятие бессознательного и, соответственно, сфера бессознательного трактуются, в основном, как преимущественно когнитивные по своей ориентации, как *когнитивное бессознательное*. Вместе с тем, такая трактовка является, по-видимому, не вполне корректной – точнее, неполной и, соответственно, не совсем адекватной. Она явно зауживает реальный объем сферы бессознательного, не эксплицирует ее с достаточной полнотой, обедняя, в конечном итоге, само понятие бессознательного. Действительно, по существу, в течение всей жизни – по ходу освоения и реализации целого ряда видов и даже типов деятельности (не только, разумеется, трудовой, но и учебной и игровой) объективно происходит формирование совокупности обеспечивающих их операций. Они выступают так сказать операционной основой для них, а в своей совокупности образуют своего рода операционный арсенал личности. Причем, и сам этот процесс формирования операционного состава каждой деятельности, и производный от него процесс формирования операционного арсенала личности в целом носят совершенно объективный характер. Они столь же объективны, сколь объективны и сами реализуемые личностью виды и типы деятельности. Вместе с тем, не менее

очевидны и радикальные, качественные отличия этого операционного арсенала от собственно когнитивного «измерения» сферы бессознательного. Он носит уже подчеркнуто регулятивный, а не когнитивный характер; составляет иное – регулятивное подмножество сферы бессознательного. Операционный арсенал личности – это своего рода *регулятивное бессознательное*, дополняющее собой собственно когнитивное бессознательное, взаимодействующее с ним и образующее во взаимосвязи с ним истинное содержание сферы бессознательного в его действительной гетерогенности и реальной многомерности.

В связи с изложенным, однако, со всей очевидностью обнаруживается важнейшее, на наш взгляд, обстоятельство. Оно состоит в том, что операции должны быть поняты как типичные представители одной из основных сфер психического – сферы бессознательного, неосознаваемого. Вся совокупность операций, входящих в деятельностный арсенал личности, то есть соотносящихся со всеми реализуемыми ей видами деятельности (а также и поведенческой активности в целом, поскольку поведение также невозможно без его собственно операционной базы), образует очень существенное подмножество общего множества образований и феноменов, процессов и механизмов, составляющих сферу бессознательного как таковую.

Однако, тем самым, на проблему операций и на трактовку их психологического смысла и содержания обязательно должен быть перенесен тот концептуальный и понятийный потенциал, который соотносится с фундаментальной по своей значимости и широте проблемой бессознательного в психологии. Операции – это и есть одно из важнейших проявлений, одна из основных форм существования бессознательного в психике в целом. На проблему операций переносится и поистине беспрецедентная по сложности и огромная по объему, а также имеющая очень мало аналогов по степени пристальности внимания к ней проблема бессознательного как таковая. Операции, фактически, оказываются проявлениями – индикаторами и предикторами самой сферы бессознательного в психике; обнаруживают тем самым свой истинный статус, свой истинный смысл и значение. Они раскрываются уже не как подчиненные и второстепенные (что характерно для их традиционной трактовки), а как носители одного из основных, важнейших и фундаментальных модусов психического – бессознательного, неосознаваемого. В них воплощается и через них реализуется вторая (наряду с осознаваемыми)

основная категория процессов и механизмов психического в целом – те, которые и составляют сферу бессознательного. Тот факт, что они раскрыты и эксплицированы до настоящего времени в значительно меньшей степени, нежели осознаваемые процессы и механизмы, отнюдь не уменьшает значение данного обстоятельства. Напротив, все это делает данную проблему еще более значимой и острой, еще более насыщенной «белыми пятнами» и, следовательно, с еще большей настоятельностью требует обращения к ней.

Разумеется, необходимость переноса, точнее – распространения на проблему операций концептуального и понятийного аппарата, сложившегося при исследовании сферы бессознательного, сопряжена с очень разноплановыми традициями и с ярко выраженной неоднозначностью точек зрения, которыми характеризуется сама проблема бессознательного в психологии. Здесь, конечно, неуместно вдаваться во все нюансы данной проблемы; речь должна идти о другом – о том, чтобы со всей определенностью зафиксировать фундаментальный факт – факт прямой соотнесенности проблемы операций и проблемы бессознательного в психологии. Его общий смысл состоит в том, что именно операции являются одним из важнейших предикторов бессознательного, неосознаваемого. Следовательно, на их изучение и на психологическую теорию деятельности в целом с необходимостью должны быть транспонированы основополагающие категории бессознательного и неосознаваемого. В перспективе должен быть реализован концептуальный синтез психологической теории деятельности и психологии бессознательного. Чрезвычайная по степени сложности проблема деятельности при этом не только еще более усложняется, но и, фактически, переходит на качественно иной уровень сложности, поскольку она «обременяется» поистине беспрецедентной по сложности и головоломной по запутанности проблемой бессознательного. Это и происходит, в частности, вследствие экспликации реального, истинного статуса операций как «составляющих» деятельности (а не с точки зрения их симплифицированной трактовки). Не менее важно и то, что при такой трактовке на проблему операций переносится не только сложность проблемы бессознательного, но и тот потенциал, а также те результаты, которые получены в ходе достаточно длительной истории ее разработки. Пора, наконец, «осознать бессознательное» как онтологическую основу операций; реализовать понятие бессознательно-го как конструкт для раскрытия их содержания, то есть как понятие

самой психологии деятельности. Необходимо использовать психологию бессознательного как важнейший источник объяснительных средств для психологической теории деятельности.

Далее, если на элементном уровне существует общность операционного и операндного модусов операций, состоящая в идентичности функций, реализуемых ими, с одной стороны, и знаниями, с другой, то появляются основания для еще одного заключения. По-видимому, на функциональную организацию вторых (знаний) не только могут, но и должны быть распространены те же самые принципы и механизмы, которые лежат в основе функциональной организации первых, то есть операций. Однако, как мы показали выше, главным из них и наиболее специфичным именно элементному уровню, является синтезирование – комплексирование и соорганизация операций, которая порождает само содержание любого психического процесса. Она особенно явно представлена по отношению именно к когнитивным процессам. Напомним, что любой когнитивный процесс это и есть временная и структурно-функциональная организация определенного операционного состава. Показательно, что именно вследствие этого, то есть по причине соорганизации – комплексирования и синтеза операций как принципиально неосознаваемых генерируется новое свойство – свойство осознаваемости, а сам процесс и предстает именно как процесс, а не как операции, то есть на осознаваемом уровне его развертывания. Синтез принципиально *неосознаваемых* частей (операций) генерирует новое свойство целого (процесса) – свойство *осознаваемости*; порождается процессуальность как таковая. В более общем плане, по-видимому, именно это же выступает и как один из основных механизмов, лежащих в основе наиболее трудного для познания, а одновременно и наиболее сложного механизма. Он обозначается как механизм осознания, а в его основе как раз и лежит синтез двух или более сходных в аспекте их качественной определенности – неосознаваемых «составляющих» (операций) и генерация в результате синергетического эффекта – возникновение нового качества осознаваемости. По отношению к организации когнитивных процессов данное обстоятельство не только представлено феноменологически явно, но и составляет самую суть этой организации. Как мы отмечали выше, в этом плане сами операции также обладают свойством обратимости, а само это свойство должно быть распространено и на операционный состав процессов.

Иными словами, можно говорить не только о процессуальной обратимости, при которой тот или иной процесс «оборачивается» сам на себя и возникают классические для метакогнитивизма «вторичные» процессы, но и об операционной обратимости. Она состоит в том, что операции также могут «оборачиваться» либо сами на себя, либо друг на друга, в результате чего, то есть в результате комплексирования, собственно говоря, и порождается новая – уже процессуальная форма их организации, когнитивные процессы как таковые. Если процессуальная обратимость лежит в основе формирования «вторичных» процессов, то операционная обратимость лежит в основе формирования самих «первичных» процессов. Тем самым, выкрывается принципиальная общность двух форм механизма обратимости по отношению к операционной «составляющей» психического.

Однако, наиболее показательно в плане рассматриваемых задач то, что аналогичная общность обнаруживается и по отношению ко второй «составляющей» – операндной, то есть по отношению уже не к процессуальной, а к «знаниевой» сфере, к феномену знаний в целом. Действительно, если они, как показано выше, также могут функционально выступать в собственно операционном модусе, функционировать в собственно операционном статусе, то на них не только может, но и должен быть распространен механизм операционной обратимости. Они в соответствии с этим механизмом, также могут «оборачиваться» сами на себя – комплексироваться и синтезироваться. Само по себе это совершенно понятно и очень явно представлено феноменологически; дело, однако, в том, что представленные в форме операций знания могут быть и неосознаваемыми. Однако, подвергаясь такой обратимости и, следовательно, синтезируясь друг с другом, они, как это и свойственно синтезу операций, обретают новое качество – качество осознаваемости. В этой связи, можно видеть, что сам механизм осознания также получает дополнительный импульс для его раскрытия: в его основе лежит синтез двух (как минимум) частных, парциальных фрагментов знаний, которые представлены в операционной форме и являются поэтому неосознаваемыми.

Однако, их синтез (как неосознаваемых) является, подобно тому, как это имеет место по отношению к когнитивным процессам, необходимым и достаточными условием для возникновения нового качества – осознаваемости. Синтез двух или более неосознаваемых сущностей – операций порождает новое качество – качество осозна-

ваемости; операционная обратимость выступает одним из механизмов самого механизма осознания⁴⁰. В этой связи следует подчеркнуть, что механизм осознания сопряжен и с тем, что обозначается понятием «феноменологического сечения». Напомним, что им обозначается переход от неосознаваемого к осознаваемому. Другими словами, осознаваемое как субъективное, идеальное может «рождаться» не только и не столько как результат перевода на высший осознаваемый уровень функционирования психики внешней информации, но и внутренней информации. В своем неактивированном виде она составляет содержание памяти, опыта и выступает в форме знаний. Однако, сама их активация – актуализация означает и реализацию ряда собственно когнитивных операций – в данном случае, прежде всего, мнемического плана. Такая реализация представляет собой синтез этих операций, а сами знания также выступают в этом случае в своей операционной функции. Тем самым вновь имеет место синтез ряда операций, являющихся неосознаваемыми сами по себе, но приводящий к возникновению нового качества – качества осознаваемости. Однако это возникновение соотносится уже с трансформациями внутренней информации, лежит в основе осознания по типу актуализации внутренней информации, опыта личности в целом. Этим и обеспечивается переход через «феноменологическое сечение». Сами знания, эксплицированные через их операционный статус, раскрываются как та основа, на базе которой и возникает феномен сознания как таковой. Он, однако, обеспечивается не синтезом знаний непосредственно, а становится возможным за счет того, что сами знания могут быть функционально представлены в форме операций, то есть на неосознаваемом уровне.

Данный механизм особенно явно представлен по отношению к организации деятельности, точнее – к принципу ее структурно-уровневого строения. Действительно, очень трудно не видеть того принципиального обстоятельства, что именно в «феномене операций» (точнее – во взаимосвязи действенного и операционного уровней в общей структуре деятельности) как раз и представлено все то, что составляет содержание общей проблемы обратимого перевода осознаваемой и неосознаваемой форм существования психического. Это и есть так сказать деятельностная конкретизация межуровневых взаимодействий

---

⁴⁰ В этом плане чрезвычайно глубокой является фраза И. А. Бунина: «Ночь ночи дает знание» [37].

сознательного и бессознательного как базового механизма организации психики в целом. Тем самым, на изучение операций переносится не только проблема сознания в ее общей постановке, но и транспонируется один из совершенно определенных, но одновременно фундаментальных механизмов его собственной структурно-функциональной организации – механизм обратимого перевода осознаваемой и неосознаваемой форм психического. Сама суть операций состоит не только в том, что они являются неосознаваемыми, автоматизированными «составляющими» деятельности, но и в том, что они характеризуются обратимостью по параметру «осознаваемое – неосознаваемое». Граница между действием и операциями, возможность их обратимых трансформаций – это и есть, по существу, деятельностное проявление общего механизма обратимого перевода осознаваемой и неосознаваемой форм организации психического.

Таким образом, можно видеть, что реальная онтология деятельности посредством включенности в нее операций воплощает один из наиболее фундаментальных механизмов организации психического в целом. Это – механизм обратимого перевода осознаваемой и неосознаваемой форм, уровней психического. В свою очередь, это же означает, что раскрытие истинной природы операций и их реального (а не симплифицированного) содержания возможно лишь на основе привлечения данных, раскрывающих содержание самого этого механизма. Кроме того, подчеркнем и еще один принципиальный момент. По существу, важнейшая, наиболее фундаментальная и общая закономерность организации психики (ее дифференциация на две основные сферы – сознательное и бессознательное, а также механизм их обратимого перевода) воплощена в аналогичном по статусу, то есть также важнейшем аспекте организации деятельности – структурном. Этот механизм реализован – «учтен» именно в структурно-уровневой организации деятельности, в ее основе, в ее так сказать «каркасе». Естественно, что он включен и во все основные уровни ее организации; однако, по отношению к изучению действий и операций, к их взаимопереходам и существованию обратимых отношений между ними он составляет самую их суть. Более того, не исключено, что сами феномены действий и операций, а также их дифференциация как таковая (и последующие закономерные отношения между ними) являются генетически и функционально производными от существования именно этого механизма. Следовательно, через понятие

операций, точнее – через их взаимосвязь с действиями в психологическую теорию деятельности полноправно, полноценно и очень конкретно «вплетается» реальная онтология психического. Причем, – онтология, взятая в аспекте ее базового механизма, то есть механизма обратимого перевода осознаваемой о неосознаваемой формы существования психического. Более того, посредством включения в концептуальное содержание теории деятельности этого механизма в нее органично и естественно включается и наиболее общий и фундаментальный «феномен сознания», взятый именно в плане механизмов его реального функционирования

Далее, следует учитывать, что общим и объективным критерием дифференциации самого уровня операций в структуре деятельности является, как известно, критерий *условий*. Это означает, что они возможны, осуществимы и, следовательно, могут выступать как некоторая реальность лишь при соблюдении определенного комплекса необходимых условий. Если они соблюдаются, то и операции становятся возможными; если же имеет место отклонение от привычных условий, то операции подлежат дезавтоматизации, «обратному переводу» – вновь становятся действиями. Причем, очень важно подчеркнуть и еще одно обстоятельство, которое обычно явно недооценивается при характеристике операций. Оно состоит в том, что операции могут существовать лишь в том случае, если их содержание адекватно самим объективным условиям и объективному содержанию тех ситуаций, в которых они реализуются. Если же возникает рассогласование между ними (как реализуемыми субъектом) и объективными условиями и содержанием ситуаций, в которых они реализуются, то они сразу же деструктурируются, точнее – подвергаются дезавтоматизации. Следовательно, они вообще могут существовать лишь в том случае, если адекватно воспроизводят в себе содержание объективных условий, в которых разворачивается действия и деятельность в целом.

Таким образом, можно заключить, что в очень значительной мере операции – это и есть так сказать *носитель объективного* в психике. Они и функционально, и содержательно максимально конгруэнтны объективной реальности; вообще – воспроизводят и воссоздают ее в организации психики и деятельности. Причем, повторяем, и сама по себе эта «воссоздаваемость» также носит совершенно объективный характер. Если бы ее не было, то и само деятельностное функционирование на этом уровне утрачивало бы свой статус операций

(что, собственно говоря, и происходит при отклонении условий от необходимых для осуществления операций). Операции не подконтрольны произвольному, субъективному воздействию, развертываясь по объективным закономерностям

В этом плане сам термин «объективный» по отношению к операциям обретает еще один – очень важный смысловой оттенок. Они выступают «носителями объективного» в деятельности уже не только потому, что в наибольшей степени соответствуют объективным условиям ее реализации и потому – являются объективными в смысле правильности, адекватности этой реализации и, соответственно, самой реальности, а еще по одной причине. В них сам *объект* деятельности получает своего рода «деятельностную фиксацию» и в аспекте его содержательных характеристик. Операции – это наиболее непосредственная и потому и в известной мере главная «точка контакта» деятельности (точнее – ее объекта) и ее субъекта. В них и *через* них субъект непосредственно контактирует с объективной реальностью в ее содержательных характеристиках. Точно так же, как, скажем, в процессе ощущения происходит контакт субъекта с реальностью, в операциях имеет место аналогичный по смыслу контакт. В операциях сам объект также «входит» в субъект, но не через его когнитивную (афферентную) репрезентацию, а через регулятивный канал – эффекторно. В свете всего вышеизложенного обнаруживается, однако, существенно иная и в некотором смысле – даже противоположная картина. Именно операции, взятые в их совокупности, выступая «носителями объективного» в деятельности, являются одним из решающих факторов, обеспечивающих ее адекватность самой объективной реальности и, в конечном счете, – эффективности. Чем более сформировано и представлено в деятельности ее именно операционное содержание, чем в большей степени содержание деятельности переведено на операционный уровень реализации, тем выше ее итоговая эффективность и тем выше профессионализм субъекта. Очень хорошей иллюстрацией этого являются такие виды деятельности, в которых действительная роль операций представлена с наибольшей степенью рельефности – скажем, различные виды спортивной деятельности. В операциях *что* делать и *как* делать, фактически, оказываются неразделимыми; они отождествляются, а первый из этих вопросов решается, фактически, не приводя к постановке второго – автоматически (не только в переносном, но и также в прямом смысле).

Вместе с тем, хотя операции являются «носителями объективного», но далеко не всего объективного, а лишь какого-либо, причем, – достаточно узкого его фрагмента. Отсюда следует, что они могут воссоздавать объективные условия, а также объективное содержание предмета деятельности лишь в их совокупности, так сказать, «во множественном числе». Для того, чтобы транспонировать в деятельность объективную действительность, они должны быть синтезированы, представлены в комплексе друг с другом. И в этом плане очень показательно и доказательно, что именно это – их представленность в комплексном, синтетическом виде как раз и является наиболее характерной, даже – атрибутивной чертой структурной организации деятельности. В самом деле, все они (по определению) являются «составляющими», образующими другой уровень – уровень действий. Действие в определенной мере – это и есть система операций; в нем они преодолевают свою исходную парциальность, «атомистичность». В них и *через* них они становятся конгруэнтными объективной действительности. В этом плане очень глубоким представляется, на наш взгляд, содержательное родство этимологии понятий *действия* и объективной *действительности*. Действие – это и есть то, что не только активно («действенно») по своей природе, но и объективно конгруэнтно действительному – истинному положению вещей. И лишь через комплексирование в действии (как действительном – объективном) операции обретают свой истинный смысл. Отсюда следует, далее, что операции как «составляющие» деятельности (а не как аналитически изолированные сущности – навыки) обретают смысл и вообще могут существовать лишь в «сцепленном виде», лишь как части целого, то есть действия. Лишь в нем они становятся и действенными – реализуемыми, и действительными – объективными.

В связи с этим, раскрывается важнейшая особенность действий, обнаруживающая их истинную психологическую природу как структурной «единицы» деятельности. В них, фактически «пролегает граница» между осознаваемым и неосознаваемым, между сознательным и бессознательным. Поэтому и само действие в значительной мере выступает *средством управления* бессознательным со стороны сознания, средством контроля и использования потенциала самого бессознательного. Кроме того, обратимый перевод операций в действия (и это также было показано выше) тесно и непосредственно, в том числе и генетически связан с одним из основных механизмов

сознания и психики в целом – с механизмом осознания. Вместе с тем, не менее важным и очевидным является и то, что именно в действии осуществляется и переход противоположной направленности – от осознаваемого к неосознаваемому, от сознательного к бессознательному; поясним сказанное.

В самом деле, как отмечалось выше, любая регуляция, любое исполнение как таковое содержит в качестве своего так сказать «конечного пункта» некоторую совокупность организованных процессов и механизмов внепсихологического плана, связанных с реализацией психофизиологических, физиологических и биомеханических (если речь идет о моторных компонентах деятельности) функций. В свою очередь, переход к ним, а затем – и их осуществление опосредствуется операциями как таковыми; они, как также отмечалось ранее, выступают своего рода терминальным звеном общего контура исполнительской регуляции. В них заканчивается произвольная регуляция, осознаваемый контроль за ней и начинается неосознаваемая, автоматическая реализация регуляции. Более того, она просто объективно необходима, поскольку любое, даже относительно элементарное исполнение требует скоординированного ансамбля целого ряда компонентов и синтеза целого ряда процессов низших уровней регуляции. Подчеркнем, что этот переход в значительной мере эквивалентен трансформации собственно психического в непсихическое (психофизиологическое, а затем и в физиологическое). Он является одним из проявлений (быть может, основным) фундаментального явления, аналогичного по смыслу, но противоположного по направленности, с известным феноменом «психофизиологического сечения» (Л. М. Веккер) – трансформации физического стимула в субъективное ощущение. Он знаменует инициацию психического в форме его относительно элементарного процесса – процесса ощущения.

Они вступают тем «последним» – терминальным звеном, которое еще доступно осознанию и контролю за ним (правда, уже лишь в качестве факта их существования и включенности в деятельность, но не их содержания). Они поэтому «еще ощущаемы», что и обуславливает «чувство подвластности» деятельности и поведения, переживаемое субъектом по ходу их реализации и сопровождающее их. Однако они выступают и своего рода «точкой соприкосновения» с объективно реальностью. Поэтому субъект «ощущает» не столько

ее – реальность непосредственно, сколько именно операции, связанные с ее восприятием и воздействием на нее.

На это обстоятельство, к сожалению, обращается слабое внимание; между тем, именно оно представляется крайне значимым. Действительно, между «личностью и миром», между субъектом и объектом как в плане когниции (в том числе – и перцепции), так и в плане регуляции (в том числе – и моторного исполнения) всегда объективно локализованы операции, реализующие их. Они выступают терминальным звеном и когнитивной и регулятивной подсистем психического. Ни когниция, ни регуляция (исполнение) не могут быть реализованы без активности как их атрибутивного свойства. Она, однако, объективно предполагает свою так сказать «операциональную воплощенность» – представленность именно в виде операционных средств, реализующих ее. В любой когниции и в любой регуляции всегда есть (и должно быть) нечто такое, что обеспечивает их «понятность и подвластность» самому субъекту – то, что уже является принадлежащим субъекту и составляющим для него очевидную и первичную данность, а потому – не нуждается ни в понимании, ни в организации. Оно – просто существует и образует фундамент субъектности как таковой; ее базовый, терминальный уровень, ее онтологическую основу и ее носитель.

Такая трактовка содействует решению двух острых в теоретическом отношении, давно сформулированных и достаточно общих проблем. С одной стороны – проблемы, связанной с известным «постулатом непосредственности». В самом деле, с позиций данной трактовки этот «постулат», интерпретируемый в теории именно как ошибочный и нуждающийся в преодолении как раз и объясняется, а тем самым – и снимается вполне естественным образом. Психическое, действительно, дано самому себе, но отнюдь не так, как «ему кажется» – непосредственно, а принципиально опосредствованно. Причем, главным опосредствующим звеном и механизмом является именно совокупность операций как двуединых по своей психологической природе. С одной стороны, они, являясь носителями субъектности как таковой, то есть являясь ее подлинной онтологией, не требуют какой-либо расшифровки – понимания, декодирования. Они являются не подлежащими пониманию и определению репрезентированного в них содержания, а выступают самим «декодирующим». Они – не *понимаемое*, а *понимающее*; они в значительной мере и составляют саму субъектность.

С другой стороны, они же выступают и операционными средствами (причем, и в прямом и в переносном смысле) саморепрезентации всего иного содержания психического ему же самому, равно как и репрезентации ему же содержания деятельности.

Вместе с тем, само это опосредствующее звено не осознается, что и порождает иллюзию непосредственной данности. Одновременно все это в определенной мере проясняет и еще более общий вопрос, связанный с тем, где и когда, как и посредством чего собственно психическое (идеальное), будучи само порожденным материальным (не-психическим), претерпевает обратный переход – вновь объективируется и «материализуется». Подчеркнем при этом, что сама такая «материализация» объективно необходима, поскольку без нее невозможна организация психическими (идеальными по своей природе) процессами процессов совершенно иного уровня и содержания. Это – уже собственно физиологические и даже моторные, биомеханические процессы, связанные с контактом с объективной средой, с воздействием на нее, что очень характерно для деятельности (и для поведения, вообще – для любой активности). Такой переход и осуществляется через «феномен операций», точнее – во взаимосвязи действий и операций как двух уровней организации деятельности и поведения. Любая операция с этой точки зрения – это всегда объективация. И если ощущение, согласно известному выражению, является «субъективным образом объективного мира», то операции можно уподобить «объективированному проявлению субъективного мира» (которое, однако, само строится как «вторичное» по отношению к объективному и воспроизводит в себе его характеристики).

По-видимому, сами операции в их наиболее глубинном функциональном предназначении являются теми «составляющими» активности, которые всегда и обязательно – объективно выступают своего рода терминальным звеном любой активности субъекта, любого поведенческого и деятельностного проявления. Независимо от того, какая форма активности имеет место (поведенческая, деятельностная, коммуникативная или иная) и даже независимо от того, какие конкретные функции при этом реализуются (перцептивные, моторные, интеллектуальные), всегда их терминальным звеном выступают именно операции. Так, даже в относительно наиболее простых (конечно, лишь относительно) процессах перцептивной активности, ее терминальной составляющей выступает именно совокупность основных, достаточно

хорошо исследованных перцептивных операций. Это, как известно, операции обнаружения, различения, идентификации, опознания, категоризации и др. Аналогичным образом, реализация интеллектуальных функций независимо от их характера и степени сложности, объективно невозможна без опоры на совокупность столь же хорошо известных операций. Их совокупность составляет онтологическую базу мышления как процесса и включает операции анализа, синтеза, обобщения, абстрагирования, сравнение конкретизации и др. То же самое, причем, с еще большей мерой очевидности можно констатировать по отношению к собственно моторным аспектам активности, что убедительно продемонстрировано в концепции Н. А. Бернштейна [27]. Все сказанное не только позволяет, но и *заставляет* предельно четко осознать, что между субъектом и объектом, на их «границе» (причем, повторяем, независимо от того, в каком направлении эта «граница» преодолевается, – от объекта к субъекту или наоборот) существует очень важное опосредствующее звено. Им как раз и выступают операции.

Такая трактовка операций позволяет не только более полно раскрыть их истинную значимость и функциональную роль в организации активности, в том числе и в деятельности. Она содействует углублению представлений и по еще одному достаточно острому теоретическому вопросу, имеющему общепсихологический характер. Это – фундаментальный вопрос о трансформации объективного в субъективное, не-психического в психическое, материального идеальное. В другом виде он формулируется как проблема «психофизиологического сечения». Однако, его *alter ego* является вопрос об «обратном» переходе – субъективного в объективное, психического в не-психическое, о «материализации идеального». В плане его решения обратим внимание на важнейшую особенность операций как таковых, – на двойственность их психологической природы. Они, с одной стороны, уже являются субъектными образованиями (и по генезису, и по функциональной организации, и по структурным характеристикам, и по содержательным особенностям). Это – образования уже именно психического, субъектного плана, а потому – принадлежащие к субъективной реальности. С другой стороны, их яркой особенностью и даже – атрибутивной чертой выступает и то, что они являются, так сказать, максимально объективированными среди всех известных «составляющих» деятельности и поведения. Они вообще, как известно, дифференцируются на основе «внешнего», то есть именно

объектно-ориентированного критерия. Им выступает критерий соответствия с объективными условиями, необходимыми и достаточными для их реализации. Этим они кардинально отличны и даже – оппозиционны, противоположны по отношению к другим деятельностным уровням – к уровням автономной деятельности и действия. Последние, напротив, дифференцируются по подчеркнуто *субъективным*, «внутренним» критериям – их соответствием с мотивом и целью. Даже в самом термине «операция» имплицитно заложен очень важный в плане их объективированности момент. Операции формируются не только как средства реализации действий (и деятельности), но и как средства, именно *оперативные*, то есть максимально – тонко и точно приспособленные к условиям и объективным требованиям ее осуществления.

Тем самым, операции раскрываются, фактически, как «превращенная форма» самого объективного, как его наиболее непосредственный и очевидный «субъективный эквивалент». Они и субъектны (а потому – и субъективны), и объектны (а потому – объективны) одновременно. Поэтому в них и через них оказывается возможным тот переход субъективного в объективное (и обратно), который и составляет содержание «психофизического сечения» – как в его прямом, так и обратном направлении. Само психическое – субъективное в значительной мере порождается через операции; оно, однако, и трансформируется «обратно» в объективное также посредством них. Вообще, необходимо осознать, что переход объективного в субъективное, не-психического в психическое возможен лишь опосредствованно, но никак не непосредственно. Между объективным и субъективным должно быть локализовано нечто такое, что обладало бы принципиальной двойственностью» своей природы – было бы *одновременно* и тем и другим. Лишь в этом случае сам переход окажется возможным. Именно этой двойственностью как раз и характеризуются, как показано выше, операции. И в этом, на наш взгляд, заключается наиболее глубокий, истинный смысл самого феномена операций.

Итак, выше мы предприняли достаточно развернутый экскурс в общепсихологическую проблематику, связанную с фундаментальным феноменом операций. Несмотря на свой общий характер, он не является методологически избыточным, поскольку в существенной степени содействует раскрытию истинного значения данного феномена – как в целом, так и по отношению к проблеме исследо-

вания метакогнитивной сферы личности в аспекте ее компонентного и элементного состава. Так, на его основе появляются достаточные основания для того, чтобы сделать еще одно заключение относительно рассматриваемой проблемы. Если, действительно, феномен (точнее механизм) обратимости имеет место и по отношению ко второй «составляющей» метакогнитивной сферы – к знаниям, то становится понятным и даже естественным то, как именно знания входят в состав самой этой сферы на правах именно ее базовых «частей» – элементов, как они составляют ее элементную базу? Это происходит за счет обратимости знаний, которая, однако (что составляет основную трудность), реализуется не непосредственно, а опосредствованно – через обретение самими знаниями функциональной роли и, соответственно, статуса операций, операционных образований. Обретая его, они переносят на свою динамику и организацию все те средства и механизмы, которые присущи именно операциям, а тем самым и основной из них – механизм трансформации их из исходного – неосознаваемого статуса во «вторичный» статус – осознаваемый. Вместе с тем, такая организация может и не ограничиваться лишь этим – первым шагом, поскольку «знания как операции» могут вновь реализовываться к полученным итоге «первичного» осознания результатам, в итоге чего возникают наиболее типичные для метакогнитивизма типы знаний – метазнания, то есть «знание о знаниях».

На основе представленного выше анализа можно сделать еще два заключения, значимые в плане раскрытия состава и содержания метакогнитивной сферы в целом и ее элементного уровня, в частности. Во-первых, ключевую роль в его конституировании играет то важнейшее психологическое образование, которое обозначается понятием операций и которое, к сожалению, остается оцененным не в полной мере и раскрытым далеко недостаточно. Более того, до сих пор сохраняется не вполне естественная автономность, даже «разрыв» использования данного понятия в его деятельностном и процессуальном «измерении». Действительно, его использование в целях обозначения структурного компонента деятельности практически не сопряжено его использованием как «составляющей» психических процессов (когнитивных операций). И наоборот, синтез этих коннотаций может содействовать решению ряда ключевых проблем как психологической теории деятельности, так и проблем когнитивной психологии и метакогнитивизма. Во-вторых, с этих позиций открываются новые возможно-

сти для содержательного синтеза двух основных направлений самого метакогнитивизма – процессуального и «знаниевого», для синтеза метакогнитивной психологии и психологии метапознания. Это также может быть реализовано через экспликацию важнейшей роли операций – общности их функциональной роли в качестве основных носителей и механизмов как метакогнитивных процессов, так и метапознаний. Именно через это, собственно говоря, со всей определенностью и эксплицируется обстоятельство принципиального плана: в качестве основных «составляющих» элементного уровня организации метакогнитивной сферы должны быть поняты как основные «первичные» когнитивные процессы, так и столь же «первичные» фрагменты знаниевого типа. На их основе, то есть на базе «первичных» знаний формируются знания о знаниях – метапознания, которые, однако, входят уже в состав иного – компонентного уровня ее организации, также как в него входят и сами «вторичные» процессы. Однако, наиболее существенно то, что механизм такого вхождения знаний принципиально аналогичен тому, как это происходит и с «первичными» процессами. Его содержанием выступает все та же операционная обратимость: «первичные» знания, функционально представляющие как операции, транспонируют на себя и на свою организацию присущую самим операциям обрмить, в результате чего и формируются их синтезы – «вторичные» знания, то есть метапознания.

В связи со сформулированными выше представлениями, целесообразно, по нашему мнению, акцентировать внимание на ряде дополнительных обстоятельств, также содействующих решению вопроса о составе и содержании компонентного и элементного уровней организации метакогнитивной сферы личности. Основные из них заключаются в следующем.

Во-первых, с этих позиций с еще большей отчетливостью предстает уже отмечавшееся положение об условности и относительности общего понимания элементов (и, соответственно, элементного уровня) как сравнительно наиболее простых в общей организации метакогнитивной сферы. В известном смысле именно они выступают наиболее сложными сущностями, чему есть несколько основных причин. Первая из них состоит в том, что все последующие уровни, настраивающиеся над элементным, складываются и функционируют в значительной мере как следствия, продукты и эффекты его организации, как его результаты. Более того, очень часто они формируются, в основ-

ном, за счет его внутренних резервов, без подключения дополнительных ресурсов извне, под воздействием его аутохонных детерминант. Очень явно это представлено по отношению именно к метакогнитивной сфере. Действительно, как можно видеть, компонентный уровень формируется на основе исключительно тех интенций и потенций, которые заложены в элементном уровне. Субсистемный уровень также формируется за счет и на основе потенциала и возможностей компонентного уровня. С этих позиций сам элемент раскрывается как то, в чем виртуально заложены и, следовательно, представлены в нем все те закономерности и весь тот потенциал, который необходим для формирования иных уровней. На его основе система и складывается и развивается. Он является базовым не только в плане того, что «лежит в ее основании» – находится снизу, но и в плане того, что он является в ней определяющим. В нем, хотя и виртуально, представлена вся система.

Во-вторых, с этих позиций существенной корректировке должны быть подвергнуты и некоторые представления общепсихологического плана, сложившиеся в теории деятельности в целом и по отношению к понятию операций в особенности. Действительно, одним из основных положений этой теории является тезис о том, что операции не только являются продуктом автоматизации и переноса части исполнительских компонентов на неосознаваемый уровень, но и положение о том, что они при известных условиях доступным обратному переводу – дезавтоматизации. Само по себе это, конечно, справедливо; вопросы, однако вопросы вызывает то, как понимается сама дезавтоматизация. А понимается она в той коннотации, которая этимологически представлена в префиксе «дез» и который означает деструкцию, декомпозицию, то есть нечто негативное, «разрушающие», упрощающее, возвращающее к исходному, более простому состоянию. Однако дезавтоматизация не может разворачиваться по этому сценарию в силу, как минимум, двух обстоятельств. Первое состоит в том, что «ниже и проще» автоматизированных компонентов в структуре деятельности просто ничего нет (по крайней мере, с позиций современных представлений). Второе состоит в том, что ее продуктом выступают не более простые, а более сложные компоненты – действия. Следовательно, дезавтоматизация – это отнюдь не всегда деструктивный процесс, не переход от более сложного к более простому, а наоборот. Однако в таком случае и возникает вопрос – а в чем состоят его собственно продуктивные – усложняющие механизмы? В свете представленных

выше материалов ответ на него достаточно очевиден: в их качестве как раз и выступает механизм операционной обратимости. Его сущность состоит в том что та или иная операция не каким-то непонятным образом дезавтоматизируется и превращается в действие, а наоборот, на реализацию какой-либо операции, в силу невозможности такой реализации, накладываются дополнительные операционные образования, позволяющие устранить возникшие препятствия. Вследствие этого синтеза возникает новое качество осознаемости, а исходная операция трансформируется в действие, которое как раз и характеризуется атрибутом целенаправленности и значит осознаваемости. В действительности, ситуация еще сложнее: дело в том, что с этой точки зрения и сами операции могут быть поняты как более сложные, чем действия. Дело в том, что они могут реализовываться в более эффективной форме – в форме, которая реализуется на неосознаваемом уровне и, следовательно, не загружает уровень сознания, высвобождая его для иных функций, что чрезвычайно ползоны в адаптационном плане.

В-третьих, аналогичной корректировке должны подлежать и традиционные представления относительно общих соотношений компонентного и элементного уровней, их статуса и значимости. Дело в том, что с точки зрения сложившихся представлений сами элементы понимаются, в основном, как то, что является следствием декомпозиции компонентов. Произвести анализ системы в целом и ее компонентов, в частности, во многом означает то, чтобы определить, из каких элементов они состоят. Суть гносеологических процедур состоит здесь в том, чтобы осуществить «движение» от общего к частному, от целого к его частям и приinkнуть вглубь анализируемой системы. Причем, такое проникновение как раз и понимается как движение от сложного к простому. Вместе с тем, представленные выше материалы демонстрируют ограниченность такой логики, показывая, что очень существенные детерминанты всей системы заложены именно на уровне ее образований, которые традиционно рассматриваются как простые и являющиеся следствием ее декомпозиции. С этой точки зрения не они являются продуктами ее декомпозиции, а сама она выступает как продукт их *композиции*. Компоненты в прямом смысле являются их продуктами, даже этимологически. В этом плане и основные уровни системы не только базируются на элементном уровне как на своей необходимой основе, но и выступают как производные от него. Сама же элементная база раскрывается не как элементарная, а как необхо-

димая и достаточная, хотя и представленная в виртуальной форме, для развертывания всей системы в целом.

В-четвертых, эти материалы должны быть осмыслены и в еще более общем – фактически, гносеологическом плане. Так, согласно сложившимся в теории познания традициям, логика его развертывания, ее магистральный путь обычно связывается с последовательным переходом от относительно менее сложноорганизованных форм и уровней тех или иных объектов к иным – надстраивающимся над ними уровнями. Собственно говоря, это и есть то, что обозначается как движение от простого к сложному, от низшего к высшему, это так сказать «движение вверх». Причем, сами высокоорганизованные уровни аксиоматично рассматриваются и как более сложные. Однако нельзя не видеть и того, что кажущееся относительно простым (элементарным), в действительности, как правило, является более сложным, а одновременно и трудным для познания. В нем имплицитно представлена вся та сложность, которая затем эксплицируется на всех иных – надстаривающихся над ним уровнях. Очень показательной в этом плане является наиболее развитая отрасль научного опознания – физика. Действительно, ее главный вектор – это движение *вглубь* материи, а не вверх. Это – и наиболее сложная, и наиболее важная задача. Другими словами, микромир – мир элементарно гораздо более сложен, чем все иные объективные миры. Однако можно предположить, что эту же судьбу должна разделить и такая отрасль научного познания, которая пока отнюдь не столь развита как физика – психология. Не исключено, что и в ней наиболее сложными являются те стороны ее предмета – аспекты, которые сегодня понимаются как наиболее простые и даже элементарные, то есть лежащие ее основе. Это – не то, что обозначается как *вершинная* психология, а то, что можно обозначить как *глубинная* психология (но, конечно, не в психоаналитическом смысле). Доказательств этому уже сейчас можно привести множество. Так, в этом плане считающийся относительно наиболее простым процесс ощущения, в действительности, раскрывается, наоборот, как, возможно, самый сложный. Дело в том, что именно посредством него и реализуется трансформация не-психического в психическое; происходит *порождение* идеального из материального. Аналогично этому и в самом метакогнитивизме базовое свойство всех образований, составляющих его предмет – обратимость, самосензитивность последовательно выявляется у все новых и все более «элементарных» образований – в том числе, у операций.

Однако, то, как именно они реально представлено по отношению к ним и как оно может быть объективировано в исследованиях, представляет существенно более сложную задачу, поскольку, в отличие от процессов оно реализуется на уровне бессознательного. Обратимость здесь не только необъективируема, но и *несубъективируема*, поэтому пока непонятно, как к ней подступиться. Однако, то, что непонятно сегодня, вовсе не означает того, что это будет непонятно всегда; это – перспектива для развития метакогнитивизма в целом. Обращение к понятию метакогнитивной сферы и к ее структурно-уровневой организации в этом плане должно рассматриваться как конструктивное средство постановки и решения этой стратегической задачи.

В-пятых, сформулированные выше представления относительно механизма операционной обратимости в целом и его роли в конституировании элементного уровня организации метакогнитивной сферы, в особенности, позволяют дополнить взгляды об этой организации еще одним аспектом. Это аспект, связанный с собственно *временной* – темпоральной, то есть диахронической организацией предметов психологического исследования в целом и самой этой сферы, в частности. Он до сих пор остается изученным явлено недостаточно, а по отношению к проблематике метакогнитивизма практически не представлены. В специальном цикле работ он был подвергнут нами детальному исследованию, в силу чего нет необходимости дублировать здесь их результаты. Отметим лишь то главное, что непосредственно священо с рассматриваемыми здесь вопросами. Дело в том, что одной из основных граней понятия операций как таковых является их собственно временное измерение: операции – это всегда нечто частное и парциальное; это то, что выступает как звенья, как «составляющие» некоторых целостностей (например, деятельности). Однако это и то, что выступает как части и другого измерения – временного, то есть *последовательности* чего-либо (опять-таки, например, деятельности), Операции – это не только структурные, но и временные части систем некоторого процесса. И по отношению к деятельности, и в еще большей степени по отношению к психическим процессам они раскрываются в статусе временных частей. Само процессуальное развертывание когнитивных процессов выступает как временная организация основных операций (можно видеть, что и в этом плане эксплицируется определяющая – базовая роль операций). Любая обратимость это *процесс*, а значит и временная организация. Следовательно, без ее раскрытия понима-

ние любого процесса, в том числе – и метакогнитивного невозможно. И наоборот, введение в концептуальный строй метакогнитивизм временной координаты реальности, временного измерения организации метакогнитивных процессов должно пониматься как конструктивное средство их исследования, что и достигается на основе сформулированных выше представлений. Так, в частности, с этих позиций оказывается возможным осуществить достаточно важное дополнение общих представлений о системности как базовом принципе организации психики в целом. Раскрывается еще одна грань метакогнитивизма – его роль как *метода* исследования, поскольку он содействует включению в общепсихологические представления такой фундаментального измерения реальности, как время, категории времени в целом.

4.6.4. О понятии темпоральной системности

Действительно, в параграфе 2.3. уже отмечалось, что и деятельность в целом, и ее важнейшие процессуальные «составляющие» должна быть понята как системы не только субстанционального плана, но и как системные образования принципиально иного – временного типа. Они реализуют в своей организации не только субстанциональную, но и темпоральную, собственно временную системность как наиболее совершенную форму диахронической организации. В этом отношении они воспроизводит в своей организации временную системность как таковую, которая уже была рассмотрена выше⁴¹. Действительно, сама временная «развертка», то есть про-

---

⁴¹ В этой связи напомним также об одном – необходимом в плане рассматриваемых вопросов обстоятельстве, которое уже отмечалось выше. Это – обстоятельство гносеологического плана, связанное с общей логикой развития не только конкретно-научных, но и философских представлений относительно принципов системной организации. Представления о временной системности и, соответственно, о существовании особого класса системных образований – темпоральных систем были первоначально сформулированы нами уже достаточно давно (см., например, работы [92, 96]). Причем эти представления явились необходимым следствием конкретных, в том числе – и экспериментальных исследований таких важных предметов психологического изучения, как процессы принятия решения [92], интегральные процессы психической регуляции деятельности [99], а впоследствии – и деятельность в целом [111], а также сознания [103]. Вместе с тем, хотя и несколько позже, но именно к аналогичным заключениям привели и исследования собственно философского характера, выполненные, в частности, с позиций направления «философского релятивизма» [31].

цесс функционирования систем должен быть каким-либо образом организован; он должен базироваться на определенной совокупности закономерностей. Суть последних должна отражать, однако, уже специфику организации – своеобразие бытия системы во времени, в ее именно процессуальной организации. Данные закономерности должны быть по самой своей сути и функциональному предназначению диахроническими, временными. В этом плане нами и было сформулировано предположение, согласно которому содержанием указанных – диахронических закономерностей выступает формирование и развертывание специфической совокупности особого типа системных качеств (временных, диахронических системных качеств). Само же понятие процесса как такового раскрывается с этих позиций как именно временная система. Процесс как закономерно организованное развертывание какого-либо явления во времени – это и есть функционирование данного явления, базирующееся на механизмах временной системности и порождаемых в ее результате качествах – временных системных качествах. Таким образом, можно видеть, что функциональная организация систем объективно обуславливает необходимость в адекватных средствах такой организации. Ими как раз и выступают механизмы диахронического типа – временная, темпоральная системность в целом и временные системные качества, в особенности. Их функционирование в наиболее общем и в наиболее важном плане (в плане собственно временной, то есть именно процессуальной организации) базируется на фундаментальном по своему статусу механизме – механизме временной системности. Функционирование же, представленное в его максимально обобщенном виде, – это есть «бытие во времени».

Вместе с тем, оно же, но представленное в возможно более организованном виде, – это одновременно и «использование времени для организации своего бытия», означающее реализацию по отношению к данной организации временной системности и временных (диахронических) системных качеств. Функциональная организация в ее наиболее развитой, совершенной и потому – эффективной форме обязательно и объективно требует воплощения в ней аналогичных, то есть также наиболее эффективных средств – средств системной организации, но представленных именно как временная, темпоральная системность. Само функционирование порождает, а затем – использует системность, но не субстанциональную (так сказать

синхроническую), а временную, то есть темпоральную. Последняя, в свою очередь, является основным средством организации самого процесса функционирования.

В этом пункте анализа мы подходим, однако, к очень важной грани общей организации ведущего когнитивного процесса – мышления, проинтерпретированного с позиций представлений о метасистемном принципе его функциональной динамики. В свою очередь, для ее экспликации необходимо обратиться к изложенным выше (и в работах [136, 139]) представлениям об одном из основных средств, а не исключено и механизмов функциональной организации систем в целом и процессуально-психологических систем, в особенности, – к представлениям о темпоральной системности. С их позиций было обосновано положение, согласно которому широко изучающийся в настоящее время феномен структурно-содержательной – точнее, субстанциональной системности не является, однако, единственным. Он должен быть дополнен другим важнейшим типом системности – временной, темпоральной (диахронической) системностью, эксплицирующей системность организации самого процесса функционирования. Объекты внешнего мира и психические явления системны не только в их «уже ставшем» виде, но и в самом процессе функционирования – процессуально системны. И это функционирование является источником новой категории системных качеств – временных, обнаруживаемых в плане целостной временной динамики процесса. Данное получило к настоящему времени многоплановое – в том числе эмпирическое и экспериментальное обоснования по отношению к целому ряду важных процессов как когнитивного и метакогнитивного, так и регулятивного плана: в частности, к процессам принятия решения, планирования, самоконтроля (см. обзор в [103]).

В связи с этим, необходимо особо отметить также, что одним из основных выводов (и теоретических положений) современного метакогнитивизма как раз и является вывод о том, что суть, специфика и основное функциональное назначение метапроцессов как таковых заключается в их направленности на регуляцию и организацию всех иных процессов («первичных»). Благодаря метапроцессам, субъект оказывается в состоянии не только осуществлять тот или иной «первичный» процесс, но и активно влиять на него, в том числе – и на его временную, процессуальную организацию. Более того, в рамках метакогнитивизма показано и то, как конкретно это может

осуществляться – через формирование и последующее использование стратегий метакогнитивной регуляции (что составляет основной предмет исследований в одном из важнейших направлений метакогнитивизма – стратегиальном).

Общий смысл имеющих место при этом феноменов состоит в том, что в целях придания процессам закономерно организованного и, по возможности, максимально эффективного характера, также должны существовать определенные закономерности, которым он подчиняется. Суть этих закономерностей, однако, состоит в том, что они выступают собственно временными, темпоральными (диахроническими) закономерностями. Они не только лежат в основе «бытия систем во времени», но и в значительной степени конституируют собственное время такого рода систем. На основе этого системы приобретают совершенно новую и специфическую способность. Это – способность распределять свой функциональный ресурс «вдоль оси времени», осуществлять его временное структурирование. Они оказываются в состоянии создавать временные резервы своего функционирования и соответствующим образом распределять в пределах этих резервов свой функциональный ресурс. Сам процесс – как организованная и закономерным образом синтезированная совокупность этапов должен быть понят как своего рода временная система – как продукт «временной упорядоченности» различных функциональных проявлений системы, ее функциональных возможностей. Тем самым системы оказываются в состоянии активно использовать в качестве механизма своего функциональной, процессуальной организации не только структурно-содержательную (синхроническую) – субстанциональную системность, но и временную – темпоральную (диахроническую) системность.

Далее, необходимо учитывать и то, что, по существу, все основные и наиболее значимые закономерности системной формы организации как таковой, раскрытые и изученные на материале субстанциональной системности, присущи и второму ее основному типу – временной, темпоральной системности. Она, в свою очередь, является наиболее совершенной формой общей – собственно процессуальной, диахронической организации. Характерно и то, что они эксплицируются по отношению к ней не только не в меньшей степени, но и, как правило, в еще более полном и очевидном виде. Так, общеизвестно, что сама суть любого процессуально-психологического образования и важнейшая черта его структурно-функциональной

организации состоит в том, что оно в целом образует именно скоординированную и организованную во времени последовательность частных компонентов – действий. В силу этого, оно как раз и является атрибутивно временной системой. Цель любого сложноорганизованного и внутренне гетерогенного процесса (требуемый результат) в принципе не может быть достигнута посредством, так сказать, «однократного» взаимодействия субъекта и объекта, локального и «единичного» акта. Это воздействие всегда – причем, совершенно объективно подвергается дифференциации на частные компоненты, реализация каждого из которых осуществляется на каком-либо этапе и представлена в качестве компонента деятельности (действию). Те парциальные результаты, к которым приводит их реализация, используются, однако, затем – в последующих действиях как предпосылки и основания, то есть как детерминанты для их осуществления. Происходит своеобразное «накопление результатов» – их кумуляция.

Однако, для того, чтобы эта кумуляция обрела наиболее эффективный и продуктивный характер, сама дифференциация системы (деятельности) на компоненты также должна быть не только осуществлена, но и организована. Другими словами, она должна быть представлена как развертывающаяся во времени система, то есть как система именно темпорального типа. Это означает, что каждый из «парциальных» результатов, получаемых в итоге реализации частных действий, должен быть не только использован и в ней в целом, и при осуществлении иных действий, но и, по возможности, спрогнозирован, спланирован. Тот или иной психический процесс и в особенности процесс мышления, как и любая иная система темпорального типа, строится по принципу дифференциации исходно целостного и нерасчлененного взаимодействия с ее предметом лишь на те этапы – действия и в таком их составе (объеме), которые необходимы и достаточны для достижения общей цели деятельности. При любой степени дифференцированности она (деятельность), однако, сохраняет исходно присущие ей черты целостности и поэтому всегда выступает именно как организованная во времени система этих действий. Важной особенностью такого рода систем является использование ими своих частных, «парциальных» результатов для организации процесса своего же собственного осуществления. Более того, эти результаты не только *используются*, но вначале – активно *порождаются* для обеспечения этого функционирования и лишь затем – используются в нем.

Психические процессы представляют собой темпоральные системы не только со *сменной* детерминацией, но и с детерминацией, *порождающейся* по ходу их реализации и, более того, генерируемой ей самой.

Охарактеризованная выше функциональная организация имеет, по-видимому, достаточно общую сферу действия. Она присуща по всей вероятности, любому сколько-нибудь сложноорганизованному процессу взаимодействия со средой, любому сукцессированному процессу переработки информации. Так, скажем, процесс решения задач строится именно на основе данного принципа, поскольку каждый последующий его этап обязательно предполагает трансформацию полученных на предыдущих этапах результатов в посылки – условия дальнейшего развертывания самого процесса. Наряду с этим, и любая сколько-нибудь сложная поведенческая задача, преодоление подавляющего большинства поведенческих ситуаций объективно не допускают возможности сделать это «сразу», «за один заход» – симультанно. Напротив, это оказывается возможным лишь на основе дифференциации общего решения и (или) процесса преодоления ситуации на последовательность частных, локальных временных компонентов – этапов. Они предполагают необходимость последующей кумуляции получаемых при этом парциальных результатов. Кроме того, эти же результаты, полученные на одних этапах, становятся причинами и условиями – детерминантами для осуществления других этапов. Они становятся детерминантами организации самого процесса функционирования деятельности. Однако, как показано нами ранее, максимальной выраженности она достигает в функциональной организации деятельности.

В свете всего этого несколько иную, чем это полагается традиционно и более общую трактовку получает одно из наиболее фундаментальных и широко используемых понятий – понятие процесса. Действительно, с этих позиций любой психический процесс раскрывается как специфическая система – система временного, темпорального типа, то есть как системно организованное во времени функционирование. Само функционирование лишь тогда и лишь постольку трансформируется в процесс, когда и поскольку в этом функционировании начинают воплощаться собственно системные, точнее системно-временные закономерности.

Кроме того, необходимо отметить, что в настоящее время дифференцирован ряд основных – общих принципов функциональной организации. Они, являясь именно общими, являются и базовыми сред-

ствами реализации основных закономерностей собственно временной системности (в том числе – и в организации процесса мышления). К ним относятся принципы целевой детерминации, минимально достаточной дифференцированности, пропорциональной интегрированности, неравномерности, реверсивности, кумулятивности, итеративности, трансформирующейся детерминации и мультипликативности. Их подробная характеристика представлена в [111].

Сказанное означает, что та или иная система темпорального типа в целом и когнитивные психические процессы как одна из наиболее показательных среди них, в особенности, характеризуясь своими наиболее обобщенными и интегративными качествами – системными, а зачастую и порождая их, оказывается в состоянии затем использовать их же, но уже как своего рода средства, как свои частные функциональные характеристики. Собственно говоря, именно эта – фундаментальная, на наш взгляд, особенность организации сверхсложных систем в очень отчетливой форме обнаруживается в проанализированной выше – также фундаментальной особенности их функциональной организации. Согласно данной особенности, эти системы обладают способностью не только к порождению какого-либо результата (характеризующегося обобщенными, то есть именно системными качествами), но и к последующему использованию этого результата, но уже в качестве условия для дальнейшего развертывания их функционирования. Тем самым имеет место своеобразный механизм *трансформации результата в процесс*. Кроме того, он оказывается, фактически, эквивалентным, а точнее выступает следствием еще более глубокого механизма – механизма *трансформации системных качеств в функциональные*. Первые, характеризуя результат функционирования системы в целом на каком-либо интервале времени, а потому являются именно обобщенными (результативными) его характеристиками, то есть его системными качествами. Однако, они же, но на иных – последующих этапах фиксируются системой и используются как *операционные средства* его дальнейшей функциональной организации, то есть начинают выступать уже как собственно функциональные качества.

Отсюда, однако, вытекает и еще одно значимое следствие. Через взаимодействие – взаимополагаемость и «взаимоиспользование» процессов и результатов, то есть через их попеременное использование либо в качестве средств (условий), либо в качестве целей (результ-

татов) возникает возможность активного использования временной системности как таковой; возникает способность к ее использованию именно в качестве операционного средства. Функционирование психики в целом, равно как функциональная организация и деятельности, и сознания воплощают в себе достаточно важный принцип организации. Его можно обозначить как принцип *реверсивности*, а его содержание состоит в следующем. То, что выступало на предыдущем этапе процесса его результатом, на следующем этапе трансформируется в элемент его содержания, обретая качественно иной статус – элемента самого процесса. Однако, далее, то есть на следующем этапе, использование этого нового содержания, порождает новые результаты, которые могут в дальнейшем вновь трансформироваться в элемент содержания процесса, но уже на следующем этапе его развертывания. Перманентная обратимость (то есть реверсия процесса в результат и обратно) составляет одну из важнейших граней временной, собственно функциональной организации и деятельности, и сознания как ее наиболее интегративного регулятора. По всей вероятности, реверсивный принцип присущ функциональной организации всех сложноорганизованных систем.

На основе проведенного выше анализа можно сделать следующее заключение. В функциональной организации когнитивной подсистемы, а также ее основных компонентов – когнитивных процессов, равно как и деятельности в целом воплощены не только общие принципы системной организации, представленные в одной из основных ее форм – темпоральной. В ней представлены также и конкретные средства ее реализации, ее так сказать операционные средства. Этими средствами выступают, прежде всего, временные *системные качества*. Они в принципе несводимы ни к качествам отдельных компонентов, входящих в систему, ни к качествам аддитивной совокупности этих компонентов. Следовательно, они являются своеобразными индикаторами прироста функциональных и всех иных возможностей, всех потенций системы, возникающего вследствие механизмов интеграции (а не агрегации) компонентов системы в целостность. В системных качествах действуют и проявляются, таким образом, новые – синергетические по своей природе эффекты, позволяющие системе выйти за пределы тех потенций, которыми характеризуются ее отдельные «составляющие», а тем самым – повысить и расширить ее общий потенциал. Системные качества это и есть то новое содержание

(любого плана – структурного, функционального, процессуального и пр.), которое возникает у системы именно как целостности, которое конституирует систему как таковую и тем самым существенно расширяет ее общие возможности. В этом, собственно говоря, заключается и смысл функционального предназначения системных качеств, онтологические основания для их возникновения и существования. В них и *благодаря* им, система не только организуется, но и посредством этого эволюционирует, развивается и совершенствуется. Она порождает, а затем использует новые возможности своего функционирования, а также свои новые качественные характеристики.

* * *

Итак, обобщая итоги проведенного анализа, необходимо подчеркнуть следующее. Его главным результатом явилось обоснование общего по смыслу, но вполне конкретного по содержанию решения задачи раскрытия структурно-уровневой организации метакогнитивной сферы личности, а также определения ее основных принципов и закономерностей. Предложенный вариант решения привел к выявлению целого ряда соподчиненных *уровней* организации метакогнитивной сферы личности, а также их иерархии. Обнаружение и достаточно детальное описание отдельных уровней и их иерархии в целом позволило дать обоснованное с точки зрения теории систем решение проблемы ее структурно-уровневой организации в целом. Следует особо подчеркнуть, что для реализации данного решения был использован не какой-либо «внешний» критерий, а критерий иного рода. Он, во-первых, вытекает из самой сути базовых положений общей теории систем и системного подхода в целом. Во-вторых, он основывается не на каких-либо частных характеристиках систем, а на их объективно главных закономерностях – закономерностях *структурной* организации в целом и структурно-уровневого строения, в особенности. Одновременно получила решение и вторая задача, состоящая в преодолении ряда теоретических трудностей, к которым в настоящее время привело развитие представлений в метакогнитивизме.

Дифференцированные уровни организации метакогнитивной сферы оказались в итоге глубоко различными практически по всем основным психологическим параметрам; они кардинально – *качественно* различаются между собой. Однако, как известно, именно наличие явно выраженной качественной определенности выступает основным

признаком, благодаря которому то или иное образование (процесс, качество и пр.) обретает собственно уровневый статус. Такой подход позволяет естественным образом учесть и те уровни организации, аналоги которых уже описаны в метакогнитивизме (компонентный и системный), и те, которые не были эксплицированы до сих пор. Действительно, с его позиций в целом и с точки зрения произведенной дифференциация основных структурных уровней организации метакогнитивной сферы, в частности, были выявлены ее новые уровни. Это – метасистемный, субсистемный и элементный уровни организации. Следовательно, реализованный критерий обладает помимо объяснительного, и *эвристическим*, точнее – прогностическим потенциалом: он позволяет обоснованно предположить, а затем – доказать существование новых уровней организации метакогнитивной сферы личности и, более того, указывает на принципиальные особенности того содержания, которым они должны обладать. Кроме того, и сам обоснованный в данной главе базовый конструкт метакогнитивной сферы личности раскрывается принципиально новой гранью: она обретает статус *уровневого* образования, то есть раскрывается в качестве многомерной – многоуровневой структуры.

Особо следует подчеркнуть, что сформулированный в ходе исследования, а затем реализованный в нем *критерий-дискриминатор* уровневой дифференциации позволил полно и точно отразить и объяснить одну из главных особенностей метакогнитивной сферы личности – ее принадлежность к системам со «встроенным» метасистемным уровнем. На основе данного критерия оказалась возможной не только дифференциация особого, качественно специфического уровня – метасистемного, но и доказательство того, что именно он играет роль ведущего во всей иерархии других уровней организации метакогнитивной сфере личности.

Характерной чертой реализованного критерия является и то, что он позволяет дифференцировать метакогнитивную сферу не просто на какое-либо множество уровней, а вскрыть их целостную и обобщенную структуру, то есть организованную иерархию. Это означает, в частности, что в самом критерии содержатся средства для раскрытия не только качественной определенности основных уровней, но и механизмов *межуровневых* взаимодействий и взаимопереходов. Так, очевидно, что компонентный уровень формируется на основе элементов посредством их определенной организации и, прежде всего,

на основе механизма их функциональной обратимости. Согласно данному механизму, основные «первичные» когнитивные процессы (равно как и иные основные «составляющие» психики) трансформируются во «вторичные» образования. Далее, качественно однородные метакогнитивные образования, синтезируются на основе специфически функционального критерия в определенные паттерны качественно гомогенных образований, в результате чего формируются их подсистемы. В итоге складывается субсистемный уровень, являющийся соорганизацией множества компонентов в определенные подсистемы, формирующиеся, прежде всего, по функциональному признаку. Наконец, интеграция самих подсистем приводит к формированию другого основного уровня – общесистемного. Он, свою очередь, испытывает воздействие со стороны двух основных метасистем, в качестве которых выступают, с одной стороны, психика в целом, а с другой, – сама деятельность. Однако и здесь также имеют место очень специфические межуровневые взаимодействия системного и метасистемного уровней организации метакогнитивной сферы, которые также были раскрыты выше.

Необходимо особенно подчеркнуть и обстоятельство наиболее общего – принципиального плана, которое не раз эксплицировалось по ходу изложения и которое было спрогнозировано априорно. Оно состоит в том, что выявленная структурно-уровневая организации метакогнитивной сферы не просто подобна, но и, фактически, *изоморфна* той, которая была установлена нами ранее по отношению к двум другим класса деятельности – субъект-объектному и субъект-субъектному. Его, однако, следует рассматривать не как «повторение пройденного», а как важное и, по существу, необходимое следствие, а одновременно – и подтверждение принципиальной общности наиболее глубоких и важных закономерностей организации деятельности и ее метакогнитивной регуляции. Деятельность как родовое образование основана на системе базовых закономерностей, которые инварианты по отношению к ее частным, хотя и также обобщенным экспликациям – к ее классам. Вместе с тем, в них – классах имеют место и определенные качественные трансформации этих закономерностей, что проявляется в *содержании* выявленных уровней, но не в их *составе*.

Следует подчеркнуть, что проведенная дифференциация метакогнитивной сферы личности на основе реализованного в этих целях критерия находится в комплексном соответствии с эмпирическими,

экспериментальными и теоретическими данными, которыми располагает метакогнитивизм и когнитивная психология в целом. Это – именно комплексное, а значит и многоаспектное соответствие также должно рассматриваться, на наш взгляд, как свидетельство правомерности выявленных структурных уровней метакогнитивной сферы. Оно может быть продемонстрировано следующим образом (см. таблицу 3).

Таблица 3

**Соотношение значений общесистемного критерия
дифференциации уровней и основных уровней организации
метакогнитивной сферы личности**

<i>Значения критерия-дискриминатора уровневой дифференциации</i>	<i>Уровни организации метакогнитивной сферы</i>
Метасистемное	Метасистемный (личностный)
Системное	Системный (уровень организации метакогнитивной сферы как системы)
Субсистемное	Уровень основных подсистем метакогнитивного плана
Компонентное	Уровень отдельных метакогнитивных образований
Элементное	Уровень «первичных» психических образований как отдельных составляющих метакогнитивной сферы

**4.7. Метакогнитивная сфера личности
в структурной организации деятельности**

Вся совокупность представленных выше материалов создает достаточные основания и для того, чтобы обратиться к рассмотрению, пожалуй, наиболее общего вопроса, который собственно говоря, и является *основным* в данной главе. Он, в силу этого, выступил и как исходный в ней; теперь же к нему следует обратиться вновь, но уже не в плане его *постановки*, а в плане возможного *ответа* на него. Напомним, что его сущность состоит в том, чтобы определить общие *соотношения* между психологической системой деятельности и, соответственно, – ее структурой в целом и одной из ее «составляющих» – метакогнитивной сферой личности, выступающей в качестве ее регулятора. Он формулируется следующим образом: каким образом

и на основе каких общих принципов и конкретных закономерностей *сопряжены* эти две структуры – деятельности, с одной стороны, и метакогнитивной сферы, с другой? В каких принципиальных *отношениях* они находятся и как эти отношения могут быть эксплицированы и объяснены? Что нового позволяет выявить установление этих отношений для более полного понимания как метакогнитивной регуляции, так и организации деятельности в целом? Каким образом установленные нами в предыдущих работах структурные экспликации системы деятельности, с одной стороны, и метакогнитивной сферы, с другой, могут содействовать этому? Каким образом этому же могут содействовать развитые представления о базовой структурной единице деятельности, в качестве которой следует рассматривать понятие компетенции (и, соответственно, ту реальность, которая в нем зафиксирована)?

Предпринимая попытку ответа на эти вопросы, необходимо зафиксировать следующие основные обстоятельства общего плана, а на их основе сформулировать ряд положений, содействующих этому. Так, прежде всего, необходимо учитывать, что речь идет об установлении отношений между такими сущностями – системой деятельности и одной из ее «составляющих» – метакогнитивной сферой, которые сами по себе являются чрезвычайно сложными, внутренне гетерогенными, собственно системными образованиями. Более того, следует учитывать и то, что специфика их соотношений, как показано выше, может быть установлена только на основе учета особого типа взаимосвязей – взаимосвязей по типу «встроенности», так как сама метакогнитивная сфера как раз и представляет собой одну из типичных разновидностей систем со «встроенным» метасистемным уровнем. Эта сфера базируется на данном принципе как основном; установление этого факта также явилось одним из результатов проведенного анализа, равно как и ряда наших предыдущих работ [89, 111].

Далее, следует зафиксировать и еще одно обстоятельство принципиального плана, являющееся значимым итогом проведенного анализа и состоящее в принципиальной *подобии* общей структурной организации системы деятельности и метакогнитивной сферы. Эта общность проявляется в нескольких основных аспектов. Прежде всего, она состоит в принципиальной конгруэнтности *общего состава* уровней структурной организации деятельности и метакогнитивной сферы, которая заключается как в их количественной идентичности, так и в содержательном сходстве. Можно видеть, что и та, и дру-

гая включает одинаковое количество уровней – пять, а сами уровни в содержательном плане также весьма сходны, то есть между ними существует своего рода «парное» соответствие (см. далее). Далее, это же означает, что между двумя структурами имеет место не парциальное, а именно *интегральное* сходство и даже подобие их общей организации. Наконец, особо значимо то, что в основе и той и другой лежит один и тот же – инвариантный базовый критерий уровневой дифференциации, в качестве которого выступает рассмотренный в параграфе 4.2. и сформулированный в русле принципа метасистемности критерий-дискриминатор уровневой дифференциации. Напомним также, что его подробная характеристика также была представлена в этом параграфе.

Наряду с этим, следует исходить и из сформулированных выше представлений о базовой единице структурной организации системы деятельности, в качестве которой выступают основные деятельностные компетенции. Конкретно, это означает, что именно данная единица, поскольку она является основной, должна выступить в качестве средства экспликации не только структуры того «целого», базовым компонентом она сама является (деятельности), но и аналогичным средством для экспликации структуры метакогнитивной сферы личности как интегрального регулятора этого «целого». Другими словами, она должна выступить в качестве понятийного средства и даже концептуального «ключа» для экспликации структуры как той, так и другой, а также их взаимоотношений.

Наконец, следует учитывать и те представления, которые были сформулированы относительно макро- и микроструктурной организации самих компетенций и которые также эксплицируют их уровневую организацию, структурно-уровневое строение. Напомним, что сущность макроструктурной организации компетенций состоит в том, что они интегрированы в организованную совокупность пяти основных уровней – уровня метакомпетенций (*soft-skills*), уровня компетентности, уровня «вторичных» компетенций (*hard-skills*), уровня «первичных» – базовых компетенций и уровня их отдельных элементов (*digital-skills*). Аналогичным образом и сущность собственной – микроструктурной организации компетенций состоит в том, что они также дифференцируются на пять основных уровней. В связи с этим, обратим особое внимание на то, что и в той и в другой структуре их высший уровень носит специфический характер – метасистемный

и, что еще существеннее в плане основных задач данной работы, атрибутивно сопряжен с включенностью в него собственно метакогнитивных детерминант.

Все эти, а также иные – рассмотренные выше обстоятельства принципиального плана являются не только исходными для установления соотношений между системой деятельности и метакогнитивной сферой, но и выступают в качестве своеобразных «подсказок» – необходимых средств такого установления. Действительно, сопоставление двух эксплицированных структур точнее – двух иерархических, то есть уровневых организаций, лежащих в их основе, позволяет, прежде всего, установить факт наиболее принципиального значения. Он состоит в том, что между ними имеет место не просто подобие, но и подобие очень выраженное и разноплановое. Оно состоит в том, что они идентичны в плане *количественного* состава уровней. Оно состоит и в том, что уровни той и другой дифференцируются на базе одного и того же – инвариантного и унитарного *критерия-дискриминатора*, а следовательно, обладают сущностным сходством друг с другом. Оно состоит и в том, что между однопорядковыми уровнями той и другой существует принципиальное так сказать *парное* сходство тех принципов, на основе которых они организованы. Оно состоит и в том, что такое сходство эксплицируется не только по отношению к «парам» однопорядковых уровней по отдельности, но и ко всем пяти парам, то есть носит не локальный, а интегральный характер, проявляется и в плане всей структуры в целом. Иными словами это подобие является не локальным – аналитическим, а именно структурным – *системным*. Все это позволяет констатировать уже не просто сходство или даже принципиальное подобие этих структур в аспекте их структурно-уровневой организации, но и, фактически, их *изоморфизм*. Он состоит в том, что однопорядковые – одностатусные уровни той и другой находятся в отношениях *взаимно-однозначного* соответствия, что в итоге и дает их комплексное соответствие – собственно структурное.

Далее, такое – обобщенное и значит в известной мере формальное подобие, доходящее до степени изоморфизма, не может не иметь каких-либо причин – детерминант и факторов иного, уже собственно содержательного и, следовательно, более глубокого плана и иной – большей «мощности». Показательно, что именно в этом – содержательном плане как раз и выявляются наиболее существенные особен-

ности и закономерности соотношения этих двух структур, к экспликации которых теперь и необходимо обратиться. Так, при сопоставлении тех уровней, которые локализованы на вершине этих структур, то есть тех, которые занимают в них иерархически высшее положение, с высокой степенью очевидности выявляется обстоятельство принципиального плана. По отношению к структуре деятельности он, согласно развитому нами подходу, основанному, в свою очередь, на компетентностной парадигме, образован очень специфической категорией деятельностных детерминант – образований, структур, качеств, факторов и др., обозначаемых обобщающим понятием *метакомпетенций* (soft-skills). Их сущность неоднократно раскрывалась и интерпретировалась в процессе изложения. Одновременно с этим, необходимо учитывать и то, по отношению *к чему* – к какой системе эта совокупность реализует свои детерминационные – регулирующие и организующие воздействия. Ей выступает очень специфическая деятельность, точнее ее класс – информационная. Главная же черта этой специфичности состоит в том, что она носит атрибутивно когнитивный характер. Следовательно, поэтому, фактически, вся совокупность метакомпетенций одновременно обретает новое качество – они выступают не только как метадеятельностные регуляторы, но и как важнейшие факторы собственно *метакогнитивного* план. Вместе тем, именно это эксплицирует и обстоятельство еще более принципиального плана. Выступая в этом качестве, они органично включаются не только в структуру деятельности, но и в структуру самой метакогнитивной сферы – начинают выступать как ее не просто «рядовые» компоненты (что, впрочем, также важно), но как такие ее части, которые локализованы на высшем уровне ее организации. Однако это же со всей отчетливостью выявляет, что сама деятельность в плане ее важнейших детерминант столь же органично входит – включается, «встраивается» в состав и содержание метакогнитивной сферы, в ее общую организацию и образует в ней особый уровень – метасистемный.

Следовательно, именно это принципиальное и ключевое обстоятельство показывает и доказывает, что она принадлежит к специфическому классу систем со «встроенным» метасистемным уровнем. Ее высший уровень как раз и является продуктом и результатов такого встраивания, мультипликации системы деятельности в ней. В итоге этого формируется один из ее собственных уровней – *метасистемный*, на котором представлена вся совокупность метакомпетенций

как исходно деятельностных образований. Однако все они, проявляя себя в основной и наиболее специфической функции – регулятивной, одновременно обретают и дополнительное качество – выступают как метакогнитивные регуляторы. Тем самым, «встроенность» системы деятельности в состав и содержание метакогнитивной сферы не только, действительно, имеет место, но осуществляется на высшем и, следовательно, определяющем уровне как самой деятельности, так и метакогнитивной сферы. Точнее сказать, она не просто имеет место, а составляет сущность того сложного процесса, который и приводит к формированию самого этого уровня данной сферы (метасистемного). Это же означает, что между двумя структурами существуют не только собственно структурные и функциональные связи, но и связи *генетического* плана. Первая выступает детерминантной генезиса второй, а та выступает стимулом и фактором для развития первой.

Далее, столь же принципиальная и глубинная конгруэнтность обнаруживается и в плане соотношения следующей «пары» однопорядковых, одностатусных уровней – общесистемного уровня деятельности, с одной стороны, и аналогичного уровня метакогнитивной сферы, с другой. По отношению к структуре деятельности он с точки зрения развитого выше компетентного подхода образован максимально интегративным, то есть именно общесистемным образованием – компетентностью личности в целом. Она, как показано выше, является продуктом интеграции – синтеза всей совокупности деятельностных компетенций. В нее входят и те, которые обусловлены содержанием самой деятельности (*hard-skills*), и те, которые носят внешний по отношению к этому содержанию характер (*soft-skills*). Наиболее важно, что именно в результате такой двуединой интеграции формируется и оказывается представленной в собственной структуре деятельности очень специфическое образование, сущность которого состоит в следующем. Как показывают многочисленные исследования ряда относительно наиболее сложных видов профессиональной деятельности, в том числе – информационной, в процессе профессиогенеза, наряду со становлением компетентности, происходит и развитие особой – специфической способности воздействия на нее саму, способности управлять этим процессом и регулировать его, инициировать и поддерживать его на разных этапах профессиогенеза. Более того, она включает и возможность регулировать *меру* проявления компетентности в значимости от ситуационно складывающихся условий и иных

детерминант. Данная способность приводит к становлению особой – интегральной деятельностной компетенции, также обозначаемой понятием метакомпетенции⁴². Она, в свою очередь, объективно необходима для эффективного функционирования всех иных категорий деятельностных компетенций, поскольку обеспечивает и их функционирование, и их развитие, и их самоорганизацию. Следовательно, она органично и, повторяем, объективно входит, включается – «встраивается» в их общую совокупность, которая, в свою очередь, и образует общесистемный уровень организации самой деятельности. В силу этого, и на данном уровне эксплицируется обстоятельство принципиального плана. Две рассматриваемые структуры (деятельностная и метакогнитивная) не просто и не только взаимосвязаны; дело еще и в том, что они находятся в отношениях «встраивания» первой во вторую. Общедеятельностный феномен метакомпетентности не только органично включается в состав самой этой сферы, но и раскрываются как атрибутивно метакогнитивный, как важнейшая часть ее собственного содержания. Деятельность мультиплицируется, «встраивается» в свою «часть» – в метакогнитивную сферу и, фактически, конституирует ее, осуществляя это на еще одном уровне – общесистемном.

Далее, несколько более сложная для обнаружения и интерпретации, но не менее показательная ситуация имеет место и по отношению к еще одной «паре» однопорядковых уровней организации двух рассматриваемых структур – *субсистемных*. Напомним, что на данном уровне по отношению к структуре деятельности локализованы такие образования, сущность которых состоит в их синтетическом характере, поскольку они представляют собой целостные комплексы действий, направленных на решение тех или иных основных функциональных задач деятельности. Каждая из них и составляет содержание той или иной основной деятельностной компетенции, относящейся к категории «вторичных» – составных, то есть *hard-skills*. Одномерно и на аналогичном уровне метакогнитивной сферы также локализованы образования, имеющие сходную природу и принципы организации. В их качестве выступают основные *подсистемы*, образованные функциональными синтезами качественно гомогенных

---

⁴² Она не совпадает по содержанию с той, которая зафиксирована в этом же термине, но обозначает категорию *soft-skills*.

образований метакогнитивного плана⁴³. Процессуальное обеспечение каждой «вторичной», а следовательно, – составной, интегральной, комплексной, то есть сложной компетенции также – по определению выступает как аналогичный – сложный и составной процесс. Он, в силу этого, принципиально не может реализовываться с опорой лишь на какой-либо один компонент метакогнитивной сферы, на один процесс, на одну структуру и пр. Он требует вовлечения ряда таких компонентов и, более того, их соорганизацию. Другими словами, с очевидностью выявляется обстоятельство, показывающее и доказывающее, что функционирование деятельности на процессуально-психологического обеспечения «вторичных» – интегральных компетенций не может реализовываться вне и помимо синтеза *нескольких*, а нередко – и многих факторов метакогнитивного плана. Оно не может осуществляться без их *комплексирования* в некоторые более обобщенные паттерны, то есть без их синтеза в определенные подсистемы. Однако, это функционирование в общем случае, поскольку оно сопряжено не с организацией деятельности в целом, а с организацией лишь ее отдельных фрагментов (систем действий, «вторичных» компетенций) не требует вовлечения всего состава метакогнитивной сферы.

Следовательно, данный общедеятельностный уровень естественным образом и весьма полно и точно сопряжен с еще одним дифференцированным уровнем организации метакогнитивной сферы – субсистемным. Именно на нем и локализованы такого рода паттерны, подсистемы, которые и реализуют метакогнитивную регуляцию – но не деятельности в целом, а ее основных функциональных задач, с решением которых и соотносятся «вторичные» компетенции. Кроме того, следует учитывать, что, как показано выше, в их состав, в их микроструктуру также включены факторы собственно метакогнитивного плана. В параграфе 3.2.4. было показано, что эта микроструктура включает в качестве одного из уровней организации тот, на котором локализованы факторы метакогнитивного плана; более того, этот уровень является высшим в данной структуре. Наконец, следует обязательно учитывать и то, что на основе основных подсистем метакогнитивной регуляции формируются соответствующие им компетенции. Это, в частности, компетенции в области саморегуляции, коммуникативной сферы, в овладении процедуральными

---

⁴³ Характеристика этих подсистем представлена в параграфе 4.3.4.

и декларативными знаниями, в области рефлексивного контроля и др. В свою очередь, такое формирование становится возможным благодаря тому, что компетенциям атрибутивно присуще свойство, которым обладают многие иные психические образования. Это – свойство функциональной обратимости, состоящее в том, что они могут выступать не только в своем «первичном» статусе – операционном, но и во «вторичном» статусе – в качестве *операндов*, то есть того, на что направлена сама когниция. Оно и приводит в итоге к формированию метакогнитивных процессов и качеств.

Однако, такая обратимость имеет место и по отношению к «вторичным» компетенциям: они, складываясь и развиваясь в процессе профессиогенеза, на определенных стадиях развития могут «оборачиваться» сами на себя, трансформируясь в статус метакогнитивных и метарегулятивных образований. Субъект начинает располагать не только ими, но еще и возможностью активного воздействия на них – «компетенцией по распоряжению этими компетенциями»; способностью регулировать меру и характер их ситуативного правления, способностью их фасилитировать или ингибировать. Иными словами, на них как на вторичные транспонируется сам принцип «вторичности»: они не просто складываются как таковые и затем функционируют в стабильной – инвариантной форме, но и допускают их трансформации – субъектную и значит метакогнитивную регуляцию. Таким образом, можно видеть, что характер обоснования соответствия этой «пары» уровней является несколько иным, чем предыдущих; он осуществляется так сказать «от противного». Действительно, на этом уровне не требуется вовлечения всей метакогнитивной сферы, что вытекает из сущности тех деятельностных задач и функций, которые представлены на субсистемном уровне организации. Однако, на этом уровне столь же объективно недостаточно опоры и на какой-либо один компонент этой сферы, то есть данная сфера не может быть здесь представлена на компонентном уровне. Следовательно, не остается ничего другого, кроме заключения, согласно которому данный уровень может быть представлен только как промежуточный между общесистемным и компонентным уровнем. Однако, именно таким уровнем и является субсистемный уровень организации метакогнитивной сферы, на котором локализованы ее основные подсистемы. Важно и то, что они формируются под определяющим воздействием собственно деятельностной детерминации. Как мы показали выше,

состав, и содержание, организация и динамика этих подсистем, фактически, полностью воспроизводит весь комплекс собственно деятельностиных детерминант. Причем, они не просто внешним образом оказывают детерминацию, но и, фактически, включаются – «встраиваются» в его содержание, конституируют его. Тем самым, вновь эксплицируется факт принципиального плана – между системой деятельности и метакогнитивной сферой как ее «составляющей» имеют место отношения «встраивания». Сама же эта сфера вновь демонстрирует свою принадлежность к специфическим системам со «встроенным» метасистемным уровнем. Между ней и деятельностью складываются все те сложные, не вполне традиционные отношения, которые характерны для такого рода систем как одной из типичных представителей систем неклассического типа, принадлежащих к постсистемным образованиям. Напомним, что именно они и были спрогнозированы нами в процессе теоретического анализа и выступили как гипотетические; в свете представленных материалов они получают свое комплексное подтверждение.

Далее, аналогичная конгруэнтность существует и по отношению следующей «паре» однопорядковых уровней двух рассматриваемых структур – компонентных. Действительно, как было показано выше, по отношению к структуре деятельности он представлен ее основными единицами, то есть компонентами в строгом смысле этого понятия – базовыми, «первичными» компетенциями. В их качестве выступают компетенции по реализации таких – критически важных для организации и реализации деятельности функций, как целеобразование, мотивирование и самомотивирование, принятие решений, планирование, прогнозирование, программирование, контроль, коррекция. Их сущность состоит в том, что они являются основой для реализации основных деятельностиных функций, которые обезволены психологической архитектурой деятельности. Можно видеть, однако, что их важнейшей особенностью является то, что они непосредственно сопряжены с такими образованиями, которые носят не просто процессуальный характер, но являются именно «вторичными». Ими являются качественно специфические процессы, обозначенные нами понятием *интегральных* процессов. Более того, они не просто сопряжены с этими процессами, но и дифференцируются именно на основании их совокупности. Они составляют базу – фактически, онтологию самих этих компетенций, лежат в основе их функционирования. Очень

значимо в этой связи именно то, что интегральные процессы являются, во-первых, принципиально составными, синтетическими и, следовательно, «вторичными», производными от синтеза иных, «первичных» процессов. Тем самым они демонстрируют принципиальную общность со всеми иными классами «вторичных» процессов – в том числе, и с метакогнитивными, которые также являются принципиально «вторичными». Во-вторых, они реализуют и принципиально сходные с ними функции – регулятивные, причем, направленные на реализацию этих – регулятивных функций не только к самой когниции, но и к регуляции, к исполнению. Они, собственно говоря, именно поэтому и выступают уже не только в их метакогнитивной функции (как регуляторы когниции), но и в метарегулятивной функции. В-третьих, в них не просто имеет место, но и лежит в основе их формирования тот же принцип, который наиболее специфичен для конституирования всех образований метакогнитивного плана – принцип функциональной обратимости. В них происходит комплексование ряда «первичных» процессов, причем, не только когнитивных, в результате чего они реализуют их потенциал по отношению к организации других. Тем самым, однако, и возникает феномен функциональной обратимости: они трансформируют свой статус из исходного – операционного во вторичный – операндный; становятся уже не собственно операционными средствами – тем, *что* оперирует, а тем, *на что* направлено это оперирование. Точнее, в структуре интегральных процессов оба этих статуса «первичных» процессов – операционный и операндный не только чередуются, но и синхронизируются, что придает им еще бóльшую комплексность. Это, в свою очередь, с высокой степенью очевидности подчеркивает наиболее принципиальное обстоятельство: они соотносятся именно с компонентным уровнем организации метакогнитивной сферы, поскольку выступают классическими образцами именно компонентов, а не подсистем и не элементов. Наконец, очень важно и то, что все они являются, фактически, непосредственно производными от структуры и содержания самой деятельности. Более того, они и составляют ее подлинную онтологию. Следовательно, в них и через них сама эта структура, вся деятельность органично включается – функционально «встраивается» в метакогнитивную сферу, конституируя ее. Тем самым вновь подтверждается и наиболее принципиальное положение о принадлежности этой сферы к категории систем со «встроенным» метасистемным уровнем.

Наконец, при обращении к заключительной «паре» однопорядковых уровней рассматриваемых структур – элементных также обнаруживается их конгруэнтность как в содержательном плане, так и в плане принципов их организации. Так, по отношению к деятельностной структуре на данном уровне локализованы ее основные единицы – компоненты деятельности, в качества которых выступают не ее базовые компетенции, а то, из чего они сами складываются – элементы. Однако, с точки зрения развитых выше представлений о микроструктурной организации их самих, они включают в себя такой важнейший элемент, каковым выступают *знания*, прежде всего, процедурального типа. Кроме того еще одним базовым элементов выступают основные, формирующиеся в ходе освоения деятельности *навыки* (они по отношению к информационной деятельности обозначаются понятием *digital-skills*). Известно также, что именно эти два элемента – знания и навыки во многом и образуют классическую «ЗУНовскую триаду», которая является важнейшей «составляющей» компетенций как таковых. Однако, трудно не видеть того очевидного обстоятельства, согласно которому на аналогичном – элементном уровне организации самой метакогнитивной сферы определяющую роль играют именно эти же образования – точнее, их функциональные аналоги. Дело в том, что, как было показано выше, важным механизмом, лежащим в основе формирования данного уровня, является когнитивно-операционная обратимость, при котором сами знания трансформируются в одни из своих функциональных аналогов – в форму операций. Они сами становятся операциями, что и лежит в основе обретения ими процедуральности – «потенциала действия». Эта аналогичность проявляется и в том, что они именно в этом своем статусе и входят в состав метакогнитивной сферы – посредством них осуществляется функционирование одной из двух важнейших «составляющих» этой сферы – метапознавательной, связанной с организацией и реализацией систем знаний и метазнаний.

Следовательно, само понятие операций и те исходно деятельностные механизмы, которые лежат в их основе, фактически, также мультиплицируются в организации метакогнитивной сферы, обеспечивая ее важнейшую сторону – функционирование процедуральных знаний. Наряду с этим, было показано также, что очень важную и специфическую для информационной деятельности роль в плане ее организации и регуляции – прежде всего, метакогнитивной играют

и такие образования, которые складываются у субъекта на допрофессиональных фазах (хотя потом их формирование не прекращается, а запараллеливается с освоением деятельности). – то, что обозначится как digital-skills. Сформировавшись на этих фазах, они в дальнейшем функционируют в структуре деятельности и ее регуляции – в том числе, метакогнитивной как «фон», как нечто необходимое и обязательное – само собой разумеющееся, то есть как нечто автоматизированное – в форме навыков. Тем самым можно видеть, что и этот важный и специфически деятельностный элемент – навыки также, во-первых, эксплицируется как «составляющая» элементного уровня метакогнитивной сферы; во-вторых, в содержательном плане в их качестве выступают исходно деятельностные образования. Тем самым вновь выявляется «встраивание» системы деятельности в метакогнитивную сферу, в результате чего опять эксплицируется ее принадлежность к системам со «встроенным» метасистемным уровнем.

В отношении данного заключения следует отметить также, что оно сопряжено с очень общим вопросом, который является традиционным для большинства гносеологических процедур концептуальной направленности в целом и для системной методологии, в частности. Это – вопрос о соотношении собственно гносеологической экспликации предмета исследования и его реальной онтологии. В системной методологии он конкретизируется до вопроса, сущность которого состоит в том, является ли, действительно, тот или иной объект системой как таковой или же он может быть представлен как система? Выступает ли его системная концептуализация отображением реальной онтологии объекта или же является средством конструктивного плана, служащего собственно познавательным целям? В данной формулировке этот вопрос близок к ключевой проблеме конструктивизма как одного из значимых философских направлений и его оппозиции в отношении объективизма. По отношению к рассматриваемой здесь проблеме он конкретизируется до следующего вида: является ли, действительно, метакогнитивная сфера личности системой со «встроенным» метасистемным уровнем и выступает ли она, следовательно, как некоторая онтологическая «составляющая» психики; или же данная сфера является удобным концептуальным средством, позволяющим адекватно интерпретировать некоторые значимые закономерности регуляции деятельности? По-видимому, ответ на этот вопрос, равно как и на иные – подобные ему, то есть очень сложные вопросы,

не может формулироваться по принципу «или-или», а должен решаться на основе принципа «и-и», то есть на основе принципа дополнительности. Метакогнитивная сфера, с одной стороны – как *понятие* является концептуальным средством интерпретирующим и раскрывающим реальную онтологию важной части психического. В этом плане она выполняет собственно гносеологические функции и в известной степени направлена именно на конструирование познавательных процедур и их итоговых проявлений. С другой стороны, она все же выступает и несомненной *реальностью*, то есть отображает столь же несомненный пласт реальной онтологии психического, причем, такой, который является, пожалуй, наиболее несомненной, хотя и субъективной, но все же реальности. Это коренится в атрибутивной соотнесенности всех метакогнитивных процессов и структур с феноменом сознания, которое как раз и выступает наиболее непосредственной и несомненной субъективной реальностью.

Естественно, что ни процесс, ни результаты формирования метакогнитивной сферы не должны быть представлены как нечто, направленные на складывание в структуре психики какого-то особого, отчлененного и дифференцированного по отношению к иным ее компонентам структурного, морфологического и тем более – автономного (даже относительно) образования. Принцип ее формирования радикально иной: как показано в параграфе 3.3.1., он состоит в том, что многие «составляющие» психики, многие структурные образования деятельности, в силу присущей им *функциональной обратимости*, могут трансформироваться в вид, который и релевантен статусу метакогнитивных образований. Они, оставаясь самим собой, одновременно обретают и новые функции – метакогнитивные и метарегулятивные, что, собственно говоря, и зафиксировано в фундаментальном системном механизме «удвоения качеств». Как принято выражаться в подобных случаях, «природа не могла позволить себе роскоши» формирования в составе психического специфических образований *конкретно* предназначенных для реализации, хотя и очень значимых, но все же *частных* функций. Принцип его организации иной: базовый набор его структур, а также каждая из входящих в него «составляющих» может обретать и обретает все новые функции, конституируясь при этом как полифункциональное образование. Синтез тех или иных специфических функций дает в результате соответствующее объединение также функционального типа – в данном случае метакогнитивную сферу

личности. В этом смысле, действительно, психическое «встраивается» в определенную функциональную подсистему самой себя: точнее, само психическое не просто «встраивается» в нее, а в значительной мере его строит – конституирует как необходимый для реализации деятельности «функциональный орган». Это выступает следствием того общего положения, когда «функция определяет структуру», когда функциональные задачи лежат в основе генезиса адекватных им структурных образований.

Более того, можно предположить, что такое формирование осуществляется на основе очень общего и важного механизма, установленного по отношению ко многим иным образованиям, особенно деятельностного плана. Это – механизм *оперативности*, поскольку в свете представленных выше материалов как раз и эксплицируется тот факт, что целый ряд базовых процессов и структур психического потому и обретает статус метакогнитивных, что реализует соответствующие функции. Тем самым через эту реализацию, под влиянием специфических для нее требований они обретают соответствующие качества, то есть подвергаются операционализации – тонкому и точному приспособлению к этим функциям. В силу этого, можно заключить, что и сам механизм оперативности может быть распространен на новую для всей концепции оперативности область – на область метакогнитивизма. Это позволяет определить дополнительное направление включения самого метакогнитивизма в проблематику деятельности в целом и профессиональной деятельности, в частности; направление синтеза метакогнитивизма с психологической теорией деятельности.

Итак, обобщая изложенное, можно заключить, что между общей структурой деятельности и структурой метакогнитивной сферы, действительно, существуют закономерные связи и взаимодействия. Причем, они являются весьма глубинными и множественными, существуя и проявляясь в нескольких взаимодополняющих планах. Во-первых, в наиболее общем виде эта взаимосвязь состоит в очень выраженном сходстве, доходящем до степени подобия, этих структур, состоящая как в идентичности их состава, так и в конгруэнтности принципов организации. Фактически, между ними эксплицируются отношения *изоморфизма*, что объясняется общностью психологической природы тех «носителей» которые в них представлены – деятельности и метакогнитивной сферы. Во-вторых, этот изоморфизм складывается из *двух* «составляющих». Первая – это прин-

ципиальное подобие всех пяти «пар» однопорядковых уровней этих структур. Вторая – это общее, то есть структурное подобие всей совокупности пяти уровней друг с другом, то есть именно структурное, а не парциальное подобие. В-третьих, эта взаимосвязь проявляется и в том, что структурные уровни метакогнитивной сферы, с одной стороны, атрибутивно *производны* от однопорядковых с ними уровней деятельности и, более того, конституируются ими. Однако, с другой стороны, сами ее уровни, формируясь в профессиогенезе, ассимилируются деятельностью и начинают выступать как «составляющие» ее собственных уровней. Таким образом, имеет место обмен содержанием и принципами организации между этими структурами. В-четвертых, наиболее важной в плане развиваемого здесь подхода является еще одна выявленная закономерность взаимосвязи этих структур. Она состоит в том, что вторая – метакогнитивная сфера весьма отчетливо и многопланово эксплицирует свою принадлежность к системам со «встроенным» метасистемным уровнем; поясним сказанное. В процессе рассмотрения на каждом уровне отчетливо проявлялся факт того, что важнейшие «составляющие» системы деятельности функционально включаются – «встраиваются» в содержание метакогнитивной сферы и, более того, конституируют ее.

Так, особенно отчетливо это представлено по отношению к включению в состав метакогнитивной сферы таких деятельностных детерминант, как *soft-skills*. Следовательно, система деятельности мультиплицируется в составе и содержании метакогнитивной сферы и, в частности, в ее структурно-уровневой организации. Она не просто «встраивается» в нее, но само это встраивание носит сложный и дифференцированный характер, разворачиваясь на основе принципов *уровневой* организации. Имеет место не просто мультиплицирование деятельности в метакогнитивной сфере, но мультиплицирование *уровневое*, точнее, реализуемое на *уровневом* принципе. Между ними складываются не вполне обычные привычные отношения, во многом непохожие на те, которые описаны в теории систем применительно к их традиционным разновидностям. Несколько схематизируя, по отношению к этим двум системам – деятельности и метакогнитивной сфере можно привести выражение, согласно которому они «состоят друг из друга». Это, конечно, не вполне понятно с точки зрения *формальной* логики, но как нельзя лучше соответствует *реальности*, которая, как известно, богаче любых ее концептуализацией, а «жизнь

психического выше принципов его организации». Тем самым получают свое развитие и общепсихологические представления о механизме мультиплицирования, который, как известно, имеет важное значение для целого ряда предметов исследования. Наконец, это является и решающим доказательством наиболее общего положения, составляющего основу проведенного анализа, – положения о принадлежности метакогнитивной сферы именно к системам данного класса. Поэтому оно должно рассматриваться и как доказательство конструктивности того методологического подхода, который был реализован при этом и привел к данному результату – метсистемного.

Глава 5. Методические аспекты исследования метакогнитивной регуляции информационной деятельности

5.1. Проблема метода в структуре метакогнитивизма

Одним из основных положений методологии научного познания в целом и психологического, в частности, является тезис о тесной взаимосвязи и взаимозависимости *предмета* и *метода* исследования [245]. Более того, они находятся в таких отношениях, которые характеризуются взаимной обусловленностью и взаимной детерминированностью – тем, что обозначается понятием диалектики предмета и метода. Это положение, носящее, действительно, очень общий и даже всеобщий характер, разумеется, в полной мере относится и таковому значимому направлению современной психологии, как метакогнитивизм. Методический аппарат, исследовательский инструментарий, который складывается в нем и развивается вслед за его собственным развитием, обусловлен представлениями о его предмете, которые постепенно формулируются и эволюционируют в нем. Причем, это относится и к содержательным аспектам данных представлений, и к степени их глубины, к уровню развития.

В свете такой взаимной детерминированности наиболее принципиальными являются три следующих обстоятельства. Во-первых, как мы отмечали по ходу предшествующего изложения, сам метакогнитивизм не только может, но и должен быть понят как своеобразный ренессанс психологии сознания. Действительно, с современной точки зрения основные метакогнитивные процессы понимаются в качестве парциальных процессуальных «составляющих» сознания. Следовательно, их изучение в существенной мере тождественно самой психологии сознания. В силу этого, вполне закономерно, что с момента его возникновения и по сей день в структуре его методологии и в системе конкретных методов и процедур доминирующее место занимают методики *интроспективного* типа, то есть определяющим подходом к изучению его проблематики выступает собственно интроспективная методология. Конечно, имеют место и иные подходы и способы; речь поэтому может идти только о *доминировании* интроспективных методик, которое, однако, выражено весьма отчетливо. Все основные

существующие сегодня методики метакогнитивизма – это методики *опросного* типа – методики «субъективного отчета» и опросники как таковые, причем, представленные в тех вариантах, которые группируются в рамках так называемого прямого подхода, то есть являющиеся «разгаданными испытуемыми в отношении их диагностического смысла» [83].

Во-вторых, с этой особенностью связано то, что первичный – «сырой» эмпирический материал, на основе которого базируются все иные – в том числе и концептуальные построения метакогнитивизма, также специфичен: в его качестве по понятным причинам выступают данные собственно *феноменологического* плана – феноменология как специфическое содержание сознания, как его эмпирика. Это – то, что и составляет специфическую «феноменологию духа» в прямом смысле – феноменологию реальности, но отнюдь не объективной, а *субъективной*. В силу этого, очень существенное место в методологии метакогнитивизма занимают и различные экспликации феноменологического подхода как такового.

В-третьих, на развитие представлений о методах исследования метакогнитивизма существенное влияние оказала и общая логика его развития в целом – те традиции, которые складывались и эволюционировали в его русле. Одной из основных среди них, как отмечалось выше, является то, что он с момента своего возникновения имел и продолжает сохранять подчеркнуто *внедеятельностный* характер, что является непосредственным следствием аналогичной особенности всей когнитивной психологии.

Все эти, а также иные – производные от них особенности необходимо учитывать при определении методических средств исследования метакогнитивной регуляции информационной деятельности. Кроме того, следует учитывать и ряд других – в том числе и исторически обусловленных особенностей представлений в данной области. В целом, до настоящего времени методология исследований метакогнитивизма является все еще недостаточно разработанной. Это обстоятельство определяется двумя основными причинами: относительной молодостью самого этого направления и особенностями исторического развития этого направления. Так, основные методологические проблемы рассматривались «ранними» авторами, в основном, – до начала 1990-х гг. (Borkovski, Brown, Flavell [289, 292, 325]). Впоследствии метакогнитивное направление разделилось

на большое количество различных течений, исследующих, в основном, частные и прикладные аспекты метапознания в тех или иных сферах деятельности. Это и обусловило снижение интереса к общеметодическим и методологическим вопросам исследования метакогнитивных феноменов. Вместе с тем, естественно, что в общем плане проблема методологических оснований исследования метапознания чрезвычайно актуальна, особенно в связи с диверсификацией исследований, которая наблюдается на современном этапе. Анализ современного состояния психологии метапознания позволяет выделить пять групп проблем теоретико-методологического плана, от решения которых зависит дальнейший прогресс метакогнитивного направления. Эти проблемы по степени убывания масштаба можно условно обозначить как теоретические, процессуальные, методические, диагностические, функциональные и феноменологические.

Теоретические проблемы касаются, в первую очередь, понимания онтологии метапознания, его генезиса, структурно – функциональной организации.

Процессуальные проблемы метакогнитивной психологии включают в себя, в первую очередь, особенности организации исследования метапознавательных феноменов. Природа метакогнитивных процессов задает специфику их эмпирического и экспериментального изучения.

Диагностические проблемы направлены на решение двух основных задач:

– диагностику когнитивных стилей в естественных условиях учебной и профессиональной деятельности;

– определение взаимосвязей когнитивных факторов с эмоциональными, мотивационными, регуляторными факторами, сопровождающими познание субъекта.

Методические проблемы связаны с решением следующих задач:

– дифференциация обучения школьников в зависимости от сформированности стиля;

– обучение в соответствии со стилями или научение системе стилей – средств (расширение набора стилевых средств);

– овладение школьниками метапознанием, то есть знаниями особенностей собственной когнитивной деятельности;

– выбор методов обучения в зависимости от стиля педагога (обучающего) и стиля ученика (обучаемого).

Функциональные проблемы включают комплекс вопросов о соотношении компенсирующей, развивающей и обучающей функций когнитивного обучения и регуляции как таковой. На первый взгляд, обозначение этих проблем приносит дополнительное усложнение в практику преподавания. Однако отечественные и зарубежные исследования показывают необходимость учета современных достижений когнитивной психологии.

Феноменологические проблемы включают вопросы, связанные с выявлением различных метакогнитивных феноменов (эффектов), их последующим углубленным изучением и выявлением определенных закономерностей, в том числе системного плана. Эта категория методологических основ метакогнитивизма является относительно новой и требует углубленной систематизации.

В то же время, рассматривая проблему метода исследований в метакогнитивизме, важно остановиться еще на одном аспекте, носящем не собственно методический, а более общий – методологический характер. Он связан с соотношением понятий метакогнитивных *процессов* и метакогнитивных *качеств* как основных в большинстве исследований в метакогнитивизме. При этом следует опираться на один из главных методологических принципов – принцип единства процессуального и результативного уровней изучения. Согласно ему, любое психическое явление имеет две стороны, два аспекта – процессуальный и результативный. Поэтому оно может изучаться и в том, и в другом из них. Любой процесс выражается – «кристаллизуется» в результате; результат же выступает как итоговая, завершающая сторона процесса. В свою очередь, сам результат того или иного процесса имеет две стороны. Первая – внешняя связана с теми поведенческими и деятельностными эффектами, к которым он приводит. Вторая – внутренняя связана с теми психическими качествами, которые формируются на основе обобщения и генерализации осуществления того или иного процесса, с уровнем его эффективности (С. Л. Рубинштейн [218]). Тем самым любой психический процесс находит свое выражение в каком-либо психическом качестве. Например, мнемические процессы находят своей результативное проявление в уровне развития соответствующих качеств – мнемических, лежат в основе мнемических способностей. Мышление как процесс также «кристаллизуется» в определенном качестве, способности – интеллекте и др. Таким образом, при изучении качеств

одновременно изучаются и процессы, связанные с ними. Следовательно, через изучение качеств возможно изучение процессов, и наоборот. Важно и то, что изучение именно метакогнитивных качеств, а не соответствующих им процессов, как отмечалось выше, является и значительно более реализуемым с методической точки зрения. Они более доступны изучению – более операциональны. Закономерно поэтому, что подавляющее большинство существующих в настоящее время в метакогнитивизме методик направлено на изучение именно метакогнитивных *качеств*, а не процессов. Кроме того, через качества, то есть опосредствованно, возможно изучение и самих метакогнитивных процессов. Необходимо иметь ввиду также, что именно результативный аспект (и уровень) вступает относительно более простым, а изучение той или иной проблемы начинается поэтому с него, переходя затем к более сложному – процессуальному уровню. Помимо этого, важно также понимать, что метакогнитивная сфера личности не ограничивается только метакогнитивными процессами и качествами личности. По своему содержанию это гораздо более широкое, разноплановое и комплексное образование, включающее также различные метакогнитивные стратегии, приемы, умения, феномены и т. д. Именно по причине необходимости осуществления интегрального описания всех компонентов метакогнитивной сферы нами и было введено данное понятие.

Итак, как относительно молодое направление исследований, метакогнитивизм на современном этапе своего развития сталкивается с проблемой общих методологических оснований, лежащих в основе выбора или создания методов исследования метапознавательных феноменов. Как отмечают Metcalfe and Shimamura, основной методологической проблемой при исследовании метакогнитивности является проблема объективности и точности метакогнитивных суждений [377]. В экспериментальной ситуации достаточно трудно оценить истинную глубину и точность суждения. Это связано с двумя основными феноменами – чувством знания и иллюзией знания. Феномен чувства знания в большей степени исследован экспериментально как эксплицитное или имплицитное метакогнитивное суждение о вероятности полной актуализации определенной информации. Чувство знания позволяет субъекту определить местоположение информации в структуре ментального пространства и степень усилия, необходимого для извлечения этой информации. Большинство исследователей дан-

ного феномена сталкиваются с проблемой оценки степени точности суждений в рамках феномена чувства знания. По различным данным оценка возможности актуализации информации и реальная актуализация совпадают на 40–70 %, то есть существует достаточно сильная погрешность в точности оценки знаний.

Еще одним феноменом, существенно осложняющим оценку метакогнитивных суждений, выступает иллюзия знания. Glenberg и Epstein исследовали точность самооценки уровня понимания текста (по [121]) В эксперименте испытуемым предлагался для прочтения текст, после чего давалась инструкция оценить, насколько хорошо они поняли и запомнили прочитанное. На следующем этапе исследования испытуемым предъявлялись пары утверждений, перефразирующих содержание одного из абзацев текста, и предлагалось выбрать верное и неверное утверждение. Как и в первом случае, степень совпадения оценки уровня понимания текста и успешности выполнения экспериментального задания оказалась невысокой – в пределах 50–60 %. Таким образом, одной из серьезных проблем на пути исследования метакогниции выступает необходимость определения специфических измеряемых индикаторов точности метакогнитивных суждений.

Не менее важной методической проблемой исследования метапознания выступает *полистратегичность* метакогнитивного поведения, практически исключая возможность точного повторения опытов в ситуации экспериментального исследования. Это обусловлено двумя причинами. Во-первых, одна и та же заданная экспериментатором задача или проблемная ситуация в любом случае может быть разрешена с помощью нескольких метакогнитивных стратегий. Как показали проведенные нами исследования, существует такой интегральный показатель продуктивности интеллектуальной деятельности как сочетание количества и вариативности когнитивных и метакогнитивных стратегий. Это позволяет субъекту для решения одной и той же задачи по-разному комбинировать имеющиеся в его арсенале стратегии. Во-вторых, сами метакогнитивные стратегии не статичны. Они могут видоизменяться с течением времени – усложняться или упрощаться, трансформироваться, объединяться с другими стратегиями, переноситься на более широкий спектр проблемных ситуаций и т. п. Формирующие эксперименты также убедительно демонстрируют высокую пластичность метапознавательных стратегий.

Важнейшей методической проблемой исследования метапознания выступает, далее, подбор адекватного предмету исследования стимульного и методического материала. Традиционно при осуществлении исследований метакогнитивных процессов используются математические и логические задачи различного уровня сложности, а также коммуникативные проблемные ситуации и различного рода опросники. Каждый из этих типов материала имеет как свои преимущества, так и ограничения. В решении задач и преодолении коммуникативных ситуаций актуализируются процессы, по существу, всех уровней (в частности, и «первичные, и «вторичные» – метакогнитивные). Поэтому вычленение метакогнитивных процессов в «чистом виде» в рамках стандартной процедуры «мышления вслух» достаточно затруднительно и требует специальной подготовки исследователя. При использовании опросных методов существенные сложности возникают в связи с феноменами, искажающими истинность самооценки метакогнитивных способностей описанными выше (например, с феноменом иллюзии знания). Таким образом, представляется целесообразным сочетание опросных методов и задач для решения вслух, как это предлагает, например, методика Д. Эверсон (по [121]).

Итак, на современном этапе, при всем стремлении к объективному изучению особенностей переработки информации, основными методами, используемыми представителями метакогнитивного направления остаются опросный метод, метод субъективных отчетов (интроспекция) и феноменологический анализ метакогнитивных стратегий. Самонаблюдение позволяет выявлять и описывать метакогнитивные стратегии, а феноменологический анализ дает информацию о специфике субъективного проживания состояния метакогнитивной активности, аффективных и волевых компонентах, сопровождающих процессы саморегуляции познания. Длительное время (до начала 1990-х гг.) в исследованиях метапознавательных процессов преобладал метод «мышления вслух», а также метод клинической беседы, применяемый последователями Ж. Пиаже для анализа генезиса метакогнитивных процессов у детей. В начале 1990-х гг., когда наметился процесс отхода от общепсихологических исследований метапознания к прикладным исследованиям «под задачи» образования, нейропсихологической практики, управления, стали создаваться методики и стандартизированные процедуры исследования, позволяющие количественно измерить уровень развития метапознания.

Все это свидетельствует о том, что в последние десятилетия наметилась тенденция к постановке проблемы существования некоторого ограниченного числа факторов, определяющих эффективность метапознания и механизмов, обеспечивающих его осуществление. От вариантов решения этой проблемы зависит создание диагностического инструментария, позволяющего психометрически оценить особенности метапознания каждого отдельно взятого испытуемого. За последние годы в рамках метакогнитивного направления было предпринято несколько попыток создания опросников, выявляющих уровень развития метакогнитивных функций.

Одной из первых тестовых методик такого плана стала методика MIA (Metamemory in Adults), созданная в 1987 г. Р. Диксоном и Халтчем [306]. Эта методика направлена на диагностику выраженности у взрослых испытуемых базовых компонентов метапамяти. В 1996 г. Дж. Сальдер-Смит разработал модель, раскрывающую взаимоотношение между основными детерминантами метапознания: личностью, когнитивными стилями, стилями обучения и познавательными стратегиями (по [121]). Эта модель основана на модели «луковицы» предложенной Кюри в 1989 г. для описания индивидуальных различий. Согласно данной модели, «сердцевиной» метапознания и его основной детерминантой выступают личностные особенности; вторым слоем – когнитивные стили; третьим – стили обучения; и, наконец, внешним слоем являются познавательные стратегии. Для диагностики этой сложной структуры используются три психодиагностических инструмента доказавших свою надежность и валидность:

1. «Анализ когнитивных стилей» (Р. Райдинг), позволяющий определить индивидуальные предпочтения в переработке и репрезентации информации.

2. «Тест подходов к обучению» (Д. Энтуистл), позволяющий определить охват и особенности стратегической организации процесса познания.

3. Тест Майерс-Бриггс, диагностирующий тип личности.

Надежные результаты, согласно D. Everson, позволяет получить двухэтапная модель эмпирического исследования метапознания. В основе модели лежит базовое положение о том, что основными компонентами метапознания выступают планирование, самопроверка, отслеживание мыслительных процессов, выбор и применение

когнитивных стратегий. На первом этапе исследования испытуемому предъявляется серия заданий в форме теста для диагностики способности к решению математических или логических задач. В процессе решения дается инструкция «размышлять вслух», «проговаривать свои умственные действия». Все высказывания испытуемого протоколируются и впоследствии анализируются, вычленяются метакогнитивные высказывания. На втором этапе испытуемого просят ответить на вопросы, оценивающие особенности его работы над тестовыми заданиями. Опросник содержит 20 вопросов, направленных на диагностику четырех указанных компонентов метапознания.

В структуре разработанных к настоящему времени методов диагностики компонентов метакогнитивной сферы целесообразно выделять ряд основных групп. *Первая* из них является наиболее общей, охватывающей вопросы измерения уровня выраженности нескольких метакогнитивных качеств и других параметров. К ней следует отнести, например, «карту интерактивного наблюдения познавательного стиля» (IOSI), включающую несколько объективно наблюдаемых критериев, по которым субъект может рассматриваться и изучаться как носитель определенного познавательного и метапознавательного стиля. Кроме этого, в этой же группе методов выделяется одна из первых тестовых методик в рамках изучения метапознания – методика MIA (Metamemory in Adults), созданная в 1987 г. R. A. Dixon [306]. Она направлена на диагностику выраженности у взрослых испытуемых базовых компонентов метапамяти. Наиболее популярной в большинстве работ, посвященных исследованию метакогнитивной сферы личности как в отечественной метакогнитивной психологии, так и за рубежом, является опросник метакогнитивной включенности в деятельность (Metacognitive Awareness Inventory, MAI). Он же, возможно, представляет собой одно из самых действенных средств диагностики метакогнитивной сферы. Именно в силу этого, популярность его применения так высока. Помимо представленного названия, в литературе также встречается и такое ее название, как «Опросник метакогнитивной осознанности» (ОМО). Наряду с этим, существует методика под названием «Шкала самооценки метакогнитивного поведения», разработанная Д. Ла Коста (см. обзор в [121]) и служащая, по существу, средством определения уровня сформированности метакогнитивных стратегий в ситуации целенаправленного обучения. Она же является и средством диагностики «профиля» метакогнитив-

ных стратегий у специалистов, использующих их в профессиональной деятельности. И, наконец, еще одной методикой, диагностирующей широкий комплекс стратегических характеристик метапознания, является опросник Д. Эверсон (по [89]). Его целесообразно применять после работы испытуемого над каким-либо заданием (математическим, работой с текстовыми массивами и т. д.). Данная методика служит достаточно конструктивным средством, позволяющим отследить процессуальные характеристики метакогнитивной сферы личности по завершении работы с тем или иным материалом.

Вторая группа в методическом инструментарии метакогнитивизма направлена на диагностику рефлексивности, как базового свойства личности в ее различных видах и типах, в основных формах проявлениях. Известно, что имеет место тесная связь самой сущности рефлексивных процессов с метакогнитивными процессами в целом. Более того, в целом ряде работ, в том числе наших, подчеркивается, что рефлексия, исходя из ее основных характеристик и особенностей, правомерно рассматривать именно как метакогнитивный процесс высокой степени интегративности. Рассматривая исследования рефлексивных процессов в метакогнитивизме, необходимо отметить, что настоящее время в метакогнитивной психологии рефлексивность рассматривается не только как когнитивно-стилевая характеристика, но и как базовый регулятивный компонент метакогниции в целом. Согласно определению Y. Вгьер, рефлексивность представляет способность к мышлению о мышлении, к мониторингу и контролю умственных действий (по [89]). Автор также выделяет следующие рефлексивные навыки: предвидение вариантов исхода проблемной ситуации, перепроверка хода решения задачи, генерализация полученных решений на более широкий спектр проблемных ситуаций. Y. Karaliotas выделяет три типа ситуаций в рамках активности субъекта, «запускающих» рефлексивные процессы – неопределенность, препятствие и неожиданное для индивида развитие ситуации (по [8]). Вместе с тем, анализируя специфику организации рефлексивных процессов в структуре психики, канадский исследователь M. Ferrari предлагает следующую иерархию психических процессов: 1. Аналитический уровень первичных познавательных процессов, частично доступный контролю со стороны сознания; 2. Рефлексивный уровень, который составляют процессы сознательного контроля когниции; 3. Уровень метасознания, отвечающий

за сознательное построение жизненного пути индивида. К процессам этого уровня автор также относит рефлексию второго и более высоких порядков (по [320]).

В то же время, можно видеть, что в последние десятилетия в исследованиях рефлексии как метакогнитивного процесса сложились два основных направления: первое рассматривает развитие рефлексии в структуре самооценки; второе трактует рефлексию как автономное образование в структуре личности. D. Schunk утверждает, что о сформированности рефлексивных процессов речь может идти тогда, когда в структуре самосознания сложились такие функции как самооценивание, самоатрибуция и самоадаптация (по [121]). И наконец, указывая на относительную автономность рефлексивных процессов в структуре психики, X. Lin предлагает выделять следующие стратегии их целенаправленного формирования у подростков и взрослых: экспликация стратегий решения мыслительных задач; направление внимания на отслеживание мыслительных операций; обучение «рефлексивной интроспекции»; создание коммуникативных ситуаций, в рамках которых должны задействоваться рефлексивные процессы; подражание модели (по [89]).

К основным методическим средствам, направленным на выявление уровня выраженности рефлексивности в ее различных проявлениях, необходимо относить следующие:

1. Методика диагностики уровня рефлексивности (А.В. Карпов, В. В. Пономарева [97]), диагностирующая общий уровень выраженности рефлексивности, а также ряд ее парциальных проявлений – ретроспективную, актуальную, перспективную рефлексивность, а также само- и социорефлексивность. Рефлексивность, как личностное метакогнитивное качество может быть представлено у человека по степени выраженности на трех уровнях (высокоразвитая, средняя и слаборазвитая рефлексивность).

2. Методика уровня выраженности и направленности рефлексии М. Гранта, позволяющий оценить уровень выраженности рефлексивности субъекта разной направленности. Соответственно, опросник состоит из двух шкал – саморефлексии (ауторефлексии) и социорефлексии.

3. Тест рефлексии деятельности (В. Д. Шадриков, С. С. Кургинян [267]), представляющий собой метод психологической диагностики рефлексии деятельности на основе системогенетической концепции,

согласно которой эффективность выполнения субъектом деятельности выражается, в частности, и в развитости его рефлексии по отношению к отдельным конструктам этой деятельности.

4. Опросник «Дифференциальный тип рефлексии» (авторы Д. А. Леонтьев, Е. М. Лаптева, Е. Н. Осин, А. Ж. Салихова [161]). Он основан на том, что в настоящее время в психологии накоплен ряд эмпирических данных, свидетельствующих о негативных эффектах рефлексивных размышлений, связанных с сосредоточением на симптомах дистресса, возможных причинах и последствиях этих симптомов. Получены многочисленные эмпирические подтверждения связи рефлексивных размышлений с депрессией, дезадаптивными стилями совладания, пессимизмом, нейротизмом, а также их обратной связи с успешностью в решении задач и социальной поддержкой.

5. Методика Дж. Кагана (тест «Сравнение похожих рисунков» (The Matching Familiar Figures Test – MFF),) применяемый, в частности, для диагностики когнитивного стиля импульсивность – рефлексивность.

Третья группа методов диагностики параметров метакогнитивной сферы личности связана с процессом обучения и является одной из самых больших по объему методических средств. Во многом, это обусловлено тем, что изучение метакогнитивных процессов и качеств личности, метакогнитивных стратегий, умений, навыков и др. в контексте обучения и образования является в настоящее время наиболее приоритетным направлением в метакогнитивной психологии в целом. Вместе с тем, основной тенденцией развития современного метакогнитивизма является его все более полное обращение именно к сфере обучения, образования, а также к тем факторам, которые их определяют и, естественно, к обучаемости, в первую очередь. Наряду с этим, можно сказать, что основные компоненты метакогнитивной сферы лежат в основе не столько обучаемости, сколько *самообучаемости*. Способность к формированию и развитию метакогнитивных качеств, по-видимому, во многом и составляет самообучаемость как таковую. В то же время, в ходе такого метода, как *коучинг*, применяются специфические метакогнитивные технологии, развивающие самосознание и механизмы внутриличностного отслеживания, такие как самомониторинг, когнитивное реструктурирование, идентификация когнитивных ограничений и «помех» на пути мышления, рефлексирование успешного познавательного опыта, совладание с негативными эмоци-

ональными состояниями, ментальное репрезентирование и т. п. Важно также подчеркнуть, что еще одной тенденцией изучения метапознания в процессе обучения является расширение его сферы действия с выборки младших школьников, дошкольников и подростков на испытуемых, обучающихся в вузе, проходящим повышение квалификации и другие варианты профессионального обучения. В первую очередь, в третьей группе методов следует отметить, специальные *программы целенаправленного формирования метакогнитивных стратегий*. Так, на основании результатов своих исследований К. Dirkes разработал стратегии формирования метакогнитивного поведения [308]:

1. Четкое разделение известного и неизвестного в проблемных ситуациях. Исследуя какую-либо проблему, необходимо четко разделять всю информацию на ту, которой субъект владеет и ту, которую необходимо получить для решения (вначале это рекомендуется делать письменно). По ходу решения обе категории информации следует дополнять и уточнять;

2. Вербализация процесса мышления. Эта стратегия позволяет отработать умение «говорить о мышлении», вербально обозначать его этапы, трудности, результаты и мыслительные стратегии. Два основных приема формирования этого умения – демонстрация мышления вслух, мышления о мышлении и дискуссии об особенностях мышления при решении различного рода задач. Эффективно также «парное» решение задач, когда один из решающих размышляет вслух, а его партнер задает уточняющие вопросы, резюмирует, комментирует ход мышления, направляя его в правильное русло;

3. Ведение «дневника мышления». Еще один способ развития метамышления – ведение журнала, в котором записываются рассуждения о собственном мышлении, его основаниях, трудностях, которые возникают при решении различных задач, способы их преодоления и т. д.

4. Планирование и саморегуляция мышления. Метакогнитивное обучение само по себе предполагает организацию, планирование и регуляцию обучающимися своего мышления в процессе обучения. По мнению автора, чисто внешнее, директивное управление обучением подавляет процессы саморегуляции познавательных процессов. Следует обучать учащихся планировать учебные мероприятия – их частоту, продолжительность, объем материала, для того, чтобы вовремя и успешно решать поставленные задачи;

5. Формулирование стратегий мышления. Этот метод включает три этапа: решение задачи с отслеживанием тех процессов, мыслей и чувств, которые сопровождают решение; обобщение, классификацию полученной информации и первичная формулировка стратегий; окончательная формулировка и операционализация способов мышления;

6. Самооценивание. Самооценивание эффективности мышления, согласно автору данного подхода, должно быть дифференцированным и опираться на выработанные заранее критерии оценки.

Помимо этого, следует отметить классификацию метакогнитивных стратегий Д. Рубина и А. Томпсона (по [121]) а также классификацию метакогнитивных стратегий Ю. С. Беленковой и Н. Н. Сметанниковой [23], рассматривающих метакогнитивные стратегии на примере заданий для обучения одному из видов речевой деятельности – чтению в процессе изучения иностранного языка.

Широкое распространение получили также разнообразные техники по обучению *метапознавательным навыкам*. Основными среди них являются рефлексивные вопросы и побуждение; поддержка – «метакогнитивные леса»; моделирование; вопросы для себя; думание вслух и объяснение для себя; оценивание себя; построение графиков, схем и т. п. [17, 18, 36, 248] Одновременно с этим в исследованиях метакогнитивной сферы личности в учебной деятельности, а также в контексте реализации некоторых видов профессиональной деятельности, применяется метод оценки знания мониторинга (МОЗМ), разработанный Z. Tobias, G. T. Everson. Он включает в себя опрос учащегося, знает ли он что-то о подобной метапознавательной активности или нет. Это осуществляется за счет предоставления задачи или вопроса, который докажет, что он был верен в своей оценке и, наконец, вычисление возможной оценки знания мониторинга по специальной формуле. Вместе с тем, используются различные методики опросного типа.

1. Методика диагностики стилевых параметров обучения (A. Salomon, R. Felder), определяющая основные стилевые особенности учения и применимая в одинаковой степени для большого диапазона возрастных групп.

2. Методика самооценки метакогнитивных знаний и метакогнитивной активности (Ю. В. Скворцова), направленная диагностику уровня выраженности компонентов и процессов метапознания, связанных с приобретением новой информации в условиях осуществле-

ния учебной деятельности (в том числе, в средних специальных и высших учебных заведениях).

3. Опросник по мотивационным стратегиям (Motivated Strategies for Learning Questionnaire – MSLQ). Основной теоретической базой для создания опросника является хорошо разработанная в ряде американских концепций социо-когнитивная парадигма в сочетании с изучением так называемого «self-regulated learning», что дословно означает «самоконтролируемое обучение» (по [7]). Именно такой вариант освоения учебного материала учащимися предполагает использование тех или иных метакогнитивных стратегий и умений.

4. Опросник по обучению и обучающим стратегиям (Learning and Study Strategies Inventory – LASSI), представляющий собой популярное средство диагностики тех или иных стратегий, применяемых старшеклассниками и студентами в ходе освоения нового материала. При этом, главной диагностической целью LASSI является выявление уровня выраженности мотивационного, волевого, регулятивного, профессионального компонентов у учащихся в процессе обучения. Данная методика позволяет в определенной мере оценить прогностичность мышления учащихся, способность осуществления так называемого strategic learning (дословно, – «стратегического обучения»).

5. Опросник саморегуляции учения (Rating Scale – SRL L. Corno, A. Collins (по [121]), являющаяся важным методическим средством диагностики такого комплексного конструкта, выделяемого в настоящее время в зарубежной литературе, как саморегуляция учения. Методика состоит из четырех больших частей, предназначенных как учащимся, так и педагогам.

6. Опросник метакогнитивных стратегий при работе с текстом (Metacognitive Awareness of Reading Strategies Inventory – MARSИ), разработанный К. Mokhtari и С. Reichard и, фактически, представляющий собой производный вариант опросника «Metacognitive Awareness Inventory» (MAI), разработанный G. Schraw и R. Dennison (по [121]). В отличие от MAI, в MARSИ оценивается метакогнитивная включенность в процесс работы учащихся с текстовыми материалами, использование ими тех или иных метакогнитивных стратегий.

7. Методика оценки метакогнитивных знаний младших подростков (Е. Ю. Савин, Т. А. Смирнова (по [222]), направленная на оценку мета когнитивных знаний учащихся 5–6 классов. Методи-

ка построена по принципу решения ряда простых задач, ответ на которые предполагает актуализацию знаний о запоминании и усвоении учебного материала.

Кроме этого, на разных этапах процесса обучения в качестве эффективного средства формирования и развития метакогнитивных стратегий и навыков выступают техники по обучению учащихся осмыслению процессов их мышления. В их состав входят, в частности, осмысление, планирование, мониторинг и др., а также такие методы оценки метапознавательных умений, как сопроводительное думание вслух, интервью после процесса завершения выполнения задачи, кросс-возрастное обучение, опросник самоотчета и т. д.

Четвертая группа методов диагностики параметров метакогнитивной сферы личности включает в себя использование различных экспериментальных методик и компьютерных программ, разрабатываемых специально для лиц дошкольного и младшего школьного возрастов. В рамках исследования метапознания создаются компьютерные игры для них, задания в которых сформулированы таким образом, чтобы выявить те или иные метакогнитивные стратегии (иногда – метакогнитивные феномены (эффекты)) непосредственно в процессе самой игры.

И, наконец, *пятая* группа методов изучения компонентов метакогнитивной сферы личности связана, на наш взгляд с теми методическими средствами, которые имеют косвенное отношение к проблеме метапознания, однако могут применяться как дополнительные в ходе исследований. К ним следует относить, в частности, разнообразные методики на диагностику мнемических процессов, опросник общей самоэффективности («Шкала общей самоэффективности») Р. Шварцера и М. Ерусалема (по [89]), методики на диагностику уровня развития свойств внимания и т. д.

Большое значение в последнее время придается исследованиям, направленным на феноменологический анализ метакогнитивного опыта. Основной задачей исследователей в данном случае становится выяснение того, как индивид субъективно проживает опыт метапознания, размышления над содержанием своего сознания и своими когнитивными особенностями. Феноменологический анализ проводится по процедуре, описанной К. Маустакасом [371]. Особенно продуктивным данный метод является при исследовании таких метакогнитивных по своей природе феноменов как чувство знания, мудрость, сознатель-

ная компенсация нейропсихологических дефектов и т. п. Так, значительное число исследователей уделяют в своих работах большое внимание такому специфическому метакогнитивному феномену как чувства знания. Впервые эксперименты с этим феноменом были проведены Хартом по следующей схеме: на первом этапе испытуемому предъявлялся тест, требующий припоминания, актуализации некоторой информации из той или иной области знаний. На втором этапе испытуемых возвращали к тем заданиям, на которые они не смогли дать ответ (вспомнить нужную информацию) и просил проранжировать эти вопросы по ощущению знакомости запрашиваемой информации. На последнем этапе в произвольном порядке испытуемым предъявлялись ответы на пропущенные ими вопросы, и давалась инструкция узнать, на какой из вопросов теста предъявляется ответ. Затем соотносилась легкость узнавания ответа и ранг «чувства знакомости», который был присвоен испытуемым данному вопросу. Такая схема экспериментирования (припоминание – суждение – узнавание) долгое время была традиционной. В результате этих экспериментов Харт пришел к выводу о том, что чувство знания представляет собой когнитивное суждение высокого порядка, со всем континуумом от безусловно утвердительного до полностью отрицательного. Оно следует непосредственно после когнитивного действия.

Эти выводы были позднее пересмотрены и частично опровергнуты Т. Нельсоном и Л. Нарренсом [384]. Они показали, что чувство знания есть метакогнитивное состояние, предшествующее когнитивному действию и оказывающее прогностическое влияние на более широкий спектр когнитивного поведения, чем просто припоминание. Например, чувство знакомости в значительной степени определяет эффективность освоения опыта (в особенности, восстановления навыков), влияет на ход решения задач типа ребусов (включающих инсайт) и т. д. Как показали результаты экспериментов, субъективная оценка знакомости информации (ее представленности в долговременной памяти и возможности быстрой актуализации) представляет собой особое метакогнитивное состояние, длящееся от 700 до 850 мс и предваряющее любую более или менее сложную умственную деятельность. Дальнейшие исследования показали, что в основе феномена чувства знакомости лежат два противоположных механизма: «частичный доступ к информации, находящейся в долговременной памяти», который позволяет сориентироваться в задаче и интерференция, которая не позволяет сразу актуализировать необходимые знания.

Итак, проведенный выше анализ показывает, что к настоящему времени сложились следующие основные методы и методические подходы, посредством которых проводится изучение метакогнитивной сферы личности:

1. Классический метод «мышления вслух», субъективных отчетов.
2. Метод «клинической беседы» Ж. Пиаже для изучения генезиса метапознания у детей.
3. Метод феноменологического анализа метапознавательного опыта.
4. Различные опросники – например, «метакогнитивной включенности в деятельность», методика Д. Эверсон, шкала «самооценки метакогнитивного поведения» (ЛаКоста) и т. п.
5. Метод Дж. Келли для исследования метакогнитивных конструкторов и особенностей организации когнитивного опыта у метакогнитивно одаренных людей.

Наряду с этим, на становление методологии метакогнитивизма значимое влияние оказала и общая эволюция представлений о предмете и методах исследования в руслах когнитивной психологии, равно как и в экспериментальной психологии в целом, кроющихся внутри самих этих парадигм. В частности, Т. Нельсон и Л. Наренс указывают на три основных противоречия «классической» когнитивной психологии, нарастание которых вначале привело к постановке проблемы существования метауровня психической регуляции, а позднее – к появлению нового разветвленного направления исследования познания [384].

Первое противоречие: отсутствие обобщенной – «стратегической» цели исследований при их количественном и качественном их многообразии. Это противоречие есть отражение основного противоречия экспериментальной психологии, базирующейся на лабораторных исследованиях: «В лабораторных исследованиях когнитивных психологов задача построения модели внимания или оперативной памяти подменяет основную цель экспериментальной психологии – объяснение и прогнозирование реального человеческого поведения» [384]. Как отмечает Т. Моррис, «выбор и разработка модели человеческого познания обусловлен в гораздо большей степени личными предпочтениями и когнитивными конструктами исследователей, чем эмпирическими и практическими потребностями общества» (по [89]).

Второе противоречие: понимание психики в ситуации эксперимента, в основном, как нерефлексивного, реактивного начала. Это

противоречие – основное слабое место «компьютерной метафоры», созданной для объяснения принципов работы познавательных процессов в когнитивной психологии. Следует особо подчеркнуть, что существуют два основных феномена, необъяснимых в рамках компьютерной метафоры. Именно они дали импульс к появлению вначале «контролирующих» элементов в моделях переработки информации, а позднее, к построению метакогнитивных моделей. Это, во-первых, феномен избирательного и переструктурированного воспроизведения информации и, во-вторых, феномен рефлексивного контроля за прогрессом в решении задачи и модификация стратегий решения на основе прогноза неудовлетворительного результата. Кроме того, компьютерная метафора не учитывает индивидуальные различия в количестве уровней метакогнитивной регуляции.

Третье противоречие заключается в регламентации и внешнем контроле за деятельностью испытуемого в экспериментальной ситуации. То обстоятельство, что время и этапность выполнения экспериментальных проб задается извне, закрывает исследователю доступ к таким важнейшим метакогнитивным феноменам как индивидуальные стратегии распределения умственных действий и организация рабочего времени в зависимости от особенностей задачи. Кроме того, из поля зрения экспериментатора выпадает целый круг процессов, обозначенный Белмонтом как «самопознание когнитивных функций», то есть процессов интеллектуальной рефлексии.

Таким образом, понимание исследователями ограничений, которые накладывает «стандартизированный» лабораторный эксперимент на круг феноменов познания, доступных исследователю, привели в начале 1970-х гг. к постановке проблемы многоуровневости организации сознания, «сложная архитектура» которого не может быть воссоздана в какой бы то ни было модели, тем более в рамках лабораторного исследования. Около тридцати лет назад Тульвинг и Мадиган писали в одной из своих работ: «Как может разрешиться проблема полного отсутствия прогресса в исследованиях памяти?... Возможно, имеет смысл отойти от традиционных способов экспериментирования и поискать пути исследования такой уникальной особенности человеческой памяти как память о себе самой...» [394]. Через несколько лет после этого увидела свет первая работа по метакогнитивной психологии «Метапамять» Дж. Флейвелла.

Значимое место в структуре методологии метакогнитивизма, как отмечалось, занимает *феноменологический подход*. В частности, С. Е. Олишевский предложил обозначить подход к качественному анализу опыта как «экзистенциально-феноменологический», направленный на изучение «сущности, структуры или формы, как человеческого опыта, так и человеческого поведения, рассматриваемого с помощью описательных техник, включая организованное наблюдение» [198]. Его основные отличия от других подходов состоят в том, что: а) качественные описания опыта собираются от других людей, а не из данных самонаблюдения и б) при их анализе учитывается жизненный мир личности. Целью феноменологически-ориентированного исследования является получение точных и тщательных описаний определенного аспекта человеческого опыта. Основным методом, используемым в структуре данного подхода, представляет собой обработку большого числа бесед с целью удаления внутренних смысловых блоков интересующего исследователя феномена. В качестве результата применения метода создается полное описание психологических характеристик опыта и его структурной организации.

Среди зарубежных работ, посвященных феноменологическому методу, наибольшую известность получили труды К. Маустакаса, в которых разработана пошаговая процедура феноменологического анализа данных, применимая при описании и обработке результатов исследования индивидуального опыта [371]. Данные работы методологически базируются на положении о возможности познания природы и внутренних закономерностей психических явлений через анализ индивидуального опыта их переживания, представленного в сознании, и таким образом, легко вербализуемого. Основным методом, принимаемым представителями данного направления является феноменологический анализ различных видов внутреннего опыта и способов его переживания личностью. Начиная с 1960-х годов, когда данное направление только зародилось, и до современного этапа его развития, исследователями создавались различные схемы анализа индивидуального опыта, отличавшиеся по количеству и содержанию этапов анализа, а также по степени применимости к тем или иным категориям опыта. Первый вариант схемы феноменологического анализа был предложен ВанКаафом в 1966 году. Схема включала в себя следующие шаги: первичная группировка элементов опыта, редукция и элиминация несоответствующих элементов, кластериза-

ция и заключительная идентификация базовых компонентов опыта. Позднее в работах Steevik, Collasi, Keen были предложены различные модификации данной схемы. Процедура феноменологического анализа является практически универсальной для различных видов опыта, что дает основание предположить эффективность ее использования при анализе метакогнитивного опыта. К. Маустака выделяет 10 основных шагов работы с индивидуальными феноменологическими описаниями того или иного опыта.

1. Исследователь собирает как можно более полное описание опыта.

2. Каждое высказывание исследуемого оценивается как релевантное или нерелевантное изучаемому феномену.

3. Из описания удаляются все нерелевантные высказывания.

4. Из описания удаляются повторяющиеся и синонимичные высказывания. Осуществление первых четырех шагов получило название «сужение горизонта исследования». Далее следует работа непосредственно с самим содержанием материала.

5. Все содержание описания разбивается на несколько тематических групп, отражающих различные аспекты переживания опыта. Каждое высказывание относится к определенной тематической группе, в результате чего образуются своеобразные «кластеры», формирующие структуру опыта.

6. На основании кластеров создается сущностное описание опыта, при этом приводятся примеры высказываний испытуемых.

7. На следующем этапе исследователем осуществляется рефлексия над качественным содержанием опыта, в результате чего составляется его структурное описание, отражающее специфику основных составляющих опыта и взаимосвязи между ними.

8. На восьмом шаге должны быть объединены сущностное и структурное описания. В результате исследователь должен получить рефлексивное описание структуры опыта, в которое включены наиболее иллюстративные высказывания испытуемого.

По нашему мнению, методология феноменологического анализа открывает возможности для дальнейшего развития – в том числе, и по отношению к разработке деятельностной проблематики. Данное обстоятельство представляется весьма принципиальным, в силу чего на нем целесообразно остановиться более подробно, используя при этом материалы главы 1, а также данные работы [126]. Дело в том, что само понятие феноменологии, равно как и методология

феноменологического подхода, остаются крайне слабо ассимилированными деятельностной проблематикой. Психология деятельности и феноменологический подход традиционно понимаются как едва ли не антагонистические по идеологии. Это, разумеется, совершенно неправомерно, а феноменологическая картина деятельности должна пониматься как важный источник информации о деятельности, равно как сам феноменологический анализ должен использоваться в качестве очень мощного средства получения информации о деятельности. Содержание деятельности, особенно – взятое на обобщенном уровне его репрезентации субъектом не только феноменологически представлено в достаточно полном и развернутом виде, но и, фактически, *составляет* суть самой этой феноменологической данности. Деятельность принципиально репрезентируется субъекту именно как ее феноменология; она дана ему вовсе не в ее закономерностях и механизмах, а именно в том, что и обозначается как «деятельностная феноменология». Она представлена первично и исходно именно как феномен – разумеется, в широком значении данного понятия. Следовательно, именно ее анализ как таковой, то есть, фактически, анализ на феноменологическом уровне, или феноменологический анализ должен выступать не только важнейшим, но и основополагающим звеном всего ее психологического анализа. Однако, данный вывод столь же важен и необходим для его реализации, сколь и труден в плане ее осуществления, а потому нередко упускается в ходе исследования деятельности. Дело в том, что он требует обращения к наиболее сложно исследуемым сущностям, которые носят имплицитный, необъективированный характер. Вместе с тем, степень такой необходимости и, фактически, незаменимости, является наибольшей именно по отношению к тем деятельности, которые практически полностью реализуются именно в этом – внутреннем плане. В них внешняя предметно-действенная сторона не только редуцирована, но и просто не релевантна задачам раскрытия ее истинного содержания; она не является их репрезентантом. По отношению к ним вообще фактически невозможно проникнуть через внешнее к внутреннему⁴⁴.

В связи с этим, как указывалось выше, возникают три принципиальных вопроса, точнее, три проблемы достаточно общего характера. Первая из них состоит в том, что по отношению к понятию феномено-

---

⁴⁴ Данный вопрос рассматривался ранее в главе 1

логии в целом и к феноменологическому анализу, в частности, традиционно сложилось не вполне позитивное отношение именно по причине их «феноменологичности». Полагается, что они сопряжены именно с уровнем явлений, феноменов – то есть с относительно поверхностными аспектами исследуемого объекта, которые отнюдь не обеспечивают проникновения в их сущность и не могут выступать как конструктивные гносеологические средства. Особенно явно эта традиция представлена именно в деятельностной проблематике и в разработке процедур психологического анализа деятельности. Вместе с тем, хорошо известно, что по отношению к целому ряду иных очень важных психологических проблем и предметов изучения он не только очень традиционен и, по существу, незаменим. Он имеет обратную – выраженно позитивную оценку и зарекомендовал себя как действенное средство их исследования.

Второй из возникающих при этом вопросов вытекает из традиционно сложившегося понимания феноменологии в качестве совокупности *эпифеноменов* – как того, что только сопровождает нечто иное, более существенное и достойное изучения, локализованное на уровне сущности. Однако, по отношению к деятельностной проблематике (впрочем, и по отношению ко многим иным предметам психологического исследования) возникает следующий вполне естественный вопрос. Если деятельностная феноменология столь содержательна и развернута, если деятельность, действительно, очень полно и точно отображается на уровне ее субъектной репрезентации, то, по-видимому, это не только не случайно, но и закономерно и, более того, выступает как важнейшее операционное средство ее реализации. Иными словами, деятельностная феноменология – это отнюдь не совокупность эпифеноменов, лишь сопровождающих ее, а закономерный и необходимый арсенал реально действующих детерминант и, возможно средств и даже базовых механизмов ее осуществления. Сами феномены, фиксируемые в ходе анализа деятельности, не исключено, могут выступать и реально вступают как *операционные* средства ее реализации, как средства организации и регуляции деятельности.

Третья и наиболее общая трудность, имеющая, фактически, уже не только психологическое, но и философское содержание, сопряжена с одной из наиболее важных проблем – с проблемой *самосензитивности* психики, самоданности ее себе посредством механизмов сознания. Сама суть сознания, его атрибутивная природа такова, что в нем и через него психика репрезентирована себе именно как фено-

мен, но не как ноумен. Однако, несмотря на принципиально неполную или даже – весьма частичную самопрезентированность, психике все же каким-то образом удается реализовывать очень эффективное управление собой – саморегуляцию. Это возможно только в том случае, если сами феномены могут выступать в качестве собственно операционных средств, преодолевать свой статус как феноменов и эпифеноменов, а поэтому локализуются уже не только на уровне явлений, но и на уровне сущности, выступают как элементы ее сущностных основ.

Обобщая вышеизложенное, можно заключить, что сама деятельность феноменология, составляющая основное содержание *ментальной репрезентации деятельности*, и образующая внутренний план деятельности, не только может, но и должна быть понята как носитель собственно операционных средств и механизмов деятельности, как система реально действующих и сильных детерминант ее реализации. Следовательно, она также должна с необходимостью составить один из аспектов психологического анализа деятельности. Раскрытие и интерпретация феноменологии деятельности выступает как одна из важных, но традиционно не вовлекаемых в существующие процедуры его осуществления. То же самое относится к исследованию ее метакогнитивной регуляции. Данный пробел, разумеется, должен быть минимизирован, а в перспективе и ликвидирован. Без того трудно рассчитывать на должную глубину проникновения в истинное – имплицитное содержание деятельности, в базовые субъектные детерминанты ее осуществлено, то есть во все, что и составляет данность деятельности самому субъекту, ее внутреннюю картину, зафиксированную в понятии ментальной репрезентации деятельности.

Наконец, необходимо подчеркнуть еще одно обстоятельство, имеющее столь же общий характер. Нетрудно видеть, что все изложенные выше аргументы и соображения приводят, в итоге, к очень общей и традиционной проблеме адекватности интроспективных техник и метода самонаблюдения в целом. В этом плане следует зафиксировать двойственную ситуацию. С одной стороны, в настоящее время существует целый ряд приемов и методов, которые в той или иной мере базируются на интроспективных техниках (см. обзор в [126]). С другой стороны, не менее характерно, что понятие интроспекции, в основном, связывается с совершенно иными сферами психологического исследования, чем деятельностьная проблематика, особенно в ее прикладном проявлении. До настоящего времени, фактически,

отсутствует своего рода *интроспективная психология деятельности*, хотя все необходимые в естественные предпосылки для этого имеются и они были отчасти эксплицированы выше. Есть основания полагать, что она может оказаться не менее конструктивной, чем сама интроспективная психология, сыгравшая, как известно, определяющую роль в развитии психологии в целом.

Кроме того, подчеркнем еще одно обстоятельство, представляющееся достаточно очевидным, но странным образом не учитывающееся и не реализующееся в полной мере и в практике психологического анализа деятельности, и при исследовании ее метакогнитивной регуляции. Оно особо рельефно проявляется с позиций понятия компетентности. С одной стороны, действительно, сам феномен компетентности является важным и базовым предметом этого анализа – то есть тем, на что он направлен. Однако, с другой стороны, этот же феномен целесообразно использовать и в ином статусе, в ином функциональном предназначении – не как предмет, а как средство анализа. Дело в том, что именно он, точнее – субъект, обладающий его высоким уровнем как никто другой именно компетентен в анализируемой деятельности. Следовательно, он и его компетентность является решающим условием получения важной и наиболее имплицитной информации о ней. Это означает, что важнейшим каналом ее получения – средством анализа деятельности должно рассматриваться привлечение так сказать «субъектов компетентности» к анализу ее самой. Данный прием не нов в целом, но по отношению к анализу компетенций он особо важен. Его можно обозначить по-разному, что не меняет его сути – комплексной, синтетической, поскольку он базируется на нескольких методах одновременно – методах фокусированного интервью, самонаблюдения, трудовом методе и др. В этом плане субъектно-информационный класс, взятый в его наиболее репрезентативной экспликации, – в деятельности, базирующихся на ИТ-технологиях, раскрывается еще одной очень специфической гранью. Дело в том, что, являясь объективно наиболее сложным и, что также очень существенно, максимально когнитивно-насыщенным, он предполагает обязательное наличие соответствующих ему компетенций у его субъектов. Не приходится доказывать, что именно сообщество ИТ-специалистов – это одна из наиболее высококвалифицированных профессиональных групп, характеризующаяся высоким уровнем интеллектуального потенциала. Но именно потому, что они являются столь очевидными но-

сителями профессиональных компетенций, являясь высококомпетентными в профессиональном и когнитивном плане, они же могут, а на наш взгляд, – должны с высокой степенью эффективности реализовывать и еще одну миссию. Они могут выступать не только экспертами по отношению к этой деятельности в целом и к ее собственно психологическому исследованию, в частности, но и фактически самим ее исследователями.

Наряду с этим, подчеркнем, что обращение к феноменологическим данным связано с исследованием наиболее интегративных и, в то же время, имплицитных аспектов деятельности. Они сопряжены не с ее внешним – предметно-действенным планом, а с ее внутренним планом, с собственно психологическим содержанием. Можно сказать, что именно на данном уровне сам анализ становится подчеркнута психологическим, что, однако, обуславливает и его существенно бóльшую сложность. В частности, он предполагает необходимость обращения к таким образованиям, которые, оставаясь, конечно, предметом психологии труда, в то же время, носят пограничный характер с исследованиями общепсихологического плана – в частности, с исследованиями в когнитивной психологии. Это – образования интегративного типа, репрезентирующие деятельность в целом и ее основные «составляющие» – в первую очередь, то, что было обозначено выше как *ментальная репрезентация деятельности*. В более широком плане – это проблема, связанная с выяснением того, как система деятельности порождает в ходе ее генезиса механизмы ее же презентации субъекту? Как она репрезентируется в субъектном плане и каким образом эти репрезентации выступают в качестве основного регулятора деятельности? Каким образом деятельность не только объективируется и может быть изучена через ее объективированные проявления (а именно это и составляет суть традиционных подходов к психологическому анализу деятельности), но и *субъективируется*? Соответственно, какие возможности открывает исследование таких субъективаций? Далее, если продолжить принятую выше логику анализа, то необходимо, конечно, принять во внимание и еще один – пожалуй, наиболее общий способ дифференциации психики – на осознаваемое и неосознаваемое, сознательное и бессознательное. Очень показательно, что и она не только непосредственно эксплицируется в современных представлениях о предмете метакогнитивизма, но и сам он также в значительной мере содействует углублению этих представлений.

Действительно, проблема соотношения метапознания (метакогниции) и бессознательного, хотя и была сформулирована относительно недавно, но составляет сегодня одну из важнейших в метакогнитивизме. Наиболее общим и принципиальным – традиционным и широко обсуждаемым в литературе, а в то же время – и наиболее острым в теоретическом отношении является вопрос о том, могут ли быть в принципе метакогнитивные процессы бессознательными? Может ли метапознание осуществляться без участия сознания и реализовываться на неосознаваемом уровне организации психики? Или же метапознание – это целиком и полностью прерогатива сознательного а, потому субъективно регулируемого и контролируемого уровня ее организации?⁴⁵

Наконец, подчеркнем обстоятельство, пожалуй, наиболее принципиального плана, раскрывающее значение феноменологического анализа как средства разработки деятельностной проблематики. В этих целях нам придется, однако, опираться на положения несколько иного – более общего характера и общепсихологического плана, что, однако совершенно неодолимо для уяснения причин, лежащих в основе описанных выше закономерностей в целом и одной из главных среди них, состоящей в феномене «удвоения статусов» метакогнитивных феноменов. Действительно, как показано в параграфе 1.2., феномены могут выступать в структуре деятельности в двух разных статусах. С одной стороны, в исходном, собственно феноменологическом – как явления и, соответственно, проявления тех или иных механизмов и закономерностей. С другой стороны, они могут замечаться и фиксироваться субъектом в качестве того, учет чего содействует реализации деятельности, а затем осознанно использоваться им в регуляции деятельности в качестве собственно операционных средств. Кроме того, следует учитывать, что основные когнитивные процессы также могут выступать как в своем исходном статусе – процессуальном, то есть как то, *чем* познается – в качестве активных *операторов*. Однако они могут выступать и во вторичном статусе – как то, *что* познается, то есть в качестве относительно пассивных *операндов*.

Данный вопрос атрибутивно связан и с одним из основных – во многом определяющих разделов всей когнитивной психологии в целом и метакогнитивизма, в особенности – *процессуальным*. Необходимо подчеркнуть, что именно этот аспект характеризуется

---

⁴⁵ Данный вопрос подробно обсуждался в параграф 3.3.1.

сочетанием наибольшей значимости и наибольшей сложности. Его относительно наибольшая значимость объясняется тем – вполне объективным обстоятельством, что именно процессуальный аспект функциональной организации является непосредственной конкретизацией по отношению к предметам собственно психологического исследования главного и наиболее обобщенного атрибута (а одновременно – и параметра) любого функционирования – его бытия во времени. Оно предполагает раскрытие и объяснение основных особенностей собственно *временной*, то есть темпоральной организации изучаемого объекта. Кроме того, как отмечалось выше, по отношению к собственно психологическим объектам исследования в наиболее явном виде представлена еще одна закономерность: их функционирование всегда представлено в процессуальной форме, а сама она является конкретной временной «разверткой» функционирования объекта. Категория функционирования и понятие процесса, фактически, взаимополагаемы и взаимообусловлены.

Следовательно, раскрытие особенностей собственно процессуальной организации психических явлений в значительной степени равнозначно реализации этого – одного из основных аспектов общего функционального плана исследования. Вместе с тем, к сожалению, приходится констатировать, что именно он, являясь объективно наиболее общим и важным, тем не менее, остается до сих пор по отношению к собственно метакогнитивной сфере в целом и к ее основным «составляющим» – метакогнитивным процессам разработанным явно недостаточным. Более того, он вообще не является, согласно сложившейся традиции, приоритетным в реализации функционального плана исследования. Это, в свою очередь, выступает непосредственным следствием его относительно наибольшей сложности, связанной с имплицитным характером самой процессуальной организации как таковой и, соответственно, со сложностями доступа к этой внутренней – собственно процессуальной организации.

Констатируя это, нельзя, в то же время, не отметить, что к настоящему времени сложились и определенные предпосылки, содействующие реализации данного аспекта исследования. Основными из них, по нашему мнению, являются следующие положения теоретического характера, сформулированные в общей теории систем и в когнитивной психологии. Так, одной из важнейших особенностей организации сложных систем является их способность использовать промежуточ-

ные результаты своего функционирования в качестве оснований (условий и факторов, детерминант и предпосылок) его организации, но на последующих этапах развертывания [88, 126]. Результаты, генерируемые системой на какой-либо фазе функционирования, меняют свой статус и становятся факторами организации процесса, но уже на других, последующих его фазах [88]. Имеет место явление (точнее, по-видимому, механизм), обозначаемый как «погружение результата в процесс». Результативные эффекты меняют свой статус: они становятся уже не результативными, а посылочными факторами. При этом они используются как средства, как новые – полученные самой же системой возможности для ее дальнейшего функционирования, но уже на последующих его фазах. Важной особенностью такого рода систем является, однако, не только использование ими своих частных, «парциальных» результатов для организации процесса своего же собственного осуществления. Дело еще и в том, что эти результаты вначале – активно порождаются именно для обеспечения такого функционирования, а затем и на основе этого – используются в нем.

Еще одна – также общая закономерность, которую необходимо учитывать при раскрытии специфики функциональной организации метакогнитивных процессов, состоит в следующем. Вследствие рассмотренной выше особенности, тот или иной психический процесс, в особенности – когнитивный предстает как перманентное обогащение и расширение его содержания за счет использования результатов, достигаемых на том или ином его этапе. Как отмечал в этой связи А. В. Брушлинский, характеризуя специфику процессуальной организации мышления, оно всегда – пусть и в минимальной степени сопряжено с поиском и нахождением нового, с постоянным самообогащением процесса своего развертывания [33]. В итоге имеет место то, что обозначается обычно как саморазвитие или даже как «самостроительство». Однако трудно не видеть, что в основе этого в значительной степени как раз и лежит отмеченная выше трансформация результатов из своего первичного статуса во вторичный статус – в статус факторов и детерминант процессуального развертывания. В итоге любой психический процесс, в особенности, повторяем, когнитивный предстает и как постоянная трансформация тех или иных его «составляющих» из одного статуса другой – из результативного в процессуальный.

В более общем плане такая функциональная организация характерна, по существу, для любого сколько-нибудь сложноорганизован-

ного процесса взаимодействия со средой и для любого развернутого процесса переработки информации. Действительно, как мы отмечали ранее, процесс решения задач строится именно на основе данного принципа, поскольку каждый последующий его этап обязательно предполагает трансформацию полученных на предыдущих этапах результатов в посылки – условия дальнейшего развертывания самого процесса. Любая сколько-нибудь сложная поведенческая задача, а также преодоление подавляющего большинства поведенческих ситуаций объективно не допускают возможности сделать это «сразу» – симультанно. Напротив, это оказывается возможным лишь на основе дифференциации общего решения или процесса преодоления той или иной ситуации на последовательность частных, локальных временных компонентов – этапов и последующей кумуляции получаемых при этом парциальных результатов, а также благодаря их использованию в качестве детерминант организации процесса функционирования.

Наконец, при раскрытии особенностей функциональной организации метакогнитивных процессов необходимо обязательно учитывать и еще одну их – важную и достаточно общую особенность, установленную в сформулированном нами ранее структурно-феноменологическом подходе к их исследованию [88]. Те основные явления и феномены, которые установлены в метакогнитивизме и составляют его суть, как отмечалось, могут выступать и реально выступают не только в их исходном статусе – как феномены, но и в еще одном и также очень важном статусе – вторичном, операционном. Обретая его и становясь средствами деятельности, они, фактически, включаются в саму ее структуру, составляя в своей совокупности важную часть всего ее содержания. В более общем плане это означает, что система (психика) *порождая* некоторые эффекты и феномены своего функционирования, обладает способностью *использовать* их же в своем последующем функционировании, но уже в качестве средств оптимизации этого функционирования. Они обретают при этом свой «вторичный» статус – уже не объективно представленных феноменов и закономерностей, лежащих в основе организации деятельности, а субъективных средств, лежащих в основе ее реализации. *Феномены* (и закономерности) как результативные проявления и как нечто объективно представленное трансформируются в операционные и процессуальные *средства* реализации субъектом деятельности.

Таким образом, можно видеть, что данная закономерность является, фактически, одним из очень явных и, в то же время, важных и показательных частных проявлений той предельно общей закономерности, которая была охарактеризована выше. Вместе с тем, следует обязательно подчеркнуть, что по отношению к метакогнитивным процессам эта закономерность приобретает, как минимум, две новые и очень значимые специфические особенности. Во-первых, она становится здесь, по существу, максимально выраженной, получая свою представленность даже на феноменологическом уровне, то есть, выступая в качестве относительно самостоятельных феноменов и образований. Во-вторых, что еще более значимо, она переводится на уровень осознания: она, как показано выше, не только «распознается и улавливается» субъектом как нечто существующее и могущее использоваться в качестве операционного средства, но и реально используется им – причем, именно на осознаваемом уровне, на уровне собственно произвольной регуляции. В результате этого очень многочисленные феномены метакогнитивного плана перестают быть только лишь эпифеноменами и становятся реальными и действенными средствами собственно операционного плана. Подчеркнем также, что данная закономерность распространяется не только на наиболее традиционные и терминологически зафиксированные в литературе метакогнитивные феномены (например, на феномен «метакогнитивной петли»). Она имеет, по нашему мнению, гораздо более широкую сферу действия и охватывает собой, фактически, все те явления и средства, которые характеризуются следующей общей – определяющей особенностью. Они, порождаясь с необходимостью в ходе реализации тех или иных процессов, затем «распознаются и улавливаются» субъектом и, наконец, используются им в качестве операционных средств его оптимизации.

В частности, с этих позиций должны быть проинтерпретированы широко известные феномены и средства мнемотехнического плана; феномены и приемы еще более общего типа, выявленные нами в работе [113] и обозначенные понятием метатехнических средств. С этих же позиций должны быть проинтерпретированы и все иные – многочисленные средства и приемы оптимизации как отдельных процессов, так и деятельности в целом, которые имеют важнейший общий признак. Они, порождаясь в деятельности и ее процессуальной регуляции, могут менять свою первичную форму – форму результатов (следствий,

эпифеноменов, «субъективных находок») на вторичную форму. Они начинают использоваться самим субъектом как то, что может оптимизировать деятельность и ее регуляцию. В этом плане по-новому предстают, например, все те результаты, которые выявлены и проинтерпретированы в очень важном, но, к сожалению, «не модном» в настоящее время направлении исследований, обозначаемым понятием «культуры умственного труда». В этом плане можно, по-видимому, говорить не только о классической феноменологии метакогнитивизма, но и о его своеобразной макрофеноменологии. Очень показательно в этой связи, что и такое – максимально общее и известное явление, как выработка на основе распознавания, а затем использования своих сильных и слабых сторон индивидуально-оптимального режима труда, а в более общем плане и индивидуального стиля деятельности, также предстает как проявление данной закономерности.

Можно видеть, что, пожалуй, главная особенность собственно функциональной организации метакогнитивных процессов состоит в следующем. Во-первых, в ней находит свое непосредственное воплощение не какая-либо, пусть важная, но все же относительно частная особенность функциональной организации всех процессуальных образований психики, а ее объективно главная закономерность – самообогащение, «самостроительство» процесса за счет использования промежуточных результатов в качестве факторов процессуального развертывания. Во-вторых, эта закономерность приобретает здесь качественно новую форму: она переводится на уровень осознаваемого, произвольно контролируемого использования. Причем, очень важно подчеркнуть, что именно это позволяет объяснить наличие у метакогнитивных процессов их важнейшего атрибута – их осознаваемого характера. Следовательно, метакогнитивные процессы раскрываются как закономерное следствие общей линии усложнения функциональной организации, присущей всем иным психическим процессам. В то же время, они знаменуют собой качественно иной – новый и более совершенный ее тип. Их функциональная организация раскрывается как единство общего и специфического по сравнению со всеми иными процессуальными образованиями. Все средства метакогнитивного плана предстают с этих позиций как способы и формы дальнейшего «проникновения» процесса к своему содержанию, а частично и к закономерностям его осуществления, а на этой основе – и к регуляции им самого же себя. Эта особенность, являясь общей для всех когни-

тивных процессов, становится по отношению к метакогнитивным процессам максимально выраженной и, более того, составляет самую их суть – обуславливает их качественную специфичность. Основным смыслом и главным функциональным предназначением такой – новой формы, как мы уже отмечали, состоит в том, что она порождает дополнительные возможности: она позволяет расширить общий когнитивный потенциал, а в конечном итоге, содействует и повышению ментальных ресурсов субъекта деятельности.

Следует подчеркнуть, что все это находит свое объективное проявление (а одновременно – и подтверждение) в наиболее общей и важной специфической именно для метакогнитивных процессов закономерности их функциональной организации. Она также уже была предметом нашего анализа и обозначается понятием *операндно-операторной обратимости*. Психические процессы выступают и как операторы и как операнды; и как «отражающее» и как «отражаемое» (точнее – и как порождающее и как порождаемое). Причем, эти модулы являются принципиально динамическим, что означает возможность перманентной и субъективно достаточно легко реализуемой их смены. Следовательно, наряду со всеми иными особенностями, именно она лежит в основе не только функциональной, но и собственно временной организации метакогнитивных процессов, поскольку любая «обратимость» может иметь только функциональный характер и объективно предполагает включение временной координаты в организацию процессов. В результате этого, в функциональной организации метакогнитивных процессов находит воплощение особый тип системности – временная, диахроническая системность, а сами они перестают как одна из разновидностей систем темпорального типа. Это и есть главная и наиболее общая особенность их функциональной организации, представленной в ее микропроцессуальном плане, то есть по отношению к каждому метакогнитивному процессу.

Необходимо подчеркнуть, что наиболее общие и принципиальные особенности процессуально-психологической организации, действительно, очень полно проявляются в самой сути метакогнитивных процессов, поскольку она как раз и выступает еще одной – более сложной формой (и уровнем) такой организации. На ней основной принцип организации когнитивных процессов – принцип операндно-операторной обратимости достигает своей максимальной воплощенности и переводится на качественно новый уровень – уровень осознанной,

произвольно регулируемой реализации. Кроме того, и необходимость в этом также наиболее выражена именно в деятельности субъектно-информационного класса, поскольку она, в силу своей высокой сложности, предъявляет наибольший «запрос» по отношению к когнитивному потенциалу субъекта, к его ментальным ресурсам. Тем самым она объективно стимулирует интенсификацию этой основной функции и даже предназначения всех когнитивных процессов – их направленность на расширение этого потенциала за счет интегративных эффектов, которые достигаются на уровне «вторичных», то есть метакогнитивных процессов.

Все рассмотренные положения методолого-теоретического плана необходимо учитывать при разработке новых металлических средств изучения метакогнитивной регуляции деятельности – в том числе и информационной. Именно это и было реализовано нами в специально разработанной методике опросного типа, направленной на комплексное раскрытие особенностей метакогнитивной регуляции этой деятельности. При разработке данной методики, наряду с рассмотренными выше обстоятельствами методологического плана, учитывалось и требование, согласно которому необходима опора на специфику конкретной деятельности – ее содержания и особенностей организации. Иными словами, она должна базироваться также на предварительном психологическом анализе данной деятельности, направленном на экспликацию специфики ее метакогнитивной регуляции; именно он и был осуществлен в предыдущей главе.

5.2. Разработка комплексного опросника метакогнитивного потенциала

В наиболее общем плане данный опросник базируется на разработанных нами представлениях о метакогнитивной сфере личности как интегральном регуляторе профессиональной деятельности в целом и информационной деятельности, в частности. Они были подробно охарактеризованы в главе 4. Важнейшей «составляющей» метакогнитивной сферы выступает совокупность основных подсистем, образующих особый уровень ее общей организации – субсистемный. На нем локализованы не отдельные метакогнитивные процессы и образования, а их комплексы, то есть подсистемы. Обоснование существования субсистемного уровня позволяет преодолеть важнейший недостаток

современных взглядов относительно организации метакогнитивных феноменов – так называемую «системно-компонентную» трактовку, редуцирующую ее лишь к двум уровням (системному и компонентному).

Важно подчеркнуть, что именно данный уровень несет основную функциональную нагрузку в метакогнитивной регуляции деятельности, поскольку, как показано в работе, он наиболее сензитивен к собственно деятельностной детерминации – к особенностям содержания, структуры и условиям профессиональной деятельности. Он образован организованной совокупностью восьми базовых подсистем, обеспечивающих общую метакогнитивную регуляцию информационной деятельности. Так, на основе осуществленного в параграфе специального психологического анализа этой деятельности были установлены и проинтерпретированы не только такие подсистемы, аналоги которых уже частично описаны в литературе, но и такие, которые не были дифференцированы до сих пор. К первым из них относятся такие подсистемы, которые синтезируют в себе уже известные – причем, базовые и наиболее важные категории процессов и образований метакогнитивного плана. В свою очередь, они, как известно, дифференцируются на основе их соответствия с теми или иными – также базовыми подсистемами психических процессов. В результате появляются необходимые и достаточные основания для выделения четырех основных подсистем – *метакогнитивной*, *метарегулятивной* и *метакоммуникативной*. Обоснованность такой дифференциации вытекает и из наиболее важных результатов, полученных в метакогнитивизме, равно как и в смежных с ним областях. Это, прежде всего, классические работы Дж. Флейвелла, Л. Нельсона, Л. Наренса, Дж. Борковски, Р. Ключе, Дж. Меткалф, А. Шимамуры, Р. Париса, Д. Симстера [289, 322, 350, 378, 384, 388], посвященные определению состава и содержания *метакогнитивных* образований. Это, далее, и работы, выполненные в русле еще одного важного направления – метаоперационного, связанного с исследованием *метарегулятивных* процессов (М. Феррари, Д. Дёрнер, А. Браун, М. Лефебр-Пинар [292, 310, 320, 355]). Это также исследования, вскрывающие наличие метауровня организации *коммуникативных* процессов, равно как и *эмоциональной* регуляции деятельности (см. обзор в [128]).

Вместе с тем, в главе 4 дано и комплексное обоснование того, что только эти подсистемы не исчерпывает собой всего содержания субсистемного уровня. Не менее значимо и то, что они далеко не в полной мере раскрывает специфику метакогнитивной регуляции имен-

но информационной деятельности. Она может быть выявлена лишь при условии дифференциации еще пяти подсистем, носящих уже не столько общий, сколько именно деятельностно-специфический характер, то есть складывающихся и формирующихся под определяющим воздействием собственно деятельностной детерминации.

Так, в психологии профессиональной деятельности традиционно принято уделять достаточно большое внимание его собственно рефлексивным аспектам и средствам, а также трактовать саму рефлексивность как одно из профессионально-важных качеств, имеющее, соответственно, подчеркнута позитивную окраску. Однако к настоящему времени установлен ряд фундаментальных по своей значимости и принципиально сходных по смыслу закономерностей и явлений, свидетельствующих о наличии существенно иной и также достаточно важной и очень общей закономерности. Она состоит в том, что эффективность реализации подавляющего большинства деятельностных задач и управленческих функций является максимальной на некотором среднем, то есть оптимальном уровне развития рефлексивности (а не на минимальном и не на максимальном ее значении). Исследования, в том числе – и проведенные нами, показывают также, что субъект деятельности, как правило, распознает эту особенность, а затем – использует ее в качестве средства оптимизации своей деятельности. Для этого он прибегает к специфическим средствам, позволяющим минимизировать степень рефлексивного контроля за деятельностью и ее частными функциями. Он осознанно минимизирует (или блокирует) роль самого сознания в регуляции деятельности и поведения. В результате этого порождается своего рода «вторичный» феномен – феномен «метакогнитивной блокады»: рефлексивный контроль либо редуцируется, либо полностью блокируется. Эти данные не только позволяют, но и требуют дифференцировать качественно глубоко своеобразное проявление рефлексии (и рефлексивности). Она может не только усиливать (фасилитировать) сама себя, но и минимизировать (ингибировать) себя. Причем, очень важно, что такая ингибиция – фактически, контролируемая и целенаправленная ее редукция осуществляется такими средствами и механизмами, которые также являются подчеркнутыми рефлексивными. В результате этого в управленческой деятельности складывается и развивается система своего рода «антирефлексивных» средств, направленная именно на это. Она была обозначена термином *ингибиторной* подсистемы [88].

Далее, с высокой степенью очевидности предстает необходимость в дифференциации еще двух – также качественно глубоко специфичных и крайне важных для информационной деятельности подсистем. Они, однако, сопряжены не с операциональными механизмами и процессами метапознания, а с их итоговыми эффектами, с их результатами, то есть со знаниями как таковыми. Вместе с тем, это особые знания – «знания о знаниях», «вторичные» знания, то есть метазнания. Следует особо отметить, что именно они непосредственно и тесно связаны с фундаментальным понятием (и, соответственно, феноменом), каковым выступает феномен *опыта*, в том числе – профессионального. Аналогично тому, как феномен знаний является предельно многомерным, сложным и многоаспектным, метазнания также характеризуются выраженной гетерогенностью. В силу предельной гетерогенности данного феномена, представления о нем не характеризуются пока должной степенью систематизированности. Поэтому они находятся пока на претеоретическом уровне разработанности и требуют их концептуализации – в частности, их ассимиляции со стороны общих взглядов относительно организации всей метакогнитивной сферы личности. Далее, следует отметить, что эта гетерогенность достаточно давно была распознана в метакогнитивизме, в связи с чем в нем выделяются две основные категории метазнаний – знания *информации* и знания *стратегий*, что также требует учета при дифференциации метакогнитивной сферы на ее основные подсистемы. Далее, нельзя не видеть и того, что эта дифференциация принципиально близка с еще одной, но уже максимально общей и, по существу, общенаучной дифференциацией основных типов знаний – на *декларативные* и *процедуральные*. Наконец, необходимо учитывать и то, что данная дифференциация особо значима и показательна именно для информационной деятельности в целом и той, которая базируется на компьютерной технике, в особенности. Дело в том, что именно в ней степень так сказать автономности, разделенности этих типов является очень существенной, максимальной. С одной стороны, безусловно, IT-специалист должен владеть очень существенным объемом общих и специальных знаний по своему предмету – знаний, которые составляют базу его профессионализма, но которые не носят непосредственного конкретно-операционного характера. С другой стороны, он должен владеть и столь же большим объемом знаний о конкретных процедурах и алгоритмах, программах и способах работы. Причем, наиболее характерно

то, что очень часто итоговая эффективность деятельности и вообще – возможности работы определяется не столь первой категорией, сколько второй; для нормативной деятельности вовсе не требуется очень глубоких знаний о том, как она «устроена». В этом плане можно вновь привести аналогию с известным выражением «Для того, чтобы управлять автомобилем, не обязательно знать, как он устроен». Более того, в массовом случае этого и не требуется; более того, это, строго говоря, не представляется возможным вообще, поскольку уровень ее сложности таков, что он выходит за пределы возможности освоения рядовыми пользователями. Существование и выраженная автономность этих двух типов знаний также обуславливает специфику формирования и итогового содержания метакогнитивной сферы личности в данной деятельности. Потому данное обстоятельство также должно быть учтено при ее дифференциации на ее «составляющие – подсистемы. В силу всех этих аргументов, отражающих основные тенденции развития метакогнитивизма, а также структуру того главного, что в нем есть – предмета, становится очевидной необходимость дифференциации еще двух базовых подсистем метакогнитивной сферы. Первая включает в себя интегрированную совокупность метазнаний *декларативного* типа, а вторая – столь же интегрированную совокупность метазнаний *процедурального* типа. Вообще говоря, только определенной инерционностью научных представлений в данной области можно объяснить тот факт, что эта дифференциация до сих пор не была ассимилирована должным образом метакогнитивизмом.

Подчеркнем также, что в данном пункте анализа мы вплотную сталкиваемся с таким фундаментальным понятием (и, соответственно, феноменом), каковым выступает феномен *опыта*, в том числе – профессионального. Следует учитывать также, что данный феномен особо важен именно для профессиональной деятельности, для личности профессионала в целом. В этой связи, например, совершенно не случайно, что в качестве синонима понятия «эффективный профессионал» используется понятие «опытный профессионал». Кроме того, необходимо обязательно принимать во внимание, что само понятие метазнаний (и во многом производное от него понятие опыта) очень тесно связано с еще одним и также крайней важным для профессиональной деятельности в целом понятием, даже – с принципом ее организации. Речь идет о принципе *репродуктивности*, то есть о таких стратегиях организации и реализации деятельности, которые базиру-

ются на приоритете использования уже имевших место ранее и проверенных способов и приемов ее организации, которые, в свою очередь, как раз и фиксируются в форме знаний о них. Итак, дифференциация этих подсистем объективно необходима именно точки зрения ее роли в организации деятельности. В то же время, она полностью соответствует общей логике развития всего метакогнитивизма, а также содействует решению ряда сформулированных в нем задач. В наиболее обобщенном виде их можно условно обозначить рабочими терминами *метадекларативной* и *метапроцедуральной* подсистем.

Дифференциация этих подсистем создает необходимые условия для выявления еще двух столь же значимых подсистем. Дело в том, что, как показано в параграфе 4.3., существует глубинное подобие базовых принципов функционирования компьютерной техники и организации психики. Как известно, на уровне осознания, уровне произвольной регуляции этим функционированием субъекту вовсе не даны все те механизмы и средства, принципы и способы, которые лежат в основе объективного функционирования психики. Более того, эта принципиально неполная их репрезентация составляет одну из основных характеристик психики – ее неполную интроспективную данность, ее не только не объективированность, но и не полную субъективированность. Собственно говоря, это и отражено в наиболее общем принципе ее организации – в дифференциации на осознаваемое и неосознаваемое, а также на присущие им механизмы и процессы. Тем не менее, несмотря на эту неполную (точнее – очень парциальную) данность, то есть, фактически, неполные знания о том, как она функционирует, субъект все же оказывается в состоянии достаточно эффективно управлять и самим функционированием, и быть способным к столь же эффективному решению. Иными словами в связи с этим, возникает не только возможность, но и необходимость распространения общенаучной и очень значимой дифференциации двух основных типов знаний – декларативных и процедуральных на сами метазнания. Они также могут быть как метадекларативными, так и метапроцедуральными.

Иными словами, сами метадекларативные и метапроцедуральные знания могут быть не только так сказать внешними, но и внутренними – не только знаниями об *объективном* мире, но и о мире *субъективном*. Более того, они составляют огромную часть всего содержания тех репрезентаций, которые и лежат в основе опыта как

интегрированной системы всех знаний. Вместе с тем, как можно видеть, эта часть также является принципиально гетерогенной и включает в себя те же категории, которые составляют содержание объектно-ориентированных репрезентаций – декларативную и процедуральную. Первая часть интегрирует в себе всю «внутреннюю» информацию, все знания, генерируемые субъектом посредством своего рода внутреннего канала – посредством *саморепрезентаций*, базирующегося, в свою очередь, на фундаментальном механизме самосензитивности. В силу этого, можно сказать, что этот источник фиксирует уже не столько метакогницию, сколько *эндокогницию*. Он фиксирует в себе синтезированную информацию – фактически, знания субъекта о самом себе – своих возможностях и ограничениях, о своих знаниях и не-знаниях, особенностях и свойствах, о сильных и слабых сторонах. Одновременно это же обстоятельство обязывает органично включить в состав метакогнитивной сферы и широко излучающиеся в настоящее время в метакогнитивизме так называемые бессознательные компоненты метакогниции. Все сказанное позволяет дифференцировать еще одну подсистему метакогнитивной сферы, которую условно можно обозначить термином *эндокогнитивной* подсистемы.

Вместе с тем, как следует из проведенной характеристики данной подсистемы, она сопряжена не со всей системой «внутренней» информации, а преимущественно с той, которая базируется на репрезентациях субъекта о себе, носящих содержательный, собственно информационный характер. Иными словами, ее специфика состоит в том, что она является производной от знаний о себе именно декларативного типа. Однако, очень познавательно (и доказательно) и то, что принципиально аналогичная картина имеет место и к субъектным знаниям второго – процедурального типа. В состав профессионального опыта (хотя, конечно, не только профессионального, но и вообще – поведенческого, личностного) входя и знания по типу «как?», – знания о способах и стратегиях, средствах и механизмах воздействия на *самого* себе – процедуральные знания в отношении управления собой, регуляции себя, то есть саморегуляции. Можно видеть, что тем самым обширное направление психологии саморегуляции обретает свое естественное место в развиваемых здесь представлениях о содержании метакогнитивной сферы. Сами же эти представления также существенно обогащаются, поскольку они органично включают в себя еще одну – новую для них категорию метазнаний – ме-

тапроцедуральные. Данную подсистему можно обозначить именно этим рабочим термином – понятием *саморегулятивной* подсистемы.

В связи с необходимостью исследования метакогнитивной регуляции информационной деятельности в целом и дифференцированного исследования ее основных подсистем, в особенности, возникает, однако, целый ряд новых проблем, связанных с определением тех методических средств, на основе которых они должны проводиться. В свою очередь, они столь же непосредственно связаны с одной из наиболее общих и также сложных проблем всего метакогнитивного направления в психологии – с проблемой его методологических оснований и обоснованности существующих в нем методов в целом. Данная проблема в ее общем и наиболее принципиальном виде уже была предметом нашего рассмотрения выше, а также в работе [121], в результате чего, в частности, были выявлены и проинтерпретированы некоторые основные особенности той ситуации, которая сложилась к настоящему времени относительно методологических основ и методического инструментария современного метакогнитивизма. В силу этого, учет данных особенностей – именно как общих и наиболее характерных является, на наш взгляд, необходимым и при разработке конкретных методических средств, направленных на решение основных задач данной работы. Среди них, пожалуй, наиболее очевидными, а в то же время и наиболее общими и значимыми являются три особенности.

Во-первых, это особенность, вскрывающая общность логики развития представлений о предмете и методе метакогнитивизма, смысл которой можно резюмировать следующим образом. Как было показано в работе [121], одной из наиболее явных и общих особенностей представлений, сложившихся в метакогнитивизме в целом и рассматривающихся в качестве одного из основных недостатков его современного состояния, является его подчеркнуто *внедеятельностный* характер. Действительно, в метакогнитивизме явно доминируют схемы и традиции экспериментально-лабораторного плана, предполагающее проведение исследований не в условиях реальной, естественной деятельности, а в достаточно искусственных и упрощенных условиях. Эта особенность, как известно, рассматривается в настоящее время в качестве одного из главных недостатков данного направления. Вместе с тем, та же самая в принципе картина очень характерна для метакогнитивизма и в собственно методическом плане. Как известно

(и это также было предметом нашего рассмотрения в работе [121]), в качестве одной из важнейших и даже – во многом определяющих групп тех методов, которые используются в нем, является группа собственно экспериментальных методов. Они, в свою очередь, характеризуются тем, что – так же как и все иные собственно экспериментальные средства исследования, характеризуются известной и достаточно выраженной *абстрактностью* и *искусственностью*. Это, прежде всего, относится к тому *материалу*, на основе которого исследуются метакогнитивные процессы и феномены. Как мы уже отмечали, традиционно при осуществлении исследований параметров метакогнитивной сферы личности используются математические и логические задачи различного уровня сложности, а также коммуникативные проблемные ситуации. Кроме того, практически все они характеризуются и столь же явной искусственностью условий, в которых осуществляются исследования – их так сказать «очищенным», рафинированным характером и, следовательно, неучетом реальной деятельностной детерминации. Наконец, они характеризуются и не менее очевидной *аналитичностью*, поскольку направлены на изучение каких-либо частных, отдельных, то есть достаточно *локальных* аспектов метакогнитивной сферы личности. В их качестве, например, выступают отдельные метакогнитивные процессы, феномены, свойства.

При этом следует, конечно, подчеркнуть, что все эти особенности сами по себе вовсе не являются только негативными чертами. Напротив, они, будучи свойственны любому экспериментальному исследованию, позволяют исследовать о или иное явление достаточно высокой степенью детализированности и глубины. Вместе с тем, они все же характеризуются и определенными ограничениями, связанными, прежде всего, с аналитическим характером получаемых результатов, с недостаточным учетом более общей и «жесткой» деятельностной и поведенческой детерминации. В силу этого, все они приводят к постановке известной в методологии задачи – задачи их дополнения, а в перспективе и преодоления посредством иных, более общих и адекватных схем организации исследования, позволяющих учесть их деятельностную и поведенческую обусловленность. Таким образом, можно видеть, что уже в плане этой особенности вполне очевидным является одно из главных направлений развития общей методологии и конкретных методов изучения проблематики метакогнитивизма. Это – все более полный учет *деятель-*

ностных факторов, преодоление его внедеятельного характера, но уже не в плане представлений о предмете, а в плане представлений о методах исследования.

Во-вторых, еще одной очень явной и также общей особенностью тех представлений, которые сложились к настоящему времени в метакогнитивизме относительно его методов, является отчетливое доминирование в их общей структуре методов собственно *опросного* типа. Все они так или иначе базируются на интроспективных основаниях и вы-ступают, следовательно, разновидностями собственно интроспективных техник, их частными проявлениями. К настоящему времени разработано достаточно много различных по направленности и целям, по характеру и содержанию опросников; они вообще занимают доминирующее положение во всей палитре современной метакогнитивной проблематики, а их применение является наиболее традиционным и вообще – очень естественным и органичным для нее. При этом очень характерным и также показательным является также и то, что их использование именно по отношению к метакогнитивным процессам и явлениям оказывается, как правило, достаточно конструктивным, позволяя получить вполне обоснованные и корректные данные. Наиболее важно и показательно в этом плане, что такие данные, равно как и само использование методов опросного типа (которые, как известно, обычно являются предметом критики в психологии именно по причине их интроспективного, а следовательно, субъективного и подверженного фальсификациям характера), обладают, тем не менее, достаточно высокой степенью надежности и обоснованности. Другими словами, использование именно этого подхода по отношению к метакогнитивной проблематике является существенно более адекватным и обоснованным, нежели по отношению к очень многим иным сферам психологического исследования (например, по отношению к изучению на его основе личностных качеств, мотивации, самооценки и др.). Данное обстоятельство заслуживает, на наш взгляд, специального внимания и выявления причин, обуславливающих существенно бóльшую адекватность опросных методов (и вообще – всех тех методов, которые, в конечном итоге, базируются на самонаблюдении), специфике, точнее – даже атрибутивной природе самого предмета метакогнитивизма. Оно, в силу этого, будет подробнее рассмотрено ниже.

В-третьих, еще одной общей и очень характерной особенностью современной ситуации являются и такая черта, которая во многом является производной от первых двух, точнее – от попыток преодоления тех негативных последствий, к которым они нередко приводят. Она состоит в становящейся все более явной и широко представленной тенденции к разработке таких методов опросного типа, которые позволяют исследовать метакогнитивные феномены и процессы в условиях реальной, естественной деятельности. Другими словами, имеют место попытки дальнейшего развития и углубления, совершенствования самой методологии опросников (то есть интроспективных техник) как базовой и основополагающей; все они связаны с попытками преодоления его внедеятельностного характера. Это означает, что опросники приобретают уже так сказать «деятельностно-ориентированный» характер, то есть становятся направленными на исследование метакогнитивных процессов и феноменов в контексте целостной деятельности. Вместе с тем, и эта особенность, а одновременно – и тенденция развития методов также пока носит очень специфический и весьма ограниченный характер. Дело в том, что она распространяется пока лишь, в основном, только на один тип деятельности – на *учебную*, образовательную. Это понятно и даже естественно, поскольку учебная деятельность по своей сути очень созвучна проблематике всего метакогнитивизма, его предмету. Действительно, другие типы и виды деятельности и, прежде всего, разумеется, вся – огромная по объекту и беспрецедентная по значимости сфера типов и видов *профессиональной* деятельности остается пока, фактически, не вовлеченной в эту важную и, по существу, магистральную тенденцию. При этом небезынтересно отметить, что данная тенденция, хотя и в своеобразном виде весьма характерна и для третьего основного типа деятельности – игровой. Она принимает по отношению к ней форму все более широкого распространения модифицированных вариантов метода клинической беседы, который, по существу, во многом является так сказать вербальным аналогом самой опросной методологии.

Таким образом, обобщая эти три основные особенности, а одновременно – и тенденции развития представлений о методах исследования, наиболее характерных для со-временного метакогнитивизма, можно сделать следующее заключение. Одним из наиболее перспективных подходов, максимально отвечающих общей логике развития этих представлений, должна стать разработка таких методов, которые

базируются на опросных техниках и предполагают возможность их реализации по отношению к профессиональной деятельности. За счет этого могут быть в значительной степени преодолены те – основные и наиболее характерные для современного состояния методов метакогнитивизма их особенности, которые и были констатированы в ходе предыдущего анализа. Следовательно, те методы, которые наиболее адекватны характеру сформулированных выше задач, направленных на исследование структурной организации метакогнитивной сферы личности в информационной деятельности, также должны носить именно такой характер. Ими, по всей вероятности, должны быть методы опросного типа, но адаптированные под условия конкретной профессиональной деятельности.

Вместе с тем, констатация данного вывода вновь приводит к тому же самому вопросу, который уже возникал в ходе предыдущего рассмотрения. Это вопрос о том, почему именно по отношению к собственно метакогнитивной проблематике опросные методы дают относительно *наиболее* обоснованные и корректные результаты; почему они вообще, так сказать, наиболее применимы по отношению к ней и наиболее популярны при ее разработке. Для того, чтобы ответить на него, необходимо, по нашему мнению, зафиксировать наиболее важные, а одновременно – и *специфические особенности* самих метакогнитивных процессов и качеств как предметов, на которые и направлены те или иные методические процедуры, в частности – процедуры опросного типа. Данное положение важно еще и в том плане, что, как известно, не только обязательным, но даже – первым этапом разработки любого опросника является определение основных особенностей того *конструкта*, на исследование которого он и направлен. В качестве основных среди них должны быть зафиксированы, на наш взгляд, их следующие – наиболее специфические особенности.

Во-первых, в наиболее общем и принципиальном плане следует обратить особое внимание и зафиксировать специально – именно в качестве исходного и базового в методологическом отношении следующее положение. Существует принципиальное сходство и даже *общность* природы всех метакогнитивных феноменов как таковых и самой сути опросных методов в целом; поясним сказанное. Действительно, одной из основных – атрибутивных черт всех этих феноменов является их принципиально осознаваемый характер; то, что они выступают средствами именно произвольной регуляции и контроля

со стороны самого субъекта⁴⁶. Следовательно, сам предмет изучения, причем, любого – и диагностического, и исследовательского, и прикладного является атрибутивно осознаваемым; он выступает как «факт сознания», как фрагмент субъективного опыта, то есть как некоторая данность собственно *интроспективного* плана. Однако и сам метод, а в более общем плане – и методология (даже – идеология), которая заложена в опросные методы как таковые, также является принципиально аналогичной, то есть базирующейся на средствах и механизмах осознаваемого, *интроспективного* плана, на способности к самонаблюдению. Такое подобие и, фактически, даже тождество сущности предмета и метода и делает, собственно говоря, именно опросные методы наиболее конгруэнтными специфике метакогнитивных феноменов. Они по своей природе таковы, что в них предмет и метод вообще во многом совпадают и выступают, по существу, двумя разными гранями одной и той же способности – способности к самопрезентации содержания психики ей же самой, способности к самонаблюдению.

Во-вторых, еще одной важной и очень специфической особенностью феноменов метакогнитивного плана, обуславливающих наибольшую обоснованность реализации по отношению к ним методов опросного типа, является то, что они в существенно меньшей степени подвержены важнейшей негативной черте всех опросных методов – принципиальной *фальсифицируемости* их результатов. Именно эта особенность является, как известно, главным и наиболее принципиальным недостатком всех опросных методов. Она выступает их «ахиллесовой пятой» и вообще – главной причиной их субъективного характера и, следовательно, аргументом в их необъективности, и недостаточной корректности. В свою очередь, эта их черта обусловлена следующими основными причинами. Прежде всего, практически все феномены и процессы метакогнитивного плана носят подчеркнуто *процессуальный*, а не результативный характер. В них отражается и выражается не то, «как хорошо» (или, наоборот «плохо») действовал субъект и, соответственно, к каким результатам привели эти действия, а то, каким способом он действовал, каково было *содержание* его действий – сам их *процесс*. Следовательно, они не носят принципиально оценочного характера и не фиксируют именно результативные

---

⁴⁶ При этом следует иметь в виду, что существует точка зрения, согласно которой метакогнитивные феномены могут носить и неосознаваемый характер [397].

проявления активности любого типа (деятельностной, поведенческой и пр.). И именно поэтому они в несопоставимо меньшей степени «за-трагивают интересы» личности, вообще – так сказать, интересны ей с точки зрения того, как это будет воспринято и оценено со стороны, как она будет выглядеть в свете этих результатов (то есть своих ответов на пункты опросника). В силу этого, испытуемому становится столь же мало интересно приукрашивать данные, выдавать желаемое за действительное, то есть фальсифицировать результаты. Причем, необходимо учесть, что, как известно, сама фальсификация также носит сложный характер и осуществляется на двух уровнях одновременно. Она является и преднамеренной, то есть вполне сознаваемой, и неосознаваемой, выступая при этом в форме соответственно, так называемого «осознаваемого и неосознаваемого контроля» испытуемого, описанного в методологии психологического исследования [141].

В-третьих, необходимо принимать во внимание и еще одну – также общую и важную специфическую особенность всех феноменов метакогнитивного плана, делающих их в наибольшей степени пригодными для методологии опросного типа. Дело в том, что все они не являются и, что еще более важно, не рассматриваются самим испытуемым как черты его личности – как то, что его лично характеризует и, следовательно, оценивает. Это – вовсе не то, что требует приукрашивания и искажения – фальсификации. Как раз напротив, по мнению испытуемого, это то, что вполне может и не быть обязательно представленным на высоком уровне и в социально-одобряемой форме, а зачастую вообще не является для него вполне понятным, то есть, используя известное выражение, «не являются для него разгаданными в отношении их диагностического смысла» [83].

Понятно, однако, что в свете всего этого степень адекватности и объективности данных, получаемых посредством методик опросного типа по отношению к метакогнитивной сфере, просто несопоставима со степенью корректности их применения и с мерой объективности данных, которые они дают по отношению к исследованию, например, личностных качеств или мотивации. Вместе с тем, именно методы опросного типа, все же, как были, так и остаются главными во всей психологии личности и ее мотивации. Однако, если это так и если сама психология личности и исследования мотивации, базирующиеся на них, являются одними из наиболее развитых направлений во всей психологии, то эти же методы, но в гораздо

более явном виде должны быть поняты в качестве адекватной основы для другого направления – для метакогнитивизма.

В-четвертых, существует и еще одна, правда, несколько более глубинная, но очень важная и общая особенность вех феноменов метакогнитивного плана, которая также вскрывает относительно наибольшую адекватность применения по отношению к ним методов опросного типа. Как уже отмечалось выше, практически все они соотносятся, прежде всего, с процессуальной стороной переработки информации, а не с ее результативными параметрами. Вместе с тем, их сущность состоит еще и в том, что они не только не имеют, но и в принципе *не должны* иметь какого-либо самостоятельного, автономного результативного проявления. Дело в том, что все они являются принципиально *«вторичными»* по отношению к какому-либо иному, но уже *«первичному»* образованию – прежде всего, процессуальному (например, к мышлению или памяти). Оно, напротив, имеет свои результативные проявления и эффекты, которые, как известно, обозначаются понятием «параметров продуктивности» того или иного процесса. В этом отношении все феномены метакогнитивного плана очень сходны с еще одним – также очень традиционным предметом исследования с позиций методологии опросного типа – с мотивацией. Она, как известно, также не имеет так сказать *«самостоятельного продукта»* и, соответственно, – автономного показателя, непосредственно индицирующего ее как в плане интенсивности, так и в плане содержательных характеристик. Она проявляется опосредствованно, косвенно – через те или иные деятельностные и поведенческие показатели.

В связи с этим, однако, возникает еще более общий и важный вопрос – вопрос о так называемом *внешнем критерии*, то есть некотором объективированном показателе меры выраженности, меры эффективности влияния на деятельность того или иного исследуемого параметра. *Что* вообще считать им, если по отношению к некоторым из такого рода параметров они вообще не имеют самостоятельных результативных проявлений? Известно также, что существуют два возможных варианта решения этого вопроса. Первый вариант состоит в том, что их выраженность определяется опосредствованно, косвенно – по тому, каким образом они влияют на иные параметры, уже допускающие результативную оценку. Например, по отношению к мотивации учебной деятельности в качестве такого параметра может выступать

успеваемость. Но это же самое можно, по крайней мере, допустить и по отношению, например, к метапамяти. Однако в таком случае возникает другой принципиальный и также очень сложный вопрос – вопрос о том, как дифференцировать уровень развития «просто» памяти и степень влияния на нее метапамяти, то есть уровень развития ее самой. Он вообще, как известно, не имеет в настоящее время не только своего решения, но даже и не сформулирован в явном виде.

Второй вариант состоит в том, что в качестве такого рода критерия выступает уже не внешний, а своего рода *внутренний* критерий. Он состоит в том, что в качестве индикатора меры выраженности того или иного исследуемого параметра используется степень выраженности субъективной тенденции к его использованию; своего рода *интенция* к нему и к его использованию в своей деятельности и поведении. Именно это, как известно, вообще составляет основной принцип оценки во всех мотивационных опросниках. Однако, именно это же очень характерно и для собственно метакогнитивной сферы. Дело в том, что подавляющее большинство всех феноменов метакогнитивного плана не только не имеют самостоятельного продукта, но и характеризуются, как уже отмечалось, их принципиально осознаваемым, целенаправленно используемым характером. Тем самым, на них в целом и на меру их проявления, в особенности (то есть на широту представленности и на степень опоры) переносится одно из важнейших свойств самого сознания – его *интенциональность*. Мера их выраженности и вообще – того, насколько они характеризуют реальность, во многом совпадает с тем, насколько к этому стремится сам субъект. Критерием их сформированности и выраженности во многом выступает поэтому сам критерий интенциональности, то есть субъективной тенденции к их использованию. Однако, общеизвестно, что именно это – осознаваемая и субъективно достаточно явная тенденция, интенция как ничто иное доступна средствам собственно интроспективного типа (и, добавим, только им). Тем самым, вновь приходится констатировать наибольшую адекватность средств опросного типа самой природе феноменов метакогнитивного плана, но уже в аспекте того – очень важного их параметра, который сопряжен и с возможными «индикаторами» степени их выраженности, с индивидуальной мерой развития. Эта их объективная мера во многом является производной от меры выраженности самой интенции к их применению; то, как они представлены, в *реальности*, в значительной мере определяется

и диагностируется через то, как к этому *стремится* сам субъект. Более того, сама их выраженность – это и есть мера интенции к их применению, а понятие внешнего критерия при их оценке трансформируется в понятие *внутреннего* критерия, в качестве которого и выступает мера интенции к их использованию. Однако, подчеркиваем еще раз, они непосредственно и очень отчетливо представлены в субъективных оценках и, кроме того, вообще ни в каких иных оценках не представлены и, следовательно, может быть продиагностирована.

Кроме того, при этом следует учитывать и ряд данных, полученных в последнее время относительно характера влияния «вторичных» процессов на «первичные». Они показывают, что резульативные параметры «первичных» процессов (например, показатели продуктивности мышления) связаны с мерой влияния на него метамышления отнюдь не простой – линейной зависимостью [111]. Другими словами внешний критерий (в данном случае – продуктивность мышления) является максимальным не при аналогичном, то есть также наиболее выраженном влиянии и, соответственно, уровне развития, метамышления, а при некотором среднем его значении. Следовательно, эти данные показывают, что недопустимо отождествлять показатели внешнего критерия (в данном случае – параметры продуктивности мышления) со степенью выраженности самих метакогнитивных процессов – в данном случае метамышления.

В-пятых, при разработке и использовании методов опросного типа необходимо учитывать и еще одну особенность общепсихологического плана, тесно связанную с предыдущей и заключающуюся в следующем. Как известно, существует очень явная и сильная тенденция к переключению мотивационных установок субъекта на относительно более успешные виды деятельности и решаемые задачи (по [121]). Другими словами, субъект предпочитает те занятия и задачи, с которыми он лучше справляется; мотивационно более привлекательным является то, что «лучше получается». Понятно, однако, что именно это – то, что «лучше получается», сопряжено и с относительно более высоким уровнем развития тех средств, которые лежат в основе выполнения этого. Однако в этом случае открывается прямая возможность диагностики через сами доминирующие мотивационные установки того, что у личности развито, представлено в относительно более развитой форме. По отношению к метакогнитивной сфере это же означает, что об уровне сформированности отдельных процессов

и качеств метакогнитивного плана можно вполне обоснованно судить по тому, насколько по отношению к ним представлены сами мотивационные установки на их использование. Иначе говоря, то насколько они *объективно* развиты, проявляется в том, насколько к ним *субъективно* хочет прибегать сам человек. Однако, именно это – то есть само желание их использовать, субъективные мотивационные установки и тенденции к их использованию опять-таки весьма отчетливо представлены именно в интроспективном плане. Отсюда вытекает в частности, важное в процедурном плане следствие: вопросы в самом опроснике не только можно, но и нужно формулировать именно в «мотивационном» аспекте. Это означает, что формулировки должны быть не только и даже не столько абстрактно-оценочными (например, «Оцените, пожалуйста, насколько важно для вашей работы умение следить за ходом своих мыслей»), сколько мотивационно-ориентированными (например, «Оцените, пожалуйста, в какой мере Вы *стараетесь* контролировать ход своих мыслей»).

В-шестых, существует и еще одна причина, по которой использование именно методов опросного типа является относительно наиболее оправданным и конструктивным по отношению к исследованию феноменов метакогнитивного плана. Данная тенденция как раз и заключается в том, что именно они и являются, прежде всего, именно феноменами, то есть образованиями и процессами, явлениями и средствами, локализованными именно на уровне феноменологической представленности, на уровне явлений. Тем самым они во многом – причем, принципиально отличаются от многих иных предметов психологического исследования, которые, наоборот, столь же принципиально сопряжены с уровнем сущности. В конечном счете, принципиально феноменологическая природа подавляющего большинства метакогнитивных процессов и иных средств связана с их осознаваемым характером, с их принадлежностью к осознаваемой сфере. За счет этого все они и максимально доступны соответствующим – то есть также базирующимся на самонаблюдении методам. Они, как правило, не предполагают каких-либо более имплицитных и сложных техник, направленных на выявление тех или иных латентных факторов. Кроме того, за счет этого же они и в относительно более полной и прочной форме фиксируются и мнемически (поскольку, как известно, при прочих равных условиях именно осознаваемый материал запоминается лучше и удерживается прочнее). К этому необходимо,

однако, добавить, что он же и именно по этим же самым причинам и *актуализируется* также лучше и полнее, отчетливее и достовернее (на чем, как известно, и базируются все опросные методы).

Наконец, в-седьмых, важной и весьма сложной (быть может, наиболее сложной среди всех иных) является еще одна проблема, возникающая при разработке данной методики и состоящая в следующем. Как можно видеть из вышеизложенного, она должна носить комплексный характер, что, в свою очередь, отражает принципиальную гетерогенность самого теоретического конструкта, положенного в ее основу и, следовательно, полиметричность общего подхода к ее исследованию. В свою очередь, это означает, что она должна быть направлена, с одной стороны, на определение индивидуальной меры развития определенной совокупности основных подсистем метакогнитивного плана, которые как раз и характеризуются наиболее принципиальными, то есть именно *качественными* различиями. Однако, с другой стороны, она должна позволять осуществлять и достаточно дифференцированное исследование самих этих подсистем – в особенности, позволять диагностировать степень их собственной, «внутренней» организации. В этом случае своего рода идеальным был бы следующий вариант. Некоторый – комплексный диагностируемый конструкт (как исходная система) состоит из определенного набора его основных «составляющих» (подсистем). Они, в свою очередь, аналогичным образом «состоят» из определенного набора базовых «единиц» – компонентов, которые и должны составлять исходный предмет диагностики. Тогда организованность (структурированность, интегрированность и пр.) отдельных подсистем определяется на множестве этих – исходных «единиц» (компонентов), а затем на множестве самих подсистем определяется организованность всей системы в целом. Тем самым – при таком, хотя и идеальном, но явно упрощенном подходе возникает сложнейшая проблема определения того, что же именно можно рассматривать в качестве искомым «единиц» – компонентов метакогнитивной сферы в целом и ее отдельных подсистем, в частности. В общем – *теоретическом* плане она была предметом нашего специального рассмотрения в [121]; здесь же остановимся лишь на тех ее аспектах, которые необходимы с точки зрения задач собственно *методического* плана, которые связаны с разработкой опросника, направленного на исследование метакогнитивной сферы личности.

По нашему мнению, при ее решении следует обязательно учитывать следующие основные положения, которые, в свою очередь, непосредственно вытекают из сформулированных в [89] представлений о специфике содержания и организации самой метакогнитивной сферы личности. Первое из них заключается в следующем. В наиболее общем – собственно методологическом плане следует учитывать основную, критически значимую особенность данной сферы, состоящую в том, что она не может быть адекватно раскрыта в качестве системы «классического» типа, поскольку является одним из представителей качественно специфического класса систем со «встроенным» метасистемным уровнем. Важнейшей особенностью всех этих систем является то, что они – как целое не *состоят* из своих парциальных фрагментов (как их частей), а *реализуются* в них и *через* них. При этом в каждом из них система может реализовывать значительную долю всего своего потенциала, в результате чего он приобретает достаточно высокую степень сложности.

С этой – наиболее общей особенностью тесно сопряжено и второе обстоятельство также принципиального плана. Дело в том, что для декомпозиции систем такого типа на их «составляющие» и их последующего дифференцированного исследования неадекватен наиболее простой и очевидный, общепринятый подход – *структурно-морфологический*. Согласно ему, как раз и можно было бы предположить, что отдельные подсистемы «состоят» из своих компонентов как некоторых *морфологически* оформленных сущностей; они, свою очередь, определенным образом соорганизуются в их составе и образуют «внутреннюю» структуру этих подсистем. Наконец, сами подсистемы также соорганизуются друг с другом, давая в результате общую организацию всей метакогнитивной сферы. В реальности, однако, общая ситуация, равно как и базовые принципы организации данной сферы, являются иными и существенно более сложными. По отношению к ним более адекватен иной – *функционально-параметрический* подход, который становится в настоящее время все более распространенным при исследовании сложных и сверхсложных систем. В его основе лежит осознание того факта, что в любой частной, парциальной «составляющей» системы может проявляться не какая-либо ее отдельная, локальная – морфологически оформленная «единица», а вся она, но взятая в определенном «измерении», в определенном функциональном проявлении. Тем самым, взятая в нем,

она эксплицируется через тот или иной результативный показатель – параметр, характеризующий эффективность этого – *функционального*, по его сути проявления системы.

С позиций такого подхода та или иная система дифференцируется именно посредством функционального критерия на ее базовые «составляющие» – на основные для нее функции. Они, в свою очередь, предполагают в качестве необходимых средств своей реализации решение совокупности вполне определенных в качественном отношении, но более частных – парциальных функциональных задач. Сами же эти задачи носят, хотя и более частный, но все же также достаточно общий характер – они являются надейательностными и надпредметными (точнее – метапредметными и метадейательностными), поскольку являются следствиями типичных и инвариантно воспроизводимых деятельностных и поведенческих ситуаций. Так, например, в ходе организации любой деятельности возникают задачи, связанные с формулировкой ее целей, прогнозированием ожидаемых и (или) возможных результатов, принятием решений, планированием, контролем, коррекцией промежуточных результатов и др.

Далее, важно и то, что при решении каждой из этих относительно частных задач объективно возникает и еще одна группа задач – уже так сказать терминального, конечного по степени детализированности характера. Эти задачи связаны с тем, каким образом субъект предпочитает реализовывать частные метакогнитивные функции, то есть за счет каких собственно *операционных* средств он предпочитает (или привык) это делать. Поэтому они не только могут, но и должны быть поняты с этих позиций в качестве собственных «составляющих» самих подсистемы. При этом подчеркнем еще раз одно из наиболее важных обстоятельств: все эти операционные средства – именно по отношению к метакогнитивной сфере носят принципиально осознаваемый и произвольно контролируемый характер. Следовательно, именно по отношению к ней, а также к ее дифференцированному изучению и диагностике индивидуальной меры выраженности они, как нигде более, полно и точно доступны средствам аналогичной, то есть также осознаваемой экспликации и оценки. Именно это обстоятельство, по нашему мнению, является одной из главных причин того, что по отношению к исследованию метакогнитивной сферы средства опросного типа являются и наиболее распространенными, и наиболее обоснованными. В све-

те сказанного это вполне естественно, поскольку в данной области имеет место не просто сходство, но органичное совпадение сути *предмета* и *метода*.

Далее, реализация такого рода функциональных задач, равно как, впрочем, и всех иных, объективно эксплицируется в различных итоговых, результативных – качественных и количественных показателях, то есть *параметрах*. Они, в свою очередь, как правило, вполне доступны не только экспликации и объективации, но и квантифицируемому представлению. Это, в свою очередь, открывает широкие возможности для реализации по отношению к ним самых разных задач исследовательского плана. В силу всего сказанного, именно эти параметры должны быть проинтерпретированы в качестве тех – функциональных (параметрических) «единиц», на основе которых формируются и отдельные подсистемы, и вся исследуемая система в целом. При этом подчеркнем еще раз, что при решении каждой из частных функциональных задач может проявляться не «то или иное» локальное содержание системы, а ее очень *существенная* часть, поскольку она не состоит из них, а реализуется в них. В онтологическом (а не функциональном) плане в основе реализации всех этих общих – основных функций и даже отдельных функциональных задач не только могут, но и должны лежать сходные или даже – идентичные, единые средства и механизмы, заложенные в сущностных основах психики, в ее базовых психических процессах.

Кроме того, именно такой подход к декомпозиции метакогнитивной сферы на ее основные подсистемы и затем на их собственную декомпозицию на отдельные «составляющие» (компоненты) наиболее адекватен и ее собственным – основным специфическим особенностям. Действительно, как было показано в [121], важнейшей особенностью всех образований метакогнитивного плана является то, что в их основе лежит механизм *функциональной обратимости*. Его суть состоит в том, что практически все основные «составляющие» психики могут выступать не только в своей основной – прямой и непосредственной функции, но и в функции самопрезентации. Так, в частности, основные «первичные» когнитивные процессы могут реализовывать свои операционные средства в отношении самих же себя («оборачиваться» на себя). В результате этого и формируются сами «вторичные», то есть метакогнитивные процессы – метамысль, метамышление и др. Следовательно, все образования метаког-

нитивного плана вовсе не «добавляются» к общему компонентному составу психики в морфологическом смысле, а выступают именно как новые – подчеркнуто функциональные проявления уже присущего ей процессуального состава.

Отсюда вытекает и еще одно также очень важное следствие. Оно – и это также было предметом нашего рассмотрения в работе [89] – состоит в том, что собственный состав метакогнитивной сферы в целом, равно как и ее основных подсистем, является принципиально гетерогенным – причем, по нескольким основаниям одновременно. Он включает в себя не множество различных, но принципиально сходных «единиц», а множество таких «единиц», которые различаются между собой именно принципиально – качественно. Высочайшая степень качественной гетерогенности метакогнитивной сферы – это ее важнейшая особенность; она, в свою очередь, является объективным следствием того, что основные «составляющие» данной сферы выступают результатами и продуктами отмеченного выше механизма функциональной обратимости.

Наконец, очень важным является и то, что основным критерием дифференциации всех известных в настоящее время образований метакогнитивного плана на их основные классы также выступает подчеркнуто *функциональный* критерий. Действительно, как было показано в работе [121], решение задач таксономического и классификационного типа, возникавших в ходе эволюции метакогнитивизма, в очень явной степени «разделило судьбу» представлений в области исследования психических процессов. В основе их систематики, как известно, лежит фундаментальная дифференциация на определенные классы, выделенные именно на основе данного – функционального критерия, а все процессуально-психологическое содержание дифференцируется на ряд основных подсистем – когнитивную, регулятивную, коммуникативную. Дифференцированные на основе такого критерия классы процессов – соответственно, когнитивные, регулятивные, коммуникативные, а также эмоциональные и мотивационные, как раз и составляют основу всего процессуально-психологического содержания психики. В свою очередь, реализация этих базовых макрофункций предполагает необходимость осуществления более частных функциональных задач – более частных функций, каждая из которых, в свою очередь, лежит в основе выделения того или иного отдельного процесса в составе этих подсистем.

Вместе с тем, есть все основания считать, что этот же – подчеркнuto функциональный принцип воспроизводится и в организации метакогнитивной сферы. Именно он, по-видимому, лежит в основе ее дифференциации на базовые «составляющие» – подсистемы, равно как и в основе их собственной дифференциации на отдельные компоненты. Решающим аргументом в пользу такого предположения как раз и является то, что сама эта сфера также производна от всей совокупности «первичных» подсистем психики, равно как и от их организации. Тем самым, приходится вновь констатировать тот же вывод, к которому уже привел анализ, проведенный в работе [121]. Метакогнитивная сфера как система дифференцируется на совокупность основных подсистем, носящих подчеркнuto функциональный характер; соответственно, сами они дифференцируются на основе функционального критерия. Подсистемы направлены на реализацию вполне определенной в качественном отношении группы функциональных задач. Эти задачи имеют свои объективированные – эксплицированные и квантифицируемые проявления – параметры, через которые возможна и их диагностика, и их исследование. Эти параметры, следовательно, не только могут, но и должны быть рассмотрены в качестве базовых *предикторов* как самих подсистем, так и всей метакогнитивной сферы личности. Именно они, понятые в качестве ее базовых «единиц», в наибольшей степени отвечают самой сути функционально-параметрического, а не структурно-морфологического подхода к их анализу и последующему изучению. В силу этого, именно эти предикторы и должны быть рассмотрены в качестве того, что в методологии обозначается понятием *индикатов*. Ими, как известно, выступают такие объекты исследования, которые, с одной стороны, воплощают основные качественные характеристики изучаемого объекта, а с другой стороны, допускают доступ к ним со стороны средств собственно вербального – именно опросного типа. Другими словами, они вполне осознаются – понимаются самим опрашиваемым; кроме того, они могут быть оценены в плане степени их выраженности у него самого (то есть доступны для самооценки). Все это своего рода общие «аксиомы» методологии опросного типа; однако, именно в силу такого – именно аксиоматического, то есть не только общего, но и общепринятого характера, они же должны быть реализованы и при реализации этой методологии по отношению к дифференцированному исследованию метакогнитивной сферы.

Таким образом, все рассмотренные выше специфические особенности и черты феноменов метакогнитивного плана обуславливают в своей совокупности их наибольшее соответствие именно методам опросного типа, их так сказать взаимную конгруэнтность. Они же обуславливают и тот – эмпирически многократно зафиксированный факт, согласно которому именно эти методы не только очень широко распространены в метакогнитивизме в настоящее время, но и вообще занимают в нем доминирующее место. Метакогнитивная сфера – это та область психологического исследования, в которой особенности самонаблюдения, обычно рассматривающиеся в качестве негативных с методической стороны черт (например, его так называемый «субъективизм»), трансформируются в свою противоположность и выступают уже в качестве положительных черт метода.

Итак, на основе проведенного выше анализа становится понятным и объяснимым, почему именно методы опросного типа являются не только очень распространенными в метакогнитивизме, но и занимают, по существу, доминирующее положение во всей их совокупности. Наряду с этим, выявляется и еще более важное обстоятельство: они по самой своей сути в наибольшей степени конгруэнтны основным особенностям самих процессов и феноменов метакогнитивного плана. Это и делает их использование по отношению к ним и вполне обоснованным (причем, обоснованным именно в наибольшей степени по отношению практически ко всем иным предметам психологического исследования), и, по существу, даже необходимым. Можно сказать, что сама методология опросников как таковая не только вполне обоснована по отношению к ним, но и должна занимать лидирующие позиции в метакогнитивизме. Наряду с этим, необходимо подчеркнуть, что и сама эта методология также претерпевает определенные изменения, причем – по двум основным направлениям.

Во-первых, это переход от опросников преимущественно *локального* типа, направленных на исследование какого-либо одного, относительно частного проявления метакогнитивного плана (например, отдельно взятого метакогнитивного процесса, отдельного аспекта метакогнитивной феноменологии⁴⁷), к опросникам *обобщенного* типа. Они направлены на диагностику комплексных проявлений и инте-

---

⁴⁷ Примером такого рода опросников может служить, скажем, «Опросник мотивационных стратегий в обучении» (Motivated Strategies for Learning Questionnaire).

гративных эффектов всей совокупности метакогнитивных процессов и качеств. Это, например, методика диагностики «Метакогнитивной включенности в деятельность» (MAI – Metacognitive Awareness Inventory). Тем самым в определенной мере преодолевается одна из основных черт современного состояния метакогнитивизма в целом и его методов, в особенности – доминирование в ней методологии *аналитического* подхода.

Во-вторых, это переход от *лично-ориентированных* к *деятельностно-ориентированным* опросникам. Это означает, что, наряду с уже существующими методиками, носящими ярко выраженный внедеятельностный характер, постепенно появляются и методики, направленные на специальное и детализированное исследование явлений метакогнитивного плана именно в деятельностном контексте. Вместе с тем, пока эта тенденция носит характер именно тенденции и ограничена, по существу, лишь одним основным типом деятельности – учебной. В плане ее исследования к настоящему времени, действительно, разработан целый ряд весьма конструктивных и широко применяющихся методик (в частности, «Методика диагностики стилевых параметров обучения» (A. Salomon, R. Felder). Однако, по отношению к другому и также основному и, строго говоря, еще более значимому типу деятельности – собственно профессиональной такого рода методики пока практически отсутствуют.

Следовательно, обобщая все отмеченные выше тенденции и предпринимая попытку их развития, то есть «движения» согласно общей логике развития всей методологии метакогнитивизма, необходимо заключить следующее. Наиболее перспективной является разработка такой методики, которая носила бы именно опросный характер и была направлена на исследования явлений и процессов метакогнитивного плана в профессиональной деятельности. Реализовать эту логику – значит соответствовать общим и наиболее важным особенностям развития всей методологии метакогнитивизма. Кроме того, необходимо подчеркнуть, что именно такая методика, базирующаяся на принципах опросной методологии, обоснована точно в такой же степени, в какой обоснованы все иные – широко и продуктивно применяющиеся в метакогнитивизме методы аналогичного плана. Ее реализация корректна точно в такой же степени и в силу тех же причин, в какой корректны и все иные – успешно применяющиеся в нем методики. Именно на их основе, как известно, вообще сформирован весь эмпирический базис

метакогнитивизма в целом. И наоборот, не следовать этой тенденции – означает в существенной степени нарушать общую логику развития методологических и методических основ метакогнитивизма. Однако ей необходимо именно следовать, то есть предпринимать попытки ее развития, а не просто механически соответствовать. Это означает, прежде всего, необходимость распространения методик опросного типа на сферу собственно профессиональной деятельности. Подчеркнем также, что именно это как раз и является наиболее важной задачей в плане основных целей всей данной работы.

Наконец, необходимо подчеркнуть, что исследование метакогнитивных явлений и процессов именно в их деятельностном проявлении, в деятельностном контексте позволяет в значительной степени преодолеть и отмеченную выше аналитичность их исследования. Дело в том, что именно в контексте целостной деятельности (в отличие от выраженной абстрактности и аналитичности экспериментально-лабораторных условий) все эти явления и процессы представлены столь же комплексно и синтетически, то есть именно в их целостности и соорганизованности. Сама деятельность выступает при этом комплексной и объективной детерминантой их синтеза и структурирования.

Вместе с тем, этот вывод со всей остротой ставит вопрос о том, что же именно представляет собой эта целостность, эта организованная совокупность (то есть, фактически, структура) такого рода явлений и процессов? Что именно должно подлежать исследованию посредством этих методик опросного типа? Другими словами, с необходимостью формулируется один из основных и, по существу, базовых, главных вопросов, возникающих при разработке методик опросного и диагностического плана. Это вопрос о том *теоретическом конструкте*, который, собственно говоря, и подлежит исследованию. При этом необходимо обязательно учитывать то, что данный конструкт должен быть именно теоретическим, то есть не только быть обоснованным в собственно содержательном плане, но и с необходимостью вытекать из тех или иных – более общих положений собственно теоретического характера. Он должен быть своего рода логически необходимым следствием и конкретизацией этих положений. Одновременно с его необходимой теоретичностью, он, однако, должен быть и достаточно *операционален*, то есть должен позволять проводить его исследование и диагностику посредством существующих и реализуемых

методических процедур. Наконец, совершенно естественно и то, что в целях определения теоретического конструкта необходимо опираться на сформулированные в предыдущих главах представления аналогичного, то есть также теоретического характера о составе и содержании общей совокупности явлений и процессов метакогнитивного плана.

Все это означает, что основой для его определения должны быть, на наш взгляд, те представления, которые были обоснованы и достаточно подробно рассмотрены выше и центральным понятием которых является понятие *метакогнитивной сферы личности*. Именно оно является тем базовым собственно теоретическим *конструктом* и *концептом*, которое позволяет представить в синтетическом и соорганизованном виде всю совокупность феноменов и процессов метакогнитивного плана. Исходным и отправным при исследовании всех явлений и процессов метакогнитивного плана должно быть их изучение не столько по отдельности, не самих по себе, сколько исследование их общей – целостной организации. Ей и выступает вся метакогнитивная сфера личности, частными «составляющим» которой они являются и в составе которой они приобретают всю полноту своего содержания и всю свою специфику. Далее, важно, по нашему мнению и то, что данный концепт позволяет представить метакогнитивную сферу личности не только так сказать «вообще», в целом, но и *дифференцированно*, поскольку в нем зафиксирована вполне определенная – построенная на основе принципов иерархичности и уровневой организации их структура. Наконец, существенно и то, что данный концепт позволяет представить ее и в специфицированном виде – в форме, конкретизированной по отношению именно к той деятельности, которая является в данной работе основным предметом исследования – к информационной деятельности.

Напомним, что, согласно этим представлениям, метакогнитивная сфера личности в информационной деятельности организована на основе иерархического, структурно-уровневого принципа и образует собой целостную структуру, включающую пять основных уровней (метасистемный, общесистемный, подсистемный, компонентный, элементный). Следовательно, в данном концепте содержатся все необходимые и достаточные теоретические предпосылки для того, чтобы проводить ее исследование также структурированно, дифференцированно, а одновременно – и достаточно полно, многомерно. Кроме того, такая – уровневая и, значит, многомерная экспликация самого диагно-

стического конструкта позволяет преодолеть два отмеченных выше недостатка современного состояния опросных методик, существующих в метакогнитивизме. С одной стороны, данный конструкт указывает, что метакогнитивная сфера, действительно, должна исследоваться опросными методами именно в целом, поскольку в ней, согласно развитым выше представлениям, дифференцируется тот уровень, на котором она представлена именно как таковая – в целом, то есть обобщенно; это, разумеется, общесистемный уровень. И именно такая ее форма является предметом исследования в некоторых существующих методиках – например, в методике МАИ. С другой стороны, данный конструкт указывает и на то, что в структуре метакогнитивной сферы существует и такой уровень, на котором представлены отдельные, относительно локальные ее «составляющие» (например, отдельные метакогнитивные процессы или, скажем, частные стратегии метакогнитивного мониторинга); это, разумеется, компонентный уровень. Для их исследования, как отмечалось, также существует ряд достаточно конструктивных методик.

Вместе с тем – и это, по нашему мнению, является наиболее важным моментом, сформулированный выше теоретический концепт (и, соответственно, вытекающий из него исследовательский конструкт) – понятие метакогнитивной сферы указывает и на то, что только этими двумя – традиционно представленными аспектами все содержание метакогнитивной сферы *не исчерпывается*. Она включает в себя и иные уровни, а один из них – субсистемный, как показано выше, вообще играет определяющую и во многом решающую роль во всем содержании данной сферы, в ее организации и в ее спецификации по отношению к той или иной деятельности – в частности, информационной. Следовательно, данный концепт (и конструкт) позволяет одновременно решить две задачи. С одной стороны, он позволяет не только учесть, но и синтезировать два существующих – традиционных подхода. Первый – это ее изучение на максимальном уровне обобщенности, то есть «в целом»; второй – это ее столь же максимально детализированное исследование – на уровне отдельных проявлений и процессов. Кроме того, он вскрывает ограниченность и того и другого, а также показывает, как конкретно они должны быть синтезированы в рамках более общего методического подхода. С другой стороны, он расширяет зону поиска и определяет также новую предметную область исследования. Ей выступает особый, качественно специфиче-

ский и играющий решающую роль во всей метакогнитивной регуляции деятельности уровень – субсистемный. Его характеристика, равно как и содержание входящих в него подсистем метакогнитивного плана, была представлена выше. Важно и то, что в развитых выше представлениях в целом и в том концепте, который был сформулирован в них, в особенности, данный уровень не только обоснован в целом – в плане его существования и роли в организации деятельности. Главное заключается в том, что именно он и был подвергнут наиболее детализированному анализу, в результате чего выявлено его содержание, равно как и принципы его структурной организации. Было показано, что он образован закономерно организованной структурой ряда основных подсистем метакогнитивного плана (напомним, что их характеристика была представлена выше, а их состав образован метакогнитивной, метарегулятивной, метакоммуникативной, метадекларативной, метапроцедуральной, ингибиторной, эндокогнитивной и саморегулятивной подсистемами). Следовательно, на основе этого создаются все необходимые и достаточные условия (причем, теоретически обоснованные) для того, чтобы проводить исследование данного уровня принципиально *дифференцированно*, а значит – конкретно и содержательно. Поэтому исследование может проводиться уже не только «в целом» и не только «в частностях», на что направлены, как отмечалось выше, два существующих – традиционных способа, сложившихся в методологии опросного типа.

Таким образом, обобщая изложенное, следует заключить, что основным теоретическим конструктом, который должен быть положен в основу разработки методики исследования метакогнитивной регуляции деятельности, должно понятие *метакогнитивной сферы личности*. Оно, являясь, с одной стороны, базовым концептом, имеющим общепсихологический характер, с другой стороны, должно быть конкретизировано и подвергнуто деятельностной спецификации. В этом случае оно и выступает уже в качестве теоретического конструкта, на основе которого возможна разработка такого рода методики. Кроме того, поскольку данный концепт (и, соответственно, конструкт) фиксирует важнейшую и определяющую роль во всей метакогнитивной сфере субсистемного уровня ее организации, образованного целостной структурой ряда основных подсистем метакогнитивного плана, то аналогичную, то есть также определяющую роль в разрабатываемой методике должно играть именно их исследование. Иными

словами, в ее основу должны быть, на наш взгляд, положены те представления о составе и содержании основных подсистем метакогнитивного плана, которые составляют содержание данного уровня и которые были подробно рассмотрены выше. Именно они во всем многообразии их содержания и взаимосвязей друг с другом должны выступить *комплексным конструктом* для разработки методики исследования метакогнитивной сферы личности в управленческой деятельности. Подчеркнем, что поскольку эти подсистемы, как было показано выше, обладают явной специфичностью по отношению друг к другу, то и теоретический конструкт приобретает черты внутренней гетерогенности, становится многомерным. Отсюда следует, что и методика должна быть ориентирована не на изучение какого-либо одного аспекта данного конструкта, а на изучение их комплекса, то есть быть *полиметричной*. Следовательно, и сами задания методики (вопросы испытуемому) также должны быть качественно различными, то есть ориентированными на качественно гетерогенные подсистемы, трактуемые нами как частные конструкты, положенные в основу ее разработки.

Эти положения имеют принципиальное значение для определения того, какой характер и направленность должна иметь разрабатываемая методика изучения метакогнитивной сферы личности в управленческой деятельности. Как известно, все методики подразделяются на две основные категории – исследовательские и собственно диагностические (тестовые). В свою очередь, диагностические методики могут иметь, так сказать, строгий характер (то есть пройти все этапы стандартной процедуры психометрической верификации) и квазидиагностический характер. В этом случае за уровень развития метакогнитивной регуляции информационной деятельности может приниматься, например, простая, не нормированная (и уж тем более не переведенная в стеновые показатели) сумма баллов, полученных по всем «пунктам» той или иной методики. Однако и те и другие имеют результатом какой-либо количественный показатель общей степени развития мотивации учения. Исследовательские методики, не претендуя на определение степени развития того или иного конструкта (в нашем случае – уровня развитости метакогнитивной регуляции деятельности), то есть на решение собственно диагностических задач, обычно направлены на его содержательную, качественную характеристику. Из сказанного совершенно очевидно, что оптимальным

вариантом была бы такая методика, которая позволяла бы определять и общую степень развития метакогнитивной регуляции, и качественные характеристики самих метакогнитивных детерминант информационной деятельности (и их комплексов). В этом плане развитый выше подход к трактовке организации метакогнитивной сферы личности в информационной деятельности позволяет сформулировать следующее принципиальное, на наш взгляд, положение.

Поскольку метакогнитивная сфера личности в информационной деятельности внутренне гетерогенна, то методика ее исследования *не должна* носить *лишь* диагностического характера. Эту сферу как внутренне гетерогенное, принципиально многокачественное образование в принципе нельзя *полностью* выразить *одним* параметром, например, какой-либо *суммой* баллов. Сколько-нибудь полная характеристика метакогнитивной сферы личности в информационной деятельности может быть лишь *структурной*, вскрывающей и показывающей степень развития ее основных подсистем и отношений между ними.

Вместе с тем, сложность проблемы заключается еще и в том, что в целях изучения связи степени метакогнитивной регуляции деятельности в целом и информационной, в частности, с другими психическими факторами, детерминантами и пр. все же объективно необходимо каким-то образом выразить ее в каком-либо одном *интегральном* показателе. Отсюда следует, что разрабатываемая методика должна по возможности преодолевать существующее противоречие между собственно диагностическим (измерительным) и исследовательским (качественным, содержательным) характером ее направленности.

Это требование, являющееся одним из наиболее важных, было реализовано в разработанной нами методике следующим образом. С одной стороны, посредством нее диагностировалась каждая из восьми основных подсистем метакогнитивного плана в отдельности. Это в дальнейшем позволяло определять содержание и, главное, структуру метакогнитивной сферы личности в информационной деятельности, поскольку на основе такого рода количественных данных можно, например, определять коррелограммы взаимосвязей указанных подсистем. Кроме того, суммирование показателей развитости этих подсистем в их полной совокупности позволяет определять и своего рода метакогнитивные профили каждого испытуемого. Это означает, что метакогнитивная сфера может быть представлена именно как вну-

тренне гетерогенное, *полифакторное* (а значит, и *полиметрическое*) образование. С другой стороны, необходимо все же предусмотреть и возможность определения интегрального показателя степени метакогнитивной регуляции деятельности. Это достигается вполне очевидным и достаточно простым с технической точки зрения способом – агрегативным суммированием оценок по всем восьми подсистемам.

Таким образом, можно видеть, что предложенный прием, действительно, позволяет синтезировать *количественный* подход (диагностику степени выраженности метакогнитивной регуляции деятельности) с *качественным* раскрытием ее содержания (содержания и структуры основных мотивационных подсистем – см. далее). Тем самым, разработанная методика в существенной степени преодолевает принципиальную трудность теоретического плана – противоречие между количественными и качественными аспектами исследования диагностируемого конструкта. Поэтому она представляет собой своеобразный синтез методик собственно диагностического и исследовательского типов, что в наибольшей степени соответствует как характеру исследуемого объекта, так и основным целям данной работы.

Еще одним важным психологическим принципом разработанной методики явилось следующее требование. Общеизвестно, что собственно диагностические методики являются более строгими, точными, воспроизводимыми, более объективными в целом. Это достигается за счет того, что они подвергаются предусмотренной в психодиагностике процедуре их многоэтапной разработки и психометрической проверки; они, в частности, проходят этапы определения внешней и внутренней валидности, «анализа пунктов», определения надежности и пр. И здесь вновь возникает объективное противоречие между стремлением к созданию максимально строгой и корректной, то есть прошедшей психометрическую верификацию, методики и недопустимостью только диагностического характера методики изучения метакогнитивной сферы в информационной деятельности (поскольку в последнем случае не будет учтен важнейший факт гетерогенности самой этой сферы). Есть основания считать, однако, что данное противоречие может быть в значительной степени преодолено посредством использования некоторых общепринятых «шагов» психометрической разработки. Они, однако, должны быть реализованы не столько в направлении стандартизации методики, сколько в направлении повышения степени обоснованности ее основных аспектов,

а также учета в ней специфики психологической природы самого диагностируемого конструкта – метакогнитивной сферы личности в информационной деятельности.

На наш взгляд, еще одно важное требование к разрабатываемой методике заключается в следующем. Общеизвестно, что существуют два основных способа составления перечня индикаторов, раскрывающих сам предмет диагностики (в нашем случае – основных «составляющих» метакогнитивной сферы [89]). Первый – это способ, согласно которому «пункты» методики (то есть вопросы испытуемому) формулируются самим исследователем, исходя из его собственных представлений о теоретическом конструкте, положенном в основу методики. Это – так называемый *априорный* подход. Второй способ заключается в обобщении «пилотажных», предварительных эмпирических результатов какой-либо проблемы; это – *апостериорный* подход. Известно также, что оба эти способа имеют как достоинства, так и недостатки. Нам представляется, что оптимальным вариантом является сочетание этих способов, их взаимодополнение, а следовательно, их взаимоверификация. Конкретный способ такого взаимодополнения будет описан ниже.

Вместе с тем, следует особо подчеркнуть, что этот вариант, хотя и является достаточно обоснованным и оправданным, все же, на наш взгляд, еще недостаточен для разработки методики, направленной на исследование именно метакогнитивной сферы личности и должен быть дополнен потому еще одним способом. Дело в том, что, как мы постоянно подчеркивали выше, данная методика должна носить принципиально комплексный характер, поскольку она направлена на исследование столь же принципиально комплексного образования – самой метакогнитивной сферы. Причем, и характер ее проявления также носит синтетический, комплексный тип, поскольку она рассматривается не только в ее личностном «измерении», но и в целостном деятельностном контексте, а следовательно, – в еще более полном и богатом виде. Однако – и это также отмечаю выше, в настоящее время уже существует целый ряд теоретически обоснованных и практически весьма конструктивных, а к тому же, и прошедших многократную пробацию и верификацию методик отдельных сторон и аспектов метакогнитивной сферы. Они уже позитивно зарекомендовали себя и доказали свою эффективность в качестве исследовательских методик. В связи с этим, вполне логично (а по нашему мнению – и необ-

ходимо) использовать те возможности, которые открываются в свете этого. Другими словами, необходимо осуществить следующую организационно-методическую процедуру. В качестве основных индикаторов и индикаторов методики и, соответственно, в качестве ее основных «пунктов» – отдельных вопросов (или, по крайней мере, существенной их части) не только можно, но и нужно использовать те, которые «уже прошли» проверку исследовательской практикой и которые позитивно зарекомендовали себя в качестве средств определения отдельных сторон метакогнитивной сферы. Однако, их необходимо, во-первых, адекватно распределить по отношению к основным частям диагностического конструкта (основным подсистемам метакогнитивного плана); во-вторых, их необходимо синтезировать в общую совокупность, что и составит в итоге существенную часть всего содержания разрабатываемой методики. В этой связи можно сказать и так: поскольку разрабатываемая методика должна быть комплексной по своей сути и содержанию, то она со столь же очевидной необходимостью должна опираться на комплекс уже существующих методик. Она должна не только предполагать разработку чего-либо «полностью нового» и уже тем более – «не отрицать старое» и «не заменять его», а *дополнять* и *синтезировать* в себе все те, действительно, важные результаты и конструктивные методические приемы и «находки», которые уже существуют в настоящее время. Поэтому сама методика, направленная на комплексное исследование метакогнитивной сферы, также в известном смысле должна носить характер метаметодики: она должны быть в значительной своей части производной, «вторичной» по отношению к совокупности уже существующих методик. Соответственно этому, она будет переносить на себя те их преимущества, которые имеются у них самих и которые многократно подтверждены исследовательской практикой. Отсюда вытекает важнейшее, на наш взгляд, следствие: в этом случае она будет, *как минимум, не менее обоснованной и корректной*, чем они сами. Более того, можно обоснованно полагать, что мера ее корректности будет даже выше, поскольку она базируется не на какой-либо одной уже известной методике, а на их комплексе, что, естественно, повышает ее исследовательский потенциал, равно как и степень обоснованности.

Дополнительным требованием, которое также необходимо было, по нашему мнению, учитывать, явилось следующее положение. Как уже отмечалось, одним из основных недостатков прямого

подхода к разработке психодиагностических методик (например, мотивационных) является знание испытуемым того, *что именно* выступает истинным предметом исследования. Так, в частности, при исследовании мотивации учебной деятельности это вопросы: «Почему ты учишься?» или «Что тебе нравится в учебе?» и т. п. При этом показано также, что степень фальсифицируемости результатов такого рода методик значительно возрастает в том случае, если сами вопросы носят *лично*-адресованный, то есть направленный на самого испытуемого характер. Особенно явно данная черта проявляется в опросниках на определение степени и характера мотивов деятельности – и профессиональной, и учебной. Они, как показывает анализ соответствующей литературы, имеют обычно стандартную, привычную форму: «Я учусь, потому, что...», «Меня привлекает в моей работе...» – и далее следует тот или иной индикатор мотивации (см. обзор в [121]). Эти недостатки могут быть в значительной мере преодолены при более «безличных» и общих формулировках, отражающих некоторые общие установки, мнения, оценки. Например, для диагностики мотивации может быть применена такая формулировка: «Любое задание следует делать как можно лучше» (это – общая, обезличенная мотивационная установка, на которую, однако, испытуемый переносит свои мотивационные установки).

Вместе с тем, по отношению к исследованию факторов метакогнитивного плана ситуация является существенно иной. Дело в том, что разрабатываемая методика направлена не на *отношение* к тому или иному фактору метакогнитивного плана, а на то, в какой мере и с какой степенью он реально *используется* обследуемым в его деятельности. Следовательно, пункты опросника (то есть сами вопросы) по определению должны носить именно *лично*-ориентированный, так сказать адресный характер. Наряду с этим, следует учитывать, что именно по отношению к факторам метакогнитивного плана, как уже отмечалось, в значительной степени снимается сама опасность фальсификации, которая имеет место при таком адресном и лично-ориентированном характере вопросов. Дело в том, что, как указывалось выше, они не носят принципиально оценочного характера и не фиксируют именно результативные проявления активности любого типа (деятельностной, поведенческой). И именно поэтому они в несопоставимо меньшей степени «затрагивают интересы» личности, вообще – так сказать,

интересны ей с точки зрения того, «как это будет воспринято и оценено» со стороны», как она будет выглядеть в свете этих результатов.

Необходимо отметить, далее, что одним из значимых источников недостатков всех прямых опросных методов является неудачная (или вообще некорректная) формулировка вопросов (прямая или обратная, непосредственная или опосредствованная, абстрактная или конкретная и пр.). Следует учитывать также, что опасность такого рода искажающих влияний определяется удачностью той системы, которая и положена в основу формулировки вопросов. Вместе с тем, если такой системы нет, и вопросы будут представлены в преднамеренно разнообразной *диверсифицированной* формулировке, то исключается и сам именно систематический источник ошибки. Следовательно, еще одним важным условием повышения степени корректности разрабатываемой методики должно быть требование диверсифицированности формулировок ее вопросов. Большая доля вопросов, сформулированных в таком виде, повышает степень обоснованности и объективности данных диагностики.

Частным, но очень важным случаем данного требования является необходимость соблюдения и еще одного общего правила. Это правило сочетания так называемых прямых и обратных вопросов. По отношению к первым более высокая оценка утверждения испытуемым свидетельствует о большей степени развитости того или иного фактора метакогнитивного плана, а по отношению ко вторым – наоборот. Данное обстоятельство, как известно, объясняется тем, что в подавляющем большинстве случаев оценочные шкалы проградуированы «слева – направо». Крайние правые значения шкал символизируют «хорошие», «положительные» ответы, что и стимулирует возникновение у испытуемых установки (часто неосознанной) на то, чтобы давать варианты, соответствующие правым делениям оценочных шкал. Поэтому целесообразно сочетание прямых и обратных вопросов. Следует, конечно, иметь в виду, что по отношению к диагностике именно метакогнитивной сферы обратные (то есть сформулированные в негативном виде) вопросы не всегда понятны испытуемым и, следовательно, не столь информативны, как прямые. В силу этого, в нашей методике преобладали прямые вопросы как более информативные.

Наряду с этим, как известно, одним из недостатков всех прямых опросных методов являются трудности, связанные с недостаточно развитой способностью к самонаблюдению и самоанализу

у испытуемых. Однако, по отношению к разработке данной методики и, к тому контингенту, для которого она предназначена, эта трудность относительно менее актуальна. Дело в том, что она адресована таким лицам, у которых – просто в силу возрастных и многих иных личностных особенностей, а также их профессиональных качеств, когнитивные процессы, равно как и базирующиеся на них факторы метакогнитивного плана представлены на достаточно высоком уровне. В противном случае они попросту не могли бы выполнять свою профессиональную деятельность и уже подверглись бы так называемому «профессиональному отсеву».

Все представленные выше требования и принципы создания методики изучения метакогнитивной сферы личности в управленческой деятельности, непосредственно вытекающие из сформулированного нами общего подхода к исследованию данной проблемы, а также из основных положений психодиагностики, были положены в основу ее разработки. Она включала ряд основных этапов, к характеристике которых теперь необходимо перейти.

На *первом* этапе посредством специального реферирования литературных источников определялся возможно больший круг тех методик, которые существуют в настоящее время в метакогнитивизме и которые направлены на исследование и (или) диагностику самых разнообразных проявлений метакогнитивного плана. Как уже отмечалось выше, сейчас существует достаточно большое количество такого рода методик, а сам опросный метод (причем, не только письменного, но и устного) вообще является доминирующим в этом направлении. При этом уже на данном этапе сами методики также подвергались определенной селекции на основе двух главных критериев. Во-первых, отбирались те из них, которые носят, преимущественно, либо обобщающий характер и не связаны с той или иной конкретной предметной сферой деятельности. Дело в том, что значимая часть всех существующих методик разработана по отношению к учебной деятельности и они, следовательно, не вполне специфицированы по отношению к своеобразию именно профессиональной деятельности в целом и информационной, в особенности. Понятно, что они очень существенно отличается от специфики *учебной* деятельности, а по многим параметрам являются и противоположной ей. Во-вторых, отбирались лишь те методики, которые соответствуют возрастным характеристикам контингента данного исследования, в силу чего отсеивались те из них,

которые адресованы лицам, еще не достигших уровня взрослости. Данное требование также весьма актуально, поскольку доля методик, разработанных в метакогнитивизме и адресованных относительно младшим возрастным группам, достаточно велика. В результате всего этого определялся исходный «банк» методик, на основе которого были реализованы все иные этапы разработки новой методики.

Так, на *втором* этапе из всех отобранных методик осуществлялась селекция тех вопросов, содержащихся в них, которые соотносятся с той или иной из дифференцированных выше основных подсистем метакогнитивного плана и совокупность которых составляет содержание самого конструкта, положенного в основу всей этой методики. Иначе говоря, все представленные в общей совокупности методик вопросы распределялись на восемь основных групп, каждая из которых соотносится с той или иной основной подсистемой метакогнитивного плана. Например, в первую группу входили вопросы, которые так или иначе направлены на первую из подсистем – метакогнитивную и которые, вообще говоря, являются наиболее типичными и характерными для всех опросников такого рода. Во вторую группу входят все содержащиеся в «первичном банке» методик вопросы, связанные с исследованием уже иной категории детерминант, образующих содержание второй основной подсистемы – метарегулятивной и т. д. Подчеркнем, что, поскольку сам исходный «банк» был достаточно обширным, то и общее количество вопросов, вошедших в каждую из этих восьми групп, также оказалось достаточно большим. В частности, для метакогнитивной подсистемы оно равнялось 68; для ингибиторной подсистемы – 45. Однако, на этом относительно «раннем» и во многом исходном, а значит определяющем этапе следовало идти именно на такое – преднамеренно большое количество вопросов. Это связано с тем, чтобы уже на этой стадии не упустить какой-либо важный аспект, фактор метакогнитивного плана, который может играть значимую роль в регуляции деятельности. Метафорически выражаясь, можно сказать, что «поисковая сеть должна быть закинута» максимально широко, чтобы «улов» оказался хорошим, и не было бы упущено ничего существенного.

На *третьем* этапе реализовывалась еще одна процедура, сходная по своим целям с предыдущей, то есть направленная на формирование возможно более широкого исходного набора вопросов. Дело в том, что, строго говоря, нет достаточных оснований считать, что

в уже существующих методиках отражены все основные проявления метакогнитивного плана; что они уже достаточны для того, чтобы их множество считать исчерпывающим в этом плане (или близким к этому). Как раз наоборот, именно в силу относительной «молодости» всего метакогнитивного направления, и его методическая составляющая также пока далека от совершенства. Но это означает, что уже содержащиеся в существующих перечнях пункты вовсе не исчерпывают собой всех возможных; они могут быть дополнены и расширены. Поэтому для восполнения возможных пробелов и в целях расширения исходного множества вопросов, была реализована специальная процедура, основанная на сочетании методов фокус-групп и концентрации суждений [211]. В результате, на выходе формулировалось множество новых вопросов, которые, по мнению экспертов, должны быть включены в методику, но которые отсутствовали в исходном множестве существующих методик.

Далее, на *четвертом* этапе исходный набор вопросов подвергался еще одной процедуре его обогащения. Дело в том, что по отношению к каждой из дифференцированных подсистем существуют, как известно, их наиболее репрезентативные и важные – по существу, атрибутивные для них проявления и стоящие за ними факторы. Именно они должны быть не только *обязательно* предусмотрены в общем перечне вопросов, но и играть в нем определяющую роль. Для каждой подсистемы они являются, во-первых, существенно разными и, во-вторых, они глубоко специфичны для каждой из них, воплощают в себе их сущность и их главное функциональное предназначение. Так, для метакогнитивной подсистемы это, разумеется, вопросы, которые адресованы двум основным «вторичным» процессам, с которых, собственно говоря, и началось развитие метакогнитивизма в целом – метапамяти и метамышления. По отношению ко второй основной подсистеме – метарегулятивной это вопросы, связанные с контролем за тремя ключевыми процессами регулятивного плана (принятием решения, планированием и контролем), которые чаще всего выступают предметом изучения в существующих опросниках. Это, например, следующие вопросы: «Я способен контролировать качество принимаемых мной решений»; «Я полностью согласен с пословицей «Семь раз отмерь, один отрежь». По отношению к двум другим и также основным подсистемам – метакоммуникативной и саморегулятивной это вопросы, которые направ-

лены на исследование тех базовых структурных «составляющих», которые дифференцируются в настоящее время, соответственно, в психологии социального интеллекта и в психологии саморегуляции. Последнее объясняется тем, что, как мы уже отмечали выше, обе эти подсистемы во многом являются конкретизацией по отношению к содержанию метакогнитивной сферы тех двух важнейших конструктов, которые составляют содержание понятий, – соответственно, социального интеллекта и саморегуляции. Так, по отношению к метакоммуникативной подсистеме это следующие структурные компоненты и, соответственно, ориентиры для формулировки адекватных им вопросов. Во-первых, это, разумеется, такой базовый компонент социального интеллекта, как способность к регуляции межличностных взаимодействий. Будучи очень сложной и многоаспектной, она, тем не менее, в наиболее обобщенном и доступном для испытуемых виде может быть эксплицирована в опроснике в следующем его пункте: «Мне не трудно управлять ходом беседы или переговоров». Во-вторых, это способность к невербальным взаимодействиям. Она эксплицируется в опроснике посредством следующего пункта: «Я хорошо улавливаю знаки в общении, которые указывают на то, в чем другие нуждаются». Для саморегулятивной подсистемы это уже иные структурные компоненты и связанные с ними вопросы. Первый – это способность к временной организации деятельности. Она репрезентируется в следующем пункте «Я могу выбирать такой темп работы, чтобы иметь достаточно времени и замедляю его, когда сталкиваюсь с важной для себя информацией». Второй – это способность к эмоциональной саморегуляции. Он репрезентируется в вопросе «В трудных ситуациях я умею контролировать свои эмоции».

Вместе с тем, подчеркнем то главное и общее, что составляет суть данного этапа. Он направлен на гарантированный учет в первичном перечне вопросов тех, которые соотносятся с основными и определяющими – по существу, атрибутивными особенностями каждой из исследуемых подсистем метакогнитивного плана.

В результате реализации всех отмеченных этапов решалась общая для них задача – определение исходного множества вопросов, на основе которых и будет разрабатываться окончательный вариант методики. Поэтому их можно объединить в группу своего рода *собирательных*, *накопительных* – коллекционистских этапов. Вместе с тем, после того, как они будут реализованы, не только необходим, но и возможен пере-

ход к реализации второй группы задач и, соответственно, этапов – так сказать *селекционных*, связанных с отбором наиболее конструктивных из них в плане решения основных задач методики.

Вместе с тем, именно при их реализации и возникает одна из главных и даже критически значимых проблем разработки практически любой методической процедуры опросного типа. Ее суть, как известно, заключается не столько в отборе как таковом, сколько в выборе и, главное, в *обосновании* того *критерия* (или критериев), на основе которого и осуществляется сама селекция. Такой критерий в идеале должен носить не только обоснованный, но и объективный характер, а также вытекать из тех или иных также обоснованных в теоретическом плане представлений и доказанных положений содержательного характера. Необходимость в этом связана и с еще более общим обстоятельством, имеющим, как известно, широкий – по существу, гносеологический смысл. Оно состоит в том, что в целях решения задач, направленных на обоснование полноты чего-либо и критерия такой полноты возможны два варианта. Первый – это путь, обозначаемый как логико-дедуктивный и предполагающий именно *доказательство*, теоретическое обоснование полноты и корректности посредством, в основном, процедур спекулятивного плана (как отмечалось выше, он иногда обозначается как априорный). Второй – это путь *эмпирического* обоснования, предполагающий использование тех или иных верификационных средств уже собственно технического, операционального характера, а также реализацию средств математико-статистического обоснования (это – апостериорный способ). Безусловно, два этих пути не только не противоречат друг другу, но и могут выступать в качестве взаимодополнительных. Вместе с тем, при конкретной процедуре селекции все же должны быть определены приоритеты между ними и выбран тот или иной из них. В силу этого, при разработке данной методики приоритет был сделан в отношении второго пути, что полностью согласуется и с теми императивами, которые приняты в психодиагностике в целом.

В силу этого, на следующем – *пятом* этапе в целях селекции из исходного множества вопросов наиболее значимых и репрезентативных была применена следующая методическая процедура. Вначале по отношению к каждой подсистеме проводился опрос на основе *всей* совокупности вопросов, вошедших в их исходное множество (то есть без какой-либо селекции). В итоге выборка дифференцирова-

лась по тому итоговому баллу, который набирал каждый ее член посредством ответов на все вопросы. Затем по отношению к каждому из вопросов реализовывалась одна из основных и очень действенных, широко применяемых в психодиагностике процедура «анализа пунктов». Ее суть состоит, как известно, в том, что определяются коэффициенты корреляции между каждым «пунктом», то есть в данном случае – вопросом и итоговым баллом всей методики. Тем самым имеет место своего рода *автоселекция* вопросов: отбор каждого из них в аспекте его адекватности и релевантности всей их совокупности осуществляется на основе сопоставления именно с этой совокупностью. Если тот или иной вопрос обнаруживает значимую положительную корреляцию с общим баллом то он, разумеется, отвечает по своему смыслу и направленности всей этой совокупности. Однако именно последняя отражает содержание и сущность самой исследуемой подсистемы. В результате процедуры автоселекции были дифференцированы по 15 вопросов, имеющих наиболее сильные связи с итоговым баллом, то есть наиболее релевантные содержанию самих подсистем.

Далее, на следующем – *шестом* этапе была реализована еще одна процедура селективного плана, сущность которой состояла в следующем. Дело в том, что по отношению к каждой из восьми основных подсистем существует вполне определенный так сказать «внешний критерий», которому она наиболее полно и естественным образом соответствует. Так, в частности, для; для метакоммуникативной подсистемы – это, естественно, индивидуальная мера развития социального интеллекта. Для них уже существуют апробированные методики. Для других подсистем такой критерий, хотя также вполне очевиден, но пока отсутствуют методические средства его количественного определения; в частности, это метакогнитивная и ингибиторная подсистемы. В силу этого, в целях компенсации данного пробела нами были разработаны две специальные методики, направленные на определение степени их выраженности. Во-первых, это методика исследования метамышления как процесса, который во многом репрезентирует все содержание метакогнитивной подсистемы и является главным в ней [89]. Во-вторых, это методика, направленная на определение степени выраженности «антирефлексивных» факторов и соотносящаяся с ингибиторной подсистемой [89]. После этого все пункты, входящие в исходный перечень, были подвергнуты уже отмеченной процедуре «анализа пунктов», но уже именно по внешнему критерию.

В результате этого также был отобраны по 15 из них, которые обнаружили наиболее высокие и значимые корреляции с ним.

Затем на следующем – *седьмом* этапе два полученных в итоге перечня пунктов (по 15 в каждом) были подвергнуты обобщению – объединению в одно множество. Главным критерием его составления выступало *одновременное* вхождение того или иного пункта в оба этих перечня. Если это, действительно, имеет место, то оно выступает важнейшим доказательством его релевантности именно данной подсистеме и, более того, его непосредственной связи с мерой ее выраженности. Данное обстоятельство представляется наиболее существенным, хотя и достаточно имплицитным; поясним сказанное. Дело в том, что корреляция как таковая выявляет не только связь тех или иных сущностей, но и, прежде всего, связь степеней их выраженности, то есть связь их не только содержательных (качественных), но и *количественных* параметров. Следовательно, именно те пункты, которые обнаруживают относительно наиболее высокие корреляции с внешним критерием, одновременно вносят и наибольший вклад в меру развития той или иной подсистемы. Это же означает, что именно их совокупность и должна являться основой для аналогичной, то есть также *количественной* оценки степени ее сформированности, развитости. При этом очень показательным (и доказательным в плане правомерности примененных процедур и обоснованности их результатов) явилось следующее обстоятельство. Два множества, полученные существенно *разными* путями, оказались в итоге очень сходными – их содержание совпадало в среднем на 80%-90%, причем, для всех восьми подсистем. Это свидетельствует, во-первых, о правомерности самих использованных процедур, а во-вторых, о том, что именно эти – прошедшие так сказать «двойную» и независимую друг от друга селекцию пункты, действительно, являются наиболее значимыми и наиболее репрезентативными в плане каждой из основных подсистем. В результате объединения двух перечней составлялся окончательный список вопросов – по 10 для каждой из основных подсистем. В свою очередь, на основе этого компоновался итоговый вариант методики, включающий по 10 вопросов для каждой из восьми основных подсистем, то есть состоящий из 80 вопросов⁴⁸.

---

⁴⁸ При этом следует отметить тот любопытный факт, что по каким-то причинам именно это количество – 80 наиболее часто встречается в существующих опросниках, разработанных в метакогнитивизме (см. обзор в [121]).

Далее, следует особо подчеркнуть, что окончательный вариант методики, включающий 80 вопросов, был, как того и требуют принципы психодиагностического исследования, верифицирован на предмет ее внутренней и внешней валидности. Это и составило содержание двух следующих этапов разработки методики.

Так, на *восьмом* этапе определялась внутренняя валидность данной методики. Следует отметить, что общая – стандартная процедура определения этого вида валидности имела в данном случае определенную специфику. Дело в том, что сам теоретический концепт и, соответственно, диагностический конструкт, который положен в ее основу, обладает принципиальной и ярко выраженной *гетерогенностью* и включает в себя ряд относительно самостоятельных и, главное, специфических в содержательном отношении «составляющих». Следовательно, и критерии для верификации внутренней валидности также должны быть аналогичными – гетерогенными и множественными. Другими словами, внутренняя валидность должна проверяться *отдельно* для каждой из подсистем и по разным критериям, точнее – по разным основаниям для каждой из них. В этих целях результаты пилотажного исследования по каждой подсистеме сопоставлялись на основе метода корреляционного анализа, соответственно, с результатами использования следующих методик для каждой из восьми подсистем. Ими были, как уже отмеченные выше, так и иные, релевантные данной задаче методики: охарактеризованная выше методика диагностики уровня развитости метамышления [121]; методика диагностики социального интеллекта [58]; разработанная нами методика диагностики «антирефлексивных» средств (по [89]); методика для диагностики уровня представленности метакогнитивных стратегий (по [89]); методика МАІ для диагностики процессов метарегулятивного плана и др. Корреляции итоговых показателей оказались значимыми для всех подсистем при значениях от $p = 0,10$ до $0,05$, что свидетельствует о достаточно высокой внутренней валидности данной методики.

Несколько сложнее обстоит дело с проверкой методики на предмет ее внешней валидности, которая осуществлялась на следующем – *девятом* этапе ее разработки. Дело в том, что одним из наиболее обобщенных показателей степени сформированности метакогнитивной сферы является уровень рефлексивности как таковой, индивидуальная мера рефлексивности как определенного качества личности. Оно может выступать для целого ряда видов деятельности, в особенности –

для субъект-субъектных и в частности управленческой, и как профессионально-важное. Однако, очень специфическая особенность этого качества, как известно, состоит в том, что индивидуальная мера его развитости связана с эффективностью деятельности не традиционными отношениями максимума («чем больше мера, тем выше эффективность»), а отношениями оптимума (в этом случае функция принимает максимальные значения не на максимальном, а на некотором промежуточном – «среднем» значении аргумента). Следовательно, если именно этот характер отношений обнаружится при сравнении результатов разрабатываемой методики с результативными параметрами деятельности, то это и будет являться решающим доказательством внешней валидности самой разрабатываемой методики.

В этих целях нами также было проведено дополнительное специальное исследование, направленное на решение данной задачи. В его результате была установлена именно такого рода зависимость между показателями методики и результативными параметрами деятельности (это исследование, равно как и иные сходные с ним по целям) подробнее описываются в работе [89]. Кроме того, известно также, что процедура определения внешней валидности предполагает и необходимость сопоставления результатов той или иной вновь разрабатываемой методики с результатами уже существующих методик и верификацию с их стороны. Для этого нами была реализована следующая процедура. Поскольку разрабатываемая методика направлена на исследование не просто метакогнитивных факторов, а факторов, взятых именно в деятельностно-специфицированном виде, то такого рода сопоставление необходимо было проводить с данными методик, направленных на диагностику не только общей рефлексивности, но и рефлексивности в *деятельности*. В силу этого, по отношению к исследованному контингенту были применены две методики (методика «Рефлексивности деятельности», разработанная под руководством В. Д. Шадрикова [267], а также предложенная в работе [97] методика диагностики уровня развития рефлексивности); их результаты суммировались, что и давало общий балл для каждого испытуемого. После этого результаты по вновь разрабатываемой методике коррелировались именно с этим – итоговым баллом, что и выступало показателем ее внешней валидности. В итоге полученный коэффициент оказался статистически достоверным на уровне $p = 0,05$, что свидетельствует о достаточно высоком уровне внешней валидности разрабатываемой методики.

Наряду с этим, при разработке методики необходимо было учитывать и еще целый ряд требований, являющихся традиционными для разработки средств психодиагностического плана. Так, немаловажным условием корректности новой методики является необходимость чередования пунктов, то есть вопросов и утверждений, относящихся к различным подсистемам. В связи с этим, весь опросник был структурирован следующим образом. Поскольку он предполагал диагностику 8 подсистем метакогнитивного плана, а каждая из них определялась посредством 10 наиболее репрезентативных суждений («пунктов»), то в общем тексте опросника вопросы-суждения чередовались в порядке, соотносимом с каждой из подсистем. Это означает, что сначала идет вопрос, соотносимый с метакогнитивной подсистемой, затем с метарегулятивной подсистемой, далее – последовательно с метакоммуникативной, ингибиторной, метадекларативной, метапроцедуральной, эндокогнитивной и саморегулятивной подсистемами. На диагностику каждой из 8 подсистем были направлены соответственно следующие утверждения: метакогнитивная подсистема – пункты 1, 9, 17, 25, 33, 41, 49, 57, 65, 73; метарегулятивная – пункты 2, 10, 18, 26, 34, 42, 50, 58, 66, 74; метакоммуникативная – пункты 3, 11, 19, 27, 35, 43, 51, 59, 67, 75; ингибиторная – пункты 4, 12, 20, 28, 36, 44, 52, 60, 68, 76; метадекларативная – пункты 5, 13, 21, 29, 37, 45, 53, 61, 69, 77; метапроцедуральная – пункты 6, 14, 22, 30, 38, 46, 54, 62, 70, 78; эндокогнитивная – пункты 7, 15, 23, 31, 39, 47, 55, 63, 71, 79; саморегулятивная – пункты 8, 16, 24, 32, 40, 48, 56, 64, 72, 80.

Кроме того, как указывалось выше, одним из обязательных требований является необходимость включения в опросник «обратных» утверждений. В связи с этим пункты опросника под номерами 19, 27, 41, 50, 63, 75 носили «обратный» характер. Окончательный вариант опросника представлен ниже.

Текст опросника

Пункты опросника		1	2	3	4	5	6	7
1.	Когда я изучаю что-то новое, я соотношу это с тем, что мне уже известно в этой области							
2.	Принимая важные решения, я склонен анализировать используемые мной способы							
3.	Я легко прогнозирую слова и поступки своих сотрудников и коллег							

Пункты опросника		1	2	3	4	5	6	7
4.	В сложной ситуации я придерживаюсь мнения, что первое решение самое лучшее							
5.	Я стараюсь подмечать и запоминать все то, что помогает мне в работе							
6.	Знание принципов работы важнее для моей работы, чем знание конкретных приемов работы с ней							
7.	Я осознаю свои интеллектуальные преимущества и ограничения							
8.	Я могу выбирать такой темп работы, чтобы иметь достаточно времени и замедляю его, когда сталкиваюсь с важной для себя информацией							
9.	Я отслеживаю, насколько эффективно я работаю над решением задач							
10.	Я перепроверяю и корректирую, если это необходимо, принятое мной решение							
11.	Мнение окружающих очень важно для меня							
12.	Я считаю, что в ситуации выбора лучше долго не задумываться							
13.	Знание того, как в действительности устроен компьютер, необходимо для эффективной работы							
14.	Прежде чем использовать какой-либо способ выхода из ситуации, я стараюсь сравнить его с другими возможными способами							
15.	Я легко запоминаю новую информацию							
16.	Работая над проблемами, я время от времени спрашиваю себя, рассмотрел ли я их альтернативные решения							
17.	Я владею, по меньшей мере, несколькими способами запоминания материала, необходимого для моей работы							
18.	Как правило, что-то задумав, я прокручиваю в голове свои замыслы, уточняя детали и рассматривая варианты							
19.	Мне неинтересно, какие чувства вызывают у других людей мои слова и поступки							

Пункты опросника		1	2	3	4	5	6	7
20.	Я довольно легко принимаю решение относительно какой-либо сложной ситуации							
21.	Я считаю, что знания об IT-технологиях – важная причина моего интереса к работе и поэтому их надо расширять							
22.	Знание того, как следует действовать в той или иной ситуации, важнее знания ее причин и смысла							
23.	Я могу точно оценить степень своей компетентности в той или иной области							
24.	В трудных ситуациях я умею контролировать свои эмоции							
25.	Я часто спрашиваю себя, был ли более легкий путь сделать задание после того, как оно было выполнено							
26.	Я способен контролировать качество принимаемых мной решений							
27.	Мне трудно управлять ходом беседы или переговоров							
28.	Я умею отключаться от всего, кроме стоящей передо мной задачи							
29.	Прежде чем определять алгоритм действия в какой-либо ситуации, необходимо понять ее смысл и причины							
30.	У меня есть свои собственные приемы работы, и я стараюсь их улучшать							
31.	Я обычно хорошо запоминаю имена							
32.	Я использую разные стратегии в зависимости от ситуации							
33.	Изучая что-то новое, я время от времени делаю паузу и спрашиваю себя, насколько хорошо я понимаю материал							
34.	Прежде чем начать выполнять ту или иную работу, я четко определяю ее цель							
35.	Я могу сознательно произвести на другого человека нужное мне впечатление							
36.	Порой я принимаю необдуманные решения							

Продолжение Опросника

Пункты опросника		1	2	3	4	5	6	7
37.	Я стараюсь полностью вникнуть в суть задания, прежде чем приступить к выполнению							
38.	Знание «soft-skills» важнее знания «hard-skills»							
39.	Мне тяжело принимать решения, я всегда долго думаю и сомневаюсь							
40.	Я использую свои интеллектуальные преимущества для компенсации своих слабостей							
41.	Я обычно не задумываюсь о причинах того, что со мной происходит							
42.	Я пытаюсь разбить работу на некоторое количество отдельных заданий							
43.	Мне бывает трудно понять чувства других, даже близких мне людей							
44.	Мне хотелось бы научиться меньше думать и больше действовать, не закливаясь на каждом сделанном шаге и его последствиях							
45.	Самое важное для преодоления любых ситуаций – понимание их смысла и содержания, а не попытка вспомнить уже имеющийся опыт выхода из них							
46.	При решении трудных задач я предпочитаю опираться на свой прошлый опыт, а не на общие знания и предписания							
47.	Я нередко сталкиваюсь с проблемами, поскольку у меня не хватает терпения заранее продумать свои действия							
48.	Я организую свое время так, чтобы добиться своих целей наилучшим образом							
49.	Чтобы запомнить профессионально значимый материал, я использую приемы мнемotechnики (например, запоминание по первым буквам и т. д.)							
50.	Я не всегда учитываю информацию о результатах своих решений							
51.	Прежде чем сделать замечание другому человеку, я обязательно подумаю, в каких словах это лучше сделать, чтобы его не обидеть							

Продолжение Опросника

Пункты опросника		1	2	3	4	5	6	7
52.	Для успеха намного важнее концентрироваться на деле, а не на людях и их мнениях							
53.	Я считаю, что для моей работы необходимо не только получать новую информацию, но и пытаться ее анализировать							
54.	Как правило, я лучше понимаю материал, если применяю его на практике							
55.	Я способен быстро оценивать обстановку и менять план действий в зависимости от обстоятельств							
56.	Я стараюсь замечать и исправлять свои ошибки							
57.	В процессе ознакомления с новым материалом, я несколько раз перечитываю сложные для моего понимания абзацы							
58.	Я проверяю, правильно ли я понял задание, перед тем как приступить к решению							
59.	Работая над какой-либо проблемой в группе, я предпочитаю активно участвовать и вносить свои идеи							
60.	Главное для меня – представить конечную цель своей деятельности, а детали имеют второстепенное значение							
61.	Я часто пытаюсь оценить свою компетентность и сравнивать ее уровень с уровнем других							
62.	Лучший специалист – не тот, кто много знает, а тот, кто умеет применять знания							
63.	Я чувствую дискомфорт, попадая в ситуацию, когда нужно запомнить много нового							
64.	Когда я работаю, я постоянно слежу за ходом своих мыслей и тщательно контролирую свои действия							
65.	Я рассматриваю несколько альтернатив решения проблемы перед тем, как выбрать окончательный вариант							
66.	Секрет моего успеха в том, что, совершая действие, я всегда руководствуюсь заранее продуманным планом							

Пункты опросника		1	2	3	4	5	6	7
67.	Я хорошо улавливаю знаки в общении, которые указывают на то, в чем другие нуждаются							
68.	Я предпочитаю действовать, а не размышлять над причинами своих неудач							
69.	Мне очень нравится читать новую литературу по моей специальности и по IT-технологиям в целом							
70.	Я нередко чувствую, как надо поступить, но не знаю точно, почему именно							
71.	Для того, чтобы усвоить новый материал, мне требуется слишком много времени							
72.	Я могу сосредоточиться, невзирая на помехи							
73.	Я обычно делаю рисунки и диаграммы, помогающие мне лучше понять проблему, над которой я работаю							
74.	Я обычно сразу вижу, сколько времени мне понадобится для решения возникающей задачи							
75.	Я не люблю наблюдать за поведением окружающих людей							
76.	Я предпочитаю действовать быстро, лишние размышления только отнимают время							
77.	Я нередко «оглядываюсь назад», что помогает мне в работе							
78.	Справочники и практические руководства важнее для моей работы, чем теоретическая литература							
79.	Я могу работать долго, без перерывов, не отвлекаясь							
80.	Я легко концентрируюсь на работе, даже если она мне неинтересна							

Испытуемому давалась следующая инструкция. «Оцените, пожалуйста, насколько представленные ниже высказывания правомерны по отношению к вам. Чем в большей степени они справедливы по отношению к вам, тем большую оценку надо ставить». После каждого вопроса, утверждения давалась 7-балльная шкала, на которой испытуемый должен был зафиксировать свой ответ: 1 – совсем не подходит; 2 – почти уверен, что не подходит; 3 – скорее не подходит, чем подходит; 4 – не знаю точно; 5 – скорее подходит, чем не подходит; 6 – почти уверен, что подходит; 7 – полностью подходит.

Подчеркнем еще раз, что в компоновке опросника использован прием «чередования подсистем», то есть вопросы, адресованные предикторам каждой подсистемы, представлены с «шагом» в восемь пунктов (по числу подсистем). Иными словами, вопросы 1, 9, 16 и т. д. адресованы первой – метакогнитивной подсистеме; вопросы 2, 10, 18 и т. д.; второй, то есть метарегулятивной подсистеме.

Как мы уже отмечали в начале характеристики данной методики, поскольку она базируется на прямом подходе и допускает возможность субъективного искажения, то в ней обязательно должны быть представлены специальные средства, препятствующие этому. Необходимо отметить также, что до настоящего времени данный тезис в основном лишь констатировался, но конкретных и тем более конструктивных попыток его реализации было крайне мало, а по отношению к методикам на метакогнитивных процессах и качествах вообще практически не было. В целях ликвидации этого пробела и обеспечения возможно большей защищенности результатов от элементов субъективизма и фальсификации, нами был разработан, апробирован, а затем реализован в описываемой методике следующий прием. Он базируется на известном в ряде научных дисциплин, а также примененном нами в ряде других исследований, *принципе дублирования* данных [87]. Каждый испытуемый основной выборки проходил обследование по данному опроснику дважды с достаточно продолжительным интервалом (1,5–2 месяца). При этом в каждом из двух обследований порядок вопросов в методике также был различным, что также препятствовало запоминанию возможно сфальсифицированных вариантов ответов. Если более чем в 10 % случаев (то есть более чем в 8 «пунктах» из 80) ответы испытуемого различались больше чем на 2 балла, то все данные по этому испытуемому исключались из дальнейшей обработки. В описанном приеме заключается простой и ясный смысл: если испытуемый отвечает искренне, объективно, то результаты практически не могут различаться существенно; если же он намеренно фальсифицирует ответы, то, наоборот, различия могут быть существенными. Заметим, что прием дублирования основывается на том же принципе, что и прием многократной постановки *одних* и тех же вопросов подозреваемому во время следствия: известно, что сохранение, а затем воспроизведение преднамеренно искаженной информации является гораздо более сложным и менее надежным, чем информации объективной, истинной. Отметим, что прием дублирования,

двукратного применения опросников, базирующихся на принципах прямого подхода, насколько нам известно, не был до сих пор реализован в психодиагностике как достаточно мощное средство повышения степени объективности, достоверности получаемых результатов.

Поскольку методика применялась дважды, то итоговую оценку по каждому «пункту» можно определять как среднюю величину этих двух оценок – по результатам 1-го и 2-го обследований. Если бы диагностика проводилась однократно, то размерность оценочной шкалы была бы идентична той, по которой работал сам испытуемый, то есть равнялась бы 7 баллам. Однако в том случае, когда обследование проводится два раза, а интегральный показатель определяется как средняя величина двух замеров, размерность оценочной шкалы существенно возрастает. Она также локализуется в интервале от 1 до 7 баллов, но с «шагом» изменения не в *один* балл, а в *полбалла*. Например, если в первом обследовании испытуемый дал оценку по какому-либо «пункту» 5 баллов, а во втором 6 баллов, то средняя, то есть итоговая, его оценка по данному пункту будет равна 5,5 балла. Таким образом, вся оценочная шкала «растягивается» с 7 единиц до 13 (1; 1,5; 2; 2,5; 3; 3,5; 4; 4,5; 5; 5,5; 6; 6,5; 7), то есть увеличивается практически в 2 (!) раза. Точно на столько же повышается и чувствительность, сензитивность предлагаемой методики. Причем это достигается не за счет каких-либо *дополнительных* содержательных средств, не за счет увеличения трудоемкости самой методики, а просто за счет *нового принципа* ее применения и обработки результатов.

Особо следует подчеркнуть, что использование данного приема позволяет повысить не только объективность, а значит, надежность, но и чувствительность (сензитивность) методики как таковой. То, что данный прием позволяет *одновременно* повысить и надежность и сензитивность методики вообще является редким случаем, так как известно, что эти два параметра любой методики являются антагонистическими: повышение одного, как правило, автоматически приводит к снижению другого и наоборот [66].

Увеличение размерности оценочной шкалы, как будет показано в ходе дальнейшего изложения, имеет очень существенное значение и еще в одном отношении. Дело в том, что одной из наиболее важных задач, которую необходимо будет решить, является определение структурных связей, нахождения корреляций между степенью развития отдельных мотивов, входящих в каждую из основных подсистем.

Если оценочная шкала (в которой выражаются «сырые» эмпирические данные) имеет малую размерность, то при условии достаточно большой выборки очень многие испытуемые будут «делить» одни и те же ранговые места (при подсчете коэффициента корреляции ρ по Спирмену), что с чисто статистической точки зрения нежелательно. Одним из выходов из этого положения является *априорное* увеличение размерности шкалы; однако в этом случае работать с такой шкалой, как показано в психометрике [66], будет либо неудобно, либо даже невозможно. Поэтому предложенное решение задачи увеличения *итоговой* размерности оценочной шкалы без увеличения ее априорной размерности является, по-видимому, оптимальным способом выхода из положения. В этом случае количество испытуемых, делящих одни и те же ранговые места при подсчете ρ , уменьшается в *разы*, что повышает степень обоснованности результатов.

Итак, выше мы достаточно подробно остановились на характеристике процедуры, принципах и содержании разработанной нами методики исследования и метакогнитивной сферы личности. Это было сделано по следующим причинам. Во-первых, потому, что данная методика может и должна выступить основой для реализации достаточно широкого круга эмпирических исследований, поскольку она носит именно комплексный характер и потенциально применима для решения весьма разнообразных конкретных задач. Во-вторых, потому, что в ней нашел воплощение ряд новых, не использовавшихся до сих пор приемов, содействующих повышению степени объективности и надежности результатов. В-третьих, потому, что эта методика является специфической и носит, не только комплексный, но синтетический характер. Она позволяет диагностировать не только общую степень развития метакогнитивной сферы личности и не только степень развития отдельных категорий, групп факторов метакогнитивного плана, но, самое главное, она позволяет измерить степень развития всех основных подсистем, образующих в своей совокупности метакогнитивную сферу личности в информационной деятельности. Это дает право обозначить ее как *комплексный опросник метакогнитивного потенциала личности в информационной деятельности* (далее мы будем использовать для его обозначения аббревиатуру «КОМП»). Подчеркнем также, что ранее нами был разработан – причем, на основе сходных принципов и посредством аналогичной процедуры еще один опросник такого же типа, предназначенный для исследования метакогнитивной регуля-

ции иного типа деятельности – управленческой и обозначенный такой же аббревиатурой. В целях дифференциации этих двух опросников, он – как предназначенный именно для управленческой деятельности – может быть обозначен как КОМП-У, а разработанный по отношению к информационной деятельности опросник как КОМП-И.

Кроме того, в результате ее разработки оказалось возможным синтезировать ряд считающихся противоречивыми по отношению друг к другу требований и особенностей. Так, в частности, она за счет приема фактического увеличения размерности оценочной шкалы без ее *априорного* увеличения позволяет *одновременно* повысить и надежность (объективность), и чувствительность (сензитивность) как два своих основных параметра. Далее, за счет приема *дублирования* в значительной мере преодолевается противопоставление прямого подхода как субъективного и требований обеспечения объективности результатов. Важно и то, что данная методика позволяет одновременно и определить количественно общую степень развития метакогнитивной сферы, и вскрыть *структуру* подсистем, обеспечивающих эту степень (посредством определения интеркорреляционных связей между степенью развития каждой из 8 подсистем метакогнитивного плана), то есть она обеспечивает решение двух задач одновременно – задач *результативной* и *структурной* диагностики. Наконец, предложенную методику нельзя считать ни только диагностической, ни только исследовательской: она синтезирует в себе черты обоих этих типов, являясь поэтому методикой синтетического типа. Она направлена, прежде всего, на решение исследовательских задач, но в то же время удовлетворяет ряду основных психометрических требований, специфичных для собственно диагностических методик (определение теоретического конструкта методики, верификация внешней и внутренней валидности методики, наличие процедуры «анализа пунктов» и др.). Все это позволяет рассчитывать на то, что она окажется достаточно конструктивным средством исследования закономерностей метакогнитивной регуляции информационной деятельности. Вместе с тем, конечно, такое исследование может быть достаточно конструктивным лишь при условии применения не одной – пусть и комплексной, а целой совокупности методик. В связи с этим, нами были разработаны и другие методики исследования, ориентированные на их реализацию, прежде всего, в условиях реальной профессиональной деятельности. К их характеристике теперь и необходимо перейти.

5.3. Методики исследования метакогнитивных детерминант информационной деятельности

Как отмечалось выше, одной из наиболее острых и трудных проблем метакогнитивизма является проблема *метода* – в широком смысле данного понятия (как совокупности средств, позволяющих создать эмпирический базис данного направления). В конечном итоге, острота и значимость данной проблемы обусловлена тем, что практически все методы, использующиеся в метакогнитивизме, базируются на самонаблюдении и являются, по существу, различными модификациями интроспективных техник сбора первичной эмпирической информации. В связи с этим, совершенно понятно что, как отмечается в [57], основной методологической проблемой при исследовании метакогниции является проблема объективности и точности метакогнитивных суждений. Не менее серьезной проблемой исследования метапознания выступает полистратегичность метакогнитивного поведения, практически исключающая возможность точного повторения опытов в ситуации экспериментального исследования [287, 288, 291, 292, 315, 344, 375, 389, 396, 400]. В целом на современном этапе развития метакогнитивизма, при всем стремлении к объективному изучению особенностей переработки информации, основными методами, используемыми в нем, остаются метод «субъективных отчетов» (интроспекция) и феноменологический анализ метакогнитивных стратегий. Самонаблюдение позволяет выявлять и описывать метакогнитивные стратегии, а феноменологический анализ дает информацию о специфике субъективного проживания состояния метакогнитивной активности, аффективных и волевых компонентах, сопровождающих процессы саморегуляции познания.

Будучи трудной в общепсихологическом плане, данная проблема еще более осложняется при ее постановке в контексте исследования реальной профессиональной деятельности. Дело в том, что, наряду с уже отмеченными ее чертами, она приобретает здесь дополнительный аспект, поскольку вплотную подводит к еще более общей проблеме *экологической валидности* данных, получаемых различными интроспективными техниками, а также лабораторно-экспериментальными схемами исследования в целом. Так, в этой связи Ю. Козелецкий указывал: «...лабораторные задачи радикально отличаются от задач, разрешаемых в «большом мире». Этот факт издавна вызывает принципиальную неудовлетворенность... Это важный вопрос. От ответа на него зависит

«экологическая пригодность» лабораторных исследований» [138]. Кроме того, по совершенно понятным и естественным причинам, реализация этих схем и процедур именно в условиях реальной практической деятельности в условиях, являющихся, как правило, существенно менее благоприятными в плане их реализации и насыщенными артефактами и помехогенными обстоятельствами, очень затруднительна.

В связи с этим, в настоящее время одной из наиболее актуальных является задача разработки таких методов и методик, которые позволяли бы исследовать метакогнитивные процессы и качества, а также иные факторы метапознавательного плана именно в структуре целостной профессиональной деятельности – в качестве ее психологических детерминант. Вместе с тем, такая разработка может быть реализуемой лишь в том случае, если будут решены – хотя бы в первом приближении – вопросы более общего, то есть методологического характера, связанные с проблемой метода метакогнитивизма в целом и спецификой исследования метакогнитивных процессов и качеств в реальной, естественной деятельности, в особенности. Поскольку основной целью данной части этой работы является определение *методологических* основ и *методических* средств исследования метакогнитивных детерминант организации деятельности, то вся совокупность результатов, полученных при ее реализации, должна быть структурирована в два основных блока. Первый – это формулировка предлагаемого нами общего *методологического* подхода к реализации исследований такого рода, а второй – характеристика конкретных *методических* средств, через которые он может быть реализован.

При формулировке общего методологического подхода к исследованию метакогнитивных детерминант организации деятельности необходимо, прежде всего, учитывать очень явную и рельефно выраженную специфику метакогнитивных процессов (и, соответственно, тех качеств, в которых они находят свое итоговое – результативное проявление). Эта специфика эксплицируется через «двуединство» следующих их атрибутивных черт. С одной стороны, все метакогнитивные процессы не имеют своего автономного и самостоятельного – так сказать «итогового продукта», результата. Они в принципе не проявляются *непосредственно* в каком-либо результате – в той или иной качественной характеристике деятельности, поведения, общения и пр. В этом отношении существует прямая аналогия (которая, в действительности, является более чем просто аналогия) между ними и одним из основных когнитивных процессов – вниманием. Оно также не име-

ет самостоятельного продукта, а направлено на регуляцию иных когнитивных (и не только) процессов, проявляясь опосредствованно ими. В связи с этим, конкретно-психологическое исследование детерминационных функций метакогнитивных процессов по отношению к деятельностным и поведенческим проявлениям может быть только принципиально *опосредствованным*. С другой стороны, все эти процессы характеризуются и еще одной – впрочем, тесно связанной с предыдущей, особенностью. Она имеет два аспекта и состоит в следующем.

Во-первых, их влияние на деятельностные и поведенческие проявления носит не только принципиально опосредствованный, но и столь же принципиально *синтетический*, интегративный характер. Дело в том, что, будучи «вторичными» по своей психологической природе, они всегда оказывают детерминирующее влияние на деятельность, поведение – вообще, на любой результат в *комплексе* с тем или иным «первичным» когнитивным процессом. Более того, они могут синтезироваться не только с каким-либо одним процессом, а с целым рядом процессов. Так, например, операциональные механизмы мышления могут «оборачиваться» на самоё себя, в результате чего порождается процесс метамышления. Однако они же могут «накладываться» и на мнемические процессы, в результате чего порождаются средства и операции мнемотехнического плана, составляющие важный аспект другого метакогнитивного процесса – метапамяти. Во-вторых, еще одной яркой особенностью метакогнитивных процессов является то, что они характеризуются теснейшими – по существу, неразрывными связями друг с другом. В этом отношении они «повторяют» в своей организации принципы структурирования «первичных» когнитивных процессов. Для них, как известно, наиболее характерна именно «полносвязность», а также их представленность в форме так называемого «абсолютного целого» и вообще – возможность существования каждого из них лишь в качестве как «эффекта конвергенции» всех иных процессов [203, 260]. Точно также и метакогнитивные процессы в реальности осуществляют свои функции в целом и оказывают свое детерминирующее воздействие на деятельностные проявления лишь в комплексе друг с другом – *целостно*. Другими словами, эффекты структурной организации и феномены целостности принципиально неустранимы из этого влияния, а его исследование также должно осуществляться, прежде всего, не на аналитическом уровне изучения, а на *структурном* уровне. Очень важно и то, что именно на этом

уровне – уровне, в значительно большей степени сохраняющем реальную целостность организации метакогнитивных детерминант, их влияние может быть *принципиально объективировано*. Оно непосредственно проявляется в тех или иных *внешних*, то есть именно объективных деятельностных и поведенческих «индикаторах». И как таковое – внешнее, объективное оно допускает свою фиксацию и затем – использование полученных данных в исследовательских целях.

Синтезируя две отмеченные выше атрибутивные особенности всех метакогнитивных детерминант, можно сделать обобщающее заключение методологического плана. Методологически корректное исследование детерминационных функций метакогнитивных процессов может и должно быть, во-первых, *принципиально опосредствованным* и, во-вторых, столь же принципиально *структурным*.

Конструктивность такого — казалось бы, достаточно обобщенного заключения, однако, проявляется вполне очевидным образом. Действительно, оно не только допускает, но и требует конкретизацию следующего плана. Реально онтологически, а потому объективно метакогнитивные детерминанты проявляются не просто *опосредствованно*, а деятельностно-опосредствованно, поскольку вся их *структура* как раз и представлена в качестве *системы* воедино связанных регулятивных аспектов общего процессуально-психологического обеспечения деятельности. То, каким образом – содержательно, структурно, организационно и пр., они структурированы и комплексированы друг с другом, а также то, как представлены все иные их базовые характеристики, будет непосредственно проявляться в различиях осуществлении самой деятельности – в различиях и процессуального и результативного характера. Следовательно, через дифференциацию деятельностных параметров открывается возможность исследования, фактически, всех основных характеристик самих метакогнитивных процессов. Причем, подчеркнем, это исследование будет сохранять важнейшую их черту – структурность организации, их принципиально интегративный характер и комплексность их детерминирующей роли по отношению к деятельности.

Необходимо отметить, что охарактеризованный выше методологический подход является, по существу, одним из конкретных проявлений еще более общего методологического принципа – принципа *деятельностно-опосредствованного* исследования (ДОИ), который был сформулирован нами ранее [101]. В свою очередь, данный принцип имеет, как известно, целый ряд экспликаций в психологических исследовани-

ях. Он хорошо зарекомендовал себя как эвристичное средство организации психологических исследований в целом и профессиографических исследований, в особенности. Это – и принцип активного оператора, и полунатурное моделирование в психологии труда, и принцип уровня воспроизведения содержательных характеристик деятельности в инженерной психологии. Кроме того, в этом же ряду – и еще более общие подходы: принцип субъекта деятельности и принцип личностного опосредствования (см. анализ этих подходов в [101]). Все эти подходы и принципы не только могут, но и должны быть восприняты и развиты в русле психологического изучения метакогнитивных процессов. Одним из конкретных способов такого развития и является принцип ДОО. Его конструктивность проявляется тем, что на его основе оказывается возможной разработка целого ряда конкретных и достаточно методик исследования метакогнитивных детерминант деятельности.

5.3.1. Методика «деятельностного зондирования»

Так, по отношению к исследованию метакогнитивной сферы личности как комплексного регулятора деятельностной и поведенческой активности он может быть конкретизирован до методики, которую целесообразно обозначить как методика «*деятельностного зондирования*». Ее суть состоит в том, что посредством нее метакогнитивные детерминанты деятельности исследуются не прямо и непосредственно, то есть не на основе интроспективных техник (что, как показано выше, чревато существенными трудностями и порождает основную проблемы методов метакогнитивизма – проблему объективности данных), а существенно иначе. Это реализуется опосредствованно, точнее – *деятельностно-опосредствованно*. Вся выборка лиц, придающих участие в исследовании, дифференцируется на подгруппы, согласно какому-либо *внешнему*, то есть деятельностному, а потому – *объективному* критерию на ряд подгрупп. В этих целях достаточно хорошо зарекомендовал себя, в частности, метод «полярных групп» Д. Фланагана. Он, как известно, предписывает дифференциацию выборки на подгруппы «лучших», «средних» и «худших» по тому или иному критерию. Далее по отношению в первой и третьей их этих подгрупп проводится комплексная психодиагностика уровня развития основных параметров метакогнитивной сферы. Поскольку сами эти подгруппы значимо и существенно дифференцированы именно по деятельностному параметру, то на их материале открываются

ся благоприятные возможности для экспликации различий в собственно психологическом обеспечении деятельности. В частности, это означает, что все те различия, которые, возможно, существуют и в плане организации метакогнитивной сферы, будут обусловлены именно деятельностными факторами. Иначе говоря, именно эти факторы и будут выступать в данном случае дифференцирующим критерием того, как организовано психологическое обеспечение самой деятельности в аспекте ее метакогнитивных детерминант. Другими словами, сама деятельность – точнее, уровень ее сформированности и, соответственно, успешности будет выступать в этом случае своеобразным «зондом», позволяющим эксплицировать специфику и содержание организации любых ее психологических детерминант – в особенности детерминант метакогнитивного плана.

Далее, по отношению к результатам психодиагностического обследования могут применяться практически любые средства обработки и интерпретации данных. Однако наиболее конструктивным в этом плане, как показывает наш опыт, является реализации методологии структурно-психологического анализа в целом и метода нахождения матриц интеркорреляций метакогнитивных детерминант (с последующим построением на их основе структурограмм и их анализом). Особо следует подчеркнуть, что метод «деятельностного зондирования» допускает свою реализацию в целом ряде конкретных вариантов. Так, например, выборка может быть дифференцирована не только по критерию различий в эффективности деятельности *в целом*, а по любым иным – более локальным критериям – показателям ее организации (например, по ее основным параметрам – качеству, производительности, надежности). Кроме того, необходимо подчеркнуть, что данная методика открывает практически неограниченные возможности для дифференцированного исследования метакогнитивных процессов и качеств на деятельность в плане ее обусловленности самыми различными детерминантами и факторами. Так, она может быть реализована в плане определения роли, например, роли *стажных* детерминант на специфику метакогнитивной регуляции деятельности: в этом случае выборка просто дифференцируется по критерию величины стажа, а далее – к сформировавшимся таким образом подвыборкам применяется уже охарактеризованная выше процедура. Она же может быть реализована и по отношению к специфике метакогнитивной регуляции в двух основных *типах* деятельности – субъект-объектном и субъект-субъектном. В этом случае осуществляется все та же процедура,

но дифференциация выборки осуществляется уже по иному критерию – критерию различий в типах деятельности. Она может быть реализована и в плане определения воздействия метакогнитивных детерминант на влияние на деятельность собственно личностных детерминант. Причем, речь идет не только о влиянии этих детерминант на традиционно изучающиеся профессионально-важные качества, но и на особую категорию личностных детерминант – на профессионально-негативные качества. Именно это и было сделано нами в исследовании [121]. Наконец, она же может быть реализована и для выявления специфики метакогнитивной регуляции, например, в деятельности *управленческого* и *исполнительского* типа. Здесь «работает» все та же процедура, хотя дифференциация выборки осуществляется по другому принципу – принципу различий в типах деятельности (управленческой или же исполнительской). По существу, речь во всех этих вариантах идет о различных модификациях того, что в методологии психологического исследования обозначается понятием «внешнего критерия».

При характеристике данной методики особо следует подчеркнуть следующее обстоятельство – уже не процедурного, а интерпретационного плана. Дело в том, что после произведенной дифференциации и реализации к комплексу метакогнитивных детерминант тех или иных методов структурно-психологического анализа возникает задача интерпретации полученных результатов – прежде всего, тех *различий*, которые имеются в дифференцированных подгруппах. При решении этой – интерпретационной, то есть объяснительной задачи необходимо опираться на *содержательные* параметры того критерия, который и был положен в основу дифференциации. Так, например, очень показательной в данном плане является следующая закономерность. В том случае, если дифференциация произведена по основному деятельностному параметру – эффективности, то структурно-психологический анализ метакогнитивных детерминант дает, как показывают исследования, следующий результат [97]. Степень интегрированности детерминант метакогнитивного типа прямо пропорциональна качеству деятельности; подгруппы с относительно большей эффективностью деятельности характеризуются и большей степенью интегрированности, структурированности метакогнитивной сферы. Следовательно, есть основания считать, что именно те синергетические, собственно структурные эффекты, которые возникают при комплексировании метакогнитивных детерминант, как раз и выступают важнейшим

фактором, а не исключено, – и механизм процессуально-психологического обеспечения деятельности.

Далее, необходимо подчеркнуть, что методика «деятельностного зондирования» допускает свою реализацию не только в виде дифференциации выборки по «внешнему критерию». Она может быть реализована и в варианте, предполагающем дифференциацию по «внутреннему критерию», то есть по параметру, который заложен внутри самой деятельности и, более того, – параметра, который отражает и воплощает какую-либо ее базовую особенность. В частности, «деятельностная дифференциация» может быть осуществлена по отношению к важнейшему аспекту ее организации – *уровневому*. Он в наибольшей мере отражает основной план организации деятельности – структурно-уровневый. В этом плане нами было выполнено исследование, в котором дифференциация была реализована по отношению к основным уровням организации деятельности и результаты которого могут быть привлечены в качестве примера использования данного метода [104]. Исследовались три основных уровня организации деятельности – инфрадеятельностный, метадеятельностный и уровень автономной деятельности. В итоге были получены новые данные относительно специфики метапроцессуальной регуляции деятельности в зависимости от того, на каком ее уровне эта регуляция осуществляется [104].

Так, матрицы интеркорреляций и, соответственно, – структуры метакогнитивных детерминант статистически достоверно различаются на трех исследованных уровнях по критерию χ^2 (на $p = 0,05$). Это непосредственно указывает на их именно *качественную* разнородность – гетерогенность. Другими словами, они различаются не «в деталях», не «в частностях», а *в принципе*. В частности, матрица, соответствующая метадеятельностному уровню, – это не матрица, соотносимая, скажем, с инфрадеятельностным уровнем, но представленная в более или в менее насыщенном значимыми корреляционными связями виде. Это – *качественно иная* матрица, то есть имеющая принципиально иной «рисунок» – общую структуру (паттерн) эксплицированных в ней значимых связей.

В свою очередь, обнаружение факта гетерогенности матриц интеркорреляций метакогнитивных и метарегулятивных процессов и качеств на трех основных уровнях организации деятельности является *прямым указанием* на наиболее важный и общий факт. Он состоит в том, что их *структурная организация* на этих уровнях также явля-

ется существенно разной – именно *качественно различной*. Иначе говоря, структуры метапроцессуального обеспечения различных уровней организации деятельности являются качественно различными. Для каждого из основных уровней существует своя – специфическая и присущая только ему структура метапроцессов, которая обеспечивает его реализацию и регуляцию. Эту же мысль можно сформулировать и по-другому. Уровень организации деятельности является значимой и, не исключено, – решающей детерминантой для структурирования метапроцессов (как метакогнитивных, так и метарегулятивных) во вполне определенные комплексы – паттерны, которые, по-видимому, наиболее релевантны психологической специфике каждого из них.

Найденные для каждого из трех изученных уровней структурограммы были обработаны, далее, посредством предложенной в [99] системы *структурных индексов* (индексов когерентности, дивергентности и общей организованности). Полученные результаты представлены на рис. 2.

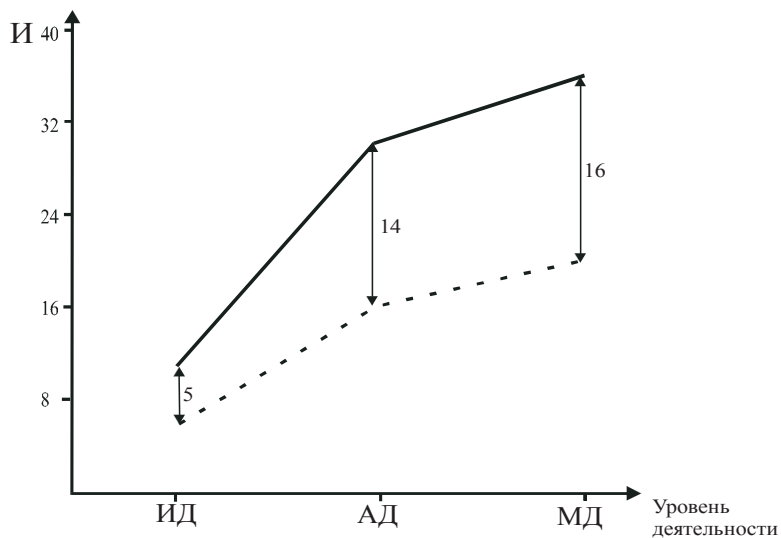

Рис. 2. Значения структурных индексов организации метапроцессов на трех основных уровнях организации деятельности. *Обозначения:* И – индексы, сплошная линия – значения индекса когерентности структуры (ИКС) метапроцессов; пунктирная линия – значения индекса дивергентности структуры (ИДС) метапроцессов. ИД, АД, МД – соответственно, данные по инфрадеятельностному уровню, уровню «автономной» деятельности и метадеятельностному уровню

Анализ этих результатов позволяет сделать следующие основные выводы.

Во-первых, при переходе от иерархически более низких к более высоким уровням организации деятельности (то есть от инфрадеятельностного уровня к уровню «автономной деятельности» и, далее – к метадеятельностному уровню) *возрастает* степень *когерентности* структур метапроцессов, обеспечивающих их функционирование. Иными словами, чем выше (в иерархическом плане) уровень организации деятельности, тем бóльшую степень интегрированности, когерентности метапроцессов он предполагает.

Во-вторых, возрастает и степень дивергентности – дифференцированности структур метапроцессов, которые их обеспечивают. Данный результат не вполне согласуется с априорными ожиданиями и теоретическими прогнозами, поскольку, наоборот, было бы более логично допустить, что с повышением и, следовательно, – с усложнением уровней организации деятельности мера дифференцированности (разобщенности) метапроцессов должна снижаться (что, в свою очередь, повышало бы потенциал их структуры в целом).

В-третьих, очень показательна динамика наиболее обобщенного (и потому – наиболее значимого) структурного индекса – индекса *организованности* структур. Он, как можно видеть из данных, представленных на рис. 2, достаточно существенно возрастает при переходе от иерархически относительно более низких уровней к более высоким уровням организации деятельности. На рисунке его величины обозначены тонкой линией, соединяющей значения индексов когерентности и дивергентности; можно видеть, что он изменяется от 5 до 16 ед.

Обобщение всех представленных выше результатов позволяет сделать следующий главный вывод. Структуры метапроцессов, обеспечивающие каждый из уровней, не просто и не только качественно различны – гетерогенны. Дело еще и в том, что сами эти различия обусловлены, в основном, *повышением* степени интегрированности и когерентности, а в целом – организованности указанных структур метапроцессов. Чем выше в иерархическом отношении уровень, тем большей интегрированности и организованности метапроцессов он «требует». В содержательном отношении данный результат может быть объяснен следующим образом. Чем выше иерархическая локализация уровня, тем он более сложен и тем бóльшие требования он предъявляет к субъекту. Адекватным ответом на этот «деятельностный

вызов» служит усиливающаяся консолидация (интеграция, организация) структур метапроцессов, обеспечивающих процессуально-психологическую регуляцию того или иного уровня. В результате такой консолидации и интеграции совокупный потенциал метапроцессов определяется уже не только, а быть может, – и не столько *аддитивной* суперпозицией агрегативных вкладов каждого из них в обеспечение деятельности, сколько (наряду с этим) *интегративными* – синергетическими эффектами, возникающими как продукт и результат их комплексирования в согласованные паттерны. Другими словами, их интеграция (равно как и любая иная интеграция) приводит к своеобразному «выходу» за пределы «простой суммы» их потенциалов; ведет к формированию *системных качеств*, возникающих именно вследствие их структурирования (но отсутствующих у их рядоположенной суммы). Понятно при этом, что, чем более выраженной является степень такой структурированности, тем в большей степени проявляются «эффекты неаддитивности» (точнее – *супераддитивности*), эффекты интеграции и влияния на обеспечение деятельности системных качеств, формирующихся вследствие синтеза совокупности метапроцессов.

5.3.2. Методика «стилевой дифференциации»

Все охарактеризованные выше варианты методики «деятельностного зондирования» имеют, однако, еще одну – наиболее общую черту. Дело в том, что данная методика в целом позволяет исследовать метакогнитивные детерминанты в аспекте их соотношения с одной – вполне определенной метасистемой, которой в данном случае и выступает *деятельность*. Вместе с тем, наряду с ней, метакогнитивные детерминанты включены и в иные – столь же важные метасистемы, реализуя по отношению к ним свои регулятивные функции. Следовательно, во взаимодействии с ними, могут быть заложены основания для возможности разработки дополнительных методических средств исследования этих детерминант. Как известно, еще одной базовой метасистемой, которая является онтологически первичной по отношению к метакогнитивной сфере, является, разумеется, сама *личность* субъекта деятельности. Данная метасистема, имеет множество проявлений и модусов; она эксплицируется, в том числе, и в *стилевых различиях* осуществления деятельности. Подчеркнем, что проявления личности в стиле носят, как известно, интегративный характер. В данном

отношении уместно вспомнить известное выражение «человек – это стиль». Следовательно, не только возможна, но и необходима еще одна «плоскость» исследования метакогнитивных детерминант – собственно личностная. При этом дифференциация должна производиться по стилевым параметрам. В дальнейшем интерпретация с помощью методологии структурно-психологического анализа должна реализовываться по отношению к тем подвыборкам, которые и образуются в соответствии со стилевыми различиями. Например, в этом плане могут быть отмечены те результаты, которые характеризуют специфику метакогнитивной регуляции процессов *принятия решения* в управленческой деятельности в зависимости от основных стилевых различий в их реализации. Так, при этом нами было, в частности, показано, что степень структурной организации метакогнитивных детерминант является *наибольшей* по отношению именно к *наиболее* эффективному «решенческому» стилю – ситуационному [96]. Одновременно она последовательно снижается при переходе к все менее эффективным «решенческим» стилям. На основе реализации факта стилевых различий появляется, таким образом, возможность разработки еще одной новой методики исследования метакогнитивных процессов и качеств, которую можно обозначить как методику *стилевой дифференциации*. Она – в более общем плане основана уже не на включенности метакогнитивных процессов и качеств в метасистему деятельности, а на их включенность в другую метасистему – в личность субъекта деятельности.

Наконец, необходимо иметь в виду и то, что, наряду с двумя указанными – основными метасистемами (деятельностью и личностью), в которые реально включены метакогнитивные процессы и качества, существует еще одна базовая метасистема. Это, разумеется, метасистема, образованная всем комплексом средств и механизмов, соотносящихся с «феноменом *сознания*» (мы используем здесь термин «феномен» не столько в его непосредственном значении, сколько в плане указания на данную метасистему как таковую). Именно сознание, осознаваемая регуляция как таковая очень полно и самым непосредственным образом соотносится с сутью метакогнитивной сферы. Более того, сама эта сфера в определенном смысле фактически является сознание как таковым (по крайней мере, – его операционной базой). На основе этой органичной связи возможна разработка еще одной методики, направленной на изучении метакогнитивной сферы личности. Она рассматривается в следующем параграфе.

5.3.3. Методика «рефлексивного расслоения»

Мы уже отмечали, что критериальная дифференциация выборки может быть представлена в двух разновидностях – как ее расслоение по «внешнему критерию», так и как ее расслоение по «внутреннему критерию». В свою очередь, «внутренний критерий» может иметь разную локализацию. В описанном выше случае он был локализован внутри деятельности – дифференциация осуществлялась по признаку уровневой принадлежности метакогнитивным детерминант к тому или иному структурному уровню деятельности. Однако данный критерий может локализовываться и внутри другой метасистемы – он может носить уже не объектный (деятельностный), а субъектный характер. В частности, это означает, что выборка может быть дифференцирована по такому – выражаясь метафорически, максимально субъектному, а потому – предельно внутреннему критерию, каковым выступает мера *рефлексивности* самого субъекта. При этом необходимо учитывать также, что именно в уровне рефлексивности находят свое максимально обобщенное, интегративное проявление все метакогнитивные параметры личности в целом. Более того, как показано нами в [103], сама рефлексивность как таковая как раз и является итоговым – результативным проявлением и синергетическим эффектом всех иных – более локальных процессов и качеств метакогнитивного плана; она выступает их результативным, а потому синтетическим проявлением. Следовательно, именно через «рефлексивное расслоение» и «в нем» проявляется наиболее глубинные, сущностные закономерности и механизмы собственно метакогнитивного плана. В связи этим, не только возможно, но и необходимо дифференцированное изучение метакогнитивной сферы на основе именно данного параметра. Такое изучение требует еще одного методического подхода, еще одной методики, которая также была разработана нами и получила обозначение как методика «*рефлексивного расслоения*». Ее суть состоит в том, что вся выборка дифференцируется по параметру степени рефлексивности (здесь также может быть использована уже описанный метод «полярных групп»). Затем по отношению к сформированным подгруппам (низкореклексивных, среднереклексивных и высокореклексивных индивидов) реализуется общая процедура структурно-психологического анализа. Кроме того, хорошо зарекомендовал себя и такой вспомогательный прием, как целенаправленное – фокусированное формирование подвыборок. Он предполагает не просто расслоение исходной выборки

на три подгруппы, а специальный подбор лиц в каждую из трех подгрупп таким образом, чтобы в них вошли индивиды, действительно, с низкой, средней и высокой степень развития рефлексивности. Данный прием обозначается еще и как метод «растягивания» выборки по тому или иному параметру – в данном случае по рефлексивности.

Конструктивность данной методики проявилась, в частности, в одном из установленных нами на ее основе результате, который может быть привлечен как иллюстрация данного метода. Так, было выявлено, что при возрастании общей рефлексивности увеличивается мера интегрированности и дифференцированности системы метапроцессов, которые, собственно говоря, и составляют ее содержание (см. рис. 3).

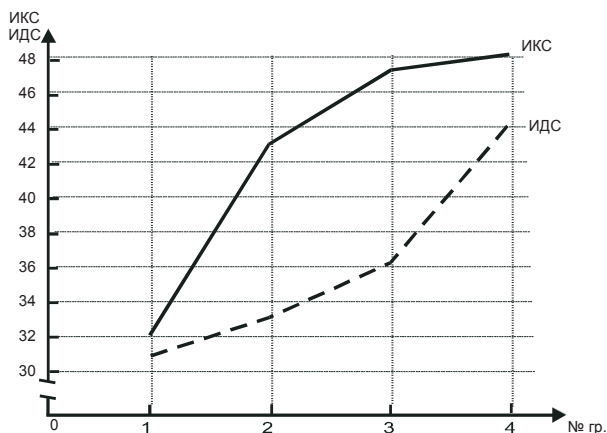

Рис. 3. Зависимости значений индекса когерентности структуры (ИКС) и индекса дивергентности структуры (ИДС) метапроцессов от общего уровня индивидуальной меры развития рефлексивности (в баллах использованной методики; методика их определения подробно представлена в [121]). *Примечания:* по оси абсцисс указаны следующие группы: 1 гр. – низкий уровень рефлексивности, 2 гр. – уровень рефлексивности ниже среднего, 3 гр. – уровень рефлексивности выше среднего, 4 гр. – высокий уровень рефлексивности.

Однако, темпы их роста различны на разных интервалах общего континуума рефлексивности. Вначале явно доминирует тенденция к прогрессирующей интеграции метапроцессов, а при высоких и очень высоких значениях рефлексивности явно начинает доминировать дифференцирующая тенденция. Она выступает здесь уже не только как вполне самостоятельная (дополняя тем самым рассмотренную выше интегративную функцию), но и именно как доминирующая, преоб-

ладающая. Эта закономерность (при ее интерпретации на достаточно высоком уровне обобщенности) носит достаточно нетрадиционный характер. Действительно, при внимательном рассмотрении можно видеть, что и ее «аргумент» (отображенный на оси абсцисс), и ее «функция» (отображенная на оси ординат) являются, фактически, *одной и той же* сущностью, хотя и представленной в разной экспликации. Так, в качестве аргумента выступает *общий* уровень развития рефлексивных процессов как своего рода монометрический и единый – интегральный показатель. В качестве же функции выступают *структурные* характеристики *того же самого* показателя. Фактически, здесь имеет место своего рода *автозависимость* «рефлексивности от самой себя» – точнее одного ее аспекта (структурного) от другого (общего уровня).

Далее, очень показательно, что эта автозависимость носит характер *в целом*, то есть в аспекте наиболее обобщенного и значимого показателя степени структурированности рефлексивных процессов – *индекса организованности* этой структуры характер так называемой инвертированной U-образной кривой; или – является зависимостью «типа оптимума». Индекс организованности структуры (ИОС) определяется как разница значений индексов когерентности (ИКС) и дивергентности (ИДС); подробнее методика их определения и интерпретации, повторяем, рассматривается в [99] (см. рис. 4).

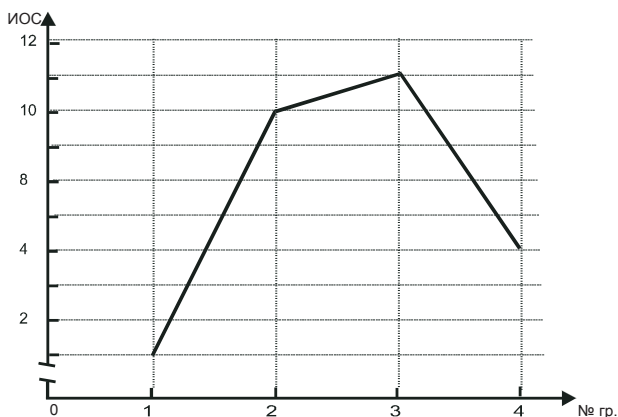

Рис. 4. Зависимость значений индекса организованности структуры (ИОС) метапроцессов от общего уровня индивидуальной меры развития рефлексивности (по оси абсцисс указаны следующие группы: 1 гр. – низкий уровень рефлексивности, 2 гр. – уровень рефлексивности ниже среднего, 3 гр. – уровень рефлексивности выше среднего, 4 гр. – высокий уровень рефлексивности)

Это означает, что максимальная структурированность и организованность системы рефлексивных процессов имеет место не на минимальных (что достаточно понятно), но и не на максимальных (что уже менее объяснимо) уровнях ее общего развития, а на некоторых промежуточных, средних значениях. Именно средний, а другими словами – оптимальный уровень рефлексивности может тем самым рассматриваться как наиболее действенный для развертывания совокупности организационных средств по отношению к рефлексивным процессам.

Наконец, отметим также, что оптимум «организационных эффектов» локализуется с определенным смещением вправо по оси абсцисс. Тем самым по отношению к данной закономерности можно говорить о своеобразном *эффекте правого смещения*. Его смысл заключается в том, что оптимум организационных эффектов рефлексивных процессов соотносится не со средними значениями общего уровня развития рефлексии, а со значениями, несколько превышающими этот уровень.

Итак, все представленные выше материалы свидетельствуют о важной и, более того, – определяющей роли структурных закономерностей в формировании и развитии, а также в реализации максимально интегративного процесса рефлексии (как процесс «третьего порядка» сложности). В более общем плане они же свидетельствуют о факте существования у рефлексивных процессов достаточно развернутой и сложной системы *собственных закономерностей* их структурной организации.

Таким образом, три охарактеризованные выше методики («деятельностного зондирования», «стилевой дифференциации» и «рефлексивного расслоения»), действительно, открывают новые и достаточно конструктивные возможности для исследования метакогнитивной сферы личности – и в целом, и по отношению к их регулятивным функциям в деятельности. Кроме того, они позволяют осуществлять такое исследование в аспекте трех важнейших метасистем, в которые включены метакогнитивные детерминанты – деятельности, личности и сознания. Этим обусловлен и их статус, и их общий характер, и столь же общая сфера применимости. Наконец, следует особо подчеркнуть и еще одну – также весьма позитивную особенность всех трех описанных выше методик. Дело в том, что они допускают свою реализацию и по отношению к тем

материалам, которые были получены в ходе многих исследований, выполненных ранее и в связи с иной проблематикой, нежели непосредственное изучение метакогнитивных детерминант. В этом плане они могут быть проинтерпретированы как комплексные средства обработки – точнее, реинтерпретации данных, полученных в связи с исследованием иных вопросов. Это оказывается возможным потому, что дифференциация – расслоение выборки может быть осуществлено по отношению к широкому спектру профессиографических исследований, поскольку их непременным атрибутом (и даже императивным требованием к ним) как раз и является обязательная фиксация основных деятельностных параметров – прежде всего, результативных. В силу этого, они вполне допускают дифференцированное исследование многих субъектных детерминант (в том числе, разумеется, и метакогнитивного плана). Данный прием можно обозначить как метод *реконструктивно-психологического* анализа деятельности ее субъектных детерминант.

5.3.4. Методика «факторных декомпозиций»

Наряду с тремя охарактеризованными выше методиками, нами была разработана и еще одна – отличающаяся в процедурном плане от них методика, которая также вполне позитивно зарекомендовала себя при исследовании метакогнитивных процессов и качеств личности. По своей основной идее она является развитием и модификацией известной методологии факторного планирования эксперимента и обозначена нами как методика *«факторных декомпозиций»*. Ее сущность состоит в следующем. Как известно, одной из основных техник организации (дизайна) эксперимента является метод факторного планирования. В свою очередь, метод факторного *планирования* предполагает рассмотрение независимых переменных, как минимум, на двух их значениях (обычно, это минимальное и максимальное значения), а затем – построение «факторной матрицы», то есть факторного плана экспериментов, образованного сочетаниями «степеней свободы» независимых переменных [54]. В простейшем варианте это – матрица размерностью 2×2 и объемом в 4 сочетания. Подчеркнем, что все это осуществляется *до* проведения самого исследования, лежит в основе его последующего проведения (почему собственно сам метод и обозначается как факторное *планирование*).

Вместе с тем, аналогичный прием может быть реализован не до, а *после* исследования – после получения того или иного массива экспериментальных или любых иных эмпирических результатов. При этом также осуществляется определенным образом организованная декомпозиция – дифференциация этих результатов. Простейший, хотя и наиболее часто используемый способ такой декомпозиции – это дифференциация результатов на основе сочетания двух каких-либо критериев; поясним сказанное. Допустим, рассматриваются два каких-либо фактора, оказывающих влияние на эффективность профессиональной деятельности (или любого иного «внешнего критерия»). Тогда из всей совокупности лиц, принимающих участие в исследовании, должны быть отобраны те, которые характеризуются значимыми различиями по степени выраженности у них именно этих факторов. Они – факторы выступают при этом в качестве аналогов независимой переменной, а уровни их развития – в качестве аналогов значений этой переменной (минимального и максимального). Посредством комбинации этих значений образуются четыре подгруппы. Они представляются в виде уже отмеченной выше факторной матрицы, в ячейки которой заносятся значения «внешнего критерия» (например, параметров эффективности деятельности). После этого по отношению к такому представлению эмпирических результатов реализуется стандартная и отмеченная выше процедура обработки.

Так, например, в исследовании участвует определенная группа лиц, которые, разумеется, имеют разную степень развития каких-либо характеристик. Поэтому каждый из них может быть отнесен в определенную группу с тем или иным *сочетанием* развитости этих характеристик. Далее на основе сочетания этих характеристик, параметров (в простейшем случае также используются обычно два каких-либо дифференцирующих параметра) может быть составлена матрица, имеющая размерность 2×2 и объем в 4 «ячейки». После этого для каждой сформированной таким образом групп определяется среднее значение того или иного показателя (например, выполнения экспериментальной деятельности), а последующая обработка результатов осуществляется способами, которые существуют в методологии факторного планирования. Напомним, что основными среди них являются определение так называемых автономных влияний каждой независимой переменной на зависи-

мую переменную, а также *коэффициента взаимодействия* между ними. Последний наиболее показателен и интересен в психологическом смысле, поскольку он позволяет определить характер и степень *взаимодействия* между изучаемыми факторами; иначе говоря, – выявить эффекты супераддитивности в действии факторов на какой-либо «внешний критерий».

Другими словами, если рассматриваются два каких-либо фактора, оказывающих влияние на эффективность профессиональной деятельности (или любого иного «внешнего критерия»). Тогда из всей совокупности лиц, принимающих участие в исследовании, должны быть отобраны те, которые характеризуются значимыми различиями по степени выраженности у них именно этих факторов. Факторы выступают при этом в качестве аналогов независимой переменной, а уровни их развития – в качестве аналогов значений этой переменной (минимального и максимального). Посредством комбинации этих значений образуются четыре подгруппы. Они представляются в виде уже отмеченной выше факторной матрицы, в ячейки которой заносятся значения «внешнего критерия» (например, параметров эффективности деятельности).

Руководствуясь охарактеризованной выше модификацией метода факторного планирования, представленной в форме метода «факторных декомпозиций», в работе [113] мы провели исследование взаимосвязи *когнитивного* и *регулятивного* аспектов метапроцессуальной организации деятельности. Ее результаты могут быть привлечены как иллюстрация данного метода. Вся выборка лиц, участвующих в исследовании, была дифференцирована вначале по уровню развития метакогнитивных процессов и качеств. Затем аналогичная процедура была осуществлена по отношению к данным методик, которые диагностируют, преимущественно, *регулятивный* аспект метапроцессов. Далее, по обоим этим параметрам обследованные лица были проранжированы, в результате чего образовался их континуум по степени развития когнитивных процессов, с одной стороны, и по степени развития регулятивных метапроцессов, с другой. На основе этих двух континуумов *одновременно* были сформированы четыре группы, в результате чего образовалась матрица «факторной декомпозиции», имеющая вид, представленный на рис. 5.

		Общий показатель развития метакогнитивных процессов (МК)	
		Низкий показатель (МК) ⁻	Высокий показатель (МК) ⁺
Общий показатель развития метарегулятивных процессов (МП)	Низкий показатель (MP) ⁻	1 (МК) ⁻ (MP) ⁻	2 (МК) ⁺ (MP) ⁻
	Высокий показатель (MP) ⁺	3 (МК) ⁻ (MP) ⁺	4 (МК) ⁺ (MP) ⁺

Рис. 5. Матрица «факторной декомпозиции» исследования взаимодействия метакогнитивных и метарегулятивных процессов. *Обозначения:* МК – метакогнитивные процессы; МР – метарегулятивные процессы. В «ячейках» матрицы представлены сочетания степеней развития метакогнитивных и метарегулятивных процессов. Например, в «ячейке» № 1 представлены данные лиц с сочетанием низкой степени развития метакогнитивных процессов (МК⁻) и низкой степени развития метарегулятивных процессов (MP⁻), то есть с сочетанием «(МК⁻ MP⁻)»

Наконец, для каждой из этих четырех групп были определены средние значения «внешнего критерия», то есть результативных параметров их деятельности.

Поскольку наибольший интерес представляет определение закономерностей структурной организации метапроцессов в плане обеспечения деятельности, то из всех способов обработки результатов, предписываемых методологией факторного исследования, наиболее ценным является метод определения *коэффициента взаимодействия* между изучаемыми факторами (в данном случае – между факторами метакогнитивного и метарегулятивного характера). Так, в данном исследовании было установлено, что этот коэффициент оказался *значимым* в статистическом отношении и принадлежащим к одному и тому же типу – к типу так называемого *расходящегося* взаимодействия. В свою очередь, это означает, что, действительно, метакогнитивные и метарегулятивные процессы как регуляторы деятельности не являются рядоположенными детерминантами ее организации, а значимо взаимодействуют друг с другом, что в итоге обуславливает возник-

новение эффектов интегративной природы, то есть синергетических эффектов. О последнем свидетельствует и то, что такого рода взаимодействия принадлежат к типу «расходящегося» взаимодействия, смысл которого, как известно, состоит в том, что факторы оказывают фасилитирующее – «облегчающее» (точнее – *усиливающее*) влияние на детерминационную роль друг друга по отношению к обеспечению «внешнего критерия». Следовательно, взаимодействие между метакогнитивными и метарегулятивными процессами не только значимо; сам его смысл заключается в том, что «через него» и «в нем» возникают, действительно, новые, дополнительные возможности по процессуально-психологическому обеспечению деятельности в целом.

По своему содержанию оно состоит в существовании фасилитирующих взаимовлияний исследуемых факторов друг на друга. Данный результат подтверждает развиваемый нами ресурсный подход к интерпретации метакогнитивных и метарегулятивных детерминант профессиональной деятельности, поскольку показывает, что метапроцессы в целом выступают в роли дополнительного функционального ресурса, повышающего общий когнитивный потенциал субъекта.

* * *

Таким образом, вся совокупность представленных выше материалов в существенной степени содействуют решению двух наиболее значимых, но одновременно – и наиболее трудных проблем современного метакогнитивизма в части его методических оснований. Во-первых, они позволяют повысить степень *объективности* получаемых эмпирических и профессиографических данных. Тем самым создаются необходимые и во многом достаточные предпосылки для решения двуединой задачи. С одной стороны, как отмечалось выше, практически все методы, использующиеся в метакогнитивизме, базируются на самонаблюдении и являются, по существу, различными модификациями интроспективных техник сбора первичной эмпирической информации. В связи с этим, *основной* методологической проблемой при исследовании метакогниций как раз и является проблема объективности и точности метакогнитивных суждений. Сформулированный выше общий методологический подход, предполагающий синтез деятельностно-ориентированных методов исследования метакогнитивных процессов и качеств с раз-

личными техниками собственно экспериментального и феноменологического плана, позволяет осуществить не только взаимное дополнение получаемых с их помощью результатов, но и реализовать их взаимную *верификацию*. В силу этого, он является действенным средством обеспечения объективно важнейшего гносеологического требования – обеспечения достоверности и верифицируемости результатов эмпирического плана. С другой стороны, все предложенные в данной работе конкретные методы и процедуры носят, как можно видеть из их характеристики, не альтернативный, а именно взаимно *дополнительный* характер. Поэтому они допускают возможность (и, более того, – необходимость) их *комплексного* применения, поскольку именно их комплекс является наиболее действенным средством решения еще одной важной задачи – экспликации возможно *большего* объема информации о предмете исследования. Кроме того это же обстоятельство – не только комплексный, но и взаимно дополнительный характер методов и методик – также создает новые возможности для верификации данных, получаемых посредством каждой из них.

Во-вторых, сформулированные выше представления содействуют также и обеспечению большей экологической валидности этих данных, поскольку вполне допускают свою реализацию не только в абстрактно-аналитических условиях экспериментального исследования, но и в условиях изучения реальной профессиональной деятельности. В силу этого, открываются новые возможности и вырисовываются вполне конкретные перспективы для решения задачи, являющейся, по мнению многих исследователей не просто очень важной, но и *критически значимой* для развития, по существу, любого научного направления. Это, как известно, задача обеспечения экологической валидности эмпирического базиса того или иного направления и, соответственно, валидности, а в конечном счете, – обоснованности и корректности осуществляемых на его основе теоретических обобщений. Следовательно, она во многом эквивалентна задаче наиболее общего и, фактически, «терминального» характера – задаче обеспечения обоснованности и корректности собственно теоретических, то есть концептуальных представлений о предмете исследования. Именно эта задача не только не решена, но и практически даже не сформулирована в явном виде в метакогнитивизме. С позиций предложенного выше общего подхода, равно как и разработанного в его рамках конкретных методов и методик деятель-

ностно-опосредствованного исследования данная задача, как можно видеть из представленных данных, также получает новый импульс для своего конструктивного решения.

В еще более общем – по существу, собственно *методологическом* плане данный подход содействует преодолению одной из наиболее явных и негативных особенностей всего современного метакогнитивизма. Как известно, ей выступает подчеркнутая автономизированность и недостаточный синтез данного направления со многими другими важнейшими направлениями психологии. В особой мере это проявляется именно по отношению к психологической теории деятельности. Внедеятельностный характер всего современного метакогнитивизма, его несинтезированность со многими важнейшими положениями теории деятельности – одна из наиболее негативных черт его современного состояния. Это, в свою очередь, порождает многие принципиальные трудности проблемы его дальнейшего конструктивного развития. Как мы уже отмечали, представляется проблематичным непосредственный перенос многих из полученных в нем результатов на реальные – естественные (то есть экологически валидные) условия деятельности и поведения. Кроме того, доминирование внедеятельностных подходов к его разработке объективно блокирует экспликацию реальной – многомерной и многоплановой, а не упрощенной и не «уплощенной» картины всех реально существующих феноменов и закономерностей метакогнитивного плана. И наоборот, лишь их раскрытие на основе сложноорганизованных форм активности личности – прежде всего, разумеется, деятельности может содействовать именно такому – многомерному, а значит и достаточно полному их раскрытию.

Заключение

I

Подводя итоги данной работы, представляется целесообразным обобщить ее основные результаты и определить их общий смысл, а также резюмировать логику представленного в ней исследования. Эта логика обусловлена общим замыслом данной работы, который, в свою очередь, определяется комплексом обстоятельств принципиального плана. Они связаны как с общими тенденциями развития ряда значимых теоретических проблем психологии, так и с главными *прикладными* проблемами, порожденными эволюцией основных видов и классов профессиональной деятельности. Одной из главных и в известной степени – определяющей среди них являются кардинальные трансформации, развертывающиеся именно в сфере эволюции «мира деятельности» – в собственно профессиональной сфере и которые связаны, прежде всего, с бурной экспансией IT-технологий, с распространением тех видов и типов деятельности, базирующихся на них и реализующихся посредством компьютерной техники. Речь при этом идет, по существу, о возникновении и развитии принципиально нового класса деятельности – *субъектно-информационного*, о приоритетной эволюции собственно информационной деятельности, а также о том, что многие иные типы и виды деятельности перестраиваются в направлении конвергенции и синтеза с ним. Это, разумеется, обуславливает необходимость его первоочередного исследования.

Далее, это и комплекс причин собственно *теоретического* плана, связанных, прежде всего, с тем состоянием, в котором находится в настоящее время психологическая теория деятельности, а также непосредственно сопряженные с ней области психологической проблематики. Дело в том, что современная ситуация в психологии деятельности далека от благополучия; она требует не каких-либо локальных и частных – косметических доработок, а крупных корректировок и даже трансформаций традиционной психологической теории деятельности. И лишь при этом условии она может служить адекватной основой для решения наиболее сложных и принципиальных проблем, – в частности тех, которые связаны с раскрытием закономер-

ности организации наиболее сложных видов и типов деятельности – в особенности, составляющих содержание субъектно-информационного класса. Причины собственно теоретического плана связаны и с теми задачами, которые возникают при обращении к наиболее сложным и имплицитным сторонам психической регуляции деятельности – в частности, к ее когнитивному обеспечению, взятому на высших уровнях организации. В этом плане и эксплицируется еще одна весьма острая проблема, обусловленная тем, что современная когнитивная психология в целом, а также один из ее основных разделов – метакогнитивизм и психологическая теория деятельности в настоящее время разрабатываются практически автономно друг от друга. В результате такой несинтезированнойности двух фундаментальных направлений современной психологии страдают они оба. Внедеятельностный подход к метакогнитивным процессам приводит к априорно зауженным концептуальным основаниям их изучения, к обеднению и упрощению – фактически, к «уплощению» и схематизации получаемых результатов. В свою очередь, недостаточный учет психологией деятельности наиболее сложных, то есть именно метакогнитивных процессов ее организации и регуляции существенно обедняет современную психологическую теорию деятельности. Данная ситуация, безусловно, должна быть преодолена, а попытка этого также обусловила общий замысел данной работы.

Наряду с этим, следует констатировать и причины собственно *методологического* порядка, связанные с теми ограничениями, а нередко – и с недостаточностью эвристических возможностей, которые присущи существующим подходам к разработке психологической теории деятельности в целом и основного сыри них – системного подхода, в особенности. Явившись важнейшим и очень общим средством разработки этой теории, позволившим перевести ее на новый уровень развития, он отнюдь не лишен ограничений и, следовательно, не только позволяет, но и заставляет искать новые варианты методологии разработки теории деятельности. Причем, эти варианты должны отнюдь не «зачеркивать и отменять» его полностью, а, реализуя принцип преемственности, вступать как развивающие его – как не отрицающие, а снимающие его, точнее его прежние версии. Он, будучи результатом реализации неклассической методологии, должен быть понят, соответственно, как соотносящийся с тем этапом развития научного познания, который и релевантен ей. Однако, пере-

ход к новым фазам познания – прежде всего, к постнеклассической методологии требует уже иных его вариантов, один из которых и был разработан нами ранее и получил оформление как принцип метасистемного подхода. Установка именно на его реализацию по отношению к основной проблематике книги – исследованию информационной деятельности опередила ее содержание и структуру, а также ее общий замысел.

II

Главным итогом его реализации явилась разработка совокупности положений концептуального – теоретического плана, раскрывающих и объясняющих общую структуру метакогнитивной регуляции информационной деятельности, ее содержание и состав, а также закономерности ее сопряжения с психологической структурой этой деятельности. Значимо и то, что это было осуществлено посредством такого методологического подхода – *принципа метасистемности*, который до настоящего времени не был реализован по отношению к исследованию деятельностей субъектно-информационного класса. Вместе с тем, все это – именно итог, который потребовал достаточно развернутой и многоплановой процедуры исследования, образованной последовательностью основных этапов, которая и определила общую логику его развертывания. И, разумеется, первым и исходным среди них должен был выступить этап, содержанием которого является обоснование правомерности и *необходимости дифференциации* самого этого класса, равно как и его психологическая характеристика и формулировка такого подхода, который был бы релевантен его сущности и конструктивен в плане его изучения.

В свою очередь, это потребовало обращения к магистральной логике, которой характеризуется общая эволюция представлений в психологии труда и организационной психологии, а также и в психологической теории деятельности в целом. Она состоит в переходе от доминирования в общественном разделении труда субъект-объектных видов деятельности к субъект-субъектным видам, смена их роли и места в нем. Вместе с тем, развертывание этой объективной по своей сути логики нельзя считать завершенным: такая точка зрения является и недостаточно обоснованной, и не доказанной, и даже отчасти наивной. Ограничиваться ей – означает приуменьшать ре-

альную сложность эволюции форм трудовой деятельности, ограничивать диапазон их прогресса и, фактически, во многом закрывать возможность продуктивного и углубленного исследования все новых ее типов и классов. Она должна рассматриваться только как первая, но именно поэтому – лишь исходная, начальная ступень развития представлений об иных, также качественно своеобразных классах деятельности. Все это тем более актуально, что «мир деятельности» динамичен, а мера этой динамичности, постоянно возрастающая, в настоящее время достаточно велика. Она характеризуется перманентным возникновением принципиально новых видов деятельности и способов ее организации, не говоря уже о еще более быстром прогрессе их технологической составляющей. Собственно говоря, поэтому и возникает необходимость дифференциации еще одного качественно специфического и несводимого к двум уже выделенным классам деятельности – *субъектно-информационного*.

Однако, с другой стороны, следует учитывать, что исследования данного класса, в силу их молодости, находятся, на относительно раннем и, по существу, только начальном этапе своего развертывания, чем во многом и определяется сущность той ситуации, которая характерна сегодня для данной области. Она заключается в том, что по отношению к исследованию данного класса в настоящее время достаточно отчетливо эксплицируются те черты и особенности, которые характерны для одной из двух основных фаз развития научных представлений в той или иной области – *претеоретической*. Это – и наличие множества частных концепций, носящих, как правило, локальный характер и не охватывающих собой все содержание данной проблемы каким-либо единым концептуальным подходом и, соответственно, не приводящих к разработке целостных – обобщающих представлений в данной области. Это – и осязаемое преобладание эмпирико-экспериментальных аспектов данного направления над теоретико-методологическими аспектами. Это и очень характерные для собственно аналитической фазы развития научных проблем черты – *аспектность*, *фрагментарность*, «*мозаичность*», а нередко – и *эклетицизм* в их разработке. Наконец, в наиболее общем плане это и доминирование аналитических подходов и способов ее разработки над комплексными и синтетическими, а тем более – системно-ориентированными подходами. Такая – аналитически-ориентированная фаза разработки данной проблемы, безуслов-

но, не только имеет право на существование, но и является объективно необходимым этапом развития практически любых иных научных направлений в целом и, разумеется, исследований субъектно-информационного класса деятельности.

Вместе с тем, столь же естественно, что данная фаза логикой своей собственной эволюции с необходимостью приводит к возникновению целого ряда трудностей принципиального характера. В силу этого, на смену ей рано или поздно, но обязательно и объективно должен прийти иной этап – собственно *системный*. Сами же складывающиеся и развивающиеся при этом представления должны перейти с претеоретической фазы их развития на иной – обобщенно-концептуальный уровень, то есть на собственно *теоретическую* фазу их развития. Все это с очевидностью эксплицирует и основную тенденцию развития данной проблемы в целом, равно как и суть основной – по существу, стратегической задачи, связанной с ее дальнейшей разработкой. Это – задача перехода от преимущественно аналитической стали ее развития к собственно системной стадии. Она же, по существу, эквивалентна и задаче трансформации претеоретической фазы ее развития в иную – собственно теоретическую, обобщающе-концептуальную. В свою очередь, в свете всего этого становится достаточно понятным и основной, объективно-детерминированный «вектор» дальнейшего развития данной проблемы. Это – необходимость разработки и реализации новых методологических подходов к ней, имеющих уже не аналитическую, а собственно системную ориентацию, поскольку она позволяет трансформировать претеоретическую фазу ее разработки в собственно теоретическую. Именно такая установка была реализована нами ранее в работе [126], материалы которой по естественным причинам составили основу и для дальнейшего изучения информационной деятельности, представленного в этой работе.

III

Итак, реализация этой установки выдвигает на первый план важную в теоретическом отношении задачу. Она состоит в формулировке такого *методологического подхода*, который адекватен психологической природе данного класса деятельности, а также конструктивен в плане его исследования. Кроме того, данный под-

ход должен учитывать три следующие – очень значимые в теоретико-методологическом отношении обстоятельства.

Во-первых, поскольку главным предметом его приложения является деятельность, взятая в одном из ее основных модусов – субъектно-информационном, то данный подход должен обязательно базироваться как на самой психологической *теории деятельности* в целом, так и на одной из ее практико-ориентированных конкретизаций, которое обозначается как психологический анализ профессиональной деятельности. Более того, он должен, не только основываться на них, но и по возможности содействовать их развитию.

Во-вторых, поскольку само развитие этих двух крупных направлений, привело на определенном этапе своей собственной логикой к необходимости обращения к *системной методологии*, то данный подход должен обязательно основываться именно на ней. Вместе с тем, так как речь идет именно о современном этапе реализации данной методологии, то принцип системности должен быть реализован с обязательным учетом тех – достаточно существенных трансформаций, которые он претерпел в последние десятилетия.

В-третьих, данный подход должен, естественно, учитывать не только эти трансформации, но и быть чувствительным – сензитивным к новым и новейшим тенденциям в развитии целого ряда базовых психологических направлений и тем результатам, которые в них получены. В частности, он должен учитывать те данные, которыми располагает в настоящее время одно из важнейших направлений когнитивной психологии – современный *метакогнитивизм*. Дело в том, что в нем детальному изучению подвергаются те процессы, которые локализуются на высшем и, следовательно, важнейшем уровне психической регуляции деятельности в целом и информационной, – на уровне осознаваемой, произвольной регуляции. Именно они играют определяющую роль в структурно-функциональной организации деятельности; поэтому их изучение является ключевым фактором раскрытия базовых закономерностей организации деятельности, в том числе, – и ее субъектно-информационного класса.

Именно такой подход был разработан нами в целом ряде предыдущих работ, что и позволило предпринять попытку его развития и реализации в этой книге по отношению к субъектно-информационному классу деятельности. Основная черта данного подхода состоит в том, что он позволяет реализовать по отношению к исследованию

этого класса основные положения как психологической теории деятельности, взятой в ее современном виде, базовые положения системной методологии, эксплицированной на современном уровне ее развития, так и ключевые результаты, полученные в метакогнитивизме. При этом своего рода методологическим «ядром» данного подхода является обоснованный нами принцип метасистемности, а в более общем плане – *метасистемный подход* как один из постнеклассических вариантов системной методологии в целом. Поэтому обоснование и развитие, а также спецификация данного подхода по отношению к задачам исследования субъектно-информационного класса деятельности и выступило в качестве методологической основы разработки главной проблемы данной работы.

В связи с этим, очень показательным, что именно данный подход позволил дать вполне конкретный по содержанию, но одновременно – и достаточно общий по смыслу ответ на два ключевых в теоретическом отношении вопроса. Во-первых, – на вопрос о *критериях* дифференциации самого субъектно-информационного класса о двух других, также основных классов. Во-вторых, – на вопрос о наличии собственной *качественной определенности* данного класса и, соответственно, о тех основных особенностях и закономерностях, которые ее составляют. Так, при ответе на первый из них следует исходить из положения, согласно которому реальная онтология деятельности – ее действительное и полное бытие эксплицируется через понятие «деятельностной формулы». В нем зафиксирована триада базовых «составляющих» любой деятельности: ее субъект, объект и процесс их взаимодействия, то есть собственно деятельности, взятой в ее временной развертке. В данной связи очень показательным (и доказательным) является следующее обстоятельство. Каждый из этих трех компонентов выступает в качестве базовой метасистемы, оказывающей наибольшее специфицирующее влияние на метакогнитивную сферу по отношению, соответственно, к трем разным классам деятельности; поясним сказанное. Так, по отношению к субъект-объектным деятельности ее собственно психологическое содержание обретает главные специфические особенности под влиянием тех особенностей и закономерностей, которыми характеризуется более общая по отношению к ней метасистема – индивидуальная психика самого *субъекта* деятельности. По отношению ко второму классу в качестве такой специфицирующей метасисте-

мы выступает уже не субъектный, а *объектный* член этой формулы, поскольку для него главную роль играют особенности и закономерности, обусловленные тем, что в его качестве выступают также субъекты, «другие люди» – социальные объекты. Соответственно, и организация деятельности обретает ярко выраженную социо-ориентацию. Данное обстоятельство подробно обосновано нами на материале исследования управленческой и педагогической деятельности.

Наряду с этим, именно такой же – общей и, по-видимому, фундаментальной, особенности подчиняется и тот класс деятельности, который рассматривается в данной работе – субъектно-информационный. В нем специфика психологического содержания деятельности в наибольшей мере специфицируется еще одним – третьим (средним) членом этой «формулы», то есть самим *процессом* деятельности. Он, однако, должен быть взят также в специфическом и вполне конкретном проявлении – в аспекте тех средств и операционных механизмов, которыми реализуется этот процесс. В их качестве как раз и выступает все то, что составляет содержание компьютерных технологий как таковых. При этом показательно (и доказательно), что ключевое из этих средств не только по существу, но даже этимологически иллюстрирует именно это обстоятельство: специфику *процессу* деятельности субъектно-информационного класса придает, в основном, именно *процессор* как ключевой компонент всей компьютерной техники.

Столь явное и комплексное соответствие трех основных классов деятельности с тремя компонентами деятельности триады – соответствие, носящее очень глубокий, принципиальный и многоаспектный – по существу, атрибутивный характер, не могло, разумеется, не проявиться и в собственном гносеологическом плане – в плане того, каким образом в разное время эксплицировался сам предмет психологии труда. Так, содержанием ее предмета на очень длительном этапе развития – начиная от возникновения и приблизительно до второй трети прошлого столетия были исследования, направленные на первый из основных классов – субъект-объектный. Это и есть, собственно говоря, традиционная, классическая психология труда. Вместе с тем, в дальнейшем в ее сферу во все большей мере начинают включаться и те виды деятельности, принципиально отличающиеся по многим параметрам от тех которые исследовались ранее. Иными словами, это те виды, относятся уже

ко второму классу – субъект-субъектному. Следовательно, и содержание предмета психологии труда также существенно трансформируется, что не только вполне закономерно, но и необходимо, а предмет исследования обретает здесь уже существенно иную экспликацию. Он, в частности, значительно расширяет свои границы, в результате чего возникают многочисленные «зоны перекрытия» с предметными сферами других психологических дисциплин – в особенности, с социальной и организационной психологией. Такая экспликация предмета характерна для того, этапа развития психологии труда, который, оформившись в последней трети прошлого столетия, продолжается поныне. Наконец, как показано в данной книге, а также в ряде наших работ, в настоящее время в сферу психологических исследований в целом и в сферу психологии труда, в особенности, во все большей степени включается (и должен включаться!) третий основной класс. Это – субъектно-информационный класс; он во все большей степени входит в содержание ее предмета и тем самым специфицирует его. Важно и то, что такая экспансия – это не только уже оформившаяся реальность, но и главная перспектива дальнейшего развития как самого «мира профессий», так и эволюции содержания предмета психологии труда.

IV

Показательно (и доказательно), что именно при такой конкретизации предмета исследования сразу же – очень непосредственно и вполне естественным образом выявляется обстоятельство наиболее принципиального плана и фундаментального значения. Оно, однако, становится еще более зримым именно с позиций того методологического подхода, который был разработан нами и предложен как базовый для решения вопроса о дифференциации основных классов деятельности – в том числе, и субъектно-информационного. Это подход, базирующийся на *синтезе* психологической теории деятельности и метакогнитивизма. В общем виде данное положение заключается в *удивительном подобии* – в принципиальном сходстве и, так сказать, в максимальной конгруэнтности основных особенностей деятельности информационного характера, реализуемых на базе компьютерной техники, и самой сути метакогнитивизма (его сферы, предмета, специфики, задач, разделов и пр.) – вообще его «духа»

и основного пафоса. Как неоднократно отмечалось выше, в структуре метакогнитивизма исторически сложились и являются в настоящее время основными две его «составляющие», два главных направления. Первое имеет своим предметом исследование метакогнитивных процессов: это *операционное* направление, которое и закреплено в термине «метакогнитивизм». Второе направление имеет своим предметом знания, но особого типа – «знания о знаниях», то есть метазнания: это *операндное* направление, которое закреплено в понятии «психология метапознания».

Однако тем самым складывается ситуация, при которой обе эти основные «составляющие» метакогнитивизма не только органично и полно воплощаются в сути информационной деятельности, реализуемой посредством компьютерной техники, но и сам компьютер выступает при этом в функции практически полного аналога и «первичных» процессов, и «первичных» знаний. Субъект же деятельности с необходимостью выступает при этом как реализатор процессов по управлению этими «первичными процессами», и как носитель, а также преобразователь знаний об этих «первичных» знаниях. Следовательно, такого рода субъектно-информационная деятельность не только может быть рассмотрена с позиций метакогнитивизма или даже не только *может* быть понята как метакогнитивная по своей сути. Дело еще и в том, что она *не может* быть понята никак иначе. Между информацией (как предметом деятельности) и субъектом деятельности находится такое средство труда – компьютер, которое по своей сути, фактически, выступает носителем целой системы процессов и системы знаний, баз данных. Они, однако, носят специфически информационный и в этом смысле – когнитивный характер, причем, взятые в их единстве. То метакогнитивное содержание, которое представлено в индивидуальной психике во *внутреннем* плане (в интрапсихической плоскости), в субъектно-информационных деятельности оказывается представленным уже во *внешнем* плане – в том числе, и в распределенном виде между самим субъектом и средством его труда. Можно видеть, что имеет место принципиально новая деятельностная реальность, которая никак не присуща двум традиционным классам и которая определяет качественное своеобразие третьего класса и его несводимость к первым двум. Эту реальность во всей ее полноте, сложности, а отчасти – и необычности еще предстоит понять и осознать.

Итак, сама суть подавляющего большинства видов деятельности, базирующихся на компьютерной технике, состоит в ее очень своеобразном именно с психологической точки зрения характере – метакогнитивном. В связи с этим, лишь небольшое преувеличение требуется для того, чтобы охарактеризовать всю эту деятельность – и по сути, и по содержанию, и по организации, равно как и по иным важным атрибутам, как метакогнитивную. Фактически, все ее содержание обретает именно этот статус. В результате этого те собственно операционные средства, которые наиболее релевантны природе деятельности как таковой, трансформируются из статуса операторов в статус операндов, то есть выступают уже не только как средства ее организации, сколько как то, на что направлена сама организация. Однако тем самым в структуре деятельности порождается новый уровень, связанный с этой организацией – *метауровень*, статус которого определяется его именно метадеятельностным характером. В силу этого, практически все содержание деятельности субъекта также обретает метакогнитивный характер, а в широком смысле данная деятельность также должна быть охарактеризована как метакогнитивная. Имеет место фундаментальный феномен, точнее механизм, описанный в системной методологии, – *удвоение качеств*. Любой ее компонент, сохраняя свой исходный модус – в качестве первичной «составляющей» ее операционного содержания, обретает, однако, новую спецификацию, новое качество – становится и носителем метакогнитивных средств и закономерностей.

V

Разумеется, такая – обобщенная экспликация специфики субъектно-информационного класса деятельностей в целом и тех его видов, которые осуществляются на основе компьютерной техники, в частности, должна быть дополнена более конкретной характеристикой его *психологического содержания*. Именно это также было на основе методологии психологического анализа профессиональной деятельности, в результате чего эта деятельность получила комплексное раскрытие в совокупности ряда осиновых и взаимополнительных планов. При этом акцент был сделан на обеспечении ее, по возможности, комплексного и многопланового характера посредством опоры на данные самого разного плана и различных источ-

ников – начиная от житейских, вненаучных и заканчивая теоретико-методологическими. В итоге ее содержание и организация была эксплицирована в нескольких основных планах, аспектах, на нескольких уровнях проникновения в ее сущность – феноменологическом, эмпирическом, операционном, теоретическом и методологическом.

На первом из них – *феноменологическом* она раскрывается посредством целого множества специфических деятельностных явлений, в которых и через которых, собственно говоря, и эксплицируется ее содержание, равно как и организация. Данный уровень специфичен и уникален еще тем, что он, фактически, синтезирует два важнейших источника информации об изучаемом предмете – внешний (объективный) и внутренний (субъективный) – интроспективный. Как мы отмечали выше, уникальность феноменологического анализа, базирующегося на интроспективных техниках, состоит в том, что он позволяет получить такую информации о деятельности, которую никакими иными путями получить в принципе невозможно, поскольку она носит принципиально необъективируемый, а лишь субъективируемый характер. На втором из этих уровне – *эмпирическом* синтезирована вся беспрецедентная по объему и гетерогенная по содержанию информация, полученная при осмыслении сути и специфики данной деятельности посредством фиксации практического опыта ее реализации. Причем, она также дифференцируется на два плана – на внепсихологический и собственно психологический, профессиографический. На следующем уровне – *операционном* первый из этих источников реализуется в более детализированном и специфическом виде – как обобщение ее собственно технологического описания. На четвертом уровне – *теоретическом* данная деятельность раскрывается как представитель собственно профессиональной деятельности – в аспекте тех взглядов, которые сложились в психологической теории деятельности относительно ее структурно-функциональной организации. На пятом уровне – *методологическом* она эксплицируется в единстве двух базовых категорий закономерностей – общедеятельностных и конкретно-деятельностных, родовых и видовых, как представитель качественно специфического класса деятельности – информационного. Данный уровень, в свою очередь, предполагает и опору на синтез данных о ней, эксплицируемых посредством обращения к психологической теории деятельности, и данных, раскрывающих ее атрибутивные черты, обусловленные ее метакогнитивным и метарегулятивным характером.

Проводя характеристику данной деятельности в комплексе этих планов, мы стремились не только и даже не столько к систематичности проводимого анализа, сколько к полноте охвата существующих данных о ней. Более того, мы допускали и возможность известной эклектичности рассмотрения, взятой, однако, в ее позитивной коннотации – как сообразного эквивалента комплексности – многоаспектности и многоплановости анализа. И лишь после того, как эта полнота будет обеспечена, возможен и необходим переход к иным планам и способам ее психологического анализа. Они направлены на выявление и интерпретацию ее глубинных и имплицитных закономерностей, главными из которых являются, разумеется, закономерности *структурного* плана, то есть те, которые раскрывают базовые особенности ее содержания и организации. Они, однако, могут быть установлены лишь на основе иных – более строгих, то есть собственно аналитических (точнее, деятельностно-аналитических) процедур. Одна из них как раз и была разработана нами в [126], что позволило эксплицировать общую структурно-уровневую организацию данной деятельности – но уже не по отношению к совокупности уровней ее описания, а по отношению к уровням ее *собственной* структурной организации. Более того, она позволяет эксплицировать и содержание каждого из уровней этой организации. Данная процедура, а также результаты ее реализации по отношению были предметом специального рассмотрения в главе 3, что позволило углубить и конкретизировать материалы относительно содержания и организации рассматриваемой деятельности.

VI

Вместе с тем, для того, чтобы придать представленной характеристике деятельности, по возможности, наиболее обоснованный и теоретически корректный характер, необходима специальная методологическая рефлексия определяющего понятия – понятия *структуры* и производного от него понятия структурной организации. Кроме того, необходима также его спецификация и конкретизация по отношению к собственно психологической и деятельностной проблематике. Это, следовательно, также выступило специальным предметом рассмотрения в данной работе.

Следует особо подчеркнуть, что одним из его главных итогов явилось обоснование того, что выявление специфики – качественного своеобразия информационной деятельности в целом и тех ее разновидностей, которые базируются на компьютерной технике, в особенности, должно базироваться на приоритетном раскрытии ее *структурных* закономерностей. Это вполне закономерно, поскольку, как известно, именно понятие структуры, а также структурной организации является ключевым и определяющим гносеологическим средством познания как такового. Оно занимает *центральное* место в большинстве общих гносеологических подходов и конкретных познавательных процедур. Дело в том, что именно структурное исследование, а в более общем плане – и познание как таковое, согласно гносеологическим императивам, занимает срединное место в триаде базовых понятий системной методологии: компонент (часть) – структура – система (целое). Именно это означает, что оно занимает также и центральное и, следовательно, определяющее место в ней. Благодаря ей система и становится целостностью. Кроме того, оно должно рассматриваться как важнейшее связующее звено между двумя фундаментальными общегносеологическими подходами – *аналитическим* и *системным*. С одной стороны, оно позволяет преодолеть атомистичность первого и перейти от суммативного знания, от агрегативной – аддитивной совокупности знаний к их организованной совокупности, к феномену организации как таковой. С другой стороны, оно является и столь же необходимым для того, чтобы эту организацию эксплицировать не «в целом» – абстрактно, а вполне конкретно – в аспекте как основных и наиболее мощных принципов – собственно системных, в аспекте системности как базового атрибута организации как таковой. Следовательно, для того, чтобы реализовать данное понятие как объяснительное средство в его истинном – конкретном и полном объеме, а не только в его симплифицированных вариантах, необходим специальный анализ его собственно методологического потенциала. Его реализация также выступила одним из итогов данного исследования. В результате было установлено, что данное понятие, наряду с теми его характеристиками, которые традиционно выделяются по отношению к нему, обладает и некоторыми дополнительными свойствами, требующими методологической рефлексии. Так, оно является в известном смысле двойственным и даже так сказать «обманчивым». С одной стороны,

оно характеризуются относительной «понятностью» – четкостью и конкретностью содержания. Существует очень явный и устойчивый семантический инвариант, зафиксированный в нем: несмотря на различия в его определениях, все они содержат указание на два базовых атрибута – наличие отношений между компонентами объекта и их организацию. Структура, взятая в ее семантическом ядре, – это и есть, собственно говоря, организованная совокупность отношений между «составляющими» объекта. Эти атрибуты устойчиво воспроизводятся в различных определениях данного понятия.

С другой стороны, важной, но обычно не подвергающейся должной методологической рефлексии, особенностью понятия структуры являются его предельно сложные отношения с фундаментальным понятием содержания. Чем более глубоким является структурное исследование, тем в большей степени оно ассимилирует не только собственно структурные инварианты организации, но и содержательные особенности и закономерности исследуемых объектов. Более того, еще существеннее так сказать «обратное движение», состоящее в том, что чем более глубоким и полным является содержательное раскрытие исследуемых объектов, тем более богатыми и диверсифицированными становится и представления о видах и типах, классах и формах структурной организации. Можно видеть, что представления о структуре развиваются *вслед* за развитием представлением о содержании самих исследуемых объектов, *вслед* за развитием знаний о них как таковыми. Поэтому не только не исключено, но, напротив, весьма вероятно, что дальнейшее развитие представлений о базовых закономерностях объектов будет приводить к установлению все новых и все более сложных и необычных типов структур.

Показательно, что именно это как раз и подтверждает проведенный в работе анализ в той его части, в которой, наряду с системами и структурами субстанционального типа, были зафиксированы структуры темпорального типа, а также информационные – знаниевые и идеальные структуры. Принципиальность данного положения состоит в двух основных обстоятельствах.

Во-первых, в связи с ним со всей остротой встает проблема соотношения *инвариантного-вариативного* в понятии структуры, проблема приоритетов между ними. Она может быть сформулирована следующим образом: являются ли структурные инварианты доминирующими в организации объектов, или же эта организация сама детер-

минирована в каждом случае объектно-специфическими и потому – принципиально вариативными закономерностями? Если справедлива второй вариант ответа, то возникает вопрос о конструктивности и вообще о необходимости понятия структуры как носителя инвариантов организации как таковой. По-видимому, данный вопрос, как и любой иной вопрос столь огромной степени сложности не допускает упрощенного рашения оп типу «или-или», а может быть решен лишь на основе принципа дополнительности, то есть по тип «и-и».

Во-вторых, со всей очевидностью эксплицируется и еще более значимое обстоятельство, состоящее в следующем. Поскольку представления о «мире структур» развиваются вслед за развитием представлений о «мире объектов» познания (практически во всех дисциплинах), то и понятие структуры, равно как и его дифференциация на типы и виды, также будет подвергаться дальнейшему углублению и расширению. В связи с этим не только не следует, но и недопустимо накладывать какие-то априорные ограничения на содержание понятия структуры и представления об их типах. Напротив, следует принять установку на то, что уже имеющиеся представления не только не полны, но и не должны быть полными на каждом конкретном этапе познания; наоборот, они должны быть принципиально открытыми, что, свою очередь, вновь приводит к предположению о существовании новых и, возможно, достаточно нетрадиционных типах структур. Подчеркнем также, что с наибольшей вероятностью они могут быть обнаружены при исследовании таких объектов и в таких сферах познания, которые характеризуются наибольшей сложностью. К ним как раз и относится, в первую очередь, сфера психологической проблематики, предметы психологического исследования в целом и проблематика сознания, в особенности. В этой связи не только привлечение данных о понятии структуры может способствовать разработке психологической проблематики, но и наоборот – сама эта проблематика, развиваясь и приводя ко все новым данным содержательного плана, также может способствовать развитию представлений о понятии структуры и ее типах. Психологическое познание выступает уже не только как сфера исследований структурной организации, но и как метод раскрытия понятия структуры, как «локомотив» развития представлений в данной области.

VII

Все эти характеристики данного понятия очень явно эксплицируются по отношению, прежде всего, к относительно наиболее сложным предметам исследования – в первую очередь, по отношению к психологической проблематике. Однако, именно их учет совершенно необходим для адекватного раскрытия предметов психологического исследования, что и было продемонстрировано на материале специального анализа психологической структуры двух из них. С одной стороны, это психологическая структура *деятельности* в целом, а с другой, – структурная организация того образования, которое, собственно говоря, вообще является основным предметом в данной работе – *метакогнитивной регуляции* деятельности. Главной при этом является необходимость трактовки и той и другой не в качестве систем и, соответственно, – лежащих в их основе структур классических типов, а в качестве специфических образований, обозначенных нами ранее как системы со «встроенным» метасистемным уровнем. Эти системы и, повторяем, лежащие в их основе структуры обладают рядом дополнительных, очень важных и специфических особенностей, учет которых необходим для раскрытия закономерностей организации как деятельности в целом, так и ее метакогнитивной регуляции, в частности. Главная и наиболее специфическая особенность этих систем заключается в том, что они обладают уникальной способностью к *функциональному включению* в свой состав и организацию той метасистемы, онтологической, то есть субстанциональной частью которой они сами выступают. Кроме того, и основным принципом их построения – композиции является не традиционный принцип включения, а более сложный и мощный принцип *мультиплицирования*.

Показательно и доказательно, что именно эти представления оказываются весьма конструктивными в плане раскрытия особенностей и закономерностей структурной организации системы деятельности. Так, с их позиций открываются дополнительные возможности для того, чтобы предложить новый вариант, пожалуй, основной и критически значимой проблемы психологического анализа деятельности (равно как и все теории деятельности) – проблемы ее базовых *структурных единиц*. Согласно этому решению, в качестве таких единиц могут, а по нашему мнению, и должны рассма-

триваться базовые деятельностные *компетенции*. Такое решение непосредственно обусловлено как логикой развития самой теории деятельности, так и социальными заказами со стороны практики, прежде всего, – образовательной, связанной с профессиональной подготовкой, а в еще более общем плане – с широким распространением компетентностного подход. Он, в свою очередь, непосредственно сопряжен с еще более общим – деятельностным подходом к обучению и образованию, к профессиональной подготовке в целом; выдвигает целый ряд достаточно острых теоретических и прикладных проблем, в том числе, – и перед психологией деятельности. Одной из ключевых среди них является задача адекватной и корректной интерпретации самого понятия компетенции, а также его соотношения с понятием компетентности. По-видимому, наиболее адекватной и психологически корректной трактовкой компетенции как раз и является ее понимание в качестве основной, базовой «единицы» структурно-функциональной организации деятельности, а также ее генетической динамики. Компетенции, выступая базовыми структурными единицами деятельности – ее «составляющими», в то же время, – по определению являются интегративными образованиями, в которых синтезированы три основных компонента так называемой «ЗУНовской триады» («знания – умения – навыки»). В этом плане совершенно неслучайно и очень показательное глубокое этимологическое родство понятий *компонента* и *компетентности* – и в том, и в другом, хотя и имплицитно, содержится идея интеграции, синтеза – *комплексности* и составного характера строения. Первые (компоненты) – это то, что составляет базу для любой разворачивающейся на их множестве интеграции. Второе (компетентность) – это то, что формируется в результате синтеза; то, что имеет подчеркнуто интегративный характер.

Кроме того, очень показательное в данной связи и то, что сам термин «умения», как правило, употребляется во множественном числе, что как раз и подчеркивает локальный их характер, возможность осуществления деятельности лишь на основе множества таких – локальных образований. Следовательно, в них возникают собственно системные эффекты, порождающие качественную определенность всей целостности – деятельности как таковой. Компетенции поэтому и являются истинными носителями этой качественной определенности; они релевантны содержанию деятельности

в целом и выступают наиболее обоснованными средствами ее экспликации – в том числе и в ходе ее психологического анализа.

Одновременно, они являются все же и достаточно локальными образованиями деятельности, дифференциация которых обеспечивает должный уровень детализированности и глубины ее декомпозиции, а следовательно, – глубины и эффективности самого анализа. Причем, они соотносятся не с какими-либо частными, второстепенными, условно выделенным» в гносеологическим целям и т. п. аспектами деятельности, а с ее объективно главными аспектами – с теми *функциональными задачами*, на решение которых она направлена и совокупность которых составляет ее содержание как таковое, конституирует его. Кроме того, важно, что при таком подходе эксплицируется очень четкий и определенный критерий самой дифференциации этих «единиц», поскольку в их качестве как раз и выступает совокупность этих основных функциональных задач деятельности. Далее, очень существенно, что в компетенциях, как уже отмечалось, представлены в неразрывном – интегрированном виде все три основных плана деятельности, отраженные в так называемой «деятельностной триаде» (субъект, объект, процесс деятельности). Действительно, компетенции – это органичный синтез субъектных характеристик (поскольку они являются системными качествами, формирующимися в результате интеграции трех – субъектных по своей сути компонентов «ЗУНовской триады»). В то же время, в них объективно репрезентировано объективное содержание деятельности (ее функциональных задач и средств, на основе которых возможно их решение), а также важнейшие характеристики собственно процесса деятельности. Именно эти характеристики как раз и закреплены в нормативно-одобренном способе деятельности, который во многом и образован необходимыми для его реализации компетенциями.

Данное обстоятельство наиболее релевантно именно деятельности субъектно-информационного класса. Действительно, по всем своим атрибутам и вообще – по содержательным и структурным характеристикам она не только вплотную приближается к тому, что обычно обозначается как ее внутренний план деятельности, как структура и содержание психической регуляции, но и вообще практически к ней сводится. Эта деятельность в целом во многом или даже – практически во всех ее основных моментах переходит

во внутренний план, а ее структура и содержание становятся принципиально подобными структуре психической регуляции как таковой. То, что выступало по отношению ко всем иным видам и типам деятельности как ее регулятор, а соответственно, лишь ее часть, по отношению к субъектно-информационному классу становится всей деятельностью – по крайней мере, в ее атрибутивных чертах и основных механизмах реализации.

Следовательно, структура деятельности субъектно-информационного класса и, соответственно, система ее базовых единиц во многом повторяет или даже воспроизводит – *мультиплицирует* структуру психической регуляции как таковой. Поэтому анализ данной деятельности не только может, но и обязательно должен базироваться на структурной экспликации этой регуляции. Понятно, что данное заключение, с одной стороны, вскрывает еще большую сложность психологического анализа деятельности данного класса, поскольку сам его предмет и вообще практически вся его сфера переносятся в этот – внутренний план, становятся представленными именно в интрапсихической плоскости. Они, следовательно, становятся значительно менее эксплицированными и доступными любым исследовательским процедурам. Анализ «внутреннего» – имплицитного существенно сложнее, нежели анализ «внешнего» – эксплицитного, что, кстати говоря, составляет и одну из основных трудностей всего психологического познания. Однако, с другой стороны, именно это же обстоятельство в определенной и, более того, весьма существенной степени облегчает анализ (хотя это может показаться, на первый взгляд, неправдоподобным). Дело в том, что констатированная выше конгруэнтность – практически, изоморфизм, доходящий до степени тождества, между структурой и содержанием психической регуляции деятельности и всей деятельностью может рассматриваться как ориентир для экспликации структуры деятельности субъектно-информационного класса в целом и, следовательно, как основа для ее анализа, равно как и для определения сути ее единиц. Дело в том, что в этом случае проведение анализа деятельности, фактически, равнозначно анализу структуры и содержания ее собственно психологического обеспечения. Оно представлено в ее закономерной организации и установлено в целом ряде подходов к ее экспликации.

В свою очередь, именно констатация этого – достаточно общего обстоятельства позволяет установить ряд значимых для решения

основных задач данной работы закономерностей и особенностей структурно-функциональной организации деятельности субъектно-информационного класса. В этом плане, пожалуй, наиболее важным представляется выявление и объяснение глубинного подобия, доходящего до степени изоморфизма – практически конгруэнтности трех базовых психологических конструкторов. Данное обстоятельство было обосновано нами ранее в работе [126] и заключается в следующем. С одной стороны существует изоморфизм системы *функциональных блоков* деятельности и системы *интегральных процессов* ее психической регуляции. Действительно, в качестве первых дифференцируются следующие основные «составляющие» системы деятельности: блоки целеобразования, прогнозирования (антиципации), принятия решения, программирования, планирования, контроля, коррекции. Однако, в качестве вторых – интегральных процессов дифференцируется принципиально сходный набор; это процессы целеобразования, антиципации, принятия решения, прогнозирования, планирования, программирования, контроля, коррекции. С другой стороны, это изоморфизм системы *функциональных блоков* и базовых *компетенций* деятельности. Напомним, что ими являются компетенции по реализации таких главных – критически важных для организации и реализации деятельности функций, как целеобразование, принятие решений, мотивирование, планирование, прогнозирование, программирование, контроль, коррекция. При этом следует помнить также, что сами интегральные процессы – это и есть реальная онтология деятельности, ее содержание в главном – функциональном (и потому временном, процессуальном) модусе. Следовательно, это и есть предмет психологического анализа как таковой в его максимально репрезентативном виде. В силу этого, простой синтез двух констатированных изоморфизмов – даже посредством чисто логической операции транзитивности с необходимостью приводит к следующему заключению. Система базовых компетенций – это и есть то, в *чем и через* что представлена и проявляется реальная онтология деятельности. Сами же компетенции – как части этого содержания не только могут, но и с необходимостью должны быть проинтерпретированы как действительные части этого содержания. Другими словами, есть все основания считать, что именно они и являются подлинными единицами самого целого, то есть наиболее репрезентативными единицами структурно-функциональной организации деятельности.

Итак, новое и достаточно обоснованное решение получает наиболее общая и классическая проблема теории деятельности в целом и ее психологического анализа, в особенности, – проблема единиц анализа. Такими единицами, по-видимому, и являются базовые компетенции деятельности. Компетенции поэтому и являются «истинными носителями» этой качественной определенности; они релевантны содержанию деятельности в целом и выступают наиболее обоснованными средствами ее экспликации – в том числе и в ходе ее психологического анализа. Кроме того, психологическая структура деятельности – воедино организованная система ее основных функциональных блоков эксплицируется как комплексный, объективный критерий для дифференциации и основных – базовых (первичных) компетенций. Ими и являются компетенции по реализации таких деятельностных функций, как целеобразование, принятие решений, мотивирование, планирование, прогнозирование, программирование, контроль, коррекция.

Конструктивность использования именно понятия компетенции в целях разработки проблематики психологического анализа деятельности проявляется и в еще одном значимом аспекте. В нем имеет место очень явная конвергенция и взаимодополнение двух основных исследовательских стратегий (полезная для них обеих). С одной стороны, это стратегия, точнее – подход, обозначаемый как теоретический; он и был реализован выше. С другой стороны, это эмпирический подход, идущий в данном случае, однако, не столько от эмпирики как таковой, сколько от практики (причем, в основном, не психологической, а производственной). Эти подходы конвергируют в понятие компетенции (и, соответственно, в той реальности, которая им обозначается), что в итоге и дает их *синтез*. Возникающие в результате этого синергетические эффекты очень важны и полезны как для теории, так и для практики. Первая обретает новый и вполне конкретный путь к формированию так необходимого ей экологически валидного эмпиричного базиса, а также конкретные процедурные средства «проникновения» в этот базис. Вторая обретает столь же необходимые ей интерпретационные средства, позволяющие заглянуть за феноменологический фасад деятельностных явлений и выявить имплицитно представленные в них закономерности психической регуляции деятельности. Тем самым понятие компетенции раскрывается и как важнейшее связующее, опосредствующее звено

между теорией деятельности и практикой ее психологического анализа, как ключ для проникновения через феноменологию к сущности, как «концептуальный мост» между различными теоретическими подходами (деятельностным, ситуационным, компетентностным).

VIII

С позиций этих представлений открываются дополнительные возможности и для выявления закономерностей структурной организации деятельности в целом и информационной, в особенности. Действительно, легко видеть, что базовые – первичные компетенции эксплицируются в качестве именно исходных компонентов, которые уже несут на себе все основные характеристики компетенций как таковых, но, в то же время являются унитарными, а не составными, не комплексными. Они поэтому удовлетворяют всем параметрам, которыми атрибутивно характеризуются компоненты системы. Поэтому они составляют один из уровней в организации их общей совокупности – *компонентный*.

Вторичные, производные компетенции, являющиеся продуктами комплексирования первичных при решении основных функциональных задач деятельности, эксплицируются как определенные паттерны – подсистемы, складывающиеся для решения основных функциональных задач деятельности подсистемообразующей детерминацией основных деятельностных подцелей. Они поэтому образуют еще один качественно специфический уровень общей организации компетенций – *субсистемный*. В свою очередь, они также подлежат организации и интеграции, образуя в итоге общую совокупность компетенций – как первичных, так и вторичных. В результате они синтезируются в наиболее обобщенное образование, которое обычно обозначается понятием компетентности. Оно – именно потому, что является наиболее целостным и обобщенным, соотносится уже с иным, качественно специфическим уровнем – собственно *системным*.

Кроме того, следует учитывать, что одной из своеобразных аксиом компетентного подхода, даже – его «изюминкой» является тезис о несводимости компетенций к аддитивной совокупности их частей – того, что в них входит и из чего они состоят. Обычно такими частями рассматриваются составляющие так называемой

«ЗУНовской триады» (знания, умения, навыки), а также специальные способности. Однако вся суть дела состоит в том, что они, будучи абсолютно необходимы для деятельности, сами по себе – так сказать по отдельности (или даже – суммативно) еще недостаточны для ее эффективной реализации. Это, собственно говоря, и зафиксировано в тезисе об интегративной природе компетенций как таковых. Иными совами, есть все основания дифференцировать еще один уровень общей организации компетенций, на котором локализованы их основные элементы; это – собственно *элементный* уровень.

Наконец, наряду со всеми отмеченными типами компетенций, существует и еще одна – достаточно имплицитная, но важная компетенция. Ее суть заключается в возможности субъекта воздействовать на свои же собственные компетенции – как в плане произвольной регуляции их ситуативного проявления, так и в плане целенаправленного влияния на их развитие. Это – своего рода компетенция по формированию и развитию собственных компетенций, а также регуляции меры их актуального проявления, то есть *метакомпетенция*. Поэтому нетрудно видеть, что ее сущность и функциональное предназначение эксплицируют ее естественное соотношение с еще одним уровнем общей структурной организации компетенций – *метасистемным*.

Таким образом, с позиций сформулированных представлений оказывается возможным дать естественную и достаточно полную экспликацию всей совокупности деятельностных компетенций, реализовав при этом один из важнейших принципов организации психических структур – *уровневый*. Согласно этому решению, общая система компетенций раскрывается как построенная по структурно-уровневому принципу и включающая совокупность соорганизованных в единую иерархию *пяти* основных уровней. Такое решение позволяет, следовательно, установить и проинтерпретировать наиболее обобщенную структуру компетенций, то есть их макроструктуру.

Вместе с тем, с позиций такого подхода оказывается возможным предложить конкретный вариант решения и еще одного вопроса – о том, какова уже не макроструктурная организация компетенций, а их *микроструктурная* организация. Эта организация, также включает пять основных уровней. Так, на ее высшем – метасистемном уровне локализованы специфические образования, принадлежащие к более общим целостностям (то есть к метасистемам – к личности

и деятельности). Они, однако, функционально включены, «встроенны» и в содержание самой компетентности. Прежде всего, это способности личности и основные функциональные блоки психологической системы деятельности. На втором уровне – общесистемном локализованы феномены общей соорганизации всех основных и традиционно дифференцируемых «составляющих», входящих в состав компетентности – знаний, умений, навыков. Такая интеграция приводит к специфически системным феноменам, то есть к синергетическим эффектам. Она поэтому дает определенную «функциональную прибавку», которая не позволяет редуцировать этот уровень до аддитивной совокупности, то есть до агрегативного множества указанных «составляющих». Механизмы их интеграции дают на выходе аналогичный – также интегративный по своей сути феномен компетентности как таковой. Три других уровня образованы, соответственно, каждой из традиционно дифференцированных «составляющих»; это уровни знаний, умений и навыков.

IX

Далее, еще одним и также значимым, по нашему мнению, следствием сформулированных представлений, носящим, правда, более имплицитный и скрытый от обнаружения характер, является следующее положение. Существуют глубинное, очень органичное подобие, доходящее до степени изоморфизма, между макроструктурной организацией системы компетенций деятельности и структурно-уровневым строением самой деятельности. Это соответствие проявляется уже в том, что количество уровней в обеих структурах одинаково, а относительно высшие уровни одной структуры (компетенций) конгруэнтны аналогичным, то есть также высшим уровням другой структуры (деятельностной). Так, в частности, очевидно прямое и явное соответствие навыков как составляющих элементного уровня организации компетенций и аналогичного, то есть низшего уровня в структуре деятельности – уровня операций. Точно так же и высший уровень общей структуры компетенций, на котором локализованы метакомпетенции релевантен высшему уровню организации деятельности – метадеятельностному. Аналогичные – «парные» соответствия существуют и между всеми другими уровнями компетенций, с одной стороны, и деятельности, с другой. Так, очень

показательным в этом плане является соответствие вторичных компетенций и инфрадеятельностного уровня организации деятельности. Действительно, сама суть этих компетенций состоит в том, что они являются продуктами комплексирования и синтезирования «первичных» базовых компетенций под системообразующим фактором тех или иных функциональных задач деятельности. Поэтому они выступают как их определенные подсистемы. Однако и психологическая природа инфрадеятельностного уровня состоит принципиально в том же самом: на нем локализованы определенные комплексы – паттерны действий, складывающиеся для преодоления тех или иных ситуаций, то есть также подсистемы действий.

Отсюда, однако, с необходимостью следует вывод еще более общего и принципиального плана. Он состоит в том, что, поскольку структурно-уровневая организация компетенций, фактически, изоморфна уровневой организации самой деятельности, то ее установление и раскрытие в значительной степени тождественно раскрытию психологического содержания самой деятельности. Причем, важно и то, что за счет этого устанавливается не какая-либо – пусть и очень важная, но все же частная закономерность организации и содержания деятельности, а ее объективно главный аспект – структурно-уровневый, иерархический. Вскрывается та объективно главная и онтологически представленная закономерность, которая лежит в самом основании деятельности – ее иерархическое, вертикальное строение, которое, в свою очередь, является важнейшим атрибутом системной организации как таковой. Тем самым можно видеть, что через анализ структурной организации компетенций открывается реальный путь к экспликации объективно главного атрибута организации деятельности как таковой – системности этой организации.

Х

Развитые представления о специфике структурной организации систем психологического плана открывают дополнительные возможности и для раскрытия закономерностей метакогнитивной регуляции деятельности в целом и информационной, в частности. Вместе с тем, для того чтобы эти возможности были реализованы, необходимо преодолеть еще одну трудность, связанную с современным состоянием метакогнитивизма. Дело в том, что ему присущи такие особенности,

которые препятствуют его синтезу с психологической теорией деятельности. Они носят достаточно негативный, хотя и вполне естественный с точки зрения общей логики развития научных представлений характер. Метакогнитивизму, равно как и когнитивной психологии в целом, присуща характерная методологическая особенность, которая очень часто является главной причиной их критической оценки и, в действительности, обуславливает их существенную теоретическую ограниченность. Она состоит в том, что имеет место достаточно явный (а зачастую – и намеренно культивируемый) «разрыв» когнитивной психологии в целом и метакогнитивизма, в частности, с психологической теорией деятельности, с изучением целостной деятельности и поведения. Внедеятельностный подход к изучению метакогнитивных процессов порождает и одну из основных «причин для беспокойства» исследователей, работающих в его русле. Ей, как известно, является проблема экологической валидности получаемых в нем результатов, то есть таких, которые являются следствием исследований, проводимых на радикально упрощенных по сравнению с реальными, естественными условиями, ситуациях экспериментально-лабораторного плана. При этом возникает вполне обоснованный вопрос о возможностях их переноса и вообще об их конгруэнтности реальным жизненным – деятельностным и поведенческим ситуациям. В конечном итоге, это вопрос и об экологической валидности всего эмпирического базиса метакогнитивизма и, соответственно, о валидности и корректности осуществляемых на его основе теоретических обобщений, то есть о его концептуальном содержании. В связи с этим, метакогнитивизм характеризуется в настоящее время рядом особенностей и традиций, определяющих его современный облик.

Во-первых, – очень большим разнообразием и шириной спектра исследований и, как следствие этого, огромным объемом эмпирических материалов в данной области. Однако подавляющему большинству исследований свойственна очевидная локальность их проблематики, а потому – отчетливый аспектный их характер. Они, в основном, направлены на исследование различных частных явлений и закономерностей. В целом, поэтому данная проблема более развита «вширь», нежели «вглубь», в связи с чем для нее пока характерен экстенсивный тип развития.

Во-вторых, – наличием множества частных теоретических подходов и концепций метакогнитивных процессов, исходно ограниченных

каким-либо аспектом этой общей проблемы (то есть своего рода «теоретический средний радиус действия»).

В-третьих, – явным доминированием частных концепций над их синтезом в обобщающие теоретические представления. В связи с этим, а также по причинам иного порядка (историческим, гносеологическим, методологическим) ощутимо проявляются следующие – характерные и обобщенные особенности данного направления. Это – отчетливый эмпиризм, состоящий в резком преобладании темпов развития экспериментального базиса метакогнитивизма над его теоретическим осмыслением. Далее, это и достаточно явный эклектизм в обобщении и интерпретации полученных результатов, а также в общем подходе к развитию представлений о метакогнитивных процессах. Кроме того, это – частый и даже намеренно культивируемый прагматизм некоторых направлений метакогнитивизма, особенно – метакогнитивного обучения и развития. Наконец, это – и явно недостаточная пока синтезированность основных достижений метакогнитивизма с базовыми категориями и концепциями общей психологии; некоторая, иногда – намеренно подчеркиваемая автономность развития данного направления. Все это обуславливает в итоге отчетливую «мозаичность» теоретических представлений, недостаточную систематизированность эмпирического базиса проблемы метакогнитивной регуляции деятельности. Указанные черты нельзя, однако, трактовать лишь с оценочных позиций – в качестве «ярлыков». Они должны быть поняты как особенности естественного и объективного плана, свидетельствующие о переходном, развивающемся состоянии данной проблемы.

В-четвертых, для исследований метакогнитивных процессов характерен и своего рода «предметоцентризм», когда эти процессы рассматриваются, в основном, автономно – сами по себе (в их качественной определенности), а не как реальный компонент более широкой целостности – метасистемы (деятельности, поведения). Это приводит к несинтезированнойности представлений о метакогнитивных процессах с психологией деятельности, о чем уже было сказано выше. Ее мощный эвристический потенциал остается поэтому недостаточно востребованным психологией метакогнитивизма. Тем самым обнаруживается и главная, на наш взгляд, особенность современного состояния данной проблемы – аналитический, то есть преимущественно внедеятельностный (а значит и не вполне экологичный) подход к ее разработке.

Наконец, в-пятых, фактически даже не сформулирован один из наиболее общих и принципиальных вопросов – вопрос о психологическом статусе метакогнитивных процессов, о содержании и границах данного понятия, о составе и содержании класса метакогнитивных процессов. Другими словами, в настоящее время не определен сам психологический статус метакогнитивных процессов, то есть не охарактеризованы их роль, место и качественное своеобразие в общей структурно-уровневой организации психических процессов и деятельности. Практически полностью нераскрытой остается и проблема структурной организации системы метакогнитивных процессов, а также тех принципов, на основе которых эта организация достигается. Слабо изучены психологические закономерности функциональной организации метакогнитивных процессов, их собственно процессуальное содержание. Нераскрытой остается и та роль, которую играют метакогнитивные процессы и качества личности, а также иные детерминанты метакогнитивного плана в структурно-уровневой и функциональной организации деятельности.

Все рассмотренные особенности отчетливо свидетельствуют о том, что господствующей в настоящее время является своего рода «предметоцентрическая» парадигма разработки характеризуемой здесь проблемы. Она, будучи оправданной и, более того, необходимой на определенных стадиях развития данной проблемы, должна быть, однако, дополнена, а затем – и заменена иным способом исследования. Последний требует синтеза полученных на аналитическом этапе результатов и попытки разработки обобщающих концептуальных представлений. Но главное – он требует преобразования исходной парадигмы изучения («предметоцентрической») на иную – «системоцентрическую», что в теоретическом отношении равнозначно смене аналитического подхода к ее изучению системным. Это предполагает исследование предмета (метакогнитивной регуляции деятельности и поведения) в контексте той целостности (метасистемы), в которую он реально включен и в которой содержатся онтологические основания его существования.

Именно эта методологическая установка и выступила основой для проанализированных в работе исследований. При этом необходимо специально подчеркнуть следующее обстоятельство. Несмотря на то, что данные представления носят, достаточно общий

и не сопряженный напрямую со спецификой информационной деятельности характер, они совершенно необходимы для дальнейшего корректного и теоретически обоснованного исследования любых вопросов, связанных с реализацией данных метакогнитивизма в психологических исследованиях, в том числе и этого.

XI

Комплекс этих вопросов является производным и от того, что в метакогнитивизме существует очень типичная для многих относительно молодых и быстро развивающихся направлений проблема определения «главного в них» – содержания и границ их *предмета*. Согласно современным представлениям о предмете метакогнитивизма (сформулированным в том числе, и в наших работах) он, во-первых, должен обладать качественной специфичностью по отношению к предметам иных направлений. Во-вторых, все его частные проявления должны обладать каким-либо объективно представленным общим признаком – общей особенностью, позволяющей рассматривать их как частные проявления, то есть как разновидности некоторого родового явления. И наконец, в-третьих, он должен обладать свойством несводимости его содержания к предметным областям иных направлений, то есть свойством нередуцируемости к ним.

Осуществленный в работе анализ показал, что предмет метакогнитивизма включает в себя, по существу, все основные «составляющие» предмета психологии в целом, но с одним очень существенным условием. Он включает их в себя (и, более того, – выступает как образованный ими), конечно, не в полном объеме, а лишь в определенном и вполне конкретном аспекте. Практически все основные «составляющие» психики, равно как и она в целом, обладают фундаментальным свойством (фактически, атрибутом) – *самосензитивностью*, саморепрезентируемостью. Его суть состоит в том, что все они могут «оборачиваться» на самоё себя. Они могут «удваиваться» и выступать не только в своем первичном статусе, но и во «вторичном» статусе. Наиболее общим итогом – эффектом этого выступает формирование определенной метаплоскости а точнее, – по-видимому, *метауровня* организации каждой из «составляющих», равно как и психики в целом. Наиболее очевидным и феноменологически бесспорным проявлением этого именно по отношению к психике в целом является,

разумеется, то «удвоение реальности», которое столь характерно для *сознания* – синтез в нем двух реальностей (объективной и субъективной), а также саморепрезентация первой как механизм порождения второй. Учитывая все эти обстоятельства, можно констатировать, что предложенная выше трактовка предмета метакогнитивизма характеризуется следующими основными особенностями.

Во-первых, она является наиболее полной среди всех существующих в настоящее время и включает их в себя как частные случаи. Во-вторых, она позволяет осуществить не только достаточно полную экспликацию общего содержания предмета данного направления, но и сделать это дифференцированно, а тем самым – в определенной мере решить проблему выявления не только состава – содержания предмета, но и его структурной организации. В-третьих, две указанные особенности означают, что предмет метакогнитивизма, фактически, получает свою системную экспликацию, поскольку предстает именно в качестве организованной целостности. В-четвертых, все это оказывается возможным в силу того, что, в основу экспликации состава и содержания, структуры и организации базовых компонентов предмета положен не какой-либо внешний и тем более – умозрительный критерий, а объективно основная и даже – критически значимая, атрибутивная особенность всех процессов образований метакогнитивного плана. Она состоит в том, что все они должны быть проинтерпретированы в качестве частных (видовых) проявлений наиболее общего (родового) и, более того, – фундаментального и максимально специфичного именно для организации психики в целом свойства – самосензитивности, самопрезентированности. Предмет потому и получает свою не только полную, но и дифференцированную, системную экспликацию, что в его основе лежит аналогичная по степени ее обобщенности и по значимости статуса закономерность организации самого объекта исследования. В-пятых, с позиций предложенной трактовки выявляется основной и объективно наиболее значимый – «критически важный» признак, точнее атрибут всех известных в настоящее время метакогнитивных феноменов. Он состоит в том, что все они являются частными – парциальными формами и проявлениями общего механизма самосензитивности психики, а также тех процессов и структур, в которых и через которые он реализуется. Тем самым, все они должны быть поняты в качестве локальных – парциальных операционных средств и меха-

низмов, обеспечивающих в своей совокупности данный – повторяем, наиболее общий и специфический атрибут психики. В-шестых, сформулированные положения о предмете метакогнитивизма, вскрывающие его производность и «вторичность» от общего содержания психического и базовых принципов его организации, способствуют и развитию представлений о них самих. Дело в том, что эти взгляды позволяют предложить существенно более дифференцированную и конкретизированную экспликацию основных операционных средств и механизмов, лежащих в основе базового свойства психики в целом и сознания, в особенности, – самосензитивности и самопрезентированности. Наконец, в-седьмых, важно и то, что развитые выше представления позволяют синтезировать с единых теоретических позиций практически всю совокупность известных в настоящее время метакогнитивных феноменов в целом, то есть дать им многомерную и полную экспликацию.

Такой результат важен еще и в том плане, что он вплотную подводит к постановке, быть может, наиболее важного в теоретическом плане вопроса – вопроса о том, каким образом и на основе каких принципов и закономерностей организована эта совокупность именно в целом? Что она представляет собой именно как целостность: либо она является агрегативным (суммативным) образованием, либо же в ее основе воплощены принципы интегративности? Эти вопросы, в конечном итоге, приводят к необходимости в выработке такого обобщающего понятия, которое позволяло бы зафиксировать всю совокупность многообразных проявлений метакогнитивного плана. Оно, однако, должно быть по необходимости не только собирательным – синтетическим, но и комплексным, позволяя охватить всю совокупность гетерогенных феноменов этого плана. Оно, далее, должно быть не только общим, но и – именно поэтому подчеркнуто «нейтральным» в плане указания на конкретный вид включаемых в него феноменов. Это, в свою очередь, означает, что оно должно носить функциональный характер и объединять в себе все феномены, реализующие вполне определенную функцию – функцию самопрезентации. Следовательно, и определение данного понятия должно являться подчеркнуто операциональным. По нашему мнению, в качестве рабочего варианта такого понятия наиболее целесообразно остановиться на понятии *метакогнитивной сферы личности*. Именно оно является и достаточно общим, и подчеркнуто нейтральным, и «не-

нагруженным» объяснительными и иными семантическими оттенками, и столь же операционным. Немаловажно и то, что аналогичные по смыслу понятия традиционно и широко применяются во многих иных направлениях психологических исследований по отношению к иным, также важным предметам психологического познания. Это, например, понятия мотивационной сферы личности, понятие ее волевой сферы, понятие сферы бессознательного, понятие ценностной сферы и пр. В связи с этим, можно полагать, что именно понятие метакогнитивной сферы личности является тем общепсихологическим теоретическим концептом, который должен быть понят как базовое гносеологическое средство для ее дальнейших исследований. Подчеркнем также, что, конечно, данное понятие является лишь первым шагом к раскрытию специфики организации всей совокупности метакогнитивных феноменов, за которым должны последовать дальнейшие шаги, направленные на такое детализированное раскрытие. Вместе с тем, он объективно необходим, поскольку лишь на основе целостного и, следовательно, – полного, а значит корректного представления, возможны и все дальнейшие шаги и этапы исследования.

Таким образом, первым среди такого рода шагов, логически вытекающих из сформулированных выше представлений о предмете исследования, является представленная в книге разработка новых – существенно более детализированных и структурированных представлений о самой метакогнитивной сфере личности как регуляторе профессиональной деятельности, в том числе, и информационной. При этом она раскрыта, прежде всего, именно в аспекте специфики этого типа деятельности и тех атрибутивных особенностей, которыми он характеризуются. Другими словами, сама метакогнитивная сфера личности рассмотрена уже не только как важный *концепт* общей психологии и психологии личности, а как базовый *конструкт* психологии профессиональной деятельности.

XII

В связи с этим, следует особо подчеркнуть, что спецификация сформулированных в работе представлений о метакогнитивной сфере личности должна производиться с обязательным учетом ее деятельностного «измерения», то есть той роли и того своеобразия, которые она приобретает под воздействием особенностей самой

информационной деятельности. В данном случае следует выделить ряд основных особенностей этой деятельности. Во-первых, это ее принципиально метакогнитивный характер. Дело в том, что, как отмечалось по ходу изложения, существует удивительное подобие – принципиальное сходстве основных особенностей деятельности информационного характера, реализуемых на базе компьютерной техники, и самой сути метакогнитивизма (его сферы, предмета, специфики, задач, разделов и пр.). В структуре метакогнитивизма исторически сложились и являются в настоящее время основными две его «составляющие» *операционное* и *операндное*. Первое исследует метакогнитивные процессы, а второе их итоговые эффекты – метазнания. Однако тем самым складывается ситуация, при которой обе эти основные «составляющие» метакогнитивизма не только органично и полно воплощаются в сути информационной деятельности, реализуемой посредством компьютерной техники, но и сам компьютер выступает при этом в функции практически полного аналога и «первичных» процессов, и «первичных» знаний. Субъект же деятельности с необходимостью выступает при этом и как реализатор процессов по управлению этими «первичными» процессами», и как носитель, а также преобразователь знаний об этих «первичных» знаниях. Следовательно, такого рода субъектно-информационная деятельность не только может быть рассмотрена с позиций метакогнитивизма или даже не только может быть понята как метакогнитивная по своей сути. Дело еще и в том, что она не может быть понята никак иначе. То метакогнитивное содержание, которое представлено в индивидуальной психике во внутреннем плане (в частности, в интрапсихической плоскости), в субъектно-информационных деятельности оказывается представленным уже во внешнем плане – в том числе, и в распределенном виде между самим субъектом и средством его труда. Фактически, все ее содержание обретает именно этот статус.

В результате этого те собственно операционные средства, которые наиболее релевантны природе деятельности как таковой, трансформируются из статуса операторов в статус операндов, то есть выступают уже не столько как средства ее организации, сколько как то, на что направлена сама организация. Однако тем самым в структуре деятельности порождается новый уровень, связанный с этой организацией – метауровень, статус которого определяется его

именно метадеятельностным характером. В силу этого, практически все содержание деятельности субъекта также обретает метакогнитивный характер, а в широком смысле данная деятельность также должна быть охарактеризована как метакогнитивная. Имеет место фундаментальный феномен, точнее механизм, описанный в системной методологии – удвоение качеств. Любой ее компонент, сохраняя свой исходный модус – в качестве первичной «составляющей» ее операционного содержания, обретает, однако, новую спецификацию, новое качество – становится и носителем метакогнитивных средств и закономерностей. Кроме того, эта деятельность характеризуется ярко представленной передачей функций, ранее осуществлявшихся субъектом, для реализации ей. Причем, показательно то, что эти функции являются когнитивными, интеллектуальными. За счет этого данная деятельность распределяется между субъектом и иными – вне-субъектными «составляющими», а ее часть транспонируется на них и обретает тем самым экстрасубъектный характер. Эта часть, являющаяся именно деятельностью, также должна быть, однако, организована. Тем самым она опять-таки обретает двойственность своего статуса: не переставая быть операционным средством (оператором), она становится ее предметом организации и регуляции, то есть обретает статус операнда. Общая структура деятельности дифференцируется, а одна ее часть выступает как регулятор другой ее части. В связи с этим, она становится «деятельностью по организации деятельности», то есть опять-таки в прямом смысле обретает «вторичный» характер и становится метадеятельностью. Точнее, в ней возникает новый уровень организации – метадеятельностный, который был охарактеризован выше, а также в других наших работах.

Следовательно, можно заключить, что обращение к понятию метакогнитивной сферы личности необходимо не только в общепсихологическом плане, но становится еще более явным и очевидным с точки зрения собственно деятельностного «измерения». Эта необходимость непосредственно вытекает из основных – атрибутивных характеристик информационной деятельности, из самой ее сути, из ее психологической природы. Кроме того, содержание этой сферы обнаруживает по отношению к организации деятельности ту же самую – очень принципиальную и важную особенность, которая также была выявлена в общем плане ранее. Она состоит в том, что

компоненты метакогнитивной сферы представлены во всех основных «составляющих» информационной деятельности: они не только органично и естественным образом включены во все ее основные функциональные задачи, но и во многом обеспечивают те процессы и механизмы, благодаря которым они реализуются. Тем самым, метакогнитивная сфера оказывается распределенной по всей структуре информационной деятельности. Предмет метакогнитивизма, взятый в его широком смысле, то есть зафиксированный в самом этом понятии, распределен по всей системе информационной деятельности.

ХIII

Подводя итоги представленным в работе материалам в целом и формулировке тех взглядов, которые развиты в ней относительно структуры и содержания ключевого понятия – понятия метакогнитивной сферы личности, необходимо, на наш взгляд, особо подчеркнуть и обстоятельство наиболее принципиального плана. Оно состоит в том, что максимально обобщенной и очень явной особенностью этой сферы выступает ее системный характер, обуславливающий ее ведущие особенности и, прежде всего, – ее организованность и высокую степень скоординированности. Ей присущи основные черты собственно системной организации; она, по существу, и является системой в полном и непосредственном смысле данного понятия.

Вместе с тем, основная трудность связанной с ней исследовательской ситуации в том и состоит, что она является очень своеобразной и более сложной, чем это представляется, на первый взгляд, системой; поясним сказанное. Как уже отмечалось, в данной работе реализован метасистемный подход к исследованию метакогнитивной сферы личности в информационной деятельности. С его позиций она раскрывается как образование, относящееся к качественно своеобразному классу систем – к системам со встроенным метасистемным уровнем. Последнее означает, что та метасистема (психическая регуляция деятельности в целом), которая онтологически включает ее в свой состав как свою составляющую, одновременно функционально репрезентируется в ней как ее часть, то есть встраивается в нее. Это следует понимать в том смысле, что многие или даже практически все основные психические процессы и образования обладают фундаментальной общей особенностью – свойством

функциональной обратимости. Они могут выступать и в своей «первичной» форме – в своей исходной качественной определенности; и во «вторичной» форме, когда их потенциал реализуется в отношении их же самих. Вследствие этого, они трансформируются в статус операторов по отношению к самим же себе (как операндам). Следовательно, все основные психические процессы, образования и структуры одновременно принадлежат и к метасистеме (психике в целом), и к системе (метакогнитивной сфере). Такие представления об онтологическом статусе метакогнитивной сферы позволяют установить новые закономерности и особенности ее организации. Эту сферу личности следует рассматривать как структуру, в состав которой могут входить образования, локализованные на различных уровнях психической организации. Метакогнитивная сфера является поэтому системой с принципиально *вариативным содержанием*. Функциональный принцип объединения допускает гибкое присутствие в ней различных психических процессов, образований и структур. Кроме этого, метакогнитивная сфера как система со встроенным метасистемным уровнем имеет очевидные преимущества, обретает новые и, по существу, уникальные функциональные возможности: она содержательно обогащается, используя весь потенциал метасистемы (психической регуляции в целом). Основные психические процессы и образования, выстраиваясь в метакогнитивную сферу, обретают фундаментальное свойство саморегулируемости, что, в конечном итоге, приводит к становлению еще более общих атрибутов – *самоорганизации* и самопрезентации. Именно они, как известно, составляют суть и основное функциональное предназначение всех процессов и образований метакогнитивного плана.

Важнейшей особенностью понятия метакогнитивной сферы личности является то, что оно носит подчеркнуто функциональный характер, и выступает поэтому столь же подчеркнуто операциональным (а не субстанциональным) по своей сути. Его содержание образовано многими важнейшими «составляющими» психики, взятыми, однако, в одной из их функций – в функции самопрезентации. Все эти образования, следовательно, включаются в него по специфически функциональному критерию, а сама метакогнитивная сфера поэтому и является, прежде всего, именно функциональным образованием.

Далее, по своему содержанию и принципам организации метакогнитивная сфера личности обладает принципиальной двойствен-

ностью. С одной стороны, она характеризуется рядом основных особенностей и закономерностей, присущих системным образованиям как таковым и, следовательно, может быть отнесена к их разряду. С другой стороны, она обладает и целым рядом новых – дополнительных и более сложных особенностей, не позволяющих рассматривать ее в качестве системы «классического», традиционного типа. Это же, причем, с еще большей степенью отчетливости относится и к тем отношениям, которые существуют между ней (как «составляющей») психики в целом – метасистемы по отношению к ней, и самой этой метасистемой. Специфика этих отношений такова, что они не могут быть описаны как отношения «части и целого», а носят существенно более сложный характер.

В общем плане показательно и то, что большинство существующих в настоящее время трудностей теоретического плана, равно как и несистематизированность представлений о предмете метакогнитивизма, может быть минимизировано. Это достигается именно в том случае, если проинтерпретировать метакогнитивную сферу личности с иных методологических позиций, чем те, которые доминируют в настоящее время, то есть с позиций метасистемного подхода. В этом плане основным явился результат, состоящий в доказательстве того, что метакогнитивная сфера личности представляет собой систему со «встроенным» метасистемным уровнем. Она, следовательно, является, одной из разновидностей этого качественно специфического класса систем в целом и должна быть раскрыта с позиций тех представлений, которые сложились при их изучении.

Таким образом, теоретический анализ метакогнитивной сферы личности как одного из основных общепсихологических концептов и как базового конструкта психологии деятельности, осуществленный на основе методологии метасистемности, показывает следующее. В настоящее время сложились необходимые и достаточные предпосылки формулировки понятия метакогнитивной сферы личности как основного понятийного средства, позволяющего обобщить – упорядочить и систематизировать всю совокупность существующих представлений о предмете метакогнитивизма. Оно является наиболее обобщенным, поскольку включает в себя практически все известные в настоящее время проявления метакогнитивного плана, равно как и лежащие в их основе процессы и механизмы, а также структурные образования. Оно же выполняет и еще одну важную функцию –

функцию обобщения всей совокупности существующих в настоящее время представлений, сформулированных в метакогнитивизме. Тем самым оно выступает и средством перехода от накопления данных, то есть от экстенсивного пути развития данного направления, к их систематизации и упорядочиванию, к осмыслению как «частей целого». Следовательно, оно является родовым понятием, по отношению к которому все иные понятия, содержащиеся в метакогнитивизме и составляющие в своей совокупности его тезаурус, выступают как видовые, то есть как его частные проявления, как его спецификации.

Подчеркнем, что понятие метакогнитивной сферы личности является конструктивным средством синтеза представлений о всем множестве крайне гетерогенных проявлений метакогнитивного плана, сложившихся в настоящее время в общей и когнитивной психологии. Основным условием этого является то, что оно носит подчеркнуто функциональный характер, и является поэтому столь же подчеркнуто операциональным (а не субстанциональным) по своей сути. Его содержание образовано многими важнейшими «составляющими» психики, взятыми, однако, в одной из их функций – в функции самопрезентации. Все эти образования, следовательно, включаются в него по специфически функциональному критерию, а сама метакогнитивная сфера поэтому и является, прежде всего, именно функциональным образованием.

Наконец, понятие метакогнитивной сферы личности является одновременно и очень значимым в плане раскрытия особенностей и закономерностей организации деятельности, прежде всего, – информационной. В наиболее общем и принципиальном плане это обстоятельство обусловлено тем, что данная сфера выполняет, прежде всего, собственно регулятивные функции и лежит в основе процессуального обеспечения высшего уровня организации деятельности – уровня ее произвольной, осознаваемой регуляции.

XIV

Показательно, что именно с этих позиций оказалось возможным установить и раскрыть структурно-уровневую организацию метакогнитивной сферы личности в информационной деятельности. Предложенное решение базируется также и на сформулированных нами представлениях о критерии-дискриминаторе уровневой дифференци-

ации систем. С этих позиций любая достаточно сложная целостность представляет собой организацию ряда подсистем различного ранга (и, соответственно, различной сложности), обладающих собственными качественными характеристиками. Эти подсистемы и выступают интегративными уровнями ее организации. Согласно общему решению данной проблемы, в структуре сложного целого (явления, процесса) необходимо дифференцировать, как минимум, следующие интегративные уровни. Во-первых, уровень целостности, на котором явление, процесс представлены во всей полноте состава, структуры и качественных характеристик. Это – собственно системный, или общесистемный уровень. Во-вторых, уровень отдельных подсистем, включенных в сложное целое, формирующихся для обеспечения различных ее функциональных проявлений («функциональные органы» системы) и имеющих собственное достаточно сложное строение. Это – субсистемный уровень. Он принципиально гетерогенен, поскольку предполагает множество различных по сложности частных декомпозиций системы. В-третьих, уровень структурных компонентов как базовых единиц целого». Наряду с этим, следует учитывать, что в психологии (в силу предельной сложности предмета изучения) он специфичен и дифференцируется на два качественно специфических по своим характеристикам уровня – собственно компонентный и элементный. Наконец, с позиций общего решения проблемы иерархии уровней необходимо учитывать и то, что любая сложная целостность сама выступает как составляющая еще более широкой и общей метасистемы. Во взаимодействии с ней любое явление или процесс приобретают новые качественные характеристики, измерения и параметры, которые образуют в совокупности высший (метасистемный) уровень организации.

Посредством реализации этого критерия оказано, что метакогнитивная сфера организована на основе структурно-уровневого принципа и образует целостную иерархию, включающую эти пять основных уровней – метасистемный, системный, субсистемный, компонентный и элементный. Такое решение является не только наиболее полным среди существующих в настоящее время подходов к решению данной проблемы, но и преодолевает их основной недостаток. Он состоит в том, что метакогнитивная сфера личности, как правило, не представляется и не раскрывается в плане ее принадлежности к образованиям специфически системного типа. До на-

стоящего времени она изучается преимущественно с аналитических позиций, фиксирующих исследование лишь на уровне ее отдельных компонентов, а также взаимосвязей и взаимодействий между ними. В связи с этим, предложенное в работе решение проблемы структурно-уровневой организации метакогнитивной сферы личности в информационной деятельности полностью соответствует тем представлениям, которые сложились к настоящему времени относительно отмеченного выше универсального общесистемного критерия дифференциации основных уровней организации сложных и сверхсложных систем. Данный критерий включает в себя также пять основных значений и поэтому предполагает необходимость дифференциации именно пяти основных уровней организации.

Кроме того, представлена подробная психологическая характеристика всех пяти основных уровней структурной организации метакогнитивной сферы личности в информационной деятельности. Так, сущность *метасистемного* уровня заключается в том, что его содержанием выступают основные «составляющие» психики в целом (процессы, образования, качества, свойства и пр.), взятые в аспекте атрибутивно присущего им свойства саморепрезентированности, «обращенности на себя». Метасистема (психика), включаясь, то есть, встраиваясь в собственное содержание метакогнитивной сферы, образует ее высший, ведущий уровень – метасистемный. Основным механизмом (и предпосылкой) этого является то, что, фактически, любое собственно психическое образование подчиняется одному из важнейших механизмов – механизму функциональной обратимости. В результате этого основные «составляющие» психики как метасистемы по отношению к метакогнитивной сфере оказываются представленными в ней самой; их совокупность входит в нее на правах структурного уровня ее собственной организации и содержания.

Наряду с этим, дифференцированно раскрыта сущность, состав и структура *системного* уровня организации метакогнитивной сферы личности в процессе информационной деятельности. При этом весь комплекс полученных результатов позволил в существенной степени переосмыслить саму трактовку метакогнитивной сферы как системы и обосновать ее принадлежность к особому, качественно специфическому классу систем. Их адекватное и корректное объяснение требует реализации по отношению к их исследованию новых вариантов системной методологии. Это обусловлено доказанной

в работе принадлежностью метакогнитивной сферы личности к системам со встроенным метасистемным уровнем. Показано, что она структурируется не из своих компонентов (отдельных образований метакогнитивного плана) непосредственно, как это полагается традиционно, а из их закономерных функциональных синтезов – из основных метакогнитивных подсистем.

Другими словами, это создало основания для того, чтобы эксплицитировать особую роль в общей организации метакогнитивной сферы личности в информационной деятельности того уровня, который не был описан до настоящего времени – *субсистемного*. Он образован закономерным сочетанием основных подсистем метакогнитивного плана, каждая из которых синтезирует в себе качественно гомогенные и функционально сходные метакогнитивные образования. Он занимает центральное место в иерархической организации метакогнитивной сферы, что и обуславливает его объективно определяющую роль во всей ее организации и включает в свой состав восемь базовых подсистем. Этот состав образован как теми подсистемами, аналоги которых уже описаны в литературе, так и теми, которые дифференцированы в данной работе впервые. Так, к первым относятся метакогнитивная, метарегулятивная и метакоммуникативная подсистемы. Ко вторым относятся метадекларативная, метапроцедуральная, ингибиторная, эндокогнитивная и саморегулятивная подсистемы. При этом показательным является не только общая функциональная направленность каждой их вновь обнаруженных подсистем, но и их содержание. Так, сущность и, соответственно, содержание ингибиторной подсистемы состоит в том, что она образована совокупностью средств «антирефлексивного» плана и поэтому предстает как вполне определенная – синтезированная на основе функционального критерия и качественно гетерогенная целостность. Ее специфика, а в чем-то – и уникальность состоит в ее двуедином характере. С одной стороны, по своей природе и механизмам, средствам и процессам она является подчеркнуто рефлексивной, поскольку базируется на всей совокупности средств метапроцессуального плана. Однако, с другой стороны, функционально она является столь же подчеркнуто «антирефлексивной» – направленной на минимизацию рефлексивного контроля за деятельностью в целом и за реализацией ее основных задач, в частности. Тем самым раскрывается и дополнительная грань самого сознания, взятого в пла-

не его процессуального обеспечения – в аспекте всей совокупности рефлексивных и метакогнитивных процессов. Оно включает и такие средства, которые направлены на осознанную минимизацию представленности сознания в деятельности и поведении.

Дифференцированы и еще две специфические подсистемы данного уровня – метадекларативная и метапроцедуральная. Необходимость в этом обусловлена тем, что именно в информационной деятельности, реализуемой на основе компьютерной техники, особо значимой и явно выраженной становится необходимость учета принципиальной гетерогенности феномена знаний – в особенности, профессиональных. В ней очень явно представлено разделение на знания декларативного и процедурального типа. Соответственно, их метакогнитивный контроль также транспонирует на себя эту демаркацию и требует существенно разных средств и механизмов его реализации. В силу этого, и возникает необходимость в разделении указанных подсистем.

Кроме того, показано, что сами метадекларативные и метапроцедуральные знания могут быть не только так сказать внешними, но и внутренними – не только знаниями об объективном мире, но и о мире *субъективном*. Более того, они составляют огромную часть всего содержания тех репрезентаций, которые и лежат в основе опыта как интегрированной системы всех знаний. Вместе с тем, как можно видеть, эта «часть» также является принципиально гетерогенной и включает в себя те же категории, которые составляют содержание объектно-ориентированных репрезентаций – декларативную и процедуральную. Первая часть интегрирует в себе всю «внутреннюю» информацию, все знания, генерируемые субъектом посредством своего рода внутреннего канала – посредством саморепрезентаций, базирующегося, в свою очередь, на фундаментальном механизме самосензитивности. В итоге формируется все то, что может по-разному обозначаться, но имеет общий смысл именно в плане категории метазнаний – декларативных. В этом плане уместно вспомнить и достаточно давно введенные в терминологический аппарат психологии понятия экзопсихики и эндопсихики, экзопсихического и эндопсихического. Первое аккумулирует ту ее сторону, которая сопряжена с внешним контуром – взаимодействиями с внешней средой и с ее репрезентацией в системе знаний. Вторая сопряжена с такими же по функциональной направленности, но противоположными по «адресату» сущностями – не внешними, а внутренними,

с субъектной средой. В силу этого, переводя данные термины на язык метакогнитивизма, можно сказать, что второй из них фиксирует уже не столько метакогницию, сколько *эндокогницию*. Он синтезирует в себе всю информацию – фактически, знания субъекта о самом себе: своих возможностях и ограничениях, о своих знаниях и не-знаниях, особенностях и свойствах, о сильных и слабых сторонах.

В связи с этим, по-видимому, не приходится доказывать то, что такого рода репрезентации и их адекватность – систематичность и адекватность особо необходимы именно в профессионалов деятельности. Дело в том, что эта внутренняя информация является, фактически, залогом эффективности реализации большинства собственно деятельностных функций. И напротив, недостаточный учет этих информационных факторов является важным фактором ее неэффективности. Важно и то, что эта совокупность знаний включает в себя репрезентации разного уровня обобщенности, разного уровня осознанности. На одном – максимально обобщенном уровне она включает в себя общие представления субъекта не только о «деятельности в себе», то есть систему знаний о ней как об объективной реальности, но и представления «о себе в деятельности» – то, что целесообразно обозначить как «Я-профессиональное». На другом – базовом уровне представлена и такая внутренняя информация, которая характеризуется минимальными степенями осознания или вообще носит неосознаваемый характер. Такого рода информация – эти знания также зафиксированы в эмпирическом плане в понятии метакогнитивных чувств (МКЧ) и составляют очень важную часть всех метакогнитивных феноменов. Одновременно это же обстоятельство позволяет органично включить в состав метакогнитивной сферы и широко изучающиеся в настоящее время в метакогнитивизме так называемые бессознательные компоненты метакогниции.

Вместе с тем, следует учитывать, что данная подсистема сопряжена, в основном, не со всей совокупностью «внутренней» информации, а преимущественно с той, которая базируется на репрезентациях субъекта о себе, носящих содержательный, собственно информационный характер. Иными словами, ее специфика состоит в том, что она является производной от знаний о себе именно декларативного типа. Однако, очень познавательно (и доказательно) и то, что принципиально аналогичная картина имеет место и к субъектным знаниям второго – процедурального типа. В состав профессионального опыта (хотя,

конечно, не только профессионального, но и вообще – поведенческого, личностного) входят и знания по типу «как?», – знания о способах и стратегиях, средствах и механизмах воздействия на самого себе – процедуральные знания в отношении управления собой, регуляции себя, то есть саморегуляции. Можно видеть, что тем самым обширное направление психологии саморегуляции обретает свое естественное место в развиваемых здесь представлениях о содержании метакогнитивной сферы. Сами же эти представления также существенно обогащаются, поскольку они органично включают в себя еще одну – новую для них категорию метазнаний – метапроцедуральные. Данную подсистему можно обозначить именно этим рабочим термином – понятием *саморегуляивной* подсистемы. В результате этого общий состав метакогнитивной сферы еще более обогащается, что свидетельствует о ее действительной сложности и комплексности.

XV

В плане основных задач данной работы значимо и то, что именно на основе установления и объяснения полного состав субсистемного уровня открываются возможности для его целостной экспликации, охватывающей также и закономерности его структурной организации. Общим средством ее выявления явилась предложенная в работе *обобщенная модель* структурной организации основных подсистем метакогнитивного плана, образующих в своей совокупности субсистемный уровень метакогнитивной сферы личности в информационной деятельности. Она образована синтезом трех содержательных координат, ортогональных по отношению друг к другу. Данная модель является адекватным способом представления реальной структурной организации подсистем метакогнитивного плана и позволяет решить ряд достаточно важных теоретических вопросов как современного метакогнитивизма в целом, так и проблемы метакогнитивной регуляции информационной деятельности, в частности (например, вопроса о полноте состава основных метакогнитивных подсистем; вопроса о критериях их классификации и т. д.). Она является конструктивным эвристическим средством изучения метакогнитивной регуляции деятельности, поскольку на ее основе возможно установление новых, не описанных закономерностей и феноменов. Так, на основе этой трехмерной модели структурной организации

подсистем метакогнитивного плана обнаружен и теоретически проинтерпретирован «феномен парности» основных групп этих подсистем, который следует рассматривать как один из важных механизмов метакогнитивного обеспечения деятельности. Он заключается в том, что все шесть основных групп подсистем метакогнитивного плана подсистем дифференцируются в определенные «пары», которые находятся в закономерных отношениях друг с другом. Внутри каждой пары между ними устанавливаются *компенсаторные* отношения, что повышает адаптивный потенциал личности по отношению к содержанию и условиям информационной деятельности. Показано также, что раскрытие содержания совокупности основных подсистем метакогнитивного плана, а также закономерностей их структурной организации и интеграции является объективно необходимым средством для исследования особенностей всей метакогнитивной сферы личности и, прежде всего, того уровня ее организации, который обозначен выше понятием общесистемного уровня. Его содержанием как раз и являются интегративные процессы, которые развертываются на множестве основных подсистем метакогнитивного плана.

Итак, данный уровень раскрывается как имеющий во многом определяющее значение для всей метакогнитивной сферы. Он занимает центральное место в иерархической организации метакогнитивной сферы, что и обуславливает его объективно определяющую роль во всей ее организации. Важно также констатировать, что с точки зрения сформулированных представлений о субсистемном уровне организации метакогнитивной сферы личности в процессе информационной деятельности дана новая интерпретация и обобщение некоторых основных положений современного метакогнитивизма относительно существования качественно гетерогенных видов, групп и классов метакогнитивных образований. Все известные в настоящее время их основные классы, представляющие собой феноменологически зафиксированную реальность и результат обобщения эмпирических данных, раскрываются при этом как объективно необходимые, стабильные «составляющие» метакогнитивной сферы личности в целом и ее субсистемного уровня в особенности.

Обоснование существования субсистемного уровня организации метакогнитивной сферы личности, а также раскрытие его содержания и структуры является реальным теоретико-методологическим средством преобразования доминирующей в настоящее время пара-

дигмы разработки проблемы метакогнитивной регуляции профессиональной деятельности в целом и информационной деятельности, в частности. Оно демонстрирует тот значимый факт, что эта деятельность детерминируется не столько отдельными факторами метакогнитивного плана непосредственно, сколько всей метакогнитивной сферой личности в целом, то есть структурой всех ее основных подсистем. Поэтому «в центр» исследования должно быть поставлено не изучение детерминационной роли отдельных факторов метакогнитивного плана по отношению к информационной деятельности, а раскрытие особенностей и закономерностей именно ее структурной детерминации со стороны всей системы этих факторов. Другими словами, основным предметом исследования должна выступать именно метакогнитивная сфера личности как наиболее интегративный ее регулятор, образованная, как показано выше, целостной иерархией пяти основных уровней организации.

XVI

Выявление полного содержания и принципов структурно-уровневой организации метакогнитивной сферы как регулятора информационной деятельности потребовало и новой интерпретации совокупности наиболее традиционных из всех дифференцируемых в ней образований – ее *компонентов*. Ими выступают отдельные образования метакогнитивного плана, выделение которых базируется на операциональном способе дифференциации и последующей интеграции в рамках компонентного уровня. Все они могут трансформироваться в собственно метакогнитивные образования, но при обязательном условии либо их «удвоения», либо реализации их потенциала по отношению к иным, но также «первичным» психическим процессам и образованиям, их дополнении иными средствами и механизмами. В первом случае формируются образования, которые условно обозначаются термином *автопроцессов*, а их сущность состоит в том, что операционный потенциал какого-либо «первичного» когнитивного процесса реализуется в отношении него же самого, но выступающего при этом уже в качестве относительно пассивного операнда. Во втором случае формируются образования, которые зафиксированы в понятии *гетеропроцессов*, а их сущность состоит в том, что в них операционный потенциал того или ино-

го «первичного» когнитивного процесса реализуется в отношении иного «первичного» процесса (например, мышление относительно памяти – *thinking about memory*).

В данной связи необходимо подчеркнуть, что еще одной группой общего состава метакогнитивной сферы входящей в компонентный уровень ее организации, являются, согласно базовым императива психологии метакогнитивизма, образования именно результативного – *знаниевого* типа, знания как таковые. Однако, это не «первичные» знания, а знания о знаниях – «вторичные» знания, метазнания. Кроме того, эта вторая основная «составляющая» компонентного уровня – знания, точнее метазнания также характеризуется принципиальной множественностью состава, гетерогенностью содержания и сложностью организации. Мера этого разнообразия не только сопоставима с мерой гетерогенности процессуального состава метакогнитивной организации, но и, по-видимому, превосходит ее. Следовательно, состав и содержание компонентного уровня организации метакогнитивной сферы эксплицирует свой аналогичный – большой объем и высокую степень разнообразия. Широчайшая палитра гетерогении, присущая одному из наиболее богатых содержанием феноменов – феномену знаний переносится и на компонентный состав метакогнитивной сферы личности.

Таким образом, общая совокупность компонентов, входящих в состав метакогнитивной сферы, является, действительно, и очень большой по объему, и весьма гетерогенной по содержанию. Всем им, однако, присуща триада общих и наиболее важных особенностей – их принципиально «вторичный», производный и внутренне-ориентированный характер. Эти особенности и образуют в своей совокупности качественную определенность всех метакогнитивных образований. Она, будучи общей для всех них, воспроизводится в каждом из них и составляет поэтому сущность самого компонентного уровня их организации. На нем представлены основные и наиболее специфические, а главное – сохраняющие качественную определенность всей метакогнитивной сферы образования, то есть именно ее компоненты.

XVII

Наряду с этим, выявлена сущность и содержание еще одного уровня организации метакогнитивной сферы личности – *элементно-го*, а также определены критерии и закономерности его дифференциации от компонентного уровня, равно как и механизмы сопряжения с ним. Данный уровень представлен всей совокупностью таких образований и структур, процессов и качеств, которые, являясь необходимыми для формирования метакогнитивных образований, в то же время сами по себе еще недостаточны для этого. Поэтому в их качестве выступают практически все основные «составляющие» психики, но в своей исходной форме – в форме так называемых «первичных» процессов, качеств, состояний и пр. Все они могут трансформироваться в собственно метакогнитивные образования, но при обязательном условии либо их «удвоения», либо реализации их потенциала по отношению к иным, но также «первичным» психическим процессам и образованиям, их дополнении иными средствами и механизмам. Поскольку в качестве элементов той или иной системы выступают образования, из которых формируются компоненты, но которые уже не «несут на себе» ее качественной определенности, то становится совершенно очевидным, каким образом данное понятие должно быть применено по отношению к метакогнитивной сфере.

Действительно, суть всех «вторичных» образований в целом и «вторичных» процессов, в частности, в том и состоит, что они являются именно вторичными, то есть производными от синтеза двух иных, но уже «первичных» образований (процессов), а значит выступают как составные. Следовательно, в качестве их элементов, то есть «составляющих», из которых они складываются, должны быть поняты именно эти «первичные» образования. Именно поэтому в качестве основных элементов метакогнитивной сферы личности должны быть поняты практически все основные «первичные» психические процессы, а также иные образования – «составляющие» психики, рассмотренные именно в своем базовом – «первичном» статусе, в их собственной качественной определенности. Такое решение может показаться, на первый взгляд, не совсем оправданным, поскольку оно обязывает рассматривать в качестве элемента (то есть в качестве именно элементарного образования) такие слож-

нейшие процессуальные образования, как, например, мышление. Вместе с тем, необходимо отдавать отчет в относительности самого понятия элемента – в том, что оно фиксирует лишь его соподчиненность еще более сложному уровню, на котором локализованы компоненты. Иначе говоря, под элементом понимается отнюдь не простое («элементарное») образование, а напротив, – образование чрезвычайно сложное, сохраняющее всю сложность, которая присуща ему в его «первичном» статусе. Речь идет лишь о том, что оно может еще более усложняться посредством механизма функциональной обратимости, в результате которого и формируются сами метакогнитивные образования – как «вторичные» и составляющие содержание компонентного уровня общей организации метакогнитивной сферы личности.

Подчеркнем, что при такой интерпретации данного уровня возникает, пожалуй, наиболее острая и, в то же время, наиболее важная, даже – определяющая для всего метакогнитивизма проблема; она является и наиболее сложной среди всех иных его проблем. Ее сущность как отмечалось выше, составляет содержание *главного* и наиболее трудного теоретического вопроса и даже – своеобразного парадокса. В самом деле, можно ли вообще рассматривать в качестве элемента, то есть образования относительно наиболее простого – именно элементарного такие сложнейшие сущности, каковыми выступают основные когнитивные процессы в целом, а также мышление и память, в особенности? Выход из этой, действительно, сложной ситуации может быть найден, на наш взгляд, при учете следующего обстоятельства принципиального плана. Дело в том, что одной из наиболее характерных и явных особенностей любого психического процесса (прежде всего, именно когнитивного) является то, что он может быть представлен в очень разных формах – с разной степенью сукцессированности и, соответственно, сложности. Он, как известно, может реализовываться и как практически симультанный паттерн операций, и как действие, и как комплекс действий, и как относительно самостоятельная деятельность. Причем, очень важно, что во всех иных формах и на всех других уровнях, кроме операционного, он объективно представлен в синтезе с «составляющими» других когнитивных процессов, а не только в своей качественной определенности. В силу этого, есть основания считать, что в качестве подлинных элементов метакогнитивных

процессов (как «вторичных»), действительно, выступают основные «первичные» процессы, но взятые именно в их относительно элементарном проявлении – в аспекте их собственно операционного состава.

Таким образом, с этих позиций получают дополнительный импульс для своего решения две наиболее традиционные и дискуссионные проблемы – проблема соотношения «первичных» и «вторичных» психических процессов (и иных основных «составляющих» психики), а также проблема определения состава самих «вторичных» образований – в том числе, и знаниевых. Соотношения между «первичными» и «вторичными» образованиями раскрываются и объясняются с этих позиций как соотношения компонентного и элементного уровней организации метакогнитивной сферы личности.

XVIII

Итак, можно заключить, что метакогнитивная сфера личности организована на основе структурно-уровневого принципа и образует целостную иерархию, включающую пять основных уровней – метасистемный, системный, субсистемный, компонентный и элементный. Очень значимо, что между ними существуют закономерные *межуровневые* взаимодействия. Действительно, каждый вышележащий уровень формируется на основе ближайшего к нему нижележащего посредством интеграции его компонентов, за счет внесения в него дополнительной организации. В результате развертывания средств и механизмов организационного типа порождаются новые качества, которые обуславливают переход к вышележащему уровню. Так, отдельные компоненты метакогнитивной сферы – «вторичные», то есть собственно метакогнитивные процессы, соорганизуясь по функциональному критерию, интегрируются в основные метакогнитивные подсистемы, которые принципиально несводимы к простой сумме этих компонентов. В свою очередь, сами подсистемы также подлежат соорганизации, которая обретает различную форму и степень в зависимости, например, от общей выраженности метакогнитивного потенциала. В результате этого разные синтезы (паттерны) такой организации приводят к возникновению новых – также не только различных, но и множественных особенностей метакогнитивной сферы на общесистемном уровне ее организации.

Такое решение является не только наиболее полным среди существующих в настоящее время подходов к решению данной проблемы, но и преодолевает их основной недостаток. Он состоит в том, что метакогнитивная сфера личности, как правило, не эксплицируется и не раскрывается в плане ее принадлежности к образованиям специфически системного типа. До настоящего времени она изучается преимущественно с аналитических позиций, фиксирующих исследование лишь на уровне ее отдельных компонентов, а также взаимосвязей и взаимодействий между ними. Можно видеть, что предложенное решение проблемы структурно-уровневой организации метакогнитивной сферы личности в информационной деятельности позволяет непротиворечиво объединить как уже известные данные относительно возможной уровневой принадлежности метакогнитивных образований, так и установить новые уровни организации метакогнитивной сферы (прежде всего, метасистемный, субсистемный, элементный), а также синтезировать их в общую иерархическую структуру. Дифференцированные уровни обладают глубокими – именно принципиальными, то есть качественными различиями, собственной качественной определенностью, наличием у них своих собственных содержательных особенностей и закономерностей, собственного содержания. Вместе с тем, они характеризуются и качественной специфичностью, являются именно качественно, то есть принципиально отличными друг от друга и несводимыми друг к другу.

Необходимо специально подчеркнуть, что осуществленная структурно-уровневая экспликация метакогнитивной сферы в информационной деятельности – и по своей архитектонике, и частично по содержанию весьма подобна той, которая была произведена нами ранее по отношению к иной деятельности, причем, принадлежащей даже к иному основному классу деятельности – к управленческой деятельности. Данное обстоятельство, как мы отмечали выше, не только нельзя замалчивать как своего рода «неудобное», поскольку оно провоцирует вопрос о неоправданном повторе уже полученного результата, а наоборот, на нем следует акцентировать внимание как на очень показательном и доказательном, демонстративном. Дело в том, что в такой общности следует видеть не «повторение» уже полученного ранее результата и его механический перенос на новый предмет исследования. В действительности, в нем заключен гораздо более важный смысл, состоящий в доказательстве инвариантности

базовых закономерностей структурной организации метакогнитивной сферы личности в разных видах и даже классах деятельности. В свою очередь, такая инвариантность является важным индикатором достаточно высокой степени обобщенности и, следовательно, концептуального характера развиваемых представлений о принципах и общей архитектонике этой организации. Более того, если бы ее не обнаруживалось, а структурная организация данного уровня была бы принципиально различной, то это как раз и свидетельствовало бы об отсутствии закономерностей общего плана.

XIX

В этом же плане следует констатировать принципиальное обстоятельство, которое было спрогнозировано в самом начале работы – во Введении и которое систематически проявлялось по ходу изложения. Это – инвариантность наиболее имплицитных и общих закономерностей структурной организации *разных* классов деятельности – субъект-субъектного и субъектно-информационного. Действительно, она, фактически, не только возможна, но и объективно необходима. Если они, действительно, представляют собой классы, то есть проявления некоторой базовой – родовой сущности, то между ними на фоне их множественных различий должны проявляться и существовать черты фундаментальной общности – общности их родовой природы. Именно это проявляется во всей совокупности представленных результатов – в изоморфизме архитектоники организации метакогнитивной сферы в этих двух классах деятельности.

Кроме того, с этих позиций метакогнитивная регуляция деятельности в целом и информационной, в частности, эксплицируется уже не только как *предмет* исследования, но само ее изучение раскрывается и в функции *метода* разработки психологической теории деятельности. Дело в том, что обнаруженная принципиальная общность организации метакогнитивной сферы деятельности в ее основных классах может и должна быть проинтерпретирована в двуедином плане. Во-первых, она свидетельствует о принципиальной – глубинной общности организации этих классов деятельности и, следовательно, о них как о частных проявлениях некоторой родовой сущности. Во-вторых, наличие не менее выраженной специфики организации данной сферы в них свидетельствует и о наличии суще-

ственных различий между этими классами, но опять-таки в пределах общности их родовой сущности. Поэтому и обоснование дифференциации субъектно-информационного класса деятельности, являясь, с одной стороны, итогом, результатом развития теории деятельности, с другой, выступает и *средством* ее дальнейшего развития.

XX

Сформулированные представления о структурно-уровневой организации метакогнитивной сферы явились адекватной основой и для решения еще одной группы задач – уже не собственно теоретического, а *методического* плана. Наряду с этим, были реализованы и собственно *исследовательские* задачи, которые, в свою очередь, включают в себя объяснительные и поисковые. Так, на их основе был разработан комплексный методический инструментарий, направленный на исследование метакогнитивной сферы личности, носящий подчеркнуто обобщающий характер и нивелирующий целый ряд недостатков, присущих современному диагностическому направлению в метакогнитивной психологии. Разработанная методика получила название «Комплексного опросника метакогнитивного потенциала (КОМП)». Важно также отметить, что ее содержание и направленность в значительной мере способствует преодолению отчетливо доминирующей в метакогнитивизме тенденции к осуществлению исследований, носящих подчеркнуто внедеятельностный характер. Следовательно, необходим переход от *личностно-ориентированных* к *деятельностно-ориентированным* опросникам. Это означает, что, наряду с уже существующими методиками, носящими ярко выраженный внедеятельностный характер, необходимы методики, направленные на специальное и детализированное исследование явлений метакогнитивного плана именно в деятельностном контексте. Кроме того, необходим переход и от опросников преимущественно локального типа, направленных на исследование какого-либо одного, относительно частного проявления метакогнитивного плана (например, отдельно взятого метакогнитивного процесса, отдельного аспекта метакогнитивной феноменологии) к опросникам обобщенного типа. Они направлены на диагностику комплексных проявлений и интегративных эффектов всей совокупности метакогнитивных процессов и качеств.

Кроме того, очень явной и общей особенностью тех представлений, которые сложились к настоящему времени в метакогнитивизме относительно его методов, является отчетливое доминирование в их общей структуре методов собственно опросного типа. К настоящему времени разработано достаточно много различных по направленности и целям, по характеру и содержанию опросников; они вообще занимают доминирующее положение во всей палитре современной метакогнитивной проблематики, а их применение является наиболее традиционным и вообще – очень характерным, естественным и органичным для нее. При этом очень характерным и также показательным является то, что их использование именно по отношению к метакогнитивным процессам и явлениям оказывается, как правило, достаточно конструктивным, позволяя получить вполне обоснованные и корректные данные. В силу этого, предложенная в работе методика, синтезируя в себе целый ряд иных методик более частного плана, позволяет изучить метакогнитивную сферу личности в существенно более полном объеме, то есть с позиций выделения в ней восьми подсистем, выявленных в работе (метакогнитивной, метарегулятивной, метакоммуникативной, метадекларативной метапроцедуральной, ингибиторной, саморегулятивной, эндокогнитивной).

Следовательно, обобщая все отмеченные выше тенденции и предпринимая попытку их развития, то есть «движения» согласно общей логике развития всей методологии метакогнитивизма, необходимо заключить следующее. Наиболее перспективной является разработка такой методики, которая носила бы именно опросный характер и была направлена на исследования явлений и процессов метакогнитивного плана в профессиональной деятельности. Реализовать эту логику – значит соответствовать общим и наиболее важным особенностям развития всей методологии метакогнитивизма. Кроме того, необходимо подчеркнуть, что именно такая методика, базирующаяся на принципах опросной методологии, обоснована точно в такой же степени, в какой обоснованы все иные – широко и продуктивно применяющиеся в метакогнитивизме методы аналогичного плана. Ее реализация корректна точно в такой же степени и в силу тех же причин, в какой корректны и все иные – успешно применяющиеся в нем методики. Именно на их основе, как известно, вообще сформирован весь эмпирический базис метакогнитивизма в целом. И наоборот, не следовать этой тенденции – означает в суще-

ственной степени нарушать общую логику развития методологических и методических основ метакогнитивизма. Однако ей необходимо именно следовать, то есть предпринимать попытки ее развития, а не просто механически соответствовать. Это означает, прежде всего, необходимость распространения методик опросного типа на сферу собственно профессиональной деятельности. Подчеркнем также, что именно это как раз и было реализовано посредством разработанной методики КОМП. Наряду с ней, были разработаны и иные методики исследования метакогнитивной регуляции профессиональной деятельности – в частности, информационной: методики деятельности зондирования, стилевой дифференциации, рефлексивного расслоения, реконструктивно-психологического анализа, факторных декомпозиций.

Таким образом, вся совокупность полученных в работе результатов является достаточной для обоснования и доказательства наиболее общего положения, составляющего основу данного исследования. Оно состоит в том, что по своему содержанию и принципам организации метакогнитивная сфера личности обладает принципиальной двойственностью. С одной стороны, она обладает рядом основных особенностей и характеристик, присущих системным образованиям как таковым и, следовательно, может быть отнесена к их разряду. С другой стороны, она обладает и целым рядом новых – дополнительных и более сложных особенностей, не позволяющих рассматривать ее в качестве системы «классических», традиционных типов. Следовательно, наиболее общим и адекватным методологическим средством раскрытия основных особенностей и закономерностей метакогнитивной сферы личности в информационной деятельности должен выступить метасистемный подход. Поэтому его реализация является достаточным основанием для разработки аналогичных – обобщающих, то есть собственно *концептуальных* представлений о предмете исследования.

Список литературы

1. Абдеев Р. Ф. Философия информационной цивилизации. – Москва : Владос, 1994. – 336 с.
2. Абульханова-Славская К. А. Деятельность и психология личности. – Москва : Наука, 1980. – 334 с.
3. Авербух Н. В. Психологические аспекты феномена присутствия в виртуальной среде // Вопросы психологии. – 2010. – № 5. – С. 105–113.
4. Агудов В. В. Место и функции категории «структура» в системе категорий материалистической диалектики. – Москва : Наука, 1979. – 230 с.
5. Акофф Р., Эмери Ф. О целеустремленных системах. – Москва : Мир, 1974. – 272 с.
6. Аллахвердов В. М. Сознание как парадокс. – Санкт-Петербург : ДНК, 2000. – 518 с.
7. Александров Ю. И. и др. Основы психофизиологии. – Москва : ИНФРА-М, 1997. – 430 с.
8. Ананьев Б. Г. О проблемах современного человекознания. – Москва : Наука, 1978. – 380 с.
9. Анохин К. В. Когнитом: в поисках фундаментальной нейронаучной теории сознания // Журнал высшей нервной деятельности им. И. П. Павлова. – Т. 71. – № 1. – С. 39–71
10. Анохин П. К. Избранные труды. – Москва : Наука, 1978. – 399 с.
11. Антонова Д. А., Оспенникова Е. В., Спирин Е. В. Цифровая трансформация системы образования // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Сер. Информационные компьютерные технологии в образовании. – 2018. – № 14. – С. 5–37.
12. Асеев В. Г. Мотивация поведения и формирование личности. – Москва : Мысль, 1976. – 158 с.
13. Асмолов А. Г. По ту сторону сознания: методологические проблемы неклассической психологии. – Москва : МГУ, 2002. – 480 с.
14. Асмолов А. Г., Семенов А. Л., Уваров А. Ю. Российская школа и новые информационные технологии: взгляд в будущее десятилетие. – Москва : НексПринт, 2010. – 84 с.
15. Аткинсон Р. Человеческая память. – Москва : Прогресс, 1980. – 528 с.
16. Бабаева Ю. Д., Войскунский А. Е. Психологические последствия информатизации // Психологический журнал. – № 1. – 1998. – С. 89–100.

17. Бабилова Н. Н., Мальцева О. А., Старцева, Е. Н., Туркина М. С. Исследование метакогнитивной осознанности студентов университета // Вестник Марийского государственного университета. – 2018. – № 12(3). – С. 9–16.
18. Бакунович М. Ф., Станкевич Н. Л. Самоконтроль как базовый элемент профессиональной компетентности будущих IT-специалистов // Интеграция образования. – 2018. – Т. 22. – № 4(93). – С. 681–695. – DOI 10.15507/1991-9468.093.022.201804.681-695.
19. Барабанщиков В. А., Носуленко В. Н. Системность Восприятие. Общение. – Москва: 2004. – 479 с.
20. Бауман З. Текущая современность. – Санкт-Петербург : Питер, 2008. – 240 с.
21. Бевз С. О., Горягин Р. А. О влиянии гаджетов на когнитивное развитие личности: генезис, история и последствия проблемы // Проблемы современного педагогического образования. – 2019. – № 63–1. – С. 439–441.
22. Бейтсон Г. Разум и природа. Необходимое единство. Архивная копия от 11 июля 2019 на Wayback Machine. – 2016. – 214 с.
23. Беленкова Ю. С. Роль рефлексии в процессе самообразования и саморазвития // Проблемы современного педагогического образования. – Вып. 72–4. – 2021. – С. 30–41.
24. Белинская Е. П. Психология Интернет-коммуникации. – Москва ; Воронеж : МПСУ; Модэк, 2013. – 188 с.
25. Белянин В. П. Психология знакомства в Интернете и в реальной жизни. – 2-е изд. – Торонто, 2020. – 248 с.
26. Беннис У. Управление мечтой. – Москва : Издательство Персей, 2000. – 320 с.
27. Бернштейн Н. А. Физиология движений и активности. – Москва : Наука, 1990. – 495 с.
28. Берталанфи Л., фон. Общая теория систем. Критический обзор // Исследования по общей теории систем. – Москва : Прогресс, 1969. – С. 28–61.
29. Блауберг И. В., Юдин Э. Г. Становление и сущность системного подхода. – Москва : Наука, 1973. – 270 с.
30. Боброва Л. А. Компьютер, Интернет и мышление: изменение мышления под влиянием современных технологий // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 3: Философия. Реферативный журнал. – 2019. – № 2. – С. 72–79.

31. Болдачев А. В. Темпоральность и философия абсолютного релятивизма. – Москва : УРСС, 2011. – 211 с.
32. Бондаренко С. В. Социальная структура виртуальных сетевых сообществ: автореферат дис. ... доктора социологических наук: 22.00.04. – Рост. гос. ун-т. – Ростов-на-Дону, 2004. – 49 с.
33. Брушлинский А. В. Психология субъекта. – Санкт-Петербург : Алетей, 2003. – 269 с.
34. Брэддик У. Менеджмент в организации. – Москва : ИНФРА-М, 1998. – 312 с.
35. Булычев И. И. О сущности, форме и содержании категории «структура» // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – № 2. – 1998. – С. 3–10.
36. Бызова В. М., Перикова Е. И., Ловягина А. Е. Метакогнитивная включенность в системе психической саморегуляции студентов // Сибирский психологический журнал. – 2019. – № 73. – С. 126–140.
37. Бунин И. А. Ночь. Собр. сочинений. – Т. 3. – Москва : «Пресса». – С. 3–14.
38. Васильева И. А., Осипова Е. М., Петрова Н. Н. Психологические аспекты применения информационных технологий // Вопросы психологии. – № 3. – 2002 г.
39. Веккер Л. М. Психические процессы. – Л.: ЛГУ, 1974, 1976; Т. 1. – 334 с.; Т. 2. – 341 с.
40. Величковский Б. М. Когнитивная наука. Основы психологии познания: в 2-х т. Т. 1. – Москва: Академия, 2006. – 448 с.
41. Величковский Б. Б. Психологические факторы возникновения чувства присутствия в виртуальных средах // Национальный психологический журнал. – 2014. – № 3(15). – С. 31–38.
42. Винер Н. Кибернетика и общество. – Москва : Изд-во АСТ, 2019. – 288 с.
43. Войскунский А. Е. Интернет как пространство познания: психологические аспекты применения гипертекстовых структур // Современная зарубежная психология. – 2017. – Т. 6. – № 4. – С. 7–20.
44. Войскунский А. Е. Психология и Интернет. – Москва : Акрополь, 2010. – 439 с.
45. Войскунский А. Е., Бабаева Ю. Д. Одаренный ребенок за компьютером. – Москва : Сканрус, 2003. – 336 с.
46. Воронкова О. Б. Информационные технологии в образовании. – Москва : Феникс, 2010. – 320 с.

47. Выготский Л. С. Собрание сочинений. Т. 4. – Москва : Педагогика, 1984. – 376 с.
48. Гавенко В. Л., Фалько И. Н., Синайко В. М, Соколова И. М. Динамика психического состояния пользователей персональных компьютеров // Медицинские исследования. – 2001. – Т. 1, вып. 1. – С. 115.
49. Газзали А., Розен Л. Д. Рассеянный ум. Как нашему древнему мозгу выжить в мире новейших цифровых технологий. – Москва : Эксмо, 2019. – 416 с.
50. Гегель Г. Энциклопедия философских наук. Философия духа. – Москва : Мысль, 1977. Т. 3. – 471 с.
51. Глазкова Ю. А., Трофимов Е. Н. Негативное влияние использования информационных технологий в образовательной деятельности / Наука, техника и образование. – Т. 3. – 471 с.
52. Гибсон Д. Экологический подход к зрительному восприятию. – Москва : Прогресс, 1988. – 462 с.
53. Голубинская А. В. Нейрокогнитивный подход к исследованию поколения Z // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2016. № 1. С. 161–167.
54. Готтсданкер Р. Основы психологического эксперимента. – Москва: МГУ, 1982 – 473 с.
55. Гоулман Д. Эмоциональный интеллект. – Москва: АСТ, 2008. – 352 с.
56. Гринфилд А. Радикальные технологии: устройство повседневной жизни. – Москва: Дело, 2018.
57. Гуманитарные исследования в Интернете / под ред. А. Е. Войскунского. – Москва: Terra-Можайск, 2000. – 432 с.
58. Гусельцева М. С. Понятие прогресса и модели развития психологической науки // Методология и история психологии. – 2007. – № 3. – С. 107–119.
59. Давлеткиреева Л. З., Махмутов М. М. Теоретические аспекты применения информационно-предметной среды для профессиональной подготовки будущих специалистов по информационным технологиям // Сибирский педагогический журнал. – 2009. – №. 5. – С. 78–91.
60. Даль В. И. Словарь живого великорусского языка. – Москва : Русский язык, 1980. – Т. 2. – 554 с.
61. Делез Ж. Логика смысла / науч. ред. Я. Б. Толстов, пер. Я. И. Свирского. – Москва : Изд. Центр «Академия», 1995.

62. Демиденко Н. Н., Ератина Е. А. Профессиограмма IT-специалиста с учетом психологических особенностей его деятельности // Психология труда, организации и управления в условиях цифровой трансформации общества. – 2021. – С. 151–160.

63. Дети России онлайн. Результаты международного проекта EUKIDSONLINE II в России. – Москва, 2012. (Зотова Е., Лебешева М., Роггендорф П.) URL: http://detionline.com/assets/files/helpline/Final_Report_05-29-11.pdf

64. Деятельность: теория, методология, проблемы. – Москва : Политиздат, 1990. – 359 с.

65. Джемс У. Психология сознания. – Москва, 1914. – 250 с.

66. Дружинин В. Н. Психология общих способностей. – Москва : Лантерна, 1995. – 243 с.

67. Дружинин В. В., Конторов Д. С. Системотехника. – Москва : Радио и связь, 1985. – 200 с.

68. Дубровский Д. И. Проблема идеального. – Москва : Мысль, 1983. – 228 с.

69. Емелин В. А., Тхостов А. Ш. Вавилонская сеть: эрозия истинности и диффузия идентичности в пространстве Интернета // Вопросы философии. – 2013. – № 1. – С. 74–84.

70. Жане П. Психологическая эволюция личности. – Москва : Академический проспект, 2009. – 300 с.

71. Журавлев А. Л., Сергиенко Е. А., Харламенкова Н. Е., Виленская Г. А. Системно-сетевая организация понятий современной психологии (вместо предисловия). Разработка понятий современной психологии. – Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 2021. – 732 с.

72. Журина М. А. Субъективные представления о профессиональной успешности IT-специалистов // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. – 2019. – № 4. – С. 243–249.

73. Завалишина Д. Н. Психологический анализ оперативного мышления. – Москва : Наука, 1985. – 219 с.

74. Занковский А. Н. Психология лидерства: от поведенческой модели к культурно-ценностной парадигме. – Москва: Институт психологии РАН, 2011. – 296 с.

75. Зараковский Г. М. Психофизиологический анализ трудовой деятельности. – Москва : Наука, 1966. – 114 с.

76. Зимняя И. А. Педагогическая психология: учебник для вузов. – Москва : Изд-во Московского психолого-социального ин-та; Воронеж : МОДЭК, 2010 г. – 447 с.

77. Зинченко В. П., Гордон В. М. Методологические проблемы психологического анализа деятельности // Системные исследования. – 1975. – Москва : Наука, 1976. – С. 82–127.

78. Зинченко В. П. Сознание и творческий акт. – Москва : ВШЭ, 2010. – 582 с.

79. Зинченко Ю. П. Психология виртуальной реальности: монография. – Москва : МГУ, 2011. – 360 с.

80. Знаков В. В. Понимание в познании и общении. – Самара, 1998. – 187 с.

81. Интернет: возможности, компетенции, безопасность : методическое пособие для работников системы общего образования. Лекции. Ч. 1. – Москва : Центр книжной культуры Гутенберг, 2013. – С. 165. (Зотова Е., Лебешева М., Шляпников В.).

82. Исследование психологических механизмов принятия решения в процессе профессиональной подготовки операторов. Отчет о НИР № 165 / науч. рук. А. В. Карпов. – Ярославль: ЯрГУ, 1985. – 214 с.

83. Исследование проблем молодежи в ГДР. – Москва : Прогресс, 1976. – 461 с.

84. Калачева А. И., Волченкова А. А. Метакогнитивные аспекты деятельности IT-специалистов // Ярославский психологический вестник. – 2021. – № 3. – С. 53–71.

85. Кант И. Критика чистого разума. – Москва : Республика, 1994. – 574 с.

86. Карпов А. А. Метакогнитивный контроль регулятивных функций сознания // Мир психологии. – № 2 (94). – 2018. – С. 135–150.

87. Карпов А. А. Общие способности в структуре метакогнитивных качеств личности. – Ярославль : ЯрГУ, 2014. – 256 с.

88. Карпов А. А. Феноменология и диагностика метакогнитивной сферы личности. – Ярославль : ЯрГУ, 2016. – 208 с.

89. Карпов А. А. Структура метакогнитивной регуляции управленческой деятельности. – Москва : Изд-во РАО, 2018. – 784 с.

90. Карпов А. В., Левченко В. В. Психология состоятельности. – Пермь : ПГУ, 2016. – 520 с.

91. Карпов А. В. Психологический анализ трудовой деятельности. – Ярославль : ЯрГУ, 1988. – 198 с.

92. Карпов А. В. Психология принятия управленческих решений. – Москва: Юристъ, 1996. – 496 с.
93. Карпов А. В. Терещенко Н. Г. Психология управленческой деятельности. – Казань : Таглимат, 2006. – 286 с.
94. Карпов А. В. Психологический анализ деятельности как методологическая основа исследования педагогического мышления // Психология профессионального педагогического мышления. – Москва : ИП РАН, 2003. – С. 31–73.
95. Карпов А. В. Психология менеджмента. – Москва : Гардарики, 1999. – 546 с.
96. Карпов А. В. Общая психология субъективного выбора: структура, процесс, генезис. – Москва : Изд-во «Институт психологии РАН», 2000. – 358 с.
97. Карпов А. В., Пономарева В. В. Психология рефлексивных механизмов управления. – Москва : Изд-во «Институт психологии РАН», 2000. – 283 с.
98. Карпов А. В., Скитяева И. М. Психология рефлексии. – Москва : Изд-во «Институт психологии РАН», 2002. – 320 с.
99. Карпов А. В. Метасистемная организация уровней структур психики. – Москва : Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. – 602 с.
100. Карпов А. В., Леньков С. Л. Структурно-функциональное строение профессиональной деятельности информационного характера. – Тверь : ТГУ, 2006. – 448 с.
101. Карпов А. В. Психология рефлексивных механизмов деятельности. – Москва : Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. – 450 с.
102. Карпов А. В. О субъектно-информационном классе деятельности // Человеческий фактор: Социальный психолог. – 2018. – 2(36). – С. 12–22.
103. Карпов А. В. Психология сознания: Метасистемный подход. – Москва : Изд. Дом РАО, 2011. – 1080 с.
104. Карпов А. В. Рефлексивная детерминация деятельности и личности. – Москва : Изд. Дом РАО, 2012. – 494 с.
105. Карпов А. В., Скитяева И. М. Психология метакогнитивных процессов личности. – Москва : Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. – 325 с.
106. Карпов А. В., Башаева Т. В. Метасистемный подход в исследовании генезиса когнитивных способностей. – Владимир : ВГУ, 2009. – 230 с.

107. Карпов А. В., Ященко Е. Ф. Психология способностей. – Челябинск : ЮГУ, 2007, 2003. – 325 с.
108. Карпов А. В., Петровская А. С. Психология эмоционального интеллекта. – Ярославль : ЯрГУ, 2007. – 325 с.
109. Карпов А. В. Принцип предикторной психодиагностики профессионально-важных качеств // Вестник ЯрГУ. Гуманитарные науки. – 2009. – № 1. – С. 44–49.
110. Карпов А. В., Карпов А. А. Введение в метакогнитивную психологию. – Москва : МПСИ, 2018. – 600 с.
111. Карпов А. В. Психология деятельности. В 5-ти т. – Москва : РАО, 2015.
112. Карпов А. В. Феномен и ноумен личности // Вестник ЯрГУ. Гуманитарные науки. – 2018. – № 1. – С. 111–121.
113. Карпов А. В., Карпов А. А. Методологические основы психологии образовательной деятельности. Т. 2. Когнитивное обеспечение. – Москва : Изд. Дом РАО, 2018. – 580 с.
114. Карпов А. В., Карпова Е. В. Методологические основы психологии образовательной деятельности. Метасистемный подход. Т. 1. – Москва : РАО, 2018. – 760 с.
115. Карпов А. В., Шадриков В. Д. Интегральная концепция системогенеза деятельности. – Москва : Изд. дом РАО, 2017. – 352 с.
116. Карпов А. В. Метасистемная организация индивидуальных качеств личности. – Москва : Изд. Дом РАО, 2017. – 640 с.
117. Карпов А. В., Климонтова Т. А. Внутренний мир интеллектуально одаренного человека. – Иркутск : НУРВХ СО РАМН, 2009. – 299 с.
118. Карпов А. В., Карпов А. А., Маркова Е. В., Филиппова Ю. В. Специфика метакогнитивной регуляции образовательной деятельности в условиях применения компьютерных средств обучения // Перспективы науки и образования. – 2021. – № 5(53). – С. 334–353.
119. Карпов А. В., Рубцова Н. Е., Ленков С. Л. Метакогнитивная детерминация удовлетворенности работой в профессиях информационного типа // Российский психологический журнал. – 2021. – № 4.
120. Карпов А. В. Методологические основы психологического анализа деятельности субъектно-информационного класса (статья первая) // Ярославский психологический вестник. – 2021. – № 3. – С. 39–47.
121. Карпов А. В., Воронова Т. А. Цифровизация и развитие психики ребенка: вызовы нового времени // Человеческий капитал. – 2021. – № 3.

122. Карпов А. В., Чемякина А. В. Психологическая специфика профессиональной деятельности субъектно-информационного класса // Вестник ЯрГУ. Гуманитарные науки. – 2021. – № 3.

123. Карпов А. В. Метасистемная организация метакогнитивных детерминант деятельности // Вестник ЯрГУ. Гуманитарные науки. – 2022. – № 2.

124. Карпов А. В., Карпова Е. В. Системогенез игровой деятельности: структурно-функциональная организация и генетическая динамика. – Москва : Изд. дом РАО, 2017. – 533 с.

125. Карпов А. В. Структура и сущность субъективной реальности. В 2-х тт. – Москва : РАО, 2021.

126. Карпов А. В. Методологические основы психологии информационной деятельности. – Москва : РАО, 2021. – 610 с.

127. Карпова Е. В. Структура и генезис мотивационной сферы личности в учебной деятельности. – Ярославль : ЯГПУ, 2007. – 560 с.

128. Карр Н. Пустышка. Что Интернет делает с нашими мозгами. – Санкт-Петербург : Best Business Books, 2012. – 256 с.

129. Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. – Москва : Изд-во ГУ ВШЭ, 2000. – 606 с.

130. Кейдель В. Физиология органов чувств. – Москва : Медицина, 1975. – 216 с.

131. Квашенко Н. Ю. Личность как объект исследования в контексте информационного общества // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. – 2019. – Т. 10. – № 1. – С. 81–86. – DOI 10.18721/JHSS.10108.

132. Керделлан К., Грезийон Г. Дети процессора: Как Интернет и видеоигры формируют завтрашних взрослых / пер. с фр. – Екатеринбург : У-Фактория, 2006. – 272 с.

133. Керзон П. Вычислительное мышление. Метод решения сложных задач / пер. с англ. Таира Мамедова. – Москва : «Альпина Паблишер», 2018.

134. Климов Е. А. Психология профессионала. – Воронеж : МПСИ, 1996. – 400 с.

135. Клинберг Т. Перегруженный мозг. Информационный поток и пределы рабочей памяти. – Москва : Ломоносовъ, 2010. – 208 с.

136. Ковалев А. И., Меньшикова Г. Я., Климова О. А., и др. Содержание профессиональной деятельности как фактор успешности

применения технологий виртуальной реальности // Экспериментальная психология. – 2015. – Т. 8. – № 2. – С. 45–59. – Doi:10.17759/exppsy.2015080205

137. Когнитивная психология / под ред. В. Н. Дружинина, Д. В. Ушакова. – Москва : ПЕР СЭ, 2002. – 478 с.

138. Козелецкий Ю. Психологическая теория решений. – Москва : Прогресс, 1979. – 504 с.

139. Компьютер – не забава. URL: <http://www.profistart.ru/ps/blog> 13.

140. Конопкин О. А. Психологические механизмы регуляции деятельности. – Москва : Наука, 1980. – 256 с.

141. Кравков. В. Самонаблюдение. – Москва : Русский книжник, 1922. – 176 с.

142. Кремянский В. И. Структурные уровни живой материи: теорет. и методол. проблемы / АН СССР. Ин-т философии. – Москва : Наука, 1969. – 295 с.

143. Кудинова Е. Б. Влияние гаджетов на современных школьников // Молодой ученый. – 2017. – № 16. – С. 464–465. URL: <https://moluch.ru/archive/150/42638/> (дата обращения: 01.04.2019).

144. Кузнецова О. В., Скрыльникова Н. И. Компаративный анализ направлений исследований в области киберпсихологии в России и за рубежом // Современная зарубежная психология. – 2017. – Т. 6. – С. 66–76.

145. Кузнецова Ю. М., Чудова Н. В. Психология жителей Интернета. – Москва : Издательство ЛКИ, 2008. – 224 с.

146. Кузьмин В. П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. – Москва : Политиздат, 1984. – 464 с.

147. Кулагин В., Сухаревски А., Мефферт Ю. Digital@Scale: Настольная книга по цифровизации бизнеса. – Москва : Интеллектуальная Литература, 2019. – 293 с.

148. Кунц Г., О’Доннел С. Управление. Системный и ситуационный анализ управленческих функций. – Москва : Прогресс, 1981. – 302 с.

149. Курильчик А. В., Геращенко К. С. Формирование психологической готовности к профессиональной деятельности специалистов IT-сферы // Современные научные исследования и разработки. – 2021. – С. 224–234.

150. Курмангалиев А. Ч. Компьютерное мышление // Central Asian Journal of Art Studies. – 2019. – № 2.

151. Ландау Л. Д. О фундаментальных проблемах // *Theoretical physics in the 20 century: A memorial volume to W. Pauli*. – N.Y.; L.: Interscience, 1960. – 111 p.

152. Ланье Дж. На заре новой эры. Автобиография «отца» виртуальной реальности. – Москва : Эксмо, –2019. – 496 с.

153. Лазурский А. Ф. Очерк науки о характерах. – Москва : Наука, 1917/1995. – 271 с.

154. Лау Х. Руководство по информационной грамотности для образования на протяжении всей жизни. – Москва : МОО ВПП ЮНЕСКО «Информация для всех», 2006.

155. Лафта Дж. К. Теория организаций. ТК Велби Проспект, 2006. – 416 с.

156. Лежнева М. С. Технология формирования готовности будущих IT-специалистов к межпрофессиональному взаимодействию // *Инженерный вестник Дона*. – 2013. – Т. 24. – № 1(24). – С. 70.

157. Лекторский В. А. Субъект. Объект. Познание. – Москва : Наука, 1980. – 340 с.

158. Леньков С. Л. Российская организационная культура: специфика с позиций метасистемного подхода // *Журн. Практической психологии*. – 2007. – № 4. – С. 37–49.

159. Леньков С. Л. Субъектно-информационный подход к психологическим исследованиям. – Тверь : Тверской гос. ун-т. (дата обращения: 30.04.2021).

160. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. – Москва : Политиздат, 1975. – 334 с.

161. Леонтьев Д. А., Осин Е. Н. Рефлексия «хорошая» и «дурная»: от объяснительной модели к дифференциальной диагностике // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. – 2014. – Т. 11, № 4. – С. 110–135.

162. Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. – Москва : Наука, 1984. – 443 с.

163. Ломов Б. Ф., Сурков Е. Н. Антиципация в структуре деятельности. – Москва : Наука, 1980. – 280 с.

164. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. – Санкт-Петербург : Наука, 2007.

165. Лурия А. Р. Язык и сознание. – Москва : МГУ, 1979. – 320 с.

166. Лысак И. В., Максимов А. В. Личность в информационном обществе: проблемы и перспективы исследования // *Современные*

проблемы науки и образования. – 2015. – № 3. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=20289>

167. Люсин Д. В., Ушаков Д. В. Социальный интеллект, теория, изменение, исследования. – Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. – 176 с.

168. Макафи, Э., Бриньолфсон Э. Машина, платформа, толпа: наше цифровое будущее. – Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2019. – 317 с.

169. Макгонигал Дж. Реальность под вопросом. Почему игры делают нас лучше и как они могут изменить мир. – Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2018. – 384 с.

170. Малиновский А. А. Тектология. Теория систем. – Москва : Эдиториал УРССС, 2000. – 428 с.

171. Маслоу А. Психология бытия. – Москва-Киев, 1997. – 304 с.

172. Маркс К. Капитал. – Москва : Политиздат, 1983. – Т. 1, 2. – 1952 с.

173. Маслова Ю. В. Позитивные и негативные аспекты использования компьютерных технологий у детей и подростков // ОТО. – 2013. – № 4.

174. Матвеева Н. Н. Влияние современных технологий на память человека / Н. Н. Матвеева // Бюллетень медицинских интернет-конференций. – 2012. – Т. 2. – № 11. – С. 875–876.

175. Медиа и информационная грамотность в обществах знания / сост. Е. И. Кузьмин, А. В. Паршакова. – Москва : МЦБС, 2013.

176. Медийная и информационная грамотность: программа обучения педагогов. – Москва: Институт ЮНЕСКО по информационным технологиям в образовании, 2012.

177. Ментальная репрезентация. – Москва : Изд-во «Институт психологии РАН», 1998. – 320 с.

178. Месарович М., Мако Д., Такахара И. Теория иерархических многоуровневых систем. – Москва : Мир, 1973. – 334 с.

179. Мескон М., Альберт М., Хедури Ф. Основы менеджмента. – Москва : Дело, 1992. – 620 с.

180. Миллер Дж., Галантер Ю., Прибрам К. Планы и структура поведения. – Москва : Прогресс, 1965. – 192 с.

181. Миндзаева Э. В. Информационно-когнитивные технологии как инструмент управления процессом формирования знаний // Управление образованием: теория и практика. – 2015. – № 4 (20). – С. 65–71

182. Муравьева О. И. Профессиональное выгорание программистов: специфичность феномена // Сибирский психологический журнал. – 2019. – № 73. – С. 98–110

183. Мышление: процесс, деятельность, общение / отв. ред. А. В. Брушлинский. – Москва : Наука, 1982.
184. Нейман Дж. фон, Моргенштерн О. Теория игр и экономическое поведение. – Москва : Наука, 1970. – 601 с.
185. Нестик Т. А. Метакогнитивные функции персональной социальной сети // Экономические стратегии. – № 5. – 2013. – С. 53–56.
186. Нестик Т. А. Интеллектуальные сети: от сетевого индивидуализма к творческому капиталу // Образовательная политика. – 2010. – № 7–8(45–46). – С. 19–30.
187. Никифоров Г. С. Самоконтроль человека. – Л. : ЛГУ, 1988. – 157 с.
188. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования / под ред. Е. С. Полат. – Москва, 2000 – 158 с.
189. Носов Н. А. Виртуальная психология. – Москва : Аграф, 2000. – 430 с.
190. Олишевский С. Е. Гуманистическая психология и феноменологический подход // Психология с человеческим лицом. Гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / под ред. Д. А. Леонтьева, В. Г. Щур. – Москва : «Смысл», 1997. – С. 55–66.
191. Орел Е. А. Особенности интеллекта профессиональных программистов // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. – 2007. – № 2. – С. 70–79.
192. Ошанин Д. А. Концепция оперативности отражения в инженерной и общей психологии // Инженерная психология: теория, методология, практика. – Москва : Наука, 1977. – С. 134–149.
193. Пан А. С. Укрощение цифровой обезьяны. Как избавиться от Интернет-зависимости. – Москва : АСТ, 2014.
194. Палфри Дж., Гассер У. Дети цифровой эры. – Москва : Эксмо, 2011.
195. Пейперт С. Переворот в сознании: дети, компьютеры и плодотворные идеи. – Москва : Педагогика, 1989. – 224 с.
196. Перикова Е. И., Бызова В. М. Метакогнитивные процессы в учебной деятельности девушек и женщин: личностный подход // Вестник Вятского государственного университета. – 2020. – № 2(136). – С. 122–131.
197. Петренко В. Ф. Многомерное сознание. Психосемантическая парадигма. – Москва : Новый хронограф, 2010. – 424 с.
198. Петрова М. А. Влияние девайсов на формирование субъектности младших школьников // Дискуссия. – 2016. – № 9(72). – С. 88–93.

199. Петровский В. А. Человек над ситуацией. – Москва : ВШЭ, 2010. – 560 с.
200. Плоткина Л. Н. Социально-психологический анализ профессионально-значимых характеристик специалистов в области информационных технологий // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2010. – Т. 12. – № 5–1. – С. 137–144.
201. Поведская Е. В., Массейра А. Д., Человек и новые информационные технологии: завтра начинается сегодня. – Санкт-Петербург : Речь, 2007. – 320 с.
202. Планкетт Л., Хейл Г. Выработка и принятие управленческих решений. – Москва: Экономика, 1984. – 187 с.
203. Пономарев Я. А. Методологическое введение в психологию. – Москва: Наука, 1983. – 205 с.
204. Пономарева Е. Р. Влияние компьютерных технологий на психику человека // Достижения науки и образования. – 2021. – № 6 (78).
205. Прихожан А. М. Влияние электронной информационной среды на развитие личности детей младшего школьного возраста // Психологические исследования. – 2010. – № 1(9). – С. 2.
206. Программист на всю голову: как кодинг влияет на мышление. URL: <https://habr.com/ru/company/binarydistrict/blog/425385/>
207. Пронькина, А. Н. Трансформация памяти в условиях информационного перенасыщения // Философия науки и техники. – 2020. – Т. 25. – № 1. – С. 110–124. – DOI 10.21146/2413-9084-2020-25-1-110-124.
208. Профессионализм современного педагога / под ред. В. Д. Шадрикова. – Москва : Логос, 2011. – 166 с.
209. Прохоров А. О. Психология неравновесных состояний. – Москва: Институт психологии РАН, 1998. – 149 с.
210. Психологическая деформация программистов. Взгляд с обеих сторон баррикад. URL: <https://habr.com/ru/post/285472/>
211. Психология труда. Учебник для вузов / под ред. А. В. Карпова. – Москва: Владос, 2004. – 349 с.
212. Пэтчин Дж., Хиндуя С. Написанное остается. Как сделать интернет-общение безопасным и комфортным. – Москва : МИИФ, 2020.
213. Равен Д. Компетентность в современном обществе. – Москва : Когито-центр, 2002.
214. Реали Д., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. – Москва: Наука, 1997.

215. Роговин М. С. Структурно-уровневые теории в психологии. – Ярославль : ЯрГУ, 1977. – 79 с.
216. Роговин М. С. Современная когнитивная психология и проблема мышления // Мышление: процесс, деятельность, ощущение / под ред. А. В. Брушлинского. – Москва : Наука, 1982. – С. 213–273.
217. Росс А., Нисбетт Р. Человек и ситуация. – Москва : Аспект Пресс, 1999. – 430 с.
218. Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. – Москва : Педагогика, 1973. – 424 с.
219. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. – Москва : АН СССР, 1957. – 327 с.
220. Рубцова Н. Е. Интегративно-типологическая профессиональная направленность личности. – Тверь : Изд-во ТФ МГЭИ, 2011.
221. Рябцева И. К. Метакогнитивная рефлексия и коммуникация // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Периодический сборник научных статей. Электронное научное издание. – Москва, 2018. – С. 179–201.
222. Савин Е. Ю., Смирнова Т. А. Методика оценки метакогнитивных знаний младших подростков: конструирование и апробация // Личность, интеллект, метакогниции: исследовательские подходы и образовательные практики. Материалы I-й Всероссийской научно-практической конференции. – Калуга : «Эйдос», 2016. – С. 66–74.
223. Садовский В. Н., Келле В. В. Системное мышление и системный подход: истоки и предпосылки социальной информатики // Социальная информатика: основания, методы, перспективы. – Москва, 2003; 2-е изд. – 2006. – С. 14–27.
224. Саймон Г. Наука об искусственном. – Москва : Мир, 1973. – 172 с.
225. Свидерский В. И., Зобов Р. А. Новые философские аспекты элементарно-структурных отношений. – Л.: Изд-во Ленинградск. ун-та, 1970. – 128 с.
226. Селиванов В. В., Селиванова Л. Н. Влияние работы в виртуальной реальности на познавательные процессы и личностные особенности субъекта // Психология когнитивных процессов. – 2017. – № 3. – С. 64–76.
227. Сергиенко Е. А. Антиципация в раннем онтогенезе человека. – Москва : Наука, 1992. – 300 с.

228. Сергиенко Е. А. Когнитивная репрезентация в раннем онтогенезе человека // Ментальная репрезентация. – Москва : Изд-во «Институт психологии РАН», 1998. – С. 135–163.

229. Сережкина А. Е. Внимание и компьютер: психолого-педагогический аспект проблемы / А. Е. Сережкина // Вестник Казанского технологического университета. – 2012. – Т. 15. – № 13. – С. 295–299.

230. Сеченов И. М. Избранные произведения. – Москва : АН СССР, 1952. – Т. 1. – 771 с.

231. Сибберг Д. Цифровая диета. Как победить зависимость от гаджетов и технологий. – Москва : Альпина Паблишер, 2015. – 32 с.

232. Сиволапов А. В. Компьютеризация образования: современные проблемы и перспективы развития. – Москва : Педагогика, 1981. – 207 с.

233. Скиннер К. Цифровой человек: четвертая революция в истории человечества, которая затронет каждого. – Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2019. – 292 с.

234. Смирнова О. М. Цифровая эпоха и виртуализация сознания // Проблемы ириски инженерного образования в XXI в. – Москва : Университетская книга, 2017. – С. 76–109. 2019.02.012 80

235. Смокова Е. Ю. Богуш С. Б. Влияние развития информационных технологий на социально-психологическое развитие личности // Территория науки. – 2017. – № 1. – С. 79–84.

236. Смолл Г., Ворган Г. Мозг Онлайн. – Москва: Колибри, 2011. – 352 с.

237. Смыслова О. В., Войскунский А. Е. Киберзаболевание в системах виртуальной реальности: феноменология и методы измерения // Психологический журнал. – 2019. – Т. 40. – № 4. – С. 85–94.

238. Собкин В. С. Подросток: виртуальность и социальная реальность / В. С. Собкин, Ю. М. Евстигнеева // По материалам социологического исследования. Труды по социологии образования. – Москва : «Институт социологии образования» Российской, 2001. – 156 с.

239. Совместная деятельность. – Москва : Наука, 1988. – 228 с.

240. Солдатова Г. В., Зотова Е. Ю., Чекалина А. И., Гостимская О. С. Пойманные одной сетью: социально-психологическое исследование представлений детей и взрослых об Интернете / под ред. Г. В. Солдатовой; Фонд Развития Интернет. – Москва, 2011. – 176 с.

241. Солдатова Г. В., Нестик Т. А. Молодежь в сети: сила и слабость социального капитала // Образовательная политика. – 2010. – № 4(42). – С. 10–29.

242. Солдатова Г. В., Рассказова Е. И. Как им помочь. Ребенок в Интернете: запрещать, наблюдать или объяснять? // Дети в информационном обществе. – 2012. – № 10. – С. 26–33.
243. Солдатова Г. В., Рассказова Е. И., Лебешева М. И. Жестокий опыт // Дети в информационном обществе. – 2012. – № 12. – С. 26–35.
244. Соссюр Ф. де Труды по языкознанию. – Москва : Прогресс, 1977. – 695 с.
245. Степин В. С. Теоретическое знание. – Москва : Наука, 2000. – 744 с.
246. Структура ИКТкомпетентности учителей. Рекомендации ЮНЕСКО. – Париж, UNESCO, 2011.
247. Тараканов Я. Л. Коммуникативная компетентность IT-специалиста: структура и содержание // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». – 2018. – Т. 28. – № 3. – С. 351–357.
248. Тараканов А. В. К вопросу о метакогнитивных регуляторах жизнеспособности у студентов вуза // Профессиональное образование в современном мире. – 2020. – Т. 10. – № 4. – С. 4359–4368. – DOI 10.20913/2618-7515-2020-4-19.
249. Тверски А., Канеман Д. Принятие решений в неопределенности. – Харьков : Издательство Институт прикладной психологии «Гуманитарный Центр», 2005. – 632 с.
250. Тихомиров О. К. Информационный век и теория Л. С. Выготского // Психологический журнал. – 1993. – №1. – С. 114–119.
251. Тихонов Р. В., Аммалайнен А. В., Морошкина Н. В. Многообразии метакогнитивных чувств: разные феномены или разные термины? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика. – 2018. – Т. 8. – № 3. – С. 214–242.
252. Трудности и перспективы цифровой трансформации образования / под ред. А. Ю. Уварова, И. Д. Фрумина. – Москва : ВШЭ, 2019. – 343 с.
253. Тоффлер Э. Третья волна. – Москва: АСТ, 1999. – 781 с.
254. Третьякова В. С., Церковникова Н. Г. Цифровое поколение: потери и приобретения // Профессиональное образование и рынок труда. – 2021. – № 2(45). – С. 53–65. – DOI 10.52944/PORT.2021.45.2.004.
255. Уилбер. Интегральная психология. Сознание. Дух. Психология. Терапия. – 2004.
256. Ушаков Д. В. Интеллект: структурно-динамическая теория. – Москва : Изд-во «Институт психологии РАН», 2003. – 264 с.

257. Фодор Дж., Пылишин З. Коннекционизм и когнитивная структура: критический обзор // Язык и интеллект. – Прогресс, 1996. – С. 230–313.
258. Хакен Г. Синергетика. – Москва : Мир, 1980. – 380 с.
259. Холодная М. А. Когнитивные стили: О природе индивидуального ума. – Москва : ПЕР СЭ, 2002. – 304 с.
260. Холодная М. А. Психология интеллекта: парадоксы исследования. – Москва : «Барс», 1997. – 391 с.
261. Хусенов М. Психология IT-специалистов // Центр научных публикаций (buxdu.uz). – 2020. – Т. 1. – № 1.
262. Цифровая компетентность подростков и родителей. Результаты всероссийского исследования / Г. У. Солдатова, Т. А. Нестик, Е. И. Рассказова, Е. Ю. Зотова. – Москва : Фонд Развития Интернет, 2013. – 144 с.
263. Чью Дж. Аналитическая теория S-матрицы. – Москва : Мир, 1968.
264. Шадриков В. Д. Мир внутренней жизни человека. – Москва : Логос, 2006. – 402 с.
265. Шадриков В. Д. Некогнитивная психология. – Москва : Университетская книга, 2017. – 365 с.
266. Шадриков В. Д. Проблемы системогенеза профессиональной деятельности. – Москва : Наука, 1982. – 183 с.
267. Шадриков В. Д. Психология деятельности человека. – Москва : Изд-во «Институт психологи РАН». – 2015. – 411 с.
268. Шадриков В. Д. Способности и деятельность. – Москва, 1995. – 405 с.
269. Шакуров Р. Х. Эмоция. Личность. Деятельность (механизмы психодинамики). – Казань : Центр инновационных технологий, 2001. – 180 с.
270. Шепард Р., Метцлер Ж.. Мысленное вращение трехмерных фигур. Когнитивная психология: история и современность : хрестоматия / под ред. М. Фаликман, В. Спиридонова. – Москва, 2011. – С. 91–96.
271. Ширки К. Включи мозги. Свободное время в эпоху Интернета. – Москва : Карьера пресс, 2012.
272. Шпитцер М. Антимозг: цифровые технологии и мозг / пер. с нем. – Москва : АСТ, 2014. – 288 с.
273. Эйнштейн А. Мир, каким я его вижу. – Москва : АСТ, 2013. – 390 с.

274. Ackerman R., Thompson V. A. Meta-Reasoning: Monitoring and Control of Thinking and Reasoning // Trends Cogn. Sci. – Elsevier Ltd. – 2017. – Vol. 21. – No. 8. – P. 607–617.
275. Alison A. Cyberpsychology. – 2015. – 304 p.
276. Anderson J. R. Cognitive psychology and its implications (2nd ed.). – N. Y.: W.H. Freeman, 1985. – 521 p.
277. Anguera J. A, Boccanfuso J., Rintoul J. L. et al. Video game training enhances cognitive control in older adults // Nature. – 2013; 501: 97–101.
278. An Introduction to Cyberpsychology by I. Connolly et al. (Editor). – Routledge, 2016.
279. Aramaki F. O., Yassuda M. S. Cognitive training based on metamemory and mental images: Follow-up evaluation and booster training effects // Dementia & Neuropsychologia. – 2011. – T. 5. – C. 48–53.
280. Arnaboldi V., Passarella A., Conti M. et al. Online social networks: human cognitive constraints in Facebook and Twitter personal graphs. – Amsterdam : Elsevier, 2015.
281. Ashby W. R. Introduction to Cybernetics. – Chapman & Hall, 1956. – 432 p.
282. Attrill A., Fullwood C. Applied Cyberpsychology. Practical Applications of Cyberpsychological. Theory and Research. Palgrave Macmillan, 2016. – 274 p.
283. Barak M. Psychological Aspects of Cyberspace, 2008. – 336 p.
284. Bargh J. A, McKenna K. Y. The Internet and social life. Annu Rev. Psychol. 2004; 55: 573–590.
285. Baumgartner S. E., van der Schuur W. A., Lemmens J. S. et al. The relationship between media multitasking and attention problems in adolescents: results of two longitudinal studies. Hum Commun Res 2017; 44: 3–30.
286. Bell V., Bishop D. V., Przybylski A. K. The debate over digital technology and young people. BMJ 2015; 351: h3064.
287. Bjork R. A., Dunlosky J., Kornell N. Self-regulated learning: Beliefs, techniques, and illusions // Annual Review of Psychology. – 2013. – V. 64. – P. 417–444.
288. Bloom P. A., Friedman D., Xu J., Vuorre M., Metcalfe J. Tip-of-the-tongue states predict enhanced feedback processing and subsequent memory. Consciousness and Cognition, 101, 2018. – P. 221–233.
289. Borkowski J., Muthukrishna R. Components of Children’s Meta-memory // Memory development. – N. Y., 1992. – P. 142–158.

290. Bowden E. M. The effect of reportable and unreportable hints on anagram solution and the aha! // *Experience. Conscious. Cogn. Elsevier.* – 1997. – Vol. 6. – No. 4. – P. 545–573.
291. Briñol P., Petty R. E., Rucker D. D. The role of metacognitive processes in emotional intelligence. – University Autonoma of Madrid, Ohio State University and Northwestern University, 2006. – P. 26–33.
292. Brown A. L., Campione J. C. The problem of access Intelligence and learning // NATO conference. – July 16–20, 1979. – P. 515–529.
293. Brown A. L. Metacognition, executive control, self-regulation, and other more mysterious mechanisms // F. E. Weinert, R. H. Kluwe (Eds.). *Metacognition, motivation, and understanding.* – Hillsdale, N. J.: Lawrence Erlbaum Associates. – 1987. – P. 65–116.
294. Carter H., Baker C., Rynearson K., Reyes J. Degree Attainment in Online Learning Programs: A Study Using National Longitudinal Data. *International Journal of Innovative Teaching and Learning in Higher Education.* – Vol. 1. – Is. 3. – July-September 2020.
295. Carver C. S., Sheier M. F. Attention and self-regulation a control approach to human behavior. Springfield, 1981. – 224 p.
296. Cavanaugh J. C., Perlmutter M. Metamemory: A critical examination // *Child Development.* – 1982. – N 53. – P. 11–28.
297. Chalmers D. J. *The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory.* Oxford and New York: Oxford: Oxford University Press. 1996. – 328 p.
298. Chughtai S., Blanchet K. Systems thinking in public health: a bibliographic contribution to a meta-narrative review // *Health policy and planning.* – 2017. – T. 32. – № 4. – P. 585–594.
299. *Cognition, Metacognition and Culture in STEM Education: Learning, Teaching and Assessment (Innovations in Science Education and Technology, 24)* Softcover reprint of the original 1st ed. / by Dori Y., Mevarech Z., Baker D., Springer, 2018 – 150 p.
300. Colley A., Maltby J. Impact of the Internet on our lives: male and female personal perspectives. *Comput. Human Behav.* 2008; 24: 2005–13.
301. Colombo B., Iannello P., & Antonietti A. Metacognitive knowledge of decision-making: An explorative study. In A. Efklides & P. Misailidi (Eds.), *Trends and prospects in metacognition research 2010.* – P. 445–472. Springer Science + Business Media.
302. Connolly I., Palmer M. *An Introduction to Cyberpsychology,* 2016. – 348 p.

303. Cyberpsychology: The Study of Individuals, Society and Digital Technologies; Monica T. Whitty, Garry Young.

304. DeStefano D., LeFevre J. A. Cognitive load in hypertext reading: A review // *Computers in Human Behavior*. – 2007. – Vol. 23. – No. 3. – P. 1616–1641.

305. Deci E. L., Ryan R. M. Intrinsic motivation and self-determination in human behavior. – N.Y., 1985. – 371 p.

306. Dixon R. A. Structure and development of metamemory in adulthood // *Journ. of Gerontology*. – 1983. – 38. – P. 682–688.

307. Dirkes M.A. Metacognition: Students in charge of their thinking. *Reaper Review*. – 1985. – 8(2). – P. 96–100. *EJ 329 760*.

308. Dokic J. Seeds of self-knowledge: noetic feelings and metacognition. *Foundations of metacognition*. – Oxford, UK, Oxford University Press, 2012. – P. 302–321.

309. Dong G., Potenza M. N. Short-term Internet-search practicing modulates brain activity during recollection. – *Neuroscience 2016*; 335: 82–90.

310. Dörner D. Self-reflection and problem-solving // *Human and artificial intelligence*. – Berlin, 1978. – P. 101–107.

311. Draganski B., Gaser C., Kempermann G. et al. Temporal and spatial dynamics of brain structure changes during extensive learning. *J. Neurosci* 2006; 26: 6314–7.

312. Dunbar R. I. Do online social media cut through the constraints that limit the size of offline social networks? *R. Soc. Open Sci.* 2016; 3: 150292.

313. Dunning D., Johnson K., Ehrlinger J., Kruger J. Why people fail to recognize their own incompetence. *Curr. Dir. // Psychol. Sci.* – 2003. – Vol. 12. – No. 3. – P. 83–87.

314. Dunlosky J., Bjork R. A. *Handbook of metamemory and memory* // Psychology Press. – 2013. URL: <https://doi.org/10.4324/9780203805503>

315. Dunlosky J., Metcalfe J. *Metacognition*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, Inc., 2009. – 101 p.

316. Dunlosky J., Tauber S. U. K. (ed.). *The Oxford handbook of metamemory*. – Oxford University Press, 2016.

317. Dutta S., Mia I. *The Global Information Technology Report 2010–2011 Transformations 2.0*. World Economic Forum. 2011. URL: <http://www.ictliteracy.info/rf.pdf/GlobalITReport20102011.pdf>.

318. Efklides A. *The Systemic Nature of Metacognitive Experiences*. *Metacognition*. – Boston, MA, Springer US. – 2002. – P. 19–34.

319. Epstein S. Integration of the cognitive and the psychodynamic unconscious // *Am. Psychol.* US: American Psychological Association. – 1994. – Vol. 49. – No. 8. – P. 709.
320. Ferrari M. McBride H. *Mind, Brain and Education: The Birth of a New Science.* – Learning, 2011. – P. 85–100.
321. Firth J., Torous J., Stubbs B., Steiner-Lim G., Smith L., Alvarez-Jimenez M., Gleeson J., Vancampfort D., Armitage C., Sarris J. The “on-line brain”: how the Internet may be changing our cognition. *World psychiatry: official journal of the World Psychiatric Association (WPA)*. 18. 2019. 119–129. 10.1002/wps.20617.
322. Flavell J. H., Miller P. H., Miller S. A. *Cognitive Development.* Third edition. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall 1993. – 441 p.
323. Flavell J. H. *Cognitive monitoring // Children’s oral communication skills.* Academic Press. – 1981. – P. 35–60.
324. Flavell J. H. *Metacognition: answered and unanswered questions.* *Educational Psychology.* – 1989. – V. 24. – P. 143–158.
325. Flavell J. H. *Metacognition and cognitive monitoring: A New Area of Cognitive-Developmental Inquiry // American Psychologist.* – 1979. – № 34/10. – P. 906–911.
326. Fogarty J., Ko A. J., Aung H., Golden E., Tang K. P., Hudson S. E. Examining task engagement in sensor-based statistical models of human interruptibility. In *Proceedings of the SIGCHI Conference on Human Factors in Computing Systems (CHI ‘05).* Association for Computing Machinery. – New York, NY, USA. – 2005. – P. 331–340. URL: <https://doi.org/10.1145/1054972.1055018>
327. Gabor D. *Microscopy by reconstructed wave fronts.* *Proc. Roy. Soc.* 1961, B64. – P. 449–469.
328. Gangemi A., Bourgeois-Gironde S., Mancini F. *Feelings of error in reasoning. – in search of a phenomenon.* *Think. Reason.* – Routledge. – 2015. – Vol. 21. – No. 4. – P. 383–396.
329. Garner R. *Metacognition and Reading Comprehension.* – N.J.: Norwood, Ablex, 1987. – 260 p.
330. Ghiselli E. E. *Intelligence and managerial success // Psychology Report.* – Vol. 121. – 1963. – P. 41–49.
331. Gilster P. *Digital Literacy.* – N.Y.: Wiley Computer Publishing, 1997.
332. Gina J., Figliano F. J., Dozier A. *Using Metacognitive Strategies in the STEM Field.*

333. Giuseppe R., Galimberti C. Towards Cyberpsychology: Mind, Cognition and Society in the Internet Age (Emerging Communication: Studies in New Technologies and Practices in communication, 2001. – 332 p.
334. Gordo-Lopez A. J., Parker I. Cyberpsychology, 1999. – 244 p.
335. Haack V., Halm K., Wagner K.-V. Programmieren also Schematisches Problemlösen // *Z. Psychol.* 1989, 197. – № 3. – S. 217–262.
336. Hamm M. P., Newton A. S., Chisholm A. et al. Prevalence and effect of cyberbullying on children and young people: a scoping review of social media studies. *JAMA Pediatr* 2015; 169: 770–7.
337. Hacker D. J. Metacognition: Definitions And Empirical Foundation [Электронный ресурс] // The University of Memphis. URL: <http://www.psyc.Memphis.edu/trg/meta.htm>.
338. Hart J. T. Methodological note on feeling-of-knowing experiments // *J. Educ. Psychol.*, 1966. – Vol. 57. – No. 6. – P. 347–349.
339. Hartman H. J. Developing students' metacognitive knowledge and skills. *Metacognition in learning and instruction*. – Dordrecht, Springer, 2001. – P. 33–68.
340. Heersmink R., Sutton J. Cognition and the Web: extended, transactive, or scaffolded. *Erkenntnis*. Received: 23 March 2017 / Accepted: 31 May 2018 Springer Nature B.V. 2018.
341. Hultsch D. F., Hertzog C., Small B. J. et al. Use it or lose it: engaged lifestyle as a buffer of cognitive decline in aging? // *Psychol Aging* 1999; 14: P. 245–263.
342. Huntsinger J. R., Clore G. L. Emotion and social metacognition. *Soc. metacognition*. – New York, Psychology Press, 2012. – P. 199–217.
343. Iqbal Shamsi T., Zheng Xianjun Sam, Bailey Brian P. Task-evoked pupillary response to mental workload in human-computer interaction // CHI '04 Extended Abstracts on Human Factors in Computing Systems (CHI EA '04). Association for Computing Machinery, New York, NY, USA, 2004 Pages 1477–480. URL: <https://doi.org/10.1145/985921.986094>
344. Jarman R. F., Vavrik J., Walton R. D. Metacognitive and frontal lobe processes: at the interface of cognitive psychology and neurophysiology // *Genetic, Social, and General Psychology Monographs* 121: 1995. – P. 153–210.
345. Joinson et al. *The Oxford Handbook of Internet Psychology*. – 2007. – 520 p.
346. Joseph, D., Ng, K., Koh, C., Ang, S. Turnover of information technology professionals: A narrative review, meta-analytic structural equation modeling, and model development. *2007 MIS Quarterly*. – 31(3). – 547–577.

347. Kamfer F., Grimm L. Freedom of choice and behavioral change // *J. of Consulting and Clinical Psychol.* – 1978 – 46. – P. 41–48.
348. Karpov A. V. The structure of reflection as the basis of the procedural organization of consciousness // *Psychology in Russia: State of the Art.* – 2015. – Vol. 8. – N. 3. – P. 17–27.
349. Karpov A. V., Karpov A. A. The interconnection of learning ability and the organization of metacognitive processes and traits of personality // *Psychology in Russia: State of the Art.* – Vol. 10. – Issue 1, 2017. – Pp. 67–79.
350. Kluwe R. H. Cognitive Knowledge and executive control: Metacognition // D. R. Griffin (Ed.). *Animal mind-human mind.* – New York: Springer-Verlag. – 1982. – P. 201–204.
351. Kolb S. K. *Metacognition Metaphors.* – N. Y., 1995. – 185 p.
352. Koriat A. Conscious and Unconscious Metacognition: A Rejoinder // *Consciousness and Cognition.* – 9. – 2000. – P. 193–202.
353. Kruger J., Dunning D. Unskilled and Unaware of It: How Difficulties in Recognizing One's Own Incompetence Lead to Inflated Self-Assessments // *Journ. of Pers. and Social Psychology.* – 77 (6). – 1999. – Pp. 11–34.
354. Kühn S., Gallinat J. Brains online: structural and functional correlates of habitual Internet use. *Addict Biol* 2015; 20: 415–22.
355. Lefebvre-Pinard M. Understanding and auto-control of cognitive functions // *International journal of behavioral development.* – Vol. 6. – 1995. – P. 15–35.
356. Levy R. Aging-associated cognitive decline. *Int. Psychogeriatr* 1994; 6: P. 63–8.
357. Lewis K., Herndon B. Transactive memory systems: current issues and future research directions. *Organ. Sci.* 2011; 22: 1254–65.
358. Liang D. W., Moreland R., Argote L. Group versus individual training and group performance: the mediating role of transactive memory. *Pers. Soc. Psychol. Bull.* 1995; 21: 384–93.
359. Lindberg T., Noweski C., Meinel C. Evolving discourses on design thinking: how design cognition inspires meta-disciplinary creative collaboration // *Technoetic Arts: A Journal of Speculative Research.* – 2010. – T. 8. – № 1.
360. Livingstone S., Haddon L., Görzig A. (Eds.). *Children, risk and safety on the Internet: Research and policy challenges in comparative perspective.* Bristol: The Policy Press, 2012.
361. Loh K. K., Kanai R. Higher media multi-tasking activity is associated with smaller gray-matter density in the anterior cingulate cortex. *PLoS One* 2014; 9: e106698.

362. Loh K. K., Kanai R. How has the Internet reshaped human cognition? *Neuroscientist* 2016; 22. – P. 506–20.

363. Lomäki L., Lakkala M., Kantosalo A. What is digital competence? // *Linked portal*. Brussels: European Schoolnet (EUN), 2011. P. 1–12.

364. Lui K. F., Wong A. C. Does media multitasking always hurt? A positive correlation between multitasking and multisensory integration. *Psychol. Bull Rev* 2012; 19: 647–53.

365. Mangan B. B. *Meaning and the Structure of Consciousness: An Essay in Psycho-Aesthetics*. – Berkeley, University of California, 1991. – 346 p.

366. Mangan B. *Taking Phenomenology Seriously: The “Fringe” and Its Implications for Cognitive Research*. *Conscious. Cogn. Academic Press*. – 1993. – Vol. 2. – No. 2. – P. 89–108.

367. Mariano G., Figliano F., Dozier A. *Using Metacognitive Strategies in the STEM Field*. – DOI: 10.4018/978-1-5225-2218-8.ch012

368. Martin A., Madigan D. (Eds.). *Digital literacies for learning*. – L.: Facet, 2006.

369. Martin-Perpina M. M., Poch F. V., Cerrato S. M. Media multitasking impact in homework, executive function and academic performance in spanish adolescents // *Psicothema*. – 2019. – Vol. 31. – № 1. – P. 81–87. – Doi. org/10.7334/psicothema2018.178

370. Maund J. B. *Colours: Their Nature and Representation*. – Cambridge: CUP, 1995. – 247 p.

371. Maustakas G. *Theory and Method of Phenomenological Research*. – New York: Press. 1998. – 256 p.

372. May K. E., Elder A. D. Efficient, helpful, or distracting? A literature review of media multitasking in relation to academic performance // *International journal of educational technology in higher education*. – 2018. – Vol. 15. – № 1. – P. 2–17. Doi: org/10.1186/s41239-018-0096-z

373. McCulloch W. C. A Hierarchy of Values Determined by the Topology of Nervous Nets. *Bulletin of Mathematical Biophysics*. – 1945. – No.7. – P. 89–93.

374. *Metacognition: Cognitive and Social Dimensions*. Ed. by V. Yzerbyt. – SAGE Publications, 2002. – 253 p.

375. Metcalfe J. Kober H. Self-reflective consciousness and the projectable self. In H.S. Terrace, J. Metcalfe (Eds.), *The Missing Link in Cognition: Origins of Self-Reflective Consciousness*. – Oxford, UK: Oxford University Press, 2005. – P. 57–83.

376. Metcalfe J., Dunlosky J. *Metamemory*. – New York, Elsevier Ltd., 2008. – P. 351–360.
377. Metcalfe J., Shimamura A. P. (Eds.). *Metacognition: Knowing about Knowing*. – Cambridge, MA: MIT Press. 1994. – 323 p.
378. Metcalfe J. Evolution of metacognition. In J. Dunlosky, R. Bjork (Eds.), *Handbook of Metamemory and Memory*. – New York: Psychology Press, 2008. – P. 29-46.
379. Miner A. C., Reder L. M. A new look at feeling of knowing: Its metacognitive role in regulating question answering. *Metacognition: Knowing about knowing*. – Cambridge, MA, MIT Press, 1994. – P. 47–70.
380. Moisala M., Salmela V., Hietajärvi L. et al. Media multitasking is associated with distractibility and increased prefrontal activity in adolescents and young adults. *NeuroImage* 2016; 134: 113–21.
381. Monica T. W., Young G. *Cyberpsychology: The Study of Individuals, Society and Digital Technologies*. BPS Blackwell. 2016. – 264 p.
382. Moscovitch M., Rosenbaum R. S., Gilboa A. et al. Functional neuroanatomy of remote episodic, semantic and spatial memory: a unified account based on multiple trace theory. *J. Anat.* 2005; 207: 35–66.
383. Mossberger K., Tolbert C. J., McNeal R. S. *Digital citizenship: The internet, society, and participation*. – Cambridge, MA: MIT Press, 2008.
384. Nelson T., Narens L. A new technique for investigating the feeling of knowing // *Acta Psychologica*. – 1980. – 46. – P. 69–90.
385. Nelson T. O. Consciousness and metacognition // *American Psychologist*. – 1996. – № 51. – P. 102–116
386. Ophir E., Nass C., Wagner A. D. Cognitive control in media multitaskers. *Proc Natl Acad Sci* 2009; 106: 15583–7.
387. Parsons T. D. *Cyberpsychology and the Brain: The Interaction of Neuroscience and Affective Computing*, 2017. – 46 p
388. Paris S. G. *Reading Strategies, Metacognition and Motivation*. – N. Y., 1988. – 343 p.
389. Perfect T. J., Schwartz B. L. *Applied Metacognition*. – Cambridge, CUP, 2002. – 220 p.
390. Pilot A. *Metacognition in Higher Education*. Twente University Press, 2021 – 154 p.
391. Price M. C., Norman E. Intuitive decisions on the fringes of consciousness: Are they conscious and does it matter? *Judgm. Decis. Mak.* – 2008. – Vol. 3. – No. 1. – P. 28–41.

392. Pintrich P. R. The Role of Metacognitive Knowledge in Learning, Teaching, and Assessment // *Theory into Practice*. – Vol. 41. – № 4. – 2002. – P. 219–229.
393. Power A., Kirwan G. *Cyberpsychology and New Media: A thematic reader*, – 2013. – 264 p.
394. Prensky M. Digital natives, digital immigrants part 1. *On the Horizon* 2001; 9: 1–6.
395. Purcell K., Rainie L., Heaps A. et al. How teens do research in the digital world. Pew Research Center. – November 1. – 2012.
396. Ralph B. C., Thomson D. R., Cheyne J. A. et al. Media multitasking and failures of attention in everyday life. *Psychol Res* 2014; 78: 661–9.
397. Reber R., Schwarz N. Effects of Perceptual Fluency on Judgments of Truth. *Conscious.* – *Cogn.*, 1999. – Vol. 8. – No. 3. – P. 338–342.
398. Reder L. M. (Ed.). *Implicit Memory and Metacognition*. – Mahwah. – NJ: Lawrence Erlbaum Associates. 1996. – 200 p.
399. Rosch E. et al. Basic objects in natural categories // *Cognitive Psychology*. – Vol. 81. – 1976. – P. 390–398.
400. Rosen L. *Parenting the net generation*. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2007.
401. Scheier M., Carver C. Goal and Confidence as SelfRegulatory Elements Underlying Health and Illness Behavior // L. D. Cameron, H. Leventhal (Eds.). *The selfregulation of health and illness behavior*. – N.Y.: Routledge.
402. Schraw G. G., Dennison R. S. Assessing metacognitive awareness // *Contemporary Educational Psychology*. – 1994. – 19(4). – 460–475.
403. Schraw G., Moshman D. Metacognitive theories // *Educational Psychology Review*. – Vol. 7. – 1995. – P. 351–371.
404. Schwartz B. L. *Tip-of-the-Tongue States: Phenomenology, Mechanism, and Lexical Retrieval*. – Mahwah, N.J.: Erlbaum, 2002. – 307 p.
405. Shannon S. V. Using Metacognitive Strategies and Learning Styles to Create Self-Directed Learners // *Institute for Learning Styles Journal*. – 1(1). – 14–28.
406. Simon H. A. *Administrative behavior*. – New-York, 1947. – 236 p.
407. Small B. J., Dixon R. A., McArdle J. J. et al. Do changes in lifestyle engagement moderate cognitive decline in normal aging? Evidence from the Victoria Longitudinal Study. *Neuropsychology* 2012; 26: P. 144–55.

408. Small G., Vorgan G. iBrain: Surviving the Technological Alteration of the Modern Mind. – N.Y.: Harper Collis, 2009. – 255 p.

409. Sparrow B., Liu J., Wenger D. M. Google effects on memory: Cognitive consequences of having information at our fingertips // *Science*. – 2011. – Vol. 333. – No. 6043. – P. 776–778.

410. Sungkhasettee V. W., Friedman M. C., Castel A. D. Memory and metamemory for inverted words: Illusions of competency and desirable difficulties // *Psychonomic bulletin & review*. – 2011. – T. 18. – №. 5. – C. 973–978. DOI 10.3758/s13423-011-0114-9

411. Theresen C. E., Mahoney H. J. Behavioral self-control. – N. Y., 1974. – 242 p.

412. Tobias S., Everson H. T. Knowing What You Know and What You Don't: Further Research on Metacognitive Knowledge Monitoring (Research Report N. – N. Y. The College Board. – 2002. – P. 25–30.

413. Tulving E. Madigan E. Memory and Consciousness // *Review of Psychology*. – Vol. 26. – 1972. – P. 1–12.

414. Veenman, M. V. J. Metacognition and Learning: Conceptual and Methodological Considerations. Springer, 2016. 1(1): 3–14

415. Velmans M. Understanding consciousness. – London, Rutledge, 2000. – 308 p.

416. Ward A. F. Supernormal: how the Internet is changing our memories and our minds. *Psychol Inq* 2013; 24: 341–8.

417. Wegner D. M. Transactive memory: a contemporary analysis of the group mind. In: B Mullen, GR

418. Wegner D. M., Ward A. F. The internet has become the external hard drive for our memories. *Sci Am* 2013; 309: P. 58–61.

419. Wellman H. M. Metamemory revised // *Contributions to human development*. – 1983. – Vol. 9. – P. 31–51.

420. Wyeld T., Calder P., Shen H. Computer-Human Interaction. Cognitive Effects of Spatial Interaction, Learning, and Ability. Springer, 2013.

421. Yang C., Sun B., Shanks D. R. The anchoring effect in meta-memory monitoring // *Memory & Cognition*. – 2018. – T. 46. – №. 3. – P. 384–397.

422. Yaniv I., Meyer D. E. Activation and metacognition of inaccessible stored information: potential bases for incubation effects in problem solving // *J. Exp. Psychol. Learn. Mem. Cogn.* – 1987. – Vol. 13. – No. 2. – P. 187–205.

423. Yehudit J. Dori. Z. R. Mevarech, Dale R. Cognition, Metacognition and Culture in STEM Education, Innovations in Science Education and Technology. Learning, Teaching and Assessment. Springer International Publishing AG 2018.

424. Yeykelis L., Cummings J. J., Reeves B. Multitasking on a single device: arousal and the frequency, anticipation, and prediction of switching between media content on a computer. *J. Commun.* 2014; 64: 167–92.

425. Youn J. H. et al. Multi-strategic memory training with the meta-memory concept in healthy older adults // *Psychiatry investigation*. – 2011. – T. 8. – № 4. – С. 354. – [Doi.org/10.4306/pi.2011.8.4.354](https://doi.org/10.4306/pi.2011.8.4.354)

426. Zhou F., Montag C., Sariyska R. et al. Orbitofrontal gray matter deficits as marker of Internet gaming disorder: converging evidence from a cross-sectional and prospective longitudinal design. *Addict Biol* 2019; 24: P. 100–9.

427. Zourrig H. Smartphone-Based Virtual Reality as an Immersive Tool for Teaching Marketing Concepts (Kent State University at Stark, USA). *International Journal of Innovative Teaching and Learning in Higher Education (IJITLHE)* 2(1). DOI: 10.4018/IJITLHE.20210101.0a3

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Информационная деятельность как предмет психологического исследования	13
1.1. Логика становления субъектно-информационного класса деятельности	13
1.1. Психологическая характеристика информационной деятельности	41
1.3. Методологические основы исследования информационной деятельности	162
Глава 2. Методологические и теоретические основы структурного исследования	183
2.1. Постановка проблемы	183
2.2. Гносеологические и общенаучные аспекты понятия структуры	187
2.3. Специфика структурного исследования деятельности	232
2.4. Метасистемный подход к реализации структурного исследования	278
Глава 3. Методологические основы исследования метакогнитивной регуляции информационной деятельности	326
3.1. Постановка проблемы исследования	326
3.2. Структурная организация информационной деятельности	329
3.2.1. Парадигмальные основания исследования структурной организации информационной деятельности	329
3.2.2. Проблема единиц анализа информационной деятельности ...	340
3.2.3. Компетентностный подход к экспликации структурно-уровневой организации информационной деятельности	348
3.2.4. Микроструктурная организация компетенций информационной деятельности	359
3.2.5. Характеристика процедуры психологического анализа информационной деятельности	378
3.3. Общепсихологические аспекты метакогнитивной регуляции деятельности	390
3.3.1. Метакогнитивная сфера личности как общепсихологический концепт	390
3.3.2. Метасистемный подход как основа исследования метакогнитивной сферы личности в информационной деятельности ..	407

Глава 4. Структурная организация метакогнитивной регуляции	
информационной деятельности	422
4.1. Постановка проблемы исследования	422
4.2. Метасистемный уровень организации метакогнитивной	
сферы личности	425
4.3. Общесистемный уровень организации метакогнитивной	
сферы личности	438
4.4. Субсистемный уровень организации метакогнитивной	
сферы личности	472
4.4.1. Психологический анализ информационной деятельности	
как основа определения состава и содержания субсистемного	
уровня организации метакогнитивной сферы личности	472
4.4.2. Структурная организация субсистемного уровня	
метакогнитивной сферы личности в информационной деятельности ..	501
4.5. Компонентный уровень организации	
метакогнитивной сферы личности	522
4.6. Элементный уровень организации метакогнитивной	
сферы личности	543
4.6.1. Сущность элементного уровня организации	543
4.6.2. Механизм операционной обратимости	553
4.6.3. Механизм операндной обратимости	562
4.6.4. О понятии темпоральной системности	589
4.7. Метакогнитивная сфера личности	
в структурной организации деятельности	600
Глава 5. Методические аспекты исследования метакогнитивной	
регуляции информационной деятельности	617
5.1. Проблема метода в структуре метакогнитивизма	617
5.2. Разработка комплексного опросника метакогнитивного	
потенциала	650
5.3. Методики исследования метакогнитивных детерминант	
информационной деятельности	706
5.3.1. Методика «деятельностного зондирования»	710
5.3.2. Методика «стилевой дифференциации»	716
5.3.3. Методика «рефлексивного расслоения»	718
5.3.4. Методика «факторных декомпозиций»	722
Заключение	729
Список литературы	785

Научное издание

**Карпов Анатолий Викторович
Карпов Александр Анатольевич**

Структура метакогнитивной регуляции информационной деятельности

Монография

Авторская редакция

Оригинал-макет разработан
издательским бюро «Филигрань»

Подписано в печать .10.22. Формат 60x90 1/16.
Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 51,00.
Тираж 80 экз. Заказ № 22124.

Отпечатано в типографии ООО «Филигрань»
150049, г. Ярославль, ул. Свободы, д. 91.
pechataet.ru